

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LIII

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ Л И И

1893

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1893

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮЛЬ, 1893 г.

	СТР.
I. Подъ неотразимой десницей. Историческій романъ. Часть третья. I—VI. (Продолженіе). П. Н. Полеваго	5
II. Воспоминанія В. А. Полторацкаго. XIV—XV. (Продолженіе)	31
III. Атаманъ Купчинскій. (Разсказъ изъ временъ Анны Иоанновны). С. Н. Брајловскаго	56
IV. Воспоминанія В. Н. Погожева. VI—X. (Продолженіе)	84
V. Очерки Москвы. XVII—XIX. (Продолженіе). Д. А. Покровскаго	112
VI. Первые опыты училищнаго дѣла въ Тамбовскомъ краѣ. И. И. Дубасова	142
VII. Противникъ Петра Великаго. А. Н. Петрова	168
VIII. Историческіе памятники въ г. Царскомъ Селѣ. Н. Л. Ширяева	183
IX. Буйный калмыкъ. Разсказъ изъ Ростовской старины. А. А. Титова	193
X. Изъ воспоминаній о Японіи. XVII. (Продолженіе). Женщины-врача А. А. Черевковой	202
Иллюстраціи: 1) Священное озеро Чуэзенжи и гора Нантай-запъ.—2) Бронзовые фонари на одномъ изъ дворовъ храма شوгуна Іеазу.—3) Могила Іеазу.	
XI. Бритика и библиографія	223
1) А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Томъ VI. Спб. 1892. Д. Корсакова.—2) В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Томъ второй. Власти. Спб. 1893. В. Латкина.—3) Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Критическое изслѣдованіе Михаила Корелина. Москва. 1892. Л.—4) Очеркъ холерной эпидеміи 1892 года въ Нижегородской губерніи. Изданъ Нижегородской губернской санитарно-исполнительной комиссіей подъ редакціей доктора С. И. Зеленко. Нижній Новгородъ. 1893. А. Л.—5) Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ Россійской имперіи съ библиографическимъ указателемъ. Т. I и II. Составилъ и издалъ В. В. Звѣринскій. Спб. 1890—1892. В. Б.—6) Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее. Очеркъ Н. В. Латкина. Спб. 1892. А. О.—7) Переключка альманахамъ. Матеріалы для библиографіи русскихъ литературныхъ альманаховъ и сборниковъ конца XVIII и первой половины XIX столѣтія. (Съ 1794 по 1850 г.). Составилъ въ селѣ Глѣбовѣ Подольской губерніи графъ Е. Путятинъ. Новая Ушица. 1893. Е. Г.—8) Жизнь и труды М. И. Погодина. Николая Барсукова. Книга седьмая. Спб. 1893. Т. Р. Б.—9) Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать восьмая. Переписка князя М. С. Воронцова съ графами П. Д. Киселевымъ, С. С. Уваровымъ, С. В. Сафоновымъ и другими лицами. М. 1892. С. А.—ва.	
XII. Историческія мелочи	240
1) Королевскія кости въ Луврѣ.—2) День Людовика XIV въ Версалѣ.—3) Дѣтство и юность Давтона.—4) Русская политика въ 1830 и 1848 гг.—5) Критическая минута на Шипкѣ.—6) Статуя перваго французскаго журналиста Ренодо.	
XIII. Загравичныя историческія новости	254
XIV. Смѣсь	261
1) Двадцатипятилѣтіе славянскаго петербургскаго общества.—2) Закладка памятника Александру II въ Кремлѣ.—3) Актъ въ археологическомъ институтѣ.—4) Двадцатипятилѣтняя годовщина ваятія Самаркандъ.—5) Некрологи: Н. Н. Голицынъ; А. И. Предтеченскій; Я. М. Невѣровъ; Я. К. Гротъ; М. И. Городецкій.	
XV. Забѣтки и поправки	270
1) Письмо въ редакцію. С. Яковлева.—2) Къ статьѣ г. Покровскаго. П. Ильина.	
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Карла XII.—2) Дворъ Карла IV. (La corte de Carlos IV). Историческій романъ Переса Гальдоса. Переводъ съ испанскаго Е. И. Уманецъ. I—VIII.—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.	

КАРЛЪ XII.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СЛЪ. 25 ЮЛЯ 1893 Г.

ПОДЪ НЕОТРАЗИМОЙ ДЕСНИЦЕЙ ¹⁾.

Il y a dans le coeur humain des abîmes impossibles à sonder... En présence de ces abîmes, l'histoire s'arrête effrayée: Dieu seul peut les juger avec équité...

(Mém. du prince P. Dolgoronky, 39).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

ПЕМНАЯ июльская ночь уже опустилась на заснувший Петербургъ и плотно окутала его своимъ мрачнымъ пологомъ. Небо, заволоченное густыми облаками, тяжелымъ сводомъ опускалось надъ низкими берегами Невы, неслышно и незримо катившей между ними свои быстрыя волны. Ни звѣздочки нигдѣ не мерцало на этомъ сводѣ... Всюду тьма и тьма... Лишь изрѣдка вспыхивавшія по краямъ неба зарницы на мгновение освѣщали суровые бастионы и рavelины Петропавловской крѣпости съ недостроеннымъ надъ нею шпилемъ собора, ряды низенькихъ, приземистыхъ домиковъ, тѣсвившихся по бокамъ пустыхъ, широкихъ улицъ, и зубчатую линію лѣса, отовсюду еще близко подступавшаго къ пресловутому «парадизу»... И нигдѣ ни звука... Изрѣдка только доносился съ окраинъ города лай собакъ, да протяжное, душу надрывающее «слу-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LII, стр. 595.

ша-а-ай» часовыхъ жалобнымъ стономъ поднималось и замирало на бастіонахъ крѣпости...

— Экъ ихъ воютъ, словно голодные волки накануне Егорья!— ворчалъ, прислушиваясь къ этому оклику, старый, бородатый гребецъ, налегая на весла легкой, востроносой лодочки, которая быстро скользила внизъ по теченію Невы, мимо крѣпости.

Молчаливый и угрюмый господинъ, закутанный въ черный плащъ и небрежно развалившійся на скамьѣ у кормы лодки, ничего не отвѣтилъ на эти восклицанія лодочника и только замѣтилъ сурово:

— Смотри, не наткнись тутъ на судно какое, много ихъ тутъ постоянно стоитъ на якорѣ подъ берегомъ.

— Небось, не наткнемся! Суда всѣ наизусть знаю!.. А тутъ за крѣпостью-то куда прикажешь?

— Минуй Невку, да вдоль Васильева острова спустись до Меншиковскихъ палатъ.

— Къ самымъ княжимъ палатамъ?—переспросилъ, не безъ нѣкотораго сомнѣнія, лодочникъ, оставляя на минуту одно весло, чтобы почесать въ затылкѣ. — Въ эфту пору туда пристать бѣда! Отъ сторожей какъ разъ по шеѣ попадетъ.

— Попусту не болтай, не знаючи,—спокойно замѣтилъ угрюмый господинъ.—Знаю, что приказываю.

Лодочникъ снова принялся за весла и сталъ усердно работать ими, стараясь уклониться вправо, ближе къ среднему теченію Невы, чтобы избѣгнуть сильнаго теченія въ Невку, потомъ опять сталъ забирать лѣвѣе, къ берегу Васильевского острова, вдоль котораго, сторожливо оглядываясь назадъ, спустился къ самой пристани Меншиковскихъ палатъ, темною массою выступавшей изъ воды около берега, обшитаго толстыми бревнами и усаженнаго алейкой стриженныхъ деревьевъ.

— Кто идетъ? — крикнулъ сверху пристани чей-то грубый голосъ, едва только плескъ весель подплывавшей лодки раздался около сходни.

— Свой,—кратко отвѣчалъ господинъ, сидѣвшій въ лодкѣ.

— Свой? А пароль знаешь-ли? — переспросилъ тотъ же голосъ, и слышно было, какъбрякнуло ружье, переложенное съ руки на руку.

— *Богъ моя надѣжа*,—проговорилъ въ полголоса господинъ, поднимаясь по сходнѣ и пробираясь между двоихъ часовыхъ, стоявшихъ у входа на пристань.

Часовые пропустили его молча, между тѣмъ какъ лодочникъ, которому господинъ мимоходомъ сунулъ деньги въ руку, спѣшилъ оттолкнуться отъ пристани.

Также спокойно и увѣренно господинъ въ темномъ плащѣ подошелъ и къ рѣшеткѣ княжаго сада, вынулъ изъ кармана ключъ,

отперъ имъ небольшую боковую калиточку и, никого не тревожа, никому изъ княжеской челяди не попадаясь на глаза, пробрался узенькой потайной лѣсенкой къ тому покойчику около опочивальни, въ которомъ давно уже и нетерпѣливо ожидалъ его самъ сѣятельнѣйшій князь Александръ Даниловичъ.

Да! Князь Меншиковъ, этотъ всемогущій, всеильный и гордый «изъ вельможъ вельможа», этотъ излюбленный баловень судьбы, давно и нетерпѣливо ожидалъ прихода очень неважнаго и небольшого человѣчка, который былъ ему нуженъ въ данную минуту... Для свиданія съ нимъ онъ жертвовалъ своимъ ночнымъ покоемъ, который былъ ему необходимъ послѣ утомительно-тяжкаго дня, проведеннаго въ придворной средѣ, въ суетахъ и заботахъ о разныхъ дѣлахъ, порученныхъ ему зоркимъ и неумолимо-строгимъ царемъ Петромъ... И вотъ, въ тревожномъ ожиданіи желаемаго свиданія, не смотря на поздній часъ ночи, онъ быстрыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по укромному покойчику около опочивальни, чутко прислушиваясь къ каждому шороху, пріостанавливаясь у дверки, выходящей на потайную лѣсенку...

Дѣло въ томъ, что нѣсколько времени тому назадъ сѣятельнѣйшій князь задался смѣлымъ, очень смѣлымъ, даже дерзновеннымъ планомъ, долго и тонко обдумывалъ его на всѣ лады, наконецъ увлекся имъ до полного самозабвенія, и вотъ сегодня, именно сегодня, черезъ довѣреннѣйшее и ближайшее къ нему лице, черезъ своего домашняго секретаря Абрама Веселовскаго, долженъ былъ получить важныя, необходимыя свѣдѣнія...

— И куда онъ запропастился, чортъ бы его побралъ! — бормоталъ про себя князь, широко и быстро шагая изъ угла въ уголъ покойчика. — Всегда такой онъ точный, порядливый и ловкій въ дѣлахъ, — и вдругъ такъ запоздалъ! Ужъ не случилось ли съ нимъ чего? Да нѣтъ, этотъ ни себя, ни другихъ не выдастъ?

Стараясь себя такимъ образомъ успокоить, князь все же тревожно поглядывалъ на тяжелую золотую луковницу, то вынимая, то вновь опуская ее въ боковой карманъ камзола.

— А времени терять некогда! — продолжалъ думать князь. — Съ этимъ дѣломъ надо порѣшиться... Съ царицей я ужъ сговорился — заодно пойдемъ... Она Петра готовитъ будетъ, вооружать и опасенья возбуждать въ немъ, и тревоги... И если только у царевича родится сынъ... Съ нимъ самимъ тогда поскорѣе покончить надо... Царь все болѣетъ и, того и гляди, оставитъ царицу вдовою... Куда мы съ нею дѣнемся тогда? Гдѣ голову приклонимъ... Отъ царевича и всей его роденьки не будетъ намъ пощады... Надо все, все сдѣлать, чтобы ему подставить ногу — зачеканить его въ желѣза!..

И глаза князя, красивые и умные, загорались ненавистью при

этихъ страшныхъ мысляхъ; а тонкія губы его кривила злобная улыбка... Звѣрскій, безпощадный, безпримѣрный по двоедушію и лукавству замысль зрѣлъ въ головѣ его и складывался въ какое-то чудовищное цѣлое...

Легкій стукъ заставилъ его вздрогнуть и оторваться отъ своихъ черныхъ думъ... Онъ быстро подошелъ къ потайной дверкѣ, ловко скрытой за ковромъ, висѣвшимъ на стѣнѣ, откинулъ коверъ, отомкнулъ дверь и впустилъ Абрама Веселовскаго.

— Ну? Что же? Ключеть?—быстро спросилъ онъ вошедшаго, едва успѣвъ замкнуть дверь и затянуть ее ковромъ.

Веселовскій—мужчина лѣтъ 35-ти, высокій, худощавый и блѣдный—чуть-чуть приподнялъ свои тонкія брови, прищурилъ глаза и, проведя рукою по гладко выбритому, острому подбородку, проговорилъ не слѣша:

— Кажется... какъ будто... и ключеть...

— А!.. У тебя и слова сегодня не лѣзутъ съ языка!—нетерпѣливо крикнулъ князь и вдругъ сдержался, сообразивъ, что ничего еще не успѣлъ узнать отъ своего довѣреннаго.

— Рассказывай скорѣе, что успѣлъ тамъ сдѣлать,—проговорилъ онъ спокойнѣе, опускаясь въ кресло и готовясь слушать.

— Все исполнилъ по приказу твоему, сіятельнѣйшій князь,—почтительно и спокойно отвѣчалъ Веселовскій.—Прикинулся тебѣ противнымъ, лукавымъ рабомъ и сталъ предъ Кикинымъ Александромъ превозносить царевича и небылицы всякія о тебѣ скачивать... Будто ты у царя въ немилость впалъ и за себя опасаться начинаешь, и будто въ милость къ царевичу норовишь попасть...

— Ну, ну! Это все такъ, такъ, какъ по списанному!—твердилъ князь, слушая своего секретаря и какъ бы побуждая его къ ускоренію рѣчи.

— А тамъ ужъ, какъ увидѣлъ, что Кикинъ сталъ весело хотать, и руки потирать и приговаривать: «отольются кошкѣ мышинныя слезки», относя сіе къ твоей милости... Я и сталъ ему, подъ самой строгой клятвой, говорить, что отъ разныхъ высокихъ персонъ и отъ тебя сіятельнѣйшаго довелось мнѣ слышать, будто бы царь затѣваетъ новую грозу поднять на сына-царевича, будто бы въ тайнѣ и указъ ужъ заготовилъ о лишеніи его наслѣдства, на случай, если у царицы родится сынъ...

— Ну, хорошо! Ну, дальше, дальше!—торопилъ князь.

— Тутъ ужъ Кикинъ разсвирѣпѣлъ, вскочилъ съ мѣста, да какъ забѣгаетъ по комнатѣ... Глаза горять, что уголья, трясется весь и кулакомъ грозится, и кричить: «мы не дозволимъ! мы не дадимъ!»—ни дать, ни взять какъ польскіе буяны-шляхтичи на сеймикахъ своихъ. И-и—занесся!.. А я его давай холодной водой окачивать, да говорить, что съ царскимъ величествомъ гдѣ-же тягаться! Выдастъ указъ, велитъ исполнить—и кто же ему по-

смѣть перечить! А вотъ, говорю, есть другое средство, понадежнѣе и повѣрнѣе... Онъ въ меня такъ и впился, какъ клещъ! «Какое, говоритъ, какое средство?» — Я и говорю: отъѣхать въ въ инья государства—искать защиты у европейскихъ государей. Кикинъ за это тотчасъ ухватился... — «Вотъ, говоритъ, вѣдь мы съ тобою въ одно слово! Я ужъ давно о томъ же твержу его высочеству, да все не въ прокъ! У батюшки моего, говоритъ, руки долгиа—вездѣ меня достанетъ»... Ну, тутъ я господину Кикину, по секрету, и сообщилъ, что я молъ скоро службу у тебя покину и въ Вѣну резидентомъ посланъ буду; такъ просилъ его царевичу замолвить словечко обо мнѣ, что я молъ всегда готовъ служить ему, какъ вѣрный рабъ, и если бы онъ задумалъ удалиться въ Цесарію, тамъ все къ его услугамъ будетъ уготовано и...

— Молодецъ!—воскликнулъ князь Меншиковъ, перебивая монотонную рѣчь своего секретаря.—Видно, что не даромъ ты у господъ езовитовъ обучался! Отлично обладилъ дѣло и такого напустилъ туману, что, пожалуй...

Князь не договорилъ, какъ бы опасаясь закончить свою мысль, но Веселовскій его отлично понялъ и добавилъ:

— Пожалуй, что и попадутся въ тенета. Особенно господинъ Кикинъ, тотъ какъ разъ головою впередъ сунется и другихъ за собою потянетъ... Ужъ теперь къ нему попало въ голову! Я его знаю: объ этомъ только и говорить, и думать будетъ... И я, признаться, даже нѣкоторою осторожностью не пренебрегъ: просилъ его, чтобы, когда въ случаѣ будетъ, не забылъ и обо мнѣ словечко замолвить у царевича... Хе, хе!

— Ну, а онъ-то что же сказалъ на это?—съ снисходительной и милостивой улыбкой спросилъ князь.

— А онъ мнѣ обѣщаль... Похлопочи, молъ, не забудемъ твоихъ услугъ... Хе, хе!

— Ну, ну, и похлопочешь... Похлопочешь... Будутъ тобой довольны!—сказалъ князь, сурово хмурия брови и поднимаясь съ мѣста.

Веселовскій понялъ, что надо удалиться, и сталъ раскланиваться.

— Молодецъ! Много доволенъ тобой,—сказалъ ему одобрительно Меншиковъ.—Готовься черезъ три дня къ отъѣзду и помни, что прежде, чѣмъ Кикину удастся тебя въ вельможи произвести, я не оставлю тебя за вѣрную службу своими милостями.

Веселовскій быстро сдѣлалъ два шага къ князю, съ величайшимъ уничиженіемъ поцѣловалъ дважды протянутую ему руку; затѣмъ, отвѣшивая низкіе поклоны, сталъ пятиться къ потайной дверкѣ и скрылся за приподнятымъ ковромъ.

Князь замкнулъ за нимъ дверь, прикрылъ ее ковромъ попрежнему и, собираясь удалиться въ опочивальню, задумался:

— Теперь, чтобъ отвести глаза, побольше надо съ царевичемъ и съ кронпринцессой его любезничать; и о господинѣ Кикинѣ

напомню государынѣ — пусть похлопочетъ о возвращеніи ему имѣній его, конфискованныхъ въ казну за прежнія его дѣла... Пусть покрасуется, старый пріятель мой!.. Недолго ужъ ему и красоваться...

И та же злобная, тонкая, полная ненависти улыбка появилась на губахъ лукаваго, безсердечнаго князя...

II.

Конецъ августа 1715 года былъ холодный и дождливый. Среди дождей, холодовъ и тумановъ незамѣтно наступила осень, въ тотъ годъ очень ранняя и замѣчательно ненастная. Солнце почти не показывалось на небѣ по цѣлымъ недѣлямъ; холодные и рѣзкіе вѣтры нагоняли съ моря непроглядную мглу тумана, сквозь которую, какъ сквозь сито, моросилъ съ утра и до ночи мелкій, мелкій дождикъ. Болѣзней въ городѣ всевозможныхъ развелось такъ много, что почти не было дома, не было семьи, въ которыхъ бы не было больныхъ. Болѣлъ не только рабочій людъ, не только низшіе, бѣдные слои столичнаго населенія; но и средніе, и богатые, и высшіе его классы: переболѣли многіе вельможи, въ томъ числѣ и сіятельнѣйшій князь Меншиковъ, и даже самъ Петръ, простудившійся на работахъ по сооруженію новыхъ укрѣпленій въ Шлиссельбургѣ, гдѣ царь довольно часто бывалъ въ послѣднее время.

— И осень-то ненастная, и царь-то пасмурный такой, ей же подѣ стать! — говорили шепотомъ при дворѣ и въ городѣ.

— Недомогаетъ онъ, что-ли, или по другой причинѣ гнѣвъ въ себѣ держитъ... А только бѣда! Подступу къ нему не стало!

Въ поясненіе къ гнѣвному настроенію царя многими придумывались разныя, болѣе или менѣе правдоподобныя гипотезы; слуховъ зловѣщихъ носилось множество, и между ними особенно держался слухъ о томъ, что «грозы большой» слѣдуетъ ждать именно къ тому дню, когда кронпринцессѣ «Богъ разрѣшеніе дастъ».

— Не дай Богъ, коли она сыномъ разрѣшится, да и государынѣ тоже Богъ сына пошлетъ! О-о-охъ, что тогда и будетъ! — говорили многіе и при большомъ и при маломъ дворѣ.

— Что же такое произойти можетъ? — спрашивали другіе съ недоумѣніемъ.

— А вотъ увидите, что на царевича всякія бѣды просыплются!

— На царевича? Да на него-то за что? Онъ-то чѣмъ виноватъ будетъ, коли сынъ у него родится? На все Божія воля.

— Божья-то воля сама по себѣ; а коли что въ ущербъ царю Петру учинится, и онъ за своей волей не постоитъ!

И всѣ почему-то съ большимъ нетерпѣніемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ выжидали разрѣшенія кронпринцессы и госу-

дарыни Екатерины, которыя обѣ находились въ тягости и переживали послѣднія недѣли беременности.

Наконецъ, 12-го октября, громъ пушекъ, раздавшійся съ бастионовъ Петропавловской крѣпости, возвѣстилъ жителямъ столицы о радостномъ событіи: о рожденіи сына Петра у царевича Алексѣя.

Не успѣли еще улечься то волненіе, та суматоха и общій переполохъ, которые были вызваны этимъ знаменательнымъ рожденіемъ, какъ уже по городу разнеслись слухи о нездоровьѣ кронпринцессы, затѣмъ о тяжкой, безнадежной болѣзни ея, и 22-го октября, въ полночь, кронпринцессы не стало.

Шесть дней спустя, печальное погребальное шествіе потянулось отъ дворца царевича, на берегу Невы, около нынѣшней церкви Всѣхъ Скорбящихъ; гробъ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, несли офицеры, между двумя рядами гвардіи, выстроенной вдоль набережной Невы; за гробомъ шелъ самъ государь съ царевичемъ; за ними царевна Наталья Алексѣевна съ придворными дамами покойной кронпринцессы, царица Прасковья Ѳеодоровна и весь дворъ, въ полномъ составѣ...

Абрамъ Ѳеодоровичъ могъ только изъ оконъ своего дома на набережной видѣть всю эту похоронную процессію: уже около недѣли страдалъ онъ жестокой лихорадкой съ частыми приступами ревматическихъ болей, и никуда не выходилъ изъ дома.

Слѣдя за ходомъ процессіи и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, онъ думалъ съ болью въ сердцѣ.

— Бѣдный царевичъ! Теперь такимъ же горемычнымъ вдовцемъ остался, какъ и я... Бѣдный юноша!

И отъ этихъ сожалѣній онъ невольно перенесся къ воспоминанію о томъ, что произошло въ его собственной семьѣ за послѣднія восемь лѣтъ.

— Много воды утекло!—грустно думалъ Абрамъ, опустившись въ старое, дѣдовское кресло, въ которомъ, бывало, любилъ сидѣть по вечерамъ покойный дядя Петръ Абрамовичъ.—Много и смерть покосила... Сколькихъ нѣтъ кругомъ! И дорогихъ, и милыхъ! Нѣтъ сестрицы Ксеніи Куракиной, нѣтъ и Ѳедосьюшки, супруги моей, нѣтъ и тестя милаго, дорогаго князь Ѳеодора Юрьевича и сколькихъ друзей я не досчитываюсь, сколькихъ вѣрныхъ слугъ! И все съ той поры, какъ въ эту тюрьму болотную переселился...

Онъ все, все припомнилъ... Какъ онъ покинулъ свой московскій домъ—родное, присиженное гнѣздо; какъ здѣсь, въ Питерѣ, ютился въ какихъ-то лачугахъ, пока успѣлъ себѣ построить домъ, на берегу Невы, невдалекѣ отъ дворца царевича. Какъ, не смотря на все свое богатство, терпѣлъ нужду въ самомъ необходимомъ въ первые годы житія въ новой столицѣ; какъ медленно свыкался съ

новыми условіями жизни, полной всякихъ неудобствъ и стѣсненій, подчиненной строгимъ и своеобразнымъ порядкамъ, введеннымъ волею Петра, въ его «парадизѣ»...

Припоминалось ему и первое свиданіе съ Петромъ, только что возвратившимся съ юга, увѣнчаннымъ лаврами Полтавской побѣды. Абраму пришлось показывать царю тѣ городскія работы и постройки, которыя были произведены подъ его смотрѣніемъ. Царь видимо остался всѣмъ доволенъ но, разставаясь съ Абрамомъ, сказалъ только:

— Кажется, за умъ взялся? Пора, давно пора было.

И затѣмъ оставилъ Абрама въ полномъ забвеніи. Абрамъ, по назначенію и форменному распорядку, являлся по праздникамъ въ царскій дворецъ или въ отсутствіе царя въ палаты князя Меншикова и оставался постоянно въ тѣни, никѣмъ не замѣчаемый и, очевидно, никому не нужный. Всѣ близкіе царю люди даже явно старались избѣгать съ нимъ всякой встрѣчи и сближенія, опасаясь навлечь на себя какія бы то ни было подозрѣнія... И Абрамъ чувствовалъ себя среди столицы въ положеніи опального, даже ссыльнаго, котораго всѣ тщательно избѣгаютъ, но за которыми, однаковъ, строго и зорко слѣдятъ. Понимая это, Абрамъ и самъ не искалъ ни съ кѣмъ сближенія, поддерживая со всѣми только формальныя, необходимыя отношенія и жилъ постоянно въ полномъ одиночествѣ, среди заботъ о дѣтяхъ, о домѣ и управленіи обширными своими помѣстьями.

То одиночество и полное забвеніе, въ которомъ столько лѣтъ уже протекала жизнь Абрама, сильно воздѣйствовали и на него самого... Онъ значительно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ, по волѣ Петра, покинулъ Москву и переселился въ Питеръ. Окруженный новыми условіями жизни, удаленный отъ московскихъ друзей и связей, онъ, правда, еще поддерживалъ черезъ нихъ сношенія съ Суздалемъ, заботясь попрежнему о нуждахъ, объ улучшеніи положенія своей несчастной сестры-царицы... Но охладѣлъ,—онъ самъ себя въ этомъ сознавалъ,—охладѣлъ значительно къ тому «дѣлу», которому такъ ревностно служилъ много, много лѣтъ сряду... Охладѣлъ къ «дѣлу» и разочаровался въ людяхъ... Ни одинъ изъ нихъ не оказался непоколебимо-твердымъ, надежнымъ, безкорыстнымъ сторонникомъ царевича! Всѣ, даже и лучшіе, выказали себя своекорыстными, малодушными, ничтожными... И Досиоѣй, угодничествомъ передъ княземъ Меншиковымъ добившійся епископства, и Яковъ Игнатьевъ, поставившій своего зятя, безбожнаго грабителя, въ управители имѣньями царевича и безотчетно распоряжавшійся его деньгами, и Глѣбовъ, такъ грубо нарушившій его довѣріе, и сестра-царица, изъ-за женской слабости забывшая о царственномъ величіи и о горькой обидѣ, взывавшей къ мщенію...

— Теперь сравнилась съ мужемъ въ блудодѣянїи, укорь съ него сняла!.. Всѣ, всѣ хороши! Всѣ однимъ мвромъ мазаны!

И онъ, съ горькою усмѣшкою, безнадежно махаль рукою... Всѣ опостылѣли ему, всѣ, даже и племянникъ-царевичъ — слабый, ничтожный, легко подчинявшійся всякому постороннему вліянію, неспособный ни къ какому упорному, серьезному труду, вѣчно трепетавшій передъ отцомъ и унижавшійся до угодливости передъ Екатериной...

Абрамъ Θεодоровичъ, ближе приглядываясь къ нему, не разъ вспоминаль слова покойнаго тестя:

— Въ мальчишкѣ въ этомъ не будетъ проку: Петръ его и не допустить царствовать!

И слухи, бродившіе въ послѣднее время по городу, какъ будто подтверждали это предсказаніе суроваго князя-кесаря. Въ виду ихъ Абрамъ Θεодоровичъ обрадовался несказанно, узнавъ о рожденіи сына у царевича и даже отправилъ тайно нарочнаго къ сестрѣ-царицѣ съ извѣщеніемъ о рожденіи внука...

— Если отецъ не будетъ царствовать, такъ, можетъ быть, хоть сыну удастся на дѣдовскомъ престолѣ усидѣть и Русскою землею управить! — думаль Абрамъ, печально сидя подъ своимъ окномъ, въ старинномъ дѣдовскомъ креслѣ.

Между тѣмъ давно уже стемнѣло... Рѣдкіе и тусклые фонари зажглись на набережной и замерцали крошечными звѣздочками въ мгlistомъ туманѣ, окутавшемъ Петербургскій островъ... Дряхлый старикъ Савелій, еле-еле передвигая ноги въ валенцахъ, вошелъ въ комнату, оправилъ на ходу лампадки передъ иконами, вздуль свѣчу и поставилъ ее на столѣ среди комнаты... Немного спустя, явились и дѣти — сынъ и дочь — проститься съ отцомъ на сонъ грядущій: молча поцѣловали ему руку и неслышно удалились...

Абрамъ, на время отвлеченный отъ своихъ думъ, поднялся было со своего мѣста, собираясь перейти къ столу, какъ вдругъ послышался стукъ въ калитку у воротъ и громкій лай собакъ.

— Кого-то Богъ даетъ въ гости? — подумаль Абрамъ Θεодоровичъ, прислушиваясь.

Минуту спустя, явился Савелій на порогѣ и доложилъ:

— Господинъ Кикинъ! Желаетъ ли принять?

Абрамъ поморщился и сказалъ:

— Проси, — а самъ подумаль: — какая нелегкая несетъ его въ такую позднюю пору?

Немного спустя, въ комнату вошелъ бывшій адмиралтеецъ и нѣкогда любимецъ Петра, Александръ Васильевичъ Кикинъ, человекъ высокаго роста, худощавый, носастый, съ большими, быстро бѣгавшими, черными глазами. Подвижной и поворотливый, ни на минуту не остававшійся въ покоѣ, рѣзкій въ движеніяхъ и въ вы-

раженіяхъ, онъ представлялъ собою типъ человѣка желчнаго, раздраженнаго, недовольнаго ничѣмъ, и потому именно всегда производилъ на Абрама Ѳеодоровича весьма тяжелое впечатлѣніе.

И теперь, едва переступивъ порогъ, не перекрестивши даже и лба на иконы, Кикинъ швырнулъ на первый попавшійся стулъ свой темный трехухъ и заговорилъ скороговоркой:

— Ну, вотъ вамъ—дождались добраго! Дождались!.. Самъ посуди, Абрамъ Ѳеодоровичъ, ты человѣкъ вѣдь умный!.. Самъ посуди, каковъ это отецъ! Звѣрь сущій, безутробный, а не отецъ!

И онъ въ волненіи расхаживалъ по комнатѣ и размахивалъ руками.

— Да что такое случилось? Въ толкъ не возьму, говори скорѣе!—тревожно отозвался Абрамъ Ѳеодоровичъ, слѣдя глазами за Кикинымъ, который ходилъ передъ нимъ, словно маятникъ.

— Случилось неслыханное! Какъ возвратились изъ крѣпости, съ погребенія, къ царевичу во дворецъ, для поминовенія усопшей, такъ царь отозвалъ царевича въ сторону и говорить: вотъ тебѣ письмо отъ меня, читай его въ назиданіе и отвѣтомъ не замедли. Вынулъ письмо изъ кармана, сыну и подаль... Ну, а ты, чай, царевича самъ знаешь? Какъ у отца письмо принялъ, такъ весь затрясся и ни живъ, ни мертвъ стоитъ... Какъ ужъ онъ поминки отбылъ, мы всѣ и понять не могли!.. А какъ только царь съ поминокъ уѣхалъ и гости всѣ за нимъ вслѣдъ, царевичъ первымъ дѣломъ ко мнѣ: такъ и такъ, голубчикъ, выручай, отписывайся... Стали мы взаперти письмо читать и ничего въ немъ понять не можемъ! И о себѣ, и о своихъ вѣкторіяхъ съ великою похвалою писать, и о братѣ своемъ покойномъ поминаеть, и того даже, неключимаго, за ретивость хвалить... А потомъ вдругъ и набросился на сына-то: уподобилъ его и рабу-то евангельскому лѣнивому, вкопавшему талантъ свой въ землю, и о злонравіи и упрямствѣ его упомянулъ; а въ концѣ говорить, что послѣдній заветъ къ царевичу писать и обѣщаетъ: «мало пождемъ, аще нелицемѣрно обратится»... Буде же не обратись, говорить, то я тебя весьма наслѣдства лишу: «отсѣку, яко уды гангрены»... Такъ и писать! Ей-ей!

— Да что же это значить?—удивленно спросилъ Абрамъ Ѳеодоровичъ.—Вѣдь, кажется, ни размолвки между ними, ни ссоры доселѣ не было въ эти годы?.. И жили послѣднее время въ мирѣ?..

— Что это значить? А? Что значить? Ха! ха! ха! И не догадываешься?—воскликнулъ Кикинъ, лукаво прищуривая глаза и посмѣиваясь... Онъ видимо торжествовалъ заранѣе, готовясь поразить своего собесѣдника неожиданно смѣлою догадкою...

— Не догадываюсь!—проговорилъ Лопухинъ, пристально глядя въ лицо Кикина.

Тотъ вдругъ сунулся къ нему, наклонился къ самому уху его и прошепталъ:

— Вотъ помани ты мое слово... У царя у самого родился сынъ! Будь я не Александръ Кикинъ, коли мы завтра объ этомъ не узнаемъ!

Лопухинъ схватился за голову въ сильномъ волненіи и едва-едва могъ оправиться отъ него... Такъ поразило его предположеніе, высказанное Кикинымъ.

— Вотъ посмотри! вотъ посмотри! Ужъ это же не даромъ!—продолжалъ твердить и настаивать Кикинъ.—И намъ тутъ времени терять нельзя! Собраться надо, обдумать, посовѣтоваться, что отвѣчать. Что писать? Царевичъ проситъ завтра вечеромъ, попозже, тебя къ себѣ: ты, я, да князь Василій Владиміровичъ... Только на насъ и возлагаетъ всю надежду!—съ гордостью добавилъ Кикинъ.

— Скажи, что буду,—сказалъ Абрамъ Θεодоровичъ. — Хотя, если твоя догадка справедлива, никакія наши письма и измышленія царевичу не принесутъ желанной пользы...

— Ну, это мы еще посмотримъ! На что-нибудь да далъ же намъ Богъ кое-какой умишко... Да вотъ завтра все обсудимъ... А пока прощай!

И съ этими словами Кикинъ удалился также быстро и стремительно, какъ и явился къ Лопухину.

— Опасный онъ царевичу совѣтникъ!—прошепталъ Лопухинъ вслѣдъ Кикину.—Отъ такихъ совѣтниковъ избави, Боже!

III.

На другое утро, рано, громъ пушечной пальбы съ крѣпости возвѣстилъ всей столицѣ о «всерадостномъ» рожденіи сына у царя Петра... Погребальнымъ звономъ отозвался въ сердцѣ Абрама Θεодоровича грохотъ этой пальбы. Съ ужасомъ вспоминалъ онъ о вчерашней догадкѣ Кикина и подумалъ:

— «Неужели несчастнаго царевича ждетъ та участь, которую ужъ такъ давно предсказывалъ ему покойный тестъ?... Неужели онъ обреченъ на гибель?... Неужели отецъ дерзнетъ... О! онъ на все дерзнетъ!».

Подъ этимъ тягостнымъ настроеніемъ онъ провелъ весь день въ черныхъ думахъ и подъ вечеръ явился во дворецъ царевича на тайное совѣщаніе, въ которомъ, кромѣ его, должны были участвовать еще и Кикинъ, и князь Василій Владиміровичъ Долгорукій.

Царевича засталъ онъ въ такомъ нервномъ состояніи, что каждую минуту можно было ожидать обморока... Онъ говорилъ отрывисто, несвязно, быстро переходя отъ одной мысли къ другой,

тревожно перебѣгая глазами съ предмета на предметъ; потомъ вдругъ вскакивалъ, хватался за голову и за грудь и говорилъ:

— Ахъ, дурно, дурно мнѣ... Ахъ!

И всѣ начинали кругомъ его суетиться: одинъ подавалъ воду, другой давалъ понюхать спирта нашатырнаго... Бесѣда на время прерывалась и должна была начинаться снова и начиналась вяло, безсвязно, подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ общаго, весьма сумрачнаго настроенія.

Абрамъ Ѳеодоровичъ совѣтовалъ отвѣтить кротко, просительно, умильно изъявить готовность исправиться и слѣдовать во всемъ указаніямъ и повелѣніямъ отца, лишь бы угодить ему и «сдѣлать себя достойнымъ наслѣдія».

Кикинъ, конечно, возмущился этимъ предложеніемъ и тотчасъ сталъ горячо и желчно возражать.

— Исправиться?!.. Да было бы въ чемъ! Развѣ его высочество въ чемъ неисправенъ? И передъ нимъ самимъ, передъ батюшкой, чѣмъ провинился?... Опять же, говоришь ты, Абрамъ Ѳеодоровичъ, *угодить ему!* Шутку пошутил! Да на него одинъ князь Меншиковъ, да развѣ вотъ еще государыня Екатерина Алексѣевна и могутъ угодить! А больше-то не народилось человѣка... Какъ бы царевичъ ни старался, царь Петръ все будетъ его лѣнивымъ рабомъ евангельскимъ считать да непотребствомъ корить...

— Да и что мнѣ въ этомъ наслѣдствѣ! — перебилъ съ отчаяніемъ въ голосѣ царевичъ, ломая руки. — Пусть бы всего меня лишилъ, лишь бы въ покоѣ далъ дожить мой вѣкъ! Безъ страха, безъ опасеній...

— Вотъ именно такъ тебѣ, государь, и отписать отцу слѣдуетъ! — воскликнулъ Кикинъ, внушительно поднимая вверхъ указательный палецъ. — Такъ и отписать, что, молъ, по слабости здоровья вынужденъ отречься отъ наслѣдованія престола! Пусть онъ знаетъ, что тебѣ не зачѣмъ передъ нимъ хвостомъ вилять!.. А какъ Богъ пошлетъ по его душу грѣшную, иначе мы съ тобой разсудимъ...

— И я такъ думаю! — сказалъ князь Долгорукій. — Теперь откажешься: онъ оставитъ тебя въ покоѣ; а тамъ еще когда что будетъ? Старая пословица: улита ѣдетъ, коли-то будетъ!

— Откажусь, откажусь! Такъ и пишите, что ничего, молъ, мнѣ не надо! — проговорилъ упавшимъ голосомъ царевичъ. — На наслѣдіе російскаго престола не претендую и впредь претендовать не буду!

— Государь! вспомни, что царскимъ словомъ играть нельзя! — строго замѣтилъ Абрамъ Ѳеодоровичъ. — Разъ ты откажешься, престоль уже и по кончинѣ отца тебѣ не будетъ возвращенъ... А что же скажетъ мать-царица? Ужели ты неразумнымъ и слѣпымъ отвѣтомъ на письмо отца рѣшаешься и ее обречь на вѣчную неволю и заточеніе?

— Что же дѣлать мнѣ? Что мнѣ дѣлать? На что рѣшиться?— чуть не со слезами на глазахъ воскликнулъ царевичъ.— Научите, наставьте вы меня! Избавьте вы меня отъ трепетнаго страха передъ отцомъ... Освободите отъ его грозы!

И онъ разрыдался истерически...

Поднялся ожесточенный споръ между Абрамомъ Ѳеодоровичемъ, Кикинымъ и княземъ Долгорукимъ, длился долго и не привелъ ни къ чему. Абрамъ остался при своемъ мнѣніи, а Кикинъ и Долгорукій порѣшили, что слѣдуетъ царевичу писать прямое отреченіе отъ престола по слабости здоровья, а между тѣмъ тянуть и медлить, и выжидать... И царевичъ склонился на сторону такого способа дѣйствій, не обративъ вниманія ни на какіе доводы Абрама Ѳеодоровича, который ушелъ изъ дворца царевича въ самомъ грустномъ и удрученномъ настроеніи. На его глазахъ разыгрывалась страшная драма, и трудно было ожидать благополучнаго исхода ея для царевича...

На первыхъ порахъ судьба какъ будто вздумала поблагопріятствовать планамъ сторонниковъ царевича. Петръ, вскорѣ по полученіи отвѣтнаго письма отъ сына, простудился на именинахъ у адмирала Апраксина и жестоко заболѣлъ. Съ половины ноября до половины декабря положеніе его было на столько опасно, что министры и сенаторы нѣсколько ночей сряду ночевали въ царскихъ покояхъ. 2-го декабря царь почувствовалъ себя въ такой степени дурно, что пожелалъ даже приобщиться св. Тайнъ... Всѣ смутились и пали духомъ, ожидая печальнаго исхода болѣзни. Только въ кружкѣ приближенныхъ царевича находились люди, которые злобно напештывали царевичу:

— Отецъ твой не тяжело боленъ!.. Исповѣдывается и причащается нарочно, являя людямъ, что гораздо боленъ, а все одинъ притворь!

Можетъ быть, подъ вліяніемъ такихъ язвительныхъ напештываній и сынъ относился недовѣрчиво къ болѣзни отца и во все время ея посѣтилъ больнаго государя только одинъ разъ...

Наконецъ, уже въ первыхъ числахъ января Петръ сталъ оправляться и тогда написалъ сыну второе, еще болѣе грозное письмо:

«Ненавидишь ты дѣлъ моихъ, — писалъ Петръ въ заключеніе письма, — и, конечно, по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь! Того ради такъ остаться, какъ желаешь быть, ни рыбою, ни мясомъ, невозможно; но или отмѣни свой нравъ и величественно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ! А буде того не учинишь, то я съ тобою, какъ съ злодѣемъ, поступлю.»

Это грозное «последнее напominаніе» такъ напугало царевича, что онъ не на шутку заболѣлъ и слегъ въ постель. Кикинъ опять,

вопреки всѣмъ доводамъ Абрама Ѳеодоровича, настоялъ на томъ, чтобы царевич просилъ у отца разрѣшенія постричься.

— Клобукъ-то вѣдь не гвоздемъ къ головѣ прибить! — лукаво нашептывалъ онъ царевичу.

Царевичъ, по его наущенію, на слѣдующій же день отвѣчалъ отцу нѣсколькими строками. Извиняя краткость письма своею болѣзнію, онъ, однако же, добавлялъ весьма рѣшительно:

«Желаю монашескаго чина и прошу о семь милостиваго позволенія»...

Цѣлая недѣля прошла послѣ отправки этого письма государю въ трепетномъ ожиданіи наступающей грозы... Царевичу доносили каждый день, что государь уже совсѣмъ оправился и собирается въ отъѣздъ за границу, что онъ уже всюду выходитъ и выѣзжаетъ и самъ слѣдитъ за работами въ адмиралтействѣ... И вдругъ однажды рано утромъ, часу въ 9-мъ, Иванъ Аванасьевъ Большой, камердинеръ царевича, вбѣжалъ къ нему въ опочивальню, блѣдный и перепуганный, и объявилъ своему господину:

— Его царское величество сами къ тебѣ жаловать изволятъ... Сейчасъ самъ видѣлъ, какъ въ одноколѣ къ воротамъ подъѣхали...

Царевичъ заметался по постели, какъ птичка, застигнутая грозою на вѣткѣ; подбородокъ его дрожалъ, руки ему не повиновались... Онъ что-то хотѣлъ сказать Ивану Аванасьеву, что-то задумалъ приказать ему, но не успѣлъ — тяжелые шаги и громкій голосъ государя уже раздавались въ сосѣдней комнатѣ... Дверь распахнулась настезь, и мощная фигура Петра появилась на порогѣ опочивальни.

— Не спишь? — спросилъ Петръ сына и сдѣлалъ знакъ рукою камердинеру, чтобы тотъ удалился.

Плотно притворивъ дверь, Петръ подошелъ къ постели сына и присѣлъ на край ея, въ ногахъ. Отъ быстрого и пронизательнаго взгляда его не скрылась та тревога, тотъ испугъ, который выражался въ блѣдномъ лицѣ и трясущихся губахъ несчастнаго царевича, и что-то похожее на чувство жалости вдругъ проникло въ сердце царя...

— Заѣхалъ къ тебѣ повидаться передъ отъѣздомъ, — проговорилъ царь, обращаясь къ сыну. — Послѣ завтра ѣду, и хотѣлъ еще разъ съ тобою говорить тебѣ на пользу...

Царевичъ, не смотря на свое страшное волненіе, былъ пораженъ необычною мягкостью тона, который онъ слышалъ въ обращеніи къ нему отца... Лучъ надежды закрался ему въ душу; онъ почти съ мольбою вперилъ взоръ въ сильно-осунувшееся и пожелтѣвшее отъ болѣзни лицо Петра и почувствовалъ, что къ нему вернулся даръ слова...

— Письмо твое прочелъ, — началъ Петръ: — и вѣрить не хочу, чтобы ты такую резолюцію могъ взять.

— Батюшка!—воскликнулъ царевичъ со слезами на глазахъ:— Богомъ клянусь, что я нелицемѣрно... желаю... одного, только одного: постричься... уйти отъ міра... душу успокоить... Непригоденъ и недостойнъ я для наслѣдія россійскаго престола... Уволь, разрѣши мнѣ...

Петръ все слушалъ и смотрѣлъ, внимательно смотрѣлъ въ самыя очи сыну... «Не царь онъ, не царь! не быть ему царемъ!»— думалъ онъ съ грустью и досадой.

— Разрѣшить недолго,—сказалъ онъ царевичу.— Но ты молодъ, ты не жилъ еще, а обѣтъ монашескій не легкокъ... Одумайся, не спиша, и потомъ уже отпиши, что хочешь дѣлать...

— Одного, государь, хочу... Рѣшился я, слабый духомъ, слабый волей, непотребный... Ни на что я не пригоденъ... Одинъ мой путь—въ обитель. Тамъ умру спокойно...

Чело государя омрачилось... Брови сдвинулись сурово. Опустивъ голову на грудь, онъ ударилъ тяжелымъ кулакомъ своимъ по колѣну и проговорилъ, стиснувъ зубы:

— Порченный ты, поврежденный! Большія бороды смолоду тебя забрали въ руки... Ради тунеядства своего у меня не въ авантажѣ обрѣтаются и вотъ отмстили мнѣ... отмстили...

Послѣднія слова онъ произнесъ почти шепотомъ, такъ что царевичъ даже не могъ ихъ и слышать... Но царь, едва ихъ произнесъ, ужъ совладалъ съ собою, и снова гордо поднялъ голову, и сказалъ сыну совершенно спокойно и твердо:

— Мой совѣтъ тебѣ—еще подумать... Лучше бы взятыся за прямую дорогу, нежели думать въ молодыхъ лѣтахъ да въ чернецы идти... Даю тебѣ еще полгода сроку.

Въ этихъ словахъ звучали уже инныя ноты: царевичъ это понималъ и не осмѣлился ни слова больше добавить къ своимъ прежнимъ рѣчамъ. Онъ зналъ, что отецъ не дозволитъ ему долѣе говорить съ собою, и голосъ снова замеръ на устахъ его...

Царь поднялся молча и протянулъ ему свою могучую, жесткую, мозолистую руку. Царевичъ ухватился за нее своими обѣими блѣдными, нѣжными и слабыми руками и прижалъ ее къ своимъ нѣжнымъ устамъ... Внутренній голосъ нашептывалъ ему, что отецъ въ послѣдній разъ снисходитъ къ его слабости, что болѣе ему нечего ждать и не на что надѣяться...

Когда царь повернулся къ дверямъ и взялся за скобку, царевичу вдругъ захотѣлось вскочить съ постели, броситься къ ногамъ отца, охватить его колѣни, молить его, чтобы онъ все забылъ, все простилъ ему, чтобы онъ былъ для него отцемъ, а не грознымъ, не карающимъ властителемъ—неумолимымъ, какъ судьба!.. Но какая-то невидимая сила приковала царевича къ постели, и онъ съ замираніемъ сердца видѣлъ, какъ Петръ переступилъ порогъ и скрылся за дверью...

Дверь плотно притворилась, тяжелыя шаги затихли въ сосѣдней комнатѣ... Тогда царевичъ вдругъ почувствовалъ страшное стѣсненіе въ груди... Рыданія, судорожныя, неудержимыя, сжимали ему горло до боли... Онъ сдѣлалъ невообразимое усиліе надъ собою, чтобы удержаться, не разлиться слезами, не разразиться стонами и криками, и не могъ: бросился лицомъ въ подушки, зарылся въ нихъ и, задыхаясь отъ слезъ, прошепталъ чуть слышно:

— Господи! Сжался хоть Ты надо мной, сними, сними съ меня невыносимо тяжкое бремя жизни! Сжался, сжался!

IV.

Два дня спустя царь уѣхалъ. Вслѣдъ за нимъ, черезъ два дня, подъ предлогомъ нездоровья, и Кикинъ свернулъ за границу, къ цѣлебнымъ водамъ. Передъ отъѣздомъ цѣлый вечеръ Кикинъ провелъ въ заперти съ царевичемъ, совѣщаясь съ нимъ, и старался утвердить его въ мысли о необходимости искать себѣ убѣжища за границей.

— Какъ ни какъ, государь, а ужъ я тебѣ мѣсто сыщу, въ которомъ тебя и отецъ не разѣищеть... Не даромъ Абрамъ Веселовскій мнѣ другъ: онъ и укажетъ!—говорилъ Кикинъ царевичу на прощаніе.

И царевичъ успокоился насчетъ своего близкаго будущаго: по-прежнему предался своему обычному бездѣйствію, разѣзжая по сенаторамъ въ гости, принимая и угощая у себя своихъ пріятелей. Только съ Абрамомъ онъ не видѣлся и видимо охладѣлъ къ нему послѣ тайнаго совѣщанія по поводу перваго письма Петра. Очень часто царевичъ бывалъ на поклонахъ и у царицы, и у князя Меншикова, и у нихъ видѣлъ ласку и чрезвычайную любовь къ себѣ, что еще болѣе ободряло его отложить на время всякіе помыслы о дальнѣйшемъ устройствѣ судьбы своей.

Ко всему этому примѣшалось еще чрезвычайно странное, почти необъяснимое увлеченіе: еще при жизни жены онъ сошелся съ простой крестьянской дѣвушкой, крѣпостной его бывшаго учителя, Никифора Вяземскаго, а по смерти кронпринцессы эта дѣвушка сдѣлалась оффиціальною фавориткою царевича. Неособенно красивая собою, совершенно безграмотная, эта дѣвушка, которую звали Евфросиніей, была, однако же, на столько умна и лукава, что сумѣла очень быстро овладѣть волею слабаго царевича и сдѣлаться ему необходимою. Съ нею-то, вдали отъ Петербурга, на своей любимой мызѣ Рождествено (въ Копорскомъ уѣздѣ) царевичъ беззаботно и бездѣятельно прожилъ и большую часть лѣта... Казалось, онъ даже позабылъ о томъ, что ему былъ данъ опредѣленный срокъ на размышленіе о принятіи «окончательной резолюціи»... А

между тѣмъ срокъ близился, и уже въ половинѣ сентября явился изъ Копенгагена курьеръ съ письмомъ отъ Петра, побуждавшимъ настоятельно принять то или другое рѣшеніе. «Монастырь или дѣятельное, разумное участіе въ дѣлахъ правленія»,—вотъ какую дилемму ставилъ отецъ сыну. «Если примешь первое рѣшеніе, то съ подателемъ письма извѣсти: какую обитель выберешь, въ которое время и день пострижешься... Если же примешь второе, то извѣсти, когда выѣдешь изъ Питербурха»...

Тонъ письма былъ мягкій, но рѣшительный. На него нельзя было отвѣчать расплывчатыми фразами: надобно дѣйствовать, и дѣйствовать тотчасъ. И вотъ царевичъ, какъ и всѣ люди, слабые и нерѣшительные, разомъ принялъ «резолюцію», которая даже еще нѣсколько дней назадъ не приходила ему въ голову...

— Надо ѣхать!.. Ёхать немедля... А куда? и самъ еще не знаю... Кикинъ проклятый! И самъ не ѣдетъ, и не пишетъ!..

И «резолюцію» эту онъ принялъ очевидно только потому, что она опять давала ему извѣстный срокъ на размышленіе, на медленіе, на послабленіе себѣ...

— Вѣдь монастырь-то, что гробъ!—думалъ царевичъ.—Накроютъ крышкой, такъ изъ него не встанешь... И куда же я съ Евфросиніей-то дѣнусь... Какъ съ нею разлучусь?

— Ёду къ отцу! — рѣшительно и смѣло заявилъ царевичъ, по приѣздѣ въ Петербургъ, явившись къ князю Меншикову.

— И слава Богу! И скатертью дорога,—привѣтливо сказалъ ему князь.—А гдѣ же ты Евфросинію оставишь?—лукаво добавилъ онъ, пристально взглядываясь въ лицо царевича.

— Ужъ, право, и не знаю, — смущенно отвѣчалъ царевичъ.—Развѣ не взять ли ее до Риги, а потомъ и отпустить обратно въ Петербургъ?..

— Зачѣмъ же такъ-то? Лучше возьми ее съ собою,—вкрадчиво замѣтилъ Меншиковъ. А самъ подумалъ: — «возьмешь съ собою, то ужъ слѣда своего отъ насъ не укроешь! Вездѣ тебя по бабьему шлыку разыщешь!».

И князь разсыпался въ любезностяхъ, предлагая свою помощь, свои экипажи и знатную сумму денегъ въ подспорье царевичу на дорогу...

Сборы производились съ лихорадочною поспѣшностью. Царевичъ какъ будто и самъ боялся того, что онъ раздумаетъ и перемѣнитъ свое рѣшеніе. Два дня прошло въ прощальныхъ визитахъ и официальныхъ приѣмахъ. На третій день къ вечеру все было готово... На утро назначенъ былъ и выѣздъ изъ Петербурга... Меншиковъ, зная это, отправилъ даже нарочнаго курьера къ Петру съ извѣщеніемъ, что царевичъ «завтра рано» выѣзжаетъ къ нему, торопясь поспѣть къ военнымъ дѣйствіямъ въ Мекленбургіи.

Когда всѣ сборы были окончены, и все до послѣдней мелочи уложено въ дорогу, царевичъ Алексѣй вдругъ сталъ тревоженъ и задумчивъ... Приходилось такъ или иначе дѣлать рѣшительный шагъ, и онъ, какъ всегда, начиналъ колебаться... Явилась потребность хоть съ кѣмъ нибудь перекинуться откровеннымъ, искреннимъ словечкомъ. Онъ кликнулъ своего камердинера, Ивана Аванасьева Большаго, который выказывалъ ему болѣе усердія и преданности, нежели всѣ его остальные слуги, и когда тотъ явился къ царевичу въ опочивальню, царевичъ сказалъ ему:

— Поклянись, что меня не выдашь! Тогда скажу тебѣ нѣщичко, весьма тайное.

Иванъ Аванасьевъ поклялся, что никому не откроетъ царевичевыхъ рѣчей.

— Я рѣшилъ не къ батюшкѣ ѣхать...

— А куда же, государь?—тревожно перебилъ его Иванъ Аванасьевъ.

— И самъ еще хорошенько не знаю... Не то къ цесарю, не то въ Римъ,—гдѣ мѣсто для укрытія понадежнѣе найдется.

Иванъ Аванасьевъ покачалъ головою и печально, и сомнительно.

— Воля твоя, государь! А только ежели ты мнѣ это говоришь съ тѣмъ, чтобы мое мнѣніе вызнать, такъ я тебѣ не совѣтчикъ.

— Почему? А? почему? Говори!—сталъ настаивать царевичъ.

— Потому, государь, что тутъ все дѣло въ удачѣ. Удастся тебѣ уйти и укрыться, авось и хорошо тебѣ будетъ; а если не удастся, ты и себя погубишь и всѣхъ насъ въ погибель введешь.

Царевичъ поникъ головою и глубоко задумался.

— Однако же... Ты молчи!—проговорилъ онъ, какъ бы спохватившись и боязливо оглядываясь во всѣ стороны. — Вѣдь только ты да Кикинъ у меня объ этомъ и знаете... Кикинъ для меня даже и въ Вѣну поѣхалъ провѣдывать, гдѣ мнѣ лучше будетъ. Смотри же, никому не сказывай!

А Ивану Аванасьеву ужъ не до того: онъ и самъ не радъ, что привелось ему узнать такую страшную государственную тайну... Цѣлую ночь ворочался онъ съ боку на бокъ на своей постели и все думалъ, какъ бы ему самому куда нибудь укрыться, гдѣ бы его не спохватились да не привлекли къ отвѣту, въ случаѣ какой неудачи съ царевичемъ...

— Охъ, тогда ужъ лучше руки на себя самому наложить! А то распытаетъ насъ всѣхъ царь за царевича!..

И эти думы были такъ мучительны, что Иванъ Аванасьевъ радъ былъ радешенекъ подняться на разсвѣтѣ и принять участіе въ окончательныхъ хлопотахъ по отъѣзду царевича и тѣхъ немногихъ людей, которые должны были его сопровождать въ заграничнѣе его путешествіи.

Наконецъ, весь поѣздъ царевича былъ изготовленъ къ отъѣзду, и почтовые кони, впряженные въ три экипажа, стали побрякивать бубенчиками, переступая съ ноги на ногу и отряхивая гриву, а царевичъ все еще не выходилъ на крыльцо, все еще медлил... Ужь и Евфросинья, закутанная въ теплое дорожное платье, усѣлась на свое мѣсто въ каретѣ царевича, и четверо слугъ стали около другаго экипажа, въ которомъ они должны были ѣхать, и всѣ запасы и дорожныя вещи были увязаны въ третьемъ экипажѣ... А царевичъ все не выходилъ изъ своей опочивальни, гдѣ онъ усердно молился и клалъ поклонъ за поклономъ передъ иконами...

И вдругъ мертвенно-блѣдный, встревоженный, онъ почти выбѣжалъ на крыльцо и, ни на кого не глядя, никому не кланяясь, ни съ кѣмъ изъ дворни и служни своей не прощаясь, быстро вскочилъ въ карету, захлопнулъ дверцы и крикнулъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

— Пошелъ!.. Пошелъ!

Карета тронулась съ мѣста, а царевичъ забился въ самый темный уголокъ ея и, сѣбно крестясь, шепталъ про себя:

— Съ нами крестная сила!.. Охъ! дурная, дурная эта примѣта... Помилуй и сохрани, Боже!

Потянулась длинная, длинная, нескончаемая дорога, пролежавшая по ровнымъ, болотистымъ и лѣсистымъ мѣстностямъ, по сыпучимъ пескамъ и огромнымъ пространствамъ, пересѣченнымъ низкими холмами, опушенными рѣдкимъ и дряннымъ кустарникомъ. Отъ города до города поселенія встрѣчались только около станцій, въ видѣ жалкихъ чухонскихъ деревнишекъ и блѣдныхъ мызь. Перегоны отъ станціи до станціи были огромные, версть по 35—40 и болѣе... Невольную тоску нагоняло на душу это несносное путешествіе, безъ всякихъ остановокъ, безъ всякихъ удобствъ, безъ малѣйшаго разнообразія для глаза. Царевичъ былъ измученъ сѣбною и тряской ѣздой по дорогѣ, которая не отличалась гладкостью, мѣстами была усѣяна множествомъ острыхъ камней, а мѣстами засыпана безъ всякаго толка грудями фашинника или вымощена бревнами, положенными поперекъ пути. Онъ съ самаго отъѣзда изъ Петербурга не смыкалъ глазъ и не могъ подавить чувства страшной, невыносимой тревоги... Онъ видѣлъ себя на краю какой-то пропасти, въ которую его увлекала невидимая и непреодолимая сила, и не могъ ни остановиться, ни даже отдать себѣ разумнаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ...

Въ этомъ тягостномъ состояніи онъ провелъ двое сутокъ. На третьи сутки, приостановившись въ Ригѣ не болѣе, какъ на два три часа, царевичъ поспѣшилъ далѣе, къ Либавѣ, все болѣе и бо-

лѣе волнуясь по мѣрѣ приближенія къ границѣ... Вотъ наконецъ до Либавы остается всего 4 мили (такъ доложилъ царевичу одинъ изъ сопровождающихъ его слугъ), и царевичъ, истомленный, измученный усталостью и бессонницей до послѣдней крайности, вдругъ опустилъ голову на грудь и впалъ въ глубокой сонъ...

— Стой! Стой! Держи коней! Стой!—раздались впереди голоса людей, сопровождавшихъ длинный встрѣчный поѣздъ.

Царевичъ, пробужденный криками и суматохой, перепуганный, высунулъ въ опущенное окно кареты свое блѣдное лице и всматривался въ суету людей, ничего въ ней не понимая.

— Погоня!... Застава... Препона!—шевелилось въ помутившемся его сознаніи.

— Тетюшка твоя, государыня царевна Марья Алексѣевна, изъ-за рубежа ѣхать изволить, желаетъ твое благородіе видѣть,—проговорилъ подъ самымъ ухомъ царевича голосъ одного изъ его слугъ.

— Тетюшка Марья Алексѣевна?—съ изумленіемъ повторилъ все еще не оправившійся отъ испуга Алексѣй Петровичъ.

— Просить тебя къ себѣ въ карету пожаловать,—проговорилъ слуга, отворяя дверцы кареты.

Царевичъ поспѣшно выскочилъ изъ кареты и подбѣжалъ къ тяжелой колымагѣ, запряженной восьмерикомъ лошадей; въ колымагѣ, утопая въ подушкахъ и полулежа на перинѣ, помѣщалась старушка-царевна, возвращавшаяся въ Питеръ изъ Карлсбада, гдѣ она лѣчилась водами отъ своего застарѣлаго недуга.

— Голубчикъ мой!—воскликнула царевна:—давно мы съ тобой не видались. Подѣзай ко мнѣ въ карету, побесѣдуемъ.

Царевичъ исполнилъ желаніе тетки, сѣлъ съ нею рядомъ и, послѣ горячихъ родственныхъ поцѣлуевъ и привѣтствій, не зная, что ей сказать...

— Куда собрался, дружечекъ? Далеко-ль ѣдешь?—спросила царевна, пристально взглядываясь въ блѣдное и смущенное лице племянника.

— Ёду къ батюшкѣ,—чуть слышно произнесъ онъ.

— Ну, вотъ и хорошо, голубчикъ. Надобно отцу-то поважать: то и Богу пріятно. Видно, ты за умъ взялся, голубчикъ. Что проку было бы, коли бы въ монастырь ушелъ?

— Ахъ, не поминайте вы мнѣ! Я самъ себя не узнаю, мѣста себѣ не нахожу отъ горести... Радъ бы я хоть на край свѣта бѣжать, лишь бы отъ него укрыться...

Царевичъ не выдержалъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— Э-э, милый ты мой! Куда тебѣ отъ отца уйти, вездѣ тебя найдутъ!..

Царевичъ продолжалъ рыдать, сознавая всю справедливость словъ тетки и всю беспомощность свою.

Чтобы переменить разговоръ и сколько нибудь отвлечь царевича отъ грустныхъ мыслей, добрая царевна заговорила съ племянникомъ о матери его, о новыхъ видѣнiяхъ и пророчествахъ, сулившихъ быструю и благопрiятную перемену въ его судьбѣ...

Царевичъ почти не слушалъ ея и безнадежно махнулъ рукой.

— Писалъ-ли ты ей? Посылалъ-ли ей денегъ за послѣднее время?—настаивала царевна.

— Посылалъ... А писать опасуюсь... Какая ей прибыль въ томъ, что мнѣ бѣда будетъ, а ей никакой пользы!—почти съ досадою проговорилъ царевичъ.—Я и съ собой самимъ не знаю, что дѣлать, какъ голову свою на плечахъ сносить!

Царевна посмотрѣла на племянника пристально и еще разъ повторила вопросъ:

— Алешенька! къ отцу-ли ты ѣдешь?

— И самъ не знаю... Смертный страхъ обуялъ меня... Пока онъ живъ, не будетъ покою душѣ моей!

— Ахъ, что это ты говоришь, голубчикъ, больно слушать даже!—проговорила со вздохомъ царевна, не спуская глазъ съ племянника.

Должно быть, этотъ пристальный, испытующий взглядъ старушки-тетки, вызывавшiй царевича на откровенное объясненiе, не полюбили ему... Онъ вдругъ спохватился и сталъ прощаться съ теткой...

— Ъхать пора, ѡхать надо, не то запоздаю!—заговорилъ онъ, цѣлуя руку царевны Марьи Алексѣевны.

— Поѡзжай! Богъ съ тобою, голубчикъ! Да умирить Онъ, Всемилосердый, твою тревожную душу! Да только, Алешенька, смотри—коли не къ отцу поѡдешь, нѣтъ тебѣ моего благословенiя!..

Царевичъ, испуганно глянувъ на тетку, проговорилъ въ смущенiи:

— Прощайте! не поминайте лихомъ!—и, быстро выскочивъ изъ теткойной колымаги, побѣжалъ къ своей каретѣ.

— Спаси и сохрани его, Господи!—прошептала вслѣдъ ему тетка-царевна, осѣняя себя крестнымъ знаменiемъ.

VI.

Болѣе трехъ мѣсяцевъ прошло уже со времени отъѣзда царевича за границу, когда въ Петербургѣ разнесся тщательно отрицаемый властями слухъ о томъ, что царевичъ Алексѣй Петровичъ доѡхалъ только до Данцига, а за этимъ городомъ свернулъ куда-то съ дороги и исчезъ безслѣдно...

— Донесли ужъ и царю... на поиски ужъ послали... Сюда отъ царя запросы пришли... Тревожиться изволить... Опасается, не случилось ли бѣды какой...

— Что это съ нимъ случилось? Не задумалъ ли онъ, грѣшнымъ дѣломъ, отъ отца укрыться? Охъ, горе горькое!

Вотъ что слышалось со всѣхъ сторонъ, и къ этимъ слухамъ не примѣшивались никакія порицанія, никакія осужденія царевича... Всѣ сожалѣли о немъ и заранѣе горевали о предстоявшей ему неизбѣжной гибели.

— Дай Богъ, чтобы ужъ лучше надъ нимъ какая бѣда стряслась... Лишь бы не пришлось ему опять къ отцу съ повинной возвращаться! Не будетъ ему пощады!

Такъ говорили всѣ сторонники царевича, искренно желая ему смерти, лишь бы не видать его въ рукахъ разгнѣваннаго и умолимаго въ гнѣвъ царя-отца.

Не тревожились и не высказывали никакого безпокойства только два человѣка во всемъ Петербургѣ: Кикинъ и князь Меншиковъ. Кикинъ таинственно молчалъ и двусмысленно улыбался при слухахъ о царевичѣ, добавляя только весьма загадочно:

— Уповать надо, что Богъ все ко благу устроитъ!

Меншиковъ, отлично знавшій все о побѣгѣ царевича и часто получавшій секретныя письма изъ Вѣны отъ Веселовскаго, старался всѣми силами всѣхъ убѣдить, что никакого побѣга и исчезновенія царевича Алексѣя Петровича вовсе не было, что государю извѣстно его мѣстопробываніе, что онъ развѣ только временно ради испѣленія своего недуга отъѣхалъ, а между тѣмъ, по приказу Петра, уже отправлялъ за границу коварнаго Петра Андреевича Толстого и четырехъ «надежныхъ» офицеровъ для розысканія царевича, снабжая ихъ секретными инструкціями государя и страшными полномочіями...

Съ Кикинымъ Абрамъ Теодоровичъ не видался вовсе со времени тайнаго совѣщанія по поводу перваго письма Петра къ сыну... Не видался онъ почти ни съ кѣмъ изъ знати, не бывалъ даже у немногихъ своихъ петербургскихъ пріятелей, потому что опасался всѣмъ выказать то тягостное волненіе, которое овладѣло всѣмъ его существомъ при первой вѣсти объ исчезновеніи царевича.

— Горе, горе намъ всѣмъ, горе и ему, несчастному!—воскликнулъ Абрамъ, думая обо всѣхъ тревогахъ, которыя долженъ былъ переживать его племянникъ при своихъ скитаніяхъ по Европѣ.— Не бывать добру изъ этой затѣи! И будь тотъ трижды проклятъ, кто его на эту затѣю надоумилъ!

Съ сердечнымъ, затаеннымъ трепетомъ прислушивался Абрамъ къ различнымъ толкамъ и слухамъ о царевичѣ, доносившимся до него изрѣдка черезъ преданныхъ ему людей, и съ нарочными въ краткихъ запискахъ, писанныхъ на условномъ языкѣ, пересылалъ

вѣсти о сынѣ сестрѣ-царицѣ... Но въ его мужественное сердце за-
кралось смутное сознаніе того, что и его собственная участь свя-
зана тѣсно съ участью царевича... Онъ зналъ, онъ былъ твердо
увѣренъ въ томъ, что если царевича отыщутъ, если—чего Боже со-
храни! — онъ самъ вернется къ отцу, Петръ не пощадитъ ни его,
ни всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ.

— Тогда и мнѣ не избѣгнуть розыска, и я буду привлеченъ
къ отвѣту и, можетъ быть, поплачусь за любовь къ сестрѣ-царицѣ,
къ племяннику-царевичу и къ святой, родной старинѣ... Но пусть
не ждетъ отъ меня царь ни предательства, ни поздняго раскаянья!

Однажды, поздно, къ Абраму вдругъ явился неожиданный гость—
Иванъ Аванасьевъ Большой. Выѣхавъ за границу, по приказанію
царевича, съ его алмазными вещами, онъ долженъ былъ присое-
диниться къ его свитѣ въ Данцигѣ или иномъ городѣ по письму,
которое ему предстояло получить. Не розыскавъ нигдѣ царевича,
Аванасьевъ вернулся въ Петербургъ и вотъ, на другой день по
пріѣздѣ, счелъ долгомъ явиться къ Абраму Θεодоровичу, отчасти
для того, чтобы сообщить ему то, что самъ зналъ о царевичѣ, от-
части же и для того, чтобы узнать, что творилось въ кружкѣ лицъ,
близкихъ къ царевичу.

— Откуда ты взялся?—заговорилъ Абрамъ Θεодоровичъ, быстро
подступая къ Ивану Аванасьеву!

— Вчера изъ-за рубежа пріѣхалъ; царевича искалъ и не на-
шелъ... Видно мы, вѣрные его слуги, теперь ему не нужны?

— Да гдѣ же онъ? Гдѣ? Можетъ быть, слыхалъ какъ? Хоть
ненарокомъ?

— Чего тамъ ненарокомъ?—возразилъ Иванъ Аванасьевъ.—Въ
курантахъ тамошнихъ ужъ пишутъ, что онъ въ Тироли, въ крѣп-
комъ замкѣ у цесаря укрытъ...

Абрамъ Θεодоровичъ такъ и всплеснулъ руками: онъ не зналъ,
что и сказать въ отвѣтъ на эту вѣсть.

— Боже мой! Боже мой! Съ кѣмъ могъ онъ все это придумать?
Съ кѣмъ совѣтовался, и у кого хватило духу подать ему тотъ ги-
бельный совѣтъ?

— Что грѣха таить? Вѣдь всѣ мы, слуги царевича, его намѣ-
ренія видали... Я было даже испугался попервоначалу, какъ онъ
сказалъ мнѣ... Ну, а теперь такъ думаю, что ему однимъ можно
было спасти свою горемычную голову: бѣжать и уклониться отъ
отца.

— Бѣжать? Уклониться—легко сказать! Да почему ты знаешь,
что его не выдадутъ отцу? Что онъ тамъ, у цесаря, безъ всякихъ
турбацій проживеть?

— Цесарь-то выдастъ? Что ты, Богъ съ тобой!.. А и то прими
въ расчетъ: хуже здѣшняго тамъ ему не будетъ. Вѣдь сколько же
онъ тутъ горя претерпѣлъ, сколько страха натерпѣлся!.. То отъ

наслѣдства прочь, то постригать въ монахи!.. Тутъ и всякій на его мѣстѣ сбѣжалъ бы, безъ оглядки сбѣжалъ бы!

— Ну, видно, ужъ такая воля Господня!—проговорилъ Абрамъ Θεодоровичъ.—Ей покоримся и не возропщемъ!

И потомъ ужъ не сказалъ ни слова и слушалъ очень разсѣянно все то, что Аванасьевъ говорилъ ему о своемъ заграничномъ путешествіи, о своихъ неудачахъ и невзгодахъ.

Среди тяжкихъ тревогъ, ожиданій и опасеній, чутко прислушиваясь ко всему, что говорилось и творилось въ петербургскомъ обществѣ, Абрамъ дожидъ до весны, очень ранней и теплой, въ 1717 году... Какъ только начались первые пригрѣвы солнца и первая весенняя оттепели, Абрамъ Лопухинъ, часто болѣвшій въ эту зиму, почувствовалъ непреодолимое желаніе уѣхать изъ столицы въ одну изъ дальнихъ деревень своихъ. Онъ сталъ просить сія-тельнѣйшаго князя Меншикова объ отпускѣ и получилъ вѣжли-вый отказъ:

— Не смѣю, молъ, теперь тревожить этимъ дѣломъ его величество: самъ знаешь, въ какихъ онъ хлопотахъ теперь за границею.

Абрамъ Θεодоровичъ вернулся домой печальный, разстроенный... Ему такъ хотѣлось хоть на время удалиться изъ этого ому-та новой столицы и повидать мимоѣздомъ Москву-бѣлокаменную и поклониться дорогимъ могиламъ покойнаго тестя и жены.

— Видно, ужъ мнѣ на роду написано: сгнить въ этомъ проклятомъ чухонскомъ болотѣ!—съ озлобленіемъ и грустью думалъ онъ, сидя въ своемъ старомъ дѣдовскомъ креслѣ, на любимомъ своемъ мѣстѣ подъ окномъ.

— Батюшка!—сказалъ, войдя въ комнату, Вася, старшій сынъ Абрама Θεодоровича, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. — А, батюшка! Женщина какая-то пришла, тебя желаетъ видѣть.

— Вѣрно, монахиня за сборомъ или странница какая? Накормить ее вели да скажи, чтобъ завтра утромъ ко мнѣ зашла.

Вася ушелъ, тихо притворивъ за собою дверь, но черезъ нѣсколько минутъ вновь появился на порогѣ.

— Батюшка, эта женщина не за сборомъ ходить, и на поварню нейдетъ... Она говоритъ, что ей тебя нужно видѣть... Говорить: попроси сюда ко мнѣ батюшку, чтобы я его свѣтлыя очи могла видѣть.

У Абрама Θεодоровича вдругъ словно кольнуло что въ сердцѣ.

— «Кто эта женщина?.. Что ей отъ меня нужно?.. Не съ вѣ-стями ли какими тайными?»—шевелѣнулось у него въ головѣ.

— Позови ее сюда, пусть войдетъ,—сказалъ Абрамъ Θεодоро-вичъ сыну.

Немного спустя, дверь въ комнату изъ сѣней тихо скрипнула, и какая-то женская фигура, въ темномъ платьѣ, окутанная темнымъ платкомъ, появилась на порогѣ и отвѣсила молча низкій поклонъ въ сторону Абрама Ѳеодоровича.

— Отъ кого ты ко мнѣ прислана? — спросилъ Лопухинъ, обращиваясь къ вошедшей и стараясь разглядѣть ея лицо.

— Сама отъ себя къ тебѣ пришла, захотѣла еще разъ взглянуть на твои ясныя очи передъ смертью,—тихо произнесла женщина.

Абрамъ Ѳеодоровичъ вскочилъ со своего мѣста и бросился къ ней.

— Акулина! Ты ли это?—воскликнулъ онъ порывисто, стараясь подавить въ себѣ волненіе.

— Я, батюшка Абрамъ Ѳеодоровичъ! Насилу-то, насилу добралась къ тебѣ сюда... Да такъ-то боялась, такъ опасалась, найду ли здѣсь тебя? Увижу ли? Сподобить ли Господь?..

И она ухватилась за притолку двери, чтобы удержаться на ногахъ...

Абрамъ протянулъ ей обѣ руки, поддержалъ ее, усадилъ въ кресло и сталъ спѣшно раскутывать платокъ, прикрывавшій ея голову и лицо. Ему хотѣлось поскорѣе взглянуть на свою милую, съ которой онъ разстался такъ давно и не видалъ слишкомъ десять лѣтъ.

Акулина не мѣшала ему, не шевелилась и сидѣла, какъ статуя. Когда, наконецъ, онъ скинулъ съ нея платокъ, онъ увидѣлъ ее въ темномъ вдовьемъ сборникѣ, прикрывавшемъ ея волосы. Только нѣсколько прихотливыхъ прядей выбивались изъ-подъ сборника около висковъ и за ушами и серебрились рѣдкими сѣдинками.

Абрамъ Ѳеодоровичъ сѣлъ противъ Акулины и проговорилъ нѣжно, вглядываясь въ ея все еще прекрасное лицо:

— Ты мало измѣнилась, Акулина! Я болѣе тебя постарѣлъ!

— Нѣтъ, красота нета, да сердце-то все то же... Все по тебѣ изныло!.. И вотъ какъ только овдовѣла я, какъ схоронила Ѳедора своего, такъ и рѣшила: повидать тебя, проститься съ тобою и въ монастырь идти...

— Что ты, Акулина? Неужели затѣмъ пришла, чтобы меня покинуть, одинокаго? Или позабыла ты завѣты нашъ?.. Ты теперь свободна, и я ничѣмъ не связанъ. Давай же руку, и вмѣстѣ пойдемъ до гробовой доски...

Акулина схватила протянутую ей руку и покрыла ее горячими поцѣлуями.

— Не чаяла я, чтобы ты мнѣ дозволилъ объ этомъ думать... Думала, забылъ ты всѣ наши завѣты, забылъ меня, сироту горемычную, среди заботъ своихъ... О, Господи, привелъ же ты намъ снова свидѣться!..

И она залилась блаженными, радостными слезами.

Абрамъ Θεодоровичъ далъ ей слезамъ свободу и долго сидѣлъ противъ нея, любуясь на знакомыя черты, вспоминая прошлые далекіе годы, дивные, волшебные годы юности, полные надеждъ и упованій, полные гордой вѣры въ свои силы.

— Голубка моя!—сказалъ наконецъ Абрамъ Θεодоровичъ, пожимая руку Акулины и лаская ее взглядомъ. — Видно, сжалился Богъ надъ нами одинокими! И не даромъ привелъ онъ тебя изъ невѣдомой глуши сюда подъ мой кровъ въ то время, когда я такъ изнывалъ въ своемъ одиночествѣ, когда искалъ около себя хотя бы одинаго друга, одинаго близкаго милаго! И не находилъ...

— Милый, дорогой! И мнѣ не хотѣлось умереть, хотя бы разонокъ тебя не повидавши! — шептала въ полголоса Акулина, склоняясь головой на плечо Абрама.

— Нѣтъ! Сегодня не поминай о смерти, Акулина! — воскликнулъ Лопухинъ, подавшійся обаянію свиданія. — Не призывай ее... Будемъ думать, что намъ еще дозволено будетъ украсить бѣдный остатокъ нашихъ дней радостями и утѣхами любви и неразрывной дружбы... Будемъ вѣрить, что, свидѣвшись теперь, мы уже не разлучимся болѣе и самой смерти взглянемъ прямо въ очи... съ спокойствіемъ счастливыхъ, любящихъ беззавѣтно, преданныхъ...

— Ахъ! Жить и умереть съ тобою—вотъ все мое счастье, вся радость, все благо! — пролепетала Акулина, обнявъ шею Абрама трепетными, холодными руками.

П. Полевой.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО¹⁾.

XIV.

Выступление и задержка въ Грозной. — Тифлисъ. — Лезгинская линія, Царскіе Колодцы и князь Ревасъ Андрониковъ. — Укрѣпленіе Елису. — Знакомство съ княземъ Анзоромъ. — Конецъ Хаджи-Мурата. — Соколиная охота. — Выступление баталіона снова въ Тифлисъ и затѣмъ въ Турцію. — Сломанная ключица. — Извѣстія о дѣлахъ: Ахалцихскомъ, Баяндурскомъ и Башкадыкларскомъ. — Курьеръ Викторъ Барятинскій. — Моя дорога въ догонку баталіона. — Имѣніе князей Эрстовыхъ. — Прибытіе въ Озургеты.

НАКРОЙСЬ, справа поротно, шагомъ маршъ!» — раздалась послѣ молебна команда Бреверна, и баталіонъ потянулся по знакомой и избитой, всѣмъ до тошноты наскучившей, дорогѣ въ Грозную. Но на этотъ разъ люди шли какъ-то особенно бодро; сначала, подѣ впечатлѣніемъ прочувствованной молитвы, торжества обстановки выступления и прощанія съ остающимися въ Воздвиженскомъ товарищами, между ними царил тишина и сосредоточенность, но вскорѣ русская безшабашная натура взяла верхъ, разговоры стали слышнѣе, смѣхъ и шутки посыпались, и пѣсни полились во всѣхъ ротахъ. Каково же было разочарованіе, когда по просьбѣ ли Ляшенка, или по собственному побужденію, баронъ Врангель послалъ курьера къ главнокомандующему съ письменнымъ изложеніемъ крайняго затрудненія въ отправленіи съ лѣваго фланга двухъ баталіоновъ куринцевъ, а потому доносилъ, что 1-й — выступить въ Тифлисъ 3-го сентября, а третій будетъ задержанъ имъ въ Гроз-

¹⁾ Продолженіе. «См. «Историческій Вѣстникъ», т. LII, стр. 667.

ной, впредь до полученія отъ его свѣтлости разрѣшенія оставить его совершенно. Но черезъ недѣлю со всѣхъ сторонъ опять раздавались радостные крики: походъ, походъ, походъ! Прискакалъ курьеръ изъ Тифлиса съ нахлобучкой отъ князя Воронцова барону Врангелю за задержаніе 3-го баталіона и съ категорическимъ приказаніемъ немедленно двинуть насъ форсированнымъ маршемъ безъ маршрута. Началась суета непомѣрная. Въ магазинахъ, въ лавкахъ, въ духанахъ, вездѣ толкались куринцы всѣхъ чиновъ и званій. Каждому надо было запастись тѣмъ, другимъ. Все болтало скороговоркой, безъ связи и толка. Наконецъ, роты потянулись къ Алханъ-Юртскимъ воротамъ и за крѣпостью, въ ожиданіи начальства, составили ружья. Густыя толпы обывателей, а еще большія обывательницы, высыпали за ворота проводить «родимыхъ». Молодые поселанки съ бубликами и сайками шныряли между рядами солдатъ, и кому за мѣдные деньги, а кому и даромъ, совали въ мѣшки свои гостинцы. Въ группѣ офицеровъ захопали пробки, вино полилось и возгласы, тосты и крики «ура» посыпались, встрѣчая и перебивая другъ друга. Уже послали денщика за подкрѣпленіемъ, когда обезпокоилъ насъ пріѣздъ начальника дивизіи. Объѣхавъ шагомъ роты, Александръ Евстаѣевичъ поздравилъ куринцевъ съ походомъ, но съ такимъ исключительнымъ умѣніемъ говорилъ съ ними, что нѣсколько словъ его завоевали солдатское сердце. Къ офицерамъ онъ также обратился съ задушевною рѣчью; случайно замѣтивъ подскакавшаго въ ту минуту денщика съ бутылками, онъ попросилъ себѣ стаканъ и залпомъ осушилъ его за здоровье и преуспѣваніе въ бояхъ съ турками доблестнаго 3-го баталіона. Наэлектризованные искренностью обращенія съ нами этого прославленнаго рыцаря на Кавказѣ, мы всѣ отъ старшаго до младшаго рядового прониклись сожалѣніемъ, что баронъ Врангель не идетъ съ нами.

Дорога была донельзя удачна. Погода удивительно теплая, и даже въ Дарьяльскомъ ущельѣ—ясно. Люди были здоровы и веселы. Больныхъ не было. Переходы дѣлались легко, хотя были не малы. Седьмой разъ въ жизни проѣзжалъ я тогда изъ Владикавказа въ Тифлисъ, и если суждено мнѣ будетъ сто разъ переваливать горы Кавказскаго хребта, то всякій разъ я, кажется, только больше буду восхищаться дивной, чудной природой. Кто только читалъ безсчетныя и самыя живыя описанія всѣхъ прелестей этого пути, а самъ не видѣлъ его вѣдочію, тотъ не можетъ имѣть должнаго понятія о величіи, поражающемъ все существо человѣка, родившагося на нашемъ сѣверѣ. Здѣсь на протяженіи 200 верстъ встрѣчаются всѣ разнообразія причудливой природы: ущелья, долины, обвалы и отвѣсныя скалы. Въ лѣсистыхъ горахъ во множествѣ водились медвѣди, олени, козы, серны, туры, волки, шакалы, лисицы, зайцы, а изъ пернатыхъ великаны орлы, горныя

индѣйки и всѣ птицы сѣвера и юга. Но въ Чортовой долинь, уже по названію своему обещающей мало наслажденій, зачастую свирѣпствуютъ страшныя бури и мятели, ежегодно губящія много жертвъ, а Крестовая и Гуть-Гора славятся завалами снѣговъ, грознаго бича проѣзднаго люда и окрестныхъ жителей. Массы снѣга, внезапно отдѣляясь отъ вершинъ горъ, вѣчно покрытыхъ льдомъ, заваливаютъ собою не только дорогу на протяженіи цѣлыхъ верстъ, не только людей и животныхъ, но погребаютъ цѣлыя селенія, расположенныя въ долинахъ, у подошвъ отвѣсныхъ горъ. Расчистка дороги сопряжена съ неимовѣрными трудами, а раскопка селеній для спасенія задавленныхъ снѣжными завалами физически невозможна.

Еще не доѣзжая Тифлиса, мы узнали, что 1-й баталіонъ уже выступилъ къ Александрополу, куда и мы должны были спѣшить на соединеніе съ нимъ, но человѣкъ предполагаетъ... въ этомъ еще разъ пришлось убѣдиться. Въ Тифлисѣ намъ объявили выступленіе не въ Александрополь, а на Лезгинскую линію, куда, по полученнымъ свѣдѣніямъ, Шамиль намѣренъ былъ сдѣлать сильное нападеніе. Вотъ тебѣ и Турція!

Послѣ трехъ переходовъ пришли мы въ Царскіе Колодцы, штабъ-квартиру Тифлисскаго полка. Здѣсь встрѣтилъ насъ мой старый знакомый, Ревасъ Андрониковъ. Изъ бывшихъ адъютантовъ князя Воронцова онъ попалъ сюда въ генеральскомъ чинѣ командиромъ бригады и, конечно, хотѣлъ по этому случаю разыграть роль начальства. Съ глубокимъ достоинствомъ выѣхалъ онъ къ баталіону, объѣхалъ ряды, держалъ несвязный спичъ, и если удивилъ всѣхъ, то только красотою своего золотисто-рыжаго верховаго жеребца. Дѣйствительно, рѣдко удавалось мнѣ встрѣчать карабаха такихъ изящныхъ статей и склада, и притомъ замѣчательнаго роста: въ немъ было полныхъ четыре вершка.

Князь Ревасъ пригласилъ всѣхъ офицеровъ къ себѣ обѣдать, былъ радушенъ, внимателенъ и хотѣлъ быть любезнымъ, но, тѣмъ не менѣе, все какъ-то у него не клеилось, и когда вся церемонія кончилась, мы вздохнули легко и свободно.

Вспомнилъ я эпизодъ съ этимъ Андрониковымъ.

Въ 1845 году, по взятіи Дарго, графъ Воронцовъ послалъ въ Петербургъ съ донесеніемъ, состоящаго при немъ по особымъ порученіямъ, графа Галатери; а послѣ всѣхъ ужасовъ Сухарной экспедиціи, возвратясь съ остатками отряда въ Герзель-ауль, отправилъ къ государю императору вторымъ курьеромъ личнаго адъютанта своего, гвардіи штабъ-ротмистра, князя Реваса Андроникова, который быстро добрался до Терской линіи и сломя голову помчался въ Петербургъ. Случилось такъ, что Андрониковъ проѣхалъ Екатеринодаръ прежде, чѣмъ по Военно-Грузинской дорогѣ изъ Закавказья попалъ туда графъ Галатери, не любившій

никогда ни въ чемъ стѣснятъ себя и въ этомъ случаѣ не пожелавшій нарушать своихъ привычекъ къ комфорту и покою. Онъ ежедневно останавливался на ночлеги и значительную часть времени посвящалъ отдохновенію и сну. Андроникову же во всю дорогу не пришла благая мысль справиться на станціяхъ о времени проѣзда графа Галатери, и онъ, быстро подвигаясь впередъ, твердилъ лишь про себя всѣ подробности словесныхъ объясненій его величеству по пріѣздѣ въ Петербургъ. При этомъ Андрониковъ подготавливалъ изустный докладъ свой о Даргинской экспедиціи не съ самаго начала ея, а только съ періода отправления графа Галатери, то-есть послѣ Сухарной экспедиціи и до прибытія отряда въ Герзель-ауль.

Не смотря на жестоко-безпокойныя условія перекладной, на толчки и всѣ физическія страданія, имъ испытанныя при бѣшеной скачкѣ на разстояніи 2.700 верстъ, Андрониковъ усердно зубрилъ наизусть: какого полка и какіе баталіоны были ежедневно при отступленіи въ аріергардѣ и въ цѣпяхъ; въ какіе дни и гдѣ именно были самыя жаркія схватки, кто командовалъ въ означенныхъ дѣлахъ, сколько потерь въ отрядѣ и проч., словомъ, всѣ мельчайшія подробности при злополучномъ отступленіи нашего разбитаго отряда. Но при этомъ Андрониковъ не потрудился освѣтить въ своей памяти все случившееся при наступленіи нашихъ войскъ въ Андію, занятіи Дарго, несчастной экспедиціи за сухарями, потери Пассека и прочее.

Пріѣзжаетъ онъ наконецъ въ Петербургъ. Ему говорятъ, что государь въ Петергофѣ; онъ сейчасъ же скачетъ туда. Оказывается, что государь въ Красномъ Селѣ; Андрониковъ въ ту же минуту несется за его величествомъ, и на полдорогѣ, часу въ 11-мъ вечера, встрѣчаетъ царскій поѣздъ. Андрониковъ ворочаетъ свою тройку и двигается вслѣдъ, но государь императоръ, ѣхавшій въ коляскѣ съ графомъ Бенкендорфомъ, замѣтилъ звукъ курьерскаго колокольчика, а потому, давно уже безпокоясь неполученіемъ донесеній отъ графа Воронцова, освѣдомился, не курьеръ ли это съ Кавказа. По полученіи утвердительнаго отвѣта, его величество, остановивъ экипажъ свой, поспѣшно подозвалъ курьера, спросилъ его фамилію и когда выѣхалъ съ Кавказа, а затѣмъ, пригласивъ графа Бенкендорфа пересѣсть въ другой экипажъ, приказалъ Андроникову сѣсть рядомъ съ собою, въ коляску. Его величество, не имѣя возможности, по случаю темноты ночи, прочесть письменныхъ донесеній Воронцова и нетерпѣливо желая скорѣе узнать о всѣхъ подробностяхъ экспедиціи, обратился съ разспросами къ курьеру, но съ первыхъ же словъ Андроникова остановилъ его замѣчаніемъ, почему онъ не начинаетъ рассказъ свой сначала, а съ половины экспедиціи. Ревась, недоумѣвая о причинахъ невѣдѣнія государемъ первоначальныхъ донесеній, отправленныхъ глав-

нокомандующимъ къ его величеству съ графомъ Галатери, смущается, путается въ словахъ и въ концѣ концовъ теряется совершенно. Само собою, государь радрагается полнымъ неумѣніемъ присланнаго къ нему адъютанта удовлетворить его, но, когда послѣ всевозможныхъ сокращеній и пробѣловъ о ходѣ перваго періода экспедиціи Андроникову удалось наконецъ выбраться на торную свою дорогу, и онъ безостановочно и связно началъ, какъ попугай, заученное повѣствованіе свое, государю тотчасъ же пришла мысль о случившемся недоразумѣніи, и онъ съ живостью спросилъ:

— Да не былъ ли раньше тебя посланъ ко мнѣ другой курьеръ?

— Точно такъ, ваше императорское величество, графъ Галатери, отправленный за десять дней ранѣе меня, — отвѣчалъ ободрившійся князь Андрониковъ.

— Гдѣ же онъ? Куда дѣвался? — спросилъ государь и, смягчившись относительно Андроникова, приказалъ немедленно отправить фельдъегеря на встрѣчу и розыски пропавшаго графа Галатери.

Какъ бы то ни было, но пріятное впечатлѣніе, которое надѣялся произвести Андрониковъ на государя Николая Павловича привезеннымъ извѣстіемъ о возвращеніи отряда нашего въ Гераель-ауль, исчезло безвозвратно. Правда, на другой день въ Александріи Андрониковъ былъ удостоенъ приглашенія къ высочайшему столу, за которымъ государь императоръ, посадивъ его между великой княгиней Маріей Николаевной и великой княжной Ольгой Николаевной, поздравилъ его съ слѣдующимъ чиномъ, причемъ предложилъ выдернуть изъ эполетъ Андроникова штабъ-ротмистерскія звѣздочки, что, къ великому смущенію вновь произведеннаго, во время же обѣда и было съ помощью вилокъ собственно-ручно исполнено ихъ высочествами, однако же мечта ретиваго курьера о полученіи флигель-адъютантскихъ вензелей не осуществилась.

Достойно замѣчанія и то, что графъ Галатери, только на четвертый день послѣ пріѣзда князя Андроникова явившійся въ Петербургъ съ первоначальнымъ донесеніемъ о взятіи Дарго, изобрѣлъ какія-то уважительныя причины своего замедленія, а потому наравнѣ съ Андрониковымъ удостоенъ былъ также производства въ слѣдующій чинъ.

Послѣ Царскихъ Колодцевъ, при вступленіи въ Закаталы, центральный пунктъ и главную квартиру начальника Леэгинской линіи, князь Григорій Орбеліани выѣхалъ къ намъ на встрѣчу и, распорядившись о помѣщеніи и угощеніи баталіона, позвалъ офицеровъ къ себѣ обѣдать. Изъ всѣхъ грузинъ, простыхъ и знатныхъ, никого не встрѣчалъ я симпатичнѣе, а вмѣстѣ и умнѣ этого Орбеліани, Григорія. Братъ его, Илико, знаменитый красавецъ, статный и ловкій танцоръ, лихой собутыльникъ и отчаянный вояка, быстро сдѣлавшій карьеру и теперь уже въ ге-

неральскомъ чинѣ занимающій видное положеніе въ отрядѣ князя Бебутова, далеко въ сущности не располагаетъ въ свою пользу сослуживцевъ своихъ, какъ старшій братъ Григорій. Развитой, образованный, краснорѣчивый и обаятельно любезный, онъ слыветъ въ Грузіи за очень талантливаго поэта, за перваго представителя высшей аристократіи всего края и популярнѣйшаго друга грузинскаго народа. Гостепріимно и радушно угощаль насъ князь Григорій національнымъ обѣдомъ, отличнымъ виномъ Кахетіи и стройнымъ хоромъ русскихъ пѣвчихъ.

Немного отдохнувъ, мы снова двинулись въ походъ и послѣ многихъ мытарствъ съ одной позиціи на другую стали наконецъ бивуакомъ около большаго селенія Кахъ, откуда я ходилъ съ ротой въ укрѣпленіе Елису. Расположено оно въ узкомъ и неприступномъ ущельѣ, бывшемъ владѣніи султана Елисуйскаго, когда-то генераль-лейтенанта русской службы, а нынѣ одного изъ вліятельнѣйшихъ сподвижниковъ Шамиля. Неудовольствія его на наше правительство побудили его въ одинъ прекрасный день бросить свои богатыя здѣсь владѣнія и передаться имаму. Укрѣпленный замокъ султана преобразованъ былъ въ каварму двухъ ротъ Мингрельскаго полка, занимающаго фортъ Елису, при входѣ на Кавказскій хребетъ. Дикая мѣстность укрѣпленія, вплотную окруженаго отвѣсными, какъ стѣнами, скалами, производитъ убійственное, тяжелое впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что эти голые кругомъ каменья образуютъ собою просторный гробъ, чтобы насъ заживо похоронить и приплюснуть висячими надъ головою утесами. Въ Елису солнце свѣтитъ часъ, много полтора въ день, такъ какъ неба видно изъ этого глубокаго колодца самый крошечный кусочекъ. Не смотря на радушный приѣмъ коменданта и всѣхъ офицеровъ Мингрельскаго полка, которыхъ злая судьба обрекла жить въ этой ужасной ямѣ, я забралъ слѣдуемый къ полученію для баталіона провіантъ и поспѣшилъ бѣжать изъ Елису безъ оглядки.

На другой день приѣзжалъ явиться къ Бреверну, какъ флигель-адъютанту его величества, племянникъ ех-султана Елисуйскаго, князь Анзоръ, состоящій на службѣ въ собственномъ государя конвоѣ. Сюда онъ приѣхалъ весною въ отпускъ и случайно попалъ въ передрагу, гдѣ оказалъ немаловажное отличіе при преслѣдованіи, — кого же? — Хаджи-Мурата.

Исторію трагическаго конца этого баснословнаго фанатика я слышалъ уже давно, но подробности узналъ только здѣсь, на мѣстѣ происшествія.

Невольный виновникъ войны «Алой и Бѣлой Розы», разгорѣвшейся изъ-за него въ Воздвиженскомъ, между Меллеромъ и княземъ Simon'омъ Воронцовымъ, Хаджи-Муратъ былъ увезенъ тогда въ Грозную, куда къ нему командированъ былъ Лорисъ-Меликовъ отъ главнокомандующаго. Дождавшись прибытія изъ горъ въ Гроз-

ную женъ и имущества новаго подданнаго Россіи, Хаджи-Мурата, — Лорисъ снарядилъ экипажи и повезъ его съ семействомъ въ Тифлисъ, гдѣ князь Воронцовъ, а по его примѣру и вся знать города, долго чествовали знаменитаго богатыря дагестанскаго. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду съ нимъ нянчились въ Тифлисъ; ему показывали всѣ достопримѣчательности, возили въ театръ, давали объѣды и загородныя празднества, катали по улицамъ съ блистательнымъ конвоемъ, ухаживали всячески, любезничали и кокетничали съ нимъ до того, что наконецъ ему надоѣли, и онъ, дитя природы, родившееся въ горахъ и всю жизнь пользовавшееся свободой и чистымъ воздухомъ живописной страны Аваріи, настойчиво просилъ и получилъ разрѣшеніе оставить шумный, пыльный и въ лѣтнее время невыносимый по духотѣ городъ. Резиденцію Хаджи-Мурату, по его желанію, назначили въ одномъ изъ сосѣднихъ съ Елису селеній, на плоскости, а въ караулъ къ нему, но въ видѣ почетнаго конвоя, — полсотни донскихъ казаковъ. Пользуясь относительной свободой, Хаджи-Муратъ ежедневно дѣлалъ прогулки верхомъ, сопровождаемый казаками, что, конечно, ему не нравилось, такъ какъ ему была очевидна цѣль назначенія мнимаго почета, постоянно стѣснявшаго его дѣйствія. Еще изъ Тифлиса, подъ предлогомъ вредныхъ климатическихъ условій, онъ отпустилъ женъ своихъ, тайно пробравшихся къ себѣ на родину, а онъ самъ, водворенный въ здѣшней мѣстности, томился въ одиночествѣ, если не считать четырехъ ему преданнѣйшихъ мюридовъ, занимавшихъ двѣ комнаты въ одномъ же съ нимъ домѣ. Версты за двѣ отъ селенія, на сѣверъ, по направленію хребта горъ, на плоскости, находился высокій курганъ, на который Хаджи-Муратъ ежедневно ѣздилъ, слѣзалъ съ коня и, разостлавъ бурку, кейфовалъ цѣлые часы. Офицеръ-казакъ, начальствовавшій надъ полусотней, во избѣжаніе ежедневнаго утомленія себя и всѣхъ людей своихъ, счелъ возможнымъ наряжать въ конвой своему знатному арестанту по 12 казаковъ въ день и, привыкнувъ къ его вседневному прогулкамъ, мало-по-малу сталъ халатно относиться къ возложенной на него обязанности — смотрѣть за нимъ въ оба. Однажды Хаджи-Муратъ съ мюридами и обычнымъ конвоемъ выѣхалъ на излюбленный курганъ свой и, какъ дѣлалъ прежде, повалился на бурку, задумчиво и лѣниво любуясь видомъ окружной мѣстности. По его примѣру слѣзли съ коней и казаки. Зная по опыту, что имъ придется провести здѣсь большую часть дня, они стреножили лошадей и, пустивъ ихъ на пастбище, сами безопасно задремали. Того и нужно было Хаджи-Мурату. Условившись предварительно на своемъ языкѣ, онъ и его мюриды внезапно вскочили на коней и понеслись степью, по направленію къ горамъ. Гаврилычи ахнули, всполошились, но пока распутали лошадей и вскочили въ сѣдла, бѣглецы уже были на полверсты.

Хаджи-Мурату, съ мюридами, вѣроятно, удалось бы невредимо скрыться, такъ какъ ихъ лошади были несравненно высшаго достоинства, чѣмъ донскія, и притомъ они сразу отдѣлились отъ казаковъ, если бы послѣдніе не догадались дать нѣсколько сигнальных выстрѣловъ, на которые по тревогѣ ринулись почти на перерѣзъ бѣглецамъ джигиты князя Анзора, случайно возвращавшагося съ соколиной охоты. Погоня началась отчаянная. На протяженіи десятка верстъ одинъ за другимъ пали отъ мѣткихъ выстрѣловъ джигитовъ-охотниковъ всѣ четыре мюрида. Одинъ Хаджи-Муратъ, хотя тоже раненый, но отстрѣливаясь и всѣми силами понукая ослабѣвшаго коня своего, еще мчался впереди всѣхъ. Уже недалеко оставалось ему до опушки лѣса, спасеніе возможно, но въ ту минуту карабахъ его, задѣтый пулею, зашатался и, спотыкаясь, пошелъ впередъ въ полъ-маха, а погоня уже близко, на пистолетный выстрѣлъ. Хаджи-Муратъ на всемъ скаку спрыгнулъ съ раненой лошади, пѣшкомъ достигъ лѣса и, какъ дикій звѣрь, спасая свою шкуру, неимоверными прыжками перескакивая черезъ кусты и колоды, бросился въ чащу. Разсыпавшіеся за нимъ всадники открыли его убѣжище, но прежде, чѣмъ имъ удалось спѣшиться и атаковать его, двое пали убитыми и трое ранеными. Джигиты князя Анзора, казаки съ кургана и остальные, по тревогѣ подоспѣвшіе изъ селенія, всего до 60 человекъ, собравшіеся здѣсь, долго не могли одолѣть одного Хаджи-Мурата, явившаго неслыханную отвагу. Разстрѣлявъ до послѣдняго всѣ заряды изъ винтовки и пистолета, онъ, какъ левъ, вскочилъ на прикрывавшій его заваль и, истекая кровью отъ тяжелыхъ ранъ, отчаянно рубился пашкой. Цѣлый рой пуль летитъ въ осwirѣпѣвшаго звѣря, но онъ въ изступленіи все еще крошитъ на смерть ближайшихъ враговъ своихъ. Наконецъ, роковая пуля повалила его на землю. Съ крикомъ восторга побѣдители устремились къ павшему герою, но и тутъ Хаджи-Муратъ, закатывая глаза въ предсмертной агоніи, успѣлъ распоротъ кинжаломъ животы двумъ отважнѣйшимъ врагамъ. Такъ погибъ легендарный боецъ Хаджи-Муратъ, но какою цѣною достался намъ трупъ его? Изъ 18 жертвъ, уложенныхъ рукою героя, прежде чѣмъ овладѣть имъ, 11 поплатились жизнью... Исчезла съ лица земли колоссальная личность, но вмѣстѣ съ нимъ на вѣки умерла и тайная цѣль мнимаго примиренія его съ Россіей.

Кстати о соколиной охотѣ. Какъ-то, рано утромъ, пріѣхалъ князь Анзоръ. Большая свита нукеровъ сопровождала его съ речетами, соколами и беркутами. Погода была удовлетворительная, и мы, большою компаніей—Ренне, Воецкій, Кутлеръ, Поливановъ и Леусъ, отправились съ княземъ на эту оригинальную охоту. Впервые ее увидѣвъ, мнѣ было очень любопытно смотрѣть на весь процессъ преслѣдованія птицъ и даже звѣря не очень крупными

хищниками, посредственно выношенными и приученными. Отыскиваніе дичи производилось общепринятымъ гаемъ, верховыми людьми, но безъ собакъ. Подымался фазанъ, куропатка, утка, перепель, или бѣжалъ заяцъ или лисица, вслѣдъ за ними скакали нукеры, спуская съ руки свою хищную птицу. Красивѣе всѣхъ былъ одинъ соколъ, любимецъ князя Анзора. Примѣтивъ летящую добычу, онъ стремительно несся за нею, постепенно поднимаясь вверхъ, и затѣмъ, уловивъ моментъ съ высоты, камнемъ бросался внизъ и безъ промаха вмѣстѣ съ жертвой своей катился на землю. Около полудня задулъ сильный вѣтеръ и помѣшалъ намъ дальше охотиться. Въ бурю немисливо охотиться съ соколами, которые не только плохо преслѣдуютъ добычу, но и сами легко пропадаютъ. Любезный нашъ амфитріонъ, разставаясь, обѣщалъ еще разъ устроить въ большихъ размѣрахъ полеваніе въ мѣстностяхъ, гдѣ много дикихъ козъ и лисицъ.

До насъ стали доноситься смутные слухи о громкихъ побѣдахъ, одержанныхъ отрядами Александропольскимъ и Алалцискимъ надъ турками. Недолго пришлось ждать и намъ. 2-го ноября Бревернъ получилъ съ эстафетой предписаніе немедленно выступить съ 3-мъ баталіономъ обратно по Лезгинской линіи, въ Тифлисъ. Что было дѣлать мнѣ, несчастному неудачнику? Скучая до одури въ Кахѣ, мы устроили наканунѣ состязаніе верхомъ, причемъ мой конь споткнулся о камень и грохнулся со всѣхъ четырехъ ногъ о землю, придавивъ меня собою. Въ результатѣ оказалась сломанная въ правомъ плечѣ ключица и непремѣнное приказаніе доктора лежать неподвижно въ крахмальной подвязкѣ, но я не послушался этихъ мудрыхъ совѣтовъ; устроившись на арбѣ, хотя съ большими страданіями, но доплелся таки вслѣдъ за баталіономъ до Тифлиса. Здѣсь же слѣдовать дальше за товарищами, которые на завтра выступали, оказалось для меня совершенно немисливо, и я долженъ былъ дней на 12 принять гостепріимство милѣйшаго друга Александра Ивановича Вастена; послѣ чего рѣшилъ пуститься въ погоню за своими, но не по Александропольскому тракту, а въ другую сторону. Многое узналъ я здѣсь относительно начинающейся войны и тѣхъ дѣлъ, которыя уже были у насъ. Первымъ враждебнымъ дѣйствіемъ турокъ послужилъ фортъ св. Николая около Озургетъ. Въ означенномъ фортѣ въ прикрытіе хлѣбныхъ магазиновъ нашихъ, на крайнемъ пограничномъ пунктѣ Чернаго моря, весь гарнизонъ заключался въ 15 донскихъ казакахъ, при урядникѣ, и трехъ провіантскихъ нижнихъ чинахъ интендантскаго вѣдомства. На эти ничтожныя военныя силы обрушился турецкій отрядъ, внезапно атаковалъ и занялъ фортъ, безчеловѣчно истребивъ всѣхъ его защитниковъ. По слухамъ турки укрѣпили этотъ постъ и, поставивъ надежныя силы, намѣрены удержать его за собою.

Разсказываютъ люди, посвященные въ дѣло, что при объявленіи разрыва съ Оттоманской имперіей государь Николай Павловичъ предложилъ нашему здѣсь главнокомандующему барона Остенъ-Сакена, Лидерса или Панютина въ помощь, но что князь Михайль Семеновичъ всеподданнѣйше отвѣтилъ его величеству, что не желаетъ ни перваго, ни втораго, ни третьяго на томъ основаніи, что кавказская школа на столько образовала военныхъ людей, что онъ, князь Воронцовъ, твердо надѣется привести предначертанія его величества относительно Азіатской Турціи въ исполненію своими кавказскими генералами. Въ силу этого князь представилъ, а государь утвердилъ, начальниками отрядовъ: Александропольскаго, самаго сильнаго по численности войскъ, вошедшихъ въ составъ его, въ виду первоклассной турецкой крѣпости Карса, расположенной въ районѣ предположенныхъ военныхъ дѣйствій,—князя В. О. Бебутова, бывшаго до минуты назначенія своего управляющимъ гражданскою частью на Кавказѣ; Баязетскаго—барона Карла Врангеля; Ахалцихскаго—князя Ивана Малхазовича Андроникова, бывшаго до того тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ, и Гурійскаго—князя А. И. Гагарина, когда-то служившаго при князѣ Воронцовѣ личнымъ адъютантомъ, а нынѣ кутаисскаго губернатора.

Князь Александръ Ивановичъ Гагаринъ—очень милый и достойный человекъ, женатый на одной изъ безчисленныхъ здѣсь княженъ Орбеліани, родной сестрѣ нашего Ваню. Штабъ-квартира Гагарина была въ Озургетахъ, а весь Гурійскій отрядъ состоялъ, кромѣ нашего 1-го батальона, изъ войскъ 13-й пѣхотной дивизіи, 5-го корпуса Лидерса, такъ что Бревернъ разсчитывалъ встрѣтить тамъ много друзей и знакомыхъ.

Князя Бяратинскаго также не было въ Тифлисѣ: онъ назначенъ былъ начальникомъ штаба въ дѣйствующемъ отрядѣ князя Бебутова. Первое сраженіе съ турками имѣлъ Ахалцихскій отрядъ князя Андроникова, разбившій непріятелиа наголову, причемъ захвачена и непріятельская артиллерія. Въ этомъ сраженіи оказался героемъ дня, но совершенно фуксомъ, мой давнишній пріятель Циммерманъ. Когда наша колонна рано утромъ, въ густой туманъ, начала наступленіе на турецкія укрѣпленія, начальникомъ ея былъ генераль-маіоръ Фрейтагъ, а при немъ, какъ офицеръ генеральнаго штаба, Циммерманъ. Непритель за нѣсколько сотъ шаговъ открылъ нашу атаку и встрѣтилъ ее усиленнымъ огнемъ, причемъ пулею былъ раненъ въ руку начальникъ отряда. Фрейтагъ слѣзъ съ лошади, и, пока ему дѣлали перевязку, войска безъ всякихъ распоряженій свыше продолжали идти впередъ и на «ура» заняли ложементы и батареи, сбили непріятелиа на всѣхъ пунктахъ и завладѣли орудіями. Побѣда громкая! Но кто главный виновникъ и чью грудь украситъ Георгіевскимъ крестомъ, заслужен-

нымъ по статуту? Фрейтагъ въ минуту одержанной побѣды былъ вмѣ выстрѣловъ, слѣдовательно очередь была за старшимъ въ чинѣ. Собираются справки, и оказывается, что всѣ батальонные командиры, шедшіе въ счастливую атаку, по производству моложе подполковника Циммермана, которому и присужденъ былъ бѣлый крестъ. Послѣ Ахалцихскаго дѣла было два послѣдовательныхъ сраженія въ Александропольскомъ отрядѣ. Первое, подѣ командой князя Илико Орбеліани, подѣ селеніемъ Баяндуромъ, было чисто артиллерійскимъ боемъ. Нашъ 1-й батальонъ принималъ въ немъ участіе и понесъ изрядныя потери. Второе же сраженіе дано было блистательно подѣ Башъ-Кадыклярѣмъ. Здѣсь дрался весь отрядъ князя Бебутова противъ главныхъ турецкихъ силъ, въ три раза превышавшихъ числомъ наши батальоны, что не помѣшало, однако, неприятелю отдать намъ весь лагерь, обозъ и всю артиллерию свою. 1-й батальонъ опять отличился, и командиръ его контуженъ ядромъ въ голову. Побѣда подѣ Башъ-Кадыклярѣмъ была бы еще блистательнѣе, если бы не такая большая потеря съ нашей стороны (болѣе 2.000 человекъ) и смерть, напримѣръ, такого замѣтнаго героя, какъ князь Илико Орбеліани, убитаго наповаль ядромъ.

Но все это, какъ ни было блестяще, меркло, однако, при извѣстіи о морскомъ сраженіи и пораженіи турецкаго флота подѣ Синопомъ. Герой Нахимовъ оказалъ чудеса отваги, принявъ бой съ сильнѣйшимъ неприятелемъ, по числу судовъ, поддержанныхъ къ тому же береговыми батареями; не смотря на это, турецкій флотъ въ своей собственной бухтѣ истребленъ окончательно. Официальное сообщеніе объ этой славной морской побѣдѣ привезъ въ Тифлисъ морякъ, князь Викторъ Барятинскій, родной братъ Александра Ивановича; весь городъ, конечно, чествовалъ его на славу; но военныхъ и свитскихъ князя Воронцова мало оставалось въ городѣ: всѣ они разбрелись по отрядамъ дѣйствующихъ войскъ въ Азіатской Турціи.

Наконецъ, 21-го ноября и я выѣхалъ изъ Тифлиса въ 9 часовъ утра. Сурамскій переваль пришлось переваливать ночью, что, конечно, не могло улыбаться мнѣ при условіи очень грязной дороги и непомѣрной темноты. Изъ опасенія быть вываленнымъ, я требовалъ отъ ямщика не спѣшной, но осторожной ѣзды, на что онъ равнодушнымъ тономъ отвѣчалъ: «Что Богъ дастъ!» какъ вдругъ на 12-й верстѣ отъ оставленной станціи повозка сразу перегнулась на сторону и, не опрокидываясь совершенно, повисла лѣвыми колесами на воздухъ. Чемоданы быстро вылетѣли въ какой-то оврагъ, а я, закинувъ ногу за ящикъ повозки, удержался въ висячемъ положеніи, пока ямщику не удалось объѣхать кругомъ и съ неимоверными усиліями возстановить телѣгу въ нормальное положеніе. Этимъ маневромъ я избѣгъ паденія, но зато

отъ натуги ноги у меня соскочила съ мѣста чашка праваго колѣна. Одно другаго не легче! Ямщикъ такъ схватилъ меня за ногу и дернулъ, что она хотя и хрустнула, но выпрямилась; тѣмъ не менѣе нестерпимая боль при сильной опухоли еще долго давала себя чувствовать. Въ Кутаисъ мы вѣхали къ раннему завтраку и тамъ узнали, что батальонъ нашъ только наканунѣ выступилъ изъ города. Не долго мѣшкая, я пустился въ дальнѣйшій путь и въ концѣ втораго перегона нагналъ растянувшійся батальонъ, очень медленно шлепавшій по слякоти. Повозку мою окружили и посыпались вопросы и сообщенія о всемъ случившемся за время нашей разлуки. До имѣнія князей Эристовыхъ, гдѣ предназначень былъ ночлегъ, оставалось не болѣе версты, и я пустился впередъ. На горѣ, у деревяннаго господскаго дома, стояли наши повозки, а около нихъ шнырялъ Вавила. Осторожно высадивъ меня изъ повозки, онъ заахалъ, услышавъ о ночномъ приключеніи съ ногой, но не могъ не порадоваться моему пріѣзду, такъ какъ въ отсутствіе мое его совсѣмъ будто бы «затуркалъ» А. И. Поливановъ. Тѣмъ временемъ подошли и наши, и мы, обнявшись съ Бреверномъ, отправились въ отведенное намъ помѣщеніе. Животрепещущее крыльцо, покривившееся отъ ветхости и сложенное изъ пролетныхъ досокъ, показалось мнѣ сомнительной прочности, а потому я со всевозможною осторожностью занесъ на него ногу, но съ первой же ступени она поскользнулась, я потерялъ равновѣсіе и упалъ головой въ промежутокъ между досками... Съ ушибленнымъ плечомъ и распухшею ногою далеко не весело провелъ я ту ночь, а дождь, лившій цѣлый день, разразился еще съ новою силой, немилосердно стуча не только въ стекло, но черезъ крышу и потолокъ и по жалкой мебели нашего палаццо. 25-го числа ноября 1853 года мы прибыли, наконецъ, въ Озургеты.

XV.

Озургеты.—Новыя личности.—Карзановъ, Мазараки, Голофѣевъ, Щербаковъ, братья Гуріели.—Лагерь на рѣкѣ Нетопеби и позиція у Чехатскаго моста.—Ветрѣча Новаго года.—Фарсъ Карганова и его послѣдствія.—Пріѣздъ Гагарина и И. М. Андроникова.—Новости: разрывъ съ Англійей и Франціей и отбѣздъ князя Воронцова съ Кавказа.—Багговуть и его рассказы.—Судьба святаго свѣтлѣйшаго князя.—Пріѣздъ въ отрядъ князя Семена Михайловича Воронцова.—Отступленіе изъ Озургетъ къ рѣкѣ Ріону и соединеніе отрядовъ.—Пѣздка въ Ланчхутъ; предчувствія.—Роковое извѣстіе о побойщѣ въ Ланчхутскомъ ущельѣ.—Кутаисъ и вторичное выступленіе къ Озургетамъ.

Втеченіе недѣли я познакомился со всѣмъ новымъ начальствомъ Гурійскаго отряда, во главѣ котораго стоялъ князь Гагаринъ. Какъ наружною, такъ и нравственными сторонами онъ

первоклассный оригиналь, очень милый, любезный и обходительный, но своеобразный, съ сѣдыми локонами по плечи. Начальникомъ штаба его—полковникъ Іосифъ Ивановичъ Каргановъ, боевой офицеръ, образованный и очень умный. Онъ сынъ знаменитаго когда-то Ваньки Каина, о подвигахъ котораго гремѣла на Кавказѣ общая молва. Самъ Іосифъ прекрасный, съ выразительными чертами лица армянскаго происхожденія, страшно заикается отъ рожденія и часто встрѣчаетъ непреодолимыя затрудненія выговорить слово, но зато, когда удастся одолѣть это механическое препятствіе, рѣчь его течетъ плавно и послѣдовательно, дѣльно и краснорѣчиво. Будучи молодымъ сапернымъ офицеромъ, онъ получилъ Георгіевскій крестъ въ Дагестанѣ, гдѣ на Сулакѣ ему удалось подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятели навести мостъ. Съ той поры имя Карганова стало извѣстно въ Закавказьѣ, и выборъ главнокомандующаго на видную должность начальника штаба отдѣльнаго Гурійскаго отряда палъ на него, какъ весьма способнаго, хотя и не генеральнаго штаба офицера.

Другой штабный, Николай Семеновичъ Мазараки, принадлежа къ воспитанникамъ военной академіи, какъ исключеніе, очень простъ въ обращеніи, безъ тѣни всякой фанаберіи. Онъ давно уже служилъ при генералѣ Лидерсѣ и Венгерскую кампанію дѣлалъ съ Бревверномъ, съ которымъ и въ настоящую минуту состоялъ въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ. Мазараки очень былъ занятъ канцелярской работой въ штабѣ, что не мѣшало ему, однако, урывками забѣгать къ намъ. Далѣе Бруннеръ, командиръ Брестскаго полка, личность почтенная и по общимъ отзывамъ очень дѣльная. Въ его полку командовалъ батальономъ толстый Голофѣевъ, тотъ самый, про котораго ходилъ знаменитый анекдотъ обогащенія во снѣ, въ замкѣ венгерскаго магната; Шербарковъ, штабсъ-капитанъ, старшій отрядный адъютантъ, замѣчательный усидчивою дѣятельностью днемъ въ канцеляріи, а ночью за зеленымъ столомъ у начальства, у насъ или гдѣ бы то ни было; а такъ какъ въ настоящее время года, при непроходимыхъ путяхъ въ окрестностяхъ Озургетъ, то-есть во всей Гуріи, Мингреліи и Сухумскомъ отдѣлѣ, движеній войскъ какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ ожидать было нельзя, то всѣ мы прозябали пока въ однообразной скукѣ, разсѣять которую всѣ отъ мала до велика старались на зеленомъ полѣ. Здѣсь фельдмаршальскій жезлъ съ достоинствомъ носилъ въ рукахъ Іосифъ Ивановичъ Каргановъ, завзятый игрокъ и страстный любитель ланскнехта. И не у насъ однихъ идетъ борьба сильныхъ ощущеній, но куда ни заглянешь, вездѣ наша безшабашная братія чуть не съ утра рѣзалась между собою. Въ большомъ, довольно грязномъ домѣ, на городской площади, размѣстилось большинство нашихъ офицеровъ; тамъ предсѣдательствовалъ Рудой (Руденко), а членами засѣдали: Мацкевичъ,

Кутлеръ, Ренне, Воецкій, Саверинъ, Пашенька Полторацкій и два брата Хилинскіе. «Не красна изба углами»,—гласить русская половица, но тутъ надо сказать не «пирогамъ», а безчисленнымъ количествомъ бутылокъ и картъ, составляющихъ не только главное украшеніе, но и мебель этого волшебнаго отеля.

Зима здѣсь въ Гуріи своеобразная, безъ снѣга, но съ непрерывнымъ дождемъ, какая-то гнилая. На площади и улицахъ Озургеть море жидкой грязи, которую ночью даже верхомъ одолѣть не безопасно. Вездѣ, на всѣхъ театрахъ войны затишье. За Дунаемъ было жаркое дѣло у Четати, о которомъ рассказываютъ чудеса, но и тамъ потомъ все смолкло, и армія Паскевича копошилась вся у Силистріи. У насъ же въ Азіатской Турціи былъ положительный застой во всѣхъ новостяхъ. Но тишина эта была передъ бурей. Ближайшій отъ насъ пунктъ, занятый непріателемъ, вновь воздвигнутое укрѣпленіе, Шехвители, на мѣстѣ бывшаго форта св. Николая. Турки тамъ очень укрѣпились и содержали въ гарнизонѣ крѣпости до 3-хъ батальоновъ низама и нѣсколько орудій. Какъ-то пріѣзжалъ въ намъ уѣздный предводитель озургетскій, князь Леванъ Гуріели, и заявилъ, что рѣшенъ вопросъ о занятіи вблизи отъ Шехвители Чехатскаго моста всею гурійскою милиціей, куда она и выступила въ числѣ до 4.000 человекъ. Мостъ на рѣкѣ Чолокъ, въ лѣсистой мѣстности, всего въ четырехъ верстахъ отъ бывшаго Николаевского форта, представлялъ очень важный стратегическій пунктъ, удержаніе котораго было крайне необходимо какъ для охраненія Озургеть, такъ и для наблюденія надъ дѣйствіями турокъ вообще. Два брата Гуріели, Леванъ и Димитрій, богатые помѣщики здѣшняго уѣзда, первый предводитель, а второй рьяный партнеръ въ ланскнехтъ, часто оба являлись къ намъ, или приглашали на свои національные обѣды, гдѣ мы познакомились со многими туземцами лучшихъ фамилій.

Жизнь шла мирно весь мѣсяць, какъ вдругъ 21-го декабря явился къ намъ Мазараки и предупредилъ, что батальону предстоитъ выступленіе къ Чехатскому мосту на подкрѣпленіе милиціи нашей, такъ какъ турки угрожали ей нападеніемъ изъ Шехвители. Итакъ, праздники Рождества Христова намъ предстояло провести подъ открытымъ небомъ.

Въ темнѣйшую ночь на сочельникъ, съ дождемъ и вѣтромъ, вползли мы въ полуразрушенное селеніе, оставленное жителями на произволь судьбы и шакаль. Ощупью занимали мы беспорядочную позицію, такъ какъ осмотрѣться кругомъ было немислимо. Окликакая другъ друга въ наступившей темнотѣ, изъ опасенія не быть сбитымъ наплывающимъ потокомъ людей, безсознательно ищущихъ себѣ пріюта и страшно утомленныхъ, мы прониклись убѣжденіемъ взять то, что пошлетъ намъ судьба. Начальнику колонны, т. е. Бреверну, и мнѣ, судьба эта послала крытое и за-

щищенное съ боковъ деревянное строеніе, въ которомъ неоднократно зажигаемый огонь тушился гуляющимъ насквозь вѣтромъ. Послѣ долгихъ усилій и хлопотъ прислуги, удалось наконецъ освѣтить намъ отведенный дворець, оказавшійся довольно обширнымъ свинымъ хлѣвомъ. Навозъ снизу, навозъ съ боковъ и навозъ на крышѣ свидѣтельствовали о продолжительномъ пребываніи здѣсь бывшихъ передъ нами квартирантовъ, что подтвердилось ночью внезапнымъ хрюканіемъ въ темномъ углу палаццо одного изъ членовъ большой семьи, невѣжливо обезпокоенной нами, непрошенными гостями. Не особенно пріятное ощущеніе испыталъ я такъ же при пробужденіи отъ крѣпчайшаго сна, обезпокоенный капелью черезъ крышу прямо на лицо чего-то зловоннаго и омерзительно противнаго.

На другое утро мы стали лагеремъ на рѣкѣ Нетонеби, гдѣ и отпраздновали великіе дни Рождества Христова.

Кругомъ грязь, мерзость, заустѣніе. Мы не раздѣваемся и въ сапогахъ, по колѣна въ грязи, валяемся съ утра на постеляхъ, съ бѣлымъ буро-сѣраго цвѣта. Впереди насъ за четыре версты стоитъ Имеретинская и Гурійская милиція, охраняющая Чехатскій мостъ на рѣкѣ Чолокѣ, въ четырехъ же верстахъ ниже впадающей въ Черное море, у самаго форта св. Николая. Отъ турокъ мы слѣдовательно теперь въ 8 верстахъ. Опасенія или, лучше сказать, надежды, что они воспользуются нашими праздниками и сдѣлаютъ на насъ нападеніе, къ сожалѣнію, не сбываются, и изъ-за ихъ новой твердыни они не показываютъ и носа.

Новый Годъ ознаменовался пріѣздомъ къ намъ въ лагерь Карганова, съ полъ-сотнею донскихъ казаковъ, въ видѣ конвоя, и ради компаніи съ капитаномъ Литовскаго полка Романовымъ и инженеромъ путей сообщенія капитаномъ Ежиковымъ. Присѣвъ у насъ на нѣсколько минутъ, Каргановъ предложилъ намъ, равно какъ и вошедшимъ Кутлеру и Саверину, ѣхать съ нимъ навѣстить сосѣдей нашихъ, князей милиціи на Чехатскомъ мосту.

— По-по-посмотрите, господа, какъ они сла-сла-славно угостятъ насъ,—добавилъ онъ. Дѣйствительно его ожидали на милиціонерномъ бивуакѣ.

Только что услышали топотъ лошадей нашихъ, всѣ князья и дворяне Имеретіи и Гуріи высыпали изъ шалашей своихъ на встрѣчу дорогого гостя и, увидѣвъ его не одного, а со спутниками, видимо обрадовались нашему пріѣзду. Пріемъ былъ приготовленъ у князя Дмитрія Гуріели, гдѣ кругомъ длиннаго стола были вкопаны въ землю скамейки, покрытыя коврами. Помѣщеніе было просторное, но и общество собралось не малое. Здѣсь увидѣли мы брата хозяина Левана, князя Михако Сумбатова, состоящаго при

главнокомандующемъ и прїѣхавшаго сюда наканунѣ, князей Эристовыхъ, князя Кайхасро, князя Церетели и всякихъ другихъ князей Мачутатзе, Мачевариани, Мочабели, всѣхъ служащихъ въ милиціи. Хозяинъ заявилъ во всеуслышаніе:

— Шашлыкъ поданъ, покорно прошу садиться!

Каргановъ, около котораго я былъ въ ту минуту, схватилъ меня за руку и потащилъ на длинную скамью, гдѣ и усадилъ рядомъ съ собою налѣво, а Бреверна пригласилъ направо. Удивительный шашлыкъ появился на сценѣ и прозрачное, чудеснаго цвѣта рубина гурійское вино заискрилось въ серебряныхъ азарпешахъ.

Все заговорило шумнѣе и шумнѣе, перебывая другъ друга и не дожидаясь очереди. «Алла-верды» и «Якпи-іолъ» раздавались на всѣхъ концахъ.

Каргановъ принималъ горячее участіе въ бесѣдѣ.

— А вѣдь что ни го-го-говорите, а, всетаки, без-без-безъ дѣла скучно стоять здѣсь?—обратился онъ ко всему обществу.

— Да, да, скучно, Іосифъ Ивановичъ, хорошо бы дѣло... Отлично бы дѣло... надо бы подраться!.. Турку поколотить было бы славно,—послышались отвѣты со всѣхъ сторонъ. Я налилъ рюмки и чокнулся съ сосѣдомъ: «за успѣхъ перваго дѣла»,—шепнулъ я ему.

— А что, турки не показываются около васъ?—почти не заикаясь, обратился Каргановъ къ князьямъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, боятся носъ показать!—въ одинъ голосъ отвѣтили многіе.

— Желалъ бы въ первомъ дѣлѣ быть съ вами, Іосифъ Ивановичъ,—опять шепнулъ я.

— Здоровье достойнѣйшаго и храбрѣйшаго Іосифа Карганова,—вскрикнулъ хромой кн. Димитрій Гуріели.

Всѣ заорали ура и очистили стаканы.

— А вы что же?—обратился ко мнѣ Каргановъ.

— А я хотѣлъ предложить сначала другой тостъ: за здоровье Ивана Михайловича Лабинцева,—брякнулъ я.

— Почему за Лабинцева?—съ любопытствомъ спросилъ онъ.

— За то, что онъ съ одною ротою взялъ въ 29 году Карсъ,—наивно объяснилъ я.

— А что вы думаете, господа князья и дворяне? Вѣдь Полторацкій правъ: онъ вспомнилъ фактъ историческій и совершенно вѣрный!

Я опять подлилъ ему вина.

Каргановъ проглотилъ, чмокнулъ губами и проговорилъ:

— Не попробовать ли и намъ что нибудь около форта Николая, Александръ Христофоровичъ?—громко отчеканилъ онъ, хотя Бревернъ сидѣлъ съ нимъ рядомъ.—Придвиньте сейчасъ изъ вашего

баталіона двѣ роты съ двумя орудіями на поддержку храброй нашей милиціи, и пойдѣте на турокъ!

Среди восторженнаго «ура» присутствующихъ, всѣ вскочили изъ за стола, засуетились и разбѣжались по лагерю вооружаться. Бревернъ поспѣшилъ отдать приказаніе Саверину скакать въ лагерь. Батальонный адъютантъ выскочилъ изъ шалаша, но по нерасторопности поскользнулся, упалъ, сталъ садиться и сразу не могъ попасть ногой въ стремя.

— Ахъ, Боже мой, — замѣтилъ Каргановъ, — время дорого и этому конца не будетъ, — и при этомъ выразительно взглянулъ на меня.

— Лучше я поѣду, — предложилъ я.

— Конечно, поѣзжайте! Александръ Христофоровичъ, Полторацкій самъ поѣдетъ, это будетъ вѣрнѣе, — одобрительно подтвердилъ Іосифъ Ивановичъ.

Приѣхавъ въ лагерь, я тотчасъ же передалъ Пелепейку приказаніе начальника штаба идти съ двумя ротами въ прикрытіе артиллеріи, а самъ, схвативъ свою 7-ю роту, бѣгомъ направился съ нею къ Чехатскому мосту. Прибѣжавъ къ бивуаку милиціи, мы застали ее совѣмъ готовою, а Карганова, Бреверна и прочихъ офицеровъ, ожидающихъ моего прибытія.

— Вызовите вашихъ штуцерныхъ впередъ и съ Богомъ, маршъ! — провозгласилъ нашъ главный начальникъ.

Тѣплы пѣшей милиціи затѣснились съ обѣихъ сторонъ, и все потянулось по лѣсистой дорогѣ, къ форту св. Николая. Не прошли и версты, какъ встрѣтили препятствіе: мостъ черезъ потокъ былъ уничтоженъ турками. Артиллеріи перебраться не было возможности, а потому Каргановъ, поручивъ поправку моста какому-то князю съ милиціонерами, двинулся впередъ. Пройдя еще сажень двѣсти впередъ, мы наткнулись на второй мостъ, а сотню шаговъ далѣе на третій, также уничтоженный непріателемъ. Оставивъ и здѣсь часть милиціи, начальникъ отряда поручилъ общее наблюденіе за наводкой мостовъ капитану Ежикову, а съ нами продолжалъ путь, не останавливаясь.

Въ безмолвной тишинѣ подвигался отрядъ; вскорѣ до нашего уха долетѣлъ неопредѣленный гулъ, оказавшійся прибоемъ морскихъ волнъ. Еще нѣсколько сотъ шаговъ, и густой лѣсъ сталъ рѣдѣть, показалась опушка, а вслѣдъ за нею открытая поляна, на оконечности которой, всего саженьяхъ въ 150 отъ насъ, на самомъ берегу моря, мы увидѣли значительныхъ размѣровъ новое турецкое укрѣпленіе. Выйдя изъ опушки, я тотчасъ направилъ штуцерной взводъ (всего 24 человекъ) подъ командой Павла Полторацкаго занять кладбище, всего въ ста саженьяхъ приблизительно отъ крѣпости, а самъ выстроилъ 7-ю роту во взводную колонну. За мной стала рота Кутлера, а вправо и влѣво въ лѣсу разсыпалась милиція.

Прошло двѣ, три минуты, и въ крѣпости раздался барабанный грохотъ, на валъ высыпали красныя фески, взвился на воздухъ густой клубъ дыма, за нимъ второй, третій и четвертый, и надъ нашими головами съ грознымъ ревомъ и свистомъ пронеслись тяжелые снаряды. Турки палили изъ четырехъ орудій безъ передышки. Первое ядро второй очереди прожужжало гораздо ближе предыдущихъ, а второе шлепнулось въ десяти шагахъ и, оторвавъ по локоть руку капитана Рыланова, съ визгомъ взлетѣло, какъ резиновый мячъ, дугою къ верху, въ лѣсъ. Штуцерные мои изъ-за прикрытія каменныхъ памятниковъ стали выцѣливать вертящихся на валу турокъ и изрѣдка по нимъ пощелкивать, что нѣсколько оживило наше комически-пассивное положеніе. Не имѣя подъ рукой артиллеріи, намъ и ружейнаго огня по пространству, насъ раздѣляющему, открытъ было невозможно, и мы, какъ дѣти, «сложивъ ручки на тергѣннiи» и стоя на одномъ мѣстѣ, представляли изъ себя неподвижную мишень для практической стрѣльбы непріятели. Между тѣмъ турки, замѣтивъ перелетъ своихъ снарядовъ, опустили подъемъ орудій и стали потчевать насъ чугуномъ гостинцемъ съ несравненно большею вѣрностью. Кругомъ слышались стоны раненыхъ и контуженныхъ, а затѣмъ приволокли и нѣсколько труповъ убитыхъ... Наконецъ, Каргановъ, все время недвижимо стоявшій передъ нами, приказалъ отозвать штуцерныхъ и начать отступление. Павелъ Полторацкій былъ также раненъ въ ногу. Еще на протяженіи полуверсты турецкіе снаряды пытались догонять нашихъ по лѣсу, въ щепы разбивая верхи деревьевъ, но, пущенные зря, уже не принесли намъ вреда.

Такимъ образомъ кончился этотъ фарсъ, хотя и стоившій нѣкоторымъ жизни.

Но изъ него вышло и нѣчто хорошее,—это то, что насъ вернули въ болѣе теплыя и удобныя квартиры въ Озургетахъ. Туда же прибылъ спустя, впрочемъ, мѣсяцъ князь Андрониковъ съ частью своего Ахалцихскаго отряда и, какъ старшій по чину генералъ-лейтенантъ, принялъ начальство надъ обоими соединенными отрядами. Я познакомился съ княземъ Иваномъ Малхазовичемъ у Гагарина и, всматриваясь въ его фигуру, нашелъ немалое сходство между нимъ и Викентіемъ Михайловичемъ Козловскимъ. У Андроникова, складомъ и ростомъ очень схожаго съ Козловскимъ, было также любимое словечко, безъ котораго онъ трехъ словъ сложить не могъ, но вмѣсто «какъ, какъ» у него было «уже-уже». Князь Иванъ Малхазовичъ, изъ туземцевъ Грузіи, безвыѣздно провелъ весь вѣкъ свой на восточныхъ окраинахъ Кавказа и въ безчисленныхъ экспедиціяхъ на Левгинской линіи и въ Дагестанѣ, а такъ же въ двухъ турецкихъ кампаніяхъ, стяжалъ себѣ славу очень храбраго, смѣлаго и донельзя рѣшительнаго въ бояхъ офицера. Что касается анекдотовъ о немъ, то они были безчисленны.

Послѣ побѣды подѣ Ахалцихомъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго части, наряженныя въ парадъ, проходили мимо Андроникова церемоніальнымъ маршемъ. Горячо благодаря понтирующие взводы и полусотни пѣхоты и кавалеріи, онъ къ каждой части обращался съ фразой:

— «Уже вездѣ все вы молодцами, уже, и въ бою и, уже, на парадѣ, уже, спасибо вамъ, уже, братцы!»—Но въ то время, какъ потянулась мимо него артиллерія, онъ круто отвернулся отъ нея и заговорилъ о постороннемъ предметѣ съ окружающими. Начальникъ штаба, замѣтивъ неловкость князя относительно одного только рода оружія и зная за достовѣрное, что онъ не имѣлъ предвзятой мысли оскорбить людей, не менѣе другихъ исполнившихъ наканунѣ долгъ службы, позволилъ себѣ прервать рѣчь его, почтительно напомнивъ:

— Ваше сіятельство, артиллерія проходитъ!

— Ну, уже, что-жъ такого, уже, что она проходитъ?

— Вы не изволили поблагодарить ее,—поспѣшили оправдаться начальникъ штаба.

— Уже, что вы хотите этимъ сказать мнѣ?—съ окрикомъ рѣзко возразилъ Иванъ Малхазовичъ.—Уже, вы что же меня за дурака, уже, считаете, чтобы я здѣсь на площади, уже, передъ парадомъ сталъ бы разговаривать съ мѣдными пушками.

Никакіе доводы не могли убѣдить князя, что надъ нимъ никто не хотѣлъ насмѣяться.

А вотъ еще. Какъ-то съ Чехатскаго мосту, окруженный большою свитою князей и дворянъ милиціи, онъ полюбозытствовалъ сдѣлать рекогносцировку побережья, по той простой причинѣ, что ему еще въ жизни не довелось никогда видѣть море. Поѣхали и пріѣхали къ самому берегу. Князь Иванъ Малхазовичъ взглянулъ вдаль и, не открывъ ничего на горизонтѣ, съ неподдѣльнымъ изумленіемъ громогласно замѣтилъ:

— Ого, уже какое большое и того берега, уже, не видно!

10-го марта получены были двѣ свѣжія и очень важныя новости: первая о разрывѣ Россіи съ Англіей и Франціей, а вторая, какъ бы послѣдствіе первой, отъѣздъ съ Кавказа главнокомандующаго, князя Михаила Семеновича. Вотъ тебѣ и адъютантство!

Оба свѣдѣнія эти привезъ намъ самъ Нико Эристовъ, адъютантъ свѣтлѣйшаго, третьяго дня выѣхавшій изъ Тифлиса, послѣ того какъ окончательно откланялся и распростился съ маститымъ своимъ генераломъ.

Предстоятъ громадныя измѣненія во всемъ. Вести борьбу съ французами, англичанами и турками не такъ-то легко, какъ предполагалось при объявленіи войны одной пошатнувшейся Оттоманской имперіи.

Много вѣстниковъ съ театра войны начало являться къ намъ. Такъ на два дня прїѣзжалъ генералъ Багговуть изъ Александропольскаго отряда. Интересно рассказывалъ онъ о дѣлахъ Баяндурскомъ и особенно Башкадыклярскомъ. Наканунѣ послѣдняго сраженія князь Бебутовъ, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, ранѣе обыкновеннаго легъ въ постель, отдавъ приказаніе ночью его не беспокоить, хотя съ вечера были получены свѣдѣнія о намѣреніи турокъ сдѣлать наступленіе на нашу позицію. Въ полночь лазутчики привезли свѣдѣнія, что турки снялись съ лагеря и готовы къ движенію, а два часа спустя прибыли и другіе съ предупрежденіемъ, что непріятель со всѣми силами своими уже на пути къ Башкадыкляру. Начальникъ штаба Александропольскаго отряда, князь А. И. Барятинскій, не безпокоя больнаго князя Василія Осиповича, самъ отъ себя извѣстилъ начальниковъ частей о полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ, но, не увѣренный въ ихъ справедливости, войскъ отряда еще не безпокоилъ, и весь лагерь спалъ крѣпкимъ сномъ. На разсвѣтѣ, не лазутчики, а казакъ съ передоваго поста, расположеннаго за полверсты отъ лагеря, прискакалъ доложить въ штабъ отряда, что съ кургана слышно движеніе наступающаго непріятели. Князь Барятинскій, отдавъ войскамъ приказаніе строиться, послалъ разбудить начальника отряда, а самъ, схвативъ нѣсколько сотенъ казаковъ, пустился къ кургану лично удостовѣриться въ справедливости тревожныхъ слуховъ. Но не успѣлъ еще князь доѣхать до аванъ-постовъ, какъ увидѣлъ, что полсотня казаковъ, занимавшихъ курганъ, быстро съ него спускается и стремительно отступаетъ въ лагерь. Разгадка стала очевидно: на курганѣ уже гарцовали всадники въ красныхъ фескахъ, занявшіе высоты передъ нашимъ лагеремъ прежде, чѣмъ успѣли наши войска построиться въ боевой порядокъ. И это-то сраженіе, начавшееся при такихъ невыгодныхъ для насъ условіяхъ, противъ непріятели, въ трое насъ сильнѣйшаго, — окончилось полнымъ пораженіемъ врага. Турки, къ вечеру того дня, потерявъ артиллерію и весь обозъ, искали спасенія въ бѣгствѣ, усѣявъ путь беспорядочнаго отступленія безчисленнымъ количествомъ труповъ.

Александръ Теодоровичъ Багговуть, герой польской кампаніи, въ которой онъ подъ Остроленкой поплатился кускомъ собственнаго черепа, красавецъ собой, съ мужественно-воинственною фізіономіей, пользовался общею извѣстностью выдающагося кавалерійскаго генерала и назначенъ былъ начальникомъ кавалеріи въ отрядѣ князя Бебутова. Сюда онъ прибылъ по своимъ частнымъ дѣламъ и на другой день долженъ былъ ѣхать обратно. О князѣ Воронцовѣ онъ не только подтвердилъ свѣдѣнія, но даже читалъ въ Тифлисѣ прощальный приказъ его свѣтлости по войскамъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, съ передачей командованія ими гене-

ралу Реаду. На этихъ дняхъ князь Михаилъ Семеновичъ оставляетъ Тифлисъ и направляется прямо въ Дрезденъ, такъ какъ разстроившееся здоровье его требуетъ заграничнаго пользованія. Изъ свиты его большинство откомандировано въ разные отряды, а нѣкоторые отчислились отъ должностей съ назначеніемъ въ строевыя части: князь Сергій Васильчиковъ принялъ Графскій, то-есть Ширванскій полкъ, Дондуковъ отчисленъ въ нижегородскіе драгуны, Меллеръ—въ Эриванскій полкъ, Лисаневичъ—въ стрѣлковую бригаду, Ермоловъ (Северъ) назначенъ адъютантомъ къ московскому генералъ-губернатору, Ростиславъ Давыдовъ отчисленъ въ свой полкъ, Минквицъ будетъ назначенъ губернаторомъ, Ираклій Грузинскій переименовывается въ гражданскій чинъ и проч., и проч. Словомъ, весь блестящій штатъ свиты его свѣтлости разсѣялся по бѣлу свѣту, и даже князь Дмитрій Святополкъ-Мирскій уходитъ въ одинъ изъ полковъ 20-й пѣхотный дивизіи.

Въ воздухѣ запахло порохомъ. Всѣхъ толковъ слишкомъ тревожнаго свойства не перечесть. Западныя державы еще сами ничего пока не предпринимали и за Дунаемъ успѣха не было никакого, осада Силистріи не подвигалась... Всѣ какъ-то приуныли и потеряли увѣренность въ несокрушимую свою силу. Грустно убѣждаться на дѣлѣ, какъ быстро у насъ мѣняется настроеніе: то мы шапками весь міръ закидаемъ, то чуть... при одномъ извѣстіи, что французы и англичане хотятъ пожаловать къ намъ въ гости.

На Пасху пріѣхалъ къ намъ князь С. М. Воронцовъ прямо изъ Петербурга по высочайшему повелѣнію осмотрѣть расположеніе Гурійскаго отряда. Его свѣтлость, вмѣстѣ съ князьями Андрониковымъ и Гагаринымъ и обоими штабами, объѣхалъ всю позицію нашихъ войскъ, причемъ князь Семенъ Михайловичъ, особенно любезно привѣтствуя родныхъ своихъ куринцевъ, поздравилъ ихъ со скорымъ свиданіемъ съ товарищами 1-го баталіона. Вечеромъ, послѣ долгихъ таинственныхъ совѣщаній у начальника отряда, князь Воронцовъ сообщилъ мнѣ о принятомъ рѣшеніи, будто бы по его настоятельному требованію, бросить Озургеты и отступить отряду во внутрь страны къ р. Ріону. Мѣра эта, по мнѣнію его свѣтлости, была крайне необходима и вызывалась опасностью быть отрѣзанными непріятелемъ, который въ самомъ непродолжительномъ времени намѣренъ большими силами произвести натискъ отъ Батума, въ обходъ нашего отряда, къ Кутаису.

Итакъ, приказомъ по отряду мы 21-го выступаемъ изъ Озургетъ на соединеніе съ 1-мъ баталіономъ, уже отправленнымъ изъ Александрополя къ намъ въ западный отрядъ.

25-го утромъ подошли мы къ Ріону и на противоположномъ берегу широкой рѣки увидѣли своихъ однопольчанъ, которые еще наканунѣ прибыли сюда изъ Кутаиса и здѣсь ожидали насъ съ хлѣбомъ и солью. Я думаю, не у меня одного, при переправѣ че-

резъ Ріонъ на паромѣ учащенно бился пульсъ отъ нетерпѣнія скорѣй обнять друзей, ратныхъ братьевъ своихъ.

Стоянка наша первоначально была около селенія Усть-Цкени-Цхале, давнишній пунктъ осѣдлости всѣхъ водворенныхъ здѣсь скопцовъ изъ Россіи. На видъ какъ мужчины, такъ и женщины, очень жалкой наружности, худые, желтые и старообразные, но въ матеріальномъ отношеніи очень зажиточные и исправные. Хозяйство ихъ въ цвѣтущемъ положеніи, и нигдѣ мы не находили столько предметовъ продовольствія, какъ у нихъ. Но вотъ мы очутились на Чехатаурскихъ высотахъ. Игра въ шашки началась: то мы въ поддавки играли и турка пропускали въ дамки, то опять начинаемъ партію въ крѣпкую и лѣземъ куда-то. Системы и плановъ дѣйствія не замѣчалось. А тутъ еще въ берлогѣ два медвѣдя не могли ужиться. Возникли всякія пререканія и шпильки между двумя штабами Ахалцихскаго и Гурійскаго отрядовъ, и хотя серьезной ссоры между Гагаринымъ и Андрониковымъ не произошло, но тѣмъ не менѣе, по неволѣ примѣняешь пословицу, что «когда бары дерутся, то у хлопцевъ чубы болятъ».

Мы хотѣли сперва заманить къ намъ турецкія силы на открытую плоскость, имѣя предъ собою въ видѣ обороны широкую рѣку. Для достиженія этого мы пожертвовали многимъ, не только Озургетами, но всею Гуріей и взорванными на воздухъ укрѣпленіями по всей Черноморской береговой линіи, оголили Мингрелію и предоставили Сухумскій отдѣлъ собственной защитѣ. Затѣмъ, простоявъ почти мѣсяцъ въ бездѣйствіи, двинулись опять таки назадъ, то-есть туда, гдѣ мирно и спокойно стояли мы до прибытія князя С. М. Воронцова.

А пока мы шли, много еще мытарствъ пришлось вытерпѣть. Подходили мы къ Зугзидамъ, резиденціи владѣтельной княгини Мингрельской, переправлялись по горло въ водѣ черезъ рѣку Циву, дѣлали ходы направо, налево и назадъ, стали на большой дорогѣ къ Редуть-Кале и черезъ сутки убѣжали назадъ, на пути разъединившись по частямъ. Главныя силы ума, распорядительности и власти, то-есть штабы съ начальниками отрядовъ, вернулись за Ріонъ, на старое пепелище; семь баталіоновъ съ артиллеріей и частью кавалеріи, подъ начальствомъ генераль-маіора Брунера, поставлены здѣсь на Чехатаурскихъ высотахъ, въ 30-ти верстахъ отъ Ріона, по направленію къ Озургетамъ; а два баталіона—одинъ нашъ первый и одинъ Литовскій, подъ командой Нико Эрстова, брошены въ Ланчхутскомъ ущельѣ, на западѣ, верстахъ въ 20-ти отъ Ріона.

Съ послѣдними-то и поѣхалъ я какъ-то повидаться. Швахгеймъ и Борисовъ, очень дружные между собою, держали общее хозяйство и жили вмѣстѣ въ одной палаткѣ. Радужный, милый и всегда веселый Иванъ Петровичъ Борисовъ лѣзъ изъ кожи, чтобы cadaго

изъ гостей угостить и приглубить. Я на столько увлекся его разсказами о житьѣ-бытьѣ въ ихъ лагерѣ, о забавныхъ выходкахъ ихъ начальника Нико, объ образѣ жизни товарищей и наконецъ о личныхъ его заботахъ и трудахъ по кулинарному вопросу, что не обратилъ вниманія на угрюмое расположеніе Швахгейма. Обѣдъ кончился, и по приглашенію хозяевъ оставили душное помѣщеніе въ палаткѣ, чтобы занять въ нѣсколькихъ шагахъ, подъ тѣнью гигантскаго чинара, лежащее положеніе на раскинутыхъ коврахъ и буркахъ. Обычный кофе и коньякъ сыграли роль свою, когда стали собираться къ намъ братья по мундиру, и черезъ четверть часа оказались на лицо почти всѣ офицеры 1-го баталіона. Явилась почтенныхъ размѣровъ посудина съ кахетинскимъ виномъ и непремѣнный въ торжественныхъ случаяхъ турій рогъ. Боринька ушелъ спать, а насъ осталось въ горизонтальномъ положеніи девять человекъ: Швахгеймъ, Мацкевичъ, два Хилинскихъ, кн. Урусовъ, Саверинъ (пріѣхавшій сюда еще наканунѣ), Воецкій, баронъ Розенъ и я.

Разговоръ какъ-то не клеился, и я съ изумленіемъ замѣтилъ у всѣхъ вытянутыя лица. Осушивъ первымъ и не безъ стараній цѣлый турій рогъ, въ полторы бутылки вина, я налилъ его и передалъ сосѣду справа, Швахгейму.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—сегодня я не стану пить.

— Почему это?—спросилъ я, не мало удивленный, такъ какъ зналъ лучше другихъ постоянную жажду моего друга.

— Мнѣ что то не по себѣ,—сквозь зубы процѣдилъ Егоръ.

Я взглянулъ на него и испугался. Энергическое, а вмѣстѣ и добродушное, лице его было блѣдно, глаза горѣли и губы подергивались.

— Что съ тобой, Егоръ, ты боленъ?

— Нѣтъ, пока здоровъ, а вотъ прошлую ночью я видѣлъ сонъ, и мнѣ не сдобровать,—рѣшительно выговорилъ Швахгеймъ.

— Ты ли говоришь это, когда я всегда слышалъ отъ тебя, что всѣ предчувствія—бабы глупости и болѣзненные причуды?

— Прежде—да, а теперь вотъ чувствую, что меня скоро убьютъ, оставь меня, ради Бога.

Ошеломленный, я съ досадою отвернулся и предложилъ рогъ Мацкевичу.

— Нѣтъ, меня тоже увольте.

— Да, что вы тоже сонъ видѣли?

— Сонъ не сонъ, а наяву отчетливо и ясно видѣлъ, что она зоветъ меня.

— Кого, ее, вы видѣли?

— Да смерть мою!

— Фу, ты пропасть, что за блажь васъ обуяла сегодня,—раздраженно замѣтилъ я, въ душѣ убѣжденный, что Мацкевичъ по

страсти рисоваться и сегодня хочет разыграть роль фаталиста Лермонтова.

— Господа Урусовъ, Саверинъ, Хилинскіе, Воецкій, Розенъ, выручайте меня и не заражайтесь примѣромъ, давайте пить, пѣть и веселиться! — крикнулъ я, но въ отвѣтъ увидѣлъ только растерянные фізіономіи и на столько странное выраженіе лица, что я сталъ уже сомнѣваться въ томъ, что они играли комедію, но, тѣмъ не менѣе, вскочилъ на ноги, бросился въ палатку, разбудилъ сладко заснуваго Бориньку и, изливъ предъ нимъ все негодованіе на бабью команду, пригласившую меня на какія-то поминки, точно въ насмѣшку надо мной, закричалъ Вавилъ подать мнѣ лошадь; не простившись ни съ кѣмъ, вскочилъ на Али и въ карьеръ умчался изъ Ланчхутскаго лагеря.

Это было 25-го мая, а въ ночь на 27-е насъ разбудили извѣстіемъ изъ Ланчхута. Наканунѣ утромъ громадная масса турокъ обходнымъ движеніемъ обрушилась на нашихъ. Бой былъ страшный. Побѣда за нами, но досталась недешево: убиты Швахгеймъ, Урусовъ, Хилинскій и безъ вѣсти пропалъ баронъ Розенъ. Нижнихъ чиновъ вышло изъ строя 1-го батальона 240 человекъ. 29-го мая прибыли князья Андрониковъ и Гагаринъ со штабами и поспѣшно начали стягивать всѣ войска обоихъ отрядовъ. Предстояло движеніе вперед и бой на смерть. Отрицая прежде на землѣ все сверхъестественное и труднообъяснимое для моего слабого разума, я не допускалъ мысли о возможности внутренняго, невидимаго, непонятнаго общенія нашего съ Божествомъ, но необычайное явленіе 25-го мая глубоко врѣзалось мнѣ въ память и потрясло всѣ ложныя во мнѣ пониманія. Почему изъ десяти собравшихся людей, какъ только одинъ удалился спать, восемь сразу заговорили о смерти, а десятый, я, даже подъ давленіемъ заразительнаго вліянія окружающихъ, одинъ не поддался этимъ непонятнымъ ощущеніямъ?!

Тѣло Розена было найдено среди груды мертвыхъ на полѣ сраженія около с. Нагаиты.

Итакъ, 29-го мая на Чохатаурскія высоты прибыло все начальство, а 30-го войска. Была дневка, и на 2-е іюня назначено съ утра выступленіе на Озургеты, по слухамъ, уже занятые турками. Въ числѣ собравшихся на нашъ бивуакъ, мы встрѣтились съ барономъ Майделемъ, уже генераль-маіоромъ, и съ Константиномъ Христофоровичемъ Мамацевымъ, назначеннымъ къ намъ начальникомъ артиллеріи. День 1-го іюня прошелъ оживленно; забѣгаль и Мазараки, который не преминулъ рассказать свѣженскій анекдотъ о нашемъ начальникѣ отряда.

За три дня до выступленія главной квартиры съ берега Ріона, во время обѣда, въ столовой палаткѣ у князя Андроникова, вошедшій унтеръ-офицеръ ординарецъ шепнулъ на ухо Н. С. Мазараки

раки и вызвалъ его за собою. Когда черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, князь Иванъ Малхазовичъ, замѣтившій его отсутствіе, съ любопытствомъ спросилъ:

— Уже, что такое случилось?

— Слышна артиллерійская канонада, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Мазараки.

— Уже, съ какой стороны?

— Съ западной,—объяснилъ тотъ.

— Уже, странно! Кто же въ той сторонѣ можетъ стрѣлять?—въ недоумѣніи соображалъ генераль.

— Я полагаю,—сказалъ Мазараки:—что это союзный флотъ бомбардируетъ Редуть-Кале.

— Какъ Редуть-Кале? Уже, что вы мнѣ говорите, подполковникъ, редуть Кале! Да знаете ли вы,—уже горячась возразилъ его сіятельство,—что отсюда до Редуть-Кале болѣе 100 верстъ, уже?

— Я знаю, ваше сіятельство, но по рѣкѣ слышится очень далеко, а къ тому же по линіи звука и ближе.

— Уже, какъ вы смѣете шутить!—внѣ себя, вскочивъ со стула, закричалъ Андрониковъ,—уже, про какую линію звука вы толкуете? Здѣсь до самаго моря непроходимыя болота, трясины и канавы, что, уже, ни конный, ни пѣшій не пролѣзетъ, а по вашему тутъ пройдетъ какая-то линія звука. Уже, прошу васъ, господинъ офицеръ генеральнаго штаба, твердо запомнить, что вашъ ученый, уже, кантъ не даетъ вамъ права дерзко смѣяться надъ вашимъ, уже, начальствомъ.

Утромъ 2-го іюня, тотчасъ послѣ утренней зори, ударили сборъ, а въ 5 часовъ отрядъ уже вытянулся по склону Чахатаурскихъ горъ въ равнину, по дорогѣ къ Озургетамъ.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

АТАМАНЪ КУПЧИНСКІЙ.

(Разсказъ изъ времянь Анны Іоанновны) ¹⁾.

I.

ВРКО взошло солнце утромъ 13-го декабря 1738 года надъ мѣстечкомъ Воронежъ, лежавшимъ верстахъ въ сорока отъ Новгородѣверска. Мѣстечко это, очень разбросанное и довольно многолюдное, состояло изъ множества небольшихъ крытыхъ соломою малорусскихъ хатъ, съ выбѣленными стѣнами и маленькими оконцами. Почти въ центрѣ села, на большой круглой площади, выдѣлялись два зданія: одно — деревянная церковь во имя архангела Михаила, другое — зданіе Воронежской ратуши, деревянный одноэтажный длинный домъ, крытый тесомъ съ большимъ крыльцомъ.

Не смотря на прекрасную зимнюю погоду, въ мѣстечкѣ не замѣчалось никакого оживленія; лишь изрѣдка по площади проходили къ ратушѣ и обратно казаки Воронежской сотни.

Часовъ въ 12-ть, по одной изъ дорогъ, пролегающихъ чрезъ м. Воронежъ, по направленію отъ мѣстечка Сосницы, ѣхали сани, сопровождаемыя двадцатью драгунами Санктпетербургскаго полка. Въ саняхъ сидѣли закутанные въ дорогія шубы два человѣка: одинъ

¹⁾ Настоящій разсказъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи доставленнаго г. Сланиціямъ, ученикомъ IV-го класса Новгородѣверскаго гимназіи, документа, носящаго заглавіе: «Дѣло о причиненномъ (?) атаманомъ воронежскимъ Василіемъ Купчинскимъ порутчику Тургеневу ругательствомъ обидѣ. 1738 года, декабря 19-го, № 43».

лѣтъ сорока, видный мужчина, поручикъ драгунскаго полка Михаилъ Тургеневъ, посланный, по приказанію генераль-маіора и конной гвардіи маіора Карла Магнуса фонъ-Бирона, въ сотни Воронежскую и Ямпольскую для сбора на полкъ провіанта и фуража; другой лѣтъ 27-ми, съ изящными манерами, хорошій пріятель Тургенева и каптенармусъ того же полка, князь Мещерскій.

Когда всадники и сани вѣхали въ околицу мѣстечка, Тургеневъ, обратившись къ Мещерскому, медленно и тихо проговорилъ:

— Отдайте приказаніе драгунамъ, чтобы они вели себя хорошо, не заводили бы ссоръ съ этими упрямыми хохлами. Надо ожидать и безъ того сопротивленія; а если сюда присоединятся еще безобразія и насилія нашихъ драгунъ, то дѣло не кончится мирно.

— Слушаю,—отвѣчалъ князь Мещерскій.

Едва замѣтили въ Воронежской ратушѣ драгунъ, какъ поднялась суматоха. Писаря, казаки и бурмистры не знали, что дѣлать, теряясь въ догадкахъ, что бы означалъ пріѣздъ драгунъ.

Между тѣмъ сани подѣхали къ крыльцу ратуши. Тургеневъ, выйдя изъ саней и поздоровавшись со стоящими на крыльцѣ и подлѣ крыльца писарями, бурмистрами и казаками, спросилъ:

— Кто есть въ ратушѣ изъ начальства Воронежской сотни?

— Нима никого!—загудѣли писаря и казаки.

— Сбѣгайте и позовите мнѣ войта и атамана,—приказалъ Тургеневъ, обращаясь къ толпѣ, а самъ направился по крыльцу въ ратушу.

Князь Мещерскій, отдавъ приказаніе командѣ вѣхать во дворъ ратуши и вести себя скромно, послѣдовалъ за поручикомъ. Послѣдній уже сидѣлъ въ большой комнатѣ, вдоль стѣнъ которой стояло нѣсколько простыхъ, деревянныхъ, почернѣвшихъ отъ времени шкафовъ для храненія дѣлъ; посрединѣ комнаты находился большой деревянный же, незатѣйливой работы, столъ, окруженный такими же скамейками. Противъ стола на одной изъ стѣнъ висѣлъ въ черной рамкѣ портретъ государыни Анны Іоанновны, а на противоположной — простые деревянные часы. Въ комнатѣ было грязно и темновато, потому что довольно большія окна занесъ снѣгъ и заволокъ разнообразными узорами морозъ. Мещерскій сѣлъ на скамью подлѣ Тургенева, а писаря, бурмистры и нѣкоторые изъ казаковъ расположились у дверей. Въ комнатѣ царило молчаніе, въ ожиданіи прихода атамана и войта Воронежской сотни. Прошло больше получаса, и, наконецъ, въ корридорѣ послышались грузные и спѣшные шаги атамана и войта.

Войдя въ комнату и поздоровавшись съ поручикомъ и каптенармусомъ, они въ одинъ голосъ спросили:

— А что угодно будетъ вашимъ милостямъ?

— Отъ высороднаго и превосходительнаго господина генераль-маіора и конной гвардіи маіора Карла Магнуса фонъ-Бирона

получена премьеръ-маіоромъ Санктпетербургскаго драгунскаго полка господиномъ Нагаткинымъ инструкція, въ коей написано: въ виду того, что старшины сотенъ Воронежской и Ямпольской являются послушными въ высылкѣ на Санктпетербургскій полкъ провіанта и фуража, повелѣвается командировать въ оныя сотни поручика Тургенева съ командою для побужденія немедленно выслать провіантъ и фуражъ. Въ силу данной мнѣ инструкціи прошу васъ, господа, немедленно выслать требуемый провіантъ и фуражъ.

Всю эту рѣчь Тургеневъ проговорилъ твердымъ и спокойнымъ голосомъ, ласково глядя своими голубыми глазами на атамана и войта.

Послѣдніе, а равно всѣ присутствующіе, хранили глубокое молчаніе.

— Что же вы скажете на данную мнѣ инструкцію?—перервалъ молчаніе Тургеневъ, обращаясь исключительно къ атаману и войту.

— Мы, ваше благородіе, всегда готовы дать то, что съ насъ слѣдуетъ, — отвѣчалъ войтъ, не глядя на продолжавшаго упорно молчать атамана, — но только никакого указа о сборѣ провіанта и фуража мы не знаемъ, равно не вѣдаемъ и того, сколько порцій и рацій съ какого села считается.

Тургеневъ улыбнулся и, перемигнувшись съ Мещерскимъ, рѣшился положить конецъ хитрымъ и увертливымъ рѣчамъ, которыми не разъ отдѣлывались атаманы и войты казацкіе. Поэтому онъ возразилъ войту:

— Ладно, ты намъ эти пѣсни не пой; вѣдомость о порціяхъ имѣется у вашего комисара Гряценка.

Послали за Гряценкомъ, отобрали вѣдомости, долго спорили о размѣрѣ порцій, и такъ какъ атаманъ съ войтомъ стояли на своемъ, то Тургеневъ рѣшилъ дѣйствовать энергично. Особенно упрямымъ и несговорчивымъ оказался атаманъ. Измучившись въ дорогѣ, утомленный спорами, поручикъ, когда смерклось и подана была на столъ мѣстнаго издѣлія сальная свѣчка въ деревянномъ также мѣстнаго нехитраго производства подсвѣчникѣ, потребовалъ, чтобы написаны были билеты, и обратился къ Мещерскому съ такимъ приказаніемъ:

— Съ этими билетами необходимо отправить драгунъ въ означенныя на билетахъ села, чтобы они собрали войтовъ и атамановъ тѣхъ селъ къ завтрашнему дню сюда, въ ратушу. Постарайтесь, чтобы не было задержки въ подводахъ, и чтобы всѣ атаманы съ войтами были собраны здѣсь къ завтрашнему дню, потому что мнѣ необходимо обязать ихъ подпискою о доставкѣ провіанта и фуража въ два дня въ новыя мельницы.

Мещерскій отправился для приведенія въ исполненіе приказанія Тургенева, а послѣдній просилъ старшину распорядиться объ отводѣ ему квартиры.

II.

Въ одной изъ улицъ Воронежа, особнякомъ отъ казацкихъ хатъ, была расположена усадьба Воронежскаго атамана Василя Купчинскаго. Усадьба занимала пространство десятины въ три и состояла изъ обширнаго фруктоваго сада, въ центрѣ котораго находился небольшой, но опрятный деревянный домикъ, со множествомъ амбаровъ и другихъ хозяйственныхъ строеній. По всему видно было, что Купчинскій хорошій хозяинъ. Но всѣ воронежцы знали, что атаманъ мало занимается хозяйствомъ, и что весь домъ держится, благодаря неусыпной дѣятельности его жены. Марѳа Купчинская представляла собою типъ казацкой жены XVII вѣка: неусыпная работница по хозяйству, безотвѣтная раба передъ капризами и суровымъ нравомъ своего деспота-мужа, она не имѣла утѣшенія даже въ дѣтяхъ, которыхъ унесла преждевременная могила.

Мужъ ея, атаманъ Василій Купчинскій, былъ видный казакъ, могучаго сложенія и высокаго роста, съ длинными, настоящими казацкими усами, съ морщинистымъ широкимъ лбомъ и густыми нависшими бровями, изъ-подъ которыхъ сверкали злые, черные глаза; голосъ у него былъ сухой и рѣзкій, сине-багровыя пятна на носу и щекахъ свидѣтельствовали о принадлежности его къ поклонникамъ Бахуса. Купчинскій и въ самомъ дѣлѣ былъ большой любитель «хлѣбнаго масла», какъ онъ въ шутку называлъ водку. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что безъ «горілки» нельзя приступать ни къ какому серьезному дѣлу. А сегодня у него было неотложное и трудное дѣло, требовавшее напряженія всѣхъ его душевныхъ силъ.

Вчера въ ратушѣ онъ отмалчивался на требованія поручика Санктпетербургскаго драгунскаго полка и всячески старался затормозить дѣло; но увидѣлъ, что такимъ образомъ дѣйствія ничего не выиграешь у «проклятаго москаля». Надо было придумать иной маневръ, чтобы уклониться отъ тяжелаго требованія—поставить на цѣлый полкъ провіантъ и фуражъ. Вышедши изъ среды простыхъ казаковъ, живя постоянно среди нихъ, онъ хорошо зналъ, какъ трудно народу удовлетворять требуемыя съ него повинности. Теперь «бісівъ німець» снова налегъ на ихъ сотню. Прошлый годъ прошелъ благополучно: хотя и было требованіе, но они отмолчались, а тамъ, въ Петербургѣ, какъ-то забыли о своемъ требованіи. Въ нынѣшнемъ году, видно, придется расплачиваться и за прошлый.

Раздумывая, какъ бы ему сплавить безъ хлопотъ и безъ излишней тягости для казаковъ Воронежской сотни требовательнаго офицера, Василій Купчинскій, въ виду особенной важности и труд-

ности предстоящей задачи, осушилъ уже почти половину «сулеи» крѣпкой «варенухи», и если въ головѣ его не прибавилось отъ того много мыслей, то въ сердцѣ разгорѣлась такая досада на «німцівъ» и на слушающихъ ихъ «маскалівъ», что онъ охотно подрался бы съ кѣмъ нибудь, лишь бы сорвать досаду.

Пробоваль было онъ «прицѣпиться» къ женѣ, но та безмолвно убралась поскорѣе изъ «господи» и пошла хлопотать по хозяйству. Послалъ было за войтомъ Осипомъ Гречкою, но того не оказалось дома: пошелъ, сказали, въ ратушу. Узнавъ объ этомъ, Купчинскій вспомнилъ, что ему также сегодня надо идти въ ратушу; но выпитая имъ «варенуха» сильно клонила его ко сну, и онъ, сложивъ крестомъ руки на столѣ и положивъ на нихъ свою отяжелѣвшую голову, безопасно задремаль.

Было уже около пяти часовъ по полудни, когда Купчинскій проснулся. Онъ сердито крикнулъ женѣ, чтобы приказала запрячь лошадей, и поѣхалъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа въ ратушу.

III.

Въ тотъ же самый день, съ ранняго утра, въ Воронежской ратушѣ замѣчалось необычайно оживленное движеніе. Весь почти обширный дворъ ратуши заставленъ былъ собранными княземъ Мещерскимъ подводами; въ домъ и изъ дома то и дѣло бѣгали суетливо драгуны и ратушная прислуга, слышались громкіе возгласы, смѣхъ и перебранка. Не меньшее движеніе замѣчалось внутри дома. Въ знакомой читателю комнатѣ сидѣлъ поручикъ Тургеневъ, а рядомъ съ нимъ князь Мещерскій; оба были заняты просматриваніемъ и подписываніемъ какихъ-то бумагъ. У противоположной стороны стола сидѣлъ, читая какую-то бумагу, воронежскій войтъ; онъ изрѣдка отрывался отъ чтенія бумаги и посматривалъ то на Тургенева, то на Мещерскаго. Въ смежной комнатѣ, которая по обстановкѣ и величинѣ была совершенно похожа на предыдущую, шла усиленная работа двухъ ратушныхъ писцовъ. Кромѣ нихъ, въ той же комнатѣ стояло и сидѣло еще нѣсколько человѣкъ казаковъ и служащихъ въ ратушѣ. Пробыло десять часовъ, когда Тургеневъ подписалъ послѣдній листъ и проговорилъ со вздохомъ:

— Ну, слава Богу, кончилъ! Теперь долженъ подписать ордера своею рукою атаманъ. Узнайте, пожалуйста, — обратился онъ къ сидѣвшему противъ него войту Осипу Гречкѣ, — здѣсь ли атаманъ; если же его до сихъ поръ нѣтъ въ ратушѣ, то пошлите за нимъ. Надо поскорѣе отправить драгунъ по селамъ; я предполагалъ кончить дѣло къ 12-ти часамъ, а дай Богъ, чтобы хоть къ вечеру было все готово.

Когда войтъ направился въ сосѣдную комнату, поручикъ закурилъ коротенькую трубку и проговорилъ таинственнымъ голосомъ князю Мещерскому:

— Вотъ каналы—хохлы! Мнутса и тянуть дѣло, да не на такого напали. Со мною ничего не подѣлаютъ своею медленностью: я не уѣду изъ Воронежа безъ фуража и провіанта. Фонъ-Биронъ строго приказалъ, чтобы провіантъ и фуражъ были доставлены въ полкъ въ самомъ скоромъ времени и безотложно...

— Атамана еще не было въ ратушѣ,—перебилъ его рѣчь появившійся въ дверяхъ войтъ:—но за нимъ послано, и онъ скоро прибудеть.

Однако, прошелъ часъ, другой, третій, нѣсколько часовъ, а атамана все не было въ ратушѣ. Тургеневъ и Мещерскій возвратились изъ квартиры, куда ходили «перекусить», а атамана все не было. Уже становилось темно, когда войтъ нарушилъ тягостное молчаніе восклицаніемъ:

— Э, да вотъ и атаманъ жалуется сюда!

Затѣмъ, подойдя къ двери, ведущей въ смежную комнату, громко крикнулъ:

— Степанъ, а ну, засвіты свѣтло!

Пока Степанъ, старый казакъ, исполнялъ приказаніе войта, къ ратушѣ подѣхали сани, изъ которыхъ вылѣзъ Василій Купчинскій.

— Что это у васъ здѣсь за сборище?—обратился онъ къ одному изъ писарей, бросая косые взгляды на драгунъ, собравшихся въ комнату за полученіемъ ордеровъ.

Онъ сбросилъ шубу и грузно опустился на скамью у стола. Очевидно было, что морозный вечеръ и быстрая ѣзда не повліяли на перемѣну его душевнаго настроенія.

— Вашу милость давно уже ждуть всѣ,—проговорилъ вмѣсто отвѣта писецъ и, юркнувъ въ сосѣдную комнату, чрезъ минуту снова появился передъ атаманомъ, держа въ рукахъ цѣлую груду какихъ-то листовъ.

— Вотъ ордера для отправки драгунъ по селамъ; вамъ необходимо подписать ихъ,—проговорилъ онъ, кладя передъ Купчинскимъ принесенные листы и подвигая къ нему чернила и гусиное перо.

Молча разсматривалъ атаманъ лежавшіе передъ нимъ листы. Злоба душила его. Онъ видѣлъ ясно, что на этотъ разъ не удастся отдѣлаться отъ «москалівъ», и приходится давать требуемое. Просмотрѣвъ нѣсколько ордеровъ, онъ началъ подписывать ихъ, но вдругъ положилъ перо и почти крикнулъ, не обращая ни къ кому изъ присутствующихъ въ отдѣльности съ вопросомъ:

— Кто есть въ ратушѣ изъ бурмистровъ?

— Я здѣсь,—проговорилъ въ отвѣтъ сильнымъ голосомъ Андрей Гречка, братъ воронежскаго войта, и направился къ атаману.

Но Купчинскій стремительно всталъ со скамьи на встрѣчу бурмистру и, ударивъ его съ розмаху въ щеку, а затѣмъ колотя кулакомъ въ спину, задыхающимся отъ злости голосомъ кричалъ:

— Для чего ты не стоишь, чортовъ сынъ, подлѣ меня? Развѣ не видишь, что здѣсь стоятъ драгуны и хотятъ меня убить, чтобы унести казну?! Пошли вонъ изъ ратуши!—заораль онъ на драгунъ:—чего вы тутъ стоите?!

На крикъ Василя Купчинскаго появились Тургеневъ, Мещерскій и воронежскій войтъ Осипъ Гречка. Тургеневъ хладнокровно остановилъ атамана словами:

— Что ты кричишь на драгунъ? Вѣдь ты знаешь хорошо, что они посылаются въ села по дѣлу.

Подопелъ къ расходившемуся атаману и войтъ, прося его не поднимать напрасно шума.

— А! и ты уже «зѣдналися зъ нѣмцами и москалями»,—злобно проговорилъ атаманъ.—И ты, бѣсъ убей твоего батька, гнешь на ихъ сторону! Погоди же, я тебѣ покажу, какъ якшаться съ во-рогами!

Съ этими словами онъ бросился на Осипа Гречку, и между ними завязалась драка. Оба противника были здоровые, сильные казаки, и оба не щадили другъ друга. Присутствующіе, очевидно, обрадовались неожиданному зрѣлищу, но Тургеневъ рѣшилъ прекратить побоище и велѣлъ драгунамъ развести дравшихся.

— Ты забываешь, что пришелъ въ ратушу, гдѣ драться не хорошо!—усовѣщевалъ онъ атамана, который пытался вырваться изъ рукъ драгунъ и еще разъ сцѣпиться съ тяжело дышавшимъ войтомъ.—А ты иди домой!—приказалъ онъ Осипу Гречкѣ, опасаясь, что присутствіе его можетъ повести къ новой дракѣ.

Было уже часовъ десять вечера, когда драгуны, получивъ ордеры, отправились въ села собирать провіантъ и фуражъ. Изъ всей команды Тургенева осталось три человѣка, не считая каптенармуса князя Мещерскаго и писаря Звегицкаго. Мало-по-малу стали расходиться изъ ратуши и казаки. Около двухъ часовъ ночи рѣшилъ идти въ отведенную ему квартиру и поручикъ Тургеневъ. Передъ уходомъ изъ ратуши онъ обратился къ каптенармусу и капралу Звегицкому съ такимъ приказаніемъ:

— Поставьте драгунъ у двери и не пускайте домой атамана; пусть онъ проспитъ здѣсь. Смотрите за нимъ хорошенько. Завтра разберемъ дѣло.

Купчинскій сидѣлъ у стола, опутивъ голову, точно дремалъ. Онъ слышалъ приказаніе поручика, но молчалъ, словно рѣчь шла о комъ либо другомъ. Но едва ушелъ Тургеневъ, какъ атаманъ всталъ со скамьи, надѣлъ шубу и направился къ двери, чтобы отправиться домой. Драгуны, молча, загородили ему дорогу и указали на скамью, какъ бы приглашая его сѣсть туда, откуда онъ

только-что всталъ. Купчинскій отошелъ отъ двери, постоялъ минуты двѣ у окна, потомъ опять направился къ двери и сталъ просить драгунъ отпустить его домой.

— Пустите меня домой, пустите добромъ!—говорилъ онъ сердито, точно угрожая.

Но князь Мецкерскій повторилъ ему приказаніе поручика. Купчинскій снова отошелъ отъ драгунъ и сѣлъ на скамью, злобно поглядывая на спокойныя лица караульныхъ. Онъ задыхался отъ гнѣва. Обведя дико блуждающими глазами всю комнату, которая стала его тюрьмою, онъ съ крикомъ: «да пустите же меня домой, дьяволы!»—бросился на драгунъ и сталъ бить ихъ кулаками по головамъ, щекамъ и куда попало. Онъ совершенно разсвирѣпѣлъ и, точно раненый дикій звѣрь въ клѣткѣ, бросаясь отъ одного драгуна къ другому, кричалъ:

— Это вамъ за то, дьяволы, что вы не пускали меня добромъ домой!

Пока три драгуна отбивались отъ остервенѣвшаго атамана, Звегицкій бросился догонять Тургенева и сообщилъ ему о буйствѣ Купчинскаго. Тургеневъ поспѣшилъ въ ратушу. Едва онъ показался въ дверяхъ комнаты, какъ Купчинскій оставилъ драгунъ и, разбѣжавшись, со всей силы ударилъ и ногами, и руками въ оконную раму, желая выпрыгнуть въ окно. Рама вылетѣла и съ глухимъ шумомъ упала на улицу. Купчинскій готовъ былъ уже броситься вслѣдъ за нею на улицу, но его удержали избитые имъ караульные. Видя, что никакъ не избавиться отъ драгунъ, онъ сталъ кричать «гвалтъ». На отчаянный крикъ, раздававшійся въ глухую ночь, прибѣжало нѣсколько воронежскихъ жителей. Узнавъ среди нихъ знакомаго казака Лаврентія Забуженка, Купчинскій закричалъ ему:

— Лаврентій, бѣги скорѣе на колокольню и бей «на гвалтъ» въ колокола!

И вотъ ночная тишина огласилась звономъ церковнаго колокола разбудившимъ всѣхъ воронежцевъ и встревожившимъ священника Архангело-Михайловской церкви, Василія Квилецкаго.

Видя, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, и опасаясь, чтобы сбѣжавшаяся толпа, не разобравъ, въ чемъ дѣло, и слыша крики атамана, не избилъ его и драгунъ, Тургеневъ приказалъ двумъ драгунамъ бѣжать на колокольню и схватить того, кто звонилъ. Этимъ онъ прекратилъ набатъ, такъ что многіе казаки, собиравшіеся бѣжать на площадь, не слыша больше звона, раздумали и остались дома. Къ ратушѣ поспѣшилъ одинъ лишь священникъ о. Василій Квилецкій, низенькій, сѣдой старичекъ, и спрашивалъ, обращаясь ко всѣмъ: «Кто безъ моего вѣдома билъ «на гвалтъ»?» Тургеневъ указалъ на Купчинскаго. Тогда послѣдній закричалъ:

— А кто меня довелъ до того, какъ не ты, разбойникъ! Развѣ ты офицеръ? Ты—каналья, шельма и разбойникъ! Оттого у тебя и разбой: драгуны твои чуть не убили меня!

Поручикъ Тургеневъ молча слушалъ брань, которою осыпалъ его воронежскій атаманъ въ присутствіи священника, бурмистра, писцовъ и драгунъ. Когда Купчинскій умолкъ, поручикъ проговорилъ, обращаясь ко всѣмъ:

— Господа, вы слышали, какими словами оскорбилъ меня атаманъ Василій Купчинскій; я беру васъ въ свидѣтели. А теперь оставьте его въ покоѣ,—приказалъ онъ державшимъ его драгунамъ и направился въ квартиру.

По уходѣ Тургенева, стали расходиться бурмистръ, священникъ и нѣкоторые казаки. Купчинскій еще нѣсколько минутъ ворчалъ что-то про себя, затѣмъ уѣхалъ домой. Въ это время уже во многихъ хатахъ свѣтились «каганцы», такъ какъ было около четырехъ часовъ, и начинало уже свѣтать.

IV.

На другой день не пробило еще девяти часовъ, какъ Купчинскій поднялся съ постели, совершенно разбитый, съ сильною головою болью, съ смутнымъ сознаніемъ, что съ нимъ случилось вчера въ ратушѣ что-то не ладное. Сѣвъ на скамью подлѣ маленькаго шкафика, онъ старался припомнить все, что съ нимъ вчера произошло, но память плохо помогала ему, не смотря на то, что онъ не разъ отвѣдывалъ «хлѣбнаго масла». Рѣшивъ, наконецъ, что самъ ничего не припомнитъ, онъ крикнулъ:

— Марео, а Марео! гдѣ ты запропастилась?

На зовъ его въ дверяхъ спальни показалась закутанная помѣщански платочкомъ женщина лѣтъ сорока, «пани атамановая», жена Купчинскаго, и тихо спросила:

— Чего тебѣ?

— Не знаешь ли ты, что такое случилось вчера въ ратушѣ со мною?

— А я откуда бы могла знать, что тамъ у васъ дѣлается? Слышала я, что пріѣхали драгуны, а зачѣмъ они пріѣхали, то тебѣ знать, а не мнѣ. Знаю я еще и то, что ты пріѣхалъ домой изъ ратуши чуть свѣтъ.

Купчинскій слушалъ рѣчь жены, наклонивъ голову, точно что-то соображая. Онъ помолчалъ минутъ десять, потомъ приказалъ:

— Пошли-ка Евдоху «до ратуши», пусть позоветъ ко мнѣ писаря Лукьяна Шевченка, пусть скажетъ ему, что, молъ, панъ атаманъ зовутъ по очень важному дѣлу. Да приготовь чегонибудь закусить,—добавилъ онъ удалявшейся женѣ.

Пока умывался и дѣлалъ свой туалетъ атаманъ, а жена его готовила выпивку и закуску въ «горницѣ», Евдоха сбѣгала въ ратушу и передала Лукьяну Шевченку приглашеніе Купчинскаго. Писарь не замедлилъ явиться на зовъ послѣдняго.

— Съ добрымъ днемъ!—привѣтствовалъ онъ атамана, входя въ комнату и низко кланяясь.

— Здравствуй!—кивнулъ въ его сторону головою Купчинскій и указалъ на мѣсто за столомъ подлѣ себя.—Сперва надо подкрѣпить свое тѣло снѣдью,—шутливо продолжалъ онъ свою рѣчь,—а потомъ можно и за дѣло приняться.

Онъ налилъ рюмки водкою, настоенною на какихъ-то травахъ, и пригласилъ писаря выпить. Выпили. Атаманъ откашлялся, проглотивъ нѣсколько кусковъ жареной рыбы, разгладилъ свои усы и спросилъ:

— Скажи, ради Бога, мнѣ, Лукьянъ, что вчерашняго дня за бой чинилъ я въ ратушѣ? Помнится мнѣ, что былъ бой, но больше, хоть убей, ничего не помню, потому что былъ сильно пьянъ.

— Вчерашняго дня вы, панъ атаманъ, натворили большой бѣды, — писарь вздохнулъ и продолжалъ:— сперва вы учинили драку съ паномъ бурмистромъ Андреемъ Гречкою, а потомъ съ паномъ войтомъ Осипомъ Гречкою. И какъ вы бились съ паномъ войтомъ, то господинъ пріѣзжій офицеръ, поручикъ Санктпетербургскаго драгунскаго полка, развелъ васъ; войта услалъ домой, а васъ приказалъ драгунамъ своимъ держать въ ратушѣ подъ карауломъ, чтобъ проспались вы. Тогда вы начали бить драгунъ руками ли, палкою ли,—не запомнилъ хорошо; а какъ пришелъ офицеръ...

— Ну, дальше я самъ припоминаю кое-что, потому что у меня и теперь руки болятъ,—проговорилъ Купчинскій, прерывая рассказъ писаря, и показалъ руки, на которыхъ видны были порѣзы отъ разбитаго стекла.

Наступило молчаніе, во время котораго Купчинскій налилъ рюмки и пригласилъ писаря выпить.

— Скверное дѣло я учинилъ,—крякнувъ послѣ выпитой рюмки, проговорилъ какъ бы про себя атаманъ.—Будетъ бѣда великая, если офицеръ пожалуется за брань, которою я поносилъ его при казакахъ. Теперь и за меньшія дѣла не хвалятъ нашего брата... А тебѣ не пришлось узнать что либо насчетъ дѣйствій офицера?—быстро спросилъ онъ писаря.

— Говорили, я слышалъ самъ, драгуны сегодня въ ратушѣ, что офицеръ послалъ своему полковнику донесеніе о происшедшемъ, да не знаю, вѣрно ли они говорили,—отвѣтилъ писарь, грустно поникнувъ головою.

Задумался и панъ атаманъ. Только теперь онъ понялъ всю опасность своего положенія. Его охватилъ страхъ передъ возмож-

ностью пострадать за брань, вырвавшуюся у него въ минуту гнѣва; онъ зналъ, что «німци» не захотятъ принять во вниманіе того, что онъ былъ въ нетрезвомъ состояніи, что у пьянаго языкъ болтаетъ всякій вздоръ. Онъ видѣлъ много примѣровъ, какъ за всякое неосторожное слово теперь наказывали батогами, ссылкой и лишеніемъ правъ и состоянія. Онъ такъ увлекся, заглядывая въ предстоящія бѣдствія, что не слышалъ, какъ писарь, проговоривъ: «будьте здоровы!»—ушелъ въ ратушу. Когда онъ очнулся отъ занимавшихъ его мыслей, было уже далеко за полдень.

Въ горницу вошла жена его и спросила:

— Что такое за «гвалтъ» былъ вчера въ ратушѣ?

— Никакого гвалту не было,—рѣзко оборвалъ ее Купчинскій и, вставая со скамьи, проговорилъ:—ты обѣдай, а я не хочу, такъ какъ съ Лукьяномъ порядочно закусилъ.

Онъ ушелъ въ спальню, легъ на постель, но и не думалъ спать. Не до сна было ему теперь. Онъ сталъ обдумывать, какъ ему вернуться изъ грозившей бѣды. Мысли его были разнообразны, и онъ долго не могъ ни на одной изъ нихъ остановиться; но вдругъ онъ всталъ съ постели, прошелся по комнатѣ, самодовольно улыбнулся и успокоился, какъ человѣкъ, разрѣшившій какую нибудь трудную задачу.

Вечеромъ онъ позвалъ къ себѣ казака, своего сосѣда, Антона Портянку, о чемъ-то долго шептался съ нимъ, сунулъ ему въ руку какой-то сверточекъ и отпустилъ. Потомъ призвалъ жену и приказалъ ей приготовить себѣ на дорогу провизіи. Замѣтивъ удивленіе, изобразившееся на лицѣ жены, онъ проговорилъ:

— Сегодня ночью я ѣду по одному дѣлу съ казакомъ Антономъ Портянкою въ Глуховъ. Вернусь дня черезъ два-три. Если будутъ присылать за мною изъ ратуши, говори, что нѣтъ дома, уѣхалъ, молъ, въ Глуховъ, а когда пріѣдетъ, не знаю. Ну, поворачивайся живѣе!—приказалъ онъ, повысивъ голосъ, чтобы не допустить жену до дальнѣйшихъ разспросовъ.

V.

Небольшой и мизерный нынѣ городокъ Сосница, Черниговской губерніи, въ то время, о которомъ идетъ въ настоящемъ разсказѣ рѣчь, былъ мѣстечкомъ и представлялъ десятка полтора еврейскихъ лавочекъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, и сотни двѣ маленькихъ, невзрачныхъ домиковъ. Въ одномъ изъ нихъ, наиболѣе приглядномъ, не смотря на двѣнадцатый часъ ночи, свѣтился огонь. У параднаго крыльца стояли два часовыхъ. То была квартира временно прибывшаго сюда генераль-маіора и конной гвардіи маіора Карла Магнуса фонъ-Бирова. Высокородный и превосходи-

тельный генераль, одѣтый въ щегольской шлафрокъ, сидѣлъ за столомъ, а подлѣ него стоялъ адъютантъ, высокій, плечистый и красивый блондинъ, который отчетливо, хотя и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, читалъ разныя бумаги.

Вотъ онъ перевернулъ одинъ и другой листъ рукою и громко прочиталъ:

«Высокородному и превосходительному господину генералу майору и конной гвардіи майору Карлу Магнусу фонъ-Бирону
«отъ Санктпѣтербургскаго драгунскаго полку доношеніе.

«По предсимъ посланному к вашему превосходителству доношенію представлено было, что воронежской и ямпольской сотенъ тамошнія старшины являютца в высылкѣ на полкъ Санктпѣтербургской провіанта и оружа весма ослушны, и для того требуются резолюціи: для скорейшей высылки не повелено-ль будетъ камандировать во оныя сотни с престоиною командою аеицера одного, почему вашему превосходителству оного аеицера с командою и изволили приказать камандировать, чего ради от полку Санктпѣтербургскаго с престоиною командою поручикъ Тургеневъ и з данною ему с надлежащимъ удовольствіемъ инструкцыею сего декабря 12 дня в показанныя сотни и камандированъ, а сего числа от оного поручика Тургенева в присланномъ к полковымъ деламъ доношеніи написано: сего де декабря 13 дня прибылъ онъ и с командою и, войдя в ратушу, призвалъ и объявилъ инструкцію и держалъ день весь в концеляри и требовалъ, чтобъ провіантъ и оружъ немедленно выслали, на чтѣ они и объявили, что де у насъ в зборѣ провіанта и оружа и о томъ расположенія, с котораго сколько надлежитъ, не имѣтца, однакожде оное расположеніе, с котораго села сколько порцій и рацій, счисляя по ведомости камисара Гряценка и взявъ у нихъ билеты для скорейшей высылки, с казаками послалъ онъ, поручикъ, драгунъ, которымъ приказалъ, чтобъ тамъ чрезъ ночь по тому расположенію выбрали, и притомъ же приказалъ темъ драгунамъ, чтобъ они, взявъ в техъ селахъ атамановъ и войтовъ, сего декабря 14 числа какъ светъ явились с ними в воронежской ратушѣ для взятыя с нихъ подписки, чтобъ оной провіантъ и оружъ могли они поставить чрезъ два дня в Новыя Млины, и какъ онъ драгунъ отправилъ с оными билеты, то онъ, поручикъ, остался в ратуше и с нимъ каптенармусъ князь Мещерской и пысаръ Звегинцовъ и драгунъ три человѣка, и перед вечеромъ воронежской атаманъ Василей Купчинской да войтъ Осипъ Грецкой учинили межъ собою драку, от которой онъ, поручикъ, ихъ развелъ и приказалъ войта отвезть на ево квартиру для того, что ихъ вместе содержать было невозможно, и онъ, поручикъ, в той сидел ратуше часа два ночи и потомъ пошелъ в квартиру и послѣ себя показаннымъ приказалъ каптенармусу князю Мещерскому, капралу

Звегинцову, вышепомянутого атамана Купчинского в ратуши держать бѣзъ выпуску, и не дошелъ до квартиры, догналъ ево, порутчика, на дороги драгун Рублевской и сказалъ ему, что атаманъ в ратуше бьетъ каптенармуса, такожь капрала и драгунъ и притомъ говарить, что де вашей инструкцы не слушаю и провіанту выслать не велю, почему онъ, порутчикъ, тогожь маменту прибѣжалъ в ратушу, то оной атаманъ выбил в ратуши оконницу и бросился вон, однакожь ево одержали, то онъ закричалъ гвалту и приказалъ бить в набать, по которому ево приказу билъ в набать церкви Михаила Архангела воронежской житель Лавринъ Забуга, которого на колоколни той церкви поималъ человѣкъ ево, порутчика. Священникъ Василей Квилецкой услышалъ, что бьютъ в набать, прибѣжалъ к нимъ в ратушу и спросилъ у него, порутчика, для чего бьютъ в набать ночнымъ временемъ, на что ему онъ, порутчикъ, объявилъ, что де вашъ атаманъ кричалъ гвалтъ бѣзо всякой притчины, и никакой де отъ меня к нему обиды не было, кроме того, что онъ атаманъ каманды нашей драгунъ билъ, и притомъ же означенной священникъ спрашивалъ в ратуше у того жителя, которой билъ в набать, что в какомъ случаи билъ, и онъ ему на то объявилъ, что де бить мнѣ приказано отъ атамана, и при томъ же священникъ оной атаманъ называлъ ево, порутчика, и с командою разбойниками, и бранилъ ево шелмою, каналією и всякими непотребными словами по своей наречи: ты де не аеицеръ, но разбойникъ, я де тебя и с командою могу побить, при которой ево, атамана, брани были означенной священникъ и сотенной ихъ писарь Лукьянъ Шевченковъ и все ратушные писари и два бурмистра Андрей Греца, Тарасъ Власъ, на которыхъ онъ, порутчикъ, в своей правности и свидетелствуетца, какъ онъ, порутчикъ, такъ и команда ево не токмо чтобъ ихъ атамана и протчихъ бить, но никогого к нимъ озлобленія, кроме увещеванія, не было, чего ради оной порутчикъ Тургеневъ в выше упомянутой ему учиненной атаманомъ Купчинскимъ противности и в называніи ево шелмою и каналією и всею камандою разбойниками, такожь урядника и драгунъ в бѣзвинномъ битье просилъ о учиненіи по указамъ ея императорскаго величества сатисфакции, а понеже и предсимъ посланнымъ с полку Санктъпитербурхского драгунамъ, которые отправлены были еще до камандоровки реченного порутчика в показанную воронежскою сотню для высылки провіанта и оуража, вышепоказанной же атаманъ Купчинской драгуна Василя Оролова бѣзвинно по щекамъ билъ же и в калотки засадилъ, которой въ ихъ ратуше и сидель неделю, а какъ ис поданного от оного Оролова по прибытіи ево в полкъ доношенія показуетца, что нималою ево виновности не находится, кромѣ того, что онъ требовалъ от оного атамана на государеву одну лошадь оуражу, о чемъ на него, атамана, в битье ево, драгуна, по щекамъ и в посаженіи в колотки, чего и должности ево, атамана, немалою в томъ не состоитъ, сего декабря 12 дня от

полку Санктпитебургскаго представлено с требованіемъ резолюцы в генералную воинскую канцелярію; токмо еще на то никакова послѣдствія не получено. Того ради вашему превосходительству о выше писанныхъ атамана Купчинскаго в продержностяхъ симъ доношеніемъ представляю и покорно прошу с прописаніемъ сего о учиненіи показанному порутчику Тургеневу в вышепоказанномъ во всемъ по указамъ ея императорскаго величества и государственнымъ правамъ сатисеакцы, чего не токмо аеицеру стерпимо, но и редовому весма обидно, в реченною генералною войсковую канцелярію писать, дабы оному атаману и впредь такъ чинить было неповадно...». Подъ доношеніемъ стояла подпись: «Маіоръ Иванъ Нагаткинъ».

Во время чтенія доношенія, въ которомъ не только изложено было происшедшее въ воронежской ратушѣ, но припоминались Купчинскому и прошлыя обиды, Карль-Магнусъ фонъ-Биронъ не разъ нервно барабанилъ по столу пальцами своей большой и выхоленной руки, а круглые, «совиные» глаза, свидѣтельствовавшіе о кровной связи ихъ владѣльца съ знаменитымъ временщикомъ и фаворитомъ временъ Анны Іоанновны, загорались недобрымъ огнемъ. Когда адъютантъ кончилъ чтеніе и остановился, какъ бы ожидая дальнѣйшихъ приказаній, фонъ-Биронъ медленно проговорилъ:

— Это дѣло очень важное, очень серьезное дѣло. Эти хохлы—дерзкій, грубый народъ, который должно укрощать. Приготовьте мнѣ къ завтрашнему дню копию съ этого доношенія.

Адъютантъ поклонился, проговорилъ обычное «слушаю-съ» и вышелъ.

Фонъ-Биронъ взялъ полъ-листа бумаги, перегнулъ его и написалъ:

«Благородный и высокопочтенный господинъ полковникъ.

«Сего числа полку Санктпитебургскаго пример-маэоръ господинъ Нагаткинъ доношеніемъ ко мнѣ представляетъ, что того де полку порутчикъ Тургеневъ посланъ для высылки правянта в воронежскую і въ янъполскую сотни и какъ де прибылъ в Воронежъ, бѣзъ всякой неоказанно ему обиды атаманъ Купчинскаго называлъ реченного порутчика шельмою и разъбойникомъ и о протчихъ ево, атамана, продержзостяхъ, с котораго ево господина маэора доношенія присемъ сообщаю точную копию, по каторой изволите с темъ атаманомъ по тому доношенію во всемъ учинить доволную сатисеакцыю, а ежели того от вашего благородія учинено не будетъ, то я имѣю самъ сатисеакцыю учинить.

«Вашего благородія охотный слуга

«С.-М. de-Biron».

Декабря 16 дня
1738 году.
М. Сосница.

Письмо было направлено въ Нѣжинъ къ полковнику Нѣжинскаго Малороссійскаго полка Хрущову.

Такъ началось «дѣло о причиненіи атаманомъ воронежскимъ Василіемъ Купчинскимъ порутчику Тургеневу ругательствомъ обидѣ», дѣло само по себѣ не особенно важное, но свидѣтельствующее, какъ въ то время пустякамъ умѣли придавать серьезный смыслъ и значеніе, и доводили виновнаго до Сибири, кнута и даже до плахи. Посланный фонъ-Бирономъ ордеръ полковнику Хрущову былъ полученъ послѣднимъ 23-го декабря того же 1738 года, и тотчасъ же онъ послалъ глуховскому сотнику Матвѣю Манковскому указъ, чтобы онъ, сотникъ, ѣхалъ въ мѣстечко Воронежъ, явился къ маіору Нагаткину и просилъ у него для лучшаго производства слѣдствія одного офицера; по прибытіи офицера произвести слѣдствіе и прислать свое мнѣніе въ нѣжинскую полковую канцелярію. На указъ Хрущова 7-го января 1739 года въ нѣжинской полковой канцеляріи получено было отъ глуховскаго сотника Матвѣя Манковскаго доношеніе, въ которомъ онъ писалъ:

«Указомъ ея імператорскаго величества з оной полковой нѣжинской канцеляріи велено мнѣ для слѣдствія по челобитную санкт-петербургскаго драгунскаго полку маэора Нагаткина на атамана воронежскаго Василя Купчинскаго ихать в Воронижъ, точію за болѣзнію моею давнею на вишепрописанное слѣдствіе в мѣстечко Воронижъ ихать не могу»...

Между тѣмъ фонъ-Биронъ, очевидно, весьма серьезно и энергично принялся за укрощеніе дикаго и дерзкаго малороссійскаго народа въ лицѣ пьянаго буяна Василя Купчинскаго. Не получая долго никакого извѣстія о результатѣ своего ордера, онъ рѣшился писать другой къ тому же полковнику Хрущову, но уже болѣе грозный. Онъ писалъ:

«Благородный і высокопочтенный господинъ полковникъ.

«Хотя на посланной от меня к вашему благородію ордеръ і получилъ я сего генваря 4 дня репортъ за рукою полковаго нежинскаго писаря, что по посланному із нежинской полковой канцеляріи къ сотнику глуховскому Манковскому указу велено ехать в Воронежъ і о томъ произвести во учиненныхъ воронежскимъ атаманомъ Купчинскимъ Санптербургскаго драгунскаго полку порутчику Тургеневу обидяхъ і в называніи ево шелмоу і разбойникомъ следствіе, но токмо из присланнаго ко мне сего числа означеннаго санптербургскаго полку от маэора Нагаткина доношенія я известень, что і по се время того следствія не производитца, із чего признаваю неисполненіе моихъ ордеровъ, чего ради симъ впоследствии наикрепѣчайше вашему благородію предлагаю, дабы в самомъ краткомъ времени оное слѣдствіе произведено и сотисвакѣця помянутому порутчику Тургеневу учинена была,

какъ указы ея імператорского величества повелевають, а ежелижъ хотя малое в томъ медлителство воспоследуетъ, то ваше благородіе под жестокиѣмъ ответомъ состоять будете, что же по сему воспоследуетъ, ожидаю в самой скорости репорту.

«Вашего благородія охотный съслуга
«С.-М. de-Biron».

Генваря 5 дня
1739 году.
М. Сосница.

Полковникъ Хрущовъ, получивъ такой «повелительный» ордеръ, увидѣлъ, что за дѣло надо приниматься серьезно и энергично. Поэтому онъ прежде всего постарался послать съ нарочнымъ къ фонъ-Бирону письмо, въ которомъ указывалъ двѣ причины промедленія: отказъ Манковского ѣхать для производства слѣдствія и свое отсутствіе изъ Нѣжина, вслѣдствіе поѣздки къ «высокографскому сіятельству, высокоповелительному господину, генералу-фельдмаршалу и кавалеру фонъ-Миниху». Затѣмъ сотенному товарищу Нѣжинскаго полка Ивану Гуменскому изъ полковой нѣжинской канцеляріи дана была слѣдующая «Инструкція»:

«Понеже по дѣлу порутчика санктпѣтербургского драгунского полку Тургенева во учиненныхъ якобы атаманомъ воронежскимъ Василемъ Купчинскимъ обидахъ в названіи шелмоу, разбойникомъ и о прочемъ, подлежатъ оной атаманъ Купчинскій в полковую нѣжинскую канцелярію для отвѣтствія, тогожъ местечка Воронѣжа священникъ отецъ Василій Квѣтнѣцкій, обивателѣ Лаврѣнъ Забуга, сотенній писарь Лукянъ Шевченковъ и всѣ ратушніе писарѣ да два бурмистра Андрѣй Грепка и Тарасъ Власій для свидѣтельства: того ради сего генваря 10 дня по ея імператорского величества указу и по опредѣленію полковой нѣжинской канцеляріи велено за оними послать тебе нарочне по инструкціи и дать послушній указъ и тебѣ, принявъ сію инструкцію и послушній указъ, чинить нижеслѣдующее.

1.

«Ехать тебѣ в местечко Воронежъ немедленно, никуда на сторону не заезжая.

2.

«Пріехавъ в показанное местечко Воронѣжъ, за объявленіемъ сей инструкціи велѣтъ тамошнему атаману Купчинскому собрать того местечка Воронѣжа козаковъ и при собраніи тѣхъ казаковъ объявить имъ, чтобъ они змежъ себе кого достойного и управительного выбрали одного челоувѣка наказнимъ атаманомъ, и какъ избранъ будетъ, то оной би ватамана Купчинского принялъ сотеннія всѣ дѣла за роспискою и правилъ сотеннимъ правленіемъ до указу,

даби по указамъ Ея Императорскаго величества в интереснихъ дѣлахъ на сотенномъ тамошнемъ правленіи не воспослѣдовало какой остановки.

8.

«Показанного атамана Купчинскаго взявъ правадить тебѣ в Нѣжинъ в полковую нѣжинскую канцелярію, а буде оной атаманъ Купчинскій учинится силенъ и ехать не похочеть, то тебѣ во взятѣ томъ требовать от тамошней ратуши вспомошествованія взять оного Купчинскаго и нехотящего.

4.

«Више объявленнимъ во свѣдѣтельствѣ попу Квѣлецкому, обивателю Лаврѣну Забуги, сотенному писарю Лукяну Шевченкову и всѣмъ ратушнимъ писарамъ, бурмистрамъ Аньдрѣю Грецки, Тарасу Уласію, обявя послушній указъ, велѣтъ имъ стать в полковую нѣжинскую канцелярію на срокъ по више писанному дѣлу для допросу и в томъ статѣ взять у нихъ реверсъ со обязательствомъ, а непременно оніе ехали-бъ с тобою совокупне.

5.

«А какъ оній атаманъ Купчинскій тобою припроваженъ будетъ и помянутіе свѣдѣтелѣ с тобою праедуть в Нѣжинъ, то тебѣ онихъ всѣхъ представить в полковую нѣжинскую канцелярію при доездомъ своемъ доношеніи.

6.

«Будучи же тебѣ в оной послѣлки, исправляться добропорядочно и обидѣ никому нигде не чинить, излишнего ничего нигде не виматъ под опасеніемъ наказанія»...

Такимъ образомъ, дѣло объ оскорбленіи поручика Санктпетербургскаго драгунскаго полка Тургенева воронежскимъ атаманомъ Василиемъ Купчинскимъ направлено было в нѣжинскую полковую канцелярію.

VI.

Теперь Нѣжинъ—одинъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ Черниговской губерніи, съ сорока тысячнымъ населеніемъ, но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь въ нашемъ разсказѣ, онъ представлялъ небольшое село (хотя и носилъ громкое названіе города), съ двумя сотнями небольшихъ домиковъ, изъ которыхъ не насчитывалось и десятка каменныхъ. Расположенный по обоимъ берегамъ небольшой рѣчки, называемой Остеръ, онъ лежитъ въ мѣстности болотистой и нездоровой; осенью и въ началѣ весны имѣетъ видъ грязный и непривлекательный.

По улицѣ, идущей вдоль лѣваго берега Остра, стоялъ особнякомъ большой деревянный домъ, покрытый «дранью», весь почернѣвшій отъ времени. Старыя стекла оконъ, при восходѣ солнца, отливали всевозможными цвѣтами радуги; ставни, не прикрѣпленные крючками, открывались и закрывались по волѣ вѣтра, да многихъ изъ нихъ и не оказывалось. Вообще весь домъ носилъ на себѣ несомнѣнные признаки полнѣйшей запущенности. Въ этомъ домѣ помѣщалась нѣжинская полковая канцелярія. Взойдемъ по шаткимъ ступенькамъ деревяннаго крыльца, пройдемъ длинный коридоръ и вступимъ въ большую четырехугольную комнату, убранство которой состоитъ изъ двухъ деревянныхъ чернаго цвѣта шкаповъ «для дѣлъ» и длиннаго деревяннаго же стола, обитаго черною клеенкою. Вокругъ стола стояло три деревянныхъ краснаго цвѣта стула и нѣсколько такого же цвѣта табуретовъ.

Утромъ 23 января 1739 года въ этой комнатѣ за столомъ сидѣлъ видный мужчина, лѣтъ сорока семи, сотенный товарищъ Иванъ Гуменскій. На другомъ стулѣ расположился во всей парадной формѣ полковникъ Хрущовъ и просматривалъ цѣлую груду лежащихъ передъ нимъ бумагъ; съ правой стороны отъ него на табуретѣ сидѣлъ молодой прапорщикъ Василій Анучинъ, назначенный фонъ-Бирономъ присутствовать въ качествѣ депутата, при слѣдствіи по дѣлу объ оскорбленіи Тургенева. Онъ также углубленъ былъ въ чтеніе какихъ-то дѣловыхъ бумагъ. У дверей стоялъ дежурный, вытянувшись «въ струнку» и слѣдя глазами за каждымъ движеніемъ начальства. Въ комнатѣ слышался лишь шелестъ переворачиваемыхъ листовъ бумаги. На часахъ пробило десять. Полковникъ Хрущовъ оторвался отъ чтенія бумагъ и приказалъ дежурному:

— Позови ко мнѣ писаря Степанова.

Дежурный моментально скрылся за дверью и черезъ пять минутъ снова появился на прежнемъ мѣстѣ, а рядомъ съ нимъ стоялъ, наклонившись нѣсколько впередъ, чисто одѣтый, молодой, красивый брюнетъ—солдатъ, писарь полковой.

— Приведены ли свидѣтели по дѣлу поручика Санктпетербургскаго драгунскаго полка Михаила Тургенева?—спросилъ полковникъ Степанова.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе,—скороговоркою выпалилъ писарь.

— Всѣ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе, нѣтъ священника о. Василя Квилецкаго.

— Я отъ него привезъ писанный листъ,—приподнявшись проговорилъ Иванъ Гуменскій.

— Онъ отсутствуетъ по уважительной причинѣ,—проговорилъ въ свою очередь Анучинъ:—въ бумагахъ, при дѣлѣ, имѣется письменное его показаніе.

Съ этими словами онъ подалъ полковнику исписанный листъ бумаги.

Полковникъ подалъ листъ писарю и приказалъ громко прочитать въ немъ написанное. Степановъ прочиталъ:

«Року 1739, мѣсяца генваря 16 числа.

«Прибувши в мѣстечко Воронѣжъ, Иванъ Гуменскій, полку Нѣжинскаго значковый товаришъ, объявилъ мнѣ ниже подписавшомуся указъ послушній и инструкцію з полковой нѣжинской канцеляріи, ему данніе, в которихъ выражено, дабы мнѣ з прочими ехать в полковую нѣжинскую канцелярію и тамъ засвѣдѣтельствовать, какъ Василь Купчинскій порутчика Санктпѣтербургскаго драгунскаго полку Тургенева безчестилъ, апоневажъ за слабостію своего здоровья ехать в Нѣжинъ не могу, теда писменно симъ отвѣтствую. Прошедшого мѣсица декабра не упомѣню якого числа на колоколнѣ моей смеркомъ уже гараздъ, когда почали бити на гвалть в болшій колоколъ, теда я заразъ пойшолъ в ратушъ спроситися, хто велѣлъ бити в колоколъ, и тамъ пойманный человѣкъ Лаврѣвъ Забуга отвѣтствовалъ: я де билъ по приказу атамана Василія Купчинскаго в колоколъ, которій атаманъ там же в ратуши не толко якогось урядника при господину порутчику Тургеневу по щечахъ билъ, але и самого господина поручика разбойникомъ, шелмою, каналскимъ синомъ и прочимъ какъ хотѣлъ ругалъ при всѣхъ, на тотъ часъ з ратуши бывшихъ, а господинъ порутчикъ и единого слова худого Василію Купчинскому не говорилъ, и я заразъ потому з ратуша домой пошолъ, а по отходѣ моемъ было ли что худого болшъ в ратуши или ни—нейзвѣстенъ.

«Василій Квѣлецкій, церкви Архагела Михаила соборной воронѣжской презвытеръ.

«Для лучшей вѣрности и певности старшина сотенная воронѣжская подписалась.

«Атаманъ городовий и сотенное правленіе содержащий Кирило Слабѣй. Войтъ воронѣжскій Іосифъ Гречка»...

Во время чтенія сказки священника Квилецкаго, полковникъ Хрущовъ и прапорщикъ Анучинъ дѣлали карандашемъ кое-какія замѣтки на лежавшихъ передъ ними листахъ бумаги.

— Вы объ этомъ, а равно и объ отсутствіи виновнаго упомянули въ «доѣздномъ доношеніи»?—обратился Хрущовъ къ Ивану Гуменскому.

Послѣдній привсталъ было, чтобы отвѣчать, но прапорщикъ предупредилъ его, положивъ предъ полковникомъ другой исписанный листъ и проговоривъ:

— Вотъ поданное имъ въ полковую здѣшнюю канцелярію доѣздное доношеніе.

Пробѣжавъ глазами поданный листъ, Хрущовъ сказалъ Гуменскому:

— Можете идти; вы теперь намъ не нужны.

Сотенный товарищъ вышелъ изъ комнаты, низко поклонившись господамъ офицерамъ. По уходѣ его Хрущовъ приказалъ Степанову, который подалъ ему сказку о Квилецкаго:

— Садись и записывай показанія лицъ, причастныхъ къ дѣлу; а ты (обратился онъ къ дежурному) позови сюда Марѳу Купчинскую.

Прошло минуты двѣ-три, и въ комнату вошла жена атамана Купчинскаго, испуганно глядя на Хрущова и Анучина и не зная, гдѣ ей стать.

— Подойди ко мнѣ,—вывелъ ее изъ недоумѣнія полковникъ.

Марѳа Купчинская сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ столу.

— Ты Марѳа, Парѳенова дочь, Купчинская?—спросилъ ее Хрущовъ?

— Я,—чуть слышно произнесла жена атамана.

— Скажи же, знаешь ли о мужѣ своемъ, атаманѣ воронежскомъ Василии Купчинскомъ, гдѣ онъ нынѣ находится и когда изъ дому своего уѣхалъ и куда именно, и имѣешь ли отъ него какое извѣстіе?

— Гдѣ нынѣ мой мужъ имѣется, того не вѣдаю подлинно. Вѣдаю только, что онъ поѣхалъ въ Глуховъ, а чего именно, не вѣдаю. И какъ отѣхалъ онъ отъ дома, тому будетъ недѣли четыре. А извѣстіе отъ своего мужа я получила письменное, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что заѣхалъ за Дунай; больше же никакого извѣстія я отъ мужа своего, Василія Купчинскаго, не получала, въ чемъ могу совѣстію своею увѣрить.

— Вѣдаешь ли ты, Марѳа, о учиненныхъ господину поручику с.-петербургскаго драгунскаго полка Тургеневу мужемъ твоимъ Василюмъ Купчинскимъ обидахъ, о названіи шельмою, разбойникомъ, и не сказывалъ ли тебѣ мужъ твой когда либо, съ какого умысла онъ то учинилъ?

— Не вѣдаю я, господа офицеры, о учиненныхъ господину поручику мужемъ моимъ обидахъ, о названіи его поручика шельмою и разбойникомъ. Никогда ничего мужъ мой не сказывалъ мнѣ и о томъ, съ какого умысла онъ то учинилъ. Но только, какъ пріѣхалъ мой мужъ домой, я спросила его: «что то былъ за гвалтъ?». Онъ отвѣтилъ мнѣ: «били меня, и я билъ въ ратушѣ». А кого именно онъ билъ и кто его, и за что была ссора и съ кѣмъ, того ничего не сказалъ мнѣ мужъ мой. На другой день онъ призвалъ писаря ратуши воронежской Лукьяна Шевченкова въ домъ свой и спрашивалъ: «скажи мнѣ, что за бой учинилъ я вчерашняго дня; я не помню, такъ какъ былъ пьянъ». Тогда писарь разсказалъ, что была между имъ, моимъ мужемъ, драка вначалѣ съ бурмистромъ Воронежа ратушнымъ Андреемъ Гречкою, а потомъ съ

тамошнимъ же войтомъ Осипомъ Гречкою, а за что, того писарь не сказалъ. Послѣ драки господинъ поручикъ Тургеневъ приказалъ своимъ драгунамъ держать его въ ратушѣ подъ карауломъ, чтобъ онъ выпался; но мой мужъ началъ бить тѣхъ драгунъ палкою, а тѣ драгуны въ отвѣтъ моего мужа били руками...

— Позвольте мнѣ, — перебилъ рѣчь Марѣи Купчинской Ануцинъ, обращаясь къ Хрущову, предложить ей нѣсколько вопросовъ.

Хрущовъ кивнулъ головою въ знакъ своего согласія.

— Ты, Марѣя Купчинская, — началъ Ануцинъ допросъ, — сказала, что получила отъ мужа своего изъ Глухова письмо. Кто же тебѣ его доставилъ? Какимъ образомъ ты его получила?

Марѣя удивилась, какъ это она пропустила рассказать объ этомъ. И потому отвѣчала:

— Письмо свое мой мужъ доставилъ черезъ поѣхавшаго вмѣстѣ съ нимъ въ Глуховъ казака Антона Портянку. Возвратившись изъ Глухова, Антонъ отдалъ письмо тещѣ своей для передачи мнѣ, а теща отдала его своей сосѣдкѣ; я не помню имени ни тещи, ни сосѣдки ея, равно не знаю точно, изъ Глухова ли привезъ Портянка письмо моего мужа, или изъ другого мѣста: ни та, ни другая мнѣ того не сказали, да и я не спросила.

— Неужели ты такъ ничего и не знаешь, гдѣ твой мужъ нынѣ обрѣтается? — настаивалъ Ануцинъ, желая вывѣдать отъ Марѣи Купчинской все, что она знаетъ.

— Навѣрное не знаю, но здѣсь, въ Нѣжинѣ, отъ Тараса Кирилова и Степана Набоки слыхала, будто они видѣли моего мужа въ Переяславлѣ, а когда — не говорили, и я не спросила, забыла.

Допросъ Марѣи Купчинской кончился. Писарь, по приказанію Хрущова, прочиталъ ей то, что она показала, и за нее, неграмотную, приложилъ руку житель конотопскій Іосифъ Потапекскій... За Марѣю былъ позванъ воронежскій бурмистръ Андрей Гречка.

На вопросъ Хрущова, что онъ знаетъ по дѣлу объ оскорбленіи поручика Тургенева, Андрей Гречка медленно и твердо, ровнымъ голосомъ, точно школьникъ заученный урокъ, началъ показаніе: «Минувшаго 1738 года, декабря, а какого числа — упомянулъ, прибывшій въ Воронежъ господинъ поручикъ Тургеневъ посылалъ меня, бурмистра, за людьми, для посылки изъ ратуши по селамъ сотни воронежской за собираніемъ порцій и рацій. Люди были собраны, и господинъ поручикъ отправлялъ ихъ по разнымъ селамъ при драгунахъ. Въ это время воронежскій атаманъ Василій Купчинскій спросилъ въ ратушѣ: «нѣтъ ли какого либо у насъ бурмистра?». Я сказалъ: «здѣсь я». Тогда онъ сталъ бить меня палкою и за волосы рвалъ, приговаривая: «для чего близъ меня не стоишь! вотъ наѣхали какіе-то разбойники и воры, архивъ отобьютъ и казну государеву покрадутъ». И войтъ воронежскій Осипъ Гречка за меня сказалъ, за что бьетъ. Тогда Купчинскій, меня оставивъ,

ударилъ палкою войта. Господинъ поручикъ приказалъ войту уйти и самъ, немного погодя, ушелъ на свою квартиру; а драгуны остались, не вѣдаю—почему и зачѣмъ. Немного погодя, и атаманъ хотѣлъ идти; но драгуны возбранили ему то и сказали: «не изволь, ваша милость, изъ государеваго дома уходить, но будь здѣсь». Тогда Купчинскій тѣмъ драгунамъ сказалъ: «для чего вы меня удерживаете?»—и звалъ ихъ бестіями. На это драгуны отвѣчали, что у нихъ есть приказъ на то, а отъ кого—не сказали. И Купчинскій сперва одного, а потомъ другого драгуна ударилъ по щекамъ по разу; а какъ тѣхъ ударенныхъ драгунъ и другихъ тамъ бывшихъ зовуть, я не знаю. Драгуны стали бить Купчинскаго; онъ вырвался и бросился въ окно, выбилъ его, кричалъ и велѣлъ бить звонъ на гвалтъ. Поэтому и били во звонъ на Архангело-Михайловской колокольнѣ. Кто билъ, я не знаю. Услыша тотъ гвалтъ, господинъ поручикъ Тургеневъ прибѣжалъ, велѣлъ поймать того, кто звонилъ, допросилъ пойманнаго, зачѣмъ онъ билъ въ колоколь, и онъ отвѣтилъ—по приказанію атамана. Въ то же время прибѣжалъ священникъ названной церкви о. Василій Квилецкій и говорилъ: «кто безъ моего вѣдома звонилъ въ колоколь?». Тогда атаманъ Купчинскій господина поручика называлъ—«каналья, шельма, разбойникъ; для чего у тебя такой разбой?».—И онъ, Тургеневъ, сказавши, что атаманъ, вѣрно, хмельень, пошелъ на свою квартиру. Атаманъ также ушелъ домой, и я, бурмистръ, сдѣлалъ то же».

Ни Хрущовъ, ни Анучинъ, не ставили никакихъ вопросовъ Андрею Гречкѣ. Его показаніе было прочитано писаремъ и подписано собственною рукою свидѣтеля.

Былъ позванъ другой бурмистръ Тарасъ, Михайловъ сынъ, Куриленко. Этотъ свидѣтель оказался мало знающимъ, потому что посланъ былъ поручикомъ Тургеновымъ за подводами и не видѣлъ драки, а слышалъ о ней отъ ратушныхъ служителей. Поэтому его скоро отпустили, а позвали писца воронежской ратуши Григорія Кандыбу.

Ставъ на вытяжку у стола, Кандыба на вопросъ Хрущова показалъ: «Минувшаго 738 года, мѣсяца декабря, а какого числа—не помню, прибылъ господинъ поручикъ Тургеневъ въ Воронежъ и пришелъ въ ратушу для отсылки изъ оной по селамъ воронежской сотни людей съ драгунами съ ордерами за собраніемъ порцій и рацій. Въ то время, какъ собраны были люди, ордера подписывалъ атаманъ воронежскій Василій Купчинскій, а потомъ крикнулъ: «кто есть въ ратушѣ изъ бурмистровъ?». На зовъ его отозвался бурмистръ Андей Гречка: «я здѣсь». И Купчинскій, заравъ выхватясь изъ-за стола, сталъ бить Гречку, приговаривая: «для чего ты не стоишь подлѣ меня: видишь ли, что стоятъ драгуны и хотятъ меня бить?». А на драгунъ онъ крикнулъ: «Вонъ идите

изъ ратуши! Для чего вы тутъ стоите?». Тогда господинъ поручикъ Тургеневъ возразилъ атаману: «что ты кричишь? Знаешь, что они посылаются по дѣлу въ села». Послѣ того началъ атаманъ Купчинскій ссориться и драться съ войтомъ Осипомъ Гречкою. И какъ они схватились драться, поручикъ Тургеневъ развелъ атамана и войта и приказалъ войту идти домой, а Купчинскаго держать драгунамъ въ ратушѣ подъ карауломъ; на караулѣ оставилъ человѣка четыре-пять, а самъ ушелъ изъ ратуши. Едва только господинъ поручикъ ушелъ, какъ Купчинскій порывался къ себѣ идти въ домъ; но караульные его не пустили дважды, а за третьимъ разомъ Купчинскій, порвавшись идти, сталъ бить тѣхъ караульныхъ по щекамъ и по головамъ и гдѣ улучивъ руками. Тогда одинъ караульный побѣждалъ за господиномъ поручикомъ. И какъ только тотъ вошелъ въ двери ратуши, то Купчинскій ударилъ руками и ногами въ оболонку и хотѣлъ убѣжать, но его поймали въ окнѣ караульные. Купчинскій закричалъ гвалтъ и послалъ воронежскаго жителя Лаврентія Забуженка (Забугу) на колокольню бить на гвалтъ, и онъ, Забуженко, пошедши, билъ на гвалтъ въ колоколь. И какъ привели того Забуженка драгуны, то господинъ поручикъ допрашивалъ словесно, почему онъ билъ на гвалтъ въ колоколь; онъ отвѣтилъ: «по приказу атамановскому». И въ то время священникъ той церкви Василій Квилецкій пришелъ въ ратушу и говорилъ: «кто безъ моего вѣдома билъ на гвалтъ и на что?». Тогда Купчинскій началъ бранить господина поручика Тургенева, говоря: «ты не офицеръ—каналья, шельма и разбойникъ! Для чего у тебя такой разбой?». И онъ поручикъ ничего атаману Купчинскому про то не сказывалъ и его, Купчинскаго, не бранилъ. Когда ушелъ изъ ратуши господинъ поручикъ, уѣхалъ домой и Купчинскій. Больше я ничего не знаю по этому дѣлу»,—заключилъ свое показаніе Кандыба.

— Какъ ты думаешь,—спросилъ его Анучинъ:—атаманъ Купчинскій во время драки былъ трезвъ или пьянъ?

— Точно не могу знать, но немножко, кажется, былъ пьянъ, потому что нашъ атаманъ всегда въ ратушу ходилъ немного выпивши.

Анучинъ замѣтилъ Хруцову, что другихъ вопросовъ ставить не будетъ. Кандыба подписался подъ своимъ показаніемъ и ушелъ. Послѣдній свидѣтель, писецъ ратуши воронежской, Семенъ Макуха, показалъ то же, что и Григорій Кандыба.

Когда допросъ свидѣтелей кончился, въ комнатѣ воцарилась тишина.

— Что, по вашему мнѣнію, теперь необходимо предпринять?—спросилъ полковникъ Анучина.

Послѣдній съ минуту помолчалъ, а затѣмъ проговорилъ: «Изъ свидѣтельскихъ показаній видно, что атаманъ Купчинскій при-

зналъ свою виновность и бѣжалъ. Поэтому я просилъ бы жену онаго атамана Марѳу Купчинскую держать подъ карауломъ, а за мужемъ ея, который патается въ Переяславль, послать нарочнаго».

Выслушавъ рѣчь Анучина, Хрущовъ проговорилъ: «Прошу васъ все сказанное изложить въ своемъ доношеніи въ полковую здѣшнюю канцелярію». Затѣмъ онъ обратился къ Степанову и приказалъ: «Марѳу Купчинскую держать подъ карауломъ при полковой канцеляріи, и за мужемъ ея Василиемъ Купчинскимъ послать нарочнаго въ Переяславль и написать посланному проѣздный листъ».

28-го января 1739 года, посланный полевой сторожъ Степанъ Набока выѣхалъ изъ Нѣжина въ Переяславль, имѣя при себѣ строгую и подробную инструкцію насчетъ сыска атамана Василя Купчинскаго.

VII.

Посланный изъ полковой нѣжинской канцеляріи полевой сторожъ Степанъ Набока не нашелъ воронежскаго атамана Василя Купчинскаго въ Переяславль. Нарочный привезъ изъ Переяславля «въ полковую нѣжинскую канцелярію» такого рода «извѣстіе», «что означенного въ сей инструкціи (т. е. въ инструкціи, данной Степану Набоку) воронѣжскаго атамана Купчинскаго зде в Переяславль не имѣется, но отехалъ не вѣдаю заподлинно куда за его превосходительствомъ господиномъ генераломъ и кавалеромъ Румянцовымъ или куда инуда отехалъ и во свѣдѣтельство ему сторожу сіе извѣстіе в енеральной походной канцеляріи дано. Канцеляристъ войсковый Дмитрій Григоровичъ».

Купчинскій сильно ошибся въ своемъ расчетѣ. Желая избавиться отъ грозившаго ему суда за оскорбленіе поручика Тургенева и его команды, онъ рѣшился уѣхать изъ дома въ Переяславль, а жену обманулъ, будто ѣдетъ съ своимъ сосѣдомъ Антономъ Портянкою въ Глуховъ. Сосѣда же своего, ѣхавшаго на самомъ дѣлѣ въ Глуховъ, онъ просилъ передать по возвращеніи женѣ Марѳѣ приготовленное раньше самимъ Купчинскимъ письмо, въ которомъ извѣщалъ о своемъ мнимомъ «уходѣ за Дунай». Онъ предполагалъ, что слѣдователи, узнавъ отъ жены его о письмѣ и объ уходѣ за Дунай, махнутъ на него рукою и прекратятъ по неволѣ дѣло объ оскорбленіи поручика Тургенева. Но его предположеніе не оправдалось. Узнавъ отъ преданныхъ ему казаковъ, что въ полковой нѣжинской канцеляріи узнали о его мѣстопробываніи, и что для поимки его посланъ съ строгою инструкцію нарочный, онъ рѣшился попытать еще одно средство выпутаться изъ бѣды. Онъ добровольно явился въ Нѣжинъ, дѣлая видъ, что ѣдетъ изъ Перея-

славля въ Глуховъ. Но Анучинъ, узнавъ о проѣздѣ Купчинскаго черезъ Нѣжинъ, подалъ въ полковую нѣжинскую канцелярію такое доношеніе:

«Сего еевраля 1 дня оного нежинского полку сотни воронежской отаманъ Василей Купчинской в канцелярію былъ сысканъ по делу Санктпетербурского драгунского полку порутчика Тургенева, точию оному по тому делу еще следствия не производитца.

«Того ради да благоволитъ полковая нежинская канцелярія оного отамана Купчинского по делу означенного порутчика следствие учинить и между темъ временемъ оного отамана под карауломъ содержать по то время, какъ оной отаманъ по себе в полковую канцелярію нежинскую представить порукъ, чтобъ онъ к ответу по вся дни до окончания следствия являлся, и в томъ взять с него поручное письмо и порукъ знатныхъ людей. 1739 года еевраля 2 дня»...

Въ силу этого заявленія депутата, полковая канцелярія нѣжинская взяла Купчинскаго подъ карауль. Видя, что попалъ въ руки «німцівъ», воронежскій отаманъ 4-го февраля подалъ въ полковую же нѣжинскую канцелярію такое доношеніе:

«В крайнѣйшой сотнѣ воронежской старшинѣ, обивателемъ и мнѣ самому о учинившихся обидахъ отъ порутчика Тургенева Санктпетербурского драгунского полку подаваемъ я в походную войсковую енералную канцелярію доношенія двѣ его высокопревосходителству господину генералу аншеу и кавалеру Александру Ивановичу Румянцову в Переяславль з прошеніемъ резолюціи, по которимъ поданнымъ о показанныхъ обидахъ доношеніямъ его высокопревосходительство з оной походной войсковою енералной канцеляріи при двохъ козакахъ полку переясловского, в пашпортъ показанныхъ, со мною в Глуховъ в енералную войсковую канцелярію ради крайнего разсмотренія слѣдователемъ слѣдствие учинить предложеніе отпавиль, куда по тракту з означенными козаки и людмы слѣдовалъ на Нѣжинъ, где мене слѣдующого полковая нѣжинская канцелярія под карауль велѣла взять и чрезъ килко днівъ содержитъ и чинитъ мнѣ з данными мнѣ козакамы в скорѣйшомъ слѣдованіи медленіе, за якое умедленіе з даннимъ мнѣ предложеніемъ не попасть би енералной войсковою канцеляріи в штрафъ, в томъ представляя доношу».

Какъ только Анучинъ узналъ объ этомъ доношеніи Купчинскаго, немедленно же 5 февраля подалъ новое доношеніе въ полковую нѣжинскую канцелярію и особо Карлу-Магнусу фонъ-Бирону, въ которомъ настаивалъ на извѣстіи Купчинскаго въ письмѣ къ женѣ, что онъ былъ за Дунаемъ. Что Анучинъ хорошо понималъ всю важность подобнаго обвиненія, видно изъ того, что онъ въ доношеніи старался представить мнимый уходъ за Дунай, какъ особенно тяжкій проступокъ Купчинскаго. Карлъ-Магнусъ

фонъ-Биронъ точно также посмотрѣлъ на этотъ поступокъ воронежскаго атамана и потому отдалъ Анучину такое приказаніе: «...сего фѣвраля 5-го ваше благородіе въ полковую нѣжинскую канцелярію доношеніемъ предъявили, что въ вышеписанномъ оного Купчинскаго къ женѣ его писанномъ письмѣ показано, что онъ Купчинскій заишалъ за Дунай, вчемъ немалой состоитъ ея императорскаго величества интересъ; Дунай же де в Турецкой области... а понеже то дѣло касается к немалой важности интересу; того ради означеннаго Купчинскаго... для допросу отправить подъ карауломъ в Глуховъ в генеральную войсковую канцелярію»...

Такъ Купчинскій запутался въ собственныхъ сѣтяхъ. Теперь ему приходилось совсѣмъ плохо: къ одной винѣ прибавилась другая, дѣлавшая его сразу государственнымъ преступникомъ. Карающій мечъ все ниже и ниже опускался надъ головою воронежскаго атамана. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, обрушившихся на несчастнаго Купчинскаго, онъ узналъ, что его отрѣшили отъ должности атамана городского и на его мѣсто избираютъ другаго. Еще 14 января 1739 года полученъ былъ изъ войсковой генеральной канцеляріи указъ ея императорскаго величества, коимъ повелѣвалось «атамана Василя Купчинскаго от оного атаманства ради починнымъ имъ такъ старшинѣ воронежской, яко и пережающимъ великоросыйскимъ бояхъ обидахъ в тамошнихъ обивателей и прочихъ его непостоянствъ отрѣшить до указу, а поручить оное правленые доброму и достойному с тамошнихъ козаковъ человѣку»...

Дѣло Купчинскаго было проиграно безповоротно.

VIII.

Былъ іюль на исходѣ. По пыльной, неширокой дорогѣ, ведущей изъ Глухова въ Москву, медленно тащилась сопровождаемая большимъ конвоемъ партія закованныхъ въ кандалы особо важныхъ государственныхъ преступниковъ. Сзади пѣшихъ, шагахъ въ десяти, плелась изнемогая отъ іюльскаго зноя, лошаденка съ телѣгою, на которой лежалъ убогій «скарбъ» арестантскій, а поверхъ его покрытый арестантскою шинелью человѣкъ и глухо стоналъ. Уже нѣсколько дней шелъ конвой и партія ссыльныхъ. Путь предстоялъ далекій, а идти приходилось медленно, съ частыми остановками. Іюльское жаркое солнце расслабляло людей, а тутъ еще тяжелые кандалы разѣдали утомленные ноги. Вотъ уже день, какъ одинъ изъ арестантовъ занемогъ, и его взвалили конвойные вмѣстѣ съ «скарбомъ» на телѣгу, въ надеждѣ, что большой отлежится.

Было далеко за полдень. Въ воздухѣ тихо; духота и зной давили людей. Арестанты молча, поникнувъ головами, шли, еле передвигая закованныя въ тяжелые кандалы ноги. Конвойные утирали потъ съ запыленныхъ, сильно загорѣвшихъ и красныхъ лицъ. Наконецъ, они не выдержали, свернули съ дороги въ сторону, подъ одиноко стоящее дерево и объявили «приваль». Усѣвшись подъ деревомъ, одни арестанты начали осматривать свои израненныя ноги, а другіе протянулись на арестантскихъ халатахъ и принялись дремать.

— Что-то, братцы, съ нашимъ больнымъ,—участливо проговорилъ одинъ изъ арестантовъ такъ громко, что конвойные солдаты не могли не слышать его вопроса.—Дорогою онъ стоналъ, а теперь уже и не стонетъ.

Одинъ изъ конвойныхъ, унтеръ-офицеръ, подошелъ молча къ телѣгѣ, поднялъ арестантскую шинель, посмотрѣлъ на больного и проговоривъ: «спить!»—усѣлся снова подъ деревомъ.

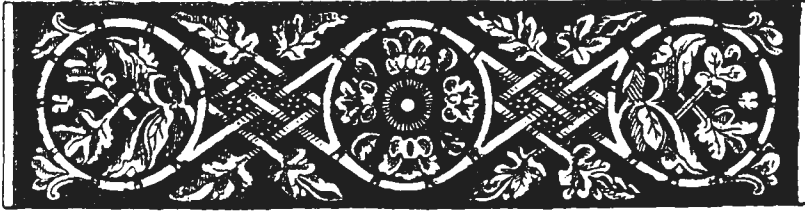
А больной ссыльный былъ некто иной, какъ бывшій воронежскій атаманъ Василій Купчинскій, осужденный за буйство и за оскорбленіе поручика Санктпетербургскаго драгунскаго полка Тургенева, при исполненіи послѣднимъ обязанностей службы, и за уходъ за Дунай, рѣку, находящуюся во владѣніяхъ враждебнаго ей императорскому величеству государынѣ Аннѣ Иоанновнѣ турецкаго султана, на ссылку въ Сибирь, на вѣчное тамъ поселеніе. Онъ не спалъ, но лежалъ съ закрытыми глазами, потому что не было «мочи» поднять отяжелѣвшія вѣки. Мозгъ его въ пылавшей отъ нестерпимаго жара головѣ усиленно работалъ. Онъ все изобрѣталъ новыя и новыя средства, чтобы избавиться отъ проклятыхъ мучителей—«німцівъ». Желаніе найти эти средства гвоздемъ сверлило ему больной мозгъ. Онъ лежалъ, и ему чудилось, что нѣмецъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ появилось необычайно большое чудовище, страшное, сердитое и жадное чудовище. Вотъ оно стоитъ у дверей дома его и сердито рычитъ, требуя пищи. Купчинскій уже отдалъ чудовищу весь скотъ, весь хлѣбъ, всѣ деньги, словомъ всю худобу свою, а чудовище все стоитъ и рычитъ. «Нѣтъ у меня больше ничего!»—съ злостью кричитъ атаманъ.—«Неправда, есть еще Марѳа-жена, давай и ее!»—отвѣчаетъ чудовище.—«Да она умерла послѣ того, какъ ее продержали подъ карауломъ въ Нѣжинѣ?»—«Ничего, давай и мертвую». — И Купчинскій бросилъ чудовищу холодный трупъ своей Марѳы.—«Теперь и тебя съѣмъ!»—проговорило спокойно чудовище и потянулось къ атаману. Но Купчинскій схватилъ «засовъ», которымъ запиралась большая дверь его дома, и замахнулся, чтобы ударить со всего размаху чудовище. Но «засовъ» потянулъ за собою атамана, который услышалъ такія слова: «Ты чего буйнишь, развѣ не знаешь, что я пріѣхалъ по дѣлу?» Смотрить Купчинскій съ ужасомъ, а вмѣсто «засова» его за руки

держитъ драгунскій офицеръ. Хотѣлъ крикнуть Купчинскій — «ратуйте!» но голосъ оборвался—и навѣки умолкъ.

Никто не слышалъ послѣдняго стона бывшаго воронежскаго атамана Василя Купчинскаго, потому что и арестанты, и конвойные спали безмятежнымъ, крѣпкимъ, здоровымъ сномъ, въ которомъ забываются и горе, и страданія. Июльское солнце умѣряло свой жаръ, склоняясь къ западу; его лучи скользили по неподвижному лицу Купчинскаго, на которомъ застыло выраженіе ужаса. Но этотъ ужасъ былъ послѣднею данью слабого человѣка обуревающимъ его въ земной жизни страданіямъ, ибо съ послѣднимъ стономъ нестрашны стали Купчинскому ни вѣмцы, ни драгуны...

Сергѣй Браиловскій.

ВОСПОМИНАНІЯ В. Н. ПОГОЖЕВА ¹⁾.

VI.

Страшное воспоминаніе о 14-мъ декабря 1825 года.—Сновидѣніе.—Отъѣздъ изъ Москвы въ Моршанскъ.—Бѣда на долгихъ.—Подавленное настроеніе моршанскаго общества.—Вторичная командировка полка на Московское шоссе.—Село Пузовцово.—Неудавшійся сговоръ.—Ссора съ капитаномъ.—Арестъ и тайная отлучка въ Москву.—Просьба о переводѣ въ корпусъ путей сообщенія.

ЕЩЕ ГОДЪ УТЕКЪ,—тяжелый годъ кончины государя императора Александра Благословеннаго. Мнѣ снова пришлось уѣхать изъ Москвы въ Моршанскъ. Я ѣхалъ на долгихъ, т. е. нанялъ одного извозчика изъ Москвы до города Моршанска. Это дешевле, чѣмъ на почтовыхъ, особенно кому незначѣмъ поспѣшать. Впрочемъ, я довольно скоро ѣхалъ, верстъ по восемьдесятъ въ сутки. Скучновато только дожидаться, пока извозчикъ кормить своихъ лошадей. На постоялыхъ дворахъ все довольно дорого, и роскошь замѣтно распространяется въ черномъ русскомъ народѣ. Представьте себѣ, что извозчику моему подали въ обѣдъ: щи съ мясомъ, свинину съ хрѣномъ, жаренаго гуся и поросенка, молочную лапшу, гречневую кашу съ масломъ и коровой съ медомъ.

Итакъ, я опять въ Моршанскѣ. Городъ все украшается новыми зданіями. Надо было отдать честь моршанскому обществу,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 700.

что оно свято чтить память въ Бозѣ почившаго императора Александра Павловича, и наложенный по этому случаю трауръ выполняется со всею точностью. Бывали только скромные вечера, на которые съѣзжались играть въ вистъ, и на этихъ вечерахъ дамы всегда были одѣты въ черныхъ платьяхъ. Можно также удивляться скромности моршанскихъ жителей, потому что въ продолженіе политическихъ непріятностей ни въ одномъ домѣ никогда не слышно было объ нихъ сужденій и разговоровъ. Конечно, много отъ этого отвлекали карты; слѣдовательно, карты и въ этомъ отношеніи полезны.

Вскорѣ полкъ нашъ снова былъ назначенъ на работы на Московское шоссе. По дорогѣ изъ-за дурной погоды намъ пришлось простоять дней десять въ селахъ Петрово и Пузово. Здѣшніе помѣщики жили между собою дружелюбно, и мы провели здѣсь время очень пріятно. Гдѣ завтракъ, гдѣ обѣдъ, въ иномъ домѣ вечеръ съ танцами и фантами. Не знаю—почему, я обратилъ особенное вниманіе на одну изъ барышень. Съ нею мы болѣе говорили, съ нею я болѣе танцевалъ, подлѣ нея мнѣ приходилось чаще сидѣть. Это замѣчали и прямо намекнули мнѣ, не желаю ли я на ней жениться. Дѣвушка мнѣ нравилась, она была сирота, имѣла пять-десять душъ крестьянъ, почему-жъ, думалъ я, и не жениться? Я сдѣлалъ предложеніе. Немедленно созваны были сосѣди, послали за священникомъ, чтобъ обручить насъ; даже пито было шампанское, т. е. такъ называемое цымлянское, за здоровье жениха и невѣсты... но является унтеръ-офицеръ съ приказомъ продолжать походъ въ Москву. Рота была уже въ сборѣ, барабанъ ударилъ фельдмаршъ, и я долженъ былъ распротиться съ гостепримными помѣщиками и помѣщицами и съ будущею нареченною невѣстою. И хотя я далъ слово пріѣхать осенью изъ Москвы въ отпускъ, хотя увѣрялъ молодую дѣвушку въ постоянствѣ любви моей, но слова не сдержалъ, сваливая все на судьбу, да на житейскія обстоятельства.

При вступленіи полка въ Москву случилось со мною весьма непріятное происшествіе. Въ ожиданіи пріѣзда начальника дивизіи, всѣ шесть полковъ—невскій, софійскій, нарвскій, капорскій, 11-й и 12-й егерскій, стояли близъ заставы, въ батальонныхъ колоннахъ. Солдаты стояли вольно, ружье у ноги; офицеры собрались въ кружокъ, въ разныхъ кучкахъ. Ротою, гдѣ я служилъ, командовалъ капитанъ Гушинскій, надменный полякъ, никѣмъ въ полку не любимый. Я что-то противъ него возразилъ, и онъ осмѣлился назвать меня «молокососомъ». Вся кровь во мнѣ забушевала, я хотѣлъ убить дерзкаго капитана, но товарищи меня удержали, и я успѣлъ только ударить его въ грудь. При этомъ не только всѣ офицеры нашего полка, но и весь полкъ и за нимъ всѣ полки 6-й дивизіи закричали: «ура!». Полковой командиръ нев-

скаго полка, полагая, что идетъ дивизионный начальникъ, командовалъ: «смирно!». Полки всѣ выстроились, и въ самомъ дѣлѣ дивизионный начальникъ вскорѣ подѣхалъ. Полки вступили въ Москву съ церемоніею, но, выйдя въ другую заставу, расположились въ приготовленныхъ палаткахъ. Полковникъ былъ уже предувѣдомленъ полковымъ адъютантомъ, поручикомъ Дриссардомъ, и племянникомъ своимъ поручикомъ Клейгельсомъ и многими другими офицерами о причинѣ моей запальчивости; сдѣлавъ мнѣ строгій выговоръ, онъ посадилъ меня подъ арестъ. Когда въ Москву для свиданія со мною нарочно пріѣхала изъ деревни мать моя, я не вытерпѣлъ, одѣлся въ крестьянскій армякъ и отправился въ Москву на простой телѣгѣ. По утру я возвратился опять на гауптвахту. На другой день капитанъ Гушинскій подалъ на меня рапортъ полковому командиру, но полковникъ, даже не читая рапорта, бросилъ его, сказавъ:

— Стыдно, капитанъ, стыдно! Довели себя до того, что васъ молодые офицеры чуть не по рожѣ бьютъ.

Когда же капитанъ что-то хотѣлъ возразить, то полковникъ сердито закричалъ:

— Убирайтесь вы къ чорту съ вашими дрызгами! Я васъ самихъ туда турну, куда Макаръ и телякъ не гоняетъ.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Вскорѣ я опять принялъ уроки работъ шоссе для полка отъ инженерныхъ офицеровъ. Такъ какъ у одного изъ инженеровъ, поручика Кашперова, была большая дистанція, которую онъ не могъ даже каждодневно объѣхать, то управляющій работами, инженеръ-полковникъ Четвериковъ, просилъ дивизионнаго командира о прикомандированіи меня въ помощь производителю работъ. Сдавъ мою обязанность въ полку другому офицеру, я сдѣлался, какъ меня называли, армейскимъ инженеромъ. Управляющій работами, директоръ работъ, и мой товарищъ, поручикъ Кашперовъ, совѣтовали мнѣ перейти на службу по корпусу путей сообщенія въ строительный отрядъ. А какъ вскорѣ ожидали пріѣзда главноначальствующаго герцога Александра Виртембергскаго, то я и приготовилъ письмо о переводѣ меня. Но на дистанціи нашихъ работъ герцогъ спалъ, и я по совѣту полковника Фитингофа подалъ письмо дежурному штабъ-офицеру корпуса путей сообщенія полковнику Варенцову, которому и былъ рекомендованъ мѣстнымъ начальствомъ путей сообщенія, управляющимъ директоромъ и производителемъ работъ.

VII.

Пребываніе въ московскомъ военномъ госпиталѣ.— Неистовыя шалости молодыхъ офицеровъ.— Картежная игра.— Предписаніе явиться въ Петербургъ.— Дѣло Лаптева.— Отъѣздъ въ Петербургъ.— Критическое положеніе безъ гроша денегъ.— Помощь двороваго человѣка.— Представленіе начальствующимъ чинамъ.— Безысходная нужда въ Петербургѣ.— Успѣшный экзаменъ.— Прикомандированіе къ корпусу путей сообщенія.

Вскорѣ по наступленіи осенняго времени работы кончились; полкъ ушелъ на зимнія квартиры, а я остался въ московскомъ военномъ госпиталѣ за болѣзнью. Здѣсь, въ ожиданіи моего перевода въ корпусъ путей сообщенія, пробылъ я два мѣсяца. Въ офицерскомъ отдѣленіи насъ было тридцать человѣкъ офицеровъ, половина серьезно больныхъ, а большая часть лишь имѣвшихъ надобность жить въ Москвѣ. Мы проводили время очень весело, могли выѣзжать изъ госпиталя, когда и куда угодно, даже на нѣсколько сутокъ. Въ той комнатѣ, гдѣ я помѣщался, насъ было четверо молодыхъ офицеровъ, и одинъ больной старикъ. Конечно, онъ не могъ долго жить, но, всетаки, мы укоротили его жизнь. Шумъ, гамъ, крикъ, пѣсни, пляски, карточная игра днемъ и ночью, не давали больному старику покоя. Въ нашей комнатѣ, впрочемъ самой большой, было общее сборище офицеровъ и гостей. Я рѣдко оставался дома, и еще съ утра былъ уже одѣтъ для выхода изъ госпиталя, но надѣвалъ только сверху платья лазаретный халатъ; и только лишь докторъ уходилъ, разспросивъ меня о здоровьѣ, я немедленно уѣзжалъ до поздней ночи къ роднымъ или знакомымъ.

Однажды, возвратясь раньше обыкновеннаго въ госпиталь, застаю въ своей комнатѣ содомъ. Пуншь, вино, шампанское, карты, пѣніе, топанье ногами гулякъ и игроковъ, стонъ и оханье больного старика поразили меня при входѣ въ комнату. Подхожу къ карточному столу, гляжу пристально на игру, и вдругъ банкометъ говоритъ мнѣ вполголоса:

— Вы у насъ въ пятой.

— Хорошо,—отвѣчалъ я машинально.

И не прошло получаса, какъ банкометъ закричалъ: «баста!».

Сосчитались; банкъ остался въ выигрышѣ четыре тысячи рублей ассигнаціями; на мою долю досталось 800 рублей. Явился ящикъ съ шампанскимъ; пили его не бокалами, но стаканами и больничными кружками. Нѣкто Юмашевъ, поручикъ 7-го егерскаго полка, Барковъ, прапорщикъ артиллеріи, и нѣсколько другихъ весельчаковъ вздумали сдѣлать маскарадъ и нарядиться дикими. Раздѣвшись донага, раскрасили себя, кто чѣмъ попало, и сажей, и красками, и кирпичемъ. Каждый взялъ въ руки по зажженной свѣчкѣ, пѣли, плясали и, наконецъ, поднявъ постель больного старика, понесли его съ нею и отпѣвали, какъ покой-

ника. Докторъ, жившій внизу офицерской больницы, и смотритель умоляли перестать шумѣть. И, дѣйствительно, вскорѣ всѣ успокоились; мы, какъ бѣснующіеся факиры, въ изнеможеніи бросились на свои постели и уснули, а бѣдный страдалецъ-товарищъ и очень старый офицеръ успокоился на вѣки; къ утру ни его, ни кровати его не было уже въ нашей комнатѣ.

Что же было причиною, что меня при концѣ игры, когда банкъ уже былъ въ выигрышѣ, приняли банкометы въ пятую долю? Случай, странный случай. Я нечаянно задѣлъ локтемъ банкомета, а потомъ ногой, а онъ подумалъ, что я постигъ его игру, что я могу ему повредить; меня приняли въ пай, и вотъ я невольно сдѣлался соучастникомъ шайки игроковъ. Но признаюсь, деньги мнѣ тогда были весьма кстати. Вѣроятно, подобныхъ проказъ въ нынѣшнее время не можетъ быть. Другія времена—другіе нравы. Бывало, кто болѣе выпьетъ пуншу, тотъ молодецъ. Все измѣняется, и, конечно, къ лучшему. Повѣрите ли, что шалость нашихъ молодыхъ офицеровъ доходила до того, что числившіеся больными офицеры не только выѣзжали изъ госпиталя въ собранія, театры и маскарады, но и на гулянье въ вербное воскресенье. Нѣсколько офицеровъ побились объ закладъ, что одинъ изъ нихъ пройдетъ черезъ рядъ каретъ. И, дѣйствительно, отворивъ дверцу одной кареты, онъ входилъ въ нее, извинялся передъ сидящими въ каретѣ, изъ окна отворялъ другія дверцы и выходилъ; и такимъ порядкомъ пропутешествовалъ изъ кареты въ карету черезъ цѣлый рядъ.

На мое прошеніе о переводѣ меня въ корпусъ путей сообщенія я получилъ отвѣтъ, что для этого долженъ отправиться въ Петербургъ для выдержанія экзамена при институтѣ путей сообщенія. Что было дѣлать? Отказаться отъ экзамена значило признать себя неспособнымъ служить въ корпусѣ путей сообщенія, и я рѣшился ѣхать въ Петербургъ. Къ счастью моему, встрѣтилъ я въ Москвѣ командира нашего полка, который далъ мнѣ въ счетъ жалованья пятьдесятъ рублей ассигнаціями. Выигранныхъ денегъ едва достало на обмундировку и на уплату долговъ.

Вспоминаю здѣсь случай, въ которомъ гаданье оправдалось, чему я былъ очевидцемъ. Бывшій со мною въ московскомъ госпиталѣ, гвардіи капитанъ Лаптевъ лѣтъ десять находился подъ судомъ за пощечину, данную имъ священнику въ церкви во время богослуженія, когда онъ подходилъ къ кресту; священникъ сказалъ ему, что онъ не молился, разговаривалъ съ дамами, а потому и недостойнъ приложиться къ кресту. Лаптевъ былъ очень умный человекъ, но, по несчастію, увлекся запальчивостью и по конфирмаціи военнаго суда назначенъ въ ссылку въ Сибирь. Но у него была родственница статсъ-дама, весьма уважаемая при дворѣ, и самъ ли покойный императоръ Александръ Павловичъ, или докладчикъ, подкладывалъ конфирмацію Лаптева всегда снизу бу-

магъ, и такимъ образомъ эта конфирмація оставалась случайно или умышленно неподписанною. Вѣрно ли это, или выдуманно, трудно рѣшить, но, кажется, вздоръ. Можетъ ли въ кабинетѣ государя оставаться бумага нѣсколько лѣтъ неподписанною? Но такъ ли, или не такъ, но въ одинъ день Лаптевъ пригласилъ меня идти съ нимъ гулять. Проходя по Лафертову, почти къ Перовой рощѣ, онъ убѣдилъ меня зайти съ нимъ къ гадальщицѣ. Нагнувшись, вошли мы въ полуразвалившуюся избу черезъ низенькую дверь. Въ углу избы сидѣла старуха-чухонка, что я замѣтилъ потомъ по ея произношенію; на столикъ передъ нею стоялъ жестяной кофейникъ, на скамьѣ въ другомъ углу у русской печи стоялъ небольшой самоваръ, и возлѣ лежалъ черный котъ. Старуха, не прося насъ садиться, поглядѣла на меня косо, на моего товарища—угрюмо, разложила карты и сказала, хмурясь, шурясь, поплеывая и покашливая:

— Ты ждешь новости отъ бубноваго короля; оно-бъ и такъ, да бубны дѣлаются червями, и тебѣ будетъ новость, будетъ перемиѣна, будетъ большая, дальняя дорога. Ты умень, не огорчись моимъ враньемъ, будетъ, да не по твоему, не то, что ты ждешь.

Лаптевъ бросилъ на столъ цѣлковый и почти бѣгомъ ушелъ отъ колдуньи. Я едва могъ поспѣвать за моимъ спутникомъ, какая-то невидимая сила влекла его скорѣе спѣшить домой. Я нанялъ извозчика, Лаптевъ сѣлъ со мною, и едва мы возвратились въ госпиталь, какъ пріѣхалъ жандармскій офицеръ арестовать подсудимаго, конфирмація надъ которымъ и ссылка въ Сибирь была подписана императоромъ Николаемъ Павловичемъ тотчасъ по восшествіи его на престолъ.

И я на другой день отправился въ Петербургъ съ обозомъ, въ кибиткѣ въ одну лошадь. Спутница моя была вольноотпущенная горничная дѣвушка. Денегъ у меня было весьма немного, такъ что я не въ состояніи былъ обѣдать на постоялыхъ дворахъ, а довольствовался чаемъ съ булками. Но, еще до Петербурга за 200 верстъ, кошелекъ мой почти совершенно опустѣлъ, оставался только гривенникъ. Что дѣлать? Продать нечего, былъ одинъ складной самоварчикъ, и того никто не покупалъ. Къ счастью моему, на ночлегѣ, гдѣ мы остановились, была свадьба. Въ углу избы я пилъ чай, и молодая изъ-за свадебнаго стола умильно поглядывала на мой самоваръ. Я предложилъ, не хотятъ ли хозяйева купить для молодыхъ мой самоваръ, и мнѣ заплатили денегъ два цѣлковыхъ. Съ этими деньгами доѣхалъ я до Петербурга. Но здѣсь надо было заплатить извозчику 30 рублей ассигнаціями за доставленіе меня. Переодѣвшись, отправляюсь къ двоюродному брату моему Александру Львовичу Погожеву, который служилъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ. Не застаю его дома. Извозчикъ, привезшій меня изъ Москвы, неотступно

требуетъ денегъ; уговариваю его подождать до утра. На утро только въ десять часовъ мнѣ удалось видѣть двоюроднаго брата, да и то соннаго. Къ величайшему моему огорченію, онъ отказалъ ссудить мнѣ просимые сто рублей, что меня тѣмъ болѣе обидѣло и удивило, что онъ былъ прекрасно обставленъ по службѣ и отъ меня, и отъ моей семьи пользовался не мало и ласками, и услугами. Положеніе мое было ужасно. Безъ гроша денегъ, не зная, что дѣлать, отправился я въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ, и тутъ внезапно надежда оживила меня. Возвращаясь на квартиру, я вспомнилъ о дворovémъ человѣкѣ матушки моей, Лаврентѣ Марковѣ, который жилъ въ подмастерьяхъ у портного. Я вспомнилъ, что онъ учился портному мастерству у портного Низовцева. Иду къ этому портному, и первый человѣкъ, котораго я увидалъ, войдя въ комнату, былъ мой Лаврентій, сидѣвшій на верстакѣ, поджавъ подъ себя ноги. Онъ мнѣ очень обрадовался и, узнавъ о моей нуждѣ въ деньгахъ, тотчасъ взялъ у хозяина причитающееся ему жалованье 300 рублей ассигнаціями, и эти деньги отдалъ мнѣ всѣ сполна. Не правда ли, что это благородный поступокъ русскаго крѣпостнаго человѣка, особенно мастераго въ Петербургѣ? Расплатившись съ извозчикомъ, нанялъ я для себя комнату на Васильевскомъ островѣ. Отъ чая отказался, а обѣдъ приносилъ мнѣ деньщикъ одного корпуснаго офицера, слѣдовательно, я питался остатками отъ обѣда его барина. Явившись къ дежурному штабъ-офицеру корпуса путей сообщенія, полковнику Варенцеву, получилъ я приказаніе на другой день, въ 12 часовъ, быть въ домѣ главноуправляющаго герцога Александра Виртембергскаго. Его высочество принялъ меня благосклонно и спросилъ:

— *Est ce que vous avez du goût pour cet service* ¹⁾? — На отвѣтъ мой сказалъ дежурному штабъ-офицеру: — *il faut arranger ça* ²⁾. — Потомъ, уходя, еще разъ обратился ко мнѣ и сказалъ: — *comment votre nom, mon cher?* ³⁾.

Добрый благородный герцогъ! Будь ты русскій или знай по-русски, чтобы самому заниматься дѣлами службы, а не довѣряться приближеннымъ, тогда бы ты былъ полезнѣе для корпуса путей сообщенія или, по крайней мѣрѣ, окружилъ бы себя людьми добросовѣстными.

Дежурный штабъ-офицеръ приказалъ мнѣ явиться къ директору института генераль-лейтенанту Базену, который велѣлъ мнѣ готовиться къ экзамену по программѣ инженеровъ путей сообщенія. Какъ я ни отговаривался отъ подобнаго экзамена, представляя, что я желалъ бы перейти на службу въ строительный от-

¹⁾ Развѣ вы имѣете склонность къ этой службѣ?

²⁾ Надобно это устроить.

³⁾ Какъ ваше имя, мой милый.

рядъ, куда до сего времени многіе переходили безъ экзамена, но ничто не помогало. Генераль Базенъ ссылался на дежурнаго штабъ-офицера, а этотъ хладнокровно говорилъ, пожимая плечами, что это не его дѣло, что если я не могу выдержать экзамена, то долженъ отправиться обратно въ полкъ. Я былъ въ большомъ затрудненіи и ужасномъ положеніи: отъ матушки не получалъ ни денегъ, ни писемъ; задолжалъ за квартиру, платье мое изнасилось, Лаврентій съ трудомъ могъ чинить его, у сапоговъ подошвы отстали, и я подклеивалъ ихъ толстою, сахарною бумагою, подкрашенная чернилами. Вотъ какое было мое положеніе! Я рѣшился въ случаѣ, если дежурный штабъ-офицеръ снова повторить мнѣ, что я могу отправиться въ полкъ, явиться къ его высочеству великому князю Михаилу Павловичу просить о переводѣ меня въ артиллерію или полевые инженеры. На просьбу мою о дозволеніи слушать курсъ наукъ въ институтѣ путей сообщенія полковникъ Варенцовъ сказалъ мнѣ рѣшительно:

— Вы просились въ строительный отрядъ, такъ и переходите туда, или отправляйтесь обратно въ полкъ.

Но, едва я объявилъ, что намѣренъ явиться къ великому князю Михаилу Павловичу, суровый голосъ дежурнаго штабъ-офицера смягчился, и онъ мнѣ сказалъ несравненно ласковѣе прежняго:

— Вашъ экзаменъ зависитъ отъ директора института генерала Базена, я съ нимъ завтра переговорю о васъ.

Учитель французскаго языка въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, Константинъ Петровичъ Фулонъ, познакомилъ меня съ добрымъ, умнымъ и почтеннымъ французомъ г. Бойе. Эти оба француза остались въ Россіи послѣ кампаніи 1812 года и женились на русскихихъ. Г. Бойе былъ дружески знакомъ съ генераломъ Базеномъ. Онъ къ нему отправился вмѣстѣ со мною, объяснилъ мое критическое положеніе, трогательно описалъ мое житье-бытье, и добрый генераль Базенъ, прослезившись, обѣщаль переговорить съ дежурнымъ генераломъ. Наконецъ-то судьба сжалилась надо мной. Я получилъ предписаніе явиться черезъ три дня на экзаменъ въ конференцію института. Къ этому экзамену я уже приготовлялся, пользуясь дружескимъ вниманіемъ и уроками бывшаго сотоварища моего въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, а впоследствии по экзамену перешедшаго въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія, прапорщика Александра Васильевича Висковатова. Этотъ благородный, молодой человекъ, въ свободное отъ его занятій время, давалъ мнѣ уроки въ курсѣ построенія и начертательной геометріи. Меня экзаменовали: полковникъ Севастьяновъ, капитанъ Волковъ и профессоръ математики Чижовъ, въ присутствіи директора института. Послѣ экзамена я получилъ самое лестное поздравленіе отъ генерала Базена и экзаменаторовъ. Въ восторгѣ я, кажется,

не шель, не бѣжалъ, а летѣлъ домой. На другой день являюсь въ штабъ, и полковникъ Варенцовъ мнѣ объявилъ, что его высочество герцогъ Виртембергскій сообщилъ начальнику главнаго штаба о прикомандированіи меня впредь до перевода въ строительный отрядъ, къ корпусу путей сообщенія, а черезъ два дня меня отравили на работы Московскаго шоссе, въ вѣдѣніе инженеръ-генераль-маіора Матушевича. Здѣсь назначенъ я былъ на дирекцію инженеръ-маіора Менгдена, между Новгородомъ и Валдаемъ. Мнѣ дана была дистанція земляныхъ работъ для шоссе, отъ деревни Винъ къ г. Крестцамъ, на протяженіи 40 верстъ.

VII.

Переводъ въ строительный отрядъ.—Продѣлки подрядчиковъ.—Поѣздка въ Новгородъ и встрѣча съ старымъ знакомымъ.—Знакомство съ семействомъ Некрасовыхъ.—Маскарадный балъ у губернатора.—Сватовство и женитьба.—Новая жизнь.—Командировка черезъ недѣлю послѣ свадьбы.—Рожденіе перваго ребенка.—Дальнѣйшее движеніе по службѣ.

Высочайшимъ приказомъ, 24-го іюня 1827 года, былъ я переведенъ въ чинѣ поручика въ строительный отрядъ путей сообщенія. Квартировалъ я въ деревнѣ Винахъ. Принявшисъ дѣятельно за наблюденіе и распоряженія по работамъ, я обратилъ на себя вниманіе директора работъ, а прочіе мои товарищи, молодые офицеры, были въ постоянной съ нимъ враждѣ болѣе потому, какъ я послѣ узналъ, что директоръ не исполнялъ «правила товарищества и дѣленія». А я, какъ новичекъ, не былъ еще посвященъ въ тайны инженерныхъ доходовъ, могъ служить полезнымъ орудіемъ для корыстолюбиваго моего начальника. Онъ постепенно подъ разными предлогами отбиралъ или уменьшалъ отъ другихъ производителей работъ дистанціи и поручалъ мнѣ. Я же и не помышлялъ о доходахъ, даже считалъ себя счастливецомъ и богачемъ, получая жалованье и порціонныя деньги. Разъѣздовъ тогда не выдавалось, а отпускали на покупку лошади 200 рублей ассигнаціями и казенное сѣдло, а также деньги на фуражъ лошади по справочнымъ цѣнамъ. Осенью, по закрытіи работъ, лошадь эта продавалась съ публичнаго торга рублей за 5 или за 7 ассигнаціями. По закрытіи осенью работъ, директоръ представилъ меня къ наградѣ третьимъ жалованьемъ, но высшее начальство отказало, возразивъ, что «въ короткое время невозможно заслужить награды».

Не только, чтобы получить выгоды отъ работъ или благодарность отъ подрядчика за соблюденіе его выгодъ чрезъ благоразумныя распоряженія и бдительность надзора за рабочими, я былъ еще обманутъ подрядчикомъ, почетнымъ гражданиномъ Крашенинниковымъ. Получивъ отъ меня квитанцію на произведенныя

работы, почтенный старикъ, русскій первостатейный купецъ, просилъ меня одолжить ему 200 рублей ассигнаціями впредь до полученія имъ изъ новгородскаго экономическаго комитета денегъ для расчета рабочихъ. Въ эту минуту я только-что получилъ третное жалованье. Какъ не одолжить деньгами богатаго подрядчика? Я отдалъ 200 рублей ассигнаціями и долго, долго ожидалъ уплаты и черезъ десять лѣтъ записалъ этотъ долгъ въ трубѣ углемъ... По первому зимнему пути директоръ инженеръ-маіоръ Линденъ, отправляясь въ Новгородъ для составленія годовыхъ отчетовъ, взялъ меня съ собою. Приѣхавъ 6-го декабря 1827 года въ Новгородъ, вспомнилъ я, что у губернатора служить по особымъ порученіямъ хорошій знакомый мой Василій Ѳедоровичъ Янъ, и отправился къ нему. Онъ обрадовался, увидавъ меня неожиданно въ Новгородѣ, и хотя собирался ѣхать на вечеръ къ своимъ знакомымъ Некрасовымъ, но готовъ былъ остаться со мною дома. Зная, какъ этотъ мой добрый знакомый неохотно бывалъ въ обществѣ, я былъ увѣренъ, что ему необходимо было быть въ этотъ вечеръ въ гостяхъ, а потому убѣждалъ со мною не церемониться, и что мы съ нимъ еще увидимся. Но Янъ въ такомъ только случаѣ хотѣлъ ѣхать въ гости, если я туда вмѣстѣ съ нимъ поѣду. Напрасно я отговаривался, что въ сюртукѣ въ первый разъ ѣхать неприлично, но Янъ убѣдилъ меня съ нимъ ѣхать, говоря, что люди, къ которымъ поѣдемъ, простые, добрые, нецеремонные, — семейство небогатое, мать старушка съ тремя дочерьми и тремя сыновьями. Этотъ вечеръ я провелъ въ бесѣдѣ съ моимъ пріятелемъ Яномъ въ углу зала и, поблагодаривъ добрую, радушную старушку-хозяйку и ея сыновою за угощеніе, отправился домой. На праздникъ Рождества Христова, проѣзжая по городу съ обычными визитами, встрѣтилъ я старушку Некрасову съ тремя дочерьми, возвращающихся домой отъ обѣдни. Я счелъ нужнымъ поздравить ихъ съ праздникомъ, заѣхалъ къ нимъ и былъ принятъ радушно. Не замѣтя въ первый разъ ни одной изъ дочерей, теперь я увидалъ, что старшая серьезная дѣвушка лѣтъ восемнадцати, вторая застѣнчивая блондинка шестнадцати и третья лѣтъ четырнадцати дѣвочка въ бѣленькомъ платицѣ съ короткими рукавами. Средняя показалась мнѣ мечтательною и кротою. Воображалъ ли я тогда, что въ этомъ семействѣ моя судьба!

На четвертый день праздника мы съ Яномъ вмѣстѣ и отправились къ Некрасовымъ на вечеръ. Танцевали, играли въ фанты, гадали. Я былъ веселъ, шутилъ, острилъ, обратилъ на себя общее вниманіе и получилъ приглашеніе отъ многихъ бывшихъ тамъ въ гостяхъ семейныхъ особъ быть у нихъ. Однако же я этими приглашеніями не воспользовался. Признаюсь, я слишкомъ былъ надмененъ, чтобъ дружить или знакомиться съ среднимъ кругомъ

чиновниковъ. О женитьбѣ я вовсе не думалъ, особенно на бѣдной дѣвушкѣ. Это было на Рождествѣ 1827 года, а въ январѣ 1828 года я уже былъ женатъ. Вотъ какъ это случилось. Наканунѣ Нового года приглашенъ былъ я на маскарадный вечеръ къ гражданскому губернатору Денферу. Въ тотъ же день, поутру, приходилъ ко мнѣ второй братъ Некрасовыхъ, Василій Петровичъ, отъ имени своего семейства просить меня ѣхать въ маскарадъ съ ними вмѣстѣ. Я досталъ два костюма, одинъ—китайскій, другой—фракъ коричневаго цвѣта, у одного чудака учителя гимназiи, котораго походку и манеру я совершенно перенялъ, бывая съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько разъ у Некрасовыхъ. Въ 9 часовъ вечера, на своей парѣ лошадей (замѣтите, у меня уже были свои лошади) отправился я къ Некрасовымъ, а оттуда въ домъ губернатора. Разсаживаясь по экипажамъ, средняя дочь Некрасовыхъ, застѣнчивая, тихая, оставалась безъ мѣста, или, чтобъ ей помѣститься, надобно было другимъ потѣсниться. Я предложилъ ей ѣхать со мною въ моихъ саяхъ; она сѣла, одинъ изъ братьевъ ея всталъ къ намъ на запятки, и мы поѣхали. Этотъ переѣздъ отъ Некрасовыхъ до дома губернатора рѣшилъ мою судьбу. Мнѣ такъ было прiятно ѣхать вдвоемъ съ существомъ другаго пола, такъ живо представилось счастье семейной жизни, что я невольно вспомнилъ опредѣленiе Творца мiра: «не добро быти человѣку единому».

Весь вечеръ я былъ по невольному чувству кавалеромъ моей спутницы, одѣтой въ русскомъ костюмѣ. Сначала я былъ въ китайскомъ костюмѣ, а потомъ съѣздилъ домой переодѣться и явился настоящимъ учителемъ гимназiи: смѣшилъ все общество, танцевалъ, любезничалъ съ дамами, съ такимъ подражанiемъ въ манерахъ и способѣ разговора г. учителя, котораго почти всѣ знали, что на другой день, куда ни приходилъ этотъ учитель, вездѣ встрѣчали его привѣтствiемъ:

— А, г. Ильенко! Такъ-то вы скрываетесь; у насъ не хотите танцевать, а вчера у губернатора отличались.

Иные ему говорили:

— Хорошъ, братъ, Яковъ Сафоновичъ, удралъ штуку, насмѣшилъ всѣхъ до слезъ.

Разумѣется, въ такомъ тонѣ могли ему говорить только мужчины. Бѣдный учитель конфузился и какъ ни любилъ свой коричневый фракъ, но отдалъ его окрасить въ черный цвѣтъ. А какъ этотъ фракъ попалъ ко мнѣ? Учитель былъ скупъ и не любилъ общества, и вотъ, пользуясь праздниками, сидѣлъ онъ, запершись дома, а фракъ свой отдалъ починить моему человѣку—портному. Я же съ этимъ учителемъ познакомился въ домѣ Некрасовыхъ, единственномъ, гдѣ онъ бывалъ безъ уроковъ, и гдѣ ему нравилась старшая дочь Анна, которая, напротивъ, терпѣть не могла

его. На другой день Нового 1828 года, прогуливаясь по городу, зашелъ я въ церковь, гдѣ было погребеніе. Тамъ была г-жа Некрасова съ дочерями. Молясь, я думалъ о ничтожности и бренности жизни, о назначеніи человѣка и возвратился домой съ твердымъ намѣреніемъ жениться. Средняя дочь г-жи Некрасовой мнѣ нравилась; ея молчаливость, застѣнчивость и кротость подавали мнѣ надежду, что съ нею буду я счастливъ. Промечтавъ цѣлый день, на другое утро часу въ десятомъ отправился я къ Яну и безъ дальнихъ околичностей говорю ему, что я намѣренъ жениться на средней дочери Некрасовой.

Добрый, благородный, умный Янъ тронуть былъ описаніемъ моихъ чувствъ и сказалъ, что онъ мнѣ предсказываетъ полное счастье при избраніи жены изъ такого благочестиваго семейства. Когда я съ моимъ рѣшеніемъ явился въ домъ Некрасовыхъ, меня встрѣтила старушка-мать, которой я и высказалъ мое предложеніе. Добрая, благородная, честная мать откровенно мнѣ объявила, что она за дочьрю ничего не можетъ дать, что она бѣдна. Мнѣ эта прямодушная откровенность чрезвычайно понравилась, и я, повторивъ мое предложеніе, просилъ позволенія объясниться съ дочерью.

По зову матери вошла въ залъ моя голубка, трепетная, то краснѣвшая, то блѣднѣвшая. Я спросилъ ее, желаетъ ли она быть моею женою. Она отвѣчала: «да». Я сказалъ, что не требую и не ищу приданаго, но, такъ какъ я самъ не богатъ, то предвѣряю, что, можетъ быть, не будемъ жить въ изобиліи, что жена моя, можетъ быть, обязана будетъ трудиться, заниматься сама хозяйствомъ и домашними работами. Скромная и застѣнчивая дѣвушка поняла меня и съ энергіею отвѣчала:

— Сердце мнѣ говоритъ, что вы — добрый человѣкъ, Василій Николаевичъ; я рѣшилась быть вашею женою.

Насъ обручили 12-го января 1828 года. На другой день подаю прошеніе о дозволеніи мнѣ жениться, и генералъ Матушевичъ мнѣ сказалъ:

— Рано еще вамъ, г. поручикъ, вы еще молоды, подождите еще. Вотъ женитесь, какъ я женился.

Я поблагодарилъ его превосходительство за совѣтъ, рѣшительно объявивъ, что я желаю жениться въ молодыхъ годахъ. Хорошо совѣтъ моего добраго начальника—жениться, какъ онъ женился! А онъ женился, имѣя 55 лѣтъ отъ роду, на молоденькой, вертлявой, пылкой француженкѣ, которая вѣтренничала до разврата. Дѣйствительно, я женюсь безъ приданаго. Трое братьевъ моей невѣсты взяли по третнему въ счетъ жалованья и сдѣлали сестрѣ необходимые наряды. Я тоже взялъ третнее мое жалованье, приготовилъ квартиру и все необходимое хозяйство, для принятія въ

домъ молодой жены. Свадьба была назначена на 25-е января, но къ этому времени разрѣшеніе изъ Петербурга на женитьбу мою еще не пришло. Однакожь, умный и добрый священникъ церкви Дмитрія Солунскаго обѣщалъ насъ повѣнчать и безъ дозволенія, потому что это былъ послѣдній день передъ масляницей. Но часовъ въ 6 вечера курьеръ изъ канцеляріи генерала Матушевича привезъ мнѣ дозволеніе.

Вотъ одна изъ странностей моего характера. Я никакъ не соглашался возвращаться изъ церкви съ молодою женою въ чужой каретѣ, настаивая на томъ, чтобы ѣхать въ моихъ саняхъ. Едва меня убѣдили не противиться принятымъ обычаямъ, приличіямъ, и что жена моя, возвращаясь въ саняхъ, можетъ простудиться. Насъ обвѣнчали, но во время обряда я былъ разстроены отъ слезъ моей невѣсты передъ началомъ вѣнчанія. Мнѣ казалось, что она идетъ замужъ по неволѣ, неохотно; мнѣ обидны были ея слезы въ торжественную минуту жизни. Но обрядъ кончился, лице моей молодой жены развеселилось, глаза ея съ любовью впивались въ мои... И вотъ я женатъ; вотъ я уже не одинокъ въ мірѣ; вотъ подлѣ меня подруга жизни—кость отъ костей моихъ, ребро, недостающее въ моемъ физическомъ составѣ.

Свадьбу я праздновалъ скромно, даже шампанскаго не было, но Янъ, какъ хорошій хозяинъ и мастеръ дѣлать наливки и водянки, прислалъ мнѣ двѣ бутылки чудной, искристой изъ бѣлой смородины водянки. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы получилъ я новое назначеніе по службѣ къ директору работъ маіору Бѣлорусскому въ г. Крестцы Новгородской губерніи, въ 79 верстахъ отъ Новгорода. Простясь съ женою и родными ея, отправился я одинъ къ мѣсту моей новой службы. Тоска терзала мою душу; я не выдержалъ и съ первой станціи возвратился опять въ Новгородъ. Купивъ кое-какую кибитку, я поѣхалъ уже вмѣстѣ съ молодою женою. Два мѣсяца я состоялъ въ вѣдѣніи маіора Бѣлорусскаго и былъ откомандированъ для содѣйствія командиру 4-го военно-рабочаго батальона, маіору Старкову, по искусственной части въ ремонтірованіи шоссе и мостовъ. При этихъ занятіяхъ я пробылъ годъ, а затѣмъ приказомъ по корпусу путей сообщенія, 29-го августа 1829 года, переведенъ былъ во II-й округъ путей сообщенія и на Маринскую систему. Здѣсь родилась моя первая дочь, Александра, 17-го января 1829 года. Въ декабрѣ того же года произведенъ былъ я въ штабъ-капитаны и назначенъ членомъ по искусственной части въ Вытегорскій экономическій комитетъ. Въ 1831 году произведенъ въ капитаны. Въ томъ же году случилось мнѣ быть по дѣламъ службы въ Петербургѣ, и начальникъ штаба корпуса путей сообщенія, генераль-маіоръ Варенцовъ, предложилъ мнѣ сформировать Вытегорскую роту для Динабургскаго шоссе, обѣщая, что черезъ годъ будетъ сформированъ для этого шоссе

батальонъ, и что я буду произведенъ въ майоры и останусь командиромъ батальона. Это мнѣ польстило, и 9-го февраля 1832 года я переѣхалъ съ моимъ семействомъ на Динабургское шоссе, въ Порховской уѣздъ Псковской губерніи, въ 40 верстахъ отъ г. Пскова.

VIII.

Формированіе рабочей роты для Динабургскаго шоссе.—Спокойная и счастливая жизнь.—Возмущеніе восино-рабочей роты.—Слѣдствіе по дѣлу о нанесеніи побоевъ унтеръ-офицеру изъ дворянъ.—Поѣздка въ Петербургъ и взятка оберъ-аудитору.—Служебныя награды.—Переходъ въ строительный отрядъ.—Содержаніе почтовыхъ станцій.—Пронрыство и неблагодарность неисправныхъ подрядчиковъ.—Прикомандированіе къ петербургскому хозяйственному комитету.—Жизнь въ Лугѣ.—Раннее пробужденіе артистическихъ способностей въ дочеряхъ—Вѣра и Наталья.

Въ лѣсу, въ небольшой деревушкѣ, назначено было расположить мой ротный дворъ; но я купилъ у помѣщицы Натальи Яковлены Рындиной десятину земли близъ линіи шоссе, построилъ для себя домъ и всѣ необходимыя помѣщенія для нижнихъ чиновъ, какъ-то: караульню, пейхгаузъ, сарай, конюшню для четырехъ казенныхъ лошадей, манежъ для ученія солдатъ фронтовой службъ въ зимнее время; развелъ огородъ и садъ и назвалъ новое мое жилище «Перепутьемъ». Это названіе очень приличествовало моему ротному двору, потому что ко мнѣ много было заѣзжихъ, болѣе по службѣ.

Здѣсь я прожилъ до 1838 года спокойно, счастливо, если не включить въ это время семейныхъ огорченій, какъ-то: потери въ 1838 г. двухъ дочерей, Александры и Надежды, изъ которыхъ одна была пяти, другая трехъ лѣтъ. Въ 1833 г. родилась у меня дочь Вѣра, а въ 1834 г. августа 21 дочь Наталья¹⁾. Втеченіе моей службы на Динабургскомъ шоссе, со мною случилось два казусныхъ и оригинальныхъ происшествія, едва не сдѣлавшія меня несчастнымъ. Рота моя состояла изъ двухъ оберъ-офицеровъ, 10 унтеръ-офицеровъ и 300 рядовыхъ съ необходимыми числомъ нестроевыхъ нижнихъ чиновъ. Въ составъ этой роты, коей я вскорѣ назначенъ былъ командиромъ, поступило до ста польскихъ мятежниковъ, изъ которыхъ большая часть были люди честные, ловкіе, но было и нѣсколько отъявленныхъ негодяевъ, строптивыхъ и безпокойныхъ. Рота была разсѣяна по работамъ отъ города Гатчино до города Динабурга на протяженіи 460 верстѣ. Я долженъ былъ раза три въ годъ самъ объѣзжать это

¹⁾ Знаменитая піанистка, умерла 18-го іюля 1856 года и погребена въ Старорусскомъ монастырѣ. Сестра же ея, Вѣра, принимавшая вмѣстѣ съ нею участіе въ концертахъ въ Россіи и за границей, скончалась въ Москвѣ; была замужемъ за штабъ-капитаномъ А. А. Ларионовымъ.

пространство, а жалованье, порціонныя и провіантскія деньги развозилъ то фельдфебель, то каптенармусъ, и я каждый разъ, во время моихъ объѣздовъ, спрашивалъ нижнихъ чиновъ, все ли положенное сполна получаютъ. Жалобъ никогда не было. Управляющій работами полковникъ Фроловъ и начальникъ штаба ежегодно производили инспекторскіе смотры, и тоже никогда жалобъ и претензій не было. Я оставался спокоенъ, но вдругъ возникли претензіи нѣсколькихъ рядовыхъ на неполученіе ими сполна провіанта. Однажды, въ день инспекторскаго смотра, назначеннаго полковникомъ Фроловымъ, въ 6 часовъ вечера, во время моего объѣда, входитъ фельдфебель, блѣдный, разстроенный, и говоритъ, что рота взбунтовалась¹⁾. Я по случаю жаркаго времени сидѣлъ полураздѣтымъ, но наскоро надѣлъ сюртукъ безъ эполетъ, выбѣжалъ на ротный дворъ, скомандовалъ:

— Смирно! Справа налево заходи, маршъ!

Все было смирно и тихо. Я спрашиваю: «Не имѣтъ ли кто претензій? Всѣ ли все сполна получили: жалованье, порціонныя, провіантъ или провіантскія, аммуницію и аммуничныя деньги?»

Всѣ молчатъ. Я совершенно забылся и увлекся запальчивостью. Подхожу къ одному и хватъ его въ зубы, другаго, третьяго, пятаго, десятаго; всѣ молчатъ. Спрашиваю опять, не имѣтъ ли кто какой претензіи. Громогласное: «Всѣмъ довольны, никакой претензіи не имѣемъ, ваше благородіе!» — было мнѣ отвѣтомъ. Но я замѣтилъ нѣсколько человекъ изъ поляковъ, сильно поблѣднѣвшихъ и молчавшихъ, тогда какъ другіе отвѣчали: и дѣйствительно это были зачинщики бунта. Я по именамъ и прозваніямъ вызвалъ ихъ впередъ и смѣло, самоувѣренно спросилъ оставшихся въ строю:

— Они васъ научили молчать?

— Точно такъ, ваше благородіе!—отвѣчали солдаты.

Я распустилъ солдатъ, даже не посадивъ подъ арестъ зачинщиковъ бунта. Вечеромъ пріѣхалъ полковникъ Фроловъ. Я ему обо всемъ подробно доложилъ, и онъ при опросѣ нижнихъ чиновъ самъ замѣтилъ тѣхъ негодяевъ, которые и на его спросъ о претензіяхъ молчали, блѣднѣя и яростно поглядывая на другихъ солдатъ. Полковникъ ихъ тоже вызвалъ впередъ, и остальные удостовѣрили, что эти мерзавцы, недовольные лично мною, вознамѣрились повредить мнѣ и довести до того, чтобъ у меня отняли роту.

Это былъ первый казусный случай, а вотъ и другой.

Въ ротѣ находился изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей унтеръ-офицеръ Иванъ Ивановъ Сарафановъ, молодой человекъ лѣтъ 20-ти, но совершенно безнравственный. Бывъ при работахъ въ вѣдѣніи инженеръ-поручика Ив. Ив. Лаврова, этотъ унтеръ-офицеръ укралъ у

¹⁾ Въ сборѣ на ротномъ дворѣ, по случаю инспекторскаго смотра, было человекъ сто.

него сто рублей ассигнаціями денегъ, занимаясь перепискою бумагъ по службѣ, въ его квартирѣ, во время его отсутствія. Уликъ было много, воровство было обнаружено, но Сарафановъ не признался, скрылъ деньги и вслѣдствіе этого былъ отправленъ на ротный дворъ, какъ неблагонадежный, для присмотра за работами. Я его увѣщевалъ исправиться, приглашалъ къ себѣ обѣдать и на чай, обѣщаль ходатайствовать о производствѣ его въ офицеры, но за мое добро Сарафановъ оплатилъ мнѣ зломъ. Для полноты разсказа надобно здѣсь пояснить, что на дворѣ, противъ оконъ моего кабинета, построенъ былъ ротный цейхгаузъ, и подлѣ него стоялъ казенный ящикъ на колесахъ съ денежною ротною суммою, а возлѣ этого ящика будка и часовой. Въ ночь съ 12 на 13-е число сентября мѣсяца 1836 года, осматривая, въ точности ли наблюдается порядокъ службы, я нашелъ часового и въ караульной всѣхъ караульщикова спящими. Караульнымъ унтеръ-офицеромъ былъ тогда Сарафановъ. Я приказалъ его разбудить, и когда онъ вышелъ ко мнѣ сонный и полупьяный, наговоривъ мнѣ даже дерзости, то я ему далъ нѣсколько пощечинъ и приказалъ посадить подъ арестъ. На другой день я разсудилъ, что опрометчиво поступилъ, поколотивъ дворянина, а потому призвалъ Сарафанова, просилъ у него извиненія, обѣщая представить его въ офицеры. Онъ со мною помирился, и, казалось, тѣмъ дѣло должно было кончиться. Но нѣсколько дней спустя, Сарафановъ сказался больнымъ и былъ отправленъ въ Псковскую градскую больницу. Дорогою онъ, вмѣстѣ съ провожавшимъ его рядовымъ, пьянствовалъ и, прибывъ въ городъ Псковъ, подалъ управляющему построеніемъ Динабургскаго шоссе, полковнику Фролову, жалобу на меня. Наряжено было слѣдствіе, на которомъ караульные нижніе чины показали слѣдователю, инженеръ-маіору Кашпиреву, что я, хотя кричалъ и бранился, но никого не билъ. Разумѣется, и я тоже показалъ въ моемъ объясненіи, которое отъ меня требовали. Однакожь Сарафановъ этимъ не удовольствовался, но послалъ жалобу главноуправляющему, графу Толю, на меня и на незаконно произведенное безъ присяги слѣдствіе. Графъ Толь предписалъ предать унтеръ-офицера Сарафанова военному суду при псковскомъ гарнизонномъ батальонѣ. И вотъ возобновилось слѣдствіе подъ присягою; производились допросы почти всей роты нижнихъ чиновъ; Сарафановъ клеветалъ на меня и выдумывалъ разныя злоупотребленія, будто бы отъ меня происшедшія. Поляки, зачинщики бывшаго противъ меня заговора, подговаривали солдатъ объявлять на меня претензіи. Презусъ, ассессоръ военнаго суда и аудиторъ, считая меня богатымъ, подсылали ко мнѣ одного изъ своихъ офицеровъ сказать, что дѣло мое плохо, но можно его поправить, если я этого пожелаю. Здѣсь разумѣлось о денежныхъ сдѣлкахъ. Все это я объявилъ полковнику Фролову, который зналъ меня хорошо и, какъ

человѣкъ прозорливый, умный и честный, зная мои дѣйствія и правоту, понялъ, что все это дѣло суцая клевета. Благородный начальник мой сказалъ мнѣ, чтобъ я былъ спокоенъ и отнюдь не дарилъ ни аудитора, ни презуса, ни ассессоровъ. Въ то же время прїѣхалъ въ Псковъ для инспектированія роты начальникъ штаба корпуса путей сообщенія, генераль-маіоръ Александръ Ивановичъ Мясоѣдовъ. Полковникъ ему разсказалъ, какъ производится военный судъ надъ Сарафановымъ, и что не его, а меня судятъ и стараются обвинить. Начальникъ штаба тоже приказалъ мнѣ быть покойнымъ.

Наконецъ, судъ окончился. Бывшіе въ караулѣ нижніе чины показали, что я дѣйствительно билъ унтеръ-офицера Сарафанова, а нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ роты показали (какъ я послѣ узналъ, подстрекаемые товарищами негодяями и изъ страха), что не сполна получали провіантъ и жалованье, что я употреблялъ нѣкоторыхъ въ собственныя работы, а казенныхъ лошадей для моихъ разъѣздовъ. Въ заключеніе же военнаго суда сказано, что «какъ по объявленію унтеръ-офицера Сарафанова капитанъ Погожевъ состоитъ съ полковникомъ Фроловымъ въ дружбѣ и кумовствѣ, то военно-судное дѣло представить прямо главнокомандующему путями сообщенія, графу Толю». Но графъ Толь препроводилъ это дѣло обратно на разсмотрѣніе и обсужденіе полковника Фролова, который, призвавъ меня къ себѣ, съ усмѣшкой подаль мнѣ военно-судное дѣло, приказалъ написать объясненіе и выписку съ заключеніемъ. Въ это же время возвратился изъ Петербурга нашъ офицеръ, инженеръ-поручикъ Уреніусъ, который мнѣ дружески совѣтовалъ самому съѣздить въ Петербургъ и переговорить о моемъ дѣлѣ съ оберъ-аудиторомъ главнаго управленія путей сообщенія. Въ противномъ случаѣ я могу надѣлать себѣ ничѣмъ уже не поправимыхъ непріятностей и хлопотъ, потому что военно-судное дѣло произведено по всѣмъ правиламъ законовъ. Итакъ, представивъ полковнику Фролову составленное мною объясненіе съ выпискою изъ дѣла и заключеніемъ, отправился я въ Петербургъ. Дѣло уже было получено и поступило къ оберъ-аудитору. Начальникъ штаба мнѣ сказалъ, что хотя онъ знаетъ, что я правъ, но, всетаки, мнѣ надобно переговорить съ оберъ-аудиторомъ. Этотъ послѣдній принялъ меня съ строгою важностью, изъявилъ сожалѣніе, что при всемъ желаніи быть мнѣ полезнымъ, особенно по ходатайству начальника штаба, онъ не можетъ ничего для меня сдѣлать, потому что дѣло очень дурно. Я, не унывая, подаль г. оберъ-аудитору завернутые въ бумагѣ 500 рублей ассигнаціями. Онъ, по видимому, сначала колебался оставить у себя эти деньги, съ минутою подумалъ, взялъ у меня изъ рукъ деньги, еще подумалъ и, когда я его увѣрилъ, что это останется между нами, и когда въ это же время дверь изъ залы въ кабинетъ отворилась, и онъ уви-

далъ въ смежной комнатѣ жену съ дѣтьми, то, вздохнувъ, положилъ деньги въ карманъ, подалъ мнѣ руку и сказалъ, чтобъ я былъ спокоенъ, что онъ вечеромъ вмѣстѣ со мною займется моимъ дѣломъ. И дѣйствительно мы въ тотъ же вечеръ занялись, и вотъ сентенція, черезъ три дня утвержденная главнокомандующимъ графомъ Толемъ.

«Унтеръ-офицера Сарафанова за ложныя показанія и за буйство отдать въ корпусную арестантскую роту; презуса, ассессоровъ и аудитора за пристрастные допросы нижнихъ чиновъ општрафовать занесеніемъ въ формулярные ихъ списки, а аудитора, сверхъ того, выдержать одинъ мѣсяцъ подъ арестомъ на гауптвахтѣ. Командиру роты капитану Погожеву сдѣлать выговоръ за допущеніе между подчиненными безпорядковъ». И представьте себѣ снисхожденіе графа Толя! Мнѣ этотъ выговоръ даже не напечатали въ приказахъ по корпусу, а передали черезъ управляющаго построеніемъ Динабургскаго шоссе, особымъ предписаніемъ.

Можетъ возникнуть вопросъ, откуда челоуѣкъ, не имѣющій состоянія и не взявшій за женою никакого приданого, могъ дать 500 рублей ассигнаціями оберъ-аудитору? Скажу русскую пословицу или поговорку: «кто Богу не грѣшенъ—царю не виновать»,— но я имѣлъ доходы почти безгрѣшныя, безъ вреда для работъ, безъ ущерба казнѣ, безъ обиды для солдатъ. Это доходъ отъ хозяйственныхъ распоряженій по заготовкѣ провіанта и аммуниціи, а главное—отъ развѣздовъ, потому что я завелъ лошадей и экипажъ, слѣдовательно, оставались у меня прогонныя деньги. Но еще болѣе доставляло мнѣ способы къ жизни, болѣе чѣмъ безбѣдной, содержаніе станціи, какъ будетъ сказано ниже. Я забылъ сказать, что въ моемъ дѣлѣ съ Сарафановымъ много помогло и содѣйствовало къ моему оправданію то, что Сарафановъ, содержась на гауптвахтѣ, получивъ откуда-то деньги или употребилъ украденные имъ у поручика Лаврова 100 рублей ассигнаціями и напился пьянъ, причѣмъ перепоилъ всѣхъ арестантовъ, взбунтовалъ ихъ и, когда пришелъ дежурный по карауламъ капитанъ усмирять ихъ, Сарафановъ ударилъ его въ лице.

Въ 1838 году, апрѣля 18-го, я былъ переведенъ обратно, по просьбѣ моей, въ строительный отрядъ путей сообщенія, съ назначеніемъ состоять въ управленіи Динабургскаго шоссе, а въ томъ же году, декабря 5-го, произведенъ въ маіоры. Итакъ, сдавъ роту капитану Панкову, переѣхалъ я въ г. Псковъ. Сдача роты мнѣ стоила уступки моего дома, земли какъ при домѣ, такъ и пріобрѣтенной покупкою, 200 десятинъ, у помѣщика, князя Александра Николаевича Кейкуатова.

Въ 1835 году часть Динабургскаго шоссе отъ станціи Теофиловой пустыни до г. Острова, на протяженіи 130 верстъ, была окончена, распределены станціи и поставлены почтовые лошади.

Котельницкая станція отъ моего сельца Перепутья была въ 13 верстахъ, и тамъ назначено 55 лошадей, содержаніе которыхъ съ торговъ въ казенной палатѣ взяли предсѣдатель Псковской уголовной палаты Николай Ивановичъ Мельницкій и товарищъ предсѣдателя гражданской палаты Дерюгинъ, по 1.800 рублей ассигнаціями за тройку. Цѣна весьма хорошая. Но, такъ какъ содержатели не имѣли надежнаго управляющаго, а поручили управленіе станціей смотрителю, который имѣлъ тоже своихъ двѣ тройки, то выгоды отъ станціи нельзя было ожидать. Сначала проѣзда было мало, а потому и прогоновъ собирали немного; шоссе не было укатано, и ноги лошадей отъ непривычки бѣгать по щебенкѣ портились; отъ недостатка же корма и небрежнаго смотрѣнія за лошадьми большая часть изъ нихъ заболѣла коростою. Я и прежде предлагалъ почтосодержателямъ принять меня въ часть, но они, надѣясь на большіе барыши, отказали въ томъ мнѣ. Когда же увидѣли на дѣлѣ, что, какъ говоритъ русская пословица: «хозяйскій глазокъ — лучшій смотрокъ», то и предложили мнѣ уже сами войти съ ними въ часть содержанія станціи, или принять мнѣ на себя часть г. Дерюгина. Я согласился на послѣднее; заплатилъ 2.500 рублей ассигнаціями за право содержанія половины станціи и за имѣющіеся уже заготовленный фуражъ и, по заключеніи контракта, вступилъ въ управленіе станціей, смѣнивъ бывшаго смотрителя, и, разумѣется, черезъ почтовое начальство назначивъ старшаго моего двороваго человѣка Лаврентія.

Немедленно перемѣнивъ нѣкоторыхъ ямщиковъ, я продалъ негодныхъ лошадей и купилъ нѣсколько троекъ отъ 600 до 1.000 р. ассигнаціями за тройку. И счастье начало, видимо, благопріятствовать мнѣ; станція наша приняла другой видъ. Проѣздъ по шоссе началъ увеличиваться; черезъ четыре мѣсяца станція была уже въ отличномъ порядкѣ. Мы, русскіе, однако, по природѣ недовѣрчивы другъ къ другу: такъ случилось и въ общемъ моемъ съ г. Мельницкимъ содержаніи станціи. Мы съ нимъ вмѣстѣ осматривали станцію, повѣрили счеты и разочли, что черезъ 20 мѣсяцевъ, остающихся еще содержать станцію, можемъ мы имѣть чистаго барыша до 20 тысячъ рублей ассигнаціями.

Пріѣхавъ ко мнѣ въ домъ послѣ обѣда, Мельницкій вздумалъ выразить сомнѣніе относительно честности распорядившагося на станціи всѣмъ хозяйствомъ моего старосты и предложилъ мнѣ, чтобы и съ его стороны былъ староста. Это меня оскорбило, и я сказалъ, что не угодно ли ему дать мнѣ 10 тысячъ рублей ассигнаціями, и я уступлю ему мою часть.

Но Мельницкій возразилъ:

— Дайте мнѣ 12 тысячъ рублей ассигнаціями, я отступлюсь отъ моей части.

— Извольте, по рукамъ, я согласенъ,—возразилъ я, и бутылка шампанскаго скрѣпила наше условіе.

Итакъ, дѣло было рѣшено; я остался полнымъ хозяиномъ станціи и получилъ черезъ 20 мѣсяцевъ, за всѣми расходами, чистаго барыша 20 тысячъ рублей ассигнаціями, за исключеніемъ уплаченныхъ 2.500 рублей Дерюгину и 12 тысячъ Мельницкому.

Въ 1839 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, меня назначили распоряжаться на счетъ неисправныхъ подрядчиковъ по дирекціи Динабургскаго шоссе отъ г. Луги до г. Гатчины. Вслѣдствіе этого я и переѣхалъ въ г. Лугу. Но, зная, какъ надобно осторожно дѣйствовать насчетъ подрядчиковъ для избѣжанія жалобъ съ ихъ стороны, я оставался недѣли три безъ всякаго дѣйствія, ожидая рѣшительнаго требованія директора работъ, инженеръ-маіора Богусhevскаго. Эта медленность была для меня очень полезна. Одинъ изъ подрядчиковъ, Устиновъ, по совѣту крычкодѣевъ, вѣроятно, предполагая, что я уже приступилъ къ обычнымъ распоряженіямъ, подалъ на меня жалобу главномууправляющему, что будто бы я умышленно распоряжаюсь во вредъ подрядчикамъ, отпуская рабочихъ съ работъ и объявляя, что казна будетъ таковыхъ нанимать по дорогой цѣнѣ.

По этому дѣлу прискакалъ въ г. Псковъ къ управляющему построеніемъ Динабургскаго шоссе курьеръ, и самъ полковникъ Фроловъ пріѣхалъ въ Лугу. Когда я къ нему явился, то онъ сердито спросилъ меня:

— Что это вы здѣсь, Василій Николаевичъ, надѣлали? — и объявилъ мнѣ о жалобѣ на меня Устинова.

Когда же я и директоръ работъ объяснили полковнику, что до сего времени никакихъ распоряженій еще не сдѣлано, и что я даже и на работахъ не былъ, то полковникъ отправилъ по этому дѣлу свое донесеніе главномууправляющему, а вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ въ Лугу и самъ Устиновъ. Онъ просилъ униженно у меня извиненія, что по донесенію своего повѣреннаго невольно оклеветалъ меня. Полковникъ, бывши давно знакомъ съ Устиновымъ, бранилъ его за опрометчивость и совѣтовалъ для собственной его пользы просить меня распоряжаться на его счетъ.

Устиновъ убѣдительно меня объ этомъ просилъ, и я согласился съ тѣмъ, чтобъ при мнѣ безотлучно находился повѣренный его приказчикъ, но, само собою разумѣется, не тотъ, который меня оклеветалъ, а человекъ благонадежный и добросовѣстный. Я рѣшился за зло заплатить добромъ и, чтобъ дешевле нанять рабочихъ, отправился вмѣстѣ съ довѣреннымъ приказчикомъ въ Витебскую губернію. Тамъ я познакомился съ нѣкоторыми помѣщиками, скрылъ, что рабочихъ нанимаютъ на счетъ подрядчика — нанималъ и контрактовалъ рабочихъ вообще для работъ, — и этимъ сдѣлалъ подрядчикамъ значительную выгоду.

Я еще болѣе для нихъ сдѣлалъ. Всѣ закупки матеріаловъ поручилъ я дѣлать повѣренному и другимъ приказчикамъ, постоянно стараясь скрывать дѣйствія казны на счетъ ихъ. За эти хлопоты и труды подрядчики обѣщали мнѣ изъ суммы, употребленной во время моихъ распоряженій, 5⁰/₀, но я былъ ими обманутъ, успѣвъ только едва вернуть расходы мои на разѣзды. А между тѣмъ я много рисковалъ, потому что долженъ былъ безъ всякихъ документовъ выдавать тысячъ по двадцати серебромъ самому Устинову, его повѣренному и даже приказчикамъ его для закупки матеріаловъ.

По окончаніи работъ, осенью, совѣтовалъ я подрядчику Устинову и товарищу его предупредить распоряженія казны на счетъ ихъ, предваряя, что я рѣшительно откажусь отъ этого порученія, потому что не могу имъ быть полезенъ. Гг. подрядчики самонадѣянно и гордо отвѣчали, что они не допустятъ распоряженія казны на счетъ ихъ. Съ тѣмъ мы и разстались. Но предсказаніе мое сбылось. На слѣдующій годъ командированъ былъ для дѣйствія на счетъ ихъ членъ петербургскаго экономическаго комитета, Коневецкій, который жестоко наказалъ за меня клеветниковъ, передержавъ контрактную сумму ровно вдвое, а именно въ 600 тысячъ рублей ассигнаціями, такъ что для освобожденія залоговъ помѣщикъ Татищевъ внесъ 300 тысячъ рублей, а для уплаты другой половины была продана половина дома купца Устинова, у Семеновскаго моста, въ Петербургѣ. Въ томъ же, то-есть 1840 году, прикомандированъ я былъ состоять при с.-петербургскомъ хозяйственномъ комитетѣ и имѣлъ значительныя порученія хозяйственно заготовлять матеріалы и производить нѣкоторыя работы по окрестнымъ дорогамъ. Въ 1841 году имѣлъ я подобныя же порученія, но лѣтомъ могъ жить съ семействомъ на дачѣ, гдѣ преприятно проводилъ время. Двѣ дочери мои, Вѣра и Наталья, имѣли уже 7 и 6 лѣтъ и обнаруживали большія способности и особенную охоту къ музыкѣ и пѣнію. Бывало, услышатъ ли пѣніе няньки, колыбельной или другой пѣсни, пѣніе рабочихъ и мастеровыхъ, тонкій слухъ маленькихъ дѣвочекъ повторялъ съ точностью и вѣрностью пѣтые мотивы. Дѣтскихъ игръ въ куклы онѣ не любили, а если случалось играть съ сверстницами, то эти игры были нѣчто въ родѣ сценическихъ представленій. Часто обѣ малютки, увлеченныя въ игру другими дѣтьми, услышавъ на улицѣ шарманку или пѣніе, оставляли игры и бросались къ окошку. И долго, долго, даже по уходѣ шарманки, обѣ дѣвочки оставались у окна въ задумчивости, какъ бы прислушиваясь къ исчезающему эху шарманки.

IX.

Назначеніе главноуправляющимъ путей сообщенія графа Клейнмихеля. — Размноженіе департаментовъ и переписки. — Стачки подрядчиковъ. — Проектъ хозяйственной заготовки матеріаловъ. — Гнѣвъ графа Клейнмихеля. — Командировка по выполненію порученія о пониженіи цѣнъ. — Аудіенція у графа Клейнмихеля. — Быстрый отъѣздъ на Московское шоссе. — Удачное выполненіе порученія и милостивый приемъ у графа. — Неудовольствіе его и желчныя выходки. — Заступничество фрейлины. — Назначеніе контролеромъ въ департаментъ ревизіи сборовъ.

Когда скончался графъ Толь, то на мѣсто его назначенъ былъ главнокомандующимъ путей сообщенія дежурный генераль штаба генераль-адъютантъ графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель. Онъ сначала повернулъ круто всѣ дѣла и между многими выходками и оригинальными приказаніями напечаталъ, чтобъ отнюдь не было хозяйственныхъ распоряженій, такъ чтобы даже слово «хозяйственный» исключить изъ словаря вѣдомства путей сообщенія. Однакожъ, вскорѣ все пошло прежнимъ порядкомъ. Новыя распоряженія не уничтожили и не уменьшили зла и недостатковъ, а, увеличивъ число департаментовъ, умножили переписку; изгнали изъ корпуса путей сообщенія хорошихъ инженеровъ, наводнивъ корпусъ пришлецами изъ другихъ вѣдомствъ безъ спеціальнаго инженернаго образованія и выскочками хотя изъ того же корпуса, но съ посредственными познаніями и безъ надлежащей опытности. Департаментъ путей сообщенія раздробился на два — искусственный и хозяйственный; комиссія проектовъ и смѣтъ и комиссія ревизіи отчетовъ обращены въ департаменты; устроенъ новый департаментъ желѣзныхъ дорогъ. Раздѣленіе Россіи на округи и прибавленіе округовъ, а также расширеніе особенной канцеляріи главноуправляющаго вовсе бесполезны, даже вредны, потому что это умножало переписку и замедляло теченіе дѣлъ. Еще бесполезнѣе было переформированіе строительныхъ комиссій въ губернскія строительныя и дорожныя комиссіи съ огромнымъ штатомъ членовъ и чиновниковъ, ибо есть губерніи, гдѣ работъ производится на 10—15 тысячъ рублей, а содержаніе комиссіи, съ разъѣздами чиновниковъ, стоитъ до 12 тысячъ рублей.

Всѣ петербургскіе подрядчики давно уже знали графа Клейнмихеля, особенно по работамъ возобновленія послѣ пожара императорскаго Зимняго дворца. Графъ любилъ сокращать выдачу денегъ, даже слѣдуемыхъ по контрактамъ, такъ что иные получали только половинную сумму. Поэтому многіе согласились отнюдь не понижать цѣнъ по вѣдомству путей сообщенія. И вотъ на торгахъ, бывшихъ въ с.-петербургскомъ экономическомъ комитетѣ, на зимнее содержаніе Московскаго шоссе и на поставку булыжнаго камня цѣны состоялись выше прошлогоднихъ. Графъ чрезвычайно былъ

этимъ недоволенъ и приказаль вновь назначить торги и переторжку подъ наблюдениемъ вице-директора департамента искусственныхъ дѣлъ полковника Фролова, того самаго, что былъ управляющимъ построениемъ Динабургскаго шоссе. И на торгахъ, и на переторжкѣ подрядчики все оставались упрямы и непреклонны, не смотря на убѣжденія полковника Фролова, председателя Ельчанинова и другихъ членовъ комитета понизить цѣны хотя до прошлогоднихъ. Часы пробили уже четыре. Графъ приказаль полковнику Фролову и председателю Ельчанинову представить ему журналъ о результатахъ переторжки въ тотъ же день, хотя бы это было въ двѣнадцатомъ часу ночи. Что дѣлать? Всѣ были въ недоумѣніи, какъ это уладить, и вотъ полковникъ Фроловъ, прохаживаясь со мною по комнатѣ присутствія, спросилъ меня, какъ бы я въ такихъ обстоятельствахъ поступилъ. Я сказалъ, что одно средство уничтожить, то-есть разрушить заговоръ или стачку подрядчиковъ—это отправиться на мѣста работъ и произвести зимнее содержаніе Московскаго шоссе и заготовку матеріаловъ хозяйственно.

— А развѣ вы забыли, Василій Николаевичъ, приказъ графа о хозяйственныхъ распоряженіяхъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — очень помню, но вы не упоминайте графу слово «хозяйственно», а скажите, что одно средство понизить цѣны — это заготовка матеріаловъ покупкою на мѣстахъ работъ изъ первыхъ рукъ, а производство зимняго содержанія шоссе наймомъ рабочихъ изъ мѣстныхъ жителей.

Съ тѣмъ мы и разстались. Полковникъ Фроловъ остался въ хозяйственномъ комитетѣ до полуночи, а я, какъ не членъ комитета, а только состоящій для особыхъ порученій, отправился домой.

На другой день, въ 6 часовъ утра, приѣзжаетъ ко мнѣ на квартиру курьеръ отъ главноуправляющаго съ приказаніемъ немедленно явиться къ графу. Черезъ пять минутъ приѣхалъ другой курьеръ изъ департамента искусственныхъ дѣлъ съ приглашеніемъ пожаловать въ департаментъ, и въ ту же минуту третій курьеръ изъ хозяйственнаго комитета съ требованіемъ меня въ комитетъ. Я сначала отправился въ хозяйственный комитетъ узнать о вчерашнемъ окончаніи переторжки. Въ присутственной комнатѣ я уже нашель всѣхъ членовъ и председателя, который встрѣтилъ меня сердитымъ взглядомъ и сурово спросилъ:

— Что это вы надѣлали, маіоръ? Вѣдь вы сами на себя накликали бѣду. Что вы теперь станете дѣлать? Какъ понизите цѣны на матеріалы, когда прошлогодніе подрядчики закупили ихъ и запрядили?

— Не беспокойтесь обо мнѣ, г. председатель, — отвѣчалъ я учтиво, но съ твердостью, — дѣйствуя прямо и надѣясь на помощь Божію, я ничего и никого не боюсь и совершенно увѣренъ, что буду имѣть успѣхъ.

Тогда предсѣдатель смягчилъ тонъ и, привѣтливо взявъ меня за руку, пожелалъ мнѣ полнаго успѣха, но совѣтовалъ мнѣ лучше не дѣйствовать на удачу. Однако же о результатахъ переторжки онъ мнѣ ничего не сказалъ.

Я пошелъ въ департаментъ искусственныхъ дѣлъ и здѣсь привѣтливо и особенно ласково былъ принятъ товарищемъ главноуправляющаго генераль-лейтенантомъ Рокасовскимъ, который, взявъ меня за руку, поздравилъ со вниманіемъ графа Клейнмихеля, а бывший тутъ же полковникъ Фроловъ радушно обнялъ меня и, поблагодаривъ за удачный совѣтъ, рассказалъ о докладѣ графу предсѣдателемъ комитета о безуспѣшности торговъ, и что графъ, взбѣшенный этимъ, спросилъ предсѣдателя:

— Что-жь вы думаете дѣлать, г. предсѣдатель хозяйственнаго комитета?

Этотъ, и безъ того уже сконфуженный, совсѣмъ растерялся и отвѣчалъ, что одно средство произвести заготовленіе матеріаловъ и зимнее содержаніе Московскаго шоссе хозяйственнымъ способомъ. Тутъ графъ, бывший уже въ большой досадѣ, вскочилъ съ кресель, ударилъ кулакомъ по столу, лице его позеленѣло, глаза налились кровью, губы искривились, и онъ вскричалъ:

— Какъ! Вы хотите грабить государственную казну? Вы хотите меня дурачить и порочить? Вонъ! Завтра же я уничтожу комитетъ!

Послѣ, нѣсколько успокоившись, онъ спросилъ полковника Фролова:

— А вы что думаете, г. полковникъ? Вѣрно, тоже скажете мнѣ о хозяйственныхъ распоряженіяхъ?

Но Фроловъ смѣло отвѣчалъ:

— Нѣтъ, ваше сіятельство, мое мнѣніе отправить на мѣста работу опытнаго чиновника для пріобрѣтенія матеріаловъ покупкою изъ первыхъ рукъ, а работы произвести наймомъ мѣстныхъ жителей.

Этотъ отвѣтъ, хотя только перефразированный изъ словъ предсѣдателя, чрезвычайно понравился графу, и онъ, взявъ Фролова за руку, весело сказалъ:

— Вотъ это превосходно ты придумалъ ¹⁾. Но кого же мы пошлемъ? Знаешь ли ты когонибудь способнаго на это дѣло?

— Я давно уже знаю,—отвѣчалъ Фроловъ,—строительнаго отряда маіора Погожева и увѣренъ, что онъ это порученіе выполнить удачно. Но осмѣлюсь доложить вашему сіятельству, что наши офицеры такъ часто отбираютъ подписки отъ мѣстныхъ жителей, что не угодно ли будетъ вмѣстѣ съ маіоромъ Погожевымъ командиро-

¹⁾ Графъ, когда кѣмъ изъ подчиненныхъ былъ доволенъ, то говорилъ ему «ты».

вать чиновника особыхъ порученій вашего сіятельства съ денежною суммою и съ уполномочіемъ дѣйствовать рѣшительно?

Графъ на это согласился.

— Вотъ, Василій Николаевичъ, вашъ товарищъ по новому порученію,—сказалъ Фроловъ, подводя ко мнѣ молодого, ловкаго, въ придворномъ вицъ-мундирѣ чиновника.

Это былъ камеръ-юнкеръ двора его величества Евгеній Петровичъ Вонлярлярскій, коллежскій совѣтникъ и чиновникъ особыхъ порученій главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями. Мы съ нимъ познакомились, и онъ меня въ тотъ же день приглашалъ къ себѣ обѣдать, но я отказался, сказавъ, что, для ускоренія нашего отъѣзда, мнѣ необходимо окончить сдачу дѣлъ и отчетовъ по имѣвшимся у меня отъ комитета порученіямъ. Мы съ Вонлярлярскимъ отправились вмѣстѣ къ графу, и хотя было еще только 10 часовъ утра, но его уже не застали. Онъ уѣхалъ къ государю императору съ докладомъ, а дежурный адъютантъ намъ сказалъ, что графъ изволилъ приказать намъ пріѣхать къ нему въ 7 часовъ вечера.

Пріѣзжаю въ 7 часовъ и уже нахожу здѣсь г. Вонлярлярскаго. Входимъ въ кабинетъ. Графъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, съ зеленымъ зонтомъ на глазахъ, сидѣлъ у письменнаго стола, а возлѣ него стоялъ въ писарскомъ сюртукѣ съ галунами извѣстный писарь Ивановъ. Графъ ласково встрѣтилъ меня и сказалъ:

— Предсѣдатель комитета хотѣлъ надуть меня хозяйственными распоряженіями, но полковникъ Фроловъ рекомендовалъ мнѣ васъ, маіоръ; и я поручаю вамъ сбить съ толку этихъ мерзавцевъ, этихъ жидовъ-подрядчиковъ. Вамъ Фроловъ передалъ уже мои приказанія, и я увѣренъ, что вы меня поняли, чего я желаю. Прощайте! До свиданія! Поѣзжайте съ моимъ чиновникомъ; на содержаніе расходуите деньги изъ общихъ суммъ, которыя вамъ отпустятся, а послѣ подайте мнѣ счетъ. Я все приму на счетъ казны.

Онъ поклонился, и я съ веселыми надеждами отправился домой.

Окончивъ сдачу имѣвшихся у меня на рукахъ дѣлъ, я уже на третій день послѣ даннаго мнѣ предписанія летѣлъ съ Вонлярлярскимъ по Московскому шоссе въ коляскѣ на четверкѣ курьерскихъ лошадей. Одинъ курьеръ сидѣлъ у насъ на козлахъ, другой ѣхалъ впереди заготовлять намъ лошадей. Вездѣ на станціяхъ ожидали проѣзда графа Клейнмихеля, а потому едва мы только подѣвжали къ станціи, какъ передовой курьеръ скакалъ далѣе, а намъ впрягали свѣжихъ лошадей. Въ гостинницахъ готовы были особые обѣды и закуски; всѣ директора и производители работъ, если не по должности, то «ради страха іудейска», представлялись мнѣ и Вонлярлярскому. Ужъ, конечно, это не слѣдовало бы, но имъ предписано было содѣйствовать въ нашемъ порученіи, да и боязнь, чтобы мы графу чего либо дурнаго не наговорили о шоссе, побу-

ждала даже старшихъ меня чиномъ являться ко мнѣ въ полной формѣ.

Но любопытнѣе всего, какъ Богъ помогъ мнѣ удачно окончить графское порученіе.

Вонлярлярскій, женатый на дочери графа Буксгевдена и состоящій въ родствѣ съ фрейлиной двора ея величества Нелидовою, не зналъ, какъ приняться за дѣло, и предоставилъ мнѣ дѣйствовать, какъ мнѣ заблагоразсудится, а самъ оставался спокойнымъ зрителемъ моихъ продѣлокъ. Что-жъ я сдѣлалъ? Предстояло исполнить двѣ операціи: 1) прискаты желającychъ взять на себя зимнее содержаніе Московскаго шоссе; 2) закупить булыжнаго камня и нанять рабочихъ на разбивку его въ щебень для лѣтняго ремонта шоссе. Въ это время явился ко мнѣ московскій мѣщанинъ Бѣлоусовъ, которому не задолго передъ этимъ далъ я заимообразно 2 тысячи рублей ассигнаціями для найма вмѣсто него рекрута. Этому мѣщанину я поручилъ зимнее содержаніе 40 верстъ шоссе около Петербурга, приказавъ нанимать рабочихъ для расчистки снѣга и покупать булыжный камень съ разбивкою въ щебень, для чего и далъ ему примѣрно денегъ. Потомъ мы съ Вонлярлярскимъ взяли съ собою отставнаго титулярнаго совѣтника, служившаго нѣкогда въ корпусѣ путей сообщенія по дорожной части смотрителемъ на старомъ московскомъ трактѣ, и одного молодаго десятискаго изъ рабочихъ, бывшаго у меня въ родѣ писаря, государственнаго крестьянина. Чиновникъ и молодой крестьянинъ ѣхали за нами въ телѣгѣ на особой тройкѣ почтовыхъ лошадей и были въ видѣ подставныхъ подрядчиковъ. Приѣзжая на станцію или въ другое мѣсто, гдѣ надлежало нанимать рабочихъ или покупать булыжный камень, я предлагалъ за это цѣну, и если мѣстные жители упрямылись, ссылаясь на подрядчиковъ, которые обѣщались имъ дать дороже, то я показывалъ на возимыхъ за нами подрядчиковъ, которые будто соглашаются принять на себя весь подрядъ по назначеннымъ нами цѣнамъ. Эта хитрость мнѣ почти всегда удавалась, особенно, когда я высыпалъ изъ мѣшка серебряныя деньги и предлагалъ немедленно получать задатки.

Такимъ порядкомъ мы почти на всемъ протяженіи шоссе отъ Петербурга до Москвы въ самое короткое время успѣшно сдѣлали заповяды, кромѣ содержанія зимою шоссе въ мѣстахъ около Валдайскихъ горъ, гдѣ я поставилъ съ деньгами молодаго государственнаго крестьянина Исленьева для поденнаго найма мѣстныхъ жителей, въ случаѣ надобности расчищать снѣгъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ закупать и булыжный камень. А около Москвы нашли подрядчика молодаго купеческаго сына, который, подъ руководствомъ стараго титулярнаго совѣтника, принялъ на себя зимнее содержаніе шоссе и заготовку булыжника по контракту, съ надлежащимъ залогомъ.

Итакъ, наша экспедиція съ Вонлярлярскимъ окончилась въ три недѣли самымъ блистательнымъ образомъ. Мы сдѣлали сбереженія казнѣ, противъ прошлогонихъ цѣнъ, на 200 тысячъ рублей. Графъ встрѣтилъ меня весьма привѣтливо, и я уже надѣялся считаться при немъ для особыхъ порученій. Но, увы, языкъ мой— врагъ мой. Графъ представилъ насъ за значительное сбереженіе казеннаго интереса къ наградамъ, и я получилъ 2 тысячи рублей, а Вонлярлярскій орденъ св. Владиміра 4-й степени и 5 тысячъ рублей. Адъютантъ графа, поручикъ Герценшвейгъ, разговаривая со мною до выхода графа, спросилъ меня, насмѣшливо улыбаясь: доволенъ ли я моею наградою. И я отвѣчалъ простодушно, что, разумѣется, доволенъ, потому что, по русской пословицѣ, «лучше маленькая рыбка, чѣмъ большой тараканъ».

Это передано было графу, и его сіятельство обидѣлся, какъ онъ выразился, моею неблагодарностью. Къ этому-жъ подоспѣли и другія непріятности. Согласно словамъ графа мы съ Вонлярлярскимъ не жалѣли денегъ на содержаніе свое и особенно въ Москвѣ жили въ довольствѣ; но когда Вонлярлярскій подалъ графу расчетъ объ издержанныхъ деньгахъ, то графъ сказалъ:

— Это что? Какіе у васъ расходы? Вѣдь вы съ Погожевымъ получали на шесть лошадей прогоны, а потому могли на тройкѣ ѣхать, а прогоновъ на другую тройку достаточно было для содержанія.

Вонлярлярскій обидѣлся этимъ и сказался больнымъ. Графъ взбѣсился на это, назвалъ его неблагодарнымъ и приказалъ немедленно явиться къ нему. Тогда жена Вонлярлярскаго, боясь угрозъ и крутаго характера графа, поѣхала во дворецъ къ кузинѣ своей Нелидовой и возвратилась съ утѣшеніемъ, что мужу ея нечего бояться графа. Но своенравный и желчный графъ послалъ къ Вонлярлярскому своего адъютанта, приказавъ ему привезти къ нему Вонлярлярскаго «живаго или мертваго». Я въ это время обѣдалъ у Вонлярлярскаго, и онъ, и все его семейство опасались болѣе за меня, чтобъ графу не вздумалось на мнѣ выместить свою досаду. Жена Вонлярлярскаго тотчасъ послала записку къ Нелидовой, описывая ей происходящее и требованіе графа, а также опасеніе за меня. Черезъ полчаса былъ полученъ отвѣтъ на записочкѣ слѣдующаго содержанія: «Пусть Евгенийъ (т. е. Вонлярлярскій) подастъ въ отставку; скажите, что и Погожевъ безъ мѣста не будетъ».

Вслѣдъ за этимъ пріѣзжаетъ братъ Вонлярлярскаго, штабсъ-капитанъ Преображенскаго полка, просить брата съѣздить къ графу, сказавъ, что этимъ дѣло и кончится, что графъ на него менѣе сердитъ, чѣмъ на меня, потому что сказалъ:

— Я знаю, что это штуки Погожева! Онъ большой интриганъ; привези ко мнѣ брата, я съ нимъ помирюсь.

Дѣйствительно, Вонлярлярскій поѣхалъ къ графу, который его встрѣтилъ съ распростертыми объятіями, со слезами на глазахъ, расцѣловалъ его, и кончилось тѣмъ, что графъ, повѣривъ, что я всему причиною, прибавилъ, что онъ меня отъ него удалить, потому что, вѣроятно, уже онъ понялъ порядокъ совершенія подрядовъ и можетъ дѣйствовать одинъ. Вслѣдствіе чего я на другой день былъ назначенъ контролеромъ въ искусственное отдѣленіе департамента ревизіи отчетовъ.

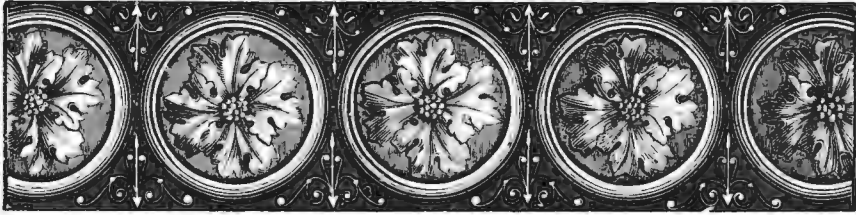
Но, хотя я навѣрное зналъ, что братья Вонлярлярскіе сложили въ этомъ дѣлѣ всю вину на меня, но я не показывалъ даже и вида неудовольствія, а потому постоянно былъ вхожъ въ домъ Евгенія Петровича Вонлярлярскаго, гдѣ часто обѣдалъ и по вечерамъ занимался его подрядными дѣлами. И такъ какъ двѣ мои дочери, Вѣра и Наталья, начинали уже порядочно играть на фортепіано, то Вонлярлярскій просилъ меня пріѣхать вмѣстѣ съ ними на вечеръ. Я пріѣхалъ съ дочерьми; онѣ сыграли двѣ піесы въ четыре руки на фортепіано; старшая продекламировала монологъ изъ «Параши Сибирячки»—прощаніе ея съ родительскимъ домомъ—и наконецъ обѣ сыграли піеску: «Хочу быть актрисой или двое за шестерыхъ». Все общество восхищено было смѣлыми и талантливыми дѣтьми, обѣщающими много въ будущемъ.

Всѣ хвалили и ласкали малютокъ. Старшей, Вѣрѣ, было тогда 8 лѣтъ, младшей, Натальѣ, 7 лѣтъ. Особенно обласкала моихъ дочерей высокая, миловидная, стройная, привѣтливая фрейлина Нелидова и просила меня привезти къ ней моихъ дочерей. Многіе меня поздравляли съ будущимъ счастіемъ моихъ дочерей, но я этимъ счастіемъ не воспользовался, по ложному самолюбію, чтобы не быть въ зависимости отъ протекціи, но чтобы дочери мои достигали успѣха собственными талантами. Я даже и не поѣхалъ къ Нелидовой, ни одинъ, ни съ дочерьми.

Н. В. Погожевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОЧЕРКИ МОСКВЫ ¹⁾.

XVII.

Села Елохово и Рубцово-Покровское; ихъ протяженіе и границы.— Колоніи села Рубцова: Никольская и Ирининская.— Храмы и приходы сельъ Покровскаго и Елохова.— Церковь Богоявленія въ Елоховѣ.— Преданія, связанныя съ Никольскимъ и Ирининскимъ храмами.— Особенности послѣдняго.— Значеніе Богоявленскаго прихода въ исторіи Москвы.— Покровскій соборъ и его судьба.

РАЗГУЛЯЯ оканчивалась та половина Покровки, которая составляла не болѣе, какъ проѣзжую дорогу отъ воротъ Китай-города къ излюбленнымъ царями селамъ Семеновскому, Преображенскому и Измайлову. Вторая ея половина, отъ Разгуляя до Покровскаго моста на Яузѣ, искони пролежала среди двухъ подмосковныхъ сельъ, Елохова и Рубцова, своими землями примыкавшихъ одно къ другому и занимавшихъ огромное пространство, около 3 верстѣ въ длину и 1¹/₂ въ ширину. Границу ихъ владѣній составлялъ Гавриковъ переулочъ, сохранившій это названіе доселѣ и идущій отъ Сокольничьяго проѣзда до Нѣмецкаго рынка. Еще на нашей памяти онъ былъ очень плохо застроенъ, и въ той своей части, которая лежитъ между Покровкой и Сокольничьимъ шоссе, изобиловалъ жалкими лачугами, пустырями и даже огородами. Отъ Разгуляя до него шли земли села Елохова, отъ него до Яузы—села

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ЛII, стр. 747.

Рубцова, получившаго, съ половины XVII вѣка, извѣстность подъ именемъ Покровскаго. Елохово такъ и осталось доселѣ нераздѣльнымъ, что же касается Рубцова, то оно, не теряя общаго ему наименованія Покровскаго, остающагося и доселѣ принадлежностью всей мѣстности, въ старину къ нему принадлежавшей, выдѣлило, съ теченіемъ времени, изъ себя два поселка, которые, по храмамъ, въ нихъ выстроеннымъ, и получили особыя названія: Никольскаго и Ирининскаго. Первый располагался ближе къ своей метрополи, и храмъ его, во имя св. Николая, воздвигнуть былъ почти противъ храма Покрова—съ той поры, какъ село приняло характеръ дворцоваго, присвоившаго себѣ титулъ Покровскаго собора. Не этимъ ли обстоятельствомъ и объясняется построение рядомъ съ нимъ другой церкви, въ тѣсномъ смыслѣ слова приходской, для удовлетворенія религиозныхъ нуждъ сельчанъ, когда храмъ Покрова утратилъ этотъ свой прежній характеръ?

Ирининскій храмъ находится вблизи Нѣмецкаго рынка и Гаврикова переулка, то-есть на противоположной границѣ Покровскаго, и много моложе Никольскаго храма. О его построеніи не имѣется точныхъ данныхъ, но оно достаточно можетъ объясняться какъ и увеличеніемъ населенія въ этой части огромнаго села, такъ и отдаленностью ея отъ Покровскаго и Никольскаго храмовъ: вообще у насъ не рѣдкость въ черезчуръ обширныхъ и многочелюдныхъ селахъ встрѣтить не одну, а двѣ церкви, и всего вѣроятнѣе, что второй и третій храмы Покровскаго возникли по аналогичнымъ соображеніямъ, и лишь впоследствии, по уничтоженіи Покровскаго, какъ села, выдѣлились въ самостоятельные приходы: по крайней мѣрѣ, и на официальномъ языкѣ, и въ народномъ говорѣ, оба храма до сихъ поръ слывятся: Никола и Ирина мученица въ Покровскомъ.

Между этими двумя храмами и подѣлилось все населеніе Покровскаго въ смыслѣ прихожанъ, при чемъ Никольскій приходъ, какъ древнѣйшій, оказался значительно больше позднѣйшаго Ирининскаго; гораздо же ничтожнѣе ихъ обоихъ оказался приходъ нѣкогда главной Покровской церкви, когда она низведена была изъ званія придворнаго собора въ прежнее состояніе приходскаго храма: ей пришлось довольствоваться немногочисленными ближайшими къ ней обывательскими владѣніями, не приставшими крѣпко и не причисленными официально къ Никольскому храму, да тѣми новыми обывателями, которые располагали свои усадьбы въ ближайшихъ къ ней окрестностяхъ, а такъ какъ заселеніе послѣднихъ шло чрезвычайно туго, то и Покровскій приходъ навсегда остался однимъ изъ наибѣднѣйшихъ московскихъ приходовъ, тогда какъ его двѣ колоніи испоконъ вѣка наслаждались несравненно большимъ благополучіемъ, отражавшимся и на благолѣпіи храмовъ, и на зажиточности духовенства.

Елоховскій приходъ—дѣло совсѣмъ другое: обнимая всю громадную территорію прежняго села Елохова, онъ раскинулся между Вознесенской, Никитской, Петропавловской, Покровско-Красносельской, Никольской и Ирининской церквами, и въ составѣ своемъ считаетъ до 800 отдѣльныхъ владѣній и до 2.000 домовъ, тогда какъ, напримѣръ, сосѣдній съ нимъ Ирининскій состоитъ изъ 600 дворовъ, а Никольскій изъ 150, и потому признается однимъ изъ богатѣйшихъ въ Москвѣ. Въ виду его разбросанности и многолюдства епархіальное управленіе давно уже, чуть ли не въ началѣ нынѣшняго столѣтія, озаботилось усилить личный составъ его причта, учредивъ вмѣсто одного двухъ священниковъ, равно какъ и двухъ діаконовъ. До какой степени приходъ многолюденъ, можно судить хотя бы по двумъ фактамъ: на первой недѣлѣ великаго поста, не смотря на то, что два штатныхъ священника и одинъ наемный со вторника начинаютъ исповѣдь и проводятъ въ церкви почти безвыходно все время отъ ранняго утра до полуночи, а приобщеніе говѣющихъ начинается съ среды и продолжается до субботы, всетаки значительная часть говѣющихъ не успѣваетъ окончить говѣнія въ субботу и заключаетъ его лишь въ воскресенье; храмъ Богоявленской церкви, въ совокупности съ двумя придѣльными церквами, по квадратному измѣренію много просторнѣе самой обширной изъ здѣшнихъ (петербургскихъ) церквей, едва ли не больше (московскаго) Успенскаго собора и развѣ немного меньше собора Александрo-Невской лавры; но, не смотря на это, за праздничными службами онъ не только бываетъ переполненъ, а просто биткомъ набитъ богомольцами, хотя еще многіе изъ прихожанъ, зная по опыту это обстоятельство, расходятся, во избѣжаніе тѣсноты и давки, по сосѣднимъ церквамъ, благо нѣкоторыя изъ нихъ оказываются отъ нихъ и много ближе, чѣмъ приходская.

Нечего и говорить, что храмъ въ такомъ приходѣ поддерживается не только въ благолѣпіи, но и въ великолѣпіи: еще лѣтъ 35 назадъ главная церковь, такъ называемая холодная, была на средства прихожанъ заново перестроена и какъ снаружи, такъ и внутри богато украшена и вызолочена, при чемъ особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ величественный иконостасъ, къ сожалѣнію, непоправимо потемнѣвшій вслѣдствіе устроеннаго въ храмѣ духоваго отопленія и связанной съ нимъ чрезмѣрной сухости воздуха; къ этому же времени пожертвована въ ризницу и драгоценная напрестольная одежда кованаго серебра съ художественно исполненными горельефами изъ исторіи страданій Спасителя. Эта рѣдкость рачительно сохраняется въ ризницѣ и употребляется лишь нѣсколько разъ въ годъ, по особенно торжественнымъ праздникамъ. Колоколами Богоявленская церковь и всегда славилась, но лѣтъ 25 назадъ приходское усердіе выказало недовольство большимъ 700-пудовымъ колоколомъ, находя, что колокольникъ такого богатаго храма и обшир-

наго прихода обидно и унизительно благовѣстити въ колоколь меньше 1.000 пудовъ: заговорили объ этомъ между знатными и богатыми прихожанами, отъ нихъ посыпались пожертвованія, и скоро 700-пудовый гигантъ долженъ былъ уступить свою роль новому, повиснувъ уже не на первомъ, а на второмъ мѣстѣ.

Къ чести богоявленскихъ прихожанъ слѣдуетъ, однако, сказать, что не на однѣ церковныя стѣны и не на одно обремененіе колокольной расходуется ихъ благочестивое узердіе: Елоховскій приходъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ московскихъ приходовъ, въ которыхъ насажены и крѣпко и широко разрослись постоянныя учрежденія приходской благотворительности, сосредоточивающіяся въ настоящее время въ приходскомъ попечительствѣ, носящемъ наименованіе Елоховскаго Богоявленскаго Братства. Это учрежденіе считаетъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ своего существованія, не одинъ десятокъ тысячъ неприкосновеннаго капитала, равно какъ не одинъ десятокъ тысячъ, употребленныхъ на разныя благотворительныя цѣли и на личную помощь приходскимъ бѣднякамъ. Обязанное своимъ возникновеніемъ инициативѣ интеллигентнаго купеческаго семейства фабрикантовъ Щаповыхъ, благодаря ихъ крупнымъ пожертвованіямъ впервые ставшее на ноги, а затѣмъ поддержанное многими другими капиталистами прихода, Богоявленское попечительство, если не ошибаемся, занимаетъ въ ряду московскихъ приходскихъ попечительствъ едва ли не первое мѣсто какъ по размѣрамъ своихъ средствъ, такъ и по удачной организаціи своихъ дѣйствій, а, слѣдовательно, и по суммѣ пользы, приносимой имъ своему приходу.

Къ сожалѣнію, примѣръ его не оказывается заразительнымъ: до сихъ поръ изъ всѣхъ церквей, стоящихъ на шести-верстномъ протяженіи Покровки въ числѣ 15, только при одной Богоявленской и существуетъ учрежденіе, давно уже рекомендованное православному приходамъ вообще, а для столичныхъ приходовъ составляющее почти необходимость: видно, не даромъ Москву изображаютъ средоточіемъ всяческаго консерватизма—и похвального, и не похвального, и полезнаго, и вреднаго, и разумнаго, и бессмысленнаго... Нечего говорить о томъ, что всѣ храмы, стоящіе на пространствѣ Елохова и Покровскаго, первоначально были деревянные, что всѣ они, кромѣ Ирнинскаго, подвергались истребленію во время пожаровъ и послѣ такихъ несчастій созидались на ихъ пожарищахъ каменные, приблизительно того наружнаго вида, какой имѣютъ и въ настоящее время; замѣтную печать древности носить лишь бывшій Покровскій соборъ, да и тотъ, благодаря заботливости игумена Митрофанія, подвергся весьма значительнымъ передѣлкамъ, когда поступилъ, вмѣстѣ съ дворцомъ Елисаветы Петровны, при которомъ состоялъ, въ распоряженіе Покровской общины, созданной предприимчивою монахиней-баронессой. Что касается Николь-

скаго храма, то ему едва ли наберется 300 лѣтъ, а Ирнинскому даже 150—200 лѣтъ.

Не смотря, однако, на свою сравнительную молодость, оба храма имѣютъ свои преданія, не лишеныя назидательности и интереса. Такъ, въ Никольской церкви есть древній образъ Николая Чудотворца, съ которымъ связана легенда, относящаяся къ началу нынѣшняго столѣтія. Она повѣствуетъ, что какой-то бѣглый солдатъ, забравшись въ этотъ храмъ съ вечера и схоронившись въ немъ до утра, похитилъ съ иконы всѣ драгоцѣнные камни и большую, дорого стоящую серебряную вызолоченую ризу, не замѣченнымъ вышелъ изъ церкви, какъ только началась утренняя, и какъ въ воду канулъ. Много лѣтъ о немъ не было ни слуху ни духу; святотатство было забыто, слѣдствіе, по тогдашнему обычаю, предано волѣ Божіей и сдано въ архивъ, причту сдѣланъ изъ консисторіи надлежащій нагоняй, а на икону новая риза, не хуже прежней. Уже долго спустя, лѣтъ чуть ли не черезъ двадцать, когда отъ прежняго причта оставался при церкви одинъ причетникъ, является къ священнику сѣдой, какъ лунь, старикъ и объясняетъ, что имѣетъ сообщить нѣчто важное. Важное это оказалось искреннимъ покаяніемъ въ учиненномъ имъ надъ образомъ св. Николая святотатствѣ и просьбою предать его правосудію. Священникъ принялъ первое и поспѣшилъ исполнить вторую. Раскаившійся преступникъ былъ арестованъ, судимъ и осужденъ, подвергнутъ тяжкому тѣлесному наказанію и сосланъ въ Сибирь. Все это онъ вынесъ не только безропотно, но съ видимыми духовною радостью и спокойствіемъ, ибо, какъ онъ и самъ объяснялъ, въ этомъ только и обрѣлъ миръ душевный, поиски за которымъ и привели его къ добровольному сознанію. Дѣло въ томъ, что, какъ онъ подробно изложилъ на первомъ же допросѣ и много разъ повторялъ и на слѣдствіи, и на судѣ, съ самаго дня ограбленія имъ угодника Божія онъ велъ жизнь Каина, не зная нигдѣ и никогда покоя, и не находя ни въ чемъ утѣшенія и удовлетворенія. Самыя удачи его въ торговлѣ, которую онъ завелъ на деньги, вырученныя отъ грабежа, удачи, неизмѣнно сопровождавшія его во всю дальнѣйшую жизнь, служили лишь къ увеличенію его душевныхъ мукъ: каждая копейка барыша напоминала ему о первоначальномъ барышѣ, и о томъ, отъ кого онъ его нажилъ; каждая поѣздка по торговымъ дѣламъ сопровождалась неотступными воспоминаніями объ экскурсіи въ храмъ Божій на святотатство. Нѣсколько лѣтъ сряду дѣло тѣмъ и ограничивалось, что несчастный преступникъ претерпѣвалъ истязанія отъ собственной мысли; позже онъ началъ испытывать еще горшія истязанія отъ самого угодника Божія: не проходило ночи, чтобы онъ не снился ему въ томъ или другомъ положеніи, то съ суровымъ взглядомъ, на него устремленнымъ, то съ угрожающимъ перстомъ, къ нему

обращеннымъ, то съ тяжелымъ мечемъ, надъ нимъ занесеннымъ, такъ что долгое время онъ не зналъ ни одного часа покойнаго сна, а потомъ безъ ужаса не могъ уже и думать о предстоящей ночи, зная заранѣе о посѣщеніи страшнаго гостя, и любопытствуя лишь о томъ, какимъ ему суждено увидѣть его на сей разъ. Чтобы чѣмъ нибудь утолить или хоть облегчить душевную тоску, ставшую вѣчною спутницей его жизни, несчастный пробовалъ всевозможныя развлечения, доступныя въ его быту и по его понятіямъ, и въ томъ числѣ пьянство, какъ наиболѣе вѣрное средство самозабвенія: но—о, ужасъ!—ко всему этому чувствовалъ неодолимое отвращеніе, какъ бы для того, чтобы навсегда оставаться одинъ на одинъ съ страшною мыслью о своемъ преступленіи и о томъ, кто отъ него потерпѣлъ. Такъ и не вышелъ изъ него ни гуляка, ни пьяница, а лишь увеличились послѣ этихъ попытокъ прежнія нравственныя страданія, ибо безмолвныя посѣщенія угодника смѣнились столь же постоянными, но еще болѣе страшными, при всей ихъ краткости, собесѣдованіями: то св. Николай укорялъ его за содѣянный имъ грѣхъ; то за то, что онъ продолжаетъ безнаказанно пользоваться его плодами; то грозилъ никогда не возвратитъ ему покоя, пока онъ не раскается въ своемъ преступленіи, то прямо повелѣвалъ идти въ ограбленную имъ церковь и открыто покаяться.

Но долго еще не смягчалось огрубѣвшее сердце святотатца, и долго онъ сопротивлялся этимъ велѣніямъ, страшась общественнаго стыда, законнаго осужденія и справедливаго наказанія: чтобы избавиться отъ нихъ, и даже отъ мысли о нихъ, онъ бросилъ, наконецъ, всѣ свои дѣла, собралъ всѣ свои деньги въ кошелекъ и принялся за религіозныя пилигримства. Но и они не исцѣлили болѣзненнаго настроенія его мысли: съ нимъ вмѣстѣ, на пути въ Соловецкій, Кіевъ, Воронежъ, шла по пятамъ и мысль объ угодникѣ и его повелѣніи, а при первомъ же покушеніи на сонъ, столь сладкій послѣ физическаго утомленія ходьбой, являлся и онъ самъ, все грознѣе и грознѣе настаивая на своемъ требованіи. Ни тяготы отъ долгихъ путешествій, ни масса новыхъ ощущеній, съ ними связанныхъ, ни подвиги благочестія, выражавшіеся постомъ и молитвою, ничто не доставило ему ни забвенія, ни сколько нибудь болѣе спокойнаго отношенія къ прошлому, и онъ бросилъ религіозное бродяжничество по тому же самому, почему раньше для него бросилъ торговыя дѣла. «Николай Чудотворецъ не давалъ покою», — какъ онъ выразился въ показаніи, данномъ на судѣ. Весь этотъ ужасъ сновидѣній его крѣпкая натура хоть и съ трудомъ, да выносила; но и этого мало. Послѣ скитальчества по монастырямъ, приставши въ какомъ-то городѣ на осѣдную жизнь и проживши вдругъ совершенно неожиданно въ полномъ спокойствіи отъ всякихъ сновидѣній болѣе года, успѣвши за это время

отдохнуть отъ долготѣтнихъ ужасовъ недавняго прошлаго и получить вкусъ къ жизни, онъ также вдругъ, совершенно неожиданно, подвергся чему-то въ родѣ психическаго недуга. Недугъ выражался въ томъ, что, пользуясь видимымъ здоровьемъ, окруженный всѣми условіями благополучнаго и безмятежнаго существованія, наслаждаясь даже покойнымъ сномъ на-пролетъ цѣлыя ночи, онъ сдѣлался жертвою галлюцинацій, сначала слуха, потомъ зрѣнія, а потомъ и обоихъ чувствъ совмѣстно. Галлюцинаціи развивались постепенно, пока не сдѣлались постоянными и ежедневными, а позже и ежечасными, такъ что страдалецъ вынужденъ былъ вести жизнь почти исключительно среди ужасовъ какого-то двойственнаго, полу-реальнаго, полу-призрачнаго существованія. Нечего и говорить, какой характеръ и какое направленіе имѣли галлюцинаціи; началось съ того, что однажды онъ явственно услышалъ, какъ ему кто-то сказалъ: «прячься скорѣй, сейчасъ отопрутъ церковь». И сразу проникшись ужасомъ, онъ мгновенно припомнилъ, что въ ту страшную ночь, передъ разсвѣтомъ, соблазнившись еще другою ризою на какой-то другой иконѣ, онъ было и надъ нею готовъ былъ совершить такое же грабительство, но былъ удержанъ собственной мыслью, какъ бы не замѣшкаться работой и не попасться въ руки церковниковъ, когда они придутъ въ храмъ передъ началомъ утрени, и, умѣривъ запоздалую алчность, поспѣшилъ скрыться въ укромномъ уголкѣ за печкой, сзади сваленныхъ въ беспорядочную кучу дровъ. Въ другой разъ таинственный голосъ, памятный ему по сновидѣніямъ, сталъ упрекать его за скрытое отъ міра преступленіе. Дальше, сталъ требовать покаянія. Вскорѣ затѣмъ зрѣніе его стало представлять ему ужащающія картины того, что было въ роковую ночь: то и дѣло, сиди въ своей комнатѣ, онъ видѣлъ себя сидящимъ посреди Никольской церкви, на полу, передъ иконой св. Николая, и робко озирающимся вокругъ для удостовѣренія своей безопасности; то и дѣло вставая изъ-за стола, чтобы помолиться передъ кіотою, за ключавшей къ себѣ и икону Святителя, онъ забывалъ свое намѣреніе и, объятый нѣкогда пережитымъ порывомъ, приближался къ кіоту съ тѣми же преступными видами, какъ и въ тотъ разъ, и, конечно, мгновенно приходилъ въ себя, ужасаясь безсознательной выходкѣ, за нѣсколько секундъ передъ тѣмъ казавшейся ему вполне естественной и необходимой; наконецъ, глаза его перестали, при взглядѣ на кіоту, находить въ ней на привычномъ мѣстѣ ликъ угодника, и этотъ обманъ зрѣнія совершался съ такою естественностью, что онъ не разъ вынужденъ бывалъ припадать глазами къ самому стеклу кіота, чтобы удостовѣриться, стоитъ ли икона на мѣстѣ, или нѣтъ, но когда, убѣдившись, что ему только показалось, будто ея нѣтъ, онъ удалялся отъ кіоты, успокоенный, ликъ святителя снова исчезалъ для его глазъ, и занятое его ико-

ною мѣсто въ кіотѣ представлялось пустымъ. Зато вслѣдъ затѣмъ онъ началъ встрѣчать ликъ угодника всюду, гдѣ бы ему ни случалось бывать, куда бы ни приводилось идти или ѣхать: часто, проходя мимо какой либо церкви, онъ видѣлъ его стоящимъ въ окнѣ и грозно устремившимъ на него свои очи; при поворотѣ съ улицы въ переулокъ онъ вдругъ встрѣчалъ предстоящій передъ нимъ ликъ угодника и, къ изумленію прохожихъ, въ непобѣдимомъ и нескрываемомъ ужасѣ отпрядывалъ отъ него, возвращаясь вспять и предаваясь позорному бѣгству; дошло съ теченіемъ времени до того, что гдѣ бы онъ ни сидѣлъ, куда и откуда ни шель, вездѣ и всегда ему чудилось, что строгій ликъ святителя сзади него и беспощадно его преслѣдуетъ, а въ ушахъ явственно слышался суровый голосъ, изрекавшій одно повелѣніе—идти и покаяться. Съ точки зрѣнія психіатріи вообще, это былъ, конечно, не болѣе, какъ интересный фактъ умственного расстройства, обусловленный воспалительнымъ состояніемъ оболочекъ мозга—одинъ изъ видовъ бѣлой горячки; какъ бы то ни было, фактъ этотъ не безынтересенъ и потому, что не сопровождался въ страдальцѣ никакими другими болѣзненными явленіями и совершенно прекратился и исчезъ, какъ только запоздалое покаяніе было принесено, и постылая свобода добровольно была отдана въ обмѣнъ на тюремное заключеніе, тѣлесное истязаніе и вѣчную ссылку. И какъ скоро преступникъ исполнилъ повелѣніе святителя, такъ, по его собственнымъ словамъ, онъ почувствовалъ себя и бодрымъ, и веселымъ, и благополучнымъ, въ виду предстоящаго позорнаго и мучительнаго наказанія и затѣмъ каторги.

Еще въ отрочествѣ мы слышали этотъ разсказъ, потомъ въ юности, глубоко интересуясь имъ, нашли случай услышать въ общихъ чертахъ подтвержденіе его достовѣрности, въ которой, поэтому, и не имѣемъ основаній сомнѣваться. Въ нашей памяти, какъ будто это было вчера, онъ неизгладимо врѣзался со словъ давно уже усопшаго іерея, Іоанна Филипповича Платонова, бывшаго въ 40-хъ годахъ настоятелемъ Никольской церкви и знавшаго всѣ подробности описаннаго происшествія отъ своего престарѣлаго причетника, который былъ его современникомъ, и при которомъ случился какъ самый фактъ святотатства, такъ и покаянія въ немъ.

Церковь Ирины Мученицы хранитъ преданіе, связанное съ эпохою французскаго нашествія на Москву и удостоверяющее, что храмъ этотъ, благодаря распорядительности тогдашнихъ своихъ священника и дьякона, счастливо избѣжалъ разграбленія отъ доблестныхъ сыновъ великой арміи и, по отшествіи ихъ изъ Москвы, на другой же день могъ возобновить благоговѣйное богослуженіе. Настоятель церкви, Стефанъ Алексѣевъ, совмѣстно съ дьякономъ Василіемъ Тимоеевымъ, не были изъ числа людей, слѣпо довѣрявшихъ Ростовчинскимъ прибауткамъ, а руководились собствен-

нымъ здравымъ смысломъ, и на этомъ основаніи находили вполне возможной отдачу Москвы французамъ. И какъ только началась въ столицѣ сумятица, предвѣщавшая роковое событіе, они прекратили службу въ церкви, отпустили дьячка съ пономаремъ въ отъѣздъ къ роднымъ, подальше отъ опасности, а сами, вдвоемъ, заперлись въ церкви и принялись за работу. Снявъ нѣсколько тяжелыхъ плитъ каменнаго пола, они выкопали глубокую яму въ родѣ погреба, снимали все сколько нибудь цѣнныя иконы, паникадила, лампы, подсвѣчники, священные предметы богослуженія, лучшія облаченія, сосуды и пр. и пр., все это сложили въ яму и, засыпавъ сверху землю, снова прикрыли плитами, такъ что не знающему рѣшительно невозможно было догадаться о мѣстонахожденіи импровизованной церковной ризницы. Совершивъ этотъ служебный и патріотическій подвигъ, они заперли храмъ; священникъ, человекъ женатый и семейный, поспѣшилъ уѣхать изъ Москвы, а дьяконъ, въ качествѣ престарѣлаго, одинокаго вдовца, рѣшившись остаться въ Москвѣ на волю Божию, отправилъ только проживавшую у него 6-лѣтнюю внучку въ болѣе безопасное мѣсто къ роднымъ, церковные ключи зарылъ въ своемъ саду и остался дожидаться незваныхъ гостей. Скоро пришли и они, не миновали и Ирининскихъ палестинъ, набрали и на 70-лѣтняго старца-дьякона, по его одеждѣ догадавшись, что имѣютъ дѣло съ церковникомъ. Начались разпросы, допросы: что въ церкви, гдѣ ключи, гдѣ церковныя деньги? Старикъ отвѣчалъ, конечно, больше мимикой и жестами, что онъ не попъ, а дьяконъ, что ключи у попа, а самъ онъ уѣхалъ далеко и все церковное имущество и деньги увезъ съ собой. Не повѣрили, разбили двери: въ самомъ дѣлѣ, церковь оказалась почти опустошеною, такъ что, кромѣ какъ мѣстомъ для постоа, ничѣмъ не могла послужить легкомысленному врагу. Но дьякона на этомъ не оставили въ покоѣ, а, не взирая на его возрастъ, держали у себя на побѣгушкахъ, то и дѣло отягощая всевозможными порученіями и посылками то къ одному, то къ другому начальнику, то въ одинъ, то въ другой конецъ города. И все это, какъ рассказывалъ самъ дьяконъ лицамъ, отъ которыхъ мы это слышали, дѣлалось вовсе не изъ обдуманной жестокости, а скорѣе ради издѣвательства и помыканья, даже безъ особенной надобности, а иногда такъ просто ради потѣхи. Случалось, напримѣръ, дьякону на своихъ 70-лѣтнихъ плечахъ таскать мѣшки съ землей куда нибудь или на Воробьевы горы, или къ Даниловскому монастырю, для передачи въ какой нибудь, указанный насмѣшниками, отрядъ, а тамъ его съ мѣшкомъ гнали по шеѣ, и онъ, бѣдный, не исполнивъ порученія и не смѣя бросить порученной ноши, долженъ былъ тащить ее и весь обратный путь, для сдачи по принадлежности. Бывало, что его и колачивали за неисполненіе какого нибудь подобнаго

порученія, но бывало, что и винцомъ потчевали, и кормили самыми лучшими яствами, какія только у самихъ случались. А передъ выходомъ изъ Москвы, когда онъ, прихворнувъ, лежалъ въ церковной сторожкѣ, то многіе даже прощаться съ нимъ приходили, уже совѣмъ готовыми въ дорогу, то-есть съ наверхенымъ на себя всевозможнымъ хрунемъ, и нѣкоторые даже прослезились, не то подъ впечатлѣніемъ разставанья съ безотвѣтнымъ старикомъ, который безропотно переносилъ всѣ ихъ сумасбродства, не то при видѣ его старческой безпомощности. Его, впрочемъ, эти-то прощальные визиты и подняли на ноги лучше всякаго лекарства: враги бѣгутъ, значить, свои на порогъ. Такъ дѣйствительно и оказалось: священникъ, на основаніи случайно достигшихъ до него слуховъ, счелъ не лишнимъ изъ своего отдаленнаго убѣжища перебраться поближе къ Москвѣ и на другой же день по выходѣ непріятеля былъ уже у себя въ домѣ, ничуть не пострадавшемъ за время его отсутствія. Немедленно принялись они съ дьякономъ за выемку изъ ямы спасенныхъ въ ней сокровищъ, съ помощью приходскихъ людей установили ихъ на прежнія мѣста, и на слѣдующій же день съ Ирининской колокольни раздался благовѣстъ свободы—первый въ окружности, по крайней мѣрѣ, на 10 верстъ. Народъ устремился на давно неслышанный звонъ во множествѣ, послѣ службы начались многочисленные молебны, и это было первою наградой священнослужителямъ за ихъ ревность ко храму Божію. Впослѣдствіи священникъ былъ награжденъ и болѣе существенно отъ епархіальной власти, а дьяконъ, за нимѣніемъ чѣмъ бы его видимо наградить, удовольствовался отраднымъ сознаніемъ честно исполненнаго долга. Судьба, однако, оказалась и къ нему справедливой, хотя не въ его лицѣ, а въ лицѣ его потомства: состарившись до дряхлости, онъ уже при Филаретѣ, тогда еще архіепископѣ, вынужденъ былъ отказаться отъ службы. И что же? Той самой внучкѣ его, которую онъ выпроводилъ отъ себя передъ вступленіемъ непріятеля въ столицу, выпало на долю успокоить престарѣлаго дѣда въ послѣдніе годы его жизни: Филаретъ, уже знавшій о его подвигѣ, съ почтеніемъ отнесся къ его ходатайству объ устройствѣ ея судьбы, предоставивъ ея будущему мужу мѣсто, покидаемое ея дѣдомъ. За женихомъ для 17-лѣтней сиротки дѣло не стало, и она въ скоромъ времени сдѣлалась дьяконицей и хозяйкой того самаго дома, гдѣ росла подъ надзоромъ дѣда, а черезъ 14 лѣтъ мужъ ея поставленъ былъ и во священники къ той же церкви и настоятелемъ ея прослужилъ свыше 30 лѣтъ, скончавшись 70-лѣтнимъ старцемъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Что же касается самой внуки діакона Василя Тимошеева, ей суждено было дожить безболѣзненно до самой глубокой старости и также безболѣзненно, отъ одной лишь старости, скончаться всего лишь нѣсколько лѣтъ назадъ, послѣ 83-хъ-лѣтней

жизни, изъ которыхъ около 60 лѣтъ она прожила при одной и той же церкви то внукой, то женой дьякона, то супругой настоятеля. Рѣдкій случай: на 60-ти годахъ жизни перемѣнить всего двѣ квартиры, и то въ сосѣднихъ переулкахъ, не выѣзжая ни изъ прихода, ни изъ околотка.

Ирининская церковь, какъ, по крайней мѣрѣ, мы знали ее четверть вѣка назадъ, едва ли не одна изъ всѣхъ московскихъ церквей отличалась двумя особенностями: каменнымъ изваяніемъ Спасителя въ темницѣ и отдѣльною, замкнутою отъ постороннихъ глазъ и ушей, исповѣдальней. Какъ извѣстно, въ болѣе части нашихъ церквей таинство исповѣди совершается въ обстановкѣ, далеко не соответствующей его достоинству и смыслу: обыкновенно для сей цѣли водружаются гдѣ нибудь въ уголкѣ, неподалеку отъ алтаря, маленькія ширмочки, за которыми и помѣщаются аналой и самъ духовный отецъ; изъ атакующей ширмы толпы исповѣдниковъ, не всегда успѣвающихъ проникнуться важностью минуты и всегда норовящихъ поскорѣе отбыть эту религиозную повинность, одинъ чуть не переступаетъ за ширмы еще въ то время, какъ духовникъ бесѣдуетъ съ кающимся; остальные толкуются, отвоевывая каждый ближайшую къ импровизованной исповѣдальнѣ позицію. Происходитъ то же неблаголѣпное явленіе, которое можно наблюдать въ любомъ храмѣ, когда прикладываются ко кресту, евангелію, образу и т. п. Все это препятствуетъ и духовнику, и кающемуся надлежащимъ образомъ сосредоточиться, да къ тому же прибавляется и еще важное неудобство—для исповѣдника опасеніе, что грѣхи, имъ исповѣдуемые, легко могутъ сдѣлаться достояніемъ окружающей его толпы, а для самой этой толпы—необходимость во что бы то ни стало узнавать чужіе грѣхи, ибо шепотъ, раздающійся за ширмами, волей-неволей достигаетъ ушей, не подверженныхъ пороку глухоты. Все это, конечно, стѣсняетъ свободу исповѣди и, такъ сказать, профанируетъ величайшее изъ таинствъ Христовой церкви, и все это, какъ мы знаемъ, радикально устранялось въ Ирининской церкви очень простымъ обстоятельствомъ, что для исповѣди отведена была небольшая темная комната, примыкавшая къ одному изъ придѣльныхъ алтарей и выходившая дверью въ арку, которою соединяется главный храмъ съ своими придѣлами. Толщина стѣнъ, при условіи плотно замкнутой двери, вполне гарантировала тайну исповѣди отъ вольнаго и невольнаго любопытства, и мы знаемъ, что множество народа даже изъ другихъ приходовъ ходило на исповѣдь въ эту церковь на основаніи такого именно соображенія. Въ этой же самой аркѣ, на противоположной ей сторонѣ, устроенная въ стѣннѣ ниша съ желѣзной рѣшеткой изображала темницу, въ которую отведенъ былъ Спаситель передъ страданіями своими. Каменное изваяніе Спасителя, чуждое всякой художественности и изящества,

сдѣланное, очевидно, руками ничуть не искусными, помѣщенное въ глубокой нишѣ, глядѣвшей въ полу-темную арку, производило оригинальное, тоскливо-гнетущее впечатлѣніе. Впрочемъ, оно замѣнялось нерѣдко и другими чувствами: религиозное усердіе не по разуму со стороны не слишкомъ просвѣщеннаго благочестія, помимо возжиганія предъ изваяніемъ лампадокъ, украшало главу Спасителя крестиками и образками на цѣпочкахъ, ленточкахъ и тесемочкахъ и даже просто цѣпочками, ленточками и тесемочками безъ образковъ и крестиковъ; плечи Его покрывали полотенцами, платками, холстами и даже салфетками. Неоднократно заходила даже рѣчь объ уничтоженіи «темницы», но такъ какъ дѣло было при Филаретѣ, то и побоялись заявлять ему даже объ ея существованіи, ибо онъ, по своему обычаю, началъ бы докапываться до сути дѣла, разыскивать, когда, кѣмъ и, главное, при комъ эта «темница» устроена, и изваяніе въ ней помѣщено. Отзывомъ же, что дескать неизвѣстно, отъ него трудно было отдѣлаться, ибо, разъ настоятель далъ такое объясненіе, митрополитъ непременно спросилъ бы: а почему же ты, поступая къ этому храму въ священники, не указалъ мнѣ на ея нахожденіе въ церкви? Настоятелю на это нечего бы было отвѣтить, кромѣ «виновать, владыко», ибо онъ поступалъ въ священники изъ приходскихъ же дьяконовъ, еще раньше цѣлыя 15 лѣтъ созерцая и «темницу», и изваяніе Спасителя съ навѣшанными на немъ приношеніями; такъ и рѣшено было, по совѣщаніи съ благочиннымъ, оставить все постарому, и только на случай, если будетъ архіерейское служеніе, скрывать темницу съ изваяніемъ отъ архіерейскаго ока дверью, каковая и была изготовлена.

Въ исторіи Богоявленской церкви обращаютъ на себя вниманіе два факта: первый изъ нихъ, уже ранѣе нами упомянутый, состоитъ въ томъ, что Елохово, а слѣдовательно и Богоявленскій приходъ, были родиною великаго подвижника святой жизни, дивнаго московскаго и всея Россіи чудотворца, Христа ради юродиваго Василія Блаженнаго; второй, что этотъ же приходъ былъ родиною и перваго великаго русскаго поэта, А. С. Пушкина. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и мраморная доска, утвержденная на стѣнѣ дома братьевъ Клюгиныхъ, еще на нашей памяти принадлежавшаго графамъ Шуваловымъ, указывающая, что въ этомъ именно домѣ, въ 1799 г., получила бытіе наша поэзія. Впрочемъ, долго уже спустя послѣ того, какъ прибили эту доску, нѣкоторые изслѣдователи московской старины заподозрѣли правдивость ея указанія, начали рыться въ различныхъ историческихъ документахъ и дорылись, помнится, до новаго свѣдѣнія, что вовсе не въ этомъ домѣ родился Пушкинъ, и хотя на той же Нѣмецкой улицѣ, но гораздо ближе къ Покровкѣ, противъ самаго Нѣмецкаго рынка, на дворѣ того самаго дряннаго домишки, въ которомъ нынѣ помѣщается грязная

извозчицья харчевня. Въ то время, когда печаталось (помнится, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ») это опроверженіе на мраморную доску съ ея надписью, дѣло казалось, по крайней мѣрѣ авторамъ опроверженія, до того яснымъ, что мы такъ и думали, что вотъ сейчасъ сорвутъ съ Клюгинскаго дома мраморное украшеніе и водрузятъ его у замазанной и захватанной двери мужицкой харчевушки; но мы ошиблись, официально Пушкинъ и доселѣ признается родившимся, попрежнему, въ домѣ Клюгиныхъ, ибо доска и посейчасъ на томъ же мѣстѣ.

О Покровскомъ соборѣ свѣдѣнія общеизвѣстны: сначала онъ былъ церковью села Рубцова-Покровскаго, ставшаго при династіи Романовыхъ «государевымъ» или «дворцовымъ», и такъ какъ село это, стоявшее на полпути по дорогѣ отъ Кремля къ Измайлову и его Звѣринцу, не лишено было красоты мѣстоположенія, раскидываясь по отлогимъ, лѣсистымъ берегамъ Яузы, то и понравилось царю Алексѣю Михайловичу, который поставилъ въ немъ небольшой деревянный дворецъ и нерѣдко наѣзжалъ туда, а бывая тамъ, постоянно въ этой церкви и на богослуженіяхъ присутствовалъ. Позже село стало излюбленнымъ загороднымъ пріютомъ его царственной внуки Елисаветы Петровны, и его соборъ опять вошелъ въ славу, ибо и государыня, и весь дворъ вмѣстѣ съ нею были обычными въ немъ богомольцами. Миновала мода на село, забыть былъ и соборъ, вскорѣ перешедшій на скромное положеніе приходской, и притомъ весьма небогатой, церкви, въ каковомъ и пребывалъ неизмѣнно до начала 60-хъ годовъ. Тутъ судьба улыбнулась, по крайней мѣрѣ, его причту: Сокольническіе дачники, состоявшіе номинально прихожанами этой церкви, но на самомъ дѣлѣ ея почти не знавшіе, задумали соорудить среди Сокольничьей рощи храмъ во имя новоявленнаго угодника св. Тихона Задонскаго. Митрополитъ Филаретъ объяснилъ имъ, что храмъ строить онъ ихъ благословляетъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ былъ причисленъ къ Покровской церкви, въ приходѣ которой они уже состоятъ, и чтобы въ новосозданномъ храмѣ богослуженія совершались и требы исправлялись тѣмъ же причтомъ Покровской церкви. Такъ и сдѣлалось, и съ той поры захудалый причтъ забытаго собора увидалъ лучшіе дни, которыми и наслаждался до самаго перечисленія Покровской церкви въ составъ Покровской общины сестеръ милосердія, основанной на мѣстѣ Елисаветинскаго дворца и сада.

XVIII.

Характеръ и наружность Елоховской Покровки. — Патріархальные нравы ея населенія. — Народные концерты на открытомъ воздухѣ. — Любовь къ нимъ простонародья. — Характеръ и наружность послѣдняго участка Покровки, отъ Гаврикова переулка до Яузы. — Улицы Большая, Средняя и Нижняя древняго села Покровскаго-Рубцова. — Патріархальность мѣстности. — Крушеніе Долгоруковской коляски. — Переведеновка и ея происхожденіе. — Чумные богачи. — Особенность Переведеновскихъ построекъ. — Пожары. — Ростъ Переведеновки. — Рязанская товарная станція.

Если по непрерывной суетливости движенія, по вѣчной суетлукѣ, по многолюдству и оживленности, Покровка напоминаетъ столичную улицу лишь до Землянаго вала, то, всетаки, по солидности и даже изрѣдка по великолѣпію построекъ достойна сопчисленія къ столичнымъ улицамъ и вся Старая Басманная, которая не уступить, напимѣръ, ни Кирочной, ни Фурштатской, ни Шпалерной и другимъ подобнымъ петербургскимъ улицамъ. Но вотъ часть отъ Разгуляя и до Гаврикова переулка, т. е. вся Елоховская Покровка, носитъ уже совѣмъ иной характеръ: зданія не такъ громадны и однообразны по размѣрамъ, и то и дѣло рядомъ съ огромнымъ каменнымъ домомъ ютится крошечный деревянный; чаще и чаще позади домовъ выглядываетъ густая зелень ихъ садовъ, а то и прямо на улицу свѣшиваются тяжелыя вѣтви тополей и березъ, среди которыхъ теряются и домъ, и всѣ принадлежащія къ нему строенія. Чаще и чаще, наконецъ, высатся трехъ-и-четырёхъэтажные неуклюжіе корпуса фабрикъ, которыми, начиная отъ Елохова и кончая Покровскимъ мостомъ, кишмя кишать и Покровка, и прилегающіе къ ней улицы и переулки. Въ общемъ Елоховская Покровка носитъ характеръ никакъ не столичной улицы и съ удобствомъ могла бы быть перенесена въ любой изъ подмосковныхъ губернскихъ городовъ, да и тамъ, напимѣръ, въ Твери Милліонная, въ Тулѣ Дворянская—превзойдутъ ее и великолѣпіемъ зданій, и чистотою, и опрятностью содержанія, а ея тезку, Нижегородскую Покровку, странно было бы и отдаленно сравнивать съ ней, такъ что и въ этихъ городахъ она бы годилась развѣ во второстепенныя улицы. Даже и движеніемъ она слишкомъ бойкимъ похвалиться не можетъ: оживляется она лишь два раза въ день, раннимъ утромъ отъ 7 до 10 часовъ, да сумерками, отъ 6 до 8, когда населеніе Семеновскаго, Преображенскаго, Черкизова, Измайлова и др. пригородныхъ селеній спѣшитъ черезъ всю ея шестиверстную ленту утромъ—въ городъ, вечеромъ—изъ города, кто на конкѣ, кто на линейкѣ, кто на извозчикѣ или своей лошади, а кто и на своихъ на двоихъ. Въ эти часы дня ея тротуары бывають переполнены пѣшеходами, линеечныя клячи несутся словно на скачкахъ, а конки скрипятъ

подъ тяжестью каждая свыше чѣмъ полсотни пассажировъ, сидящихъ и на имперіалѣ, и другъ на дружкѣ, стоящихъ и внутри вагоновъ, и на ихъ площадкахъ, и на ихъ ступенькахъ. Но минуютъ эти часы, и вся улица, какъ бы утомленная только-что испытаннымъ нервическимъ возбужденіемъ, впадаетъ въ обычное забытѣе, погружаясь въ какое-то сонливое настроеніе, нарушаемое изрѣдка проѣзжающимъ экипажемъ или черезъ силу плетущеюся изъ города съ двумя-тремя пассажирами линейкой, съ тѣмъ, чтобы снова, съ наступленіемъ сумерекъ, испытать тотъ же непродолжительный, но лихорадочный припадокъ возбужденія и оживленія. Въ остальное же время, т. е. большую часть дня, про Елоховскую улицу можно сказать приблизительно то же, что сказалъ Тургеневъ про какой-то уѣздный городъ, что его жители притворяются, будто живутъ, а торговцы притворяются, будто торгуютъ. Не знаемъ, какъ теперь, но лѣтъ 20—25 назадъ не рѣдкость было встрѣтить на этой улицѣ безмятежно разгуливающими то свинью, то пѣтуха съ ихъ семействами, а у заборовъ цѣлыя колоніи мальчишекъ, сражавшихся и въ конь, и въ конь-за-конь, и въ каретку, и въ другія игры, извѣстныя подъ общимъ терминомъ бабокъ.

Обыватели вполне сообразовались съ этимъ характеромъ мѣстности, и нисколько не казалось страннымъ встрѣтить, на примѣръ, почтеннаго купчину, богатаго домовладѣльца, возсѣдающимъ на скамеечкѣ у своихъ воротъ, лѣтнимъ вечеркомъ, въ халатѣ и туфляхъ на босу ногу или, съ полотенцемъ черезъ плечо, отправляющимся въ томъ же костюмѣ купаться на Язуу или на Красный прудъ, то-есть за добрую версту разстоянія.

Во всемъ сказывалось, что обыватели еще не освоились съ принадлежностью къ составу столичнаго населенія и продолжаютъ вести и держать себя, какъ сельчане прежняго подмосковнаго села. Въ переулкахъ лѣтними вечерами цѣлыя гурьбы окрестной молодежи то и дѣло сходились въ хороводы и, не тревожимые полиціей, распѣвали по цѣлымъ часамъ народныя пѣсни, а то такъ развлекались игрой въ горѣлки и т. п. незатѣйливыми забавами. У каждаго воротъ по вечерамъ сосредоточивалась болѣе или менѣе живописная обывательская группа: это все населеніе двора, какъ и доселѣ дѣлается по деревнямъ и селамъ, высыпало на улицу подышать свѣжимъ воздухомъ, покалякать о томъ о семъ съ сосѣдомъ, позаняться отъ него какиминибудь новостями и подѣлиться съ нимъ своими. Такому складу жизни не мѣшало, а, напротивъ, даже способствовало въ тѣ добрыя старыя времена и изобиліе фабрикъ, фабричекъ и различныхъ мелкихъ мастерскихъ, которыми тогда, какъ и теперь, были богаты Елохово и его окрестности: по окончаніи дневныхъ работъ, послѣ ужина, фабричныя и мастеровыя собирались на своихъ дворахъ или же за воротами, на

улицъ, гурьбой и подъ аккомпаниментъ гармоніи часокъ-другой распѣвали пѣсни, да такія, что ихъ нерѣдко заслушивалось и разборчивое ухо, которое слышало и настоящихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Были даже сборные пункты, гдѣ каждый вечеръ устраивалась импровизованная сходка особенно ретивыхъ охотниковъ до такихъ вокальныхъ развлеченій: однимъ изъ этихъ пунктовъ былъ обширный лугъ на землѣ Дворцоваго сада, между усадьбой бывшей графовъ Бутурлиныхъ и зданіемъ бывшаго Лефортовскаго дворца, какъ разъ противъ Лефортовскаго частнаго дома. Сюда сходились, цѣлыми сотнями, такіе любители пѣнія, которые болѣе или менѣе смыслили въ немъ, и стройность, съ какою они исполняли различные нумера изъ репертуара народныхъ пѣсенъ, могла бы сдѣлать честь любому вымуштрованному пѣвческому хору: здѣсь можно было воочию убѣдиться, до какой степени музыкаленъ нашъ народъ, и какое неисчислимое богатство вокальныхъ талантовъ гибнетъ среди него въ душевной атмосферѣ фабрикъ и мастерскихъ, трактировъ и кабаковъ, исчезая безслѣдно, невѣдомое и не признаваемое никѣмъ и въ грошъ не цѣнимое самими его обладателями.

Теперь, если не ошибаемся, эти концерты на вольномъ воздухѣ уже не существуютъ: полицейская власть признала ихъ явленіемъ, не соответствующимъ духу времени и не согласнымъ съ требованіями уличной благопристойности. Соглашаемся, что концертъ изъ нѣсколькихъ сотъ простолудиновъ, да еще такой, который ласкаетъ ухо, а не деретъ его, да еще на открытомъ воздухѣ, представляетъ зрѣлище весьма оригинальное, возможное, пожалуй, только въ Москвѣ, да притомъ въ такой ея мѣстности, гдѣ свѣжо преданіе о царственной пѣвицѣ, распѣвавшей въ своемъ «селѣ Покровскомъ, среди улицы большой», ею же самой сочиненную пѣсню. Но не можемъ не удостовѣрить, въ качествѣ безпристрастныхъ свидѣтелей, многократно присутствовавшихъ на этихъ концертахъ, что они всегда отличались, не говоря уже о совершенной трезвости пѣвцовъ, не только безупречной чинностью, но даже какъ бы чопорностью исполнителей; составъ пѣвцовъ и пѣвицъ былъ самый разношерстный: и фабричные, и мастеровые, и низшаго разбора приказчики, и поденщики, и солдаты—но всѣ они, очевидно, сознавали, отправляясь на вокальную сходку, что идутъ на дѣло, не лишенное серьезности, и являлись туда отнюдь не растерзанными, какими многіе изъ нихъ, безъ сомнѣнія, привыкли быть въ обиходѣ повседневной жизни, но болѣе или менѣе приваряженными и подтянувшимися. Участокъ Покровки отъ границъ Елохова до Яузы еще менѣе напоминаетъ столичную улицу, и если Елохово годится хотя на задній планъ въ губернской городъ, то Покровское развѣ въ хорошій уѣздный, гдѣ бы, пожалуй, и могло не безъ достоинства играть роль центральной мѣстности. Кто знакомъ съ хорошими, зажиточ-

ными уѣздными городами въ родѣ, напримѣръ, Коломны, Серпухова, Клина и т. п., тотъ, проѣзжая отъ Гаврикова переулка до Покровскаго моста, и теперь легко можетъ испытать иллюзію, вообразивъ, что онъ ѣдетъ не по одной изъ московскихъ улицъ, а по главной улицѣ какого либо изъ этихъ городовъ. Иллюзія возможна тѣмъ болѣе, что и сама Покровка въ этой мѣстности получаетъ названіе просто Большой улицы, сохраняя его, очевидно, отъ той эпохи, когда была главною улицей села. Это подтверждается и существованіемъ, параллельно съ нею, двухъ боковыхъ улицъ, Средней и Нижней, изъ коихъ первая имѣетъ добавочное прозвище Ирининской, а вторая—Хапиловской. Что касается послѣдняго прозвища, въ поясненіе его не имѣемъ сказать ничего: извѣстно, что названіе Хапиловскаго носитъ прудъ, на которомъ расположено Преображенское кладбище, и носитъ его потому, что запруженъ изъ рѣчки Хапиловки, той самой, изъ которой запруженъ и прудъ при Измайловской военной богадѣльнѣ, и которая, протекая отъ нея по задамъ Черкизова, изъ Хапиловскаго пруда стекаетъ маленькимъ ручейкомъ черезъ Лаврентьевскую улицу, въ Преображенскомъ, и между усадьбами купцовъ Алексѣевыхъ и Гучковыхъ впадаетъ въ Язу. Имѣетъ ли эта рѣчка съ своимъ прудомъ отношеніе къ улицѣ, пролегающей отъ Дворцоваго сада и Лефортовскаго дворца до центра бывшаго села Покровскаго, то-есть до нынѣшней Покровской общины, и если имѣетъ, то какое именно—намъ не удалось добыть свѣдѣній, а догадки на этотъ счетъ не совѣмъ удобны, такъ какъ рѣчка Хапиловка съ своимъ прудомъ въ Преображенскомъ раздѣлены отъ улицы Хапиловки въ Покровскомъ чуть не верстою разстоянія и цѣлою Язвой, составлявшею нѣкогда прочную границу между Покровскимъ съ одной стороны и Преображенскимъ и Семеновскимъ съ другой, и потому естественныхъ точекъ соприкосновенія между собою имѣть не могли.

Что касается прозвища Ирининской, присоединяемаго къ Средней улицѣ, оно объясняется тѣмъ, что она пролегаетъ отъ Нѣмецкаго рынка къ Никольской церкви мимо Ирининской, отъ которой, безъ сомнѣнія, и наименование получила. Впрочемъ, оба эти добавочныя прозвища больше, такъ сказать, оффиціальныя, чѣмъ народныя и общеупотребительныя: въ просторѣчьи, отъ мѣстныхъ обывателей, вы рѣдко ихъ услышите, и всѣ три улицы такъ доселѣ и слывуть Большою, Среднею и Нижнею, какъ обозначались въ то время, когда составляли единственные три радіуса отъ центрального пункта села, Покровскаго собора, къ пограничнымъ съ его землею: пустоши Коровій бродъ (что нынѣ пустынная и не длинная улица, на которой только и стоятъ два зданія Лефортовскаго да Слободскаго—нынѣшнее Техническое училище—дворцовъ), Нѣмецкому рынку и Гаврикову переулку.

Не слишкомъ давній сельскій характеръ мѣстности въ Покровскомъ еще замѣтнаѣ, чѣмъ въ Елоховѣ: до послѣдняго времени изъ помянутыхъ трехъ улицъ одна только Большая и вымощена-то была и снабжена каменными тумбами. Средняя же и Нижняя не дальше 15—20 лѣтъ назадъ утопали въ сухую пору въ пыли и навозѣ, а въ дождливую—въ грязи, и на большей части ихъ протяженія обыватели, не затрудняя себя устройствомъ троттуаровъ, только намѣчали то пространство, какое они готовы бы были отвести подъ нихъ, отгораживая его отъ домовъ и заборовъ изрѣдка врытыми въ землю деревянными столбиками, предназначенными изображать тумбы. Столбики эти то и дѣло подгнивали и рассыпались гнилушками, или похищались наибѣднѣйшими изъ самихъ же обывателей для отопленія ихъ убогихъ жилищъ, и въ такомъ случаѣ оставляли послѣ себя яму, не слишкомъ глубокую, но все же достаточную для того, чтобъ въ вечернемъ мракѣ или ночной тьмѣ попасть въ нее ногой и оказаться съ переломомъ, вывихомъ или, по крайней мѣрѣ, ушибомъ. Особенно выдающимися по своей первобытной дикости долго оставались два Ирининскіе переулка, 1-й и 2-й, или, въ просторѣчїи, Поповъ и Дьяконовъ, такъ какъ въ одномъ изъ нихъ стоялъ домъ священника, а въ другомъ дьякона Ирининской церкви. Оба они предназначены были соединять Среднюю улицу съ Нижней и располагались по склону довольно крутой горы, на вершинѣ которой, между ними, и стояла церковная усадьба съ церковью, церковными избой, сараемъ и богадѣльней. Но такъ какъ они не имѣли ни мостовыхъ, ни троттуаровъ, ни фонарей и, сверхъ того, спускались по косогору, то и можно понять, какого рода пути сообщенія они представляли собою даже лѣтомъ, въ сухую пору, что же бывало въ нихъ весной, осенью и особенно зимой, при наличности снѣжныхъ сугробовъ и обледенѣлыхъ тропинокъ, для отважныхъ путешественниковъ, того ни изобразить, ни понять съ надлежащею ясностью невозможно. Достаточно упомянуть, что когда на Нижней улицѣ, въ первые годы генераль-губернаторства князя Долгорукова, случился весной сильный пожаръ, и князь Владиміръ Андреевичъ счелъ нужнымъ самъ посѣтить мѣсто несчастія, то, не смотря на совершенно сухую погоду, его коляска, не привыкшая къ переѣздамъ по такимъ отчаяннымъ захолустьямъ, потерпѣла серьезное крушеніе именно во второмъ изъ названныхъ переулковъ, на крутомъ косогорѣ близъ священническаго дома: не помнимъ, что именно у нея сломалось—ось ли, или рессоры, или колеса, но во всякомъ случаѣ что-то весьма существенное, ибо его сїятельство вынужденъ былъ сойти съ экипажа и четверть версты, отдѣлявшую его отъ пожара, пройти пѣшкомъ. Помнимъ мы и потрясающее впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на мѣстную полицію и на обывателей: первая трепетала за свою судьбу, предвкушая головоломку и даже изгнаніе со службы;

вторые опасались докучных понуждений къ замощенію переулка. Священникъ, какъ первый обыватель переулка, косвенно заинтересованный происшествіемъ и потому, что оно совершилось почти у его воротъ, ударился даже въ историческія изысканія о прошедшей судьбѣ своего переулка и на случай помянутыхъ понуждений добылъ интересныя свѣдѣнія, изъ коихъ явствовало, что и этотъ, и другой переулочекъ неправильно нанесены на планъ Москвы, ибо составляли до нашествія французовъ часть церковной усадьбы и даже съ обоихъ концовъ, и верхняго и нижняго, имѣли ворота, запиравшіяся на ночь церковными сторожами, изъ чего и слѣдовало, по его мнѣнію, что замощенію, и притомъ на обывательскій счетъ, они отнюдь не могутъ подлежать.

Однако, всѣ эти страхи оказались напрасными: князь посмѣялся, пошутить съ частнымъ приставомъ на счетъ дикости стороны, которою онъ завѣдуетъ, дождался приѣзда новаго экипажа и уѣхалъ съ пожара другой дорогой, оставивъ и полицію, и обывателей на жертву недоумѣнію и страху, которые такъ и не оправдались, а любознательнаго священника—на жертву историческимъ изысканіямъ, которыя никогда ни для чего не понадобились, ибо и послѣ того еще долгіе годы оба переулка оставались въ томъ же романтическомъ состояніи первобытной дикости и недоступности для какихъ бы то ни было экипажей, кромѣ водовозныхъ и иныхъ бочекъ, пока, наконецъ, дума не добралась и до этихъ захоlustьевъ и не замостила ихъ на свой счетъ. Не менѣе дикую сторону представляла параллельная Покровкѣ улица съ лѣвой ея стороны, пролегавшая отъ Гаврикова переулка до того же Покровскаго собора и носящая съ конца прошлаго столѣтія названіе Переведеновской, или просто Переведеновки, и даже Переведенки. Прозвище это дано ей, какъ намъ не разъ приходилось слышать отъ старожиловъ этой мѣстности, потому, что на свободныхъ пустыряхъ, къ ней прилегавшихъ со стороны Сокольничьяго поля, были отведены, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ чумы, мѣста для поселенія тѣмъ обывателямъ Покровки, Гаврикова переулка и Нѣмецкаго рынка, которые, напуганные моромъ, занесеннымъ къ нимъ изъ Разгуляя, побросали свои усадьбы и имущество и разбѣжались съ семьями изъ Москвы куда глаза глядятъ. Большая часть ихъ погибла за время нахождения въ этихъ невольныхъ бѣгахъ или отъ той же чумы, или отъ другихъ болѣзней, голода, истощенія, но многіе и уцѣлѣли и, проскитавшись или проживши гдѣ пришлось годъ-другой, и, удостоверившись, что на Москвѣ все по старому спокойно, поспѣшили туда, чтобы вновь водвориться на старыхъ пепелищахъ. Поспѣшили, но опоздали: по минованіи чумы, правительство, какъ извѣстно, приняло энергическія мѣры къ уврачеванію столицы отъ язвъ, нанесенныхъ ея благосостоянію только что пережитымъ ею страшнымъ бѣдствіемъ; и такъ какъ цѣлыя околотки оказались безъ на-

селенія, частію вымершаго, частію разбѣжавшагося, и цѣлые переулки стояли съ пустыми или заколоченными домами безъ хозяевъ, то всѣ такія владѣнія были объявлены выморочными, и въ силу этого начали раздаваться безмездно всѣмъ желающимъ, отъ которыхъ единственно только то и требовалось, чтобы они, получивъ даромъ ту или другую необитаемую усадьбу, обязательно селились на ней для осѣдлаго постоянного жительства. Страхъ чумы, однако, былъ такъ еще великъ въ населеніи, что лишь немногіе смѣльчаки рѣшились воспользоваться предложеніемъ, а такъ какъ выморочною оказывалась весьма значительная часть указанныхъ трехъ мѣстностей, то этимъ немногимъ счастливымъ и удалось получить по весьма обширному куску выморочной территоріи, и это даровое имущество, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, для нѣкоторыхъ изъ нихъ послужило основаніемъ или богатства, или, по крайней мѣрѣ, прочнаго благосостоянія. Этимъ обстоятельствомъ и объясняются обширные и почти одинаковые, притомъ, по квадратной вмѣстимости, размѣры усадебъ на всемъ Нѣмецкомъ рынкѣ, по всему Гаврикову переулку и по всей Покровкѣ отъ Гаврикова до Никольской церкви: очевидно, что вся выморочная территорія была раздѣлена на столько равныхъ участковъ, сколько къ данному сроку оказалось желающихъ ими воспользоваться. Такимъ способомъ получили въ свое владѣніе обширныя недвижимыя собственности: на Нѣмецкомъ рынкѣ—Егорновы, Штанниковы, Лукутины и, если не ошибаемся, Подсолихины; въ Гавриковомъ переулкѣ—Баулины, Щербаковы и Смирновы; на Покровкѣ—тѣ же Смирновы, Аржениковы, Шерстениковы, Щукины, Андреевы, Дроздовы и мн. др. Потомки нѣкоторыхъ изъ нихъ и доселѣ владѣютъ участками, доставшимися ихъ предкамъ по милости чумы: таковы, на примѣръ, фамиліи Штанниковыхъ, Смирновыхъ, Аржениковыхъ и Баулиныхъ. Такъ вотъ, когда всѣ такіе господа уже плотно усѣлись на пожалованныхъ имъ мѣстахъ, начали возвращаться въ Москву изъ безвѣстнаго отсутствія и прежніе ихъ владѣльцы; стали возникать споры и пререканія между старыми и новыми ихъ хозяевами, судьбища и кляузы, которыя и рѣшено было прекратить такимъ способомъ, чтобы по возможности обѣ стороны остались довольными; способъ этотъ былъ найденъ въ отводѣ возвращавшимся обывателямъ новыхъ мѣстъ для поселенія съ боку Покровской улицы, по лѣвой ея сторонѣ считая отъ города, для чего и предназначена была подходившая къ Покровскому часть Сокольничьяго поля, въ ту пору представлявшаго необъятную пустынную равнину отъ Краснаго села до Преображенскаго и отъ Покровскаго до Сокольничьихъ слободъ. По этимъ-то пустырямъ Сокольничьяго поля и расселились вновь недавніе обыватели Покровки, Гаврикова переулка и Нѣмецкаго рынка, какъ бы наказанные судьбою за постыдное бѣгство изъ Москвы во время всенароднаго бѣдствія потерю своихъ преж-

нихъ владѣній. Какъ бы «переведенные» на новое мѣсто съ прежнихъ насиженныхъ гнѣздъ, доставшихся новымъ хозяевамъ, горемыки дали это названіе и всему довольно обширному околотку, который они заняли своими жалкими усадѣбками, окрестивъ его «Переведеновкой» и утвердивъ тоже имя за улицей, пролежавшей по задамъ Покровки и теперь оказавшейся между нею и новымъ «Переведеновскимъ» поселкомъ. Свою Переведеновку они изрѣзали множествомъ переулковъ, переулочковъ и закоулочковъ, застроивъ свои крохотные дворішки жалкими избушками или карточными домиками съ деревянными крышами, и застроивъ до того тѣсно, что едва ли найдется во всей Переведеновкѣ переулокъ, гдѣ бы два встрѣчные обоза не рисковали сцѣпиться колесами, и такой дворъ, на которомъ могъ бы повернуться извозчицй экипажъ. При такомъ характерѣ построекъ и такой тѣснотѣ ихъ распланировки, Переведеновка испоконъ вѣка пользуется нарочитымъ расположеніемъ краснаго пѣтуха, который рѣдкій годъ не навѣщаетъ ея, оставляя каждый разъ болѣе или менѣе замѣтные слѣды своихъ посѣщеній: на нашей памяти, втеченіе послѣднихъ 30—35 лѣтъ, Переведеновка неоднократно выгорала или вся, или значительными частями, и представляетъ ту оригинальную особенность, что даже и пожары не способствуютъ ея украшенью. На другой день послѣ пожара она начинаетъ снова застраиваться безъ всякихъ соображеній о собственной безопасности, и лишь успѣетъ обстроиться съ такою же тѣснотой и съ такимъ же убожествомъ, какъ, глядишь, снова горитъ, чтобъ опять раскинуть точно такія же удобовоспламеняемыя постройки. За это она несетъ на себѣ даже тяжкую кару со стороны страховыхъ обществъ, которыя всѣ согласились причислить ее къ мѣстностямъ, не имѣющимъ права на страхованіе своихъ имуществъ, и вотъ уже который годъ упорно отказываютъ домовладѣльцамъ Переведеновки въ своихъ услугахъ, такъ что имъ остается такъ и жить на бивуакахъ, со связаннымъ на случай пожара въ узлы имуществомъ. Нечего и говорить, что ни о мостовыхъ, ни о тротуарахъ переведеновцы до послѣдняго времени и не мечтали, да и теперь ими подарены лишь главнѣйшіе и наиболѣе проѣзжіе переулки ихъ захоlustья. Нѣсколько цивилизоваться начала эта сторона съ того времени, какъ на границѣ Гаврикова переулка съ Лѣснымъ рядомъ, неподалеку отъ Сокольничьяго шоссе, основалась товарная станція московско-рязанской дороги: съ этой поры московская хлѣбная биржа, какъ извѣстно, перекочевала съ Волота на Рязанскій товарный вокзалъ, по близости котораго пустопорожнія мѣста понадобились тузамъ, королямъ и валаматамъ хлѣбпромышленности подъ склады и амбары, и черезъ какой нибудь годъ-два по открытіи товарной станціи обширные капустные огороды, тянувшіеся по лѣвой сторонѣ Гаврикова переулка противъ Переведенки и отдѣлявшіеся отъ послѣдней обшир-

ною, рѣдко пересыхавшею лужей, которая напоминала цѣлое грязное озеро и способна была (что изрѣдка и случалось) поглотить въ своихъ нѣдрахъ любую извозчичью лошадь съ пролеткой или калиберомъ—огороды эти исчезли безслѣдно съ лица земли, уступивъ свое мѣсто высокимъ, прочно и громоздко выстроеннымъ каменнымъ хлѣбнымъ «лабазамъ», предъ которыми старинные казематы Болотной площади представляются жалкими строенницами; на скамеечкахъ у каждаго лабаза водворились сытые фizioноміи кулаковъ, «дѣлающихъ» хлѣбныя цѣны сначала на всю Москву, а потомъ и на всю Россію; внезапный наплывъ ихъ замоскворѣцкихъ и таганскихъ степенствъ въ это захоlustье вызвалъ къ жизни множество трактировъ, въ которыхъ трудно найти что нибудь удобоснѣдаемое, но чай и водка имѣются самыхъ высокихъ качествъ, ибо ихъ степенства, избалованныя и домашнимъ, и городскимъ трактирнымъ харчемъ, не отваживаются ѣсть Богъ знаетъ въ какихъ трактиришкахъ, безъ чаю же и водки дольше часа обходиться не въ состояніи. А посему и мѣстные трактиры весь свой оборотъ дѣлаютъ главнымъ образомъ на этихъ двухъ статьяxъ, которыми, равно какъ сливками, медомъ и вареньемъ къ чаю да закуской къ водкѣ, поневолѣ и щеголяютъ. Что же касается внѣшности и обстановки этихъ трактирныхъ заведеній, то незнающаго человѣка она или заставитъ пройти мимо любаго изъ нихъ, заподозрѣвъ въ немъ грязную харчевню, или, если уже и случится ему взобраться по лѣстницѣ на верхъ и даже усѣсться на жесткій кожаный стулъ, расположить взяться обратно за шапку, чтобы предаться бѣгству: до того она не казиста и не привлекательна съ своими грязными и дырявыми скатертями и салфетками, съ своими засаленными обоями и некрашеными, заплеваными полами, съ своей инквизиціонной мебелью и закопченными потолками. Но стоитъ ему отвѣдать чашку чаю съ настоящими сливками или закусить водку настоящей же тамбовской ветчиной, онъ, пожалуй, помирится и съ жесткимъ стуломъ, и съ некрашенымъ поломъ, и съ прорѣхой на салфеткѣ...

Вообще Рязанская товарная станція значительно оживила Переведенку и даже способствовала въ нѣкоторой степени подъему ея благосостоянія: о грязномъ озерѣ нѣтъ и помину, ограничивающія ея улицы вымощены и застроены на европейскій ладъ, въ порядочныхъ домахъ поселились приказчики хлѣботорговцевъ и даже «сами» таковыя изъ мелкотравчатыхъ, избушки и лачуги кишать артельщиками, крющниками, поденщиками и т. п. людомъ. Старой Переведенкѣ стало тѣсно, и она начала продвигаться дальше, раскидываясь и къ Сокольникамъ, и къ Преображенскому, соединилась съ поселкомъ, создавшимся вокругъ зданія такъ называемаго «Стараго Газа» (прежній заводъ переноснаго газа), основала свой (по имени Сокольничій) рынокъ, застроила всѣ углы и треугольники, образуемые запасными и соединительными вѣтвями Рязан-

ской желѣзной дороги, и теперь норовить уже заселить все Сокольничье поле, котораго лишь незначительный клочекъ, прилегающій къ Матросской богадѣльнѣ, остается пока свободнымъ отъ сплошныхъ строеній. Но не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ отъ этого еще недавно безконечнаго поля останется одно воспоминаніе, ибо и здѣсь очевиденъ все тотъ же не прекращающійся ростъ города, который замѣчается въ призаставныхъ мѣстностяхъ, и о которомъ мы уже говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ.

XIX.

Фабричный характеръ Елохова и Покровскаго съ ихъ окрестностями.—Мастеряи и мастерички.—Кулачные бои.—Частный приставъ Шишковскій.—Его служебные принципы и отношеніе къ простонародью.—Судьба его служебной карьеры и память о немъ въ народѣ.

Начиная отъ Разгуляя Покровка и ея окрестности принимаютъ постепенно характеръ фабричнаго района, составляя его передовыя линіи, такъ какъ центральные его пункты доселѣ остаются на прежнемъ своемъ исконномъ мѣстѣ, то-есть въ Преображенскомъ и Семеновскомъ, съ ихъ Гучковскими, Носовскими, Балашовскими, Котовскими и другими многими фабричными громадами. Но и въ качествѣ передовыхъ линій Елохово и Покровское, если уступаютъ Преображенскому съ Семеновскимъ въ отношеніи размѣра каждой отдѣльной фабрики, то чуть ли зато не превосходятъ ихъ общимъ количествомъ фабричныхъ заведеній и числомъ рабочаго люда, промышляющаго специально фабричнымъ трудомъ. Такъ, у Богоявленья въ Елоховѣ, противъ самой церкви, издавна существуетъ огромная фабрика Попова, на Красносельской и Ольховской улицахъ стоятъ пять-шесть фабрикъ также значительныхъ размѣровъ, Плетешковскій переулочекъ вмѣстѣ съ Лефортовскимъ и Посланниковымъ имѣютъ каждый по двѣ-по три фабрики довольно крупныхъ размѣровъ; въ Дѣвкинѣ переулкѣ нѣсколько мелкихъ фабрикъ, на Нѣмецкой улицѣ—фабрики Чернышевыхъ, Щаповыхъ, дю-Фурмантель, другихъ Чернышевыхъ—всѣ весьма большихъ размѣровъ; въ Кирочномъ переулкѣ, рядомъ съ Лефортовской частью, фабрика Бородина, за частнымъ домомъ—Матвѣева, Кондрашева (въ домѣ бывшемъ графовъ Бутурлиныхъ) и Соколова—всѣ весьма крупныхъ размѣровъ; на Коровьемъ броду, рядомъ съ техническимъ училищемъ, Молодцовыхъ; близъ Гаврикова переулка на Покровкѣ—Богомоловыхъ, далѣе, за Гавриковымъ—Терентьевыхъ, Исаковыхъ и братьевъ Чикиныхъ, на углу Рыкова переулка и Сокольничьяго поля—Назаровыхъ, на Нижней Хапиловской улицѣ—Зубовыхъ, Гивартовскаго, Смирнова, Свѣшникова, Бочина и Гуч-

кова, и у самого Покровского моста—братьевъ Алексѣевыхъ. Всѣ перечисленные здѣсь заведенія имѣютъ каждое по нѣскольку сотъ рабочихъ, да между ними ютятся десятками мелкія фабрички, имѣющія каждая не свыше ста рабочихъ; что же касается такъ называемыхъ «мастерковъ», то-есть мелкихъ антрепренеровъ, получающихъ съ фабрикъ сырой матеріалъ и отработывающихъ его, на свой рискъ и страхъ, у себя на дому и своими рабочими, то такихъ полу-фабрикантовъ на каждую фабрику придется, по крайней мѣрѣ, по десятку, и есть цѣлые околотки, гдѣ добрая половина населенія и состоитъ изъ такихъ антрепренерчиковъ и ихъ работниковъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить массу женскихъ мастерскихъ, составляющихъ какъ бы филиальныя, хотя и вполнѣ независимыя, заведенія при фабрикахъ: ленточницы, бахромщицы, карасницы (отъ караса, инструмента, на которомъ производится работа) и др. т. п. образуютъ собою цѣлыя рабочія группы, которыхъ при каждой значительной фабрикѣ считается по нѣскольку. Такимъ образомъ, если полагать населеніе Елохова и Покровскаго въ числѣ отъ 30 до 40 тысячъ, то, въ виду значительнаго количества фабрикъ и однородныхъ съ ними мелкихъ заведеній, по крайней мѣрѣ половину этой цифры нужно удѣлить на лицъ обоего пола специально фабричныхъ профессій: вотъ тѣмъ и объясняется кажущаяся пустыньность и малонаселенность этой мѣстности. Втеченіе всѣхъ шести рабочихъ дней половина населенія, около $\frac{3}{4}$ сутокъ запертая на работѣ, понятное дѣло, не видна на улицѣ, а остальную $\frac{1}{4}$, приходящуюся на вечеръ и ночь, ей тѣмъ болѣе не до разгуливанія по панелямъ, а развѣ до отдыха на койкѣ. За то воскресные и праздничные дни Елохова и Покровскаго отличаются рѣдкимъ оживленіемъ: трактиры и кабаки по цѣлымъ днямъ держатся какъ въ осадѣ, на тротуарахъ нѣтъ прохода отъ «публики», притомъ самой «сѣрой», полиція теряетъ голову, всюду слышится традиціонная гармонья подъ аккомпаниментъ полупьяныхъ пѣсень, фабричная сволочь даетъ полную свободу своему непристойному жаргону, и горе добропорядочному обывателю, если онъ, особенно подъ вечерокъ, вздумаетъ прогуляться съ женой, сестрой, дочерью по оживленной улицѣ, не заткнувши имъ крѣпко-на-крѣпко ушей ватой.

Въ старину, и не весьма отдаленную, это праздничное одушевленіе, возроставшее съ утра до вечера равномернымъ *crescendo*, въ сумерки обыкновенно разрѣшалось историческою забавой московскаго простонародья: разумѣемъ кулачные бои, или такъ называемыя стѣнки, устраивавшіяся иногда прямо на улицѣ, иногда въ прилегающей къ Покровкѣ части Сокольничьяго поля, а всего чаще въ Преображенскомъ, на Генеральной и параллельныхъ ей Суворовской, Божениновской улицахъ, и на улицѣ, доселѣ носящей названіе Девятой роты, выходящей на самый Камеръ-Коллеж-

скій валъ, противъ воротъ и стѣны знаменитаго въ то время притона Фодосѣвской безпоповщины—Преображенскаго кладбища. На этихъ улицахъ, всегда пустынныхъ, но въ праздничные дни тогда, какъ и теперь, кишѣвшихъ тьмами темъ фабричнаго простонародья, былъ полный просторъ мужицкимъ кулакамъ разгуляться во всю ширину русской натуры и, дѣйствительно, побоища то и дѣло устраивались грандіознѣйшія съ заправскими убитыми, до полусмерти забитыми и до неузнаваемости искалеченными. Обыкновенно стѣнки устраивались между двумя вѣчно почему-то враждовавшими одна съ другой фабриками: суконщиковъ Носовыхъ и платочниковъ Гучковыхъ. Каждая изъ нихъ считала въ тѣ времена отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ душъ фабричныхъ, такъ что главные дѣйствующіе корпуса этихъ своеобразныхъ маневровъ оказывались равносильными, и къ каждому изъ нихъ присоединялись вспомогательные отряды, высланные съ другихъ фабрикъ и входившіе въ составъ Носовской или Гучковской арміи сообразно тому, къ чьей сторонѣ склонялись нравственныя симпатіи того или другого отряда. Побоища происходили отнюдь не «съ бацу», какъ говорится, въ силу полупьянаго азарта или какого нибудь случайнаго инцидента: напротивъ, стѣнка замышлялась чуть не за недѣлю, обсуждалась на военномъ совѣтѣ, который собирался въ томъ или другомъ фабричномъ трактирѣ, и окончательныя рѣшенія по организаціи битвы принимались военачальниками обѣихъ сторонъ по взаимному соглашенію. О мѣстѣ и времени побоища становилось извѣстнымъ всякому, кто интересовался имъ, по крайней мѣрѣ дня за два, такъ что къ созерцанію грандіознаго и восхитительнаго зрѣлища собиралась буквально со всей Москвы масса любителей воинственныхъ ощущеній, состоявшая изъ купеческой преимущественно аристократіи и интеллигенціи. Подробнѣйшія инструкціи заправиламъ стѣнки сообщались ея главнѣйшими распорядителями въ теченіе всего праздничнаго дня въ какомъ либо изъ трактировъ возлѣ Покровскаго моста, на которомъ цѣлый день и толкались будущіе герои сумерекъ, выработывая всѣ детали предстоящаго боя. Этимъ, между прочимъ, и объясняется, что даже теперь, когда о стѣнкахъ давнымъ давно и помину нѣтъ, на этомъ мосту во всѣ праздничные дни, по старой памяти, съ утра до ночи присутствуютъ цѣлыя толпы простонародья, усыпанная настилку моста цѣлымъ ковромъ подсолнечной шелухи: если спросить любаго изъ этой толпы, зачѣмъ онъ здѣсь топчется и чего ждетъ, ни одинъ не найдетъся, что отвѣтить на такой вопросъ, ибо и самъ не знаетъ, зачѣмъ онъ здѣсь, а между тѣмъ неизмѣнно каждое воскресенье и праздникъ считаетъ какъ бы долгомъ пройтись «на мостъ» и прозѣвать тамъ добрыхъ два-три часа времени безъ всякой надобности и смысла, просто по преданію... Какъ у Носовцевъ, такъ и у Гучковцевъ еще доселѣ свѣжи преданія о непобѣдимыхъ рыцаряхъ кулачнаго

боя и мужественныхъ вождяхъ стѣнокъ: это были, конечно, простые фабричныя, искусившіеся въ энергическихъ приемахъ россійскаго бокса, блиставшіе атлетическими формами, выдѣлявшіеся непомятною физическою силою, прямыя потомки тѣхъ богатырей, что ломали червонцы, какъ мятнѣй прѣяникъ, сгибали подкову, какъ камышевую трость, и за заднія колеса останавливали громоздкій тарантасъ, влекомый тройкой рѣзвыхъ коней. На кулачные бои они смотрѣли не какъ на забаву, а какъ на дѣло, къ которому они предназначены самою судьбой, какъ артистъ смотреть на подмостки, и къ этому дѣлу относились съ тою суровою, добросовѣстною педантичностью, къ какой въ подобныхъ случаяхъ, кажется, только наивный, простодушный русскій мужикъ и способенъ. Рыцарскіе уставы кулачныхъ боевъ, правда, немногочисленные, блюдили они съ самою идеальною, неліцепрѣятною строгостью, и нарушеніе ихъ, особенно сознательное и намѣренное, карали съ драконовскою безопадною и жестокосердіемъ. Одинъ изъ пунктовъ этихъ уставовъ, отдаленно предварявшій Брюссельскую конференцію о разрывныхъ снарядахъ, запрещалъ, на примѣръ, употребленіе въ бою какихъ бы то ни было орудій, кромѣ кулаковъ, но находились и въ этомъ дѣлѣ добровольной забавы канали, предпочитавшіе дѣйствовать не честными средствами, подобно тому, какъ бываютъ люди, даже въ безденежной карточной игрѣ не способные удержаться отъ плутней. У таковыхъ, на случай побоища, имѣлся готовый къ услугамъ ассортиментъ такъ называемыхъ закладокъ—какіе нибудь безформенные кусочки желѣза, свинца и т. п., иногда съ нѣсколькими заостреннымъ концемъ. Этотъ дрянной кусочекъ, заложенный въ кулакъ такимъ образомъ, чтобы одинъ край его выдавался наружу, въ рукопашной схваткѣ сотенъ остервенившихся полупьяныхъ мужиковъ, и сослуживалъ своимъ хозяевамъ иногда роковую службу: плохо надѣясь на мощь своихъ кулаковъ, они выбирали у своихъ противниковъ какое нибудь незащищенное мѣсто: високъ, носъ, щеку—вообще лице, и въ какую либо часть его угождали прикладомъ свинца, какъ бы оправленного въ кулакъ. При извѣстной ловкости и наторѣлости въ упражненіяхъ подобнаго рода, особенно въ потьмахъ сумерекъ когда разыгрывались побоища, довольно трудно было попасться кому нибудь на глаза съ такимъ орудіемъ въ кулакѣ: противникъ же, смотря по тому, куда получалъ рану, или, окровавленный, выбывалъ изъ арміи, или же, если ударъ былъ слишкомъ стремителенъ и рассчитанъ, на примѣръ, прямо въ високъ, то и сразу валился мертвымъ, что иногда и случалось. И вотъ, если съ такимъ бойцомъ-закладчикомъ случался такой грѣхъ, что его въ пылу битвы излавливали со свинчаткой въ рукѣ, ему приходилось, въ свою очередь, жутко, ибо его предавали на судъ разъяренной толпы, и даже свои отказывались защищать его, и если ему удавалось

послѣ того уцѣлѣть хотя съ небольшимъ остаткомъ реберъ, то онъ долженъ былъ считать себя необыкновеннымъ счастливецемъ.

Вообще «осязательные» результаты стѣнокъ оказывались всегда не слишкомъ-то утѣшительными; расквашенные носы, свороченныя на сторону скулы, подбитые глаза, выбитые зубы были заурядными знаками отличія за кулачное геройство, и всѣ, получавшіе таковыя, имѣли поводъ лишь гордиться ими; но сплошь и рядомъ съ поля сраженія поднимали ратниковъ и съ переломленными руками, ногами и ребрами, и съ слабыми признаками жизни, и даже вовсе безъ оныхъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, все оставалось шито да крыто. Хозяева считали позоромъ для себя «пускать» такую «мараль» на свои заведенія, что вотъ, дескать, у ихъ рабочихъ во время товарищеской потѣхи да произошло «смертоубивство»; полиція, дружившая съ ними ради ихъ щедрой благодѣтельности, всегда готова была всѣмъ своимъ авторитетомъ прикрыть любой такой грѣхъ; ни малѣйшаго надзора за фабричнымъ населеніемъ не существовало; не было даже прописки паспортовъ. И если какъ нибудь Ивану Сидорову или Сидору Иванову выпадалъ жребій лечь костями на песчаной почвѣ Суворовской или Божениновской улицы, то единственнымъ послѣдствіемъ такого событія оказывалось лишь то одно, что на фабрикѣ, гдѣ онъ работалъ, на другой день становилось однимъ рабочимъ меньше, а на третій и этотъ дефицитъ пополнялся его замѣстителемъ. Что же касается безвременно погибшаго на бранномъ полѣ, онъ прописывался или скоропостижно умершимъ на улицѣ, или поднятымъ съ знаками сильныхъ побоевъ, неизвѣстно кѣмъ нанесенныхъ, и препровождался, смотря по исповѣданію, или на Преображенское, или на Семеновское кладбище для законнаго преданія землѣ. Только послѣдній передъ судебною реформой приставъ Лефортовской части, Иванъ Осиповичъ Шипковскій, прославившійся въ свое время, какъ ретивый служака и гроза фабричнаго и прочаго простонародья, серьезно возсталъ противъ кулачныхъ боевъ и ополчился на нихъ всѣмъ своимъ вліяніемъ и всею своей энергіей, но и тотъ ничего не могъ достигнуть, ибо имѣлъ неприятность жестоко осрамиться, по своему польскому легкомыслію не сообразивъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и слишкомъ понадѣявшись на обаяніе и ужасъ, производимыя на фабричныхъ его личностью. Дѣло въ томъ, что эти обаяніе и ужасъ дѣйствительно ощущались въ средѣ Лефортовскаго простонародья, но только тогда, когда блудныхъ сыновъ его, забранныхъ за что либо въ кутузку на ночлегъ, утромъ выстраивали на заднемъ дворѣ Лефортовскаго частнаго дома, возлѣ конюшенъ пожарной команды, и затѣмъ одного за другимъ, поочередно, подводили къ двумъ дюжимъ мушкетерамъ, вооруженнымъ наподобіе древне-римскихъ ликторовъ, приглашали освободиться отъ излишнихъ покрововъ, которые могли бы помѣшать воспринятію чувствительной порціи березовой

каши, ассигнованной въ изобиліи щедрымъ приставомъ, а самъ онъ, весьма падкій на зрѣлица этого рода, шагаль въ тактъ ударовъ, умиленно прислушиваясь къ свисту розогъ, изрѣдка поправляя носкомъ сапога положеніе наказуемаго и приговаривая не безъ ироническаго оттѣнка въ голосъ: «что, собака, будешь впередъ безобразничать?». Само собою разумѣется, что всѣ, испытывшіе его полицейскую заботливость на своихъ тѣлесахъ, вспоминали о «Шишковѣ», какъ для краткости прозвалъ его народъ, не иначе какъ съ ужасомъ и безсильною яростью; не безъ ужаса и теоретическаго озлобленія относилось къ нему, на основаніи рассказовъ о его жесткости, и все простонародье, но когда однажды, прохладнымъ осеннимъ вечеркомъ, отважный Иванъ Осипычъ дерзнулъ на своей миниатюрной пролеточкѣ, всего только съ кучеромъ да мушкатеромъ на козлахъ, врѣзаться налетомъ въ самую середину стѣнки, да обратиться къ безчисленной толпѣ съ тѣмъ же привѣтствіемъ, лишь во множественномъ числѣ, то въ толпѣ не оказалось никакихъ признаковъ ужаса передъ его особой, а одно лишь озлобленіе, готовое притомъ и практически выразиться: «Какія мы тебѣ собаки? загудѣла толпа:—самъ ты польская собака!». И только было Иванъ Осипычъ собирался отвѣтить на это грубое привѣтствіе въ приличномъ тонѣ, какъ лошадей его (пара въ пристяжку, пристяжная кольцомъ) схватили за уздцы, его самого потащили за полы, раздался было зловѣщій крикъ: «бей его», что бы, вѣроятно, и послѣдовало, да практическая мудрость кучера и находчивость мушкатера спасли зарвавагося полиціанта. «Батюшки, да никакъ пожаръ!»—крикнулъ кучеръ, какъ бы всматриваясь вдаль, а мушкатеръ прибавилъ: «такъ и есть, Носовская фабрика горитъ! вотъ онъ и огонь видно!». Толпа мгновенно отхлынула отъ экипажа, а кучеру того только и нужно было: стегнувъ хорошенько кнутомъ дюжаго парня, продолжавшаго держать лошадей, онъ ударилъ по нимъ, сшибъ по пути нѣсколько человѣкъ и, несясь во весь карьеръ, во мгновеніе ока очутился на Преображенской площади, то-есть въ мѣстѣ, совершенно безопасномъ. Съ той поры Шишковскій пересталъ интересоваться стѣнками, ѣздилъ въ Преображенское уже не для начальническихъ внушеній и распоряженій, а только съ визитами по фабрикантамъ, удвоилъ свою ненависть къ мужичью вообще и фабричному въ особенности, увеличилъ соотвѣтственно этому ежедневную порцію розогъ, отпускавшуюся тѣмъ избранникамъ судьбы, которыхъ она предавала въ его руки для вразумленія и исправленія, и этимъ способомъ каждое утро всласть отводилъ душу, вымещая на десяткахъ чужихъ сплнъ свой осенній позоръ въ Преображенскомъ, пока, наконецъ, за излишнее рвеніе въ этомъ направленіи не потерялъ служебнаго крушенія, именуемаго отставкой безъ прошенія, или, что тоже, волчьимъ паспортомъ.

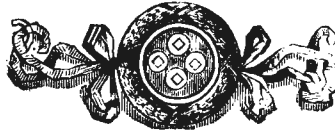
Вообще это былъ аматёръ порки, какъ универсальнаго административнаго средства при всевозможныхъ обстоятельствахъ. До какой степени усердія проводилъ онъ это воззрѣніе въ практическую жизнь, это доказывается тѣмъ, что даже тогдашнее губернское правленіе, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, внемля многочисленнымъ обывательскимъ жалобамъ на его жестокость, требовало его для личныхъ объясненій, при чемъ онъ безъ всякихъ увертокъ и признался, что сѣчетъ тѣхъ, кто этого заслуживаетъ, и выразилъ непоколебимое убѣжденіе, что съ русскимъ мужикомъ никакія иныя мѣры, кромѣ розогъ, немислимы. Отъ губернскаго правленія онъ, однако, получилъ замѣчаніе и внушеніе быть разборчивѣе и осмотрительнѣе при употребленіи въ дѣло этого педагогическаго средства. Впрочемъ, ему не удалось воспользоваться этимъ совѣтомъ, ибо послѣ столкновенія съ вновь открытымъ мировымъ судомъ, при чемъ обнаружались вопіющіе факты полицейскаго деспотизма и произвола, практиковавшихся въ Лефортовской части, онъ вскорѣ и былъ устраненъ со службы. Рассказывали, что ближайшимъ поводомъ къ его отставкѣ послужилъ такой случай. Передъ самымъ открытіемъ новыхъ судовъ, одинъ обыватель, выведенный изъ терпѣнія безобразничествомъ, распутствомъ и непочтительностью своего сына, рѣшилъ келейнымъ образомъ «почить» его, для чего и отправился къ Шишковскому, прося его содѣйствія—какого именно, и той и другой сторонѣ было понятно: молодца слѣдовало пригласить или привести въ полицію и тутъ, въ присутствіи отца, выпоротъ. Но это случилось какъ разъ послѣ объясненій Шишковскаго съ губернскими властями, и онъ объявилъ отцу, что исполнить его желаніе только въ томъ случаѣ, если тотъ дастъ ему письменное полномочіе дѣлать съ сыномъ, что ему угодно, и, сверхъ того, подписку, что никакихъ за то на него претензій имѣть не будетъ и жалобъ подавать никуда не станетъ. Не подозрѣвая ловушки, отецъ согласился на это условіе. Блуднаго сына привели, раздѣли, разложили и, въ присутствіи отца и самого Шишковскаго, принялись драть. Сначала отецъ считалъ количество розогъ, потомъ началъ сбиваться въ цифрахъ, а тамъ и совсѣмъ счетъ потерялъ, а молодца все деруть, и онъ все реветъ благимъ матомъ. Сжалился отецъ: «не довольно ли, ваше высокоблагородіе?»—«Э, что ты, братецъ: и розги еще не успѣли размяться, какъ слѣдуетъ». Подождалъ еще отецъ; розги продолжаютъ свистать, сынъ вопить, но ужъ какъ будто слабѣе. Испугался старикъ, опять къ приставу: не довольно ли? Тому кажется, что еще черезчуръ мало, и во избѣжаніе споровъ онъ показываетъ отцу имъ же подписанную бумагу. «И если ты опять начнешь заступаться, то я тебя велю вонъ вывести». Тутъ старикъ и понялъ, какъ онъ опростоволосился этой подпиской. Нечего и говорить, что съ его сына семь шкуръ спустили, и что долго ему небо съ

овчинку казалось, а потом и вовсе перестало казаться, и что кончили экзекуцію только тогда, когда испугался, наконецъ, и самъ Шишковскій, и когда истязуемый лишился чувствъ и былъ вынесенъ запертво. А такъ какъ очнулся онъ ненадолго, ибо тутъ же подвергся жесточайшей горячкѣ, въ которой пролежалъ между жизнью и смертью нѣсколько мѣсяцевъ, и этотъ возмутительный фактъ получилъ широкую огласку, то, дойдя до властей, онъ и послужилъ тою каплей, которая переполнила глубокую чашу начальственнаго терпѣнія.

Въ отставкѣ Ивану Осипычу недолго привелось пожить: лихой и бравый, неугомонный служака втеченіе свыше чѣмъ 15-лѣтняго приставничества, въ качествѣ простаго обывателя онъ какъ-то сразу захирѣлъ, осунулся, потомъ заболѣлъ злѣйшею чахоткой, которая и не задержала его окончательнаго расчета съ жизнью. Замѣчательно, что онъ, хотя и не слылъ за слишкомъ безкорыстнаго полиціанта, въ отставкѣ оказался круглымъ бѣднякомъ, а когда умеръ, то и похороненъ былъ на средства, собранныя отъ щедротъ нѣсколькихъ фабрикантовъ, пользовавшихся его благо-расположеніемъ. Что касается фабричныхъ, то въ ихъ средѣ и доселѣ еще живетъ память о «Шишковѣ», о томъ, какъ беспощадно поролъ онъ ихъ братію; но странное дѣло: память эта не отзывается озлобленіемъ, а напротивъ всегда ударяетъ въ какой-то поучительный тонъ: «Эхъ, покойника бы Шишкова на васъ напустить!»—говоритъ обыкновенно старикъ-мастеровой или фабричный своимъ молодымъ товарищамъ, творящимъ или сотворившимъ что либо предосудительное: «онъ бы васъ научилъ уму-разуму!».

Д. Покровскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ УЧИЛИЩНАГО ДѢЛА ВЪ ТАМБОВСКОМЪ КРАѢ.

ДѢЛО разумно-систематическаго обученія и воспитанія юношества, безъ всякаго сомнѣнія,—величайшее государственное дѣло, къ которому должны быть направлены преимущественно симпатіи и энергія государства, общества и частныхъ людей. Что посеешь, то и пожнешь, — говоритъ мудрая русская пословица... И если бы мы настойчиво, умѣло, а главное— съ неустанною любовію воспитывали своихъ дѣтей, то, внѣ всякаго сомнѣнія, огромное большинство ихъ представило бы изъ себя контингентъ людей разумныхъ и честныхъ, вѣрныхъ и драгоценныхъ слугъ государства и общества. Темными, невѣжественными людьми кишитъ наша земля. Суды наши завалены безчисленными дѣлами о преступленіяхъ противъ государства, общества и церкви... Откуда вся эта масса погибшихъ людей? Справьтесь, и вы почти всегда найдете разгадку отрицательныхъ явленій нашей жизни въ условіяхъ воспитанія нашей молодежи, къ которымъ не всѣ мы относимся съ должнымъ вниманіемъ и разумніемъ... Государство и общество давно уже поняли эту великую и простую истину и усиленно дѣлаютъ свое просвѣтительное дѣло; систематическое просвѣтительное дѣло началось у насъ съ особенною силою въ послѣднія два царствованія... Но, все-таки, этому дѣлу слишкомъ далеко до конца. Великая правительственно-общественная работа только въ началѣ... Сразу ея не осилишь. Такъ много накопилось у насъ матеріала для просвѣтительной работы, и такъ мало еще искусныхъ работниковъ просвѣщенія.

Если теперь, при сравнительно огромныхъ успѣхахъ русскаго народнаго просвѣщенія, являются сомнѣнія въ его совершенствахъ и горячія желанія дальнѣйшаго его развитія, то что сказать о прошлой нашей жизни, крайне убогой въ просвѣтительномъ отношеніи, и о прежнихъ условіяхъ нашего народнаго воспитанія?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ послужить слѣдующая моя историческая справка, составленная по архивнымъ документамъ, изображающимъ такія условія былой русской жизни въ одной изъ срединныхъ ея областей, при которыхъ эта жизнь, конечно, не могла имѣть должнаго развитія.

До начала русско-христіанской колонизаціи въ Тамбовскомъ краѣ, т. е. до половины XII вѣка, на всемъ пространствѣ нынѣшней Тамбовской губерніи не было ни одного грамотнаго человѣка. Только немногіе мѣстные обыватели, промышленники да сборщики податей и пошлинь, пробавлялись въ силу необходимости обычными чертами и рѣзами... вмѣсто религіи было сплошное и дикое языческое суевѣріе. вмѣсто ума человѣческаго съ его идеалами и широкимъ практическимъ кругозоромъ являлась житейская узкая хитрость. вмѣсто чистой нравственности являлся практической эгоизмъ. Тьма была великая по всей нашей Тамбовской землѣ... Когда же въ концѣ XII вѣка возникли у насъ христіанскія приходскія церкви и монастыри, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ духовенствѣ и монашествѣ даны были мѣстному населенію и первые учителя грамотности. Но и при этихъ новыхъ условіяхъ мѣстной жизни книжное дѣло шло у насъ съ величайшею медленностію и ограниченностію развитія, такъ какъ церковей до самаго конца XVII вѣка было въ нашемъ краѣ очень мало, по нѣскольку десятковъ на каждый нынѣшній уѣздъ. слѣдовательно, и учителей грамотности было у насъ мало, да и охочихъ до грамоты людей взять было не откуда, и самое обученіе шло механически, возбуждая въ нашихъ немногочисленныхъ питомцахъ сознаніе школьной муки-мученской, и только!.. Среди разноплеменнаго мѣстнаго населенія и въ виду постоянныхъ набѣговъ разныхъ кочевниковъ, наши первые русскіе поселенцы принуждены были думать ежедневно не о грамотности, а о личной своей безопасности, и это одна изъ самыхъ главныхъ причинъ ихъ умственной косности. Что же касается правительства, обыкновенно стоявшаго во главѣ русскаго просвѣщенія, то до самаго начала XVII вѣка оно заботилось относительно нашего края отчасти о его охранѣ, но еще болѣе — о собираніи государевыхъ пошлинь. Вотъ почему въ то время, какъ старорусскія и даже сибирскія области имѣли своихъ многочисленныхъ лѣтописцевъ, сказателей и авторовъ религіозныхъ и отреченно-литературныхъ опытовъ, въ предѣлахъ Тамбов-

скаго края не было ни одного серьезнаго лѣтописца или иного какого либо выдающагося автора до самаго конца XVIII вѣка. Мы знаемъ только двѣ тамбовскія лѣтописи, изъ которыхъ одна трактуеть о всемъ краѣ, а другая о Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, и обѣ онѣ, отличаясь отрывочностію, обнимаютъ самый краткій историческій періодъ. Затѣмъ намъ извѣстны нѣкоторыя церковныя книги, дошедшія до насъ отъ XVII вѣка съ лѣтописными замѣтками неизвѣстныхъ лицъ, боярскія отписныя грамоты, фамильныя грамоты и многочисленныя канцелярскіе документы...

Въ концѣ XVII столѣтія была открыта тамбовская епископская каеэдра. вмѣстѣ съ первымъ нашимъ епископомъ Леонтіемъ въ Тамбовъ прибылъ извѣстный кievскій ученый Палладій Роговскій, но оба они вынуждены были очень скоро удалиться отъ насъ, и такимъ образомъ вѣроятность открытія первой тамбовской школы была надолго устранена...

При такихъ условіяхъ грамотные люди являлись въ Тамбовскомъ краѣ въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII-го, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, и всѣ они, за совершеннымъ отсутствіемъ настоящей литературы, пробавлялись преимущественно чтеніемъ отреченныхъ рукописей. Такова, напримѣръ, рукопись шацкаго помѣщика князя Григорія Енгальчева, конфискованная воеводою Лопатинымъ. На первой ея страницѣ записанъ заговоръ отъ судей, которые, повидимому, представлялись отжившимъ нашимъ предкамъ весьма чувствительнымъ общественнымъ зломъ. Вотъ текстъ заговора: «Зачинается Тихонъ преподобный. Утиши и помилуй меня, раба Божія, отъ лихова челоуѣка и супостата и нечистаго духа и всякаго врага. Иду я, рабъ Божій, къ рабу (такому-то), а на встрѣчу мнѣ мертвецъ; ни руками, ни ногами, ни зубами и губами не владѣеть и глазами не глядитъ и языкомъ не говоритъ. И такъ бы онъ рабъ (такой-то) на меня не глядѣлъ по мой часъ и по мой вѣкъ и по мой уговоръ. И на встрѣчу мнѣ козель, а я козла съѣмъ; и на встрѣчу мнѣ овца, а я овцу съѣмъ и кости сгложу, подъ пятюю положу по мой часъ и по мой вѣкъ».

Далѣе въ Енгальчевской рукописи слѣдуютъ присушныя заговоры, написанныя княземъ Григоріемъ съ особенною тщательностію и сравнительно въ большемъ числѣ, и такимъ образомъ обличающіе въ немъ значительную склонность къ приключеніямъ амурнаго свойства.

Присушки слѣдуютъ въ рукописи въ такомъ порядкѣ:

«На морѣ на окіянѣ стоитъ островъ, а на островѣ стоитъ баня, въ банѣ лежитъ доска, на доскѣ лежитъ тоска; мечется тоска, бросается тоска изъ угла въ уголь, изъ переруба въ перерубъ, изъ окна въ окно, изъ огня въ огонь, изъ пламя въ пламя, съ ножа на ножъ, изъ петли въ петлю. Кинься, тоска, къ рабѣ Божіей (такой-то) въ ретиво сердце отъ меня, раба Божія. Аминь».

«Стоитъ рабъ Григорій тайно и рабу (такую-то) съ глазъ не спускаетъ. И какъ мать сыра земля сохнетъ отъ жару, отъ полымя, отъ вѣтру и вихорю, такъ бы раба объ немъ сохла душой и тѣломъ и всею плотію своею.

«Иду я, рабъ, къ красной дѣвицѣ, и быть мнѣ для той дѣвицы милѣй свѣтлаго мѣсяца, краснаго солнышка, милѣй отца-матери, милѣй живота своего. И ей бы дѣвицѣ безъ меня, безъ молодца, спать бы—не заспать, ѣсть бы—не заѣсть, пить бы—не напиться, гулять бы—не нагуляться... И какъ рыба калуга безъ воды мечется, такъ бы раба за меня, раба, металася».

Въ заключеніе въ рукописи приводится слѣдующій заговоръ, имѣющій довольно темное значеніе:

«Изъ-за горы изъ-за тучи выходили 70 бѣсовъ, выносили 70 мѣшковъ не свинцу и не пороху, а золы отъ Адамовой кости. И я, рабъ, заряжаю ружье не свинцомъ и не порохомъ,—золою. А тѣмъ дѣламъ амина нѣтъ, небо—ключъ, земля—замокъ»...¹⁾

Во времена Петра I-го по всему Русскому царству начались извѣстныя реформы, коснувшіяся и нашего захолустья. Но какъ ни настойчивъ былъ въ своихъ предпріятіяхъ суровый царь, и его непримѣрная энергія оказалась безсильною въ борьбѣ съ мѣстнымъ невѣжествомъ.

Не смотря на грозныя царскіе указы отъ 1714 до 1720 года объ ученіи, oprичъ дворянскихъ и духовныхъ дѣтей, цыфири и геометріи и всякаго чина дѣтей, цыфирной школы въ Тамбовскомъ краѣ не открыли. Царскій указъ остался безъ исполненія. Тогда всѣхъ упорныхъ въ сопротивленіи царской волѣ и наукъ тамбовскихъ недорослей стали ловить, какъ дичь, и отдавать въ военную службу и на свайныя, бударныя и прамныя работы. Но и эти суровыя мѣры не сразу подѣйствовали. Умственная косность въ нашемъ краѣ была ужасающая и повальная. Иногда тамбовскіе недоросли не знали даже, по скольку имъ лѣтъ отъ роду, и такое незнаніе простодушно объясняли безпамятствомъ и безуміемъ... Однако, великій русскій царь слишкомъ настойчиво дѣлалъ свое просвѣтительное дѣло и не забывалъ Тамбовской земли, лично извѣстной ему по липецкимъ и елатомскимъ впечатлѣніямъ... Смутились тогда отцы тамбовскіе, и былъ великій гласъ рыданія матерей тамбовскихъ. То была едва ли не самая злая рекрутчина тамбовская... Приздумались косные тамбовцы и въ слѣдующіе годы Петрова царствованія неволею разомъ открыли двѣ школы: при воеводской канцеляріи и гарнизонную... Обѣ школы учебный курсъ имѣли первоначальный, добивались одной механической выучки и отличались величайшею убогостію обстановки и содержанія и свирѣпостію педагогическихъ

¹⁾ Архивъ Тамбовскаго губернскаго правленія, № 3336.
«истор. вѣстн.», июль, 1893 г., т. III.

взысканій. Гарнизоннымъ школьникамъ полагалось у насъ жалованье. Пока они обучали заповѣди, имъ выдавали въ мѣсяць по 11¹/₄ копеекъ. Когда же они вступали въ письменную науку, писали склады и обучались пѣть и ариѳметикѣ, и музыкѣ и слесарному мастерству и писарской должности, жалованье имъ возвышалось до 13¹/₄ копеекъ. «А которые школьники,—сказано въ нашихъ документахъ,—по окончаніи ариѳметики будутъ обучаться геометрии и фортификаціи, и имъ давать до 17¹/₄ копеекъ человѣку на мѣсяць, да соли 2 фунта»... Впослѣдствіи попытались улучшить бытъ гарнизонныхъ школьниковъ: имъ стали выдавать въ мѣсяць по 30 копеекъ и, кромѣ того, муки по четверику...

Въ гарнизонную школу принимались мальчики отъ 7 до 15 лѣтъ. Словесной и письменной наукѣ и пѣнію ихъ обучали ротные писаря, ариѳметикѣ—офицеры, солдатской экзерциціи—унтеръ-офицеры. Школа эта была въ высшей степени суровая, поэтому родители укрывали отъ нея своихъ дѣтей, но ихъ сыскивали, били и подъ конвоемъ представляли воеводамъ...

Гораздо удачнѣе оказались въ нашемъ краѣ мѣры Петра Великаго относительно ремесленного и сельско-хозяйственнаго образованія. Благодаря энергіи царя-хозяина, къ концу его царствованія у него было много опытныхъ кузнецовъ, слесарей, коноваловъ, столяровъ, ткачей, косцовъ и каменщиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ были даже грамотны и въ такомъ случаѣ нерѣдко оставляли свое профессиональное назначеніе и опредѣлялись писцами въ воеводскія канцеляріи, не получая жалованья и довольствуясь отъ дѣлъ...

Какъ бы то ни было, въ царствованіе Петра Великаго грамотность была у насъ самая слабая. Случалось, что неграмотными бывали въ нашихъ городахъ не только воеводы съ ихъ товарищами, но отчасти и протопопы, какъ, напримѣръ, темниковскій протопопъ Матвѣй, который читалъ не въ твердость, а писать вовсе не умѣлъ. Зато бойкими грамотѣями были въ нашихъ мѣстахъ сектантскіе наставники, нерѣдко тайно содержавшіе въ своихъ домахъ маленькія школы грамотности. Иные наставники-субботники знали еврейскую грамоту, а духоборческіе начетчики сочинили свой алфавитъ изъ польскихъ буквъ. Одинъ изъ тамбовскихъ сектантскихъ наставниковъ, послѣдователь Тверитинова, Тарасъ Максимовъ приобрѣлъ даже въ своемъ кружкѣ славу знаменитаго проповѣдника. Вотъ для примѣра одна изъ его краткихъ проповѣдей: «Не мои слова, братцы мои, слушать будете, но Христовы. Стойте въ вѣрѣ, тверди бывайте, непоступни и не слушайте суетныхъ людей, ибо мы скоро переселимся въ Персію, и то наша обѣтованная земля»...

При такихъ обстоятельствахъ, въ средѣ мѣстнаго православнаго населенія свободно и широко распространялась народно-отреченная устная литература, занесенная къ намъ изъ старо-русскихъ обла-

стей. Вліяніе этой литературы нерѣдко и страннымъ образомъ проявлялось и въ канцелярской практикѣ. Такъ, въ концѣ царствованія Петра Великаго въ шацкую воеводскую канцелярію привезли подсудимаго однодворца Данилу Архипова. Преступникъ не сознавался въ своемъ преступленіи. Тогда судьи заставили Архипова громко произнестъ слѣдующую клятву: «Если я лгу, то да буду отлученъ отъ единосущныя и нераздѣльныя Троицы въ семь и будущемъ вѣкѣ и да трясуся, яко Каинъ, и да пожретъ мя разверстая земля, яко Дафана и Авирона, и да приему проказу Геезіеву и буду я съ безбожными еретиками въ печномъ огни, уготованномъ діаволу и аггеломъ его, и да обрящу Бога, ратующа въ часъ страшнаго воздаянія и затворяюща отъ мене двери милосердія»...

Тамбовская губернія въ былые годы славилась своими пчельниками, но тамбовцы-пчеловоды и не думали рационально совершенствовать свое хозяйство, они все свое упованіе возлагали на заговорныя слова въ родѣ слѣдующихъ:

«Отъ чего громовая стрѣла сильна и зычна?

Отъ воздуху и сильна и зычна.

И какъ бѣсы дрожать и бѣжать отъ тое стрѣлы,

Такъ бы летали у меня на пчельникѣ пчелы.

Дрожать люди, ужасаются,

Отъ зыку стрѣлы бѣжать.

Какъ облацы небесныя поднимаются,

Такъ бы летали пчелы мои до скончанія вѣка.

Аминь, аминь, аминь.

Земля—замокъ, небо—ключъ.

Моя пчела—волкъ,

Чужая пчела—овца. Аминь».

Въ то же время въ массѣ тамбовскаго простоародья ходили непрерывныя, упорныя слухи о пришествіи антихриста. Слухи эти поддерживались преимущественно раскольниками и сектантами, и нѣкоторые изъ нихъ доходили до такого страннаго состоянія религиознаго экстаза и фанатизма, что врывались въ православныя церкви и съ грубою бранью разгоняли священнослужителей, а сами потомъ приходили въ свои молитвенные дома, истерически ржали полошадному и лаяли ¹⁾). Такова была умственно-нравственная жизнь тамбовскаго народонаселенія въ царствованіе Петра Великаго... Зло увеличивалось еще болѣе отъ того, что въ первой половинѣ прошлаго вѣка у насъ не было своего епископа, а безпризорное и малограмотное приходское духовенство чинило бунты, драки, площадное ругательство и вело себя заворно и гнусно ²⁾).

¹⁾ Архивъ Тамбовской духовной консисторіи, №№ 36 и 230.

²⁾ Тамъ же, № 383.

Понятно, что при такихъ условіяхъ въ обществѣ относились къ причтамъ съ совершенною безцеремонностію. Священниковъ часто, не разбирая ихъ качествъ, подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ, а ихъ сыновей-церковниковъ брали въ кабалу, дочерей же насильно выдавали за дворовыхъ. Одинъ знатный баринъ прошлаго столѣтія написалъ такую грамоту въ свое тамбовское имѣніе: «Дошло до нашего свѣдѣнія о поступкахъ священника Алексѣя, того ради объявить ему, что онъ изъ прихода выводится съ наказаніемъ»...

Въ 1731 году отъ шацкой провинціальной канцеляріи потребованы были изъ Петербурга вѣдомости о томъ, сколько въ Шацкой провинціи училось въ цыфирныхъ школахъ дѣтей, съ которыхъ годовъ учатся и до которыхъ наукъ произошли. Въ отвѣтъ на это требованіе шацкій воевода донесъ, что въ Шацкѣ о цыфирныхъ школахъ указа въ присылкѣ не бывало...

Была въ тѣ времена въ Шацкѣ школа, но не цыфирная, а простая школа грамотности. Ею завѣдовалъ нѣкто школьникъ Тимошей Анисимовъ, сынъ священника и воспитанникъ Московской цыфирной школы, взятый въ науку, за круглымъ сиротствомъ, въ 1720 году... Не веселую школу прошелъ Анисимовъ. Кормился и одѣвался онъ нищенски, когда былъ кое-чѣмъ сытъ, но чаще голодалъ и голодалъ мучительно. Учителя, сами получавшіе въ день только по 3 алтына и 2 деньги, съ досады били своихъ учениковъ, а учили плохо и лѣнливо, хотя курсъ Московской цыфирной школы былъ самый не сложный. Чтеніе, письмо, ариметика и отрывки геометріи и географіи—вотъ и все.

Тимошей Анисимовъ учился въ цыфирной школѣ 7 лѣтъ и 26-го мая 1727 года получилъ отъ училища, за одинъ рубль по таксѣ, слѣдующее увольнительное свидѣтельство:

«1727 года, мая въ 26-й день. По именнымъ его императорскаго величества указамъ, которые состоялись въ прошломъ 714 и въ 716 годахъ, велѣно дьячихъ и подьяческихъ, и церковниковыхъ, и всякаго чина людей дѣтей ихъ учить цыфири и часть геометріи. И въ прошломъ 720 году августа во 2-й день присланъ въ школу для ученія цыфирной науки поповъ сынъ Тимошей, и онъ, Тимошей, учился въ цыфирной школѣ на Нижегородскомъ подворьи ариметикѣ и въ томъ ученіи своемъ онъ, Тимошей, жалованья ниоткуда не получалъ и кормился своимъ коштомъ, а нынѣ онъ, Тимошей, вышеупомянутую науку обучилъ. И того ради велѣно: ежели вышеупомянутую науку обучить, тѣхъ отпустить на свободу и давать тѣмъ свидѣтельствоваанныя отъ насъ, учителей, письма. Того ради мы нынѣ дали ему, Тимошею Анисимову, письмо для отпущенія отъ той школы, куда онъ жить пожелаетъ итить».

Съ этимъ свидѣтельствомъ въ карманѣ и безъ гроша денегъ, а также и безъ всякой надежды на чью либо родственную помощь, вышелъ Анисимовъ за ворота Нижегородскаго подворья... Куда было идти бѣдному и неприютному сиротѣ?.. Были у него дальніе и бѣдные родственники, но имъ самимъ ѣсть было нечего, и Анисимовъ былъ бы имъ не на радость, а на горе. Съ радостью онъ поступилъ бы изъ-за куска хлѣба куда нибудь въ пономари или дьячки, но на бѣду совершенно не зналъ церковнаго устава и не учился пѣнію.

— Отнынѣ ты свободенъ жить, гдѣ пожелаешь,—на прощаніи сказали ему учителя Рыбниковъ и Русиновъ...

И вотъ, пользуясь этой свободой, Анисимовъ пошелъ къ директору Московской акцизной каморы Челищеву и нанялся у него въ услуженіе. Скоро Челищева удалили въ отставку, и онъ переѣхалъ въ свое калужское имѣніе, въ село Черничное. Туда же послѣдовалъ за нимъ и бывший цыфирный школяръ. Въ Черничномъ Анисимова женили на крѣпостной крестьянкѣ, и на другой годъ сталъ онъ любимымъ дворовымъ у своего барина и отцомъ семейства. Плохая и подневольная была его жизнь, но зато онъ былъ сытъ и одѣтъ...

По смерти Челищева судьба Анисимова ухудшилась. 19 лѣтъ прожилъ онъ въ чужой дворовой избѣ, семьи у него прибавилось, а счастья и удачи убавилось... Тогда, забравъ семью и жалкую свою рухлядь, пошелъ онъ съ званіемъ и свидѣтельствомъ школьника въ Шацкую провинцію, въ которой въ то время производилась народная перепись... Выборъ провинціи былъ совершенно случайный.

Тимоеей Анисимовъ явился въ шацкую ревизіонную канцелярію 2-го сентября 1746 года. Здѣсь принялъ его полковникъ Сухотинъ и сурово спросилъ: «подлинно ли дано тебѣ свидѣтельство изъ школы и не фальшивое ли оно?». И, не дожидаясь отвѣта, велѣлъ заковать Анисимова въ двѣ большія колодки и содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, а училищное письмо передалъ канцелярскимъ служителямъ для освидѣтельствованія. Канцеляристы единогласно признали документъ несчастнаго школьника фальшивымъ... Сухотинъ разгнѣвался, разумѣется, и поступилъ съ Анисимовымъ по обычаемъ прошлаго вѣка: школьника стали допрашивать съ пристрастіемъ подъ батогами... Злополучный и уже далеко не молодой школьникъ, не смотря на жгучую боль, твердо стоялъ на своемъ, что онъ имѣетъ подлинное свидѣтельство отъ училища и что онъ не бѣглый и не крѣпостной. Два раза мучили его, въ третій разъ пожалѣли и удовлетворились слѣдующимъ его показаніемъ: «той цыфирной школы всей я, Анисимовъ, не обучался, а обучался малое число, а тое науку цыфирную за долгопрошедшими годами запомнилъ и ничего не знаю,

а читать и писать умѣю... Однако на свободу его не отпустили и держали въ тюрьмѣ 20 недѣль. У Сухотина были на это свои причины...

Однажды онъ послалъ къ колоднику солдата, чтобы тотъ внушилъ ему бить челомъ о написаніи съ семьей въ подушный окладъ за сыномъ подполковника прапорщикомъ Сухотинымъ, съ прочими крестьянами на ряду; причѣмъ солдатъ объявилъ, что въ случаѣ несогласія его, школьника, опять будутъ сѣчь батошьемъ и сошлютъ въ Оренбургъ на каторгу, для чего де и подвода уже готова... Анисимовъ, конечно, смутился. Пришла ему на умъ его собственная горькая доля и доля семьи... Въ это время шацкій солдатъ подносилъ ему Сухотинскую челобитную для подписи и увѣренъ былъ, конечно, въ успѣхѣ. Но старый горемычный школяръ былъ человѣкъ не безъ характера. Онъ рѣшился бороться до конца, челобитной не подписалъ и украдкой послалъ письмо къ дочери Челищева съ просьбою записать его, на основаніи ея засвидѣтельствованной свободы относительно избранія мѣстожительства, въ Челищевскіе дворовые. Челищева вступила съ Сухотинымъ въ тяжбу и въ послѣдствіи вышла изъ нея побѣдительницею, а пока дѣло шло, Анисимовъ выпущенъ былъ на волю и пробавлялся въ Шацкѣ дешевыми уроками. Въ это время онъ былъ единственнымъ патентованнымъ просвѣтителемъ Шацкаго края. Домашняя школа его была высшею школою цѣлой провинціи.

Попытка образованія кое-какихъ училищъ происходила у насъ и въ духовномъ вѣдомствѣ. До 1779 года всѣ тамбовскіе церкви, до наукъ охочіе, могли обучаться только въ одномъ учебномъ заведеніи: въ рязанской славяно-латинской семинаріи.

На содержаніе семинаріи опредѣлено было собирать съ церковныхъ земель тридцатую часть урожая, причѣмъ духовенство обязывалось само доставлять хлѣбъ въ школьныя житницы. Эта доставка, за отдаленностію многихъ селъ отъ епархіальнаго города, была очень не аккуратна. А шацкое духовенство и вовсе не собирало и не посылало школьнаго хлѣба втеченіе всѣхъ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка. Въ то время нашимъ епархіальнымъ архіереемъ былъ архіепископъ Алексѣй. Онъ горячо принялъ къ сердцу неисполнительность шацкихъ священнослужителей и послалъ въ Шацкую провинцію нарочныхъ для сбора хлѣба, но посланные подавали ему донесенія въ такомъ смыслѣ, что плательщики или укрывались отъ нихъ, или же прямо отказывались давать требуемый хлѣбъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ нѣкоторыхъ селахъ собирались сходы. Изъ кабаковъ выносили старикамъ и всему міру обильное угощеніе, и дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что архіерейскихъ пословъ били и выгоняли... Тогда, въ 1749 году, архіерей принялъ болѣе рѣшительныя мѣры. Онъ по-

требовалъ изъ шацкой провинціальной канцеляріи солдатъ и разсылщиковъ и сталъ собирать накопившіяся недоимки военною рукою, причемъ однажды произошелъ такой случай.

30-го апрѣля 1749 года солдатская команда съ архіерейскими боярскими дѣтьми прибыла въ село Новое Томниково. Священникъ былъ дома, но лишь только узналъ о прибытіи незваныхъ гостей, немедленно убѣжалъ въ лѣсъ, а многочисленные дѣти и племянники его, въ числѣ 15 человекъ, вооружились кольями и дубьемъ и бросились на архіерейскую команду... Во время происшедшей свалки солдаты требовали помощи отъ сельскаго старосты и показывали ему указъ шацкой канцеляріи, но староста отъ вмѣшательства въ драку уклонился и объявилъ: «дайте мнѣ память отъ господскаго приказчика, а шацкой канцеляріи слушаться мнѣ не вмѣстно». Такъ ни съ чѣмъ и уѣхали изъ Томникова архіерейскіе посланцы...

Такой же случай и въ томъ же году былъ въ с. Боркахъ, Шацкаго уѣзда. 4-го мая во дворъ старшаго священника вѣхала телѣга, съ которой слѣзали и поднялись на крыльцо двое архіерейскихъ боярскихъ дѣтей и солдатъ. Сынъ дьякона того села подошелъ къ нимъ и спросилъ:

— Зачѣмъ вы пріѣхали къ попу? Что вамъ у него дѣлать?

— За хлѣбомъ и штрафными деньгами,—отвѣчалъ солдатъ.

— Напрасно,—возвысилъ голосъ дьяконскій сынъ,—васъ со двора дубьемъ прогонять.

Однако, уполномоченные вошли въ домъ и нашли тамъ самого священника, который такъ перепугался, что сейчасъ же выбѣжалъ вонъ за село. Вслѣдъ за нимъ бѣжалъ его товарищъ, и оба они скрылись въ оврагъ, поросшемъ кустарникомъ... Между тѣмъ собрались церковники и крестьяне и палками выгнали посланныхъ изъ села...

Отчего же шацкое духовенство такъ безучастно относилось къ своей единственной семинаріи?

Оттого, что, по своему невѣжеству, оно не видѣло практической пользы отъ семинаріи, такъ какъ въ попы и во дьяконы очень часто ставили у насъ даже и такихъ церковниковъ, которые съ трудомъ разбирали печатное, а писать и вовсе не умѣли, такъ что въ дѣловыхъ бумагахъ за нихъ подписывались другіе... И еще оттого наше духовенство безучастно относилось къ семинаріи, что въ былые годы оно было очень бѣдно и поневолѣ дорожило всякою лишнею копейкою и лишнимъ гарниемъ жита... Какъ старательно наши духовные отцы уклоняли своихъ дѣтей отъ школьнаго ученія, видно изъ епархіальной вѣдомости 1744 года. Въ это время духовенство цѣлой Шацкой провинціи воспитывало въ семинаріи только 9 человекъ... Да и эти 9 школьниковъ были большею частію люди безпріютные, дьячковскіе и пономарскіе

сироты, и попали на школьный хлѣбъ по наряду и ради нищенства...

Въ 1768 году велѣно было доставить въ шацкую провинціальную канцелярію всѣхъ шацкихъ церковниковъ съ ихъ родителями. Многіе изъ нихъ стали укрываться отъ этой бѣды въ лѣсахъ, оврагахъ и болотахъ. Тогда провинціальныя власти пошли на нихъ облавою съ военными командами и въ мартѣ мѣсяцѣ, въ самое половодье, этапнымъ порядкомъ доставили ихъ въ Шацкъ. Между тѣмъ наступили страстная недѣля и пасха, и многія приходскія церкви отъ той великой церковнической бѣды стали пусты и не было въ нихъ божественной службы. Тяжесть положенія духовенства еще болѣе увеличивалась отъ того, что въ шацкую канцелярію вызывали и почетныхъ духовныхъ лицъ: протоіереевъ и священниковъ со всѣми ихъ дѣтьми, даже младенцами. Отговорокъ никакихъ не принимали. Тянули въ Шацкъ больныхъ и разслабленныхъ. И многія духовныя лица бѣжали тогда изъ Шацка отъ воеводскаго и приказнаго грабежа и побоевъ. Особенный страхъ наводилъ на духовенство Шацкой провинціи воеводскій товарищъ Кудашевъ, который развѣзжалъ по селамъ, хваталъ церковниковъ, дьячковъ и пономарей, заковывалъ ихъ въ желѣза и колодки и отдавалъ подъ караулъ. Не спасались отъ него и дѣти, которыхъ онъ тщательно переписывалъ, произвольно прибавляя имъ лѣта. А защитниковъ у нашего духовенства, какъ и во всей Россіи втеченіе вольтерьянскаго XVIII вѣка, почти не было; архипастыри же большею частію безмолствовали и смиренно покорялись губернскимъ и провинціальнымъ велѣніямъ... Правда, тамбовскій епископъ Θεодосій сталъ было пристраивать церковниковъ въ усиленномъ комплектѣ къ разнымъ приходамъ, но за это попалъ подъ судъ и два года маялся въ воронежской губернской канцеляріи...

Во второй половинѣ прошлаго вѣка потребность въ образованіи дѣтей духовенства стала у насъ немного усиливаться. Это явленіе особенно замѣтно было у насъ въ западной половинѣ губерніи, принадлежавшей къ епархіи святителя Тихона Задонскаго.

Въ 1763 году святитель Тихонъ, управленію котораго подлежали наши города: Липецкъ, Лебедянь, Усмань, Добрый, Демшинскъ и Романовъ, замѣтилъ, что къ нему являются такіе ставленники, которые мало что умѣютъ по книгамъ читать, а иныя и вовсе не знаютъ. На этомъ основаніи онъ приказывалъ во всѣхъ городахъ своей епархіи учредить словенскія школы. Такая школа, сколько намъ извѣстно, была заведена только въ Лебедяни и именно съ цѣлю обученія молодыхъ церковниковъ книгочтенію, пѣнію и писать въ твердость.

Учителями въ Лебедянской школѣ, для всегдашняго во обученіи наблюдательства и старательства, опредѣлены были

выборные священники и діаконъ. Всѣмъ имъ святитель Тихонъ далъ слѣдующую инструкцію, которую ради знаменитаго ея автора-святителя и ея практичности мы приводимъ здѣсь полностію, по пунктамъ:

- 1) Учителямъ учениковъ ни къ какой службѣ не употреблять.
- 2) Обучать не токмо грамоты, но и честнаго житія, страху Божія, понеже грамота безъ страху Божія есть не что иное, какъ безумному мечъ.
- 3) Неисправныхъ и лѣнивыхъ и своевольныхъ наказывати рогами, а иногда и словами. а своею рукою въ голову, или иначе какъ, не дерзати.
- 4) Учредить надъ всѣми сотскаго, котораго изъ нихъ же выбрать честнаго, постояннаго, разумнаго, подростлаго человѣка.
- 5) Должность его въ томъ состоитъ, чтобы учителю въ каждый день о состояніи учениковъ репортовалъ, какъ кто имѣется, всѣ ли въ школѣ, всѣ ли дома и не бѣжалъ ли кто и проч.
- 6) Сотскому придать помощниковъ-десятскихъ, такожь изъ честныхъ учениковъ, а тѣмъ десятскимъ придать по десяти человѣкъ.
- 7) Должность десятскихъ въ томъ состоитъ, чтобы сотскому о состояніи своего десятка репортовали каждый день дважды и смотрѣть всякаго благочинія.
- 8) Ученикамъ ходить въ церковь святую въ праздничные и воскресные дни къ вечерни, къ утрени и литургіи, и кои могутъ читать и пѣть, становиться по клиросамъ.
- 9) Въ поліелейные дни ходить токмо къ литургіи, а кто хочетъ и къ утрени.
- 10) Ходить въ церковь, при которой кто квартиру имѣеть, чего десятскимъ смотрѣть приказывать накрѣпко.
- 11) Квартиру имѣть ученикамъ тѣмъ у священниковъ, діаконъ и прочихъ клириковъ; а гдѣ священнослужителей мало имѣется, у обывателей.
- 12) Для собранія учениковъ привѣсить близъ школы на высокомъ мѣстѣ колокольчикъ, въ который звонить, чтобы они слушали того колокольчика и шли бы въ школу.
- 13) Звонить приказывать въ лѣтнее время, когда дни великіе, по восхожденіи солнца часа два спустя, и отпускать послѣ обѣда передъ вечеромъ часа за два до захожденія солнца.
- 14) Въ зимнее и осеннее время звонить въ школу, какъ видно будетъ читать, а отпускать при захожденіи солнца.
- 15) Звонокъ дважды долженъ быть въ день: поутру и послѣ обѣда.
- 16) Послѣ обѣда, считая по выходѣ изъ школы часа два спустя, звонить въ школу.

17) Къ праздникамъ симъ Господскимъ: Рождеству Христову и Святой Пасхѣ на двѣ недѣли, да, сверхъ того, съ поль-юля до половины августа и тако на цѣлый мѣсяцъ отпущать въ дома къ своимъ родителямъ съ подписками, а ближнихъ можно и къ прочимъ праздникамъ отпущать.

18) По субботамъ послѣ обѣда не быть ученію обыкновенному, однакожъ ученики должны въ школу собираться, и учителя читать имъ имѣють катехизисъ, кто можетъ съ толкованіемъ, а кто не можетъ, просто читать, какъ написано.

19) Въ субботы до обѣдни или послѣ обѣдни можно учителю читать акаеистъ Пресвятой Богородицѣ.

20) Учители должны приказывать ученикамъ, чтобы наизусть выучили Архангелово къ Пресвятой Богородицѣ привѣтствіе сіе: «Богородице Дѣво, радуйся». И тое бы прочитывалъ всякъ про себя на всякъ день по утру 12 и ввечеру 12 же разъ, и такъ на каждыя сутки 24 раза.

21) Учиться ученикамъ такимъ образомъ: которые Часословъ или Псалтирь учать, тѣмъ до обѣда учиться читать, а послѣ обѣда писать, ибо тако имъ учиться по перемѣнамъ веселѣе и охотнѣе будетъ.

22) Во вторникъ и четвертокъ послѣ обѣда вновь не учиться, а прочитывать ученое, дабы, что выучили, не позабыли.

23) По собраніи учениковъ въ школу, какъ учитель придетъ въ школу, читать съ умиленіемъ и благоговѣніемъ тропарь недѣли сыропустныя: «Премудрости Наставниче, смысла Подателю, немудрыхъ наказателю и нищихъ Защитителю, утверди, вразуми сердце мое, Владыко». И читать не одному, но всѣмъ ученикамъ косо и вразумительно, а читать до обѣда и послѣ обѣда, какъ учитель въ школу придетъ.

24) Выходя изъ школы, читать: Достойно есть...

25) Учитель, понеже не можно всѣхъ учениковъ выслушать до конца, какъ кто урокъ свой назначенный выучилъ, долженъ опредѣлить надзирателей изъ лучшихъ учениковъ, которые и Псалтирь уже выучили и не худо читаютъ, и поручить имъ назначенное число учениковъ, чтобы всякъ своихъ знать, и до прихода учителя въ школу слушалъ, и учителю, по приходѣ въ школу, репортовалъ, какъ кто задачу свою выучилъ.

26) Учитель, по доносѣ надзирателей, тѣхъ нерадивыхъ и лѣнивыхъ учениковъ, по разсмотрѣнію, долженъ наказывать; а прилежныхъ и о своей пользѣ старающихся жаловать, какъ можетъ.

27) А которые ученики явятся въ понятіи и изучатся книго-чтенію и писанію, о тѣхъ немедленно представлять къ намъ, кто именно и чьи дѣти.

28) Будучи же при семъ, означенному учителю поступать добропорядочно и во всемъ вышеписанномъ исполнять непремѣнно подѣ

опасеніемъ, за какое либо преступленіе или же въ чемъ вышеписанномъ неисполненіе, должнаго и неупустительнаго по указамъ штрафованія ¹⁾).

Почти единовременно съ духовенствомъ и у мѣстнаго дворянства явилась мысль о необходимости школьнаго просвѣщенія. Выразителемъ этого просвѣтительнаго стремленія былъ у насъ пасторъ Яганъ Фуксъ, начавшій свою педагогическую дѣятельность открытіемъ частной дворянской школы въ городѣ Тамбовѣ. Это было въ маѣ 1778 года. Пасторъ Фуксъ прибылъ въ нашъ городъ по приглашенію нѣкоторыхъ дворянъ и открылъ училище на 15 дворянскихъ дѣтей. Онъ преподавалъ тамбовскому благородному юношеству латинскій, французскій и нѣмецкій языки, ариметику, геометрію, артиллерію, фортификацію, исторію, географію, политику, логику, физику и философію... За выучку бралъ съ каждаго ученика по 15 рублей въ годъ. Дѣти учились у него до обѣда и послѣ обѣда. Нѣкоторыя изъ нихъ за особую плату жили у него.

Въ годъ открытія своего тамбовскаго училища Фуксъ публиковалъ, что намѣренъ учредить пансіонъ и для дворянскихъ дѣвицъ и что съ этою цѣлію онъ выписываетъ мадаму съ извѣстными достоинствами и съ настоящимъ удостовѣреніемъ о ея знаніи въ разсужденіи обученія дѣвицъ. Но было ли открыто Фуксомъ женское училище въ Тамбовѣ — неизвѣстно. Что же касается мужскаго его училища, то оно просуществовало очень недолго, такъ какъ при Г. Р. Державинѣ во время открытія народныхъ училищъ о немъ не было ни слуху, ни духу... Такимъ образомъ дѣятельность Фукса оказалось у насъ не по сезону и не по мѣсту ²⁾...

Но большинство тамбовскихъ родителей отдавало своихъ дѣтей на выучку къ тѣмъ излюбленнымъ старою неприхотливою Русью учителямъ, о которыхъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ извѣстный майоръ Даниловъ. Изъ такихъ вольныхъ учителей въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка славился у насъ заштатный пономарь Терентій Ѳедоровъ, который вслѣдствіе паралича не владѣлъ правою рукою и потому могъ обучать только одному чтенію. А кому позволяли средства, тѣ дальнѣйшее образованіе своихъ дѣтей поручали выписнымъ иностранцамъ. Въ этомъ случаѣ иные тамбовскіе помѣщики тратили довольно значительныя суммы, выписывая заморскихъ педагоговъ прямо изъ Лондона и Парижа. Почти всѣ эти иностранцы были, конечно, всего менѣе знакомы съ наукою и педагогикою, и потому вся ихъ воспитательная роль сводилась

¹⁾ Эту инструкцію мы получили отъ пресвященнаго Димитрія, епископа подольскаго и брацлавскаго.

²⁾ Коротенькая рукопись о Фуксѣ хранится въ архивѣ Тамбовской ученой архивной комиссіи.

къ одной болтовнѣ на какомъ нибудь иноземномъ нарѣчїи... Думаемъ такъ, между прочимъ, на томъ основанїи, что, напримѣръ, у козловскаго помѣщика Безобразова учителемъ и воспитателемъ дѣтей былъ придворный скороходъ Яковъ Штальцманъ. Кромѣ того, дѣти чиновниковъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ учились грамотѣ во всѣхъ городскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Крайне юные, лѣтъ 13 или 14, эти молодые люди поступали на гражданскую службу и втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ учились читать и писать у разныхъ копистовъ, регистраторовъ и канцеляристовъ, которые сами въ свое время проходили точно такой же курсъ ученїя. И замѣчательно, всѣмъ таковымъ юнцамъ грамота почти всегда давалась очень туго, а канцелярская практическая мудрость, тяжело отзывавшаяся на вольныхъ и невольныхъ просителехъ, постигалась ими чуть не сразу...

Въ первый разъ мысль объ открытіи въ Тамбовѣ серьезнаго общественнаго училища явилась въ январѣ 1780 года, когда открытъ былъ мѣстный приказъ общественнаго призрѣнїя. Мысль эта внушена была тамбовскимъ властямъ самою императрицею Екатериною II, которая пожертвовала тамбовскому приказу 15.000 рублей именно на училищное дѣло.

2-го ноября 1783 года рязанскій и тамбовскій генераль-губернаторъ М. Ѡ. Каменскій напомнилъ Тамбову о высочайшей волѣ. Вотъ что писалъ онъ правителю тамбовскаго намѣстничества П. П. Коновницыну: «при заведенїи приказа общественнаго призрѣнїя изъ казны дано было ему 15.000 рублей, между прочимъ, для заведенїя школъ. А школы и теперь нѣтъ въ Тамбовѣ, и не замѣтны приготовленїя къ ея открытію, и бѣдные дворяне отъ этого вступаютъ даже въ разные пороки. Посему предлагаю на первый разъ завести хоть самую простую школу, чтобы тамъ дворяне учились читать и писать, началамъ ариѳметики и катехизису. Послѣ чего они могли бы поступать въ различныя канцеляріи для практическаго изученїя гражданского порядка». По поводу этой генераль-губернаторской грамоты Коновницынъ немедленно собралъ всѣхъ членовъ тамбовскаго приказа, а также почетнѣйшихъ представителей мѣстнаго дворянства, и въ этомъ чрезвычайномъ засѣданїи рѣшено было отвѣтить главному начальнику края такъ: «въ полномъ собранїи членовъ приказа предложена была подписка на открытіе школы, но всѣ отказались отъ оной подписки»...

Къ счастью, въ 1786 году прибылъ въ Тамбовъ въ качествѣ правителя намѣстничества Г. Р. Державинъ, который, конечно, не могъ остаться равнодушнымъ къ дѣлу народнаго просвѣщенїя.

22-го сентября 1786 года въ Тамбовѣ было открыто 4-хъ-классное главное народное училище, а въ слѣдующемъ году въ нѣкоторыхъ тамбовскихъ уѣздныхъ городахъ открыто было шесть ма-

лыхъ народныхъ училищъ, и приняты были въ то же время мѣры къ тому, чтобы ни одинъ тамбовскій городъ не оставался впослѣдствіи безъ народнаго всесословнаго училища.

Ученіе въ тамбовскомъ главномъ училищѣ началось спустя два мѣсяца по его открытіи. Такое замедленіе произошло вслѣдствіе недостатка въ Тамбовѣ классныхъ досокъ, грифелей, карандашей, азбучныхъ таблицъ и учебныхъ книгъ. Не хватило также для классныхъ комнатъ столовъ и стульевъ. Долго ждали еще изъ петербургской учительской семинаріи учителей и, не дождавшись, стали розыскивать ихъ въ сосѣднихъ съ Тамбовскимъ намѣстничествомъ семинаріяхъ—Рязанской и Сѣвской.

Всѣ тамбовскія училища открыты были съ замѣчательною по тому времени торжественностію, въ присутствіи многочисленныхъ представителей всѣхъ сословій. Во многихъ городахъ произносились нескладно высокопарныя рѣчи, въ которыхъ выражалась благодарность Екатеринѣ II за покровительство народному образованію, а самое это образованіе лицемѣрно представлялось величайшимъ блаженствомъ рода человѣческаго.

Всѣхъ учениковъ въ главномъ училищѣ къ концу перваго учебнаго года значилось по спискамъ 106 человѣкъ. Такая довольно значительная цифра объясняется тѣмъ, что, по распоряженію Державина, мальчиковъ иногда забирали въ классы насильно чрезъ полицію. Дворянскихъ дѣтей, конечно, не трогали, и потому большинство учениковъ принадлежало къ мѣщанскому и однодворческому сословіямъ. Не мало было въ училищахъ также и дѣтей дворовыхъ. Въ 1787 году во всѣхъ тамбовскихъ училищахъ всѣхъ учениковъ было 366 человѣкъ.

Первоначальный бытъ тамбовскихъ училищъ былъ самый жалкій; всѣ они терпѣли крайнюю бѣдность. Даже губернское училище помѣщено было въ такомъ домѣ, гдѣ печи дымили и не грѣли, полы были гнилыя, штукатурка отваливалась, двери въ классахъ плотно не затворялись, въ окнахъ не доставало стеколъ, крыши лѣтомъ протекали; даже черныхъ досокъ и мѣлу въ тамбовскомъ училищѣ постоянно не доставало. Жалованье учителямъ выдавалось неаккуратно, рублей по 25 въ годъ. Хорошо еще было то, что въ интересы нашихъ первыхъ учителей ближайшимъ образомъ входилъ директоръ А. А. Жоховъ, личность чрезвычайно симпатичная, преданная дѣлу народнаго образованія и служителямъ этого дѣла—всѣмъ народнымъ учителямъ. Безъ его заступничества плохо пришлось бы тамбовскимъ педагогамъ. То было время, когда званіе учителя считалось чуть ли не самымъ низменнымъ въ чиновной іерархіи.

Однажды въ Козловѣ какой-то секретарь Зуевъ прибилъ учителя Половневскаго, и никто изъ городскихъ жителей не смутился этимъ. Всякій понималъ это дѣло такъ, что высшій чинъ билъ низшаго...

Не такъ взглянулъ на дѣло Жоховъ. Онъ написалъ губернатору Звѣреву слѣдующее письмо:

«Секретарь Зуевъ прибилъ козловскаго учителя Половневскаго. По долгу званія моего прибѣгаю къ вашему превосходительству, яко попечителю тамбовскихъ училищъ и защитнику всѣмъ участвующимъ въ столь полезныхъ заведеніяхъ... Всепокорнѣйше прошу не оставить этого дѣла безъ изысканія, ибо въ противномъ случаѣ будетъ крайняя обида учителя, человѣка, украшеннаго достоинствами, его званію приличными, а жители города могутъ утратить уваженіе къ Половневскому, для его званія весьма необходимое».

Несомнѣнно, что А. А. Жоховъ былъ человѣкомъ вполне образованнымъ для своего времени. Онъ отлично велъ канцелярскія дѣла. Всѣ его предложенія учителямъ и рапорты приказу и намѣстникамъ написаны очень складно, съ достоинствомъ, и испещрены искусно подобранными указаніями на статьи законовъ.

Не таково было большинство тамбовскихъ учителей. Первоначальный составъ ихъ былъ далеко неудовлетворителенъ. Всѣ они были воспитанники духовныхъ семинарій, которыя въ прежнее время вовсе не блистали полнотою и основательностію научнаго образованія. При этомъ нельзя не обратить вниманія и на то, что общественное и экономическое положеніе учителей нисколько не содѣйствовало ихъ саморазвитію. Вотъ что писали въ 1791 году козловскіе учителя директору Жохову: «Уже наступилъ другой мѣсяцъ, какъ мы, не имѣя отъ магистрата квартиры, живемъ въ классахъ, чѣмъ, весьма много притѣсня учениковъ, препятствуемъ преподаванію ученія. Да и сами, претерпѣвая великую тѣсноту и не имѣя средствъ порядочно расположить домашнее свое содержаніе, приходимъ отъ сего въ великое разореніе».

По поводу этой жалобы козловскій городничій Сердюковъ съ своей стороны написалъ въ Тамбовъ слѣдующее: «часто въ должные для ученія часы я не заставалъ козловскихъ учителей въ классахъ, а шатающихся по городу лѣнности ради. Въ ночное время незнаемо какіе люди къ нимъ ходятъ, и я уже третью квартиру ищу имъ единственно по ихъ вадорному житію. Сія учителя препоручены въ смотрѣніе купцу Тихону Баженову, но оный Баженовъ почти никогда въ школѣ не бываетъ, слѣдственно должнаго надъ учителями надзиранія нѣтъ».

Сердюковъ, очевидно, хотѣлъ прибрать козловскихъ учителей къ своимъ рукамъ. Суровый козловскій городничій поступалъ съ учителями такъ, какъ будто облеченъ былъ надъ ними чрезвычайною властію. Это видно изъ слѣдующей жалобы учителя Половневскаго: «городничій съ наступленіемъ сумерекъ не велитъ выпускать меня со двора, и каждую ночь полицейскій солдатъ приходитъ освѣдомляться: дома ли я. А встрѣтитъ меня городничій на улицѣ—ругательски ругаетъ».

Такое положеніе козловскихъ учителей было тѣмъ тяжелѣе, что городъ Козловъ, по выѣздѣ изъ губерніи Державина, положительно отказался отъ содержанія училища, а училищный попечитель, купецъ Баженовъ, нисколько не стѣсняясь, говорилъ въ обществѣ, что всѣ училища вредны, и оныя полезно повсемѣстно закрыть. На этомъ основаніи онъ почти не являлся въ классы, а когда являлся, то считалъ долгомъ своимъ словами и дѣйствіями обижать учителей и учениковъ.

Высокомѣрное отношеніе общества къ учителямъ вызывалось, между прочимъ, самымъ ихъ поведеніемъ, далеко не удовлетворительнымъ. Это видно изъ слѣдующаго факта. Зимой 1792 года директоръ Жоховъ поѣхалъ въ Козловъ для ревизіи училища и вотъ что писалъ по окончаніи ревизіи въ тамбовскій приказъ: «Козловское народное училище уже вовсе не существуетъ, а причины, послужившія къ его несуществованію, суть весьма многообразны. Главнѣйшая же изъ нихъ—непорядочная и ни съ какими правилами несходствующая жизнь учителей онаго, которые заводятъ ссоры между собою и съ нѣкоторыми изъ жителей города».

Дѣйствительно, было отчего придти въ разочарованіе тогдашнимъ народнымъ образованіемъ даже такому искреннему заступнику учителей, какимъ былъ директоръ училищъ Жоховъ. Когда онъ вошелъ въ козловское училище, тамъ не оказалось никого, кромѣ сторожа, хотя это было въ учебные часы. Жоховъ пошелъ къ старшему учителю Половневскому на квартиру, но и на квартирѣ его не было.

— Гдѣ учитель Половневскій?—спросилъ Жоховъ.

— Давно ужъ уѣхалъ съ женою въ Липецкъ,—отвѣчали ему.

Тогда директоръ отправился въ квартиру другого учителя, котораго тоже не оказалось дома. «Были у него на дому съ утра 5 учениковъ,—поясняли директору,—но учитель отпустилъ ихъ по домамъ, а самъ пошелъ куда-то въ городъ».

Естественно ожидать послѣ этого, что козловскіе учителя, по крайней мѣрѣ, были отставлены отъ службы. Но вышло совсѣмъ другое. Старшій учитель Половневскій, вернувшись изъ Липецка, спокойно поѣхалъ въ Тамбовъ и представилъ въ приказъ 120 рублей, собранные по подпискѣ на постройку козловскаго училищнаго дома. Вслѣдствіе этого всѣ его служебныя погрѣшности были забыты, и ему былъ выданъ даже отъ губернскаго начальства похвальный аттестатъ за примѣрно ревностную службу.

Въ 1790 году, по отъѣздѣ изъ Тамбова Г. Р. Державина, тамбовское училищное дѣло сразу ослабѣло. Уничтожены были училища въ Лебедяни, Шацкѣ, Спасскѣ и Темниковѣ. Все это городскія общества продѣлывали на основаніи слѣдующихъ соображеній, вышедшихъ, повидимому, изъ одной редакціи и слѣдовательно какъ бы по тайному уговору всѣхъ уѣздныхъ магистратовъ: «Ку-

пецкихъ и мѣщанскихъ дѣтей,—писали города правителю Тамбовскаго намѣстничества Звѣреву,—въ школахъ не состоитъ, да и впредь къ изученію въ училища отдавать дѣтей мы не намѣрены. Того ради содержать училища желанія нашего не состоитъ, и мы не видимъ для себя отъ оныхъ пользы». Даже губернской приказъ, обязанный по самому смыслу своего учрежденія защищать народную школу, и тотъ видимо сочувствовалъ ретрограднымъ стремленіямъ уѣзднымъ магистратовъ и съ весьма непохвальною поспѣшностью предписывалъ учителямъ поскорѣе закрывать училища, причемъ циркулярно утѣшалъ ихъ приглашеніемъ въ Тамбовъ за полученіемъ похвальныхъ аттестатовъ.

Имѣя самыя скудныя матеріальныя средства, уцѣлѣвшія тамбовскія училища и въ учебномъ отношеніи стояли слишкомъ невысоко. Дѣло въ нихъ начиналось обыкновенно съ изученія азовъ и складовъ, что совершалось при помощи букварей и стѣнныхъ таблицъ; затѣмъ преуспѣвшіе ученики переходили къ часословамъ и, наконецъ, уже выступали на сцену различные краткіе учебники, наскоро и неумѣло составленные, по которымъ начиналась болѣе или менѣе усиленная долбня, причемъ о самостоятельномъ преподаваніи уроковъ не думалъ и не смѣлъ думать ни одинъ учитель.

О силѣ стремленія къ умственному развитію, конечно, можно судить по количеству и качеству поступающихъ въ обращеніе между извѣстными читателями книгъ. А въ тамбовскихъ училищахъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій книгъ вообще получалось очень мало. Такъ, на примѣръ, въ 1791 году для всего намѣстничества, для училищъ, дворянъ и чиновниковъ тамбовскій приказъ выписалъ всѣхъ книгъ на сумму 250 рублей 65 копеекъ. Да и эти книги болѣею частью лежали безъ употребленія. Такъ, на примѣръ, въ Шацкѣ, Елатымѣ, Липецкѣ и Моршанскѣ изъ присланныхъ книгъ не купили ни одной. Уже въ 1804 году тамбовская училищная библіотека понемногу стала наполняться книгами для чтенія. Вотъ важнѣйшія книги, поступившія за этотъ годъ въ училищное книгохранилище: Іоанна Масона «О познаніи себя», «Характеры или свойство и дружество», «Бытіе разумное или нравственныя мысли, почерпнутыя изъ размышленій Юнга», «Картина всемогущества, премудрости и благости Божественной, созерцаемая въ правдѣ», «Лѣтопись имперіи отъ Карла Великаго до нынѣшнихъ временъ», «Наука быть учтивымъ», «Жизнь и странныя приключенія умершаго Карла-Эдуарда», «Дружескіе совѣты молодому человѣку», «Городской житель во искушеніи», «Жизнь отца моего—трудолюбиваго поселянина», поэма «Авелева смерть» и I-я часть «Исторіи Россійскаго государства» Стриттера...

Въ описываемое нами время преподаваніе въ главномъ тамбовскомъ училищѣ шло слѣдующимъ образомъ. Нѣкто Исаевъ,

учитель російской грамматики, приходилъ въ классъ въ длинномъ домашнемъ балахонѣ и обыкновенно спрашивалъ:

— Что у васъ, ребятки, сегодня за урокъ?

— Пѣніе, г. учитель, — отвѣчали ему хорошо знавшіе его ученики.

— Ну, пойте же! — дозволялъ Исаевъ.

И, дѣйствительно, во время урока російской грамматики начиналось шумное и разнообразное пѣніе, потому болѣе бойкіе ученики выбѣгали на средину классной комнаты и пускались въ плясъ. Вся эта комедія иногда завершалась тѣмъ, что дубродушнаго и крайне недалекаго Исаева качали на рукахъ. А которые учителя были способнѣе, тѣ при малѣйшемъ удобномъ случаѣ торопились промѣнять свое педагогическое поприще на какое нибудь другое. Вслѣдствіе этого извѣстный Янковичъ-де-Маріево выражалъ такія жалобы: «Учителя домогаются разными образами отбыть отъ настоящаго своего званія, и народныя училища приходятъ отъ сего въ упадокъ и запустѣніе»...

Въ 1790 году въ Тамбовѣ появилось другое учебное заведеніе, вмѣстѣ съ главнымъ народнымъ училищемъ призванное къ разсѣянію народнаго невѣжества въ Тамбовскомъ краѣ. Это духовная семинарія, переведенная изъ Нижняго Ломова и въ названномъ году уже имѣвшая 500 воспитанниковъ. Но и духовная семинарія очень долго была въ самомъ неудовлетворительномъ учебно-воспитательномъ состояніи. Относительно внѣшней обстановки она стояла значительно ниже тамбовскаго главнаго народнаго училища. На 2.000 рублей семинарія должна была содержать своихъ начальниковъ и преподавателей, должна была давать пріютъ, пищу и одежду 30 казеннокоштнымъ ученикамъ, должна была за всѣми остальными расходами строить зданія для своего помѣщенія.

Когда епархіальное начальство стало заботиться о составѣ педагогической корпораціи въ семинаріи, то во всей Тамбовской епархіи не оказалось на лицо ни одного хоть сколько нибудь образованнаго человѣка изъ духовнаго званія: всѣ наши священники и монахи, по свидѣтельству синодскаго указа объ открытіи семинаріи, были не книжные. Тогда епископъ Теофиль ректора вызвалъ изъ Владимірской епархіи, а троихъ преподавателей — изъ Рязани. Такъ положено было начало тамбовской семинаріи, представившей впослѣдствіи значительный контингентъ видныхъ дѣятелей для всевозможныхъ поприщъ и въ этомъ отношеніи опередившей не одно главное тамбовское училище. Изъ убогихъ каморъ тамбовской семинаріи и въ убогихъ одеждахъ, скромные и терпѣливые, вышли на свѣтъ божій многіе дѣятели, ставшіе впослѣдствіи извѣстными всей образованной Россіи. Одни изъ нихъ занимали или занимаютъ епископскія кафедръ, напримѣръ, Фила-

реть черниговскій, Нектарій нижегородскій, Веніаминъ иркутскій, Павелъ олонецкій, Антоній выборгскій, Серафимъ аксайскій и Варсонофій симбирскій; другіе прославились, какъ талантливые и опытные профессора и писатели, напримѣръ, извѣстный петербургскій протоіерей Кочетовъ, профессоръ Аристовъ, докторъ Матчерскій, беллетристъ Левитовъ и многіе другіе. Даже на административномъ поприщѣ, наименѣе доступномъ людямъ безъ всякой протекціи, тамбовская семинарія имѣла своихъ видныхъ представителей, и одинъ изъ нихъ въ качествѣ департаментскаго директора (Оржевскій) въ 40-хъ годахъ былъ огромною силою въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Но такая дѣятельность развивалась въ нашей семинаріи потомъ, а сначала, нѣсколько десятковъ лѣтъ, семинарія бѣдствовала во всѣхъ отношеніяхъ...

Прежде всего трудно было собрать учениковъ въ семинарію. Церковники не имѣли никакого желанія учиться, и консисторскіе пристава, по резолюціи епископа Теофила, привозили ихъ въ Тамбовъ насильно. Здѣсь урослые юнцы сразу становились въ оппозицію къ заведенію и, не долго думая, многіе изъ нихъ бѣжали домой, гдѣ ихъ ласково встрѣчали сердобольные отцы и матери. Нѣкоторые изъ духовныхъ родителей доходили до того, что коллективно подавали на архіерейское имя прошенія объ освобожденіи сыновей ихъ отъ ученія. Такъ, въ 1813 году поступили всѣ моршанскіе причты. Но епископъ Теофилъ и его преемникъ Іона были неумолимы и донимали ретроградныхъ родителей денежными штрафами. Тогда постепенно въ средѣ нашего духовенства явилось обязательное обученіе всѣхъ дѣтей, и мѣстное духовное просвѣщеніе въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія наконецъ установилось.

Первоначальный бытъ нашихъ семинаристовъ отличался величайшимъ убожествомъ. И въ классъ, и въ церковь, и на прогулку они выходили въ неизмѣнныхъ костюмахъ: въ нанковыхъ и сержанскихъ халатахъ, подпоясанныхъ простыми кушаками, а нѣкоторые, кромѣ того, въ лаптяхъ. Не красна также была жизнь начальниковъ и преподавателей семинарскихъ. Ректоръ получалъ годоваго жалованья 150 рублей, префектъ—100, учитель реторики и пѣтики—80 рублей, учитель грамматики—40 рублей, заправной учитель—24 рубля и учитель нотнаго пѣнія—20 рублей. Самое зданіе семинаріи, не огороженное, долго одиноко стояло подъ лубочною кровлею, а вмѣсто мебели въ классахъ были древесные пни.

Лекцій и объясненій въ семинарскихъ классахъ почти не бывало. Ученики упражнялись въ заучиваніи разныхъ учебниковъ. Эти учебники были слѣдующіе: богословіе—Карпинскаго, философія—Баумейстера, риторика—Бургія, пѣтика—Аполлосова. По главнымъ предметамъ въ трехъ старшихъ классахъ писали схоластическія сочиненія на русскомъ и латинскомъ языкахъ. А

какъ писали, это видно изъ слѣдующаго прошенія, старательно составленнаго въ 1792 году однимъ лучшимъ ученикомъ Тамбовской семинаріи и поданнаго генераль-губернатору Гудовичу.

«Извѣстно,—писалъ студентъ Добровскій,—что ваше высокопревосходительство неисчетными всегда обременены бываете трудами и неусыпнымъ попеченіемъ. Почему не надлежитъ и непристойно кому либо изъ низкаго состоянія въ большее еще приводитъ духъ вашего высокопревосходительства смущеніе и безпокойство. Но какъ бѣдность и несчастіе нигдѣ себѣ не находятъ пристанища, кромѣ знаменитыхъ и титломъ высокаго достоинства почтенныхъ особъ, то я и дерзнулъ, какъ бы позабывъ о неповозимомъ подлomu состоянію предпріятіи, прибѣгнуть подъ ваше защищеніе и благоснисходительство. Благоволите меня низжайшаго опредѣлить въ статскую или военную службу»...

Нѣкоторые семинаристы, искатели канцелярскихъ должностей, сразу желали зарекомендовать себя предъ начальствомъ и потому въ прошеніяхъ пускались въ краснорѣчіе. Вотъ, на примѣръ, какъ написалъ прошеніе въ губернское правленіе отставной архіерейскій пѣвчій Анаевскій: «Обучался я въ хорѣ преосвященнаго Теофила гражданскому и церковному пѣнію и для правописанія російской грамматикѣ. Потомъ, по усовершенствованіи пѣвческими дисциплинами и по спаденіи гармоническаго голоса, я желаю поступить въ губернское правленіе подъ премудрую десницу начальства»...

Многіе ученики въ Тамбовской семинаріи, какъ и въ другихъ, подолгу оставались въ классахъ и достигали солиднаго возраста. Поэтому они совершенно оставляли науку, добровольно садились на заднія парты, добивались иногда званія сѣкуторовъ, или архангеловъ, и мирно дожидались исключки. Въ то время, когда въ семинаріи не было уроковъ, всѣ эти богатыри наводили ужасъ на питейныя заведенія и на мѣстныхъ мѣщанъ и однодворцевъ, съ которыми любили сражаться во время кулачныхъ боевъ. Легендарная память о семинарскихъ герояхъ отчасти сохранилась и теперь. Почти всѣ они въ свое время были исключены изъ семинаріи, и семинарское начальство напутствовало ихъ въ житейское море примѣрно слѣдующими аттестаціями: «Ученикъ такой-то. Уволенъ за малоуспѣшность и великовозрастіе. Онъ ученикъ до драки и пьянства скорый, въ лѣности весьма упрямый»...

Одинъ изъ такихъ семинарскихъ птенцовъ однажды такъ отличился на питейномъ поприщѣ, что его потребовали къ самому епископу Теофилу на показъ. Грозный епископъ велѣлъ посадить буйнаго бурсака въ стулъ съ чепью. Но когда виновника повели въ консисторскую арестантскую камору, онъ громкимъ басомъ, на весь Казанскій монастырь, зашѣлъ: «Безумное велѣніе

злочестиваго мучителя... Это пѣснопѣніе отлично слышалъ и самъ Теофиль...

Въ 1798 году, благодаря извѣстному благоволенію императора Павла къ духовному вѣдомству, послѣдовало нѣкоторое улучшение матеріальнаго быта Тамбовской духовной семинаріи: къ двумъ тысячамъ ея бюджета прибавлено полторы тысячи. А при Александрѣ I-мъ сумма ежегоднаго семинарскаго расхода возвысилась до семи тысячъ, и жалованье всѣхъ служащихъ въ семинаріи увеличилось болѣе чѣмъ вдвое, такъ что, напримѣръ, ректоръ сталъ получать 350 рублей въ годъ. Улучшилось также и матеріальное положеніе самихъ семинаристовъ: за ними епископъ Іона сталъ зачислять разныя приходскія мѣста съ правомъ полученія части доходовъ.

Измѣненія коснулись, между прочимъ, и семинарскаго программы. Въ 1800 году учебный курсъ въ Тамбовской семинаріи усложнился исторіею, географіею, ариѳметикою и геометріею; потомъ въ 1803 году стали преподавать еще медицину, анатомію, фивіологію, терапію и исторію медицины. Очевидно, высшему правительству желательно было, чтобы приходскіе пастыри одновременно были врачами душъ и тѣлесъ... Разумѣется, всѣ новыя семинарскія науки преподавались кое-какъ, и семинаристы выходили въ свѣтъ безъ всякихъ положительныхъ научныхъ знаній. Но хуже всего для нихъ было то, что они слишкомъ слабо знакомы были съ текстомъ священнаго писанія и положительно уступали въ этомъ отношеніи малограмотнымъ раскольничьимъ и сектантскимъ начетчикамъ. Были, однако, и въ старыхъ семинаріяхъ нѣкоторыя хорошія стороны. Лучшіе ученики-семинаристы приобрѣтали основательное знаніе латыни и довольно значительную силу теоретической мысли. Это была почва, на которой впослѣдствіи удобно могли развиваться молодые люди для разныхъ самостоятельныхъ работъ.

Образовательныя средства г. Тамбова еще немного усилились въ 1802 году. Мѣстные дворяне, въ память подтвержденія императоромъ Александромъ I-мъ дворянской жалованной грамоты, постановили основать въ г. Тамбовѣ дворянскій училищный корпусъ, преимущественно для дѣтей бѣдныхъ дворянъ, изъ которыхъ лучшіе ученики могли безъ экзамена поступать въ кадетскіе корпуса и университеты. Дворянскій комитетъ, которому поручено было основаніе новаго училища, рѣшилъ учредить для обученія учениковъ языкамъ три класса: російскій, французскій и нѣмецкій, и прочимъ наукамъ три же класса: рисовальный съ гражданскою архитектурою, географическій обще съ исторіею, математическій обще съ физикою. Кромѣ того, въ учебную программу дворянскаго училища входилъ Законъ Божій...

Вотъ и всѣ образовательныя средства, которыми владѣлъ Тамбовскій край во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣ-

тія. Правда, въ 1820 году у насъ появились было двѣ домашнія учительницы: Филиппо и Бѣлокопытова. Но Казанскій университетъ, ревнуя о народномъ просвѣщеніи и дѣйствуя въ духѣ извѣстнаго Магницкаго, рѣшился изгнать ихъ изъ Тамбова. Филиппо дѣйствительно была изгнана, а Бѣлокопытова сумѣла удержаться на мѣстѣ. Какъ бывшая воспитанница Московскаго Екатерининскаго института, она весьма храбро защищала свои права передъ начальствомъ. Вотъ что писала она тамбовской полиціи: «чтобы не вздумали воспретить мнѣ воспитаніе дѣтей, единственный способъ моего пропитанія, съ нынѣшнею почтою препровождаю просьбу къ вдовствующей императрицѣ по праву всякой воспитанницы института и позволенію императрицы относиться къ ней во всякой личной обидѣ»...

Таковъ общій темный фонъ изображаемой нами минувшей картины тамбовскаго народнаго просвѣщенія. Но и на этомъ фонѣ были свѣтлыя пятна.

Просвѣтительное вліяніе Екатерининской эпохи выразилось у насъ въ средѣ дворянства въ постепенно возроставшемъ количествѣ людей просвѣщенныхъ. Не прекращая ближайшихъ и сердечныхъ отношеній къ своему отечеству, которое они любили нелицемѣрно, но въ то же время, такъ сказать, критическою любовью, тѣ люди горячо стремились къ западу и къ его свѣтлымъ и гуманнымъ идеямъ, освѣжая такимъ образомъ родную атмосферу здоровыми началами... Такъ, въ 1791 году тамбовскій помѣщикъ Иванъ Васильевичъ Вышеславцевъ, имѣя 25 лѣтъ отъ роду, пренебрегъ всѣми своими хозяйственными, семейными и служебными интересами и поѣхалъ въ Берлинскій университетъ учиться. Слушая профессорскія лекціи, Вышеславцевъ въ то же время неумоимо переводилъ на русскій языкъ Флоріана. Подлинникъ его переводовъ въ рукописи хранится у одного изъ его внуковъ, Л. В. Вышеславцева. Къ несчастью, нашъ талантливый и трудолюбивый соотечественникъ, о которомъ берлинскіе профессора отзывались съ полнымъ сочувствіемъ, неожиданно умеръ въ 1794 году въ Берлинѣ. Но любовь къ литературѣ въ извѣстной степени сдѣлалась въ его родѣ семейною, и, безъ всякаго сомнѣнія, нашъ извѣстный писатель, А. В. Вышеславцевъ, вдохновлялся примѣромъ своего замѣчательнаго дѣда...

Еще симпатичнѣе Вышеславцева представляется намъ другой тамбовскій гражданинъ, шацкій помѣщикъ и дѣйствительный камергеръ Александръ Ѳедоровичъ Талызинъ. Въ бурную Пугачевскую эпоху, когда со стороны крестьянства совершалась масса извѣстныхъ злодѣяній относительно дворянъ, а потомъ началось грозное правительственное возмездіе, великодушный нашъ соотечественникъ отнесся къ своимъ замутившимся крестьянамъ съ христіанскимъ всепрощеніемъ. Крестьяне его, по приказанію старосты Ѳе-

дотова, ходили въ лѣса для ловли дворянства и разную добычу денежную въ тѣхъ лѣсахъ дѣлили; слѣдовательно, заслуживали тяжкой кары. И дѣйствительно судъ приговаривалъ ихъ кого къ сѣченію плетми и къ каторгѣ, кого вмѣстѣ съ старостой къ повѣщенію... Но добрый помѣщикъ, руководствуясь христіанскими правилами и опираясь на великодушіе всемілосердой монархини, сталъ ходатайствовать за своихъ увлеченныхъ крестьянъ, за своихъ сиротъ... И многіе крестьяне только по его ходатайству спаслись отъ заслуженнаго наказанія.

Просвѣтительныя и гуманныя идеи въ средѣ нашихъ интеллигентныхъ людей развивались и въ слѣдующемъ поколѣніи. Всѣхъ выразителей этихъ идей мы не знаемъ. Память объ нихъ выясняется постепенно. Въ данномъ случаѣ мы останавливаемся на Николаѣ Ивановичѣ Кривцовѣ. При Александрѣ I онъ былъ любимымъ царскимъ флигель-адъютантомъ и послѣ Отечественной войны сопровождалъ государя во всѣхъ его походахъ. Во время Лейпцигской битвы у Кривцова была оторвана нога, и онъ вынужденъ былъ оставить военную службу. Впослѣдствіи Кривцовъ былъ воронежскимъ губернаторомъ, на этомъ посту мужественно воевалъ съ чиновными взяточниками, изъ которыхъ двухъ совѣтниковъ онъ даже прибилъ палкою въ присутствіи губернскаго правленія, и за это былъ переведенъ въ другую губернію. Въ началѣ царствованія императора Николая I Николай Ивановичъ почему-то попалъ въ опалу и навсегда удалился въ свое кирсановское имѣніе, въ село Любичи, въ 40 верстахъ отъ уѣзднаго города.

Мы обратили особенное вниманіе на Николая Ивановича Кривцова потому, что онъ былъ замѣчательно гуманнымъ и образованнымъ человѣкомъ. Оба эти свойства выражены были имъ въ обширномъ и обстоятельномъ проектѣ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. Проектъ относится къ 1820 году и доселѣ нигдѣ еще не напечатанъ. Къ сожалѣнію, Кривцовъ отличался крайнимъ вольтерьянствомъ. Не скрывая своихъ антирелигіозныхъ убѣжденій, онъ еще при жизни своей приказалъ приготовить для себя могильную плиту съ такою оригинальною и самоувѣренною надписью: «non timeo, non cedo».

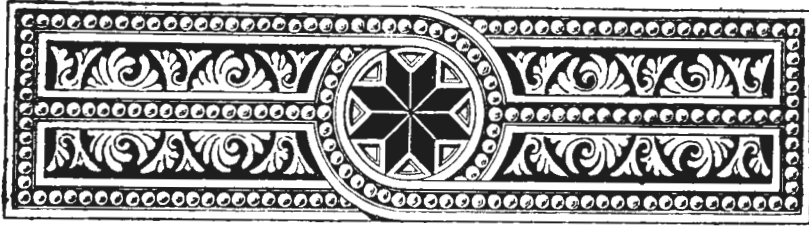
Въ концѣ царствованія Александра I главныя народныя училища, въ томъ числѣ и Тамбовское, переименованы были въ губернскія гимназіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнены и расширены были учебныя программы, количество классовъ умножилось, и составъ преподавателей существенно улучшился. Тогда и въ нашемъ захолустѣ наступила новая учебная эпоха. Среди гимназическихъ преподавателей нерѣдко бывали у насъ люди ученые, талантливые, честные и вслѣдствіе этого нравственно всецѣло владѣвшіе своими учениками. Многіе тамбовскіе старожилы, бывшіе мѣст-

ные гимназисты, обучавшіеся въ тридцатыхъ годахъ, и теперь еще живо помнятъ и дѣтски восторгаются бывшимъ своимъ учителемъ исторіи Сумароковымъ...

Такимъ образомъ, постепенно и непрерывно край нашъ улучшался въ просвѣтительномъ отношеніи. Многого, очень многого надо еще желать ему... Но хорошо уже и то, что теперь есть. Не показной, не богатый и не промышленный, нашъ губернский городъ представляется намъ въ настоящее время городомъ по преимуществу педагогическимъ. Въ немъ есть такія учебныя заведенія, которыми не всякій губернский городъ можетъ похвалиться, на примѣръ, Екатерининскій учительскій институтъ, Институтъ благородныхъ дѣвицъ и Носовское ремесленное училище. А остальные наши учебныя заведенія, духовныя и свѣтскія, среднія и низшія и городскія школы безспорно—одни изъ самыхъ многолюдныхъ во всей имперіи...

И. Дубасовъ.

ПРОТИВНИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Nullum magnum ingenium sine mixtura
dementiae fuit. (Не было великаго та-
ланта безъ примѣси сумасбродства).

ПОХА великой Сѣверной войны, выдвинувшей Россію въ первый рядъ европейскихъ державъ, у насъ вообще еще очень мало изслѣдована. Существуетъ только описаніе этой войны А. П. Карцова, изданное еще въ 1851 году ¹⁾, составленное очень талантливо, но которое представляетъ лишь учебникъ для кадетскихъ корпусовъ, и потому излагаетъ событія въ самомъ краткомъ видѣ. Къ тому же, въ его описаніи встрѣчаются нѣкоторыя неточности относительно хода сраженій, что объясняется, конечно, недостаткомъ матеріаловъ, извѣстныхъ автору во время его изслѣдованія. Этотъ недостатокъ матеріаловъ ощущается въ особенности по отношенію къ матеріаламъ, современнымъ описываемой эпохѣ и представляющимъ описанія, составляемыя съ полнымъ безпристрастіемъ, а не иностранными авторами сочиненій, относящихся въ описываемой эпохѣ. Въ послѣднее время появилось начало изслѣдованій В. Баскакова ²⁾, задавагося изслѣдованіемъ событій Сѣверной войны только съ 1706 до 1709 года; но вышедшій выпускъ представляетъ главнымъ образомъ одно лишь вступленіе,

¹⁾ Карцевъ. Военно-историческій обзоръ Сѣверной войны, Спб., 1851 г., 184 стр. in-8°.

²⁾ Сѣверная война 1700—1721 гг. Кампанія отъ Гродна до Полтавы 1706—1709 гг. Выпускъ I. 1890 г. Изслѣдованія Соловьева и Устрялова мало касаются военной стороны.

съ подробнымъ изложеніемъ театровъ войны на сѣверѣ, западѣ и югѣ. Къ описанію послужили преимущественно произведенія иностранныхъ писателей и отчасти официальные изложенія событій.

Еще новѣе является изданіе сочиненія почтеннаго автора, Д. Ѳ. Масловскаго, напечатанное въ 1891 году подъ названіемъ: «Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи, выпускъ I». Авторъ названнаго труда, для своихъ общихъ заключеній по развитію русскаго военнаго искусства, останавливается подробнѣе только на Полтавской операціи и на дѣйствіяхъ русскихъ войскъ по завоеванію Ингрии. Дѣйствія шведовъ онъ какъ бы оставляетъ въ тѣни. Между тѣмъ, противники Петра и его учителя, шведы, стоятъ того, чтобы о нихъ сказать подробнѣе, безъ чего самый обзоръ Сѣверной войны, столь мало еще изслѣдованной, не можетъ быть выраженъ во многихъ подробностяхъ. Съ цѣлью пополнить, хоть отчасти, этотъ пробѣлъ, мы и останавливаемся въ настоящемъ очеркѣ на обзорѣ наиболее интересныхъ эпизодовъ войны, веденной Карломъ XII, и въ особенности на его личныхъ характеристныхъ чертахъ.

Въ этомъ отношеніи большую важность приобретаетъ неизвѣстная до сихъ поръ рукопись, составленная еще въ 1720 году на русскомъ языкѣ неизвѣстнымъ авторомъ, очевидно, однако, бывшимъ свидѣтелемъ событій своей эпохи и хорошо знавшимъ современное положеніе дѣлъ. Эта рукопись носитъ нѣсколько мистическое названіе: «Весьма нечаянное и незапное пришествіе Кароля (Карла) втораго на десять, бывшаго шведскаго короля, въ государство умершихъ. 1720 года».

Въ этомъ описаніи неизвѣстный авторъ говоритъ словами самаго Карла XII, находя такую форму изложенія болѣе удобной. По тщательнымъ библиографическимъ справкамъ, въ настоящее время не оказывается въ печати подобнаго сочиненія ни на русскомъ, ни на иностранномъ языкахъ, хотя, повидимому, оно писалось въ Лейпцигѣ и во Франкфуртѣ.

Кто бы ни былъ авторъ названной рукописи, онъ видимо былъ хорошо посвященъ въ дѣло и пополняетъ многія подробности, касающіяся шведовъ.

Авторъ говоритъ, что онъ «тщался писать непристрастно», и дѣйствительно въ его описаніи нѣтъ ни чрезмѣрнаго самовосхваленія, ни самобичеванія—черта довольно рѣдкая между русскими писателями прежнихъ, а, можетъ быть, отчасти и нашихъ дней. Въ рукописи есть нѣкоторыя подробности, пополняющія изслѣдованія другихъ авторовъ, но имъ не противорѣчающія въ общемъ изложеніи, что указываетъ на хорошее знакомство автора съ событіями своей эпохи.

Такъ какъ на упомянутую рукопись мы будемъ часто ссылаться, то будемъ обозначать ее просто: «Рук. Z. 1720 г.».

Мы вовсе не имѣемъ въ виду описывать событія Сѣверной войны, а намѣрены ограничиться лишь изложеніемъ нѣкоторыхъ интересныхъ ея эпизодовъ, преимущественно рисующихъ характеръ Карла XII, одного изъ трехъ главныхъ дѣятелей эпохи (Петръ I, Августъ II и Карлъ XII). Эти три личности опредѣляли собою все содержаніе эпохи на сѣверѣ и сѣверо-западѣ Европы; каждый изъ нихъ представлялъ собою особый и замѣчательный типъ: Августъ II по своей необычайной физической силѣ, Петръ I по силѣ своего генія и Карлъ XII по своему исключительному характеру, напоминающему легендарныхъ героевъ древняго міра. Говоря объ этихъ трехъ представителяхъ своей эпохи, Вольтеръ справедливо замѣчаетъ, что они переносятъ насъ «во времена Геркулеса и Тезея».

Въ настоящемъ случаѣ насъ особенно интересуетъ личность Карла XII, такъ блестяще начавшаго свою политическую роль, и который втеченіе девяти лѣтъ, участвуя въ сраженіяхъ, доходившихъ числомъ до ста, не зналъ ни неудачи, ни пораженія. Вездѣ онъ оставался побѣдителемъ, благодаря своей необычайной храбрости и счастью, соединеннымъ съ выдающимися военными дарованіями. Вездѣ и во всемъ онъ служилъ личнымъ примѣромъ отваги, непоколебимой твердости характера, переходящей въ упрямство, и чисто спартанской воздержности въ обыденной жизни, особенно на войнѣ и въ походѣ.

Съ такимъ-то противникомъ пришлось столкнуться великому Петру, обладавшему также необыкновенною настойчивостью и также всѣмъ служившему личнымъ примѣромъ. Этимъ и объясняется упорство самой борьбы, длившейся болѣе 20-ти лѣтъ и кончившейся смертью Карла и торжествомъ Петра, хотя было время, когда оба противника едва не стали союзниками и друзьями. Мы достаточно знаемъ личность Петра, но мало знаемъ Карла XII, хотя имя его каждый слышалъ съ ранняго дѣтства и привыкъ окружать его ореоломъ легендарной славы¹⁾. Итакъ, перейдемъ къ изложенію.

¹⁾ Изъ сочиненій о Карлѣ XII упоминаемъ:

Voltaire, *Hist. de Charles XII, roi de Suede.*

Nordberg, *Histoire de Charles XII, roi de Suede, 1742 г., 4 vol.*

Adlerfeld, *Hist. militaire de Charles XII, roi de Suede, 1740 г., 4 vol.*

Saraauw, *Veldzüge Karl's XII, 1881 г.*

Всѣ эти сочиненія послѣдовательно повторяютъ тѣ же ошибки, которыя имѣются у Nordberg'a, шведскаго писателя, пристрастнаго къ шведамъ.

Вышедшая въ 1868 году въ Стокгольмѣ брошюра нынѣшняго шведскаго короля Оскара-Фридриха, подъ названіемъ «Carl den tolfte», не даетъ ничего новаго о Карлѣ XII. Это рѣчь, читанная по случаю 150-ти-лѣтія смерти Карла XII. Написанная прекраснымъ языкомъ, брошюра не дѣлаетъ ссылки на источники, изъ которыхъ авторъ беретъ свои указанія о Карлѣ XII и его вре-

Карль XII родился 7-го іюня 1682 года, а въ 1697 году, по смерти своего отца Карла XI, объявленъ королемъ Швеціи. До совершеннолѣтія онъ долженъ былъ состоять подъ регентствомъ бабки своей Гедвиги-Элеоноры и пяти сенаторовъ, членовъ регентства, которые должны были слѣдить за его образованіемъ. Онъ хорошо былъ подготовленъ по математикѣ, отлично зналъ латынь, употребляя латинскій языкъ въ разговорѣ съ иностранцами, хотя зналъ нѣмецкій и французскій языки, причемъ никогда не говорилъ напоследнемъ. Любимымъ его чтеніемъ были жизнеописанія Юлія Цезаря и Александра Македонскаго, которые поражали его юное воображеніе. Чувствуя себя рожденнымъ для военнаго дѣла, онъ умѣлъ отлично фехтовать, скакать на быстромъ конѣ, былъ ловокъ въ физическихъ играхъ и необыкновенно выносливъ въ физическихъ трудахъ и лишеніяхъ. Ко всему этому присоединились съ самыхъ раннихъ лѣтъ необыкновенныя упорство и настойчивость. Имѣя еще не болѣе 10-ти лѣтъ отъ роду, онъ хотѣлъ однажды пройти изъ одной комнаты въ другую, двери въ которую были заперты. Употребивъ всѣ усилія открыть дверь и не успѣвъ въ этомъ, онъ съ разбѣга ударилъ въ дверь головою и упалъ безъ чувствъ. Такъ проявились въ немъ первые задатки необыкновенной настойчивости. Вообще характеръ и привычки Карла очерчены имъ самимъ, по словамъ автора приведенной нами рукописи Z. 1720 года, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Никогда никто не видалъ меня пьянымъ, и винограднаго вина, водки и вообще никакихъ крѣпкихъ напитковъ я не любилъ, а пилъ только слабое пиво (полпиво) или воду. Поэтому я не могъ видѣть пьянаго человѣка, особенно когда мнѣ приходилось ему отдавать приказанія.

«Столъ мой, когда то было возможно, отличался изобиліемъ, никогда, впрочемъ, не переходившимъ въ излишество. Самъ я за столомъ оставался не болѣе получаса, если того не требовало приличіе принимать гостя. Въ походахъ же или при недостаткѣ въ провизіи поварь мой имѣлъ не много труда, и я ограничивался кускомъ холодной говядины, окорокомъ, копченымъ языкомъ, а не то и одними сухарями, которые я предпочиталъ всякимъ сладостямъ. Не любилъ я ни игръ, ни гуляній, сохраняя время для чего либо болѣе по-

мени, замѣчая только, что Карль XII былъ очень хорошо образованъ, посѣщалъ университетъ въ Упсалѣ, отлично владѣлъ латинскимъ языкомъ и отличался способностями къ математикѣ. Говоря о Карлѣ XII, какъ о полководцѣ, авторъ справедливо замѣчаетъ, что у него была своя собственная тактика, не имѣющая нивогда ничего общаго съ общепринятыми ея началами; что первенствующую роль въ дѣлѣ онъ возлагалъ на кавалерію, а затѣмъ на пѣхоту; артиллерію же въ полевыхъ сраженіяхъ пользовался вообще мало. Поэтому онъ былъ лихой кавалеристъ, но и храбрый пѣхотинецъ. Обстоятельства смерти Карла XII авторомъ не выяснены, хотя для этого впоследствии былъ открытъ и его гробъ.

лезнаго. Звѣриной охоты я также не любилъ, и отъ меня звѣри покой имѣли. Съ самаго моего дѣтства не видалъ я ни оперъ, ни комедій, ни карнаваловъ, ни маскарадовъ, и очень удивился, когда узналъ, что есть на свѣтѣ люди, которые занимаются такими глупостями¹⁾. Танцевалъ я также очень рѣдко, хотя въ молодости, въ моихъ двадцатыхъ годахъ, танцевалъ разъ на свадьбѣ генерала Мейерфельта, въ Саксоніи.

«Женщинъ я не любилъ, не смотря ни на какую красоту ихъ, и ни одна изъ нихъ не можетъ похвалиться, чтобы меня ослѣпила или возбудила любовь въ моемъ сердцѣ.

«Я избѣгалъ жить въ дворцахъ, предпочитая крестьянскія избы или шляхетскіе дома, когда былъ въ Польшѣ; такъ, я прожилъ цѣлый годъ близъ Лейпцига, въ Саксоніи, въ частномъ домѣ въ Альтранштадтѣ.

«Носилъ я платье самое простое. Оно состояло изъ темно-васильковаго кафтана, лосинныхъ рейтузъ, такихъ же камзола и рукавицъ и креповаго галстука. Сапожники мало отъ меня наживались. Башмаковъ я не носилъ вовсе, а предпочиталъ имъ высокіе сапоги. Пуговицы на моемъ кафтанѣ были мѣдныя, золоченыя черезъ огонь, такъ же какъ и эфесъ моей сабли. Никакихъ галуновъ или золотого шитья на кафтанѣ не допускалъ. Только въ первый годъ войны въ Саксоніи, по просьбѣ моихъ приближенныхъ, надѣлъ я золотомъ шитое платье и спросилъ ихъ: «Кто я теперь?» — «Ваше величество король шведскій», — отвѣчали они. — «Что-жъ, — спросилъ я ихъ снова: — теперь я больше значу, чѣмъ когда носилъ простое платье?». Они молчали. Тогда я сбросилъ свое платье и надѣвалъ только по воскресеньямъ, пока находился въ Саксоніи, новый васильковый кафтанъ. Особенною чувствительностью души я не отличался и могъ безъ всякаго движенія сердца смотрѣть на нужды моихъ подданныхъ и лишенія солдатъ, «хотя я и радъ былъ всѣмъ вспоможеніе учинить».

«Если кто изъ равныхъ мнѣ по положенію (король, правитель и проч.) чѣмъ либо досадилъ «или мало что противучинилъ, то воспріялъ я противу того такой неугасимый гнѣвъ, что уповать не могъ скорое примиреніе учинить», и мое мщеніе ему все казалось недостаточнымъ.

«Жестоко наказывалъ я измѣну моихъ подданныхъ и проявленіе всякой трусости, и никто не могъ надѣяться на какое либо помилованіе за эти преступленія, хотя по другимъ случаямъ я иногда прощалъ, какъ, на примѣръ, простилъ графа фонъ-Сабора²⁾.

¹⁾ «Удивился я zelo, когда услышалъ, что во свѣтѣ такіе люди обрѣтались, которые такіа глупости творятъ».

²⁾ Австрійскій графъ Саборъ, находясь въ частной компаніи съ шведскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, отказался выпить бокалъ вина за здоровье Карла XII. Шведскій посланникъ вынулъ шпагу и требовалъ, чтобы графъ Саборъ принялъ

«За то я всегда былъ правдивъ и вѣренъ моимъ друзьямъ, и кому я что обѣщалъ, тотъ могъ твердо разсчитывать на вѣрность моего слова.

«Я былъ трудолюбивъ и набоженъ, чего требовалъ отъ моихъ солдатъ и офицеровъ, подавая имъ собою примѣръ. Во время молитвы всегда стоялъ на колѣнахъ, и при всѣхъ полкахъ, два раза каждый день, велѣлъ отправлять божественную службу. Никогда я не клялся, не любилъ никакихъ шутокъ и насмѣшекъ¹⁾.

Указывая на свои недостатки, Карлъ XII, по словамъ автора рукописи, признавалъ за собою: 1) что, когда былъ въ славѣ, не былъ скромнѣе; 2) въ несчастіи не могъ смириться, и 3) когда при обсужденіи какого либо важнаго вопроса «головою потрясъ», то ни одинъ министръ или генералъ не смѣлъ уже возобновлять рѣчи объ этомъ вопросѣ, къ чему они строго приучены были.

«Я мало занимался правосудіемъ (юстиціей), потому что военныя заботы и командованіе арміею не давали мнѣ къ тому возможности, — продолжаетъ Карлъ XII. — Однако же, отъ сената я требовалъ строжайше блюсти правосудіе и жестоко наказывалъ виновныхъ за несправедливое рѣшеніе, если изъ подаваемыхъ мнѣ жалобъ я могъ убѣдиться, что правосудіе было нарушено.

«Я былъ очень чувствителенъ (ревнивъ) ко всему, что затрогивало мою честь, и всѣми средствами старался возстановить ее, «если кто оную повредилъ».

«Въ сраженіяхъ мнѣ было пріятнѣе видѣть тысячи непріятели убитаго, чѣмъ взятаго въ плѣнъ. Сперва мои офицеры и солдаты этого не знали и старались приводить ко мнѣ плѣнныхъ. Такъ, однажды подполковникъ Мейерфельтъ привелъ ко мнѣ 24 человекъ сильныхъ и рослыхъ русскихъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ. Посмотрѣвъ на нихъ, я сказалъ: «мертвая собака не кусается». Вслѣдъ затѣмъ всѣ русскіе плѣнные были переколоты, и съ того времени мои солдаты рѣдко давали плѣннымъ пардонъ, а всегда ихъ убивали; кто же попадался въ плѣнъ, съ тѣмъ поступали жестоко. Но когда русскіе стали брать у меня много плѣнныхъ и начали обращаться

предложенный тостъ. Въ отвѣтъ на это графъ Саборъ тоже обнажилъ шпагу, и дѣло дошло бы до кровопролитія, если бы присутствующіе не развели противниковъ. Тогда шведскій посоль поѣхалъ во дворецъ и потребовалъ, чтобы графъ Саборъ былъ ему выданъ для отправленія его на судъ къ Карлу XII, угрожая, что въ противномъ случаѣ король самъ явится въ Вѣну со всею своею арміею для удовлетворенія своей чести. Графъ Саборъ былъ выданъ и арестованный отправленъ въ Штетинъ. Карлъ XII счелъ себя удовлетвореннымъ и возвратилъ графу Сабору свободу.

¹⁾ Рук. Z. 1720 г., стр. 10—12. Мы приводимъ изъ этой рукописи точный смыслъ ея содержанія и только мѣстами дѣлаемъ выписки дословно, съ цѣлью облегчить чтеніе. Этой же системы мы будемъ держаться и при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ этой рукописи.

съ ними также, то я, для облегченія ихъ участи, приказаль обходиться легче и съ русскими плѣнными.

«Я имѣлъ крѣпкое и здоровое сложеніе и рѣдко страдалъ отъ болѣзней. Всякое лишеніе, жаръ, холодъ, дождь и вѣтеръ переносилъ, и мнѣ было безразлично спать на пуховой постели или на соломѣ и голой землѣ. На конѣ могъ пробыть цѣлыя сутки. Я не любилъ покоя, и мнѣ было бы очень тяжело хотя одинъ годъ провести въ бездѣйствіи».

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, юный король Швеціи. Вся его подготовка къ предстоящей ему широкой дѣятельности была направлена къ тому, чтобы выработать изъ себя суроваго и храбраго воина. Не его наставники въ юности, а онъ самъ постоянно трудился надъ собою въ этомъ направленіи. Въ юности его приучали къ охотѣ, старались расположить къ музыкѣ и къ обстановкѣ, свойственной его положенію. Придя въ возрастъ, онъ самъ отъ всего этого отказался, и вотъ по какимъ соображеніямъ.

«Королевское достоинство,—говорилъ Карлъ XII,—есть тяжелое бремя. Правъ тотъ философъ, который сказалъ, что если бы онъ нашель на дорогѣ лежащую королевскую корону, то не поднйалъ бы ея, не смотря на то, что званіе короля и свято, и славно, потому что «тягость ея, которая на плечахъ положена, возможно называть неносимою (невыносимою), ибо ему надлежитъ быть отцомъ всѣмъ подданнымъ».

«Отъ этихъ святыхъ обязанностей, — говорилъ Карлъ, — легко уклониться, благодаря пустяшнымъ мелочамъ, напримѣръ: когда на охотѣ отъ тебя уйдетъ олень или кабанъ—вотъ уже причина раздраженія и скорби. Дирижеръ оркестра или оперный пѣвецъ сфальшивятъ—иной разсердится до того, что заболѣетъ; поваръ любимое кушанье пересолить, особенно при приѣмѣ гостей,—и испорчено настроеніе духа, требующаго полного спокойствія для ршенія дѣлъ, быть можетъ, великой важности»¹⁾.

Изъ развлеченій Карлъ любилъ только шахматную игру, причемъ всегда выдвигалъ впереди всѣхъ фигуръ короля, почему почти всегда проигрывалъ; но зато выдерживалъ свое правило, что въ бою король долженъ быть впереди всѣхъ, чтобы всѣ его видѣли, за нимъ слѣдовали и знали, что и онъ всѣхъ видитъ и за всѣми слѣдитъ.

По достиженіи зрѣлаго возраста, Карлъ совершенно отказался отъ женщинъ, вліянію которыхъ опасался подчиниться и измѣниться.

На вопросъ своего зятя, герцога Голштинскаго, правда ли, что онъ никогда не зналъ женщинъ, Карлъ отвѣчалъ:

— «Я былъ бы вамъ очень благодаренъ, любезный зять, если

¹⁾ Рук. Z. 1720 г., стр. 15.

бы вы не касались этого вопроса; однако же я на него отвѣчу. Почти всѣ думаютъ, что я съ самаго моего рожденія былъ совершенно чистъ и цѣломудренъ. Я оставлялъ всѣхъ въ этомъ мнѣнїи, но это было не такъ. Особенно въ Мариенбургѣ была одна дѣвица изъ мѣщаночекъ, у которой былъ сынъ, похожій на меня, какъ двѣ капли воды»¹⁾).

Ознакомившись съ замѣчательною личностью Карла XII, перейдемъ къ разсмотрѣнїю выдающихся сторонъ его дѣятельности въ эпоху Сѣверной войны. Повторяемъ, что мы вовсе не намѣрены излагать систематически ходъ этой войны, а укажемъ только на нѣкоторые эпизоды ея, до сихъ поръ не извѣстные, и которые рисуютъ личность Карла XII, какъ полководца, съ которымъ пришлось бороться Петру Великому.

Въ 1700 году противъ Швеціи составилъ тройственный союзъ, въ который вошли Данія и Польша, а потомъ и Россія. Государственный совѣтъ Швеціи, признавая невозможность борьбы противъ коалиціи, склоненъ былъ уже путемъ значительныхъ пожертвованій и уступокъ обезпечить миръ. Тогда юный Карлъ, до сихъ поръ, какъ казалось, не принимавшій никакого участія въ дѣлахъ государственныхъ, обратился къ совѣту съ словами:

— «Господа! Я рѣшился никогда не начинать войны несправедливой, но законную войну закончу только по уничтоженіи враговъ моихъ. Рѣшеніе мое твердо. Я нападу на перваго, кто мнѣ объявитъ войну, и, побѣдивъ его, надѣюсь утратить остальныхъ»²⁾).

Сообразно съ такимъ рѣшеніемъ Карлъ быстро собираетъ армію, дѣлаетъ десантъ къ Копенгагену и заставляетъ столицу Данїи капитулировать. 8-го августа н. ст. Данія заключила миръ въ Травендолѣ, съ обязательствомъ отказаться отъ своихъ союзниковъ и не принимать участія въ возникшей войнѣ. Затѣмъ Карлъ XII дѣлаетъ въ октябрѣ высадку у Перновы и спѣшитъ на освобожденіе Нарвы, осаждаемой арміею Петра. 19-го (30-го) ноября Карлъ наноситъ страшное пораженіе русскимъ подъ Нарвой и считалъ уже себя обезпеченнымъ и съ этой стороны. Оставался только одинъ противникъ—Августъ II, король польскій и курфюрстъ саксонскій.

Перезимовавъ около Дерпта и усиливъ свою армію до 40.000 человекъ, Карлъ XII рѣшился внезапно напасть на саксонцевъ, осаждавшихъ въ это время городъ Ригу. Съ сѣверной стороны Рига омывается рѣкою Западною Двиною, имѣющею здѣсь ширину около версты (1.500 шаговъ). Перейти такую рѣку, въ виду всей арміи саксонцевъ, казалось невозможнымъ, и потому саксонцы расположили свои батареи только на южной сторонѣ крѣпости,

¹⁾ Тамъ же, стр. 18.

²⁾ Voltaire, Hist. de Charles XII, v. I, p. 54.

оставивъ безъ наблюденія сѣверную ея часть, со стороны рѣки. Этимъ Карль XII и рѣшилъ воспользоваться для своего смѣлаго предпріятія и предпринялъ оригинальный способъ переправы.

Никому не объявляя о своемъ намѣреніи и оставивъ въ Дерптѣ всѣхъ бывшихъ при немъ иностранныхъ пословъ и агентовъ изъ опасенія, чтобы они не передали о его намѣреніи идти къ Ригѣ¹⁾, Карль XII взялъ съ собою 25.000 человекъ и въ концѣ мая 1701 года двинулся къ Ригѣ. Саксонцы не высылали даже развѣдочъ для развѣдокъ на правомъ берегу Двины, считая себя совершенно обезпеченными съ этой стороны отъ всякаго нападенія. Быстро приблизясь къ Ригѣ, Карль XII остановилъ свою армію скрытно и приказалъ собрать или приготовить заново до 100 плотовъ, къ бокамъ которыхъ были придѣланы высокіе борты. Борты эти можно было откидывать на петляхъ. Поднятые, они укрывали находящихся за ними людей; откинутые, они образовали родъ мостковъ, по которымъ можно было перевозить орудія съ плотовъ на берегъ.

Заготовивъ плоты и не замѣченный неприятелемъ, Карль сталъ ожидать попутнаго вѣтра, т. е. вѣтра въ направленіи съ сѣвера на югъ. Это ему было необходимо не только въ виду облегченія въ движеніи плотовъ съ праваго берега рѣки къ лѣвому, но еще и въ виду другой, весьма оригинальной мысли. Дождавшись желаемаго вѣтра, онъ приказалъ разложить по правому берегу Двины множество костровъ изъ смоченой соломы и зажечь ихъ. Густой дымъ понесло въ сторону саксонцевъ. Тогда шведы, размѣстившись на плотахъ съ поднятыми бортами, начали переправу. Впереди гнались отдѣльныя барки съ зажженною на нихъ смоченою соломою, что постоянно прикрывало переправляющихся густою дымною мглою. Саксонцы сперва не поняли, въ чемъ дѣло; потомъ они открыли по переправляющимся пальбу, не наносившую шведамъ никакого вреда, такъ какъ они прикрывались высокими бортами, да и самыя плоты не были видны за дымомъ.

Эта отважная переправа была произведена въ ночь на 9-е іюля н. ст., въ числѣ 7.000 шведовъ. Затѣмъ были переправлены и остальные шведскія войска, и саксонцы, понеся полное пораженіе сняли осаду Риги, потерявъ затѣмъ Митаву и Динамюнде²⁾.

Объявивъ въ 1702 году Августа II лишеннымъ польскаго престола, Карль XII побѣдоносно распространилъ свои дѣйствія въ Литвѣ и Польшѣ. Саксонцы вездѣ оказывали слабое сопротивленіе. Заявъ 30-го апрѣля (11-го мая) 1703 года городъ Пултускъ, Карль XII не считалъ этого даже за побѣду и говорилъ: «что неприятель не хотѣлъ стоять, но больше конфузиею ушелъ, и я за

¹⁾ Рук. Z. 1720 г., стр. 40.

²⁾ Тамъ же, стр. 40—41.

нимъ гнался съ такою быстротою, что мои полки съ нимъ вмѣстѣ въ городъ вломились и сквозь улицы ихъ изъ другихъ воротъ выгнали» ¹⁾).

Серьезное сопротивление саксонцы готовились оказать только при защитѣ крѣпости Торнъ, къ которой Карлъ подступилъ въ началѣ іюля 1703 года, не имѣя осадной артиллеріи. Защитники Торна, въ числѣ 8.000 человекъ лучшаго саксонскаго войска, рассчитывали на то, что пылкій Карлъ прямо начнетъ штурмовать твердыни Торна, и потому заранѣе уже торжествовали его неудачу. Они не сомнѣвались, что при этомъ самъ Карлъ будетъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ большею частью арміи, которая, какъ рѣшили саксонцы, должна быть вся разстрѣлена. Но Карлъ, сдѣлавъ осмотръ крѣпости, убѣдился, что взятъ ее штурмомъ нельзя; не имѣя артиллеріи, нельзя было рассчитывать и на удачу осады, а потому онъ рѣшился только блокировать Торнъ, такъ какъ ему было извѣстно, что, не смотря на обиліе припасовъ въ краѣ, они не были заблаговременно собраны въ крѣпость. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшился доставить къ Торну осадную артиллерію изъ Швеціи. Но какъ это сдѣлать, когда для этого потребовалось бы провозить транспортъ черезъ Данцигъ, одну изъ сильныхъ крѣпостей противника? Карлъ опять прибѣгнулъ къ хитрости. Собравъ къ Торну суда, которыя могъ найти на Вислѣ, онъ приказалъ нагрузить ихъ всѣмъ, что было взято въ Польшѣ контрибуціею, и отправилъ все это, вмѣстѣ съ большою суммою денегъ, въ Швецію, черезъ Данцигъ. Для того же, чтобъ обезпечить проходъ этого транспорта черезъ Данцигъ, Карлъ XII далъ Августу II понять, что готовъ начать переговоры о мирѣ. Августъ II былъ до того радъ этой готовности, что, не желая подавать поводъ къ раздраженію своего противника, безпрепятственно пропустилъ въ Швецію все забранное Карломъ въ Польшѣ имущество. Мало того, тотъ же транспортъ, нагруженный осадною артиллеріею, прослѣдовалъ обратно черезъ Данцигъ къ Торну. Карлу только того и было нужно. Когда хитрость удалась, Карлъ «не хотѣлъ болѣе и слышать о мирѣ и еще болѣе прежняго оказался врагомъ Августа» ²⁾, а съ Данцига взялъ 100.000 ефимковъ контрибуціи.

Получивъ артиллерію къ Торну, Карлъ немедленно потребовалъ сдачи крѣпости. На сдѣланный отказъ онъ отвѣчалъ бомбардированіемъ крѣпости 24-го сентября н. ст. Въ крѣпости начались пожары, и, сверхъ того, сталъ ощущаться сильный голодъ. Но комендантъ Торна, храбрый генералъ Ребель, продолжалъ упорно обороняться.

¹⁾ Рук. Z. 1720 г., стр. 49.

²⁾ Тамъ же, стр. 51.

«истор. вѣстн.», июль, 1893 г., т. III

Тогда жители, собравъ всѣхъ бывшихъ въ крѣпости беременныхъ женщинъ и имѣя во главѣ всѣ бывшіе въ Торнѣ монашескіе ордена, мужскіе и женскіе, двинулись крестнымъ ходомъ къ коменданту Ребелю, умоляя его сдать крѣпость, такъ какъ отъ дальнѣйшаго сопротивленія погибнетъ не только настоящее, но и будущее поколѣніе. Но Ребель выслалъ всю эту процессію за городъ, въ лагерь шведовъ, и еще упорнѣе продолжалъ оборону, производя частыя вылазки. Но въ гарнизонѣ отъ голода развилась цынга; видя невозможность продолжать защиту, Ребель предложилъ сдачу на условіяхъ. Карлъ XII требовалъ безусловной сдачи. Произведя еще нѣсколько бесполезныхъ вылазокъ, Ребель сдался безусловно 3-го (14-го) октября 1703 года.

4.000-ый гарнизонъ Торна, по приказанію Карла, былъ сперва употребленъ на очистку нечистотъ, которыми была засорена Висла во время осады. Потомъ всѣ эти люди, почти нагіе, были распущены кто куда хочетъ, но почти всѣ они погибли отъ голода и холода ¹⁾. Разрушивъ до основанія всѣ укрѣпленія Торна, Карлъ XII взялъ съ него 100.000 ефимковъ контрибуціи, а всю артиллерію отправилъ въ Стокгольмъ. Затѣмъ часть плѣнныхъ саксонцевъ и бывшихъ при нихъ русскихъ также отправлены были въ Стокгольмъ, на работы по возобновленію королевскаго дворца, сгорѣвшаго и теперь возобновляемаго. Саксонцы работали до полудня, а русскіе — послѣ полудня ²⁾.

Съ покореніемъ Торна, Карлъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ въ Польшѣ. Онъ ввелъ во всей Польшѣ въ дѣйствіе шведскіе законы, а пасторамъ велѣлъ проповѣдовать въ католическихъ костелахъ. «Я это сдѣлалъ нарочно, — говорилъ Карлъ, — чтобы вся Польша и весь свѣтъ знали, что я никого и ничего не боюсь» ³⁾. Карлъ дѣйствительно никого и ничего не боялся, получивъ во время осады Торна увѣренность, что его хранить Провидѣніе для избранныхъ цѣлей. Эта увѣренность возникла въ немъ по слѣдующему случаю. Однажды, во время осады онъ вышелъ на брустверъ батареи, въ сопровожденіи генерала Ливена, который былъ въ генеральскомъ, шитомъ золотомъ, мундирѣ. Карлъ, имѣвшій на себѣ кафтанъ безъ шитья, замѣтилъ Ливену, что его могутъ принять за короля и стануть цѣлить въ него. Не заботясь о себѣ, Карлъ взялъ Ливена за руку и поставилъ его на свое мѣсто, а самъ сталъ впереди него, закрывая его собою отъ выстрѣловъ изъ крѣпости. Но въ ту самую минуту, когда Ливенъ сталъ на новое мѣсто, на которомъ до того стоялъ Карлъ, онъ былъ убитъ наповаль. Этотъ случай убѣдилъ Карла въ его неуязвимости и много способствовалъ проявленію имъ необычайной храбрости во весь дальнѣйшій періодъ войны.

¹⁾ Рук. Z. 1720 г., стр. 52.

²⁾ Тамъ же, стр. 54.

³⁾ Тамъ же.

Не станемъ слѣдить за дальнѣйшими дѣйствіями Карла въ Польшѣ, гдѣ онъ, по выраженію современниковъ, такъ долго «застрялъ».

Польша давала ему всѣ способы вести войну на средства страны, изъ которой онъ пересылалъ еще большія суммы, набранныя контрибуціей, въ Швецію, для сформированія тамъ новыхъ подкрѣпленій въ армію, ничего не требовавшую изъ Швеціи.

Разбивая при всѣхъ встрѣчахъ польскія и саксонскія войска, Карль содѣйствовалъ избранію въ короли Польши своего любимца Станислава Лещинскаго, покорившаго его добродушіемъ своей фізіономіи. 4-го октября н. ст. 1705 года новый король Польши былъ коронованъ въ Варшавѣ и отъ имени Польши заключилъ съ Карломъ союзъ для продолженія войны съ Августомъ II и Россіей, и съ обязательствомъ не прекращать ея до тѣхъ поръ, пока Польшѣ не будутъ возвращены всѣ ея древнія владѣнія, а Петръ не будетъ сверженъ съ престола. Окончивъ это дѣло, Карль рѣшилъ теперь вступить въ Саксонію, изъ которой разоренная уже Польша получала всѣ средства для продолженія войны. Почти всѣ главнѣйшіе города Саксоніи отворили свои ворота для встрѣчи Карла. Никѣмъ не поддержанный Августъ II вступилъ въ переговоры о мирѣ, который и былъ подписанъ 15-го ст. ст. сентября 1706 года въ Альтранштадтскомъ замкѣ, близъ Лейпцига, польскими уполномоченными, превысившими свою власть и признавшими за Станиславомъ Лещинскимъ наслѣдственныя права на польскую корону. Когда Карлу говорили, что по польской конституціи самъ Августъ II, безъ рѣшенія страны, не можетъ отказаться отъ короны, Карль отвѣчалъ: «Я знаю, что этого сдѣлать нельзя; но этимъ миромъ я сниму съ головы Августа не только корону, но и шляпу»¹⁾.

Теперь Карлу не хотѣлось оставлять богатой Саксоніи, гдѣ его армія, усиленная до 45.000 человекъ, жила въ полномъ довольствѣ. Всю поземельную собственность въ Саксоніи Карль обложилъ денежнымъ налогомъ. Сверхъ того, продукты для продовольствія шведскихъ войскъ собирались посредствомъ контрибуцій. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Карль строго запретилъ солдатамъ брать что либо у жителей произвольно. Одинъ солдатъ отнялъ у крестьянина индюка. Обиженный принесъ жалобу Карлу. Призвавъ виновнаго, король приказалъ строго наказать его. «Ваше величество,—сказалъ солдатъ,—велика ли вина моя? Я отнялъ у него только индюка, а вы отняли у него короля, а у короля корону и престоль». Карль посмотрѣлъ на говорившаго и сказалъ: «Но я изъ всего взятаго

¹⁾ Рук. Z. 1720 г., стр. 71—73. Какъ курфюрстъ саксонскій, Августъ долженъ былъ носить не корону, а особую шляпу, которую нигдѣ не долженъ былъ свивать.

не взялъ ничего для самого себя; ты же взялъ индюка только для себя и одинъ имъ воспользовался, лишая тѣмъ своихъ товарищей принадлежащей имъ части контрибуціи. Поэтому подлежишь примѣрному наказанію»¹⁾). Между тѣмъ, за эти семь лѣтъ Петръ Великій во многомъ уже успѣлъ пересоздать свою армію и покорилъ всю Ингрію, отбросивъ шведовъ до самаго Ревеля. Карлъ видѣлъ, что настало время снова обратиться противъ Петра, армія котораго стояла въ укрѣпленномъ лагерѣ при Гроднѣ. 1-го сентября 1707 года Карлъ выступилъ изъ Лейпцига противъ Петра, направляясь на Дрезденъ, гдѣ въ это время находился Августъ II. Слѣдуя всегда одинъ, верхомъ, впереди своихъ войскъ, Карлъ, подъѣзжая къ Дрездену, возымѣлъ странную мысль — отправиться на свиданіе съ Августомъ.

Никому ничего не сказавъ о своемъ намѣреніи, Карлъ далъ шпоры лошади и ускакалъ въ Дрезденъ къ человѣку, котораго онъ лишилъ престола и родину котораго разорилъ до нищеты. Подскакавъ къ гауптвахтѣ, онъ вызвалъ караульнаго офицера и сказалъ:

— Гдѣ дворецъ?... Я Карлъ, король Швеціи!

Офицеръ тотчасъ назначилъ провожатаго, которому Карлъ передалъ свою лошадь, и вмѣстѣ съ нимъ отправился пѣшкомъ во дворецъ.

Августъ принялъ своего противника чрезвычайно любезно. Объятій и поцѣлуевъ съ обѣихъ сторонъ было не мало. При свиданіи присутствовала и мать Августа, которая приходилась теткой Карлу²⁾). Въ разговорѣ какъ-то зашла рѣчь о необыкновенной силѣ Августа. Карлъ просилъ показать ее на чемънибудь. Августъ взялъ стоявшую у камина толстую желѣзную кочергу и, обратясь къ Карлу, сказалъ: «Вытяните обѣ руки и сложите ихъ ладонями». Затѣмъ онъ, какъ веревкой, обвилъ обѣ руки Карла, выше кистей, толстымъ желѣзнымъ прутомъ, въ нѣсколько разъ, образовавъ такимъ образомъ родъ оковъ. «Да,—сказалъ Карлъ,—это очень большая сила». — «И вы,—замѣтилъ Августъ,—не боитесь находиться въ такомъ положеніи предъ человѣкомъ, котораго вы лишили короны и родину котораго вы разорили?» — «Я никогда ничего не боюсь,—скромно отвѣчалъ Карлъ, — мнѣ неизвѣстно чувство страха». Августъ съ такою же легкостью раскрутилъ желѣзное кольцо, съ какою и согнулъ его, и убѣдительно просилъ своего гостя переночевать у него хоть одну ночь. Карлъ, однако, отказался. Августъ провожалъ его верхомъ, съ пушечнымъ салютомъ, черезъ весь городъ. Распростившись съ Августомъ, Карлъ поѣхалъ къ своимъ войскамъ, гдѣ уже начали сильно беспокоиться на счетъ исчезно-

¹⁾ Рук. Z. 1720 г.

²⁾ Тамъ же, стр. 78.

венія короля. Генералы собрались даже на совѣтъ для рѣшенія вопроса, что предпринять.

Когда Карлъ разсказалъ имъ о своей выходкѣ, ему замѣтили, что развѣ онъ не боялся стать плѣнникомъ своего врага, или чего либо еще худшаго.

— Правда, — сказалъ онъ, — это было дерзостью съ моей стороны; но я зналъ, что Августъ ничего подобнаго не сдѣлаетъ въ виду моей арміи, которая могла уничтожить его, со всею его Саксоніей ¹⁾.

Продолжая далѣе путь къ Гродно, Карлъ приказалъ 10-го октября н. ст. 1707 года колесовать въ Казимірѣ извѣстнаго лифляндскаго агитатора Паткуля, осужденнаго еще Карломъ XI, но успѣвшаго бѣжать изъ-подъ стражи и явившагося сначала при дворѣ Августа II, а потомъ и при дворѣ Петра Великаго. Паткуль состоялъ даже въ качествѣ русскаго посланника при Августѣ II. Карлъ потребовалъ его выдачи, какъ измѣнника Швеціи, еще въ 1706 году, въ эпоху переговоровъ о мирѣ въ Альтранштадтѣ, грозя въ противномъ случаѣ не оставить «камня на камнѣ во всей Саксоніи» ²⁾.

Авторъ рукописи 1720 года говоритъ по поводу столь извѣстной у насъ личности Паткуля, любимца Петра Великаго, что когда, еще до начала войны, Паткуль былъ въ Берлинѣ, онъ познакомился съ прусскимъ министромъ фонъ-Ильгеномъ, занимавшимся хиромантіей. Разсматривая линіи на рукѣ Паткуля, Ильгенъ нашель у него какіе-то зловѣщіе знаки на рукѣ, предвѣщавшіе жестокую кончину. Паткуль тогда разсмѣялся, и потомъ, снова побывавъ въ Берлинѣ, спросилъ Ильгена: «Не переродились ли мои зловѣщіе знаки на рукѣ?». Ильгенъ, внимательно осмотрѣвъ руку, сказалъ: «Знаки выступили съ большею еще ясностью» ³⁾.

Присоединивъ къ себѣ изъ Помераніи еще 9.000 человекъ, Карлъ увеличилъ свою армію до состава 54.000 человекъ, съ которыми и намѣревался атаковать русскихъ подъ Гродномъ. Но Карлъ сознавалъ, что теперь русскіе уже не тѣ, что были подъ Нарвой въ 1700 году; съ другой стороны и шведская армія была уже иная, и самъ Карлъ говорилъ о своихъ солдатахъ: «Это уже не были прежніе, закаленные въ бояхъ, суровые воины». Жизнь въ Саксоніи избаловала шведскихъ офицеровъ и солдатъ, «которые полюбили спать на пуховикахъ и саксонскихъ красавицъ, бывшихъ къ нимъ очень благосклонными, и отучились спать въ шатрахъ и на голой землѣ» ⁴⁾.

Поэтому, прежде чѣмъ начать рѣшительныя дѣйствія противъ Петра, Карлъ рѣшился простоять въ Польшѣ еще два мѣсяца, съ

¹⁾ Рук. Z., 1720 г., стр. 79. ²⁾ Тамъ же. ³⁾ Тамъ же, стр. 79.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 80.

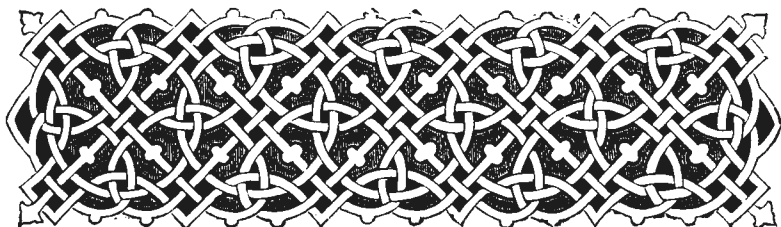
цѣлью заняться обученіемъ и боевою закалкою своихъ войскъ, которымъ предстояло впереди много трудовъ и лишеній.

Не станемъ описывать всѣхъ операцій, начатыхъ съ Гродна, продолженныхъ побѣдою русскихъ при Лѣсной 28-го сентября ст. ст. 1708 года и законченныхъ боемъ 27-го іюня 1709 года при Полтавѣ, боемъ, положившимъ рѣзкую грань въ политической судьбѣ Карла. До сихъ поръ онъ не зналъ неудачъ; съ этого времени начинается для него цѣлый рядъ годовъ постоянныхъ бѣдствій, испытываемыхъ имъ въ Турціи, куда бѣжалъ онъ послѣ Полтавы, чтобы не попасть въ плѣнъ русскимъ.

Еще въ 1707 году Петръ началъ съ Карломъ переговоры о мирѣ. Но Карлъ отвергъ всѣ предложенія, рѣшивъ подписать миръ только въ Москвѣ, свергнувъ Петра съ престола и назначивъ ему преемникомъ когонибудь изъ своихъ любимцевъ, какъ онъ поступилъ съ Польшей. Кто знаетъ, быть можетъ, эта высокая роль предназначалась Мазепѣ, котораго Карлъ также любилъ и съ которымъ былъ уже давно въ тайныхъ сношеніяхъ. Видя полное пораженіе шведовъ подъ Полтавой, Карлъ говорилъ потомъ: «Невозможно изобразить словами того, что я чувствовалъ и въ какую приведень былъ ярость. Я скрежеталъ зубами, бился головою объ носилки и стучалъ больною ногою, но все это было напрасно». Любимый его генераль Рейншильдъ и министръ Пиперъ были взяты въ плѣнъ. Карлъ къ концу боя лишился чувствъ. Придя въ себя, онъ тотчасъ отправилъ Майерфельта къ Петру съ просьбою отпустить къ нему Пипера, хотя на два часа. Петръ отказалъ. «Хорошо еще,—сказалъ Карлъ,—что и Майерфельта не задержали, какъ я часто дѣлалъ съ посылаемыми ко мнѣ»¹⁾. Вскорѣ Карлъ опять лишился чувствъ. Тогда генераль Шпоръ и адъютантъ его Кроонъ уложили Карла въ карету Шпора (своей кареты у Карла въ походѣ не было) и, сѣвъ вмѣстѣ съ нимъ въ карету, приказали всю ночь ѣхать къ Переволочнѣ. Ихъ конвоировало всего 300 человекъ конницы. Къ разсвѣту пріѣхали къ Днѣпру, на которомъ не было переправы. Тогда Карлъ приказалъ разобрать бывшую по близости сельскую церковь и изъ ея бревенъ сбить плотъ, на которомъ и переправился съ экипажемъ. Конвой переправился вплавь, при чемъ многіе утонули²⁾. Къ чести Карла нужно сказать, что самыя бѣдствія не сломили его желѣзной воли и упорства характера. Ему удалось возбудить въ 1711 году войну между Россіей и Турціей, кончившуюся для насъ Прутскимъ миромъ и едва ли не поставившую на Прутѣ Петра въ положеніе Карла подъ Полтавой. Но мы не коснемся здѣсь любопытныхъ подробностей пребыванія Карла въ Турціи, описаніе которыхъ напоминаетъ подвиги героевъ старика Гомера.

А. Петровъ.

¹⁾ Рук. Z., 1720 г., стр. 84. ²⁾ Тамъ же, стр. 84.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ПАМЯТНИКИ ВЪ Г. ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

ЦАРСКОЕ Село было всегда любимымъ мѣсто-
пребываніемъ императрицы Екатерины II, и
она хотѣла, чтобы здѣсь все, по возможности,
напоминало какъ о ней лично, такъ въ осо-
бенности о славѣ ея царствованія. Пять мону-
ментовъ въ главномъ царскомъ саду служатъ
воспоминаніемъ о первой турецкой войнѣ, быв-
шей въ ея царствованіе въ 1768—1774 гг. На
самомъ концѣ сада, около выѣзда на Гатчинскую дорогу, возвы-
шается такъ называемая «руина»; это—зданіе, построенное по ри-
сунку архитектора Фельтерна, представляетъ искусное подражаніе
полуразрушенной турецкой военной башнѣ, съ высоты которой
открывается прекрасный видъ на окрестности; подъ карнизомъ
башни надпись: «На память войны, объявленной турками Россіи,
сей камень поставленъ 1768 года». Въ особомъ отдѣленіи сада
(«Царскій садикъ») противъ оконъ Большаго дворца возвышается
obeliskъ изъ синяго мрамора, на пьедесталѣ котораго начертано:
«Въ память побѣды при рѣкѣ Кагулѣ въ Молдавіи. Юля 21-го
дня 1770 года подъ предводительствомъ генерала графа Румян-
цова российское войско числомъ семнадцать тысячъ обратило въ
бѣгство до рѣки Дуная турецкаго визиря Голиль-бея съ силою
полторастотысячною». На большомъ прудѣ, близъ берега, находится
самый красивый изъ царскосельскихъ монументовъ—«Чесменская
колонна»; она сдѣлана изъ цѣльнаго куска уральскаго мрамора,
вѣсившаго при перевозкѣ въ 1777 году до 1.950 пудовъ, и по-
ставлена на основаніи изъ дикаго камня; вышина колонны 5 са-
женъ; на верху ея—большой бронзовый орелъ съ распростертыми

крыльями; кромѣ того, на колоннѣ сдѣланы изображенія корабельныхъ носовъ въ подражаніе римскимъ морскимъ (ростральнымъ) побѣднымъ колоннамъ. По сторонамъ находятся бронзовыя доски, изображающія: съ восточной стороны—Хіосскую морскую битву, съ сѣверной—сожженіе турецкаго флота при Чесмѣ, съ западной—взятіе турецкаго острова Мителены и сожженіе двухъ турецкихъ кораблей и морскихъ арсеналовъ; на четвертой сторонѣ надпись: «Въ память морскихъ побѣдъ, одержанныхъ въ Архипелагѣ. Первая: между Азією и островомъ Хіо 24-го іюля 1770 года предводительствомъ графа Алексія Орлова и адмирала Григорія Спиридова десять російскихъ военныхъ кораблей и семь фрегатовъ разбили и обратили въ бѣгство турецкаго капитанъ-пашу Жефиръ-бей съ шестнадцатью линейными кораблями; фрегатовъ, галеръ, бригантинъ и мелкихъ судовъ было болѣе ста. Вторая: того же іюня 26-го числа сожженъ весь сей флотъ въ Чесменскомъ портѣ контръ-адмираломъ Грейгомъ отряженною эскадрою побѣдительнаго флота. Третія: ноября отъ 2-го до 4-го 1770 года въ присутствіи російскихъ въ Средиземномъ морѣ войскъ вождя генерала графа Орлова, по высаженіи войскъ на островъ Мителену, по обращеніи въ бѣгство непріятели, по овладѣніи предмѣстьемъ, адмиралтействомъ и окрестными мѣстами, сожженъ былъ остатокъ морскихъ силъ турецкихъ: два линейные корабля семидесятипушечные и хранилище разныхъ припасовъ и снастей морскихъ». Памятникъ этотъ открытъ въ 1782 году. На томъ мѣстѣ, гдѣ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны оканчивался Царскосельскій дворцовый садъ, возвышается другая колонна въ память побѣдъ въ Архипелагѣ. Она сдѣлана въ половинѣ 1770-хъ годовъ изъ синеватаго олонецкаго мрамора и поставлена на пьедесталѣ изъ бѣлаго сибирскаго мрамора; на верху были «ростральныя» украшенія, но теперь ихъ нѣтъ. На памятникѣ надпись: «1770 года февраля 17 дня графъ Федоръ Орловъ съ двумя російскими военными кораблями приплылъ къ полуострову Мореѣ въ Средиземномъ морѣ у порта Витуло, сухопутная войска высадилъ на берегъ и пошелъ самъ къ Модону по соединеніи съ христіанами той земли. Капитанъ Барковъ съ спартанскимъ восточнымъ легиономъ взялъ Пассаву, Бердони и Спарту; капитанъ же князь Долгорукій съ Спартанскимъ западнымъ легиономъ покорилъ Каламату, Леонтари и Аркадію; крѣпость Наваринская сдалась бригадиру Ганнибалу. Войскъ Російскихъ было числомъ шесть сотъ человѣкъ, кои не спрашивали, многочисленъ ли непріятель, но гдѣ онъ; въ плѣнъ турковъ взято шесть тысячъ». Красивый турецкій кіоскъ на берегу большаго пруда напоминаетъ объ окончаніи этой славной войны. Надписи на немъ нѣтъ, но извѣстно, что императрица Екатерина, желая почтить заслуги князя Николая Васильевича Рѣпина (впослѣдствіи фельд-

маршала), велѣла въ память заслугъ его въ дѣлѣ ратификаціи Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора (въ октябрѣ 1775 г.) построить въ Царскомъ Селѣ, ко времени возвращенія князя въ Россію, точную копию султанскаго кіоска, находившагося на берегу пруда въ главномъ дворцѣ въ Константинополѣ. Замѣтимъ при этомъ, что русское посольство для заключенія помянутаго выше мирнаго договора отличалось необыкновенною пышностью. Чтобы показать блескъ русскаго двора, князю Рѣпинну дана была свита изъ 500 человекъ; въ числѣ ихъ были трубачи и литаврщики, команды изъ гусарь, кирасирь и пѣхоты, гвардейскіе гренадеры, греческіе офицеры, придворные изъ молодыхъ дворянъ, скороходы, егеря и проч. Самъ посоль въѣхалъ въ Константинополь на богато убранномъ арабскомъ конѣ, подаренномъ султаномъ, съ музыкою и распущенными знаменами. Послѣ цѣлаго ряда торжествъ князь Рѣпинъ вернулся въ Россію въ апрѣлѣ 1776 года.

Вторую турецкую войну 1787—1791 гг. въ Царскомъ Селѣ напоминаютъ только названіе (въ 1780 г.) части города «Софіею» и построенный здѣсь храмъ во имя Софіи Премудрости Божіей (начатъ въ 1782 г., оконченъ въ 1788 г.); храмъ этотъ сооруженъ по плану архитектора Старова и долженъ былъ напоминать Софійскій храмъ въ Константинополѣ, но подраженіе вышло крайне неудачное. При основаніи (въ 1782 г.) храмъ этотъ былъ наименованъ капитульною церковью учрежденнаго 22-го сентября 1782 года ордена св. Владимира; это названіе сохранялось за Софійскою церковью въ Царскомъ Селѣ до 1843 года, когда орденскою церковью ордена св. Владимира назначенъ былъ петербургскій Князе-Владимірскій соборъ. Впрочемъ, какъ названіе части города «Софіею», такъ и Софійская церковь болѣе указываютъ на неосуществившіяся мечты «о греческомъ проектѣ», бывшемъ одною изъ главныхъ причинъ второй турецкой войны, чѣмъ на событія самой войны.

Есть еще въ Царскомъ Селѣ монументъ, очевидно, относящійся къ прославленію какого либо событія изъ эпохи турецкихъ войнъ при Екатеринѣ II; но опредѣлить значеніе его невозможно. Монументъ этотъ находится внѣ большаго Царскаго парка, вблизи нынѣшней первой водоподъемной башни. Онъ представляетъ колонну изъ сѣро-синеватаго мрамора съ арматурами на верху въ видѣ сѣланныхъ изъ мѣди мусульманскихъ знаменъ и т. п. На памятникѣ надписей нѣтъ, и точныхъ свѣдѣній о немъ не сохранилось. Составитель «Исторіи Села Царскаго» (Спб., 1829—1830 г.) И. Яковкинъ, пользовавшійся официальными документами, почему-то называетъ этотъ монументъ «сибирскимъ памятникомъ», сообщая только, что строился онъ въ концѣ 1770-хъ годовъ въ Петербургѣ подъ вѣдѣніемъ конторы строенія Исаакіевскаго собора.

Присоединеніе къ Россіи въ 1783 г. Крыма увѣковѣчено въ Царскомъ Селѣ постройкою такъ называемаго «Адмиралтейства»;

оно же служить и воспоминаніемъ основанія Черноморскаго флота. Зданіе это сооружено въ готическомъ стилѣ въ 1780-хъ годахъ. Въ верхней залѣ этого зданія находятся прекрасныя бюсты Екатерины II и Потемкина, а также картины архитектора-художника Захарова, съ изображеніемъ старыхъ видовъ Царскаго Села, и другія картины. Внизу сохраняются 3 бота временъ Екатерины II; тутъ же находится одинъ изъ первыхъ трофеевъ войны 1877—1878 гг. — флагъ съ взорваннаго на Дунаѣ удачными выстрѣлами нашей артиллеріи турецкаго броненосца «Литфи-Джелиль» (29-го апрѣля 1877 г.). Надписи на «Адмиралтействѣ» нѣтъ никакой.

Со стороны Гатчинскаго шоссе въ большой паркъ ведутъ такъ называемыя «Орловскія ворота», построенныя въ честь князя Г. Г. Орлова. Они сдѣланы изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ по рисунку архитектора Ринальди. На устройство ихъ по смѣтѣ 1773 г. ассигновано было свыше 5 тыс. рублей. На воротахъ со стороны Царскосельскаго сада надпись: «Когда въ 1771 году въ Москвѣ былъ моръ на людей и народное нестройство, генераль-фельдцейхмейстеръ Григорій Орловъ, по его просьбѣ, получивъ повелѣніе, туда поѣхалъ, установилъ порядокъ и послушаніе, сирымъ и немущимъ доставилъ пропитаніе и исцѣленіе, и свирѣпство язвы пресѣкъ добрыми своими учрежденіями». На другой сторонѣ воротъ есть еще и другая надпись: «Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва» (изъ стиховъ тогдашняго поэта В. И. Майкова).

Изъ прочихъ памятниковъ Екатерининскаго времени въ Царскомъ Селѣ замѣчательны также: водопроводъ, памятникъ Ланскому и монументъ собакамъ. Устройство царскосельскаго водопровода (изъ с. Тайцъ) напоминаетъ искусственный гротъ, вблизи небольшаго Бабловскаго дворца; прежде въ этомъ гротѣ, какъ говорятъ, стояла статуя, почему-то называвшаяся «монахомъ», отчего и гротъ носить до настоящаго времени такое же названіе; но статуи этой давно уже нѣтъ, а въ гротѣ сохраняется только слѣдующая надпись: «Въ счастливое царствованіе Екатерины II проведена въ Царское Село свѣжая вода раченіемъ генераль-поручика фонъ-Бауера 1774 года». Внизу та же надпись полатыни. Изъ грота дѣйствительно вытекаетъ свѣжая вода. Памятникъ генералу А. Д. Ланскому находится теперь въ особомъ отдѣленіи сада («Царскомъ садикѣ»), недоступномъ для публики. Долго не знали, кому поставленъ этотъ памятникъ, такъ какъ на немъ до 1880-хъ годовъ сохранялась только одна надпись: «Коль велико удовольствіе честнымъ душамъ видѣть добродѣтели и заслуги, общими похвалами достойно вѣнчаемыя». Но въ настоящее время памятникъ восстановленъ въ прежнемъ видѣ; на памятникѣ помѣщено увеличенное изображеніе медали, выбитой въ честь Ланскаго; на этой медали съ одной стороны портретъ Ланскаго съ надписью: «Александръ Дмитриевичъ Ланской, генераль-поручикъ и генераль-адъютантъ», а

на другой—изображеніе пирамиды съ тополями у подножья и надписями: а) «Въ память дружбы», и б) «Родился 1758 г. марта 8 дня, скончался 1784 года іюня 25 дня»¹⁾.

Монументъ собакамъ Екатерины II замѣчательнъ по своей оригинальности. Извѣстно, что императрица Екатерина очень любила собакъ. Въ письмахъ къ барону Гримму она, напримѣръ, писала о нихъ въ такомъ родѣ: «Сирь Томъ (имя собаки), обрѣтающійся попрежнему въ добромъ здоровьѣ, лишился своей супруги. Это въ его семействѣ первая утрата втеченіе 15 лѣтъ. Въ настоящее время живутъ у меня въ комнатѣ Леди-Томъ и Тезей-Томъ. Этотъ послѣдній—воспитанникъ генерала Ланскаго, благодаря которому изъ него вышло существо гордое, смышленное и во всѣхъ отношеніяхъ благовоспитанное. Онъ никому не уступаетъ мѣста возлѣ камина и, кто бы ни подошелъ къ этому мѣсту, укусить въ ногу, кромѣ Александра и Константина... Папенька и маменька уже не узнаютъ дѣтей своихъ: такъ они выросли и, если пойдетъ такъ, то изъ нихъ выйдутъ гиганты». Этимъ-то любимцамъ—собакамъ и соорудила Екатерина особый памятникъ на пригоркѣ, гдѣ любила отдыхать во время прогулокъ. Памятникъ имѣетъ видъ египетской пирамиды; около него теперь мраморные столбы, а въ прежнее время были сибирскіе кедры. Надгробныя плиты собакъ находятся около памятника. Въ настоящее время ихъ три. Приводимъ находящіяся на нихъ надписи въ подлинникѣ съ переводомъ:

I. Ici mourut Zémire et les Grâces en deuil
Doivent jéter des fleurs sur son cercueil;
Constante dans ses goûts, à la course legère
Comme Tom, son ayeul, comme Lady, sa mère;
Son seul défaut était un peu d'humeur,
Mais ce défaut venait d'un très bon coeur.
Quand on aime, on craint tant!
Zémire aimait tant celle
Que tout le monde aime comme elle!
Croyez-vous qu'on aime en repos,
Ayant cent peuples pour rivaux?
Les dieux, temoins de sa tendresse,
Devaient à sa fidélité,
Le don de l'immortalité
Pour qu'elle fut toujours auprès de sa maitresse.

(Здѣсь покоится Земира, и граціи въ траурѣ должны осыпать ея гробъ цвѣтами. Подобно своему предку Тому и своей матери Леди, она была постоянна въ своихъ вкусахъ и легка на бѣгу. Единственный порокъ ея былъ тотъ, что она была немного сердита; но онъ происходилъ отъ очень добраго сердца. Любя, боишься всего; а Земира столь любила ту, которую обожаетъ весь свѣтъ!

¹⁾ А. Д. Ланской погребенъ въ Царскомъ Селѣ въ церкви Казанской Божіей Матери (на Казанскомъ кладбищѣ).

Вѣрите ли вы, что можно спокойно любить, имѣя соперниками сто народовъ. Боги, свидѣтели ея нѣжности, въ награду за ея постоянство должны бы даровать ей безсмертіе, чтобы не разлучить ея съ ея повелительницею).

II. «Ci-git Duchesse, la fidèle compagne de Sir Tom Anderson. Elle le suivit en Russie l'an 1770. Aimée et respectée par sa nombreuse postérité elle décéda en 1782 âgée de 15 ans laissant 115 descendans tant levriers que levrettes». (Здѣсь погребена Дюшессъ, вѣрная спутница Сира Тома Андерсона. Она прибыла съ нимъ въ Россію въ 1770 году. Любимая и уважаемая своимъ многочисленнымъ потомствомъ, она скончалась въ 1782 году, 15-ти-лѣтъ, оставивъ по себѣ 115 потомковъ, какъ самцовъ, такъ и самокъ-левретокъ).

III. Ci git Sir Tom Anderson. Il passa d'Angleterre en Russie l'an 1769, non par curiosité à l'exemple de ses compatriotes ou pour s'y livrer aux spéculations du système mercantile, mais avec le noble projet s'être placé à la cour. Il y vecu, il y fut chéri, il y soutient. Liberté et propriété (sic) fut sa devise. Les maximes, dans lesquelles il avait été élevé, le montraient dans son caractère, dans toutes ses actions, et il ne les abandonna jamais. Sensible à l'amitié, il choisissait ses amis avec discernement. Sans artifice, il ne flatta personne, au contraire il grondait et même avec humeur ceux qui lui déplaisaient. Quoique il jouit de la plus haute faveur, il ne souffrait qu'avec répugnance la flatterie et dédaignait les caresses des courtisans. Il aimait la société et y était considéré. Il fut mari tendre et bon père. Sa nombreuse posterité le respectait. Il y entretenait la paix par une subordination exacte. Il s'occupait volontiers lui-même de l'éducation de ses enfans. Pour y donner plus des soins, il prenait part à leurs amusements. A cet effet et pour vivre au sein de sa famille, il quittait sans peine le palais des Rois et allait fréquenter les bois et les chaumières. La chasse qu'il aimait lui procura un jour l'occasion de servir la cause publique; la sagacité de son esprit, lui fit découvrir un voleur poursuivi par deux laboureurs, qui se sauvait dans l'épaisseur de la forêt; il ralentit la course du voleur en lui pincant à propos les jambes jusqu'à l'arrivée des laboureurs. Passant! Si cet éloge vous interesse, sachez que c'est la vérité rigoureuse qui l'a tracé. C'est le juste tribut, payé par l'amitié. A la mémoire d'un lévrier jeune et blanc, haut d'un pied et demi». (Здѣсь лежитъ Сиръ Томъ Андерсонъ. Онъ прибылъ изъ Англіи въ Россію въ 1769 году, не ради любопытства, по примѣру своихъ соотечественниковъ, и не для того, чтобы заниматься здѣсь торговыми спекуляціями, но съ благороднымъ намѣреніемъ занять мѣсто при дворѣ. Онъ здѣсь жилъ, здѣсь его нѣжно любили, здѣсь онъ удержался. Свобода и собственность (sic) были его девизомъ. Правила, въ которыхъ онъ

былъ воспитанъ, выражалась въ его характерѣ, во всѣхъ поступкахъ, и онъ не оставлялъ ихъ никогда. Чувствительный къ дружбѣ, онъ выбиралъ друзей съ разборомъ. Не будучи лукавъ, онъ не льстилъ никому, напротивъ онъ бранилъ и даже со злобою тѣхъ, кто ему не нравился. Хотя онъ и пользовался высшею благосклонностью, онъ съ отвращеніемъ переносилъ ласкательство и гнушался ласками придворныхъ... Онъ любилъ общество и былъ имъ уважаемъ. Онъ былъ мужъ нѣжный и хорошій отецъ. Многочисленное потомство его почитало. Онъ поддерживалъ въ немъ миръ самую строгую дисциплиною. Онъ самъ охотно занимался воспитаніемъ своихъ дѣтей. Чтобы выказать въ этомъ болѣе заботу, онъ принималъ участіе въ ихъ играхъ. Съ этою цѣлью и чтобы жить вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, онъ безъ сожалѣнія покидалъ дворецъ царей и отправлялся посѣщать лѣса и хижины. Охота, которую онъ любилъ, доставила однажды ему случай послужить общественному дѣлу; прозорливость его ума дала ему случай отыскать вора, котораго преслѣдовали два земледѣльца и который укрылся въ чащѣ лѣса; онъ замедлилъ бѣгъ вора, щипая его за ноги, до прибытія земледѣльцевъ. Прохожіе! если эта похвала интересуеъ васъ, то знайте, что это начертала самая строгая истина. Это справедливая дань, оплаченная дружбою. На память леврету молодому и бѣлому, вышиною въ полтора фута».

Въ Царскомъ Селѣ есть также два памятника и самой Екатерины II. Одинъ изъ нихъ находится въ саду противъ Большаго Дворца и представляетъ небольшой монументъ, въ общемъ напоминающій памятникъ Екатеринѣ II въ Петербургѣ; въ рукахъ у императрицы скипетръ и лира, внизу бюсты ея сподвижниковъ (Потемкина, Суворова, Румянцева, Бецкаго и Державина). Другой памятникъ — мѣдный бюстъ Государыни сооруженъ въ 1885 году въ зданіи городской ратуши въ память 100-лѣтія дарованія Россіи городского положенія.

О временахъ императора Александра I напоминаетъ въ Царскомъ Селѣ бюстъ его въ садикѣ близъ дворца, поставленный въ 1830 годахъ; но лучшимъ воспоминаніемъ о царѣ, освободителѣ Европы, служатъ чугунныя ворота въ паркѣ съ надписью «Любезнымъ моимъ сослуживцамъ» («A mes chers compagnons d'armes»). Эти ворота воздвигнуты въ честь героевъ 1812—1814 гг., которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Александръ повелѣлъ отводить земли для поселенія въ Царскомъ Селѣ ¹⁾.

¹⁾ Въ 1860 году Императорская Академія Художествъ объявила о конкурсѣ на сочиненіе проекта монумента Екатеринѣ II, назначеннаго для постановки на дворѣ Царскосельскаго дворца. Изъ представленныхъ на соисканіе проектовъ удостоился утвержденія проектъ академика М. О. Микѣшина. Но вскорѣ по ходатайству С.-Петербургской городской думы испрошено было Вы-

Въ Александровскомъ паркѣ, близъ оранжерей, сооружена въ 1825 году прекрасная капелла съ искусственными около нея развалинами; внутри этой капеллы находится замѣчательной работы мраморная статуя Спасителя, работы извѣстнаго германскаго скульптора Иоанна Даннекера (родился въ 1758 году, скончался въ 1841 году). Эта статуя—подарокъ императрицы Маріи Ѳеодоровны императору Александру I. Сохранилось преданіе, что первая мысль создать эту статую возникла у ваятеля послѣ того, какъ онъ видѣлъ во снѣ Спасителя. Считая это явленіе за повелѣніе свыше, Даннекеръ (въ 1816 году) принялся за работу, прилежно читая библію и евангеліе, чтобы въ этомъ чтеніи почерпнуть вдохновеніе для достойнаго изображенія Мессіи-Христа. Когда работа была окончена еще въ модели, художникъ все еще сомнѣвался въ достоинствѣ своей работы и, чтобы удостовѣриться въ томъ, онъ позвалъ въ мастерскую семилѣтняго ребенка и, указывая на статую, спросилъ: «кто это?». Ребенокъ узналъ сразу изображеніе Спасителя. Тогда Даннекеръ рѣшился сдѣлать настоящую статую, которую окончилъ въ 1824 году. Спаситель изображенъ въ стоячемъ положеніи; одежда его небрежно ниспадаетъ складками; одна рука касается сердца, другая простерта; ликъ Спасителя выражаетъ глубокую задумчивость. На подножіи статуи надписи: а) «Per Me ad Patrem» (черезъ Меня къ Отцу), и б) «Danneker fecit 1824» (Даннекеръ сдѣлалъ 1824).

Кстати замѣтимъ, что Царское Село также было любимымъ мѣстопробываніемъ императора Александра I. Въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ до сихъ поръ сохраняются тѣ комнаты, гдѣ жилъ императоръ Александръ Павловичъ; въ кабинетѣ хранится его кровать, мундиръ, ботфорты, бритвенныя принадлежности и прочее.

Въ Царскомъ Селѣ обращаетъ на себя также вниманіе памятникъ великой княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ, безвременно скончавшейся на 19 году отъ рожденія 29-го іюля 1844 года. Памятникъ находится возлѣ любимаго домика великой княгини на берегу пруда въ Александровскомъ паркѣ. Памятникъ представляетъ родъ часовни изъ бѣлаго мрамора, въ которомъ поставлена статуя великой княгини съ младенцемъ въ рукахъ. Монументъ исполненъ художникомъ Витали и поставленъ въ 1850 году. Въ большомъ паркѣ на берегу большаго пруда находится памятникъ тоже безременно

сочайшее соизволеніе на сооруженіе памятника Екатеринѣ II не въ Царскомъ Селѣ, а въ Петербургѣ, и тогда же на художника Микѣшена было возложено это дѣло. Г. Микѣшинъ, сознавая, что Царскосельскій монументъ не соответствуетъ ни стилемъ, ни размѣромъ, монументу, долженствовавшему украсить столицу, передѣлалъ свой проектъ. Петербургскій памятникъ Екатеринѣ II открытъ 24 ноября 1873 года.

угасшему цесаревичу Николаю Александровичу въ видѣ бюста на пьедесталѣ. Онъ поставленъ въ 1860 годахъ на томъ мѣстѣ, гдѣ цесаревичъ любилъ часто отдыхать во время прогулокъ по саду.

Въ самомъ городѣ Царскомъ Селѣ на зданіи мѣстной мужской гимназіи въ церковной стѣнѣ на улицу вдѣлана надпись: «Во славу Божию, вѣчной памяти благочестивѣйшаго великаго государя императора Николая I и благовѣрнаго государя великаго князя цесаревича Николая Александровича посвященъ домъ сей гражданами города Царскаго Села образованію юношества». Доска поставлена въ 1870 годахъ. Въ этой же гимназіи въ залѣ педагогическаго совѣта находится бюстъ покойнаго государя Александра Николаевича, сооруженный на средства, собранныя служащими, учащими и учащимися въ гимназіи. Высочайшее разрѣшеніе на постановку бюста послѣдовало 20-го апрѣля 1881 года, причемъ государю императору благоугодно было на докладѣ начертать собственноручно: «Благодарить всѣхъ». Открытіе бюста происходило 13-го декабря 1881 года въ присутствіи ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Владиміра Александровича, Сергія Александровича и Павла Александровича. Бюстъ изготовленъ былъ на электро-гальванической фабрикѣ г. Ковако съ оригинала профессора Антокольскаго; государь изображенъ въ кавалергардскомъ мундирѣ. Сооруженіе бюста съ постаментомъ обошлось до 400 рублей. На пьедесталѣ надписи: а) «Да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію. 19-е марта 1856 г.»; б) «19-е февраля 1855 г.» и в) «1-е марта 1881 г.».

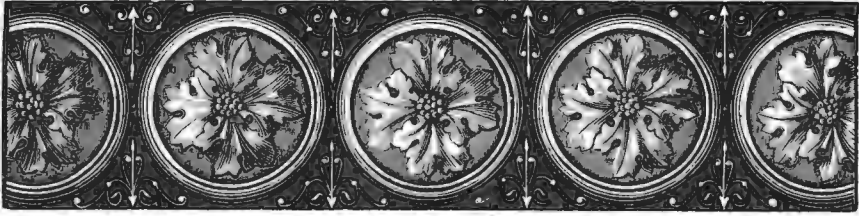
Говоря объ историческихъ памятникахъ въ Царскомъ Селѣ, нельзя также пропустить памятника, находящагося на кладбищѣ лошадей при такъ называемой «покойной конюшнѣ», гдѣ содержатся больныя и престарѣлыя лошади изъ-подъ высочайшаго сѣдла. Тамъ на одной изъ плитъ находится слѣдующая надпись: «Верховая лошадь, кобыла гвѣдая «Милая»; служила ихъ императорскимъ величествамъ государю императору Николаю Павловичу и государынѣ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Пала 1842 года сентября 28-го дня. На сей лошади его императорское величество государь императоръ Николай Павловичъ изволилъ 14-го декабря 1825 года предводительствовать вѣрною гвардіею противъ мятежниковъ. Не смотря на нѣсколько залповъ, остался по милости Божіей невредимъ. Лошадь также не была ранена».

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ Софійской церкви, принадлежащей полкамъ Его Величества лейбъ-гвардіи гусарскому и лейбъ-гвардіи кирасирскому, сохраняются знамена, взятые въ 1864 году при пораженіи коканцевъ и взятіи города Чекмента, а также находится мраморная доска съ именами чиновъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, павшихъ во время войны 1877—1878 гг. Подобныя же доски находятся и въ церквахъ, принадлежащихъ постоянно квар-

тирующимъ въ городѣ Царскомъ Селѣ лейбъ-гвардіи стрѣлковымъ баталіонамъ (1-му—Его Величества, 2-му и 4-му—Императорской Фамиліи). Есть еще военный трофей въ Воскресенской церкви Большаго дворца, именно ключъ Адрианополя; подъ нимъ на металлической доскѣ надпись: «Ключъ города Адрианополя, взятаго 8-го августа 1829 года».

Н. Ширяевъ.

БУЙНЫЙ КАЛМЫКЪ.

Разсказъ изъ Ростовской старины ¹⁾.

ОСТОВЦЫ издавна торговали по Уральской линіи съ кочующими киргизь-кайсаками. Императрица Елисавета Петровна, назначивъ въ этотъ край генерала Ивана Ивановича Неплюева, предписала ему избрать болѣе удобное мѣсто для устройства крѣпости. Неплюевъ, между прочимъ, обратился тогда за совѣтами къ торговавшему въ Оренбургѣ ростовскому купцу Алексѣю Дмитриевичу Кекину, съ которымъ онъ былъ очень друженъ и «никакія предпріятія» онъ, Неплюевъ, безъ совѣтовъ Кекина не предпринималъ.

Фамилія Кекиныхъ въ Ростовѣ очень древняя. О Кекиныхъ упоминается въ писцовыхъ книгахъ XVII в., какъ о соколиныхъ помытчикахъ, т. е. добывателей и учителей соколовъ, которыхъ они поставляли къ царскому двору.

За эту службу имъ была пожалована въ самый Ростовъ земля, и по настоящее время находящаяся во владѣніи Кекиныхъ. Во время шестимѣсячной осады Оренбурга Пугачевымъ (съ 5-го октября 1773 по 29-е марта 1774 г.), многіе ростовскіе купцы, застигнутые шайками самозванца, участвовали въ защитѣ крѣпости и удостоились потомъ разныхъ высочайшихъ наградъ.

¹⁾ Извлечено изъ находящагося въ Ярославской ученой архивной комиссіи подлиннаго дѣла Ростовскаго городского магистрата «О ростовскомъ купцѣ калмыцкой націи Андрей Зыковъ въ чинимомъ имъ непорядочномъ поступкѣ».

У одного изъ такихъ ростовскихъ купцовъ—Кайдалова, былъ въ качествѣ раба крещеный калмыкъ Андрей Зыковъ. Этотъ калмыкъ на столько отличился въ дѣлахъ противъ Пугачевскихъ шаекъ, что былъ даже, «по указу ея императорскаго величества», награжденъ шпагою и причисленъ къ ростовскому купечеству.

Ростовскіе купцы на зиму изъ Оренбурга пріѣзжали всегда домой; пріѣхавъ въ г. Ростовъ вмѣстѣ съ своимъ бывшимъ хозяиномъ Кайдаловымъ и пожалованный шпагою калмыкъ—ростовскій купецъ Андрей Тимоѣевичъ Зыковъ: онъ купилъ пятиоконный деревянный домъ на Ярославской улицѣ, женился на купеческой дочери Серебренниковой, завелъ порядочную торговлю и сдѣлался мирнымъ обывателемъ.

Къ сожалѣнію, калмыкъ Зыковъ не былъ воздержнымъ и вскорѣ началъ сильно пить, при томъ же, будучи беспокойнымъ во хмелю, не только причинялъ великія огорченія своимъ домашнимъ, но и частенько беспокоилъ обывателей Ярославской улицы. Впрочемъ, и сосѣди Зыкова относительно его были далеко не безупречны, они даже способствовали проявленію его буйныхъ наклонностей. Они постоянно дразнили его ненавистнымъ для калмыка словомъ «орюха»; какъ только увидятъ, что высочайше пожалованный саблею ростовскій, калмыцкой націи, купецъ направляется не совѣмъ твердыми шагами по Ярославской улицѣ къ своему дому, такъ не только уличные мальчишки, но и украшенные сѣдинами посадскіе люди начнутъ кричать благимъ матомъ: «орюха! орюха!». Тогда несчастный калмыкъ приходилъ положительно въ ярость и бросался съ чѣмъ попало на посадскихъ; тѣ моментально убѣгали за ворота предоставляя, такимъ образомъ, вымещать калмыку свой гнѣвъ на оконныхъ стеклахъ ихъ вросшихъ въ землю домишекъ. Часто онъ попадался за эти неподобные поступки подъ стражу и по суду городского магистрата бывалъ неоднократно штрафованъ. Но событіе, учиненное въ Ростовѣ на Ярославской улицѣ 1-го ноября 1780 г. калмыкомъ Зыковымъ, вышло изъ ряда обыкновенныхъ и было, какъ значителенъ въ магистратскомъ доношеніи, «чрезвычайнымъ поступкомъ».

Въ концѣ Ярославской улицы, не далеко отъ дома Зыкова, находилась церковь св. Козьмы и Даміана безсребренниковъ; Зыковъ былъ усердный прихожанинъ этой церкви и, какъ видно, водилъ не малую дружбу и съ причтомъ.

1-го ноября, въ этомъ приходѣ былъ храмовой праздникъ. По обычаю ростовцевъ, весьма усердныхъ къ своимъ храмамъ, Зыковъ съ женою былъ за обѣдней; потомъ дома принималъ со святомъ священника и, какъ человѣкъ со средствами, оставилъ причтъ обѣдать; подошли родственники и другіе гости, съ которыми Зыковъ выпивалъ и закусывалъ.

Въ ожиданіи обѣда, выпивка, надо полагать, была приличная,

такъ что хозяинъ началъ къ нѣкоторымъ своимъ гостямъ-родственникамъ придираться и въ особенности поносить брата жены, купца Серебренникова; жена стала уговаривать мужа, но Зыковъ пришелъ въ такой азартъ, что выгналъ изъ дому и жену и гостей. Успокоившись немного, онъ къ вечеру пошелъ къ своему пріятелю—козьмодемьянскому попу, и тамъ, напившись «до зеленаго змія», придя домой, почему-то вообразилъ, что его преслѣдуютъ. И вотъ, поздно уже вечеромъ, выбѣжавъ за ворота, на улицѣ началъ кричать «караулъ», а когда сталъ собираться передъ его домомъ народъ, то онъ, вбѣжавъ обратно въ комнаты, выставилъ раму, отворилъ окно и, схвативъ пистолеть, принялся кричать: «не смѣйте ходить мимо дома, а то застрѣлю»; въ заключеніе даже выстрѣлилъ, бросилъ оружіе и, схвативъ уже шпагу, избилъ двухъ своихъ работницъ. Явилась полиція, и Зыкова забрали въ «городническій клоповникъ», куда сажали тогда городскихъ обывателей за подобнаго рода непорядки.

Зыковъ въ «клоповникѣ» содержался 5 дней, и только 6-го ноября ростовскій городничій, секундъ-маіоръ Чертковъ, при сообщеніи препроводилъ купца калмыцкой націи въ ростовскій городской магистратъ, который и принялъ его «подъ особую стражу». 9-го ноября, бурмистръ и три ратмана имѣли объ этомъ дѣлѣ сужденіе. Явился вопросъ, какъ безобразничалъ Зыковъ: «въ безмѣрномъ ли пьянствѣ», или же «по приключенію безумства?». Бурмистръ и ратманы магистрата, хотя и были такіе же купцы, какъ Зыковъ, но, очевидно, въ дѣло вникали мало, а всѣмъ воровалъ секретарь. Зыкова содержали въ магистратской тюрьмѣ не мало времени; не однократно водили въ присутствіе, но подсудимый, какъ видно изъ журналовъ, основательнаго ничего не говорилъ, а кричалъ «караулъ» и всякаго въ магистратѣ бранилъ скверно; ходоконъ магистратскихъ билъ; въ горницѣ, гдѣ онъ сидѣлъ подъ стражею, выбилъ оконницы, а 16-го ноября даже разломалъ и печь. Въ виду послѣдняго дѣянія магистратъ заключилъ, что Зыковъ «имѣеть не малое въ своемъ умѣ помѣшательство». То же самое констатировалъ и единственное тогда свѣтило медицинское въ Ростовѣ—городовой лекаръ Петръ Петровъ Земскій. Врачъ на этотъ разъ сказалъ категорично: «да, онъ, Зыковъ, въ умѣ своемъ точное помѣшательство имѣеть». Болѣе мѣсяца несчастный Зыковъ томился въ магистратской копилкѣ, всѣми оставленный и поругаемый; казалось, не было конца его страданіямъ, и въ перспективѣ ожидалось очевидное заключеніе въ домъ умалишенныхъ. Видя, что плетью обуха не перешибешь, дтя степеней, не смотря на свой неукротимый нравъ, обратился съ просьбою къ тѣмъ же магистратскимъ приказнымъ, чтобы они выручили его изъ такого неподобнаго дѣла.

16-го декабря, въ совѣстный судъ Ярославскаго намѣстничества отъ ростовскаго купца калмыцкой націи Андрея Зыкова было подано слѣдующее покорнѣйшее прошеніе: «Нынѣшнее мое несчастное состояніе, сопряженное съ немалыми заключеніями, не подавало смѣлости по изъясненію всѣхъ со мною приключившихся обстоятельствъ, больше отъ того, что ростовскіе городничій и городской магистратъ обезчестили меня, изувѣчили и за всѣмъ тѣмъ не устыдились наконецъ обнести неповинно; напалъ здѣшній комендантъ, господинъ бригадиръ Кудрявцевъ, и вновь назначенный городской лекаръ Гупанъ засвидѣтельствовалъ, что я подлинно не безумный, то посему за нужное нахожу представить совѣстному суду случившееся со мною происшествіе; оно состоитъ въ слѣдующемъ: 1) прошедшаго ноября 1-го числа, то-есть, въ день храмоваго праздника въ приходской нашей церкви, я съ женою своею въ нѣкоторой домашней экономіи поссорился; она же, осердясь на то, тайнымъ образомъ ушла изъ дому моего къ своимъ братьямъ, въ томъ же городѣ живущимъ купцамъ Серебренниковымъ, отчего я пришелъ въ крайнее огорченіе, ибо названныхъ наканунѣ того дня и пришедшихъ ко мнѣ гостей принужденнымъ нашелся къ стыду своему распустить безъ обѣда; послѣ-жъ того за женою моею изъ имѣющихся у меня двухъ работницъ послалъ я одну, но жена не только сама не пришла, но и ту дѣвку удержала у себя, а я между тѣмъ былъ у приходскаго священника въ гостяхъ, по приходѣ-жъ въ домъ свой ни послѣдней работницы, ни дочери моей малолѣтней, не нашель, а узналъ, что оныя присланнымъ отъ женина брата, по наученію ея, человѣкомъ увезены, и домъ мой остался пустъ, ворота-жъ у онаго были заперты замкомъ, чрезъ что досада моя на жену и горе мое умножились, и такъ я, выставя изъ окошка оконницу, влѣзъ во оное, и дабы сколько нибудь не ужасно было, какъ уже настало тогда ночное время, одному въ домѣ, то, засвѣтивъ противъ обыкновеннаго съ излишествомъ свѣчь, повторялъ знаемыя мною разныя военныя «эксерциціи», но около полуночи усмотрѣлъ я домъ мой окруженный немалымъ числомъ простаго народу, имѣющаго въ рукахъ дубины, изъ которыхъ иные стали подходить тайно къ самымъ окнамъ и подсматривать; на вопросъ же мой, что они за люди, многіе кричали: «молчи, калмыцкая харя», и частократно повторяли оруха, при томъ же называли меня убійцей одной моей ушедшей передъ тѣмъ работницы, и сіе-то самое вывело меня изъ границъ настоящаго разсудка, ибо не зналъ я тогда сему никакой причины, а въ разсужденіи ихъ ночнаго къ дому моему съ рычагами приступа и брани, дабы сколько нибудь унялись, сыпалъ изъ окошка въ переулочъ холостымъ и то самымъ малымъ зарядомъ, и по всю ту ночь не спалъ; а по разсвѣтѣ дня одинъ сотской объявилъ мнѣ, что присланъ онъ отъ городничаго Черткова для взысканія меня; и

какъ онъ былъ тогда весьма пьянъ, то и зачалъ бранить меня поносно, на чтò я, нѣсколько огорчася, сказалъ, что если бы прислана была отъ городничева о взятъи меня письменная инструкція, а при томъ же и домъ можно было на кого оставить, то бы я непремѣнно къ городничему явился, и съ тѣмъ отослалъ его отъ дому прочь; но народъ часъ отъ часу умножался, и полицейскіе солдаты, сотскіе и десятскіе, стали ворота у дому моего, которыя были заперты, обивать бревнами, а другіе въ окошкахъ оконницы бить, и дразнили меня неоднократно орюхой, то я по такому ихъ наглому поступку, взошедъ въ верхнюю свѣтелку, показалъ имъ саблю, не имѣя никакого намѣренія ко злу, и еще пару пистолетовъ, не заряженныхъ, безъ шомполовъ и ремней, а потомъ оные и бросилъ къ народу на землю, который, испугавшись сего, бѣжалъ отъ дому моего толпами, а я сошелъ въ нижнія горницы, гдѣ усмотрѣлъ стекла во всѣхъ окошкахъ выбитыя, и отъ того горестъ, во мнѣ умножившаяся и лишавшая меня почти чувствъ, наконецъ принудила выскочить въ окошко, а въ случаѣ какого либо нападенія и защищенія себя взялъ одну шпагу, и въ руки «оцепь», но и тогда отнюдь не имѣлъ намѣренія, чтобы кого нибудь изувѣчить, а думалъ по робости народа, что онъ отъ того разбѣжится и больше къ дому приступать и ругать также меня не будетъ, чтò и совершенно исполнилось, ибо бывший народъ болѣе тысячи человекъ весь разбѣжался, а я потому заключилъ сему поносному для меня происшествію конецъ и бывший у меня въ рукахъ оцепь бросилъ въ палисадникъ, передъ домомъ моимъ стоящій; самъ пошелъ къ переднимъ воротамъ и какъ подходилъ ко онымъ, то вдругъ изъ двора сосѣдняго выбѣжало не малое число солдатъ Ростовскаго пѣхотнаго полку съ ружьями, изъ которыхъ одинъ, схвата предолгій шесть, ударилъ меня по головѣ въ затылокъ, и какъ я отъ того упалъ на землю, то прочіе солдаты и еще полицейской команды сотскіе и десятскіе, набѣжавъ, били и увѣчили меня неслыханно и безъ сомнѣнія лишили бы жизни, если-бъ не защитили отъ такого мученія прибѣжавшіе на тотъ разъ штатной команды подпоручикъ Чуваловъ, и провіантской комиссаръ Иванъ Тимоѣевъ, а послѣ того связали мнѣ руки накрѣпко веревкою, яко существу злодѣю, повели въ полицію въ одномъ камзолѣ, дорогою-жъ идучи такъ же увѣчили, а по приближеніи къ полиціи выслано было отъ городничаго къ прежнимъ еще не малое число вооруженныхъ для веденія меня солдатъ, и какъ привели меня въ полицію, то городничій съ магистратскими: бургомистромъ Щеткинымъ и ратманомъ Темеревымъ, подошедъ, бранилъ меня «бестіей и канальей», плевалъ въ лицо и называлъ «скверной калмыцкой харей», извергомъ и сумасшедшимъ, а потомъ велѣлъ меня посадить въ трехъ-пудовую цѣпь, въ которой и мучилъ меня двой сутки, а столько же по снятіи съ меня сей

цѣпи въ кандалахъ, потомъ же переслалъ меня въ городской ростовскій магистратъ, гдѣ и содержали меня подъ стражею по 23-е число ноября безъ всякаго дѣла; онаго же числа призванъ былъ въ магистратское присутствіе и допрашиванъ, но какъ я не зналъ за собою никакой вины, то и требовалъ объявленія мнѣ, ежели есть доносы или, по крайней мѣрѣ, вопросные пункты, противъ которыхъ бы могъ я отвѣтствовать; но судьи, имѣя на меня всегдашнюю злобу и не принявъ вышписаннаго въ резонъ, вставъ со стульевъ, закричали находящимся при магистратѣ ходокамъ, чтобы свели меня въ исподнюю комнату, гдѣ обыкновенно содержались воры и другіе важные преступники; по случаю на то моего отзыва приказали ходокамъ втащить меня сильно, которые во исполненіе сего приказанія схватили меня за волосы, за руки и за ноги и, втащивъ въ помянутую исподнюю комнату, заключили скованнаго въ цѣпи и желѣзо, и какъ она была не топлена, то я, по неимѣнію на себѣ платья (кромѣ одного камзола и штановъ), пресильно озябъ, такъ что члены мои едва имѣли движеніе, и отъ сего по избавленію, дабы сколько нибудь поотогрѣться, принужденнымъ нашелся ломать стоящую въ той тюрьмѣ печь, что сочтя магистратскіе судьи за важное приказали вывести меня изъ той тюрьмы и для содержанія отослали меня къ городничему, а чрезъ два дня и въ совѣстный судъ. 2) Итакъ, изъ вышеописанныхъ обстоятельствъ довольно видимо, что ростовскіе городничіе и магистратъ притѣснили меня, обезчестили и изувѣчили безвинно, ибо, содержа подъ крѣпкой стражей не малое время, то-есть со 2-го ноября по 26-е число, безъ всякаго дѣла, давали въ пищу одинъ только хлѣбъ и воду и ни на какія представляемыя поруки не выпускали, а чрезъ то причинили мнѣ и, сверхъ увѣчья, въ купеческой коммерціи безвозвратный убытокъ, потому что кредиторы мои, узнавъ, что я въ продолженіе сего содержанія пропустилъ сроки и протестованію своихъ на заимодавцевъ векселей, то и начали объявлять на меня безвременно въ подлежащія мѣста ко взысканію векселя. 3) Господинъ ростовскій городничій пишетъ, якобы я прежде народнаго приступа къ дому моему стрѣлялъ изъ ружей и кричалъ «караулъ», то о семъ я по присяжной должности объявляю, что никогда не дѣлывалъ, да и доносы сдѣланы несправедливые, и послѣ уже взятыя меня подъ стражу онъ же, городничій, присылалъ за мною великія, какъ выше сказано, команды, никакъ не по тѣмъ доносамъ, а по словесной жалобѣ жены моей братьевъ купцовъ Серебряниковыхъ, и по симъ обстоятельствамъ я совѣстнаго покорно прошу, взойдя въ разсмотрѣніе предписаннаго происшествія, учинить меня свободнымъ; или паче чрезъ то самое удовлетворить всемилостивѣйшее ея императорскаго величества желаніе, изображенное въ изданномъ о губерніяхъ учрежденіи «26» главы въ «395» статьѣ, что совѣстный судъ учрежденъ подавать руку по-

мощи страждущимъ болѣе по несчастливому какому ни на есть приключенію, ибо я никакъ отъ сего жребія по притѣсненію городничаго и магистрата не удаленъ, и есть ли еще буду продолжать заключеніе, то неминуемо дойду по купеческой коммерціи до всеконечнаго разоренія».

При прошеніи былъ приложенъ и указъ правительствующаго сената отъ 27-го мая 1775 года, въ которомъ написано: «Всемилоствѣйше жалуемъ новокрещеннаго изъ калмыковъ Андрея Зыкова шпагою въ воздаяніе оказанной имъ службы во время осажденія злодѣями Оренбурга, гдѣ онъ, оставя торгъ свой, по усердію своему употребляемъ былъ отъ оренбургскаго губернатора генерала поручика Рейнсдорфа въ важные посты одной дистанціи и въ самую противъ злодѣевъ вылазку, и по прошенію его причислить со всѣмъ семействомъ къ ростовскому купечеству, уволя отбываемыхъ по оному службъ. Правительствующій сенатъ приказали: для означеннаго новокрещена Зыкова, купя шпагу, отдать ему, Зыкову, отъ высочайшаго ея императорскаго величества имени, а о причисленіи его, Зыкова, со всѣмъ семействомъ къ ростовскому купечеству въ главный и ростовскій магистраты послать указы».

Должно быть, прошеніе было смазано хорошо, такъ какъ черезъ недѣлю послѣ подачи, 23-го декабря, совѣстный судъ опредѣлилъ: «какъ изъ дѣла сего усматривается со стороны купца Зыкова непослушаніе (противъ присланной отъ городничаго команды) и другіе непорядочные поступки, за что онъ хотя и подлежалъ бы оптрафованію, но въ разсужденіи, что сіе сдѣлано имъ по стеченію несчастныхъ приключеній, описанныхъ въ его прошеніи, а при томъ и вреда никому не нанесено, вмѣнить ему, вмѣсто того, заключеніе подъ стражею, продолжающееся ноябрю со 2-го числа, а по сему назначенное дѣло оставить безъ дальнѣйшаго изслѣдованія; самого же его, Зыкова, дабы и подлинно по купеческой коммерціи не могъ дойти до разоренія, свобода обязать подпискою, чтобъ впредь начальствующимъ оказывалъ всегдашнее повиновеніе и никакихъ ослушаній не дѣлалъ, опасаясь неминуемаго по законамъ взыскація».

Итакъ, совѣстный судъ на этотъ разъ «подаль руку помощи» страждущему Зыкову и доставилъ ему возможность встрѣтить рождественскіе праздники въ кругу своего семейства. Что стоило это освобожденіе Зыкову, какъ изъ магистратскаго, такъ и изъ дѣла совѣстнаго суда не видно.

Недолго наслаждался свободой купецъ Зыковъ. Весной 1782 года съ нимъ случилось еще болѣе непріятное происшествіе. По разсказамъ достовѣрныхъ свидѣтелей въ ростовскомъ городовомъ магистратѣ, происшествіе это произошло такъ: «14-го мая (1782 г.), по полудни въ десятомъ часу, во время всеобщаго бдѣнія, были мы (т. е. свидѣтели) на славословіи Божиѣмъ въ приходской церкви

святыхъ чудотворцевъ и безсребрениковъ Косьмы и Даміана, въ которую церковь пришелъ жительствующій при той же церкви ростовскій купецъ изъ калмыцкой націи Андрей Тимошеевъ сынъ Зыковъ, перекрестясь и поклонясь святымъ иконамъ, брося изъ-подъ пазухи шляпу на полъ, и, взявъ свѣчу, поставилъ передъ образомъ Спасителя. А потомъ пошелъ въ алтарь къ служащему священнику Іоанну и, вышедъ изъ алтаря, вставши за правымъ клиросомъ, скинувши съ себя имѣющуюся на немъ суконную шинель, а по скидываніи оной оказалось оружіе — сабля казачья и пистолеть и два ножа, и взявши онъ написанную на картинѣ молитву животворящему кресту читалъ и по прочтеніи изломалъ и заложилъ за животворящій крестъ и потомъ, опять надѣвши шинель, пошелъ вонъ изъ церкви и изъ пистолета при той же самой церкви палилъ неоднократно, и къ великому страху и удивленію слушающихъ всеобщее бдѣніе, и, помѣшавши минутъ пять, пришелъ онъ въ означенную церковь въ гусарскомъ платьѣ и при саблѣ, и при двухъ пистолетахъ, и съ двумя ножами, и въ рукахъ имѣлась деревянная дубина; подошедши къ мѣщанину Ѳедору Тимонову въ той же церкви и во время того-жъ всеобщаго славословія, началъ бранить и ругать всякою скверною бранью и устраивалъ такъ, что «я де съ тобою сдѣлаюсь», а по какой причинѣ—не объявилъ; а таковымъ его, Зыкова, озорническимъ поступкомъ, надъ Тимоновомъ происходившимъ, почти остановился Божественное пѣніе, о чемъ отъ Тимонова къ священнику Іоанну представляемо было, что таковое озорничество происходитъ, отъ чего священникъ Іоаннъ его, Зыкова, и увѣщевалъ; и такъ онъ, Зыковъ, вышелъ изъ церкви вонъ. А какъ всеобщее славословіе кончилось, то по выходѣ изъ оной церкви священника, діакона, всего церковнаго причта и молящихся, онъ, Зыковъ, во всемъ томъ же гусарскомъ платьѣ и съ оружіемъ приступая единственно къ оному Тимонову, выговаривая, что онъ его хочетъ застрѣлить, на что и пистолеть держалъ противъ самаго его, Тимонова, груди, и мы, именованные, увидя такой дѣйствующій означеннымъ Зыковымъ страхъ, принужденными нашлись и съ прибывшими при томъ опредѣленными въ ростовскій пѣхотный полкъ рекруты, которые были у того же всеобщаго бдѣнія и въ той же церкви, онаго Зыкова связали и представили къ городническимъ дѣламъ, а съ какого онъ, Зыковъ, случаю такое неустройство и озорничество чинилъ, сумасшедши или изъ разума, о томъ мы не извѣстны».

Шесть мѣсяцевъ томился калмыкъ въ знакомой ему кутузкѣ, и не мало ему стоило хлопотъ оправдаться передъ судомъ. Дѣло осложнялось еще жалобой ростовской консисторіи, которая доносила на Зыкова о его неблагопристойности въ церкви городничему Черткову.

Призванный въ присутствіе совѣстнаго суда, Зыковъ далъ показаніе, что онъ былъ боленъ «бѣлой горячкой», а теперь де признаетъ себя въ полномъ разумѣ. Наконецъ, 17-го ноября 1782 г. въ совѣстномъ судѣ Ярославскаго намѣстничества состоялось такое окончательное опредѣленіе: «Какъ изъ обстоятельствъ дѣло открылось, что означенный купецъ Андрей Зыковъ, вошедши въ церковь, показанныя неблагопристойности произвелъ дѣйствительно въ помѣшательствѣ ума, въ коемъ онъ и самими, при томъ случившимися, признанъ, а какъ уже нонѣ онъ пришелъ, по свидѣтельству лекаря и по признанію совѣстнымъ судомъ, въ совершенное отъ помѣшательства ума выздоровленіе, то и освободить его, Зыкова, нынѣ, съ отдачею... желающему взять подъ свой присмотръ купцу Ивану Кабанову подъ росписку, съ подтвержденіемъ, что если онъ, Зыковъ, впредь окажется еще въ каковомъ либо сумасбродствѣ, то бы Кабановъ его удерживалъ, о чемъ ему, Зыкову, рѣшеніе объявить съ подпискою, а къ свѣдѣнію о семъ и ростовскому городничему предложить и здѣшнее городническое правленіе объ освобожденіи его, Зыкова, изъ-подъ стражи увѣдомить».

Долго ли жилъ послѣ этого калмыкъ Зыковъ, неизвѣстно, но домъ купцовъ Зыковыхъ, его потомковъ, существуетъ и донинѣ на томъ же самомъ мѣстѣ, и послѣдній въ родѣ ростовскій купецъ Константинъ Зыковъ скончался два-три года тому назадъ довольно состоятельнымъ человѣкомъ.

А. Титовъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ЯПОНІИ ¹⁾.

ХVII.

Японская Швейцарія (Никко).

НЫ ОТПРАВИЛИСЬ 26-го ноября 1890 года изъ Токио въ Никко, которое славится своими великолѣпными храмами и чудной природой. Это священное мѣсто лежитъ въ гористой области восточной половины главнаго острова, въ 140 верстахъ къ сѣверу отъ Токио.

Съ незапамятныхъ временъ здѣсь существовалъ маленькій синтосскій храмъ; въ 767 году нашей эры святой Шодо-Шонинъ воздвигъ въ Никко первый буддѣйскій храмъ. Исторія этого святаго такъ интересна, что я позволяю себѣ привести ее здѣсь. Родители Шодо-Шонина долго были бездѣтны и страстно молили тысячерукую богиню милосердія даровать имъ сына. Мольба ихъ была услышана. Рожденіе мальчика на свѣтъ сопровождалось различными необыкновенными явленіями: гремѣлъ громъ, надъ домомъ висѣло чудесное облако, съ неба сыпался во дворъ дождь цвѣтовъ, и странный аромат наполнялъ воздухъ. Съ ранняго дѣтства святой посвятилъ себя служенію синтосскимъ и буддѣйскимъ богамъ. 20-ти-лѣтъ, тайно оставивъ родительскій домъ, онъ отправился въ святилище тысячерукой Кваннонъ въ Идзуру и провелъ здѣсь три года въ молитвахъ и размышленіяхъ. Однажды онъ увидѣлъ во снѣ мечъ, лежащій на вершинѣ большой горы, находящейся къ сѣверу отъ Идзуры. Проснувшись, онъ попытался во-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LI, стр. 801.

браться на эту гору. Была зима, повсюду лежалъ глубокой снѣгъ, и святой не смогъ сначала одолѣть трудностей пути; но въ концѣ концовъ онъ достигъ своей цѣли: на вершинѣ горы, дѣйствительно, лежалъ мечъ. Три года прожилъ онъ здѣсь, питаясь только плодами, какіе доставлялъ ему какой-то духъ, и подвергая себя всѣмъ суровостямъ схимническаго подвига; затѣмъ поступилъ въ одинъ китайскій монастырь и, пробывъ въ немъ 5 лѣтъ, снова вернулся на свою гору. Однажды съ вершины ея онъ замѣтилъ на сѣверѣ 4 странныхъ, разноцвѣтныхъ облака, стоявшихъ между горами; святой тотчасъ же рѣшилъ отыскать эти горы, сложилъ свои молитвенныя книги и образа въ дорожный мѣшокъ и отправился въ путь; черезъ нѣсколько времени онъ очутился на берегу грознаго потока, перебраться черезъ который не было никакой возможности; святой упалъ на колѣни и началъ молиться. Вдругъ на другомъ берегу появляется божество колоссальныхъ размѣровъ и голосомъ, гремящимъ, какъ громъ, говоритъ ему: «не бойся! я помогу тебѣ перейти рѣку». Съ этими словами духъ бросаетъ двухъ змій: зеленую и голубую; моментально надъ клокочущей пропастью взвизываетъ мостъ; но едва святой перешелъ его, какъ и мостъ и духъ исчезли. Шодо-Шонинъ построилъ себѣ здѣсь хижину и предался снова посту и молитвамъ. Однажды ночью онъ видитъ во снѣ какого-то человѣка, который говоритъ ему, что гора, видимая имъ на сѣверѣ, зовется горою «Четырехъ боговъ», живущихъ на 4-хъ пикахъ ея. Отсюда святой заключилъ, что онъ у цѣли своихъ стремлений; и дѣйствительно, на слѣдующій день снова увидѣлъ четыре чудесныя облака, повисшія надъ горою. Онъ рѣшилъ взойти на высочайшій пикъ группы; но, поднявшись до озера Чиузенжи, увидѣлъ, что дальше идти невозможно: на вершинѣ лежалъ глубокой снѣгъ, и гремѣлъ громъ. Вернувшись въ свою хижину, Шодо-Шонинъ провелъ 14 лѣтъ въ молитвѣ и постѣ, готовясь къ этому подъему, сдѣлавшемуся цѣлью его жизни. Наконецъ, въ 782 году онъ достигъ высшей точки той горы, которую боги и духи избрали мѣстомъ своего земнаго жилища. Боги покровители страны явились здѣсь святому и обѣщали заботиться о благоденствіи человѣческихъ существъ, живущихъ въ Японіи, и о преуспѣяніи въ ней буддизма. Много разъ втеченіе своей исторической жизни Японія была спасена отъ гибели вмѣшательствомъ божествъ Никко, и туземныя преданія говорятъ, что именно сила молитвъ, принесенныхъ здѣсь этимъ богами, отвратила отъ страны ужасы монгольскаго нашествія въ XII столѣтіи.

У озера Чиузенжи Шодо-Шонинъ воздвигъ буддійскій храмъ въ честь тысячерукой Кваннонь, и рядомъ съ нимъ синтосскій храмъ, посвященный духамъ Никко. Еще ранѣе этого, у своей первой хижины, онъ устроилъ буддійскій храмъ и монастырь, куда стали стекаться люди, прослышавшіе о подвигахъ святаго. Репу-

тація святости Никко поддерживалась потомъ другими великими буддѣйскими священниками, жившими здѣсь въ эпоху высшаго расцвѣта японскаго буддизма.

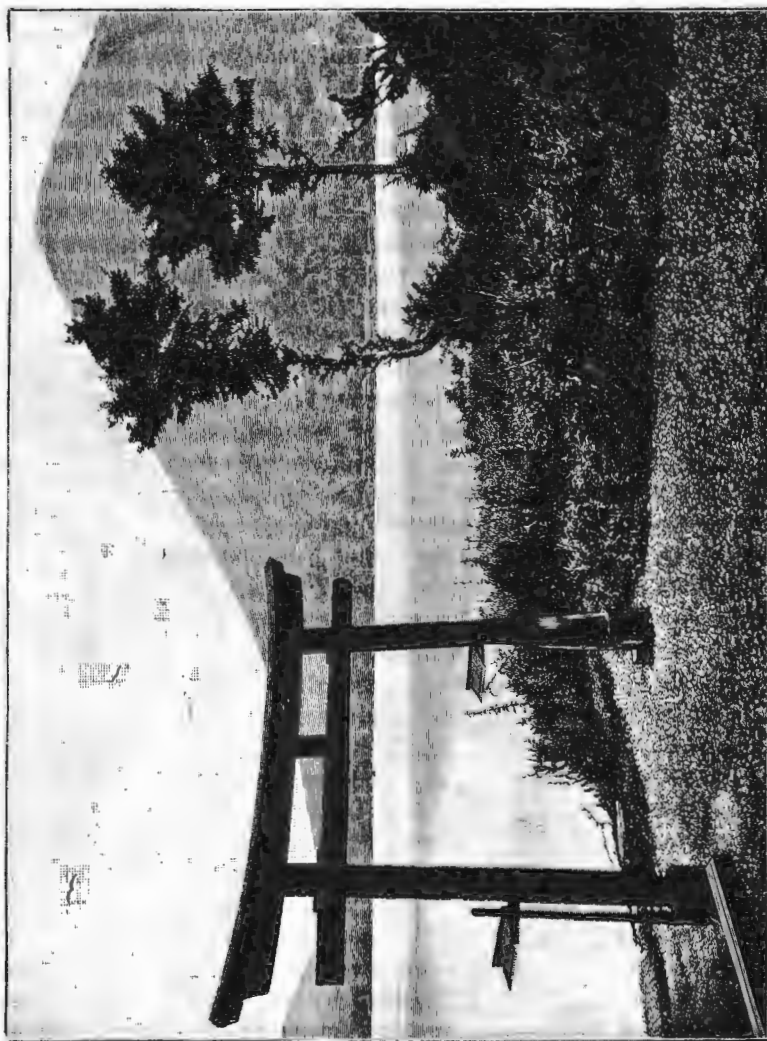
Въ 1616 году Никко дѣлается мѣстомъ усыпальницы перваго правителя изъ Токугавской династїи, Іеязу. Въ 1657 году здѣсь погребается внукъ Іеязу, погунъ Іемитзу. Великолѣпные храмы, воздвигнутые надъ могилами этихъ двухъ величайшихъ представителей Токугавскаго рода, считаются послѣднимъ словомъ архитектурнаго и вообще художественнаго искусства старой Японїи. Такимъ образомъ, къ давнишней, вѣками установленной репутаціи Никко, какъ святаго мѣста, прибавляется новая слава: хранилища величайшихъ памятниковъ національнаго искусства.

Мы выѣхали изъ Токио около часа по полудни. Чтобы имѣть возможность посмотрѣть на японцевъ въ обстановкѣ желѣзно-дорожнаго поѣзда, мы взяли билеты 2-го класса: въ первомъ японцы почти совсѣмъ не ѣздятъ. Народу оказалось въ нашемъ вагонѣ довольно много. Всѣ усиленно наблюдаютъ за каждымъ нашимъ движеніемъ. Мнѣ пришлось поправить прическу, и японскія дамы даже дыханіе притаили, чтобы не упустить ни одного изъ моихъ несложныхъ пріемовъ. Разочарованіе, очевидно, было полное, когда онѣ увидали, какъ европейская женщина дѣлаетъ скоро и просто то, что у нихъ отнимаетъ такъ много времени. Спутники наши начинаютъ читать газеты, а дамы безъ умолку болтаютъ; предметомъ разговора служить главнымъ образомъ мое платье, различныя части котораго детально рассматриваются и критикуются.

Первая станція—Оджи. Еще издали виднѣются высокія, красныя трубы и корпуса бумажныхъ фабрикъ, возникшихъ здѣсь недавно. Какъ неприятно смотрятъ эти угрюмыя дѣтища заморской цивилизаціи среди привѣтливой, патріархальной обстановки японскаго сельскаго пейзажа! Отъ Оджи до второй станціи Акабана все время тянутся дома, окруженные полями и рощами. На кладбищѣ, среди японскихъ памятниковъ, виднѣются нѣсколько крестовъ. Близъ станціи Урава открылась обширная равнина, покрытая полями, изрѣзанными геометрически правильными линиями взопедшаго осенняго посѣва, изумрудная зелень котораго красиво рисуется на порошкообразно взбитой землѣ. Попадаются и чайныя гряды; но кустъ здѣсь гораздо ниже и не такой роскошный, какъ въ окрестностяхъ Киото. Селенія расположились небольшими группами, на подобіе малороссійскихъ хуторковъ. За станціей Ояма полей стало меньше; пошелъ сплошной лѣсъ, печальный лѣсъ глубокой осени. Въ Утсуномїя пересадка на другую вѣтвь, специально проведенную въ Никко. Между Утсуномїя и Никко—четыре промежуточныхъ станціи. Дорога эта открыта для движенія только три мѣсяца тому назадъ.

Было совсѣмъ темно, когда мы прїѣхали въ Никко. У вокзала

беремъ дженерикчей и велѣмъ везти себя въ гостинницу. Потянулась невзрачная улица, освѣщенная только свѣтомъ, падающимъ сквозь раздвинутыя стѣны низенькихъ домиковъ. Дорога покрыта ухабами и влажна отъ недавняго дождя. Пахнетъ прѣлой осенней сыростью. Гдѣ-то высоко шумитъ вѣтеръ. Вотъ кончилась длинная

Священное озеро Чидзензи и гора Нантайзанъ.

улица, и насъ со всѣхъ сторонъ охватываетъ глубокой мракъ; только фонари дженерикчей мигаютъ изъ стороны въ сторону, освѣщая ближайшую часть пути. Переѣзжаемъ мостъ, подъ которымъ съ шумомъ несется горный потокъ. Противоположный берегъ крутъ и каменистъ. Дорога нѣкоторое время идетъ вдоль потока.

Темно, хоть глазъ выколи. То и дѣло попадаемъ или въ ухабъ, или на камень. Но вотъ мелькнули огни жилья. Никогда, кажется, не радовалась я такъ японскому дому, какъ въ этотъ мрачный ноябрьскій вечеръ. Отель Канаѣя, въ которомъ мы остановились, и представлялъ въ сущности простой японскій домъ, гдѣ единственными представителями иноземщины являлись столы, стулья и кровати. Нашъ номеръ—большая, низенькая японская комната во второмъ этажѣ, съ раздвижными стѣнами, съ циновками на полу и хибачемъ вмѣсто печи. На постелѣ безукоризненно чистое бѣлье, да и повсюду идеальная чистота. Тутъ же внизу большая столовая; она вся въ нашемъ распоряженіи. Такихъ столовыхъ много: чуть ли не столько же, сколько отдѣльныхъ номеровъ здѣсь. Хорошенькая горничная подаетъ намъ довольно сносный обѣдъ. Мы условливаемся съ хозяиномъ насчетъ завтрашней экспедиціи по Никко и отправляемся спать подъ шумъ журчащаго въ саду горнаго ручья.

День 27-го ноября, да и рядъ слѣдующихъ, проведенныхъ мной въ Никко, оставилъ во мнѣ такое глубокое впечатлѣніе, которое никогда, никогда не изгладится изъ моей памяти. Я помню всѣ мельчайшія подробности моего тамошняго житья-бытья, какъ будто онѣ случились только вчера; но теперь иногда мнѣ все это кажется какимъ-то чуднымъ сномъ, фантастической сказкой, полной сумрака гигантскихъ лѣсовъ, шума горныхъ ручьевъ и водопадовъ, золотистой мглы храмовъ, картинъ роскошной рѣзьбы, изображающихъ міръ чуждыхъ намъ боговъ, звѣрей и цвѣтовъ... Мы поднялись рано утромъ. Тотчасъ же глухіе наружные ставни нашей комнаты были раздвинуты, и утренній свѣтъ, проникавшій сквозь заклеенныя бумагой рѣшетчатые стекла, тускло освѣтилъ ея внутренность. Свѣжій воздухъ этихъ возвышенныхъ мѣстъ сильно давалъ чувствовать отсутствіе у насъ всякаго намека на печь. Умыться надо было идти прямо на открытый балконъ: тамъ стоялъ тазъ и деревянный боченокъ, куда съ помощью длиннаго бамбуковаго желоба собиралась вода изъ горнаго ручья, сбѣгавшаго по сосѣдней скалѣ. Это онъ и журчалъ всю прошлую ночь... Но какая прелесть кругомъ! Высокія скалы, покрытыя лѣсомъ, близко подступили къ дому; надъ головой—клочекъ голубаго неба, а внизу виднѣется макенкій садикъ съ сверкающимъ ручейкомъ, весело бѣгущимъ по каменистому ложу. Позавтракавши, мы прежде всего отправились къ потоку, таинственно-грозный шумъ котораго такъ поразилъ насъ вчера. Идемъ по извилистымъ, каменистымъ переулкамъ. Вотъ зданіе другаго отеля. Дальше—нѣсколько отдѣльныхъ домиковъ; а кругомъ все горы и дремучій лѣсъ. Тамъ и сямъ выглядываютъ изъ-за зелени крыши храмовъ. Наконецъ, мы у потока, или рѣки Дайя-гавы: глубоко внизу съ бѣшеннымъ шумомъ и ревомъ несется эта священная рѣка по огромнымъ каменнымъ глыбамъ, вся покрывая бѣлой пѣ-

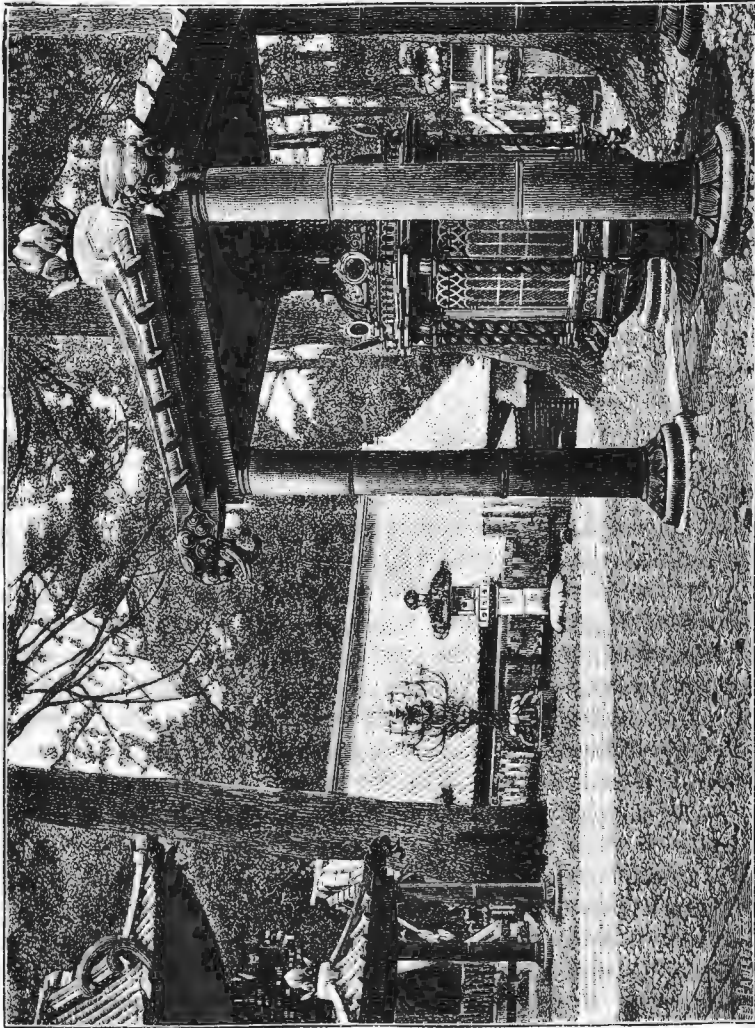
ной. Высокія горы, поросшія лѣсомъ, обступили ее со всѣхъ сторонъ и смотрятъ такъ угрюмо, такъ непривѣтливо-мрачно. И вдругъ на этомъ темно-зеленомъ фонѣ вырисовываются очертанія краснаго выпуклаго моста, перекинутаго черезъ пропасть; за первымъ мостомъ виднѣется другой, простой, сѣрый, по которому мы ѣхали ночью. Красный мостъ сдѣланъ изъ дерева и утвержденъ на большихъ гранитныхъ брусьяхъ, подымающихся отъ крутыхъ стѣнъ пропасти; онъ весь покрытъ краснымъ лакомъ и отдѣланъ украшеніями изъ желтой мѣди; на обоихъ концахъ его виднѣются ворота, запертыя замками. Это—священный мостъ: онъ построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, святой Шодо-Шонинъ чудеснымъ образомъ перешелъ Дайя-гаву. Длина его—12 саж., ширина 2½ сажени. Онъ построенъ въ 1638 г., и за это время ни разу не былъ ремонтированъ. Прежде черезъ него могли ѣздить только шогуны, а два раза въ году онъ открывался для богомольцевъ. Теперь онъ закрытъ совсѣмъ въ виду его ветхости. Влѣво за мостомъ виднѣется долина, въ которой и лежитъ городокъ, или, вѣрнѣе, большое село, Хачи-ичи, извѣстное болѣе подъ именемъ Никко.

Мы поворачиваемъ назадъ, огибаемъ гору, покрытую стройнымъ лѣсомъ, и вступаемъ въ обширный паркъ вѣковыхъ гигантовъ. По широкой аллеѣ, облицованной камнемъ, между двумя рядами старыхъ криптомерій, мы подходимъ къ каменной лѣстницѣ. Эта лѣстница ведетъ къ могилѣ и надмогильному храму одного изъ величайшихъ людей Японіи—шогуна Іеязу. Весь склонъ высокога холма, на которомъ погребенъ Іеязу, покрытъ цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ художественныхъ сооружений, представляющихъ даръ памяти великаго правителя отъ его высокопоставленныхъ почитателей и вѣрныхъ вассаловъ.

Поднимаемся къ массивному гранитному тори. Налѣво, изъ-за темной зелени встаетъ изящная пяти-этажная пагода: ея этажи окрашены въ красный цвѣтъ и мѣстами позолочены, карнизы тронуты нѣжною зеленою краской, а крыши—черныя съ золотыми украшеніями; цвѣта такъ хорошо подобраны, что все зданіе съ окружающей его рамкой темной зелени парка образуетъ одно граціозно-гармоничное цѣлое; на стѣнахъ нижняго этажа пагоды—12 знаковъ японскаго водіака: крыса, быкъ, тигръ, заяцъ, драконъ, змѣя, лошадь, козелъ, обезьяна, пѣтухъ, собака и кабанъ; всѣ эти животныя изображены тонкой деревянной рѣзьбой и окрашены въ натуральные цвѣта. Проходимъ мощный гранитомъ дворъ съ низенькими стѣнами, беремъ билеты у бонзы, сидящаго здѣсь (каждый билетъ стоитъ около 50 коп.), и поднимаемся по каменной лѣстницѣ на площадку, къ воротамъ двухъ небесныхъ духовъ; въ ихъ нишахъ стоятъ два огромныхъ золоченыхъ чудовища. Уже по этимъ первымъ воротамъ можно догадаться, что

насъ ждётъ впереди нѣчто необыкновенное: чудная рѣзба покрываетъ ихъ фронтонъ, ниши, капители столбовъ; надъ самымъ входомъ выступаютъ головы слоновъ, львовъ, тигровъ и цвѣты піона; внутренность нишъ украшена тапирами, піонами и бамбуками. Предъ нами открывается четырехъ-угольный дворъ, съ красными стѣнами, усыпанный щебнемъ и уставленный рядами гигантскихъ бронзовыхъ и каменныхъ фонарей. Налѣво виднѣтся огромное, окруженное каменной оградой дерево: коямаки (*Sciadopitus verticillata*). Преданіе говоритъ, что это будто бы то самое дерево, которое Іеязу всегда возилъ съ собою въ паланкинѣ, когда оно было еще такъ мало, что могло помѣститься въ цвѣточномъ горшкѣ. Неподалеку отсюда находится хорошенькое стойло для священнаго бѣлаго коня: это — не стойло, а чудная рѣзная игрушка; бонза обращаетъ наше вниманіе на карнизъ подъ крышей; тамъ изображены прекрасной горельефной рѣзбой группы обезьянъ, окрашенныя въ ихъ естественные цвѣта. Три красивыя двухъ-этажныя зданія странной архитектуры, выкрашенныя въ красный цвѣтъ и покрытыя золочеными орнаментами, служатъ складами, гдѣ хранятся разныя вещи, принадлежавшія Іеязу при жизни, и священные предметы, употребляющіеся здѣсь въ дни торжественныхъ богослуженій; на одномъ изъ этихъ зданій рельефно выступаютъ два слона, работы знаменитаго скульптора Хидари Джингоро. Тутъ же виднѣтся замѣчательная цистерна со священной водой, проведенной отъ водопада Сументаки: она представляетъ обдѣланный цѣльный кусокъ гранита, поставленный такъ, что вода, переполняющая цистерну, обливаешь ея края со всѣхъ сторонъ совершенно равномерно и струится такъ медленно, что все это кажется какой-то сплошной водяной массой, а не кускомъ камня. Рядомъ съ бассейномъ высится прелестное зданіе съ двухъэтажной крышей; оно покрыто краснымъ лакомъ, и рѣшетчатыя полустѣны-полуокна его вызолочены: здѣсь хранятся собраніе буддійскихъ сочиненій. Посреди двора стоитъ высокая, красивая, священная арка (тори): она бронзовая, выкрашена въ черный цвѣтъ; на вершинѣ столбовъ и на перекладинѣ золотые гербы Токугавъ. Широкая гранитная лѣстница приводитъ насъ отсюда на третій дворъ. Направо отъ входа стоитъ родъ бесѣдки: четыре бронзовыя круглыя колонны поддерживаютъ изящную крышу, на вершинѣ которой лежитъ большой бронзовый шаръ въ чашкѣ цвѣтка лотоса, сдѣланнаго тоже изъ бронзы; углы крыши украшены бронзовыми головами слоновъ; внутри виситъ бронзовый канделябръ, подаренный сюда королемъ Ликейскихъ острововъ. Налѣво, въ такой же бесѣдкѣ виситъ колоколь, принесенный въ даръ храму великаго человѣка корейскимъ королемъ въ 1642 году. Далѣе виднѣются бронзовый канделябръ огромныхъ размѣровъ, подаренный голландцами, бронзовый канделябръ, заключенный въ фонарѣ, же-

лѣзные и каменные фонари: подарки отдѣльныхъ владѣтельныхъ князей феодальной Японіи. Тутъ же, въ этомъ дворѣ стоитъ небольшая буддійская часовня; 17 группъ рѣзныхъ на деревѣ птицъ чудной работы представляютъ главную ея достопримѣчательность. Отсюда по лѣстницѣ въ 13 каменныхъ ступеней мы поднимаемся

Бронзовые фонари на одномъ изъ дворовъ храма شوгуна Іезу.

къ знаменитымъ воротамъ Іо-мей-монъ. Это цѣлый музей живописи и скульптуры: ворота состоятъ изъ двухъ этажей, покрытыхъ изящно изогнутой, сильно выдающейся крышей; первый этажъ состоитъ изъ прохода въ срединѣ и двухъ боковыхъ нишъ; четыре колонны его представляютъ тончайшую кружевную рѣзбу правильныхъ линій; на одной изъ нихъ великолѣпный тигръ съ дѣ-

тенышемъ, изображенный горельефной рѣзбой. Капители колоннъ украшены рѣзными головами единорога. На архитравѣ втораго этажа видны великолѣпно сдѣланные драконы съ золотыми когтями. Надъ архитравомъ нижняго этажа выступаетъ балконъ, который окружаетъ все это сооруженіе; на рѣшеткѣ балкона по девяти рѣзныхъ медальоновъ съ каждой стороны, наполненныхъ изображеніями птицъ и дѣтей; подъ нимъ тончайшая деревянная рѣзба и семь группъ китайскихъ мудрецовъ. Изящная крыша поддерживается золочеными головами драконовъ съ раскрытыми красными пастьми; а съ вершины фасада смотритъ внизъ большая золотая голова демона съ рогами. Направо и налево отъ воротъ тянутся монастырскія зданія, стѣны которыхъ, начиная отъ верхняго карниза и вплоть до каменнаго фундамента, представляютъ чудное рѣзное кружево, изображающее деревья, птицъ и цвѣты, окрашенные въ натуральныя краски. За воротами лежитъ четвертый дворъ; онъ совершенно пустъ: въ немъ нѣтъ ни монументовъ, ни драгоценной рѣзбы, ни фонарей. Проходимъ между монастырскими строеніями: направо—эстрада для священнаго танца «кагура», налево—зданіе, гдѣ хранятся паланкины, которые несутся въ торжественной процессіи 1-го іюня: въ нихъ сидятъ тогда обоготворенные духи трехъ знаменитѣйшихъ дѣятелей Старой Японіи: Іеязу, Хидейёши и Іоритомо. За этимъ дворомъ, за дорогой оградой, называемой Тама-гаки, находится надмогильный храмъ Іеязу. Тама-гаки представляетъ деревянное сооруженіе, стоящее на каменномъ фундаментѣ и покрытое черепичной крышей; оно имѣетъ форму правильнаго четырехугольника, каждая сторона котораго равняется 20-ти саженьямъ; стѣны этого зданія-ограды суть золоченыя сквозныя рѣшетки; рѣшетки окаймлены бордюромъ изъ различныхъ украшеній; выше и ниже бордюровъ чудная, сквозная, золоченая рѣзба, представляющая траву, на которой пасутся группы птицъ. Въ срединѣ ограды—ворота. Поднимаемся на нѣсколько ступеней. Намъ просятъ снять обувь; мы надѣваемъ мягкія, теплыя сандаліи, которыя далъ намъ хозяинъ гостинницы, и всходимъ къ воротамъ (имя ихъ Карамонъ), сдѣланнымъ въ видѣ мозаики изъ дорогихъ сортовъ дерева; тяжелая, массивная дверь унизана тонкой золоченой рѣзбой. Отъ воротъ до лѣстницы храма идетъ навѣсъ, а полъ устланъ цыновками. Еще нѣсколько ступеней, покрытыхъ чернымъ лакомъ, и мы у входа въ святилище: дверь рѣзная, черная, съ позолотой; надъ дверью и окнами рядъ медальоновъ, наполненныхъ рѣзными группами птицъ. Внутри царствуетъ полумракъ. Храмъ состоитъ изъ большой залы и двухъ боковыхъ комнатъ; на полу мягкія, дорогія цыновки; потолокъ представляетъ массу небольшихъ правильныхъ четырехугольниковъ, на черномъ лаковомъ фонѣ которыхъ изображены золотые драконы; лаковые четырехугольники отдѣляются другъ отъ друга золочеными рамами; кар-

низы стѣнъ покрыты чернымъ лакомъ съ золотыми украшеніями. По стѣнамъ, близко отъ потолка, висятъ портреты всѣхъ микадо, возсѣдающихъ въ роскошныхъ одеждахъ на цыновкахъ. Посреди залы на столѣ круглое зеркало и вокругъ него золотыя колѣнчатыя полосы (го-хеи). Правая боковая комната служила нѣкогда для главъ Токугавской династіи, когда они пріѣзжали сюда на поклоненіе праху своихъ предковъ; стѣны ея украшены картинами съ изображеніями единорога на золотомъ фонѣ и четырьмя рѣзными дубовыми панелями въ 8 футовъ высоты и 6 футовъ ширины; рѣзбою изображены здѣсь фигуры фениксовъ. Потолокъ деревянный, рѣзной, въ центрѣ его гербъ Токугавъ, окруженный группами астръ и фениксами. На стѣнахъ лѣвой боковой комнаты такія же четыре панели, какъ въ первой, съ рѣзными фигурами орловъ въ натуральную ихъ величину. Я отказываюсь описывать поразительную красоту этихъ панелей; каждая изъ нихъ могла бы служить украшеніемъ любой комнаты любого европейскаго дворца. Эти боковыя комнаты очень не велики: каждая изъ нихъ представляетъ едва треть главной залы, размѣры которой 6 сажень длины и 4 ширины.

Три широкія лаковыя ступени ведутъ изъ главной залы внизъ въ каменную комнату, называемую такъ по каменному полу, находящемуся подъ деревяннымъ. Послѣдній представляетъ гладкую, черную, лакированную поверхность: цыновокъ здѣсь нѣтъ. Потолокъ состоитъ изъ квадратныхъ панелей, на которыхъ изображены золотые драконы на темно-синемъ фонѣ. У входа висятъ двѣ огромныя картины, представляющія букеты астръ, нарисованныхъ золотымъ лакомъ на черномъ лаковомъ фонѣ; ее покрываетъ золоченая лаковая рѣшетка. Напротивъ входной лѣстницы видна такая же другая, съ золотыми рѣшетчатыми перилами; отъ нея идутъ черныя лаковыя колонны, покрытыя золотыми украшеніями. На небольшой площадкѣ за нею находятся золотыя двери, предъ которыми на золотыхъ столбахъ стоятъ 2 золотыхъ фонаря. За этими дверьми—святая святыхъ, куда простые смертные не могутъ проникнуть: тамъ, говорятъ, 4 маленькія комнаты; первая содержитъ въ себѣ золотыя и шелковыя гоhei, подаренныя нынѣшнимъ императоромъ по случаю посѣщенія имъ Никко въ 1876 г.; въ послѣдней находится таблица съ посмертнымъ именемъ Іеязу; остальные—совершенно пусты: здѣсь собираются души обоготворенныхъ шогуновъ.

Странно и смутно становится на душѣ въ этой фантастической обстановкѣ. Снаружи—глубокая тишина въковаго дремучаго лѣса; внутри — волшебный золотистый сумракъ, отблескъ слабаго свѣта отъ драгоцѣннаго металла, разсыпаннаго здѣсь въ такомъ изобиліи. И эта роскошь чудной рѣзбы, лака и золота не бьетъ по нервамъ: столько вкуса, изящества и гармоніи во всемъ, такъ соразмѣрены свѣтъ и тѣни, что общій видъ кажется удивительно-простымъ; и

только присматриваясь къ деталямъ, начинаешь понимать, сколько мрачнаго великолѣпія въ этой величаво-стройной простотѣ.

Все то, что я видѣла прежде, всё эти усыпальницы Шиба и Уено, всё храмы Кіото и Токио, какъ они поблѣднѣли предъ этимъ царственнымъ храмомъ, посмертнымъ дворцемъ «свѣта востока» (тигуль, который былъ дарованъ Іеязу послѣ его смерти)! Какъ въ самомъ дворцѣ, такъ и въ зданіяхъ, составляющихъ длинное преддверье его, художественный геній старой Японіи нашелъ свое высшее выраженіе; вокругъ могилы величайшаго государственнаго человека страны лучшіе національные художники и скульпторы воздвигли настоящіе музеи драгоцѣннѣйшихъ перловъ своего творчества; со всѣхъ этихъ портиковъ, стѣнъ, крышъ смотритъ цѣлый міръ боговъ, фантастическихъ звѣрей и героевъ, вся туманная японская міеологія, вызванная къ жизни въ пластическихъ формахъ силою художественнаго генія; и оба культа — синто и буддизмъ, слились здѣсь воедино въ обоготвореніи духа почившаго дѣятеля. Я не знаю, есть ли еще гдѣ либо въ мірѣ подобный стройный архитектурный апоэозъ въ честь человѣческой личности. Быть можетъ, въ Индіи? Мы выходимъ изъ храма, надѣваемъ нашу обувь и приходимъ снова на четвертый дворъ, гдѣ расположились монастырскія зданія. Заходимъ теперь въ длинную галерею, вдоль стѣнъ которой стоятъ шкапы съ витринами, гдѣ намъ показываютъ вещи Іеязу: его платье, оружіе, его домашнюю утварь, книги и проч. Отсюда насъ приводятъ къ двери, прорубленной въ восточной стѣнѣ ограды; надъ дверью великолѣпно-сдѣланная спящая кошка работы Хидари Джингоро. Проходимъ черезъ эту дверь и начинаемъ подниматься по прекрасной каменной лѣстницѣ среди густаго лѣса гигантскихъ криптомерій. Лѣстница идетъ зигзагами, она обнесена каменными перилами, покрытыми зеленымъ мохомъ. Кругомъ мертвая тишина: слышны только наши собственные шаги да слабое журчанье ручья. Пахнетъ лѣсной сыростью, облетѣвшими листьями, мохомъ. Пройдя 200 ступеней, мы очутились на небольшой площадкѣ: опять тори съ гербами Токугавъ и небольшой храмикъ, на цыновкахъ передъ хибачемъ сидитъ старенькій буддійскій священникъ, погруженный въ чтеніе книгъ. Гдѣ-то съ боковъ струится вода. Лишай и мхи покрыли камни густой зеленью. Мы обходимъ храмикъ и приближаемся къ могилѣ, гдѣ лежитъ прахъ Іеязу: представьте себѣ возвышенную обширную площадку, облицованную камнемъ и окруженную гранитной рѣшеткой; по срединѣ площадки, на каменномъ фундаментѣ стоитъ другой, бронзовый, со ступенями по всѣмъ четыремъ сторонамъ; на бронзовомъ постаментѣ—урна въ видѣ опрокинутаго цилиндрическаго колокола, прикрытаго изящной остроконечной крышей, съ заостренными кверху углами; здѣсь, подъ этой крышей покоится прахъ Іеязу. Весь мавзолей сдѣланъ изъ смѣси бронзы съ золотомъ.

Предъ урной—низкій, длинный, каменный столъ съ бронзовой курильницей; по бокамъ его стоятъ саженной величины бронзовые аисты съ золоченымъ подсвѣчникомъ въ клювъ и бронзовая ваза съ бронзовыми же, золочеными листьями. Ворота, всегда закрытыя для публики, представляютъ массивное бронзовое сооруженіе. Вотъ и все! Со всѣхъ сторонъ поднялся густой, высокій лѣсъ; вдали глухо шумитъ вода, и это — единственный звукъ, нарушающій окрестную гробовую тишину... Какой рѣзкій контрастъ между этой обстановкой, окружающей одинокую гробницу, и всей той роскошью, что осталась тамъ, внизу. Послѣ царственного блеска надмогильного храма ждешь чего-то, еще болѣе необычайнаго, и находишь молчаливую простоту смерти. Духу обоготвореннаго дѣятеля—всѣ божескія и царскія почести; но самъ великій человѣкъ, какъ бы великъ онъ ни былъ, — все же человѣкъ, земля еси и въ землю отыдеши,—вотъ что говоритъ могильный холмъ Іеязу. Глубокой грустью вѣетъ отъ этого символа, выраженнаго въ такой странно-поэтической формѣ. Ни одна изъ великихъ могилъ не производила на меня такого захватывающаго впечатлѣнія, какъ эта столъ чуждая мнѣ могила... Когда мы сходили внизъ, намъ попалась навстрѣчу цѣлая группа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, шедшихъ въ сопровожденіи бонзы. По костюму, это были простые крестьяне. Нѣсколько такихъ же группъ мы видѣли бродящихъ по храмовымъ дворамъ, всегда съ бонзой, громко рассказывавшимъ имъ что-то. Онъ подолгу останавливался съ ними передъ каждымъ предметомъ и говорилъ, говорилъ, говорилъ. Намъ передавали потомъ, что это—цѣлыя лекціи по исторіи и искусству.

Какая, въ самомъ дѣлѣ, благовоспитанная эта японская толпа: посмотрѣть—вѣдь простые крестьяне, или бѣдные какіе нибудь горожане, а сколько вѣжливой граціи въ ихъ движеніяхъ, какъ почтительно-внимательны они къ словамъ человѣка, поучающаго ихъ; ни шума, ни гама, ни одного дикаго, или грубаго движенія, и такое сознательно-благоговѣйное уваженіе къ памятникамъ своего національнаго искусства. Удивительная нація!

Человѣческій говоръ и видъ людей подѣйствовалъ на меня, какъ свѣжій воздухъ послѣ душной комнаты: ужъ больно тоскливо это угрюмое безмолвіе.

Да и обоготворенный духъ Іеязу тоже, я думаю, промѣнялъ бы все свое посмертное величіе на самую безвѣстную, но бойкую жизнь одного изъ этихъ японцевъ, шуршащихъ своими сандалями по дворамъ храма, воздвигнутаго въ его честь.

Вотъ въ немногихъ словахъ исторія этого замѣчательнаго храма. Іеязу умеръ въ началѣ 1616 года; въ томъ же году его наслѣдникъ, Хидетада, исполняя предсмертную волю отца, послалъ въ Никко двухъ довѣренныхъ лицъ отыскать мѣсто, достойное быть хранилищемъ останковъ великаго человѣка; выборъ ихъ остано-

вился на южномъ склонѣ одного красиваго холма, близъ котораго съ незапамятныхъ временъ стоялъ храмъ, посвященный духамъ Никко; планъ ихъ былъ одобренъ شوгуномъ. Въ пятнадцатый день 3-го мѣсяца 1617 года тѣло Іеязу было вынута изъ его временной могилы и въ торжественной процессіи доставлено въ Никко. Здѣсь въ ожиданіи его прибытія собрались императорскій посланникъ, представлявшій собою микадо, придворная знать Кіото, множество удѣльныхъ князей и дворянъ, съ шугономъ Хидетада во главѣ. Императорскій посланникъ прочелъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ говорилось, что микадо, представитель боговъ на землѣ, жалуется великому человѣку посмертный титулъ: «Шо ичи и то шо дай гонгенъ», что значитъ: «Дворянинъ 1-й степени 1-го класса, великій свѣтъ востока, великое воплощеніе будды».

Въ 1645 г. императорскимъ декретомъ дарованъ былъ надмогильному храму Іеязу титулъ Гу, или Мійя, что значитъ «дворецъ».

«То-шо» значитъ «свѣтъ востока»: намекъ, съ одной стороны, на то, что слава Іеязу началась въ восточныхъ областяхъ Японіи, а съ другой—на тѣ благодѣянія, которыя онъ оказалъ странѣ восходящаго солнца, прекративъ въ ней междоусобныя войны, разорявшія ее втеченіе столькихъ вѣковъ.

Въ 1654 году настоятелемъ этого храма и монастыря былъ назначенъ одинъ изъ сыновей царствовавшего императора, и съ тѣхъ поръ вплоть до революціи 1868 года верховнымъ священникомъ Никко былъ всегда принцъ императорской крови. Онъ, впрочемъ, только наѣзжалъ въ Никко; постоянную же резиденцію имѣлъ въ Іеддо, будучи въ то же время настоятелемъ Тойейзанскаго монастыря въ этомъ городѣ.

Спустившись съ могильнаго холма Іеязу, мы отправляемся въ мавзолей его внука, 3-го правителя Токугавской династіи—Іемитзу: тѣ же дворы, расположенные уступами по склону холма, и статуи въ нишахъ воротъ, и чудная рѣзьба повсюду, и масса бронзовыхъ фонарей—дары вѣрныхъ вассаловъ памяти грознаго вождя. Въ главной залѣ надмогильнаго храма спускается съ потолка балдахинъ, прекрасной ажурной работы, сдѣланный изъ золоченой бронзы; подъ балдахиномъ, на жертвенномъ столѣ, отдѣланномъ золотымъ лакомъ, нѣсколько золотыхъ и золоченыхъ предметовъ, употребляемыхъ при буддійскомъ богослуженіи; вдоль стѣнъ залы стоятъ: два золотыхъ аиста, выше средняго человѣческаго роста, каждый на огромной черепахѣ; затѣмъ двѣ большія бронзовыя вазы и двѣ такія же кадки; вазы отполированы на внутренней поверхности такъ, что получается полная иллюзія воды; изъ нихъ поднимаются гигантскіе бронзовые, золоченые цвѣтки лотоса; въ одной кадкѣ—высокій, вязанный, стройный бамбукъ, сдѣланный чрезвычайно натурально изъ золоченой бронзы; въ другой—такая же бронзовая цвѣтущая вишня. Посреди залы стоитъ дюжина маленькихъ де-

ревянныхъ столиковъ, покрытыхъ золотымъ лакомъ; на каждомъ по такому же лакированному ящичку съ дорогими инкрустаціями; въ нихъ лежатъ книги Іемитзу. Вдоль стѣнъ висятъ куски тканей въ видѣ хоругвей; эти хоругви сдѣланы изъ платьевъ покойнаго погуна. Шесть стѣнныхъ картинъ изображаютъ львовъ и драконовъ на золотомъ полѣ. Сами стѣны представляютъ рѣшетки, крытыя золотымъ лакомъ. Лаковый черный потолокъ разбитъ на правильныя клѣтки взаимно пересѣкающимися перекладинами, крытыми золотымъ лакомъ. По черной лакированной лѣстницѣ спускаемся изъ залы въ комнату, оканчивающуюся массивной, золоченой, рѣзной дверью. За этой дверью, всегда закрытой для публики,—обиталище духа Іемитзу.

Могила Іемитзу имѣетъ такой же видъ и расположена такъ же, какъ и могила его знаменитаго дѣда.

Когда мы сошли съ холма Іемитзу, я почувствовала страшную душевную усталость: всѣ эти сильныя ощущенія не проходятъ безслѣдно, они непремѣнно уносятъ съ собою частицу нашей души. Поэтому я рѣшила посвятить остальную часть дня на прогулки по ближайшимъ окрестностямъ. Я выбрала водопадъ Сументаки, находящійся въ паркѣ, позади храма Іеязу, въ получасовомъ отъ него разстояніи. Дорога проложена въ густомъ лѣсу криптомерій и все время идетъ въ гору; водопадъ не великъ, высота паденія его около 5 сажень; скалы, образующія его ложе, покрыты гигантскими деревьями, раскинутыми надъ нимъ зеленой крышей. Тутъ же виднѣется нѣсколько каменныхъ бассейновъ, откуда вода разносится системою трубъ по храмамъ. Вокругъ разбросано нѣсколько часовенъ. Мнѣ показываютъ въ лѣсу камень, подъ которымъ погребенъ тотъ конь, что несъ на себѣ Іеязу въ его рѣшительной битвѣ при Секигахарѣ, положившей начало величію Токугавскаго рода. Этотъ камень положенъ какимъ-то неизвѣстнымъ частнымъ лицомъ, желавшимъ сохранить отъ забвенія могилу знаменитаго коня. Я нарочно привела этотъ фактъ: онъ очень характеренъ, показывая, какъ японцы относятся къ памяти своихъ великихъ людей и ко всему тому, что было связано съ ними при жизни.

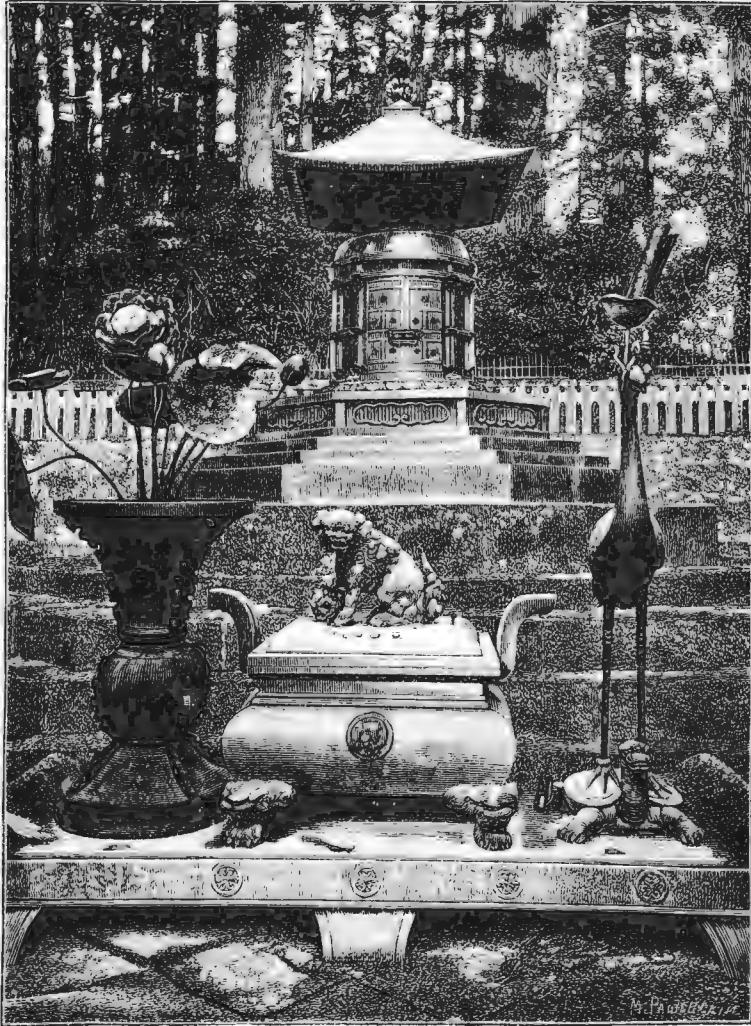
Совсѣмъ уже свечерѣло, когда мы вернулись въ отель. Въ ожиданіи обѣда я стала просматривать книги, въ которыхъ европейскіе посѣтители этихъ мѣстъ, останавливавшіеся въ отелѣ Каная, вписали свои имена и рекомендаціи, по просьбѣ хозяина гостиницы. Бѣдный японецъ и не подозрѣвалъ, сколько англійскаго, нѣмецкаго и французскаго остроумія вылилось на этихъ страницахъ по адресу его самого, его дома и прислуги; но всѣ эти замѣчанія были такъ невинны, сквозь нихъ свѣтилось столько добродушія, что я значительно успокоилась за мое дальнѣйшее пребываніе въ этомъ отелѣ: съ отъѣздомъ моего мужа мнѣ приходи-

лось прожить здѣсь совершенно одной нѣсколько дней: мнѣ хотѣлось хорошенько осмотрѣть какъ самое Никко, такъ и его окрестности.

Не стану описывать другихъ великихъ святилищъ и памятниковъ Никко, разсѣянныхъ во множествѣ въ его священныхъ паркахъ. Назову только знаменитѣйшіе изъ нихъ: Со-ринто, оригинально-изящная группа изъ пяти высокихъ цилиндрическихъ мѣдныхъ колоннъ, увѣнчанныхъ каждая чашкой цвѣтка лотоса съ шаромъ и колокольчиками, спускающимся съ лепестковъ чашки; храмъ трехъ Буддъ; храмъ, посвященный древнѣйшему духу Никко, гдѣ, между прочимъ, хранятся нѣсколько гигантскихъ мечей; храмъ Шодо - Шонина со стауями святаго и его 10 учениковъ; часовня, построенная въ честь бога каллиграфическаго искусства, и проч. и проч.

Рядъ экскурсій своихъ по окрестностямъ Никко я начала съ водопада Урами-га-таки. Дорога къ водопаду идетъ по плоской возвышенности; съ обѣихъ сторонъ—цѣпи горъ самыхъ причудливыхъ очертаній; равнина то суживается, то снова расширяется. Мѣста совсѣмъ дикія, трава поблекла и побурѣла; съ деревьевъ облетѣли листья, все смотритъ глубокой осенью. Хвойныя деревья рѣдки, и зелень ихъ такъ рѣзко выступаетъ на сѣромъ фонѣ горъ и долинъ. Ни слѣда обработанныхъ полей или огородовъ. Мѣстами цѣпи горъ сходятся такъ близко, что дорога обращается въ узкую тропу, по которой можетъ проѣхать только одна дженерикша; отъ недавнихъ дождей ее сильно размыло, и я часто порываюсь выйти изъ колясочки, но оба японца, везущіе ее, всякій разъ протестуютъ и словами, и жестами стараются объяснить мнѣ, что очень грязно, что я запачкаюсь, и что имъ нисколько не тяжело. Кругомъ—мертвая тишина и такъ пустынно, что подчасъ мнѣ дѣлается жутко; но мои японцы такъ добродушно улыбаются, такъ рыцарски предупредительны, что я снова успокоиваюсь. За весь путь, продолжавшійся болѣе двухъ часовъ, мы не встрѣтили ни одного живаго существа. Еще одинъ крутой подъемъ, еще спускъ, мы переѣзжаемъ шумный притокъ Дайя-гавы и черезъ нѣкоторое время останавливаемся у маленькаго чайнаго домика на самомъ берегу рѣки. Отсюда къ водопаду надо идти уже пѣшкомъ. Минутъ двадцать приходится карабкаться по очень крутому подъему, гдѣ устроено нѣчто въ родѣ лѣстницы. Вотъ и бесѣдка, а противъ нея—водопадъ; высота паденія этого широкаго водопада—семь сажень; справа и слѣва отъ него льются два меньшихъ каскада; всѣ они бросаются съ крутой скалы въ круглый каменный бассейнъ, изъ котораго вода съ грохотомъ мчится черезъ груды камней по узкому ущелью между двухъ горныхъ цѣпей. Кругомъ бассейнъ, съ трехъ сторонъ его высятся огромныя, отвѣсныя скалы; на верху видна трава, деревья и кусты. Говорятъ, если смотрѣть на водо-

падъ съ одного пункта, находящагося позади его, онъ представляетъ гораздо болѣе живописную картину (Урами-га-таки и значить: водопадъ, на который надо смотрѣть съади); для того, чтобы достичь этого пункта, надо спуститься внизъ по очень крутой тро-

Могала Іеауу.

пинкѣ, пройти близко отъ каскада подъ тучею его брызгъ и дойти до противоположной лощины. Было слишкомъ холодно, и я не рискнула на такой водяной душъ.

Не буду останавливаться на другихъ маленькихъ поѣздкахъ моихъ по окрестностямъ Никко и перейду прямо къ путешествію

на озеро Чиузенжи,—это удивительное озеро вулканическаго происхожденія, лежащее на высотѣ 4.375 футовъ надъ уровнемъ моря, у подножія Нантай-зана (8.250 ф.), высочайшаго пика этой горной области.

Условившись наканунѣ съ хозяиномъ гостинницы насчетъ различныхъ хозяйственныхъ и другихъ деталей поѣздки, я 3-го декабря, въ 5 часовъ утра, собралась въ путь. Мнѣ хотѣлось пройти, пока темно, ту часть дороги, которую я уже знала, и успѣть вернуться обратно въ Никко до заката солнца. Хотя къ 5 часамъ все было готово: и люди, и кресло, и фонари, но раньше шести мы, всетаки, не могли выбраться: удивительно умѣютъ тянуть всякое дѣло японцы; они, кажется, совсѣмъ не знаютъ цѣны времени. Здѣсь есть два способа путешествій по горамъ: или въ канго, родъ корзины на двухъ длинныхъ бамбучинахъ, которыя несутъ три человѣка; сидѣть приходится согнувшись, поджавши подъ себя ноги, что для европейца вещь крайне мучительная,—или въ креслѣ: легкое бамбуковое кресло привязывается къ двумъ бамбуковымъ палкамъ и несется четырьмя человѣками; оно имѣетъ тоже свои прелести, но о нихъ послѣ.

Утро было ясное, звѣздное и очень холодное. Мы шли при зажженныхъ фонаряхъ. Носильщики мои оказались очень веселыми малыми, въ особенности одинъ изъ нихъ: онъ всю дорогу вель какіе-то безконечные рассказы, надъ которыми его товарищи смѣялись отъ души. Сначала мы шли вдоль Дайя-гавы. Когда стало свѣтать, мои люди прежде всего указали мнѣ на Нантай-занъ, видѣвшійся среди остальныхъ горныхъ вершинъ. У небольшого храма богини Кваннонъ поворачиваемъ направо въ гору, проходимъ по прелестной круглой равнинѣ, окаймленной со всѣхъ сторонъ высокими холмами, у подножія которыхъ расположились селенія. Вся долина зеленѣла взошедшимъ осеннимъ посѣвомъ; изъ трубъ домовъ клубится дымъ. Солнце уже освѣтило вершины горъ; но долина еще покрыта сѣрымъ сумракомъ зимняго утра. Бабы подходятъ къ колодцу за водой и съ большимъ любопытствомъ всматриваются въ меня. Ребятишки цѣлой гурьбой высыпали на дорогу и хоромъ на распѣвъ кричатъ намъ: «О-хай-йо!» (Здравствуйте!). Мои люди (главнымъ запѣвалой является острякъ) говорятъ дамамъ какія-то любезности; тѣ или кокетливо отворачиваются, или же бойко отбоариваются, и все кончается дружнымъ, здоровымъ смѣхомъ. Начинается крутой подъемъ, затѣмъ такой же крутой спускъ и снова подъемъ. Идемъ вдоль Дайя-гавы, все дно которой покрыто огромными камнями; гигантскій обвалъ на правомъ берегу, произведенный ея же водами въ іюлѣ 1870 года, уничтожившій нѣсколько домовъ, показываетъ, какою опасною становится эта узкая, горная рѣка въ сезонъ сильныхъ дождей. Кругомъ—дикая, суровая мѣстность: ни людей, ни обработанныхъ по-

лей; хлѣбныя растенія не вырѣваются на этихъ высотахъ. Послѣ безконечнаго ряда подъемовъ и спусковъ приходимъ въ деревушку Магайеши, на берегу Дайя-гавы; останавливаемся въ чайномъ домикѣ. Мои носильщики отправляются поѣсть и покурить. Хозяйка любезно выноситъ мнѣ хибачъ и зеленый чай въ крошечной чашечкѣ. И то и другое оказалось очень кстати: я сильно продрогла и не чувствовала ногъ отъ холода и усталости. Въ этихъ креслахъ такъ утомляешься: люди не могутъ идти въ ногу по такимъ крутизнамъ, да еще по размытой дорогѣ; вмѣсто равномернаго качанья получается рядъ толчковъ, передающихся отъ кресла сѣдоку и, въ концѣ концовъ, вызывающихъ страшную разбитость во всемъ тѣлѣ. Японцы мои подкрѣпились, я отогрѣлась, и мы отправились дальше. Переходимъ Дайя-гаву по камнямъ, покрывающимъ ее дно; возлѣ нихъ съ шумомъ и ревомъ бурлитъ быстрый потокъ. За рѣкой я опять сажусь въ кресло. Мѣстность полна дикой поэзіи и удивительно напоминаетъ Итальянскую Швейцарію близъ станціи Гешененъ. Дорога вьется по узкой тропѣ между рѣкой и высокими, отвѣсными скалами; по скатамъ ихъ несетя множество ручьевъ, вливающихся въ Дайя-гаву. Нигдѣ ни травки, ни деревца, ни звѣря, ни птицы. Даже мои словоохотливые носильщики присмирѣли. Да имъ и некогда болтать: дорога такъ узка, что того и гляди свалишься въ пропасть, гдѣ кипитъ рѣка. Солнце ярко свѣтитъ, но холодъ, всетаки, большой здѣсь. Послѣ приблизительно часа такой ходьбы мы оставляемъ этотъ суровый проходъ, по легкому мосту переходимъ О-доно-гаву (одинъ изъ притоковъ Дайя-гавы) и поднимаемся теперь уже вдоль этого притока. Горы нѣсколько разступились; мы подходимъ къ узкому кряжу надъ глубокой пропастью, гдѣ несетя О-доно-гава, и предъ нами два водопада: Ханнія-но-таки и Хидо-но-таки («таки» значитъ «водопадъ»): первый—шире, несетъ больше воды и льется дугой; второй—уже, тоньше и падаетъ отвѣсно; оба несутся въ О-доно-гаву. Небольшая хижина, откуда открывается лучшій видъ на водопады, стоитъ теперь по случаю зимняго времени закрытой и заколоченной. Проходимъ по мосту, висящему надъ пропастью, и тутъ начинается такой крутой подъемъ, передъ которымъ всѣ прежніе кажутся сущими пустяками. Оглядываюсь назадъ: и водопады, и хижина кажутся уже какими-то далекими точками. Черезъ нѣкоторое время приходимъ къ чайному домику. Снова остановка. Мнѣ приносятъ чай; я сажусь на скамейку, поставленную надъ бездной, въ глубинѣ которой виднѣются узенькія ленты водопадовъ. Послѣ короткаго отдыха пускаемся снова въ путь. Опять подъемъ, и все круче, и круче. Я нѣсколько разъ выхожу изъ кресла и иду пѣшкомъ; но люди мои для сокращенія пути идутъ не по проложенной дорогѣ (о которой я узнала только на обратномъ пути), а по какимъ-то тропинкамъ; приходится не идти, а

карабкаться, и такъ какъ почва скользкая, то я послѣ четверти часа такой ходьбы совершенно изнемогаю и опять сажусь въ кресло. Около часа прошло въ такой мужѣ. Наконецъ, мы входимъ въ густой лѣсъ, по которому проложена хорошая, ровная дорога. Многія изъ деревьевъ покрыты вьющимся мохомъ (*Licorodium Sieboldi*), растущимъ только на значительныхъ высотахъ. Все свободное пространство между деревьями сплошь покрыто высокимъ растеніемъ, представляющимъ длинный стебель, съ тремя-четырьмя длинными листьями: японцы называютъ это растеніе са-са; я видѣла его здѣсь въ первый разъ. Приблизительно минутъ черезъ 20 ходьбы по лѣсу мы сворачиваемъ влѣво съ главнаго пути, и предъ нами—открытая площадка, чайный домикъ съ садикомъ и скамейкой надъ пропастью, откуда раздается страшный грохотъ, возвѣщающій о близости водопада. Чтобы видѣть его во всей его красотѣ, надо спуститься отъ чайнаго дома по узенькой тропинкѣ на крошечную площадку *vis-à-vis* водопада, и тогда получается такое зрѣлище, какое я, по крайней мѣрѣ, ни съ чѣмъ не могу сравнить: во всей Швейцаріи, напримѣръ, гдѣ водопадовъ не занимать-стать, я не видѣла ничего подобнаго. Представьте себѣ широкую водяную массу, низвергающуюся съ огромной крутой скалы въ каменный резервуаръ, окруженный съ трехъ сторонъ высокими, отвѣсными скалами; прежде еще, чѣмъ попасть въ котловину, эта гора воды разсыпается въ гигантскіе столбы, въ цѣлыя облака серебряной пыли, которыя отсвѣчиваютъ рѣвкимъ блескомъ на фонѣ черныхъ массъ. Высота паденія воды здѣсь не менѣе 90—100 сажень. Немного ниже этого страшнаго потока въ ту же котловину вливаются до десяти узкихъ струй, дѣтенышей главнаго водопада. Имя его: Кегон-но-таки. На скалахъ тамъ и сямъ торчатъ отдѣльныя деревья. Ревъ стоитъ оглушительный.

Отъ водопада мы опять выходимъ на главную дорогу. Еще $\frac{1}{4}$ часа ходьбы по лѣсу, и предо мною открывается священное озеро Чіузенжи и истокъ выходящей изъ него здѣсь Дайя-гавы. Мы вступаемъ въ деревню, состоящую всего изъ одной улицы, да и та въ одинъ только рядъ домовъ. Слева отъ насъ озеро; справа—Нантай-занъ, царь горныхъ вершинъ этой мѣстности, возвышающійся на 8.250 футовъ надъ уровнемъ моря. Кругомъ—мертвая тишина. Во всей деревнѣ я видѣла одинъ лишь жилой домъ—чайный домикъ, открытый круглый годъ. Всѣ прочія жилища совершенно пусты; ихъ хозяева являются сюда только лѣтомъ, такъ какъ въ іюлѣ и августѣ къ Чіузенжи со всей Японіи собираются богомольцы поклониться святымъ мѣстамъ и искупаться въ священномъ озерѣ.

Въ концѣ улицы стоитъ огромное бронзовое тори, выкрашенное въ черный цвѣтъ. За тори у подошвы Нантай-зана находится храмъ, основанный Шодо-Шониномъ послѣ его восшествія на свя-

ценную гору, гдѣ онъ узрѣлъ трехъ духовъ Никко, трехъ великихъ синтосскихъ боговъ, покровителей страны Восходящаго Солнца. Воалѣ самаго храма находится дверь, которая открывается только въ июлѣ и августѣ: за нею-то и начинается подъемъ на Нантай-занъ.

Озеро Чиузенжи имѣетъ продлинновато-овальную форму, длина его около 8 верстъ, а самое широкое мѣсто 3 версты. До самаго послѣдняго времени въ немъ совсѣмъ не было рыбы; теперь ее разводятъ тамъ искусственно. Со стороны, противоположной Нантай-зану, озеро окружено цѣпью высокихъ холмовъ, покрытыхъ отъ основанія до вершины густымъ лѣсомъ.

Какъ пусто и тихо кругомъ! Въ храмѣ грѣлся у хибаца старый священникъ, на улицѣ безшумно играли нѣсколько ребятъ, и больше ни души нигдѣ. Ни признаковъ огорода или обработаннаго клочка земли. И тихо, страшно тихо кругомъ.

Видъ этой мертвой деревни совершенно мѣняется лѣтомъ: въ ней закипаетъ тогда своеобразная жизнь, странное оживленіе, достигающее своей высшей точки въ первыхъ числахъ августа, когда сюда ежедневно приходятъ до 2.000 богомольцевъ. Эти богомольцы принадлежатъ главнымъ образомъ къ тѣмъ буддійскимъ сектамъ, члены которыхъ всю свою жизнь проводятъ въ хожденіи по святымъ мѣстамъ и въ выпрашиваніи милостыни для себя и для своихъ собратьевъ. Какъ только они приходятъ къ Чиузенжи, они сейчасъ же погружаются въ холодныя волны священнаго озера и, обратившись лицомъ къ сѣверу, громко читаютъ какія-то молитвы; затѣмъ, подкрѣпившись пищей, они спѣшатъ подняться на вершину Нантай-зана.

Проходитъ августъ, и деревня снова погружается въ свое безмолвное прозябаніе до слѣдующаго лѣта.

Около полудня мы двинулись въ обратный путь. (Путешествіе къ озеру заняло ровно пять часовъ). По выходѣ изъ лѣса я встрѣтила одно знакомое мнѣ по Іокогамскому отелю англійское семейство, состоявшее изъ 70-ти-лѣтняго главы дома, такой же старушки, его жены, двухъ взрослыхъ дочерей и сына: обмѣнялись нѣсколькими привѣтствіями, жалобами на дорогу и разстались.

Весь обратный путь я сдѣлала пѣшкомъ. Мои люди шли рядомъ и не переставали болтать и смѣяться, очень довольные, вѣроятно, тѣмъ, что я не сижу въ креслѣ. По горамъ карабкались нѣсколько женщинъ, собиравшихъ древесныя сучья для топки и траву са-су для корма лошадямъ. Костюмъ на нихъ былъ такой же, какъ на мужчинахъ, и только прическа, да черныя, выкрашенные зубы говорили, что это женщины. Мои носильщики не пропускали ни одной изъ нихъ, чтобы не сказать нѣсколькихъ словъ; дамы бойко и громко отвѣчали, и публика разставалась съ довольными лицами. Послѣ полдня стало гораздо холоднѣе; подъ конецъ начало слегка морозить. Былъ пятый часъ вечера, когда мы вернулись въ Ка-

найя-отель. Все это путешествіе на людяхъ стоило 5 долларовъ, то-есть каждому носильщику пришлось по $1\frac{1}{4}$ доллара, или, вѣрнѣе, по одному доллару, такъ какъ пятый достался, вѣроятно, хозяину за комиссію и кресло.

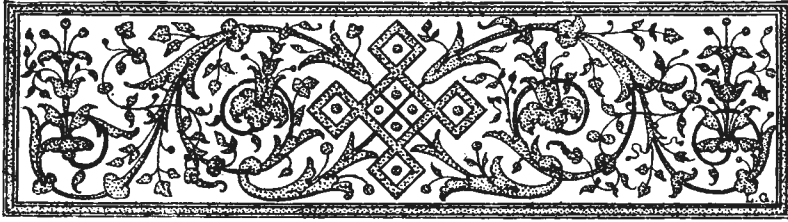
Я провела послѣ того еще нѣсколько дней въ Никко, гуляя по его прелестнымъ паркамъ, заходя въ его чудные мавзолеи и храмы, стараясь глубже запечатлѣть въ памяти тотъ или другой художественный отрывокъ этихъ стройныхъ архитектурныхъ поэмъ, такъ меланхолически грустно говорящихъ о быломъ величіи Токугавскаго рода, объ искусствѣ добраго стараго времени и о томъ странномъ общественномъ укладѣ, который ушелъ въ невозвратное прошлое.

У японцевъ есть пословица: «кто не видалъ Никко, тотъ не видалъ чудесъ». Да, кто не видѣлъ Никко и его окрестностей, тотъ не знаетъ лучшихъ перловъ національнаго искусства старой Япо- ніи, тотъ не имѣетъ понятія о грандіозномъ величіи дикой при- роды страны.

Женщина-врачъ А. А. Черевкова.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Томъ VI. Спб. 1892.

ЭТОЙ ТОМЪ «Рода Шереметевыхъ» является продолженіемъ изданія, начатаго еще въ 1831 г. графомъ С. Д. Шереметевымъ и составляемаго А. П. Барсуковымъ. Настоящій томъ обнимаетъ всего лишь семь лѣтъ съ небольшимъ, а именно съ исхода 1660 года до начала 1668 года, повѣствуя, главнымъ образомъ, о двухъ Шереметевыхъ, боярахъ царя Алексѣя Михайловича—Василіи Борисовичъ и его двоюродномъ братѣ, Петрѣ Васильевичѣ Большомъ. Но, не смотря на такія, повидимому, тѣсныя рамки содержанія, рассматриваемый томъ представляетъ большой общій интересъ въ исторіи Россіи второй половины XVII вѣка. Восемь лѣтъ, обозрѣнныя въ этомъ томѣ, принадлежать къ важнѣйшимъ годамъ царствованія Алексѣя Михайловича и вводятъ читателя въ малоизвѣстныя подробности борьбы «тишайшаго» царя съ Польско-Литовскимъ государствомъ изъ-за Малороссіи, касаясь исторіи этого времени не только политической и военной, но и бытовой.

1660—1668 года были временемъ второй войны царя Алексѣя Михайловича съ Яномъ-Базиміромъ, осложненной враждебными отношеніями московскаго двора къ Швеціи и Крыму и временемъ внутреннихъ нестроений въ Днѣпровской Украинѣ и въ Московскомъ государствѣ, порожденныхъ тогдашними политическими обстоятельствами. По смерти Богдана Хмельницкаго Малороссія раздиралась внутренними междоусобіями и въ половинѣ 60-хъ годовъ распалась на двѣ части: московскую и польскую. Лѣвобережный гетманъ Брюховецкій лукаво заигрывалъ съ Москвою, а правобережный, украинскій патриотъ Дорошенко, хитро и обдуманно стремился къ осу-

щественію своей завѣтной мечты о «единой и независимой» Украинѣ, предавшись ради этого даже исконному врагу всего христіанскаго міра и казачества—Оттоманской Портѣ. Наслѣдіемъ войны и казацкихъ междоусобій являлись: экономическое и финансовое истощеніе Польши, Московскаго государства и Украины и распространеніе казацкаго движенія на Донъ, выразившееся въ повстаніи Разина и охватившее всю восточную русскую окраину Поволжье. Но не однѣ эти тревоги беспокоили тогда Московское царство. Помимо международныхъ отношеній, тамъ шла внутренняя борьба между царемъ и патриархомъ, и обнаруживалась та закваска великорусской культуры, которая выразилась въ формѣ раскола старообрядства.

Таковъ общій историческій фонъ, на которомъ развиваются событія изъ жизни двухъ Шереметевыхъ за 1660—1668 гг. Нужно продолжительное и многостороннее изученіе источниковъ и монографическихъ изслѣдованій по исторіи не только этихъ годовъ, но по исторіи всего XVII вѣка, и большія свѣдѣнія и навыкъ въ исторической работѣ, чтобы сумѣть, излагая подробности личной жизни историческихъ дѣятелей, захватить въ подобающемъ масштабѣ общія событія ихъ времени. А эту трудную задачу прекрасно выполнилъ А. П. Барсуковъ, какъ въ рассматриваемомъ, такъ и въ предыдущихъ томахъ «Рода Шереметевыхъ». Читатель находится въ постоянномъ напряженіи; онъ переносится своими интересами въ XVII вѣкъ и живо слѣдитъ за происходящими вокругъ него общественными явленіями и событіями изъ личной жизни цѣлой массы людей.

Документально фактическое содержаніе VI тома «Рода Шереметевыхъ» выдѣляется особо рѣзко своими достоинствами среди тѣхъ трудовъ по русской исторіи послѣднихъ лѣтъ, излюбленной темой которыхъ дѣлается изученіе не историческихъ фактовъ, а общественныхъ и политическихъ началъ; критеріумомъ для сужденія въ такихъ трудахъ является въ большинствѣ случаевъ не историческое положеніе вещей, а отвлеченныя, теоретическія и нерѣдко совершенно произвольныя воззрѣнія, почерпнутыя ихъ авторами изъ ходячихъ, случайныхъ и нерѣдко неправильныхъ взглядовъ нашего времени. Между тѣмъ фактическая разработка русской исторіи не только далеко не закончена, а относительно нѣкоторыхъ эпохъ только начинается. XVII вѣкъ, этотъ многозначительный вѣкъ въ русской исторической жизни, открывающійся великой политической и общественной смутой и кончающійся первыми преобразовательными попытками Петра Великаго, еще ждетъ самой тщательной фактической разработки. Царствованіе Алексѣя Михайловича, одинъ изъ важнѣйшихъ историческихъ моментовъ русскаго XVII вѣка, составляющій во многихъ отношеніяхъ прологъ къ эпохѣ Петра, являетъ собою почти еще непечатое поле для историка, и VI-й томъ «Рода Шереметевыхъ», вмѣстѣ съ предыдущими III-мъ, IV-мъ и V-мъ томами, посвященными разработкѣ исторіи этого царствованія, составляетъ капитальное приобрѣтеніе русской исторической литературы за послѣднее время.

Но пора ближе познакомить читателя съ интереснымъ содержаніемъ книги А. П. Барсукова.

Шестой томъ «Рода Шереметевыхъ» открывается послѣдствіями того событія, которымъ заканчивается предшествующій ему V-й томъ—пробываніемъ боярина Василя Борисовича Шереметева въ плѣну у поляковъ послѣ пораже-

нія его въ Чудновской битвѣ. Эта побѣда поляковъ возбуждала одинаковую радость въ двухъ во всемъ противоположныхъ одинъ другому пунктахъ, и въ географическомъ, и въ этнологическомъ, и въ культурномъ отношеніи— въ Римѣ и въ Крымѣ.

Преемникъ апостола Петра и фанатикъ-мусульманинъ сошлись въ проявленіи того же чувства, хотя причины его здѣсь и тамъ были, само собою, совершенно различны. «Вѣчный городъ» праздновалъ побѣду поляковъ надъ московитами, какъ торжество цивилизаціи и истиннаго христіанства надъ варварствомъ и схиизмомъ; Крымскій юртъ ликовалъ униженію гяуровъ, ожидая крупную наживу въ выкупѣ знатнаго московскаго боярина. Подробно и чрезвычайно интересно излагаетъ А. П. Барсуковъ пребываніе Вас. Борис. Шереметева въ плѣну у крымскихъ хановъ Мухамедъ-Гирея и его преемника Аадиль-Гирея, въ Бахчисараѣ, жидовскомъ городкѣ Калѣ (Чуфуть-Калѣ) и греческомъ поселеніи Маріамполѣ, посольскія пересылки по этому поводу между московскимъ дворомъ и Крымомъ, положеніе семьи и вотчиннаго хозяйства плѣнника въ его отсутствіе и недостойное отношеніе къ нему его родственниковъ. Повѣствованіе обо всемъ вышеназложенномъ занимаетъ болѣе половины разсматриваемаго тома (16 главъ изъ 33-хъ, 261 страницу изъ 551-й). Крымскія отношенія, игравшія такую важную роль въ русской исторической жизни въ теченіе трехсотъ слишкомъ лѣтъ и въ борьбѣ Московскаго государства, а затѣмъ имперіи Всероссійской съ Востокомъ и съ Польшей, и въ ихъ внутреннемъ обиходѣ,—разработаны въ русской исторіографіи далеко недостаточно. «Крымскія дѣла», состоящія изъ громадной массы связокъ и фоліантовъ въ Главномъ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, пугаютъ изслѣдователей своимъ обиліемъ. А потому нельзя не выразить А. П. Барсукову особой признательности за его тщательное изученіе ихъ за время царя Алексѣя Михайловича и за интересное изложеніе данныхъ изъ нихъ добытыхъ.

Плѣвъ злосчастнаго Василія Борисовича Шереметева продолжался 20 лѣтъ, по совокупности весьма разнообразныхъ причинъ: во-первыхъ, потому, что за его выкупъ крымцы сначала потребовали безсмысленно много: уплаты Московскимъ государствомъ «помянокъ» за четыре года впередъ и уступки Казани и Астрахани; во-вторыхъ, по недостатку денегъ въ царской казнѣ; въ-третьихъ, по неимѣнію средствъ у самого Шереметева и, наконецъ, въ-четвертыхъ, по интригамъ родственниковъ Шереметева и разныхъ власть имущихъ въ Москвѣ лицъ, въ особенности по прояскамъ тестя Василія Борисовича, начальника разряднаго приказа Гавренева. Царь Алексѣй Михайловичъ лично очень благоволилъ къ Шереметеву, хлопоталъ о его выкупѣ, посылалъ ему гостинцы и сочувственныя письма, но это не улучшало положенія узника: «тишайшій» царь, какъ извѣстно, не обладалъ силой воли, да и заботили его въ это время болѣе серьезныя дѣла—затянувшаяся война съ Польшей, политическія осложненія въ Малороссіи, замиреніе сперва съ Швеціей, а затѣмъ съ Польшей и, наконецъ, распря съ Никономъ. Въ исходѣ 1666 года былъ созванъ въ Москвѣ знаменитый соборъ при участіи вселенскихъ патріарховъ для суда надъ Никономъ, весной 1667 года строптивый низложенный патріархъ былъ заключенъ, а за нѣсколько мѣсяцевъ до его заключенія былъ подписанъ Андрусовскій мирный договоръ, прекращавшій многолѣтнюю борьбу съ Польшей изъ-за Малорос-

сіи. Затѣмъ пошли смуты Разина, раскольничьи волненія и, наконецъ, не стало самого царя Алексѣя.

Въ VI-мъ томѣ «Рода Шереметевыхъ» захвачено только семь лѣтъ изъ двадцатилѣтняго плѣна Василя Борисовича; тринадцать лѣтъ еще впереди, и повѣсть о нихъ, вѣроятно, войдетъ въ составъ VII тома. Но какой мартирологъ несчастнаго плѣнника излагаетъ г. Барсуковъ въ VI томѣ! Читая этотъ мартирологъ, нельзя не преклониться передъ той силой воли и передъ тѣмъ патріотизмомъ, которые проявляетъ плѣнный московскій бояринъ XVII вѣка въ татарской неволѣ.

Василій Борисовичъ Шереметевъ не только находился первые четыре года въ тяжелыхъ позныхъ кандалахъ, болѣе полупуда вѣсомъ, и терпѣлъ нужду въ пищѣ, но въ жидовскомъ городкѣ помѣщался по временамъ въ суровомъ заключеніи въ тюрьмѣ, высѣченной въ высочайшей гранитной горѣ, и подвергался злѣйшимъ пыткамъ. Но и постоянное его жилище въ Чуфутъ-Кала было не лучше тюрьмы. Его жилище состояло изъ тѣсной комнаты съ однимъ небольшимъ окномъ (остальные окна были заложены кирпичемъ). Въ теченіе шести лѣтъ онъ почти безвыходно долженъ былъ пребывать въ этой комнатѣ (исключеніе составляли лишь его временныя переселенія въ тюрьму). Тѣснота, спертый воздухъ, отсутствіе движенія, кандалы и недостатокъ въ пищѣ разрушительно повліяли на здоровье арестанта. Болѣзнь глазъ, ногъ и головы, цынга съ потерей зубовъ—вотъ чѣмъ сказались для В. Б. Шереметева первые года его заключенія. Въ комнату къ нему никого не допускали; даже попадавшіе въ Калу русскіе подвѣривались въ намѣреніи видѣться съ В. Б. Шереметевымъ и строго за то наказывались: однимъ рѣзали уши, другихъ били батожемъ. Изъ заключенія выводили Шереметева только для переговоровъ съ ханскими мирзами да съ московскими посланцами. Въ довершеніе бѣды онъ имѣлъ несчастье во время своего плѣна лишиться единственнаго сына, любимца царя Алексѣя Михайловича—стольника Ивана Вас. Шереметева, женатаго на родной внукѣ знаменитаго дѣятеля междоусерствія, князя Дм. Мих. Пожарскаго. Иванъ Вас. Шереметевъ умеръ въ Москвѣ въ 1666 г., и несчастный отецъ не могъ добиться подробностей о его болѣзни и кончинѣ.

Ко всѣмъ этимъ физическимъ и нравственнымъ страданіямъ В. Б. Шереметева слѣдуетъ еще добавить то нравственное угнетеніе, которое онъ испытывалъ отъ обязанности вести «государево дѣло» въ Крыму, при существованіи тамъ особыхъ царскихъ гонцовъ и посланцевъ. Шереметевъ «благодарилъ Бога и государскую милость», когда не возлагалось на него веденія посольскихъ дѣлъ, потому что превращеніе плѣнника въ кандалахъ въ главнаго посла, при второстепенной, а нерѣдко и совершенно пассивной роли официальныхъ посланниковъ, усугубляло его подневольное положеніе въ Крыму, весьма естественно увеличивая подозрительность ханскихъ правителей и возбуждая тайную къ нему злобу въ московскихъ гонцахъ. Но Шереметевъ не уклонялся отъ царскихъ порученій. Онъ рѣзко возражалъ ханскимъ «ближнимъ людямъ», стойко оберегая интересы своего царя и народа, и скованный въ кандалы, точно также какъ и прежде на свободѣ, оберегалъ эти интересы и на войнѣ и въ переговорахъ съ «черкасами» и «поляками», въ Западной Руси и въ Малороссіи. Онъ свято чтилъ и исполнялъ на дѣлѣ свое крестное цѣлованіе при пожалованіи ему чина боярина въ 1653 году: «... всякія государевы и земскія дѣла дѣлати и государевымъ

землям всякаго добра хотѣти, безо всякія хитрости, и самовольствомъ мнѣ безъ государскаго вѣдома и мимо правды никакихъ дѣлъ не дѣлать...»¹⁾.

Остальныя главы VI-го тома посвящены дѣятельности двоюроднаго брата Василія Борисовича—Петра Васильевича большаго Шереметева, сѣвскаго и кіевскаго воеводы и отца знаменитаго дѣятеля Петровской эпохи, графа Бориса Петровича Шереметева. Много новаго сообщаетъ здѣсь А. П. Барсуковъ для исторіи установленія московской власти въ Кіевѣ въ лѣво-бережной Украйнѣ и отношенія мѣстнаго населенія къ этой власти. Оцѣнить важныя историческіе факты, приводимые для этой исторіи, представляемъ лицамъ, спеціально изучающимъ исторію южной Руси, болѣе насъ компетентнымъ въ оцѣнкѣ этихъ данныхъ. Наша рецензія вышла и безъ того длиннѣе, чѣмъ мы предполагали: виной тому—глубокій интересъ книги А. П. Барсукова. Д. Корсаковъ.

В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Томъ второй. Власти. Спб. 1893.

Второй томъ названнаго изслѣдованія профессора Сергѣевича посвященъ опредѣленію юридическаго положенія вѣча и князя, этихъ «властей» въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи. Три главы, касающіяся вѣча, вошли въ изслѣдованіе (впрочемъ, въ переработанномъ видѣ) изъ магистерской диссертациі профессора Сергѣевича «Вѣче и князь», напечатанной въ 1867 г. Остальныя же главы, касающіяся князя, заимствованы отчасти изъ указанной книги, отчасти изъ «Лекцій и изслѣдованій» автора. Въ первой главѣ рѣчь идетъ о томъ, гдѣ и когда было вѣче; во второй главѣ говорится о составѣ, времени и мѣстѣ собраній вѣча, о порядкѣ совѣщаній, вѣчевыхъ рѣшеній и исполненія послѣднихъ и о предметахъ вѣдомства вѣча. Наконецъ, третья глава посвящена вѣчевой жизни пригородовъ. По поводу этой части изслѣдованія можно сдѣлать то же замѣчаніе, какое было высказано еще по поводу «Вѣча и князя» гг. Самоквасовымъ, Лимбертомъ и Линниченко, а именно о необходимости изученія вѣчеваго строя, во-первыхъ, въ его историческомъ развитіи и, во-вторыхъ, по областямъ, такъ какъ вѣче далеко не во всѣ времена было однимъ и тѣмъ же и далеко не во всѣхъ областяхъ достигло одинаковаго значенія и развитія. На основаніи же изслѣдованія профессора Сергѣевича можно придти къ тому выводу, что вѣче во всѣхъ областяхъ древней Россіи и за все время существованія удѣльно-вѣчевой эпохи было одною и тою же формою политическаго быта, чего, конечно, и самъ профессоръ Сергѣевичъ утверждать не станетъ. Говоря о компетенціи вѣча, авторъ, на нашъ взглядъ, слишкомъ суживаетъ сферу этой послѣдней, главнымъ образомъ потому, что игнорируетъ предметы вѣдомства вѣчевыхъ собраній сѣверной Россіи (новгородскаго и псковскаго вѣча). Такъ, многія отрасли управленія и суда, входившія въ составъ компетенціи этихъ собраній, не упомянуты въ изслѣдованіи. Затѣмъ авторъ почти не признаетъ никакихъ судебныхъ функций у вѣча, даже въ Новгородѣ и Псковѣ (стр. 102). Между тѣмъ въ трудѣ г. Лимберта («Предметы вѣдомства вѣча въ княжескій періодъ древней Россіи», напечатанномъ въ

¹⁾ См. «Родъ Шереметевыхъ», т. IV, стр. 19. Предъидущая служба В. Б. Шереметева излагается въ томахъ IV и V «Рода Шереметевыхъ».

Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1877 г., № 3, стр. 165—168) приведено не мало лѣтописныхъ указаній на существованіе суда вѣча въ сѣверныхъ русскихъ областяхъ, благодаря которымъ едва ли можно отрицать за вѣчемъ всякое судебное значеніе.

Книга, посвященная князю, распадается на три главы. Въ первой главѣ говорится о владѣтельныхъ князьяхъ, причемъ излагается существо договорнаго права и содержаніе междукняжескихъ договоровъ. Здѣсь же авторъ касается практическаго значенія договорнаго права, княжескихъ съѣздовъ и прекращенія договорныхъ отношеній. Вторая глава посвящена распредѣленію волостей между князьями по началамъ: народнаго избранія, отчины, распоряженій владѣтельныхъ князей и старѣйшинства. Въ третьей главѣ рѣчь идетъ о служебныхъ князьяхъ и, наконецъ, въ четвертой (дополнительной) авторъ подвергаетъ критикѣ (весьма убѣдительно) точку зрѣнія теоріи родоваго быта на княжескія отношенія и порядокъ преемства столовъ. Авторъ, какъ всегда, крайне остороженъ въ выводахъ, причемъ, высказывая опредѣленное мнѣніе, тщательно провѣряетъ его данными первоисточниковъ. Аргументація профессора Сергѣевича въ большинствѣ случаевъ на столько убѣдительна, что рѣдко вызываетъ возраженія. Однако, въ виду отдаленности эпохи и скудости, въ силу этого, источниковъ, противъ нѣкоторыхъ мнѣній профессора Сергѣевича можно спорить. Такъ, напримѣръ, говоря о прекращеніи договорныхъ отношеній между князьями, онъ видитъ причину этого въ политикѣ московскихъ бояръ въ малолѣтство Ивана IV. «Ни великіе князья московскіе,—говоритъ онъ,—ни татары не положили конца договорнымъ отношеніямъ и не низвели владѣтельныхъ князей до положенія подданныхъ великаго князя; сдѣлали это бояре московскіе въ малолѣтство Ивана Васильевича, перваго русскаго царя» (стр. 225). Такимъ образомъ, бояре совершили настоящій переворотъ, низвергли въ самое короткое время тотъ порядокъ вещей, который продолжался столѣтіями и былъ освященъ традиціей, предъ которой всегда столь преклонялись наши предки. Едва ли подобные перевороты были въ духѣ той эпохи, когда всякое новшество вводилось постепенно и когда обычай, т. е. «старина», отчасти регулировалъ всѣ стороны политическихъ, общественныхъ, житейскихъ и иныхъ отношеній. Нужно думать, что не бояре въ малолѣтство Ивана IV покончили съ договорными отношеніями князей, но что эти отношенія прекратили свое существованіе въ силу многихъ причинъ, дѣйствовавшихъ еще задолго до событій 1534 и 1537 гг.; среди нихъ безспорно играло весьма важную роль татарское завоеваніе, подготовившее почву для модификаціи удѣльно-вѣчеваго строя, построеннаго на договорномъ началѣ, въ строй Московскаго государства, отвергавшаго договорный принципъ. Самъ профессоръ Сергѣевичъ признаетъ за татарскимъ завоеваніемъ важное значеніе фактора уничтоженія вѣча (стр. 34—38). Нужно думать, что вліяніе татаръ сказалось и на междукняжескихъ отношеніяхъ, постепенно видоизмѣнивъ какъ ихъ внѣшнюю форму, такъ и внутреннее содержаніе. Въ малолѣтство Ивана IV договорныя отношенія представляли собою уже анахронизмъ, въ силу чего и были окончательно уничтожены боярами.

В. Латкинъ.

Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Критическое изслѣдованіе Михаила Корелина. Москва. 1892.

Диссертация г. Корелина, удостоенная высшаго отличія московскимъ филологическимъ факультетомъ, вкорѣ же послѣ своего выхода въ свѣтъ, возбудила весьма разнородные толки. Въ то время, какъ часть компетентныхъ лицъ признавала книгу г. Корелина наиболѣе выдающимся произведеніемъ въ русской литературѣ по всеобщей исторіи за послѣдніе годы, другіе, не менѣе компетентные, замѣчали, что одно лишь трудолюбіе ничего не доказываетъ, и весьма значительный объемъ книги еще вовсе не есть мѣрило ея высокаго достоинства. Споряція стороны оказались довольно таки непримиримыми, ни одна не пожелала уступить другой; споръ, конечно, остался безрезультатнымъ и, такимъ образомъ, съ этимъ оставшимся открытымъ вопросомъ случилось нѣчто похожее на то, что въ минувшемъ году имѣло мѣсто при памятномъ еще многимъ присужденіи докторской степени за магистерскую диссертацию по всеобщей исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Что касается насъ, мы вовсе не имѣемъ въ виду возобновлять это безрезультатное пререканіе, до сихъ поръ развивавшееся, правда, больше устнымъ путемъ; въ нашей небольшой замѣткѣ мы ограничимся лишь передачею содержанія диссертации, объемъ которой дѣйствительно невольно обращаетъ на себя вниманіе; въ ней болѣе 1.000 страницъ, причемъ еще алфавитный указатель вполнѣ или отчасти разсмотрѣнныхъ сочиненій гуманистовъ и о гуманизмѣ занимаетъ въ книгѣ цѣлыхъ 30 страницъ, раздѣленныхъ каждая на два столбца. По словамъ автора, онъ при своемъ изслѣдованіи ранняго гуманизма поставилъ себѣ слѣдующія четыре цѣли: во-первыхъ, выяснитъ отношеніе къ гуманизму и возрѣнія на его сущность и характеръ, господствовавшія во всѣхъ главныхъ отрасляхъ исторической науки, и дать кратическій обзоръ какъ спеціальной литературы о гуманизмѣ вообще, такъ и монографическихъ изслѣдованій о дѣятеляхъ ранняго Возрожденія; во-вторыхъ, дать критическій анализъ тѣхъ произведеній раннихъ гуманистовъ, котарыя имѣютъ значеніе для исторіи движенія, опредѣлить ихъ характеръ и выяснитъ ихъ цѣну и значеніе для исторіи Возрожденія; въ-третьихъ, изслѣдовать сравнительную силу и направленіе гуманистическаго движенія въ различныхъ центрахъ Италіи, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, опираясь исключительно на документальные источники, опредѣлитъ сущность гуманистическаго движенія, указать его результаты, на сколько они обнаружались въ началѣ XV столѣтія, и отмѣтитъ его причины, по сколько онѣ проявляются въ гуманистической литературѣ и во внѣшней исторіи движенія. Сообразно съ этимъ планомъ, г. Корелинъ раздѣлил свою диссертацию на пять отдѣловъ: обзоръ заслугъ представителей различныхъ отраслей знанія въ изученіи итальянскаго Возрожденія, два самостоятельныхъ изслѣдованія объ обоихъ первыхъ важнѣйшихъ дѣятеляхъ гуманизма, обзоръ трудовъ менѣе замѣчательныхъ сотрудниковъ первыхъ гуманистовъ и, наконецъ, заключительный обзоръ литературы ранняго гуманизма. Изслѣдованіе свое авторъ назвалъ исторіографическимъ, и таковымъ оно и остается на протяженіи всѣхъ почти тысячи и болѣе страницъ, занимаемыхъ имъ. Первый отдѣлъ, отнесенный г. Корелинымъ къ введению, представляетъ собою систематическій, распределенный по отдѣль-

нымъ рубрикамъ, обзоръ отношенія къ итальянскому возрожденію представителей различныхъ дисциплинъ, начиная отъ философовъ исторіи и кончая классическими филологами и мелкими историками мѣстной литературы и просвѣщенія. Этотъ обзоръ, не вполне исчерпывающій предметъ, но, всетаки, затрогивающій всѣ наиболее важныя попытки объясненія времени Возрожденія, авторъ заканчиваетъ замѣчаніемъ о разницѣ между результатами изученія гуманистическаго движенія въ всемірно-исторической и національной историографіи: послѣдняя вѣрнѣе схватываетъ мелочи, первая правильнѣе опредѣляетъ историческое значеніе всего факта. Вслѣдъ за введеніемъ вся остальная часть перваго тома занята весьма подробными и обстоятельными изслѣдованіями автора о Франческо Петраркѣ и Джіованни Боккаччо; надо, однако, замѣтить, что и здѣсь, какъ вездѣ у г. Корелина, чисто историко-біографическая сторона совершенно не затронута. Г. Корелинъ вообще во всемъ своемъ изслѣдованіи придерживается способа изложенія весьма несложнаго. Сначала немного вступительныхъ словъ о важности разбираемой личности или движенія, затѣмъ, обыкновенно въ хронологическомъ порядкѣ, пространный разборъ произведеній даннаго гуманиста, наконецъ, хронологическій же перечень мнѣній различныхъ ученыхъ и краткое заключеніе, трактующее чаще всего объ общихъ недостаткахъ въ предыдущихъ, разобранныхъ изслѣдованіяхъ и о томъ, что надлежало бы еще изучить по данному вопросу. Такова притомъ система автора не только тамъ, гдѣ онъ говоритъ о «большихъ» гуманистахъ, но и въ III-й главѣ его труда, спеціально удѣленной многочисленной толпѣ ревнителей гуманистическаго образованія конца XIV и начала XV вѣка. Такого рода обстоятельство легко можетъ невыгодно повліять на оцѣнку самаго труда, во всякомъ случаѣ весьма почтеннаго (объ этомъ свидѣтельствуетъ уже время, потраченное на написаніе его, и та масса очень часто рукописнаго матеріала, съ которою авторъ основательно ознакомился). Дѣло въ слѣдующемъ: если мы примемъ во вниманіе, что и введеніе г. Корелина состоитъ также изъ распределеннаго по рубрикамъ хронологическаго обзора сочиненій о гуманизмѣ, а заключительная глава (обзоръ спеціальной литературы о раннемъ итальянскомъ гуманизмѣ) составлена подобнымъ же образомъ, мы легко можемъ дойти до взгляда на трудъ московскаго ученаго, какъ на какую-то *rudis indigestaque moles*, скопище рецензій, рассаженныхъ на хронологическій скелетъ и распределенныхъ по немногимъ простымъ рубрикамъ. Больше единства въ изложеніи является лишь въ главѣ третьей и на протяженіи послѣднихъ пятидесяти страницъ труда г. Корелина, резюмирующихъ содержаніе всей диссертациі. Здѣсь авторъ подводитъ итоги своему обширному изслѣдованію и формулируетъ въ немногихъ словахъ выводы, почерпнутые имъ изъ подробнаго и тщательнаго разсмотрѣнія произведеній раннихъ гуманистовъ. Формула сущности гуманистическаго движенія, по г. Корелину, такова: вѣкъ гуманизма—вѣкъ критическаго отношенія къ средневѣковымъ формамъ культуры, основа его—новыя индивидуальныя потребности, цѣль—выработка новаго міросозерцанія; авторитетная классическая древность при этомъ лишь оружіе для борьбы со старой культурой и опора при выработкѣ новаго міросозерцанія. Результаты движенія были замѣтны уже въ началѣ XV столѣтія: мысль освободилась отъ церковнаго авторитета, положены были начала новой этики, новой педагогіи, новой политики и новой науки, появилась публицистика, образовалось общественное мнѣніе и руководящій имъ классъ свѣтской интеллигенціи.

Такова мысль, къ которой г. Корелинъ сводитъ историческое содержание своего историографическаго изслѣдованія. Выше указано было на то невыгодное впечатлѣнiе, которое способна произвести постановка темы въ трудѣ г. Корелина. Однако, помимо неудобствъ чисто внѣшняго характера, указанныхъ выше, есть и таковыя, по необходимости присущія всякому историографическому сочиненію. Историографія (если она не есть, какъ историографія цѣлой націи, вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія ея самосознанія, а лишь историографія отдѣльнаго вопроса) никогда не можетъ быть цѣлью сама по себѣ: цѣлью является она лишь по столько, по сколько способствуетъ чисто историческому изслѣдованію. Въ зависимости отъ этого и работа г. Корелина представляетъ такую массу поднятыхъ вопросовъ и неразрѣшенныхъ сомнѣній, на которые авторъ попутно натывается при обзорѣ историографіи, но разслѣдовать и разрѣшить которые онъ по необходимости долженъ предоставить другимъ. Не можемъ потому примириться съ мыслью, чтобы настоящая постановка вопроса была первоначальной у автора. Намъ кажется, напротивъ, что способъ образованія его изслѣдованія былъ слѣдующій. Первоначальный исходный пунктъ—изученіе итальянскаго гуманизма по документальнымъ источникамъ; при подготовительныхъ работахъ г. Корелину приходится знакомиться съ обширною литературою предмета; онъ втягивается въ это изученіе, средство къ цѣли заполняетъ его, какъ особая цѣль, и вотъ все то, что при другомъ способѣ обработки темы осталось бы грудю подготовительныхъ матеріаловъ, которая никогда не печатается, входитъ въ составъ изложенія, измѣняетъ постановку темы, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣсколько разъ увеличиваетъ объемъ самой книги. Такимъ намъ представляется ходъ работы г. Корелина. Однако, мы далеки отъ того, чтобы прямо ставить его въ упрекъ автору; во-первыхъ, послѣдній почти неизбѣжно долженъ былъ придти къ этому исходу, а, во-вторыхъ, благодаря именно этому обстоятельству, мы имѣемъ единственное въ нашей литературѣ по обстоятельности и полнотѣ историографическое изслѣдованіе по всеобщей исторіи, которое, по всей вѣроятности, долго не найдетъ себѣ равныхъ.

L.

Очеркъ холерной эпидеміи 1892 года въ Нижегородской губерніи. Изданъ нижегородской губернской санитарно-исполнительной комиссіей подъ редакціей доктора С. И. Зененко. Нижній Новгородъ. 1893.

Какъ извѣстно, Нижегородская губернія выказала большую энергію въ борьбѣ съ холерой. Въ солидно составленной и прекрасно изданной книгѣ, заглавіе которой приведено выше, подробно излагается, что было сдѣлано обществомъ и администраціей въ этомъ дѣлѣ.

Съ полученіемъ первыхъ извѣстій о появленіи холеры въ Узунъ-Ада, Нижегородская губернія немедленно приступила къ выработкѣ мѣропріятій противъ эпидеміи, которая, не смотря на дальность разстоянія, благодаря оживленному судоходству по Волгѣ, легко могла быть занесена съ Каспійскаго побережья въ Нижній. Въ концѣ мая 1892 года г. начальникомъ губерній Н. М. Барановымъ сованъ былъ «комитетъ общественнаго здравія», составленный изъ представителей администраціи, земства, города, биржеваго комитета и врачей. Комитетъ рѣшилъ тотчасъ приступать къ очисткѣ дво-

ровъ и выгребныхъ ямъ и принять мѣры къ улучшенію питьевой воды. Затѣмъ, 10-го іюня, было постановлено открыть пловучій холерный госпиталь на 300 человекъ, два береговыхъ приемныхъ покоя, отвести холерное кладбище, усилить врачебный персоналъ и закрыть всѣ грязно содержимые дома и притоны. 26-го іюня состоялось первое засѣданіе «губернской санитарной комиссіи», образованной на основаніи распоряженія г. министра внутреннихъ дѣлъ. Въ составъ ея, кромѣ врачей, вошли представители администраціи, земства и частныя лица. Съ этихъ поръ всѣ мѣропріятія исходили исключительно отъ этой комиссіи. Собиралась она до середины іюля почти ежедневно, подъ предѣлательствомъ генерала Баранова. Рѣшено было ассигновать 13.000 руб. на борьбу съ холерой. 3-го іюля, на седьмой день послѣ открытія лечебныхъ заведеній, обнаружился въ Нижнемъ первый холерный случай на прибывшемъ изъ Самары пароходѣ общества «Самолетъ»; 6-го поступилъ въ госпиталь второй больной, а 7-го губернія была уже официально объявлена въ числѣ неблагополучныхъ по холерѣ. Такимъ образомъ, благодаря усиліямъ начальника губерніи Баранова и общества, Нижегородская губернія, только-что переживавшая голодъ и тифозную эпидемію, встрѣтила новую эпидемію вполне подготовленной и хорошо вооруженной.

Въ упомянутомъ очеркѣ подробно излагается дальнѣйшая борьба съ холерой, причемъ мѣропріятія сгруппированы въ три отдѣла: на самой ярмаркѣ, въ городѣ, и губерніи. На ярмаркѣ всѣхъ больныхъ было 1,141 человекъ; стоимость каждаго больного въ среднемъ обошлась въ 169 рублей. Общее число больныхъ собственно въ Нижнемъ Новгородѣ было 938 человекъ, а стоимость каждаго больного обошлась въ 187 рублей (городъ издержалъ 175.760 рублей). Медицинскій персоналъ состоялъ изъ: 20 врачей, 34 студентовъ, 1 фармацевта, 8 фельдшеровъ и 65 сестеръ милосердія. Въ губерніи было больныхъ, съ 6-го іюля по 1-е ноября, 2.456, смертность въ 40%, каждый больной стоилъ 26 рублей. Въ губерніи работало: 48 врачей, 20 студентовъ, 157 фельдшеровъ, 120 санитаровъ.

Къ изданію приложены таблицы заболѣваемости, литографированныя красками карты губерній и уѣздовъ и планъ Нижняго Новгорода и ярмарки. Въ общемъ упомянутый «Очеркъ» производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Было бы желательно, чтобъ и другія лица и комиссіи, имѣвшія дѣло съ холерой, напечатали что либо подобное. А. Л.

Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ Россійской имперіи съ библиографическимъ указателемъ. Т. I-й и II-й. Составилъ и издалъ В. В. Звѣринскій. Спб. 1890—1892.

Исторія монашества какъ въ экономическомъ, хозяйственномъ, такъ социальномъ и культурномъ отношеніи совершенно не разработана въ нашей исторической литературѣ, не разработана же она благодаря той трудности, съ которой изслѣдователю приходится розыскивать матеріалъ. Большая часть разнаго рода актовъ и документовъ до сихъ поръ остается въ архивахъ, при томъ же архивахъ монастырскихъ, куда, какъ по ихъ отдаленности, такъ и по всякимъ другимъ причинамъ, проникнуть бываетъ трудно

и даже не всегда возможно. Кромѣ того, архивы монастырей, какъ извѣстно, находятся въ такомъ состояніи, что пользоваться ими крайне неудобно—необходимо просмотрѣть весь архивъ, привести его въ порядокъ и тогда лишь приниматься за изслѣдованіе самого матеріала. Понятно, что одному человѣку произвести такую работу совершенно невозможно, и въ большинствѣ случаевъ изслѣдователь пользуется лишь приведенными въ порядокъ архивами Москвы, Петербурга и др., а также печатнымъ матеріаломъ. Что касается до печатнаго матеріала, то онъ, вопервыхъ, въ высшей степени случаенъ, а, вовторыхъ, тоже во всей совокупности не можетъ быть извѣстенъ изслѣдователю. Печатались документы, случайно найденные въ томъ или другомъ архивѣ, печатались часто на задворкахъ журналовъ и мѣстныхъ изданій, какой нибудь брошюрки, описанія монастырей, которыя при своемъ появленіи были извѣстны только въ той мѣстности, гдѣ печатались, и т. д. Приступая къ изслѣдованію исторіи монашества, необходимо, конечно, было предварительно собрать весь матеріалъ, по крайней мѣрѣ, печатный, а сдѣлать это далеко не такъ легко. Г. Звѣринскій, авторъ труда, названнаго нами въ началѣ, не только облегчилъ это дѣло, но, можно сказать, совершенно уничтожилъ эту трудность собиранія матеріала, издавъ очень полный систематическій указатель литературы о монастыряхъ, плодъ его двадцатилѣтней работы, при томъ же работы въ высшей степени добросовѣстной. «Я не довольствовался,—говоритъ авторъ,—чтеніемъ лишь однихъ оглавленій книгъ и статей, а читалъ все, особенно относящееся къ исторіи и географіи Россіи, всякую въ нихъ строку, и найденное мною названіе монастыря, даже по какому либо совершенно незначительному поводу, заставляло меня останавливаться. Первымъ дѣломъ нужно было посмотрѣть, не упоминалось ли его имя въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исключительно описанію монастырей. Если я находилъ таковой, то дѣлалъ справку, вѣрно ли географически приурочено, если же не находилъ, то приходилось приурочивать самому, основываясь на лучшихъ картахъ и на матеріалахъ, имѣющихся въ центральномъ статистическомъ комитетѣ. Такимъ образомъ, первою моею заботой было приуроченіе географическаго положенія монастыря. Вторая задача состояла въ томъ, чтобы разрѣшить время основанія монастыря или же найти первое историческое упоминаніе о немъ. Наконецъ, послѣдней моею задачей было указать, что осталось отъ монастыря въ настоящее время... Всѣ эти свѣдѣнія я почерпалъ, какъ уже выше сказано, изъ подстрочнаго чтенія книгъ, какъ географическаго содержанія, такъ и историческаго; мною была прочитана масса книгъ, и всякая страница, на которой говорилось что либо о монастырѣ, тщательно записывалась...». Авторъ, такимъ образомъ, не только собиралъ матеріалъ, какъ простой библиографъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и изслѣдовалъ. Въ результатѣ получился настоящій трудъ. Первый томъ его вышелъ два года тому назадъ и почти не обратилъ на себя вниманія. Авторъ, очевидно, нисколько не заботился о томъ, чтобы изданное имъ очень важное пособіе приобрѣло извѣстность. Своей книги онъ даже не разослалъ по магазинамъ и держалъ у себя на квартирѣ. А между тѣмъ трудъ г. Звѣринскаго очень важенъ. Въ вышедѣанныхъ двухъ томахъ указано около 2.000 мужскихъ и женскихъ монастырей. Первый томъ посвященъ преобразованію старыхъ и учрежденію новыхъ монастырей съ 1764 по 1890 гг., то-есть отъ времени изданія духовныхъ штатовъ при Екатеринѣ II до новѣйшаго времени. Во второй

томъ вошли всѣ монастыри, положенные въ штаты и получившіе жалованье отъ казны, оставленные существовать на своемъ содержаніи и сдѣлавшіеся извѣстными подъ именемъ заштатныхъ, а равно упраздненные съ обращеніемъ ихъ церквей въ приходы. Авторъ возможно точно опредѣляетъ географическое положеніе монастыря, даетъ сжатую, но возможно полную фактическую исторію монастыря и затѣмъ приводитъ перечень литературы о немъ. Перечни эти составлены на столько полно, что пропуски, если они только существуютъ, могутъ быть только самые незначительные. Желая проверить полноту труда г. Звѣринскаго, нѣсколько разъ находя въ какомъ нибудь старомъ журналѣ 30-хъ, 40-хъ годовъ описаніе монастыря или даже упоминаніе о немъ, мы справлялись съ книгой г. Звѣринскаго и находили указаніе. Кромѣ того, такъ какъ г. Звѣринскій не только знакомился съ заглавіемъ статей и книгъ, но внимательно читалъ ихъ, то имѣлъ возможность сплошь и рядомъ не только указывать тотъ или другой документъ, то или другое сочиненіе, но также, правда очень кратко, передавать его содержаніе. Такимъ образомъ, изслѣдователь, прочитавши указатель, можетъ уже составить себѣ нѣкоторое представленіе о характерѣ и качествѣ матеріала — можетъ подобрать себѣ матеріалъ по какому нибудь частному вопросу изъ исторіи монастырей и т. д. Если можно пожалѣть о чемъ нибудь, такъ развѣ о томъ, что авторъ вначалѣ не указалъ главнѣйшихъ пособій, изслѣдованій по исторіи монастырей, имѣющихъ общій характеръ, которые несомнѣнно были у него подъ руками. Большое, впрочемъ, спасибо и за то, что онъ сдѣлалъ.

В. Б.

Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее. Очеркъ Н. В. Латкина. Спб. 1892.

«Енисейская губернія» г. Латкина представляетъ собою объемистое (470 страницъ) сочиненіе, обладающее всѣми достоинствами хорошей справочной книги, въ которой читатель найдетъ разнообразныя свѣдѣнія объ Енисейской губерніи. Къ сожалѣнію, въ ней совершенно отсутствуютъ точныя указанія, откуда и что заимствовано авторомъ, т. е. изъ какихъ книгъ и статей, посвященныхъ той же Енисейской губерніи. Только въ предисловіи къ своему труду г. Латкинъ приводитъ самый краткій списокъ сочиненій, которыми онъ воспользовался. Это отсутствіе указаній и ссылокъ на литературу изслѣдуемаго предмета ставитъ почти неодолимыя препятствія для опредѣленія того, какое именно мѣсто принадлежитъ данному очерку въ ряду другихъ трудовъ, описывающихъ также Енисейскую губернію. Для читателя-неспециалиста совсѣмъ не видно, что новаго сказалъ авторъ въ своей книгѣ, на сколько подвинулось впередъ изученіе того или иного вопроса, касающагося разсматриваемой губерніи. Для человѣка же, специально интересующагося Сибирью и ея областями, было бы трудомъ большимъ и, можетъ быть, не совсѣмъ благодарнымъ опредѣлять, въ какомъ соотношеніи книга г. Латкина находится съ другими источниками и пособиями по изслѣдуемому предмету. Такимъ образомъ, какъ по характеру содержанія (стремленіе описать Енисейскую губернію во всевозможныхъ отношеніяхъ), такъ и по свойству изложенія (нѣтъ необходимаго ученаго аппарата) разбраемое сочиненіе не есть ученая монографія. Нельзя назвать этотъ трудъ

и книгой, написанной съ цѣлью популяризаціи свѣдѣній объ Енисейской губерніи. Популярныя, общедоступныя очерки обыкновенно отличаются легкимъ, живымъ литературнымъ изложеніемъ и сообщаютъ о предметѣ только выдающіеся, характеристическіе факты, избѣгая нагроможденія ихъ въ большомъ количествѣ. Трудъ г. Латкина не удовлетворяетъ этимъ условіямъ популярнаго сочиненія. По собственному опыту можемъ утверждать, что «Енисейская губернія» читается съ трудомъ и вовсе не отличается живостью и легкостью изложенія. Есть въ книги нѣкоторыя статьи, какъ, на примѣръ, «гидрографія» и «горы, равнины, степи, тундры и геогностическій составъ площади губерніи», въ такой же степени неудобныя и утомительныя для чтенія, какъ невозможно читать сплошь какойнибудь словарь, подавляющій воспринимающую способность читателя массою свѣдѣній и сухимъ дѣловымъ изложеніемъ.

Повторяемъ, что очеркъ г. Латкина «Енисейская губернія» не можетъ считаться ни ученою монографіей, ни популярнымъ, общедоступнымъ сочиненіемъ; это есть скорѣе всего хорошій, добросовѣстно составленный сборникъ свѣдѣній объ Енисейской губерніи,—сборникъ, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ напоминающій словарь, на примѣръ, географическій. Очеркъ г. Латкина заключаетъ въ себѣ данныя о губерніи въ отношеніяхъ—географическомъ, этнографическомъ, торгово-промышленномъ, статистическомъ, административномъ и историческомъ. Человѣкъ, интересующійся Енисейскимъ краемъ, найдетъ въ очеркѣ самыя разнообразныя свѣдѣнія и отвѣтъ на всевозможныя вопросы, важныя для губерніи въ какомънибудь отношеніи. Весь очеркъ раздѣленъ на двадцать-одну главу. Въ первыхъ пяти главахъ разсматриваются границы, пространство губерніи и округовъ, количество земель обмежеванныхъ и не обмежеванныхъ, количество угодьевъ по округамъ и городамъ, гидрографія (море, рѣки, озера), горы, равнины, степи, тундры, геогностическій составъ площади губерніи, климатъ, флора и фауна. Въ слѣдующихъ восьми (VI—XIII) главахъ сообщаются свѣдѣнія этнографическія и торгово-промышленныя. Здѣсь описываются племенной составъ народонаселенія и движеніе его въ прошломъ и настоящемъ столѣтіи; приводятся статистическія данныя о народонаселеніи; разсматриваются рождаемость, смертность, браки, переселеніе, ссылка. Отдѣльная глава посвящена инородцамъ, обзору ихъ быта и современнаго положенія. Затѣмъ описываются сельское хозяйство губерніи и сельско-хозяйственная промышленность, скотоводство, оленеводство, рыболовство, звѣроловство и птицеводство; приводятся топографическое и геогностическое описаніе золотопромышленныхъ округовъ и статистика добычи золота; наконецъ, сообщаются свѣдѣнія о заводской и кустарной промышленности, о разныхъ промыслахъ и ремеслахъ населенія и о торговлѣ. Въ дальнѣйшихъ пяти главахъ разсматриваются подати, разнаго рода сборы, натуральныя повинности, недоимки, доходы и расходы городовъ, общій губернской доходъ и расходъ, народное образованіе, санитарное состояніе края и медицинская помощь, народная нравственность, преступность, судъ и тюремная часть, административное устройство губерніи, округа, волости, города и другіе населенные пункты. Особая глава (XIX) занята обзоромъ путей сообщенія губерніи, и, наконецъ, двѣ послѣднія главы очерка заключаютъ въ себѣ историческое обозрѣніе Енисейскаго края.

Мы ограничиваемся этимъ общимъ перечнемъ содержанія книги г. Латкина, предполагая, что такого указанія вполне достаточно для сужденія о

характеръ матеріала, собраннаго въ сочиненіи. Не останавливаясь на содержаніи труда, мы предпочитаемъ обратить вниманіе читателей на направленіе очерка, точнѣе сказать—на отношеніе автора къ предмету своего описанія. Это отношеніе, по нашему мнѣнію, является критическимъ, строго разборчивымъ и небезучастнымъ. Видно, что авторъ пишетъ о край, близкомъ ему. Участливое, пріязненное отношеніе автора къ предмету изслѣдованія отразилось на очеркѣ самымъ выгоднымъ образомъ: авторъ, не скрывая дурныхъ и печальныхъ сторонъ какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ положеніи Енисейскаго края, тѣмъ не мѣнѣе со свѣтлыми надеждами смотритъ на дальнѣйшую судьбу его. Такая точка зрѣнія автора на свой предметъ побуждаетъ его высказывать всю часто горькую правду объ Енисейской губерніи. Отдаленные края нашего обширнаго отечества именно нуждаются въ правдивомъ освѣщеніи ихъ многихъ непріглядныхъ сторонъ. Читатели найдутъ немало дѣльныхъ и интересныхъ замѣчаній въ этомъ смыслѣ въ очеркѣ г. Латкина. Сужденія автора о теперешнемъ положеніи Енисейской губерніи въ различныхъ отношеніяхъ пріобрѣтаютъ для насъ тѣмъ болшую цѣнность, что они въ большинствѣ случаевъ есть результатъ личныхъ наблюденій автора. Въ очеркѣ нѣсколько разъ заявляется, что авторъ лично, непосредственно знакомился съ той или иной стороной жизни Енисейской губерніи. И такое наблюденіе производилось авторомъ въ продолженіе многихъ лѣтъ; по очерку можно судить, что авторъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ Сибири и чрезвычайно внимателенъ къ ея интересамъ. Такимъ образомъ, въ книгѣ г. Латкина мы слышимъ голосъ сибиряка. Иначе сказать, въ очеркѣ «Енисейская губернія» отчасти нашли себѣ выраженіе мѣстныхъ мнѣній, къ которымъ не лишне прислушиваться, для кого это можетъ быть полезно.

Если при обзорѣніи современнаго положенія Енисейскаго края авторъ еще имѣетъ возможность на ряду съ фактами грустнаго свойства указать иногда и на утѣшительныя явленія, или, по крайней мѣрѣ, питать надежду на лучшее въ ближайшемъ будущемъ,—то при обзорѣніи прошлой жизни Енисейской губерніи, что авторъ дѣлаетъ въ послѣднихъ двухъ главахъ (XX—XXI) очерка, уже совсѣмъ нѣтъ мѣста подобнымъ иллюзіямъ. Прошлое какъ вообще Сибири, такъ и Енисейскаго края въ частности является почти сплошнымъ рядомъ самыхъ вопіющихъ фактовъ.

Въ заключеніе нашей замѣтки мы должны высказать сожалѣніе, по поводу двухъ неудобствъ, замѣченныхъ нами въ книгѣ г. Латкина. Прежде всего большое неудобство заключается въ томъ, что при очеркѣ нѣтъ никакой, хотя бы и невѣрной, карты Енисейской губерніи. Напрасно авторъ въ «Предисловіи» ссылается на то, что теперь еще не можетъ быть точной карты Енисейскаго края, вслѣдствіе отсутствія инструментальныхъ съемокъ для большей части (³/₁₀) этой губерніи. Не смотря на это, какая бы то ни было карта необходима, чтобы судить объ относительномъ расположеніи различныхъ пунктовъ губерніи, а то безъ карты нѣкоторые отдѣлы книги (напримѣръ, географическій очеркъ, гидрографія, орографія, административное устройство и дѣленіе губерніи) оказываются совсѣмъ невозможными для чтенія. Наконецъ, еще однимъ неудобствомъ для чтенія мы считаемъ плохую корректуру, которая во многихъ мѣстахъ книги обнаруживается въ несоблюденіи обыкновенныхъ правилъ орфографіи, а въ иныхъ случаяхъ получается прямое искаженіе словъ, мѣшающее пониманію текста (напри-

мѣръ, на стр. 93 «курги» вмѣсто пурги, «Средне-Кольминъ» вмѣсто Средне-Колымскъ; на стр. 433 «держали» вмѣсто дерзали и проч.). Вѣдь есть много недогадливыхъ читателей, которые такъ и не поймутъ исковерканнаго текста.

А. О.

Перекличка альманахамъ. Матеріалы для библиографіи русскихъ литературныхъ альманаховъ и сборниковъ конца XVIII и первой половины XIX столѣтія. (Съ 1794 г. по 1850 г.). Составилъ въ селѣ Глѣбовѣ Подольской губерніи графъ Е. Путятинъ. Новая Ушица. Типографія Генриха Чарковского. 1893.

Пользуясь своей собственной бібліотекой и лишь отчасти существующими въ нашей литературѣ библиографическими трудами, графъ Е. Путятинъ предпринялъ въ высшей степени полезное дѣло: составить перечень альманаховъ первой половины нашего вѣка. Было бы въ высшей степени пріятно, если бы авторъ разбираемаго опыта, столь ознакомленный уже съ предметомъ, пошелъ бы далѣе въ своемъ трудѣ и представилъ библиографическое обзорѣніе содержанія каждаго альманаха.

Альманахи теперь не въ модѣ, но у нихъ есть свое доброе прошлое, и они заслуживаютъ своей исторіи. Безхитростный, но въ высшей степени добросовѣстный трудъ графа Е. Путятина, съ этой точки зрѣнія, заслуживаетъ полнаго сочувствія.

Въ книгѣ гр. Путятина перечислено 218 альманаховъ, въ томъ числѣ 38 дѣтскихъ, выдѣленныхъ въ особую группу. Оригинально, что въ дѣтской литературѣ, которой наиболѣе свойственна форма альманаха, этотъ родъ сборниковъ не прививался, и въ хронологическомъ перечнѣ дѣтскихъ альманаховъ, даваемомъ гр. Путятинымъ, цѣлые ряды годовъ остаются не отмѣченныя выходомъ въ свѣтъ хотя бы одного сборника. Любопытенъ также сводъ данныхъ относительно количества альманаховъ, выпущенныхъ въ разные годы. Наибольшее количество приходится на 1831 годъ (восемнадцать альманаховъ). Впрочемъ, процвѣтаніе этого рода литературы и приходится именно на двадцатые и тридцатые годы.

Книжка гр. Е. Путятина заканчивается нижеслѣдующимъ бібліомапскимъ примѣчаніемъ: «Книга напечатана въ количествѣ 220 экземпляровъ, изъ коихъ 8 экземпляровъ—въ цензурный комитетъ, 52 экземпляра—не для продажи (изъ нихъ 10 на японской бумагѣ и часть подъ номерами) и 160—для продажи по 2 рубля 25 копеекъ, и является первой книгою, напечатанною въ городѣ Новой Ушицѣ Подольской губерніи и первой въ типографіи Генриха Чарковского» (стр. 75).

Намъ остается пожелать, чтобы ближайшей изъ новыхъ книгъ, которымъ предстоитъ печататься въ ушицкой типографіи, было продолженіе интересныхъ изслѣдованій гр. Путятина.

Е. Г.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга седьмая. Спб. 1893.

Не смотря на всѣ недостатки, трудъ Н. П. Барсукова—несомнѣнно выдающееся явленіе русской литературы за послѣдніе годы. Онъ, можетъ быть, не найдетъ читателя въ среднемъ образованномъ кругу,—читателя, требую-

щего готовых характеристик и выработанных положений, живаго изложения и пикантных анекдотовъ; но зато люди, занимающіея русской литературой, найдутъ въ «Жизни и трудахъ М. П. Погодина» множество новыхъ, драгоценныхъ свѣдѣній почти о всѣхъ замѣчательныхъ дѣятеляхъ русскаго просвѣщенія первой половины текущаго столѣтія. Если, можетъ быть, основательны упреки г. Барсукову за архаическій языкъ, за частыя отступленія отъ главной нити разсказа и за сообщеніе излишнихъ подробностей о лицахъ, имѣвшихъ только косвенное или случайное отношеніе къ Погодину; если, можетъ быть, вѣрно замѣчаніе, что г. Барсуковъ заставляетъ возможно болѣе говорить героя біографіи, пользуясь его перепискою и разнаго рода документами, чѣмъ говорить самъ, и такимъ образомъ почти совершенно ступшевываетъ свою личность, отчего разсказъ подчасъ проигрываетъ въ живости и занимательности,—то нельзя, всетаки, сказать, что «лучше бы прямо напечатать дневникъ и переписку Погодина, чѣмъ разводить ихъ на нѣсколько томовъ»; нельзя сказать потому, что огромный матеріалъ, находящійся въ распоряженіи г. Барсукова, искусно группируется имъ и по возможности освѣщается удачными сопоставленіями. Мы слышали, что на завершеніе труда г. Барсукова понадобится еще три, четыре тома.

Седьмою недавно появившеюся книгойъ заканчивается повѣсть о жизни и трудахъ Погодина въ теченіе перваго, важнѣйшаго періода его жизни, до оставленія имъ кафедры русской исторіи въ Московскомъ университетѣ. Этотъ періодъ обнимаетъ время съ 11-го ноября 1800 по 31-е декабря 1844 г.; собственно же седьмой томъ заключаетъ въ себѣ повѣствованіе всего о двухъ годахъ жизни Погодина (1842—1844), весьма чреватыхъ различными событіями; въ эти два года Погодинъ совершилъ заграничное путешествіе, оставилъ профессуру, принужденъ былъ передать «Москвитянинъ» И. В. Кирѣевскому, сломалъ ногу и потерялъ нѣжно любимую жену, своего «млага друга». Начинается седьмой томъ описаніемъ путешествія черезъ Харьковъ, Полтаву и Кіевъ во Львовъ, Прагу и Маріенбадъ, гдѣ Погодинъ пилъ воды и жилъ вмѣстѣ съ Шафарикомъ. Изъ Маріенбада Погодинъ отправился въ Копенгагенъ, для осмотра достопримѣчательностей и знакомства съ обществомъ сѣверныхъ антикваріевъ. Во всѣхъ посѣщенныхъ русскихъ и заграничныхъ городахъ Погодинъ не упускалъ случая побесѣдовать съ замѣчательными, въ томъ или другомъ отношеніи, людьми. Такъ, въ Харьковѣ онъ посѣтилъ преосвященнаго Иннокентія и присутствовалъ вмѣстѣ съ нимъ на экзаменѣ въ семинаріи, въ Кіевѣ—Максимовича, причемъ по дорогѣ изъ Полтавы заѣхалъ въ Васильевку къ матери Гоголя, во Львовѣ розыскалъ историка Галиціи Зубрицкаго, въ Прагѣ видѣлся съ Ганкой, въ Копенгагенѣ познакомился съ датскимъ ученымъ Магнусономъ и т. д.

Много главъ седьмаго тома посвящены повѣствованію объ отношеніяхъ московскихъ литературныхъ кружковъ—западниковъ и славянофиловъ, которые до второй половины 1844 года, не смотря на частую и горячую полемику, не прерывали еще дружескихъ отношеній, выражавшихся, между прочимъ, въ томъ, что Грановскій и Герценъ печатали въ «Москвитянинѣ» свои статьи. Но послѣ публичныхъ лекцій Шевырева и стиховъ Языкова на Чаадаева, Грановскаго и Герцена, между недавними друзьями произошелъ окончательный разрывъ.

Благодаря принятой г. Барсуковымъ системѣ давать довольно подробныя біографическія свѣдѣнія о всѣхъ выдающихся людяхъ, такъ или иначе

входившихъ въ сношенія съ Погодинымъ, читатель найдетъ многія подробности о дѣятельности въ 1840-хъ годахъ С. М. Соловьева, А. Θ. Бычкова, А. А. Куника, В. В. Григорьева, Д. А. Валуева и др. Любопытны также свѣдѣнія о магистерскомъ экзаменѣ Соловьева, диспутѣ Ю. Θ. Самарина и вызванныхъ имъ толкахъ, лекціяхъ Грановскаго о среднихъ вѣкахъ, свѣдѣнія о томъ, какъ создавалось и собиралось знаменитое Погодинское древнехранилище и пр. Вообще по обилію и интересу матеріала, сгруппированнаго вокругъ лаконическаго дневника Погодина,—матеріала весьма цѣннаго для характеристики нашего общества, его умственной жизни и до нѣкоторой степени нравовъ въ началѣ 1840-хъ годовъ,—седьмой томъ нисколько не уступаетъ всѣмъ предыдущимъ. Въ видѣ приложений къ настоящей книгѣ помѣщены: фототипическій снимокъ кабинета Погодина въ его московскомъ домѣ, на Дѣвичьемъ полѣ,—кабинета, въ которомъ онъ проработалъ почти сорокъ лѣтъ (1836—1875 гг.), и составленный сотрудникомъ археографической комиссіи, В. Майковымъ, азбучный указатель именъ личныхъ, географическихъ названій, монастырей, церквей, кладбищъ и разныхъ предметовъ, упоминаемыхъ въ первыхъ семи книгахъ «Жизни и трудовъ М. П. Погодина».

Т. Р. Б.

Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать восьмая. Переписка князя М. С. Воронцова съ графами П. Д. Киселевымъ, С. С. Уваровымъ, съ С. В. Сафоновымъ и другими лицами. М. 1892.

Выпущенный теперь томъ «Архива князя Воронцова», также какъ и томы тридцать пятый и тридцать седьмой, содержитъ бумаги, относящіяся ко времени фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. Въ этомъ томѣ наибольшее значеніе имѣетъ переписка князя съ графомъ Павломъ Дмитриевичемъ Киселевымъ, которая даетъ много фактовъ для характеристики обоихъ корреспондентовъ. Небезинтересна также переписка Воронцова со своимъ ближайшимъ помощникомъ какъ въ государственныхъ, такъ и частныхъ дѣлахъ, Степаномъ Васильевичемъ Сафоновымъ. Эта переписка выясняетъ характеръ хозяйственной дѣятельности князя. Въ одномъ изъ писемъ Сафонова приведенъ любопытный разговоръ его съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, имѣвшій мѣсто 28-го сентября 1846 года. Темой разговора послужили проекты по переустройству нѣкоторыхъ кавказскихъ учреждений, присланные Воронцовымъ въ Петербургъ съ Сафоновымъ, но въ бесѣдѣ императоръ мимоходомъ высказалъ нѣсколько мнѣній, составлявшихъ часть его политическаго profession de foi. Вотъ образецъ такого мѣста: «Не судите о Кавказскомъ краѣ, какъ объ отдѣльномъ государствѣ. Я желаю и долженъ стараться сливать его всѣми возможными мѣрами съ Россіей, чтобы все составляло одно цѣлое. Я къ этому стремлюсь и долженъ стремиться. Я стараюсь, чтобы все истекало отсюда (здѣсь онъ показалъ на свою грудь), чтобы тамошніе жители знали и чувствовали, что они зависятъ отъ сѣвера, что на нихъ падаютъ лучи тамошняго солнца, и что они получаютъ свою жизнь и свое благосостояніе, наравнѣ съ другими частями обширнаго царства Русскаго, отъ одного свѣтила. Вотъ къ чему я стремлюсь».

С. А—въ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Королевскія кости въ Луврѣ. — День Людовика XIV въ Версалѣ. — Дѣтство и юность Дантона. — Русская политика въ 1830 и 1848 гг. — Критическая минута на Шипкѣ. — Статуя перваго французскаго журналиста Рендо.

КОРОЛЕВСКИЯ КОСТИ ВЪ ЛУВРѢ. Въ «Revue de Famille», отъ 15-го мая разсказывается, что въ одной изъ зеленыхъ коробокъ съ пожелтѣвшими архивными дѣлами Луврскаго музея сохраняются кости королевскихъ особъ. Каждая изъ нихъ снабжена надписью съ обозначеніемъ, какой исторической личности она принадлежала; тутъ находятся: лопатка Гюга Капета, бедро Карла V, голень Карла VI и Франциска I, позвонки Карла VII и Карла IX, ребро Филиппа Красиваго и Людовика XII, нижняя челюсть Екатерины Медичи и часть нижней челюсти Анны Австрійской. Всѣ эти державные останки безпорядочно валяются въ картонкѣ, стоящей на полу одного изъ Луврскихъ чердаковъ, и никто изъ служащихъ въ архивѣ не знаетъ, какимъ образомъ они попали туда; только старшій архивариусъ Сюсь-Жераръ, уже много лѣтъ занимающій свое мѣсто, свидѣтельствуетъ, что при немъ они всегда занимали означенную коробку, и полагаетъ, что ихъ, вѣроятно, собралъ какой нибудь роялистъ послѣ вскрытія королевскихъ гробницъ въ Сень-Дени въ 1693 году и потомъ доставилъ ихъ въ Тюльери, откуда ихъ передали въ Луврѣ. Лично осматривавшій столь странно хранящіяся человѣческія кости, авторъ журнальной замѣтки прямо отрицаетъ подлинность только челюсти Анны Австрійской, такъ какъ прикрѣпленная къ ней сургучемъ записка съ подписью г-жи Огранъ о томъ, что эта челюсть взята ею лично изъ гроба Анны Австрійской въ склепѣ Val-de-Grâce, противорѣчитъ историческому факту о погребеніи этой королевы въ Сень-Дени, а не въ Валь-де-Грасъ, гдѣ находилось только ея сердце. Относительно другихъ костей онъ полагаетъ, что ихъ подлинность, если не доказана, то очень вѣроятна, тѣмъ болѣе, что берцовая кость Франциска I поражаетъ своей громадной величиной, а Ленуаръ, имѣвшій въ рукахъ подобную досто-

вѣрную кость, выражаетъ свое удивленіе на счетъ ея чрезмѣрной величины. Естественно, что находка этихъ костей, хотя бы принадлежащихъ не королевскимъ особамъ, а простымъ смертнымъ, не на кладбищѣ, а въ архивной пыли, возбудила всеобщее вниманіе и горячую полемику въ парижской прессѣ. Послѣ старательныхъ изысканій оказалось, что эти кости дѣйствительно принадлежали тѣмъ коронованнымъ особамъ, которыя означены въ надписяхъ на нихъ и взяты при вскрытіи королевскихъ гробницъ въ Сентъ-Дени однимъ изъ тогдашнихъ Барнумовъ, который показывалъ ихъ въ своемъ балаганѣ въ парижскомъ кварталѣ Марв. Когда эти державные останки перестали привлекать публику, то балаганщикъ подарилъ ихъ фокуснику Ледрю, дѣду Ледрю-Ролена, а его дочь, выйдя замужъ за Лемера, выпросила эти кости, какъ модели для анатомическихъ рисунковъ, своему племяннику, который теперь осматрѣлъ найденныя въ Луврѣ кости и призналъ ихъ за тѣ самыя, которыми онъ пользовался въ юности, благодаря находящимся на нихъ надписямъ. Лемеры передали эти кости при Наполеонѣ III графу Ниверкерке, завѣдывавшему Лувромъ, для помѣщенія ихъ въ музей государей, но императоръ, узнавъ объ этомъ, нашелъ, что неприлично выставлять ихъ подъ стеклянными колпаками и не велѣлъ принимать ихъ въ музей. Съ своей стороны, не считая возможнымъ ни бросить ихъ, ни похоронить на кладбищѣ, графъ Ниверкерке приказалъ положить ихъ въ архивную коробку и предать забвенію. Только теперь любопытный взглядъ журналиста открылъ ихъ существованіе, и неизвѣстно еще, какова будетъ ихъ дальнѣйшая судьба.

— День Людовика XIV въ Версалѣ. Слѣдуя по стопамъ современныхъ историковъ, восстанавливающихъ старину съ фотографической точностью по сохранившимся документамъ и мемуарамъ, Жюль Симонъ, въ томъ же французскомъ журналѣ графически рисуетъ широкой художественной кистью день Людовика XIV въ Версалѣ. Поэтически озаглавивъ свою статью «Сонъ», онъ слѣдитъ за каждымъ шагомъ короля солнца отъ его пробужденія до той минуты, какъ онъ засыпалъ на своей величественной, пышной кровати, и представляетъ любопытную картину ежедневной королевской жизни, всѣ фазисы которой были строго опредѣлены формальными правилами этикета. Съ самаго утра и до ночи Людовикъ XIV постоянно и безъ всякихъ остановокъ священнодѣйствовалъ во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ событіяхъ своей политической, придворной и частной жизни, которая совершалась на главахъ не только высшихъ, но и низшихъ классовъ французской націи, такъ какъ первые участвовали въ проявленіяхъ внутренней королевской жизни, а послѣдніе могли лицезрѣть издали ея внѣшнюю сторону. День короля начинался ровно въ семь часовъ и если онъ пробуждался ранѣе, то терпѣливо ждалъ срока своего официального пробужденія, не желая нарушать установленнаго порядка и перепугать не только Францію, но всю Европу такимъ неожиданнымъ событіемъ, какъ преждевременное вставаніе Людовика XIV. Въ ту самую минуту, какъ было семь часовъ, къ королю подходилъ его камердинеръ, спавшій рядомъ съ нимъ на кушеткѣ и, наклонившись къ его уху, говорилъ: «Ваше величество, семь часовъ». Людовикъ крестился, вставалъ съ кровати и въ утреннемъ костюмѣ отправлялся въ туалетную комнату, гдѣ его ждали докторъ, брадобрей и вельможи, принцы, кардиналы, министры и т. д., присутствовавшіе при его одѣваніи. При этихъ знатныхъ особахъ его брили и мыли, т. е. подносили на

золотомъ блюдѣ мокрое полотенце, которымъ онъ обтиралъ себѣ лице и руки, а также въ ихъ присутствіи ему подавали то, что называлось тогда «дѣловымъ стуломъ» (*chaise-d'affaire*). Повдоровавшись съ своими любимыми собаками и покормивъ ихъ изъ собственныхъ рукъ, король возвращался въ спальню, которая уже была переполнена придворными чинами, и усѣвшись на золотомъ креслѣ, передъ столомъ, на которомъ находились всѣ предметы туалета, онъ приступалъ къ церемоніи королевскаго облаченія. Главный же актъ заключался въ надѣваніи рубашки, и ее долженъ былъ подать первый изъ присутствовавшихъ знатныхъ вельможъ; такъ, бывали случаи, что короля заставляли ждать нагого, пока его рубашка переходила изъ рукъ въ руки принцевъ крови, входившихъ одинъ за другимъ въ комнату; только когда она попадала къ дофину, то король могъ успокоиться, потому что выше его уже не было никого. Одѣвшись, Людовикъ слушалъ молитву, которую произносилъ дежурный папѣрь или кардиналъ, если таковой находился на лице, и отправлялся въ часовню во главѣ блестящей придворной процессіи, къ которой присоединялись старшія придворныя дамы, ожидавшія короля въ большой гостиной, а младшія заранѣе занимали мѣста въ часовнѣ, причеиъ каждая имѣла на своемъ *prie-Dieu* (въ родѣ маленькаго налоя для молитвенника) зажженный фонарикъ, служившій для двойной цѣли: для чтенія молитвенника и для того, чтобъ король могъ убѣдиться, кто изъ придворныхъ дамъ присутствовалъ въ часовнѣ. Послѣ обѣдни Людовикъ отправлялся въ совѣтъ: онъ серьезно относился къ своимъ королевскимъ обязанностямъ и постоянно присутствовалъ въ высшемъ совѣтѣ, гдѣ обсуждалась внѣшняя политика, и иногда бывалъ въ совѣтѣ депешъ, который занимался внутренними дѣлами, и хотя никогда не посѣщалъ совѣтовъ финансоваго и судебнаго, но зналъ все, что дѣлалось въ государствѣ. Съ министрами онъ занимался ежедневно и бралъ ихъ съ собою во время поѣздокъ въ Фонтенбло и Марли, а послаиъ при иностранныхъ дворахъ онъ часто писалъ собственноручно. Находясь въ Версалѣ, онъ часто гулялъ по саду между государственными занятіями, и какъ во дворцѣ его всегда окружала толпа знатныхъ особъ, такъ въ садовыхъ аллеяхъ онъ былъ окруженъ народной толпой. Дѣйствительно,—замѣчаетъ Жюль Симонъ,—это была настоящая народная толпа. Если мы себѣ представляемъ Версалъ очарованнымъ дворцемъ, закрытымъ для простыхъ смертныхъ, то мы сильно ошибаемся. Относительно представленій ко двору существовалъ строгій этикетъ, и никто не могъ участвовать въ придворныхъ церемоніяхъ, не имѣя извѣстнаго числа поколѣній въ своемъ генеалогическомъ древѣ, но если трудно было попасть ко двору, то не было ничего легче, какъ проникнуть во дворецъ. Для этого достаточно было дозволенія любого придворнаго. Невозможно было занять мѣсто среди знати, окружавшей короля, но не представлялось никакого затрудненія для того, чтобъ слѣдовать всюду за этой знатію и за королемъ, который такимъ образомъ былъ постоянно окруженъ не только благородной, но и плебейской толпой. Эта послѣдняя толпа свободно входила въ Версальскій садъ, и хотя ей запрещено было слѣдовать за королемъ, но при его появленіи она стекалась со всѣхъ сторонъ и не покидала его ни на минуту, то предшествуя ему, то идя по объѣмамъ его сторонамъ, причеиъ въ воздухѣ постоянно стоялъ громкій гулъ отъ криковъ: «Да здравствуетъ король». Когда же Людовикъ возвращался во дворецъ, то и толпа проникала на придворную лѣстницу, которая представляла беско-

ночный базаръ, такъ какъ на ступеняхъ ея торговцы продавали маски, перчатки, вѣера, ленты и духи. Мало того, толпа могла свободно ходить и по дворцовымъ заламъ, а въ извѣстные дни даже видѣть, какъ король обѣдаетъ. Тогда двери въ столовую были открыты, и всякій могъ, проходя по глубинѣ залы, видѣть короля, сидѣвшаго за столомъ на другомъ концѣ; оберъ-камергеръ требовалъ только одного, чтобъ толпа не останавливалась, а постоянно проходила; но это дѣлалось не съ цѣлью уменьшить давку, а для того, чтобъ большее число французовъ могло вечеромъ рассказывать своимъ родственникамъ и друзьямъ: «Я видѣлъ, какъ обѣдалъ король, и клянусь, что онъ ѣстъ покоролевски».

Обѣдъ происходилъ ровно въ 12 часовъ, и Людовикъ всегда ѣлъ одинъ или съ принцессами и дамами высшей аристократіи, но изъ мужчинъ до королевскаго стола допускался одинъ только братъ короля, герцогъ Орлеанскій, и во время личнаго командованія королемъ арміей приглашались имъ къ обѣду нѣкоторые изъ военныхъ чиновъ. Хотя точныхъ свѣдѣній не сохранилось объ ежедневномъ меню королевскаго стола, но не подлежитъ сомнѣнію, что блюдъ было много, и главную роль среди нихъ играли пулярдка съ рисомъ, баранина въ своемъ соку, дичь, зелень по сезону, фрукты и многочисленные сорта варенія, до котораго король былъ большой охотникъ; онъ ѣлъ каждаго кушанья и много, что объяснялось не только его здоровымъ аппетитомъ, но тѣмъ фактомъ, что онъ ѣлъ только два раза въ день: за обѣдомъ въ двѣнадцать часовъ и за ужиномъ въ десять часовъ. Ужинъ былъ повтореніемъ обѣда, а на ночь ему обыкновенно приготавливали пулярдку на случай, если онъ проголодается. Днемъ же, по свидѣтельству мемуаровъ Сенъ-Симона, онъ никогда ничего не ѣлъ, но этому противорѣчить извѣстный анекдотъ о Мольерѣ, котораго Людовикъ пригласилъ съ собою за столъ, и приказалъ подать что нибудь поѣсть имъ обоимъ, когда узналъ, что придворные лакеи считаютъ униженіемъ обѣдать вмѣстѣ съ великимъ писателемъ. Поэтому надо предполагать, что король и въ продолженіе дня закусывалъ, но во всякомъ случаѣ онъ часто лакомился вареньемъ, которое стояло въ стеклянныхъ чашахъ въ различныхъ мѣстахъ его внутреннихъ апартаментовъ. Парадные банкеты, на которыхъ присутствовали только принцы крови, давались въ особенно важныхъ случаяхъ, и особенно знаменателенъ въ придворныхъ лѣтописяхъ банкетъ, данный въ день помолвки незаконной дочери короля отъ г-жи Монтеспанъ *Mademoiselle de-Блуа* съ племянникомъ Людовика, герцогомъ Шартрскимъ, будущимъ регентомъ. Во время этого обѣда король лично подавалъ блюда матери жениха, герцогинѣ Орлеанской, гордой германской принцессѣ, чтобъ умиловать ее, такъ какъ она была вѣвъ себя отъ гнѣва и, встрѣтивъ сына, передъ обѣдомъ во дворцѣ при всѣхъ дала ему двѣ пощечины за такую позорную *mésaillance*. Послѣ обѣда король продолжалъ свои прежнія занятія и развлеченія: присутствовалъ въ совѣтѣ, гулялъ въ саду, навѣщалъ своихъ собакъ, кормилъ хлѣбомъ рыбъ въ бассейнахъ и всегда и всюду его сопровождала та же толпа. Часто бывали торжественныя аудіенціи пословъ, приемы иностранныхъ принцевъ и торжественные выходы по случаю какаго нибудь важнаго событія: свадьбы, смерти и заключенія мира. Во время придворныхъ предзвѣковъ устраивались представленія новой пьесы Корнеля или Мольера на импровизованной сценѣ въ одной изъ залъ нижняго этажа дворца, или въ саду на открытомъ воздухѣ. Каждую недѣлю король

ѣздилъ въ Марли, часто посѣщаль Трианонъ и Сень-Сиръ, а также нерѣдко отправлялся на охоту, которую онъ очень любилъ. Кромѣ того, онъ находилъ время играть въ карты и на билліардѣ. По словамъ Жюль Симона, Людовикъ XIV проигралъ Францію на билліардѣ, такъ какъ Шамильяръ былъ обязанъ своимъ быстрымъ превращеніемъ изъ мелкаго парламентскаго совѣтника въ могущественнаго министра, у ногъ котораго была не только Франція, но и Европа, своему искусству въ билліардной игрѣ, въ виду чего король пригласилъ его ко двору и, придя въ восторгъ отъ его ловкихъ ударовъ кіемъ, довѣрилъ ему веденіе самыхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ. Главною частью версальскаго дня былъ вечеръ, продолжавшійся отъ семи до десяти часовъ. Уже въ шесть часовъ толпа лакеевъ наводняла дворцовыя залы и зажигала громадное число дворцовыхъ свѣчъ. Окна, выходящія въ садъ, горѣли огнями, а парадный дворъ былъ заставленъ носилками. Мало по-малу появлялись знатныя особы и принцы крови, а король ровно въ семь часовъ выходилъ изъ своихъ внутреннихъ апартаментовъ, окруженный придворными чинами и дамами, герцогами, маршалами и т. д. Черезъ день бывали спектакли и концерты, а воскресенье посвящалось отдыху. Картежные столы находились во всѣхъ залахъ, а играть съ королемъ считалось не только выгоднымъ, потому что онъ велъ крупную игру, но и особой честью, потому что во время игры онъ удостоивалъ разговоромъ своихъ партнеровъ. Въ первые года своего царствованія Людовикъ оставался въ парадныхъ залахъ до самаго ужина, но послѣ того, какъ вошла звѣзда г-жи де-Ментенонъ, онъ перемѣнилъ свои привычки и, пройдя по заламъ, немедленно удалялся въ спальню своей фаворитки, куда слѣдовалъ за нимъ министръ, съ которымъ онъ долженъ былъ заниматься въ этотъ вечеръ; однако, эту роль почти ежедневно исполнялъ Шамильяръ, который садился на табуреткѣ передъ маленькимъ столомъ у кровати г-жи де-Ментенонъ, а по угамъ этой кровати помѣщались въ креслахъ король и могущественная фаворитка. Во время частыхъ ея болѣзней она лежала въ постелѣ, но министерскій докладъ происходилъ всегда при ней, хотя она никогда не вмѣшивалась въ обсужденіе политическихъ вопросовъ, уже зная заранѣе отъ министра, о чемъ идетъ дѣло. Пока король такимъ образомъ занимался государственными дѣлами при открытыхъ окнахъ, не смотря на погоду и болѣзнь г-жи де-Ментенонъ, такъ какъ онъ всегда любилъ свѣжій воздухъ, въ залахъ дворца танцевали и играли въ карты. Въ десять часовъ король возвращался къ ожидавшему его блестящему обществу и тотчасъ садился за ужины, который, какъ уже было указано, составлялъ повтореніе обѣда. Послѣ ужина король вставалъ и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ разговаривалъ съ наиболее приближенными особами, а затѣмъ указывалъ на того изъ знатныхъ вельможъ, который въ этотъ вечеръ долженъ былъ взять изъ рукъ лакея серебряный подсвѣчникъ и предшествовать королю въ спальню, гдѣ король стоя говорилъ еще нѣсколько словъ сопровождавшимъ его придворнымъ. Наконецъ, онъ безмолвнымъ поклономъ прощался съ дворомъ и раздѣвался въ присутствіи только дежурнаго патера, докторовъ и лакеевъ. Такъ кончалось каждый вечеръ ежедневное представленіе, — рассказываетъ Жюль Симонъ, — и на другое утро оно начиналось съизнова со всѣми его мелочами, которыя, казалося, имѣли великое значеніе. Ни общественныя бѣдствія, ни семейное горе, ни старость, ни болѣзнь, ни даже приближеніе смерти, не измѣняли ни іоты въ

установленномъ придворномъ этикетомъ версальскомъ днѣ, и Людовикъ XIV умеръ 1-го сентября 1715 года, по всѣмъ правиламъ придворнаго этикета. Въ этотъ день все произошло по установленному порядку, и король спокойно простился съ своими придворными, обвиняя себя въ томъ, что «онъ слишкомъ любилъ воздвигнутое имъ зданіе» (*d'avoir trop aimé le bâtiment*). Въ эту минуту онъ не предчувствовалъ судьбы, грозившей «зданію», хотя его смерть была отдалена только на семьдесятъ восемь лѣтъ отъ роковыхъ событій 1793 года, и человекъ, родившійся при Людовикѣ XIV, могъ пережить Людовика XVI. Повидимому, между смертью перваго и послѣдняго прошли цѣлые вѣка, а въ сущности только три четверти вѣка отдѣляли блестящій апогей старинной французской монархіи отъ ея трагическаго конца.

— Дѣтство и юность Дантона. Французскій историкъ Оларъ, занимающій въ Сорбоннѣ кафедрю исторіи французской революціи, помѣстилъ въ послѣднемъ майскомъ номерѣ «*Revue Encyclopédique*» небольшую статью, въ которой онъ старается возстановить достовѣрные факты о дѣтствѣ и юности Дантона, безконечныя легенды о которомъ совершенно извратили вѣрное представленіе объ этотъ дѣятель французской революціи, причемъ одинаково оказываются несправедливыми легенды, распространенныя какъ его врагами, такъ и его защитниками. По словамъ Олара, достовѣрные документы подтверждаютъ, что Дантонъ былъ не аристократическаго, а буржуазнаго происхожденія; его отецъ занималъ должность прокурора провинціального суда, а дѣдъ, со стороны матери Маріи Камю, былъ подрядчикомъ, такъ что онъ не имѣлъ никакого основанія подписывать свою фамилію не просто Дантонъ, а д'Антонъ, какъ онъ дѣлалъ до революціи, вѣроятно, подчиняясь въ этомъ случаѣ мелкому самолюбію, которое объясняется общественными обычаями того времени, а не по праву адвоката при королевскомъ совѣтѣ, которымъ онъ состоялъ до сентября мѣсяца 1791 года, какъ старались доказать совершенно неправильно его защитники. Родившись въ Арсеякѣ (*Arcis-sur-Aube*) 26-го октября 1759 года, Жоржъ Дантонъ провелъ свое дѣтство большею частью въ сельскихъ играхъ и плохо учился прежде въ частной маленькой школѣ, а потомъ въ такъ называемомъ грамматическомъ учебномъ заведеніи. Изъ всѣхъ физическихъ упражненій онъ больше всего любилъ плаванье и двѣнадцати лѣтъ неосторожнымъ купаніемъ застудилъ открывшуюся у него оспу, отчего на всю жизнь сохранилъ большія рябины подобно Мирабо, Робеспьеру, Камиллю Демулену и Вержню; кромѣ того, лице его было изуродовано двумя полученными въ дѣтствѣ ударами роговъ коровы, при чемъ у него была оторвана верхняя губа и сплюснуть носъ. Окончательное воспитаніе онъ получилъ въ духовной коллегіи въ Труа, гдѣ провелъ три года, и хотя занимался тамъ порядочно, но не былъ въ числѣ первыхъ учениковъ и не получалъ никакихъ наградъ, такъ что извѣстный рассказъ объ увѣнчаніи его лаврами на торжественномъ актѣ коллегіи за сочиненіе о коронаціи Людовика XVI, на которой онъ будто бы присутствовалъ, убѣжавъ изъ коллегіи, такъ какъ, по его словамъ, нельзя было описать этой церемоніи, не выдавъ лично, какъ дѣлаютъ королей, является вполнѣ апокрифическимъ. Оларъ не споритъ противъ самаго посѣщенія Дантономъ Камю, какъ его тогда называли въ отлѣчье отъ товарища, имѣвшаго ту же фамилію, Реймса, во время коронаціи Людовика XVI; можетъ быть, этотъ фактъ и вѣренъ, но король не

могъ произнести той присяги «царствовать согласно законамъ и на счастье націи», которая будто бы произвела громадное впечатлѣніе на юный умъ будущаго героя революціи, по той простой причинѣ, что такой присяги въ то время не существовало, а, кромѣ того, Дантонъ никогда не получалъ первой награды за какое бы то ни было сочиненіе въ коллегіи. Болѣе правдоподобна легенда о томъ, что товарищи называли его республиканцемъ за постоянную оппозицію школьному начальству, что онъ однажды не позволилъ подвергнуть тѣлесному наказанію своего товарища Парв, который впоследствии былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ эпоху Конвента. При выходѣ Дантона изъ коллегіи, дядя молодого человѣка, бывшій абатомъ, настаивалъ, чтобъ онъ посвятилъ себя духовной карьерѣ, но онъ предпочелъ судебную и поступилъ къ парламентскому прокурору Вино для изученія судопроизводства. Но эти занятія ему не были по сердцу, и, какъ въ дѣтствѣ, онъ съ большимъ удовольствіемъ предавался физическимъ упражненіямъ, именно фехтованію, игрѣ въ мячъ и плаванью. Относительно послѣдняго препровожденія времени существуетъ легенда, которую Оларъ приводитъ, не опровергая ея достовѣрности: онъ часто плавалъ въ томъ мѣстѣ Сены, откуда были видны башни Бастиліи, и купавшіяся съ нимъ лица не разъ слышали, какъ, вынырнувъ изъ воды, онъ поднималъ голову и громко говорилъ: «Эта тюрьма, возвышающаяся надъ нами, меня тяготитъ и мнѣ мѣшаетъ; когда-то ее снесутъ? Съ удовольствіемъ участвовалъ бы ударомъ вступить въ ея уничтоженіи». Но зато новѣйшій историкъ логически доказываетъ несообразность другой легенды о томъ, что во время болѣзни Дантона, въ эту эпоху его жизни, онъ прочелъ всю энциклопедію, кромѣ основательнаго изученія Монтескье, Вольтера, Руссо, Беккариа и Бюффона; по словамъ Олара, читая десять часовъ въ день, большой могъ прочитать семнадцать томовъ энциклопедіи только въ шестьдесятъ восемь дней и, конечно, въ концѣ первой недѣли такого непосильнаго труда онъ умеръ бы отъ истощенія, а потому онъ, вѣроятно, пользуясь свободнымъ временемъ при своемъ выздоравливаніи, прочиталъ лишь рядъ статей въ «Энциклопедіи», а не всѣ ея томы, что дало ему возможность усвоить идеи и методъ Дидеро. «Вообще,—говоритъ Оларъ,—Дантонъ не былъ литературнымъ педантомъ, какъ Робеспьеръ, и не питалъ исключительной любви къ литературной формѣ, какъ Вержніо, но въ то же время онъ не былъ и невѣждой, какъ увѣряли его враги. Онъ самъ развилъ свой умъ и придалъ ему разнообразную, оригинальную и чисто французскую, современную культуру. Онъ вышелъ изъ духовной коллегіи свободнымъ отъ всякаго схоластическаго вліянія и былъ единственнымъ дѣятелемъ революціи, который не находился подъ игомъ греко-латинскаго классическаго міра. Этотъ фактъ ясно доказывается каталогомъ его библиотеки; въ ней было два Вергилія, но не въ подлинникѣ, а въ итальянскомъ и англійскомъ переводѣ, Плутархъ на англійскомъ языкѣ, а Демосеенъ на французскомъ. Зато онъ имѣлъ въ подлинникѣ Шекспира, Ричардсона, Робертсона, Джансона, Попа, Адама Смита, Тасса, Аріоста, Данта. Вообще это не многочисленная, но избранная бібліотека обнаруживаетъ его склонность ко всему своеобразному юмористическому и современному какъ въ французской, такъ и иностранной литературѣ. Замѣчательно, что онъ любилъ и часто цитировалъ Корнеля, но онъ съ удовольствіемъ читалъ и Рабеля, что было рѣдкостью въ XVIII вѣкѣ. Вотъ какой оригинальный оттѣнокъ придалъ своему

уму этотъ псевдо-неучъ, который видимо болѣе подготовлялъ себя къ практической дѣятельности, чѣмъ къ литературнымъ занятіямъ». Окончивъ свою юридическую подготовку, Дантонъ получилъ дипломъ въ Реймсѣ и вернулся въ Парижъ, гдѣ сталъ вести дѣла въ качествѣ адвоката. Существуетъ легенда, что первымъ его дѣломъ была защита бѣднаго пастуха отъ неправильныхъ преслѣдованій землевладѣльца, но Оларъ не могъ разыскать печатнаго текста этой защиты, хотя онъ, повидимому, существовалъ. Вскорѣ онъ купилъ мѣсто адвоката при королевскихъ совѣтахъ, которое приносило около 20.000 ливровъ дохода въ годъ, и сохранилъ его до уничтоженія означенной должности въ 1791 году. Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобъ Дантонъ принялъ участіе въ революціи отъ недостатка средствъ, хотя часть, но не большая, суммы, ушложенной имъ за это адвокатское мѣсто, была внесена изъ приданаго, которое онъ получилъ за своей женой Антуанетой Шаррентье, дочерью содержателя кофейни на Школьной набережной въ Парижѣ. Что касается до его адвокатской дѣятельности, то прежніе биографы Дантона говорятъ о трехъ веденныхъ имъ дѣлахъ, а Оларъ нашелъ еще два, но всѣ они не представляютъ ничего замѣчательнаго и заключались въ жалобахъ Дантона отъ имени своихъ кліентовъ въ королевскій совѣтъ на неправильныя постановленія парижскаго и ронскаго парламентовъ. Гораздо интереснѣе рѣчь, которую онъ произнесъ по обычаю на латинскомъ языкѣ при вступленіи въ адвокатскую среду. Предложенная ему тема «о нравственномъ и политическомъ положеніи страны въ ея отношеніяхъ къ правосудію» была щекотлива и, по его собственнымъ словамъ, ему предлагали «пройти по братвамъ», но онъ смѣло импровизировалъ рѣчь о революціи, приближеніе которой онъ предчувствовалъ, и о средствахъ предупредить ее мирнымъ путемъ интеллектуальнаго прогресса. «Горе тѣмъ, которые причиняютъ революцію, но и горе тѣмъ, которые ее производятъ»,—сказалъ онъ въ заключеніи этой знаменательной рѣчи, которая произвела громадное впечатлѣніе на молодыхъ адвокатовъ и возбудила опасеніе стариковъ. Они со страхомъ слышали такіа Цицероновскія, но мятежныя въ устахъ тогдашнихъ французовъ фразы, какъ *motus populi, ira gentium, salus populi suprema lex*, и потребовали, чтобъ ораторъ изложилъ свою рѣчь на письмѣ, но онъ отказался, а предлагалъ повторить ее, если не хорошо разслушали то, что онъ сказалъ. Ареопагъ, конечно, нашелъ, что достаточно было и одного раза, а потому горячо возсталъ противъ рецидива. Около этого времени Дантонъ поступилъ въ масонскую ложу Девяти Сестеръ, гдѣ онъ познакомился съ своими будущими товарищами и противниками: Демуленомъ, Бриссо, Больи и т. д., а въ качествѣ адвоката онъ вошелъ въ сношенія съ министромъ Барентеномъ, который такъ пораженъ былъ его способностями, что едва не взялъ его къ себѣ въ секретари. По этому случаю рассказываютъ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ, но всѣ они, какъ доказываетъ Оларъ, имѣютъ легендарный характеръ и опровергаются простыми хронологическими данными.

— Русская политика въ 1830 и 1848 гг. Въ томъ же журналѣ отъ 1-го іюня извѣстный французскій публицистъ Альфредъ Рамбо, поставившій себѣ задачей знакомить французскихъ читателей съ Россіей, печатаетъ сочувственный отзывъ объ издаваемомъ Мартенсомъ «Собраніи трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами», съ при-

ложеніемъ краткой біографіи русскаго ученаго и его портрета. Естественно, что онъ обращаетъ главное вниманіе въ этомъ громадномъ трудѣ на тѣ новыя и непечатанные доселѣ документы, которые проливаютъ свѣтъ прямо или косвенно на политическіе вопросы, касающіеся Франціи, и такъ какъ въ разсматриваемыхъ имъ одиннадцати томахъ «Собранія трактатовъ» помѣщены только серіи документовъ, относящихся до Австріи, Германіи и Англіи, то онъ останавливается главнымъ образомъ на той роли, которую русская политика играла въ событіяхъ 1830 и 1848 гг., возбужденныхъ революціонными движеніями въ Парижѣ. Іюльская революція и ея отголосокъ въ Брюсселѣ, нарушавшіе Вѣнскій трактатъ, встрѣтили рѣшительный отпоръ въ державахъ, заключившихъ священный союзъ; въ томъ же мѣсяцѣ Метернихъ и Несельродъ съѣхались въ Карлсбадъ, а въ августѣ отправленъ былъ въ Берлинъ фельдмаршалъ Дибичъ для обсужденія мѣръ къ защитѣ этого союза и вятыхъ имъ подъ покровительство европейскихъ престоловъ. Въ своемъ донесеніи императору Николаю Дибичъ прямо говоритъ, что наступившій кризисъ не могъ быть иначе разрѣшенъ, какъ общей кровавой войной между легитимизмомъ и революціонной гидрой, а для того, чтобы укротить двойнаго врага европейскаго консерватизма, Францію и Бельгію, было рѣшено немедленно занять Люксембургъ и Мастрихтъ, а затѣмъ двинуть русскую армію для усмиренія западныхъ революціонеровъ. «Я былъ готовъ, но вспыхнула революція въ Польшѣ»,—писалъ не разъ императоръ Николай, и это возстаніе, болѣе преступное въ его глазахъ, чѣмъ всѣ остальные революціонныя движенія въ Европѣ, такъ возстановило его противъ измѣны и неблагодарности возмущившихся провинцій, что послѣ полного усмиренія онъ хотѣлъ большую часть ихъ территорій отдать Австріи и Пруссіи, потому что онѣ были уже недостойны принадлежать Россіи. Конечно, другіе члены священнаго союза не сдѣлали ни шага впередъ безъ Россіи, тѣмъ болѣе, что Австрія была занята усмиреніемъ Ломбардо-Венеціи, а Пруссія боялась за свои Рейнскія провинціи до такой степени, что прусскій король говорилъ: «Если французы только дойдутъ до Рейна, то я не объявлю войны». Все дѣло тогда кончилось заключеніемъ Берлинскаго трактата 1833 года между тремя союзными державами, которыя взаимно обязались вмѣшаться въ бельгійскія дѣла при извѣстныхъ обстоятельствахъ, между прочимъ, при вступленіи французовъ на голландскую территорію, но русская политика продолжала ворко слѣдить за всѣмъ, что грозило опасностью консервативнымъ интересамъ въ Европѣ, и не выпускала изъ вида даже движеніе среди нѣмецкихъ студентовъ, которое, по словамъ русскаго дипломата Рыбошера, имѣло преступную цѣль создать свободу и національную жизнь всего германскаго отечества, достигнувъ единства германскаго народа. Въ 1848 году Россія съ такой же энергіей отстаивала свою всегдашнюю политику, но ея союзники вынуждены были преклониться передъ разразившейся грозой. Меттернихъ бѣжалъ изъ Вѣны, а Фридрихъ-Вильгельмъ въ Берлинѣ долженъ былъ сдѣлать уступки познанскимъ мятежникамъ и послать прусскія войска на помощь нѣмцамъ, восставшимъ въ Шлезвигъ-Голштиніи противъ датскаго короля. Что думалъ обо всемъ этомъ императоръ Николай,—говоритъ Рембо,—свидѣтельствуютъ его замѣтки на донесеніяхъ дипломатовъ и личныя письма къ прусскому королю. На депешѣ одного изъ дипломатическихъ агентовъ, который предсказывалъ паденіе всякаго правительства, которое вдумало бы

сдѣлать уступки улицѣ, императоръ написалъ: «Это вѣрно». На другой депешѣ, въ которой заявлялось, что уступки познанцамъ приведутъ къ войнѣ между Россіей и Пруссіей, онъ написалъ: «Вполнѣ справедливо». Пруссакаго короля онъ увѣдомлялъ, что 520.000 человекъ призваны имъ къ ружью для защиты его границъ и уничтоженія всѣхъ безумныхъ кововъ несчастныхъ, которые мечтаютъ о возстановленіи Польши. «Я не трону никого,—прибавлялъ онъ,—но горе тому, кто меня тронетъ, аминь». Послѣ вступленія прусской арміи въ Эльбскія княжества Несельродъ писалъ по приказанію императора: «Подобное поведеніе непременно поведетъ къ разрыву между Россіей и Пруссіей». Когда король, угрожаемый усиливавшимся революціоннымъ движеніемъ, спрашивалъ у императора, можетъ ли Пруссія рассчитывать на помощь, предусмотрѣнную трактатами, Николай отвѣчалъ: «Старая Пруссія, добрая и преданная Пруссія перестала существовать, войдя въ составъ Германіи, и вмѣстѣ съ этимъ исчезъ нашъ древній союзъ съ ней; Россія не можетъ оказать помощи державѣ, которая отреклась отъ своихъ традицій, должна впредь бороться со всѣми затрудненіями конституціонныхъ порядковъ и находится подъ господствомъ революціонныхъ учреждений». Какъ только король простеръ руку къ германской императорской коронѣ, Россія заявила, что приметъ сторону Австріи, потому что «эта держава стояла на почвѣ трактатовъ, а Пруссія вступила на почву революціи». Вмѣстѣ съ тѣмъ эта угроза была приведена въ исполненіе, и русская армія вступила въ Венгрію для усмиренія происшедшаго тамъ народнаго возстанія. Мало-по-малу прусскій король долженъ былъ уступить давленію русской политики, вызвать свои войска изъ Эльбскихъ княжествъ, отказаться отъ германской императорской короны, подчиниться всѣмъ требованіямъ Австріи, могущество которой было возстановлено Россіей, отречься отъ всякой мысли о германскомъ единствѣ и дойти отъ униженія къ униженію до Ольмюцкой капитуляціи, отъ которой содрогнулись всѣ прусскія сердца.

— Критическая минута на Шипкѣ. Новый эпизодъ въ серіи историческихъ моментовъ, печатающихся въ американскомъ журналѣ «Scribner's Magazine», составляетъ графическое описаніе военнымъ корреспондентомъ «Daily News'a» Арчибалдомъ Форбесомъ, проведенныхъ имъ двухъ дней на Шипкѣ въ самую критическую минуту занятія русскими войсками этого передоваго пункта, служившаго русскимъ дверью въ сердце Турціи и оплотомъ ихъ арміи передъ Шлевною отъ присоединенія къ турецкимъ силамъ Османа-паши корпуса Сулеймана-паши, находившагося на южной сторонѣ Балкановъ. Рано утромъ 22-го августа, по словамъ Форбеса, генераль Игнатъевъ сказалъ ему въ главной квартирѣ русской арміи, что Сулейманъ-паша съ тридцатью тысячами свѣжихъ турецкихъ солдатъ старается выбить изъ Шипкинскаго прохода пять тысячъ русскихъ подъ начальствомъ генерала Держинскаго. Спустя десять минутъ, англичанинъ уже скакалъ по дорогѣ изъ Тырнова въ Габрову мимо пѣхотныхъ полковъ, которые Радецкій велъ ускоренными маршами на помощь Шипкинскому гарнизону. За Габровомъ тянулась великолѣпная долина Янтры, которая медленно поднималась по горнымъ откосамъ, а на разстояніи трехъ миль начиналась Шипкинскій проходъ. Въ сущности это не горный проходъ въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ тамъ нѣтъ ни ущелья, ни дефіле, въ которомъ горсть храбрецовъ могла бы повторить Фермопильскій подвигъ, а

длинный узкій горный хребетъ, по обѣ стороны котораго идутъ глубокія впадины и по которому пробита пѣшеходная тропа, доступная и колесной повозкѣ. Вышнюю его точку составляетъ гора св. Николая, за которой края круто опускается на югъ къ деревнѣ Шипкѣ. Сама по себѣ эта позиція въ военномъ отношеніи слабая, такъ какъ къ сѣверу съ обѣихъ сторонъ на нѣкоторомъ разстояніи за горными впадинами возвышаются вершины Бердекская и Лысая, откуда легко обстрѣливать гору св. Николая. Конечно, эти вершины можно было также укрѣпить и тѣмъ усилить положеніе русской позиціи, но у генерала Держинскаго не было достаточно на это военныхъ силъ, и онъ долженъ былъ ограничиться защитой горы св. Николая, а турки заняли окрестныя вершины. 21-го августа онъ получилъ подкрѣпленіе, состоявшее изъ одного полка, и весь его гарнизонъ теперь состоялъ изъ 7.000 человекъ, въ томъ числѣ пяти болгарскихъ батальоновъ съ тридцатью орудіями, а турки въ этотъ день возвели батарею на Бердекской горѣ и съ самаго утра до вечера штурмовали русскую позицію безконечными атаками, которыя были все мужественно отбиты. Всю ночь поддерживалась страшная каннонада, а 22-го числа, не прекращая артиллерійскаго огня, турки возвели новыя батареи со всехъ сторонъ почти до тыла русской позиціи, которая такимъ образомъ беспомощно находилась подъ перекрестными выстрѣлами враговъ, угрожавшихъ даже дорогѣ, по которой могли прійти подкрѣпленія. «Утро 23-го не принесло ни малѣйшаго отдыха утомленнымъ защитникамъ Шипки,— рассказываетъ Форбесъ.— Турецкія орудія громили ихъ съ фронта и съ фланговъ, а въ четыре раза сильнѣйшая пѣхота, наэлектризованная фанатизмомъ, цѣлый день вела атаку за атакой концентричной линіей. Русскіе стойко сражались, но безъ всякой надежды и только твердо рѣшившись умирать со славой. Не было возможности долго держаться: резервы были все пущены въ ходъ до послѣдняго человека; патроны почти все вышли. Человѣческая натура имѣетъ предѣлы: горсть храбрецовъ, на которыхъ Держинскій могъ смотрѣть съ печальной гордостью, мужественно выдержала въ продолженіе сорока восьми часовъ непрерывный перекрестный огонь, но они изнемогали отъ знойнаго жара и недостатка какъ воды, такъ и пищи. Раненые удалялись въ полевую лазаретъ, находившійся въ тылу позиціи, въ такомъ значительномъ числѣ, что оставшіеся покуда невредимыми солдаты воображали, что отданъ приказъ ретироваться. Эту минуту унынія и смятенія турки выбрали для ожесточеннаго наступленія съ двухъ сторонъ на большую дорогу, по которой могли только отступить русскіе или получить подкрѣпленіе. Справедливо капитанъ Гринъ, американскій военный агентъ, авторъ прекрасной исторіи этой войны, говоритъ, что тутъ наступилъ самый критическій моментъ всей кампаніи. Дѣйствительно, это былъ историческій моментъ въ борьбѣ Россіи съ Турціей. Нѣсколько ротъ утомленныхъ, истощенныхъ, хотя и преданныхъ своему долгу солдатъ, не могли удержать напиравшую на нихъ массу турокъ, поднимавшуюся по горному откосу, и помѣшать имъ, соединившись съ другой колонной Сулеймана-паша, шедшей съ противоположной стороны, отрѣзать русскимъ отступленіе и перебить до послѣдняго человека. Минута была драматическая и въ современной мирной цивилизованной жизни рѣдко можно испытать подобное сильное ощущеніе. Ожидая съ секунды на секунду, что враги окончательно сомкнутъ, стягивавшее его, желѣзное кольцо, Держинскій послалъ послѣднюю телеграмму

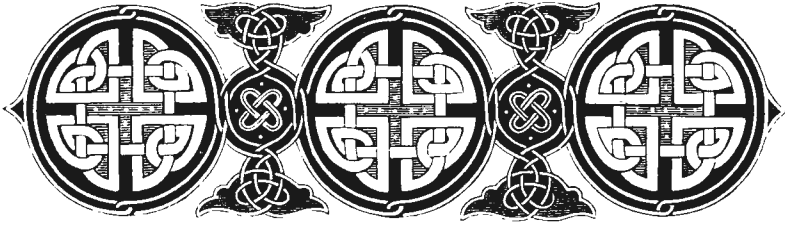
императору, объясняя, что наступил неизбежный конецъ, и давая клятву, что онъ и его храбрецы съ помощью Божьей будутъ защищаться до послѣдней минуты, до послѣдней капли крови. День близился къ вечеру, и Дерожинскій вмѣстѣ съ своимъ главнымъ помощникомъ, полковникомъ Столѣтовымъ, стоя подъ турецкимъ огнемъ на вершинѣ св. Николая, смотрѣлъ, какъ его мужественные солдаты, погибая отъ жары, усталости, жажды, голода и турецкихъ пуль, съ отчаяніемъ отступали шагъ за шагомъ отъ напавшаго на нихъ могучаго врага, который оглашалъ воздухъ побѣдоносными криками: «Аллахъ! Аллахъ!». Вдругъ Столѣтовъ громко вскрикнулъ, схватилъ Дерожинскаго за плечо и указалъ ему пальцемъ на извивавшуюся по горному проходу дорогу, на которой подвигалась черная масса. «Слава Богу»,—торжественно произнесъ Дерожинскій, которому, однако, суждено было умереть тридцать шесть часовъ спустя. Оба начальника обнажили свои головы и набожно перекрестились. Солдаты увидали также въ мрачныхъ глубинахъ горнаго прохода блестяшіе на солнце штыки, и ихъ радостное «ура» заглушило турецкіе военные крики. Но чѣмъ ближе приближалась помощь храбрымъ защитникамъ Шипки, тѣмъ страннѣе она казалась. Впереди ѣхалъ высокій рослый генералъ на громадной лошади, а за нимъ слѣдовалъ, повидимому, кавалерійскій отрядъ, которому въ сущности нечего было дѣлать на горной вершинѣ. Это былъ старый герой Радецкій и стрѣлковый батальонъ, посаженный имъ на казачьихъ лошадяхъ. Этотъ батальонъ принадлежалъ къ той стрѣлковой бригадѣ, которая совершила чудеса во время знаменитаго движенія Гурки чрезъ Балканы, и остальные ея батальоны, прошедшіе пятьдесятъ пять километровъ, не отдыхая и ни разу не варивъ себѣ лица, быстро поднимались по горнымъ откосамъ со стороны Габрова. Но Радецкій не ждалъ ихъ появленія, а, спѣшивъ свой батальонъ, двинулъ его тотчасъ на турокъ, которые не выдержали смѣлаго неожиданнаго натиска и побѣжали, преслѣдуемые стрѣлками до своей укрѣпленной позиціи на Лысой горѣ. Потомъ Радецкій подождалъ, пока подошла вся стрѣлковая бригада, и лично повелъ ее подъ перекрестнымъ турецкимъ огнемъ на вершину св. Николая, гдѣ и присоединилъ свои силы къ гарнизону Дерожинскаго. Конечно, одна бригада не могла составить значительной поддержки для гарнизона, но Радецкій объявилъ, что за нимъ идетъ Драгомировъ со всей своей дивизіей и, дѣйствительно, на слѣдующее утро явился Драгомировъ съ двумя полками, которые прошли наканунѣ тридцать восемь миль. Онъ тотчасъ пустилъ въ бой житомирцевъ и, самъ предводительствуя ими, былъ тяжело раненъ въ ногу. Его отнесли въ сторону, перевязали ему рану и отправили въ полевой лазаретъ. Между тѣмъ, Сулейманъ, видя, что его шансы на успѣхъ уменьшаются, рѣшилъ смѣлымъ отчаяннымъ ударомъ овладѣть позиціей св. Николая. Его войска произвели бѣшенную атаку на русскіе ретраншементы; впереди всѣхъ шелъ полкъ, которымъ командовалъ шотландскій капитанъ Камбель, убитый потомъ въ Южной Африкѣ, и онъ ворвался на штыкахъ въ русскую твердыню. Но въ смертельномъ рукопашномъ боѣ стойкость русскаго солдата взяла верхъ, и весь турецкій полкъ былъ истребленъ, за исключеніемъ только нѣсколькихъ солдатъ и Камбеля. Втеченіе дня продолжали прибывать остальные части Драгомировской дивизіи, и къ ночи Шипкинскій гарнизонъ уже имѣлъ 20.000 человекъ. На слѣдующій день Радецкій, бывший корпуснымъ командиромъ, самъ повелъ

атаку и отнялъ передовые ретраншементы турокъ, которые принуждены были съ тѣхъ поръ играть лишь оборонительную роль. Ясно было, что Шипка спасена, и Форбесъ уѣхалъ оттуда вечеромъ 24-го августа. По его справедливому замѣчанію, пятидневная битва, которая продолжалась еще 25-го и 26-го числа, служила прологомъ геройской защитѣ Шипки Радецкимъ въ продолженіе всей зимы, послѣдовавшему затѣмъ его блестящему походу въ Румелию и взятію въ плѣнъ всей турецкой арміи Скобелевымъ. «Эти славные подвиги были бы невысказаны,—говорить англійскій военный корреспондентъ,—еслибъ туркамъ удалось въ августѣ отбить Шипку у слабого русскаго гарнизона, а этому только помѣшало своевременное драматическое появленіе Радецкаго съ его батальономъ стрѣлковъ на казацкихъ лошадяхъ въ памятный день 23-го августа».

— Статуя перваго французскаго журналиста Ренодо. Въ іюнѣ мѣсяцѣ особенно везло журналистамъ: въ Парижѣ открытъ памятникъ издателю первой газеты во Франціи Теофрасту Ренодо, французская академія выбрала громаднымъ большинствомъ голосовъ въ бессмертные журналиста Фердинанда Брюнетьера, присяжнаго критика «Revue de Deux Mondes», и королева Викторія по случаю семидесятичетвертой годовщины дня своего рожденія пожаловала въ баронеты издателя «Illustrated London News» В. Инграма и издателя «North British Daily Mail», Ч. Кэмерона, а въ «сѣры» редактора «Daily News» Д. Робинсона, редактора «Liverpool Daily Post» Е. Росселя, извѣстнаго каррикатуриста «Пунча» Д. Тенъеля, предсѣдателя института журналистовъ Г. Рида, издателя «Dundee Advertiser» и «People's Journal» Д. Ленга и извѣстнаго публициста, популяризатора гигиены и медицины, доктора В. Ричардсона. Изъ всѣхъ этихъ почестей, доставшихся на долю журналистики, наибольшій интересъ возбуждаетъ хотя и позднее, но вполне достойное' увѣковѣченіе славы скромнаго отца парижскихъ газетъ, которыя дошли въ своемъ колоссальномъ распространеніи отъ полутора ста экземпляровъ, въ которыхъ расходилась его «Газета», до полуторамилліона, цифры продаваемыхъ номеровъ наиболѣе распространенныхъ въ настоящее время ежедневныхъ изданій. Первый номеръ этой прародительницы французскихъ газетъ, сначала называвшейся просто «Газетой», а потомъ «Газетой Франція», изъ которой ведетъ свое начало теперь еще издающаяся «Gazette de France», вышелъ 30-го мая 1631 года, слѣдовательно за 262 года и 5 дней до открытія статуи Ренодо на томъ самомъ мѣстѣ теперешней улицы Мутеци, гдѣ некогда была улица Коландръ, и стоялъ домъ подъ вывѣской «Золотой Пѣтухъ», въ которомъ онъ выпускалъ въ свѣтъ свою газету, сначала въ рукописи, а потомъ въ печатныхъ листкахъ. Хотя въ другихъ государствахъ Европы существовали равнѣ газеты, но попытка Ренодо привить ихъ къ Парижу имѣла громадный успѣхъ не только во Франціи, но и въ ея, такъ что его «Газета» читалась повсюду, благодаря его собственнымъ бойкимъ, полемическимъ статьямъ и сотрудничеству такихъ лицъ, какъ Людовикъ XIII, кардиналъ Ришелье и отецъ Рощеръ, извѣстный подъ названіемъ «сѣраго кардинала». Послѣдніе два были стойкими покровителями перваго французскаго журналиста, который, родившись въ Лудевѣ въ 1584 году и получивъ докторскій дипломъ въ медицинскомъ факультетѣ въ Монпелье, поселился въ Парижѣ, благодаря ихъ поддержкѣ, доставившей ему титулы королевскаго доктора и генеральнаго комиссара бѣдныхъ. Этотъ послѣдній

титулъ онъ заслужилъ многочисленными учрежденіями на пользу бѣдныхъ, которыя онъ основалъ въ своемъ домѣ «Золотого Пѣтуха»; тамъ, кромѣ типографіи и редакціи «Газеты», находились еще контора адресовъ и справокъ, гдѣ можно было узнать мѣстожителство извѣстныхъ и даже неизвѣстныхъ жителей столицы, а также нанять слугъ, ссудная касса для залога вещей, еще неизвѣстная тогда во Франціи и заимствованная у Италіи, химическая лабораторія, гдѣ всѣ желающіе могли производить опыты, и, наконецъ, даровая медицинская консультація. Не смотря на благотѣльный характеръ всѣхъ этихъ учреждений, они возбудили противъ Ренодо многочисленныя преслѣдованія, и въ особенности его злѣйшимъ врагомъ сдѣлался парижскій медицинскій факультетъ, который, послѣ смерти Ришелье, добился признанія его парламентомъ не имѣющимъ права практиковать въ Парижѣ, не смотря на защиту его медицинскимъ факультетомъ въ Монпелье. Разоренный, убитый горемъ, гонимый врагами и осыпавый клеветами, Ренодо умеръ въ 1653 году, по свидѣтельству одного изъ его противниковъ, ректора парижскаго медицинскаго факультета Патена, «нищимъ, какъ живописецъ». Только теперь Франція, по почину биографовъ Ренодо, доктора Ла Турета и Гатена, воздвигла по общественной подпискѣ памятникъ этому другу бѣдныхъ и защитнику свободы слова въ Парижѣ и вскорѣ поставитъ ему вторую статую на его родинѣ въ Луденѣ. Парижская статуя работы скульптора Буше изображаетъ его сидящимъ на креслѣ у стола и пишущимъ свою газету, а на пьедесталѣ красуются двѣ цитаты изъ этой газеты, вполнѣ характеризующія всю его благотворную дѣятельность: «Я просилъ бы иностранныхъ королей и государей не терять напрасно времени на запрещеніе моей газеты, такъ какъ нельзя воспретить торговлю этимъ товаромъ, и его распространеніе, какъ потокъ, увеличивается отъ преградъ», и «Необходимо, чтобъ въ государствѣ богатые помогали бѣднымъ, такъ какъ его гармонія нарушается, когда одни его члены чрезмерно надуты, а другіе поражены атрофіей». При торжественномъ открытіи этого памятника были произнесены рѣчи первымъ министромъ Дюпюи, предсѣдателемъ муниципальнаго парижскаго совѣта Помберомъ, академикомъ Жюлемъ Кларти, докторомъ Бруарделемъ и проч.; конечно, всѣ ораторы краснорѣчиво выставляли на видъ великія заслуги этого скромнаго труженика на пользу человѣчества, на статуѣ котораго, по мѣткому выраженію одного изъ нихъ, слѣдовало бы написать «Gloria victis», потому что «онъ не только посвятилъ всю свою жизнь на защиту побѣжденныхъ, но и ознаменовалъ пораженіями всѣ эпизоды своей благотворной дѣятельности».

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Двѣ русскія писательницы въ оцѣнкѣ французской критики.—Русская поэзія—представительница символизма, по мнѣнію парижской журналистики.—Англійскій взглядъ на сибирское шаманство.—Двѣ историческія брошюры Лежня.—Англійскія изслѣдованія о Каспарѣ Гаузерѣ.—Новая біографія Іосифа де-Местра.

ЖУРНАЛЪ *Revue des revues* въ одной книгѣ своего изданія посвятилъ двѣ статьи трудамъ двухъ русскихъ писательницъ, О. Новиковой и А. Смирновой. Первая статья «Россія, папство и старые католики» (*La Russie, la papauté et les vieux catholiques*) относится къ полемикѣ, возникшей въ англійскихъ журналахъ по поводу сообщеній не въ мѣру усердныхъ репортеровъ и интервьюеровъ. Эта литературная саранча, нападающая безъ пощады на всякое болѣе или менѣе выдающееся лицо, не задумывается, какъ извѣстно, выдавать свои собственныя измышленія за недостатокъ сенсаціонныхъ извѣстій, но нѣсколько странно, что въ данномъ случаѣ оказался сочинителемъ такихъ извѣстій кардиналъ Ванутелли, не поцеремонившійся объявить, что Россія формально согласна обратиться въ католичество. Это убѣжденіе подтвердила леди Гербертъ въ *Dublin Review*, а другой журналъ *Review of Reviews* перепечаталъ это извѣстіе, основанное будто бы на бесѣдѣ кардинала съ «президентомъ русскаго синода». Тогда г. Побѣдоносцевъ напечаталъ въ этомъ журналѣ письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорить: «я сказалъ напротивъ отцу Ванутелли, что русскій народъ никогда не согласится подчиниться игу папскаго авторитета, что независимость нашей церкви дороже намъ всего, что наше вѣрованіе не допускаетъ убѣжденія въ безграничной власти намѣстника Іисуса Христа, и что это будетъ всегда служить непреодолимымъ препятствіемъ къ соединенію, въ которомъ мы будемъ принуждены отказаться отъ нашей духовной независимости». Теперь въ эту полемику вмѣшалась и г-жа Новикова, принявшая на себя роль защитницы

Россіи отъ всёхъ нападокъ на нее, особенно со стороны Англии. Въ журналѣ «New Review» она не только опровергаетъ показаніе кардинала, но и заявляетъ о союзѣ русской церкви со старыми католиками. Утвержденіе Ванутелли, что русская схизма произошла только отъ политическихъ причинъ, что она не была санкціонирована ни народомъ, ни церковью, и что соединеніе съ русскою церковью устроилось бы очень легко, если бы этого захотѣло русское правительство, — г-жа Новикова называетъ неслыханнымъ, страннымъ извѣстіемъ. Но русская публицистка переходитъ, какъ кажется, границы увлеченія, говоря, что «Россія скорѣе церковь, чѣмъ государство, и воплощаетъ въ себѣ скорѣе религію, чѣмъ національность». Обнаруживая такое ультраправославіе, г-жа Новикова очень довольна тѣмъ, что недавняя конференція, собиравшаяся въ Люцернѣ, доказала, что въ Европѣ много католиковъ, не признающихъ римскаго ультрапапства, и между ними и русскими могло бы осуществиться соглашеніе вслѣдствіе существующихъ между ними симпатій. На Люцернской конференціи, послѣ нѣмецкихъ старокатоликовъ, доктора Дёллингера и профессора Фридриха, выдающуюся роль играли протопресвитеръ Янышевъ и генералъ Кирѣевъ, братъ О. Новиковой, а хотя старокатоликовъ всего полтораста тысячъ, но къ соединенію съ ними выразили стремленіе пять миліоновъ грековъ, представителемъ которыхъ былъ патрасскій архіепископъ Никифоръ и пять миліоновъ армянъ съ ихъ представителемъ Исаакомъ, присланнымъ митрополитомъ. Для изученія этого вопроса въ Россіи учрежденъ комитетъ подъ покровительствомъ синода, и авторъ статьи увѣряетъ, что четыре пункта разногласія, раздѣляющихъ православіе со старокатоличествомъ, легко могутъ быть улажены.

— Другая статья посвящена «воспоминаніямъ знатной русской дамы» (*Les souvenirs d'une grande dame russe*), написаннымъ пофранцузски, хотя помѣщеннымъ въ русскомъ журналѣ. А. Н. Смирнова извѣстна въ литературѣ потому, что вращалась въ кругу писателей тридцатыхъ годовъ, и Пушкинъ былъ въ числѣ ея поклонниковъ. Теперь ея дочь напечатала ея записки, отрывочныя, мало отдѣланныя, но интересныя по подробностямъ литературной и придворной жизни, о которыхъ сообщаетъ авторъ. Въ ней нѣтъ ни лести, ни низкопоклонничества передъ властью, умная, даровитая, обрусѣвшая гречанка метко характеризуетъ лицъ, передъ которыми всѣ преклонялись. Она возставала и противъ Бенкендорфа, запрещавшаго Пушкину читать у знакомыхъ свои стихи потому, что императоръ сказалъ поэту, что будетъ цензоромъ его произведеній. «Бенкендорфъ сравнивалъ Пушкина съ Байрономъ только для того, чтобы утверждать, что онъ подражалъ Байрону, котораго самъ вельможа, конечно, никогда не читалъ», говоритъ Смирнова. Она подсмѣивается и надъ Гумбольдтомъ, надождавшимся при дворѣ своею болтовнею и любезностью, но о Пушкинѣ, Гоголѣ, Жуковскомъ отзывается всегда съ уваженіемъ. Николаю I прислали изъ Парижа рулетку, и онъ охотно игралъ въ нее со всѣми придворными, которыхъ императрица просила только не увлекаться и платила ихъ долги. Орловъ, Суворовъ и Вьельгорскій постоянно выигрывали. Любопытны приводимые авторомъ отзывы Николая I о Наполеонѣ и его маршалахъ: ни одинъ изъ нихъ не могъ съ нимъ сравниться, ни Клеберъ, ни Даву; Бернадотъ былъ скорѣе дипломатъ, чѣмъ военачальникъ. Ней, Мюратъ, Массена, Гоша, Морс, Келлерманъ, Дюмурье—были хорошими генералами, но Наполеонъ былъ гениемъ сраженій,

онъ всегда выигрывалъ ихъ, когда лично командовалъ войскомъ. Но онъ не былъ ни Александромъ Македонскимъ, ни Карломъ V, образцомъ рыцарства. Наполеону не доставало великодушія въ побѣдахъ. Онъ былъ высокомиренъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тривіаленъ. Маршалы его были дурно воспитаны. Талейранъ, не смотря на свое образованіе, еще менѣе симпатиченъ. Онъ замышлялъ измѣну еще до Аустерлица, а потомъ измѣнилъ и бурбонамъ, какъ прежде—республикѣ, директоріи, имперіи. Великій князь Михаилъ говорилъ Смирновой: «Александръ Павловичъ былъ пораженъ умомъ, гениемъ Наполеона, но его возмущало отношеніе побѣдителя къ побѣжденнымъ. Въ Эрфуртѣ и Тильзитѣ онъ сватался за нашу сестру Екатерину, такъ какъ Аннѣ было только 15-й годъ. Это ее заставило выдти за своего двоюроднаго брата, герцога Ольденбургскаго. Она питала къ нему не любовь, а дружеское уваженіе, но боялась, чтобы ея отказъ не навлекъ непріятностей на Россію». При этомъ разговорѣ былъ Пушкинъ, и великій князь, похваливъ его оду къ Наполеону, прибавилъ, что если бы побѣжденный довѣрился великодушію русскаго императора, то не умеръ бы на островѣ св. Елены. — Но что-жъ бы онъ дѣлалъ въ Россіи? — спросилъ Пушкинъ. — Да, ему трудно было бы найти здѣсь мѣсто, — отвѣчалъ Михаилъ Павловичъ: — во всякомъ случаѣ ему оставили бы его жену или по крайней мѣрѣ сына. Можно было бы отправить его на Кавказъ, гдѣ онъ сражался бы съ черкесами. Было бы оригинально имѣть въ русской службѣ «солнце Аустерлица». Онъ называлъ моего брата византійскимъ грекомъ, но подлѣ него былъ человекъ, въ которомъ гораздо больше византизма — Талейранъ, да и почти всѣ покинули въ дни бѣдствій того, въ комъ не доставало истиннаго величія въ дни славы. Вѣрными ему остались Раппъ, Рустапъ, Маршанъ, да принцъ Евгевій Богарне, обладавшій именно рыцарскими чувствами. А самъ Наполеонъ всю живъ свою остался, какъ онъ самъ называлъ себя, выскочкою (parvenu) и никакъ не могъ забыть, что онъ былъ поручикомъ Бонапарте, сдѣлавшимся императоромъ. Пушкинъ, — прибавляетъ Смирнова, — былъ очень завлеченъ этимъ разговоромъ и совѣтовалъ мнѣ записать всѣ подробности.

— Во французскихъ журналахъ нерѣдко являются статьи о такихъ русскихъ писателяхъ, которыми здѣсь очень мало интересуются. Характеристики подобныхъ лицъ находятъ мѣсто въ мало читаемыхъ періодическихъ изданіяхъ, куда прежде другихъ проскальзываютъ юркіе представители израильскаго племени. Такъ, въ старинномъ журналѣ «Mercure de France», основанномъ еще въ 1672 году и нынѣ возобновленномъ, помещенъ подъ заголовкомъ «современные русскіе поэты» (Les poètes russes contemporains) напыщенный панегирикъ г. Минскому, то-есть еврею Виленкину, написанный, конечно, его соотечественникомъ. Много вздору говорить критику о современной Россіи, «все болѣе и болѣе волнуемой стремленіемъ къ свободѣ и мистицизму, проявляющимся особенно въ поэзіи, принимающей формы символизма». Кромѣ двухъ-трехъ оголтѣлыхъ стихоплетовъ, никто у насъ и не думаетъ вводить въ поэзію недѣльные тенденціи символистовъ и декадентовъ, стремящихся разрушить «не только эстетическія, позитивныя и реалистическія формы прежняго направленія, но даже духовныя и политическія». Родоначальниками символизма критикъ считаетъ Лермонтова, Достоевскаго и Л. Толстого, а къ нынѣшнимъ представителямъ его причисляетъ Фофанова, «русскаго Поля Верлена, отрицающаго все въ своей поэзіи отчаянной, какъ русскій нягилизмъ, но воспла-

мененнаго религіознымъ энтузіазмомъ и проникнутаго философіей (какъ весь этотъ сумбуръ укладывается въ головѣ критика—Аллахъ вѣдаетъ) Минскаго, съ его грандіозными, величественными стихами, блестящими фантазіей и драпированными великолѣпіемъ; Мережковского, съ его превосходными, изумительными по своей оригинальности произведеніями, настоящими критическими поэмами; Андреевскаго, глубокаго и величественно-эпическаго въ своемъ мистическомъ буддизмѣ; графа Голенищева-Кутузова (объ немъ критикъ не даетъ никакой характеристики) и Апухтина съ его изумительною совершенно религіозною легендою — «Годъ въ монастырѣ». Читая весь этотъ наборъ звонкихъ и пустыхъ фразъ, на западъ, пожалуй, и повѣрятъ процвѣтанію у насъ поэзіи. Французъ энергично упрекаетъ «варварскую» русскую критику, что, «окутанная гиперборейскою ночью», она не понимаетъ этого поэтическаго движенія и востаетъ противъ него. А, между тѣмъ, у насъ никто и не думаетъ ни объ этихъ поэтахъ, ни объ ихъ произведеніяхъ. Французскій критикъ увѣряетъ даже, что всю эту галиматью написали русскій человекъ, «желающій сохранить анонимъ, по причинамъ, которыя легко понять», и проситъ присоединить къ названнымъ выше поэтамъ Надсона, умершаго въ 1887 году, «предшественника ихъ въ славѣ и гробницѣ». Изъ Минскаго приведены въ журналѣ, набранныя совершенно правильно русскимъ текстомъ, три пьесы съ переводомъ en regard. Переводъ въ прозѣ тяжелъ, неуклюжъ и выборъ можно бы сдѣлать лучше. За то, въ короткомъ очеркѣ, предшествующемъ переводу, Минскій названъ «богатымъ цвѣткомъ, возвратившимъ Россіи часть ея славы, втѣченіе двадцати лѣтъ заливаемой грязью (immondices) недостойныхъ послѣдователей Тургенева и Достоевскаго». Что хотѣлъ сказать критикъ этой дикой метафорой,—разгадывать не беремся. Онъ сознается, однако, что поэтъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ подражалъ Некрасову, и въ подкрѣпленіе своей оцѣнки Минскаго приводитъ объ немъ мнѣнія Мережковского изъ его лекціи о причинахъ упадка современной литературы. Послѣ стиховъ переведенъ также довольно обширный отрывокъ изъ его прозаическихъ и уже совершенно декадентскихъ мыслей и мечтаній о цѣли жизни, мѣстами лишенныхъ всякаго логическаго смысла и вышедшихъ въ 1890 году, подъ названіемъ «При свѣтѣ совѣсти». Въ переводѣ этотъ отрывокъ носитъ названіе «Страшный судъ»—сонъ. Врядъ ли эта абракадабра поправится даже крайнимъ символизмамъ.

— Въ журналѣ «Academy» В. Р. Морфиль разбираетъ вышедшую въ Москвѣ книгу г. Михайловскаго «Шаманство» (Shamanstvo, sravnitelno-ethnographiceskie ocherki) и находитъ, что Россія много сдѣлала въ области изслѣдованія антропологии и народной психологии и не только для изученія арійскихъ племенъ, но и угроалтайской расы: татаръ, финновъ, самоѣдовъ, бурятъ, тунгусовъ и другихъ сибирскихъ племенъ. Между ними сильно распространена вѣра въ шамановъ, этихъ лекарей-колдуновъ, прогоняющихъ своими заклинаніями и конвульсіями разныя болѣзни, низводящихъ дождь на землю и предсказывающихъ будущее. Шаманство встречается и у сѣверо-американскихъ индійцевъ, у кафровъ и австралійцевъ. Авторъ основательно изучилъ свой предметъ и пользуется всеми выводами своихъ предшественниковъ, писавшихъ о томъ же предметѣ. Особенно любопытны легенды языческихъ племенъ о душѣ и ея отдѣльномъ существованіи отъ тѣла. Буряты увѣрены, что ихъ будущая жизнь будетъ продол-

женіемъ земной, только съ большимъ комфортомъ и безъ всякихъ лишеній. Вотъяки, умирая неженатыми, надѣются на хорошую женитьбу на томъ свѣтѣ. Душа, освобождаяся отъ тѣла, переселяется въ пчелъ и вредныхъ животныхъ. Мертвые и въ гробу нуждаются въ пищѣ и одеждѣ; они могутъ возвращаться на землю, въ чемъ увѣрены, впрочемъ, и не одни дикари, а многія христіанскія племена. Угроалтайцы не довѣряютъ европейскимъ докторамъ и предпочитаютъ имъ своихъ шамановъ, которые, однако, стоить имъ дороже, потому что, кромѣ платы за леченіе, живутъ на счетъ больного все время, пока отчитываютъ его, такъ какъ всякая болѣзнь происходитъ отъ колдовства. Вообще критикъ убѣжденъ, что книга г. Михайловскаго приноситъ огромную пользу въ области изученія малоизвѣстныхъ народностей.

— Историкъ Легрель издалъ два любопытныхъ этюда, относящихся къ малоизслѣдованнымъ фактамъ конца XVII и начала XVIII столѣтія. Одна изъ этихъ брошюръ «Принзание завѣщанія Карла II, короля испанскаго, Людовикомъ XIV» (*L'acceptation du testament de Charles II, roi d'Espagne, par Louis XIV*) извлечена изъ четырехтомнаго сочиненія того же автора «Французская дипломатія и испанское наслѣдство», встрѣченнаго благосклонно историческою критикою. Объ этомъ предметѣ было издано не мало сочиненій на французскомъ и другихъ языкахъ, но ни одно изъ нихъ не представляетъ полной серіи документовъ, относящихся къ этому вопросу. Минье, также въ четырехъ объемистыхъ томахъ, довелъ только до 1678 года исторію переговоровъ о восшествіи Бурбоновъ на испанскій престолъ. Легрель закончилъ эту исторію, воспользовавшись офиціальными документами и иностранными источниками. Принзатіе Людовикомъ XIV завѣщанія Карла II, назначившаго своимъ наслѣдникомъ внука французскаго короля, составляетъ заключительный эпизодъ всѣхъ переговоровъ и возникшей войны, кончившейся утрехтскимъ миромъ. Этотъ эпизодъ Легрель и издалъ отдѣльно. Этотъ историкъ Страсбурга и знатокъ русскаго языка, написавшій сочувственныя замѣтки о Россіи «*Le Volga*» и перевелившій письма Карамзина о Франціи 1789 года, слишкомъ снисходительно относится къ политикѣ Людовика XIV, утверждая, что въ дѣлахъ объ испанскомъ наслѣдствѣ онъ заботился только о точномъ исполненіи Вестфальскаго договора, тогда какъ Минье прямо обвиняетъ французскую дипломатію въ интригахъ, а короля въ нарушеніи трактатовъ съ Голандією и Англією. Державы эти имѣли полное основаніе утверждать, что, не смотря на завѣщаніе Карла II, формально не допускавшаго соединенія Франціи съ Испанією, Людовикъ хотѣлъ сохранить вліяніе надъ своимъ внукомъ и сосѣднимъ королевствомъ. Конечно, если бы Людовикъ не отказался отъ обѣщаній, данныхъ имъ Англіи и Голандіи и скрѣпленныхъ его подписью, вліяніе надъ Испанією перешло бы къ Австріи, и испанцы ничего не выиграли бы отъ этого, но, не смотря на то, что тогдашняя дипломатія допускала всякія нарушенія въ договорахъ, «въ виду измѣнившихся обстоятельствъ», политика французскаго короля не была ни прямою, ни безкорыстною. Легрель оправдываетъ его другими историческими примѣрами нарушенія королевскихъ обѣщаній, но это плохое оправданіе.

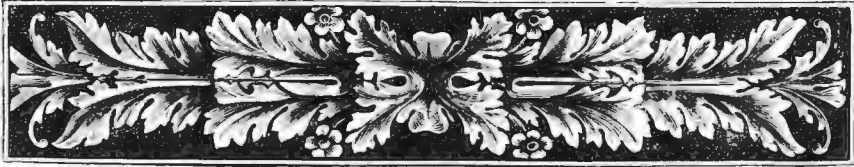
— Другая брошюра того же автора относится къ неизвѣстнымъ переговорамъ между Бервикомъ и Марльбороу въ 1708 и 1709 годахъ (*Une négociation inconnue entre Berwick et Marlborough*). Эпизодъ этотъ не

имѣеть особеннаго значенія въ исторіи того времени и любопытенъ только потому, что остался неизвѣстнымъ. О немъ упоминаетъ Мартенъ въ своей «Исторіи Франціи» и самъ Бервикъ въ оставленныхъ имъ мемуарахъ. По его словамъ, онъ получилъ осенью 1708 года, во время осады Лилля, отъ начальника англійской арміи, герцога Марльбороу, секретное письмо съ предложеніемъ начать мирные переговоры. Это открывало Франціи возможность кончить тяжелую войну. Французскій маршалъ англійскаго происхожденія, какъ побочный сынъ Іакова II и Арабеллы Черчилль, приходился племянникомъ лорду Марльбороу и, конечно, имѣлъ съ нимъ и прежде сношенія. Онъ передалъ о предложеніи лорда герцогу Бургонскому и министру Шамильяру, но этотъ послѣдній, бездарнѣйшій администраторъ, получившій министерскій постъ только потому, что игралъ въ билліардъ со старымъ королемъ, вообразилъ себѣ, что Марльбороу предлагаетъ миръ, потому что англійская армія разстроена, и написалъ ему такое глупое письмо, что лордъ прекратилъ всякіе переговоры съ такимъ дипломатомъ. Подробному разъясненію этихъ неудавшихся переговоровъ Легрель и посвящаетъ свою брошюру. Онъ приводитъ и письмо Шамильяра и всѣ продолжавшіеся потомъ переговоры, которые уже ни къ чему не повели, такъ какъ Марльбороу продолжалъ стоять упорно за продолженіе военныхъ дѣйствій.

— Въ октябрѣ прошлаго года миссъ Эвансъ издала томъ изслѣдованій о загадочномъ, историческомъ лицѣ—Каспарѣ Гаузерѣ, найденномъ въ 1828 году близъ Нюренберга. Шестнадцатилѣтній юноша былъ въ состояніи идиотизма, плохо говорилъ, ни о чемъ не имѣлъ понятія, и надо было употребить много трудовъ, чтобы развить его и заставить разсказать, что его держали въ подземной тюрьмѣ, куда хлѣбъ и воду приносили ему всегда одинъ и тотъ же человекъ, заботившійся и объ его одеждѣ. Усилія професоровъ и филантроповъ привели къ тому, что Гаузеръ выучился читать и писать и сталъ понемногу образовываться, какъ въ 1833 году его убилъ неизвѣстный злодѣй, оставшійся неразъсканнымъ, точно также какъ не разыскали и причинъ содержанія Гаузера въ темницѣ, освобожденія и смерти. Объ этомъ много писали въ свое время, много розыскивали, но ничего не узнали. Миссъ Эвансъ въ своей книгѣ съ большою энергіей доказывала, что Гаузеръ былъ законный наслѣдникъ великаго герцога баденскаго, устранинный отъ престола по политическимъ причинамъ. Теперь герцогиня Клевеландская возвратилась къ тому же предмету въ сочиненіи «Дѣйствительная исторія Каспара Гаузера» (*The true story of Kaspar Hauser*) и также горячо утверждаетъ, что онъ былъ обманщикъ. Но кого и для чего могъ обманывать этотъ несчастный юноша, самъ не знавшій ничего о своемъ происхожденіи? Герцогиня основываетъ свои доказательства на томъ, что ея отецъ, человекъ умный и проницательный, вѣрилъ сначала въ таинственное рожденіе Гаузера, но потомъ, по зрѣломъ обсужденіи, перемѣнилъ о немъ свое мнѣніе. Это, однако, еще вовсе не доказываетъ, чтобы герцогиня Клевеландская была права, и чтобы Гаузеръ, самъ старавшійся узнать, кто же онъ такой,—былъ самозванцемъ. Тайна его происхожденія и убійства, вѣроятно, такъ и останется неразгаданной.

— Французы издають множество этюдовъ и характеристикъ не только своихъ современныхъ писателей, но и принадлежащихъ уже къ исторіи литературы. Это доказываетъ, конечно, ихъ любовь къ литературѣ и вед-

кое значеніе, какое они придаютъ ей въ культурномъ развитіи Франціи. Напрасно только стараются они всегда выставить въ лучшемъ свѣтѣ даже такихъ авторовъ, о которыхъ давно уже составила далеко не симпатичная оцѣнка ихъ произведеній. Такъ, вышла новая двухтомная біографія Іосифа де-Местра, этого ультрапаниста и ретрограда, врага реформъ 1789 г. и всякой свободной мысли. И, между тѣмъ, этого друга инквизиціи, палача и абсолютиста Франсуа Декостъ старается облить въ своей книгѣ «Joseph de-Maistre avant la révolution, souvenirs de la société d'autrefois». Подъ видомъ этюдовъ общества 1763—1793 года авторъ старается заинтересовать читателей своимъ героемъ въ дни его первой молодости и собираетъ объ ней всевозможныя свѣдѣнія, потому что самъ онъ родомъ изъ Шамбери, гдѣ родился и де-Местръ. Самъ авторъ «Петербургскихъ вечеровъ» въ одномъ изъ своихъ юношескихъ произведеній жалуется, что историки мало говорятъ объ интимной жизни своихъ героевъ: изъ ихъ характеристикъ мы узнаемъ короля, война, политика, но не узнаемъ человека. Нельзя сказать, чтобы въ наше время эти жалобы были справедливы: наши біографы доказываются до такихъ подробностей въ частной жизни своихъ героевъ, что, пожалуй, потомство могло бы обойтись и безъ подобныхъ интимностей. Вѣдь еще Мишле раздѣлилъ царствованіе Людовика XIV на двѣ части не на основаніи какого нибудь историческаго событія, а на здоровьи короля: до открытія у него фистулы и послѣ этого открытія. Мы теперь гораздо больше интересуемся домашними дрязгами Наполеона, чѣмъ Аустерлицемъ и Иеной, и неуспѣхъ мемуаровъ Талейрана можно приписать тому, что онъ очень мало говоритъ о самомъ себѣ, толкуетъ о надобвшихъ всѣмъ трактатахъ 1815 года, а не объясняетъ даже, на какую ногу онъ хромалъ и сколько бралъ вяткокъ. И вѣдь всѣ біографы де-Местра, изображавшіе его до Декоста: Маржері, Лескиеръ, Фаге, старались облить его. Декостъ расхваливаетъ отца де-Местра, «тишь строгаго судьи», его мать—святую жевану (у французовъ всѣ матери всегда святые), но принужденъ сознаться, что юноша не любилъ природы, объясняетъ это тѣмъ, что «онъ жилъ только мозгомъ и смотрѣлъ внутрь себя». Но вѣдь этимъ смотрѣніемъ внутрь себя можно оправдать всякую тупицу. Декостъ находитъ даже, что въ молодости де-Местръ былъ либераломъ, потому что писалъ статьи въ этомъ духѣ и принадлежалъ къ масонской ложѣ въ Шамбери. Но масонами въ то время были всѣ, и даже бѣдная принцеса Ламбаль, которую Марія-Антуанетта расхваливала за ревностное исполненіе ею своихъ масонскихъ обязанностей. Масонство де-Местръ называлъ въ 1793 году вѣлѣпостью и дѣтской забавой, а что касается до его либерализма молодыхъ годовъ, въ чемъ его заподозрѣваетъ и Сент-Бевъ, это—все, что писалъ онъ въ 1775 году, восхваляя Виктора-Амедея III: «король не запрещаетъ никому свободно мыслить, онъ запрещаетъ только, и совершенно основательно, говорить и писать въ свободномъ духѣ, и я беру на себя смѣлость умолять его, именемъ его народовъ, удвоить сколько возможно въ этомъ отношеніи его неутомимую бдительность, чтобы спасти насъ отъ напасти скептицизма». Одной этой цитаты достаточно, чтобы вполне характеризовать этого писателя.

СМѢСЬ.

ВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ славянскаго петербургскаго общества. 11-го мая наше славянское общество праздновало свой четвертьвѣковой юбилей. Такъ называемое «славянофильство» сплотилось впервые въ кружокъ, образовавшемся во-кругъ мецената графа Н. П. Румянцева. Этотъ кружокъ не имѣлъ, однако, тѣхъ опредѣленныхъ задачъ и цѣлей, которыя выставилъ затѣмъ кружокъ московскихъ славянофиловъ 40-хъ годовъ въ рѣчахъ Хомякова, Ѳ. Тютчева, Кирѣевскихъ, Самарина, Н. Данилевскаго и Аксаковыхъ. Они занялись изученіемъ нашего родства со славянами и вступились за попоранную западниками славянскую національность и за превосходство присущихъ славянамъ нравственныхъ качествъ надъ воспитательными началами запада. Въ то же время въ Москвѣ Погодинъ организовалъ кружокъ, начавшій оказывать матеріальную помощь славянамъ, томившимся подъ турецкимъ и австрійскимъ гнетомъ. Въ 1858 году былъ утвержденъ «комитетъ благотворенія православнымъ Балканскаго полуострова». Цѣль кружка была очень узка: чѣмъ, напримѣръ, были виноваты чехи и хорваты, которымъ Австрія силою навязала католичество? Въ Петербургѣ шире взглянули на это дѣло и въ 1867 году устроили для сближенія съ славянами общеславянскій съѣздъ, на который съѣхалось до 60-ти представителей славянскихъ племенъ съ Ригеромъ и Палацкимъ въ главѣ. 7-го мая 1868 года былъ учрежденъ «славянскій благотворительный комитетъ», переименованный въ 1877 году въ «славянское общество», сохранившее, страха ради австрійскаго, эпитетъ благотворительнаго, хотя изданіе книгъ и конкурсы на разработку славянскаго вопроса нисколько не относятся къ дѣламъ благотворительности.

Первыми членами петербургскаго отдѣла славянскаго общества, образовавшагося по мысли профессора В. И. Ламанскаго, были устроители временнаго комитета для приѣма славянскихъ гостей въ Петербургѣ весной 1867 года: адмиралъ А. В. Фрейгангъ, полковникъ генеральнаго штаба М. Ѳ. Марковичъ, профессоръ В. И. Ламанскій; къ нимъ присоединились И. Печаткинъ, Нарановичъ, Иваницкій, Золотаревъ, Хрулевъ, М. Г. Чер-

няевъ и др. Горячее участіе въ образованіи новаго кружка приняли также Гильфердингъ и Ѳ. Тютчевъ. Петербургское славянское общество помогло получить образованіе въ Россіи 169 славянскимъ юношамъ и 26 славянскимъ дѣвцамъ: 42—въ духовныхъ заведеніяхъ, 46—въ университетахъ, 28—въ медицинской академіи, 28—въ техническихъ заведеніяхъ, 18—въ пансіонѣ Ѳ. Н. Минкова и 7—въ гимназіяхъ, и дѣвцамъ: 3—въ высшихъ женскихъ курсахъ, 2—въ женскихъ врачебныхъ курсахъ, 3—въ рисовальной школѣ, 1—въ фельдшерской школѣ, 7—въ гимназіяхъ, 2—въ школахъ патриотическаго общества и 5—въ родовспомогательномъ заведеніи. Въ числѣ получившихъ при содѣйствіи общества образованіе въ Россіи были: 62 болгарина и 16 болгарокъ, 8 галичанъ, 6 словаковъ, 9 чеховъ и 3 чешки, 84 серба и 7 сербокъ. Въ пособіе имъ выдано въ теченіе 25 лѣтъ 102.915 рублей 68¹/₂ коп. Въ то же время общество не оставляло безъ пособій и школъ въ славянскихъ земляхъ. На этотъ предметъ израсходовано 25.395 р. 5 к. Вообще петербургское славянское общество въ теченіе 25 лѣтъ собрало 2.629.247 р. 73¹/₂ коп. и израсходовало 2.403.379 р. 31 коп. Не смотря на столь крупныя расходы, общество успѣло образовать основной капиталъ въ 108.695 рублей 36 коп. и запасный — въ 104.165 р. 76 коп. Всѣхъ суммъ со спеціальными капиталами въ кассѣ общества къ 28 февраля 1893 г. оставалось 225.868 руб. 42¹/₂ коп. Въ настоящее время общество насчитываетъ въ своей средѣ свыше 30 почетныхъ членовъ, 70 пожизненныхъ и 360 дѣйствительныхъ. Предсѣдателемъ общества состоитъ графъ Н. П. Игнатьевъ, болѣе двадцати лѣтъ числящійся въ спискахъ его почетныхъ членовъ. Общество учредило, первую стипендію въ память Гуса для уроженцевъ Гуслинца, соорудило православный храмъ въ Прагѣ, и пр. Особенно блестящей была дѣятельность славянскаго общества въ 1875 г., когда восстали герцеговинцы противъ австрійскихъ башибузуковъ, а затѣмъ началась война Сербіи и Черногоріи съ Турціей. Общество обратилось тогда къ православнымъ съ воззваніемъ помочь бѣдствующимъ братьямъ, отправило на поле брани добровольцевъ, собирало значительныя пожертвованія. При помощи дешевыхъ изданій русскій народъ ознакомился съ единоплеменными ему братьями. Съ 26 сентября 1875 г. по 8-е октября 1876 г. славянское общество собрало 810.099 р. одними денежными пожертвованіями, хотя собирались они сначала даже не въ кружки, а на блюда, за которыми такъ трудно учредить должный контроль. Съ 1883 г. Общество стало издавать свой органъ—«Извѣстія Славянскаго Благотворительнаго Общества»; въ 1884 г. оно организовало свою издательскую комисію; чествованіемъ тысячелѣтія памяти первоучителей Кирилла и Меѳодія оно старалось удовлетворить религіозной потребности русскихъ людей. Въ 1888 году оно праздновало свое двадцатилѣтіе и ознаменовало этотъ день устройствомъ всенароднаго торжественнаго собранія въ честь князя Владиміра. По случаю тысячелѣтія памяти св. Меѳодія Обществомъ были учреждены двѣ преміи — въ 1.500 и 500 рублей за лучшее сочиненіе о литературномъ единствѣ славянскихъ народностей. Въ 1888 году была учреждена въ Петербургѣ особая комисія для опредѣленія пріѣзжихъ славянъ въ русскія учебныя заведенія, и для этой же цѣли открыто въ Москвѣ попечительство. Съ 1890 г. въ помѣщеніи Общества по два раза въ мѣсяцъ стала собираться для чтеній и рефератовъ по научнымъ вопросамъ болгарская и по два раза сербская молодежь. Въ 1887—1888 гг. Общество оказало денежную помощь страдавшей отъ голода Черногоріи, собравъ и отославъ туда 35 тысячъ рублей. Въ 1891 г. во время бѣдствія отъ неурожая въ Россіи оно препроводило въ Особый Комитетъ 10 тысячъ рублей. Въ этомъ же году особое торжественное собраніе было посвящено чествованію памяти 1000-лѣтія патріарха Фотія. Въ теченіе 25 лѣтъ Общество затратило на благотворительныя цѣли два съ половиною миліона рублей. Имъ израсходовано: на пособіе православнымъ церквямъ въ

славянскихъ земляхъ 51.252 рубля, на поддержку и основаніе школъ 25.395 рублей, на поддержку литературнымъ учрежденіямъ и предпріятіямъ славянъ 39.691, на воспитаніе 169 славянъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ 102.915 рублей, на пособія пріѣзжимъ славянамъ 34.333 рубля, на помощь славянамъ въ неурожайные годы и во время военныхъ и иныхъ бѣдствій 842.601 р., на организацію медицинскаго отряда и отправку добровольцевъ во время сербско-турецкой войны 479.625 р., на разныя пособія 50.716 р., на рассылку въ славянскія земли книгъ, журналовъ и газетъ 18.931 р. и на свои изданія 156.339 рубля. Юбилей свой общество отпраздновало въ залахъ дворянскаго собранія. Засѣданіе было торжественнымъ не только по наружному блеску или многолюдности, но и по массѣ сочувствія и теплыхъ пожеланій какъ отъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и отъ многихъ учреждений. Заль полонъ публикой, толпившейся даже на хорахъ. На эстрадѣ, около хоругви съ изображеніемъ первоучителей славянскихъ Кирилла и Меодія, собрались члены общества со своимъ предсѣдателемъ графомъ Н. П. Игнатьевымъ. Здѣсь были члены государственнаго совѣта вице-президентъ академіи наукъ, генералъ Поповъ, Черняевъ, А. Ф. Кони, М. Н. Капустинъ, директоръ публичной бібліотеки, ректоръ Юрьевскаго университета, проф. Висковатовъ, епископы, болгарскіе патріоты Цанковъ и Людскановъ, художникъ М. О. Микѣшинъ и др.

Торжество началось чтеніемъ графа Игнатьева отчета о двадцатипятилѣтней дѣятельности общества, изложеніемъ условий, которымъ должны удовлетворять два сочиненія о славянахъ, задаваемые обществомъ на преміи имени покойнаго А. Ф. Гильфердинга въ 3.000 рублей и въ 1.000 р., съ обязательствомъ окончанія ихъ къ 11 мая 1896 года. Премія предполагается выдать 14 февраля 1897 года. Академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ своемъ письмѣ, обрисовалъ цѣль, прошедшее, настоящее и будущее славянскаго общества, предложивъ собранію почтить память умершихъ членовъ общества, потрудившихся для его пользы... Такими членами онъ назвалъ А. Ф. Гильфердинга, А. Б. Иваницкаго, Ф. Ф. Миллера, Н. А. Киреева, М. О. Коваловича—«стоятеля за русское дѣло», И. Ф. Золотарева, Достоевскаго, И. И. Хитрово. Приводимъ главныя мѣста изъ рѣчи гр. Игнатьева. «Мы—преемники и послѣдователи тѣхъ, которыхъ обыкновенно называютъ славянофилами, но которые въ дѣйствительности были выразителями истинной русской мысли, существовавшей и существующей неизмѣнно въ тайникахъ народнаго духа, не смотря на всѣ вліянія, навѣяныя извнѣ на русскаго человѣка. Мы держимся тѣхъ же убѣжденій и идеаловъ, что Кирѣевскій, Хомяковъ, Аксаковъ, Самаринъ и другіе. Идеи эти проникли нынѣ въ массу образованнаго общества и даже въ высшія сферы. Напрасно думать, что мы—безусловные враги Запада, его культуры. По нашему мнѣнію, слѣдуетъ заимствовать все хорошее и полезное отовсюду и широко пользоваться успѣхами міровой науки, не отрекаясь отъ своей самобытности, разумно примѣняя заимствованное къ собственнымъ, дѣйствительнымъ потребностямъ и уважая народныя бытовныя особенности Руси. Почему же русскому ставить въ вину и даже въ преступленіе, когда онъ иной разъ заботится о своихъ братьяхъ по вѣрѣ и крови, сохраняетъ свои собственные идеалы и мировоззрѣніе и не теряетъ изъ виду своихъ собственныхъ интересовъ? На чемъ же основываются подозрѣнія и обвиненія, возбуждаемыя противъ русскаго, когда онъ, сознавая себя славяниномъ, не отрекается отъ своихъ единоплеменниковъ? Но, и не вмѣшиваясь въ активную политику, частные люди могутъ сохранять въ цѣлости сокровище высокихъ мыслей и стремлений. Мы держимся строго русскаго быта—семейнаго, общественнаго и государственнаго, стараюсь лишь усилить обмѣвъ мыслей, пробудить къ жизни то, что таятся въ здоровыхъ, крѣпкихъ народныхъ инстинктахъ, сознавая притомъ чистосердечно, что наличныя силы наши не соответствуютъ гро-

мадной важности преслѣдуемой нами неуклонно славянской идеи». Объявлены почетными членами Общества: митрополитъ Палладій, архіепископъ Антоній, о. Іоаннъ Сергіевъ, П. А. Васильчиковъ, В. К. Саблеръ, В. Г. Чубинскій. А. А. Кирѣевъ, А. С. Будиловичъ—ректоръ юрьевскаго университета, Ѳ. П. Карѣевъ, Я. К. Гротъ, Н. И. Стояновскій, вдова покойнаго писателя А. Г. Достоевская, А. Г. Кузнецова и графиня Е. Л. Игнатьева. Сербскій посланникъ Алимпій Васильевичъ сказалъ полную благодарности къ Россіи и къ Обществу рѣчь. По его словамъ, начальная дѣятельность Общества была за освобожденіе славянъ и началась главнымъ образомъ въ Сербіи. Шестнадцать лѣтъ тому назадъ малое Сербское княжество вмѣстѣ съ еще меньшимъ княжествомъ Черногорскимъ объявило войну Турціи. Сербія была вовсе не приготовлена къ войнѣ. Вооруженіе было самое плохое, не было ни денегъ, ни припасовъ. Но тутъ подошла помощь со стороны Славянскаго Общества: на помощь явились русскіе офицеры, доктора, сестры милосердія и деньги. Сербы получили возможность не только задержать турецкую армію, но и побѣждать ее. Этимъ главнымъ образомъ Сербія обязана царю-освободителю. Торжество закончилось чтеніемъ адресовъ, телеграммъ, раздачею сербскихъ орденовъ, пѣніемъ гимновъ и т. п. Вотъ темы, объявленныя обществомъ на сочиненія для соисканія премій А. Ѳ. Гильфердинга. На премію въ 3.000 рублей объявлена слѣдующая тема: «Представить сжатый, но обстоятельный, основанный на возможно полномъ изученіи доступныхъ источниковъ, при знакомствѣ съ литературою предмета, очеркъ исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, начиная съ такъ называемой исторической эпохи ихъ существованія въ Европѣ—до 1879 года включительно, въ связи съ исторіей сопредѣльныхъ народовъ и государствъ. Въ очеркѣ должно быть обращено вниманіе не на внѣшнія только политическія судьбы этихъ народовъ, но и на внутреннюю ихъ жизнь—церковь, литературу, право и т. п., причемъ съ большею полнотою должны быть изложены тѣ періоды и отдѣльныя событія въ исторической жизни славянъ, которые оставили болѣе глубокой слѣдъ въ судьбахъ той или другой славянской народности въ общеславянской или общеевропейской исторіи». Вторая тема на премію въ 1.000 рублей формулирована такъ: «Представить обстоятельный, основанный на точномъ знаніи источниковъ, очеркъ исторіи и современнаго положенія заграничной Руси (Галиціи, Буковинской и Угорской) въ отношеніяхъ политическомъ, религіозномъ, экономическомъ (за послѣднее время) и проч., причемъ, конечно, болѣе вниманія должно быть обращено на тѣ стороны періода въ историческихъ судьбахъ заграничной Руси, въ которыхъ болѣе ярко выразились съ одной стороны упадокъ національной ея жизни, а съ другой—и подъемъ народнаго русскаго духа. Очерку слѣдуетъ предпослать указатель источниковъ и пособій, а въ концѣ должна быть приложена къ сочиненію, въ случаяхъ его печатанія, карта заграничной Руси». Сочиненія должны быть написаны непременно на русскомъ языкѣ, и срокъ представленія ихъ назначенъ 11-го мая 1896 года. Сочиненія должны быть поданы безъ подписи автора, подъ девизомъ или номеромъ и сопровождаться именемъ автора въ особомъ запечатанномъ конвертѣ съ тѣмъ же девизомъ или номеромъ. По напечатаніи премированнаго труда авторъ, кромѣ преміи, получаетъ въ собственность и 600 экземпляровъ его. Результаты присужденія премій будутъ обнародованы 14-го февраля 1897 года.

Закладна памятникъ Александрѣ II въ Кремлѣ. 14-го мая состоялась въ Москвѣ, въ присутствіи ихъ величествъ, торжественная закладка памятникъ царю-освободителю. Ею заканчиваются предварительныя земляныя работы, продолжавшіяся три года, и съ нея начинается собственно каменная кладка. Постройка памятникъ представляла громадныя трудности. Наносная почва покрывала глубокіе слои песка и глины, недостаточно устойчивые, чтобы на нихъ основать фундаментъ такого грандіознаго сооруженія, какое заду-

мано для увѣковѣченія памяти Александра II. Приходилось врываться глубоко въ землю, чтобы дойти до скалы, служащей основаніемъ всей Москвы. Пришлось сдѣлать выемку въ восемь сажень глубиной и вырыть около восьми тысячъ кубическихъ сажень грунта. Эти цифры достаточно краснорѣчивы, и по нимъ уже можно судить о колоссальности сооруженія. Первый годъ работъ былъ посвященъ археологическимъ раскопкамъ и изслѣдованію грунта. Въ это время раскапывали верхній четырехъ-аршинный наносный слой, состоявшій почти сплошь изъ остатковъ старинныхъ построекъ. Въ этомъ слое найдено множество древнихъ изразцовъ самыхъ оригинальныхъ рисунковъ, съ изображеніями сказочныхъ птицъ сиринь и неясныи, царственного удода съ короной на головѣ, борьбы единорога со львомъ, сказочныхъ цвѣтовъ и растений, и другихъ характеристичныхъ орнаментовъ, обычныхъ въ московскій періодъ развитія нашего искусства. Здѣсь же найдены черепа и кости на двухъ кладбищахъ, о существованіи которыхъ не имѣлось никакихъ указаній. Часть этихъ останковъ древнихъ обитателей Москвы заключена была въ гробахъ, часть—въ выдолбленныхъ колодахъ, а много остововъ найдено сваленными въ кучи, какъ бы погребенными во время эпидеміи или послѣ битвы. Описание археологическихъ находокъ готовится строятелемъ памятника Н. В. Султановымъ и составитъ отдѣльный томъ подготавлиаемаго имъ труда—исторіи работъ по постройкѣ памятника Александру II. Произведенными изслѣдованіями почвы, буровыми скважинами и поисками твердаго грунта къ концу перваго года была выяснена необходимость дорыться до скалы, такъ какъ выше ея не оказалось надежнаго грунта, который могъ бы служить основаніемъ фундамента. Памятникъ со своей галереей, шатромъ, лѣстницей и терасой долженъ представлять такую огромную массу и тяжесть, что только основаніе, вѣдущееся на невыблемой скалѣ, можетъ придать ему вѣковую прочность. Тѣ же изслѣдованія показали присутствіе воды въ нижнихъ частяхъ грунта, которая могла помѣшать работамъ. Въ виду этого, приняты были необходимыя предосторожности, и часть работъ производилась въ кесонахъ. Грунтъ оказался состоящимъ изъ слоевъ желтаго песка, желтой, сѣрой и бѣлой весьма твердой глины. Два года пошли на эти земляныя работы, и теперь онѣ уже совершенно закончены. На основной скалѣ выведены своды, на которыхъ будетъ выложенъ фундаментъ. Мѣстность, гдѣ будетъ воздвигнутъ памятникъ, отдѣляется отъ остальной части Кремля насыпями, сложенными изъ грунта выемки; съ возведеніемъ терасы, эти насыпи пойдутъ на пополненіе выемки и исчезнутъ съ поверхности земли. За ними открывается глубокій разрывъ почвы, идущій отъ краевъ площади внизъ и опускающійся на четыре аршина ниже поверхности Кремлевскаго сада. Это и есть самая выемка, въ которой будетъ заложено основаніе терасы, служащей какъ бы постаментомъ для памятника. Сверху, до дна выемки, на которомъ уже выведены своды, построена широкая и отлогая деревянная лѣстница, ведущая къ помосту, на которомъ былъ изготовленъ шатеръ для торжества закладки. Шатеръ былъ украшенъ гербовыми щитами и увѣнчанъ русскимъ орломъ. Въ лѣвомъ краю помоста, изъ пола поднимается гранитная глыба, въ которой выдолбили мѣста для помѣщенія въ день закладки мраморной доски съ соответствующею надписью и первыхъ камней, которыми заложены памятникъ. Это составляетъ основаніе будущей терасы. Помѣщается оно въ восточной сторонѣ ея, и съ этого мѣста начнется кладка. Для закладки были изготовлены продолговатыя и узкія плитки изъ краснаго кварцита, съ золотыми надписями для ихъ величества, изъ бѣлаго сибирскаго мрамора съ красными надписями—для особъ императорской фамиліи и изъ такого же мрамора съ синими надписями—для членовъ комитета по постройкѣ памятника. Изъ-подъ особаго навѣса по желѣзнымъ рельсамъ выкатывается большая модель памятника въ одну одиннадцатую часть его предполагаемой ве-

личины. Судя по этой модели, памятникъ будетъ очень красивъ. Онъ состоитъ изъ трехъ частей: терасы, или громаднаго постамента, напоминающаго кремлевскую башню и возвышающагося отъ Кремлевскаго сада вплоть до поверхности Дворцовой площади; галереи съ арками, окаймляющей верхнюю часть терасы, и шатра, или сѣни, подъ которой помѣщается бронзовое изображеніе почившаго императора, обращенное лицомъ къ кремлевскимъ соборамъ. По обоимъ бокамъ терасы устроены лѣстницы, ведущія съ Дворцовой площади въ Кремлевскій садъ. Изъ-подъ галереи будетъ открываться живописный видъ на Замоскворѣчье; ночью, освѣщенная блескомъ электрическихъ фонарей, галерея будетъ свѣточемъ, возвышающимся надъ Москвой. Памятникъ будетъ однимъ изъ высочайшихъ зданій столицы, такъ какъ голова орла, вѣнчающаго сѣнь, будетъ находиться на одной вышинѣ со вторымъ ярусомъ колоколовъ колокольни Ивана Великаго, то-есть на 81 аршинъ отъ земли. Строитель надѣется окончить всѣ работы въ три года. Нынѣшнимъ лѣтомъ онъ предполагаетъ закончить терасу, а въ слѣдующемъ году вчернѣ окончить галерею и сѣнь, такъ что на третій годъ останется только отдѣлка и постановка статуи, изображающей императора Александра II въ порфирѣ и Андреевской цѣпи, съ опущенной и нѣсколько протанутою впередъ правою рукою. Такимъ образомъ, черезъ три года Москва украсится еще однимъ великолѣпнымъ памятникомъ, который будетъ ея славой и гордостью.

Ангъ въ археологическомъ институтѣ 17-го мая. Профессоръ Н. В. Покровский прочелъ отчетъ о дѣятельности института за 1891—1892 и 1892—1893 учебные годы. Въ почетные члены археологическаго института избраны: великій князь Георгій Михайловичъ, графиня П. С. Уварова, сенаторъ Д. А. Ровинскій, Ю. Б. Иверсенъ, А. Н. Андреевская и двое изъ жертвователей: В. Я. Яковлевъ, внесшій въ фондъ института 500 рублей, и М. И. Любимовъ, внесшій 2.500 рублей. Всѣхъ почетныхъ членовъ было 90, дѣйствительныхъ—42 и сотрудниковъ—20. Въ составъ институтскаго преподаванія введены три новыхъ предмета: славяно-русская палеогеографія, читать которую приглашенъ профессоръ А. И. Соболевскій, первобытныя древности Европы и Азии (читаетъ проф. Н. И. Веселовскій) и древняя географія (читаетъ С. М. Середонинъ). Въ настоящее время кругъ предметовъ, преподаваемыхъ въ институтѣ, шире, чѣмъ во французской Ecole des Chartes, послужившей прототипомъ института. Археологическій институтъ имѣетъ теперь въ составѣ профессоровъ представителей всѣхъ важнѣйшихъ отраслей археологій и архивовѣдѣнія. Всѣхъ слушателей въ институтѣ было въ отчетное время 45: на первомъ курсѣ—28, на второмъ—17. Институтъ перемѣнилъ помѣщеніе, что сократило расходы на тысячу рублей въ годъ. Библіотека обогатилась 1.200 томами, завѣщанными покойнымъ И. Е. Андреевскимъ, и пожертвованіями графини П. С. Уваровой, сенатора Д. А. Ровинскаго и гг. Барсуковыхъ. Музей увеличился коллекціей сосудовъ, привезенныхъ изъ Керчи въ 1891 г. графомъ А. А. Бобринскимъ, старинными монетами (вклады императорской археологической комисіи и А. Н. Труворова). По предложенію А. Н. Труворова была почтена память скончавшихся почетныхъ членовъ института: А. Д. Галахова—одного изъ первыхъ сотрудниковъ Н. В. Калачова по первоначальному устройству института, архимандрита Леониды, Ѳ. Г. Солицева, Л. К. Ивановскаго, М. И. Семевскаго и И. Г. Харитоненка. С. М. Середонинъ произнесъ рѣчь: «О наукѣ исторической географіи въ Россіи». Ораторъ указалъ на прошлое и будущее этой науки, которой предстоитъ внести свѣтъ въ область археологическихъ изслѣденій.

Двадцатипятилѣтняя годовщина взятія Самарканда. 2-го мая исполнилось двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Россія владѣетъ древнею столицею мусульманъ въ Средней Азій—Самаркандомъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ присоединенъ къ намъ самый благодатный уголокъ Средней Азій и лучшая часть знаме-

нитой по своему плодородію и населенности долины Міанкаль. Съ тѣхъ поръ тамъ многое измѣнилось. Обиліе сырыхъ продуктовъ всѣхъ трехъ царствъ Самарканда даетъ богатую пищу для добывающей и обрабатывающей промышленности. Затраченный трудъ вознаграждается вполнѣ, хотя будущее русской торговли тамъ еще впереди. Кромѣ того, Самаркандъ служитъ удобнымъ путемъ для транзита товаровъ изъ Европы въ Индію. Народное преданіе приписываетъ основаніе Самарканда мифическому герою царю Ефросіабу. Есть основаніе предполагать, что Самаркандъ такъ же древень, какъ Вавилонъ. О немъ упоминаетъ Геродотъ и говорится въ исторіи Александра Македонскаго. Въ началѣ VI вѣка по Р. Х. Самаркандъ служилъ мѣстопробываніемъ христіанскихъ епископовъ и даже митрополита. Затѣмъ онъ былъ покоренъ магометанами, и пустившее уже въ немъ ростки христіанство было подавлено. Въ началѣ нынѣшняго тысячелѣтія это былъ городъ, славившійся богатствомъ, великолѣпнымъ и роскошью, и въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія переживалъ самую цвѣтущую пору своей исторической жизни. Въ 1221 г. Самаркандъ былъ взятъ монгольскимъ завоевателемъ Чингисъ-ханомъ; по преданію, всѣ жители и войско въ числѣ 30.000 человекъ были перерѣзаны въ одну ночь. Самаркандъ и его крѣпость были скрыты и сравнены съ землею. Но онъ скоро возродился. Путешественникъ Марко-Поло, посѣтившій его во второй половинѣ XIII столѣтія, пишетъ о немъ слѣдующее: «Самаркандъ — великолѣпный городъ, украшенный чудными садами. Онъ окруженъ равниной, производящей всевозможные плоды. Въ городѣ живутъ христіане и сарацины». Не смотря на поддержку монгольскихъ князей, христіанство въ скоромъ времени было совсѣмъ искоренено въ Туркестанѣ. Въ наступившую потомъ эпоху внутреннихъ раздоровъ и междоусобій, которыя вели между собою Чингисиды, Самаркандъ постепенно падалъ и скоро былъ извѣстенъ только своими развалинами, напоминавшими о когда-то существовавшемъ величій. Въ 1369 г. былъ провозглашенъ эмиромъ Трансоксаніи хромой завоеватель Азіи Тамерланъ, или Тимуръ Ленкъ. Онъ выбралъ Самаркандъ своею столицею, и снова улицы города наполнились шумомъ многолюднаго, дѣятельнаго населенія, базары и рынки завалены были товарами, привозившимися со всѣхъ концовъ міра. Средне-азиатское водчество пріютилось въ загородныхъ садахъ и виллахъ. Цѣною гибели городовъ чуть ли не половины Азіи, цѣною цѣлыхъ потоковъ крови, проливаемой выходцемъ изъ Зеленаго Города (Шехри-Севъ), на пространствѣ отъ Яксарта до Ганга и отъ Памира до Босфора, — Самаркандъ богатѣлъ, расширялся и сталъ величайшимъ городомъ тогдашней Азіи. Донъ-Руй-Гонзалезъ-де-Клавихо, посолъ испанскаго короля Генриха III, бывшій въ Самаркандѣ въ 1404 г., подробно описываетъ всѣ чудеса столицы побѣдителя Азіи. На каждомъ шагу онъ долженъ былъ удивляться несмѣтнымъ богатствамъ, свезеннымъ въ Самаркандъ со всѣхъ концовъ Азіи. Едва прошло столѣтіе со времени основанія могущественной монархіи, какъ дикіе варвары, предводимые смѣлымъ наѣзникомъ, ханомъ Шейбани, снова нахлынули съ сѣвера въ цвѣтущую долину Заревшана. Великолѣпные загородные дворцы, мечети, медресе (училища) подверглись разрушенію, и запустѣніе снова овладѣло городомъ. Съ этихъ поръ Самаркандъ быстро сталъ падать. Даже выдающійся Шейбанидъ, Абдула-ханъ, не могъ удержать этого паденія. Надменные и крайне невѣжественные правители Бухары послѣдующихъ двухъ столѣтій еще болѣе способствовали полнѣйшему упадку прежняго величія города. Только грандиозныя и понынѣ развалины напоминаютъ о его славномъ прошломъ. Но двадцать-пять лѣтъ тому назадъ городъ былъ призванъ къ возрожденію. Въ эту четверть вѣка Самаркандъ значительно развился. Торговля стала расцвѣтать. Мѣстное мусульманское населеніе, избавившись отъ вѣчнаго грабежа бухарской администраціи, стало богатѣть. Остальное

мусульманское население Средней Азии съ завистью смотритъ на привольную жизнь мусульманъ. Движеніе русскихъ на югъ отъ оренбургскихъ степей началось еще въ сороковыхъ годахъ, но въ шестидесятыхъ годахъ были совершены самые крупные и рѣшительные шаги по пути покоренія Туркестана. Рядъ блистательныхъ побѣдъ завоевалъ намъ прочную позицію на берегахъ Сыръ-Дарьи. Въ 1864 г. были взяты города Ауліата, Туркестанъ и Чекментъ, въ слѣдующемъ 1865—Ташкентъ и состоялось движеніе за Сыръ-Дарью. Въ 1866 г. взяты за Сыръ-Дарьей Ходжентъ, Ура-Тюбе и Джизакъ, послѣ чего русскіе утвердились у Яни-Кургана и стали въ виду Самарканда. Въ маѣ 1866 г. русскія войска, подъ начальствомъ генерала Романовскаго разбили многочисленную бухарскую армію подъ Ирджаромъ. Не смотря на рядъ неудачъ, бухарскій эмиръ, уступая вліянію духовенства и народа, продолжалъ священную войну противъ русскихъ. Послѣ паденія Ходжента графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ продолжалъ побѣдоносный походъ русской арміи на югъ и въ началѣ октября 1866 г. взялъ Уратепе. Послѣ этой крѣпости скоро палъ и Джизакъ, пограничная крѣпость Бухары противъ Кокана. Въ 1867 г. военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ ограничивались небольшими стычками, на правомъ берегу Заревшана. 1-го мая 1868 г. русскій отрядъ двинулся на Самаркандъ; полковникъ Петрушевскій встрѣтился съ бухарскимъ посланникомъ Неджм-Эддиномъ, чрезъ котораго эмиръ дѣлалъ мирныя предложенія. Но въ виду постоянныхъ увертокъ и проволочекъ предложеніе эмира было отклонено; отрядъ построился въ боевой порядокъ и въ виду непріятеля началъ переходить Заревшанъ. Едва только русскій отрядъ подъ командою генерала Головачева перешелъ на занятый бухарцами берегъ, какъ армія эмира покинула свою выгодную позицію на высотахъ и, побросавъ всѣ орудія, обратилась въ бѣгство. Все это дѣло происходило въ незначительномъ разстояніи отъ Самарканда, обыватели котораго, опасаясь большого зла отъ отчаяннаго бѣгства своихъ соотечественниковъ, чѣмъ отъ занятія города врагомъ, заперли городскія ворота передъ своими же и отправили къ генералу Кауфману депутацію, состоявшую изъ знатныхъ муллъ и аксакаловъ, прося о пощадѣ. На слѣдующій день часть русскаго войска вошла въ Самаркандъ.

† 30-го апрѣля бывшій редакторъ «Варшавскаго Дневника» князь Николай Николаевичъ Голлицынъ. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата юридическихъ наукъ онъ выступилъ въ 1860 г. на служебное поприще судебнымъ слѣдователемъ, а съ 1871 г. по 1879 г. служилъ въ канцеляріи по дѣламъ царства Польскаго. Въ качествѣ юриста Н. Н. изучилъ положеніе дѣлъ въ царствѣ Польскомъ, и въ 1879 г. ему было поручено редактированіе «Варшавскаго Дневника», который выходилъ подъ его редакціей въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Въ 1883 г. участвовалъ въ комисіи подъ предсѣдательствомъ графа Палена для пересмотра законовъ объ евреяхъ и въ 1890 г. назначенъ членомъ совѣта крестьянскаго поземельнаго банка. Князь Голицынъ, какъ любитель, въ часы досуга занимался археологіей, собираніемъ и описаніемъ древнихъ рукописей и книгъ. За библиографическіе и ученые труды, а также за цѣлныя пожертвованія избранъ въ почетные члены публичной бібліотеки. Умеръ онъ на 56 году, оставивъ замѣчательный библиографическій трудъ, хотя не безъ пропусковъ и промаховъ, но выдержавшій три изданія «Словарь русскихъ писателей».

† Профессоръ Петербургской духовной академіи Андрей Ивановичъ Предтеченскій 6-го мая. Онъ въ продолженіе 30 лѣтъ работалъ усердно, занимая послѣднее время кафедрой древней гражданской исторіи. А. И. усиленно заботился о томъ, чтобъ профессорская старость была обезпечена, и по его почину, 18 лѣтъ тому назадъ, при Петербургской духовной академіи былъ учрежденъ фондъ профессорской эмеритуры. Онъ кончилъ курсъ въ акаде-

мѣнъ въ 1855 г. и за ученые труды получилъ степень магистра богословскихъ наукъ. Его перу принадлежатъ масса работъ по церковнымъ вопросамъ, но онъ былъ не чуждъ и газетной дѣятельности. Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ писалъ передовыя статьи и фельетоны въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ».

† 25-го мая членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія Януарій Михайловичъ Невѣровъ, бывшій 15-тъ лѣтъ (съ 1864 г. по 1879 г.) попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа. Дѣятельность покойнаго была направлена, главнымъ образомъ, къ тому, чтобъ открыть возможно большее число русскихъ народныхъ школъ въ Закавказскомъ краѣ и Ставропольской губерніи. При немъ въ мѣстныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ число уроковъ русскаго языка значительно увеличилось, стали устраиваться въ учебныхъ заведеніяхъ драматическіе вечера, выработаны уставы горскихъ школъ, тифлискаго ремесленнаго училища, кубанской учительской семинаріи, прогимназіи были преобразованы въ гимназіи. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи на Кавказѣ и благотворительныхъ обществъ. Онъ родился въ Ардатовѣ въ 1810 году. По окончаніи курса въ уѣздномъ училищѣ поступилъ въ канцелярскіе чиновники нижегородскаго городского магистрата, но вскорѣ вышелъ въ отставку и самостоятельно приготовился къ поступленію въ Московскій университетъ, гдѣ блестяще кончилъ курсъ, и затѣмъ былъ сотрудникомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». Однако и университетское образованіе не отвѣчало потребностямъ Невѣрова. Онъ въ 1837 г. отправился въ Берлинъ заканчивать свое развитіе и содержалъ себя въ Берлинѣ исключительно литературнымъ трудомъ. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ назначенъ инспекторомъ рижской гимназіи, затѣмъ былъ директоромъ черниговской и ставропольской гимназій и Лаваревскаго института въ Москвѣ.

† 24-го мая одинъ изъ выдающихся русскихъ ученыхъ, вице-президентъ академіи наукъ, Яковъ Карловичъ Гротъ. Онъ былъ хорошо извѣстенъ каждому русскому человѣку своими научными трудами. Его «Русское правописаніе» является настольною книгою, а обширные трактаты «О спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія» и «Филологическія розысканія» составляютъ цѣнные вклады въ русскую литературу. Изданныя имъ сочиненія Державина и кн. Вяземскаго считаются образцовыми по научности пріемовъ и важности историко-литературныхъ объясненій. За научные труды Гротъ былъ избранъ докторомъ русской словесности и почетнымъ членомъ всѣхъ русскихъ университетовъ, Александровскаго лицея и другихъ ученыхъ русскихъ и иностранныхъ учреждений. Академія наукъ избрала его въ 1889 г. своимъ вице-президентомъ. Онъ родился въ Петербургѣ 15-го декабря 1812 г., воспитывался въ Царскосельскомъ лицейѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1832 г. съ первую золотою медалью. Служилъ первыя восемь лѣтъ въ комитетѣ министровъ, затѣмъ въ государственномъ совѣтѣ. Въ 1840 г. переселился въ Финляндію, гдѣ былъ профессоромъ Гельсингфорскаго университета. Въ 1853 г. вызванъ въ Петербургъ для преподаванія сыновьямъ Александра II русскаго языка и другихъ предметовъ. Одновременно Я. К. занялъ кафедру русской словесности въ Александровскомъ лицейѣ. Онъ былъ знатокъ скандинавской литературы, владѣлъ языками: финскимъ, шведскимъ, исландскимъ, датскимъ, греческимъ, зналъ санскритскій, не говоря уже о новѣйшихъ языкахъ и славянскихъ нарѣчіяхъ. Онъ первый познакомилъ русскую публику со шведскими поэтами, печатая переводы изъ нихъ въ журналахъ сороковыхъ годовъ; особенно замѣчательенъ переводъ Тегнера «Фритіофъ, скандинавскій богатырь». Перечислить всѣ труды Грота чрезвычайно трудно: такую массу напечаталъ онъ, особенно по исторіи литературы—характеристики и матеріалы для біографій Державина, Ломоносова, Крылова, Карамзина, Пушкина, Вяземскаго, Плетнева, Бѣлинскаго, Гоголя и друг., изслѣдованія о Екатеринѣ II, о княгинѣ Дашковой, о Пугачевскомъ бунтѣ.

о Петръ великомъ, и пр. Большая часть трудовъ покойнаго переведена на иностранные языки, а самое имя его пользуется большою извѣстностью и авторитетомъ за границей. Въ февралѣ нынѣшняго года справлялся шестидесятилѣтній юбилей его ученой дѣятельности. Со смертью его, Галахова и Гончарова осталось только два представителя литературы тридцатыхъ годовъ: А. П. Милуковъ и А. В. Старчевскій.

† 1-го іюня, 47 лѣтъ, членъ совѣта земельнаго дворянскаго банка, Митрофанъ Ивановичъ Городецкій. Покойный началъ службу въ 1862 г., въ Орловскомъ губернскомъ правленіи, въ 1865 г. перешелъ въ Варшаву, въ правительственную комисію внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, находившуюся подъ предсѣдательствомъ князя В. А. Черкаскаго, а затѣмъ долгое время исполнялъ должность комисара по крестьянскимъ дѣламъ въ Ломжинской губерніи. На этой тогда весьма трудной и хлопотливой должности М. И. имѣлъ случай выказать свои способности и рѣдкую энергію и въ 1879 г. былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ въ комисію по крестьянскимъ дѣламъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ прошломъ году, когда оказалась необходимость произвести реформы въ дворянскомъ и крестьянскомъ банкахъ, ему, какъ специалисту по земельнымъ вопросамъ, было предложено мѣсто члена совѣта, причемъ на него легла вся тяжесть предварительной разработки нѣкоторыхъ изъ предложенныхъ реформъ. Онъ отдался этому дѣлу съ обычнымъ ему рвеніемъ, работалъ, не зная отдыха, и скоро надорвалъ свое здоровье. Ослабленный организмъ не перенесъ воспаленія въ легкихъ, которое и свело его въ преждевременную могилу.

Въ М. И. Городецкомъ общество потеряло одного изъ тѣхъ людей, которые особенно нужны именно въ настоящее время: это былъ человекъ съ стойкими убѣжденіями, неподкупно честный и неутомимый работникъ. Для него трудъ составлялъ цѣль жизни, и всѣ свободныя отъ служебныхъ занятій минуты онъ отдавалъ литературѣ. Въ подробности изучивъ исторію русскихъ окраинъ, онъ преимущественно и занимался ею. При его ближайшемъ содѣйствіи и подѣ его редакціей были изданы П. Н. Батюшковымъ такіе капитальные сборники, какъ «Холмская Русь», «Волинь», «Подолія» и «Бессарабія». Многочисленные статьи и замѣтки его, всегда основательныя, печатались въ «Русской Старинѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Всемирной Иллюстраціи», «Новомъ Времени» и другихъ изданіяхъ. Кромѣ того, имѣя страсть къ библиографіи, онъ постоянно, въ теченіе двадцати лѣтъ, составлялъ указатели сперва къ «Древней и Новой Россіи», а затѣмъ къ «Историческому Вѣстнику». Всѣ, кто лично зналъ М. И., безъ сомнѣнія, сохраняютъ о немъ добрую память, какъ о человекѣ съ прекраснымъ сердцемъ, всегда готовомъ оказать посильную услугу и помощь нуждающимся. Онъ не дослужилъ всего два года до полной пенсіи и, умирая, не оставилъ своей многочисленной семьѣ никакихъ средствъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Письмо въ редакцію.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ помѣщена статья г. Покровскаго «Очерки Москвы». Авторъ, описывая принадлежащій Императорскому Человѣколюбивому Обществу домъ въ

Москвѣ, на Лубянской площади, пожертвованный Шиповымъ, саркастически объясняетъ читателямъ, что «обветшалое, грязное и антисанитарное состояніе этого дома, дающаго приютъ бѣднотѣ и нищетѣ, наполняющей его какъ сельда боченокъ», особенно будто бы пріятно для Человѣколюбиваго Общества, ибо даетъ ему возможность извлекать изъ полуразрушеннаго строенія, носящаго, по словамъ г. Покровскаго, трущобный характеръ, огромные барыши, какихъ, какъ полагаетъ авторъ, не въ состояніи дать, при самыхъ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ мѣстоположенія, ни одинъ благоустроенный и благоприлично содержимый домъ въ Москвѣ. Это соображеніе финансоваго характера служитъ будто бы единственнымъ соображеніемъ, которымъ руководствуется Человѣколюбивое Общество, не предпринимая до сего времени, то-есть до февраля текущаго года, никакихъ мѣръ къ упорядоченію своего владѣнія съ виѣшной и внутренней стороны.

Пожертвованный покойнымъ Шиповымъ на благотворительныя дѣла Императорскаго Человѣколюбиваго Общества домъ находится въ завѣдываніи Московскаго Попечительнаго о бѣдныхъ Комитета названнаго Общества. Какъ предѣдатель этого комитета, я считаю необходимымъ возразить противъ невѣрности сообщеній г. Покровскаго. Не касаясь вопроса о томъ, почему Шиповскій домъ долго сохранялъ свой трущобный характеръ, я считаю долгомъ указать на то, что домъ этотъ уже второй годъ, какъ находится въ перестройкѣ, и въ то время, когда г. Покровскій писалъ свои очерки Москвы, то-есть въ февралѣ этого года, одна половина его была совершенно заново отдѣлана, отъ фундамента до крыши, а другая, свободная отъ жильцовъ, ожидала своей очереди.

По новому плану, Шиповскій домъ, оставаясь доходною статьею для выполненія воли завѣщателя, совершенно измѣнилъ свой характеръ: нижній этажъ занятъ магазинами, а два верхніе приспособлены подъ большія, приличныя квартиры. Уже въ ноябрѣ 1892 года, если бы г. Покровскій счелъ нужнымъ справляться съ дѣйствительностью, а не съ памятью, онъ могъ бы убѣдиться, что сдѣланное имъ описаніе Шиповскаго дома является анахронизмомъ.

Предѣдательствующій двора Его Величества камергеръ

Сергѣй Яковлевъ.

Примѣчаніе редакціи. Печатаемъ письмо г. Яковлева тѣмъ съ болѣею готовностью, что въ сущности ни авторъ, ни редакція невиноваты въ указываемыхъ письмомъ неточностяхъ: «трущобнаго» характера прежней «Шиповской крѣпости» не отрицаетъ и самъ г. Яковлевъ, равно какъ и не утверждаетъ, что новый домъ приноситъ или будетъ приносить столько же дохода, сколько давалъ старый, а лишь поясняетъ, что «по новому плану» домъ остается «доходною статьею для выполненія воли завѣщателя»: выраженіе совершенно неопредѣленное, заставляющее предполагать, что соображенія г. Покровскаго о болѣе доходности прежняго дома, какъ мотивъ къ долговременному оставленію его въ полуразрушенномъ видѣ, не лишены основательности.

Что же касается факта перестройки дома, то его во время составленія очерковъ еще не существовало, такъ какъ они поступили въ редакцію около года назадъ, а составлялись авторомъ, понятное дѣло, еще много раньше; послѣднихъ же корректуръ предъ появленіемъ статьи въ печати автору не удалось прочесть, да и изъ письма самого г. Яковлева явствуетъ,

что перестройка далеко не окончена, и къ февралю мѣсяцу текущаго года отдѣлана была заново лишь половина дома, а другая все еще ожидала своей очереди.

II.

Къ статьѣ г. Покровскаго.

Позволяю себѣ сдѣлать нѣкоторыя поправки къ статьѣ г. Покровскаго «Очерки Москвы», помѣщенной въ майской книгѣ «Историческаго Вѣстника». Говоря о гг. Алексѣевыхъ, онъ, между прочимъ, пишетъ, что «Сергѣй Владиміровичъ, дядя головы, здравствуетъ, по милости Божіей, доселѣ», между тѣмъ какъ Сергѣй Владиміровичъ Алексѣевъ скончался 17-го января 1893 года. Далѣе, описывая мѣстность около дома А. И. Хлудова, авторъ сообщаетъ, что за Хлудовскимъ палаццо находится ровъ, «по дну котораго проложены рельсы соединительнаго пути Курской дороги съ Ярославскою». Не отрицаю того, что этотъ путь соединяетъ и Курскую желѣзную дорогу съ Ярославскою, или другими дорогами, чрезъ посредство Николаевской желѣзной дороги; но главнымъ образомъ онъ былъ выстроенъ для соединенія Николаевской желѣзной дороги съ Нижегородской и еще за нѣсколько лѣтъ до открытія и постройки Курской желѣзной дороги. Слѣдовательно и обвиненіе общества Курской желѣзной дороги, высказанное г. Покровскимъ, въ пересѣченіи нѣкоторыхъ московскихъ улицъ и образованіи изъ нихъ искусственныхъ тупиковъ, въ силу вышесказаннаго лишено основанія.

П. Ильинъ.

ДВОРЪ КАРЛА IV

(La corte de Carlos IV)

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ПЕРЕСА ГАЛЬДОСА

Переводъ съ испанскаго Е. I. УМАНЕЦЪ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРГЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1893

I.

КРУГЛЫЙ сирота и безъ гроша въ карманѣ, я бродилъ по улицамъ Мадрида въ самомъ мрачномъ расположеніи духа. Наконецъ, мнѣ пришла въ голову счастливая мысль сдѣлать о себѣ публикацію въ одной изъ газетъ, и черезъ три дня я получилъ мѣсто у актрисы королевскаго театра Пепиты Гонзалесъ. Это было въ концѣ 1805 года, а то, что я хочу рассказать, произошло въ 1807 году, когда мнѣ было семнадцать лѣтъ.

Мои обязанности въ домѣ Пепиты Гонзалесъ были на столько сложны и разнообразны, что я скоро узналъ многія закулисныя стороны жизни. Я долженъ былъ исполнять слѣдующее.

Помогать извѣстному придворному парикмахеру въ прическѣ моей госпожи.

Ходить въ улицу Desengaño за жемчужной пудрой, элексиромъ, помадой султанши и за порошками Марешаль, которые дѣлалъ неподражаемо одинъ изъ преемниковъ провизора самой Маріи-Ангуанеты.

Ходить въ улицу de la Reina, № 12, въ мастерскую одного художника и срисовывать костюмы, потому что въ то время театральные костюмы еще разрисовывались красками согласно модѣ, что было и экономно и красиво.

Носить по вечерамъ остатки обѣда старому бѣдному драматургу, автору бездарныхъ драмъ, комедій и водевилей.

Чистить порошкомъ корону и скипетръ, необходимые моей госпожѣ въ ея главной роли въ пьесѣ «Московскій самозванецъ».

Помогать ей учить роли и отвѣчать репликами на ея монологи. Нанимать карету, когда она ѣхала въ театръ.

Въ театрѣ de la Cruz освистать ту или иную пьесу, не нравившуюся моей госпожѣ.

Прогуливаться съ разсѣяннымъ видомъ по площади Santa Ana и въ то же время слушать, что говорятъ посѣтители другихъ театровъ объ актерахъ королевскаго.

Сопровождать ее въ театръ и держать въ рукахъ ея скипетръ и корону.

Каждый день ходить къ актеру Исидоро Маиклесъ, чтобы спросить у него, какой костюмъ надѣть для той или иной роли, а въ сущности для того, чтобы пронюхать, кто у него бываетъ.

Изображать роли пажа или слуги, подающаго письмо или стаканъ воды.

Впрочемъ, если бы я сталъ перечислять все мои обязанности, то для этого потребовалось бы нѣсколько страницъ. Перейду лучше къ описанію несравненной Пениты Гонзалесъ.

Это была очень граціозная и изящная молодая дѣвушка, съ необыкновенно выразительными черными глазами. Мнѣ особенно запомнились эти ясные, красивые глаза и умѣнье одѣваться. Все сидѣло на этой граціозной фигурѣ какъ-то иначе, чѣмъ на другихъ.

Публика была въ восторгѣ и отъ ея декламациі, и отъ переливовъ голоса, и отъ манеры держать себя. Когда она гуляла по улицѣ, ея поклонники восхищались ею. Когда она высовывала лицо въ окно кареты, все шептали единогласно: «Вотъ ѣдетъ самая граціозная женщина Испаніи!». Эти уличныя оваціи очень радовали ее, или лучше сказать насъ, потому что слуги всегда раздѣляютъ успѣхи своихъ господъ.

Мнѣ казалось, что она обладаетъ пылкимъ и вѣжнымъ темпераментомъ. Но она была на столько сдержанна, что многіе считали ее холодной. Она была очень добра и по возможности старалась помогать нуждающимся. Каждую субботу къ намъ приходили бѣдные, и одною изъ моихъ обязанностей было надѣлать ихъ мелкой монетой. Жила она съ своей старой восьмидесятилѣтней бабушкой, донной Домингвитой, и, кромѣ меня, держала еще служанку.

Не знаю, какъ взглянулъ бы я на нее теперь, но тогда она казалась мнѣ превосходной актрисой. Въ то время у нея не было соперницъ, такъ какъ наши знаменитости сошли со сцены именно тогда, когда ея талантъ былъ въ полномъ блескѣ. А изъ мужскаго персонала единственной звѣздой, также не имѣвшей соперниковъ, былъ Исидоро Маиквесъ.

Не могу сказать, чтобы я былъ особенно высокаго мнѣнія относительно ея образованія. Она мало интересовалась литературой и, по всей вѣроятности, не изучала знаменитыхъ драматурговъ, хоть и преклонялась передъ Кальдерономъ и Лопе де-Вега.

Я долженъ прибавить, что въ то время театры были вовсе не похожи на теперешніе. Въ галлерей и райкѣ мужскія мѣста были

отдѣлены отъ женскихъ перегородкою. Если теперь можно шепотомъ подѣлиться своими впечатлѣніями съ сосѣдомъ, то тогда, наоборотъ, надо было почти кричать мужчинѣ, чтобы его услышала женщина. Поэтому въ театрѣ, во время представленій даже, шель такой шумъ и гамъ, что трудно было слышать слова актеровъ.

Если глядѣть на залу сверху, то она представляла крайне жалкій видъ. Керосиновые фонари едва мерцаютъ, Аполлонъ, изображенный на потолкѣ, съ лирой въ рукахъ, кажется, вотъ-вотъ сейчасъ съ горя разобьетъ ее. А когда зажигали большую люстру, висѣвшую по срединѣ залы, то это событіе въ райкѣ всегда встрѣчалось шумными оваціями и веселыми криками. Ложи были до такой степени малы, что въ нихъ помѣщалось съ большимъ трудомъ определенное число лицъ, а такъ какъ дамы вѣшали на балюстраду свои мантильи и шали, то ряды ложъ были похожи на прилавки магазиновъ маскараднаго платья. Въ креслахъ мужчины сидѣли въ шляпахъ, и долго этотъ обычай не могъ искорениться, не смотря на то, что на дверяхъ были надписи: «Посѣтители ложъ и партера, всѣ безъ исключенія, обязаны сидѣть безъ шляпъ и фуражекъ, но, по желанію, могутъ оставлять при себѣ плащи».

II.

Но прежде, чѣмъ переходить къ событіямъ осени 1807 года, оставившимъ въ памяти мадридянъ воспоминаніе о знаменитомъ заговорѣ въ Эскуріалѣ, я не могу не сказать нѣсколько словъ объ одной дѣвушкѣ, овладѣвшей моимъ сердцемъ и имѣвшей большое вліяніе на всю мою жизнь.

Всѣ театральные и домашніе костюмы Пепиты Гонзалесъ заказывались въ улицѣ Канъисаресъ у одной всѣми уважаемой, еще не старой портнихи. Въ лицѣ доньи Хуаны (такъ звали эту симпатичную женщину) и въ манерѣ держать себя было много достоинства и даже благородства. У нея была дочь, Инезилья, усердно помогавшая матери въ работѣ.

Кромѣ прелестнаго лица, Инезилья обладала и недюжиннымъ умомъ. Она судила обо всемъ удивительно ясно и здраво. Въ жизнь мою я не встрѣчалъ дѣвушки, равной ей по уму. Говорила она всегда спокойно, и я не могъ не соглашаться съ нею, хотя она нерѣдко противорѣчила мнѣ. Она всегда дѣйствовала успокоительно на мою пылкую натуру. Я вообще увлекался, метался изъ стороны въ сторону, былъ разсѣянъ, она же, наоборотъ, разсудительна и сдержанна.

Какъ только я узналъ Инезилью, я полюбилъ ее, но какъ-то странно; меня неудержимо влекло къ ней, но это влеченіе было идеальное, возвышенное, одно изъ тѣхъ, которыя овладѣваютъ

лучшей частью нашего существа. Я считалъ ее первой женщиной въ мірѣ, но въ то же время находилъ возможнымъ любить другихъ. Я считалъ ее недоступной земнымъ страстямъ, не смотря на то, что она была простая портниха.

Третьимъ членомъ этой семьи былъ патеръ Челестино Сантосъ дель-Мальваръ, братъ покойнаго мужа доньи Хуаны и, слѣдовательно, дядя Инезильи. Этотъ добродушный и довѣрчивый патеръ былъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ, такъ какъ не имѣлъ прихода. Онъ превосходно зналъ богослуженіе и латинскій языкъ, но вѣчно сидѣлъ безъ мѣста. Онъ писалъ воспоминанія о министрѣ двора Карла IV, принцѣ Годоѣ, съ которымъ провелъ свое дѣтство въ одномъ городѣ.

Когда Годой вступилъ въ управление министерствомъ, онъ обѣщаль ему приходъ, но съ тѣхъ поръ прошло уже четырнадцать лѣтъ, и Челестино дель-Мальваръ все ожидалъ исполненія обѣщанія. Каждый разъ, когда его спрашивали объ этомъ, онъ отвѣчалъ:

— На будущей недѣлѣ я получу назначеніе, мнѣ сказалъ это секретарь министерства.

Такимъ образомъ прошло четырнадцать лѣтъ, а будущая недѣля все не наступала.

Каждый разъ, какъ моя госпожа посылала меня въ этотъ домъ, я засиживался цѣлые часы въ этой милой семьѣ. Донья Хуана съ дочерью вѣчно сидѣли за шитьемъ, а патеръ Челестино игралъ на флейтѣ или писалъ латинскіе стихи или составлялъ свои интереснѣйшія, по его мнѣнію, воспоминанія.

Наши разговоры всегда были оживлены. Я рассказывалъ имъ мою жизнь и мои безумные проекты въ будущемъ. Мы искренно, но безобидно, смѣялись надъ довѣрчивостью патера Челестино, когда онъ съ торжествующимъ видомъ входилъ въ комнату и, положивъ шляпу на стулъ, говорилъ, усаживаясь подлѣ насъ:

— Ну, теперь уже рѣшено: на будущей недѣлѣ я получаю мѣсто. Мнѣ сказали, что были нѣкоторыя затрудненія, но теперь они, слава Богу, устранены. На будущей недѣлѣ у меня будетъ приходъ.

Одинъ разъ я сказалъ ему:

— Мнѣ кажется, донъ Челестино, что вы не умѣете заискивать въ людяхъ...

— Что такое значить заискивать?—спросилъ онъ меня.

— Видите ли... всѣ говорятъ, что надо умѣть вести дѣло, что надо заводить дружескія отношенія съ полезными людьми... словомъ, дѣлать то, что дѣлали многіе, для того, чтобы достигъ высокихъ степеней...

— Ахъ, Габріэль! — замѣтила донья Хуана. — Кто это вбилъ тебѣ въ голову такое честолюбіе! Ты, кажется, спишь и видишь

себя при дворѣ, въ блестящихъ эполетахъ и зашитомъ золотомъ мундирѣ.

— Совершенно вѣрно, дорогая сеньора, — сказалъ я, улыбаясь и взглянувъ на Инезилью, съ которой мы не разъ вели такіе разговоры. — Такъ какъ у меня нѣтъ ни отца ни матери, которые позаботились бы обо мнѣ, то я долженъ самъ подумать о моемъ будущемъ. Вѣдь есть же люди, которые личной энергіей достигли очень многого!

— Ты далеко пойдешь, Габріэль, — серьезно произнесъ донъ Челестино, — я не удивлюсь, если современемъ изъ тебя выйдетъ грандъ. Тогда ты ужъ не захочешь съ нами слова сказать и не придешь къ намъ. Но тебѣ необходимо изучить латинскихъ классиковъ, безъ нихъ трудно жить на свѣтѣ; кромѣ того, я посовѣтовалъ бы тебѣ учиться играть на флейтѣ; музыка облагораживаетъ душу и смягчаетъ нравы. Ты можешь взять въ примѣръ хоть меня. Еслибъ я не зналъ латинскаго языка и не умѣлъ играть на флейтѣ, то врядъ ли я достигъ бы чего либо въ жизни.

— Я буду имѣть это въ виду, — отвѣтилъ я, — тѣмъ болѣе, что всѣмъ извѣстно, какимъ способомъ добился своего высокаго положенія принцъ Годой, самый могущественный человекъ въ Испаніи послѣ короля.

— Это клевета! — воскликнулъ патеръ. — Мой землякъ, другъ и покровитель принцъ Годой обязанъ своимъ возвышеніемъ блестящему образованію и выдающимся способностямъ. Это только темный народъ можетъ говорить, что онъ выдвинулся, благодаря своей искусной игрѣ на гитарѣ.

— Какъ бы то ни было, — прибавилъ я: — но очевидно то, что онъ при своемъ невысокомъ происхожденіи достигъ того, что только можно достигъ...

— А ты навѣрное мечтаешь стать еще выше его? — засмѣялась донья Хуана.

Когда мы остались вдвоемъ съ Инезильей, я подвинулся къ ней и сказалъ:

— Какъ всѣ смѣются надъ моими мечтами! Но ты понимаешь, что не могу же я всю жизнь служить актрисамъ. Скажи мнѣ, чѣмъ бы тебѣ хотѣлось меня видѣть? Выбирай: хочешь, я буду генераломъ, коронованнымъ принцемъ съ вассалами и собственнымъ войскомъ, первымъ министромъ, епископомъ?.. Нѣтъ, епископомъ — нѣтъ, потому что тогда я не могъ бы жениться на тебѣ и возить тебя въ золоченой каретѣ!

Инезилья такъ искренно захохотала, какъ будто слушала интересную волшебную сказку.

— Смѣйся, сколько хочешь, но отвѣчай, чѣмъ ты желаешь меня видѣть? — настаивалъ я.

— Я желала бы, — сказала она своимъ нѣжнымъ голосомъ и

откладывая въ сторону работу,—чтобы ты былъ и генераломъ, и принцемъ, и первымъ министромъ, и императоромъ, и архіепископомъ, но съ условіемъ, чтобы ты ежедневно, ложась спать, могъ сказать себѣ: «Сегодня я никому не сдѣлалъ зла и никого не приговорилъ къ смерти».

— Но, моя будущая королева,—отвѣтилъ я, впадая въ шутиливый тонъ:—если сбудется все, что ты говоришь (а въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго), то что за бѣда, если изъ-за меня или для блага государства умрутъ двое-трое подданныхъ?

— Да, но пусть не ты будешь причиною ихъ смерти,—сказала она.—Если ты высоко подынешься, то для того, чтобы удержаться на своемъ посту, ты долженъ быть снисходителенъ къ низшимъ.

— Какая ты щепетильная, Инезилья,—сказалъ я.—Что такое значить быть снисходительнымъ съ низшими? Я буду исполнять мою обязанность, вотъ и все. И знаешь ли, Инезилья, я почти увѣренъ, что современемъ буду занимать высокое положеніе. Не знаю, кто поможетъ мнѣ въ этомъ, какая нибудь могущественная сенъора сдѣлаетъ меня своимъ секретаремъ или сановникъ, не знаю, но только я чувствую, что это будетъ такъ. Ты не сердись на меня, но, право, я только объ этомъ и думаю.

Инезилья вовсе не сердилась, а смѣялась. Быстро работая своей иглой, она сказала мнѣ:

— Видишь ли, еслибъ ты родился принцемъ крови, то это было бы понятно, но такъ какъ ты сынъ какого-то бѣднаго рыбака, плохо читаешь и еще хуже пишешь, то всѣ эти мечты не имѣютъ никакого основанія. И потомъ ты долженъ помнить, что если ты легко подынешься, то еще легче упадешь внизъ, потому что на свѣтѣ все происходитъ въ извѣстномъ порядкѣ.

— Нѣтъ, не все,—возразилъ я,—мы съ тобой должны были бы быть богаты, а мы бѣдны.

— Каждый такъ думаетъ, и кто нибудь долженъ же ошибаться. Я не знаю, понимаешь ли ты меня, но на свѣтѣ все дѣлается не случайно, а по предопредѣленію. Птицы летаютъ, рыбы плаваютъ, камни лежатъ неподвижно, солнце свѣтитъ, цвѣты пахнутъ, словомъ все совершается въ извѣстномъ порядкѣ, потому что на это есть свой законъ. Понимаешь ли ты меня?

— Это всякій знаетъ,—отвѣтилъ я, желая унизить ученость Инезильи.

— Прекрасно,—продолжала она.—Какъ ты думаешь, простая курица можетъ ли летать по поднебесью?

— Конечно, нѣтъ.

— Такъ видишь ли, когда ты, не будучи ни богатъ, ни благороденъ, ни ученъ, стремишься ко двору, то ты похожъ на курицу, желающую взлетѣть на вершину Гвадарамы.

— Ахъ, какая ты глупенькая! Понятно, что я ничего не могу

сдѣлать одинъ, я буду искать руку, которая поможетъ мнѣ подняться на высоту.

— Нѣтъ, это ты глупый!—ласково сказала Инезилья.—Ну, прекрасно; ты найдешь эту руку, и допустимъ, что она поможетъ тебѣ подняться, но разъ ты очутишься на высотѣ, то твой благодѣтель скажетъ тебѣ: «Ну, теперь, голубчикъ, иди одинъ!» и ты, конечно, упадешь.

— Но скажи мнѣ, откуда ты знаешь все это?—съ удивленіемъ спросилъ я ее.

— Да развѣ это называется знать?—просто отвѣтила она.—Это знаешь и ты, и всѣ это знаютъ. Я говорю тебѣ только то, что сейчасъ, во время разговора, пришло мнѣ въ голову.

— Неправда, ты навѣрное читаешь ученые книги и готовишься на доктора Саламанкскаго университета.

— Нѣтъ, мой милый, я не читаю иныхъ книгъ, кромѣ Донъ-Кихота Ламанческаго. И знаешь, у тебя есть съ нимъ что-то общее, только съ той разницею, что у него были крылья, но ему не хватало воздуха для полета.

Она умолкла. Я долго сидѣлъ въ задумчивости подлѣ нея. Наконецъ, собираясь уходить, я сказалъ ей.

— Ну, до свиданія! Я знаю только, что ты большая умница, что я люблю тебя и ничего не предприму, не посоветовавшись съ тобою.

И я пошелъ домой. Когда я спускался съ лѣстницы, до моего слуха долетѣло веселое пѣніе Инезильи, сливавшееся съ звуками флейты патера Челестино. Каждый разъ, выходя изъ этой уютной квартиры, я чувствовалъ себя какъ-то удивительно спокойно и уравновѣшанно. Конечно, благодаря моимъ юнымъ годамъ, это спокойствіе длилось не долго, и я вновь начиналъ строить воздушные замки.

III.

Королевскій театръ въ то время былъ уже перестроенъ, и на сценѣ его подвизались драматическіе артисты и артистки, между которыми первое мѣсто занимали Исидоро Маиквесь, сеньора Прадо и моя госпожа.

Не проходило ни одного вечера, чтобы я не былъ въ театрѣ, гдѣ, кромѣ актеровъ, мнѣ приходилось сталкиваться и съ другими личностями. Моя госпожа была въ дружескихъ отношеніяхъ съ двумя придворными сеньорами, игравшими въ послѣдствіи немаловажную роль въ моей жизни. Одна изъ нихъ была герцогиня, другая графиня, но такъ какъ фамиліи обѣихъ до сихъ поръ фигурируютъ при испанскомъ дворѣ, то я позволю себѣ называть ихъ просто по именамъ.

Одну изъ нихъ звали Долоресъ, другую Амаранта. Обѣ онѣ были замѣчательныя красавицы, особенно сеньора Амаранта. Обѣ очень интересовались искусствомъ, покровительствовали художникамъ, артистамъ, всячески старались содѣйствовать успѣху первыхъ представлений, участвовали въ различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ. Ходили на ихъ счетъ и кое-какіе темные слухи, но гдѣ же вы найдете красивую женщину, о которой не злословятъ?

Разъ вечеромъ, моя госпожа вышла изъ театра въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Донъ-Исидоро сдѣлалъ ей за что-то выговоръ. Тутъ я долженъ упомянуть, что знаменитый актеръ относился къ своимъ товарищамъ по сценѣ, какъ къ школьникамъ и школьницамъ. Придя домой, донна Пепита сказала мнѣ:

— Приготовь все къ ужину, такъ какъ придутъ сеньоры Долоресъ и Амаранта.

Приготовить все означало стряхнуть пыль съ мебели, чтобы она сѣла на другое мѣсто, подлить керосину въ лампы, купить струну для гитары, если ея не доставало, почистить канделябры, сбѣгать за помадой Марешаль и т. д. Что же касается ужина, то это было дѣло кухарки. Исполнивъ все, что было нужно, я обратился къ доннѣ Пепитѣ за новыми приказаніями, но она все еще была не въ духѣ и, какъ бы не придавая особаго значенія своимъ словамъ, спросила меня:

— Онъ не говорилъ тебѣ, что придетъ сегодня вечеромъ?

— Кто?

— Донъ-Исидоро.

— Нѣтъ, сеньора, онъ мнѣ ничего не говорилъ объ этомъ.

— Такъ какъ онъ разговаривалъ съ тобой послѣ представленія, то я думала...

— Онъ сказалъ мнѣ только, что если я еще разъ буду шляться за кулисами во время его игры, то онъ надеретъ мнѣ уши...

— Что за человѣкъ! Я звала его сегодня къ себѣ, и онъ мнѣ даже и не отвѣтилъ.

Она больше ничего не сказала и съ разстроеннымъ лицомъ ушла къ себѣ въ комнату, гдѣ горничная помогала ей одѣваться. Я продолжалъ уборку. Черезъ нѣсколько минутъ донна Пепита снова вышла.

— Который часъ? — спросила она.

— На цѣркии Св. Троицы недавно пробило десять.

— Мнѣ кажется, что я слышу шумъ у крыльца, — произнесла она съ безпокойствомъ.

— Сеньора ошибается.

— Такъ, значитъ, онъ не говорилъ тебѣ, придетъ онъ, или нѣтъ?

— Кто? Донъ-Исидоро? Нѣтъ, сеньора.

— Онъ былъ чѣмъ-то не доволенъ сегодня... Но мнѣ кажется,

что онъ придетъ. Хотя онъ и ничего не отвѣтилъ мнѣ на мое предложеніе... но онъ всегда такой.

Говоря это, она, видимо, безпокоилась и волновалась. Не странно ли, что она такъ заинтересована приходомъ донъ-Исидоро, котораго видитъ каждый день?

Окинувъ взглядомъ залу, чтобы убѣдиться, все ли въ порядкѣ она сѣла и стала ждать гостей. Наконецъ, внизу стукнула дверь, и на лѣстницѣ раздались мужскіе шаги.

— Это онъ! — сказала моя госпожа и, вскочивъ съ кресла, заходила по комнатѣ.

Я побѣжалъ отпереть, и минуту спустя знаменитый актеръ вошелъ въ залу.

Донъ-Исидоро былъ человѣкъ лѣтъ тридцати восьми, высокій, хорошо сложенный, съ нѣсколько блѣднымъ, но на столько выразительнымъ лицомъ, что, увидавъ его разъ, нельзя было его забыть. На немъ въ этотъ вечеръ былъ изящный темнозеленый сюртукъ и польскіе сапоги. Его обычная манера одѣваться отличалась неподражаемой оригинальностью.

Войдя въ комнату, онъ тотчасъ же опустился въ кресло, поздоровавшись съ моей госпожей только легкимъ, почти незамѣтнымъ кивкомъ головы, какъ здороваются люди, которые ежедневно видятся. Довольно долго онъ сидѣлъ, не произнося ни слова и только напѣвая какую-то арію, посматривалъ то въ полъ, то въ потолокъ, да постукивалъ тросточкой о сапоги.

Я вышла изъ залы, чтобы что-то принести, и, вернувшись, услышалъ голосъ донъ-Исидоро.

— Какъ ты дурно играла сегодня, Пепилья!

Я замѣтилъ, что моя госпожа сидѣла передъ нимъ, какъ школьница передъ строгимъ учителемъ, и лепетала въ свое оправданіе какія-то невнятные слова.

— Да, — продолжалъ донъ-Исидоро. — Съ нѣкотораго времени ты стала неузнаваема. Сегодня всѣ нашли тебя неловкой, холодной... Ты ошибалась на каждой фразѣ и была такъ разсѣяна, что я долженъ былъ дѣлать тебѣ знаки.

Дѣйствительно, стоя за кулисами, я замѣтилъ, что моя госпожа сбивалась въ своей роли Бланки въ пьесѣ «Гарція дель-Кастаньяръ». Многіе изъ ея друзей были изумлены ея сегодняшней игрой, тѣмъ болѣе, что раньше она исполняла эту роль превосходно.

— Право, я не знаю, — сдержанно отвѣтила донна Пепита. — Мнѣ кажется, что я сегодня играла такъ же, какъ всегда.

— Нѣкоторыя сцены — да; но тамъ, гдѣ тебѣ приходилось играть со мной, ты была ужасна. Ты какъ будто забыла твою роль или играла черезъ силу. Когда ты мнѣ подала руку, то она горѣла, какъ въ огнѣ. Ты ошибалась на каждомъ шагу и, повидимому, совсѣмъ забывала, что ты играешь со мной.

— О, нѣтъ!... Но я объясню тебѣ. Это отъ того, что я боялась плохо сыграть. Я боялась, что ты разсердишься, а такъ какъ ты такъ строгъ въ твоихъ выговорахъ...

— Во всякомъ случаѣ, ты должна исправиться, если хочешь служить въ моей труппѣ. Ты не здорова?

— Нѣтъ.

— Влюблена?

— О, нѣтъ, нисколько!—съ смущеніемъ отвѣтила артистка.

— Такъ что же это съ тобой дѣлается? Я не говорю, есть мѣста, гдѣ ты была неподражаема, но стоило мнѣ выйти на сцену, какъ ты сбивалась съ тона!

— Вѣдь я же сказала, что это оттого, что я боялась, что ты будешь не доволенъ мною...

— Да я и дѣйствительно былъ не доволенъ тобою. Когда ты, обращаясь ко мнѣ, сказала: «Мужъ мой, Гарчіа», то ты произнесла это такъ отвратительно, что мнѣ хотѣлось побить тебя при всей публикѣ. Пойми только, Бланка боится, что мужъ узнаетъ ея невѣрность. Эта фраза должна звучать боязливо, смущенно, а ты произносишь ее, какъ по уши влюбленная модистка. А потомъ, когда ты умоляешь меня, чтобъ я тебя убилъ, ты дѣлаешь это безъ малѣйшей тѣни трагизма! Со стороны кажется, какъ будто ты жаждешь умереть отъ моей руки. А когда я говорю тебѣ:

«Дорогая моя жена,

«Какъ далеки мы другъ отъ друга!».

ты бросаешься ко мнѣ въ объятія гораздо раньше, чѣмъ это слѣдуетъ. Однимъ словомъ, ты провалила пьесу и лишила меня успѣха.

— Никто не можетъ лишить тебя успѣха!

— Да, но ты замѣтила, что сегодня мнѣ аплодировали гораздо меньше, чѣмъ прежде. Ты доведешь меня до того, что я принужденъ буду выключить тебя изъ моей труппы...

— Ахъ, Исидоро! — сказала моя госпожа. — Я всегда стараюсь играть какъ можно лучше, но знаешь ли, скажу тебѣ откровенно, что когда я играю съ тобой, и мнѣ очень аплодируютъ, то я всегда боюсь, что мнѣ по ошибкѣ приписываютъ успѣхъ, который, по справедливости, долженъ принадлежать тебѣ. А когда ты еще дѣлаешь мнѣ угрожающіе жесты, то я совсѣмъ путаюсь. Но обещаю тебѣ, что я обращу на это вниманіе и постараюсь исправиться.

Я не разслышалъ, что отвѣтилъ на это донъ-Исидоро, потому что въ это время задымила лампа, и мнѣ пришлось вынести ее изъ залы. Когда я вернулся, донъ-Исидоро сидѣлъ на томъ же мѣстѣ съ скучающимъ выраженіемъ лица.

— Что же не приходятъ твои гости? — спросилъ онъ.

— Еще рано, — отвѣтила донна Пепита. — Вижу, что ты скучаешь въ моемъ обществѣ.

— Нѣтъ, но, откровенно говоря, до сихъ поръ я не нахожу въ немъ ничего интереснаго.

Онъ вынулъ сигару и закурилъ. Я долженъ замѣтить, что знаменитый актеръ курилъ, а не нюхалъ табакъ, какъ многіе его современники: Талейранъ, Меттернихъ, Россини и даже самъ Наполеонъ I. Не знаю, на сколько это справедливо, но про Наполеона рассказываютъ, что онъ, при его нетерпѣливомъ характерѣ, желая избѣжать постояннаго открыванія табакерки, насыпалъ табакъ въ свой жилетный карманъ. Во время распланировки войскъ при Генѣ и Тильзитскаго мира, онъ безпрестанно запускалъ руку въ карманъ и нюхалъ табакъ. По этому поводу ходилъ даже анекдотъ. Когда спрашивали, какой предметъ въ Европѣ самый грязный, то на это отвѣчали: «жилетъ Наполеона I».

IV.

Когда пробило одиннадцать часовъ, въ залу вошли донья Долоресъ и донья Амаранта. Онѣ пріѣхали въ простой, а не придворной каретѣ, чтобъ избѣжать лишнѣхъ толковъ.

Въ то время въ придворныхъ гостиныхъ царили неизбѣжная скука и натянутость. Всѣ чопорно сидѣли на своихъ мѣстахъ и вели скучнѣйшіе разговоры. Хорошо, если находился кто нибудь, умѣвшій играть на маңдолинѣ или гитарѣ. Тогда танцовали менуэты и нѣсколько оживлялись, но въ общемъ рѣдко кто не старался подавить зѣвоту. Поэтому очень понятно, что многія сеньоры старались развлекаться въ иномъ, болѣе веселомъ кругу.

Обѣ молодыя дамы, войдя въ залу, внесли съ собой цѣлый потокъ веселья. Онѣ пріѣхали въ сопровожденіи дяди сеньоры Амаранты, стараго дипломата.

Герцогиня Долоресъ была обворожительная женщина, похожая на изящный нѣжный цвѣтокъ, который готовъ поникнуть своей красивой головкой при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка или при слишкомъ палящемъ солнечномъ лучѣ. Казалось, что ея невинный, коралловый ротикъ можетъ говорить только о монастыряхъ и каноникахъ, но это предположеніе немедленно разсѣивалось, какъ только она начинала свое веселое щебетаніе. Это была женщина средняго роста, бѣлокурая и граціозная, какъ птичка. Въ ея присутствіи никто не могъ быть грустнымъ, такъ какъ она сама была олицетворенное веселье.

Однимъ изъ несомнѣнныхъ достоинствъ доньи Долоресъ была способность къ декламации. Всѣ считали ее выдающейся актрисой, и, какъ я узналъ впослѣдствіи, она была ею не только на театральныхъ подмосткахъ, но и на жизненной сценѣ. Она участвовала во всѣхъ спектакляхъ, устраивавшихся въ какомъ либо аристокра-

тическомъ домѣ, и въ данное время она разучивала съ Исидоро Маиквесъ роль Дездемоны въ трагедіи «Отелло», которая предполагалась къ постановкѣ у одной маркизы. Исидоро и моя госпожа также приглашены были участвовать въ этомъ спектаклѣ.

Донья Долоресъ была замужемъ. Три года тому назадъ, когда ей едва исполнилось девятнадцать лѣтъ, она вышла замужъ за герцога, проводившаго большую часть времени на охотѣ въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ. Время отъ времени онъ пріѣзжалъ въ Мадридъ, клялся своей женѣ, что больше не оставитъ ея, но затѣмъ снова исчезалъ на неопредѣленное время.

Донья Амаранта представляла собою совсѣмъ иной типъ. Долоресъ плѣняла, а Амаранта покорила. При одномъ взглядѣ на первую вамъ становилось весело, а при взглядѣ на величественную красоту второй васъ охватывала какая-то непонятная грусть. Ни одна изъ женщинъ, которыхъ я видѣлъ въ моей жизни, не производила на меня такого глубокаго впечатлѣнія, какъ Амаранта, и ни одна изъ женщинъ не вытѣснитъ ея изъ моей памяти. На видъ ей было лѣтъ тридцать. Родомъ она была изъ дивной Андалузіи, гдѣ красота природы не уступаетъ красотѣ людей. При ея высокомъ ростѣ, правильныхъ чертахъ лица и вьющихся черныхъ волосахъ, у нея были великолѣпные глаза, горѣвшіе какимъ-то таинственнымъ блескомъ.

Я не могу въ точности припомнить ея обычнаго костюма, но въ моей памяти сохранилось, что ея граціозная и виѣстѣ классическая голова всегда была прикрыта изящной черной кружевной мантильей, изъ-подъ которой выглядывали золотые уголки головного гребня. Кромѣ того, я почти не помню ея безъ вѣера въ рукахъ.

Когда же я припоминаю Долоресъ, то она всегда рисуется въ моемъ воображеніи въ бѣлой кружевной мантильѣ, спускающейся на свѣтло-голубое платье.

До этого вечера я видѣлъ этихъ двухъ сенъоръ раза три въ домѣ моей госпожи. Я тотчасъ же понималъ, что онѣ хорошо поставлены при дворѣ. Но иногда онѣ довольно горячо спорили между собою, и я заключилъ изъ этого, что между ними не существуетъ полной гармоніи. Иногда онѣ говорили о политическихъ дѣлахъ и даже затрогивали нѣкоторыхъ лицъ королевскаго дома; но въ этихъ разговорахъ главную роль игралъ старый маркизъ, дядя Амаранты. Онъ считалъ себя необыкновенно опытнымъ дипломатомъ и не упускалъ случая поставить это всѣмъ на видъ.

Я долженъ сказать, что этотъ знаменитѣйшій дядюшка, какъ тѣмъ, слѣдовалъ всюду за своей племянницей. Онъ былъ ея неизмѣннымъ спутникомъ и въ церковь, и на прогулку, и на балъ. Не помню, сказалъ ли я о томъ, что Амаранта была вдова.

Маркизу (фамилію его я не буду упоминать по той же причинѣ, по которой не упоминаю фамиліи обѣихъ сенъоръ) было лѣтъ семь-

десять, и онъ имѣлъ въ свое время не мало дипломатическихъ назначеній. Онъ сдѣлался извѣстнымъ при министрѣ Флоридабланка, служилъ затѣмъ при Аранда и былъ отставленъ теперешнимъ фаворитомъ, министромъ Годоемъ; поэтому онъ всячески старался унижить этого послѣдняго. Маркизь былъ человѣкъ тщеславнаго характера и считалъ себя обойденнымъ. Онъ очень любилъ ораторствовать, но при томъ говорилъ всегда загадками, темно, многого не договаривая. Онъ дѣлалъ это для того, чтобы возбудить интересъ слушателей и заставить ихъ просить его быть откровеннѣе.

Онъ ненавидѣлъ якобинцевъ и, желая, чтобы его слова не шли въ разрѣзъ съ поступками, съ презрѣнiемъ смотрѣлъ на нововведенія въ модахъ. Какъ въ 1798 году онъ носилъ фижмы и напудренный парикъ, такъ носилъ ихъ и въ 1807, не рѣшаясь показаться въ обществѣ во фракѣ.

Въ молодости маркизь былъ, однако, большимъ ловеласомъ. Съ годами, конечно, онъ уходился и былъ вполнѣ доволенъ, что племянница позволяетъ ему исполнять при себѣ роль пажа. Домъ Пепиты Гонзалесъ онъ посѣщалъ чаще другихъ, потому что тутъ его слушали, и онъ могъ держать себя свободнѣе, чѣмъ въ гостинной какойнибудь грандессы.

V.

Донья Долоресъ, ударяя дону Исидоро по плечу своимъ вѣтромъ, сказала ему:

— Я очень сердита на васъ, сеньоръ Маиквесъ! Да, очень сердита!

— За то, что я дурно игралъ сегодня?—спросилъ артистъ.— Въ этомъ виновата Пепилья.

— Нѣтъ; не за то,—отвѣтила она,—и вы оба мнѣ поплатитесь за это.

Услышавъ эти слова, Исидоро наклонилъ голову. Долоресъ нагнулась къ нему и начала говорить что-то такъ тихо, что никто ничего не могъ слышать, но по улыбкѣ, озарившей лицо Исидоро, видно было, что она говорила что-то прiятное. Затѣмъ они продолжали разговоръ вполголоса, выслушивали другъ друга съ такимъ интересомъ, обмѣнивались такими выразительными взглядами, что даже и ненаблюдательный человѣкъ могъ бы заключить, что между ними существуютъ какія-то интимныя дѣла.

Старый дипломатъ ухаживалъ за моею госпожой, но она въ этотъ день была расбѣяна, такъ какъ старалась прислушаться къ разговору Долоресъ съ Исидоро. Она поминутно мѣнялась въ лицѣ, то краснѣла, то блѣднѣла. Она старалась привлечь ихъ вниманiе какойнибудь громкой фразой, наконецъ, не выдержала и, обращаясь къ нимъ, произнесла не совсѣмъ любезнымъ тономъ:

— Кончится ли когда нибудь эта долгая исповѣдь? Если такъ будетъ продолжаться, то мы скоро всё начнемъ перешептываться и повѣрять другъ другу свои тайны.

— А тебѣ какое дѣло?—сказалъ Маиквесь тѣмъ деспотическимъ тономъ, которымъ онъ говорилъ обыкновенно съ персонажемъ своей труппы.

Донна Пепита обидѣлась и долго сидѣла молча.

— Имъ такъ о многомъ надо переговорить,—ѣдко произнесла Амаранта.—Третьяго дня они держали себя точно также. Да, сеньоръ Маиквесь, надо пользоваться жизнью и ковать желѣзо, пока горячо.

Долоресъ взглянула на свою подругу, или, вѣрнѣе сказать, онѣ обмѣнялись многозначительнымъ взглядомъ, по которому можно было заключить, что онѣ не особенно ладятъ другъ съ другомъ и понимаютъ обоюдныя шпильки.

А разговоръ между Долоресъ и артистомъ становился все оживленнѣе и оживленнѣе. Они какъ будто наперерывъ торопились высказаться и оправдаться. Амаранта скучала, маркизъ металъ пылкіе взгляды на мою госпожу и напрасно тратилъ перлы краснорѣчія: она видимо волновалась, мучилась ревностью и забывала свою роль хозяйки дома. Тогда старый дипломатъ рѣшилъ заговорить о своей излюбленной темѣ, хотя бы и въ присутствіи женщинъ.

— Да, вотъ мы сидимъ здѣсь спокойно,—началъ онъ:— а въ этотъ самый часъ готовится нѣчто такое, что, быть можетъ, завтра же заставитъ всѣхъ насъ встрепенуться...

Моя госпожа, очевидно, принявъ рѣшеніе не обращать вниманья на сидѣвшую въ сторонѣ парочку, съ живостью спросила:

— А что такое?

— Такъ, ничего... но мнѣ кажется, что врядъ ли въ такое время можно быть спокойнымъ,—отвѣтилъ маркизъ, впадая въ свой обычный таинственный тонъ.

— Мнѣ кажется, эти разговоры здѣсь неумѣстны,—строго замѣтила Амаранта.

— Почему же?—воскликнулъ дипломатъ.—Я знаю, что сеньора Пепа очень интересуется политикой и желала бы услышать отъ меня кое-что новенькое. Не правда ли?

— Еще бы! Я страшно интересуюсь всѣмъ этимъ,—сказала моя госпожа.—Политика—это моя сфера. Говорите, говорите, сеньоръ маркизъ!

— Ахъ, донна Пепа, вы такъ меня наэлектризуете, что я, пожалуй, измѣню себѣ. Во время моей долгодѣтней политической карьеры я пользовался репутаціей самаго сдержаннаго человѣка, но съ вами я не могу не быть откровеннымъ и боюсь, что открою вамъ государственныя тайны.

— О, эти дипломаты способны меня съ ума свести!—воскликнула моя госпожа съ лихорадочнымъ возбужденіемъ.—Разскажите мнѣ все, что вы знаете. Я готова слушать васъ цѣлый вечеръ! Вы, маркизь, одинъ изъ самыхъ интереснѣшихъ людей, которыхъ я видѣла въ моей жизни.

— Онъ скажетъ тебѣ, Пепа, то, что знаетъ весь свѣтъ,—замѣтила Амаранта.—Онъ скажетъ тебѣ, что сегодня вечеромъ войска Наполеона должны переступить границы Испаніи.

— О, какъ это интересно!—воскликнула моя госпожа.—Говорите, маркизь, говорите!

— Племянница, ты перестанешь выводить меня изъ терпѣнія!—произнесъ маркизь.—Дѣло вовсе не въ томъ, переступаютъ или не переступаютъ французскія войска нашихъ границъ, а въ томъ, что они идутъ въ Португалію, чтобы завладѣть этимъ королевствомъ и раздѣлить его...

— Раздѣлить?—весело переспросила донья Пепа.—Прекрасно, я очень рада!.. Пусть себѣ дѣляютъ.

— Восхитительная Пепа, о подобныхъ вещахъ нельзя судить такъ легко,—съ важностью сказалъ маркизь.—О, со мной вы научитесь терпѣнію и разсудительности!

— Это вѣрно,—произнесла Амаранта въ отвѣтъ на слова моей госпожи.—Португалію хотятъ раздѣлить на три части: сѣверную часть отдадутъ королевѣ Этруріи, середина останется для Франціи, а изъ южныхъ провинцій Альгарбы и Алентохо сдѣлаютъ маленькое королевство, на престолъ котораго сядетъ нашъ министръ Годой.

— Ложные слухи, племянница, ложные слухи!—возразилъ маркизь.—Объ этомъ много говорили въ прошломъ году, но теперь объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Ты плохо слѣдишь за ходомъ дѣлъ... Но я долженъ предупредить, что все, что я скажу, должно остаться между нами.

— Вы можете быть вполне увѣрены въ моей скромности,—проговорила моя госпожа.

— Въ прошломъ году министръ Годой велъ объ этомъ серьезные переговоры съ Наполеономъ. Повидимому, дѣло было улажено. Но вдругъ императоръ раздумалъ, и тогда Годой, самолюбіе котораго было оскорблено и честолюбивыя надежды разбиты, разсердился на Наполеона, опубликовалъ знаменитую прокламацію въ прошломъ октябрѣ и послалъ въ Англію тайнаго агента для того, чтобы заручиться покровительствомъ этой страны противъ Франціи. Все это я прекрасно знаю, потому что государственныя тайны никогда не могутъ быть укрыты отъ моей проницательности. Прекрасно; въ такомъ положеніи были дѣла, когда Наполеонъ разбилъ пруссаковъ подъ Іеною. Тогда Годой видитъ, что дѣло плохо, потому что императоръ недоволенъ имъ за прокламацію, на которую

у насъ и во Франціи смотрѣли чуть ли не какъ на объявленіе войны. Онъ посылаетъ въ Германію посланника съ извиненіемъ къ Наполеону и получаетъ его, но уже не заводитъ и рѣчи о раздѣлѣ Португаліи. Все это я знаю изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ. Какъ видишь, племянница, никто теперь и не говоритъ о раздѣлѣ Португаліи. То, что происходитъ теперь, гораздо серьезнѣе, но я не имѣю права разглашать этого... Вы одобряете мою скромность, сеньора Пепа? Вы согласны со мной, что осторожность родная сестра дипломатіи?

— О, дипломатія!—аффектированно воскликнула моя госпожа.— Бонапартъ, объявленіе войны, прокламаціи! Какъ все это интересно! Я ужасно люблю политику. Сегодня я положительно въ восторгѣ отъ разговора съ вами, маркизъ!

— Вы совершенно правы,—съ удовольствіемъ замѣтилъ дипломатъ.— Когда я былъ посланникомъ въ Вѣнѣ въ 84-мъ году, то всѣ придворныя дамы не могли наслушаться моихъ рассказовъ; онѣ такъ и ходили за мной толпою.

— Это очень понятно,—отвѣтила сеньора Пепа,—и я прошу васъ, маркизъ, расскажите мнѣ что нибудь объ Австріи, о Турціи, о Китаѣ, о проектахъ войны, особенно о войнѣ.

— Оставимъ на сегодняшній вечеръ этотъ скучный разговоръ,—сказала Амаранта.— Надѣюсь, дорогой дядюшка, что вы не принадлежите къ числу лицъ, поддерживающихъ нелѣпое мнѣніе о томъ, что будто бы Годой вмѣстѣ съ Бонапартомъ намѣренъ отправить королевскую семью въ Америку и самъ сѣсть на испанскій престолъ?

— Племянница, ради всего святого, не заставляй меня высказываться; не заставляй меня забывать великую истину, что осторожность есть родная сестра дипломатіи!

— Не менѣе нелѣпо думать,—продолжала коварно племянница,— что Наполеонъ посылаетъ свои войска въ Испанію для того, чтобы передать испанскую корону Фердинанду. Наслѣдникъ престола не можетъ нуждаться въ помощи какого-то иностраннаго выходца для того, чтобы смѣстить своего отца.

— Полноте, полноте, сеньоры, о такихъ важныхъ дѣлахъ нельзя такъ легко судить. Если бы я рѣшился высказаться, то вы такъ испугались бы, что не въ состояніи были бы ужинать!..

Какъ разъ въ это время ужинъ былъ готовъ, и я началъ накрывать на столъ. Исидоро и Долоресъ, перейдя къ столу, по приглашенію моей госпожи, приняли участіе въ общемъ разговорѣ.

— О чемъ это вы толкуете?—сказала Долоресъ.— Развѣ мы собрались сюда для того, чтобы разсуждать о томъ, что насъ вовсе не касается?

— Такъ о чемъ же намъ говорить?

— О чемъ нибудь другомъ, ну, хоть о балахъ, о боѣ быковъ, о представленіяхъ, о стихахъ, о костюмахъ...

— Вотъ еще!— съ презрительной усмѣшкой произнесла моя госпожа.— Если вы можете говорить о томъ, что васъ интересуеть, то почему же и намъ не дѣлать того же самаго?

— Теперь я понимаю, почему Пепа такъ разсѣянна, — насмѣшливо сказалъ Маиквесъ.— Она всецѣло отдалась изученію политики и дипломатіи, гораздо болѣе понятныхъ ей, чѣмъ сценическое искусство.

Моя госпожа хотѣла возразить что-то на эти слова, но только вся вспыхнула.

— Мы собрались сюда, чтобъ повеселиться, — прибавила Долоресъ.

— О, неопытная молодость! — съ паѳосомъ воскликнулъ маркизъ.— Она думаетъ только о весельѣ, когда цѣлая Европа...

— Полноте вы, съ вашей цѣлой Европой!

— Только одна сеньора Пепа понимаетъ серьезное положеніе дѣлъ, — продолжалъ старый дипломатъ.— Вы, обворожительная артистка, одна изъ тѣхъ немногихъ, которые, какъ я, не удивятся наступающей катастрофѣ...

— Да скажете ли вы намъ, наконецъ, въ чемъ дѣло?

— Ради Господа и всѣхъ святыхъ Его, не заставляйте меня высказаться! Я вполне увѣренъ въ моей стойкости и осторожности, но очень боюсь, что выдамъ себя какой нибудь фразой, какимъ нибудь словомъ... Не спрашивайте меня ни о чемъ, ради Бога; будьте увѣрены, что дружба не заставитъ меня проговориться.

— Въ такомъ случаѣ мы умолкаемъ; мы ничего не хотимъ знать, сеньоръ маркизъ, — сказалъ Маиквесъ, зная, что ничто не можетъ такъ уколотъ этого дипломата, какъ холодное отношеніе къ скрываемымъ имъ тайнамъ.

На минуту всѣ умолкли. Маркизъ былъ, очевидно, смущенъ словами Маиквеса и взялъ себѣ двойную порцію салата. Донна Пепа тоже молчала и хоть и не глядѣла на влюбленную парочку, но зорко слѣдила за нею. Амаранта не смотрѣла ни на Исидоро, ни на Долоресъ, ни на мою госпожу, ни на своего дядюшку, — она глядѣла только... какъ бы вы думали на кого? На меня...

VI.

Да-съ, она глядѣла на меня! Я не могъ объяснить себѣ, почему это я такъ заинтересовалъ ее. Я прислуживалъ за столомъ, и трудно себѣ представить волненіе, овладѣвшее мною, когда я замѣтилъ, что чудные, загадочные глаза этой сеньоры обращены на меня. Я поминутно то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Кровь то быстро бросалась мнѣ въ голову и стучала въ виски, то отливала къ сердцу, и я

блѣднѣлъ, какъ мертвецъ. Не могу даже припомнить количества стакановъ и рюмокъ, побитыхъ мною въ этотъ вечеръ. Служилъ я такъ разсѣянно, что подавалъ сахаръ, когда у меня просили соль.

Я спрашивалъ себя: «Что такого въ моемъ лицѣ, что эта сеньора такъ упорно смотритъ на меня? Чѣмъ я заинтересовалъ ее?». Входя въ кухню, я тотчасъ же смотрѣлся въ маленькое зеркальце, не находилъ въ моемъ лицѣ ничего необыкновеннаго и бѣжалъ въ залу; тамъ сеньора Амаранта вновь устремляла на меня свой таинственный взоръ... Одну минуту я думалъ... Но нѣтъ, можетъ ли такая высокопоставленная женщина обратить вниманіе на слугу! И я сталъ думать, что она просто сравниваетъ мою скромную наружность съ своей блестящей красою.

Когда моя госпожа сдѣлала мнѣ выговоръ за то, что я такъ неловко служу у стола, Амаранта взглянула на меня съ такойнисходительной улыбкой, какъ будто вымаливала извиненіе за мою неловкость. Отъ этой улыбки мое смущеніе перешло всякія границы.

Послѣ непродолжительнаго молчанія разговоръ снова сдѣлался общимъ. Маркизь, видя, что никто ничего не спрашиваетъ у него, кидалъ испытующіе взгляды на присутствующихъ, отыскивая жертву для бесѣды. Но, повидимому, никто не былъ расположенъ его слушать. Тогда онъ разсердился и сказалъ, что если всѣ будутъ заставлять его высказывать дипломатическія тайны, то ему придется уйти изъ этого дома.

— Но вѣдь мы ни слова не говоримъ о нихъ съ вами!— засмѣялась Долоресъ.

Исидоро, зная, что маркизь врагъ Годоя, сказалъ невозмутимымъ тономъ:

— Нельзя сомнѣваться, что Principe de la Paz ¹⁾, какъ чловѣкъ высокаго ума, уничтожить интриги враговъ. Наполеонъ покровительствуетъ ему и если не сдѣлаетъ его королемъ двухъ португальскихъ провинцій, то дастъ ему корону цѣлой Португаліи. Я знаю Наполеона; я не разъ видалъ его въ мою бытность въ Парижѣ. Онъ любитъ такихъ талантливыхъ людей, какъ Годой. Вотъ увидите, сеньоръ маркизь, и мы всѣ увидимъ, что новый король сдѣлаетъ васъ своимъ представителемъ въ одной изъ важнѣйшихъ столицъ въ Европѣ.

Маркизь вытеръ себѣ ротъ салфеткой, откинулся на спинку стула, откашлялся и, устремивъ свои выцвѣтшіе глаза въ графиню съ виномъ, какъ бы ища въ немъ поддержки, сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія:

— Мои многочисленные враги распустили слухъ по всей Европѣ, будто я въ сообществѣ Годоя вступилъ въ тайную переписку съ Талейраномъ, принцемъ Боргезе, принцемъ Томбино, съ великимъ

¹⁾ То-есть принцъ мира: такъ звали министра Карла IV испанскаго—Годоя.

герцогомъ Аренбергскимъ и съ Лучіано Бонапартомъ (Lucien), чтобы установить договоръ, въ силу котораго Испанія уступить каталонскія провинці Франціи взаменъ Португаліи и Неаполитанскаго королевства; отдастъ Миланъ королевѣмъ Этруріи и Вестфалію инфанту испанскому. Я знаю, что объ этомъ говорили, я слышалъ это моими собственными ушами! — воскликнулъ громко маркизъ, стукнувъ кулакомъ по столу. — Клеветники оповѣстили объ этомъ Австрію и Пруссію, за ними стала повторять то же самое и Россія. Мнѣ понадобилось не мало труда и такта, чтобы разсѣять эти тучи, нависшія надъ моею головою.

Маркизъ говорилъ это, какъ передъ цѣлымъ конгрессомъ дипломатовъ Европы, и продолжалъ, все возвышая голосъ:

— Къ счастью, я слишкомъ хорошо извѣстенъ въ высшихъ сферахъ, и мнѣ слишкомъ довѣряютъ упомянутыя государства. Но я знаю, кто придумалъ эту клевету! Сеньоръ Годой распустилъ эти слухи изъ своихъ личныхъ выгодъ въ надеждѣ, что популярность моего имени заставитъ всѣхъ относиться къ нимъ серьезно!

— Такъ что это неправда, что говорятъ, будто вы тайный другъ министра Годоя? — спросилъ Исидоро.

Дипломатъ сдвинулъ брови, презрительно улыбнулся, поднесъ къ носу понюшку табаку и сказалъ:

— Чего не придумаетъ клевета! Чего только глупые люди не скажутъ, чтобы унижить разсудительность и умъ! Тысячу разъ мнѣ наносили подобные удары, и я всегда блистательно ихъ отпарировалъ! Въ данномъ случаѣ я долженъ повторить то, что говорилъ раньше. Я далъ себѣ клятву не интересоваться больше этими сплетнями, но недоувѣріе ко мнѣ моихъ друзей принуждаетъ меня нарушить мое слово. Я буду говорить откровенно, и если скажу что нибудь лишнее, то въ этомъ виноватъ буду не я, а тѣ, которые не довѣряютъ моему незапятнанной репутациі.

Долоресъ, Исидоро и моя госпожа дѣлали надъ собой усиліе, чтобъ не разсмѣяться надъ этимъ человѣкомъ, такъ ревниво защищающемъ свою репутацию отъ воображаемыхъ нападокъ.

— Въ 1792 году, — началъ дипломатъ, — пало министерство графа Флоридабланка, который былъ замѣшанъ во французской революціи. Ахъ, эта темная толпа не понимала, что она теряетъ съ этимъ человѣкомъ, состарившимся на службѣ своему королю. Годой былъ тогда двадцатипятилѣтнимъ молодымъ гвардейцемъ, пользовавшимся особенной любовью при дворѣ. Онъ повліялъ на паденіе министерства Флоридабланка и на возвышеніе графа Аранда. Я лично тутъ былъ не при чемъ. Я былъ членомъ посольства при королѣ Леопольдѣ и никакимъ образомъ не могъ вліять на избраніе министромъ моего друга графа Аранда. Но, увы! онъ недолго управлялъ министерствомъ. Въ ноябрѣ того же года Испанія и всѣ державы были удивлены тѣмъ, что этотъ самый двадцатипятилѣт-

ній молодой человѣкъ получилъ министерскій портфель. Передъ этимъ онъ былъ осыпанъ незаслуженными милостями. Онъ былъ сдѣланъ испанскимъ грандомъ перваго класса, кавалеромъ ордена Карла III и креста Сантъ-Яго, гвардейскимъ генераломъ, камергеромъ его величества и проч., и проч. Правда, что Годой принялъ министерство въ критическое время. Онъ объявилъ войну Франціи противъ воли Аранда и всѣхъ насъ, здравомыслящихъ людей. Посоветовался ли онъ съ нами? Нѣтъ. И что же, какъ мы видимъ, изъ этого ничего хорошаго не вышло!

Король все продолжалъ осыпать милостями своего фаворита и даже женилъ его на принцессѣ королевской крови. Всѣ эти милости къ подобному выскочкѣ возбудили недовольство приближенныхъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ интриганъ и продаетъ должности. Здѣсь я долженъ признаться, что я вовсе не вліялъ на возвышеніе министровъ торговли—Грація и юстиціи—Сааведра и Уовельяноса. Умоляю васъ, чтобъ эта тайна, въ первый разъ сорвавшаяся съ моихъ губъ, осталась между нами!

— Увѣряю васъ, что мы будемъ нѣмы, какъ рыбы,— сказалъ Исидоро.

— Но обстоятельства были не поправимы,—продолжалъ старый дипломатъ, обводя глазами всю залу, какъ бы видя передъ собой огромную аудиторію. — Уовельяносъ и Сааведра ничего не могли подѣлать съ этимъ высококомѣрнымъ человѣкомъ. Французская республика была противъ него. Конечно, Уовельяносъ и Сааведра старались избавиться отъ такого опаснаго товарища, и наконецъ король внялъ голосу народа и въ мартѣ 1798 года далъ Годою отставку. Объявляю разъ и навсегда, что я не принималъ участія въ сверженіи Годоя, какъ это многіе мнѣ приписывали. Здѣсь я могъ бы сказать одну тайну, о которой молчалъ до сихъ поръ... но я недостаточно довѣряю скромности моихъ слушателей и считаю болѣе благоразумнымъ умолчать о ней... Повторю только, что я не принималъ участія въ сверженіи Годоя.

— Но донъ Мануэль Годой былъ недолго въ опалѣ, — замѣтилъ Исидоро, — такъ какъ министерство Уовельяносъ-Сааведра было непродолжительно, равно какъ и ихъ преемниковъ Кабальеро и Урквихо.

— Я именно къ этому и шель,—продолжалъ маркизь.—Королевская семья не могла обойтись безъ своего друга. Онъ снова сдѣлался королевскимъ канцлеромъ и, желая приобрѣсть военныя заслуги, затѣялъ знаменитый походъ на Португалію, чтобы порвать ея сношенія съ Англіей. Съ этихъ поръ нашъ министръ только и думалъ о томъ, какъ бы угодить Бонапарту въ ущербъ испанскимъ интересамъ. Онъ самъ составилъ это войско, стоившее не мало денегъ. Когда бѣдные португальцы безъ сраженія покинули Оливенцу, фаворитъ отпраздновалъ свою воображаемую побѣду теа-

тральнымъ празднествомъ, въ честь котораго этотъ походъ былъ прованъ: Апельсиновой войною. Вамъ извѣстно, что король и королевы выѣхали на границу. Годой велѣлъ сдѣлать легкія носилки, украшенныя цвѣтами и листьями, и на этихъ носилкахъ пронесли королеву передъ войсками, гдѣ генералиссимусъ Годой и вручилъ ей вѣнокъ изъ апельсиновыхъ вѣтокъ, сорванныхъ нашими солдатами въ Эльвасѣ. Больше я не прибавлю ни слова о различныхъ слухахъ, ходившихъ на его счетъ. Я буду скромнѣе въ этомъ отношеніи и перейду къ другому.

— Хотя бы мнѣ пришлось повторять это тысячу разъ, я скажу, что не игралъ никакой роли въ торговомъ договорѣ San Ildefonso и въ союзѣ нашего флота съ французскимъ, что и послужило столкновеніемъ при Трафальгарѣ. По этому поводу я знаю много интереснѣйшихъ подробностей, которыя я слышалъ отъ генерала Дюрокъ, но я не могу открыть ихъ вамъ, какъ бы вы меня ни просили объ этомъ. Нѣтъ!... лучше и не просите, не искушайте моей разсудительности: есть тайны, которыхъ нельзя довѣрить самому близкому другу! Я долженъ молчать и молчу. Если бы я рѣшился высказаться, то вы увидѣли бы въ слишкомъ непривлекательномъ свѣтѣ *Principe de la Paz* во время его переговоровъ съ Бонапартомъ. Если бы я только захотѣлъ, я могъ бы однимъ словомъ свергнуть этого интригана, возвысившагося изъ ничтожества и держащаго въ своихъ неумѣлыхъ рукахъ бразды правленія цѣлаго королевства!

Сказавъ это, онъ поднялъ голову, многозначительно поднесъ къ носу щепотъ табаку и затѣмъ громко высморкался.

— Мы вполне согласны съ вами, сеньоръ маркизъ, — сказала Долоресъ, — что вы не принимали ровно никакого участія въ сверженіи министра Годоя, но вы не сказали намъ, какія несчастія грозятъ странѣ.

— Я больше не скажу ни слова, ни одного слова! — отвѣтилъ маркизъ, возвышая голосъ. — Напрасны будутъ всѣ вопросы, сеньоры. Я не умолимъ; ничто не можетъ поколебать моего рѣшенія. Я умоляю васъ не разспрашивать меня болѣе, не заставлять меня измѣнить моему честному слову ради дружбы!

Слушая маркиза, я припомнилъ одного моего знакомаго въ Кадиксѣ. Оба они отличались необыкновеннымъ тщеславіемъ, съ тою только разницею, что мой кадикскій знакомый сочинялъ со-всѣмъ безобидныя вещи, между тѣмъ какъ маркизъ, не искажая фактовъ, изображалъ себя всемогущимъ и всезнающимъ дипломатомъ, охраняющимъ какія-то воображаемыя тайны. Это было у него въ нѣкоторомъ родѣ пунктомъ помѣшательства.

Исидоро и донья Долоресъ, вставъ изъ-за стола, уединились въ уголокъ и вновь начали шептаться. Моя госпожа уже безъ прежняго восторга относилась къ дипломатической откровенности мар-

киза, хотя онъ и общалъ открыть ей, ей одной, какую-то необыкновенную тайну.

Донья Амаранта между тѣмъ устремила на меня свои дивные глаза съ такимъ выраженіемъ, какъ будто она вотъ-вотъ заговорить со мною. И дѣйствительно, противъ всѣхъ свѣтскихъ приличій, когда я снималъ со стола пустое блюдо, она улыбнулась ангельской улыбкой и пронзила мнѣ сердце вопросомъ:

— Ты доволенъ твоей госпожей?

Я не вполне увѣренъ, но мнѣ кажется, что я отвѣтилъ, не глядя на нее:

— Да, сеньора.

— И ты бы не желалъ имѣть другую госпожу? Ты бы не желалъ перемѣнить мѣсто?

Опять-таки я не увѣренъ, но мнѣ кажется, что я отвѣтилъ:

— Смотря—на какое...

— Ты имѣешь видъ неглупаго мальчика, — прибавила она съ новой ангельской улыбкой.

На это, я увѣренъ, я не отвѣтилъ ни слова. Послѣ непродолжительнаго молчанія, во время котораго мое сердце такъ сильно билось, что, казалось, оно готово было выскочить изъ груди, я набралъ смѣлости, до сихъ поръ не могу понять—какимъ образомъ, и сказалъ:

— А развѣ вы хотѣли бы взять меня къ себѣ въ услуженье?

Въ отвѣтъ на эти слова Амаранта разразилась веселымъ смѣхомъ, услышавъ который я подумалъ, что сказалъ что-то неприличное. Я сію же минуту вышелъ изъ залы, нагруженный тарелками. Въ кухнѣ я всѣми силами постарался успокоиться и тутъ же сказалъ себѣ:

— Завтра же я расскажу обо всемъ Инезильб; посмотримъ, что она думаетъ объ этомъ.

VII.

Когда я вернулся въ залу, всѣ сидѣли въ прежнемъ порядкѣ, но скоро приходъ новой личности вполне измѣнилъ его. На улицѣ послышались веселые голоса, звукъ гитаръ, и затѣмъ вошелъ молодой человѣкъ, котораго я не разъ видалъ въ театрѣ. Его провожали товарищи, но они простились съ нимъ у крыльца. Онъ такъ шумно подымался по лѣстницѣ, что казалось, будто цѣлое войско ворвалось къ намъ въ домъ. На немъ былъ накинутъ народный марсельскій плащъ, а на головѣ маленькая треугольная шляпа. Въ этомъ свободномъ костюмѣ онъ вовсе не походилъ на аристократа, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ всегда одѣвался такъ во время своихъ вечернихъ веселыхъ походовъ, и нужно

отдать ему справедливость, что этотъ заливчатскій видъ необыкновенно шель къ нему.

Онъ былъ хорошо принятъ при дворѣ и служилъ въ гвардіи. Его умственное развитіе не отличалось особенной глубиною, и большая часть его времени шла на ухаживанья за женщинами.

— А, донъ Хуанъ!—воскликнула Амаранта, увидя его.

— Милости просимъ, сеньоръ де-Маньяра!

Съ приходомъ этого веселаго, беззаботнаго молодаго человѣка общество оживилось, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Я замѣтилъ, что въ лицѣ Амаранты появилось выраженіе какой-то презрительной дерзости.

— Сеньоръ де-Маньяра,—рѣшительно обратилась она къ нему,— вы пришли какъ разъ во время. Долоресъ не доставало васъ.

Долоресъ взглянула на свою подругу уничтожающимъ взглядомъ, между тѣмъ какъ Исидоро весь побагровѣлъ отъ гнѣва.

— Донъ Хуанъ, сядьте здѣсь около меня,—весело произнесла моя госпожа, указывая ему на кресло.

— Я не рассчитывалъ встрѣтить васъ здѣсь, сеньора герцогиня,—сказалъ вновь прибывшій, обращаясь къ доньѣ Долоресъ.— Но меня что-то влекло сюда. Очевидно, сердце сердцу вѣсть по-даетъ!

Долоресъ смутилась, но не въ ея характерѣ было высказывать это. Она засмѣялась и начала перекидываться съ Маньяра веселыми шутками. Майквесь съ каждой минутой видимо волновался все больше и больше.

— Сегодня счастливый вечеръ для меня,—сказалъ донъ Хуанъ, вынимая изъ кармана шелковый кошелекъ.—Я былъ въ одномъ знакомомъ домѣ и выигралъ тамъ около двухъ тысячъ реаловъ.

Говоря это, онъ высыпалъ золото на столъ.

— И что же, много было гостей?—спросила Амаранта.

— О, да! Мы очень пріятно провели время.

— Для васъ,—произнесла Амаранта почти дерзко,— можетъ быть пріятно только тамъ, гдѣ вы встрѣчаете Долоресъ.

Герцогиня снова выразительно взглянула на свою подругу.

— Я для этого и пришелъ сюда!

— Хотите испробовать счастье?—спросила моя госпожа.—Карточный столъ, Габріэль, принеси скорѣе карточный столъ.

Я исполнилъ приказаніе, и молодой человѣкъ опытной рукою сталъ бросать карты.

— Вы будете банкометомъ,—сказала ему донна Пепа.

— Прекрасно, идетъ!

Всѣ стали выкладывать на столъ золотыя монеты и слѣдить глазами за картами. Въ первыя минуты слышались только восклицанія: «Выигралъ!» — «Проигралъ!» — «Мнѣ десять реаловъ!» — «Проклятая ставка!».

— Вамъ не везетъ сегодня вечеромъ, Маиквесь, — сказалъ Маньяра, загребая деньги артиста, который проигрывалъ каждую ставку.

— А мнѣ, наоборотъ, страшно везетъ! — сказала моя госпожа, собравъ въ кучку свои выигранныя монеты.

— О, сеньора Пепа, вы выиграли цѣлое состояніе! — воскликнулъ банкومترъ. — Но есть поговорка: «Кто счастливъ въ игрѣ, тотъ несчастливъ въ любви».

— Вы представляете исключеніе изъ общаго правила, — сказала Амаранта, — потому что вы счастливы и въ томъ и въ другомъ. Не правда ли, Долоресь?

И, обратившись къ проигравшемуся Исидоро, она прибавила:

— Эта поговорка также и не для васъ, бѣдный Маиквесь, потому что вы несчастливы и въ любви и въ картахъ. Не правда ли, Долоресь?

Герцогиня измѣнилась въ лицѣ. Мнѣ показалось, что она хочетъ рѣзко отвѣтить своей подругѣ, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, она сдержалась. Маркизь все проигрывалъ, но не бросалъ игры, пока у него въ кошелькѣ не осталась послѣдняя песета. Игра тянулась до часу ночи. Наконецъ, гости собрались расходиться.

— Я вамъ долженъ тридцать шесть дурро, — сказалъ Маиквесь молодому человѣку.

— Скажите, какую же пьесу вы предполагаете поставить въ домѣ маркизы? — спросилъ его Маньяра.

— Мы остановились на «Отелло».

— Ахъ, это превосходный выборъ! Я заранѣе восхищаюсь вами въ роли ревниваго мужа.

— Быть можетъ, вы хотите играть роль Яго?

— Нѣтъ, эта роль не по мнѣ. Къ тому же у меня вовсе нѣтъ сценическаго таланта.

— Я помогу вамъ.

— Благодарю васъ. А вы помогли донѣ Долоресь выучить ея роль?

— Она знаетъ ее превосходно.

— Съ какимъ удовольствіемъ жду я этого вечера, — произнесла Амаранта. — А скажите, донъ-Исидоро, если бы все это случилось съ вами лично, если бы любимая вами женщина обманула васъ, то способны ли вы были бы на такую безумную ревность? Способны ли вы были бы убить вашу Дездемону?

Эта стрѣла была пущена въ Долоресь.

— Такія вещи дѣлаются только на сценѣ! — воскликнулъ Маньяра.

— Я убилъ бы не Дездемону, а Родриго, — громко отвѣтилъ Маиквесь и пристально взглянулъ на молодого человѣка.

На минуту всѣ примолкли. Измѣнившееся лице Долоресь выдавало ея внутреннее волненіе.

— Сеньора Пепа, вы меня ничѣмъ не угостили сегодня,—сказаль Маньяра.—Правда, что я ужиналь, но теперь уже два часа ночи, и я охотно выпилъ бы что нибудь.

Я подаль вина и вышелъ изъ залы, но изъ-за дверей до меня долеталь голосъ Маньяра:

— Сеньоры, пью за здоровье нашего дорогаго принца Астурийскаго ¹⁾, пью за переворотъ, ожидаемый нами на этихъ дняхъ, пью за сверженіе фаворита и стараго короля съ королевой!

— Прекрасно!—воскликнула Долоресъ и зааплодировала.

— Надѣюсь, что я нахожусь среди друзей,—продолжалъ молодой человекъ.—Надѣюсь, что вѣрный слуга новаго короля можетъ спокойно высказывать свою радость по поводу его ожидаемаго восшествія на престоль.

— Это ужасно! Вы совсѣмъ съ ума сошли! Будьте благоразумны, молодой человекъ! Какъ можно преждевременно открывать эту тайну!—возмутился старый дипломатъ.

— Будьте осторожны, сеньоръ Маньяра, будьте осторожны...—подойдя къ нему, сказала Долоресъ.—Здѣсь есть повѣренная ея величества королевы.

— Кто это?

— Амаранта.

— Ты такая же повѣренная королевы, какъ и я, и говорятъ даже, что тебѣ извѣстны большія тайны.

— Не такая, какъ ты,—сказала Долоресъ, набравшись смѣлости,—всѣ увѣряють, что ты пользуешься полнымъ довѣріемъ ея величества. Это большая честь для тебя, разумѣется!..

— Конечно,—отвѣтила Амаранта.—Я всегда рада быть полезной королевѣ. Неблагодарность очень дурной порокъ, и я не хочу походить на тѣхъ придворныхъ, которые бранятъ за глаза свою благодѣтельницу. Ахъ, всегда очень удобно говорить о чужихъ ошибкахъ, чтобъ отвлечь вниманіе отъ своихъ собственныхъ!

Долоресъ хотѣла что-то отвѣтить, и, по всей вѣроятности, разговоръ принялъ бы острый характеръ, если бы старый дипломатъ не сказалъ съ своимъ обычнымъ тактомъ:

— Сеньоры, ради Бога! Что это такое? Вѣдь вы же близкіе друзья! Неужели различный образъ мыслей можетъ васъ поссорить? Дайте другъ другу руки, и мы выпьемъ за ваше здоровье.

— Я согласна; вотъ моя рука,—сказала Амаранта.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ,—прибавила Долоресъ, подавая свою руку.—А теперь будемъ друзьями.

— Хорошо; мы еще поговоримъ объ этомъ.

Въ эту минуту я вошелъ въ комнату, и, какъ мнѣ показалось, на лицахъ обѣихъ сеньоръ не выражалось особенное дружелюбіе.

¹⁾ Старшаго сына Карла IV—Фердинанда.

Послѣ этого непріятнаго инцидента всѣ стали расходиться. Когда маркизь и Маньяра прощались съ моею госпожей, сеньора Амаранта подошла ко мнѣ и незамѣтно шепнула:

— Мнѣ надо поговорить съ тобою...

Я не помнилъ себя отъ удивленія, но мнѣ некогда было раздумывать, такъ какъ пришлось провожать гостей съ фонаремъ въ рукахъ. Въ то время улицы Мадрида имѣли еще самое слабое понятіе объ освѣщеніи. Мы пришли въ улицу Канвисаресъ и остановились около того самаго дома, гдѣ жила Инезилья, только у другаго подъѣзда. Этотъ домъ принадлежалъ старому маркизу, или, вѣрнѣе его сестрѣ; тутъ ожидали двѣ придворныя кареты. Прежде чѣмъ садиться въ свою, сеньора Амаранта отозвала меня въ сторону и сказала, чтобы я завтра же ждалъ ее въ этомъ домѣ, что мнѣ отворить дверь ея довѣренная горничная, и что дѣло идетъ о моемъ счастьѣ.

Вернувшись домой, я нашелъ мою госпожу очень взволнованной. Она ходила въ задъ и впередъ по залѣ и разговаривала сама съ собою. Въ первую минуту мнѣ показалось, что она не въ своемъ умѣ.

— Ты не замѣтилъ, — спросила она меня, — не ссорились ли между собой дорѳгой Исидоро и Маньяра?

— Нѣтъ, не замѣтилъ, сеньора, — отвѣчалъ я. — Но по какой же причинѣ имъ ссориться?

— Ахъ, ты не знаешь, Габріэль, какъ я рада, какъ я довольна! — воскликнула она съ такимъ лихорадочнымъ волненіемъ, что мнѣ даже стало страшно.

— Чѣмъ, сеньора? — спросилъ я. — Мнѣ кажется, вы очень устали, и вамъ пора бы отдохнуть.

— Нѣтъ, я не буду спать всю ночь, — отвѣтила она. — Я не могу спать. Ахъ, какъ я счастлива, видя его разочарованье!

— Я не понимаю васъ, сеньора.

— Ты ничего не понимаешь въ этомъ, мальчикъ, ступай спать... Но, нѣтъ, подойди сюда и слушай. Не правда ли, въ этомъ видна Божья кара? Онъ слишкомъ довѣрчивъ и не видитъ подлѣ себя змѣи.

— Вы говорите, вѣроятно, о донѣ Исидоро?

— Именно. Ты вѣдь знаешь, что онъ влюбленъ въ Долоресъ. Онъ совсѣмъ съ ума сходитъ по ней. При всей его гордости, онъ готовъ пасть къ ногамъ этой женщины! Онъ, который привыкъ повелѣвать, теперь служитъ игрушкой въ рукахъ Долоресъ и предметомъ насмѣшекъ въ театрѣ и вездѣ.

— Но мнѣ кажется, что сеньору Маиквесъ отвѣчаютъ на его чувство... — робко произнесъ я.

— Да, такъ было раньше, но симпатіи Долоресъ очень переѣнчивы. О, онъ, конечно, заслужилъ это. Долоресъ — само непостоянство!

— Никогда бы я не могъ этого подуматъ о такой красивой сеньорѣ.

— Съ ея ангельскимъ лицомъ и невинной небесной улыбкой Долоресъ страшная интриганка и кокетка...

— Такъ, значить, сеньоръ Маньяра...

— Въ всякаго сомнѣнія, Маньяра ея фаворитъ. Если она и разговариваетъ съ Исидоро, то только для препровожденія времени и для того, чтобы поигратъ сердцемъ этого несчастнаго человѣка. Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки. Не правда ли, онъ вполне заслужилъ это? О, я въ себя отъ радости!

— Поэтому-то, вѣроятно, сеньора Амаранта и говорила сегодня такія вещи...—сказалъ я, желая, чтобы моя госпожа разъяснила мнѣ кое-что изъ слышаннаго мною.

— Ахъ, Долоресъ и Амаранта хоть и похожи съ виду на подругъ, но онѣ ненавидятъ, презираютъ другъ друга и готовы стереть одна другую съ лица земли! Раньше онѣ были въ хорошихъ отношеніяхъ и даже еще недавно... Я предполагаю, что при дворѣ произошло что нибудь такое, что поссорило ихъ, и, вѣроятно, все это кончится войной не на жизнь, а на смерть.

— Сейчасъ видно, что онѣ не въ ладахъ...

— Мнѣ рассказывали, что теперь при дворѣ идутъ страшныя интриги. Амаранта стоитъ за старую королеву и короля, между тѣмъ какъ Долоресъ вмѣстѣ съ другими придворными дамами интригуетъ въ пользу принца Астурійскаго. Онѣ такъ возбуждены теперь одна противъ другой, что не умѣютъ скрыть своей ненависти!

— А развѣ сеньора Амаранта такая же интриганка, какъ ея подруга?—спросилъ я, желая услышать подробности о той, которую я уже считалъ своей благодѣтельницей.

— Совсѣмъ напротивъ,—отвѣтила донья Пепа.—Амаранта въ полномъ смыслѣ слова аристократка, она очень скромна и безупречнаго поведенія. Она удивительно добра и отъ души готова помочь всякому, кто только нуждается въ ея помощи. При дворѣ она пользуется огромнымъ вліяніемъ, и тотъ, кто заслужилъ ея расположеніе, долженъ считать себя счастливымъ.

— Мнѣ такъ и казалось,—отвѣтилъ я, очень довольный этими хорошиими новостями.

— Я надѣюсь, что Амаранта поможетъ мнѣ въ моей мести,—произнесла моя госпожа съ прежнимъ лихорадочнымъ волненіемъ.

— Противъ кого?—спросилъ я въ изумленіи.

— Пьеса для игры въ домѣ маркизы уже выбрана,—продолжала она, не разслушавъ моего вопроса.—Но никто не хочетъ взять роли Яго, а для меня это очень важно. Не сыграешь ли ты эту роль, Габріэль?

— Я, сеньора!.. я совсѣмъ не умѣю играть...

Она задумалась, сдвинула брови, опустила глаза и, наконецъ, вернулась къ началу разговора.

— Я удовлетворена!—произнесла она страстно.—Долоресъ ему не вѣрна, Долоресъ его обманываетъ, Долоресъ выставляетъ его въ смѣшномъ видѣ, Долоресъ его наказываетъ... О, Dios mio! Теперь я вижу, что есть справедливость на землѣ!

Затѣмъ она немного успокоилась, велѣла мнѣ уйти и когда, позвавъ свою горничную, вошла въ спальню, то до моего слуха долетѣли ея судорожныя рыданія. На просьбы горничной успокоиться и лечь она только отвѣтила:

— Зачѣмъ я буду ложиться, когда я знаю, что не усну всю ночь?

Я ушелъ въ мою маленькую комнатку, куда никогда не проходили лучи свѣта. Я легъ, огорченный несчастной страстью моей госпожи, но скоро эти мысли отошли на задній планъ, и я сталъ думать о моемъ собственномъ положеніи. И, видя въ своемъ воображеніи чудный образъ Амаранты, я уснулъ крѣпкимъ, счастливымъ сномъ.

VIII.

Проснувшись на другое утро, я сразу припомнилъ всѣ вчерашнія событія и сталъ о нихъ думать.

— Когда это наступитъ часъ, когда я пойду къ сеньорѣ Амарантѣ!—говорилъ я самъ съ собою.—Нѣтъ сомнѣнія, я попадѣ къ ней въ милость; впрочемъ это не такъ удивительно, потому что я не разъ слышалъ, что не дуренъ собою... Кто знаетъ, быть можетъ, лѣтъ черезъ пять я буду какимъ нибудь графомъ или герцогомъ. Развѣ я не слышу, какъ совсѣмъ темные люди, благодаря своему уму и чьей нибудь протекціи, залетаютъ очень высоко? Донья Пепа говоритъ, что сеньора Амаранта пользуется большимъ вліяніемъ при дворѣ; кто знаетъ, быть можетъ, въ ея жилахъ течетъ королевская кровь? Господи, но что мнѣ сдѣлать, чтобъ удостоиться ея милости? Клянусь Богомъ, что если она поможетъ мнѣ выдвинуться, то я сумѣю не ударить въ грязь лицомъ! Первое что я сдѣлаю—это уничтожу бѣдность въ Испаніи и издамъ повелѣніе, чтобъ на всѣхъ рынкахъ понизили цѣну на сѣстные припасы для бѣдныхъ. Съ Франціей у меня не будетъ никакихъ столкновеній; она сама по себѣ, а мы сами по себѣ. А если кто посмѣетъ меня послушаться, то безъ дальнихъ разговоровъ я прикажу снять ему голову съ плечъ. О, если мнѣ удастся возвыситься, какъ будетъ счастлива моя бѣдная Инезилья! Она уже не будетъ цѣлые дни гнуть спину надъ работою. Конечно, Инезилья такая милая и кроткая, что я всю жизнь буду ее любить, но я долженъ любить также и Амаранту... Но какъ же я оставлю Инезилью?.. А какъ же я забуду для нея Амаранту?.. Онѣ обѣ такія хорошія...

Такъ размышлялъ я, лежа въ постели и рисуя себѣ картины будущаго. Одно только предположеніе, что я могу быть любимымъ женщиной, имѣющей вліяніе при дворѣ, заставляло меня уже мечтать добиться черезъ нее почестей и славы. Я узнаю въ этомъ испанскую кровь. Мы всѣ и всегда одинаковы.

Я всталъ, одѣлся и, взявъ корзинку, пошелъ на рынокъ за провизіей. Дорогою мнѣ пришла въ голову мысль, что ходить на рынокъ слишкомъ унижительно для человѣка, который, быть можетъ, не нынче-завтра будетъ адмираломъ, министромъ или даже королемъ какого нибудь маленькаго королевства.

Оставлю на время мою собственную, самонадѣянную персону и перейду къ воспоминанію о томъ, какое впечатлѣніе производили на народъ эти ожидаемыя политическія перемѣны. Я замѣтилъ, что на рыночной площади многіе собирались кучками и о чемъ-то оживленно толковали.

Продавецъ рыбы, нашъ постоянный поставщикъ, показался мнѣ въ особенно веселомъ настроеніи духа.

— Ну, что новенькаго?—спросилъ я.

— О, большія новости! Французы вошли въ Испанію. Еслибъ ты зналъ, какъ я радъ!

И, понизивъ голосъ, онъ сказалъ мнѣ съ лукавой улыбкой:

— Они пришли, чтобъ завладѣть Португаліей! Вѣдь можно съ ума сойти отъ радости!

— Я ничего не понимаю!

— Ахъ, Габріэль, ты еще слишкомъ молодъ, чтобъ понимать такія вещи! Поди-ка сюда поближе! Если они завладѣютъ Португаліей, то кому же они отдадутъ ее, какъ не Испаніи?

— Да развѣ можно такъ скоро завладѣть страной и отдать ее кому нибудь, какъ фунтъ кизилію?

— Нѣтъ сомнѣнія, что будетъ такъ. Люблю я Наполеона! Онъ очень расположенъ къ Испаніи и только и думаетъ о томъ, чтобы сдѣлать насъ счастливыми.

— Полно вамъ толковать! Онъ думаетъ только о томъ, какъ бы выманить у насъ деньги, корабли, войска и все, что ему угодно!—сказала я, съ твердой рѣшимостью окончательно порвать съ Франціей, когда сдѣлаюсь министромъ.

— Онъ уже расположенъ къ намъ потому, что хочетъ избавить насъ отъ перваго министра Годоя, котораго всѣ терпѣть не могутъ.

— Да что такое сдѣлалъ этотъ сеньоръ, что его всѣ такъ ненавидятъ?

— Но, скажите на милость, вѣдь, это первый негодяй въ Испаніи? Всѣмъ извѣстно, что онъ фаворитъ королевы и, только благодаря этому, достигъ такого высокаго положенія. Онъ продаетъ мѣста, да еще какимъ безсовѣстнымъ образомъ! Если у кого есть

красивая жена или дочь, то тотъ можетъ при немъ всего добиться! Теперь онъ хочетъ сплавить королей въ Америку, чтобы самому сѣсть на испанскій престоль... Но онъ ошибется въ расчетѣ, потому что Наполеонъ разрушитъ всѣ его планы. Богъ знаетъ, что ждетъ насъ, но, мнѣ сдается, Наполеонъ посадитъ на испанскій престоль нашего принца Астурійскаго, а нашъ король Карль IV съ супругой отправятся, куда имъ будетъ угодно.

Больше мы не говорили объ этомъ, и я пошелъ въ галантерейную лавочку купить шелку, по порученію горничной.

Аббатъ Паніагва выбиралъ себѣ ленту на поясъ, а хозяйинъ, лаская кота, сидѣвшаго на прилавкѣ, говорилъ хозяйкѣ:

— Теперь ужъ нѣтъ никакого сомнѣнія, донья Амброзія, что насъ освободятъ отъ этого выскочки!

— Давно бы такъ, — отвѣтила лавочница. — Вѣроятно, какой нибудь добрый человѣкъ отправился къ Наполеону и рассказалъ ему о всѣхъ ужасахъ, какіе творитъ Годой, вотъ онъ и выслалъ свое войско, чтобы свергнуть его.

— Виноватъ, сеньора, — произнесъ аббатъ, подымая голову отъ прилавка, — но мнѣ приходится возвращаться въ лучшемъ обществѣ, и я слышалъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что у Наполеона совѣмъ обратныя намѣренія. Онъ выслалъ свои войска не противъ Годоя, а за Годоя, потому что существуетъ тайный договоръ, по которому рѣшено завоевать Португалію и раздѣлить ее на три части между тремя лицами, однимъ изъ которыхъ будетъ *Príncipe de la Paz*.

— Объ этомъ говорили, но очень давно, и никто теперь ужъ не думаетъ о подобномъ раздѣлѣ, — съ презрѣніемъ отвѣтилъ хозяйинъ магазина. — Наполеонъ хочетъ завоевать Португалію только для того, чтобы отнять ее у англичанъ, да-съ, сеньоръ!

— А мнѣ говорили, — прибавила донья Амброзія, — что Годой хочетъ отправить королей въ Америку и взять себѣ испанскую корону. Но ужъ этого мы не допустимъ, не правда ли, донъ Анатоліо? Хотя, конечно, чего ужъ ждать хорошаго отъ человѣка, женатаго на двухъ женщинахъ!

— И говорятъ, что за обѣдомъ одна изъ нихъ сидитъ по его правую руку, другая по лѣвую, — сказалъ донъ Анатоліо.

— Ради Бога, говорите тише! — произнесъ аббатъ Паніагва. — О подобныхъ вещахъ нельзя говорить вслухъ.

— Насъ никто не слышитъ, и кромѣ того, еслибъ стали арестовывать тѣхъ, кто высказываетъ подобныя вещи, то Мадридъ сразу опустѣлъ бы!

— Всѣмъ извѣстно, въ какихъ отношеніяхъ Годой состоитъ съ королевой, — сказала донья Амброзія.

— Но объ этомъ не говорятъ сеньоры, объ этомъ молчатъ! — воскликнулъ Паніагва. — Говоря откровенно, мнѣ непріятно это

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ торжественномъ собраніи гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 11-го мая 1893 года, по случаю исполнившагося 25-лѣтія существованія Общества, учрежденъ конкурсъ, съ двумя преміями, одной въ 3.000 рублей и другой въ 1.000 рублей имени А. Ф. Гильфердинга, за лучшія сочиненія на слѣдующія темы:

1) «Представить сжатый, но обстоятельный, основанный на возможно-полномъ изученіи доступныхъ источниковъ, при знакомствѣ съ литературою предмета, очеркъ исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, начиная съ такъ называемой исторической эпохи ихъ существованія въ Европѣ до 1879 года включительно, — въ связи съ исторіей сопредѣльныхъ народовъ и государствъ. Въ предлагаемомъ очеркѣ должно быть обращено вниманіе не на внѣшнія только политическія судьбы славянскихъ народовъ, но и на внутреннюю ихъ жизнь — дѣрковъ, литературу, право и т. п., причѣмъ съ большею полнотою должны быть изложены тѣ періоды и отдѣльныя событія въ исторической жизни славянъ, которые оставили болѣе глубокой слѣдъ въ судьбахъ той или другой славянской народности, въ общеславянской и общеевропейской исторіи. Очерку долженъ быть предпосланъ обзоръ главнѣйшихъ источниковъ для исторіи южныхъ и западныхъ славянъ и указатель по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ пособій для болѣе подробнаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ славянской исторіи» (премія въ 3.000 р.).

2) «Представить обстоятельный, основанный на точномъ знаніи источниковъ, очеркъ исторіи и современнаго положенія заграничной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской) въ отношеніяхъ — политическомъ, религіозномъ, экономическомъ (за послѣднее время) и пр., причѣмъ, конечно, больше вниманія должно быть обращено на тѣ стороны и періоды въ историческихъ судьбахъ заграничной Руси, въ которыхъ наиболѣе ярко выразились съ одной стороны упадокъ національной ея жизни, а съ другой — и подъемъ народнаго русскаго духа. Предлагаемому очерку слѣдуетъ предпослать указатель источниковъ и пособій. Къ сочиненію, въ случаѣ его печатанія, должна быть приложена карта заграничной Руси» (премія въ 1.000 р.).

Сочиненія на вышеизложенныя темы должны быть представлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества (С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 9) обязательно на русскомъ языкѣ, не позже 11-го мая 1896 года, безъ обозначенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами, въ собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества 14-го февраля 1897 года.

Премированныя сочиненія печатаются (въ количествѣ 1.200 экз.) на счетъ Славянскаго Общества, которое изъ всего количества печатаемыхъ экземпляровъ получаетъ въ свое распоряженіе 600, а другіе 600 уступаетъ автору *).

*) По соглашенію съ Совѣтомъ Общества авторъ можетъ печатать свое сочиненіе и въ большемъ количествѣ экземпляровъ, но уже на свой счетъ — свыше 1.200 экз.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. БРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

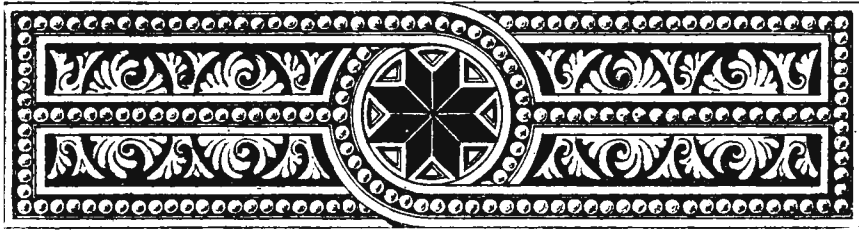
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ
АВГУСТЪ, 1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1893 г.

	СТР.
I. Подъ неотразимой десницей. Историческій романъ. Часть третья. VI—X. (Окончаніе). П. Н. Полеваго	273
II. Воспоминанія В. А. Полторацкаго. XVI. (Продолженіе)	301
III. Графъ Іоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи. I—III. В. А. Теллова	323
IV. Воспоминанія В. Н. Погожева. XI—XV. (Продолженіе)	363
V. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 года. А. Г. Слескинскаго	390
VI. Очерки Москвы. XX—XXIII. Д. А. Покровскаго	403
VII. Графъ Минихъ и его записки. (Посвящается памяти М. И. Семевскаго). Д. А. Корсакова	431
VIII. Императоръ Александръ II въ Вологдѣ въ 1858 году. (Изъ воспоминаній вологжанина). В. Р. Чевскаго	446
IX. Обскіе пираты прошлаго вѣка. К. Б. Газенвинкеля	455
X. Изъ воспоминаній о Японіи. XVIII—XIX. (Окончаніе). Женщины-врача А. А. Черевковой	469
XI. Депутаты-работчіе въ Англіи. В. Т.	484
Иллюстраціи: 1) Джонъ Борнсъ.—2) Джозефъ Арчъ.—3) Томасъ Буртъ.—4) Борнсъ за письменнымъ столомъ.—5) Борнсъ за работой.—6) Керъ Гарди.	
XII. Критика и библиографія	510
1) О. Еленевъ. Ученіе о Финляндскомъ государствѣ. Спб. 1893. В. Латинина.—2) Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Составилъ А. Степовичъ. Кіевъ. 1893. Вл. З.—3) В. Г. Щегловъ. Государственный совѣтъ въ Россіи, въ особенности въ царствованіе Александра I. Томъ I. Ярославль. 1892. В. Латинина.—4) Сочиненія Г. П. Данилевскаго (1847—1890). Изданіе седьмое, по-смертному, въ девяти томахъ, съ біографіею и портретомъ автора. Спб. 1893. Р. Б.—5) Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Сочиненіе А. И. Незеленова. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1893. М. М.—6) Царь-работникъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ Фридриха Дукмейера. Берлинъ. 1892. (Der Arbeiter-Kaiser. Trauerspiel in 5 Akten. Von Fr. Dukmeyer). П. П.—7) Русская историческая библиографія. Указатель книгъ и статей по русской и всеобщей исторіи и вспомоательнымъ наукамъ, за 1800—1854 г. включительно. Томы I и II. Составилъ В. И. Межовъ. Изданіе И. Н. Сибирякова. Спб. 1892—1893. С. А.—8) Былины. Русская классная бібліотека, издаваемая подъ редакціей А. Н. Чудинова. Выпускъ XIII. Спб. 1893. С. Т.—скаго.	
XIII. Историческія мелочи	527
1) Новыя подробности о взятіи Бастиліи.—2) Столѣтняя годовщина убійства Марата Шарлотой Кордэ.—3) День Наполеона въ Тюльери.—4) Наполеонъ послѣ смерти.—5) Незданный разговоръ Вашингтона о его первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ индѣйцевъ и французовъ.—6) Мать Вашингтона.—7) Потонушіе англійскіе адмиралы.	
XIV. Загравичныя историческія новости	543
XV. Смѣсь	551
1) Юбилей профессора Фойницкаго.—2) Юбилей К. А. Скальковскаго.—3) Юбилей П. I. Вобровскаго.—4) Преміи Петра Великаго.—5) Общество любителей древней письменности.—6) Кладъ.—7) Морская находка въ Либавѣ.—8) Портфель Наполеона.—9) Некрологи: М. П. Веселовскій; В. Д. Кренке; А. П. Барыкова; И. П. Зазулинь.	
XI. Замятки и поправки	559
По поводу стихотворенія Т. Г. Шевченка. А. Лашневича.	
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа Іоанна Антоновича Каподистрія.—2) Дворъ Карла IV. (La corte de Carlos IV). Историческій романъ Переса Гальдоса. Переводъ съ испанскаго Е. I. Уманецъ. IX—XVI.—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времѣи» А. С. Суворина.	

ПОДЪ НЕОТРАЗИМОЙ ДЕСНИЦЕЙ ¹⁾.

Il y a dans le coeur humain des abîmes
impossibles à sonder... En présence de
ces abîmes, l'histoire s'arrête effrayée:
Dieu seul peut les juger avec équité...

(Mém. du prince P. Dolgorouky, 39).

VI.

Въ началѣ зимы 1717 года въ Петербургѣ и Москвѣ разнесся странный слухъ, будто бы царевичъ Алексѣй Петровичъ, уже цѣлый годъ тайно укрывавшійся въ цесарскихъ владѣнiяхъ, добровольно согласился вернуться въ Россiйское государство, принесъ отцу-государю во всемъ повинную и получилъ отъ него полное прощенiе. Слухъ этотъ передавали подъ рукою, притомъ, какъ большую тайну, тѣмъ болѣе, что никакія начальства и власти не показывали вида о томъ, что имъ нѣчто подобное вѣдомо; но тайный слухъ вскорѣ проникъ въ народъ и широко распространился среди него во всѣ стороны отъ столицъ.

— Ну, и слава Богу!—говорили многіе добродушные и довѣрчивые люди,—пожилъ на чужбинѣ, небось по родной землѣ соскучился—теперь станетъ съ отцомъ въ мирѣ жить!

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 5.
«Истор. вѣстн.», августъ, 1893 г., т. LIII.

— Не дай Богъ, чтобы ему сюда вернуться! — говорили съ глубокимъ вздохомъ всѣ сторонники царевича. — Не прощенье его тутъ ждеть, а столбъ съ перекладиной...

Особенно волновалась Москва, переполненная сторонниками стараго порядка и близкими царевичу людьми. Здѣсь слухъ о возвращеніи царевича обсуждался на всѣ лады и во всѣхъ слояхъ общества. Въ приемной у царевны Марьи Алексѣевны, гдѣ собирались всѣ люди Лопухинской партіи, всѣ родственники царевича, ближніе и дальніе, всѣ недовольные Петровскаго царствованія, слуху прямо-таки не вѣрили и въ доказательство его невѣроятности даже передавали слѣдующій анекдотъ о разговорѣ Петра съ митрополитомъ Рязанскимъ. Петръ будто бы спросилъ Рязанскаго, что онъ думаетъ о бѣгствѣ царевича, и митрополитъ прямо отвѣтилъ, что «царевичу здѣсь дѣлать нечего; вѣроятно, онъ хочетъ поучиться за границей».

— И точно, вѣдь правда! — съ умиленіемъ говорила княгиня Троекурова. — Обиды, да оскорбленіе, да небреженія терпѣть кому охота!

— Что обиды? Что оскорбленія, княгинюшка! — добавлялъ къ ея словамъ князь Семень Щербатовъ. — За самую жизнь трепетать долженъ былъ!.. Вѣдь у нашего и вся недолга!

Положительное недоумѣніе и даже нѣкоторый ужасъ распространился въ этомъ тѣсномъ кружкѣ, когда слухъ, казавшійся нелѣпымъ и неправдоподобнымъ, сталъ мало-по-малу превращаться въ несомнѣнную и неотрицаемую дѣйствительность... Въ январѣ 1718 года всѣмъ членамъ кружка стало извѣстно, что царевичъ дѣйствительно возвращается въ Россію, или, вѣрнѣе сказать, «его везутъ» и везутъ съ большими предосторожностями, что онъ уже подъѣзжаетъ къ Пскову и въ концѣ января непременно будетъ въ Москвѣ. При этомъ, невѣдомо откуда явилась даже и такая легенда: «Иуда Петръ Толстой взялъ-де царевича обманомъ, подпоивъ его и посуливъ, что выхлопочетъ ему разрѣшеніе жениться на дѣвкѣ Евфросиньи...». Никто въ кружкѣ царевны Марьи Алексѣевны и въ Лопухинской партіи не вѣрилъ тому, чтобы Петръ могъ такъ благодушно отнестись къ сыну, и всѣмъ, весьма естественно, приходило въ голову, что «многіе и очень многіе» привлечены будутъ къ отвѣту...

— Пропали всѣ наши головы! — говорилъ во всеуслышанье князь Семень Щербатовъ. — Никому не спуститъ государь: достанется отъ него и правому, и виноватому.

Вскорѣ стало ясно, что Петръ задумываетъ нѣчто грандіозное и внушительное. Въ Москву стали съѣзжаться, по его приказанію, всѣ духовные, военные и гражданскіе сановники, всѣ министры, генералы и высокопоставленные лица; въ то же время, то-есть къ концу января, въ Москву пришли два полка гвардіи

изъ Петербурга, и, наконецъ, явился самъ государь съ супругою и важнѣйшими изъ приближенныхъ, кромѣ сіятельнѣйшаго князя Меншикова, оставленнаго Петромъ «блюсти» новую столицу.

1-го февраля узнали въ Москвѣ, что царевичъ наканунѣ прибыль въ Москву поздно вечеромъ, а въ тотъ день спозаранокъ былъ у государя собранъ тайный совѣтъ...

— На послѣзавтра... на понедѣльникъ приказано самый большой изъ покоевъ Кремлевскаго дворца убрать и приготовить... Должно быть, большое царь торжество готовить: при всѣхъ генералахъ и министрахъ съ сыномъ мириться будетъ...

— Охъ, тяжелый день понедѣльникъ!—приговаривали многіе, съ сомнѣніемъ покачивая головами.

Рано утромъ, въ понедѣльникъ, въ Кремль вступили и по всѣмъ улицамъ около дворца и соборовъ расположились въ немъ три батальона гвардіи съ заряженными ружьями. Къ 9 часамъ утра стали съѣзжаться во дворецъ сановники, министры, высшее духовенство и генералитетъ. Длинными рядами выстроились на площади, около дворцовой рѣшетки, всевозможные экипажи: кареты, колымаги, возки и простыя сани. Въ народѣ, собравшемся на площади, около зданій старинныхъ приказовъ, чтобы поглазѣть на съѣздъ, царило какое-то глубокое, сосредоточенное молчаніе, какая-то необычная тишина. На всѣхъ лицахъ выразалось недоумѣніе и тревожный вопросъ: «что тамъ во дворцѣ творится, чего ждать слѣдуетъ?».

Недолго и ждать пришлось молчаливой и угрюмой толпѣ!. Вонъ войска, вытянутыя въ двѣ шеренги вдоль дворцоваго двора до соборовъ, сверкнули ружьемъ, отдавая кому-то честь, и изъ дверей Большаго дворца потянулось къ соборамъ длинное, блестящее шествіе... Впереди вышло духовенство, за нимъ генералитетъ, сановники, министры...

— Шапки долой, ребята! Самъ царь съ крыльца сходить, и царевичъ съ нимъ... Шапки долой!.. Небось мириться съ сыномъ идетъ!.. Дай-то Богъ! Миръ бы да совѣтъ имъ!—слышалось въ толпѣ.

— Какъ не мириться?—отзывались на это другіе голоса.— Постоимъ—узнаемъ, небось!

И опять толпа смолкла въ сумрачномъ, нетерпѣливомъ ожиданіи и слѣдила недоумѣвающими очами за хлопотливымъ движеніемъ и перебѣганіемъ разныхъ должностныхъ лицъ и дворцовыхъ чиновниковъ Большаго дворца.

— Вотъ и изъ собора выходить стали... Царь съ царевичемъ на Красное крыльцо поднимаются... А знать-то вся—въ разсыпную... Что раки изъ мѣшка!.. Всякъ къ своей колымагѣ спѣшить... По домамъ, значить, горячія щи хлебать!

— Не расходись, ребята—не все еще окончено! Вонъ, никакъ,

дьяки съ командой сюда идуть... Дьякъ бумагу надъ головой держать—не указъ-ли государевъ читать будетъ?

— И то, и то!.. Читать, читать будетъ! Подождемъ... прослушаемъ!

— Шапки долой! Указъ государевъ! — крикнулъ офицеръ, сопровождавшій команду, при которой шествовалъ дьякъ съ бумагой, которую онъ почтительно и бережно развернулъ, остановившись въ нѣкоторомъ разстояніи отъ толпы, приготовившейся слушать...

Голосистый дьякъ отчетливо, истово и громко началъ чтеніе знаменитаго царскаго манифеста, отъ 3-го февраля 1718 года, отчеканивая каждое слово, подчеркивая каждый намекъ, каждое выдающееся указаніе, каждый вѣскій укоръ, направленный противъ царевича... Толпа слушала сосредоточенно, угрюмо и молчаливо; но когда дьякъ дошелъ до того мѣста въ манифестѣ, гдѣ говорилось: «и тако мы, сожалѣя о государствѣ своемъ и вѣрныхъ подданныхъ... для пользы государственной... лишаемъ сына своего Алексѣя, за тѣ вины и преступленія, наслѣдства по насъ престола нашего Всероссійскаго»,—толпа вдругъ словно охнула... Многие стали качать головами, иные крестились, послышался внятный ропотъ, почти заглушавшій чтеніе окончательныхъ строкъ манифеста... Иные, даже не дослушавъ его до конца, надѣвали шапки и спѣшили разойтись въ разныя стороны, чтобы разнести по городу новую и тягостную вѣсть о томъ, что надежа-царевичъ, Алексѣй Петровичъ, государемъ отъ престола отрѣшенъ, а малолѣтній царевичъ Петръ Петровичъ на его мѣсто въ наслѣдники «опредѣленъ и объявленъ»...

Въ то время, когда это чтеніе манифеста происходило на площади передъ дворцомъ, царь Петръ, только что возвратившійся изъ собора, уже сидѣлъ за своимъ рабочимъ столомъ въ одномъ изъ покоевъ Большаго дворца, приспособленномъ къ его временному пребыванію, и спѣшно, порывисто писалъ что-то на небольшихъ отдѣльныхъ клочкахъ толстой синеватой бумаги. Перо быстро бѣгало по бумагѣ, словно нанизывая букву за буквой на строки... Лицо Петра было мрачно; грозныя морщины глубокими складками залегли на его высокомъ челѣ, судорожныя движенія поддергивали нижнюю часть его лица и сводили плечо и шею...

— Эй, кто тутъ есть?—крикнулъ царь и застучалъ кулакомъ по столу.

Одинъ изъ денщиковъ, безотлучно дежурившихъ за дверью, вбѣжалъ въ комнату и сталъ у пріотворенной двери.

— Введи курьера Сафонова! Да мигомъ!

Денщикъ скрылся за дверью и, полминуты спустя, на его мѣстѣ у двери стоялъ уже курьеръ Сафоновъ, громаднаго роста мужчина, понурый, хмурый и угрюмый.

Петръ взялъ со стола одну изъ краткихъ записокъ и, прежде чѣмъ запечатать ее, еще разъ пробѣжалъ глазами... Въ запискѣ было написано:

«Мейнъ Өринтъ, при прїѣздѣ, сынъ мой объявилъ, что вѣдали и совѣтовали ему в томъ побѣгѣ Александръ Кикинъ, человекъ его, Иванъ Аѳонасьевъ і братъ бывшей жены моей Абрамъ Лопухинъ; чего для возьми ихъ немедля за крѣпкій караулъ и вели оковать».

Пробѣжавъ эти строки глазами, Петръ подумалъ еще съ минутою, какъ бы припоминая, не слѣдуетъ-ли еще чего добавить; потомъ вложилъ письмо въ готовый пакетъ и запечаталъ его своею перстневою печатью.

— Надлежитъ тебѣ немедля ѣхать въ Питербурхъ, нигдѣ минуты не мѣшкая, и прямо съ дороги передать это письмо свѣтлѣйшему князю Меншикову. Боже сохрани, коли замѣшкаешь!

— Слушаю, ваше величество!—пробасилъ Сафоновъ, принимая письмо изъ рукъ государя и бережно опуская его въ сумку, висѣвшую черезъ плечо.

Едва онъ скрылся за дверью, денщикъ доложилъ государю о приходѣ капитанъ-поручика Скорнякова-Писарева, по его, государя, приказу.

— Введи сюда,—быстро проговорилъ царь Петръ, дописывая какую-то бумагу.

Онъ дописывалъ ее, и когда уже капитанъ-поручикъ Скорняковъ-Писаревъ стоялъ на вытяжку у дверей, переминаясь съ ноги на ногу и не зная, какъ дать знать о своемъ приходѣ, царь Петръ сказалъ, оборачиваясь отъ стола къ дверямъ:

— А! Ты здѣсь? — Я на тебя надѣюсь, какъ на расторопнаго и вѣрнаго слугу... и потому опредѣлилъ тебѣ дать для исполненія секретнѣйшее порученіе...

Тутъ Петръ всталъ изъ-за стола и прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ; потомъ опять подошелъ къ столу, взялъ съ него два запечатанные пакета, одинъ побольше, а другой поменьше, и, подавая одинъ изъ нихъ Писареву, проговорилъ въ полголоса:

— Бери немедля команду въ сорокъ человекъ солдатъ при двухъ надежныхъ офицерахъ, бери подводы и скачи наискорѣе къ Троицѣ; у Троицы, пока перепрегаютъ лошадей и кормятся команда, вскрыешь вотъ этотъ пакетъ и тамъ найдешь приказъ: куда отъ Троицы направиться имѣешь съ командой... А во второмъ пакетѣ—полная тебѣ инструкція, какъ дѣйствовать по прибитіи на мѣсто... Ту инструкцію прочтешь, не доѣзжая мѣста, верстъ за двадцать — и все по ней исполнишь, моею волею и властью... какъ если бы я самъ тамъ былъ! Понимаешь?

— Все исполню, ваше величество!—отвѣчалъ Писаревъ, смѣло глядя въ глазу Петру и видимо польщенный оказываемымъ ему довѣріемъ.

— На всякій случай,—продолжалъ государь, передавая пакеты въ руки капитанъ-поручика,—прикажи командѣ съ собою взять ручныя и ножныя желѣза... для колодниковъ... Да чтобы никто не зналъ объ этомъ,—слышишь!

— Слушаю, ваше величество...

— О дальнѣйшемъ донесешь мнѣ съ мѣста въ день прибытія и будешь ждать моего приказа... Ну, такъ съ Богомъ, въ путь, не медля!..

Капитанъ-поручикъ поклонился и скрылся за дверью.

А Петръ снова сѣлъ за столъ и сталъ обдумывать, извращивать и округлять ту фразу, которую хотѣлъ поставить во главѣ собственноручно-наброшенныхъ имъ допросныхъ пунктовъ царевичу.

— Да!.. да! Видитъ Богъ, простить ему я не могу! Злодѣй онъ!.. Преступникъ, лжець, предатель... Чего мнѣ стоило, чтобы воздержаться... не убить, не задушить его, щенка... когда онъ съ лицемѣрнымъ раскаяньемъ сегодня припадалъ къ моимъ ногамъ!.. О-о-о!

И онъ судорожно сжималъ свои мощныя руки и хватался за голову, отрываясь отъ пера и бумаги.

— Я обѣщаль ему прощенье,—продолжалъ думать Петръ,—но я тутъ же объявилъ ему, чтобы открылъ сообщниковъ, чтобы все выяснилъ... всѣ обстоятельства... всѣ рѣчи тайныя, а ежели что утайтъ, то живота будетъ лишень... А онъ утайтъ! Онъ непременно утайтъ, и я его не пощажу, и никого не пощажу!.. Ра-стопчу и уничтожу гнѣздо ехиднино!

И онъ снова принимался за перо и снова порывисто и спѣшно писалъ, и грозныя очи его метали молніи.

VII.

9-го февраля, 1718 года, рано утромъ, Игнатій Босой почти уже подходилъ къ цѣли своего путешествія—къ Суздальской Покровской женской обители. Шагаль онъ по снѣгу, слегка подтаявшему отъ недавней оттепели, какъ и всегда, босыми ногами, грузно опираясь на свой пудовой желѣзный посохъ съ крестомъ, но уже не такъ широко и быстро, какъ въ былые годы. Старость брала свое даже и на этомъ богатырѣ: длинныя и беспорядочныя пряди волосъ, выбивавшіяся на воротникъ темнаго полшубочка, были почти сплошь сѣды, глубокія морщины избородили его смуглое, сильно похудѣвшее лицо, и спина его порядкомъ сгорбилась и закруглилась... Но одѣтъ онъ былъ лучше прежняго, милостями и тщаніемъ тѣхъ высокыхъ персонъ, которымъ служилъ онъ переносчикомъ вѣстей и гостинцевъ изъ Москвы къ царичѣ-инокинѣ

въ Суздальскую обитель; и говорили даже, что гдѣ-то въ Москвѣ, въ томъ домикѣ, который онъ получилъ въ подарокъ съ дворовою и огородною землею отъ самой царевны Маріи Алексѣевны, былъ такой укромный уголокъ подъ печуркою, гдѣ у него копились въ завѣтной кубышечкѣ и алтыны, и полтины, и рублевики, утаенные отъ сборовъ на храмъ, отъ всякихъ пожертвованій, благодушными дателями переданныхъ волосняичнику, и отъ продажи всякихъ мнимыхъ святынь, которыми Босой велъ небезвыгодную торговлю. Этихъ «святынекъ» и теперь съ нимъ былъ немалый запасъ, въ одномъ изъ дальнихъ уголковъ его кожаной дорожной сумки, висѣвшей за спиною... Но главнымъ предметомъ его заботливости и вниманія въ данную минуту было то простенькое «полевое» ведерко съ крышечкой, въ которомъ Босой несъ изъ Москвы гостинецъ царицѣ-инокинѣ отъ царевны Маріи Алексѣевны: въ ведеркѣ томъ были засахаренные лимоны,—фруктъ въ то время дорогой и рѣдкій, до котораго, притомъ, царица Евдокія была очень лѣкома...

«Вотъ, — думалъ старый волосняичникъ, поглядывая на ведерко,—гостинецъ царицѣ принесу, а она мнѣ милостыньку, да дня три-четыре на ея хлѣбахъ отдохну; а тамъ къ милостивцамъ толкнусь, не перепадетъ-ли и отъ нихъ тоже какихъ крохъ на обратный путь».

А до обители-то ужъ и совсѣмъ недалечко: вотъ тутъ еще перелѣсочекъ, съ часовенкой на опушкѣ, да перелѣсочкомъ версты двѣ, а тамъ деревня Висѣлки, а отъ нея всего три версты до самыхъ воротъ обительскихъ... Но что это за шумъ долетѣлъ до чуткаго Игнатьева уха: словно-бы топотъ конскій? И бубенцы будто звякаютъ?.. И голоса?.. Все вѣтромъ доносить, и все это дѣло не очень бывалое, не очень обычное на этомъ пути, пустомъ и заброшенномъ въ глухое зимнее время...

И осторожный путникъ оглянулся въ поворотѣ назадъ, и сразу на лицѣ его выразилось нѣкоторое недоумѣніе и тревога... Съ небольшого холмика, на который Босой поднимался, подходя къ часовнѣ и перелѣску, дорога видна было вдаль версты на три; темною змѣйкой вилась она по широкому и гладкому снѣжному полю, окаймленному только вдали зубчатою синевою лѣса... И вотъ онъ увидѣлъ на этой дорогѣ, въ верстѣ отъ себя, цѣлый поѣздъ, саней съ десяткомъ, и все тройками, и въ саняхъ чернымъ-черно отъ людей... И ѣдутъ шибко, шибко—въ хвостъ и въ голову погоняютъ...

— Съ нами крестная сила! — прошепталъ, спохватившись Босой.—Что за поѣздъ такой?.. Не царскіе-ли сыщики въ Суздаль ѣдутъ разнохивать да разыскивать?.. Не удалые-ли добрые молодцы наѣздъ на чью усадьбу чинить затѣяли? Давай Богъ ноги отъ нихъ! Прихорониться на случай... Ой-ой!

И онъ припустилъ бѣгомъ, боязливо оглядываясь; пробѣжалъ съ полсотни шаговъ, волоча за собою свой посохъ, и, добравшись до часовенки, мигомъ взбѣжалъ на окружавшіе ея перильные переходы и завалился за часовенку, какъ заяцъ за кочку... Осторожно выглядывая изъ-за угла, онъ увидѣлъ, какъ промелькнули мимо часовни десять широкихъ пошевенъ, и въ восьми пошевняхъ насчиталъ по 5 человѣкъ солдатъ; въ двухъ остальныхъ ѣхало начальство: одинъ какой-то высокій и дюжій мужчина, закутанный въ шубу, сидѣлъ особо, въ переднихъ пошевняхъ, а въ слѣдующихъ сидѣли два офицера, закутанные въ плащи. Весь поѣздъ съ шумомъ и топотомъ пронесся мимо и уже скрылся въ перелѣскѣ, за поворотомъ дороги, а Игнатій Босой, перепуганный и оторопѣлый, все еще лежалъ за часовней и двинуться съ мѣста не смѣлъ...

— Не къ добру эти гости незваные! — прошепталъ онъ, наконецъ, приподымаясь и раздумывая, какъ ему поступить: впередъ-ли идти, назадъ-ли вернуться.

И долго, долго сидѣлъ онъ въ раздумьи, на крылечкѣ часовни... Наконецъ, онъ рѣшилъ двинуться, по пути своему, впередъ, и дойти только до Висѣлокъ, да тамъ и остановиться у мужичка-пріятеля, и оттуда ужъ навести справки, куда именно направился этотъ грозный поѣздъ, и по чью душу грѣшную высланы царемъ-антихристомъ «зміи черные, аггели его...».

А поѣздъ между тѣмъ на рысяхъ близился къ обители, въ которой никто его не ожидалъ и никто никакой грозы ни откуда не опасался. Поздняя обѣдня была только что окончена, и сестры разбрелись по кельямъ. Вернулась къ себѣ въ келью и мать-игуменья, и только переступила свой порогъ, какъ уже была пріятно поражена тѣмъ особеннымъ ароматомъ, которымъ благоухала ея келья. Она знала, что этотъ ароматъ несется изъ крошечной поварни, пристроенной къ сѣнцамъ, и, разоблачаясь, уже предвкушала ту очень вкусную разварку, которую отлично умѣла готовить ея келейница изъ бѣлыхъ грибовъ, овсяной крупы и снѣточковъ. Мать-игуменья эту разварку очень любила, и потому не замедлила сѣсть за столъ въ своей передней комнатѣ; оправивъ поудобнѣ складки своей ряски и четки на рукѣ и, видя, что келейница уже несетъ чашку съ разваркой на столъ, мать-игуменья взяла даже въ руки ложку и приготовилась кушать... какъ вдругъ случилось нѣчто совсѣмъ необычайное...

На дворѣ, въ оградѣ обители послышался какой-то шумъ и суматоха, потомъ даже крики; келейница съ разваркой остановилась на порогѣ и стала прислушиваться, и мать-игуменья, поднявъ ложку въ рукѣ, тоже прислушалась и проговорила, покачивая головою:

— Вѣрно, опять ротозѣй Петруха жеребчика съ коновязи упустилъ!..

Но дверь въ сѣняхъ вдругъ распахнулась съ размаху на пятау, и вмѣстѣ съ облакомъ блага морознаго пара, влетѣвшаго съ надворья, въ келью ворвалась мать-казначей... Блѣдная, перепуганная на смерть, она крикнула:

— Солдаты! Солдаты! Съ царскимъ указомъ... Всѣхъ хватаютъ, вяжутъ!.. Пропали наши головы!

И опять, сломя голову, бросилась вонъ изъ сѣней, позабывъ даже запереть за собой дверь; а келейница, бросивъ чашку съ разваркой на полъ, пустилась за нею слѣдомъ, какъ угорѣлая.

— Съ нами крестная сила!—залепетала игуменья, спѣшно надѣвая свою мантию, и такъ растерялась, что никакъ не могла попасть въ рукавъ... Пока она возилась съ рукавомъ, на порогѣ двери явился офицеръ и двое солдатъ.

— Ты, что ли, игуменья?—спросилъ офицеръ, переступая порогъ кельи.

— Я... я... иг-иг-гу-меня!—пролепетала чуть слышно позелѣнѣвшая отъ страха инокиня.

— Арестую тебя, по указу его царскаго величества. Не изволь никуда безъ разрѣшенія моего переступить за порогъ твоей кельи.

И поставивъ двоихъ часовыхъ въ сѣняхъ игуменья, офицеръ поспѣшилъ черезъ дворъ по другимъ кельямъ. Мать-игуменья глянула мелькомъ въ окно кельи и еще болѣе обомлѣла отъ страха: на дворѣ происходило нѣчто невообразимое... Солдаты и монахины бѣгали взадъ и впередъ между кельями; двое солдатъ вели управителя Аѳанасія Ивановича и ротозѣя-Петруху, со скрученными назадъ руками; офицеры суетились, разставляя всюду часовыхъ... Двѣ монахини, пользуясь общей суматохой, съ крыши своей кельи, старались взобраться на зубцы ветхой монастырской ограды, чтобы перекинуться на другую сторону...

Мать-игуменья бросилась было къ часовымъ съ тревожнымъ, отчаяннымъ вопросомъ:

— Голубчики, скажите вы, Христа ради, зачѣмъ вы сюда присланы? И въ чемъ мы, горемычныя, провинились?!

Но одинъ изъ часовыхъ грубо оттолкнулъ мать-игуменью въ сторону, а другой пробурчалъ только:

— Не прыказано говорить!..

Мать-игуменья закрыла лице руками и въ полномъ изнеможеніи опустилась на лавку у оконца.

Въ то же самое время иного рода сцены происходили въ кельѣ царицы-инокини Евдокии Феодоровны. Съ утра, едва поднявшись съ постели, она чувствовала себя нехорошо и была очень грустно настроена: за послѣднее время всѣ близкіе какъ будто позабыли

о ея существованіи, и ни одна вѣсточка давно уже не доходила до нея ни изъ Москвы, ни изъ Питера. Мучаясь неизвѣстностью о сынѣ (о его побѣгѣ за границу и пребываніи въ Цесаріи она уже давно была извѣщена), она ожидала съ трепетомъ сердечнымъ, что выйдетъ изъ этой новой и опасной попытки царевича уйти изъ-подъ тяжкой десницы царя-отца... Въ этотъ день, съ утра, она только и думала, что о сынѣ, и ей все казалось, что вотъ-вотъ келейница ея Каптелина пріотворитъ дверь и съ веселой усмѣшкой объявитъ ей о прибытіи изъ Москвы Босаго съ вѣстями и родственными гостинцами... И вотъ, дѣйствительно, въ сѣняхъ слышались чьи-то тяжелые шаги, чья-то рука коснулась защелки у дверей ея кельи... На одну минуту Евдокіи Θεодоровнѣ показалось, не Глѣбова-ли случай занесъ, на ея счастье, въ обитель,— Глѣбова, давно забывшаго и покинувшаго царицу-инокиню... Кровь бросилась ей въ голову, и сердце забилось у нея тревожно и сладостно... Но вопли, крики и женскія взвизгиванія у воротъ и въ сѣняхъ, и шумъ какой-то необычный, странный—заставили царицу-инокиню вздрогнуть и со страхомъ оглянуться на дверь въ сѣни...

Дверь отворилась безъ шума, и на порогѣ явилась высокая фигура мужчины, въ военной формѣ, въ шарфѣ и при шпагѣ. Не снимая треуголки, незнакомецъ вынулъ изъ-за обшлага кафтана какую-то бумагу и, обратившись къ Евдокіи Θεодоровнѣ, строго спросилъ ее:

— Ты ли бывшая царица Евдокія, а нынѣ инокиня Елена? Изволь отвѣчать по указу государеву.

— Я инокиня Елена,—отвѣчала довольно твердо Евдокія Θεодорвна.

— Кабы ты была инокиня, я бы тебя и спрашивать не сталъ,—сказалъ незнакомецъ, вступая въ келью:—а какъ вижу, что ты въ мірскомъ платьѣ, въ тѣлогрѣѣ да въ повойникѣ, я и спрашиваю...

— Да кто ты таковъ, что со мною смѣешь такъ разговаривать!—крикнула царица-инокиня, гордо поднимая голову.

— Я по царскому указу присланъ въ обитель допросить и розыскать о всѣхъ твоихъ дѣлахъ и о житіи твоёмъ... А буде нужно и тебя съ собою взять въ Москву и изъ монахинь... и еще кого прикажутъ... Изволь мнѣ дать ключи отъ всѣхъ твоихъ и сундуковъ, и коробей, и шкатулокъ...

— Не дамъ я тебѣ ключей,—крикнула царица-инокиня, сама не зная, что говорить, и чувствуя, какъ трепеть проникаетъ къ ней въ душу.

— Не дамъ, такъ силой возьму,—грубо отвѣтилъ Скорняковъ-Писаревъ:—а если ключей не отыщу, мы и безъ нихъ, пожалуй, обойдемся. Эй, кто тамъ есть?

На порогѣ двери показался офицеръ и двое солдатъ.

— Все исполнилъ по приказу? — спросилъ Скорняковъ-Писаревъ, бросая на него многозначительный взглядъ.

— Все, господинъ капитанъ-поручикъ. За духовникомъ послалъ... Ключарь ужъ здѣсь... А Каптелина-келейница и казначея Маремьяна, и вся служня царицына—ужъ подѣ замкомъ.

— Ну, это дѣльно. А теперь, прикажи-ка молодцамъ своимъ вскрыть здѣсь и въ той кельѣ всѣ сундуки, баулы и коробы... Да живо!

— Да это что же?.. Разбой! Дневной разбой!—воскликнула царица-инокиня, блѣднѣя и опускаясь на лавку у стѣны... Но ея слова были уже заглушены тяжелыми ударами прикладовъ о крыши сундуковъ и трескомъ взламываемыхъ досокъ.

— Готово, — сказалъ офицеръ, выходя съ солдатами изъ опочивальни.

— Теперь ступайте въ сѣни и станьте у дверей, пока не кликну васъ, — сказалъ имъ Скорняковъ-Писаревъ и, когда они вышли въ сѣни, обратился къ Евдокіи Θεодоровнѣ со словами:

— Изволь при досмотрѣ твоихъ вещей присутствовать, чтобы не было потомъ какого оговора...

Царица-инокиня поднялась съ мѣста и машинально послѣдовала за суровымъ капитанъ-поручикомъ, который тотчасъ опустился на колѣни около разбитаго сундука, доверху набитаго всякимъ мірскимъ платьемъ, уборами и нарядами. Перерывъ все до дна, привычною рукой опытнаго сыщика въ одномъ изъ уголковъ сундука онъ нащупалъ какія-то бумаги, и торжественно извлекъ ихъ оттуда...

— Письма?—сказалъ онъ вопросительно, оглядываясь на царицу.

— Ахъ!—вскрикнула она и вдругъ съ быстротою молніи бросилась къ Скорнякову-Писареву, пытаясь вырвать у него изъ рукъ бумаги, которыя онъ добылъ изъ сундука.

Сильнымъ движеніемъ руки капитанъ-поручикъ отвелъ царицу-инокиню въ сторону и сказалъ ей сурово:

— Изволь сидѣть спокойно, не то кликну солдатъ и прикажу тебя держать!..

Евдокія Θεодоровна въ изнеможеніи опустилась на одинъ изъ стульевъ и въ полномъ отчаяніи склонила голову на грудь, между тѣмъ какъ посланный царя, на-удачу развернувъ письмо, прочелъ въ слухъ:

«Человѣкъ ты еще молодой; первое искуси себя въ постѣ, въ терпѣніи, послушаніи, воздержаніи брашна и питія. А и здѣсь тебѣ монастырь. А какъ прійдешь достойныхъ, лѣтъ въ то время исправится твое обѣщаніе»...

— Это письмо тобою къ сыну-царевичу писано?—спросилъ онъ царицу-инокиню, пристально взглядывая ей въ глаза и хмуря брови.

— Нѣтъ... это списокъ съ памяти... мужика одного... приходилъ постричься,—отвѣчала чуть слышно царица-инокиня, не поднимая глазъ и нервно ломая руки.

— Хм! Явно воровскія отговорки,—проворчала про себя Скорняковъ-Писаревъ, пробѣгая глазами другія письма и пряча ихъ въ боковой карманъ кафтана.

Потомъ онъ принялся за рытье въ другихъ сундукахъ, уже не обращая ни малѣйшаго вниманія на царицу-инокиню, и, все осмотрѣвши внимательно, поднялся съ пола, выпрямился во весь ростъ и проговорилъ громко:

— Бывшая царица Евдокія, а нынѣ инокиня Елена! По приказу государеву, отъ сего часа арестую тебя и отдаю подъ стражу особаго караула, поторый будетъ при тебѣ находиться безотходно.

И онъ вышелъ изъ кельи, чтобы сдѣлать надлежащія распоряженія.

VIII.

Уже цѣлый мѣсяцъ шли въ Преображенскомъ допросы и розыски... Цѣлый мѣсяцъ съ утра и до ночи, царь Петръ, выказывая неутомимую, ни для кого другаго непосильную дѣятельность, то читалъ показанія подсудимыхъ, то самъ присутствовалъ при пыткахъ, допрашивая задернутыхъ на дыбу несчастныхъ, то приказывалъ ихъ при себѣ сводить на очныя ставки и самъ задавалъ имъ вопросы, провѣрялъ ихъ заявленія... Тюрьмы Преображенскаго были уже биткомъ набиты обвиненными, а между тѣмъ чуть не каждый день въ ограду села въѣзжали подводы, подвозившія отовсюду новыхъ колодниковъ, новыхъ несчастныхъ, трепетавшихъ предъ ожидавшею ихъ участью, предъ тѣми страшными мученіями физическими и нравственными, которыя предстояло вынести по винѣ или безъ вины, по простому оговору злого клеветника или продажнаго доносчика. Заплечные мастера, ни день, ни ночь не имѣвшіе покоя, непрерывно переходившіе отъ одной жертвы къ другой, отъ пытки медленнымъ огнемъ или каленымъ желѣзомъ къ кнуту и дыбѣ, падали отъ усталости и оказывались непригодными къ своей страшной работѣ... А передъ глазами грозныхъ, неумолимыхъ судей, поставленныхъ Петромъ, проходили нескончаемою чередою князья и княгини, знатныя боярыни и простыя монахини, генералы и разстриженные попы, подьячіе и простые крестьяне, низшая придворная служба и важные царедворцы... Въ глазахъ рябило отъ этой смѣси лицъ, сословій, состояній; въ ушахъ стоялъ гулъ отъ криковъ, плача, проклятій, стоновъ — въ сознаніи и памяти царила путаница отъ противорѣчивыхъ показаній, отъ признаній, случайно сорвавшихся съ языка, подъ страхомъ новой пытки, отъ невольныхъ лжей и клеветъ, взводимыхъ

допрашиваемыми на себя или на другихъ въ изступленіи, вызванномъ истязаніями и угрозами... Ужась, холодный, невыносимый ужась царилъ надъ Преображенскимъ и всѣмъ смыскалъ уста, всѣхъ вынуждалъ къ невольному вопросу: «что будетъ далѣе?»...

— И чего онъ ищетъ?.. Чего отъ нихъ допроситься хочетъ?— шептали кругомъ царя приближенные ему люди.—Вѣдь вонъ никакъ подважды, потрожды пытаны иные по его приказу, а пыточные рѣчи у нихъ все тѣ же.

— Да ихъ хоть пополамъ сѣки, все тѣ же рѣчи будутъ!.. Всю душу опростали, и говорить-то имъ больше нечего!..

Но Петръ не унимался, Петръ все искалъ, все добивался что-то узнать.... Все ставилъ новыя черточки и крестики на длинной записи о розыскахъ, находя пыточные рѣчи недостаточно-ясными и приказывая подвергнуть тѣхъ и другихъ лицъ новымъ пыткамъ, новымъ истязаніямъ, новымъ допросамъ.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ розысковъ, 5-го марта, въ Столовой палатѣ Кремлевскаго дворца былъ, наконецъ, прочитанъ «при министрахъ и прочихъ духовнаго и гражданскаго чина особахъ» пространный манифестъ о винахъ бывшей царицы Евдокии и царевны Маріи Алексѣевны. Въ этомъ манифестѣ безъ особенной связи говорилось съ подробностями и приложеніемъ документовъ о любовныхъ отношеніяхъ царицы-инокини къ Глѣбову и о сношеніяхъ царевны Марьи Алексѣевны съ разными святошами и Досиоеемъ, который писалъ и говорилъ ей о бывшихъ ему ложныхъ видѣніяхъ и гласахъ... Упоминался также длинный рядъ лицъ, способствовавшихъ сношеніямъ и перепискѣ московскихъ лопухинцевъ съ суздальскими обителями, и изо всѣхъ этихъ обвиненій въ концѣ манифеста не дѣлалось никакого вывода...

Министрамъ не дано было приказанія постановлять резолюціи; но приговоры всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ Суздальскомъ розыскѣ, видимо, уже были намѣчены... Всѣмъ было ясно, что смерть и кнутъ, позоръ и каторга уже висѣли надъ головою всѣхъ, помянутыхъ въ манифестѣ...

На другой день послѣ изданія въ свѣтъ манифеста, Петръ рано утромъ призвалъ къ себѣ Толстаго, долго и тайно съ нимъ совѣщался и, отпустивъ его отъ себя, уѣхалъ въ Москву. Толстой вернулся изъ дворца домой, заперся у себя въ опочивальнѣ, долго перебиралъ и пересматривалъ отвѣты царевича Алексѣя на вопросы пункты, заданные ему Петромъ послѣ отреченія отъ престола, потомъ рылся въ другихъ бумагахъ, озабоченно хмурия и потирая свой высокій, узкій лобъ и весьма сосредоточенно что-то обдумывая. Наконецъ, только уже въ десятомъ часу утра Толстой, направился снова во дворецъ, къ тому надворному флигельку, который былъ отведенъ для помѣщенія царевича, и, хотя не явно, но весьма

бдительно охранялся день и ночь надежными и опытными приставами.

Когда Толстой вошелъ въ переднюю царевича и приказалъ одному изъ слугъ доложить о себѣ, царевичъ, вѣроятно, изъ сосѣдней комнаты слышавъ его голосъ, самъ выбѣжалъ къ нему и торопливо ввелъ къ себѣ...

— Голубчикъ, Петръ Андреевичъ! Бога ради, писемъ нѣтъ ли? Писемъ! — проговорилъ онъ, понижая голосъ и теребя Толстого за рукавъ.

— Писемъ? Небось отъ друга милаго, государь, ожидаешь?.. Отъ милостивой государыни Евфросиньи Θεодоровны? — отвѣчалъ Толстой, лукаво прищуриваясь.

— Ну, да! Конечно, отъ нея! — нетерпѣливо отозвался царевичъ. — Или ты не знаешь, что жду ея, не дождусь, голубушки!.. И о здоровьи ея знать душа горитъ... И какъ она свою тяготу переноситъ? Вѣдь ужъ послѣдній мѣсяцъ ходитъ...

И царевичъ сталъ тревожно ходить изъ угла въ уголъ комнаты, нервно перебирая пальцы на рукахъ.

Толстой вскользь глянулъ на него не то съ презрѣнiемъ, не то съ жалостью. Въ головѣ его быстрѣе молнiи мелькнула мысль:

— «Безмозглый! Смерти надъ головой своей не видитъ — о дѣвкѣ своей тревожится!».

Но онъ придалъ своему выразительному лицу и умнымъ глазамъ нѣкоторый отгѣнокъ участiя къ тревогѣ царевича и проговорилъ нѣжно и вкрадливо:

— Писемъ тебѣ, государь, отъ государыни Евфросинiи Θεодоровны нѣтъ; а вѣсти о ней есть, что и здорова, и благополучно изволилъ слѣдовать отъ рубежа и, надо полагать, прибудетъ...

— Когда, когда прибудетъ? — чуть не вскрикнулъ царевичъ, подбѣгая къ Толстому и насильно усаживая его рядомъ съ собою на кресло. — Скажи скорѣе, будь другъ!

— Прибудетъ недѣльки черезъ двѣ...

— Сюда? въ Москву? — радостно и порывисто допрашивалъ царевичъ.

— Нѣтъ, государь. Въ Питербурхъ... Тамъ ей, по приказу батюшки твоего, и домъ особый приготовить велѣно... И все уготовить къ будущей твоей женитьбѣ.

— Охъ, Господи! Лишь бы дожить-то мнѣ до этого! Лишь бы дожить! — воскликнулъ царевичъ. — Я для батюшки на все, на все готовъ...

— Такъ твой батюшка, благовѣрный государь нашъ, о тебѣ и думаетъ и вѣрить желаетъ. Я, говорить, его, сына преступнаго, съ плахи снялъ, я ему вторично жизнь даровалъ и теперь, говорить, счастье его устроить собираюсь, — такъ долженъ онъ все это свой вѣкъ помнить...

Царевичъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ и смущеніемъ посмотрѣлъ на Толстого и нерѣшительно добавилъ:

— Я же и помню это... И цѣню...

— Да! да! Я это, государь, и понимаю... Самъ знаешь, другъ ли я тебѣ, и какъ старался батюшкину грозу отъ твоей головы отклонить... И вотъ теперь, какъ другъ же, тебѣ совѣтую, чтобы ты его желаніе исполнилъ...

— Какое желаніе? Въ чемъ? Не знаю!—робко и опасно проговорилъ царевичъ.

— А вотъ какое... Приказалъ онъ мнѣ отъ тебя истребовать, чтобы ты ему подробно пояснилъ и рассказалъ все, что съ тобою случилось, какъ за рубежъ ты переѣхалъ и какъ тамъ жилъ... и къ кому оттуда какія письма писалъ... съ кѣмъ сносился...

— Да я же все это давно ужъ пояснилъ,—удивленно проговорилъ царевичъ.

— Тамъ, государь, ты на вопросные пункты отвѣчалъ и кратко, и ничего не добавляя... А тутъ батюшка твой желаетъ, чтобы ты все самъ своею рукою написалъ и чтобы, какъ у попа на духу, рассказалъ ему не только о дѣяніяхъ своихъ, но и о помыслахъ самыхъ затаенныхъ и—Боже упаси!—чего не утаилъ бы...

— Да я и такъ ничего не утаивалъ,—проговорилъ царевичъ.— Я выдалъ всѣхъ... всѣхъ своихъ близкихъ,—добавилъ онъ, краснѣя и смущаясь.

— Не утаивалъ—такъ! И батюшка тебѣ въ томъ вѣрить... Да всего-то сказать не могъ, потому тебя не обо всемъ и спрашивали,—лукаво прищуривая лѣвый глазъ, объяснялъ Толстой царевичу.— А ужъ тутъ, какъ самъ-то станешь сказывать, и все, и на чистоту—и что замышлялъ, и на что надѣялся, тогда ужъ твое слово для всѣхъ улика будетъ...

— Улика? Такъ вотъ что ему нужно... Не довольно развѣ?.. О, Господи!—съ грустью проговорилъ царевичъ и, поднявшись съ мѣста, опять тревожно зашагалъ по комнатѣ.

Толстой внимательно слѣдилъ за тою внутреннею борьбою, которая совершалась въ душѣ царевича, и которую тотъ не хотѣлъ и не умѣлъ скрывать. И царевичъ остановился передъ нимъ и почти съ отчаяніемъ проговорилъ:

— Нѣтъ, Петръ Андреевичъ! Не могу я больше ничего ни припомнить, ни добавить, ни высказать!..

Но у Толстаго ужъ были готовы всѣ доводы, всѣ пружины, необходимыя для побужденія слабохарактернаго царевича—идти безъ уклоненій къ назначенной ему цѣли.

— Какъ хочешь, государь!—сказалъ онъ съ притворнымъ сожалѣніемъ, покачивая головою.—Ты, конечно, своему слову господинъ! Такъ я долженъ буду и государю, батюшкѣ твоему, доло-

жить... Самъ себѣ вредить хочешь... Самъ отъ своего счастья отказываешься...

— Какъ? Отъ счастья? Отъ какого счастья?—сказалъ царевичъ, взглядываясь внимательно въ лице Толстаго.

— Вѣстимо, отъ какого! Ты батюшкина желанья не исполнишь, и онъ твоего не захочетъ исполнить... Выскажи ты ему всю правду—какъ есть, и дѣлу бы конецъ! И въ Питерь бы тотчасъ, да черезъ двѣ недѣли бы и съ милой сердцу свидѣлся... А теперь ужъ и не знаю! Пожалуй, еще съ полгода въ Москвѣ промаешься...

— Съ полгода!! Что же это будетъ? — робко прошепталъ царевичъ про себя.

— Да и черезъ полгода дѣло до свадьбы не дойдетъ, государь! Вѣдь это все въ рукахъ батюшкиныхъ... А упорствомъ и молчаньемъ, государь, ничьей головы ты не спасешь... Пожалуй, даже еще больше народа пострадаетъ, и не виновный иной за виннаго пойдетъ... Вѣдь ужъ батюшка-то доберется—доищется!

Царевичъ вдругъ крѣпко схватилъ Толстаго за руку и проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— А поклянешься ли ты мнѣ, что если я все, все безъ утайки расскажу, то черезъ двѣ недѣли свижусь съ Ефросиньей? Поклянешься?

— А то какъ же?.. Поклянусь!.. И вотъ тебѣ Христось и Никола-угодникъ... Все отъ тебя теперь зависить... Въ рукахъ вѣдь счастье твое: не упусти, смотри!..

— Зайди же вечеромъ ко мнѣ... Я... я все напишу... все... Все будетъ готово!

— Ну, вотъ, вотъ! И давно бы такъ-то!—проговорилъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ Іуда-Толстой.—Такъ и доложу, по радуду государя, батюшку твоего!

И онъ поспѣшилъ удалиться и, пятясь къ дверямъ, привѣтливо раскланивался съ царевичемъ.

А царевичъ, какъ бы пугаясь за себя самого, какъ бы опасаясь, что мгновенный порывъ рѣшимости его можетъ пройти и не вернуться къ нему, тотчасъ, послѣ ухода Толстаго, сѣлъ за столъ, взялъ первый попавшійся ему подъ руку листъ бумаги и сталъ писать.

Какъ утопающій, онъ хватался за соломинку и не зналъ, не сознавалъ ни на минуту, что играетъ въ руку своимъ врагамъ, что самъ лѣзетъ въ подставленную ему ловушку... Исключительно преданный всею душою своимъ узкимъ, ничтожнымъ идеаламъ счастья, неспособный ни къ какой твердости и устойчивости нравственной, онъ рѣшался на предательство, на принесеніе въ жертву грозному отцу всѣхъ тѣхъ, кто хоть когда либо относился къ нему съ участіемъ и лаской, хоть когда нибудь имѣлъ неосторожность выразить ему сочувствіе или преданность...

Онъ писалъ безъ разума, безъ оглядки, безъ разсужденія все, что приходило ему въ голову, что сохранила ему память, что нашептывало ему малодушное желаніе спастись, во что-бы то ни стало, хотя бы цѣною гибели друзей и вѣрныхъ слугъ... Онъ рѣшался даже вскрыть свои несбыточные замыслы, свои надежды, свои планы и предположенія, рассказывалъ съ мелочными подробностями о встрѣчахъ и знакомствахъ, не забывалъ передавать отдѣльные слова и выраженія людей, приближенныхъ къ отцу, широко раскидывая крылья своего воображенія, преувеличивая доброжелательства къ себѣ многихъ и многихъ, превратно истолковывая мимоходомъ выраженное ему расположеніе.

...Онъ самъ краснѣлъ передъ тѣмъ, что писалъ, самъ сознавалъ, что поступаетъ гадко, недостойно, что порываетъ послѣднія связи со своимъ прошлымъ; но онъ уже такъ изстрадался въ послѣдніе годы, такъ низко палъ, что закрывалъ глаза на все... Въ его сознаніи съ полной ясностью держалась только одна мысль о «спасеніи отъ гибели», а въ воображеніи близкое будущее манило спокойною сельскою идилліей въ излюбленномъ Рождественѣ, съ дорогою и безцѣнною Евфросиньюшкой, вдали отъ ненавистой чуждой ему придворной и общественной среды...

...Онъ писалъ быстро, горячо, не перечитывая строкъ своихъ, и не сознавая, что пишетъ свой смертный приговоръ, не замѣчая, что грозный обликъ смерти смотритъ на него сквозь эти жалкія строки жадными очами и простираетъ къ нему свои холодныя леденящія объятія...

IX.

12-го марта 1718 года, далеко за полночь, свѣтъ былъ все еще виденъ въ окнѣ той комнаты Преображенскаго дворца, которая служила царю Петру рабочимъ кабинетомъ.

— Не спитъ еще?—ворчалъ сердито князь Иванъ Ѳеодоровичъ Ромодановскій, поглядывая черезъ дворъ изъ окна своего флигеля на это освѣщенное окно.—Меня съ бумагами ждетъ.

И онъ набрасывался съ бранью на пятерыхъ писцовъ, которые тутъ же, около него, сидѣли за двумя столами, спѣшно переписывая какія-то бумаги подъ надзоромъ и руководствомъ самого князя.

— Да скоро-ли конецъ будетъ! Скоро-ли допишете? — кричалъ князь, подходя то къ тому, то къ другому писцу.— Или мнѣ тутъ съ вами до третьихъ пѣтуховъ сидѣть?

Писцы, не смѣя отвѣтить ни единымъ звукомъ на грозный окрикъ князя, только еще ниже наклонялись надъ своими бумагами и еще быстрѣе выводили крючки и росчерки неумолкаемо скрипѣвшими перьями, которыя такъ и строчили строку за стро-

кою... А князь, наслѣдовавшій по смерти отца титулъ князя-ке-саря и сурово справлявшій ввѣренное ему дѣло, снова подходилъ къ окну и, поглядывая на освѣщенное окно царскаго покоя, продолжалъ ворчать себѣ подъ носъ:

— Самъ не спать и другимъ спать не даетъ!.. Хотя бы этому скорѣе конецъ какой былъ! А то всѣ мы съ ногъ смотались... И все Толстой проклятый, предательская его душа! Все изъ-за него! Вѣдь ужъ и розыскъ суздальскій совсѣмъ поконченъ былъ, и давно бы мы отъ него отдѣлались, кабы Толстой не добылъ, не вымогилъ у царевича этихъ новыхъ показаній его! Словно масла въ огонь подлилъ... Помчались опять курьеры—и въ Казань, и въ Ригу, и Питербурхъ—жди новыхъ колодниковъ! Будь имъ пусто... А ему, небось, вѣдь любо! Зарылся весь въ допросныя, да въ пыточные рѣчи, въ разборъ цыфири, въ справки, да въ про-вѣрки... За нимъ не угоняешься, его не утомишь!..

И князь, съ досадою притопнувъ каблукомъ въ полъ, снова отходилъ отъ окна, и снова набрасывался съ грозою на измученныхъ писцовъ, которые видимо работали уже изъ послѣдняго запаса силъ...

Князь, однако же, ошибался... Петръ сидѣлъ за столомъ, заваленнымъ бумагами, опершись локтями на столъ и опустивъ голову на руки, — сидѣлъ, страшно-истомленный, даже измозженный нравственно... Глаза его были недвижимо устремлены въ одну точку и ничего не могли различить въ томъ сѣромъ, неопредѣленномъ туманѣ, который ихъ заволакивалъ... Лишь изрѣдка, съ трудомъ приподнимая голову, онъ откидывался на мгновение на спинку кресель, обводилъ кругомъ себя мрачными, помутившимися очами и опять опускалъ отяжелѣвшую голову на руки...

Онъ страдалъ, страшно, невыразимо страдалъ, подавленный сознаниемъ своего безсилія, сознаниемъ ничтожества всѣхъ своихъ усилій въ той борьбѣ на жизнь и на смерть, которую онъ под-нялъ, на которую рѣшился въ надеждѣ нанести послѣдній ударъ, отсѣчь послѣднюю голову у той гидры, съ которой такъ усердно боролся втеченіе всей своей жизни... И вотъ теперь съ ужасомъ видѣлъ, что, вмѣсто одной головы, у гидры являются сотни головъ, и всѣ на него шипятъ и пышутъ ядомъ, а онъ, одинокій, всѣми оставленный, чувствуетъ и съ ужасомъ убѣждается въ томъ, что силы его начинаютъ измѣнять ему, что несокрушимая воля его какъ бы колеблется, отступая передъ тѣмъ рядомъ новыхъ жертвъ, которыя намѣчаются нескончаемою вереницею въ туманной дали будущаго.

— Всѣ, всѣ противъ меня!—думаетъ онъ съ невольнымъ содроганіемъ.—Всѣ только смерти моей хотятъ, всѣ ждутъ ея, какъ блага, какъ спасенія... И ни кровныхъ, ни близкихъ, ни друзей

надежныхъ! Даже тѣ, кого я близкими считалъ, кого на груди своей воспиталъ и отогрѣлъ, и тѣ готовы измѣнить, готовы все дѣланье мое предать на посмѣянье врагамъ!.. О!..

Онъ вскакивалъ со своего мѣста, судорожно сжимая руки на груди, онъ начиналъ быстро шагать изъ угла въ уголокъ комнаты и все спрашивалъ себя, почему все такъ быстро, такъ неизнаваемо измѣнилось въ глазахъ его за послѣдніе дни?.. Что совершилось? Что произошло?.. Что новаго внеслось въ ту кровавую кашу, которую онъ такъ смѣло заварилъ, пренебрегая всѣмъ и всѣми, наперекоръ всѣмъ чувствамъ, всѣмъ узамъ, всему «гласу народа», ради одной цѣли, къ которой постоянно стремился... ради той «пользы отечества», для которой никогда и ничего не жалѣлъ и не щадилъ...

Еще недѣлю тому назадъ онъ вѣрилъ въ заговоръ, въ обширный, сложный и опасный заговоръ, въ которомъ принимали участіе выдающіяся лица враждебной ему Лопухинской партіи... Еще съ недѣлю тому назадъ онъ готовъ былъ утверждать, что его сынъ только подчинялся руководящимъ указаніямъ своихъ вліятельныхъ сторонниковъ, и, новый Геркулесъ, онъ съ гордымъ спокойствіемъ думалъ о томъ, какъ раздавить жалкаго Атланта въ своихъ мощныхъ объятіяхъ... Но раздавить онъ хотѣлъ съ полною увѣренностью въ своей правотѣ, хотѣлъ покарать только «истинно виновныхъ» и потому настоятельно потребовалъ отъ сына новыхъ и полныхъ признаній... Сынъ повиновался; его признанія, самыя полныя, самыя искреннія, заключавшія въ себѣ всю исповѣдь его души, явились на столѣ передъ грознымъ, неумолимымъ судьбою... И что же? Этотъ юношескій лепетъ, въ которомъ царевичъ, съ смѣлою и беззащитною простотою невиннаго ребенка, говорилъ о своихъ замыслахъ и надеждахъ, надѣясь искупить свою вину полнымъ признаніемъ, говорилъ о своихъ друзьяхъ и доброжелателяхъ, довѣрчиво истолковывая въ свою пользу каждый добрый взглядъ, каждое ласковое слово, каждое даже и коварное предложеніе услугъ,—о, какое страшное впечатлѣніе произвелъ этотъ лепетъ на закаленное житейскими бурями сердце Петра!..

Онъ читалъ «дополнительно признаніе» сына, и съ каждымъ прочтеннымъ словомъ впитывалъ въ себя жгучій ядъ сомнѣнія и недовѣрія ко всѣмъ своимъ окружающимъ!.. Съ каждымъ словомъ убѣждался, что имѣеть дѣло съ обширнымъ заговоромъ, въ который замѣшаны извѣстные и давно-ненавидѣнные ему лица со всѣми окружающими, со всѣми своими близкими, на кого онъ возлагалъ надежды, кому повѣрялъ свои тайные помыслы и упованія...

...«И когда-бъ по смерти отца моего (которой чаялъ быть вскорѣ отъ слышанья, что будто болѣзнь его была апеллепсія) поѣхалъ бы въ Польшу»,—такъ писалъ царевичъ въ своемъ признаніи,—«а изъ

Польши въ Украину, то-бъ тамъ князь Дмитрій Михайловичъ и архимандритъ Печерскій—мнѣ друзья же... А въ Печерскаго архимандрита и монастырь вѣрить вся Украина, какъ въ Бога... А въ Финляндскомъ корпусѣ князь Михайло Михайловичъ, а въ Ригѣ князь Петръ Алексѣевичъ также мнѣ другъ... И такъ бы вся отъ Европы граница моя-бъ была и всѣ-бъ меня приняли безъ всякой противности... А въ главной арміи Борисъ Петровичъ и прочіе многіе изъ офицеровъ мнѣ друзья же»...

Петръ на мгновеніе отрывался отъ чтенія и повторялъ невольно про себя отдѣльныя слова «признанія»:

— Граница моя-бъ была!.. Приняли бы меня безъ всякой противности!.. И Шереметевъ ему другъ же, и всѣ ему друзья! И всѣ для меня измѣнники, предатели, клятвопреступники!..

...«А о прочіихъ сенаторѣхъ и министрахъ, Гаврилѣ Ивановичѣ, Петрѣ Павловичѣ, Петрѣ Андреевичѣ, Феодорѣ Матвѣевичѣ съ братомъ, Иванѣ Алексѣевичѣ, Тихонѣ Никитичѣ и прочіихъ имѣлъ надежду... чтобъ пожелали быть лучше подо мною, нежели подъ княземъ Меншиковымъ... А къ тому же были мнѣ всѣ друзья»...

Петръ снова, почти съ отчаяніемъ, бросалъ чтеніе и восклицалъ:

— Головиннѣ, Голицыны, Апраксинѣ и Долгорукой, и Баурѣ, и Стрѣшневѣ!—всѣ на его сторонѣ, всѣ ему служить готовы! всѣ ждуть только того, чтобы я глаза закрылъ... И никому довѣрить корабля нельзя!.. И все, надъ чѣмъ трудился, бился, работалъ я въ потѣ лица всю жизнь, не щадя живота своего, все послѣ меня должно погибнуть, все прахомъ разлетится!.. О, Боже!

И царь обѣими руками, словно желѣзными тисками, сдавливалъ себѣ голову и на мгновеніе падалъ духомъ, подавленный тяжкимъ сознаніемъ суетности, ничтожности своихъ единичныхъ усилій, своей единичной воли передъ тѣмъ сонмомъ враговъ и предателей, которые ему всюду мерещились и всюду грозили...

И чѣмъ долѣе онъ читалъ, чѣмъ больше вдумывался въ эти спѣшно-набросанныя строки сыновней исповѣди, тѣмъ шире и шире раскрывалась передъ нимъ зіяющая бездна вражды, на краю которой онъ стоялъ, тѣмъ болѣе непреодолимыхъ трудностей представляла ему начатая борьба, тѣмъ безнадежнѣе являлось ему отдаленное будущее Россіи, надъ которымъ уже не могъ онъ простереть свою неотразимую десницу...

— Нѣтъ!.. Полно... Не могу, не въ силахъ!—прошепталъ наконецъ Петръ, закончивъ чтеніе исповѣди царевича Алексѣя Петровича и разославъ во всѣ концы Россіи указы о новыхъ арестахъ, обыскахъ и выемкахъ.— Скорѣе всѣхъ этихъ здѣшнихъ поверпитъ, отдѣлаться отъ нихъ!—и въ Питеръ... Тамъ съ сыномъ и съ другими порѣшу... А здѣсь мнѣ душно становится... Я здѣсь не выдержу... я...

Онъ отдалъ приказанье Ромодановскому—поскорѣ покончить съ розысками обвиняемыхъ по Суздальскому дѣлу, и ждалъ сегодня, послѣ полуночи, исполненія своего приказа. Ждалъ, и, мучимый не терпѣніемъ и жаждою отдыха, лишенный всякой возможности чѣмъ-бы-то-ни было заняться, о чемъ бы то ни было думать спокойно и судить здраво, онъ сидѣлъ, опустивъ голову на руки, мрачный, грозный и безмолвный...

Наконецъ раздались шаги въ смежной комнатѣ, условный стукъ въ дверь, и Ромодановскій съ бумагами явился на порогъ рабочей комнаты царя...

Петръ не обернулся къ нему и не перемѣнилъ позы надъ столомъ. Князь-цесарю показалось, что царь задремалъ, и онъ, осторожно подойдя къ столу, собирался уже положить на него, подъ руку Петра, принесенныя бумаги, когда тотъ вдругъ быстро обернулся и смѣрилъ его грозными, широко-раскрытыми глазами...

— Давай сюда!—проговорилъ онъ глухо и, быстро пробѣгая глазами сентенціи по каждому дѣлу, спѣшно обмакивалъ перо въ чернилицу и ставилъ свою крупную подпись на приговорахъ. Подписавъ тридцать приговоровъ, по которымъ присуждалась торговая казнь—плети, батоги, кнутъ, урѣзаніе языка и вынутіе ноздрей,—Петръ остановился на послѣднихъ пяти смертныхъ приговорахъ...

— Что? Небось жаль тебѣ пріятелей твоихъ?—проговорилъ онъ вдругъ, оборачиваясь къ Ромодановскому съ насмѣшливой улыбкой, скользившей по блѣднымъ и дрожащимъ губамъ его.

— Мнѣ твоихъ измѣнниковъ не жалко!—сумрачно проговорилъ Ромодановскій, унаслѣдовавшій отъ отца его прямогу и суровость.

— Измѣнниковъ!?!—вскрикнулъ Петръ, ударилъ кулачищемъ по столу.—Всѣ вы—измѣнники! И ты не лучше другихъ! Да, не лучше! Гляди сюда.

Онъ оттолкнулъ отъ себя приговоры и указалъ Ромодановскому на строки исповѣди царевича...

— Видишь, что тутъ написано: «такъ-жъ и на князь-цесаря и на папу, яко на друзей, надѣялся-жъ»... «Яко на друзей!»—понимаешь ли ты это?..

И опять прикрывъ листки исповѣди послѣдними приговорами, быстро подписалъ ихъ, а на приговорѣ Кикина, Глѣбова и Досиоея добавилъ: «учинить казнь жестокою, дабы другимъ не повадно было»,—и приписалъ подробности исполненія казни.

— Чтобы черезъ два дня все было окончено!—проговорилъ Петръ, поднимаясь и направляясь къ дверямъ опочивальни.

— «Всѣ—измѣнники, всѣ—предатели,—думалъ онъ, прислушиваясь къ удалявшимся шагамъ Ромодановскаго:—всѣ вы записаны въ сердцѣ моемъ, и для каждаго изъ васъ настанетъ свое время, ударить свой... роковой часъ!»

X.

Два дня спустя, 14-го марта, наступилъ конецъ перваго акта кровавой драмы... Всѣ осужденные по обширному суздальскому ровыску были выведены на Красную площадь, всѣмъ были прочитаны рѣшенія суда, и надъ каждымъ изъ этихъ несчастныхъ выполненъ не умолимо-суровый приговоръ... Два дня, 14-го и 15-го марта, неуго мимо работали заплечные мастера то кнудомъ, то плетями, то батожемъ, то раскаленными щипцами, одинаково клеймя позоромъ князей и простыхъ монаховъ, княгинь и подьячихъ, монахинь и поповъ, бояръ и простолюдиновъ... Отчаянные крики и вопли наказуемыхъ оглашали воздухъ и болѣвненно отдавались въ ухахъ многотысячной толпы, окружавшей за строемъ войскъ мѣсто казни... Но крики и вопли не заглушали стука топоровъ и молотовъ большой артели рабочихъ, которые тутъ же спѣшно оканчивали постройку высокаго помоста съ воздвигнутыми на немъ плахами, колесами, колыями и массивнымъ позорнымъ столбомъ съ желѣзными спицами, на которыхъ должны были красоваться головы Глѣбова, Досиея, Θεодора Пустыннаго, Кикина и пѣвчаго Журовскаго, любимца царевны Марьи Алексѣевны...

Навѣтра и совершены были эти казни съ невѣроятною жестокостью и такими подробностями, которыя перо отказывается передать и повторить...

Къ тремъ часамъ по полудни казни были окончены. Толпа, пресыщенная ужасами кроваваго зрѣлища, разбрелась по домамъ, и на мѣстѣ казни остался только усиленный караулъ и нѣсколько должностныхъ лицъ... Сумерки спускались быстро... Завечерѣло уже, и вечеръ наступилъ морозный, съ рѣзкимъ холоднымъ вѣтромъ, который взметалъ и крутилъ мелкій снѣгъ на площади и мчалъ по небу кудластыя, темнобурыя облака, безпрестанно закрывавшія луну, окутанную кольцомъ тумана. Темными, грозными призраками возвышались надъ помостомъ колеса съ покинутыми на нихъ тѣлами и позорный столбъ со своими страшными украшеніями на желѣзныхъ спицахъ... Потухли костры, на которыхъ сожжены были тѣла епископа Досиея и Θεодора Пустыннаго, загрозило снѣгомъ зловѣщія темныя лужи широкаго помоста,— смерть и холодъ царили всюду! Только въ одномъ углу, около какой-то темной массы, высоко-вздывавшейся надъ помостомъ, еще замѣтна была жизнь... Трое монаховъ Спасскаго монастыря сидѣли тамъ на лавочкѣ и, пожимаясь отъ холода въ своихъ тулупахъ, перешептывались о чемъ-то между собою.

— Все живъ еще, — проговорилъ одинъ изъ нихъ, прислушиваясь.

— Дивиться надо, какъ онъ живъ? Чего, чего не претерпѣлъ онъ!.. Какія пытки, какія истязанія — всѣ вынесъ, и ни словечъ

комъ не обмолвился... Добивались все о письмахъ, что разметываль въ народъ для мятежа, и отъ кого ихъ получили—по три дня безъ перерыва пытали! Молчалъ!.. Только на очной ставкѣ съ царницей-инокиней, какъ ужъ она созналась, подтвердилъ, что съ нею жилъ блудно... Вотъ за что онъ и лишень покаянія и за нераскаянность отъ причастія отвергнуть...

— За то и мы съ нимъ вмѣстѣ, отецъ Теофилактъ, наказаны,—прошепталъ съ досадою третій монахъ, кутаясь въ свой тулупъ.— Сиди вонъ тутъ на холоду да жди, когда онъ на колу своемъ каяться вздумаетъ, или когда душу грѣшную бѣсу испровергнетъ!

— Не ропщи, отецъ Маркелль, грѣшно! О его душѣ забота намъ поручена,—сказаль отецъ Теофилактъ,—забота великая, и долгъ нашъ здѣсь быть... Вспомни, что Господь о спасенномъ грѣшникѣ сказалъ...

Отецъ Маркелль собирался отвѣтить, но Теофилактъ вдругъ схватилъ его за руку и, наклонившись къ нему, прошепталъ:

— Слушай, слушай!

И точно, какіе-то невнятные звуки, какой-то чуть слышный лепетъ долетѣлъ до ихъ ушей. Они всѣ трое поднялись съ лавки и стали прислушиваться.

— У-ми-раю! — прошепталъ изнемогавшій Глѣбовъ. — Дайте... сподобиться... святыхъ даровъ... душу... мою... спасите!..

— Покайся, признай вину твою и грѣхъ великій! — громко, хотя и не совсѣмъ твердымъ голосомъ, произнесъ отецъ Теофилактъ.—Тогда лишь сподобишься... Не покаешься, не смѣемъ причастить тебя!

— Не смѣете?.. Земныхъ властей боитесь? — прохрипѣлъ Глѣбовъ.—Тайно дайте вкусить... Сжальтесь, отцы!..

— Не смѣемъ!.. Аще-ли не покаешься,—началь было говорить отецъ Теофилактъ, но не успѣлъ еще окончить фразы, какъ услышалъ сверху ясно произнесенныя слова:

— Пусть же... на твоей душѣ... моя погибель... А ему... злодѣю, кровопійцѣ... проклятіе мое... прокля...

Онъ не могъ окончить и замолкъ, замеръ въ послѣднемъ усилии... Но несчастные монахи, дрожавшіе отъ холода и страха, еще долго не смѣли тронуться съ мѣста, боязливо крестясь и шепча про себя молитвы.

ЭПИЛОГЪ.

Гуда-Толстой не обманулъ царевича, поклявшись ему передъ образомъ въ томъ, что онъ не позже, какъ черезъ два мѣсяца, свидится вновь со своей возлюбленной Евфросиньей... Свиданіе со-

стоялось дѣйствительно 12-го мая въ Петергофѣ, гдѣ, въ присутствіи самого царя Петра, царевичу дана была очная ставка съ Евфросиньей, предательски изобличившей его въ томъ, что онъ въ своихъ отвѣтныхъ пунктахъ и въ исповѣди намѣренно утаилъ нѣкоторые факты первостепенной важности. И вотъ, вмѣсто словъ любви и ласки, которыхъ такъ страстно и нетерпѣливо ожидалъ несчастный Алексѣй Петровичъ, онъ услышалъ отъ своей возлюбленной суровыя обвиненія и осужденія... Мало того: ему представлены были имъ же писанныя изъ Неаполя черновыя письма къ сенату и къ архіереямъ, о которыхъ онъ не сказалъ отцу ни слова... Это послѣднее свиданіе съ Евфросиньей окончательно рѣшило участь царевича. Посаженный въ крѣпость и преданный по волѣ царя духовному и гражданскому верховному суду, онъ былъ не однократно подвергаемъ пыткамъ и наконецъ не выдержалъ: скончался 26-го іюня въ своемъ казематѣ, въ то время, когда верховный судъ уже произнесъ надъ нимъ смертный приговоръ.

Смерть царевича была скрыта, чтобы не помѣшать на слѣдующій день обычному торжественному празднованью, установленному Петромъ въ память Полтавской побѣды. Въ то время, когда на почтовомъ дворѣ происходилъ шумный пиръ, и при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ воздухъ оглашался радостными криками генералитета и сановниковъ духовныхъ и гражданскихъ, приглашенныхъ на «викторьяльный» обѣдъ,—тѣло царевича въ девятомъ часу по полудни было положено въ скромный гробъ, вынесено изъ Трубецкаго раската и скрытно поставлено въ особыхъ хоромахъ, близъ комендантскаго дома.

О кончинѣ царевича было объявлено только поутру 28-го іюня, когда тѣло было вынесено въ церковь св. Троицы. Но это объявленіе нимало не помѣшало новому и еще болѣе шумному празднованію тезоименитства царя, происходившему на другой день, въ воскресенье, въ Лѣтнемъ дворцѣ; царь Петръ пригласилъ къ себѣ во дворецъ на обѣдъ всѣхъ министровъ, высшихъ сановниковъ и иностранныхъ пословъ, а послѣ обѣда присутствовалъ съ ними на спускѣ корабля, гдѣ пиръ затянулся до двухъ часовъ ночи. А на другое утро, не успѣвъ еще отдохнуть отъ этого пира, и царь и придворные уже очень рано собрались на отпѣваніе царевича, и тѣло его въ десятомъ часу утра, при весьма скромномъ церемоніалѣ, было предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ.

Розыски и пытки не окончились смертью злополучнаго царевича; приближенныхъ его (кромѣ Евфросиньи, предательствомъ заслужившей себѣ помилованье) продолжали истязать и допрашивать, почти въ теченіе полугода чего-то упорно доискиваясь и добываясь отъ нихъ.... Но между ними не нашлось ни трусовъ, ни предателей; всѣ держались своихъ первоначальныхъ, краткихъ и опредѣленныхъ показаній или упорно молчали, перенося страданія

съ стоицизмомъ, достойнымъ прославленныхъ героевъ древности. Участъ ихъ была рѣшена уже только въ началѣ декабря 1719 года: еще 1-го декабря, рано утромъ, произведенъ былъ имъ послѣдній розыскъ въ крѣпости въ присутствіи царя, а на 8-е декабря уже назначена казнь ихъ.

Наканунѣ этого дня, въ одномъ изъ дальнихъ и самыхъ мрачныхъ казематовъ «гварнизона», на грязной соломѣ, которою были прикрыты досчатые нары, прислоненныя къ сѣрой, сырой стѣнѣ, лежалъ худой и блѣдный старикъ, закованный въ ручныя и ножныя оковы. Съ великимъ трудомъ ворочая на соломѣ свое истерзанное пытками тѣло, онъ по временамъ громко стоналъ и охалъ, шепча про себя какія-то чуть-слышныя, невнятные слова, затѣмъ замолкалъ и, устремивъ пристальный взоръ своихъ широко открытыхъ очей въ низко-нависшіе надъ его головою своды каземата, впадалъ въ полузабытые...

Трудно было бы узнать въ этомъ старикѣ, измозженномъ страданіями, бывшего красавца-вельможу Абрама Феодоровича Лопухина! Такъ измѣнили его послѣдніе мѣсяцы, проведенные въ тюрьмѣ, въ непрерывныхъ мученіяхъ физическихъ и нравственныхъ... Мученія эти были такъ велики, такъ невыносимы, что смерть давно уже стала ему представляться желанною, нетерпѣливо-ожидаемою гостьей, и онъ почти съ радостью принималъ поутру вѣсть о томъ, что сенатъ приговорилъ его къ смертной казни вмѣстѣ съ другими сообщниками царевича, и что ихъ казнь назначена на завтра. И вотъ, видя уже вблизи отъ себя конецъ жизни, готовясь спокойно и твердо взглянуть въ глаза смерти, онъ въ полузабытій возстановлялъ передъ собою полную картину своей тревожной жизни, старался дать себѣ полный отчетъ во всемъ, что было имъ пережито, что было имъ сдѣлано въ жизни, — во всемъ, что составляло ея главную цѣль, ея отраду, ея смыслъ... Туманной, легкой вереницей проносились передъ нимъ образы минувшаго, и онъ не видѣлъ въ этихъ образахъ ничего утѣшительнаго, ничего отраднаго, ничего такого, на что бы онъ могъ оглянуться съ гордостью, съ сознаниемъ своей правоты...

— «Борьба, и все только одна борьба, бесплодная, бесполезная, и не открытая, не честная борьба лицомъ къ лицу, а темная, подпольная, лукавая... И, кромѣ этой борьбы, что сдѣлалъ я? Что сдѣлали всѣ мы? Сумѣли ли мы отстоять наше общее дѣло?.. И защищена-ли нами излюбленная старина? Поставленъ ли предѣлъ наплыву иноземщины?»..

А внутренній голосъ его рѣзко возражалъ ему:

— «Нѣтъ, вы ничего не сдѣлали, вы только мѣшали дѣлать тому, кто всю свою жизнь предалъ на пользу и благо своей страны, кто, не щадя ни себя, ни другихъ, работалъ день и ночь, кто въ

двадцать лѣтъ царствованія успѣлъ свершить рядъ подвиговъ дивныхъ, неслыханныхъ, успѣлъ создать силу и мощь Россіи, передъ которою трепещутъ теперь нѣкогда презиравшіе ее враги!.. Вы только умѣли ненавидѣть его, осуждать его, перетолковывать его дѣянія!.. И вы-ли станете дивиться тому, что онъ васъ возненавидѣлъ и разметалъ, и развѣялъ прахомъ?»..

И Абрамъ, прислушиваясь къ этому внутреннему голосу, припоминалъ, что въ послѣдніе годы онъ не былъ уже непримиримымъ врагомъ Петра, и что только гордость мѣшала ему открыто перейти на сторону грознаго Преобразователя, прямо и честно отречься отъ мелкихъ, своекорыстныхъ интересовъ своей партіи...

— «Да, онъ жестокъ, онъ безпощаденъ!—говорилъ себѣ Абрамъ.— Но и мы его не пощадили бы, будь сила на нашей сторонѣ! Мы погубили-бы его, чтобы власть въ руки захватить, чтобы покрасоваться ею, чтобы стать у кормила; но мы лѣнивы, мы извѣжены... Мы не сумѣли-бы управить кораблемъ, какъ онъ имъ править; мы погубили-бы его дѣла и начинанія, и ничего бы не создали новаго, прочнаго, полезнаго... А онъ?»..

И передъ его очами вновь, во всемъ своемъ величїи, возникъ образъ царя-гиганта, который, смѣло разрушая около себя старое, изъ основъ его возводилъ новое, величественное зданіе, забывая себя для дѣла и живя только для неутомимаго труда, составлявшаго главное наслажденіе жизнью...

— «Нѣтъ! Не по плечу мы ему! Не намъ бороться съ этимъ богатыремъ!—съ горечью думалъ Абрамъ Θεодоровичъ.—Мы были обречены на погибель... Мы передъ нимъ неправы... Правъ ли онъ?—то пусть разсудитъ Вѣчный Судія, на судъ котораго мы вскорѣ всѣ предстанемъ»..

Переходя, отъ этихъ мыслей къ себѣ и видя предѣлъ жизни уже близкимъ, Абрамъ Θεодоровичъ могъ безъ горечи вспомнить только о послѣднихъ мѣсяцахъ своей жизни, проведенныхъ въ тюрьмѣ, среди ужасовъ розыска... Странанья, вынесенныя имъ представлялись ему искупленіемъ его заблужденій и ошибокъ, а выказанная при этомъ твердость духа, которой недаромъ дивились заплечные мастера, давала возможность не краснѣя и съ нѣкоторымъ спокойствіемъ оглянуться на конецъ своей жизни...

— «Адъ, гдѣ твоя побѣда! Смерть, гдѣ твое жало?»—шепталъ онъ въ полузабытїи, передъ наступленіемъ роковаго утра...

Но вотъ раздался стукъ шаговъ и бряцанье оружія за дверью каземата... Загремѣли тяжелыя задвижки... Скрипя на ржавыхъ петляхъ, прїотворилась дверь... Высокій усатый офицеръ переступилъ порогъ каземата и крикнулъ:

— Арестантъ Абрамъ Лопухинъ!.. Вставай! Пора!..

Священникъ въ черныхъ ризахъ, съ крестомъ въ рукѣ, выступилъ изъ рядовъ команды, выстроившейся въ коридорѣ у дверей каземата...

— Напутствуй, — сказала офицеръ священнику.

Абрамъ Θεодоровичъ съ трудомъ поднялся на своемъ жесткомъ ложѣ и, обративъ взоръ къ крошечному окошечку каземата, опустился на колѣни... На душѣ его, видно, было легко, потому что послѣднею его молитвою была молитва за враговъ его... Онъ съ полною искренностью просилъ Господа, «умиротворить сердце жестокое», просилъ, чтобы эти кровавыя жертвы могли быть послѣдними жертвами суроваго, карающаго царя...

Казнь совершилась нѣсколько часовъ спустя... Тѣла казненныхъ были покинуты на мѣстѣ казни и оставались здѣсь три съ половиною мѣсяца, до 29-го марта 1719 года, когда дозволено было родственникамъ убрать ихъ и предать землѣ. Нѣсколько дней подъ рядъ, семьи казненныхъ — жены, дѣти, матери и сестры — приходили къ окровавленному помосту и по цѣлымъ часамъ выли и причитали надъ тѣлами казненныхъ. Среди этой раздирательной картины, изъ всѣхъ вопящихъ женщинъ, старухъ и дѣтей, выдѣлялась одна женщина... Въ черномъ шунчикѣ и темномъ платьѣ, съ чернымъ платкомъ на головѣ, она каждый день раннимъ утромъ являлась къ помосту, становилась на колѣни противъ того мѣста, гдѣ лежало тѣло Абрама Лопухина, и молилась... Молилась она долго, горячо, изрѣдка осѣняя себя крестнымъ знаменьемъ и отбивая земные поклоны... Никто не слышалъ отъ нея ни стога, ни звука... Она и не плакала и не сокрушалась; она словно окаменѣла. Простоявъ почти весь день на колѣняхъ, она уходила только тогда, когда сумерки начинали окутывать туманною мглою улицы столицы, — и вновь появлялась на своемъ прежнемъ мѣстѣ назавтра, съ самаго ранняго утра... Не только солдаты, поставленные караулить тѣла казненныхъ, но и всѣ торговцы ближняго съѣзнаго рынка и многіе прохожіе привыкли къ этой темной фигурѣ женщины, которая оставалась попрежнему на своемъ обычномъ мѣстѣ даже и тогда, когда тѣла были наконецъ покинуты и забыты всѣми родными и близкими людьми...

Такъ минуло около трехъ недѣль. Однажды эта женщина явилась утромъ къ помосту, опустилась на колѣни на обычномъ мѣстѣ, долго стояла, крестясь и молясь, какъ и во всѣ дни, затѣмъ поклонилась въ землю и не поднималась болѣе. Прошелъ часъ и другой, женщина лежала, не двигаясь, все въ томъ же положеніи. Около нея стала собираться кучка прохожихъ и уличныхъ зѣвакъ, и это вынудило одного изъ караульныхъ обратить вниманіе на ея странную неподвижность.

— Тетка, а тетка! — сказали караульный, наклоняясь надъ женщиною и слегка поталкивая ее въ плечо. — Вставай, а то еще замерзнешь, ишь вѣдь какой морозище здоровый завернулъ.

Никакого отвѣта...

Караульный подзвалъ капрала, и оба они вмѣстѣ потолкали еще разъ лежавшую на землѣ женщину, а потомъ, не получая отвѣта, попытали поднять ее.

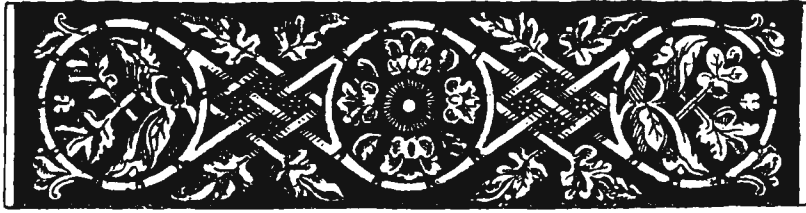
Когда ее подняли и посадили на снѣгу, голова женщины безпомощно опустилась на грудь. Заглянули ей въ лице, еще молодое и красивое, хотя и страшно исхудалое, и въ открытыхъ темныхъ глазахъ, застоявшихся и безжизненныхъ, прочли смерть...

Несчастную подняли, и на другой же день похоронили на кладбищѣ у церкви Сампсонія Страннопримца, не любопытствовавъ даже узнать, кто была эта женщина, такъ долго, такъ горячо и страстно, до послѣдняго издыханія молившаяся за упокой тревожной души Абрама Лопухина.

П. Полевой.

Ус. Алѣиппо.
Июль, 1893 г.

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

XVI.

Движеніе отряда къ Озургетамъ. — Приготовленія къ сраженію. — Приближеніе къ рѣкѣ Чолоку. — Турецкій лагерь. — Чолокское сраженіе. — Взятіе непріятельскихъ орудій. — Критическое положеніе. — Перевозочный пунктъ. — Смерть Восцаго. — Баронъ Ренне и Тыртовъ. — Пѣсенникъ Костынь. — Старикъ-священникъ. — Побѣда. — Обратное движеніе къ Озургетамъ. — Бревернь и Кутлеръ. — Баронъ Майдель. — Потери 7-й роты. — Общаніе Георгіе夫екаго креста.

ОТРЯДЪ нашъ, подъ начальствомъ князя Андронникова, 3-го іюня 1854 года, направлялся къ Озургетамъ, и, по мѣрѣ приближенія, насъ всехъ занимала мысль, какъ и гдѣ мы встрѣтимъ турокъ. Версты за двѣ мы увидѣли грозныя укрѣпленія, съ очень крутыми профилями, воздвигнутыя лицомъ къ намъ, при вѣздѣ въ совершенно беззащитный прежде городъ. Но движенія не видно въ нихъ. Подходимъ ближе и ожидаемъ: вотъ-вотъ грянуть изъ амбразуръ орудія, но вездѣ царитъ мертвая тишина, и непріятели нѣтъ и слѣда. Въ боевомъ порядкѣ подступаемъ къ самымъ городскимъ воротамъ и убѣждаемся, что городъ оставленъ турками, отступившими въ тотъ самый день, рано утромъ. Наши куринскіе батальоны, шедшіе въ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 31.

авангардѣ, были направлены на плоскую возвышенность, ту самую, гдѣ зимой мы стояли бивуакомъ. Здѣсь, въ ожиданіи прихода арріергарда, назначенъ былъ отряду приваль. Только что успѣли мы составить ружья, а Вавилѣ, моему человѣку, поручено распорядиться самоваромъ, какъ невдалекѣ послышался шумъ и крикъ; бросаюсь туда и застаю драку между людьми моей и 8-й роты. Кто изъ нихъ нашелъ большую палатку, второпяхъ брошенную турками,—неизвѣстно. Но тѣ и другіе, во что бы то ни стало, хотѣли добыть ее для своего командира и прежде, нежели я успѣлъ разобрать споръ, обѣ роты съ торжествомъ волокли, каждая по половинѣ, надвое разорванной, басурманской палатки.

Въ силу аксіомы, что одна половина несравненно болѣе, чѣмъ ровно ничего, мы съ благодарностью приняли этотъ свалившійся съ неба пріютъ для ночлега, а пѣсенники мои тѣмъ временемъ въ одинъ мигъ искусно зачинили въ немъ прорѣху. Видъ неожиданно явившейся на бивуакѣ зеленой, высокой, съ мѣднымъ шаромъ наверху, турецкой палатки привлекъ вниманіе начальства, и князь Андронниковъ, а за нимъ князь Гагаринъ, подѣхавъ къ намъ, слѣзли съ лошадей и, расположившись на барабанахъ, съ радостью приняли предложенный имъ чай. Былъ четвертый часъ по полудни. Солнце уже не парило и приближалось къ вершинѣ высокой горы, лежавшей около насъ.

— Уже времени-то немного, уже, осталось, а барона Майделя все еще нѣтъ,—проговорилъ князь Андронниковъ, не въ первый разъ взглядывая на часы свои.—Хотѣлось бы уже сегодня покончить съ ними, а то уже, пожалуй, уйдутъ подлецы!—въ раздумѣ повторялъ онъ.

Прошло еще съ часъ времени. Князь Иванъ Малхазовичъ кушалъ уже третій стаканъ чаю и докуривалъ пятую трубку, когда, наконецъ, показался баронъ Майдель. Прежде чѣмъ обратиться къ нему, князь опять вытащилъ часы и, съ видимымъ сожалѣніемъ проговоривъ: «Нѣтъ, уже теперь поздно!»—сталъ спрашивать прибывшаго генерала, подтянулся ли весь арріергардъ, и не устали ли люди. На это Майдель отвѣтилъ, что арріергардъ подошелъ весь, и хотя люди не очень устали, а все лучше было бы имъ дать отдыхъ.

— Ну, уже, хорошо! Будемъ, уже, ночевать, а турокъ бить, уже, завтра!—рѣшилъ начальникъ отряда.—Но не надо ихъ, уже, терять изъ виду,—добавилъ онъ.—Нѣтъ ли у васъ расторопнаго унтеръ-офицера, чтобы, уже, послать его съ пикетомъ вонъ на ту, уже, гору?—обратился ко мнѣ князь.

Я вскочилъ съ барабана и увидѣлъ въ ближайшей группѣ солдатъ юнкера Ромарино, котораго и представилъ начальству. Князь Андронниковъ лично отдалъ ему приказаніе сейчасъ же взять трехъ рядовыхъ и съ ними взлѣзть на самую вершину конусообразной

горы ¹⁾), гдѣ и провести всю ночь, зорко слѣдя за движеніемъ въ непріятельскомъ лагерѣ, который долженъ быть верстъ за 8 отъ Озургеть, на юго-западъ; а если съ горы лагеря не будетъ видно, то внимательно прислушаться къ турецкимъ выстрѣламъ, сегодня на вечерней и завтра на утренней заряхъ, и обо всемъ, что замѣтитъ, немедленно сообщать по командѣ. Сдѣлавъ это распоряженіе, князь, передъ уходомъ къ своей ставкѣ, отдалъ приказаніе сейчасъ же пригласить всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей къ нему, на военный совѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ мой сожитель, Бревернъ ²⁾), ушелъ, а я закусилъ, чѣмъ Богъ послалъ, и растянулся на постелѣ, устроенной мнѣ на землѣ, въ палаткѣ.

Чего-чего не передумалъ я втеченіе двухъ-часоваго одиночества! Прослѣдивъ мысленно все прошлое въ моей жизни, я вникъ и въ настоящее, но не сумѣлъ вывести что либо опредѣленное... Какія только разнородныя картины боя не представились моему воображенію! На всевозможные лады рисовались передо мной различные моменты сраженія, но—странно! — какъ разъ совершенно не тѣ, которымъ суждено было осуществиться нѣсколько часовъ позднѣе!..

Мечты мои были прерваны появленіемъ рядоваго Савельчука, присланнаго юнкеромъ Ромарино съ донесеніемъ, что непріятельскаго лагеря съ горы не видно, но что явственно былъ слышенъ заревой выстрѣлъ, и именно съ того направленія, куда указывалъ его сіятельство. Отправивъ Савельчука къ Бреверну для доклада полученныхъ свѣдѣній князю Андронникову, я снова предался моимъ думамъ.

Вскорѣ пришелъ Бревернъ, довольно спокойный. Пока онъ раздѣвался, я не хотѣлъ, въ присутствіи денщика Іоганна, его спрашивать о принятомъ рѣшеніи на военномъ совѣтѣ, а онъ самъ молчалъ. Наконецъ, Бревернъ повалился рядомъ со мной на землю и затушилъ свѣчу. Въ воздухѣ было тихо, тепло... но на душѣ какъ-то жутко...

— Ну, что?—не выдержавъ долѣе, спросилъ я.

— Мы идемъ на штурмъ впереди всѣхъ,—самодовольнымъ тономъ отвѣтилъ онъ. — Отстоялъ-таки права наши, и спасибо Майделю, онъ поддержалъ меня.

Затѣмъ Бревернъ сталъ посвящать меня во всѣ пренія, предложенія и споры всѣхъ участниковъ военнаго совѣта. Много, очень много говорили и соображали всѣ, а особенно господа офицеры генеральнаго штаба. Выраженія: диспозиція, дизлокація, обсервація и демонстрація, встрѣчались, сыпались, путались, мѣшались...

¹⁾ Гора Экадія.

²⁾ Батальонный командиръ.

— Но молодець, право, молодець,—князь Иванъ Малхазовичъ!— съ увлеченіемъ вставилъ Бревернъ.

— А чѣмъ именно?—спросилъ я.

— А тѣмъ молодець, что онъ, какъ пароходъ, выпускалъ дымъ, выкуривая трубку за трубкой, и, не обращая малѣйшаго вниманія на всѣ мудрыя разсужденія, далъ вволю наболтаться всѣмъ его окружающимъ, затѣмъ вдругъ всталъ, махнулъ рукой и среди наступившаго молчанія отчетливо провозгласилъ: «Мое, уже, рѣшеніе, завтра съ разсвѣтомъ бить турокъ! А теперь покойной ночи, уже, спать пора!»

Вполнѣ соглашаясь со всею прелестью этого рѣшенія начальства, я обратился тогда къ Бреверну съ вопросомъ, лично касающимся меня и 7-й роты. И тутъ-то мы встрѣтили очень усложненныя препятствія. Приказано было на выѣздѣ изъ города, у самой подошвы высокой горы, на разсвѣтѣ строиться отряду, 3-му батальону куринцевъ впереди, а послѣ того двигаться къ непріятельской позиціи по дорогѣ лѣсомъ. Слѣдовательно, Бреверну предоставлялся порядокъ первоначальнаго построенія ротъ, но тутъ-то и загадка. Если построить батальонъ справа, впереди будетъ 3-я карабинерная, а затѣмъ 7-я, 8-я и 9-я роты. Если построить слѣва, впереди станетъ 9-я рота, а за нею 8-я, 7-я и 3-я карабинерная. Въ колоннѣ въ атакѣ, по уставу, въ головѣ должна стать 8-я рота со знаменемъ, а за нею по полуротно справа 7-я, слѣва 9-я, а сзади карабинерная. Нѣтъ такого построенія, по которому можно было бы 7-ю егерскую роту расположить впереди другихъ. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! «Но надо же изобреѣсти его»,—въ одно слово рѣшили мы.—«*Qui cherche bien, trouve!*» — вскрикнулъ я и предложилъ слѣдующую комбинацію. Батальонъ на указанномъ мѣстѣ построить въ ротныхъ колоннахъ, развернутымъ фронтомъ, поручивъ знамя 3-й карабинерной ротѣ, то-есть поставить посрединѣ три егерскія роты: 7-ю на правомъ флангѣ, а 9-ю на лѣвомъ, 3-ю же карабинерную въ резервѣ за серединою батальона. Послѣ этого, когда двинемся впередъ, то пойдетъ по лѣсной дорогѣ, впереди всѣхъ, 7-я рота, за нею 8-я, 9-я и со знаменемъ 3-я карабинерная. Если по выходѣ изъ лѣса мѣстность въ виду непріятели позволитъ выстроить фронтъ, то батальонъ станетъ въ тотъ же порядокъ, какъ былъ прежде, если же нѣтъ, то построимъ батальонъ во взводной колоннѣ, причемъ опять въ головѣ будетъ 7-я рота, за нею 8-я, потомъ 9-я и сзади карабинерная. Бревернъ призналъ мое соображеніе удобно примѣнимымъ и, положивъ резолюцію: «быть по сему», пожелалъ мнѣ покойнаго сна.

Черезъ пять минутъ мы оба крѣпко заснули, а черезъ четыре часа, то-есть въ третьемъ часу утра, насъ разбудила свѣча и подносъ съ чаемъ.

Было совершенно темно, когда мы вышли изъ палатки. О лунѣ

не было уже помина, а заря еще не занималась. Люди, по кавказскому обычаю, пообѣдавъ до разсвѣта, толпились около потухавшихъ огоньковъ; нѣкоторые изъ нихъ, снявъ шапки и обернувшись на востокъ, нашептывая молитвы, набожно крестились. «Въ ружье!»—въ полголоса скомандовалъ батальонный командиръ. Слова его повторились по рядамъ, тѣни быстро зашевелились и вскорѣ замерли въ глубокой тишинѣ. Имѣя въ виду отданное приказаніе выступать отряду безъ малѣйшаго шума, я, не здороваясь съ людьми, проѣхалъ вдоль фронта роты и нетвердымъ отъ волненія голосомъ выразилъ имъ глубокую увѣренность, что они и сегодня, какъ всегда, покажутъ себя истинными молодцами. «Постараемся, ваше благородіе»,—шепотомъ отвѣчали они, но съ такимъ успокоительнымъ убѣжденіемъ и вѣрою въ свои могучія силы, что въ сущности не я ихъ, а они меня въ ту минуту ободрили... Знамя, безъ обычной по уставу церемоніи, а втихомолку, но съ должною торжественностью, было передано въ 3-ю карабинерную роту, а затѣмъ 7-я рота, въ головѣ батальона, двинулась справа по отдѣленіямъ. Въ эту минуту стало свѣтать. Спустившись по отлогости вдоль предмѣстья города, у самой подошвы горы, на которой находился караулъ мой, егерскія роты остановились и молча развернули фронтъ, а карабинеры заняли мѣсто въ резервѣ, за 8-й ротой. Не прошло четверти часа, какъ подъѣхалъ къ рядамъ нашимъ начальникъ отряда. «А что, уже, нѣтъ новыхъ свѣдѣній?»—полушепотомъ спросилъ онъ. Я взглянулъ на гору и, замѣтивъ спускающихся къ намъ четырехъ людей, отвѣтилъ: «Сейчасъ доложу вашему сіятельству»,—и рысью поѣхалъ къ нимъ навстрѣчу, а черезъ минуту передалъ князю Андроникову извѣстіе, что въ непріятельскомъ лагерѣ только что былъ данъ заревой выстрѣлъ. «Ну, уже, слава Богу, не ушли. Значить, уже, побьемъ ихъ»,—приподнявъ фуражку и крестясь, отвѣтилъ мнѣ почтенный старикъ, но на столько громко, что въ переднихъ рядахъ его прекрасно слышали.

— Уже, уже вашъ батальонъ готовъ?—обращаясь къ Бреверну, спросилъ князь и, получивъ утвердительный отвѣтъ, добавилъ:—ну, такъ, уже, съ Богомъ, маршъ!

Съ перваго же шага, какъ по командѣ, обнажились 650 головъ всего батальона, и широкіе, во всю грудь кресты, возвѣстили восходящему солнцу, что на нехристей тронулась сильная рать православная...

Молча, въ глубокой тишинѣ, вытянулись мы справа отдѣленіями, по узкой дорогѣ, ведущей черезъ густой лѣсъ къ границѣ нашей, рѣкѣ Чолоку. Вызванные мною стрѣлки, съ жаждущимъ особыхъ отличій командиромъ ихъ, княземъ Муцхеловымъ, отдѣлились впередъ, а за ними и рядомъ со мною, въ головѣ 7-й роты, ѣхали Майдель и Бревернъ. Прошли верстъ шесть въ непрерывныхъ между нами разсужденіяхъ, приметъ или не приметъ непріятель сраженіе,

или же, чего Боже упаси, онъ броситъ свою позицію и отступить. Изъ словъ Майделя намъ извѣстно стало, что турецкая армія Селима-паши, стоящая передъ нами, численностью въ 35.000 человекъ, при 36 полевыхъ орудіяхъ, а мы вели противъ нея пѣхоты съ кавалеріей до 9.000 и 18 орудій, изъ которыхъ одинъ дивизионъ горныхъ. Пропорціональная несообразность силъ не только никого не смущала, но въ тѣ минуты даже не являлась на умъ, всецѣло занятый единственнымъ сомнѣніемъ: «а ну, какъ турки уйдутъ!».

Ко мнѣ, на бывшемъ моемъ поросенкѣ, подѣхалъ мой любимецъ, молодой Воецкій. Онъ былъ сосредоточенъ и сумраченъ. Заведя съ нимъ разговоръ совершенно о постороннихъ предметахъ, я коснулся близкаго его отъѣзда въ Петербургъ и порученій, которыя намѣренъ дать ему. Онъ молчалъ, и когда я на него взглянулъ, на его губахъ скользнула не хорошая улыбка... Въ эту минуту изъ лѣса слѣва, полною ходою бѣлаго бачи, нагналъ насъ мой Вавила съ густою связкой крупной и сочной земляники въ рукахъ.

— Не угодно ли ягодъ? — спросилъ онъ.

Я отказался, а Андрюша Воецкій протянулъ къ нему руку со словами:

— Дай-ка мнѣ, Вавила, въ послѣдній разъ полакомиться.

— Полноте грѣшить, Андрей Григорьевичъ, Богъ милостивъ, скушайте на здоровье, а мы еще долго проживемъ съ вами, — возразилъ Вавила, передавая ему весь букетъ ягодъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, меня сегодня хватятъ сюда, — указывая на лобъ, отвѣтилъ Андрюша.

Прошли еще съ версту по извиистой дорогѣ. Внезапно лѣсъ оборвался, и мы, передовые, выѣхали на опушку. Передъ нами разстилалась обширная плоскость, перерѣзанная въ саженьяхъ пятидесяти отъ лѣса рѣкою Чолокомъ, а по ту сторону ея гладкою мѣстностью сажень на 300 или 350, въ концѣ которой, на большой возвышенности, нѣсколько амфитеатромъ стоялъ громадный, по числу палатокъ, непріятельскій лагерь. Картина была прекрасная. Серебристые отблески прозрачной воды Чолока, по обѣимъ сторонамъ рѣки изумруднаго цвѣта обширный лугъ и на горѣ свѣтло-зеленныя палатки, рѣзко вѣдбляющіяся на темномъ фонѣ густаго лѣса, стоящаго по ту сторону позиціи турокъ, — все освѣщенное ярко-красными лучами восходящаго солнца, — представляли глазамъ дивную панораму. Въ нѣмомъ созерцаніи пріостановили мы лошадей, и сердце у насъ упало. Во вражьемъ лагерѣ была мертвая тишина, и ни одной живой души не было видно. «Ушли», — была первая мысль, мелькнувшая у всѣхъ. Лица вытянулись съ выраженіемъ досады, негодованія. «Ушли, подлецы!» — громко прервалъ гробовое молчаніе Майдель. «Ушли!» — хоромъ повторили мы. 7-я рота уже выстроилась во взводную колонну, за нею вытянулась 8-я... Въ эту

минуту на горѣ раздался барабанный бой, тотчасъ же принятый на всѣхъ фасахъ непріятельской позиціи. Какъ въ потревоженномъ муравьиномъ гнѣздѣ зашевелились турки, и безчисленное количество красныхъ фесокъ, выскочившихъ изъ палатокъ, забѣгали по всѣмъ направленіямъ лагеря.

Въ одно мгновеніе лица всѣхъ въ авангардѣ нашемъ просіяли. Не ушли, значить—побѣда,—выражалась твердая увѣренность въ глазахъ каждаго. «3-й батальонъ вперед!»—раздалась оживленная команда Майделя. Я бѣгомъ повелъ 7-ю роту къ рѣкѣ. «За мной, ребята!»—крикнулъ я своимъ молодцамъ и, толкнувъ шенкелями Али, спрыгнувъ въ воду не глубже брюха лошади. Въ эту минуту на горѣ взвился клубъ дыма, и первое ядро съ раздирающимъ воздухомъ свистомъ шлепнулось рядомъ со мною, прямо въ рѣку, всего меня окативъ свѣжею водою. Выскочивъ на лѣвый берегъ Чолока, я отвелъ роту сажень на 50 впередъ и выстроилъ ее опять въ колонну. Непріятельскіе снаряды, съ двухъ фасовъ изъ 16 орудій, направленные на переправу войскъ нашихъ черезъ рѣку, перелетали надъ нашими головами. Бѣглымъ шагомъ догнали и пристроились за мною остальные роты 3-го батальона. Позиція, нами занятая, была отъ непріятельской приблизительно на 300 или 350 сажень, но мы стояли на открытой плоскости внизу, а турки за земляными укрѣпленіями на высотахъ, командующихъ всею окружною мѣстностью. Большія выгоды были на ихъ сторонѣ, но... Богъ за насъ, твердо вѣрилось намъ.

Уставивъ глаза на вражій станъ, я увлекся, на сколько позволяло разстояніе, подробнымъ изученіемъ непріятельской позиціи, и безъ помощи подзорной трубы мнѣ удалось отчетливо рассмотреть расположеніе лѣваго фаса, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, намъ предстояло брать штурмомъ. На самомъ исходящемъ пунктѣ, въ углу, между лѣвымъ и переднимъ фасадами, воздвигнута была батарея на четыре орудія, затѣмъ тянулись ложементы, занятые низамомъ (регулярная пѣхота) въ числѣ двухъ таборовъ (батальоны). Они упирались въ батарею на два орудія (какъ разъ противъ насъ), а рядомъ ложементы и низамъ, не менѣе одного табора; потомъ опять батарея на два орудія и снова ложементы, скрытые здѣсь буфомъ, поросшимъ лѣсомъ, вплоть до задняго фаса укрѣпленной позиціи. Эту наглядную съемку я вскорѣ дополнилъ еще однимъ важнымъ открытіемъ, а именно, что передъ батареей на два орудія, расположенной противъ меня, турки строили на откосѣ другую, какъ бы передовую батарею, но до прихода нашего они не успѣли ее окончить и вооружить, а потому у подошвы ея, подъ самой насыпью, образовалось мертвое пространство. Важность этого обстоятельства, случайно подмѣченнаго мною, впоследствии вполне оправдалась и имѣла громадное для меня значеніе въ самую минуту штурма.

Сдѣлавъ эти наблюденія надъ расположеніемъ частицы непріятельскихъ силъ только на фасѣ, противъ нашей колонны, я посмотрѣлъ, что дѣлалось у насъ, и увидѣлъ вправо отъ моей роты снятый съ передковъ дивизионъ горной артиллеріи, а по другую его сторону нашъ 1-й батальонъ, также какъ и мы, во взводной колоннѣ. За каждымъ изъ Куринскихъ батальоновъ на дивизионной дистанціи стояли въ резервахъ: за 1-мъ батальономъ 1-й же, а за нашимъ 2-ой батальоны Литовскаго полка. Этими четырьмя батальонами, или штурмовой колонной, какъ ихъ назвали потомъ, командовалъ генераль-маіоръ баронъ Майдель, взявшій отъ насъ къ себѣ въ ординарцы земляка своего, барона Ренне, и все время находившагося при 1-мъ батальонѣ Момбели. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ остальные части, еще только дефилирующія изъ опушки лѣса. Онѣ подъ командой генерала Бруннера вытягивались правымъ плечомъ впередъ и, не переходя Чолока на нашу сторону, направлялись влѣво отъ насъ, занимать позицію противъ передняго фаса непріятельскаго укрѣпленія. Тѣмъ временемъ турки стали сосредоточивать свой артиллерійскій огонь не по передвигающимся вдалькѣ войскамъ Бруннера, а по нашимъ батальонамъ, недвижимо ставшимъ отъ нихъ въ трехъ-стахъ саженьяхъ. На пять выстрѣловъ со стороны непріятели горный дивизионъ едва успѣвалъ отвѣчать однимъ, да и то сравнительно слабымъ, такъ какъ по малому калибру орудій всѣ гранаты далеко не долетали до назначенія и безвредно разрывались на воздухѣ. Адскій свистъ турецкихъ снарядовъ съ первой же минуты живо воскресилъ въ моей памяти 15-ое февраля 1851 года. Но здѣсь оказалось несравненно лучше и хуже! Лучше оно было тѣмъ, что масса снарядовъ, летѣвшихъ на насъ непрерывнымъ букетомъ, на столько оглушала, что напряженные нервы притупились и не могли поддаваться мучительному испытанію при ожиданіяхъ единичныхъ снарядовъ, а хуже оно было по существенному вреду, который наносили они опустошеніемъ въ рядахъ нашихъ. Страшная обстановка разрушительнаго дѣйствія артиллеріи стала наглядно заявлять себя съ самаго начала боя. Шлепнуло ядро, какъ мягкое тѣсто; оборачиваюсь на раздрающій душу стонъ и вижу почти цѣлый рядъ, пятый съ лѣваго фланга, скошенный однимъ махомъ. «Прими вправо!»—вырывается изъ пересохшаго горла неизбежная команда. Не успѣли еще вырванныхъ жертвъ оттащить за фронтъ, какъ раздался оглушительный трескъ, за нимъ безконечный шумъ и удары, и въ густомъ, непроницаемомъ дымѣ отчаянные крики, вопль и стоны. Что такое? Турецкая граната ударила въ нашъ зарядный ящикъ горнаго дивизиона и, взорвавъ его на воздухъ, послала кругомъ до ста мучительныхъ смертей!... Ядра и гранаты, смѣняясь каждыя 10, 15 секундъ, неслись на насъ, на лету пересѣкая дорогу, обгоняя другъ друга и всюду поражая смертью или

ужаснѣйшимъ увѣчьемъ... Минуты жестокихъ нравственныхъ испытаній тянулись неимоვნю долго. Сосредоточенно и недвижимо стояли нижніе чины. Улыбки, не только шутки, среди нихъ подмѣтить было не возможно. Строгія фивіономіи ихъ ясно говорили, что они глубоко сознають все величіе переживаемыхъ минутъ. Офицеры, тоже молча, переминаясь съ ноги на ногу, стояли на флангахъ своихъ взводовъ, угрюмо приглядываясь къ рѣдѣющимъ въ нихъ рядамъ. Впереди, противъ середины роты я стоялъ, какъ истуканъ. Али поминутно прижималъ свои красивыя уши, фыркалъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ; нѣсколько разъ, когда слишкомъ близко отъ него пролеталъ снарядъ, дѣлалъ неожиданныя лансады въ сторону. Рядомъ со мной стоялъ на сѣромъ кабардинцѣ Бревернъ. Можно было замѣтить судорожныя поддергиванія на сухомъ лицѣ его и двѣ слезинки, выступившія на глазахъ, на нижнихъ рѣсницахъ, отъ усиленнаго напряженія и внутренней борьбы. Онъ упорно молчалъ, видимо стараясь одолѣть неумѣстныя конвульсіи въ скулахъ.

«Шлѣп!»—особенно рѣзко и очень близко отъ насъ хватило ядро. Быстро обернувшись, я еще успѣлъ уловить взглядомъ разлетающіяся радіусомъ части человѣческаго тѣла... На этотъ разъ снарядъ ударилъ въ самую средину туловища рядоваго Рябова и, въ прахъ покончивъ съ нимъ, оторвалъ по одной рукѣ обоимъ сосѣдямъ его, пѣсенникамъ Костину и Малюкову. Окровавленныхъ потащили назадъ на ампутацію, а отъ Рябова на его мѣстѣ остались какіе-то безобразные клочки, обутое въ оба сапога его...

Моряки говорятъ: «Тотъ не молился Богу, кто въ бурю не былъ въ морѣ!» Это, быть можетъ, справедливо, но если бы они стали на наше мѣсто, то, не знаю, не предпочли ли бы они привычную имъ борьбу со стихіями? А во всякомъ случаѣ усерднѣе и теплѣе ли насъ стали бы они возносить мольбы Творцу Небесному?..

Тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ забили по моимъ часамъ въ 5 часовъ 50 минутъ; теперь было ровно половина седьмаго, значить прошло всего 40 минутъ, показавшія намъ цѣлою вѣчностью. Нетерпѣнье идти впередъ, покончить такъ или иначе, достигало высшихъ предѣловъ; но арріергардныя войска наши все еще тянулись изъ лѣса.

Рядомъ со мною, страждущимъ убійственнымъ бездѣйствіемъ, въ десяти шагахъ, съ увлеченіемъ работалъ лихой артиллеристъ, красивый брюнетъ, Молоствовъ. Прыгая, какъ левъ, отъ одного орудія къ другому, онъ самъ быстро наводилъ ихъ, энергично распоряжался и, съ увлеченіемъ командуя расторопною прислугой, старался по мѣрѣ силъ изъ дѣтскихъ орудій своихъ нанести возможный отпоръ непріятелю. Вотъ подскочилъ онъ ко второму орудію, проворно у самага хобота сталъ на одно колѣно и, прикинувъ діопетръ, началъ черезъ него провѣрять прицѣлъ. Загудѣло непріятельское ядро и, съ ревомъ разсѣкая воздухъ, срѣзало номеръ

съ банникомъ, поваливъ бездыханный трупъ, поперекъ тѣла орудія. Молоствовъ, въ тотъ моментъ придерживавшій правою рукою діопетръ, не дрогнувъ почти и не мѣняя своей позы, лѣвою рукою спихнулъ съ орудія помѣшавшій къ наводкѣ трупъ убитаго и, еще разъ взглянувъ на прицѣль, вскочилъ на ноги и звучно пропѣлъ: «Второе!».

Въ восторгѣ отъ видѣннаго я чуть не бросился съ лошади разцѣловать его... Но въ это время со стороны колонны Бруннера показалась группа скачущихъ къ намъ всадниковъ. Князь Андронниковъ около насъ сразу осадилъ коня и спросилъ: «Уже, какъ идутъ дѣла?» Бревернъ подвинулъ къ нему лошадь и въ полголоса доложилъ, что жарко и потеря велика. «Ну, уже, сейчасъ можно будетъ идти!»—отвѣтилъ князь Иванъ Малхазовичъ и, давъ шпоры, умчался къ 1-му батальону. Въ это время фельдфебель доложилъ мнѣ, что изъ строя роты вырвало 42 человѣка. Люди сбросили съ себя мѣшки и наострили уши.

Не прошло двухъ минутъ, какъ съ праваго фланга отъ генерала Майделя раздался барабанный бой наступленія. Мы ринулись впередъ.

Увертюра кончилась. Взвился занавѣсъ передъ настоящимъ представленіемъ...

Сумѣю ли передать все, что произошло въ знаменательный день 4-го іюня,—не знаю. Долго собирался съ духомъ, попробую.

Съ мѣста бросились нижніе чины во всю прыть, бѣгомъ. Непріятельскій огонь усилился до высшей степени. Всѣ батареи не только лѣваго фаса, но частью и передняго были направлены на батальонъ нашъ. Казалось, не 16, а сто громадныхъ пастей извергали изъ себя чугунъ, въ разныхъ видахъ. За ядрами и гранатами, какъ стаи птицъ, неслись картечные залпы. Въ разсыпную, на бѣгу, люди, стараясь не отставать отъ хвоста моей лошади, поминутно спотыкаясь, падали и не вставали. Среди общаго стремленія и суматохи, уже миновавъ болѣе половины растоянія до непріятельскихъ окоповъ, Али вдругъ грохнулся на землю. Мигомъ соскочивъ съ него, я кинулся впередъ пѣшкомъ, направляясь прямо на помѣченное мною мертвое пространство и, изрядно запыхавшись, достигъ его, однако, прежде всѣхъ. Здѣсь подъ прикрытіемъ насыпаннаго сверху выступа я остановился и, взглянувъ на пройденное нами поле, ужаснулся. Оно буквально усыяно было бѣлыми точками... Многія изъ нихъ шевелились, напрасно силясь подняться на ноги, и снова падали пластомъ. Почти одновременно со мною прибылъ Бревернъ, а за нимъ подбѣгали отсталые люди мои. Старики, прослужившіе вѣрою и правдой болѣе двадцати лѣтъ, по нѣсколько разъ на Кавказѣ раненые, не могли угнаться за молодыми и, напрягая всѣ силенки свои, тяжело переводя духъ и обливаясь ручьями пота, съ великимъ трудомъ, но, всетаки, достигали того

благодатнаго угла, гдѣ намъ казалось, что мы у Христа за пазухой. Передохнувъ минуты двѣ-три, я хотѣлъ лѣзть впередъ и броситься на штурмъ, но Бревернъ удержалъ меня въ ожиданіи остальныхъ солдатъ роты. Изъ офицеровъ моихъ на лицо былъ одинъ Хилинскій, а нижнихъ чиновъ около 40, но еще черезъ минуту подбѣжало до 20; вотъ невдалекѣ уже видна красивая фигура Кутлера, и я опять предложилъ Бреверну идти въ атаку, ежеминутно ожидая возможность, что непріятель самъ перейдетъ въ наступленіе и съ горы ударить на насъ всѣми силами. На этотъ разъ Бревернъ согласился съ моими доводами, и мы вмѣстѣ съ нимъ, впереди 7-й роты, стали подниматься на уступъ. Вскочивъ на гребень, мы сразу очутились не болѣе, какъ 25-ти шагахъ отъ турокъ, встрѣтившихъ насъ залпомъ всей пѣхоты и картечью изъ двухъ орудій. Сѣрый кабардинецъ Бреверна повалился, придавивъ собою ногу длинновязаго сѣдока, и пока онъ успѣлъ освободить ее, я, по волѣ Провидѣнія оставшись цѣлъ и не вредимъ, съ быстротою молніи ринулся на батарею и въ изступленіи, не обративъ вниманія на окружающаго непріятели, обѣими руками ударилъ по двумъ орудіямъ, громко провозгласивъ: «вотъ онъ, Георгіевскій крестъ!» Но это увлеченіе сошло мнѣ безъ пагубныхъ послѣдствій только потому, что по пятамъ моимъ стѣною лѣзла горсть удалцевъ 7-й роты. Съ невыразимымъ восторгомъ увидѣлъ я отважную, чисто геройскую работу этихъ славныхъ людей, въ одинъ мигъ переколовшихъ штыками всю артиллерійскую турецкую прислугу и грудью бросившихся на ложементы. Низамъ не выдержалъ, дрогнулъ и побѣжалъ. Въ то самое время, когда я бралъ первую батарею, Кутлеръ съ 8-ю ротою, вскочивъ вслѣдъ за мной на гребень, съ перваго взгляда убѣдился, что тутъ ему поживиться нечѣмъ, а потому повернулъ въ поль-оборота направо и, не взирая на убійственный огонь цѣлаго табора низама, бросился на слѣдующую батарею, съ которой турки уже спѣшили увести орудія. Одно успѣло ускакать, а другое, только что взятое на передки, тронулось съ мѣста, когда молодецъ Кутлеръ на длинныхъ ногахъ своихъ надавалъ ходу и, опередивъ запряженное шестерикомъ темносѣрыхъ коней второе орудіе, ловкимъ ударомъ шашки ссадилъ передняго ѣдоваго, чѣмъ и далъ возможность солдатамъ своимъ схватиться за колеса, переколотъ прислугу и захватить трофей... Въ минуту штурма я тоже обнажилъ шашку и знаю, что держалъ ее наголо, около взятыхъ орудій, но наносилъ ли ею удары, рѣшительно не помню, хотя мои ребята утверждаютъ и даже присягнуть готовы, что будто бы я изрубилъ нѣсколько человѣкъ турокъ... Но мнѣ кажется, что если судить по запекшейся крови на моей шашкѣ, то она легко могла быть окрашена въ послѣдствіи моими собственными средствами... Вотъ, что юнкеръ Леусъ на самой батарее поднималъ на штыкъ верзилу турка, уже замахнувшаго надо мной ята-

гань, то хотя я самъ этого въ пылу не видалъ, но всѣ солдаты это подтвердили.

Начало боя было отлично, хорошо, но, увы, еще много предстояло впереди. Низамъ, опрокинутый на лѣвомъ фасѣ, показавъ тыль и бросился бѣжать черезъ весь лагерь, подъ защиту противоположнаго фаса. Наши егеря на нихъ насѣли и штыками кололи заднихъ безпощадно. На пути преслѣдованія по лагерю мы наткнулись на большую и роскошную палатку Селима-паши, на коновязь съ массою привязанныхъ чистокровныхъ коней, видѣли серебряную посуду, ковры и даже дымящійся кофе утренняго кейфа, но, ни до чего не прикасаясь, перли все впередъ, въ догонку за бѣгущими. Вскорѣ пришлось приостановить порывы наши. Непрiятель на правомъ фасѣ, пропустивъ мимо себя разбитыхъ на лѣвомъ фасѣ, самъ съ барабаннымъ боемъ и со значками впереди стройною стѣною повелъ атаку на насъ, въ ту минуту широко разсыпанныхъ по лагерю. Минута настала критическая. Бреверна въ строю не видно, Кутлера тоже, а люди всѣхъ егерскихъ ротъ перемѣшались между собою. Но вотъ Руденко. вмѣстѣ съ нимъ намъ удастся сомкнуть роты и, открывъ мѣткій огонь по наступающему низаму, остановить, а затѣмъ дружнымъ ударомъ въ штыки, отбросить его назадъ. Но въ эти тяжелые моменты что-то щелкнуло меня по правой ногѣ такъ сильно, что я едва устоялъ. Подбѣжавшіе ко мнѣ два солдата хотѣли поддержать меня, но я пересилилъ боль сквозной раны пулей и, крѣпко перетянувъ ногу носовымъ платкомъ, отправилъ услужливыхъ людей къ своимъ постамъ. За минуту передо мной раненъ и Хилинскій, остальной офицеръ 7-й роты. Убыль въ людяхъ ежеминутно возрастаетъ, а поддержки все нѣтъ и нѣтъ, но, что хуже всего, Бруннеръ мѣшкаетъ атакой съ фронта, и передній фасъ непрiятеля, обернувшись къ намъ лицомъ, немилосердно строчитъ насъ съ фланга. Оглядываясь кругомъ себя, я увидѣлъ однихъ лишь турокъ, явно готовящихся снова вести атаку со всѣхъ сторонъ. Положеніе съ ничтожнымъ числомъ людей въ строю становилось очень опаснымъ, а когда турки на угловой батарее обернули 4 орудія налѣво кругомъ и стали насъ осыпать картечью съ тыла,—оно стало совсѣмъ невыносимымъ. Нужно было на что нибудь рѣшиться, и я рѣшилъ: взять съ бою эту батарею. Но когда я сомкнулъ людей своихъ, то оказалось, что у меня подъ ружьемъ не болѣе 35 человекъ, и я съ горечью понялъ всю несбыточность моихъ расчетовъ... Но вотъ вижу вправо отъ меня стройно стоящую роту. Сторяча, забывъ прострѣленную ногу, бросаюсь къ ней и узнаю Пелепейка съ карабинерами.

— Яковъ Дмитріевичъ,—говорю ему:—у меня перебито столько людей, что одинъ сдѣлать я ничего не въ силахъ. Георгія я уже взялъ, а вотъ и вамъ: возьмите ту батарею.

— Съ великой радостью бы пошелъ, — отвѣчалъ онъ, — но не смѣю. У меня на рукахъ знамя, да къ тому же моя рота осталась единственнымъ резервомъ; литовцевъ за нами нѣтъ, и ихъ не видно.

— Но, голубчикъ, какъ же быть? Вѣдь батарею ту необходимо взять, пока она окончателно не перебьетъ насъ всѣхъ, — горячо доказывалъ я.

— Хотите одинъ взводъ?

— Хочу, хочу, давайте скорѣе! — обрадовался я.

— Прапорщикъ Воецкій, ведите впередъ 3-й взводъ, — приказалъ Пелепейко.

Андрюша, съ блестящими глазами, довольно твердымъ голосомъ скомандовалъ, согласно правиламъ устава, первому полувзводу направо, второму налево и проч... Но стало нестерпимо жутко, люди валились, какъ мухи, и я, не дождавшисъ маневровъ Воецкаго, крикнулъ ему: «поддержите меня!» — и повелъ горсть людей моихъ по направленію батареи. Не сдѣлавъ я десяти шаговъ, какъ пуля ударила и обожгла мнѣ лѣвую сторону живота, я покачнулся, упалъ, но прежде чѣмъ опять подбѣжала ко мнѣ конвойная пара, я уже вскочилъ на ноги и, заревѣвъ «ура», очертя голову, кинулся на угловую батарею. Изъ всѣхъ четырехъ жерлъ своихъ она на 50 шаговъ плюнула въ насъ ближнею картечью, и какъ не уложила всѣхъ, не понимаю. Въ ту минуту я забылъ не только обѣ раны свои, но я забылъ все, рѣшительно все на свѣтѣ, даже забылъ оглянуться, остался ли кто за мною. Я видѣлъ лишь передъ собою четыре блестящихъ мѣдныхъ пушки и мотавшуюся около нихъ артиллерійскую прислугу въ ярко красныхъ фескахъ. Еще издали намѣтивъ одного съ банникомъ въ рукахъ, я съ ожесточеніемъ, уже въ двухъ шагахъ отъ батареи, занесъ шашку... но, быстро опустивъ руку, завертѣлся волчкомъ и хлопнулся на землю... Солдаты меня подхватили и вытащили изъ ада, но батареи не взяли...

Очнулся я на томъ самомъ спускѣ, который за три четверти часа назадъ мы штурмовали съ Бреверномъ. Теперь осторожно, подъ руки, сводили меня съ горы два рядовыхъ моей роты, а впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ, одинъ поддерживалъ также офицера. Не въ силахъ будучи справиться съ раненымъ, онъ опустилъ его на землю и бросился ко мнѣ на встрѣчу. «Ваше благородіе, — умоляющимъ голосомъ присталь растерявшійся солдатикъ, — прикажите нарядить мнѣ рабочихъ нести прапорщика». — «Какого прапорщика?» — спросилъ я. — «Воецкаго, ваше благородіе». — «Боже мой! И его не миновала чаша!» — подумалъ я, подходя къ нему. — «Куда вы ранены, Андрюша?» Онъ тяжело хрипѣлъ, но, узнавъ мой голосъ, открылъ глаза и протянулъ мнѣ руку. Схвативъ ее, я повторилъ вопросъ, но онъ не отвѣчалъ. «Должно быть, въ шею, ваше благородіе», — вмѣшался тотъ же солдатъ 3-й роты. Воецкій за послѣднее время потолстѣлъ, а потому воротникъ сюртука его, растянувъ

крючки, тѣсно охватывалъ шею. «Разстегните воротникъ»,—проговорилъ я, крѣпко пожимая руку моего любимца. Какъ только воздухъ коснулся перебитаго горла, Андрюша икнулъ, захлебнулся и отдалъ Богу младую душу свою. Крестьясь, я зарыдалъ, а солдаты потащили меня далѣе. Послѣдняя рана моя, въ упоръ изъ пистолета, разбила кисть лѣвой руки, всадивъ въ нее пулю и весь зарядъ съ пыжомъ навывлетъ. Кровь была ключемъ сильнѣе и больше, чѣмъ изъ прежнихъ обѣихъ ранъ вмѣстѣ. Голова стала кружиться... но я, услышавъ сзади громкіе крики «ура», обернулся, и глазамъ представилась опять угловая батарея. Теперь ее брали карабинеры, и снова бой тутъ закипѣлъ горячій. Куринцы были за ложементомъ въ пяти шагахъ отъ батареи, а Пелепейко съ пашкой наголо у самыхъ орудій, но, видно, съ той стороны подоспѣло туркамъ подкрѣпленіе, и карабинеры быстро отступили. Заколдованная батарея вторично не далась намъ.

Слабость отъ большой потери крови заставляла меня подвигаться очень медленно. Опираясь на двухъ проводниковъ моихъ, я съ великимъ затрудненіемъ передвигалъ ноги, когда случайно сдѣлался свидѣтелемъ потрясающей сцены. Литовскій второй батальонъ Пьера Дембинскаго стоялъ на полъ-пути отъ прежней позиціи къ непріятельскимъ окопамъ и не хотѣлъ идти далѣе. За удаленіемъ куда-то батальоннаго командира, впереди батальона я засталъ У. И. Карганова. Краснорѣчиво, но тщетно убѣждалъ онъ солдатъ идти на выручку куринцевъ, брошенныхъ безъ поддержки въ непріятельскомъ лагерѣ,—литовцы мялись и ни шага впередъ. Каргановъ слѣзъ съ лошади, сталъ передъ батальономъ и громко скомандовалъ: «Батальонъ, дирекція направо, вольнымъ шагомъ, марш!»—самъ зашагалъ впереди, но, обернувшись увидѣлъ весь батальонъ недвижимо стоящимъ на мѣстѣ. Я видѣлъ и слышалъ все это, но сначала не повѣрилъ глазамъ и ушамъ своимъ, въ силу мелькнувшаго предположенія, что со мной начались галлюцинаціи, бредъ. Но, увы, все видѣнное мною оказалось не только справедливымъ, но даже слабѣе грустной дѣйствительности, такъ какъ до появленія передъ литовцами Карганова истощалъ напрасно всѣ средства подвинуть ихъ Мазараки.

Въ ту минуту долетѣлъ до насъ отчаянный крикъ: «Барина моего убили, гдѣ баринъ мой?». По голосу я узналъ Вавилу, который чортъ знаетъ откуда, какъ сумасшедшій, не узнавая меня, стремглавъ скакалъ мимо. Его, однако, остановили, ссадили съ лошади, общими силами взвалили меня на сѣдло и, поддерживая съ двухъ сторонъ, повезли къ перевязочному пункту. Черезъ нѣсколько минутъ я потерялъ сознаніе и лишился чувствъ, когда же пришелъ въ себя, то увидѣлъ кругомъ медиковъ и во главѣ ихъ Брашнѣвскаго.

Не знаю почему, но на первыхъ порахъ почтенный нашъ док-

торъ не хотѣлъ придать должнаго значенія изувѣченной рукѣ моей и, не приступая къ ея осмотру, исключительно занялся изслѣдованіемъ ранъ въ животъ и ногу. Первоначально распоровъ мой сюртукъ, разрѣзавъ штаны и сапогъ, словомъ оборвавъ на мнѣ все одѣяніе, наложили повязки на животъ и ногу. Дошла очередь до бѣдной руки. Обмывъ кровь и отдѣливъ постороннія вещества, въ видѣ ключевъ пыжа и частицъ рукава, Брашнѣвскій, пристально разсмотрѣвъ входъ и выходъ пули, совершенно разворотившей кости лѣвой руки моей, прозондировалъ насквозь рану.

— Будете рѣзать?—спросилъ я.

— Полагаю, что пока можно обойтись,—отвѣчалъ хирургъ.

— Докторъ,—рѣшительно заявилъ я,—если думаете рѣзать, то рѣжьте сейчасъ, а послѣ я не позволю.

Онъ опять внимательно изслѣдовалъ рану и окончательно рѣшили, что можно избѣгнуть ампутаціи. Слава Господу!

Черезъ четверть часа, съ перевязками на трехъ ранахъ, меня уложили на землю, въ ряды нашихъ раненыхъ офицеровъ, которыхъ я засталъ на перевязочномъ пунктѣ въ огромномъ количествѣ. Надъ каждымъ изъ нихъ, для предохраненія отъ солнечныхъ лучей, были устроены изъ свѣжихъ вѣтвей шалашики, изъ-подъ которыхъ раздавались жалобы и стоны. Сосѣдъ мой справа лежалъ на боку, ко мнѣ спиною, и сильно охалъ.

— Кто это?—спросилъ я.

— Я, Ренне,—съ трудомъ отвѣтилъ страдалецъ.

— Куда васъ хватили?—полюбопытствовалъ я.

— О-охъ, плечо разбили!—простоналъ бѣдный нѣмецъ.

— Ваше благородіе!—нагибаясь ко мнѣ, проговорилъ подошедшій солдатъ, — пожалуйста вашу пашку, я пойду, нарублю вамъ лѣса, на холодокъ,—и, не ожидая моего отвѣта, онъ осторожно приподнял меня и снялъ съ плеча азіатскую въ серебрѣ пашку, недавно пріобрѣтенную мною у злополучнаго сосѣда.

Послѣ перевязки я чувствовалъ себя хорошо. Правда, раны мои горѣли, но самая теплота эта была не только сносною, но даже пріятною.

— Ренне!—окликнулъ я.—Ренне!

— Was wünschen Sie?—нетерпѣливо отозвался онъ.

— Ist es schon Zeit ein Schnaps zu trinken?—шутя спросилъ я.

— Gehen Sie zum Teufel!—безцеремонно оборвалъ меня нѣмецъ.

Въ эту минуту изъ другаго ряда раненыхъ одинъ сталъ подниматься, упираясь руками на прислуживавшаго ему солдата, и сильно хромая, подошелъ ко мнѣ. Это былъ Тыртовъ.

— Владиміръ Алексѣевичъ,—умильно проговорилъ онъ,—я слышалъ, что вы предлагали закуску, попотчуйте меня, мои запасы всѣ пропали.

Миша Тыртовъ, молодой офицеръ нашего полка, изъ гвардейской юнкерской школы подпрапорщиковъ, былъ извѣстенъ у насъ завиднымъ аппетитомъ, но, чтобы послѣдній доходилъ до подобныхъ размѣровъ, я никогда не допускалъ; часъ навадь онъ былъ раненъ при 8-й ротѣ въ обѣ ноги выше колѣнъ навзлетъ.

Между тѣмъ Вавила все время возился около меня; вѣроятно, въ хлопотахъ забывъ строжайшее запрещеніе доктора пить воду и мое преслѣдованіе у него этой пагубной для его здоровья страсти, онъ добылъ у фельдшера манерку съ водой и, сидя около меня на корточкахъ, сталъ глотать съ прохладеніемъ. Я приподнялся и здоровою правою рукой вышибъ у него далеко отлетѣвшую манерку.

— Господи! Ужъ какъ изувѣченъ, а все еще дерется!—съ комической рожей, поднявъ руки къ небу, гнусаво взвылъ Вавила.

— А вотъ и лѣсокъ я нарубилъ вашему благородію,—раздался голосъ солдата, сваливавшего около меня большую охапку свѣжихъ зеленыхъ деревьевъ.

Я взглянулъ на него и узналъ пѣсенника Костина, усердно втыкающаго у меня прутья въ изголовья.

— Костинъ!—окликнулъ я, сообразивъ, что утромъ, рядомъ съ Рябовымъ, его зацѣпило ядро.—Костинъ, да вѣдь ты раненъ!

— Точно такъ, раненъ, ваше благородіе, да ужъ меня порѣшили!—отвѣчалъ онъ, продолжая возиться у меня за спиною.

— Какъ порѣшили?—ничего не понимая, переспросилъ я.

— Руку-то мнѣ ужъ обрѣзали, ваше благородіе!—улыбаясь сказалъ онъ, показывая при этомъ ампутированную по самый локоть лѣвую руку свою.

— Бога же ты не боишься, Костинъ, бередишь свою руку!—въ изумленіи вскрикнулъ я.

— Ничего, ваше благородіе, надоть теперь о ротномъ командирѣ позаботиться, а что моя рука, она теперь ничего, ваше благородіе!—совершенно спокойно и равнодушно разсудилъ онъ.

Такъ вотъ онъ, солдатъ кавказскій! Ему въ 6 часовъ утра ядромъ оторвало руку, а въ 8 онъ оставшеюся другою рубить лѣсъ на холодокъ своему ротному. Ничего такого я не читалъ, не слышалъ и никогда не воображалъ. Въ исторіи какихъ народовъ можно встрѣтить подобный примѣръ самоотверженія? А Костинъ совершилъ это такъ естественно, просто, будто калачъ съѣлъ. Съ подобными людьми нельзя не творить чудесъ.

Между тѣмъ наше положеніе было далеко не отрадное. Вдали гудѣла канонада и трещала сильнѣйшая ружейная пальба. На перевязочный пунктъ раненыхъ подносили мало, потому что пришло извѣстіе очень грустное: нѣсколько минутъ послѣ отбитой атаки моей, а затѣмъ и карабинеровъ, налетѣлъ дивизіонъ турецкихъ уланъ, въ куски изрубившій всѣхъ раненыхъ нашихъ, а въ числѣ

ихъ Хилинскаго и Саверина. Первый батальонъ нашъ повелъ на штурмъ самъ Майдель, но не на лѣвый фасъ, рядомъ съ нами, а въ обходъ кустарника, на тылъ укрѣпленной позиціи, и хотя во-рвался въ лагерь, но тоже понесъ чувствительныя потери. Убить тамъ одинъ Мацкевичъ, а раненыхъ много, и между прочимъ орди-нарецъ Майделя, баронъ Ренне. Но что всего тревожнѣе, это ужасная неизвѣстность о томъ, что творилось въ ту минуту на полѣ сраженія. Третій батальонъ понесъ такую ужасную убыль въ людяхъ, что удержаться ему одному, въ непріятельскомъ лагерѣ, не представлялось никакой возможности, а на подкрѣпленіе резер-вами можно ли было рассчитывать, послѣ того, что я лично видѣлъ у литовцевъ? Вправо, въ полуверстѣ отъ перевязочнаго пункта, не участвуя въ бою, спокойно стояла масса милиціи Гурійской, Имеретинской и Мингрельской, въ числѣ до 4.000 человекъ, но пронеслись слухи, что и она не идетъ на непріятеля, пока не разъяснится вопросъ: «чья возьметъ?» то-есть другими словами: если наши войска одолѣютъ турокъ, то и милиція бросится помо-гать пораженію, а если, чего Боже упаси, наши не устоятъ, то и милиція, прославленная подъ Шехветели, кинется добивать насъ. Все это привело въ совершенное отчаяніе тѣхъ, кто еще былъ въ состояніи мыслить и соображать. А время все шло, былъ уже десятый часъ на исходѣ. Слева отъ меня на пустое мѣсто положили кого-то, съ обмотанною головою. Всмотриваюсь ближе, узнаю князя Муцхелова и слышу его исторію. Какъ только забили на-ступленіе, и тронулись штурмовыя колонны, онъ пустился бѣгомъ впередъ, конечно, съ предвзятымъ намѣреніемъ первымъ вскочить на батарею, но злая судьба не допустила этого, и гнусное ядро сильно контузило ему правую сторону головы и правую руку. Муцхеловъ упалъ, и его только недавно подняли, принесли и пере-вязали.

— Капитанъ,—тихо и жалостно проговорилъ онъ,—ради Бога прикажите розыскать моего верховаго коня. На немъ бурка и всѣ вещи мои.

Я поручилъ Вавилѣ отправиться на поиски. Прошло съ четверть часа, и Вавила возвратился, рыдая во всеуслышаніе.

— Что съ тобой?

— Я, я, сейчасъ видѣлъ, я...—будучи не въ силахъ выска-заться и заливаясь слезами, бормоталъ онъ.

Наконецъ онъ разсказалъ, что какъ разъ наткнулся на прово-зимое мимо насъ подбитое орудіе наше, на которое взвалено было тѣло убитаго Андрея Григорьевича Воецкаго. Не зная о его кончинѣ раньше, Вавила былъ жестоко пораженъ. Что касается лошади Муцхелова, то о ней онъ тоже принесъ неутѣшительныя для владѣльца свѣдѣнія: горнисть 7-й роты, взявшій ее у князя, убить, а лошадъ неизвѣстно куда дѣлась. Въ это время какъ-то

громче и отчетливѣ слышались мнѣ со всѣхъ сторонъ стоны, жалобные охи и вскрикиванья раненыхъ. Видно, нѣкоторыхъ уже стали сильно разбирать мучительныя страданія, а другіе просто отходили... Окинувъ взглядомъ все обширное пространство, всплошную занятое шалашиами надъ страждущими и умирающими, я увидѣлъ поразительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и высоко-умилительную картину. Старичекъ-священникъ, греко-армянской церкви, сѣдой, съ тонкими чертами лица, съ крестомъ въ рукѣ и запасными св. Дарами черезъ плечо, на четверенькахъ двигался между шалашиами. Не миновавъ ни одного шалашика, онъ вползалъ въ каждый и всѣмъ страдальцамъ, именемъ Божественнаго Утѣшителя, благоговѣйно предлагалъ цѣлованіе св. Креста, а умирающимъ читалъ отходныя и приобщалъ св. Тайнъ. Его глубоко религиозное, полное христіанскаго смиренія лицо, его тихій и мягкій голосъ и безпредѣльная вѣра во всемогущую помощь Божію благотворно повліяли на всѣхъ, безъ различія вѣроисповѣданій. Когда этотъ представитель на землѣ Спасителя подползъ къ мнимому атеисту барону Ренне, послѣдователь Лютера прильнулъ ко кресту губами и заплакалъ не отъ физической боли, а отъ избытка восторженныхъ чувствъ любви и надежды. Отъ души сожалѣю теперь, что мнѣ не удалось развѣдать, кто и откуда былъ этотъ посланный Богомъ служитель Его, который сумѣлъ въ такія минуты вселить столько чистыхъ вѣрованій. Въ эту самую минуту пришла къ намъ счастливая вѣсть. Турки окончательно разбиты на голову и, бросивъ лагерь, всю артиллерію, обозъ, знамена, значки и до 6.000 плѣнныхъ, бѣгутъ къ Батуму. Восторженными, но очень дребезжащими голосами выкрикнувъ «ура», привѣтствовали всѣ раненые давно желаннаго вѣстника. Вскорѣ за нимъ явились подробныя извѣстія о томъ, какъ сраженіе приняло столь блестящій оборотъ. Нашъ 3-й батальонъ, обезсиленный чрезмѣрномъ урономъ, не могъ одинъ бороться съ наплывающими силами непріятели и, потерявъ всякую надежду на подкрѣпленіе резервами, отступилъ къ линіи лѣваго фаса, первоначально взятаго имъ штурмомъ. Начальство, также утративъ всякую надежду на мужество литовцевъ, послало въ помощь куринцамъ, на непріятельскій лагерь, Донской № 11 полкъ, а за нимъ конную дружину грузинскихъ дворянъ. Командиръ донцовъ, старый молодецъ-полковникъ Харитоновъ, впереди полка своего влетѣлъ въ лагерь, но моментально вмѣстѣ съ конемъ своимъ сложилъ голову отъ пули, попавшихъ въ лобъ обоимъ. Со всѣмъ тѣмъ казаки уже ворвались въ укрѣпленный станъ, а вслѣдъ за ними вскочили и дворяне грузинской конной дружины. Одновременно съ этимъ, съ фронта повелъ атаку Бруннеръ, а наконецъ, надумавшись вдоволь, полѣзли и литовцы. Турки, разбитые на всѣхъ пунктахъ, обратились въ постыдное бѣгство, и для ихъ преслѣдованія явилась и пресловутая наша милиція, которая во славу царя и отечества,

а болѣе наживы ради, ожесточенно начала добывать остатки разстроеннаго непріятеля. Какъ бы ни было, а наша взяла. Не вдаваясь въ критическій разборъ Чолокского сраженія, скажу теперь, какъ и тогда: «Великъ Богъ русскихъ!». Вскорѣ прибыли къ намъ отъ 3-го батальона люди, отряженные для устройства намъ носилокъ, но въ числѣ ихъ никого изъ 7-й роты. Было уже около двухъ часовъ по полудни, когда понемногу стали укладывать и поднимать раненыхъ. Въ ту минуту, какъ карабинеры готовились взяться за меня, мнѣ сдѣлалъ визитъ Бревернъ, то-есть его поднесли ко мнѣ. Рана его въ ногу была неопасна. Мы вмѣстѣ тронулись въ обратный путь въ Озургеты. Девяти-верстная дорога отъ Чолока до города показалась мнѣ чрезвычайно длинной. Носильщики, шагая медленно въ ногу, останавливались каждую четверть версты для отдыха или смѣны, а тѣмъ временемъ нескончаемой вереницей обгоняли насъ пѣшіе и конные, всѣ довольные, громко ликующіе. На полъ-пути насъ нагналъ поѣздъ начальства. Князь Андронниковъ подѣхалъ къ моимъ носилкамъ и пытался заговорить со мной, но я чувствовалъ себя до того утомленнымъ и слабымъ, что ничего не понималъ и не отвѣчалъ ему. Еще до заката солнца шествіе наше втянулось въ Озургетскія улицы; при выходѣ на площадь я услышалъ около себя чье-то распоряженіе нести меня прямо на гауптвахту. Помню, какъ я, не открывая глазъ, соображалъ тогда, недоразумѣніе ли это, или случайность. Вавила, давно ускакавшій впередъ, теперь что-то командовалъ и суетился. Но вотъ всякое движеніе сразу прекратилось, и топотъ тяжелыхъ ногъ солдатскихъ по полу замолкъ. Кругомъ водворилась тишина, я открылъ глаза и увидѣлъ себя на кровати, въ углу большой, но очень сумрачной комнаты. Въ противоположномъ углу лежалъ Бревернъ, а по другую сторону двери—Кутлеръ. Мнѣ страшно захотѣлось спать, но, увы, уже начинало можжить разбитыя кости, и боль ежеминутно усиливалась, въ рукѣ особенно. Всякое помышленіе о возможности сна исчезло, и я, пересиливая страшныя страданія, пробовалъ говорить съ сожителями, которые оба были бодрѣ меня. Кутлеръ былъ раненъ въ руку, выше локтя, пулею, которая затѣмъ пронизала ему и грудь справа налѣво; послѣдняя рана, очень серьезная, казалась легче моихъ на томъ основаніи, что Кутлера перевязали немедленно, я же потерялъ слишкомъ много крови, пока доставили меня на перевязочный пунктъ. Пришелъ офицеръ нашего полка, Борисовъ, усѣлся на кровати Бреверна и подробно сталъ рассказывать дѣянія въ тотъ день 1-го батальона. Явился и Майдель. Честный и храбрый нѣмецъ этотъ, безъ всякихъ излишнихъ фразъ и изліяній, обошелъ наши койки и сердечно порусски, крѣпко пожалъ намъ здоровыя руки. Уже стало смеркаться, когда къ намъ пришли князя Андронниковъ и Гагаринъ, Каргановъ, Мазараки, Девель, Щербаковъ и прочіе чины ихъ штабовъ. Передать

то, что наговорилъ мнѣ лестнаго и пріятнаго кн. Андронниковъ, я не могу уже потому, что всего не помню. Знаю только, что онъ, нѣсколько разъ обнимая меня, повторялъ слова: «Теперь вы затмили славу Щеголева!»... Опять я вскорѣ забылся, хотя слышалъ хлопанье дверей, шаги и разговоры. Борисовъ, вторично пришедшій къ намъ отъ начальника отряда, передалъ о разрѣшеніи кн. Андронникова барону Майделю, какъ начальнику штурмовыхъ колоннъ, сейчасъ же сдѣлать представленіе 3-го батальона къ Георгіевскому знамени, а Бреверна, Полторацкаго и Кутлера къ Георгіевскимъ крестамъ. Слышалъ я сначала очень довольный голосъ Бреверна, потомъ на нѣмецкомъ языкѣ разсужденія и наконецъ настойчивыя просьбы его объ исходатайствованіи позволенія представить къ Георгію не двухъ, а всѣхъ четырехъ ротныхъ командировъ 3-го батальона. Майдель колебался, но Бревернъ выставилъ много вѣскихъ къ тому аргументовъ и, говоря о Руденкѣ, перечислялъ три раны въ грудь, полученные имъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи.

— Наконецъ, Егоръ Ивановичъ, — съ жаромъ говорилъ Бревернъ, — если я прошу небывалыхъ наградъ, то согласитесь, что сегодня за 3-мъ баталіономъ и небывалыя заслуги! Изъ 16 офицеровъ легло 14, а изъ 630 нижнихъ чиновъ болѣе половины.

Майдель ушелъ, обѣщая лично принести отвѣтъ князя Андронникова. Борисовъ добровольно, помимо званія командира роты, принялъ на себя адъютантство обоихъ баталіоновъ, а потому то и дѣло уходилъ и приходилъ съ различными свѣдѣніями, которыхъ обстоятельно, за потерей фельдфебеля, онъ никакъ собрать не могъ. Второпяхъ онъ сообщилъ, что курьеромъ въ Петербургъ съ донесеніемъ на высочайшее имя посылаютъ Нико Эрстова, какъ героя Негоитскаго дѣла; что намъ тремъ раненымъ, въ видѣ особаго вниманія, отведена гауптвахта, какъ единственное строеніе въ Озургетахъ, пощаженное турками, что само начальство расположилось въ полуразрушенномъ домѣ, и что пріѣхавшіе сегодня изъ Тифлиса генераль Грекуловъ (бывшій командиръ, до Сергѣя Васильчикова, Ширванскаго полка) и графъ Сологубъ расположились оба на ночлегъ посреди площади.

— А не знаете ли, Иванъ Петровичъ, зачѣмъ пожаловали сюда эти господа?—спросилъ любопытный Бревернъ.

— Грекуловъ для производства инспекторскаго смотра обомъ Куринскимъ баталіонамъ, а гр. Владиміръ Сологубъ, чтобы собрать матеріалы для исторіи настоящей войны въ Азіатской Турціи, порученной ему для составленія по высочайшей волѣ,—отвѣтилъ Боринька, снова убѣгая отъ насъ.

На столѣ горѣли свѣчи, но въ большой и тусклой комнатѣ, съ закоптѣлыми стѣнами, было мрачно. Разбитыя кости въ рукѣ стало ломить невыносимо; чтобы не кричать, я рвалъ зубами простыню.

— Владиміръ Алексѣевичъ, пришелъ фельдфебель, — возвѣстилъ Вавила, впуская въ дверь пришедшихъ людей.

Прежде чѣмъ я успѣлъ указать унтеръ-офицеру Чечневу на баталіоннаго командира, котораго онъ въ полусвѣтѣ не замѣтилъ, онъ вытянулся молодцомъ и отрапортовалъ:

— Господинъ штабсъ-капитанъ, по 7-й егерской ротѣ все обстоитъ благополучно!

— Благополучно? — съ ироніей спросилъ я.

— Точно такъ, ваше благородіе! — бойко отхватилъ Чечневъ.

— А сколько у насъ потери?

— Вотъ извольте, ваше благородіе, свѣдѣнія! — отвѣтилъ онъ, подавая мнѣ на клочкѣ бумаги рапортичку.

Я ничего не могъ разобрать. Вавила схватилъ со стола подсвѣчникъ и освѣтилъ мнѣ. Я прочелъ: «Убитыхъ 49, раненыхъ 85, безъ вѣсти пропавшихъ 2, итого 136»... Слезы у меня брызнули изъ глазъ.

— Сколько же осталось? — захлебываясь невольно задалъ я вопросъ.

— Съ кашеварами и хлѣбопекомъ 12 человекъ, ваше благородіе, — съ отгѣнкомъ гордости отчеканилъ Чечневъ.

— А кто тамъ еще пришелъ? — со стономъ отъ страшной боли спросилъ я.

— Ефлетора, ваше благородіе! — принявъ на шагъ въ стороны, отрапортовалъ Чечневъ.

Передъ моею кроватью стояли два солдата, съ банниками и пальниками въ рукахъ. Слабая голова моя отказалась понять, въ чемъ дѣло, и для чего они тутъ.

— А вотъ, ваше благородіе, и росписочка адъютанта въ полученіи, — вмѣшался опять Чечневъ, суя мнѣ въ руку какую-то бумажку.

Съ великимъ трудомъ разбираю слѣдующее:

«Іюня 4-го дня 1854 года, дана сія росписка въ томъ, что отъ 7-й егерской роты, Егерскаго князя Воронцова полка, приняты мною двѣ турецкія десятифунтовыя мѣдныя гаубицы, въ чемъ и удостовѣряю своею подписью и приложеніемъ отряднаго штаба печатью.

«Отрядный адъютантъ штаба, штабсъ-капитанъ Шербаковъ».

— Скажите братцы, какъ удалось вамъ привезти орудія начальству? — забывая всѣ боли, съ любопытствомъ спросилъ я.

На этотъ вопросъ Чечневъ наивнѣйшимъ тономъ доложилъ слѣдующее:

— Когда ваше благородіе унесли отъ насъ, мы угловой батареи одолѣть не могли: ужъ очень насъ мало осталось. Гляжу — изъ унтеръ-офицеровъ я одинъ, остатніе перебиты, а рядовыхъ никакъ семь человекъ. Думаю себѣ, куда намъ дѣться. Дай моль укара-

улимъ наши утреннія орудія отъ турокъ, да на грѣхъ и отъ нашихъ. Тутъ мы около самыхъ этихъ пушекъ ловко примостились, пока лезервы не подоспѣли и не погнали турокъ изъ лагеревъ. Мимо насъ народу тогда много пробѣгло и къ орудіямъ нашимъ, ваше благородіе, совались, да, нѣтъ, шалишь! Мы имъ прикладами дорогу указали. А опосля я вздумалъ вотъ этого самого ефлейтора, Ермошина, дослать сюда за ранеными лошадьми, онъ, спасибо, живо обернулся, по четыре коня къ орудію запрягли, да сюда и вывезли, а здѣсь ихъ сдали и на всякій случай въ приемъ истребовали росписочку отъ начальства.

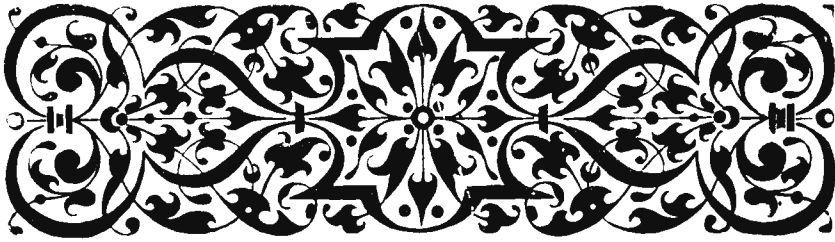
Послѣ отраднago сообщенія этого не прошло и получасу, какъ на платформѣ слышались шаги, и совершенно неожиданно въ поздній часъ опять ввалилось къ намъ начальство со свитою. Князь Иванъ Малхазовичъ въ неописанномъ восторгѣ разсказалъ о лихой продѣлкѣ нижнихъ чиновъ 7-й роты, какъ за ужиномъ вызвали Щербакова, какъ онъ самъ съ фонарями выходилъ на площадь, къ орудіямъ, какъ унтеръ-офицеръ не хотѣлъ отдать ихъ безъ росписки и проч.

— Уже, послушавъ этихъ молодцовъ, я самъ, уже, приказалъ адъютанту выдать имъ, уже, форменную росписку, а теперь лично хочу еще засвидѣтельствовать вамъ о подвигѣ вашихъ, уже, героевъ, — закончилъ князь. — На ваше представленіе, полковникъ, уже изъявляю согласіе,—обратился онъ къ Бреверну,—съ однимъ условіемъ, проставьте, уже, въ списокѣ не по старшинству чиновъ, а по заслугамъ, и, разумѣется, штабсъ-капитана Полторацкаго, уже, первымъ.

В. А. Полторацкій.

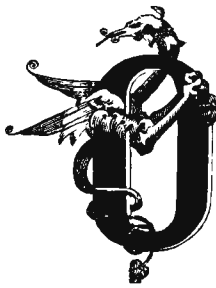
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГРАФЪ ЮАННЪ КАПОДИСТРІЯ, ПРЕЗИДЕНТЪ ГРЕЦІИ.

I.

ДНОВРЕМЕННО съ основаніемъ въ Константинополѣ въ 1204 году Латинской имперіи крестоносцами была завоевана Греція. Побѣдители раздѣлили ее на безчисленное множество леновъ, изъ которыхъ значительнѣйшими были герцогство Аѣинское и княжество Ахейское, или Морейское. На долю союзниковъ крестоносцевъ — венеціанцевъ, досталось побережье и острова Архипелага, гдѣ создались также многочисленныя самостоятельныя владѣнія. Непродолжительно было существованіе всѣхъ этихъ молодыхъ государствъ: частью они были покорены византійскими императорами, возстановившими въ 1261 году свою власть въ Константинополѣ, частью сдѣлались добычею турокъ, наводнившихъ Балканскій полуостровъ своими полчищами, исполненными воинственности и самой пламенной вѣры въ свое призваніе. Одинъ изъ полководцевъ Магомета II, Омеръ-паша, захватилъ Аѣины въ 1456 году, Эпиръ былъ завоеванъ въ 1467 году, вся Морея признала власть турокъ въ 1460 году. Одни венеціанцы боролись долѣе другихъ, но и тѣ въ 1573 году вынуждены были отказаться отъ всѣхъ своихъ притязаній на Грецію.

Съ этого времени вплоть до половины XVII столѣтія Греція жила тусклою жизнью покоренной страны.

Характеръ исключительности, усвоенный турками подъ вліяніемъ ислама, привелъ ихъ къ принципу отдѣльности отъ по-

ряемыхъ народовъ и тѣснѣ сплотилъ этихъ послѣднихъ въ одно тѣло. Организация Турецкой имперіи тѣмъ существенно отличается отъ организаціи европейскихъ государствъ, что подчиненные скипетру султана народы сопоставлены въ ней одинъ возлѣ другаго въ политической и религіозной отдѣльности. Тогда какъ въ Европѣ почти всѣ великія націи сформировались изъ смѣшенія племенъ, и политическія ихъ учрежденія выработались обще-національною жизнью, турецкое завоеваніе оставило всѣ противоположности, только матеріально превозмогло ихъ и набросило на нихъ покрывало порабощенія.

Вмѣсто того, чтобы постараться слить порабощенный народъ съ завоевателями, султаны поставили прежде всего неодолимую черту между мусульманами и христіанами. Христіане, въ свою очередь, съ смиреніемъ покорились своей участи и терпѣливо переносили чуждую власть, не требовавшую отъ нихъ ничего, кромѣ податей, и уважавшую ихъ религію и ихъ общинное устройство.

Каждая община управлялась выбраннымъ ею самою старшиною—к оджа-баши, на главной обязанности котораго лежала раскладка наложенной на всю общину подати между всѣми членами этой общины, сообразно платежнымъ способностямъ cadaго. Такъ дѣйствовали они не только по отношенію къ подушной подати (хараджъ), но и ко всѣмъ другимъ налогамъ, какъ, на примѣръ, десятинному, подымному, сбору натурою по поставкамъ для арміи или деньгами для поднесенія подарковъ властямъ. Наболѣе вліятельные изъ грековъ съ удовольствіемъ принимали на себя обязанности старшинъ и, сдѣлавшись признанными посредниками между мусульманскою властью и мѣстными христіанами, тѣмъ самымъ пріобрѣтали себѣ выдающееся положеніе, пользуясь имъ, однако, не всегда на пользу своихъ единовѣрцевъ. Не изъ этого класса людей, ревниво охранявшихъ свою власть, свое исключительное положеніе, должно было изойти стремленіе къ перемѣнѣ существовавшаго порядка, столь для нихъ лично выгоднаго.

Спасеніе и возрожденіе Греціи должно было выйти изъ нижнихъ слоевъ народа, въ средѣ котораго, подъ вліяніемъ пламенной вѣры и непрестаннаго дѣйствія духовенства, никогда не угасалъ окончательно огонекъ надежды на лучшія времена, когда можно будетъ сбросить съ себя иновѣрное иго. Какъ во времена латинскаго захвата вѣра помогла сплотить грековъ и, возстановивъ въ Византіи Греческую имперію, уничтожить папскіе замыслы на Константинополь и на поглощеніе православнаго востока, такъ точно вѣра послужила утѣшеніемъ райямъ, оградила ихъ національную самобытность и подготовила ихъ послѣдующую политическую независимость. Затѣмъ, огромную роль въ возрожденіи Греціи играла Россія.

Единство вѣры и историческія воспоминанія соединили русскій и греческій народы такою неразрывною связью, что греки при-

выкли съ незапамятныхъ временъ смотрѣть на великій сѣверный народъ, какъ на своихъ старшихъ братьевъ, готовыхъ при первомъ призывѣ оказывать имъ всевозможную помощь и покровительство. Сначала русскіе государи ограничивались отправленіемъ денежныхъ пособій православнымъ церквамъ и монастырямъ Турціи, а затѣмъ они начинаютъ оказывать покровительство и политическое; такъ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ прибыло въ Россію нѣсколько греческихъ семействъ, которымъ, по повелѣнію государя, были отведены земли въ Черниговской губерніи, въ окрестностяхъ Нѣжина; имъ было дозволено жить въ этомъ городѣ на особенныхъ правахъ, которыя постоянно расширялись послѣдующими государями.

Лишь въ срединѣ XVII столѣтія греки сдѣлали первыя попытки отвоевать себѣ независимость.

Петръ Великій первый объявилъ себя призваннымъ законами своей вѣры къ вмѣшательству въ отношенія Порты къ православнымъ ея подданнымъ и открыто выступилъ въ роли защитника православныхъ христіанъ Турціи.

Извѣстное сочувствіе императрицы Екатерины II къ грекамъ подало нѣкоторымъ уроженцамъ Пелопонеза мысль послать депутацію въ Петербургъ и просить у императрицы открытой вооруженной помощи противъ турокъ. Депутація прибыла въ Петербургъ въ 1768 году: слѣдствіемъ ея была экспедиція графа Орлова и возстаніе въ Мореѣ. Возстаніе было, однако, подавлено отчасти по винѣ самого населенія. Но и графъ Орловъ не сумѣлъ воспользоваться своею Чесменскою побѣдою и, послѣ безплодной крейсировки предъ Дарданеллами, покинулъ Архипелагъ, а Греція снова была наводнена мусульманскими шайками и сильно пострадала отъ ихъ неистовствъ.

Тѣмъ не менѣе въ царствованіе Екатерины надежды грековъ особенно окрылились; императрица воспитывала въ Россіи множество грековъ, во время своего путешествія въ Крымъ она говорила съ императоромъ Іосифомъ о скоромъ возстановленіи республикъ Спартанской и Аѳинской; внукъ ея, Константинъ, готовился быть императоромъ византійскимъ; любимую мечтою Потемкина было видѣть крестъ на св. Софіи, а на одной изъ триумфальныхъ арокъ въ Херсонѣ, во время проѣзда государыни, было написано: «дорога въ Византію».

Суліоты въ Албаніи также попытались было, по примѣру своихъ морейскихъ братьевъ, поднять знамя возстанія противъ Али-паши Янинскаго. Сначала дѣйствія ихъ были удачны; въ 1772 году они добились признанія своей независимости, но затѣмъ удача измѣнила имъ: они были покорены въ 1804 году, и вся Албанія и Эпиръ, отъ Дураццо до Артскаго залива, сдѣлались добычею Али-паши.

Отдѣльныя личности, которыя не могли выносить мусульманскаго владычества, уже съ давнихъ поръ привыкли бросать родину и скрываться въ ущельяхъ Пинда и Парнасса: ихъ называли клефтами, и хотя они занимались разбойничествомъ, но, тѣмъ не менѣе, пользовались сочувствіемъ мѣстнаго христіанскаго населенія, которое видѣло въ нихъ не простыхъ воровъ (точное значеніе слова клефтъ), а бойцевъ за народность, за вѣру противъ ненавистныхъ мусульманъ. Клефты эти такъ размножились, что для защиты страны отъ ихъ набѣговъ турецкое правительство вынуждено было учредить отряды изъ христіанъ, такъ называемые отряды арматоловъ. Это привлеченіе христіанъ къ вооруженной защитѣ своего края не могло не возвысить ихъ въ собственномъ мнѣніи, вдохнувъ въ нихъ убѣжденіе въ своей силѣ и, съ другой стороны, въ неспособности Порты справиться собственными средствами съ поднимавшими голову элементами смуты.

Свободолюбивые греки вообще не могли выносить безправія, выпадающаго на долю христіанской райи по самой сущности мусульманскаго государственнаго устройства, и постоянно лелѣяли мысль о неминувости своего будущаго освобожденія. Увѣренность ихъ въ томъ постоянно усиливалась подъ вліяніемъ Россіи, при каждой своей войнѣ съ султаномъ призывавшей грековъ въ свои войска и обѣщавшей имъ свое содѣйствіе къ достиженію независимости; и дѣйствительно, трактаты Кучукъ-Кайнарджійскій, Ясскій, Бухарестскій стремятся обезпечить за греками возможно большія права.

Французская революція тоже оказала долю своего вліянія на развитіе у грековъ сознанія о необходимости стряхнуть съ себя узы рабства.

Одинъ изъ клефтовъ, Рига, прославившійся между соотечественниками поэтическими своими произведеніями, полными патриотическихъ чувствъ, возбудившими грековъ проснуться отъ вѣковой апатіи и поднять оружіе противъ ненавистныхъ поработителей, употребилъ лучшіе годы своей жизни на подготовленіе греческаго возстанія; онъ составилъ тайное общество, имѣвшее цѣлью соединеніе разрозненныхъ грековъ, и вступилъ въ сношенія съ народными дѣятелями Италіи, Константинополя и Греціи. Считая свой заговоръ достаточно созрѣвшимъ, Рига отправился въ Вѣну, чтобы отсюда пробраться въ Турцію и поднять возстаніе. Но австрійцы выдали поэта туркамъ, которые и разстрѣляли его. Рига палъ въ 1798 году подъ турецкими пулями со словами: «сѣмя брошено, наступитъ время, когда моя нація пожнетъ обильные плоды!».

Второе тайное общество было устроено греческими эмигрантами въ сѣверной Италіи и задалось болѣе широкими цѣлями: они задумали въ 1806 году возбудить возстаніе всѣхъ христіанъ Европейской Турціи, дабы общими дѣйствіями добиться изгнанія турокъ

изъ Европы и образованія конфедераціи отдѣльныхъ автономныхъ народностей не только Европейской Турціи, но и Малой Азіи. Они рассчитывали на помощь Наполеона, который въ 1813 году собирался, въ самомъ дѣлѣ, передать обществу для цѣлей возстанія 25.000 ружей. Паденіе французскаго императора разстроило весь этотъ планъ.

Всѣ эти неудачи первыхъ попытокъ привели грековъ къ мысли, что освобожденіе Греціи должно быть произведено однѣми народными силами и совершенно независимо отъ вмѣшательства въ ихъ пользу какой либо державы.

Бывшій господарь валашскій, Константинъ Ипсианти, на смертномъ одрѣ своемъ говорилъ: «не забывайте никогда, что греки для освобожденія своего должны полагаться исключительно на самихъ себя».

Своимъ возрожденіемъ Греція также во многомъ обязана богатымъ жителямъ острововъ и приморскихъ городовъ, обратившимъ всѣ свои способности на занятіе торговлею и сумѣвшимъ выступить въ роли естественныхъ посредниковъ между торговлею Турціи и западныхъ державъ. Пользуясь тѣмъ, что великая борьба между Франціею и Англіею предоставила имъ, подъ охраною турецкаго флага, право почти исключительной торговли въ Средиземномъ морѣ, они такъ развили свои коммерческія операціи и такъ разбогатѣли, что, напримѣръ, въ 1815 году у нихъ было уже 600 судовъ съ 30.000 экипажа. Этотъ вновь созданный классъ арматоровъ и негодантовъ, какъ болѣе образованный и проникнутый преданіями старины, возымѣлъ мысль возродить отечество путемъ распространенія образованія: своихъ дѣтей они стали посылать учиться за границу, стали открывать школы не только на островахъ, но и въ Малой Азіи и въ самомъ Константинополѣ. Представителями и выразителями новаго направленія явились многочисленныя литературныя общества, не замедлившія обратиться въ чисто политическія, задачею которыхъ было возбуждать духъ древняго эллинизма и собирать силы къ тому времени, когда пробьетъ часъ борьбы.

Впрочемъ, по словамъ барона Прокешъ-Остена, первая мысль о приготовленіи грековъ къ борьбѣ за независимость посредствомъ предварительнаго воспитанія греческаго юношества принадлежала господарю Валахіи, Александру Маврокордато, который въ 1784 году удалился въ Россію¹⁾.

Самыми вліятельными изъ греческихъ обществъ—гетерій (отъ греческаго *ἑταίρια*), были два: первое—гетерія Филомузъ (друзей музъ), основанное въ Вѣнѣ графомъ Каподистрія съ цѣлями филантропическими: оно должно было распространять въ Греціи свѣтъ

¹⁾ Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkischen Reiche im Jahre 1821, I, 7.

просвѣщенія, учреждать тамъ школы, поддерживать церкви и ихъ служителей, розыскивать и предохранять отъ разрушенія памятники историческаго прошлаго. Въ короткое время общество это насчитывало болѣе 80.000 членовъ, между которыми были и государи, а равно и министры, и ученые разныхъ странъ, увлеченные мыслью оказать помощь классической странѣ, колыбели европейской образованности, и тѣмъ хотя отчасти уплатить долгъ благодарности. Обществомъ собраны были очень значительныя суммы, которыя хранились въ Мюнхенѣ.

Второе общество—*φιλική ἑταιρεία*, которое попреимуществу извѣстно подъ именемъ гетеріи, было учрежденіемъ тайнымъ и политическимъ, какъ бы продолжателемъ такого же общества, составленнаго поэтомъ Рига. Гетерія была основана въ 1814 году въ Одессѣ однимъ приказчикомъ купеческой конторы, Николаемъ Скуфа, уроженцемъ Арты, и его единомышленникомъ Аванасіемъ Цакаловымъ изъ Янины и Панаіотомъ Анагностопуло изъ Андрицены. Цѣлью гетеріи было произвести возстаніе всѣхъ подвластныхъ Турціи православныхъ христіанъ безъ исключенія, какой бы то ни было народности. Всѣ члены общества были раздѣлены на восемь степеней: побратимы, порученные, іереи, пастыри, архипастыри, посвященные, начальники посвященныхъ, и, наконецъ, восьмую степень составляла тайная высшая власть, имя ея сохранялось втайнѣ, но вновь поступающимъ намекали, что это былъ самъ императоръ Александръ I. Центромъ гетеріи была сначала Одесса, но затѣмъ онъ былъ перенесенъ въ Кишиневъ. Вскорѣ эта гетерія слилась съ обществомъ друзей музъ и быстро распространилась по всей Греціи. Тайные агенты ея наполнили всѣ области Европейской Турціи и, начиная съ 1817 года, почти всѣ клѣфты Пинда, морейскіе майноты, негодіанты и моряки острововъ и побережья принадлежали къ составу гетеріи, причемъ робкихъ и колеблющихся увлекала мысль, что дѣло гетеріи стоитъ подъ прямымъ покровительствомъ могущественнаго православнаго монарха и имѣетъ предстателя предъ русскимъ государемъ въ лицѣ грека—графа Каподистрии, занимавшаго тогда уже вліятельное положеніе. Около того времени Кара Георгій скрылся изъ Кіева и направился въ Сербію, чтобы поднять тамъ возстаніе. Рѣшено было, что пока вниманіе и силы турокъ будутъ отвлечены событіями въ Сербіи, вся Греція поднимется, а гетеристы начнутъ наступленіе изъ Дунайскихъ княжествъ. Слѣдствіемъ такихъ совокупныхъ дѣйствій явится то, что турки будутъ отброшены въ Азію, и на куполѣ св. Софіи засіяетъ крестъ. Но едва Кара Георгій показался на Сербской землѣ, какъ былъ убитъ эмиссарами Милоша, и всѣ расчеты гетеристовъ рушились.

Въ эпоху двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда революціонныя идеи находили себѣ благодарную почву почти во всѣхъ

европейскихъ государствахъ и повсюду носился духъ свободы, пропаганда гетеристовъ приняла наибольшіе размѣры, тѣмъ болѣе, что и тогдашнее экономическое положеніе крестьянскаго населенія Греціи, подѣ влияніемъ усилившихся преслѣдованій турокъ, было очень тяжелое. Налоги возросли до того, что христіане должны были платить правительству почти $\frac{3}{5}$ своихъ доходовъ¹⁾. Война же Порты противъ Али-паши Янинскаго лишь дала тотъ толчокъ, который ускорилъ всѣ послѣдующія событія.

Въ виду значенія Али-паши въ дѣлѣ борьбы грековъ за независимость будетъ уместно сказать нѣсколько словъ объ этой, во всякомъ случаѣ, замѣчательной личности, представляющей не лишенный величія образъ восточнаго разбойника, кровожаднаго, вѣроломнаго, не имѣющаго ничего святаго, и которому, быть можетъ, одинъ слѣпой случай помѣшалъ сдѣлаться для Эпира и Албаніи тѣмъ, чѣмъ почти одновременно съ нимъ сдѣлался Мехметъ-Али для Египта.

Отецъ Али, албанецъ Велибей, былъ выгнанъ своими родными братьями изъ своего родоваго гнѣзда, мѣстечка Тепелена, и сдѣлался разбойникомъ. По смерти его, вдова продолжала его ремесло; не мудрено, что и восемнадцатилѣтній сынъ ихъ сдѣлался такимъ же разбойникомъ. Дабы выдвинуться впередъ, онъ задумалъ выступить въ роли вѣрнѣйшаго слуги Порты. Послѣ возстанія 1770 года множество албанскихъ беевъ отложились отъ султана, дороги были полны разбойниковъ, правительство не имѣло ни вліянія, ни власти. Али предложилъ Портѣ водворить въ Эпирѣ порядокъ, въ чемъ и успѣлъ, благодаря своему коварству, рѣшительности и искуснымъ мѣрамъ. Въ награду онъ получилъ въ управленіе Янинскій пашалыкъ. Исправно уплачивая Портѣ всѣ подати, онъ одинаково уваживалъ и за христіанами, и за мусульманами. Въ 1797 году онъ храбро дрался противъ французовъ, захватившихъ прежнія приморскія владѣнія венеціанцевъ. Въ 1802 году Порта поручила ему уничтожить суліотовъ, которые мужественно боролись съ 1770 года за свою вѣру и независимость. Али окружилъ со всѣхъ сторонъ горы, въ которыхъ защищались суліоты. Какой-то измѣнникъ открылъ ему путь черезъ одно ущелье, и суліоты вынуждены были сдаться. По условіямъ капитуляціи христіане могли покинуть родныя горы съ оружіемъ въ рукахъ и могли увезти все свое имущество. Но лишь только суліоты двинулись въ путь, Али-паша напалъ на нихъ, и началась страшная рѣзня. Христіанки, чтобы спастись отъ преслѣдователей, бросались въ пропасти или въ Ахеронъ; лишь горсти суліотовъ удалось пробиться и добраться до Ионическихъ острововъ. Отчаянное сопротивленіе суліотовъ произ-

¹⁾ Историческій очеркъ народной войны за независимость Греціи, Палеолога и Сивиниса, 2.

вело повсюду огромное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что горцы эти выставили крестъ, какъ эмблему свободы, и во имя его боролись съ невѣрными съ такою изступленною храбростью, привлекая къ нимъ сочувствіе не только всѣхъ христіанскихъ подданныхъ Порты, но и многихъ лицъ за предѣлами Турціи.

Затѣмъ, Али-паша, во главѣ восьмидесятитысячнаго войска, очистилъ Македонію и Фракію отъ разбойниковъ—кирджаліевъ. Наложеною на всѣ города контрибуціею Али увеличилъ и безъ того уже несмѣтное свое богатство. Зная, что Порта завидуетъ его успѣхамъ и подозрѣваетъ въ намѣреніи объявить себя независимымъ, онъ распустилъ свою армію и вернулся въ Эпиръ, гдѣ, умертвивъ всѣхъ беевъ и всѣхъ наиболѣе выдающихся мѣстныхъ жителей, сдѣлался полновластнымъ владыкой.

Почувствовавъ себя достаточно могущественнымъ, Али-паша пересталъ тратить огромныя суммы на подкупы турецкихъ сановниковъ въ Константинополѣ, отчего изъ друзей они всѣ превратились въ его отъявленныхъ враговъ; въ то же время онъ отказывалъ Портѣ въ требованіяхъ присылки войска и податей, казнями заглушая ропотъ мѣстнаго населенія, изнемогавшаго подъ тяжестью всевозможныхъ налоговъ. Въ своемъ замкѣ, въ Янинѣ, Али-паша, набравъ сто пятьдесятъ милліоновъ франковъ наличными деньгами и окруживъ себя преданными войсками, казался, презиралъ волю султана. Махмудъ, въ молчаніи работавшій надъ восстановленіемъ своей власти, нашель, что приспѣло время смирить Али-пашу, и, объявивъ его опальнымъ, вызвалъ эпирскаго владѣтеля къ отвѣту въ Константинополь. Напрасно тогда Али-паша старался обезпечить за собою поддержку Англии, которая постоянно ему до тѣхъ поръ благопріятствовала. Потерпѣвъ неудачу, онъ задумалъ, какъ полагаютъ, отчасти подъ вліяніемъ совѣтовъ одного изъ греческихъ патріотовъ, Паппаригопуло, создать себѣ союзниковъ въ средѣ того самаго населенія, которое дотолѣ онъ такъ притѣснялъ; такимъ образомъ его собственное дѣло оказалось въ зависимости отъ успѣшности греческихъ попытокъ къ ниспроверженію султанской власти.

Порта, между тѣмъ, сдѣлала большія приготовленія, чтобы смирить мятежнаго пашу. Флотъ былъ отправленъ къ Паргѣ, чтобы захватить сначала ее, а потомъ Превезу; въ то же время двадцатитысячная армія была послана для осады Янины. При видѣ такой опасности Али-паша призвалъ на свою защиту клефтовъ и даже суліотовъ, выставя себя на этотъ разъ уже защитникомъ независимости грековъ, и, увлеченные его словомъ, эти послѣдніе рѣшили возстать. Рѣшеніе оказывать другъ другу взаимную помощь было подкрѣплено торжественными клятвами, причемъ Али-паша клялся надъ евангеліемъ, а христіане надъ кораномъ. Для гетеріи янинскій паша былъ орудіемъ возстанія, для паши—гетерія была

орудіемъ сопротивленія; ихъ обоихъ соединяла лишь общая цѣль уничтожить надъ собою владычество султана. Эмиссары гетеріи и Али-паши объѣзжали всю Грецію, призывая народъ къ оружію.

Знамя возстанія 1821 года поднято было прежде всего въ Калавритѣ 18-го марта нѣкимъ Ассимаки Заими; примѣру его не замедлили послѣдовать братья Деліани въ Каритенѣ (21-го марта), Андрей Лонто въ Эгіи (23-го марта) и, наконецъ, 25-го марта архіепископъ Германъ въ Патрасѣ, громогласно провозгласившій, что отнынѣ начинается царство креста ¹⁾; съ самаго начала 1.500 грековъ становятся подъ священное знамя. Турки, изгнанные изъ внутренности страны, сосредоточиваются въ Лепанто. Десятитысячная армія грековъ осаждаетъ Патрасскую цитадель, но Юсуфъ, паша сересскій, разбиваетъ ихъ на голову, причемъ умерщвляетъ нѣсколько тысячъ христіанъ. Не смотря на эту катастрофу, Майна, Аркадія, Мессенія и Беотія присоединяются къ движенію, а Патрасская рѣзня отмщается при взятіи Ливадіи, когда греки избиваютъ двѣ тысячи турокъ.

Главою гетеріи въ то время былъ сынъ валашскаго господаря Константина Ипсиланти, генераль русской службы Александръ Ипсиланти, все свое состояніе пожертвовавшій на дѣло освобожденія Греціи. Получивъ свѣдѣнія о возстаніи въ Мореѣ, онъ рѣшился тотчасъ же приступить къ военнымъ дѣйствіямъ противъ турокъ. Ранѣе перехода черезъ Прутъ онъ разсылаетъ приказъ по всѣмъ отдѣленіямъ гетеріи взяться за оружіе, а самъ во главѣ гетеристовъ вступаетъ въ Яссы и обнародываетъ прокламацію, въ которой говоритъ: «Эллины! часъ пробилъ, настало время сбросить съ себя иго. Повсюду наши братья и друзья готовы намъ помочь: сербы, суліоты, весь Эпиръ возстали и зовутъ насъ. Впередъ, эллины, впередъ! и мы увидимъ, что могущественная держава станетъ защищать наши права». Господарь Молдавіи, Сутцо, присоединяется къ движенію, и Ипсиланти переходитъ въ Валахію.

При всей своей испытанной храбрости, Ипсиланти былъ лишень качества, необходимыхъ для того, чтобы руководить сколько нибудь важнымъ, самостоятельнымъ движеніемъ: у него не было для того ни достаточно присутствія духа и рѣшительности, ни необходимаго такта. Съ боярами онъ обращался крайне надменно, не сумѣлъ сблизиться съ тремя самыми талантливыми изъ предводителей возставшихъ—Владиміреско, Саввасомъ и Георгаки. Онъ не организовывалъ имѣвшихся у него вооруженныхъ силъ, произвольно захватывалъ капиталы у мѣстныхъ банкировъ; неумѣлыми распоряженіями онъ только раздражилъ все мѣстное населеніе, дисциплина пала, и повсюду воцарилась анархія. Но главный ударъ по-

¹⁾ Исторія вмѣшательства Россіи, Англій и Франціи въ войну за независимость Греціи, Палеолога и Сивингса, VIII.

пыткѣ Ипсиланти былъ нанесенъ положеніемъ, занятымъ Россією, а именно Россія высказала официально свое порицаніе возстанію, вслѣдствіе чего отъ дѣла Ипсиланти отпали всѣ тѣ, которые при-
выкли слѣдовать указаніямъ сѣверныхъ братьевъ и которые убѣ-
дились въ лживости увѣреній гетеристовъ, такъ упорно утверждав-
шихъ, что за спиною ихъ стоитъ Россія.

Тогдашняя эпоха была временемъ, когда политическая реакція находилась въ полномъ развитіи. Государственные люди Европы были убѣждены, что вопросы о національности и свободѣ способны породить всѣ тѣ революціонныя смуты, которыми волновался Западъ втеченіе цѣлой четверти столѣтія: возстанія въ Испаніи, Португаліи, Неаполѣ, Пьемонтѣ возбудили опасенія между государями, собравшимися тогда въ Лайбахѣ для обсужденія энергическихъ мѣръ, которыя они считали необходимыми принять противъ этого всеобщаго бѣдствія.

Легко представить себѣ, въ какое затруднительное положеніе былъ поставленъ императоръ Александръ извѣстіемъ о происшедшемъ тогда возстаніи грековъ: вѣковая политика Россіи, поставившая своею историческою задачею поддержать нашихъ единовѣрцевъ на Востокѣ, заставляла его отнестись съ благосклонностью къ попыткѣ христіанъ стряхнуть съ себя путы, наложенныя мусульманскими завоевателями, къ тому же побуждало его врожденное благородство чувствъ и все полученное имъ воспитаніе, заставлявшее ненавидѣть деспотизмъ, стремиться помогать слабымъ и смотрѣть съ сочувствіемъ на героическія усилія грековъ отвоевать себѣ снова свою былую независимость подъ сѣнію православнаго креста. Но естественному ходу вещей, помимо свойственной Александру нерѣшительности, помѣшали прежде всего австрійскія интриги.

Меттерниху удалось воспользоваться европейскою точкою зрѣнія, на которой стояла тогда Россія, чтобы обморочить ее, заставляя ее видѣть демократическую революцію въ священномъ возстаніи грековъ. Этимъ путемъ удалось австрійскому министру вырвать изъ рукъ Россіи честь сдѣлаться единственною помощницею и участницею въ борьбѣ ея единовѣрцевъ. Эту славу раздѣлили съ нею другіе лицемѣрные друзья грековъ, эксплуатировавъ что можно было изъ полезныхъ результатовъ народной борьбы.

Въ ту минуту, когда Александръ еще колебался, переходя согласно сущности своего характера отъ одного рѣшенія къ другому, Меттерниху удалось убѣдить его, что будто Ипсиланти состоитъ въ тайной перепискѣ съ французскими либералами, неаполитанскими карбонаріями, испанскими конституціоналистами. Слѣдствіемъ было, что Россія отступилась отъ Ипсиланти, исключивъ его изъ русской службы, а дѣло возстанія въ Дунайскихъ княжествахъ, предоставленное одвѣмъ своимъ собственнымъ силамъ, было проиграно.

Разбитый на голову близъ монастыря Драгошанъ, неподалеку отъ Крайовы, Ипсиланти вынужденъ былъ искать убѣжища на австрійской территоріи и былъ въ іюнѣ 1821 года засаженъ австрійцами въ Мункачскую крѣпость. Турки заняли Бухарестъ и всю Валахію. Послѣдній отрядъ гетеристовъ въ Молдавіи отважно бился противъ турокъ при Скулянахъ, но не этой горсти храбрецовъ было спасти Молдавію, которая и перешла во власть турокъ.

Что касается до Порты, то она была заранѣе освѣдомлена о готовившихся событіяхъ. Какой-то грекъ, по имени Ассимаки, сообщил ей письменные документы, касавшіеся существованія заговора гетеристовъ ¹⁾, но, не смотря на то, турецкое правительство отказывалось придавать этому важность—оно не вѣрило въ возможность возстанія грековъ собственными силами въ то время, когда ничто не предвѣщало войны съ Россіею.

Военныя дѣйствія отряда Ипсиланти открыли Портѣ глаза на размѣръ дѣйствительной опасности. Въ самомъ Константинополѣ мѣстные гетеристы попытались поднять матросовъ греческихъ судовъ, стоявшихъ тамъ въ гавани на якорѣ ²⁾, но попытка эта не удалась.

Подъ вліяніемъ страха, вызваннаго всѣми этими происшествіями, въ связи съ развитіемъ возстанія въ Моревѣ, Порта рѣшается обезоружить всѣхъ грековъ, умертвить тѣхъ, кто сталъ бы противиться этому распоряженію. Множество греческихъ семействъ хотя въ то время скрылись изъ Константинополя, но большинство изъ нихъ погибаютъ жертвою янычаръ. Церкви повсюду разрушаются, патріархъ Григорій, обвиненный въ сочувствіи къ возставшимъ, повѣшенъ на воротахъ патріархіи; тѣло его отдано, затѣмъ, на поруганіе евреямъ, которые, протаскавъ его нѣсколько времени по улицамъ христіанскихъ кварталовъ, бросаютъ его въ Золотой Рогъ. Три архіепископа, 80 епископовъ и архимандритовъ подвергаются такой же казни.

Вѣсть объ этихъ жестокостяхъ содѣйствовала распространенію возстанія по всей Греціи и островамъ: греческіе богачи въ порывѣ энтузіазма слѣдуютъ примѣру Кундуріотти, отдавшаго все свое огромное состояніе въ пользу отчизны, и жертвуютъ на общее дѣло громадныя суммы. Греческія суда нападаютъ на турецкія и неистово мстятъ за насилія мусульманъ.

Вообще казнь патріарха дала поводъ къ страшнымъ возмездіямъ во всѣхъ возставшихъ областяхъ, сообщила борьбѣ характеръ опустошительныхъ религіозныхъ войнъ, уничтожила всякую мысль о возможности примиренія и вызвала сочувствіе къ грекамъ всего христіанскаго міра. Русскій посланникъ въ Царьградѣ, баронъ

¹⁾ Борьба Греціи за независимость, Θεοκτοπστοва. 32.

²⁾ La Grèce et ses insurrections, par Texier. 22.

Строгановъ, послѣшилъ выразить Портѣ, до какой степени былъ онъ возмущенъ казнью патріарха и лицъ высшаго греческаго духовенства; въ то же время онъ вступилъ въ переговоры съ австрійскимъ интервунціемъ, графомъ Лютцовомъ, насчетъ того, не будетъ ли прилично дипломатическому корпусу заявить туркамъ сообща свое неудовольствіе. Мѣра эта, однако, не могла быть осуществлена, потому что англійскій посланникъ, лордъ Странгфордъ, категорически отказался участвовать въ ней. Тогда Строгановъ обратился къ Портѣ съ нотой, требуя прекращенія кровопролитія и грозя въ противномъ случаѣ отъѣздомъ. Турки не смутились; скоро присланъ былъ имъ и русскій ультиматумъ, въ которомъ рѣшительнымъ тономъ требовалось отъ султана прекращеніе религіознаго преслѣдованія, такъ какъ, воздвигая гоненіе на христіанъ, Турція становится въ открытую вражду съ христіанскими державами, узаконяетъ возстаніе грековъ и принудить Россію даровать имъ убѣжище и помощь. Такъ какъ въ восьмидневный срокъ ствѣта на ультиматумъ не было доставлено, то Строгановъ выѣхалъ изъ Константинополя.

Внутренность Мореи тѣмъ временемъ перешла во власть возставшихъ: мусульмане повсюду скрывались въ крѣпостяхъ. Братъ Ипсиланти, Дмитрій, пробрался въ Морею: принятый съ восторгомъ, онъ объявленъ главою возставшихъ. Аркадія, Наваринъ, Триполица взяты, и мусульмане избиваются самымъ безопаснымъ образомъ. Но внутренніе раздоры губили возстаніе. Современные греки остались такими же неуживчивыми и также враждовали другъ съ другомъ, какъ и предки ихъ во времена Ахейской лиги. Соперничество существовало не только между вождами, но и между областями — инсургенты континентальной Греціи, Мореи и острововъ смотрѣли другъ на друга непріязненно и отказывались отъ совмѣстныхъ дѣйствій; только въ критическія минуты отдѣльные отряды проникались единодушіемъ, но и то на короткое время: каждая шайка хотѣла дѣйствовать по-своему, отдаваясь по преимуществу грабежу или личному мщенію. Лишь одни острова, изъ которыхъ Гидра, Спеція, Псара, Касось имѣли до 350 судовъ съ 12.000 матросовъ, и приморскіе города искренно желали возстановленія отечества и настаивали на необходимости одной центральной власти для всей Греціи, вмѣсто трехъ отдѣльныхъ сенатовъ, дѣйствовавшихъ тогда въ различныхъ мѣстностяхъ Греціи. Наконецъ, 1-го января 1822 года состоялось въ Эпидаврѣ собраніе народныхъ представителей и военачальниковъ, которому 13-го января 1822 года и удалось образовать правительство, состоявшее изъ законодательнаго собранія, подъ предсѣдательствомъ Ипсиланти, и исполнительнаго совѣта изъ пяти членовъ, во главѣ котораго былъ поставленъ князь Александръ Маврокордато, получившій званіе «президента Греціи». Это раздѣленіе власти не прекратило домо-

гательствъ различныхъ партій: особенно грустную роль при этомъ, какъ и во все время возстанія, игралъ вліятельный классъ старшинъ (коджа-баши), который если и прилагалъ усилія къ низверженію турецкаго господства, то лишь для того, чтобы вмѣсто турокъ основать въ Греціи олигархію и захватить въ свои руки всю власть, пользуясь ею въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Маврокордато употребилъ всѣ свои силы на попытки водворить въ странѣ законное правительство и нѣкоторое единство администраціи. Онъ не достигъ цѣли, и періодъ его управленія былъ ознаменованъ большими бѣдствіями. Маврокордато былъ несчастливъ въ своихъ предпріятіяхъ; рядъ пораженій, понесенныхъ во время командованія имъ арміею, погубилъ его навсегда во мнѣніи военныхъ, въ которыхъ тогдашняя Греція нуждалась болѣе всего.

Послѣ смерти Али-паши Янинскаго, погибшаго 5-го февраля 1822 года жертвою измѣны, Порта могла всѣ собранныя у Янины войска обратить противъ возставшихъ. Турки наводнили Грецію. Островъ Хіосъ, хотя и отказавшійся присоединиться къ возстанію, былъ турками разграбленъ, а населеніе вырѣзано. Жители искали себѣ убѣжища въ монастыряхъ, но эти послѣдніе были зажжены, и пламя пожрало нѣсколько тысячъ человѣкъ; дома въ городѣ были разрушены до основанія; не были пощажены и больные, лежавшіе въ госпиталяхъ, младенцамъ раздробляли головы объ стѣны. Считаютъ, что двадцать три тысячи жителей погибло отъ меча фанатиковъ, сорокъ семь тысячъ обращено въ рабство и только пять тысячъ успѣли спастись бѣгствомъ. Иностранцы, бывшіе тамъ въ ту пору, рассказываютъ, что нѣсколько дней сряду улицы обгадрились кровью, трупы лежали кучами безъ погребенія, заражая воздухъ.

Крикъ ужаса пронесся по Европѣ при полученіи извѣстія о Хіосской рѣзнѣ. Отмщеніемъ грековъ явились подвиги Канариса, Пепиноса, Міаулиса и Кириюкоса, которые храбро нападали на турецкій флотъ, пожгли множество судовъ, при чемъ турки гибли тысячами. Между прочимъ, въ самомъ Хіосѣ Канарисъ сжегъ адмиральскій корабль: весь турецкій флотъ, объятый паническимъ страхомъ, поспѣшилъ укрыться въ Дарданеллы.

Вслѣдствіе пораженія подъ Петой (16-го іюля 1822 года) окончательно пала политическая и военная репутація Маврокордато, и послѣ взятія турками Коринѳа онъ сложилъ съ себя обязанности президента; въ странѣ не стало почти никакого административнаго порядка. Анархія воцарилась повсемѣстно.

Къ концу года счастье улыбулось грекамъ: Навплия сдалась и сдѣлалась столицею Эллады, двадцатитысячная турецкая армія была оттѣснена въ Тессалію, другая армія разбита у Карпеницы. Изъ-за недостатка въ провіантѣ турки должны были отступить изъ Целопонеза. Такъ окончилась Морейская экспедиція, не оправдавъ надеждъ султана и не сокрушивъ возстанія.

Тѣмъ не менѣ греки продолжали звать о помощи къ своимъ христіанскимъ братьямъ: они просили Европу помочь имъ не только во имя креста, начертаннаго на хоругвяхъ возставшихъ, но и во имя того свѣта просвѣщенія, который нѣкогда принесли предки ихъ на Западъ. Въ то время въ Веронѣ засѣдалъ конгрессъ государей; греки послали туда свою депутацію, во главѣ которой находился графъ Андрей Метакса.

Напитанная идеями священнаго союза, считавшаго всякую попытку къ народной самобытности за преступленіе противъ принциповъ союза, официальная Европа относилась къ борьбѣ грековъ съ недоброжелательствомъ, а потому съѣхавшіеся въ Верону государи отказались принять греческую депутацію, считая ее за представительницу революціонеровъ. Но въ то же время иностранная дипломатія и въ особенности Меттернихъ отдавали себѣ ясный отчетъ во всей неестественности роли, которую Россія вынуждена была играть, чтобы не дѣлать диссонанса въ европейскомъ концертѣ, и страшились, какъ бы не лопнула сама собою слишкомъ натянутая струна, а потому пуще всего старались предотвратить опасность войны между Россією и Турціей изъ-за Греціи. Въ Веронѣ послѣ долгихъ переговоровъ было рѣшено, что Россія соглашается возобновить дипломатическія сношенія съ турецкимъ правительствомъ, если Порта вступитъ съ нею въ прямые переговоры касательно того, какимъ образомъ думаетъ она обезпечить за греками на будущее время пользованіе правами политическими и религіозными, или если «цѣлый рядъ дѣйствій съ ея стороны докажетъ несомнѣнно, что она готова удовлетворить въ этомъ смыслѣ справедливыя требованія христіанскихъ правительствъ».

Обстоятельства, однако, скоро измѣнились въ противоположность предвидѣніямъ князя Меттерниха.

Если европейскіе государи сурово отталкивали отъ себя грековъ, то общественное мнѣніе народовъ высказывалось все съ болѣею силою въ пользу угнетаемыхъ христіанъ: во Франціи, въ Германіи, въ Англіи образовались общества филэллиновъ, которыя путемъ подписокъ собирали значительныя суммы, пересылавшіяся грекамъ, вмѣстѣ съ оружіемъ и военными припасами; кромѣ того, на защиту ихъ двинулись ряды добровольцевъ, среди которыхъ были Байронъ, полковникъ Фабье, графъ Роза и другіе.

Въ Англіи завѣдываніе вѣшними дѣлами перешло къ Каннингу, вступленіе котораго въ должность привѣтствуемо было въ газетахъ, какъ «начало новой зари на мрачномъ горизонтѣ борящейся и покинутой Греціи». Каннингъ не скрывалъ сочувствія своего къ судьбѣ инсургентовъ; онъ зналъ, что общественное мнѣніе Англіи поддержитъ его. Со времени назначенія Каннинга вліяніе англійскаго правительства въ Греціи возросло непрерывно тѣмъ болѣе, что уже съ 1822 года въ Морѣе образовалось сильная партія, намѣре-

вавшаяся подчинить свое отечество англійскому протекторату, какъ единственному средству освободиться отъ турокъ. Можно было опасаться, что вліяніе это восторжествуетъ надъ всѣми остальными. Императоръ Александръ, конечно, не могъ равнодушно смотрѣть на геройскую борьбу своихъ видимо изнемогавшихъ единовѣрцевъ, не могъ допустить, чтобы Греція, еще недавно возлагавшая на него свои лучшія надежды, обратилась теперь исключительно къ Англій, тѣмъ болѣе, что съ другой стороны сама Россія имѣла основаніе быть недовольною образомъ дѣйствій султана; такъ, она жаловалась, что при очищеніи Дунайскихъ княжествъ Порты уклонилась отъ точнаго смысла трактатовъ, а въ Черномъ морѣ нанесли ударъ русской торговлѣ требованіемъ строгаго осмотра русскихъ судовъ, причѣмъ нѣкоторые суда были даже захвачены подъ предлогомъ, что грузъ ихъ предназначался для инсургентовъ. Результатомъ всего этого были русскія предложенія 1824 года, а именно императоръ Александръ предложилъ европейскимъ державамъ «изыскать средства къ огражденію христіанскихъ подданныхъ Порты отъ насилій, дабы не ставить Россіи въ необходимость силою оружія добиваться отъ Порты осуществленія условій, къ требованію которыхъ Россія побуждается чувствомъ чести, человѣколюбія и основаннымъ на трактатахъ правомъ покровительства христіанской религіи». Въ то же время русское правительство отправило великимъ державамъ предложеніе устроить судьбу Греціи на слѣдующихъ основаніяхъ. Греція образуетъ три отдѣльных княжества, находящіяся подъ протекторатомъ четырехъ союзныхъ державъ: 1) Восточное, состоящее изъ Фессаліи, Беотіи и Аттики, 2) Западное изъ Эпира и Акарнаніи и 3) Южное изъ Пелопонеза и Кандіи. Княжества эти будутъ пользоваться такими же правами, какъ и Дунайскія, платя Портѣ ежегодную дань. Архипелажскіе же острова будутъ пользоваться прежними муниципальными правами. вмѣстѣ съ этимъ Россія пригласила великія державы назначить уполномоченныхъ для обсужденія въ Петербургѣ предложеннаго проекта на общей конференціи.

Узнавъ о вышеприведенныхъ предложеніяхъ, греки препроводили въ Лондонъ свой протестъ, прося покровительства Англій противъ навязываемыхъ имъ Европой мнимыхъ благодѣяній. Въ виду этого протеста англійскому спеціальному уполномоченному по греческимъ дѣламъ въ Петербургѣ, сэру Стратфорду Каннингу, предписано было не принимать никакого участія въ петербургскихъ конференціяхъ. Благодаря вообще неискренности союзниковъ, конференція не удалась. Въ свою очередь и Турція на предъявленные не совокупною нотой, какъ того требовала Россія, а каждымъ посланникомъ порознь, сообщенія объявила, что не можетъ допустить никакого посторонняго вмѣшательства въ свои внутреннія дѣла и

отказывается вести переговоры до тѣхъ поръ, пока возстаніе не будетъ подавлено.

Такимъ образомъ разстроилась первая попытка великихъ державъ вмѣшаться въ дѣла Греціи, — попытка, не возобновлявшаяся во все царствованіе императора Александра I. Неудовольствіе Россіи выразилось въ циркулярѣ 18-го августа, разосланномъ графомъ Нессельроде ко всѣмъ европейскимъ дворамъ и извѣщавшемъ ихъ, что отнынѣ Россія намѣрена дѣйствовать совершенно самостоятельно, соображаясь только съ своими интересами и правами.

Въ самой Греціи, между тѣмъ, лишь только Маврокордато покинулъ свою должность, какъ начались снова распри между центральной и мѣстными властями, гражданскими чиновниками и предводителями войскъ, вообще между различными лицами, честолюбіе которыхъ не насыщалось никакими почестями, никакимъ вліяніемъ. Національное собраніе, созванное въ Астросѣ, назначило новыхъ членовъ исполнительной власти: во главѣ былъ поставленъ, въ качествѣ президента, Георгій Кундуріотти, а товарищами его были Ботасси, Колетти, Лондосъ и Спиліотаки.

Кундуріотти отличался нерѣшительностью. Ни онъ, ни его главный помощникъ, Колетти, не оправдали надеждъ, возлагавшихся на нихъ народомъ, обнаруживъ полную неспособность въ военныхъ дѣйствіяхъ 1824 и 1825 годовъ, когда они не сумѣли воспользоваться самыми благопріятными обстоятельствами. Внутренніе раздоры также не прекращались; при самомъ своемъ избраніи Георгію Кундуріотти пришлось три раза вступать въ сраженіе съ пелопонезскою партією, чтобы заставить ее признать его власть, и лишь силою добился онъ перевода сената въ Навплию.

Но и турки были утомлены этою борьбою, въ которой исчезали одна за другою всѣ посылаемыя туда ихъ арміи. Истощивъ постоянными наборами всѣ лучшія силы Турціи, Махмудъ рѣшился просить помощи у паши египетскаго. Мехмедъ-Али не заставилъ себя долго ждать: результаты оказываемой имъ султану услуги представлялись ему слишкомъ заманчивыми, такъ отвѣчали его тайнымъ планамъ, что онъ не задумываясь отдалъ своему сыну, Ибрагиму-пашѣ, приказаніе спѣшить на помощь халифу. Пятнадцатитысячное войско Ибрагима было перевезено на австрійскихъ и мальтійскихъ судахъ.

Ибрагимъ-паша началъ свои дѣйствія на морѣ: завоевалъ Касосъ, Псару; жители послѣдней, не желая сдаваться, взорвали крѣпость и погибли вмѣстѣ съ двумя тысячами осаждавшихъ ихъ турокъ. Вскорѣ, однако, Міаулису удалось отразить египтянъ отъ Самоса и одержать побѣду въ двухъ битвахъ при Будрунѣ, такъ что Ибрагимъ вынужденъ былъ удалиться къ Криту. Упоенные успѣхомъ греки продолжали ссориться между собою и не приняли никакихъ мѣръ къ защитѣ Мореи, а потому въ началѣ 1825 года Ибрагимъ высадился въ Модонѣ, взялъ Наваринъ и Триполицу.

Осада важнаго стратегическаго пункта, крѣпости Мисолонгъ, продолжалась непрерывно болѣе года. Гарнизонъ ея состоялъ вначалѣ изъ 3.000 человекъ. Непрiятельскіе штурмы были отбиты, но въ крѣпости были повальныя болѣзни, голодъ, недостатокъ военныхъ снарядовъ. Турецкій флотъ, напуганный появленіемъ Міаулиса, ушелъ въ Александрію, но съ суши осада шла своимъ чередомъ: съ особенною энергіею стала она вестись съ января 1826 года, когда турокъ смѣнили египтяне подъ начальствомъ самого Ибрагима. Траншеи все приближались къ стѣнамъ, за которыми свирѣпствовали болѣзни и голодъ. Гарнизонъ, уменьшившійся до 1.500 человекъ, былъ отъ изнуренія не въ силахъ работать днемъ и ночью. Жители ходили въ лохмотьяхъ, не смотря на то, что стояла суровая погода. Надежды на помощь не было никакой. Греческій флотъ вынужденъ былъ скрыться въ Архипелагъ. Морея была спокойна, вся страна была въ апатіи. Тѣмъ не менѣе мужество защитниковъ Мисолонгъ не ослабѣвало ни на минуту. Тотчасъ по окончаніи приготовленій къ приступу Ибрагимъ потребовалъ отъ осажденныхъ, чтобы они отправили къ нему депутатовъ, людей свѣдущихъ, для переговоровъ о капитуляціи. «Мы всѣ люди не свѣдущіе, не умѣемъ красно говорить, а умѣемъ только сражаться»,—отвѣчали ему греки. Два штурма египтянъ были отбиты съ страшнымъ урономъ для нападающихъ. Также неудачны были штурмы и тогда, когда турецкія войска присоединились къ египетскимъ.

Страшную картину представляла въ это время осажденная крѣпость. Люди ходили, какъ тѣни; мясо нечистыхъ животныхъ считалось лакомствомъ; морская трава, употреблявшаяся вмѣсто овощей, причиняла кровавый поносъ. Къ голоду присоединились страданія отъ стужи; бомбы разрушили всѣ кровли, у осажденныхъ буквально коченѣли руки и ноги.

Наконецъ, доведенные до крайности осажденные, подвиги которыхъ возбуждали удивленіе всей Европы, снеслись съ предводителемъ ближайшаго греческаго отряда, Караисаки, и рѣшили оставить крѣпость и пробиться сквозъ непріятельскіе ряды въ то самое время, когда самъ Караисаки нападетъ на тылъ турокъ. Больные и раненые были перенесены въ развалины мельницы, служившей пороховымъ погребомъ. Вылазка началась въ два часа ночи 28-го апрѣля, тремя отдѣльными отрядами: посреди каждаго изъ нихъ шли женщины, неся дѣтей на плечахъ. Вдали уже слышались выстрѣлы. Несчастные не подозрѣвали, что это стрѣлялъ не Караисаки, а албанцы, чтобы завлечь грековъ въ западню, такъ какъ одинъ измѣнникъ изъ Мисолонгъ за нѣсколько часовъ до вылазки предупредилъ обо всемъ Ибрагима-пашу.

Трудно изобразить смятеніе, послѣдовавшее за залпами, которыми непріятель встрѣтилъ толпы грековъ: часть ихъ, борясь съ отчаяннымъ мужествомъ, пробилась, подъ покровомъ ночи, чрезъ враже-

скія позиціи, и жалкіе остатки грековъ добрались до Караискаки, другая же часть повернула обратно въ Мисолонги. Осаждающіе, въ свою очередь, немедленно двинулись впередъ, и крѣпостныя стѣны мигомъ были взяты приступомъ. Въ городѣ начались убійства и грабежи.

Среди пылавшихъ развалинъ мусульмане изъ дома въ домъ преслѣдовали грековъ, умерщвляя всѣхъ попадавшихся подъ руку, безъ различія пола и возраста. Опасаясь болѣе всего попасть живыми въ руки ненавистныхъ мусульманъ, однѣ изъ женщинъ прямо накалывались на штыки египтянъ, другія, схвативъ своихъ дѣтей въ охапку, бросались въ большой городской колодезь, скоро наполнившійся трупами до краевъ. Цѣлую ночь слышны были вопли побѣдителей и побѣжденныхъ, прерываемые только порохвыми взрывами въ различныхъ частяхъ города. Мельница оказала отчаянное сопротивленіе и взлетѣла наконецъ на воздухъ. Изъ пятнадцати тысячъ христіанъ спаслось лишь 1.800 человекъ, да въ развалинахъ города нашли отъ 800 до 900 женщинъ и дѣтей, которые и были проданы въ рабство.

Такія несчастія возставшихъ христіанъ вызвали новый взрывъ всеобщаго къ нимъ сочувствія.

Восшествіе на престолъ императора Николая дало англійскому правительству поводъ предполагать, что въ скоромъ времени предстоитъ перемѣна политики въ отношеніяхъ Россіи къ Востоку, тѣмъ болѣе, что еще предъ отъѣздомъ своимъ въ Таганрогъ, откуда ему не суждено было вернуться, Александръ I рѣшилъ вступить за грековъ. Каннингъ понималъ, что онъ не въ силахъ будетъ противиться, если Россія рѣшится защищать оружіемъ свои права и свое положеніе въ сферѣ, находящейся подъ ея непосредственнымъ и законнымъ вліяніемъ. Ему прежде всего необходимо было предотвратить отдѣльное вмѣшательство новаго русскаго императора въ пользу страждущихъ грековъ. Результатомъ такого воззрѣнія была миссія въ Петербургъ герцога Веллингтона, которая привела къ подписанію протокола 4-го апрѣля 1826 года, постановлявшаго, что оба кабинета соединятъ свои усилія съ цѣлью достигнуть примиренія грековъ съ Портою и положить конецъ борбѣ, театромъ которой служить Эллада. Греція должна попрежнему оставаться въ зависимости отъ Оттоманской имперіи и будетъ ей уплачивать ежегодную дань. Къ этому протоколу присоединились Австрія и Пруссія. Въ сентябрѣ 1826 года Каннингъ нарочно отправился въ Парижъ, чтобы привлечь къ подписанію протокола и правительство Карла X. Онъ успѣлъ въ этомъ, причемъ французскій дворъ потребовалъ, чтобы протоколъ былъ обращенъ въ формальный трактатъ.

Въ виду упорнаго отказа турокъ вступать въ какіе либо переговоры по греческимъ дѣламъ, Россія, Франція и Англія подписали 28-го іюня (6-го іюля) 1827 года трактатъ, которымъ онѣ

предлагають борющимся сторонамъ свое посредничество въ смыслѣ немедленнаго заключенія перемирія и достиженія обоюднаго соглашенія, основаннаго на принципѣ гражданского раздѣленія обѣихъ національностей. Порта сохраняетъ за собою верховную власть, Греція платитъ ей дань, особая конвенція опредѣлитъ въ послѣдствіи подробности разграниченія между обѣими сторонами. Дополнительная статья трактата давала Портѣ и Греціи мѣсячный срокъ для принятія вышеизложенныхъ условій. По прошествіи этого срока Портѣ будетъ объявлено чрезъ посланниковъ въ Константинополь, что соединенныя эскадры державъ, подписавшихъ договоръ, воспрепятствуютъ подвозу подкрѣпленій туркамъ. Если и этого будетъ недостаточно, то державы не замедлятъ принять соотвѣтствующія обстоятельствамъ мѣры.

При этомъ нелишне замѣтить, что, подписывая лондонскій трактатъ, Англія руководствовалась не столько гуманитарными соображеніями, ставшими на первомъ планѣ только у Россіи, сколько собственнымъ интересомъ. Помимо возможности устранить тѣмъ, неизбежное иначе, отдѣльное русское вмѣшательство, Англія, которая на всякій чужой флотъ смотритъ подозрительнымъ окомъ, видѣла, даже по признанію западно-европейскихъ историковъ ¹⁾, въ договорѣ 6-го іюля 1827 года лишь весьма вѣроятный и удобный случай уничтожить мусульманскія военныя суда. Послѣдующія событія показали, что дальновидный Альбионъ не ошибся въ своихъ расчетахъ.

Въ недавно изданныхъ воспоминаніяхъ генерала Герлаха, сопровождавшаго въ Россію прусскаго принца Фридриха-Вильгельма (въ послѣдствіи германскаго императора), находимъ любопытное указаніе на истинные мотивы англійской политики по отношенію къ греко-турецкому вопросу. Такъ подъ 6-мъ марта 1828 года записано, со словъ самого принца, что герцогъ Веллингтонъ заявилъ императору, что Англія не можетъ долѣе терпѣть существующій порядокъ вещей въ Греціи, ибо англійская торговля страдаетъ, и намѣрена поэтому помочь грекамъ. Такъ какъ императору не безъ основанія показалось, что Англія питаетъ при этомъ корыстолюбивыя планы, то онъ и подписалъ петербургскій протоколъ, по параграфу 5-му котораго всѣ «участвующія державы не добиваются ни завоеваній, ни особенныхъ торговыхъ или политическихъ выгодъ».

Тѣмъ временемъ въ Греціи происходили важныя событія. Тотчасъ по взятіи Мисолонгъ египтяне снова ворвались въ Морею, прошли вдоль и поперекъ лучшія ея провинціи — Ахайю, Элиду, Аркадію, Мессенію, Лаконію, разрушая города, сжигая деревни, угоняя скотъ, обращая жителей въ рабство. Не менѣе удачны были

¹⁾ Histoire de Constantinople, par Poujoulat, II, 461.

для султана дѣйствія Решид-паши, главнокомандующаго турокъ, который, завоевавъ западную Грецію, осадилъ Аѣины.

Дѣло грековъ казалось проиграннымъ; второе собраніе, созванное въ Эпидаврѣ избрало изъ среды своей комиссію, на которую было возложено вступить, при посредствѣ англійскаго посланника, въ переговоры съ Портою, требуя созданія изъ Мореи вассальнаго княжества. Дмитрій Ипсиланти и депутаты континентальной Греціи возстали противъ подобнаго рѣшенія, и собраніе остановилось тогда на мысли попробовать поставить во главѣ своихъ военныхъ силъ чужеземцевъ. Фабье пробился въ Аѣинскій Акрополь и принялъ начальство надъ гарнизономъ. Англійскіе офицеры, генераль Гордонъ, капитанъ Гастингсъ, генераль Чорчъ, лордъ Кохрентъ (графъ Дондональдъ), раздѣлили между собою командованіе сухопутными и морскими силами, общія усилія которыхъ были направлены къ одной цѣли—освобожденію Аѣинъ. Адмираль Кохрентъ сумѣлъ возбудить энтузіазмъ грековъ до крайней степени; онъ мечталъ водрузить греческое знамя на храмъ св. Софіи. Явился онъ среди грековъ диктаторомъ, требуя отъ нихъ безпрекословнаго повиновенія, и только подъ такимъ условіемъ обѣщалъ имъ побѣду. Ему было ввѣрено Эпидаврскимъ собраніемъ начальство надъ всѣмъ греческимъ флотомъ, но властолюбіе увлекло его до такой степени, что, не довольствуясь этимъ, онъ вмѣшивался безпрестанно и въ дѣйствія сухопутныхъ войскъ.

Неудивительно, что Кохрену удалось пріобрѣсти столь значительное вліяніе въ Греціи: центральная власть вновь находилась тамъ въ крайнемъ изнеможеніи. Послѣ Кундуріотти званіемъ президента былъ облеченъ Заими, не имѣвшій ни достаточно энергіи, ни способностей, чтобы править страной въ тогдашнихъ критическихъ обстоятельствахъ.

Храбрый Георгій Карайскаки, успѣвшій очистить отъ турокъ всю страну отъ Коринесскаго залива до Эвбеи, рѣшилъ избавить Грецію отъ ужасовъ анархіи, понявъ, что для достиженія успѣха необходимо вручить кормило правленія опытному кормчему. Такимъ кормчимъ представлялся графъ Іоаннъ Каподистрія. Карайскаки написалъ ему, умоляя придти на помощь отчизнѣ, а самъ вступилъ въ союзъ съ Колокотрони, завоевавшимъ Пелопонезъ и недовольнымъ тѣмъ, что англичане захватили всю военную власть въ свои руки. Оба они стали убѣждать соотечественниковъ выбрать правителя, который бы ограничилъ вліяніе чужеземцевъ, и указывали при этомъ на Каподистрію. Не смотря на сопротивленіе англійской партіи и на интриги уроженца острова Занте, графа Рома, выступившаго претендентомъ на званіе президента, народное собраніе въ городѣ Трезенѣ избрало 11-го апрѣля 1827 года графа Іоанна Каподистрію президентомъ Греціи на семь лѣтъ,

а до прибытія его въ эту страну назначило временное правительство изъ трехъ гражданъ, первое мѣсто между которыми занималъ Георгій Мавромихали.

II.

Графъ Іоаннъ Каподистрія родился въ Корфу въ 1776 году¹); происходил онъ изъ дворянскаго семейства, уважаемаго тамъ подобно другимъ древнимъ родамъ Θεотоковъ и Булгарисовъ. Отецъ его, Антонъ Каподистрія, во время владычества венеціанцевъ на Ионическихъ островахъ, занималъ въ Корфу разныя почетныя должности. По захватѣ острововъ французами онъ былъ посаженъ въ тюрьму, но когда по изгнаніи французовъ Россія и Турція рѣшили образовать изъ семи острововъ республику подъ своимъ протекторатомъ, графъ Антонъ Каподистрія былъ въ числѣ депутатовъ, отправленныхъ временнымъ правительствомъ въ Константинополь и С.-Петербургъ. Впослѣдствіи онъ былъ сенаторомъ и занималъ другія важныя мѣста въ республикѣ. Императоръ Павелъ пожаловалъ ему командорскій крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Свѣдѣнія эти достаточно опровергають увѣренія нѣкоторыхъ французскихъ писателей, которые въ своемъ нерасположеніи къ бывшему президенту Греціи утверждали, что отцомъ его былъ простой богатый мясникъ.

Семейство Каподистріи было многочисленно — однихъ сыновей было пятеро. Молодой Іоаннъ Каподистрія, по окончаніи курса философіи и медицины въ Падуанскомъ университетѣ, вернулся на родину въ такое время, когда новый порядокъ открывалъ ему широкое поле дѣйствія. Борьба партій была тутъ въ полномъ разгарѣ: одни желали революціи со всѣми ея послѣдствіями, другіе желали сохранить аристократическій принципъ Венеціи; съ обѣихъ сторонъ была жажда власти. Успокоеніе наступило лишь тогда, когда императоръ Александръ далъ Ионическимъ островамъ конституцію и народное правительство.

Съ первыхъ шаговъ своихъ Каподистрія обратилъ на себя вниманіе предсѣдателя республики, Θεотока, добровольно вступивъ простымъ рядовымъ въ только что созданную національную гвардію, отъ вступленія въ которую отказывались мѣстные дворяне, примѣръ же Каподистріи увлекъ ихъ.

¹) Біографическія свѣдѣнія заимствованы изъ Notice biographique sur le comte Jean Capodistrias, président de la Grèce, par A. de S. (Alexandre Stourdz), приложенной къ книгѣ «Correspondance du comte Jean Capodistrias», Genève, 1839, I, затѣмъ изъ послужнаго епископа покойнаго президента и записки графа Каподистрія о его служебной дѣятельности («Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», III, 1868) и, наконецъ, изъ рукописной его біографіи, составленной лично его знавшимъ Спиридономъ Дестунисомъ и любезно сообщенной мнѣ сыномъ этого послѣдняго, бывшимъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета, Гавриломъ Дестунисомъ.

Въ 1802 году, по прибытіи въ Корфу русскихъ войскъ и полномочнаго посланника, графа Мочениго, Каподистріи было поручено объѣхать, съ званіемъ правительственнаго комиссара, острова: Кефалонію, Итаку, Занте и св. Мавры, успокоить раздоры мѣстныхъ партій, учредить тамъ временное управленіе и ввести въ каждый островъ русскій гарнизонъ. Успѣшно выполнивъ свое порученіе, молодой графъ возвратился въ Корфу въ 1803 году и былъ назначенъ статсъ-секретаремъ республики по иностраннымъ дѣламъ, а «за отличное усердіе къ благу общему при образованіи сей республики пожалованъ въ 1804 году въ коллежскіе совѣтники».

Въ своей новой должности графу Каподистріи пришлось бороться съ многими затрудненіями: съ закоренѣлыми предразсудками старыхъ сенаторовъ, съ необузданнымъ пыломъ молодежи, съ слишкомъ личнымъ вмѣшательствомъ русскаго посланника, Мочениго. Въ то же время по сосѣдству бушевала французская революція, уже нашедшая себѣ воплощеніе въ лицѣ Наполеона; затѣмъ нужно было имѣть въ виду темные происки Али-паши Янинскаго и своекорыстныя намѣренія Англи. Гибкій умъ помогаль Каподистріи выходить съ честью изъ всѣхъ затрудненій, среди которыхъ зрѣли его государственныя способности, давая ему столь цѣнный для крупныхъ дѣятелей опытъ: помимо его познаній и талантовъ, ему помогало и пламенное увлеченіе его общимъ благомъ, удаленіе отъ партій, безкорыстіе, неизмѣнная ровность характера, соединенная съ чрезвычайною строгостью нравовъ.

Въ 1806 году графъ Каподистріа былъ назначенъ отъ Ионической республики повѣреннымъ въ дѣлахъ при російскомъ дворѣ, на мѣсто Наранзи, но по причинѣ войны, начавшейся тогда съ Турціею, правительство и графъ Мочениго предпочли удержать его при себѣ и назначили его сперва полномочнымъ комиссаромъ, чтобы «обще съ русскими комендантами старался о безопасности и спокойствіи зависѣвшихъ отъ нихъ острововъ», а потомъ, въ 1807 году, поручено ему было привести въ оборонительное состояніе островъ св. Мавры, которому угрожала опасность со стороны Али-паши Тепеленскаго.

По Тильзитскому миру Александръ передалъ Наполеону протекторатъ надъ Ионическими островами, которые и были заняты французскими войсками. Эта нечаянная перемена была для графа Каподистріи горестнымъ ударомъ: ему казалось, что съ удаленіемъ русскихъ войскъ удаляется изъ его отечества благоденствіе, исчезаютъ блестящія надежды на будущее. Напрасно Бертье приглашалъ его вступить въ французскую службу, обѣщая видное мѣсто; онъ предпочелъ воспользоваться приглашеніемъ графа Румянцева, звавшаго его, именемъ государя, въ Россію, куда онъ и прѣхалъ въ январѣ 1809 года. Здѣсь онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и причисленъ къ вѣдомству государственной кол-

легіи иностранныхъ дѣлъ, съ жалованьемъ по 3.000 рублей ассигнаціями въ годъ.

Не взирая на покровительство, которымъ Каподистрія пользовался со стороны Новосильцева, канцлеръ намѣренно держалъ его въ теченіе двухъ лѣтъ въ полномъ бездѣйствіи. Измученный такимъ отсутствіемъ дѣятельности, составлявшимъ такой рѣзкій контрастъ съ тою кипучею работою, которая наполняла его жизнь на родинѣ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, графъ Каподистрія просилъ о переводѣ его за границу, и въ августѣ 1811 года онъ былъ опредѣленъ къ нашей вѣнской миссіи сверхъ штата секретаремъ посольства. Нашъ тамошній посолъ, графъ Штакельбергъ, принявъ его болѣе, чѣмъ холодно, выразивъ удивленіе, къ чему пріѣхалъ онъ въ Вѣну, гдѣ, конечно, посольство далеко не нуждалось въ его работѣ. Графа Румянцева Штакельбергъ извѣстилъ о прибытіи Каподистрія въ слѣдующихъ ироническихъ выраженіяхъ: «*La latitude que Votre Excellence veut bien me laisser sur l'emploi à faire à ma chancellerie de ce nouvel et treizième individu, attaché à la mission de Vienne plus par faveur personnelle que pour cause d'utilité de service, m'impose le devoir de lui adresser de justes remerciements*» ¹⁾). Но въ то же время Штакельбергъ обладалъ качествомъ, драгоценнымъ для начальника: онъ умѣлъ цѣнить работу своихъ подчиненныхъ. Каподистрія, принятый имъ съ такимъ оскорбительнымъ недовѣріемъ, заслужилъ вскорѣ его благосклонность исполненіемъ поручаемыхъ ему работъ по разнымъ политическимъ вопросамъ, касающимся Турціи и континентальной системы по приложенію къ восточнымъ христіанамъ. Составляемые имъ мемуары постоянно пересылались въ Петербургъ. Ко времени пребыванія графа Каподистрія въ Вѣнѣ относится основаніе имъ гетеріи филомузъ, игравшей такую полезную роль въ дѣлѣ возрожденія такъ пламенно любимаго имъ отечества.

Послѣ Бухарестскаго мира 1812 года, на адмирала Чичагова, смѣнившаго въ командованіи дунайскою арміею Кутузова, было возложено осуществленіе очень обширнаго политическаго и военнаго плана: ему предстояло склонить Порту къ союзу съ Россіею, заставивъ ее дѣйствовать противъ Наполеона, какъ общаго врага, и тѣмъ самымъ облегчить операціи главной арміи, имѣвшей назначеніемъ непосредственную борьбу съ самимъ Наполеономъ. Чичагову были нужны знающіе люди, и онъ выпросилъ себѣ графа Каподистрія, который немедленно же отправился въ главную квартиру, въ Валахію. Чичаговъ поручилъ ему политическую переписку съ Вѣной, Константинополемъ, Сербіей и диванами Молдавіи и Валахіи; кромѣ того, на него же было возложено выработать проектъ устройства Бессарабской области, только что присоединенной по

¹⁾ Делеша графа Штакельберга 29-го сентября 1811 г.

Бухарестскому миру къ Россіи. По соединеніи арміи Чичагова съ большою арміею, Каподистрія управлялъ дипломатическою канцеляріею генерала Барклай-де-Толли и пользовался его благосклонностью во все время слѣдованія за арміею въ кампаніи 1813 года. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ произошло, наконецъ, обстоятельство, благодаря которому графъ Каподистрія получилъ возможность самостоятельной дѣятельности, открывшей ему дорогу къ высшимъ почестямъ.

Послѣ битвы подъ Лейпцигомъ побѣдители издали въ Франкфуртѣ, 30-го ноября, знаменитую прокламацію къ французскому народу, въ которой уговаривали его отдѣлить свои интересы отъ интересовъ Наполеона. Въ то же время представлялось крайне важнымъ отдѣлить отъ Наполеона Швейцарію, заручившись присоединеніемъ швейцарскаго правительства къ общему союзу противъ Франціи и обезпечивъ союзнымъ арміямъ свободный проходъ по альпійскимъ ущельямъ. Для веденія переговоровъ по этому щекотливому дѣлу императоръ Александръ выбралъ графа Каподистрію, который и былъ отправленъ въ Швейцарію вмѣстѣ съ австрійскимъ посланникомъ, барономъ Лебцельтерномъ. Вслѣдствіе успѣшнаго исполненія возложеннаго на него порученія, причемъ Каподистрія на столько сумѣлъ пріобрѣсти уваженіе швейцарцевъ, что кантоны Женевскій и Ваадтскій и городъ Лозанна дали ему право гражданства, онъ былъ призванъ императоромъ Александромъ для личнаго доклада въ Парижъ. Возвратясь затѣмъ въ Швейцарію уже въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, графъ Каподистрія былъ вызванъ по Высочайшему повелѣнію въ Вѣну и находился при переговорахъ конгресса, въ особенности присутствовалъ въ качествѣ полномочнаго въ конференціи о составѣ Швейцарскаго союза.

Въ блестящемъ сонмѣ дипломатовъ, собравшихся въ Вѣнѣ, роль графа Каподистрії была далеко не безцвѣтною, выставивъ, наоборотъ, въ полномъ свѣтѣ его замѣчательныя государственныя способности. Такъ по его мысли, признана была необходимость заключать различные трактаты, по мѣрѣ того, какъ касающіяся того или другаго вопроса условія будутъ приняты въ принципѣ, не дожидаясь подписанія одного общаго договора, который долженъ былъ вмѣщать въ себѣ всѣ отдѣльные договоры Вѣнскаго конгресса. Благодаря именно этой предосторожности, ко времени бѣгства Наполеона съ острова Эльбы всѣ главнѣйшіе переговоры и соглашенія были уже оформлены и закрѣплены надлежащимъ порядкомъ. Тогда же ему удалось оказать услугу и своей отчизнѣ, добившись включенія въ акты конгресса формальнаго признанія независимости Ионическихъ острововъ.

Столь же полезна была дѣятельность графа Каподистрії и по отношенію ко второму его отечеству—Россіи. Не говоря уже о томъ,

что онъ былъ въ числѣ противниковъ возстановленія Польши, онъ выказалъ большую проницательность и тонкій дипломатическій тактъ въ разрѣшеніи дѣлъ, имѣвшихъ для насъ капитальную важность, а именно по отношенію къ нашему положенію въ Турціи, подъ которое Меттернихъ неустанно старался подводить самыя злокозненныя мины. Во время одной изъ аудіенцій въ Вѣнѣ императоръ Александръ сообщилъ Каподистрія о возникшемъ предположеніи касательно свободы мореплаванія по Черному морю, причемъ императору предлагали подвергнуть разсмотрѣнію конгресса эту важную мѣру, связанную де съ общою пользою. «Не усматриваете ли вы чего либо большаго въ этомъ предложеніи?» — спросилъ графа Александръ, и тотъ, не задумываясь, отвѣтилъ: «конечно, государь, оно стремится ни болѣе, ни менѣе, какъ къ тому, чтобы узаконить европейское вмѣшательство въ ваши отношенія къ Турціи».

Меттернихъ собирался также занести въ заключительный актъ Вѣнскаго конгресса гарантію цѣлости всѣхъ владѣній султана, обезпеченіе коей составляетъ де интересъ всѣхъ европейскихъ государствъ. Но прямо направленный противъ Россіи планъ этотъ не удался. На стражѣ Екатерининскихъ преданій нашей восточной политики стоялъ графъ Каподистрія. Онъ и тутъ предостерегъ императора Александра, разъяснивъ ему, что замыселъ Меттерниха заключался точно также въ узаконеніи этимъ путемъ вмѣшательства всей Европы въ вытекающія изъ договоровъ нашихъ съ Портою отношенія ея къ Россіи. Что прозорливость графа Каподистрія нашла себѣ справедливую оцѣнку и поддержку, доказываетъ тѣмъ, что въ актахъ Вѣнскаго и послѣдующихъ конгрессовъ Турція и положеніе ея въ Европѣ пройдены совершеннымъ молчаніемъ.

Заслуги графа Каподистрія были награждены пожалованіемъ ему 30-го августа 1815 года званія статсъ-секретаря.

Послѣ Ватерлоо и отпавленія Наполеона на островъ св. Елены въ Парижѣ начались мирные переговоры, причемъ графъ Каподистрія былъ въ качествѣ втораго нашего полномочнаго. Трудна была задача русскихъ представителей: жадные союзники стремились удовлетворить своей жаднѣ мщенія, желая заставить Францію принять условія мира, столь же унижительныя, какъ и разорительныя для страны. Тщетно представляли русскіе полномочные, что если уже согласились видѣть въ укрѣпленіи Бурбоновъ на французскомъ престолѣ существенное обезпеченіе для спокойствія Европы, то было бы страннымъ заставлять этихъ самыхъ Бурбоновъ къ принесенію жертвъ, противныхъ чести французскаго народа и способныхъ погубить царствующую династію въ глазахъ ея собственныхъ подданныхъ. Охваченныя злыми чувствами Пруссія, Австрія и Англія не хотѣли соглашаться съ справедливостью та-

кого мнѣнія. Наконецъ, герцогъ Ришелье, утраченный предъ-
являемыми ему требованіями, пришелъ спросить совѣта у графа
Каподистріи. По внушенію этого послѣдняго, Людовикъ XVIII на-
писалъ къ Александру письмо, въ которомъ, изложивъ причину
своихъ опасеній, объявлялъ, что онъ рѣшилъ скорѣе сойти съ пре-
стола, чѣмъ согласиться на условія, имѣющія цѣлью безславіе и
гибель Франціи. На другой день графу Каподистріи было поручено
прочестъ это письмо въ засѣданіи конференціи: онъ при этомъ до-
бавилъ столь вѣскія соображенія, что увлекъ большинство на сто-
рону умѣренности.

Въ продолженіи переговоровъ, завершившихся подписаніемъ
трактата 18-го ноября 1815 года, графъ Каподистрія выказалъ
рѣдкую дальновидность и неутомимое упорство въ отстаиваніи по-
рученныхъ ему интересовъ. Наградой ему былъ чинъ тайнаго со-
вѣтника. Ему же пришлось выступить въ роли защитника Тюлье-
рійскаго кабинета, когда въ 1817 году герцогъ Ришелье обратился
съ жалобами на чрезмѣрные домогательства смѣшанной комиссіи
по разсмотрѣнію частныхъ претензій къ французскому правитель-
ству. Плодомъ этого вмѣшательства было избавленіе Франціи отъ
обязательства уплатить сумму болѣе шестисотъ милліоновъ. Такой
же политики держался онъ по отношенію къ Франціи и на Аахен-
скомъ конгрессѣ 1818 года: онъ былъ преданъ дѣлу русско-фран-
цузскаго единенія всею силою своихъ политическихъ убѣжденій и
влеченій личныхъ.

Графъ Каподистрія нисколько не обманывался насчетъ отсут-
ствія единодушія между христіанскими державами, на которое такъ
разсчитывалъ Александръ, и хорошо понималъ, какъ мало выгоды
извлекала Россія изъ Священнаго Союза. На конгрессѣ въ Троп-
пау онъ имѣлъ даже гражданское мужество противиться прямому
вмѣшательству Россіи въ дѣло неаполитанской революціи, какъ
совершенно чуждое Россіи.

Приблизивъ къ себѣ графа Каподистрію императоръ Александръ
имѣлъ случай оцѣнить его преданность и выдающіяся дарованія
и потому почтилъ его своимъ особымъ довѣріемъ и благосклон-
ностью. Кромѣ общихъ занятій и докладовъ по политическимъ дѣ-
ламъ, на графа Каподистрію были спеціально возложены дѣла бес-
сарабскія и польскія; при путешествіяхъ государя за границу, а
также въ Москву, въ Варшаву и полуденныя страны Россіи графъ
постоянно сопровождалъ его величество. Ордена Александра Нев-
скаго и Владиміра 1-й степени осязательнымъ образомъ свидѣтель-
ствовали о признаніи государемъ его заслугъ. И онъ не употре-
блялъ во зло царской милости: все же доброе, благородное находило
въ немъ самага горячаго ходатая; такъ, между прочимъ, чрезъ его
посредство была подана въ 1820 году императору Александру гра-
фомъ М. С. Воронцовымъ и княземъ А. С. Меншиковымъ записка

В. Н. Каразина о разрѣшеніи составить общество помѣщиковъ для изысканія способовъ къ освобожденію крестьянъ изъ рабства ¹⁾).

Сохранился даже разсказъ, характеризующій отношенія Благословеннаго къ графу Каподистріи. Увѣряютъ, будто государь, которому извѣстны были нѣжныя сыновнія чувства Каподистріи, узналъ первымъ о смерти его отца, послѣдовавшей въ 1821 году, и не велѣлъ никому объявлять о томъ графу. Когда же Каподистрія былъ по обыкновенію у него съ докладомъ, Александръ спросилъ своего статсъ-секретаря: «отъ кого лучше, по вашему мнѣнію, узнать непріятное извѣстіе—отъ человѣка, любящаго насъ, или отъ того, съ кѣмъ мы не связаны дружбой?». Графъ Каподистрія отвѣтилъ: «что, по его мнѣнію, лучше узнать всякую дурную новость отъ друга, который можетъ въ то же время утѣшить насъ». Государю угодно было тогда объявить ему грустную вѣсть тѣмъ языкомъ милости и благосклонности, которымъ онъ умѣлъ очаровывать сердца, прибавивъ: «вы лишились отца, но я буду вашимъ отцомъ».

При всѣхъ своихъ государственныхъ заботахъ мысль Каподистріи не покидала его несчастной родной страны, бѣдствія ея трогали его, возбуждая живѣйшее желаніе облегчить ея страданія, заинтересовать всѣхъ, кто могъ быть ей чѣмъ либо полезенъ. Графъ Каподистрія не скрывалъ своего происхожденія, гордился тѣмъ, что онъ грекъ, и открыто заявлялъ, что онъ обязанъ всѣми силами своей души работать на пользу отчизны. Однако, онъ не шель далѣе законныхъ способовъ къ облегченію участи притѣсняемыхъ православныхъ, къ восстановленію греческой независимости; онъ признавалъ лишь законные пути, отворачиваясь отъ всякихъ насильственныхъ мѣръ. Такъ поступилъ онъ по отношенію къ гетеристамъ, которымъ крайне важно было заручиться открытою поддержкою столь вліятельнаго государственнаго человѣка, любимца русскаго царя, который въ глазахъ темной массы греческаго народа какъ бы сливался съ своимъ могущественнымъ покровителемъ, олицетворяя собою несомнѣнную поддержку великой сѣверной державы всѣмъ начинаніямъ гетеріи.

Въ 1817 году Галлатисъ предложилъ графу Каподистріи стать во главѣ гетеріи, предполагавшей освободить грековъ отъ турецкаго ига посредствомъ повсемѣтнаго возстанія; онъ съ негодованіемъ отказался отъ того, выразивъ также, какъ тщетно было бы разсчитывать возставшимъ на вооруженную поддержку Россіи. Этотъ отказъ такъ поразилъ вожаковъ гетеріи, что, съ цѣлью скрыть отъ грековъ, что Россія не окажетъ имъ помощи въ возстаніи, они не остановились предъ убійствомъ везшихъ такое сообщеніе Галлатиса и сопровождавшаго его посланца Спарты, Камариноса.

Въ 1820 году гетерія вторично предлагала графу Каподистріи

¹⁾ «Русская Старина», III, 1871, стр. 366.

черезъ Ксанноса принять начальство надъ этимъ тайнымъ обществомъ; за новымъ его отказомъ, верховное руководство этимъ послѣднимъ было принято на себя Александромъ Ипсиланти.

Зато, по сколько это не противорѣчило его убѣжденіямъ относительно законныхъ способовъ воздѣйствія, графъ не упускалъ никогда случая вліять въ смыслѣ, благопріятномъ для Греціи. Такъ, послѣ выѣзда Строганова изъ Константинополя онъ настаивалъ на неотложной необходимости не переговариваться, а дѣйствовать въ пользу грековъ. Когда же Александръ, повинувшись вѣнскому двору, задумалъ сосредоточить всѣ переговоры по греческому вопросу въ Вѣнѣ, куда долженъ былъ прибыть за этимъ и самъ императоръ, у графа Каподистріи хватило храбрости выразить императору вполнѣ откровенно, что подобное рѣшеніе государя ставило его въ необходимость либо оказаться недостойнымъ самого себя и чувства долга по отношенію къ отечеству, къ которому онъ никогда не переставалъ принадлежать, либо измѣнить обязанностямъ вѣрнаго слуги его величества. Такой исходъ былъ, по его словамъ, неминуемъ, если бы онъ продолжалъ считать себя способнымъ служить по министерству иностранныхъ дѣлъ въ ту минуту, когда государь призналъ бы возможнымъ обратитъ все свое могущество противъ несчастнаго греческаго народа. И позже этого, въ особомъ мемуарѣ, графъ Каподистрія доказывалъ императору, какъ подъявляемъ коварнымъ вліаніемъ Австріи Россія вынуждена была бы выступить противникомъ своихъ единовѣрцевъ на Востокѣ, а также почему подобная большая жертва не должна была привести къ результатамъ, сообразнымъ съ истинными намѣреніями русскаго императора.

Меттернихъ чутьемъ угадывалъ въ графѣ Каподистріи достойнаго себѣ противника, способнаго разгадать его тайные ковы и отпарировать готовящіеся удары, и онъ всѣми силами своей души сталъ ненавидѣть челоуѣка, ставшаго ему поперекъ дороги. Послѣ долгихъ, сначала безуспѣшныхъ попытокъ, интригѣ Меттерниха удалось, наконецъ, низвергнуть «апокалипсическаго Іоанна», какъ называлъ онъ ненавистнаго ему, хотя и не русскаго, но все же православнаго министра ¹⁾).

Когда государи были на конгрессѣ въ Лайбахѣ, до нихъ дошло извѣстіе о вторженіи Ипсиланти въ Дунайскія княжества. Враги графа Каподистріи не замедлили выставить его, какъ единомышленника и сообщника въ предпріятіи главы гетеристовъ; они даже воспользовались противъ него тѣмъ, что, какъ упомянуто выше, онъ противился принятію мѣръ строгости противъ Неаполя, этого гнѣзда карбонаріевъ, къ которымъ, очевидно, онъ принадлежитъ де по духу. Положеніе его стало слишкомъ фальшиво, онъ предпочелъ удалиться,

¹⁾ Императоръ Николай и иностранные дворы, Татищевъ, XVIII.

и незадолго до отъѣзда императора въ Верону въ 1822 году исходатайствоваль себѣ безсрочный отпускъ и поселился въ Женевѣ.

О своемъ избраніи въ президенты Греціи графъ Каподистрія узналъ на пути изъ Женевы въ Петербургъ. Онъ отклонилъ пенсію, предложенную ему императоромъ Николаемъ за прежнюю службу, въ размѣрѣ по шестидесяти тысячъ франковъ въ годъ, желая въ новомъ своемъ положеніи сохранить полную независимость. Высочайшимъ именованнымъ указомъ уволенный отъ службы 1-го іюля 1827 года, графъ Каподистрія въ томъ же іюлѣ покинулъ Россію и отправился въ Берлинъ, Лондонъ и Парижъ съ цѣлью лучшаго разъясненія руководящимъ сферамъ этихъ городовъ истинныхъ нуждъ Греціи.

Не лишне при этомъ сказать въ заключеніе нѣсколько словъ объ официальномъ титулѣ графа Каподистрія. Въ рескриптѣ императора Николая къ графу Гейдену 1-го іюля 1827 года, данномъ при отправленіи его, въ силу трактата, въ Архипелагъ, говорится, что Каподистрія избранъ въ званіе предсѣдателя греческаго правительства. Согласно же декрету Трезенскаго собранія, графъ Каподистрія былъ облеченъ званіемъ кивернитиса (κυβερνήτης), что собственно значитъ кормчій, регентъ, управляющій. Слово это по значенію своему было выше, чѣмъ президентъ, и оно лучше опредѣляло сущность новыхъ обязанностей, возложенныхъ на Каподистрію, который дѣйствительно являлся истиннымъ кормчимъ государственной ладьи Греціи, а слѣдовательно общепринятое наименованіе званія графа Каподистрія президентомъ является не совсѣмъ точнымъ.

III.

Тѣмъ временемъ въ Греціи борьба продолжалась. Желая выручить Аѣины, греки вступили съ Рехидь-пашею въ битву, окончившуюся ихъ полнымъ пораженіемъ; вина за то падаетъ исключительно на лорда Кохрена, дѣйствовавшаго съ непростительною опрометчивостью. Даже англичанинъ Гордонъ называетъ его планъ «безумнымъ и по мысли, и по исполненію». Около тысячи лучшихъ воиновъ погибло въ этой битвѣ, слѣдствіемъ которой было совершенное разстройство сухопутной греческой арміи и капитуляція Аѣинскаго Акрополя въ іюнѣ 1827 года.

Послѣ паденія Акрополя дѣла инсургентовъ шли все хуже и хуже: временное правительство не пользовалось никакимъ уваженіемъ, военачальники враждовали другъ съ другомъ. Одинъ Колотрони еще боролся съ всеобщою апатіею и упадкомъ духа. Ибрагиму-пашѣ оставалось только покорить островъ Гидру, чтобы совершенно потушить возстаніе, и онъ дѣятельно къ тому приготавлился. Султанъ былъ уже увѣренъ въ окончательномъ успѣхѣ, но тутъ въ дѣло вмѣшались Россія, Франція и Англія.

Дипломатическія сношенія Россіи съ Турціею были уже возстановлены съ тѣхъ поръ, какъ Порта исполнила всѣ русскія требованія, результатомъ чего явился Аккерманскій договоръ 1826 года, послѣ котораго графъ Рибопьеръ прибылъ въ Константинополь въ качествѣ русскаго посланника.

Когда посланники тройственнаго союза предложили на основаніи трактата 6-го іюля 1827 года Портѣ свое посредничество для прекращенія борьбы съ греками, Порта положительно отказалась признать за ними право вмѣшательства въ ея распрю съ мятежниками. Рейсъ-эфенди (министръ иностранныхъ дѣлъ) не только не хотѣлъ выслушать содержаніе ноты по этому вопросу, но отказался даже принять ее изъ рукъ драгомановъ, и тѣ принуждены были просто оставить ее на софѣ.

Прошелъ мѣсяць, и посланники обратились, согласно своимъ инструкціямъ, за отвѣтомъ къ Портѣ: «опредѣленный, безусловный, окончательный, неизмѣнный, вѣчный отвѣтъ султана, — объявилъ имъ рейсъ-эфенди, — состоитъ въ томъ, что никогда и ни отъ кого не приметъ онъ никакого предложенія, касающагося грековъ».

Въ виду такого отвѣта адмиралы союзныхъ эскадръ получили приказаніе дѣйствовать.

Когда въ началѣ сентября 1827 года французскій и англійскій адмиралы, де-Риньи и Кодрингтонъ, появились предъ Наваринскою бухтою, гдѣ былъ собранъ египетскій флотъ изъ 84 судовъ съ многочисленнымъ экипажемъ, и увидѣли, что флотъ готовится къ выступленію изъ гавани, чтобы идти противъ Гидры, адмиралы поспѣшили извѣстить Ибрагима-пашу о заключеніи Лондонскаго трактата, предваряя, что они готовы прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ средствамъ въ случаѣ, если онъ не откажется отъ своей экспедиціи. Ибрагимъ обѣщалъ, что корабли его не тронутся съ мѣста до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ инструкцій, затребованныхъ изъ Константинополя и Александріи. Узнавъ, между тѣмъ, о возобновившихся военныхъ дѣйствіяхъ грековъ и считая это нарушеніемъ обоюдно обязательнаго перемирія, Ибрагимъ-паша началъ, въ свою очередь, опустошать Мессенію, истребляя ея жителей, сжигая города и села, вырубая фиговые и масличныя деревья, поддерживавшія существованіе цѣлаго населенія. По полученіи о томъ извѣстія французская и англійская эскадры, къ которымъ присоединилась и русская, подъ начальствомъ графа Гейдена, снова подступили къ Наварину, вошли 8-го (20-го) октября 1827 года въ самую бухту и подъ угрозой немедленной битвы предложили соединенному турецко-египетскому флоту, состоявшему изъ 65 военныхъ судовъ, не считая военныхъ транспортовъ, отступить къ Александріи или къ Дарданелламъ. Изъ-за случайно сдѣланнаго турками ружейнаго выстрѣла по шлюбкѣ съ англійскаго корабля «Darmouth» загорѣлся Наваринскій бой, результатомъ котораго было

почти совершенное уничтоженіе мусульманскихъ морскихъ силъ соединенными эскадрами Россіи, Англіи и Франціи, состоявшими изъ девяти русскихъ, двѣнадцати англійскихъ и семи французскихъ судовъ. У мусульманъ уцѣлѣло лишь три судна.

Погода была въ тотъ день прекрасная, море совершенно тихое. Бой начался въ два часа. На корабль «Asia», подъ флагомъ адмирала Кодрингтона, былъ выброшенъ сигналъ къ сраженію, оканчивавшійся словами Нельсона: «тотъ капитанъ не сдѣлаетъ ошибки, кто схватится бортъ о бортъ съ непріателемъ». И никогда, кажется, приказъ не былъ выполненъ съ большимъ рвеніемъ и точностью.

Перевѣсъ въ силахъ далъ возможность турецкому флоту, расположившемуся полумѣсяцемъ, окаймить христіанскіе фланги и стать, во многихъ случаяхъ, въ пропорціи двухъ къ одному, но дисциплина и готовность къ взаимной помощи и поддержкѣ быстро дали перевѣсъ христіанамъ. Такъ, французскій фрегатъ «Armidе» выручилъ изъ опасности корабль англійскій; русскій «Азовъ» отвлекъ на себя другаго турка, грозившаго пересилить англичанина.

Очевидцы описываютъ яркими красками картину уничтоженія турецкаго флота, а съ нимъ и турецкаго могущества. Мы, современники, можемъ только себѣ вообразить, что это былъ за бой, въ которомъ втеченіе немногихъ часовъ около 75 судовъ было взорвано или потоплено, съ потерей шести тысячъ человѣкъ, тогда какъ у христіанъ вышло изъ строя всего около 390 человѣкъ.

Получивъ извѣстіе о разгромѣ своего флота, Порта потребовала, чтобы державы отказались отъ всякаго вмѣшательства въ греческія дѣла и дали ей удовлетвореніе за обиду, нанесенную подъ Навариномъ. Посланники, въ свою очередь, требовали отъ Порты перемирія и заключенія соглашенія на почвѣ Лондонскаго трактата, угрожая въ противномъ случаѣ прервать дипломатическія сношенія и уѣхать изъ Константинополя. Султанъ стоялъ на своемъ, что не можетъ допустить вмѣшательства христіанскихъ державъ въ его внутреннее дѣло, ни сдѣлать какихъ либо дальнѣйшихъ уступокъ. Вслѣдствіе такого кореннаго различія во взглядахъ французскій, англійскій и русскій посланники выѣхали 8-го декабря 1827 года изъ Константинополя.

Искренность и трогательное единодушіе обѣихъ западныхъ державъ были отлично иллюстрированы секретными письмами турецкихъ сановниковъ къ Ибрагиму-пашѣ, перехваченными греческими отрядами въ началѣ января 1828 года. Въ письмахъ этихъ, между прочимъ, сообщалось, что посланники французскій и англійскій, предъ самымъ своимъ отъѣздомъ, желая показать свое расположеніе къ Портѣ, объявили туркамъ, что они уѣзжаютъ изъ Константинополя противъ своей воли, и что главною къ тому причиною являются происки Россіи. Посланники прибавили даже, что, не

смотря на все происшедшее, ни Англія ни Франція не объявятъ войны Турціи.

Какъ мало надеждъ возлагала Россія, въ смыслѣ рѣшенія греческаго вопроса, на совокупную дипломатическую дѣятельность трехъ заинтересованныхъ державъ, видно, между прочимъ, изъ депеши графа Нессельроде къ командовавшему русскою эскадрою въ Архипелагѣ графу Гейдену отъ 21-го марта 1828 года: «...прямо заинтересованная въ пресѣченіи кровавыхъ и ужасныхъ сценъ, уже пять лѣтъ опустошающихъ Грецію, Россія приняла съ истиннымъ интересомъ предложенія Великобританіи, главною цѣлью коихъ было умиротвореніе Востока. Отъ этого согласія обоихъ кабинетовъ и отъ присоединенія къ нимъ кабинета его христіаннѣйшаго величества произошелъ Лондонскій трактатъ, слѣдовательно обязанность и право со стороны союзниковъ—домогаться его исполненія. Отъ этого дѣла, рѣшеніе котораго столь бесполезно было поручено переговорамъ, произошли и Наваринское сраженіе и отъѣздъ представителей трехъ союзныхъ державъ изъ Константинополя».

Въ январѣ 1828 года Россія получила свѣдѣнія объ оскорбительномъ для ея достоинства манифестѣ, изданномъ Портою, въ которомъ она приписываетъ греческое возстаніе ненависти Россіи и призываетъ всѣхъ мусульманъ къ джихаду, священной войнѣ съ невѣрными. Россія дала тогда знать въ Лондонъ, что Турція своимъ образомъ дѣйствій превозмогла всякую мѣру ея долготерпѣнія, что новыя стѣсненія, которымъ подверглась русская морская торговля, изгнаніе русскихъ подданныхъ изъ Константинополя, умышенное возбужденіе противъ нихъ фанатизма мусульманъ, наконецъ явное нарушеніе Аккерманскаго договора,—все это не оставляло императору Николаю другаго выхода, какъ оружіемъ защищать интересы своей державы и силою добиться достаточныхъ гарантій для христіанскихъ народностей, находящихся подъ его покровительствомъ. Герцогъ Веллингтонъ не противился такимъ намѣреніямъ Россіи, а Франція лишь выговорила себѣ право двинуть свой экспедиціонный корпусъ въ Морею, съ цѣлью вытѣснить оттуда Ибрагима-пашу. Уполномоченные Россіи, Англіи и Франціи должны были отправиться въ Корфу и вступить оттуда въ непосредственныя сношенія съ президентомъ, графомъ Каподистріей, касательно всѣхъ вопросовъ будущаго устройства Греціи.

На султанскій манифестъ Россія отвѣтила манифестомъ 14-го (26-го) апрѣля 1828 года, перечислявшимъ нарушенія Портою существовавшихъ трактатовъ, притѣсненія русскихъ подданныхъ, неистовства по отношенію къ христіанскимъ ея подданнымъ. Манифестъ заканчивался словами: «поставленная такимъ образомъ въ положеніе, въ которомъ честь и причиняемый интересамъ ея ущербъ не позволяютъ ей оставаться долѣе, Россія объявляетъ войну Оттоманской Портѣ».

Весь греческій народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія графа Каподистрія, всѣмъ былъ извѣстенъ его пламенный патріотизмъ и его искусство. Въ глазахъ всѣхъ онъ представлялся необходимымъ посредствующимъ звеномъ между Греціею и Европою, единственнымъ человѣкомъ, который въ силахъ будетъ обуздать анархію. Въ числѣ отъявленныхъ противниковъ графа Каподистрія была лишь партія старшинъ (коджа-баши), которые при владычествѣ турокъ организовали свою олигархію, изрядно притѣснявшую народъ. Они отдавали явное предпочтеніе системѣ раздробленія Греціи на мелкія составныя части и недружелюбно относились ко всякой попыткѣ создать сильную центральную власть.

Помиривъ Гриваса и Колокотрони, открыто дѣйствовавшихъ другъ противъ друга близъ Навплии, графъ Каподистрія 12-го января 1828 года прибылъ въ Эгину при громѣ залповъ русскихъ, греческихъ и англійскихъ судовъ, при восторженныхъ кликахъ собравшагося тутъ многотысячнаго народа. Толпа, желавшая присутствовать при церемоніи принесенія присяги, была такъ велика, что митрополитъ рѣшилъ совершить эту церемонію подъ открытымъ небомъ, предъ алтаремъ, воздвигнутымъ нарочно для того близъ кафедральнаго собора, выходящаго на довольно обширную площадь. Послѣ торжественнаго пѣнія «Тебе Бога хвалимъ», заключившаго благодарственное молебствіе о здравіи и благоденствіи трехъ союзныхъ покровителей Греціи, президентъ произнесъ присягу въ присутствіи духовенства и народа, съ большимъ довѣріемъ взиравшаго теперъ на будущее.

Вначалѣ новому президенту Греціи негдѣ было преклонить головы, и онъ помѣстился въ полуразвалившейся хижинѣ, исправленной имъ на свой собственный счетъ. Состояніе государства, которымъ онъ былъ призванъ управлять, было въ высшей степени печально. Казна была пуста. Подати не поступали вовсе, земледѣліе и торговля были заброшены; страна, пройденная турками и египтянами огнемъ и мечомъ, съ выжженными лѣсами и не вспаханными полями, представляла изъ себя скорѣе пустыню и была покрыта дымящимися развалинами, среди которыхъ блуждало въ лохмотьяхъ уцѣлѣвшее отъ врага населеніе, неприютное и голодное, не владѣвшее ни пядью земли. Начальники же отрядовъ и вообще всѣ успѣвшіе подняться надъ другими враждовали между собою и къ ужасамъ мусульманскаго нашествія прибавляли бѣдствія междоусобій.

Прежде всего, дабы утишить внутренніе раздоры, графъ Каподистрія составилъ свое министерство изъ представителей различныхъ партій; въ составъ его вошли: Маврокордато, Трикупи, Иpsilonнти, Колокотрони, Кундуріотти, Колетти. Затѣмъ онъ создалъ панэллиніонъ, совѣтъ, составленный изъ 27 членовъ, именитыхъ людей различныхъ областей Греціи, которые должны были своею опытностью и знаніемъ мѣстныхъ условій помогать исполнитель-

ной власти и способствовать къ уничтоженію духа обособленности, замѣчавшагося въ каждомъ уголкѣ Греціи и который могъ бы пагубно отразиться на существованіи всего государственнаго организма. Онъ оставилъ также на службѣ всѣхъ иностранцевъ, безъ различія національности, стараясь лишь извлечь изъ нихъ возможную пользу для Греціи. Чтобы оградить народъ отъ произвола старшинъ, повсюду были устроены демогеронтіи (думы). Двѣ заботы поглощали попреимуществу вниманіе новаго президента: устройство сельскаго населенія и воспитаніе подросткающаго поколѣнія, такъ какъ тысячи дѣтей, событіями послѣднихъ лѣтъ приученныя лишь къ бродяжничеству, не чувствовавшія надъ собою никакой нравственной узды, могли въ будущемъ дать лишь одни опасныя для общества элементы. Тогда же были затрачены значительныя суммы на то, чтобы помочь поселянамъ обстроиться и начать обработку земли; дабы ознакомить ихъ съ лучшими способами культуры, была открыта въ Тиринѣ образцовая ферма. Участъ безземельныхъ семействъ была обезпечена отводомъ имъ установленныхъ надѣловъ. По отношенію къ дѣтямъ въ Эгинѣ открывается пріютъ на 700 сиротъ съ ремесленною школою; повсюду государство поддерживаетъ всѣхъ, кто занимается преподаваніемъ или открываетъ школы.

При принятіи власти въ свои руки, президентъ нашелъ народную церковь въ самомъ плачевномъ состояніи. Одною изъ первыхъ его заботъ было учредить временный духовный совѣтъ, который долженъ былъ озаботиться какъ устройствомъ греческой церкви, такъ и улучшеніемъ быта самого духовенства. Для подготовленія достойныхъ пастырей была открыта семинарія въ Поросѣ. Не смотря на скудость средствъ государственнаго казначейства, за четырехлѣтнее управленіе графомъ Каподистріей Греціею было возстановлено большое число разграбленныхъ и на половину разрушенныхъ церквей.

Какъ наслѣдіе еще не оконченной продолжительной войны и почти всеобщаго разоренія, внутренность страны кишѣла разбойничьими шайками, и окрестныя моря были наполнены пиратами; большинство моряковъ, отличившихся въ предыдущіе годы въ настоящей войнѣ, не брезгали пиратствомъ, грабя съ одинаковымъ безпристрастіемъ встрѣчающіяся имъ суда какъ непріятельскія, такъ и принадлежація націямъ дружественнымъ или нейтральнымъ¹⁾. Искусно принятыми мѣрами графу Каподистріи удалось не болѣе какъ въ шесть мѣсяцевъ искоренить и разбойничество и пиратство.

Организація военныхъ силъ причиняла президенту много заботъ и огорченій; въ греческой арміи было слишкомъ много гене-

¹⁾ La Grèce et ses insurrections, par Texier, 52.

раловъ и офицеровъ, которымъ нужно было давать жалованье. Служившіе въ войскахъ иностранцы выставляли на видъ свои прежнія заслуги и требовали себѣ соотвѣтствующаго жалованья и видныхъ мѣстъ. Чтобы удовлетворить всѣмъ подобнымъ требованіямъ, нужно было бы имѣть громадныя матеріальныя средства, тогда какъ въ дѣйствительности государственный сундукъ не блисталъ золотомъ. Доходы разоренной страны еле составляли пять милліоновъ франковъ въ годъ, субсидіи же, которыя давались Россіею и Франціею, никогда не превышали пятисотъ тысячъ франковъ въ мѣсяцъ, да въ добавокъ высылались онѣ крайне не аккуратно. Президенту необходимо было считаться съ этими условіями и лишь постепенно улучшать или заново устроить разныя отрасли государственнаго управленія.

Какъ только 31-го января 1828 года въ Греціи организовалось надлежащее правительство, Россія, Франція и Англія аккредитовали при немъ своихъ представителей. Турки, запершіеся въ крѣпостяхъ Наварина и Модона, Корона и Патраса, не рѣшались уже болѣе дѣлать никакихъ вылазокъ и начинали страдать отъ голода, такъ какъ союзныя эскадры перехватывали всѣ подвозимые запасы. Необходимо было избавиться лишь отъ египетскихъ войскъ. Для этого державы рѣшили прибѣгнуть къ средству, уже заранѣе выговоренному себѣ Франціей, и 31-го іюля 1828 года князь Ливень, нашъ посолъ въ Лондонѣ, писалъ начальнику русской эскадры графу Гейдену: «...такъ какъ морская блокада не заставила до сихъ поръ еще египетскія войска очистить Пелопонезъ... то лондонская конференція рѣшила установить блокаду и съ сухаго пути, а поэтому въ Грецію будетъ отпрavlенъ отрядъ войскъ... рѣшено, что Франція одна приметъ на себя эту экспедицію, дѣйствуя отъ имени трехъ державъ».

Не получивъ ни подкрѣпленій, ни необходимыхъ припасовъ, Ибрагимъ-паша былъ въ тяжеломъ положеніи. Когда же прибылъ французскій экспедиціонный корпусъ, бывший подъ начальствомъ графа Демезона и состоявшій изъ 14.000 человекъ пѣхоты и 1.500 конницы, Ибрагимъ-паша подписалъ конвенцію, по которой онъ обязывался очистить предѣлы Греціи. Съ уходомъ его крѣпости, защищавшіяся турками, сдались одна за другою грекамъ.

Англіи хотѣлось устроить греческія дѣла во что бы то ни стало ранѣе конца шедшей тогда русско-турецкой войны. По соглашенію Англіи съ Франціею, обѣ державы эти послали въ ноябрѣ 1828 года своихъ посланниковъ въ Константинополь для возобновленія сношеній съ Портою и для объявленія, что союзныя державы берутъ подъ свое непосредственное покровительство Морею и Циклады. Какъ то ни было непріятно Россіи, тѣмъ не менѣе, не желая отстраняться отъ союза съ западными державами, русское правительство согласилось приступить къ переговорамъ, по-

ставивъ лишь непремѣннымъ условіемъ, чтобы предварительно опредѣлено было будущее устройство Греціи, границы ея и отношенія къ султану. Для обсужденія этихъ вопросовъ и собралась въ Лондонѣ конференція.

Занятая войною, Россія не переставала изыскивать средства, чтобы образовать изъ Греціи не вассальное владѣніе султана, какъ то постоянно имѣли въ виду западныя державы, а государство самостоятельное, достаточно сильное и навсегда нейтральное. Въ этомъ отношеніи любопытны инструкціи, данныя графомъ Нессельроде въ августѣ 1828 года послу нашему въ Парижѣ и которыми поручается ему: «поговорить конфиденціально съ де-ла-Ферроне и убѣдить его принять наши предложенія касательно увеличенія греческой территоріи, присоединенія къ ней острововъ, а также... образа будущаго правленія Греціи и выгодъ, которыми она будетъ пользоваться по своей независимости и по примѣненію къ ней монархическихъ формъ, наконецъ касательно очевидной необходимости образовать въ Греціи государство, могущее держаться своими собственными силами, развѣ только захотятъ сдѣлать изъ этой страны вѣчный предлогъ раздоровъ и войнъ съ Турціею. Если де-ла-Ферроне раздѣляетъ наши виды, нѣтъ сомнѣнія, что будетъ весьма легко заставить и Англію принять ихъ».

Западныя державы, однако, оказались не стоворчивыми относительно предложеній, шедшихъ отъ Россіи, и конференція постановила, что Греція должна признать верховное владычество султана и выплачивать ему ежегодную дань въ полтора милліона піастровъ. Порта не имѣетъ отнынѣ права вмѣшиваться во внутреннее управленіе Греціи. Границею государства будетъ линія, проведенная отъ залива Воло до Артскаго залива. Избраніе правителя Греціи и опредѣленіе его будущаго титула предоставляется взаимному соглашенію кабинетовъ. Рѣшенія эти были внесены въ протоколъ, подписанный уполномоченными Россіи, Англіи и Франціи 10 (22) марта 1829 года.

Побѣды русскаго оружія привели къ Адрианопольскому миру 2-го сентября 1829 года, одно изъ главныхъ постановленій котораго, статья 10-я, состояло въ томъ, что султанъ долженъ признать безъ отлагательства рѣшенія трехъ державъ о будущей судьбѣ Греціи. Такъ какъ для болѣе прочнаго рѣшенія вопроса Россія настаивала на томъ, чтобы Греція была признана независимымъ государствомъ, то Англія согласилась на это, но лишь подъ условіемъ измѣненія постановленныхъ протоколомъ 10-го марта границъ, а именно, чтобы султану была уступлена вся Акарнанія и значительная часть Этоліи. Измѣненіе это, глубоко оскорбившее грековъ, утверждено было союзниками единственно въ угоду англійскому правительству, которое опасалось тревожнаго сосѣдства для Ионическихъ острововъ. Послѣднія рѣшенія державъ касательно

будущаго устройства Греціи были внесены въ протоколъ 3-го февраля (н. с.) 1830 года, а въ маѣ мѣсяцѣ того же года султанъ отвѣтилъ, что онъ безусловно признаетъ всѣ постановленія лондонской конференціи и державъ и вообще всѣ ихъ рѣшенія касательно границъ и территоріи новаго Греческаго королевства, что онъ признаетъ государя, который державами будетъ избранъ и посаженъ на греческій престолъ, и что, наконецъ, будущія отношенія Турціи къ Греціи будутъ основаны лишь на чувствѣ дружбы и добраго сосѣдства.

Такимъ образомъ, лишь благодаря русскимъ побѣдамъ, въ конецъ сокрушившимъ военное сопротивленіе Турціи, появилось въ Европѣ новое единовѣрное намъ королевство.

Греки оказались, однако, недовольными добытыми результатами и протестовали противъ предположенныхъ послѣднимъ протоколомъ границъ, заявляя, что они имѣютъ неотъемлемое право сами распоряжаться своею будущею судьбою. Враги графа Каподистрія желали воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы поколебать его положеніе. Тогда онъ созвалъ въ Аргосѣ національное собраніе, причѣмъ правительство сдѣлало все, чтобы обезпечить за избирателями полную свободу выбора. Надежды враговъ президента, рассчитывавшихъ поставить его въ безысходное положеніе, не оправдались, и подавляющее большинство депутатовъ выразило правительству неограниченное довѣріе и облекло президента самыми обширными полномочіями.

Прочно укрѣпивъ свою власть и очистивъ страну отъ турокъ, графъ Каподистрія съ новымъ жаромъ принялся за устройство вновь образованнаго государства. Онъ организовалъ судебную часть, ввелъ въ армію дѣленіе на батальоны, учредилъ военную школу эвельпидовъ, неуспѣшно продолжалъ заботиться объ открытіи повсюду первоначальныхъ школъ, открылъ въ Эгинѣ музей древностей, выстроилъ по новымъ планамъ многіе города, дотолѣ совершенно разрушенныя, перенесъ столицу въ Навплию, почти во всѣхъ городахъ возвелъ зданія подъ помѣщеніе правительственныхъ учрежденій и такія же зданія для помѣщенія судебныхъ мѣстъ, выстроилъ въ Поросѣ арсеналъ и разныя сооруженія, необходимыя для флота, а въ Навилии, Аргосѣ, Коринѣ, Патрасѣ и Лепантѣ— обширныя казармы. Президентъ Греціи также приложилъ всѣ усилія, дабы внушить довѣріе къ основанному тогда же національному банку, началъ чеканить монету—серебряную фениксъ (стоимостью около полутора рублей) и мѣдную, стоимостью въ 10, 5 и 1 оболъ (одинъ оболъ = $\frac{1}{4}$ копейки), словомъ не было отрасли народнаго развитія, которая не привлекла бы къ себѣ вниманія графа Каподистрія.

Когда рѣчь зашла, кому именно изъ иностранныхъ принцевъ предоставить вновь созданный престолъ, графъ Каподистрія не

переставалъ доказывать, что было бы не только справедливо, но даже необходимо освѣдомиться предварительно у самого греческаго народа насчетъ выбора будущаго своего государя. Когда же державы довѣрительно запросили его собственнаго мнѣнія, то, какъ на желательныхъ кандидатовъ, онъ указалъ на принца Леопольда Кобургскаго, герцога Бернгарта Саксенъ-Веймарскаго и, въ особенности, на принца Фридриха Оранскаго, втораго сына короля голландскаго, своими прекрасными качествами заслужившаго всеобщее уваженіе какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и вообще въ Германіи. Въ этомъ отношеніи характеристично письмо графа Каподистріи къ Колокотрони, отъ 27-го января 1830 года: «я принялъ власть, ввѣренную мнѣ народомъ, вовсе не для самой власти, но чтобы содѣйствовать возрожденію и независимости избравшаго меня народа. Если союзные государи полагаютъ, что возрожденіе это и независимость могутъ быть упрочены только иностраннымъ принцемъ, который будетъ назначенъ наслѣдственнымъ государемъ Греціи, я первый признаю этого государя законнымъ образомъ, то-есть, когда народъ выскажетъ по этому предмету свое рѣшеніе». Въ словахъ этихъ, конечно, сквозитъ досада на то, что считаютъ необходимымъ прибѣгнуть къ иностранному принцу, тогда какъ народное собраніе могло бы высказаться за сохраненіе существовавшаго порядка съ графомъ Каподистріей во главѣ управленія. Но едва ли досада эта была вызвана личнымъ честолюбіемъ графа. Судя по всѣмъ предшествовавшимъ и послѣдующимъ его дѣйствіямъ, скорѣе слѣдуетъ допустить, что, начертывая вышеприведенныя слова, онъ прислушивался къ голосу своего патріотизма, заставлявшаго его сомнѣваться въ томъ, сможетъ ли чуждый народу, иновѣрный принцъ справиться, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, къ благу народа съ тяжелою задачею, выпадавшею на долю новаго греческаго государя, и внушившаго ему мысль, что, быть можетъ, было бы полезнѣе сохранить прежній порядокъ до тѣхъ поръ, пока молодое государство не окрѣпнетъ и не станетъ твердо на свои собственные ноги.

Во всѣхъ письмахъ графа Каподистріи видны упреки въ томъ, что лондонская конференція предписываетъ Греціи условія, на которыхъ должно послѣдовать ея освобожденіе, вмѣсто того, чтобы предоставить самимъ грекамъ принять ихъ въ законныхъ формахъ,—упреки въ томъ, что державы рѣшительно не желаютъ знать обо всемъ этомъ мнѣнія самого греческаго народа.

Для большаго уясненія, какъ относился къ своей собственной роли графъ Каподистрія, не лишне привести подлинныя его слова въ письмѣ къ тогдашнему руководителю англійской политики, лорду Пальмерстону: «...прежде принятія на себя временнаго управленія Греціею, я объявилъ союзнымъ дворамъ и говорилъ посланникамъ, собравшимся на конференцію въ Поросѣ, то же, что впоследствии

повторилъ ихъ резидентамъ, именно: чтобы сдѣлать Грецію свободнымъ и независимымъ государствомъ, необходимо дать ей государя, и я былъ бы счастливъ, если бы мнѣ удалось подготовить путь къ исполненію этой спасительной мѣры» ¹⁾).

Конечно, будь на мѣстѣ графа Каподистрія другой человѣкъ, то, согласно отзыву лицъ, по своему положенію призванныхъ знать истину, онъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ очень легко могъ бы возбудить народное движеніе противъ установленія въ странѣ чужеземной династіи, обнародовать торжественный по этому поводу протестъ и вызвать открытое сопротивленіе, съ которымъ Европѣ было бы трудно справиться.

Слѣдовательно, тѣмъ болѣе чести графу Каподистрія, что онъ не увлекся такими соображеніями и изъ-за личнаго честолюбія не захотѣлъ ставить на карту будущность своего отечества.

Какъ бы то ни было, выборъ трехъ державъ-покровительницъ остановился на принцѣ Леопольдѣ Саксенъ-Кобургскомъ, впослѣдствіи бывшемъ королемъ бельгійцевъ. Избранникъ этотъ, изъявившій, хотя и условно, свое согласіе принять греческую корону, немедленно обратился къ графу Каподистрія, высказывая желаніе, чтобы онъ продолжалъ попрежнему управлять страной и сталъ бы ему совѣтникомъ и руководителемъ по прибытіи принца въ Грецію.

Въ отвѣтъ на это письмо президентъ умоляетъ принца Леопольда прибыть какъ можно скорѣе въ свое новое отечество и шлетъ ему конфиденціальное письмо, которое можетъ служить лучшею исповѣдью политическихъ убѣжденій графа Каподистрія, такъ злонамеренно оклеветаннаго нѣкоторыми западными публицистами, приписавшими ему неумѣренное личное честолюбіе и, какъ слѣдствіе того, двоедушную роль по отношенію къ ставленнику Европы. Въ прочувствованныхъ выраженіяхъ упрашиваетъ онъ принца пріѣхать и раздѣлить горести греческаго народа, удрученнаго предполагаемымъ разграниченіемъ, и проситъ сообщить ему, приметъ ли принцъ религію страны, будетъ ли управлять народомъ на основаніи законныхъ формъ, въ составленіи которыхъ Греція должна принять участіе, и, наконецъ, подтверждаетъ ли онъ указы Аргосскаго народнаго собранія, гарантирующіе законные интересы гражданъ всѣхъ сословій, принесшихъ огромныя жертвы во время войны.

Лично противъ принца Леопольда графъ Каподистрія и не могъ ничего имѣть, такъ какъ издавна находился съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, но въ виду того, что вопросъ шель о будущности Греціи, онъ считалъ безусловно необходимымъ опредѣлить для будущаго государя и права греческаго народа, и нужды самой страны, для чего онъ настаивалъ предъ принцемъ, дабы державы ссудили Греціи 60 миліоновъ франковъ, необходимыхъ для покры-

¹⁾ Графъ Каподистрія къ лорду Пальмерстону, 9-го іюня 1831 года.

тія уже сдѣланныхъ расходовъ и для того, чтобы поднять въ странѣ земледѣліе и торговлю.

Принцъ Леопольдъ не даромъ считался образцомъ благоразумія и не даромъ согласился принять корону лишь на извѣстныхъ условіяхъ: онъ хорошо понималъ всю трудность предстоящей ему задачи, а также невозможность править царствомъ при отсутствіи денежныхъ средствъ, не говоря уже о томъ, что поддержаніе обаянія королевскаго титула требовало значительныхъ затратъ, которыя при пустотѣ государственной казны были возможны лишь для принцевъ съ огромнымъ личнымъ состояніемъ, готовыхъ отдать это послѣднее на пользу новой ихъ отчизны.

Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, принцъ Леопольдъ заявилъ, что онъ беретъ назадъ свое первоначальное согласіе. Первою и главнѣйшею причиною, заставившею его отвергнуть предложенный престолъ, было нежеланіе державъ согласиться на его просьбу гарантировать для Греціи заемъ въ 60 милліоновъ франковъ. Кромѣ того, онъ требовалъ присоединенія къ Греціи Крита и Самоса и расширенія сухопутныхъ границъ. Получивъ положительный отказъ по этимъ двумъ вопросамъ, онъ предпочелъ сложить съ себя званіе, которымъ онъ былъ облеченъ по выбору трехъ державъ.

В. Тепловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. Н. ПОГОЖЕВА ¹⁾.

ХІ.

Музыкальные успѣхи моихъ дочерей.—Дѣтская переплетка.—Мысль о поѣздѣ за границу для музыкальнаго образованія дочерей.—Служебныя занятія въ Петербургѣ и музыкальныя вечеринки.

В ОЛѢЕ года жившая у насъ гувернантка, умная, скромная, образованная нѣмка, Марія Христіановна Розенталь, добросовѣстно заявила, что дочери мои имѣютъ такія музыкальныя способности, что надобно взять учителя музыки. Мы взяли учителя, который училъ на фортепіано дочерей родственницы нашей Елизаветы Алексѣевны Степановой,—Федора Зибольдта. Подъ его руководствомъ дочери мои сдѣлали успѣхи неимовѣрные. Черезъ полгода онѣ хорошо читали ноты и играли а *prima vista* трудныя пьесы; даже исполняли дуэты со скрипкой и флейтой и тріо со скрипкой и віолончелью.

Двоюродная сестра нашей гувернантки, Христіана Васильевна Проворова, по второму мужу Кейтъ, во время посѣщенія сестры, услыжавъ игру моихъ дочерей, удивлена была бѣгlostью, чистотою и выраженіемъ въ исполненіи трудныхъ пьесъ. Она шутя сказала, чтобъ дочери мои устроили дѣтскій концертъ въ пользу дѣтей Василеостровскаго пріюта, котораго она была начальницей. Мы пошутили, поемѣялись, тѣмъ дѣло и кончилось. Но, пробѣзжая

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 84.

зимою, когда я катался съ дѣтми въ саняхъ, мимо Васильеостровскаго пріюта, я приказалъ остановиться у подъѣзда... Впрочемъ, приведу лучше два письма Вѣры и Натальи Погожевыхъ къ двоюродной сестрѣ Людмилѣ, дочери брата моего Петра Николаевича. Въ нихъ простодушно описаны музыкальные дѣтскіе концерты.

Письмо первое.

«Милая Людмила! Спѣшу увѣдомить тебя, что нашъ первый дѣтскій концертъ кончился счастливо. Намъ съ Наташей такъ было весело готовиться къ этому концерту, а теперь еще веселѣе, когда все такъ хорошо кончилось. Папенька намъ часто говоритъ, что мы должны усовершенствовать наши дарованія для прославленія имени Божія и на пользу ближнимъ. Сегодня я расскажу тебѣ, какъ мы съ Наташей начали быть полезными нашимъ ровесницамъ, дѣтямъ пріютовъ. Прошлою зимою мы съ папенькою поѣхали кататься въ саняхъ. Проѣзжая по 10-й линіи Васильевскаго острова, мы увидѣли на одномъ домѣ надпись: «2-й дѣтскій Васильеостровскій пріютъ». Мы съ Наташей стали разспрашивать папеньку, что это такое пріютъ. И добрый папенька, вмѣсто отвѣта, приказалъ кучеру остановиться у подъѣзда этого дома. Мы встаемъ изъ саней, всходимъ по чистой лѣстницѣ, усасть солдатъ снимаетъ съ папеньки шубу, а съ насъ салопы. Высокая и миловидная дама встрѣчаетъ насъ въ дверяхъ зала; входимъ въ залъ, и множество мальчиковъ и дѣвочекъ, съ самыми веселыми личиками, радостно и въ одинъ голосъ поздоровались съ нами.

«Ахъ, милая Людмилочка! Какъ мы съ Наташей благодарны папенькѣ за то удовольствіе, которое онъ доставилъ намъ. Добрыя, милыя дѣти пріюта, чисто и опрятно одѣтыя, веселенькія, здоровенькія, такъ ласково на насъ смотрѣли, что намъ съ Наташей не хотѣлось разстаться съ ними. И если бы ты знала, какъ хорошо эти малютки знаютъ священную исторію и русскую исторію, ты удивилась бы. Папенька дѣлалъ имъ нѣсколько вопросовъ, и они отвѣчали на все скоро и внятно. Потомъ надзирательница (та дама, которая встрѣтила насъ при входѣ въ залъ) приказала дѣтямъ пѣть, и всѣ они премило запѣли божественный гимнъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ», и потомъ эту прекрасную пѣсню, которую мы съ тобой такъ любимъ: «Боже, Царя храни».

«Слушая это пѣніе, я сама не знаю—отчего прослезилась, но въ то же время мнѣ было и весело. Гляжу на Наташу, и у ней на глазахъ слезы; Наташа весело смотритъ, а тоже на глазахъ слезы; мнѣ очень весело, а тоже на глазахъ слезы. Возвратясь домой, разспрошу объ этомъ у папеньки. Мы простились съ доброю надзирательницею и дѣтми и, возвратясь домой, подробно обо всемъ рассказали милой нашей больной маменькѣ. Я спраши-

вала у папеньки, отчего во время пѣнія дѣтей пріюта у всѣхъ насъ были на глазахъ слезы, а при всемъ томъ намъ было и весело. Папенька намъ сказалъ, что слезы наши происходили отъ душевнаго умиленія, то-есть оттого, что намъ пріятно было смотрѣть на дѣтей, съ такою радостью поющихъ гимны Богу и Царю. Папенька разсказалъ намъ, что этотъ пріютъ не одинъ въ Петербургѣ, а ихъ четырнадцать. Кромѣ того, есть нѣсколько пріютовъ въ Москвѣ и во многихъ губернскихъ городахъ. Въ пріюты принимаются дѣти такихъ бѣдныхъ родителей, которые безъ этихъ прекрасныхъ заведеній не знали бы, что дѣлать съ своими малютками. Они оставались бы дома безъ всякаго призрѣнія и, можетъ быть, терпѣли бы холодъ и голодъ и, выростая, должны были бы просить милостыню, а иныя безъ этого надзора, можетъ быть, сдѣлались бы дѣтьми очень дурными. Услышавъ все это, мы съ Наташей заплакали уже не на шутку. Намъ стало жалко бѣдныхъ дѣтей; но папенька обнялъ насъ и утѣшилъ, сказавъ, что добрая государыня наша, императрица Александра Ѳеодоровна, взяла подъ свое покровительство этихъ бѣдныхъ дѣтей, и многія знатныя и богатыя дамы, вмѣстѣ съ главною между ними попечительницею, графинею Юліей Петровной Строгановой, заботятся, какъ добрыя маманьки, о счастіи дѣтей пріютовъ.

«Мы съ Наташей стали просить папеньку научить насъ, какъ бы и намъ помочь чѣмъ нибудь дѣтскимъ пріютамъ, но папенька намъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ ничего удѣлить отъ небольшого жалованья своего на службѣ, но что мы сами можемъ быть полезными дѣтямъ пріюта, если станемъ прилежно заниматься музыкою и, когда учитель намъ позволитъ, дадимъ въ пользу пріюта дѣтскій музыкальный вечеръ.

«Этого было довольно для насъ. Мы съ Наташей начали такъ прилежно заниматься музыкою, что мѣсяца черезъ три учитель нашъ, г. Зибольдтъ, позволилъ намъ сыграть нѣсколько пьесъ въ дѣтскомъ концертѣ, который взялся устроить папенька. Онъ написалъ графинѣ Ю. П. Строгановой письмо о желаніи нашемъ составить дѣтскій музыкальный вечеръ въ пользу Васильеостровскаго пріюта, и графиня съ большимъ удовольствіемъ согласилась на это и очень хвалила Наташу и меня за такое намѣреніе. Князь Голицынъ, живущій на Большой Милліонной, далъ намъ свой залъ съ освѣщеніемъ. Мы съ Наташей начали весело готовиться къ концерту. Ты уже знаешь всѣ пьесы, которыя тогда были играны и пѣты, потому что мы послали тебѣ съ твоимъ папенькой маленькую афишку. Наступилъ день концерта: 28-е марта. По утру въ 11 часовъ папенька повезъ насъ въ каретѣ на репетицію, которая прошла удачно, и вечеромъ, въ 6 часовъ, мы опять пріѣхали въ концертный залъ, гдѣ горѣло уже множество свѣчъ и лампъ. Вскорѣ начали собираться и посѣтители, пріѣхала и

графиня Ю. П. Строганова со многими знатными дамами и кавалерами. Музыка заиграла увертюру, и, когда она кончилась, князь Мурузи, супруга котораго — попечительница во 2-мъ Васильеостровскомъ приютѣ, вывелъ меня изъ боковой комнаты. Когда меня увидѣли, то захлопали въ ладоши такъ громко, что голова моя чуть не закружилась. Однакожъ скоро это прошло, и мнѣ стало еще веселѣе, нежели было прежде. Я поклонилась такъ хорошо, какъ только умѣла, и сѣла за рояль, который былъ такъ хорошъ, что ты заслушалась бы, если бы заиграла на немъ и одни аккорды. Но вотъ я сѣла, сняла бѣлыя перчатки, обшитыя розовыми ленточками; ударила по клавишамъ и боялась взглянуть куда нибудь, кромѣ нотъ. Я сыграла, кажется, довольно хорошо, потому что мнѣ очень много хлопали. Потомъ мы съ Наташей играли въ четыре руки двѣ пьесы и, кромѣ того, я опять играла одна. Участники въ нашемъ концертѣ—воспитанники 3-й гимназiи: Шмидтъ (ученикъ Маурера) игралъ на скрипкѣ, а Михаелисъ пѣлъ двѣ мелодiи Вейрауха и Шуберта. Намъ всѣмъ очень много аплодировали, но болѣе всего Шмидту: онъ чудесно играетъ на скрипкѣ. Всѣ знатоки музыки безпрестанно твердили:

— «Прекрасно! Браво! Онъ играетъ просто и благородно.

«Ахъ, если бы ты знала, Людмилочка, какъ добра графиня Строганова. Въ то время, когда мы послѣ концерта пили чай въ гостиной князя Голицына, она такъ ласкала и хвалила меня и Наташу, что я не знала, какими словами благодарить ее. На третiй день послѣ концерта папенька повезъ насъ къ ней. Если бы ты могла вообразить себѣ, какiя у нея чудесныя комнаты! Какъ онѣ убраны! Нѣтъ, я не могу описать этого. Черезъ нѣсколько такихъ комнатъ насъ провели въ кабинетъ графини, гдѣ она слушала докладъ по дѣламъ приютовъ. Она опять обласкала насъ, спрашивала о маменькѣ нашей, и когда папенька отвѣчалъ, что она почти всегда бываетъ больна, графиня сказала:

— «Надобно позаботиться о вашихъ дѣтяхъ.

«Вскорѣ пришелъ и самъ графъ Строгановъ, и мы съ Наташей при немъ и при графинѣ играли въ четыре руки gondo. Наконецъ, доложили графинѣ о приѣздѣ какой-то знатной дамы. Графъ поблагодарилъ папеньку за удовольствiе, которое доставила ему наша игра, и ушелъ на свою половину. Мы распростились съ графиней и поѣхали къ княгинѣ Мурузи, о которой я уже говорила тебѣ. Княгиня также осыпала насъ ласками и подарила намъ прелестную корзинку съ конфектами. Прощай, милая Людмила, цѣлую тебя. Твой другъ и сестра Вѣра Погожева».

Письмо второе.

«Милая Людмила! Папенька получилъ письмо отъ графини Ю. П. Строгановой; она благодарить его за первый концертъ, отъ

котораго за всѣми расходами собрано въ пользу 2-го Василье-островскаго дѣтскаго пріюта 830 рублей. Подумай, что мы съ Наташей могли доставить столько денегъ бѣднымъ дѣтямъ, которыя ходятъ въ этотъ пріютъ.

«Графиня пишетъ, что имена наши будутъ занесены въ списки тѣхъ лицъ, которыя дѣлаютъ какое нибудь добро дѣтскимъ пріютамъ. А вѣдь этотъ списокъ подносятъ государынѣ! Какое счастье для насъ! Могли ли мы ожидать когда нибудь этого!

«Въ концѣ письма графини вотъ что сказано:

«Такимъ образомъ навсегда сохранится въ вѣдомствѣ дѣтскихъ пріютовъ достойный для подражанія примѣръ Вѣры и Натальи Погожевыхъ, положившихъ первые плоды прекраснаго ихъ таланта на алтарь благотворенія».

«Наташу и меня въ этомъ письмѣ называютъ маленькими артистками: это было намъ и смѣшно, и весело! Папенька говоритъ, что такъ какъ теперь всѣ очень любятъ музыку, то дѣтскіе концерты разовьютъ музыкальные таланты и возбуждаютъ въ дѣтяхъ охоту учиться музыкѣ основательно, а не только играть такія пьески, которыя легко можно вытвердить. Мы уже чувствуемъ справедливость папенькиныхъ словъ. Послѣ концерта Наташа и я охотнѣе учимся музыкѣ, полюбили нашъ рояль, свыклись съ нимъ и охотно играемъ каждый день по три часа. Сидѣть за роялемъ для насъ сдѣлалось также необходимо, какъ пить чай или обѣдать. Папенька затруднялся достать хорошій рояль, но добрый К. Виртъ продалъ намъ одинъ изъ своихъ прекрасныхъ роялей, съ уплатою ему денегъ по мѣрѣ возможности. Мы играемъ экзерциціи Бертини, Черни и нѣсколько Крамера, много пьесъ въ двѣ и четыре руки, а также нѣсколько тріо съ аккомпанементомъ віолончели и скрипки, много дуэтовъ со скрипкою, а я играю три пьесы съ квартетомъ, которыя можно играть и съ оркестромъ.

«Болѣе всѣхъ поощряетъ насъ учитель музыки и А. А. К., который и самъ играетъ на скрипкѣ; я съ нимъ иногда играю дуэты. Ахъ, милая Людмила, какіе неподобные квартеты составляются у К. Въ одинъ вечеръ мы были у него и играли въ дѣтской съ дѣтьми его. Вдругъ слышимъ чудесную музыку. Въ одну минуту бросили нашу игру и хотѣли войти въ залъ. Но не тутъ-то было: двери были заперты. Однакожъ папенька упросилъ впустить насъ, и мы долго слушали квартетъ, въ которомъ играли, кромѣ самого хозяина, віолончелистъ Д. и два генерала, одинъ военный, другой штатскій; оба со звѣздами ¹⁾. Чудо, какъ хорошо они играли!

¹⁾ Дробишъ, генераль-адъютантъ Шильдеръ и тайный совѣтникъ Андрей Андреевичъ Карнѣевъ.

«Надобно разсказать тебѣ также, что мы съ папенькой были въ «Дѣтскомъ образцовомъ пріютѣ». Здѣсь дѣти согласнѣе поють, нежели въ другихъ пріютахъ, и комнаты лучше и красивѣе, а все другое, кажется, одинаково во всѣхъ пріютахъ. Этотъ пріютъ содержитъ на свой счетъ баронъ Штиглицъ. Папенька говорилъ, что онъ большой богачъ. Попечительницею этого пріюта состоитъ сама графиня Ю. П. Строганова. Отсюда мы съ папенькой отправились въ пріютъ имени покойной великой княгини Александры Николаевны. Здѣсь мы написали въ книгѣ, что желаемъ въ память земнаго ангела, улетѣвшаго на небо, составить въ пользу дѣтей этого пріюта дѣтское музыкальное утро; а папенька прибавилъ, что онъ благословляетъ насъ на доброе дѣло.

«По письму папеньки, графиня Ю. П. Строганова испрашивала соизволенія государыни императрицы, и ея величество съ благоволеніемъ изволила принять вызовъ папеньки устроить дѣтскій концертъ. И этотъ кончился, слава Богу, хорошо. Онъ былъ 10-го декабря, въ залѣ г-жи Энгельгардтъ. Насъ выводилъ изъ боковой комнаты директоръ пріюта докторъ К. К. Гофманъ. Въ этомъ концертѣ участвовалъ Александръ Тюфяевъ, сынъ полковника, одностуживца папеньки, и воспитанникъ 3-й гимназіи Шмидтъ, что игралъ на скрипкѣ въ первомъ концертѣ. Онъ теперь игралъ двѣ пьесы, и ему много апплодировали. Я играла большой дивертисментъ Тальберга съ аккомпанементомъ волторны и оркестра. Эту пьесу думали было играть съ віолончелью, но папенька не могъ пріискать хорошаго віолончелиста, а потому и пригласилъ волторниста Большаго театра г. Гомеліуса. Когда онъ въ первый разъ у насъ на домашней репетиціи началъ настраивать волторну, то мы всѣ вздрогнули; особенно испугались сестра Сонечка и братъ Петя, но когда г. Гомеліусъ заигралъ соло, то это чудо, какъ хорошо и пріятно было. По мнѣ такъ лучше аккомпанементъ на волторнѣ, нежели на віолончели. Потомъ маленькій Тюфяевъ, сестра Наташа и я играли на роялѣ въ шесть рукъ варіаціи Черни, потомъ я играла концертъ Черни съ аккомпанементомъ оркестра и, наконецъ, дѣти пріюта пропѣли: «Боже, царя храни». Намъ всѣмъ много апплодировали и, кажется, всѣ остались довольны концертомъ; пѣніе же дѣтей просили повторить... Намъ съ Наташей было очень весело во время концерта, особенно, когда графиня Строганова подзвала насъ къ себѣ, ласкала насъ и общалась постараться о томъ, чтобы Наташу и меня приняли въ Патріотическій институтъ. Намъ очень этого хочется: мы стали бы очень прилежно учиться. Кажется, такъ весело тамъ, гдѣ такъ много дѣвицъ учатся вмѣстѣ. Но папенькѣ жаль съ нами разстаться, маменька же говоритъ, что въ этомъ случаѣ надобно положиться на Промыслъ Божій и на покровительство такой знатной дамы, какъ графиня Ю. П. Строганова.

«Можетъ быть, у насъ будетъ и третій дѣтскій концертъ: папенькѣ хочется устроить это, и онъ надѣется, что одна дама, у которой прекрасный голосъ, будетъ участвовать въ этомъ концертѣ. Прощай, милая Людмила. Твой другъ и сестра Вѣра Погожева».

Эти письма показываютъ, какое блестящее начало на музыкальномъ поприщѣ сдѣлали мои дочери, имѣя только отъ роду старшая 10, младшая 9 лѣтъ. Но я вовсе не располагалъ сдѣлать ихъ артистками, а признаюсь, что цѣль дѣтскихъ концертовъ была—обратить на нихъ вниманіе государыни императрицы, опредѣлить ихъ въ какой либо императорскій дѣвичій институтъ. Но всѣ мои старанія были безуспѣшны, и ходатайство попечительницы С.-Петербургскихъ дѣтскихъ приютовъ графини Ю. П. Строгановой не помогло, потому что на представленіе совѣта дѣтскихъ приютовъ полученъ отказъ по неимѣнію въ институтахъ ваканціи.

Лучшіе артисты и учителя музыки и извѣстные любители совѣтовали мнѣ усовершенствовать музыкальные таланты моихъ дочерей. Однакожъ я все еще не думалъ ѣхать за границу, а потому, по случаю отъѣзда изъ Петербурга за границу учителя музыки Зибольдта, началъ преподавать моимъ дочерямъ уроки на фортепіано Карль Фольвейеръ. Этотъ талантливый артистъ и композиторъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, рѣшительно совѣтовалъ мнѣ отвезти дочерей моихъ въ одну изъ музыкальныхъ консерваторій, указывая преимущественно на Лейпцигскую, гдѣ былъ въ то время директоромъ консерваторіи основатель ея, знаменитый генераль-директоръ музыки Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди, а профессоромъ фортепіанной игры ветеранъ піанистовъ, Игнатій Мошелесъ.

Но я все еще не рѣшался по несовершенной увѣренности въ самостоятельности музыкальныхъ талантовъ моихъ дочерей и по неимѣнію средствъ для поѣздки за границу и прожитія тамъ нѣсколько лѣтъ. Я позабылъ еще сказать, что обращался съ просьбою къ извѣстному фортепіанному въ Петербургѣ учителю, Антону Герке, о преподаваніи уроковъ моимъ дочерямъ, которыхъ онъ уже зналъ, потому что онѣ у него играли на музыкальномъ вечерѣ. И вотъ отвѣтъ г. Герке:

«Милостивый государь! Каждому учителю пріятно бы заниматься съ большими талантами, какими одарены ваши дочери, но я чувствую, что для охраненія своего имени я бы долженъ болѣе заниматься съ ними, чѣмъ мое время теперь позволяетъ; и затѣмъ весьма сожалѣю, что лишаюсь удовольствія быть вамъ полезнымъ. Имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою. Антонъ Герке».

Это письмо, а также мнѣніе знаменитаго піаниста Адольфа Гензельта, который открыто мнѣ сказалъ, что «въ Россіи трудно получить совершенное музыкальное образованіе, потому что лучшіе

учителя музыки очень дороги, да къ тому же они не имѣютъ и времени серьезно заняться музыкальными уроками»,—внушили мнѣ мысль отправиться съ дочерьми въ Парижъ, или, какъ вообще у насъ говорятъ, «за границу». Съ этого времени всѣ мои помышленія были о возможности поѣздки и о средствахъ къ тому. Дальнѣйшіе же успѣхи моихъ дочерей и журнальныя статьи еще болѣе и болѣе поощряли мое рвеніе.

Вотъ что говорилось о моихъ дочеряхъ въ «Литературной Газетѣ» въ январѣ мѣсяцѣ 1846 года.

«Однакожь не можемъ мы умолчать объ оригинальномъ и доселѣ никогда не бываломъ концертѣ, данномъ передъ праздникомъ въ филармонической залѣ маленькими дѣтьми, въ пользу дѣтей же пріюта въ Бозѣ почившей великой княгини Александры Николаевны. Героинями этого благотворительнаго подвига были дѣвицы Вѣра и Наталья Погожевы. Маленькія артистки обличаютъ въ себѣ замѣчательный талантъ, особенно дѣвица Вѣра. Туше ея мягокъ, силенъ; много энергіи и увѣренности въ игрѣ. Не смотря на свои маленькія ручки, она дѣлаетъ самые трудные пассажи, и пальчики ея бѣгаютъ по клавишамъ съ изумительною быстротой. Она прекрасно исполнила большой дивертисментъ сочиненія Тальберга и еще лучше концертъ Черни. Слушатели и въ особенности слушательницы были отъ нея въ восторгѣ. Кромѣ двухъ сестриць-виртуозокъ, участвовалъ въ концертѣ воспитанникъ 3-й гимназіи Николай Шмидтъ. Этотъ молодой человекъ владѣетъ смычкомъ съ такою легкостью и показываетъ столько души въ игрѣ, что въ немъ можно предвидѣть замѣчательнаго скрипача».

Съ этого времени жизнь моя вообще посвящена была на музыкальное образованіе моихъ дочерей.

XII.

Я прошусь въ отставку; графъ Клейнмихель меня увольняетъ на четыре мѣсяца въ отпускъ съ полнымъ содержаніемъ. — Отъѣздъ въ деревню. — Павелъ Александровичъ Катенинъ и другіе литераторы. — Удачная продажа дегтя случайно помогаетъ предпринять поѣздку за границу. — Семейный договоръ. — Отъѣздъ въ Петербургъ.

Я узналъ, что графъ Клейнмихель не любитъ увольнять подчиненныхъ своихъ въ отставку, по примѣру благодѣтеля своего, графа Толя, но, всетаки, подалъ прошеніе объ отставкѣ. Графъ спросилъ меня, зачѣмъ я выхожу въ отставку, и я, не желая прямо высказать мое намѣреніе ѣхать за границу, сказалъ, что я нездоровъ и долженъ пользоваться лѣтнимъ свѣжимъ воздухомъ. На это графъ возразилъ:

— Хорошо, я вам дамъ отпускъ на четыре мѣсяца съ содержаніемъ.

Мнѣ оставалось только поблагодарить, и черезъ недѣлю я отправился со всею семьею въ деревню свою, въ Костромскую губернію, въ Кологривскій уѣздъ, гдѣ пробылъ около четырехъ мѣсяцевъ беззаботно, спокойно, придумывая только способы для поѣздки за границу. Но и въ деревнѣ дочери мои занимались музыкою и много играли на превосходномъ роялѣ Вирта, привезенномъ изъ Петербурга.

Сосѣдомъ нашимъ по имѣнію былъ Павелъ Александровичъ Катенинъ, извѣстный своими литературными сочиненіями, особенно сатирическимъ умомъ и начитанностью, а также тѣмъ, что по театральнымъ интригамъ въ двадцатыхъ годахъ былъ высланъ изъ Петербурга. Катенинъ образовалъ и училъ декламациі извѣстнаго трагика В. А. Каратыгина. Катенинъ говорилъ красно и увлекательно, но самъ увлекался односторонностью сужденій. Отъ уединенной жизни въ глуши кологривскихъ лѣсовъ онъ сдѣбался желченъ, раздражителенъ, оскорблялся противорѣчіями, часто даже выходилъ изъ себя, горячился, кричалъ и говорилъ колкости и дерзости. Хотя я съ нимъ часто спорилъ и во многомъ не соглашался, но онъ былъ со мною вѣжливъ и снисходительно выслушивалъ мои возраженія. Это былъ человекъ, видѣвшій свѣтъ, служившій полковникомъ въ гвардіи, слѣдовательно, жившій долго въ хорошихъ обществахъ, бывшій въ Парижѣ и вообще за границей и слыхавшій лучшихъ первоклассныхъ артистическихъ знаменитостей ¹⁾. Онъ чрезвычайно хвалилъ моихъ дочерей, удивлялся раннему развитію музыкальныхъ способностей, вѣрности интонаціи, бѣглости игры на фортепіано при исполненіи даже трудныхъ пассажей и глубокому чувству, съ которымъ двѣ дѣвушки, еще дѣти, исполняли музыкальныя піесы.

— Скажите, пожалуйста,—говорилъ Катенинъ,—откуда взялось это чувство? Понимаютъ ли онѣ, что играютъ? И можетъ ли понимать дѣвочка-ребенокъ?

Вотъ вопросы, которые почтенный сосѣдъ мой мнѣ и самому себѣ задавалъ, ходя скорыми шагами по комнатѣ. Это была его привычка, и чѣмъ живѣе былъ его разговоръ или споръ, тѣмъ скорѣе ходилъ онъ, часто останавливаясь передъ своимъ слушателемъ или противникомъ.

— Что-жъ такое опытъ жизни? Что наши страсти и сердечныя ощущенія, если дѣвочка-ребенокъ передаетъ намъ страданія души въ музыкальныхъ звукахъ и, перебирая по клавишамъ рояля, играетъ какъ бы по нашимъ сердцамъ, сочувствуя какъ бы неземнымъ чувствамъ, нашимъ житейскимъ страданіямъ?

¹⁾ Катенинъ умеръ въ 1850 году.

И многое, многое говорил восторженный Катенинъ, съ какою-то особенною торжественною почтительностью, въ родѣ благоговѣнія, цѣлуя руки у маленькихъ дѣвочекъ. Восторженная декламация старшей моей дочери Вѣры не удивляла, но ужасала Катенина, опять-таки все тѣмъ же рановременнымъ развитіемъ жизненныхъ силъ и способностей души. Обѣ дѣвочки отчетливо, съ изумительной вѣрностью, передавали характеры представляемыхъ лицъ. Такъ, напримѣръ, Вѣра читала монологъ изъ «Іоанны д'Аркъ» Шиллера, изъ «Параши Сибирячки» Полеваго и изъ «Торквато Тассо» Кукольника, и обѣ дѣвочки разыгрывали нѣкоторыя пьески на домашнемъ театрѣ. Я позабылъ сказать, что у насъ въ Петербургѣ былъ свой домашній театръ, устроенный въ залѣ, и за кулисами была спальня и дѣтская, убираемая на время представленія. Слѣдовательно, дѣти мои родились и вскормлены на театральной сценѣ.

Н. В. Кукольникъ тоже ужаснулся, услыхавъ чтеніе его «Торквато Тассо» Вѣрою, когда ей было только 6 лѣтъ. По окончаніи монолога «Вѣнчаніе Тасса» онъ былъ чрезвычайно растроганъ и сказалъ:

— Ради Бога, прочь отъ поэзіи, на математику ихъ, а то онѣ преждевременно сгорятъ самовозгараніемъ души.

Я старался исполнить совѣты Катенина, Кукольника и другихъ особъ, принимавшихъ участіе въ образованіи моихъ дочерей. Я обратилъ ихъ болѣе къ музыкѣ. Въ этомъ меня поощряли особенно, кромѣ Катенина и Кукольника, А. А. Каргѣевъ, П. П. Каменскій, Е. П. Гребенка, академикъ Остроградскій, поэтъ и живописецъ Шевченко, Ѳ. А. Кони, В. В. Межевичъ, Р. М. и В. Р. Зотовы, Адольфъ Гензельтъ, Антонъ Герке, Карлъ Фольвейръ, Фридрихъ Зибольдтъ, братья Лабзины, А. О. Ишимова, П. А. Плетневъ, П. А. Шишкинъ и многіе другіе.

Всѣ рѣшительно убѣждали меня серьезно и прочно музыкально образовать дочерей моихъ. Само Провидѣніе, видимо, благословляло мое патріотическое предпріятіе образовать русскихъ, самостоятельныхъ артистокъ, если не знаменитыхъ виртуозокъ, то, по крайней мѣрѣ, хорошихъ учительницъ музыки въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Придумывая способы достать денегъ для поѣздки за границу, мы однажды въ ненастный осенній день, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, сидѣли всѣ пригорюнясь возлѣ нашего деревенскаго дома. Вдругъ подъѣзжаетъ къ крыльцу кибитка на тройкѣ лошадей съ колокольчикомъ. Мнѣ докладываютъ, что какіе-то два купца желаютъ меня видѣть. Я приглашаю войти въ залъ, и два русскихъ купчика, или торговца (это были дѣйствительно крестьяне, торгующіе дегтемъ), спросили у меня, не продамъ ли я свой деготь; у меня въ то время былъ паровой заводъ на 6 казановъ; я сказалъ, что у

меня есть чудовъ тысяча. Они спросили у меня о цѣнѣ, и только что я объявилъ, что желаю продать по 3 рубля ассигнаціями за пудъ, какъ торговцы между собою переглянулись, и одинъ изъ нихъ сказалъ, что они подумаютъ и поутру дадутъ отвѣтъ.

На другое утро эти торговцы опять пріѣхали, и, уже не спрашивая о цѣнѣ и не торгуясь, одинъ изъ нихъ вынулъ изъ-за пазухи кожаный бумажникъ, завернутый въ тряпку, или носовой платокъ, и отсчиталъ мнѣ 3 тысячи рублей ассигнаціями, всѣ деньги сполна, не принявъ еще дегтя. Дочери мои, еще съ вечера молившія Бога, чтобы купцы купили деготь, едва услышали объ этой продажѣ, пали предъ святыми иконами на колѣни и со слезами пламенно благодарили Бога за то, что Онъ внушилъ мысль купцамъ пріобрѣсть у насъ деготь. Итакъ, не ясны ли пути Провидѣнія, на которые сами житейскіе случаи указывали намъ?

Съ основнымъ капиталомъ въ 3 тысячи рублей ассигнаціями отправился я въ Петербургъ съ двумя дочерьми, а жена съ маленькими дѣтьми осталась въ деревнѣ. Въ Петербургѣ я заложилъ свое небольшое имѣніе, состоявшее изъ 38 душъ, продалъ брилліанты жены и все серебро, даже до послѣдней ложки. Дочери мои испросили согласіе и благословеніе бабушки на поѣздку за границу. Вотъ оригинальная подписка, которую онѣ написали, какъ бы въ знакъ твердаго своего желанія образоваться.

«Мы, нижеподписавшіяся сестры Вѣра и Наталья Погожевы, по пріѣздѣ въ Петербургъ и за границей, обязуемся сдерживать слѣдующія условія въ продолженіе двухъ лѣтъ:

- «1. Ничего не просить купить изъ платьевъ и лакомства.
- «2. Ежели, сохрани Боже, заболѣемъ, то, не отговариваясь, лечиться и слушать доктора.
- «3. Довольствоваться тѣми кушаньями, которыя раздаются въ залѣ для бѣдныхъ.
- «4. Не проситься ни въ гости, ни въ театръ, не нанимать извозчика, а ходить пѣшкомъ.
- «5. Намъ достаточно получать каждый день четверть фунта говядины, обѣимъ шесть картофелинъ (три большихъ и три маленькихъ).
- «6. Чай пить спитой и полфунта сахара въ мѣсяцъ, по полфунту чернаго хлѣба и пятикопеечную булку обѣимъ.
- «7. По воскресеньямъ по чайной ложечкѣ патоки.
- «8. Чинить платья будемъ сами».

«Ежели мы этихъ условій не исполнимъ, тогда да будетъ намъ стыдно. Мы любимъ страстно музыку, и потому желаемъ всю жизнь посвятить на изученіе ея. Если будемъ получать какія либо выгоды отъ концертовъ и уроковъ, то нѣкоторую часть денегъ будемъ жертвовать на церковь и бѣдныхъ, дѣтей же бѣдныхъ родителей

будемъ учить даромъ. Обѣщаемся жить всю нашу жизнь по заповѣдямъ Божиимъ, не мстить за обиды и не огорчаться критикой и пересудами журналовъ, но будемъ принимать съ благодарностью добрые совѣты и справедливыя замѣчанія умныхъ и опытныхъ музыкантовъ и любителей музыки. Даже если намъ вмѣсто аплодисментовъ стали бы въ театрѣ или концертномъ залѣ шикать или свистать, то мы съ терпѣніемъ и хладнокровно все перенесемъ и будемъ стараться съ новымъ усердіемъ изучать музыку. Подписались: Вѣра Погожева, Наталья Погожева. 30-го октября 1840 года. Усадьба Горка, Кологривскаго уѣзда».

Мы отправились изъ деревни въ октябрѣ мѣсяцѣ; до Макарьева провозжала насъ жена моя съ семилѣтнею дочерью Софьею. Старшей было тогда 10, второй 9 лѣтъ.

Признаюсь, и теперь ужасъ овладѣваетъ мною, когда вспомню, какую пропасть перескочилъ, какимъ недостаткамъ, лишеніямъ, даже нуждамъ, подвергалъ себя и малолѣтнихъ дочерей. Но успѣхъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. Рояль нашъ купилъ костромской помѣщикъ Василій Петровичъ Викентьевъ за 1.400 рублей асигнаціями (стоялъ намъ 1.800 рублей). Но намъ надобны были деньги и деньги, а въ Петербургѣ за подержанный рояль не дали бы такой цѣны.

XIII.

Путешествіе въ почтовой каретѣ до Таурогена. — Переѣздъ черезъ границу. — Приѣздъ въ Берлинъ. — Лейпцигъ; посѣщеніе Мошелеса и Мендельсона—Бартольди. — Музыкальная консерваторія въ Лейпцигѣ. — Семья Мошелеса.—Музыкальные уроки моихъ дочерей.

Жребій брошенъ. Заграничный паспортъ полученъ; чемоданы уложены; отслуженъ молебенъ «всѣхъ скорбящихъ Божіей Матери», и 28-го января 1847 года мы сѣли въ почтовый дилижансъ и тронулись въ путь. Съ нами ѣхали въ другой каретѣ французенка и англичанинъ. На другой день послѣ отъѣзда, услышавъ отъ кондуктора, что ночью попадалось около большой дороги много волковъ, англичанинъ убѣдительно звалъ меня идти съ нимъ на охоту за волками. Разумѣется, я отказался. Не доѣзжая трехъ станцій до Таурогена, поднялась такая вьюга и метель, что лошади не могли бѣжать, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ глубокаго снѣга. Мы простояли на одномъ мѣстѣ часовъ пять. Кондукторъ нашъ послалъ ямщика верхомъ на лошади на ближнюю станцію за санями и свѣжими лошадьми, которыя вмѣстѣ съ смотрителемъ той станціи и приѣхали за нами. Но едва мы отъѣхали съ версту, спутникъ нашъ англичанинъ приказалъ ямщику остановиться, вышелъ изъ саней и побрелъ по колѣно въ снѣгу къ каретамъ, оставшимся

назади. Какъ бы вы думали, зачѣмъ онъ пошелъ? Посмотрѣть, какъ будутъ вытаскивать карету изъ снѣгу! Это характерно даже для англичанина... На прусской границѣ таможенный чиновникъ вѣжливо спросилъ насъ, не имѣемъ ли мы съ собою чаю, сапожнаго товара и прочаго запрещеннаго, и когда мы отвѣчали, что ничего подобнаго не имѣемъ, насъ пропустили, не осматривая нашихъ чемодановъ.

Мы ѣхали отъ первой прусской станціи Лаугспаргенъ до города Тильзита по экстра-почтѣ въ каретѣ на парѣ лошадей.

Отъ Тильзита до Кенигсберга мы ѣхали въ почтовомъ дилижансѣ. Въ этомъ городѣ, также какъ и въ Тильзитѣ, множество нищихъ, которые не даютъ прохода, особенно иностранцамъ, которыхъ осаждаютъ даже и въ гостиницахъ. Отъ Кенигсберга до Берлина дилижансы узки, мы съ трудомъ лишь могли помѣститься. Болѣе всѣхъ роптала и ворчала наша спутница французенка. Возлѣ нея сидѣлъ какой-то толстый нѣмецъ; на немъ былъ сюртукъ, халатъ, пальто и теплая шинель; на ногахъ сапоги, калоши и мѣховой мѣшокъ. Представьте, сколько этотъ пассажиръ занималъ одинъ мѣста, а въ одномъ ряду на скамьѣ надобно было помѣститься троимъ. Кондукторъ нашъ былъ добрый старикашка, человѣкъ съ преудивительнымъ аппетитомъ, потому что онъ на каждой станціи что нибудь пилъ или ѣлъ. Французенка, которой такъ удачно услуживалъ нашъ русскій ловкій кондукторъ, никакъ не могла поладить съ прусскимъ флегматическимъ кондукторомъ. Она никакъ не успѣвала во время обѣдать или пить кофе, ибо не хотѣла слѣдовать росписанію времени остановокъ дилижансовъ на станціяхъ. И вотъ только что французенка расположится обѣдать, а кондукторъ трубитъ уже къ отъѣзду, и она ворча садилась въ дилижансѣ. Не могу не упомянуть о спокойной, превосходной и скорой ѣздѣ въ прусскихъ почтовыхъ каретахъ. Безъ всякихъ заботъ, безъ хлопотъ, платить на каждой станціи прогоны, безъ докучливости ямщиковъ, просящихъ на водку и на чай, безъ ужасныхъ для каждаго проѣзжающаго словъ почти каждаго станціоннаго зрителя: «нѣтъ лошадей, всѣ въ разгонѣ», вы ѣдете въ опрятной, даже, можно сказать, щегольской каретѣ. Шоссе въ Пруссіи исправно ремонтируется; здѣсь щепень бьютъ и женщины.

Наконецъ, въ исходѣ февраля (новаго стиля) мы притащились въ Берлинъ и въ тотъ же вечеръ были въ Кенигштедтскомъ театрѣ, гдѣ итальянцы давали оперу Белини «Сомнамбулу». Опера шла вяло, хотя и пѣла извѣстная пѣвица Эодоръ. Оркестръ очень хорошъ, да и можетъ ли быть дуренъ оркестръ въ Германіи, гдѣ каждый почти ребенокъ съ матернимъ молокомъ всасываетъ въ себя музыкальное чувство. Мнѣ кажется, что у нѣмцевъ, кромѣ пяти обыкновенныхъ человѣческихъ чувствъ, есть шестое — музыкальный инстинктъ. Въ Германіи любятъ музыку, какъ звуки род-

ные, какъ вторую природу. Здѣсь музыка служитъ средствомъ или пособіемъ къ образованію, потому что даже въ сельскихъ школахъ каждый учитель знаетъ музыку. А такъ какъ въ каждой школѣ есть органъ, то добрый наставникъ по воскресеньямъ поетъ съ крестьянами и учениками, аккомпанируя на органѣ. Почти всѣ духовныя сочиненія написаны для четырехъ голосовъ, и школьный учитель удобно можетъ выбрать голоса баса, тенора, альты и дисканта изъ крестьянъ и изъ учениковъ для исполненія этихъ пьесъ. Такое музыкальное образованіе приготавливаетъ школьниковъ къ изученію религіи и удаляетъ народъ отъ кабачной жизни, потому что музыка и пѣніе служатъ имъ времяпрепровожденіемъ. Я говорю—музыка, потому что въ рѣдкой нѣмецкой деревнѣ не имѣется своего домашняго оркестра или квартета. Но для меня никакой органъ не можетъ сравниться съ пѣніемъ русскихъ пѣвчихъ императорской придворной капеллы и графа Шереметева. Что это за небесная мелодія! Съ какимъ удивительнымъ согласіемъ и глубокимъ чувствомъ исполняются ими всѣ духовныя творенія. Съ какимъ чуднымъ искусствомъ и точностью соблюдается піано, форте и самыя малѣйшія музыкальныя оттѣнки. Не подумайте, чтобы это мое мнѣніе было пристрастно, какъ русскаго къ родному. Нѣтъ, это говорятъ всѣ иностранцы, слышавшіе придворныхъ пѣвчихъ: Берліозъ, Рубини, Тамбурины, Віардо, Гарсія и другіе знаменитые артисты были въ восторгѣ отъ пѣнія русскихъ пѣвчихъ.

Живо помню, что, бывши на духовномъ концертѣ въ капеллѣ графа Шереметева, я видѣлъ на лицахъ иностранцевъ восторгъ отъ пѣнія хора пѣвчихъ и слышалъ много лестныхъ отзывовъ отъ истинныхъ знатоковъ музыки. Всего забавнѣе было то, что посланникъ одной европейской державы, не шутя, сомнѣвался, мальчики ли—дисканты и альты, или дѣвушки, переодѣтыя въ мужскія платья. Вотъ торжество пѣвчихъ графа Шереметева и почтеннаго Г. Я. Ламакина! Да и кто, слышавъ пѣвчихъ С.-Петербургскаго батальона военныхъ кантонистовъ, пѣвчихъ гвардейскихъ полковъ и пѣсенниковъ В. Г. Жукова, усомнится въ музыкальности русскихъ? Кто, слышавъ игру на скрипкѣ генерала Львова и Дмитріева-Свѣчина, пѣніе О. А. Петрова партій Сусанина, Бертрама, Лепорелло и дона-Базиліо, и дивный, звучный контральто А. Я. Петровой въ «Семирамидѣ», въ «Монтеки-Капулетти» и въ «Жизни за Царя»,—кто, слышавъ романсы Глинки, Даргомыжскаго, Варламова и многихъ другихъ, усомнится въ способности русскихъ къ музыкѣ и въ самостоятельности русской оперы?

Въ Берлинѣ я узналъ, что Мендельсонъ-Бартольди находится въ Лейпцигѣ. Тамъ же и ветеранъ піанистовъ—композиторъ и профессоръ музыки Игнатій Мошелесъ.

Отъ Берлина до Лейпцига 29 нѣмецкихъ миль (русскихъ 203 версты), и мы это пространство проѣхали по желѣзной дорогѣ въ 7 часовъ.

На другой день я отправился къ Мендельсону-Бартольди, котораго не засталъ дома, но миловидная саксонка, горничная, объявила мнѣ, что я могу застать г. директора въ 4 часа послѣ обѣда. Я поѣхалъ къ Мошелесу. Онъ принялъ меня очень ласково, и когда я объяснилъ ему желаніе мое опредѣлить дочерей моихъ въ Лейпцигскую консерваторію, то наговорилъ мнѣ кучу комплиментовъ насчетъ способностей русскихъ къ музыкѣ. Мошелесъ просилъ привести къ нему моихъ дочерей, чтобы слышать ихъ игру, и черезъ полчаса онѣ сидѣли за превосходнымъ роялемъ парижскаго мастера Эрара. Я желалъ узнать по глазамъ Мошелеса мнѣніе его о способностяхъ моихъ дочерей, но глаза и лице профессора были спокойны. Вдругъ, остановя игру моихъ дочерей, онъ сказалъ мнѣ:

— Большія способности, огромный талантъ! Поздравляю васъ! Дочери ваши будутъ приняты въ консерваторію, и я возьму ихъ въ мой классъ.

У Мендельсона-Бартольди былъ я одинъ, и онъ меня принялъ очень радушно. Мы бесѣдовали съ нимъ о петербургскихъ знакомцахъ его, графахъ Віельгорскихъ, генералѣ Львовѣ, о настоящемъ положеніи въ Россіи музыки, театровъ и т. п. Знаменитый маэстро наговорилъ мнѣ много лестнаго о способностяхъ русскихъ и съ восхищеніемъ говорилъ о русскихъ мелодіяхъ. Мендельсонъ, узнавъ, что Мошелесъ слышалъ игру моихъ дочерей, при мнѣ же написалъ записку къ старшему директору консерваторіи о назначеніи на другой день, въ 12 часовъ, особой конференціи, и въ назначенное время мы пріѣхали въ консерваторію. Дочерей моихъ заставили сыграть на фортепіано въ 4 руки «a prima vista» одно изъ сочиненій Мошелеса, и не прошло полчаса, какъ профессора поздравили меня съ принятіемъ моихъ дочерей въ консерваторію. Одно было препятствіе въ томъ, что дочери мои не знали нѣмецкаго языка, но и это затрудненіе Мошелесъ уничтожилъ тѣмъ, что имъ будутъ объяснять правила фортепіанной игры на французскомъ языкѣ, а для изученія генералъ-баса дочери мои должны брать private уроки, при которыхъ долженъ будетъ находиться и учитель нѣмецкаго языка для перевода лекцій. Это маленькое неудобство не было особенно важно, потому что дочери мои нѣсколько знали языкъ, но только не могли понимать серьезныхъ музыкальныхъ лекцій и скорой разговорной рѣчи. Учитель нѣмецкаго языка ручался, что черезъ мѣсяць онѣ могутъ говорить понѣмецки и понимать музыкальныя лекціи.

Лейпцигская музыкальная консерваторія основана Мендельсономъ-Бартольди въ 1843 году, чтобы молодые люди, желающіе основательно изучить музыку на разныхъ инструментахъ, имѣли случай, при взаимномъ соревнованіи, за дешевую плату музыкально образоваться во всѣхъ родахъ музыки.

Въ консерваторіи учениковъ 50 и ученицъ 30; изъ числа по-

слѣднихъ есть нѣсколько дѣвъ за 30 лѣтъ. Каждый ученикъ или ученица платитъ въ консерваторію въ годъ 80 талеровъ, на бібліотеку 3 тал. и служителю 1 талеръ, всего 84 талера (76 рублей серебромъ). Курсъ ученія назначенъ три года, а для ученицъ два, такъ какъ онѣ не учатся играть на органѣ и дирижировать оркестромъ.

Профессоръ Мошелесъ былъ очень добрѣ и внимателенъ къ моимъ дочерямъ; жена его, милая и привѣтливая, тоже обласкала ихъ и познакомила съ своею дочерью, прелестною дѣвочкою лѣтъ 9-ти.

Добрый Мошелесъ самъ ходилъ со мною пріискивать для насъ квартиру, и я нанялъ у почтеннаго семейнаго нѣмца три комнаты за 200 талеровъ въ годъ (на наши деньги 180 рублей сер.).

Дочери мои были въ восторгѣ, когда принесли къ намъ два рояля, которые я взялъ на прокатъ по 5 талеровъ (4 рубля 50 коп. сер.) въ мѣсяцъ за оба. Онѣ принялись усердно за изученіе музыки. По игрѣ на фортепіано онѣ поступили въ старшій классъ профессора Игнатія Мошелеса, по изученію генераль-баса въ классъ директора музыки Фридриха Рихтера, по практическимъ сочиненіямъ въ классъ директора музыки Нильса Гаде; по игрѣ съ аккомпанементомъ въ классъ концертмейстера Фердинанда Давида и по изученію пѣнія въ классъ профессора Бѣма. Впослѣдствіи онѣ должны были брать уроки въ контрапунктѣ у директора музыки и извѣстнаго контрапунктиста Гауптмана. Знаменитый Мендельсонъ тоже обѣщаль мнѣ не оставить моихъ дочерей своимъ руководствомъ. Приватные уроки здѣсь дешевы: профессоръ Мошелесъ беретъ за часъ по два талера, директора музыки Гауптманъ и Рихтеръ по одному талеру, учителя нѣмецкаго и итальянскаго языка по 10-ти зильберггрошей (30 коп. сер.) за часъ. Каждый четвергъ въ залѣ консерваторіи, въ домѣ «Geniandhaus», бывали концерты. Первую скрипку игралъ концертмейстеръ Фердинандъ Давидъ; оркестромъ дирижировалъ Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди.

Зала Лейпцигской консерваторіи не велика, имѣетъ хоръ или, лучше сказать, галерею, въ которой устроены ложи. Однако, въ этой залѣ помѣщалось до тысячи человѣкъ.

На первомъ концертѣ, на которомъ мы присутствовали, я сидѣлъ возлѣ Мошелеса, который объяснялъ моимъ дочерямъ всѣ лучшія мѣста въ каждой пьесѣ концерта. Но, если бы онъ даже молчалъ, то, глядя на выраженіе лицъ его и Мендельсона-Бартольди, можно было бы понять красоты пассажей, потому что въ глазахъ этихъ потомковъ Баха, Моцарта, Гайдна, Генделя, Бетховена выражалась бездна восторга.

.....

XIV.

Лекція профессора Мошелеса.—Музыкальные пuffy.—Фердинандъ Давидъ.—Преимущество фортепіано передъ скрипкой.—Концертъ віолончелиста Карла Шуберта.—Условія жизни въ Лейпцигѣ.—Концертъ піаниста Шада.—Поѣздка въ Веймаръ.—Придворная церковь и великая княгиня Марія Павловна.—Приглашеніе ко двору ея высочества.—Ласковый приѣмъ моихъ дочерей во дворцѣ великаго герцога.—Веймарскій оперный театр.—Этикетъ саксенъ-веймарскаго двора и покровительство наукамъ и искусствамъ.—Возвращеніе въ Лейпцигъ.—Оперный театръ въ Лейпцигѣ и встрѣча съ русской учащейся молодежью.—Пожаръ театра въ Карлсруэ.

Я побывалъ въ консерваторіи на лекціяхъ и остался ими чрезвычайно доволенъ. Профессора музыки преподають со всею отчетливостью и точностью, заботясь болѣе о строгомъ и тщательномъ исполненіи пьесъ и изученіи правилъ итальянской и германской школъ, нежели объ эффектахъ или музыкальныхъ пuffy, всегда далекихъ отъ истинной музыки. Вполнѣ созналъ я себя виновнымъ передъ г. Зибольдтомъ, первымъ учителемъ моихъ дочерей, съ которымъ я часто спорилъ о способѣ преподаванія музыки. Все, что этотъ отличный учитель фортепіанной игры мнѣ ни говорилъ, — все теперь оправдалось на дѣлѣ. Я желалъ, чтобы старшая моя дочь играла трудныя пьесы. Зибольдтъ не соглашался на это, говоря, что въ изученіи музыки необходима постепенность, и что трудныя пьесы ребенку 10 лѣтъ невозможно исполнять. Не смотря на это, я настоялъ на своемъ, и старшая моя дочь, Вѣра, играла «Le fou» Калькбренера, хроматическій галопъ Листа и тому подобныя пальцеломныя пьесы.

Вскорѣ по приѣздѣ въ Лейпцигъ старшая моя дочь объявила мнѣ, что она до тѣхъ поръ не будетъ играть своихъ старыхъ трудныхъ пьесъ, пока ей не позволитъ этого Мошелесъ. Дѣйствительно она усердно принялась за этюды, и дѣло пошло быстро впередъ.

Мнѣ понравилась здѣшняя однообразная, правильная жизнь. Съ 7-ми часовъ утра всѣ на ногахъ, всѣ заняты; въ 12 часовъ лавки запираются, въ часъ обѣда, а съ 2-хъ до 7-ми опять каждый за своимъ дѣломъ. Ложатся спать въ 10 часовъ, и сторожъ, давая сигналъ трубою тушить огни, кричить:

«Hört ihr, Herrn! Und lasst euch sagen: Diese Glocke hat zehn geschlagen. Bewahrt das Feuer und das Licht, dass unserer Stadt kein Schad geschieht»¹⁾.

Отъ нечего дѣлать я абонировался въ бібліотекѣ для чтенія по 10 зильбергрошей (30 к. сер.) въ мѣсяцъ и въ музеумъ, или кабинетъ

¹⁾ Слушайте, господа! И позвольте вамъ сказать: этотъ колоколъ пробилъ десять часовъ; тушите огонь и свѣчи, чтобы нашему городу не сдѣлать вреда.

для чтенія, по 15 зильбергрошей (45 к. сер.) въ мѣсяцъ. Въ этомъ музеумѣ получалось до 300 періодическихъ изданій. Здѣсь цѣлый день, особенно вечеромъ въ 7 часовъ, бывало много посѣтителей. Читали, списывали. Въ двухъ особыхъ комнатахъ курили табакъ и сигары, пили пиво и кофе; можно было даже обѣдать и ужинать, а въ одной изъ комнатъ сидѣли кругомъ длинныхъ столовъ и, прихлебывая изъ кружекъ баварское пиво, толковали о политикѣ.

Во второй половинѣ марта въ Лейпцигъ пріѣхалъ піанистъ Шадъ, съ намѣреніемъ дать нѣсколько концертовъ въ залѣ Книжной биржи. Дочери мои, какъ артистки и ученицы консерваторіи, имѣли право безденежнаго входа во всѣ концерты и театры. Это очень справедливо. Я желалъ узнать причину, почему піанистъ Шадъ не давалъ концерта въ залѣ консерваторіи, и мнѣ объяснили, что въ этой залѣ имѣютъ право давать концерты только перво-классные артисты, европейскія знаменитости, а на публичномъ экзаменѣ—лучшіе ученицы и ученики консерваторіи.

На мое просительное письмо къ духовнику великой княгини Маріи Павловны, супруги великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго, мы получили разрѣшеніе говѣть въ ея придворной церкви и въ концѣ марта отправились въ Веймаръ. Выѣхавъ въ 8 часовъ утра изъ Лейпцига по желѣзной дорогѣ, мы пріѣхали въ Веймаръ въ 12 часовъ, то-есть 15 миль (105 верстъ) пролетѣли въ 4 часа, и остановились въ гостинницѣ «Erb-Prinz» (Наслѣдный принцъ). Въ 2 часа я отправился къ нашему русскому священнику, который сказалъ мнѣ, что я могу быть съ дочерьми моими въ 6 часовъ въ церкви у вечерни и всенощной.

Церковь эта не велика, но красива. Великая княгиня пріѣхала въ каретѣ съ дежурною фрейлиною; войдя въ церковь, она помолилась, привѣтливо поклонилась и встала на свое мѣсто къ окну, противъ лѣваго клироса. Тогда началась божественная служба.

По окончаніи вечерни и всенощной протоіерей подошелъ къ великой княгинѣ, поцѣловалъ ея руку и спросилъ о времени божественной службы на слѣдующій день. Потомъ ея высочество благосклонно спросила меня, давно ли я за границую, доволенъ ли я леченіемъ моей дочери (о чемъ она прежде знала отъ священника), и, сказавъ, что рада насъ видѣть, какъ русскихъ, изволила выдти изъ церкви. На другой день въ 9 часовъ мы были у обѣдни, а на третій, въ четвергъ, ея высочество пріѣхала въ церковь въ 8 часовъ и причащалась Святыхъ Тайнъ, также какъ и всѣ русскіе, то-есть семейства протоіеря, протодіакона, пѣвчихъ, нѣсколько старыхъ русскихъ солдатъ, я и дочери мои. Послѣ причастія всѣ подходили къ рукѣ ея высочества, я также поцѣловалъ ея руку, дочерей же моихъ она поцѣловала и ласково по-

трепала каждую по щекѣ. Протодіаконъ вынесъ на серебряномъ блюдѣ просфору, которую ея высочество пожаловала мнѣ. Въ 12 часовъ по полудни великая княгиня изволила прислать съ камеръ-лакеемъ дочерямъ моимъ фрукты. Къ заутрени на Пасху великая княгиня пріѣхала съ сыномъ своимъ, наслѣднымъ принцемъ, его супругою (дочь королевы нидерландской Анны Павловны) и съ нѣкоторыми придворными. Послѣ заутрени великая княгиня похристосовалась съ сыномъ своимъ и его супругою, и всѣ подходили къ рукѣ ея высочества. Принцъ удостоилъ меня привѣтствіемъ на русскомъ языкѣ: «Христось Воскресе», и, по русскому обычаю, мы три раза поцѣловались. Русскій консуль, баронъ Мальтицъ, похристосовавшись со мною, сказалъ мнѣ, что я буду приглашенъ ко двору на обѣдъ и вечеръ, и когда я объявилъ, что не имѣю съ собою мундира, то онъ обѣщалъ прислать мнѣ шляпу и шпагу, которыя я могу надѣть при фракѣ. Разговѣвшись у почтеннаго нашего протоіерея Сабинина, въ кругу его любезнаго и образованнаго семейства, мы возвратились домой, въ 3 часа ночи легли спать, а въ 8 часовъ посланный отъ великой княгини принесъ намъ куличъ, пасхи и яйца. Какое вниманіе, какая доброта! Въ умиленіи сердець вознесли мы теплыя молитвы ко Всевышнему о благоденствіи ея императорскаго высочества и семейства ея.

Въ 3 часа дня поѣхалъ я во дворецъ во фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и галстухѣ, при шпагѣ и трехугольной шляпѣ. Баронъ Мальтицъ представилъ меня статсъ-дамѣ ея высочества, министрамъ, гофмаршалу и нѣкоторымъ другимъ почетнымъ лицамъ. Вскорѣ вышла изъ своихъ комнатъ великая княгиня. Раскланявшись или, лучше сказать, принявъ поклоны отъ всѣхъ присутствовавшихъ, она подошла ко мнѣ и разспрашивала меня съ участіемъ о болѣзни моей дочери, способѣ ея леченія, гдѣ осталась моя жена, гдѣ я служилъ и т. п. Вскорѣ вышелъ въ пріемную залу наслѣдный принцъ въ общемъ генеральскомъ русскомъ мундирѣ и голубой лентѣ, съ супругою своею, и я былъ имъ представленъ. Принцъ разспрашивалъ, у кого дѣти мои учились музыкѣ въ Петербургѣ, сказалъ, что онъ слышалъ объ ихъ музыкальныхъ талантахъ и надѣется имѣть удовольствіе слышать игру дочерей моихъ на фортепіано завтра у матушки своей. Почти то же говорила мнѣ и принцесса. Наконецъ, вышелъ и великій герцогъ въ общемъ русскомъ генеральскомъ мундирѣ, спросилъ меня, давно ли я въ Германіи, въ первый ли разъ и не былъ ли въ кампаніи 1812 года. Великая княгиня говорила со мною порусски, великій герцогъ, наслѣдный принцъ и его супруга пофранцузски. Потомъ пошли въ столовую. По окончаніи обѣда возвратились въ пріемную залу, гдѣ подавали кофе. Великая княгиня и великій герцогъ раскланялись, и всѣ разъѣхались.

Въ 5 часовъ была вечерня, пріѣхала и великая княгиня. Она спросила меня, не устали ли мои дочери, и, выходя изъ церкви, сказала: — Вечеромъ пріѣзжайте къ намъ, мы увидимся.

Въ 7 часовъ вечера я отправился во дворецъ. Приѣмъ былъ въ другихъ комнатахъ, изящно и съ большимъ вкусомъ украшенныхъ. Сначала вышла изъ своей половины великая княгиня, потомъ наслѣдный принцъ въ гусарскомъ мундирѣ съ своею супругою и, наконецъ, самъ великій герцогъ. Великая княгиня сказала мнѣ, чтобъ я завтра въ 12 часовъ пріѣхалъ къ ней съ дочерьми моими, что она желаетъ слышать ихъ игру на фортепiano. Наконецъ, какъ она, такъ и герцогъ, сѣли играть въ карты, въ бостонъ. На другой день праздника, въ понедѣльникъ, въ 12 часовъ мы явились въ комнаты ея высочества; тамъ уже былъ наслѣдный принцъ съ супругою, а вскорѣ пришелъ и великій герцогъ. Старшая моя дочь сѣла за рояль и сыграла «Le fou», scène dramatique de Kalkbrenner. Великій герцогъ слѣдилъ за игрою; великая княгиня съ улыбкою одобренія часто обращалась къ сыну своему, невѣсткѣ и придворнымъ.

По окончаніи игры всѣ апплодировали; потомъ обѣ мои дочери сыграли въ четыре руки «Rondo», сочиненіе И. Мошелеса, и вальсъ, составленный изъ русскихъ пѣсень Ламакинымъ и переложенный на четыре руки моими дочерьми. Я объяснилъ это великой княгинѣ, и такъ какъ она сказала, что принимаетъ моихъ дочерей подъ свое покровительство, то я просилъ ея высочество о дозволеніи посвятить ей первый опытъ въ музыкальномъ сочиненіи моихъ дочерей, на что ея высочество изъявила свое соизволеніе, сказавъ, что ей пріятно посвященіе этого вальса изъ русскихъ пѣсень ея имени. Потомъ, обратясь къ великому герцогу, сказала:

— Эту піесу, переложенную дѣвцами Погожевymi, онѣ хотятъ мнѣ посвятить.

Великій герцогъ благодарилъ меня и моихъ дочерей, взявъ ихъ за руки. Намъ подали шеколадъ и бульонъ въ чашкахъ, и, спустя нѣсколько минутъ, великая княгиня подошла къ намъ, благодарила за доставленное удовольствіе игрою моихъ дочерей, сказавъ, чтобы мы заѣхали къ ней, когда поѣдемъ въ Парижъ, раскланялась съ нами. Вечеромъ мы были въ театрѣ. Давали оперу «Нѣмая въ Портичи». Оркестромъ управлялъ Шелархъ, авторъ многихъ уважаемыхъ музыкальныхъ сочиненій. Знаменитый Листъ тоже считается капельмейстеромъ двора Саксенъ-Веймарскаго и каждый годъ обязанъ проживать въ Веймарѣ два мѣсяца. Но я его не видалъ: онъ былъ въ Константинополѣ. Великая княгиня, великій герцогъ и наслѣдный принцъ съ супругою были въ театрѣ. Когда они вошли въ свою ложу, то всѣ зрители встали и поклонились. Во время антрактовъ, когда вставалъ съ своего мѣста великій герцогъ, то всѣ мужчины вставали, а когда вставала великая княгиня, то и дамы вставали.

На третій день праздника, въ день Благовѣщенія, были мы въ церкви. Послѣ обѣдни я подошелъ съ дочерьми къ великой княгинѣ, и мы благодарили за ея милостивое вниманіе къ намъ, сказавъ, что уѣзжаемъ въ Лейпцигъ. Великая княгиня, повторивъ, чтобы мы заѣхали въ Веймаръ, когда поѣдемъ въ Парижъ, откланялась намъ, поцѣловавъ моихъ дочерей и потрепавъ ихъ рукою по щекамъ.

По возвращеніи въ Лейпцигъ у насъ осталось пріятное воспоминаніе о добротѣ и милостивомъ вниманіи къ намъ великой княгини Маріи Павловны и ея семейства, о пріятной и поучительной бесѣдѣ ученаго протоіерея Стефана Сибинина, одного изъ извѣстнѣйшихъ славянофиловъ.

Послѣ столицъ, мнѣ кажется, лучшая и пріятная жизнь въ Веймарѣ. Это маленькія Аены, красивенькій городокъ, гдѣ процвѣтаютъ науки, художества и музыка. Театръ изящный; комедія, драма, опера и балетъ исполняются отчетливо и удовлетворительно для самаго тонкаго вкуса. Еще издавна Веймаръ украшался и просвѣщалъ всю Германію своими поэтами. Великіе герцоги умѣли привлекать великихъ поэтовъ. Просвѣщенный, образованный, истинный философъ, покойный великій герцогъ былъ другомъ Гете, Шиллера, Виланда, Гердера. Великая княгиня Марія-Павловна, супруга нынѣ владѣтельнаго великаго герцога Карла - Фридриха, въ память этихъ великихъ людей, приказала росписать съ царскою роскошью и изящнымъ вкусомъ четыре комнаты въ великогерцогскомъ дворцѣ. Въ комнатѣ Шиллера на великолѣпномъ пьедесталѣ стоитъ мраморный бюстъ этого знаменитаго поэта; на стѣнахъ картины и живопись альфреско, изображающія сцены и замѣчательные эпизоды изъ его различныхъ твореній; тутъ же находится нѣсколько мебели, принадлежавшей великому поэту. Его кресло и рабочій столикъ отличаются своею простотою отъ другихъ украшеній этой комнаты, гдѣ мраморъ, бронза и золото разбросаны въ изобиліи. Другія комнаты, посвященныя Гете, Гердеру и Виланду, росписаны въ томъ же родѣ и украшены подобными же принадлежностями.

Веймарскій дворъ соблюдаетъ строгій этикетъ со всѣмъ блескомъ большихъ государствъ. Тамъ были всѣ придворные чины, и представленіе иностранцевъ происходило со всѣмъ должнымъ церемоніаломъ. Никто не приглашался къ столу иначе, какъ въ мундирѣ или бальномъ платьѣ, при шпагѣ и шляпѣ съ плюмажемъ. Супруга великаго герцога, дочь Павла I, внука Екатерины II, имѣла величественный царскій видъ; разговоръ ея высочества былъ любезенъ, пріятливъ и исполненъ дальновидности и ума. Она знала всѣ роды словесности и любила музыку, которою все время сама страстно занималась. Она оказывала покровительство всѣмъ артистамъ, и не было ни одного замѣчательнаго въ музыкальномъ мірѣ артиста,

который бы не игралъ при дворѣ Саксенъ-Веймарскомъ; никто изъ знаменитостей не миновалъ Лейпцига и Веймара.

Какое несчастіе! Въ Карлсруэ, столицѣ герцогства Баденскаго, сгорѣлъ театръ, приче́мъ погнбло до 150 человекъ. Пожаръ произошелъ отъ газоваго освѣщенія. Одинъ изъ рожковъ близъ герцогской ложи сильно вспыхнулъ; ламповщикъ вмѣсто того, чтобы завернуть скорѣе кранъ у рожка, въ испугѣ бросилъ своей фитиль, и пламя мгновенно охватило занавѣсы, ложи и потомъ всю внутренность театра. Это было до начала представленія, но въ верхнихъ галлереяхъ было уже довольно народа. Рассказываютъ, что пламя такъ скоро охватило внутренность театра, что сидѣвшіе въ верхней галлерей въ одно мгновеніе задохнулись и окостенѣли въ сидячемъ положеніи съ открытыми ртами. Одинъ господинъ намѣревался выскочить въ окно, но зацѣпился фалдой фрака за гвоздь въ карнизѣ и изжарился въ висячемъ положеніи. Ужасная смерть! Нѣкоторые утверждаютъ, будто этого несчастнаго удержалъ не гвоздь, а руки любовницы. Вотъ образецъ любви на жизнь и смерть.

XV.

Стѣсненные средства.—Адвокаты и тяжбы.—Протоіерей Стефанъ Сабининъ.—Студенческая жизнь въ Лейпцигѣ.—Вниманіе Мошелеса къ моимъ дочерямъ.—Дѣтскіе концерты сестеръ Неруда.—Мое свиданіе съ ними.—Мое мнѣніе о раннемъ музыкальномъ развитіи.—Нелюбовь русскихъ къ родному языку.

На меня нерѣдко находило раздумье по поводу дороговизны заграничной жизни: квартира намъ стоила въ годъ до 200 талеровъ, дрова до 120, прислуга около 40, прачка до 40, обѣдъ 150, чай и кофе съ булками 120, платье до 200, театры и концерты до 100, учителя итальянскаго и нѣмецкаго языка по 60, плата въ консерваторію и учителямъ музыкѣ за private уроки до 600 примѣрно, на экстренные расходы (ноты, за прокатъ роялей и т. п.) до 300 талеровъ; всего, по приблизительному исчисленію, нужно было имѣть въ годъ до 2 тысячъ талеровъ ¹⁾. Хотя въ Лейпцигѣ общество довольно дружелюбно, однако же нѣмцы иногда любятъ заводить и вести тяжбы, но это болѣе вина адвокатовъ, которые подстрекають къ тяжбамъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ нѣмецкаго сутяжничества. Въ однѣхъ сѣняхъ жили докторъ медицины и портной. Послѣдній зашелъ по какому-то случаю въ ретирадное мѣсто доктора, который, заставъ его тамъ, разбранился и раскричался, и вотъ портной ложится въ постель, посылаетъ за адвокатомъ; тотъ пишетъ портному жалобу на доктора въ причиненіи

¹⁾ Талеръ почти равенъ рублю сер.

отъ испуга болѣзни. Завязалось дѣло: портной нѣсколько времени не выходилъ изъ квартиры, какой-то пріятель его, лекарь, будто бы лечилъ его, и докторъ по приговору суду обязанъ былъ заплатить своему сосѣду за время болѣзни сто талеровъ. А вотъ и другой случай: пріѣзжій въ Дрезденъ русскій путешественникъ, полковникъ графъ N., проходя мимо магазина съ брилліантовыми вещами, зашелъ туда и посмотрѣлъ нѣсколько вещей, но ничего не купилъ. И вотъ ювелиръ потребовалъ отъ полковника столько-то платы за показъ ему вещей. Когда же, разумѣется, полковникъ отказался заплатить, то купецъ подалъ на русскаго путешественника въ судъ просьбу, и это дѣло прекратилось единственно лишь благодаря посредничеству русскаго посланника г. Шредера.

Мнѣ случилось видѣть презабавную карриатуру на адвокатовъ и тяжущихся: адвокатъ, кромѣ своего платья, надѣлъ на себя все платье тяжущихся, а изъ этихъ одинъ, потерявшій тяжбу, идетъ голый, другой, выигравшій тяжбу, идетъ въ одной рубахѣ. Нравоченіе ясно и понятно, а адвокаты множатся и тяжбы плодятся. Вотъ это наводненіе адвокатовъ и служило причиною того, что здѣсь прислуга капризна, своенравна и лѣнива. Правда, здѣсь существуютъ книжки для каждаго служителя или служанки для записыванія замѣчаній объ ихъ поведеніи, но кто захочетъ заводить тяжбу или возражать на жалобы и клеветы служителя и служанки. Явится къ вамъ полиція за объясненіями или адвокатъ съ угрозою, что вы заплатите штрафъ, и, право, вы готовы лучше сами чистить свое платье, а жена ваша стряпать кушанье или варить кофе, нежели хлопотать съ прислугою. Поэтому здѣсь и стараются какъ можно менѣе держать прислуги. Посылаете ли вы служанку за водой, а она, поставя ведро у бульвара, изволяетъ прогуливаться. Когда же я замѣтилъ объ этомъ женѣ профессора итальянскаго языка Геце, то она сказала мнѣ:

— Что-жъ тутъ удивительнаго; по утру моя работница еще спитъ, а я варю сама кофе, чтобы напоить и отправить дѣтей въ школу.

Невольно бросалось въ глаза, что нигдѣ не соблюдается столько этикета и церемоній, какъ въ Германіи, и нигдѣ такъ не уважаютъ чиновъ и титуловъ, какъ здѣсь. Каждый консулъ титулуется превосходительствомъ, совѣтникъ правленія—государственнымъ совѣтникомъ, каждый учитель—профессоромъ, каждый вышедшій изъ университета студентъ—докторомъ.

Мнѣ кажется, что и я, поживъ въ Лейпцигѣ, сдѣлаюсь докторомъ философіи.

Скучно, мрачно; я почти цѣлый день оставался одинъ. Конечно, въ Парижѣ мнѣ бы веселѣе было, но могъ ли я миновать консерваторію, гдѣ Мендельсонъ и Мошелесъ? Часто, слушая рассказы Мошелеса, я записывалъ при немъ же слова его въ мою записную

книжку, и онъ однажды, замѣтя это, спросилъ меня, что я дѣлаю. Я отвѣчалъ, что записываю его рассказъ, чтобы не позабыть чегонибудь интереснаго, потому что въ письмахъ моихъ въ Россію хочу подѣлиться съ моими земляками удовольствіемъ, доставляемымъ мнѣ занимательными рассказами. Мошелесъ улыбнулся и сказалъ:

— Да, хотя я не былъ въ Россіи, но люблю русскихъ и глупо уважаю вашего императора. Я давно желалъ быть въ Россіи.

— Зачѣмъ дѣло стало,—возразилъ я:—васъ, г. Мошелесъ, почитаютъ и любятъ въ Россіи. Поѣдьте на будущій годъ вмѣстѣ съ нами.

Мошелесъ самодовольно улыбнулся и сказалъ:

— Можетъ быть, и поѣду, чтобы представить русскимъ моихъ ученицъ, вашихъ дочерей, русскихъ піанистокъ, дѣвицъ Погожевыхъ, но самъ публично играть не буду въ концертахъ.

Я упоминалъ уже о томъ, что познакомился съ русскимъ проіереемъ Стефаномъ Сабининымъ, духовникомъ великой княгини Маріи Павловны. Онъ—сынъ сельскаго дьячка Воронежской губерніи, обучался въ семинаріи, потомъ въ С.-Петербургской духовной академіи и поступилъ священникомъ при русскомъ посольствѣ въ Даніи, а оттуда къ Саксенъ-Веймарскому двору. Живя 14 лѣтъ въ Копенгагенѣ, Сабининъ выучился исландскому языку, грамматику котораго онъ составлялъ для С.-Петербургской академіи наукъ.

Молодыя женщины и дѣвицы въ Лейпцигѣ ходили однѣ по городу, что должно приписать благонравію ихъ и скромности студентовъ здѣшняго университета. Они очень учтивы, и никто не осмѣлится остановить женщину или прямо заглянуть ей въ лице или подъ шляпку. Въ будни, кромѣ обѣденнаго времени, не встрѣтишь ни одного студента на улицахъ и бульварахъ: такъ заняты они науками. Зато въ праздники веселятся, но безъ шума и ссоръ; прежнее удалство и поединки уничтожились. Однакожъ, каждый вечеръ съ 7 часовъ можно было встрѣтить много студентовъ въ рестораціяхъ, гдѣ они въ залѣ кругомъ столовъ сидѣли чинно съ сигарами и трубками въ зубахъ, и въ пріятной, дружеской бесѣдѣ пили баварское пиво или другое мѣстнаго произведенія.

Пива потребляется огромное количество, и повѣрите ли, что многіе выпивали по сорока кружекъ въ день (въ бутылку входитъ полторы кружки). Я самъ былъ этому свидѣтелемъ. Блумъ, книгопродавецъ и издатель одной небольшой политической газеты, при мнѣ выпилъ ровно сорокъ кружекъ баварскаго пива. Замѣтя мое удивленіе, онъ подарилъ мнѣ кружку, изъ которой пилъ пиво въ обычно посѣщаемой имъ рестораціи.

Прочитавъ въ газетахъ о пріѣздѣ въ Лейпцигъ нѣсколькихъ русскихъ путешественниковъ, зашелъ я въ ту гостиницу, гдѣ они остановились. Это былъ русскій дѣйствительный статскій совѣтникъ съ сыномъ. На мое русское привѣтствіе его превосходитель-

ство мнѣ отвѣчалъ пофранцузски; я обратился къ сыну, молодому человѣку лѣтъ 20, и онъ тоже отвѣчалъ мнѣ пофранцузски. Генералъ не удостоилъ меня даже пригласить сѣсть, и я, постоявъ, самъ сѣлъ. Послѣ нѣсколькихъ разспросовъ о Россіи, на чтѣ мнѣ отвѣчали коротко и односложно, я съ стѣсненнымъ сердцемъ ушелъ отъ своихъ земляковъ. Въ другомъ номерѣ той же гостиницы остановились тоже русскіе—помѣщикъ, чиновникъ и купецъ. Они тоже говорили со мною пофранцузски; когда же разговоръ коснулся моего пребыванія въ Лейпцигѣ, и когда я рассказалъ, что двѣ дочери мои здѣсь обучаются музыкѣ въ консерваторіи, то земляки мои не знали даже о существованіи въ Лейпцигѣ консерваторіи и пожалѣли обо мнѣ, что я не доѣхалъ до Парижа, чтобы въ тамошней консерваторіи образовать моихъ дочерей. Удивительно, какъ наши соотечественники до сихъ поръ чуждаются роднаго языка и признають хорошимъ только то, что признано хорошимъ въ Парижѣ.

Въ началѣ мая въ консерваторіи происходилъ домашній годовой экзаменъ, или такъ называемый конкурсъ; послѣ Святой начинался новый курсъ. Дочери мои играли сонату Es-dur, сочиненіе Мошелеса, въ 4 руки. Съ новымъ курсомъ онѣ должны были начать учиться хорошему пѣнію и сочинять.

Мошелесъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ весьма лестно отзывается о музыкальныхъ способностяхъ моихъ дочерей и предсказываетъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ онѣ будутъ совершенными піанистками.

Это мнѣніе знаменитаго профессора музыки меня очень порадовало, но мысль пробыть нѣсколько лѣтъ въ Лейпцигѣ меня ужасала. Въ награду моимъ дочерямъ за любовь къ музыкѣ и прилежаніе Мошелесъ подарилъ изящно отдѣланный альбомъ, вписавъ на первомъ листѣ свое «Impromptu».

Мендельсонъ уѣхалъ на лѣто въ Швейцарію, а Мошелесъ собирался уѣхать на два мѣсяца въ Лондонъ. Въ день отъѣзда заходилъ онъ ко мнѣ два раза и все не заставалъ дома, но вечеромъ мы съ нимъ встрѣтились на улицѣ. Почтенный профессоръ меня остановилъ и сказалъ:

— Можете утѣшиться: ваши дочери въ полтора года сдѣлають такіе успѣхи въ фортепіанной игрѣ, что могутъ оставить Лейпцигскую консерваторію.

Въ здѣшнемъ театрѣ двѣ сестры Нерудъ должны были дать концертъ: одна, 11 лѣтъ, на фортепіано, другая, 7-ми лѣтъ, на скрипкѣ. Отправляясь въ театръ, я думалъ, что этотъ дѣтскій концертъ есть спекуляція, но теперь сознаюсь, что маленькая 7-ми-лѣтняя Неруда есть чудное явленіе въ музыкальномъ мірѣ. Не услышавъ ея игры, я не повѣрилъ бы ничѣмъ разсказамъ. Въ старшей піанисткѣ ничего особеннаго нѣтъ, но младшая удивила и поразила всѣхъ. Послѣ сыгранной ею на скрипкѣ піесы Эрнста я не

утерпѣлъ, чтобы не сходить въ ложу Фердинанда Давида, желая узнать его мнѣніе о дѣвочкѣ виртуозкѣ-скрипачкѣ, и онъ сказалъ, что «это—чудо-ребенокъ». Но мнѣ жаль было этой дѣвочки, жаль, что родители избрали для нея этотъ инструментъ, вовсе не женскій. Бѣдное дитя! Сколько трудовъ, физическихъ страданій перенесло ты въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, когда тебѣ слѣдовало бы играть въ куклы. Спрашивается, какая цѣль этой игры на скрипкѣ. Въ оркестрѣ женщина играть не можетъ, уроки мужчинамъ давать не можетъ, а женщины на этомъ инструментѣ не учатся.

Конечно, вся цѣль—воспользоваться малымъ ростомъ ребенка и понятливостью, заставить этого ребенка механически изучить нѣсколько концертныхъ пѣсь, сочиненныхъ извѣстными современными артистами, и потомъ удивлять публику, собирая дань этого удивленія—деньги. Чтобы ближе видѣть это музыкальное чудо—семилѣтнюю скрипачку, и разспросить ея отца о началѣ открытія и способа развитія ея таланта, я отправился въ гостинницу, гдѣ остановилось семейство Неруда. Было 10 часовъ утра; стучусь въ дверь; женщина, лѣтъ 30-ти, миловидная, въ утреннемъ капотѣ встрѣтила меня, и я вошелъ въ номеръ, или комнату, занимаемую семействомъ Неруда. Это встрѣтила меня мать дѣтей-виртуозокъ. Отецъ сидѣлъ у стола и считалъ талеры, вчерашній сборъ за концертъ. Обѣ дочери сидѣли возлѣ него, блѣдныя, худыя, истомленные. Мнѣ показались лица ихъ унылыми, но, можетъ быть, это мнѣ такъ показалось потому, что дѣти были усталыми. Однакожь, удивительно, отчего аплодисменты и восторгъ публики не производили на этихъ дѣвочекъ особеннаго впечатлѣнія и радости или удовольствія, и я замѣтилъ, что лица и глаза ихъ, во время игры и послѣ, во время вызововъ и аплодисментовъ, оставались постоянно равнодушными. И когда я, находясь у нихъ въ квартирѣ, хвалилъ обѣихъ дѣвочекъ и сказалъ, что концертмейстеръ Давидъ весьма лестно отозвался о музыкальномъ талантѣ малютки-скрипачки, то онѣ обѣ прехладнокровно выслушали мои похвалы, даже не поклонившись и не поблагодаривъ меня. Отецъ мнѣ сообщилъ, что старшую Амалію начали учить на фортепіано 6-ти лѣтъ, а младшую Вильгельмину на скрипкѣ 3½ лѣтъ. Одиннадцатилѣтняя Амалія отчетливо исполнила на фортепіано «Каприччіо», сочиненіе Геллера; она и сестра ея Вильгельмина, 7-ми лѣтъ, исполнили вмѣстѣ дуэтъ-фантазію для фортепіано и скрипки, сочиненіе Яйза, и потомъ малютка Вильгельмина сыграла на скрипкѣ элегію Эрнста и пѣсню Беріо. Чудно!

Основываясь на опытѣ развитія музыкальныхъ способностей моихъ двухъ дочерей, я могъ вполне убѣдиться, что такого рода проявленія раннихъ музыкальныхъ способностей составляютъ особое призваніе. До 5-ти-лѣтняго возраста, хотя дочери мои и оказывали наклонность, особую охоту и понятливость къ музыкѣ, но

мнѣ жаль было ихъ рано начать учить серьезно играть на фортепіано. Я желалъ, по возможности, отдалить время ученія ихъ, но дѣти не любили дѣтскихъ игръ и жадно прислушивались къ музыкальнымъ мелодіямъ. Я уже упоминалъ о квартетахъ въ домѣ любителя музыки, скрипача Алекс. Андр. Карнѣва, гдѣ обѣ дочери мои, если не могли пробраться въ залъ, стояли у дверей, слушая съ особеннымъ, напряженнымъ вниманіемъ квартеты, скучные для многихъ и взрослыхъ слушателей, но всегда пріятные для исполняющихъ. Впослѣдствіи А. А. Карнѣвъ вводилъ ихъ въ залъ, сажалъ на мѣста, и дѣти, по шестому и седьмому году, сидѣли чинно и смиренно часа два сряду. Что же касается того, истощаются ли жизненные силы ребенка отъ преждевременнаго развитія талантовъ, то, конечно, начать учить дитя музыкѣ ранѣе 7-ми лѣтъ есть, по моему мнѣнію, варварство и безчеловѣчіе, но если ребенокъ, подобно Моцарту, Науману, Гайдну и другимъ, расправляетъ свои мелодическія крылья по природному влеченію и расположенію, если при музыкальномъ развитіи соблюдается постепенность, безъ родительскаго самолюбія—блеснуть дѣтскимъ талантомъ, то можно предоставить природѣ развертываться: вреда здоровью не будетъ. Мои двѣ дочери начали серьезно учиться на фортепіано—старшая 8-ми, младшая 7-ми лѣтъ; играли по 3 часа въ день и никогда усталости не чувствовали. Младшая все время была здоровая дѣвушка, старшая отъ рожденія слабаго сложенія, болѣзненная, съ возрастомъ укрѣплялась въ здоровьѣ; сила же ея въ игрѣ была непостижима и равнялась силѣ мужчины-піаниста. Слѣдовательно, эту силу приобрѣла она отъ постепенной механической игры на фортепіано. Мнѣ все кажется, что занятіе музыкою не просто механическое, а душевное, энергическое, страстное, убиваетъ не силы физическія, но разстроиваетъ нервы. Не отъ разстройства ли нервъ такъ рано похищены смертью Моцартъ, Мендельсонъ, Белини и Доницети?

Какъ бы то ни было, надобно благоразумно руководить талантъ и поддерживать священный огонь музыки и поэзіи. Иначе, преждевременно созрѣвшее плодовитое дерево скоро завянетъ, засохнетъ, такъ точно, какъ два брата Эйхгорны. Они удивляли музыкальный міръ игрою на скрипкѣ, безъ надлежащаго и правильнаго изученія музыки; жадный и корыстолюбивый ихъ воспитатель спѣшилъ собрать денегъ, а не образовать двухъ артистовъ-скрипачей. Что же вышло? Эйхгорны еще въ молодыхъ лѣтахъ сбились съ толку: одинъ вскорѣ умеръ, а другой таскался и игралъ по трактирамъ и рестораціямъ. Страшно подумать.

Н. В. Погожевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БУНТЪ ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЯНЪ ВЪ ХОЛЕРУ 1831 ГОДА.

НЗВѢСТНО, что въ 1831 году холерная эпидемія свирѣпствовала ужасно въ Россіи. Больше умиралъ народъ черный, какъ неводержный и неразборчивый въ пищѣ, а главное, какъ находящійся въ худшихъ условіяхъ жизни и не вѣрящій ни въ какія противохолерныя средства. Народъ не сознавалъ этого, приписывалъ усиленную смертность среди себя «господамъ»: они де посыпаютъ и въ воду, и на овощи, такое зелье, отъ котораго люди мрутъ, какъ мухи. По крайней мѣрѣ, такимъ нелѣпымъ убѣжденіемъ прониклись тогда поселяне бывшихъ округовъ гренадерскаго корпуса, устроенныхъ по мысли покойнаго графа Аракчеева въ Старорусскомъ уѣздѣ. Это именно заблужденіе и послужило сильнымъ толчкомъ къ бунту поселянъ, быстро охватившему все тамошнее военное населеніе. Нельзя не удивляться тому рѣзкому переходу, какой тогда случился въ отношеніяхъ поселянъ къ ихъ начальникамъ-офицерамъ. Еще вчера поселяне относились къ своему начальству съ уваженіемъ, стояли предъ нимъ на вытяжкѣ, трепетали при каждомъ словѣ, и вдругъ все это исчезаетъ, и трепетавшіе смиренники превращаются сегодня въ дикихъ звѣрей: вырываются въ квартиры къ тѣмъ, предъ которыми не смѣли пикнуть, грабятъ и ломаютъ, бьютъ колыями, топорами, дубинами, плетями, вытаскиваютъ, волокутъ на улицы, водятъ и возятъ полунагихъ, избитыхъ, въ городъ Старую Руссу и изъ одной деревни въ другую. Несчастные молятъ и просятъ о пощадѣ, но все напрасно. Одни остаются навѣки калѣками, а другіе умираютъ отъ побоевъ и истязаній гдѣ нибудь на дорогѣ, на ротномъ дворѣ, въ лѣсу, на поляхъ, на те-

лѣтъ. О такихъ звѣрски-возмутительныхъ расправахъ существуетъ не мало разказовъ очевидцевъ¹⁾. Но матеріаловъ, которые могли бы представить общую картину возмущенія, въ исторической литературѣ мы, къ сожалѣнію, до сего времени не встрѣчали. Подъ этими матеріалами мы разумѣемъ статистическія и документальныя данныя. Да и могли ли проникнуть въ печать подобные матеріалы? Едва ли. Округа военного поселенія уничтожены въ 1856 году. Съ тѣхъ поръ бывшіе пахотные солдаты скитаются по разнымъ вѣдомствамъ, таская за собою, разумѣется, и архивъ. Понятно, что, при каждой перекочевкѣ, дѣла и документы рвутся, треплются, теряются, а въ особенности старыя, къ которымъ большинство привыкло относиться совершенно равнодушно. Къ тому же, когда бывшіе военные поселяне состояли въ вѣдѣніи новгородской палаты государственныхъ имуществъ, въ то время тамъ случился пожаръ, и солдатскій архивъ значительно пострадалъ отъ огня.

Недавно я случайно нашелъ довольно цѣнныя письменные документы, озаглавленные такъ: «Конфирмаціи о преступникахъ по возмущенію 1831 года». Хотя эти документы тоже обгорѣли, но написанное въ нихъ на столько сохранилось, что читать ихъ можно безъ труда. Всѣхъ конфирмацій 63; онѣ переплетены въ толстую книгу, объемомъ въ 470 листовъ, и подъ каждой имѣются подписи: предсѣдатель, генераль-лейтенантъ Захоржевскій; членъ, генераль-лейтенантъ Даниловъ; членъ, генераль-маіоръ Люпе; членъ 5-го класса Ловецъ и правитель дѣлъ Коншинъ. Лица эти составляли новгородскую слѣдственную комиссію, учрежденную по высочайшему повелѣнію. Ей были представлены слѣдственной же Старорусской комиссіей отобранныя отъ свидѣтелей и самихъ преступниковъ допросы, по разсмотрѣніи которыхъ и явились означенныя конфирмаціи, помѣченныя 18, 21, 25 и 28 числами ноября 1831 года и 5, 9, 16, 19, 23, 26, 30 и 31 числами декабря того же года.

Пользуясь такими документальными данными, я предполагаю въ будущемъ составить болѣе обширную статью о бунтѣ военныхъ поселянъ, а теперь постараюсь дать картину этого бунта въ возможно краткихъ чертахъ.

Преступники подраздѣлены на четыре разряда. Къ первому отнесены главари бунта и ярые истязатели. Ко второму тѣ, которые дѣлали легкія истязанія, наносили единичныя побои, явно грабили квартиры избитыхъ офицеровъ и помѣщиковъ, издѣвались надъ мертвыми тѣлами ихъ, и, наконецъ, тѣ, которые выгоняли на бунтъ своихъ поселянъ, приказывая убивать начальниковъ.

¹⁾ «Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году» (разказы и описаніе очевидцевъ), изд. 1870 г.; «Къ воспоминаніямъ о бунтѣ военныхъ поселянъ», г. (Солодова, «Русская Старина», 1885 г.; «Воспоминанія доктора И. Н. Европеуса о бунтѣ военныхъ поселянъ», «Русская Старина», 1872 г., кн. 11.

Къ третьему принадлежали тѣ, которые наносили побои нижнимъ чинамъ и на которыхъ имѣлось сильное подовѣрѣніе въ томъ, что наносили таковыя же и начальству; затѣмъ, сюда отнесены также подстрекатели къ бунту и поселяне, разбивавшіе аптеки, карантинны, школы кантонистовъ и замѣченныя въ грабежѣ, но безъ вѣскихъ уликъ. Наконецъ, въ четвертомъ разрядѣ фигурируютъ тѣ поселяне, которые содѣяли менѣе важныя преступленія и вообще имѣли соотношеніе къ бунту лишь косвенное; на примѣръ, одни находились въ толпѣ мятежниковъ, но дѣйствій никакихъ не производили; другіе смотрѣли на истязанія съ полнымъ равнодушіемъ; третьи искали по домамъ ядъ, распускали нелѣпыя слухи объ отравѣ поселянъ господами, а также говорили своимъ товарищамъ о томъ, что офицеры подписали бумагу, чтобы морить поселянъ холерою. Большую часть этого разряда составляютъ поселяне, у которыхъ найдены вещи, принадлежащія потерпѣвшимъ офицерамъ; однако, ни въ грабежѣ, ни въ воровствѣ, они не уличены, а, какъ сознались сами, находили вещи въ квартирѣ.

Всего осуждено 2.673 человекъ. По разрядамъ они дѣлятся такъ: перваго—83, втораго—774, третьяго—1.117 и четвертаго—669.

Бунтовало шесть округовъ гренадерскихъ полковъ, бригада гренадерской артиллерійской дивизіи, флотскіе поселяне, военно-рабочіе солдаты и старорусскіе мѣщане.

Теперь приведемъ цифры мятежниковъ отдѣльно по полкамъ и тутъ же въ каждомъ полку подраздѣлимъ ихъ по разрядамъ.

	1 разр.	2 разр.	3 разр.	4 разр.	Всего.
Округа Кіевскаго полка	15	79	149	115	358
Принца Евгенія Виртембергскаго полка	13	65	172	103	353
Принца Павла Мекленбургскаго полка	16	89	211	103	419
Екатеринославскаго полка	1	18	69	46	134
3-го Карабинернаго полка	13	106	174	52	345
4-го Карабинернаго полка	—	67	76	57	200
Артиллерійской бригады	15	284	242	143	684
10-го военно-рабочаго батал.	10	2	—	—	12
Селеній флотилии	—	60	12	—	72
Старорусскихъ мѣщанъ	—	4	12	80	96
	83	774	1.117	699	2.673

Изъ этой таблицы видно, что по численности отличалась бригада, затѣмъ слѣдуетъ полкъ принца Мекленбургскаго, и самое меньшее количество поселянъ бунтовало въ рабочемъ баталіонѣ, а именно 12 человекъ, зато они почти всѣ оказались главными вожаками бунта. Скромнѣе всѣхъ вели себя мѣщане и поселяне флотилии.

Бунтъ вспыхнулъ 11-го іюля въ городѣ Старой Руссѣ. Сначала взбунтовались солдаты 10-го военно-рабочаго баталіона, а затѣмъ къ нимъ примкнули старорусскіе мѣщане. Прежде всего, въ числѣ немногихъ, бунтовщики отправились къ полицеймейстеру Манджосу справиться о томъ, дѣйствительно ли всѣ «господа» получили нѣсколько кулей яда, который они посыпаютъ въ рѣку, колодцы, на огородахъ, съ тою цѣлью, чтобы травить народъ холерою. Манджосъ испугался и скрылся, чѣмъ далъ поводъ не сомнѣваться въ нелѣпости. Между тѣмъ, толпа росла на площади, увеличиваясь исключительно мѣщанами. По рукамъ ходили для подписи бумаги, въ которыхъ каждый подписавшійся удостовѣрялъ, что въ ихъ присутствіи «господа» сознались въ отравленіи народа. Ночью бунтъ принялъ острый характеръ. Бунтовщики отыскивали уже Манджоса на дворѣ полиціи съ фонарями, ходили также искать его съ оружіемъ въ рукахъ на берегъ рѣки Полисти въ штабеляхъ бревенъ, но, не найдя, вернулись домой къ разсвѣту. На другой день бунтъ сталъ быстро распространяться по ближнимъ селеніямъ, а чрезъ нѣсколько дней все военное поселеніе находилось въ сильно возбужденномъ состояніи. Фраза «надо бить начальство за холеру» стала извѣстна во всѣхъ округахъ. Въ каждомъ селеніи образовались свои бунтовщики; они являлись къ своему ротному начальству и тащили офицеровъ на ротный дворъ для допроса о томъ, имѣется ли у нихъ ядъ, и отравляютъ ли они имъ поселянъ. Не добившись никакого толку, мятежники препроводили офицеровъ въ Руссу для окончательнаго допроса. вмѣстѣ съ тѣмъ бунтовщики захватывали и лицъ, не принадлежащихъ къ военному сословію, если эти лица почему либо казались имъ подозрительными.

Такимъ образомъ, поселяне извѣстнаго округа грабили, избивали и умерщвляли офицеровъ своего полка. Поэтому будетъ нагляднѣе, если я укажу на несчастныхъ отдѣльно по полкамъ, причемъ, разумѣется, отмѣчу только тѣхъ, которые выдаются отъ прочихъ полученными ими жестокими побоями и которымъ причинена смерть.

Солдаты военно-рабочаго баталіона, какъ указано выше, были главными вожаками бунта, но какія именно они совершили преступленія, въ конфирмаціяхъ не сказано, за исключеніемъ двоихъ: одинъ проглатывалъ предъ поселянами какой-то порошокъ, якобы разсыпанный помѣщикомъ Черкасовымъ, и умышленно проявлялъ признаки тошноты; потомъ, напившись молока, онъ имъ вызвалъ рвоту, и этимъ укрѣпилъ мнѣніе поселянъ, что порошокъ тотъ содержитъ въ себѣ ядъ; другой же сопровождалъ помѣщика Александрова изъ деревни Карповой въ деревню Звадь и дорогою ударилъ его два раза камнемъ.

Старорусскіе мѣщане преслѣдовали полицейскихъ чиновниковъ. Такъ, они били коломъ квартальнаго надзирателя Савастьянова и

сильно избии частнаго пристава Дирина. 12-го іюля бунтовщики гнались за приставомъ съ полѣньями и, настигнувъ его, вернули на площадь, причемъ долго били кулаками, полѣньями, а послѣ отвели въ кузницу для закованія въ желѣза.

Изъ селеній флотиліи первымъ взбунтовалось селеніе. Звадь, откуда офицеры успѣли спастись бѣгствомъ. Изъ Звада мятежники отправились въ село Карпово отыскивать у помѣщика Александра ядь; когда же, придя къ нему въ домъ, они стали заниматься обыскомъ, онъ убѣжалъ въ поле, но тамъ нашель его рядовой Карповъ и привель обратно въ деревню. Тогда ужъ мятежники стали Александра бить и избитаго отправили въ деревню Звадь. Здѣсь ему вновь наносили побои кулаками, каменьями и на столько сильно, что, при отправленіи въ Руссу, его пришлось везти на телѣгѣ. Дорогою толпа не унималась: нѣкоторые бунтовщики лѣзли къ избитому и, всетаки, наносили побои, а поселянинъ Леонтьевъ намѣревался даже стащить его съ телѣги и умертвить. Придя въ Руссу, мятежники разграбили квартиру генераль-маіора Леонтьева, а его самого вытащили на площадь и били, приговаривая: «вы кресты и деньги получите, когда перетравите насъ».

Поселяне Екатеринбургскаго полка избии прапорщика Тычина; наносили ему удары кулаками и палками. Бунтовщики изъ этого полка больше занимались грабежомъ, понужденіемъ и подстрекательствомъ къ бунту.

Поселяне 3-го карабинернаго полка били жестоко своихъ офицеровъ.

Бунтовщики схватили поручика Белингаузена и связали ему руки. Затѣмъ, били его по бокамъ и бросили на дорогѣ сильно избитаго. Въ это время явился рядовой Васильевъ и, увидя въ такомъ положеніи поручика, кричалъ толпѣ: «жаль, что опоздалъ и не досталось ударить!».

Штабсъ-капитана Войниловича били мятежники на ротномъ дворѣ, затѣмъ отвели его въ Руссу, причемъ чрезъ рѣку Ловать вели въ бродъ и вытащили у него 196 рублей.

Къ квартирѣ подпоручика Крюкова бунтовщики пришли большою толпою, но онъ скрылся въ сѣняхъ; поселяне стрѣляли, но не попали въ подпоручика. Наконецъ, его вытащили изъ сѣней и причиняли ему побои палками и полусаблями.

Поручика казначея Свитина мятежники вытащили изъ квартиры и разграбили денежную шкатулку, раздѣливъ по 40 рублей на cadaго. На улицѣ поручика били палками и избитаго таскали за ноги. Мало этого, въ селѣ Коломнѣ привязали его къ столбу и били въ такомъ положеніи кулаками.

Таскали за ноги также и поручика Корецкаго, причемъ, разубѣтса, наносили ему тяжкіе побои; когда поручикъ лежалъ мертвый, рядовой Ивановъ подскочилъ къ трупу и выкололъ глаза.

Поручикъ Реренъ, увидя приближавшуюся къ дому толпу, бѣжалъ, но его тутъ же схватили. Одни бунтовщики держали поручика, а другіе обыскивали его квартиру. Найдя при обыскѣ картофельную муку, поселяне заподозрѣли, что это ядъ—сулема. Въ это время рядовой Кузьминъ закричалъ толпѣ, окружавшей Ререна: «что вы его жалѣете! собакѣ—собачья и честь!». Потомъ уже поручикъ лежалъ у изгороди весь въ крови, а толпа смотрѣла и бездѣйствовала. «Что вы ему въ зубы смотрите? отчего не убили? развѣ у васъ руки не поднимаются? Дайте же я его убью!»—сказалъ приближавшій изъ квартиры рядовой Васильевъ и взялъ колъ, но былъ удержанъ другими.

Спасался бѣгствомъ и капитанъ Макаровъ, но его, всетаки, поймали. Въ конецъ разъяренные бѣгствомъ мятежники такъ сильно били капитана, что онъ подъ ударами и умеръ. Не довольствуясь этимъ, мятежники издѣвались надъ мертвымъ тѣломъ: били, произносили неприличныя слова; рядовой же Сидоровъ бралъ за воротъ убитаго капитана и трясъ его.

Бѣжалъ и скрывался въ лѣсу также маіоръ Максютенко. Его отыскивали бунтовщики, причинили ему побои и связаннаго привели въ деревню Блазниху. Когда же рѣшили отправить маіора въ штабъ, то онъ, изнемогшій отъ истязаній, не могъ идти; бунтовщики положили его въ телѣгу и повезли. На пути рядовой Гавриловъ ругалъ маіора площадными словами и говорилъ: «вотъ вы разорили мой домъ, а теперь случилось и самимъ быть связаннымъ».

Капитана Блѣднова мятежники нашли въ Демянскомъ уѣздѣ и привели въ деревню Березову, гдѣ били жестоко, потомъ связали и ночью отправили въ деревню Люблино.

Жестоко былъ избить мятежниками маіоръ Кривоблоцкій, когда онъ вышелъ на зовъ ихъ изъ штаба. Его били до тѣхъ поръ, пока онъ не отдалъ Богу душу. Въ то время къ толпѣ подоспѣлъ рядовой Ларіоновъ и, узнавъ, что маіоръ убитъ, подошелъ къ мертвому тѣлу и билъ его со словами: «не удалось бить тебя живаго, хоть надъ мертвымъ потѣшусь».

Поселяне этого полка били и нижнихъ чиновъ. Фельдфебеля Локтева и каптенармуса Таранова мятежники ставили на колѣни, били и допрашивали о ядѣ. Фельдфебеля Савина избили, связали и отправили въ штабъ; при отводѣ, рядовой Ермолаевъ толкалъ его въ спину и говорилъ: «тебя-то и надо; а помнишь ли, какъ я за тебя былъ побить?». Стремоухова мятежники посадили подъ избицу и, выпустивъ, избili кнутами. Унтеръ-офицера Остроухова привязали въ штабѣ къ столбу, били, издѣвались и требовали денегъ.

Били мятежники и лицъ духовнаго званія.

Когда священникъ Магницкій возвращался откуда-то съ требы, мятежники напали на него, наносили удары, разбили ему лѣвый

високъ до крови и разсыпали при немъ св. дары; потомъ отвели въ деревню Перешно.

Придя въ село Коломно, толпа мятежниковъ стала бить стекла у священника Парвова. Послѣдній, разумѣется, испугался и пытался бѣжать въ село Зарѣчно, но былъ схваченъ и приведенъ обратно. Толпа посовѣтовалась и рѣшила священника повѣсить. Рядовой Яковлевъ подалъ товарищамъ веревку, и его повѣсили на стропилахъ хлѣбнаго амбара, причемъ повѣшеннаго допрашивали о ядѣ, а послѣ отвели на ротный дворъ и посадили подъ арестъ.

Поселяне 4-го карабинернаго полка нѣсколько мягче относились къ своимъ офицерамъ. По крайней мѣрѣ, какъ видно изъ конфирмацій, среди офицеровъ не было убитыхъ.

Штабъ-капитана Броунса мятежники связали и повели въ Руссу чрезъ нѣсколько селеній. Въ послѣднихъ капитану наносили побои и доставили его въ городъ уже избитаго.

Вязали также мятежники, въ числѣ 12 человекъ, и капитана Алашнева. Затѣмъ, на ротномъ дворѣ, въ селѣ Андрушинѣ, истязали и били со словами: «бей до смерти!». Затѣмъ капитанъ былъ отведенъ въ полковой штабъ.

Въ селѣ Лѣшахъ мятежники схватили штабъ-лекаря Бродскаго и привели его на ротный дворъ. Тутъ его повалили на землю и стали безчеловѣчно бить, причемъ, во время нанесенія побоевъ, рядовой Даниловъ садился на него верхомъ. Потомъ толпа мятежниковъ отвела лекаря въ село Бѣлебку и била тамъ.

Въ томъ же селеніи мятежники ворвались въ квартиру подполковника Удовика и требовали отъ жены его какого-то зелья, а когда она отозвалась неимѣніемъ его, то били ее. Подполковника же отправили въ штабъ, гдѣ рядовой Евсеевъ заявилъ бунтовщикамъ, что у него, Удовика, будто бы имѣется 12 пудовъ яду. Тогда рядовой Кириловъ первымъ сильнымъ ударомъ приклада ружья повергъ его на землю. «А! вы хотите всѣхъ насъ отравить ядомъ въ три дня!»—закричали прочіе бунтовщики и начали бить Удовика. Потомъ связали ему руки, и одни поселяне водили его по двору штаба на веревкѣ, а другіе тѣмъ временемъ наносили удары. Послѣ побоевъ его посадили на гауптвахту и приставили караулъ. Вскорѣ, когда подполковника вывели съ гауптвахты и посадили въ телѣгу, рядовой Мининъ, подойдя къ оной, кричалъ: «Меня разорили, дайте мнѣ его ударить, ради Христа!».

Кромѣ того, мятежники этого полка, во время бунта 14-го іюля, били колыями лѣсничихъ Иванова, Никифорова и Данилова, а накануне ходили на ротный дворъ и вязали фельдфебеля Селезнева, котораго потомъ избили и отправили въ Руссу.

Поселяне Кіевскаго полка, какъ и предыдущаго, дѣлали только истязанія и побои офицерамъ; среди нихъ тоже не оказалось убитыхъ.

Маіоръ Болотниковъ, спасаясь отъ мятежниковъ, хотѣлъ переправиться чрезъ р. Полисть на паромѣ, но ему рядовой Трофимовъ не далъ парома; между тѣмъ, набѣжавшіе бунтовщики схватили его и начали жестоко бить. У избитаго маіора отобрали золотые часы, а его самого отправили въ Руссу.

Въ деревнѣ Дубовицахъ былъ взятъ солдатъ штабсъ-капитанъ Карповъ и отправленъ въ Руссу. Предъ тѣмъ какъ вести Карпова туда, его пороли розгами, а когда вели его чрезъ деревню Воронову и Тулеблю, то въ каждой останавливали и били палками.

Въ томъ же селеніи мятежники пришли къ маіору Зарудкому для отысканія яда, причеиъ грабили имущество, а его вывели и истязали. Послѣ отвели въ д. Воронову на гауптвахту и приставили карауль: рядового Чайку съ саблюю, а Дмитріева—съ пикою.

Въ деревнѣ Толыгинѣ толпа бунтовщиковъ пришла къ квартирѣ поручика Долгова. Послѣдній вышелъ въ халатѣ и спросилъ поселянъ, зачѣмъ они собрались. «Васъ отправить въ Руссу для сохраненія»,—отвѣчали одни; «пришли отыскивать холеру»,—давали отвѣтъ другіе. Затѣмъ бунтовщики рѣшили отправить поручика въ Руссу, чтобы въ ротѣ было покойнѣе, такъ какъ онъ самъ и есть холера. Когда поселяне все еще стояли въ нерѣшительности, рядовой Ивановъ закричалъ толпѣ: «Что вы на него смотрите, онъ такой же, какъ и прочіе; онъ также подписался морить людей ядомъ». Поручика схватили и стали наносить побои, а послѣ избитаго въ халатѣ отвели въ Руссу.

Капитанъ Ходотъ спасался отъ бунтовщиковъ, бѣжа къ парому, на которомъ хотѣлъ переѣхать р. Полисть; поселяне преслѣдовали его и кричали: «Держите капитана!». Паромщикъ, слыша это, мѣшкаль отъѣздомъ парома, почему набѣжавшіе мятежники успѣли схватить капитана. Тутъ же Ходотъ былъ страшно избитъ и отведенъ въ Руссу.

Въ селѣ Дубовицахъ толпа мятежниковъ намѣревалась схватить маіора Емельянова, но онъ скрылся въ колоннахъ резервнаго баталіона. Послѣдній съ маіоромъ пошелъ въ Руссу, а толпа съ дубьемъ и кольями преслѣдовали баталіонъ, требуя выдачи Емельянова. Въ Руссѣ 21 іюля, во время бунта, мятежники взяли маіора и повели обратно въ село Дубовицы, гдѣ избили его и истязали, причеиъ взяли отъ него 10 тысячъ рублей.

Въ селѣ Карповѣ бунтовщики обыскивали квартиру помѣщика Черкасова, а затѣмъ со словами: «убить Черкасова, убить холеру!»—бросались на него и жестоко избили. Избитаго помѣщика хотѣли посадить въ куль и бросить въ воду, но одумались и повели въ Руссу.

Ходили поселяне Кіевскаго полка также на ботъ, стоявшій на рѣкѣ Ловати, близъ деревни Юрьево, и искали въ каютахъ его яду; при обыскѣ нашли двѣ бутылки съ какимъ-то полосканьемъ и заподо-

зрѣли, что въ немъ содержится ядъ. Мятежники набросились на флотскаго офицера Галухина и стали сильно бить: наносили ему побои кулаками и палками, а послѣ отправили въ Руссу. Когда рядовой Андреевъ везъ его въ городъ избитаго на своей лошади, то, проѣзжая чрезъ село Слободу, кричалъ: «не надо ли кому ветчины!?».

Изувѣчили бунтовщики каштенармуса Долженка и водили его къ священнику на исповѣдь. Били фельдфебельшу Голубкову и таскали ее за волосы; избили также поселянку Колобухину: одни держали, а другіе сѣкли ее розгами.

Поселяне принца Павла Мекленбургскаго полка, главнымъ образомъ, учинили побоища въ деревнѣ Вояжѣ.

Тамъ мятежники сильно избили штабсъ-капитана Родзевича.

Маіора Власовича бунтовщики изувѣчили и бросили въ канаву. Рядовой Григорьевъ, проходя мимо маіора и увидя, что его какой-то поселянинъ бьетъ по головѣ, замѣтилъ, что лучше бы онъ билъ его по спинѣ. Потомъ маіора подобрали и отправили въ деревню Березку.

Подполковника Воеводскаго остановили мятежники въ указанной деревнѣ и стали наносить побои, но онъ, ставъ на колѣни, упросилъ ихъ прекратить побои. Тогда было рѣшено отправить его въ село Великое. Везъ подполковника рядовой Кузьминъ и дорогою гладилъ его по головѣ, трясъ за волосы и спрашивалъ, почему у него чубъ поднялся. Окруженнаго толпою Воеводскаго встрѣтили въ селѣ Великомъ колокольнымъ звономъ. Тутъ подполковника приняла другая толпа и начала бить, затѣмъ избитаго и нагого оставила на дорогѣ.

Бунтовщики вломились въ квартиру капитана Громеки, находящуюся въ той же деревнѣ Вояжѣ, разбили окна, разграбили имущество, а самого капитана убили.

Унтеръ-офицеръ Яковлевъ приказывалъ поселянамъ ѣхать въ деревню Горки и схватить маіора Герасимова, но онъ былъ тамъ со своею ротою и бунтовщиковъ отбросилъ выстрѣлами. Когда же маіоръ пришелъ въ деревню Вояжу, то рота его выдала, и мятежники съ яростію бросились на него, избили и бросили на дорогу. Здѣсь Герасимовъ отъ побоевъ умеръ. Послѣ убійства пришла еще толпа бунтовщиковъ и издѣвалась надъ мертвымъ тѣломъ, которое били дубинами, топтали ногами.

18-го іюля, въ селѣ Городцахъ, мятежники читали на ротномъ дворѣ указъ о томъ, чтобы схватить и убить капитана Елина. По прочтеніи, поселяне отправились въ квартиру капитана, разграбили имущество, а его привели въ роту. Тутъ Елинъ подвергся страшнымъ истязаніямъ: ему плевали въ лице, щипали съ головы волосы, разодрали одежду и били палками по голой спинѣ. Избитаго капитана отвезли на телѣгѣ въ городъ Горицы и бросили въ манежъ на солому, гдѣ Елинъ вскорѣ и умеръ.

Били мятежники учителя кантонистовъ Сребнова въ деревнѣ Парникѣ; между тѣмъ, рядовой Ивановъ смотрѣлъ на расправу и говорилъ: «надо бить такъ, чтобы сошла съ живаго кожа». Послѣ учитель былъ отправленъ совершенно избитый въ деревню Устицы.

Поселяне принца Евгенія Виртембергскаго полка не отличались особенными истязаніями отъ поселянъ прочихъ полковъ.

Штабсъ-капитана Хомрата мятежники избили жестоко, а потомъ отпустили. Около села Великаго его поймалъ рядовой Семеновъ и билъ дубиною по ляжкамъ.

Мятежники узнали, что подполковникъ Посыеть будто сознался въ томъ, что онъ отпустилъ на каждую роту по одному кулю яду. Въ деревнѣ Чернышевѣ его схватили, изувѣчили и выбросили изъ квартиры на улицу. Рядовой Ефимовъ, увидя подполковника лежащимъ, взялъ его и отвелъ въ село Великое, гдѣ привязалъ несчастнаго къ столбу около часовни.

Также привязали къ столбу у часовни штабсъ-капитана Шаталова, уже ограбленнаго и тяжело избитаго.

Въ селѣ Соколовѣ, 13-го іюля, бунтовщики пришли въ квартиру капитана Еськова, раздѣвали его и искали яду, но, не найдя, истязали и издѣвались надъ нимъ. Послѣ побоевъ толпа мятежниковъ съ пиками и дубинами повела капитана въ Руссу на судъ военно-рабочаго баталіона. Въ пути рядовой Фроловъ говорилъ Еськову: «вы умѣли писать журналы, такъ пишите теперь». Другой рядовой Степановъ, сопровождавшій капитана, упрекалъ его: «богатымъ давали деньги на коровъ, а мы не дали за палый скотъ, такъ идите на судъ».

Аудиторъ Ануфріевъ скрывался отъ мятежниковъ въ лѣсу, но его тамъ поймали поселяне и привели въ село Великое, причѣмъ били его дубинами и всячески издѣвались, затѣмъ клали на землю и сбѣкли розгами.

12-го іюля у капитана Булашевича были гости. Мятежники подошли къ его квартирѣ и стали требовать гостей, кои якобы принесли ядъ. Послѣ того, какъ капитанъ имъ крикнулъ: «ребята, разойдитесь!» — толпа бросилась въ домъ, вытацила капитана и такъ его избила, что онъ тутъ же отъ побоевъ и умеръ. Затѣмъ мертвое тѣло и гостей бунтовщики отправили въ Руссу.

Наконецъ, избиты и лишены жизни поселянами артиллерійской бригады слѣдующія лица.

Капитана Козлова мятежники поймали въ селѣ Великомъ и учинили надъ нимъ истязанія.

Бунтовщики грабили имущество поручика Воропанова и такъ его жестоко избили, что онъ вскорѣ отъ побоевъ скончался въ деревнѣ Залучьѣ, куда прѣзжалъ на лошади водворять порядокъ.

Поручика Малюгу мятежники били плетью до тѣхъ поръ, пока онъ не сталъ издавать стоновъ. Въ такомъ положеніи его бросили въ канаву.

Чиновника старорусскаго экономическаго комитета Свенсона избили мятежники въ деревнѣ Семкеной Горужкѣ и избитаго отвели въ Руссу; по дорогѣ надъ нимъ издѣвались.

Въ той же деревнѣ подвергся побоямъ и истязаніямъ поручикъ Нѣмовъ. До отправки въ Руссу онъ былъ взятъ подъ арестъ, но содержался недолго. Въ городѣ поручика сопровождала толпа мятежниковъ и тѣмъ временемъ онъ получалъ изрѣдка удары кулаками.

Въ деревню Карпачеву мятежники ходили для отысканія у прапорщика Черкасова яду и, не найдя, спрашивали, куда онъ таковой дѣвалъ. Къ этому времени рядовой Герасимовъ принесъ прутьевъ, нарѣзанныхъ въ саду отъ яблоней, и предложилъ выпоротъ Черкасова. Послѣдняго сѣкли и били.

Штабсъ-капитана Шебаева бунтовщики взяли въ деревнѣ Демидовой, связали его веревкою и вывели изъ дома на улицу, а большинство ихъ осталось въ квартирѣ искать яду. Потомъ мятежники повели его въ рабочій баталіонъ, но, не отыскавъ его, проводили до Осташковской дороги, гдѣ его взяла другая толпа и отправила въ деревню Карпову, а оттуда онъ былъ доставленъ въ село Залучье уже избитый. Такимъ образомъ Шебаева водили по деревнямъ и били.

16-го іюля въ деревнѣ Горкѣ крестьяне помѣщика Бостельмана привели аудитора Носкова, искавшаго спасенія въ помѣщичьихъ деревняхъ. Здѣсь подошелъ къ нему рядовой Аванасьевъ, связалъ ему руки веревкою и держалъ за нее, чтобы не ушелъ; въ это время другіе поселяне стали наносить ему сильные побои. Избитаго аудитора отправили съ двумя рядовыми въ деревню Ижитуцу, а оттуда онъ былъ доставленъ въ деревню Карпову на гауптвахту.

Въ селѣ Ляховичахъ мятежники разграбили квартиру капитана Борщевского, а самого его на столько избили, что, при отправленіи въ село Залучье, принуждены были посадить въ телѣгу.

Рядовой Емельяновъ выдалъ поручика Мокрѣвича бунтовщикамъ, пришедшимъ въ деревню Вильбовичи. Отсюда поручикъ былъ отведенъ толпою въ деревню Хмѣли и по дорогѣ страшно избитъ.

15-го іюля подпоручика Ламанскаго, какъ и штабсъ-капитана Шебаева, поселяне водили по деревнямъ и наносили побои. Били его въ деревняхъ Коровитчинѣ, Закорытнѣ и Сутокахъ.

Штабсъ-капитана Лузанова били мятежники палками, а рядовой Кириловъ прикладомъ ружья; при этомъ нѣкоторые кричали: «прогнать его сквозь строй и подрѣзать ему ногти!».

Въ квартиру капитана Останковича мятежники пришли искать яду и грабили имущество. Затѣмъ сѣкли жену капитана, а его немилосердно били кольями и топорами до тѣхъ поръ, пока онъ не лишился жизни.

Подпоручикъ Дубовъ укрывался отъ мятежниковъ, но мѣсто его укрывательства указаль рядовой Зиновьевъ. Одни поселяне держали Дубова за руки, а другіе наносили ему удары, причеиъ державшіе совѣтовали бить его до смерти. Били также и жену его, а потомъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, выгнали изъ дому.

Поручика Иванова бунтовщики избии и связали. Рядовой Степановъ шариль у него по карманамъ и снималь кольцо; рядовой же Леонтьевъ сняль съ него сапоги и надѣль ихъ себѣ. Связаннаго поручика поселяне оставили дома.

Въ селѣ Боръ трое поселянъ вытащили капитана Бернацкаго изъ квартиры и отдали толпѣ, которая его связала и среди улицы стала наносить жестокіе побои; били его плетями, палками, а инвалидъ Ѳедоровъ билъ сапогами по лицу. Когда капитанъ былъ убитъ, мятежники отправились въ его квартиру и грабили имущество.

Рядовой Кириловъ показываль взбунтовавшимся поселянамъ вынужденную отъ поручика Цикло подписку объ отравленіи ядомъ и этимъ подалъ поводъ къ отысканію его. Мятежники нашли поручика, били его дубинами, колч-ями и лишили жизни.

Въ селѣ Ефремовѣ мятежники искали въ квартирѣ капитана Алферьева яду; потомъ капитана вытащили на улицу, гдѣ начали бить по плечамъ и шеѣ. Совершенно избитаго положили въ телѣгу, привязали веревкою и отправили въ деревню Семкину Горушку, а оттуда подъ конвоеиъ доставили въ Руссу.

Изъ 2.673 бунтовщиковъ Новгородская слѣдственная коммисія приговорила: 83 наказать кнутомъ и сослать въ Сибирь въ каторжныя работы; 1.581 прогнать сквозъ строй и посадить въ исправительныя арестантскія роты; 104 высѣчь розгами и отослать въ резервную дивизію 5-го корпуса и остальныхъ перевести на службу въ полки отдѣльнаго Финляндскаго и Сибирскаго корпусовъ.

Наказаны кнутомъ:

Трое	9 ударами.
Семь	10 »
Семь	12 »
Пять	15 »
Десять	20 »
Двѣнадцать	25 »
Шестнадцать	30 »
Девять	40 »
Шесть	45 »

Шпиць-рутенами:

Триста пятьдесятъ четыре	500 ударами.
Триста шестьдесятъ семь	1.000 »

«истор. вѣстн.», августъ, 1893 г., т. III.

9

Пятьдесятъ семь	1.500	ударами.
Четыреста восемьдесятъ пять	2.000	»
Сто двадцать семь	3.000	»
Сто девяносто одинъ	4.000	»

Розгами:

Трое	25	ударами.
Четыре	50	»
Пять	100	»
Двадцать семь	200	»
Сорокъ шесть	300	»
Тринадцать	400	»
Шесть	500	»

Приговоры приведены въ исполненіе втеченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ состоявшихся конфирмацій.

Александръ Слезкинскій.

ОЧЕРКИ МОСКВЫ ¹⁾.

XX.

Усадьбы гр. Мусина-Пушкина и купцовъ Симоновыхъ. — Плетешковскій переулокъ и современная легенда о его таинственномъ обывателѣ. — Нѣсколько словъ о Посольской улицѣ въ связи съ Посланниковымъ переулкомъ и Шуваловскою усадьбой. — Характеръ Нѣмецкой улицы. — Техническое училище. — Дворцовый садъ и его судьба. — Анненгофская роща.

СЪ ПОЛОВИНЫ прошедшаго столѣтія противъ кабака Разгуляя воздвиглось, въ границахъ уже Елохова, великолѣпное, украшенное колоннадой зданіе графа Мусина-Пушкина, съ широко-раскинувшюся позади его усадьбой, среди которой протекала тогда еще свободная и полноводная Чечора. Домъ этотъ, обычнаго для большинства тогдашнихъ вельможескихъ московскихъ построекъ типа, нѣкогда украшался великолѣпнымъ садомъ, поперекъ котораго, среди роскошныхъ цвѣтниковъ, и струилась Чечора; отъ него теперь остались одни воспоминанія, да нѣсколько вѣковыхъ деревьевъ на обширной полянѣ, предназначенной для развлечения гимназистамъ 2-й московской гимназіи, помѣщающейся въ прежнемъ графскомъ дворцѣ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 112.

Противъ гимназической усадьбы, надъ самую Чечорой, высится огромное красно-кирпичное зданіе, принадлежащее теперь наследникамъ миллионера Корзинкина и выстроенное въ 70-хъ годахъ на мѣстѣ сгорѣвшей старинной фабрики Симоновыхъ, едва ли не сверстницы Мусинскаго дома. Изъ рукъ стариннаго московскаго купеческаго дома Симоновыхъ (изъ которыхъ происходитъ, между прочимъ, и вдова извѣстнаго богача-мануфактуриста Тимоѳея Савича Морозова, Анна Ѳеодоровна) зданіе это перешло въ руки знаменитаго московскаго генераль-губернатора графа Закревскаго, которому одинъ изъ тогдашнихъ Симоновыхъ, какъ рассказываютъ, подарилъ его, со всею принадлежавшею къ нему усадьбой, за какую-то губернаторскую услугу. И, должно быть, услуга была не маленькая, ибо, не говоря уже о громадномъ трехъ-этажномъ зданіи фабрики, въ которомъ впослѣдствіи, до ея пожара, помѣщался совершенно просторно цѣлый сахарный заводъ Кнопъ и Пасбургъ, къ ней примыкала широкая усадьба, доходившая вплоть до Ольховцевъ и вмѣщавшая въ себѣ нѣсколько меньшаго размѣра зданій, цѣлыя обширныя (Елоховскія) бани, луга, сады, рощи и нѣсколько прекрасныхъ прудовъ, запруженныхъ все изъ той же Чечоры. Еще и до сихъ поръ есть проходъ черезъ эту усадьбу прямо на Ольховскую улицу, къ усадьбѣ, принадлежавшей нѣкогда сенатору Дмитрію Борисовичу Мертваго, имѣвшему здѣсь обширную фабрику, зданія которой, по ея упраздненіи, десятки лѣтъ стояли въ заустѣвнн, безъ всякаго призора, пока не были присоединены къ Симоновской усадьбѣ и перестроены подъ товарные склады. Но это случилось сравнительно недавно, а еще на нашей памяти и окружающіе ихъ сады и поляны, и сами они представляли самый дикій и жалкій видъ, стоя безъ оконъ и дверей и служа притономъ для бездомнаго и подозрительнаго люда. Послѣ графа Закревскаго это роскошное владѣніе, которое, попади оно на охотника, могло бы быть превращено буквально въ райскій уголокъ среди Москвы, было кому-то, не помнимъ, продано, а этимъ новымъ хозяиномъ заложено не безызвѣстному въ то время пастырю-капиталисту, протоіерею Верхоспасскаго дворцоваго собора, Александру Евлампьевичу Покровскому, раньше бывшему настоятелю Богоявленской Елоховской церкви, которому затѣмъ и досталось въ собственность, и уже его наследниками продано И. И. Корзинкину, который, послѣ пожара главнаго дома, выстроилъ на его мѣстѣ зданіе уже не для фабрики, а для жильцовъ, не стѣняясь тѣмъ, что его по-прежнему пришлось расположить надъ самую Чечорой, отъ чего въ немъ и царствуетъ вѣчная сырость.

Отъ Богоявленской колокольни идетъ съ Покровки на соединеніе съ Аптекарскимъ переулкомъ кривой и довольно дрянно до сихъ поръ обстроенный переулокъ, именуемый Плетешковскимъ, или просто Плетешки; о немъ, пожалуй, и не стоило бы распро-

страняться, еслибъ не связанная съ нимъ почти современная легенда, страннымъ героемъ которой молва называетъ одного изъ Демидовыхъ, по всей вѣроятности, Анатоля, человѣка, извѣстнаго своей склонностью къ оригинальничанью и всевозможнымъ странностямъ. Легенда, слышанная нами отъ старожиловъ мѣстности, гласитъ слѣдующее.

Въ половинѣ пятидесятихъ годовъ къ одному изъ домовладѣльцевъ Лефортовскаго переулка, соединяющаго Плетешки съ Нѣмецкой улицей, явился солидно одѣтый, съ длинными, тщательно расчесанными полусѣдыми бакенбардами, напоминающими стариннаго дворецкаго, человѣкъ и обратился къ нему съ вопросомъ: не отдастъ ли онъ въ наймы отдѣльнаго двухъ-этажнаго деревяннаго флигеля, стоящаго на дворѣ его дома? Домохозяинъ отвѣчалъ, что флигель занять жильцами, но что если условія найма окажутся много выгоднѣе, то онъ можетъ и отказать квартирантамъ. Посѣтитель въ отвѣтъ на это спросилъ, какую ему угодно будетъ назначить цѣну, и когда изумленный хозяинъ назвалъ первую подвернувшуюся на языкѣ цифру, но, всетаки, довольно сумасшедшую, наниматель молча вытащилъ изъ кармана толстый бумажникъ, изъ него плотную пачку крупныхъ ассигнацій, а изъ нея отсчиталъ сумму, слѣдующую за полгода, и положилъ на столъ. — Вотъ потрудитесь получить и дать росписку, — сказалъ онъ. Приступая къ написанію документа, хозяинъ полюбопытствовалъ узнать, на чье же имя писать его. — Ни на чье, просто напишите, что за двухъ-этажный флигель, сданный въ наймы, деньги за полгода впередъ получили; вотъ и все. — Какъ это ни странно казалось домовладѣльцу, но онъ былъ такъ бѣденъ, такъ мучился со своими жильцами, такими же бѣдняками, такъ въ данную минуту стѣснялся въ деньгахъ, а онѣ такъ обольстительно лежали на столѣ, готовыя упасть въ его карманъ, что онъ и задумываться долго не сталъ. Однако, проводивъ нанимателя, оказавшагося человѣкомъ безстрастно-холоднымъ, нелюдимымъ и несообщительнымъ, счелъ нелишнимъ сходить къ своему пріятелю-квартильному посовѣтоваться. — Чего-жь тебѣ? Если начнутъ фальшивыя бумажки дѣлать, тогда донеси. А то хоть самъ дьяволъ найми квартиру, тебѣ какое дѣло? — успокоилъ его надзиратель, однако, на всякій случай, его же обязавъ и наблюдать за новыми жильцами.

Дѣло было по осени, и домовладѣлецъ, очистивъ флигель отъ обитателей, уже съ недѣлю поджидалъ переѣзда новыхъ, какъ вдругъ среди глухаго, темнаго вечера, когда, по мѣстнымъ правамъ, рѣшительно некого было ожидать, раздался звонокъ у воротъ; оказалось, что пріѣхалъ тотъ же сановитый старикъ, въ сопровожденіи тощаго ломоваго воза, нагруженнаго двумя кроватями, однимъ кресломъ, однимъ столомъ и нѣсколькими узлами. Внесши все это немногосложное имущество при помощи извозчика и устра-

нивши всякое участіе хозяина въ переноскѣ, старикъ заперъ снаружи квартиру, потребовалъ, чтобъ ворота стояли настежь открытыми до его возвращенія, и уѣхалъ на ломовой дрогѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ. Такъ и случилось: приблизительно черезъ часъ во дворъ въѣхала богатая, изящная карета, остановилась у крыльца флигеля, давешній старикъ соскочилъ уже съ козелъ, отперъ дверь на лѣстницу, осторожно отворилъ завѣшенную изнутри дверцу кареты, почтительно высадилъ изъ нея и ввелъ на крыльцо ея таинственнаго пассажира, котораго любопытному хозяину рѣшительно не удалось разсмотрѣть, захлопнулъ передъ его носомъ дверь, приказалъ кучеру уѣзжать, самъ затворилъ и заперъ за нимъ ворота и затѣмъ скрылся въ потемкахъ лѣстницы, не забывъ изнутри замкнуть на тяжелый крюкъ входную дверь.

Въ послѣдующіе дни, изъ постепенныхъ наблюденій хозяина выяснилось, что заплатившій квартирныя деньги старикъ былъ слуга, состоявшій при невидимкѣ-баринѣ и поваромъ, и лакеемъ, и нянькой, и истопникомъ, и ключникомъ. Самъ баринъ никуда не выходилъ изъ квартиры, въ которой они и заняли, въ обѣихъ этажахъ, только три комнаты: прихожую — слуга, слѣдующую за ней — баринъ, и третью, кухню — для стряпни. Остальной десятокъ комнатъ въ трехъ отдѣльныхъ небольшихъ квартирахъ такъ и пустовалъ непроизводительно, и ни одна квартира даже не отпиралась. Имущества, кромѣ привезеннаго въ вечеръ переѣзда, не прибывало никакого. Ежедневно раннимъ утромъ старикъ отправлялся за провизіей, неизмѣнно молча и какъ бы нехотя отвѣчалъ на поклоны, ни съ кѣмъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія познакомиться, безъ нужды даже не выходя изъ квартиры. Только позднимъ вечеромъ, когда по приблизительному расчету можно было съ увѣренностью сказать, что весь дворъ и весь переулокъ спятъ глубокимъ сномъ, во флигелѣ обнаруживались признаки оживленія: крыльцо безшумно отворялось, старый слуга, тихо ступая по предательски скрипѣвшимъ ступенямъ деревянной лѣстницы, медленно спускался внизъ, волоча на себѣ громоздкое, тяжелое кресло, запыхавшись устанавливалъ его на серединѣ двора, самъ становился за нимъ, и черезъ минуту показывалась на крыльцѣ таинственная фигура его барина, человѣка среднихъ лѣтъ; онъ медленно подходилъ къ креслу, молча садился въ него и неподвижно сидѣлъ часъ, другой, иногда третій. Все это время сановитый лакей стоялъ какъ бы приросшимъ къ спинкѣ кресла. Когда баринъ вставалъ и удалялся въ домъ, совершалась въ обратномъ порядкѣ церемонія внесенія кресла въ домъ, и за тѣмъ все смолкало. Замѣчательно, что когда осень и грязь смѣнились зимой, свѣгомъ и морозами, этотъ ночной барскій кейфъ на открытомъ воздухѣ не только не прекратился, но и баринъ и слуга выдерживали его въ томъ самомъ платьи, въ какомъ сидѣли дома, хотя

бы на дворѣ трещалъ 25-градусный морозъ. Такъ это всю зиму и продолжалось. Мѣсяца черезъ два послѣ ихъ переѣзда заинтересовалась было ихъ личностями мѣстная полиція, и затребовала отъ домовладѣльца ихъ паспорта. Тотъ было разлетѣлся къ старику-слугѣ на кухню, съ задняго крыльца, чтобъ сообщить ему объ этомъ, но даже и на кухню принять не былъ: старикъ отворилъ дверь, сталъ въ ней, выслушалъ остановившагося въ темныхъ сѣняхъ хозяина, сказалъ: «хорошо», и захлопнулъ передъ нимъ дверь. Но документовъ никакихъ такъ и не представилъ, да и полиція больше ихъ не требовала, уполномочивъ его держать двухъ странныхъ постояльцевъ не прописанными. Послѣ, когда уже ихъ и слѣдъ простылъ, рассказывали, будто старикъ, вслѣдъ за визитомъ хозяина, ходилъ къ кому-то, должно быть, къ важному лицу, съ письмомъ отъ барина, и черезъ нѣсколько дней мѣстной полиціи прислано было секретное предписаніе не тревожить ни того, ни другого требованіемъ ихъ видовъ. За нѣсколько дней до истеченія полугодоваго срока старикъ-слуга выслѣдилъ домохозяина гдѣ-то на дворѣ, спросилъ у него, угодно ли ему отдать квартиру на другое полугодіе, и послѣ удовлетворительнаго отвѣта тутъ же вынулъ изъ бумажника деньги, уплатилъ ихъ, и попросилъ надписать на прежней запискѣ полученіе втораго платежа. Но зажить этихъ денегъ имъ не удалось, и отъѣздъ ихъ, изъ флигеля неизвѣстно куда состоялся не болѣе, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ второй уплаты, и также внезапно, какъ переѣздъ на квартиру неизвѣстно откуда. Отъѣзду ихъ предшествовало такое происшествіе: въ одинъ прекрасный день неизвѣстный человѣкъ пришелъ къ хозяину дома и задалъ ему вопросъ, не у него ли въ домѣ квартируетъ г. Демидовъ съ своимъ камердинеромъ. Хозяинъ отвѣчалъ сущую правду, что квартируетъ какой-то пожилой человѣкъ, по наружности дѣйствительно похожій на камердинера, вмѣстѣ съ какимъ-то другимъ человѣкомъ, какъ будто бы съ своимъ баринномъ; но ни барина этого онъ ни разу въ глаза не видалъ, ни кто они такіе, ни о томъ, ни о другомъ не знаетъ. Дня черезъ два послѣ этого визита переулочъ былъ взволнованъ рѣдкимъ событіемъ въ его захолустной жизни: въ него повернула съ Нѣмецкой улицы щегольская карета, запряженная парой драгоцѣнныхъ коней, и остановилась у воротъ этого дома; ливрейный лакей, соскочившій съ козелъ, оказался тѣмъ самымъ человѣкомъ, который только что приходилъ къ хозяину за справками о невѣдомыхъ тому жильцахъ. На сей разъ онъ прошелъ черезъ весь дворъ прямо къ ихъ крыльцу, смѣлою рукой дернулъ за звонокъ разъ, другой, третій. Наконецъ-то, старикъ собрался отворить дверь, да такъ и обомлѣлъ, увидѣвъ передъ собой, должно быть, хорошо ему знакомую личность, съ которой не только привѣтливо поздоровался, но даже расцѣловался. Затѣмъ, пошептавшись съ нимъ и оставивъ его на крыльцѣ, онъ поднялся

вверхъ, доложилъ барину и вернулся съ короткимъ отвѣтомъ: «принять не могутъ». Ливрейная шляпа поспѣшила къ каретѣ, отворила дверцу съ почительностью, согнувшею ее въ три погибели, и передала сидѣвшимъ въ каретѣ господину съ дамой полученный отвѣтъ. Дама наскоро набросала карандашемъ записку и передала ее шляпѣ; шляпа бросилась опять на крыльцо, снова принялась звонить; вызвонила старика въ другой разъ и передала ему записку. Черезъ минуту отворилась форточка, въ ней показался старикъ и отчетливо произнесъ: «отвѣта не будетъ». Съ тѣмъ таинственные гости и уѣхали. Но каково же было удивленіе хозяина, когда вскорѣ послѣ того старикъ-слуга объявилъ ему, что «они» сегодня уѣзжаютъ, и квартира свободна. Дѣйствительно, также какъ и тогда, вечеромъ старикъ вернулся съ каретой, вынесъ связанное въ узлы имущество, бросивъ въ подарокъ хозяину обѣ кровати и столъ съ кресломъ, вывелъ барина, усадилъ въ карету, самъ сѣлъ на козлы — и только ихъ и видѣли.

Что баринъ носилъ фамилію Демидова, это несомнѣнно, потому что если лакей, наводившій справки о г. Демидовѣ, на основаніи ихъ рѣшился везти самихъ господъ, по порученію которыхъ производилъ дознаніе, то, значить, онъ сразу догадался о личности постояльца-невидимки; да и изъ обстоятельствъ пріѣзда самихъ господъ не видно, чтобъ они именно ошиблись адресомъ, ибо, еслибы было такъ, то ни лакеи не оказались бы знакомы одинъ съ другимъ, и отвѣтъ получился бы не такой: если не могутъ принять, то, всетаки, значить, знаютъ, кто стучится въ дверь, равно какъ и тотъ, кто стучится, знаетъ, къ кому именно онъ стучится. Но что это былъ за Демидовъ, что это была за фантазія прожить больше полгода въ добровольной тюрьмѣ, подвергаясь даже, безъ всякой нужды, капризамъ и суровости стихій, лишая себя общенія съ людьми, что это были за личности, таки-выслѣдившія отшельника въ его потаенномъ гнѣздѣ и спугнувшія его оттуда, и куда увезла его карета съ только что оплаченной квартиры, — всѣ эти вопросы такъ и остались навсегда загадкой для плетешковскихъ обывателей.

Но разъ остановимся на предположеніи, что таинственный плетешковскій обыватель дѣйствительно носилъ эту знаменитую фамилію, естественно возникаетъ другое предположеніе: не былъ ли это Анатолій Демидовъ, пресловутый родственникъ Наполеона III, въ это, кажется, именно время прославлявшій себя по Европѣ различными странностями и чудачествами? И если у всякаго барона своя фантазія, то отчего бы и этому пресыщенному жизнью добровольному скитальцу не прельститься перспективой полудикаго уединенія въ московскомъ захолустьи, въ какихъ-то Плетешкахъ, да еще, для рѣзкости контраста, въ двухъ шагахъ отъ двухъ дворцовъ, принадлежавшихъ его предкамъ? Извѣстно, что на стран-

ности и чудачества Демидовская фантазія всегда была и падка, и неистошима.

Разъ ужъ мы свернули съ Покровки и попали въ Лефортовскій переулокъ, то и продолжимъ нашъ путь по прямой дорогѣ на Нѣмецкую улицу, и такъ какъ исторія ея, съ Монсами и Петровскими кутежами, уже достаточно извѣстна всякому просвѣщенному читателю, а о происхожденіи ея и положеніи въ до-Петровской Москвѣ и мы выше успѣли сказать нѣсколько словъ, то и не находимъ нужнымъ воспроизводить здѣсь общеизвѣстные рассказы о развлеченіяхъ, которыя позволялъ себѣ въ ея палестинахъ великій преобразователь, а воспользуемся временемъ и мѣстомъ для нѣсколькихъ не особенно важныхъ, но не лишенныхъ интереса историческихъ поправокъ, или, еще скромнѣе, догадокъ. И это будетъ тѣмъ болѣе кстати, что Лефортовскій переулокъ впадаетъ въ Нѣмецкую улицу какъ разъ противъ Посланникова переулка. Намъ неоднократно случалось читать и въ старинныхъ и въ новѣйшихъ сочиненіяхъ, статьяхъ и замѣткахъ о Москвѣ и ея старинѣ про какую-то Посольскую улицу, находившуюся будто бы въ Елоховѣ и начинавшуюся отъ Богоявленскаго храма: зная безупречно топографію всей этой мѣстности, мы приходили въ недоумѣніе, въ какомъ и понынѣ пребываемъ, насчетъ того обстоятельства, гдѣ же именно лежала, и съ какого именно пункта отъ названной церкви начиналась эта пропавшая безъ вѣсти улица? Изъ такого недоумѣнія, однако, имѣется весьма легкій и не безъосновательный выходъ въ видѣ догадки, что всѣ помянутые бытописатели Московской старины руководились при своихъ указаніяхъ на неизвѣстную улицу одними лишь печатными источниками, обходясь безъ топографической ихъ провѣрки и, можетъ быть, даже ни разу не издавши въ глаза описываемой ими мѣстности: при такомъ условіи вполнѣ возможно, что одна, быть можетъ, случайная ошибка въ названіи, допущенная первоначальнымъ изслѣдователемъ, такъ и стала повторяться его позднѣйшими послѣдователями, и съ Посланниковымъ переулкомъ, соединяющимъ Нѣмецкую улицу съ одною изъ параллельныхъ ей улицъ, повторилась исторія, похожая на ту, какую продѣлалъ Собакевичъ, запродавъ Чичикову бабу, подъ именемъ «Елизаветъ-Воробей», за мужика. Въ безъосновательности нашей догадки убѣждаютъ и дальнѣйшія подробности этихъ извѣстій: въ нихъ сообщается, на примѣръ, о Посольской улицѣ, что на ней стояли усадьбы и палаты первѣйшихъ тогдашнихъ вельможъ, и между прочимъ—усадьба и дома графовъ Шуваловыхъ. Но извѣстно, — и мы объ этомъ уже упоминали раньше, — что дома Шуваловыхъ, а нынѣ Клюгиныхъ, стояли и продолжаютъ стоять на Нѣмецкой улицѣ; это тѣ именно дома, одному изъ которыхъ даже официально приписана честь, что онъ былъ колыбелью величайшаго русскаго поэта. Изъ всего этого, по-

жалуй, можно бы было предположить: ужь не Нѣмецкая ли улица носила названіе Посольской? Но на это, во-первыхъ, нѣтъ никакихъ указаній, а, во-вторыхъ, она и не называлась улицей, а Нѣмецкой слободой, да и доселѣ такъ зовется въ народѣ, и въ улицы официально пожалована въ весьма недавнее время, едва ли больше 50 лѣтъ назадъ. Поэтому остается одно: предположить, что въ указываемыхъ извѣстіяхъ неразборчивыми на слова бытописателями, не давшими себѣ труда тщательно и лично ознакомиться съ топографіею описываемыхъ ими мѣстностей, по невѣдѣнію переулки перепутаны съ улицами, цѣлыя усадьбы переброшены чуть не за полъ-версты отъ ихъ дѣйствительнаго мѣстонахожденія, сочинена цѣлая небывалая улица и посажена на такое мѣсто, гдѣ ей негдѣ помѣститься, а дѣйствительно существующій Посланниковъ переулокъ переименованъ въ улицу и пожалованъ такою усадьбой, какой въ немъ никогда не было, и которая посейчасъ стоитъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

Кстати ужь скажемъ и о неразборчивости, съ какою и въ историческихъ замѣткахъ, и даже въ современныхъ репортерскихъ хроникахъ, употребляются слова: Лефортово, Лефортовскій. Часто встрѣчаются указанія: «въ Лефортовѣ», «близъ Лефортова», и т. п., при чемъ, иногда не безъ труда, да и вооружившись личными обстоятельными свѣдѣніями объ описываемой мѣстности, можно догадаться, что рѣчь идетъ, на примѣръ, или о Преображенскомъ, или о Семеновскомъ, или о Матросской слободкѣ, или о Нѣмецкомъ рынкѣ, или о Нѣмецкой улицѣ, или о Нѣмецкомъ кладбищѣ, или о Проломной заставѣ, или о Гавриковомъ переулкѣ, или о Сокольничьей рошѣ. Въ административно-полицейскомъ смыслѣ всѣ названныя урочища, отстоящія другъ отъ друга нерѣдко на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, могутъ быть названы, пожалуй, общимъ именемъ Лефортова, какъ заключающіяся въ предѣлахъ одной и той же Лефортовской части—но и только. Никому изъ москвичей не придетъ въ голову, отправляясь въ Преображенское, или на Нѣмецкій рынокъ, или къ Проломной заставѣ, нанимать извозчика въ Лефортово, ибо, по общему разумѣнію, не считающемуся съ полицейскою классификаціей мѣстностей, Лефортовымъ признается лишь одна мѣстность, носящая названіе Лефортовской слободки, расположенная за Военнымъ госпиталемъ и Дворцовымъ садомъ, позади бывшаго Головина дворца и Петропавловской церкви, на порогѣ, съ одной стороны, Нѣмецкаго кладбища, съ другой—Анненгофской рощи, и если нанять извозчика въ Лефортово, то онъ непременно и привезетъ въ эту слободку, и никуда больше. Что же касается прилагательнаго Лефортовскій, то оно опредѣляетъ и частный домъ, и бывший дворецъ, и Дворцовый садъ, находящіеся хотя и въ Лефортовской части, но далеко за предѣлами собственно Лефортова, и даже такой переулокъ, ко-

торый принадлежит къ Басманной части,—именно тотъ, изъ котораго мы вышли на Нѣмецкую улицу.

Воспользуемся, однако, случаемъ, который снова привелъ насъ на Нѣмецкую улицу, для того, чтобы окончательно распроститься и съ ней, и съ ея историческими окрестностями, и вернуться на Покровку, по которой намъ предстоитъ еще не малый путь. Нечего и говорить, что въ теперешнемъ своемъ состоянїи она не представляетъ ничего нѣмецкаго: характеръ ея смѣшанный—отчасти, какъ мы уже указывали раньше, фабричный, отчасти мастеровой и отчасти педагогическій. Благодаря близости Техническаго училища и массѣ молодаго люда, норовящаго ютиться поближе къ нему, мелкія квартиры ея домовъ кишать квартирными съемщицами, промышленяющими отдачей въ наймы каморокъ студентамъ-техникамъ и кормленіемъ ихъ, а каморки эти кишать техниками, квартирующими рѣдко въ одиночку, въ большинствѣ же случаевъ какъ въ Ноевомъ ковчегѣ и даже тѣснѣе, а сама улица нѣсколько разъ въ день кишитъ техниками, ползущими то на лекціи, то съ лекцій, а по вечерамъ просто гуляющими по ея тротуарамъ, за нимѣніемъ по близости мѣста, гдѣ бы можно было погулять съ большимъ привольемъ. Во время оно для этой цѣли съ честію служилъ знаменитый Дворцовый садъ, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ отошелъ въ собственность 1-го кадетскаго корпуса, а Лефортовскій дворецъ, при которомъ онъ нѣкогда состоялъ, подъ помѣщеніе какого-то архива и даже подъ частныя квартиры, отъ его недавняго великолѣпія осталась вопіющая мерзость запустѣнія, и двери его даже вовсе замкнулись для посторонней публики. А еще на нашей памяти онъ былъ ежедневно полонъ гуляющей публикой, по праздникамъ въ немъ бывала музыка; прелестныя пруды его, соединенныя одинъ съ другимъ каналами, кишѣли рыбой; не только самъ садъ кое-какъ поддерживался, но при немъ существовала даже оранжерея; со стороны Лефортовскаго дворца черезъ Язузъ былъ перекинутъ мостъ, который, послѣ его обветшанія, лѣтъ двадцать пять назадъ сломали и уже не стали строить новаго, замѣнивъ его перевозомъ на лодкѣхъ по 2 коп. съ души. Такъ продолжалось много лѣтъ, пока той стороны сада, которая выходитъ къ Военному госпиталю, не застроили всей почти сплошь какими-то благотворительными заведеніями, одновременно съ тѣмъ уничтоживъ перевозъ и преградивъ входъ въ садъ какъ отъ Язузы, такъ и въ большія ворота отъ Каменнаго моста. Въ минувшемъ году мы вздумали провѣрить доходившіе до насъ объ этомъ слухи и предпринимали экскурсію въ эти отдаленныя мѣстности Первопрестольной: да, мы убѣдились, что Дворцовый садъ пересталъ существовать для публики. По старой памяти, попробовали мы проникнуть въ него чрезъ аллею, идущую отъ крыльца 1-го корпуса, но на полдорогѣ встрѣтили дощечку съ предупрежденіемъ, что постороннимъ лицамъ

входъ въ садъ воспрещенъ, что подтвердилъ намъ и попавшійся на глаза сторожъ. Такъ, значить, Москва и московское населеніе навсегда лишились: первая— одного изъ своихъ наилучшихъ украшеній, второе — стариннѣйшаго, излюбленнѣйшаго, связаннаго съ самыми дорогими и близкими сердцу историческими преданіями общественнаго гульбища. Такъ никто изъ нихъ и не увидитъ ни тѣхъ аллей, по которымъ совершали свои прогулки августѣйшіе потомки преобразователя въ теченіе цѣлаго столѣтія, ни тѣхъ прудовъ, по которымъ они катались, ни той исторической каменной бесѣдки, которую соорудилъ въ память Петра Великаго Александръ Благословенный на мѣстѣ разрушенной деревянной, гдѣ исполинъ русскаго политическаго генія повѣрялъ свои думы и планы своему любимцу Лефорту, ни той исполинской ели-двойчатки, которую, по словамъ преданія, самъ Петръ и посадилъ и заботливо растилъ, стараясь придать ей раздвоенному стволу такое направленіе, чтобы онъ росъ сперва не кверху, а по землѣ, и позволилъ ему вертикальное направленіе тогда только, когда оба ствола образовали собою удобный и покойный диванчикъ для отдохновенія. Опытъ увѣнчался успѣхомъ, и эти двѣ ели, растущія изъ одного корня, до сихъ поръ едва ли не на цѣлую голову выше всей окружающей ихъ мощной растительности: къ сожалѣнію, подъ ними, на ихъ толстыхъ диванчикахъ, то-есть на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда отдыхалъ Великій Петръ, въ послѣднюю четверть вѣка только и можно было найти объѣдки колбасы и иныхъ снѣдей, остававшихся отъ импровизованныхъ *dejeuners champêtres*, которые устраивали подъ этимъ историческимъ деревомъ мѣстные охотники выпить и закусить на вольномъ воздухѣ. Дворцовый садъ въ старину пользовался въ Москвѣ самой широкой популярностью: было время, когда каждый москвичъ считалъ какъ бы нѣкоею обязанностью хоть изрѣдка посѣтить его, а въ Троицынъ и Духовъ день, дни традиціоннаго ежегоднаго гулянья, въ саду съ утра до ночи толпились десятки тысячъ народа, такъ что въ немъ становилось, не смотря на его обширность, въ буквальномъ смыслѣ тѣсно. Даже въ то время, когда и въ эти два дня публикѣ уже отказано было въ какихъ либо увеселеніяхъ и развлеченіяхъ, она валила въ садъ несмѣтными толпами, просто по преданію, точно также какъ теперь, когда массивныя желѣзныя ворота сада заперты наглухо, цѣлыя гурьбы народа каждое воскресенье и каждый праздникъ, по вечеру, идутъ на обширную луговину передъ этими воротами, очевидно, просто по старой памяти, полюбуются сквозь рѣшетку на запущенную главную аллею сада, да и разсядутся живописными группами на чахлой травкѣ, вдоль этой рѣшетки. Этого удовольствія ихъ, кажется, не лишили и до сего дня.

Въ столь же прискорбномъ состояніи обрѣтается и пресловутая Анненгофская роща, посаженная, ради удовольствія императрицы

Анны Иоанновны, ея курляндскимъ любимцемъ въ одинъ день чуть ли не на ста десятинахъ и занимающая все пространство земли между зданіемъ бывшаго Головина дворца и Владимірскимъ шоссе. Роца эта могла бы также служить не послѣднимъ украшеніемъ города, которому, кстати, и принадлежит на правахъ собственности, но—увы!—до сихъ поръ обѣгается публикой и даже простонародьемъ, какъ излюбленный пріютъ подозрительныхъ людей и бродягъ и злополучное мѣсто, предпочтительно передъ другими почему-то манящее подъ свои вѣтви мрачныхъ самоубійцъ для окончательнаго расчета съ жизнью: едва ли гдѣ еще въ Москвѣ совершается столько самоубійствъ, сколько здѣсь, и не проходитъ лѣта безъ того, чтобъ съ деревьевъ этой непривѣтливой роци не сняли нѣсколькихъ удушенныхъ. Въ народѣ она пользуется, поэтому, очень дурною славой, и онъ относится къ ней не то съ презрѣніемъ, не то съ омерзѣніемъ: какъ извѣстно, онъ далъ ей даже прозвище въ высшей степени неприличное, исковеркавъ для этого ея первоначальное названіе: Гофъ-Анненская. Такъ подъ этимъ непристойнымъ прозвищемъ она и извѣстна большинству московскаго населенія.

XXI.

Нѣмецкое кладбище.—Его образцовое содержаніе и строгость кладбищенскаго надвора.—Разсказъ объ утопленникѣ.—Лефортово.—Усадьба чумнаго богача Матвѣева.—Матвѣевскій дворецъ и его богатство.—Оскуднѣніе Матвѣевской фамиліи.—Община «Утоли моя печали». — Военный госпиталь.—Бутурлинская усадьба.—Мясники Розановы.—Хлыстовщина и преданіе о Платовѣ и Цыгановыхъ баняхъ.—Фабрики Кондрашевыхъ.—Пансіонъ Дельсаль.—Красносельская улица.—Усадьба Малютиныхъ.—П. С. Малютинъ и его Раменская фабрика.—Преданія о Красномъ селѣ.—Алексѣевскій монастырь и его новѣйшая исторія.—Могила фонъ-Мекка и Каткова съ Леонтьевымъ.—Родовитыя инокни монастыря.

Совершенную противоположность и Анненгофской роцѣ, и Дворцовому саду представляетъ сосѣднее съ ними мѣсто «печали и слезъ», иновѣрческое, или, въ просторѣчїи, Нѣмецкое кладбище. Если бы не цѣлый лѣсъ болѣе или менѣе изящныхъ памятниковъ, прикрываемыхъ густою листвою прекрасной роци, среди которой расположена эта обширная обитель смерти, Нѣмецкое кладбище сдѣлалось бы привлекательнѣйшимъ мѣстомъ для прогулокъ: содержится оно не только чисто и опрятно, но даже великолѣпно; благочиніе и порядокъ на немъ всегда одинаково примѣрные, а благоуханіе отъ живыхъ цвѣтовъ, въ изобилїи украшающихъ могилы, такое, что легко вообразить, что находишься не на кладбищѣ, а въ громадной оранжереѣ. Отличительною чертой этого кладбища съ первыхъ же дней его основанія является по истинѣ

драконовская строгость, съ какою кладбищенскіе приставники оберегаютъ спокойствіе и имущество своихъ пансіонеровъ. Не говоримъ уже о томъ, чтобы былъ когда либо случай покражи креста или иного украшенія съ памятника; ни о томъ, что всякій входящій на кладбище какъ-то сразу проникается почтеніемъ къ мѣсту и мыслию, что здѣсь необходимо держать себя въ границахъ строжайшаго приличія. Но вотъ что замѣчательно: здѣсь не замѣчается публика, даже малолѣтняя, и въ такихъ сравнительно невинныхъ шалостяхъ, какъ, напримѣръ, сорвать цвѣтокъ изъ цѣлага цвѣтника, украшающаго иную могилу, что на нашихъ кладбищахъ, какъ и многое другое, рѣшительно ни во что не ставится. Эта сдержанность даже нашей, русской публики, во множествѣ стекающейся на кладбище, объясняется его прежними преданіями, гласящими о беспощадной строгости въ отношеніи къ лицамъ, замѣченнымъ даже въ подобныхъ пустякахъ. Изъ времени не далѣе, какъ 1850-хъ годовъ, рассказываютъ случай, что какой-то мѣщанинъ, гулявшій по кладбищу, сорвалъ цвѣтокъ, въ чемъ и былъ замѣченъ сторожами, бросившимися задержать и, вѣроятно, какъ слѣдуетъ проучить его. Замѣтивъ преслѣдователей, преступникъ, въ свою очередь, пустился бѣжать; сторожа—за нимъ. Тотъ перепрыгнулъ черезъ частоколь, отдѣляющій кладбище отъ протекающей въ глубокомъ оврагѣ рѣчки Синички; тѣ—за нимъ. Тотъ въ воду—и сторожа туда же, съ тою разницей, что они раздѣлись, а бѣглець бросился во всей одеждѣ и, не умѣя плавать, попалъ на глубокое мѣсто и пошелъ ко дну, заплативъ жизнью за свою шалость и за трусость передъ ожидавшей его расправой. Ужъ изъ этого можно догадываться, какова она бывала.

До послѣдняго времени Нѣмецкое кладбище, примыкающее къ Лефортовской слободкѣ, или собственно Лефортову, и составляло главную его достопримѣчательность, если не считать другою таковою Военной тюрьмы, воздвигнутой близъ нея, на опушкѣ Анненгофской рощи. Но съ 1870-хъ годовъ на противоположной окраинѣ Лефортова, противъ Военнаго госпиталя, возникло еще новое замѣчательное учрежденіе, созданное извѣстною филантропкой, княгинею Н. Б. Шаховской. Разумѣемъ общину сестеръ милосердія подъ названіемъ «Утоли моя печали», того же типа, какъ и Митрофаньевская Покровская. Для устройства общины княгиня воспользовалась единственною, какъ нельзя болѣе подходившею къ сей цѣли, усадьбою въ Лефортовѣ. Усадьба эта принадлежала стариннымъ магнатамъ Лефортова, фабрикантамъ Матвѣевымъ; предокъ ихъ, если вѣрить рассказамъ, принадлежалъ къ разряду такихъ же «чумныхъ богачей», о какихъ мы уже упоминали, говоря о Нѣмецкомъ рынкѣ, Гавриковѣ переулкѣ и тамошней Покровкѣ. Послѣ чумы, когда почти вся слободка оказалась на выморочномъ положеніи, онъ изъявилъ готовность поселиться въ ней

и получилъ бесплатно чуть не всю ея территорію. Распродавъ въ послѣдствіи значительную ея часть по клочкамъ, онъ нажилъ на этомъ деньжонки, построилъ фабрику, страшно разбогатѣлъ и зажилъ крезомъ въ великолѣпномъ дворцѣ, имъ воздвигнутомъ противъ Петропавловской церкви и окруженномъ роскошнымъ садомъ. По великолѣпію и роскоши убранства, по изобилію всякаго рода драгоценностей, Матвѣевскій домъ считался однимъ изъ первыхъ даже въ тогдашней барской Москвѣ, и объ этомъ можно заключить, между прочимъ, вотъ изъ какого факта, намъ лично извѣстнаго. Когда наслѣдники его и дальнѣйшіе ихъ потомки стали приходить въ оскудѣніе, фабрика была брошена, и домъ заколоченъ со всею драгоценною обстановкой, а его владѣльцы разбрелись въ Москвѣ по наемнымъ квартирамъ; имъ неоднократно случалось, для поправленія своихъ денежныхъ обстоятельствъ, прибѣгать къ частичной распродажѣ драгоценностей, сохранившихся среди обстановки дома. И вотъ, когда большая часть ихъ уже была реализована, и пришлось приниматься за мебель, ковры, портьеры и занавѣси, мы знаемъ случай, что одинъ изъ московскихъ антикваріевъ не затруднился заплатить 2.000 р. за обстановку только одной изъ второстепенныхъ комнатъ Матвѣевского дворца, то-есть за полторы дюжины стульевъ и креселъ, два дивана, нѣсколько столовъ и столиковъ, портьеръ, занавѣсокъ, ковровъ, ковриковъ и т. п. Сколько же стоило это же самое убранство его устроителю, и сколько стоило убранство всего дома, считавшаго цѣлыя десятки такихъ и еще лучшихъ и великолѣпнѣйшихъ комнатъ!

Что сказать о Военномъ госпиталѣ? Что онъ представляетъ собою обширнѣйшее и наилучше обставленное изъ подобныхъ учрежденій не только Россіи, но и цѣлаго міра,—это извѣстно; извѣстно и то, что военное вѣдомство и доселѣ не падаетъ средствъ для того, чтобы поддерживать это образцовое учрежденіе на той высотѣ совершенства, какой требуетъ современное госпитальное дѣло; извѣстно и то, что въ прошедшемъ столѣтіи Военный госпиталь, такъ сказать, подарилъ Москву чумой, ибо первый случай смерти отъ нея констатировалъ д-ръ Шафонскій именно въ его стѣнахъ, хотя также извѣстно, что не споткнулся Шафонскій о нѣмецкую оппозицію и упорное Салтыковское равнодушіе къ его мудрымъ предостереженіямъ, тотъ же госпиталь, въ его лицѣ, могъ бы явиться и спасителемъ столицы отъ мора.

Всю лѣвую сторону Госпитальной улицы, идущей отъ госпиталя черезъ Язу къ Хапиловской (Нижней) улицѣ, а равно и конецъ этой послѣдней до луга передъ Лефортовскимъ дворцомъ занимаетъ усадьба, принадлежавшая нѣкогда графамъ Бутурлинымъ и замѣчательная тѣмъ, что въ ней ребенкомъ много разъ гащивалъ нашъ Пушкинь, въ ея графскомъ домѣ началъ ощу-

щать первые приступы поэтического вдохновения, здѣсь же написал первые свои стихи на французскомъ языкѣ, попался съ ними кому-то изъ старшихъ и, застыдившись насмѣшливыхъ поздравленій съ поэтическимъ талантомъ, убѣжалъ въ ея дремучій садъ, чтобъ скрыться отъ дружескаго, но черезчуръ откровеннаго и потому для ребячьяго самолюбія невыносимо обиднаго насмѣшничанья. Бутурлинская усадьба совмѣщала въ себѣ всѣ типическія принадлежности старинныхъ московскихъ барскихъ усадебъ: обширный лугъ передъ домомъ, помѣстительный домъ съ флигелями и службами, безконечный садъ съ тысячами фруктовыхъ деревьевъ, протекавшимъ черезъ него ручьемъ ключевой воды, съ прудомъ и островкомъ на немъ, пріютомъ безмятежнаго уединенія, оранжереями и даже собственными обширными огородами. Послѣ 1812-го года усадьба эта испытала обычную судьбу дворянскихъ усадебъ, перейдя въ руки мужиковатыхъ купцовъ бр. Розановыхъ, тогдашнихъ воротилъ мясною торговлей на Нѣмецкомъ и Смоленскомъ рынкахъ, поставщиковъ мяса на различныя московскія казенныя заведенія. Ихъ было три брата: Иванъ и Максимъ съ Антономъ. Послѣдніе два были прикосновенны къ хлыстовщинѣ; про Антона ходили даже толки, будто онъ, еще молодымъ мальчишкой, принималъ участіе въ хлыстовскихъ радѣніяхъ, устраивавшихся послѣ 1812-го года героемъ Отечественной войны, казачьимъ атаманомъ Платовымъ, въ такъ называемыхъ Цыгановыхъ баняхъ, еще и поднесъ существующихъ близъ Хапиловской улицы, неподалеку отъ Нѣмецкаго рынка; позже, когда воздвигнуто было гоненіе на хлыстовъ, скопцевъ и иныхъ сектантовъ, онъ даже былъ арестованъ по подозрѣнію въ принадлежности къ хлыстовской сектѣ и долго гдѣ-то содержался, но потомъ всѣхъ удивилъ, возвратившись къ братьямъ не только свободнымъ, но и женатымъ. Послѣ говорили, что освобожденіе его сухимъ изъ воды стоило братьямъ большихъ денегъ и крупныхъ пожертвованій. Въ рукахъ невѣжественныхъ купцовъ Бутурлинская усадьба испытала обычную метаморфозу: садъ остался безъ ухода, оранжерея уничтожилась, прудъ заросъ, островокъ одичалъ, такъ какъ къ нему не было проѣзда за отсутствіемъ лодки, а огороды сданы были въ аренду. Тѣмъ не менѣе мы помнимъ, что лѣтъ 30—35 назадъ въ саду считалось еще до 1.500 яблонь, до 700 грушъ и болѣе 300 сливъ—все это высшихъ сортовъ и непомѣрной плодovitости, не считая цѣлой рощицы ягоднаго кустарника: малины, черной и иной смородины, крыжовника, и т. п. И вся эта благодать сдавалась владѣльцами въ аренду мѣстнымъ фруктощикамъ чуть ли не за 300 рублей въ лѣто, за какую цѣну они сами лишались уже права ходить въ собственный садъ до тѣхъ поръ, пока арендаторъ не очиститъ все до послѣдняго яблока. Въ началѣ 1870-хъ годовъ купцы Розановы неожиданно обанкротились,

и ихъ владѣніе поступило въ собственность фабрикантовъ Кондрашевыхъ, которые начали съ того, что всю огородную землю, примыкавшую къ Госпитальной улицѣ, сдали въ аренду подъ жилища усадьбы, а лицевую сторону своихъ владѣній, выходящую на Хапиловскую улицу, сплошь застроили двумя огромными фабричными корпусами, гдѣ и открыли фабрику, оставивъ между ними лишь ворота для проѣзда къ Бутурлинскому дому.

Вотъ мы, однако, и опять, уже другой дорогой, почти вернулись на Покровку, и намъ стоитъ лишь мимо Лефортовскаго частнаго дома, прежняго владѣнія генеральши Костылевой, свернуть въ знакомый уже намъ Посланниковъ переулокъ (извѣстный своимъ женскимъ пансіономъ, который чуть ли не въ теченіе цѣлаго вѣка принадлежалъ одному и тому же почтенному семейству Дельсаль и былъ чуть ли не первымъ этого типа частнымъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ въ Москвѣ), а изъ этого переулка, черезъ тотъ же Лефортовскій и Плетешки—выйти къ Богоявленской церкви, чтобы продолжать путь далѣе.

Красносельская улица, соединяющая село Елохово съ Краснымъ, продолжительной экскурсіи не требуетъ: о ней довольно сказать, что она родина Павла Семеновича Малютина, гуманнѣйшаго изъ русскихъ фабрикантовъ, создателя знаменитой подмосковной Раменской фабрики, извѣстной неслыханнымъ въ фабричномъ мѣрѣ комфортомъ, которымъ окружены рабочіе за счетъ хозяина: въ этомъ райскомъ уголкѣ фабричнаго труда они пользуются и медицинской помощью, и бесплатною аптекой, и школой, и, кажется, читальней, и дешевыми продуктами изъ фабричной лавки по оптовымъ цѣнамъ, и сберегательною кассой, и даже — *incredibile dictu!*—семейные и женатые изъ нихъ отдѣльными квартирами. Уже и это одно замѣчательно, но еще замѣчательнѣе то, что вся администрація фабрики, отъ хозяевъ и директоровъ до послѣдняго конторщика, всегда состояла и доселѣ состоитъ исключительно изъ русскихъ людей—это принципъ, исповѣдывавшійся и свято соблюдавшійся и самимъ Павломъ Семеновичемъ, и также свято блюдомый, какъ говорятъ, и наслѣдниками его. А при двухъ предыдущихъ условіяхъ всего замѣчательнѣе и то, что, не смотря на веденіе дѣла одними русскими силами, безъ всякаго участія иностранной интеллигенціи, не смотря на значительные расходы, употреблявшіеся и доселѣ употребляющіеся для обезпеченія благосостоянія рабочихъ, фабрика и давала своему основателю, и продолжаетъ давать его наслѣдникамъ прекрасные барыши. Послѣ смерти Павла Семеновича, какъ тогда ходили слухи, они наслѣдовали милліоновъ двѣнадцать, да и теперь нѣтъ основаній полагать, чтобъ въ ихъ рукахъ эта почтенная цифра милліоновъ не прибывала, а убывала.

Само Красное село если и не столь древнее, какъ Ёлохово, то и не слишкомъ моложе его; оно было государевымъ, имѣло свой загородный дворець, бывшій для московскихъ государей пунктомъ, изъ котораго они выѣзжали на соколиную и иную охоту (въ со-сѣднія Сокольничью и Оленью, а дальше Лосинную рощи), и перепутьемъ при возвращеніи съ нея. Въ исторіи смутнаго времени Красное село получило печальную извѣстность тѣмъ, что жители его, потерявъ чутье исторической правды, восторженно встрѣтили Гришку Отрепьева и оставались вѣрны ему до самой его позорной смерти, да и послѣ него предавались всеѣмъ послѣдующимъ самозванцамъ и претендентамъ на захватъ московскаго престола. Въ новѣйшее время Красное село приняло въ свои предѣлы цѣ-лый женскій монастырь, Алексѣевскій, воздвигнутый близъ Крас-наго пруда взамѣнъ упраздненнаго и сломаннаго Алексѣевскаго же монастыря на Волхонкѣ, на берегу Москвы-рѣки, стояв-шаго на мѣстѣ, гдѣ нынѣ возвышается храмъ Спасителя. Мона-стырь этотъ, какъ основанный, по преданію, святителемъ Але-ксіемъ, великимъ молитвенникомъ земли Русской, упразднить вовсе не признано было благоприличнымъ, и когда мѣсто, имъ зани-маемое, было предназначено для новаго храма въ память Отече-ственной войны, монастырь, по предложенію митрополита Фила-рета, былъ лишь переведенъ на свое нынѣшнее мѣсто со всеѣми своими святынями, изъ коихъ первенствующее значеніе принадле-жить чудотворной Тихвинской иконѣ Божіей Матери. На новомъ мѣстѣ обители посчастливилось: при монастырѣ основалось обшир-ное кладбище, скоро заполнившееся могилами московской дворян-ской и купеческой знати, на обитель, ея храмъ и причтъ посы-пались вклады, изъ коихъ иные достигали невѣроятно крупныхъ цифръ. Такъ напримѣръ, семья извѣстнаго желѣзнодорожнаго мил-ліонера, лютеранина Владиміра Карловича фонъ-Меккъ, похоро-неннаго на кладбищѣ Алексѣевскаго монастыря, внесла для поми-новенія его души вкладъ на вѣчныя времена въ размѣрѣ 40.000 р. Изъ наиболѣе знаменитыхъ москвичей тамъ же похоронены оба близнецы-публицисты, сначала П. М. Леонтьевъ, а потомъ и М. Н. Катковъ. Слышно было, что и ихъ водвореніе въ монастырѣ для вѣчнаго упокоенія сопровождалось также оба раза весьма ще-дыми пожертвованіями. Предполагалась даже, въ память Михаила Никифоровича, постройка новаго храма, но осуществилось ли это предположеніе, не имѣемъ свѣдѣній.

Не одна мертвая, но и живая знать сочувственно относилась и продолжаетъ относиться къ монастырю: благочестивое семейство князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ, напримѣръ, до того полюбило эту обитель, что одна изъ его представительницъ, чуть ли не се-стра бывшаго министра народнаго просвѣщенія, удалившись отъ мірской суеты, десятки лѣтъ прожила въ стѣнахъ этой обители и

лишь въ недавнее время преставилась маститою старицей. Были и въ числѣ сестеръ, и въ санѣ настоятельница монастыря, да и теперь есть, и другія представительницы наизвѣстнѣйшихъ русскихъ фамилій.

XXXII.

Дѣвкинъ переулочъ.—Домъ Сопѣлкина.—Дѣятельность Сопѣлкина по утверждению единовѣрія.—Пріязнь съ Филаретомъ.—Анекдотъ.—Щербаковскій домъ и преданіе объ императорѣ Павлѣ Петровичѣ.—Нѣмецкій рынокъ.—Трактиръ «Амстердамъ».—Прокшествованіе съ мировымъ судьей.—Первый судъ надъ мировымъ судьей.

Дѣвкинъ переулочъ, составляющій продолженіе Нѣмецкой улицы, только развѣ и замѣчательнъ, что своимъ страннымъ и нѣсколько рѣзкимъ прозвищемъ, объясненія которому, однако, намъ не удалось найти даже у такихъ изслѣдователей московской старины, каковы Снегиревъ и Мартыновъ, своими же предположеніями, какъ они ни соблазнительны, мы считаемъ неудобнымъ обременять вниманіе читателей.

По дорогѣ отъ этого переулка къ Гаврикову позволяемъ себѣ упомянуть о домѣ купцевъ Рудневыхъ и напомнить о его прежнемъ владѣльцѣ, купцѣ Владимірѣ Андреевичѣ Сопѣлкинѣ, представлявшемъ собою далеко не заурядную личность. Рожденный въ расколѣ, онъ собственнымъ размышленіемъ дошелъ до убѣжденія въ его неправотѣ; а разъ это случилось, онъ оказался столь чуткимъ къ религіознымъ интересамъ челоуѣкомъ, что не замедлилъ присоединиться къ единовѣрью, утверждавшемуся среди московскихъ раскольниковъ и поощрявшемуся митрополитомъ Филаретомъ. Сдѣлавшись искреннимъ сыномъ церкви, онъ оказался не изъ тѣхъ людей, которые способны найденную ими истину держать у себя въ карманѣ, и потому явился горячимъ пропагандистомъ единовѣрія среди прежнихъ своихъ товарищей по заблужденію. Пропаганда эта велась съ такимъ успѣхомъ, что передъ нею началъ постепенно отступать даже дикій фанатизмъ Преображенскаго кладбища, а кончилась тѣмъ, что Владиміръ Андреевичъ сумѣлъ расположить къ единовѣрью нѣсколькихъ магнатовъ и столповъ раскольниковъ мірка, и, поддерживаемый ими и благословляемый Филаретомъ, достигъ того, что на кладбищѣ основался цѣлый единовѣрческій Никольскій монастырь, котораго онъ сподобился быть и первымъ ктитормъ. Митрополитъ, отличавшій его усердіе своимъ отъѣннымъ къ нему благоволеніемъ, самъ вызвался освятить первый православный храмъ въ этомъ мрачномъ гнѣздѣ раскола, послѣ чего соблаговолилъ принять и приглашеніе Вл. А—ча осчастливить его домъ своимъ посѣщеніемъ. Мало того: когда, про-

вожая Филарета изъ храма къ каретѣ, Владиміръ Андреевичъ сталъ подсаживать владыку, митрополитъ, въ избыткѣ признательности къ нему за великое дѣло, безъ его горячаго усердія, быть можетъ, и не осуществившееся бы, усаживаясь въ карету, взялъ его за руку, съ чувствомъ пожалъ ее и проговорилъ: «садитесь со мной, Владиміръ Андреичъ, я васъ подвезу».

Сопѣлкинъ, конечно, былъ растроганъ, и умиленъ, и восхищенъ такой небывалой честью. Но—*du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*, и Владиміръ Андреевичъ чувствовалъ, что и ему послѣ такой высокой чести не болѣе шага до положенія весьма смѣшнаго. Дѣло въ томъ, что Сопѣлкинъ былъ феноменально толстъ, а митрополичья карета только снаружи громоздка, внутри же если и помѣстительна для двухъ персонъ, то развѣ обыкновеннаго калibra. И вотъ первое, чего онъ струсилъ, это была мысль: а ну, какъ я не влѣзу?—второе: а ну, какъ не усядусь? Однако раздумывать было некогда, и волей-неволей онъ не безъ усилій вскарабкался въ карету и не безъ труда усѣлся въ ней, занявъ болѣе, чѣмъ три четверти сидѣнья, конфузясь отъ этого и осматриваясь, какъ бы какимъ либо неловкимъ движеніемъ не обезпokoить владыку. А маленькій и худенькій Филаретъ, съезжившись и прижавшись къ уголку, быть можетъ, не безъ сожалѣнія созерцалъ неуклюжаго колосса, который при сильномъ толчкѣ легко могъ бы и придавить его. Когда карета поѣхала, разстояніе между сѣдоками еще болѣе сократилось, такъ что Сопѣлкинъ не безъ ужаса думалъ о первомъ сильномъ толчкѣ, который заставитъ его чувствительно толкнуть спутника, сидѣль подъ давленіемъ этой мысли, какъ на иголкахъ, пыхтѣль, отдувался и рѣшительно не въ состояніи оказался поддерживать разговоръ, начинавшійся не разъ Филаретомъ. Къ счастью, сытая шестерня не задержала путешественниковъ въ дорогѣ; и когда карета остановилась у крыльца Сопѣлкинскаго дома, и грузный хозяинъ вылѣзъ изъ нея, какъ медвѣдь изъ берлоги, митрополитъ, выпорхнувшій съ легкостью птички, остановился на крыльцѣ, дождался запыхавшагося толстяка, сказалъ ему съ своей обычной искусственно-добродушной улыбкой: «благодарю васъ, Владиміръ Андреичъ, вы меня согрѣли», и затѣмъ уже вошелъ въ давно отворенныя настежь двери. «А на дворѣ страсть, какъ сиверко было», — добавлялъ самъ Сопѣлкинъ, оканчивая свой простодушный рассказъ объ этомъ забавномъ инцидентѣ.

Ревность къ православію не прошла даромъ для Сопѣлкина: и самъ онъ, погрузившись всею душой въ одни религіозные интересы, не съ такимъ уже усердіемъ занимался своими дѣлами, и значительное число закоренѣлыхъ раскольниковъ, обозлившихся на него за его отступничество и успѣшное совратительство и имѣвшихъ съ нимъ комерческія дѣла и расчеты, дружно при-

нялись тѣснить его и вредить ему, такъ что прежде блистательно поставленный имъ заводъ восковыхъ свѣчъ въ Подольскомъ уѣздѣ сталъ быстро падать, обороты и барыши его сокращаться, и ко времени его смерти его коммерческое положеніе было уже близко къ разоренію, которое потомъ и разразилось надъ его наслѣдниками. Въ настоящее время, если не ошибаемся, ни отъ нихъ самихъ, ни отъ его нѣкогда значительнаго состоянія и слѣда не осталось. Но о немъ самомъ вѣчная память живетъ и будетъ жить на Преображенскомъ кладбищѣ, въ благоустроенномъ его преимущественною ревностью единовѣрческомъ монастырѣ, и въ сердцахъ тѣхъ, чьи отцы и дѣды, силою его горячихъ убѣжденій, были оторваны отъ дикаго раскола и воссоединены съ православною церковью.

На углу Покровки и Гаврикова переулка обращаетъ на себя вниманіе своею тяжелою старинною архитектурой небольшой каменный двухъэтажный домъ о пяти окнахъ. Нынѣ весь онъ занятъ сѣрымъ трактиромъ для низшихъ классовъ населенія, и едва ли кому изъ пьющихъ въ его грязныхъ залахъ водку или чай можетъ придти въ голову, что домъ этотъ видаль лучшіе дни, и что въ концѣ прошедшаго столѣтія тогдашній его владѣлецъ, купецъ Щербаковъ, квартировавшій въ верхнемъ этажѣ, удостоился однажды принимать у себя императора Павла Петровича со свитою, угощать чѣмъ Богъ послалъ, бесѣдовать съ нимъ цѣлый вечеръ и даже предложить ему ночлегъ въ лучшей горницѣ своего скромнаго помѣщенія, а на утро получить изъ его собственныхъ рукъ его портретъ, осыпанный брилліантами. А между тѣмъ это фактъ, для пишущаго эти строки не подлежащій сомнѣнію, такъ какъ онъ слышалъ подробный рассказъ о немъ отъ невѣстки этого самаго купца Щербакова, вдовы его сына Якова Ѳедоровича, Евѳиміи Тихоновны, урожденной Тюляевой, скончавшейся въ глубокой старости въ половинѣ 60-хъ годовъ, много разъ сидѣла на томъ самомъ диванѣ, который служилъ ложемъ императору, видѣла портретъ, имъ подаренный и врѣзанный въ спинку дивана, среди инкрустацій изъ краснаго дерева, которыми она оканчивалась. Изъ разсказа покойной случай этотъ объясняется такъ. Однажды государь, въ бытность свою въ Москвѣ, изволилъ проѣхать по Покровкѣ въ Измайлово, почему все населеніе ея и высыпало на улицу, чтобы не прозѣвать обратнаго его проѣзда и проводить его обычными привѣтствіями. Стройка на Покровкѣ той эпохи была прескверная и въ обѣ стороны отъ Гаврикова на далекое пространство представляла два ряда неказистыхъ деревянныхъ домишекъ и избушекъ, среди которыхъ прочно выстроенный небольшой каменный домикъ Щербакова высилъ на подобіе великолѣпнаго дворца. Какъ по справкѣ оказалось, еще ѣдучи въ Измайлово, государь обратилъ на него вниманіе; на обратномъ же пути приказалъ экипажу остановиться противъ него и узнать,

кому онъ принадлежитъ. Умный, смѣлый и бойкій Щербаковъ, находившійся тутъ же въ толпѣ, заявилъ свои права собственности на домъ и по желанію государя былъ представленъ ему. Императоръ, выразивъ ему удовольствіе на то, что онъ выстроилъ домъ не деревянный, а каменный, вдругъ спросилъ у него: «а нельзя ли мнѣ у тебя отдохнуть?». Щербаковъ, конечно, выразилъ всю полноту счастья, какое онъ испытываетъ, удостоиваясь принять у себя такого гостя. Императоръ вышелъ изъ экипажа, и съ нѣкоторыми изъ своей свиты вошелъ во дворъ и затѣмъ въ домъ, гдѣ уже успѣла собраться для его встрѣчи вся семья съ самимъ Щербаковымъ во главѣ, державшимъ въ рукахъ хлѣбъ-соль. Императору такая встрѣча, столь быстро организованная, видимо очень понравилась; онъ обошелся со всѣми милостиво и объявилъ, что хочетъ быть запросто, требуя, чтобъ и съ нимъ всѣ были тоже запросто. Позавтракавъ чѣмъ Богъ послалъ, но очень вкусно и сытно, онъ разговорился съ Щербаковымъ самымъ задушевнымъ образомъ и, видимо довольный его бесѣдой, выразилъ желаніе остаться у него ночевать. Изумленные хозяева, ногъ подъ собой не слыша и отъ радости, и отъ испуга, и отъ боязни, какъ бы чѣмъ не потревожить и не прогнѣвить неожиданнаго державнаго гостя, задумались надъ вопросомъ, гдѣ же его положить,—и не нашли ничего лучше, какъ на широкомъ, мягкомъ диванѣ, стоявшемъ въ главной комнатѣ. Государь противъ того ничего не возразилъ. На утро, прощаясь съ счастливыми хозяевами, онъ поблагодарилъ ихъ за гостепрѣимство и радушное угощеніе и, вручивъ Щербакову свой портретъ, выразилъ желаніе, чтобъ онъ всегда помѣщался въ спинкѣ дивана, и далъ слово, что если опять придется ему ѣхать мимо и захочется отдохнуть, то онъ никуда не пойдетъ, кромѣ какъ къ нимъ. Въ память этого событія Щербаковъ оставилъ ту комнату, въ которой съ нимъ бесѣдовалъ и затѣмъ почивалъ государь, навсегда въ томъ видѣ, какой она имѣла въ этотъ достопамятный для него вечеръ и ночь, и умирая тоже заповѣдалъ и своему сыну. И дѣйствительно во всѣ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ своего хозяйничанья домомъ послѣ отца Яковъ Федоровичъ въ своей гостиной не только ничего не измѣнилъ, не прибавилъ и не убавилъ въ обстановкѣ и убранствѣ, но не любилъ даже, чтобы и стулья переставляли съ одного мѣста на другое. Такъ было и при его вдовѣ, до продажи ею дома въ другія руки, при чемъ знаменитый диванъ кому-то былъ ею подаренъ, но безъ портрета, конечно.

Нѣмецкій рынокъ, также какъ и Нѣмецкая улица, давно уже не представляетъ собою ничего нѣмецкаго: напротивъ, весь онъ въ рукахъ самыхъ сѣрыхъ, сиволапыхъ русаковъ, да отчасти, съ нѣкоторыхъ поръ, евреевъ, и послѣдній признакъ, по которому еще можно было догадаться, что его нѣкогда устраивали и имъ ору-

довали педантическіе тевтоны, былъ необычайной вышины деревянный столбъ съ развѣвающимся на немъ флагомъ, подъ которымъ ютился жалкій ларь калачнаго торговца, да и этотъ остатокъ старины лѣтъ 25 назадъ былъ убранъ съ площади по распоряженію покойнаго полицеймейстера Николая Ильича Огарева. Торговцамъ этотъ невинный полицейскій вандализмъ почему-то казался обиднымъ и прискорбнымъ, такъ что они затѣвали даже жалобу подавать, вмѣстѣ съ просьбой о возвращеніи столба и флага на прежнее мѣсто, да по невѣжеству своему заспорили насчетъ того, на чье имя адресовать прошеніе съ жалобой; кто говорилъ—къ оберъ-полицеймейстеру, кто—въ думу, кто—въ управу благочинія, кто—въ губернское правленіе, кто—въ окружный судъ, кто—къ гражданскому губернатору, кто, наконецъ, къ генераль-губернатору. Мнѣнія раздѣлились, пренія обострились, коноводы затѣи переругались между собою, тѣмъ дѣло и кончилось.

Обрусѣлъ Нѣмецкій рынокъ на столько, что даже и общественный развратъ, который впервые насаждали и укореняли въ Москвѣ преимущественно нѣмцы и нѣмки, и тотъ ушелъ изъ ихъ рукъ въ руки коренныхъ русаковъ, и именно на Нѣмецкомъ рынкѣ расцвѣлъ въ 1860-хъ годахъ, культивируемый пресловутымъ Никитой Герасимовымъ Соколовымъ, въ стѣнахъ содержавшагося этимъ антрепренеромъ «Амстердама», такимъ пышнымъ и ядовитымъ цвѣтомъ, какого ни раньше нигдѣ никогда не видано было, ни позже трудно было бы увидать. Трактиръ «Амстердамъ» вмѣщалъ въ себѣ всю, такъ сказать, практическую энциклопедію распутства, начиная отъ гомерическаго пьянства, продолжая самымъ гнуснымъ, циническимъ, нагло-откровеннымъ развратомъ, и кончая азартными картежными играми всѣхъ типовъ: играли и въ трынку, и въ три листика, и въ стуюлку, и въ банкъ; и для всякой игры и для каждаго стола имѣлся вполне достаточный запасъ опытныхъ шулеровъ, состоявшихъ при трактирѣ по особымъ порученіямъ, на полномъ хозяйскомъ иждивеніи. По такимъ же порученіямъ и на томъ же иждивеніи состояло полчище разнаго достоинства дѣвицъ, начиная отъ пріумытыхъ пѣвичекъ и арфистокъ до обыкновенныхъ уличныхъ проститутокъ, занимавшихъ особое обширное помѣщеніе подъ вывѣской меблированныхъ комнатъ въ отдѣльномъ отъ трактира домѣ, но обязанныхъ долгомъ службы всѣ вечера и ночи проводить въ залахъ «Амстердама» на предметъ уловленія охотниковъ до дешевой женской ласки—въ свои сѣти, а бумажниковъ ихъ и кошельковъ—въ сѣти антрепренера. Безшабашное веселье, всеобщая музыка и пѣніе, не прекращавшаяся картежная игра и никогда не запиравшіяся двери «Амстердама» быстро создали ему такую популярность въ средѣ московскихъ гулякъ и кутиль, что любой изъ нихъ считалъ за стыдъ подолгу не бывать въ «Амстердамѣ», не раздѣлить времени съ какойнибудь изъ его прелестницъ

и не попробовать счастья въ его безпардонной картежной игрѣ. Даже простые мужики, для которыхъ имѣлась цѣлая грязная половина въ нижнемъ этажѣ, познакомившись на практикѣ съ разнообразными развлечениями этого веселаго пріюта, стали предпочитать «Стердаментъ», какъ они его называли, простымъ трактирамъ и валили туда цѣлыми толпами. Удачливый антрепренеръ ликовалъ, собирая обильную дань съ человѣческой глупости и невоздержности и, успокоенный со стороны полиціи, рѣшительно ни передъ чѣмъ не останавливался, чтобы увеличивать свои барыши. Особеннымъ его вниманіемъ пользовались, конечно, богатые купеческіе сынки, пріѣзжавшіе въ «Амстердамъ» для того, чтобы на просторѣ развернуться во всю ширину русской натуры. За таковыми, съ момента ихъ появленія, устанавливалось всестороннее наблюденіе съ цѣлю выясненія того обстоятельства, какими наличными денежными средствами они располагаютъ, чтобы сообразно этому или выдвинуть противъ нихъ тяжелую артиллерію картежной игры подъ верховнымъ управленіемъ шуллеровъ, или подвергнуть ихъ легкому ружейному огню арфистокъ, пѣвицъ, просто такъ себѣ дѣвицъ, вѣчно засѣдавшихъ въ трактирѣ, или, если они не стояли и этого, предать ихъ невниманію прислуги и расположить самихъ добровольно очистить мѣсто для гостей болѣе выгодныхъ. Нечего и говорить, что цѣлыми уходили восвоися только гости послѣдней категоріи; первые же сначала подвергались существенной обработкѣ шуллеровъ, а когда въ ихъ бумажникахъ оставалось уже не слишкомъ много, переводились во второй разрядъ и передавались на попеченіе дѣвицъ, среди которыхъ, поя и кормя всю ихъ ораву на свой счетъ, и погрязали до исчезновенія не только послѣдняго рубля, но и золотыхъ часовъ, цѣпочекъ, драгоценныхъ вещицъ. Точно также, конечно, дѣвицы распоряжались и съ тѣми, которые, минуя карточные столы, прямо начинали свое путаничество съ нихъ. Когда же какойнибудь изъ ихъ кліентовъ, за время своей гульбы успѣвшій освоиться со всѣмъ дѣвичьимъ населеніемъ номеровъ, доходилъ до такого постыднаго положенія, что оставался въ томъ только, что на немъ, то отъ него освобождались очень простымъ способомъ: напаивали до положенія ризъ и отправляли съ какоюнибудь изъ дѣвицъ прокатиться на свѣжемъ воздухѣ, причемъ онъ гдѣнибудь въ пустынной мѣстности и вываливался благополучно изъ пролетки или саней, предоставленный съ этого момента уже собственной о себѣ заботливости. Прошли какіенибудь два-три года съ основанія «Амстердама», и уже одинъ Нѣмецкій рынокъ съ своими окрестностями насчитывалъ десятки юныхъ жертвъ, погибшихъ въ страшной пасти поселившагося въ этомъ вертепѣ Молоха; вся же Москва считала ихъ сотнями.

Когда открылся въ столицѣ мировой судъ, и первые шаги свои ознаменовалъ такимъ отношеніемъ и къ своему дѣлу, и къ своей

кlientеллѣ, что заслужилъ всеобщіе о себѣ восторженные отзывы, благословенія и слезы умиленія, простодушные обыватели Покровки и Нѣмецкаго рынка, глубоко невѣжественные въ юридическихъ тонкостяхъ и правовыхъ отношеніяхъ, воспріяли въ свои сердца отрадную надежду, что авось хоть мировые уймутъ Никиту Герасимова; и какъ ни нелѣпа была съ точки зрѣнія правовой логики подобная надежда, она скоро нашла сочувственный отголосокъ въ Лефортовскомъ мировомъ судѣ, Николаѣ Никаноровичѣ Даниловѣ (кстати сказать, недавно умершемъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ должности члена комитета о просящихъ милостыню). Зная хорошо, что такое «Амстердамъ», возмущаясь долговременнымъ попустительствомъ со стороны полиціи по отношенію къ его содержателю, быть можетъ, преувеличивая силу своего судейскаго личнаго обаянія и сумму своихъ юридическихъ правъ и полномочій, судья отыскалъ въ судебныхъ уставахъ какую-то статью, дающую ему право инициативы въ дѣлѣ составленія протоколовъ и вчинанія исковъ, и слишкомъ поторопился воспользоваться ею. Проѣзжая однажды, глухою ночью, уже на полчаса позже срока закрытія трактирныхъ заведеній, мимо «Амстердама», который всю ночь не запирался, онъ усмотрѣлъ всѣ его окна ярко освѣщенными и залы наполненными гулевою публикой, и опрометчиво рѣшилъ «начать борьбу». Для этого онъ остановилъ экипажъ, заправилъ цѣпь такимъ образомъ, чтобъ ее сразу увидали и опѣшили отъ испуга до потери чувства самосохраненія, поднялся по лѣстницѣ вверхъ, вошелъ въ общую залу и сразу убѣдился, что онъ... жестоко ошибся. Какъ только трактирный буфетъ опозналъ его личность, лампы во мгновеніе ока начали одна за другою тухнуть, публика разбѣжалась въ заднія двери, въ буфетѣ и затѣмъ на лѣстницѣ воцарились могильные мракъ и тишина. Напрасно онъ звалъ хозяина, приказчика, когонибудь: никто не являлся и не откликался. Убѣдившись, наконецъ, что онъ самъ подставилъ забавную ловушку своему судейскому достоинству, и что имѣеть дѣло съ людьми, рѣшительно свободными отъ всякаго нравственнаго обаянія его личностью и даже цѣпью, судья поторопился, съ помощью собственныхъ спичекъ, спуститься съ лѣстницы уже безъ всякаго триумфа и, безъ сомнѣнія, былъ радъ даже тому, что трактирная челядь не заперла выходной двери.

Но на другой день онъ послалъ частному приставу, нашему старому знакомому И. О. Шишковскому, официальное «замѣчаніе» о допущеніи имъ въ своей части поздней торговли въ трактирныхъ заведеніяхъ. Тотъ нашелъ въ этомъ документѣ превышеніе власти и оскорбленіе полиціи, передалъ его своему начальству, это—прокурору, и сыр-боръ загорѣлся. Истинною *cause célèbre* былъ публичный судъ надъ мировымъ судьей за неумѣлое его усердіе ко благу населенія: о полицейскихъ нравахъ и распорядкахъ обна-

ружились вещи и забавныя, и вмѣстѣ возмутительныя, сразу рѣшившія судьбу частнаго пристава; «Амстердаму» и его хозяину тоже не поздоровилось. Въ концѣ концовъ, однако, судъ постановилъ сдѣлать судѣбъ замѣчаніе, заключавшее тотъ смыслъ, что, дескать, не суйся туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ, и, быть можетъ, замѣчаніе это отразилось на дальнѣйшемъ міросозерцаніи мирового института и на его дальнѣйшихъ отношеніяхъ и къ своимъ обязанностямъ, и къ своей службѣ, и къ обывателямъ.

Но процессъ не остался безъ вліянія и на общественную нравственность: не долго спустя послѣ него были запрещены въ трактирахъ музыка, пѣніе и игра въ карты, и даже торговля развратомъ была стѣснена въ значительной степени и не производилась уже такъ нагло и открыто. И за то слава Богу!

XXIII.

Усадьба еедосѣвскаго ересіарха и ея судьба.—Сектантскіе притоны.—Скопческій монастырь.—Раскольничья община матери Евники.—Водяной цѣлительникъ.—Мѣщанская богадѣльня и печальная участь прирѣваемыхъ въ ней.—Покровская Митрофаньевская община.—Еще Алексѣевская усадьба.

За Гавриковымъ, уже на территоріи села Покровскаго, на углу Большой улицы и переулка, ведущаго на Среднюю, къ святымъ воротамъ Ирнинской церкви, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія выстроилъ по тому времени большой каменный двухэтажный домъ и маленькій каменный же флигелекъ и развелъ не обширный, но хорошенькій садикъ зажиточный раскольникъ-торговецъ, Илья Алексѣевичъ Ковылинъ. Въ то время онъ еще не мечталъ о роли безпоповщинскаго апостола и учителя и о созданіи центрального пункта еедосѣвской секты на Преображенскомъ кладбищѣ, а хотѣлъ заняться широко торговлей, почему и отвелъ весь нижній этажъ дома подъ обширныя и высокія помѣщенія для чайной и овощной лавки и для мучной и масляной торговли, а весь верхъ занялъ подъ одну свою квартиру. Впослѣдствіи, когда онъ ударился въ дѣятельную пропаганду своей секты и въ изысканіе средствъ къ наибольшему ея распространенію, натолкнулся на мысль о созданіи кладбища и осуществилъ ее, онъ покинулъ ради кладбища свое старое пепелище и чрезъ нѣсколько времени продалъ свою Ирнинскую усадьбу молодому купцу Василию Ивановичу Малахову, подмосковному мукомолу и московскому хлѣбному торговцу, семья котораго и владѣла ею до половины 1860-хъ годовъ и, быть можетъ, владѣла бы и доселѣ, если бы судьбѣ не угодно стало стереть съ лица земли это прежнее гнѣздо раскольничьяго фанатика и изувѣра, для чего она и воспользовалась сдѣпленіемъ такихъ

обстоятельствъ. Одному заболтавшемуся въ Москвѣ безъ дѣла деревенскому парню надоѣло жить впроголодь, да и то Христовымъ именемъ, и возмечталъ онъ вернуться въ отчій домъ, какъ истинный блудный сынъ. Но и для этого оказывалось необходимымъ добыть нѣсколько рублей, ибо съ тѣхъ поръ, какъ завелись желѣзные дороги, даже послѣднее отребье чловѣчества считаетъ неприличнымъ идти пѣшкомъ въ Москву или возвращаться изъ нея въ деревню. Лукавый попуталъ его повѣдать о своемъ затрудненіи какому-то случайному товарищу; тотъ надоумилъ его, что самая простая и безопасная вещь—поджечь какойнибудь домъ, и въ суматохѣ пожара прикарманить добра не на нѣсколько рублей, а на нѣсколько сотъ или тысячъ. Блудному сыну мысль понравилась, и они согласились совершить эту операцію на компанейскомъ началѣ, чтобы первый взялъ на себя рискъ поджога, а второй работалъ бы во время пожара надъ имуществомъ погорѣльцевъ; дѣлежъ пополамъ. Сказано—сдѣлано. При сухой погодѣ и сильномъ вѣтрѣ поджогъ удался какъ нельзя лучше, и черезъ $\frac{1}{2}$ часа вся Ковылинская усадьба пылала въ огнѣ. Поджигатель, покойно любуясь на работу своего компаньона, и самъ соблазнился перспективой лишняго заработка: вытащилъ изъ груды сваленныхъ въ кучу вещей какую-то грязную тряпку, оказавшуюся старой бархатной мантилей, запихнулъ ее подъ поддѣвку и, ужаснувшись бѣдѣ товарища, котораго въ этотъ моментъ словили на десятомъ ужъ воровствѣ, пустился на утекъ, впопыхахъ забывъ хорошенько подпрятать добычу подъ полы, и на первомъ же перекресткѣ попался въ руки полиціи съ поличнымъ и покаялся.

Но той же судьбѣ не было, должно быть, угодно, чтобы и на мѣстѣ сгорѣвшаго воздвиглось новое жилое строеніе: тогдашнія владѣлицы дома, купчихи Малаховы, съ давнихъ поръ страховали аккуратно свою и недвижимость, и движимость. Но на этотъ разъ онѣ ошиблись мѣсяцемъ, и лишь за нѣсколько дней до пожара убѣдились, что давно уже просрочили взносъ. Тогда онѣ бросились въ страховое общество, но такъ какъ ихъ страхованіе оказалось съ перерывомъ, то общество и распорядилось съ нимъ, какъ съ вновь поступающимъ, назначивъ оцѣнщику и архитектору день для осмотра и оцѣнки предлагаемаго страхованія. А день и оказался какъ разъ тотъ, когда два негодяя рѣшили привести въ исполненіе свой планъ, и насмѣшливость судьбы простерлась даже до такихъ мелочей, что, напримѣръ, агенты страхового общества уже въ пути на осмотръ узнали о пожарѣ, а доѣхавъ до него узнали, что и горить-то самое то имущество, которое они собирались принять на страхъ.

Лишившись такимъ образомъ своей недвижимости, владѣлицы уже не были въ состояніи возстановить ее на собственные средства, и мѣсто изъ-подъ пожарища сдали въ аренду подъ дровяную

торговлю, а недавно и совсѣмъ продали дьякону мѣстной церкви. Вотъ ужъ не думаль-то, вѣроятно, Илья Алексѣевичъ, строя себѣ усадьбу сто лѣтъ назадъ, что онъ хлопочеть для «никоніанскаго дьякона»!

Какъ бы съ легкой руки едосѣвскаго ересіарха, отъ Гаврикова переулка то и дѣло начинаютъ встрѣчаться словно передовые пикеты разнокалибернаго сектантства, главныя арміи котораго испоконъ вѣка располагались въ Преображенскомъ и Черкизовѣ. Такъ, вся Переведеновка кишитъ и изстари кишѣла маленькими раскольничьими, скопческими и хлыстовскими женскими общинами подъ видомъ небольшихъ ремесленныхъ заведеній, немногочисленные мастерички которыхъ всѣ до одной вмѣстѣ съ тѣмъ и сектантки. На Средней Ирининской улицѣ, рядомъ съ церковью, въ сосѣдней съ священнической усадьбѣ, выслѣженъ былъ, лѣтъ около 20 назадъ, цѣлый скопческій монастырь, квартировавшій въ собственномъ домѣ его «богородицы», дочери дьякона Домбровской, имѣвшій своего «Ивана Крестителя» въ лицѣ какого-то отставнаго солдата и другихъ лицъ скопческой іерархіи. Неподалеку отъ Рыкова переулка на Покровкѣ и доселѣ существуетъ обширная женская раскольничья обитель, состоящая подъ управленіемъ пресловутой матери Евникии, чуть ли не изъ сотни молоденькихъ и хорошенькихъ черничекъ.

Неподалеку отъ Никольской церкви стоитъ обширная, «сквозная», съ проходнымъ дворомъ на Переведеновку, и, правду сказать, весьма грязная усадьба купца Холина, на Покровку глядящая грязнымъ трактиромъ, а внутри сплошь застроенная такими домишками и избушками, которыя изобрѣтены специально для того, чтобы съ наибольшимъ удобствомъ поджаривать ихъ населеніе въ томъ случаѣ, если, чего Боже сохрани, случится пожаръ. Лѣтъ 20—30 назадъ усадьба эта прославилась не только на всѣ близкія и дальнія окрестности Покровки, но чуть ли не на всю Москву, благодаря тому, что въ одномъ изъ ея домишекъ имѣлъ мужество поселиться Аполлонъ Ивановичъ Ячевскій, отставной полковникъ, бывшій казначей 1-го московскаго кадетскаго корпуса. Онъ былъ врачъ-гомеопатъ, но гомеопатіей своею то и дѣло совершалъ чудеса исцѣленій, за что и прозванъ былъ въ простомъ народѣ «цѣлительникомъ». Извѣстенъ онъ былъ въ населеніи и подъ именемъ «водянаго дохтура» или «водяника», такъ какъ свои крупинки растворялъ въ водѣ самъ и давалъ паціентамъ уже пузырьки съ водой. Пользовалъ безъ всякой таксы, и часто безъ всякаго гонорара, особенно ту бѣдноту, которая не его къ себѣ звала, а сама къ нему шла. Валила же она къ нему каждое утро чуть не сотнями, со всѣхъ сторонъ только и слыша о немъ, что по его милости и разслабленные покидаютъ постели, и слѣпые прозрѣваютъ, и безногіе скачутъ, и пьяные протрезвляются. Что въ

этихъ разказахъ было много преувеличеннаго, несомнѣнно; но несомнѣнно и то, что онъ не былъ шарлатаномъ, какимъ его изображали, и что нерѣдко ему удавалось совершать чудеса врачеванія надъ такими больными, отъ которыхъ аллопаты обращались въ постыдное бѣгство. Мы лично знаемъ, на примѣръ, случай, когда онъ исцѣлилъ въ нѣсколько дней 70-лѣтняго старика, у котораго ноги были цѣлые три мѣсяца въ страшной опухоли, и уже грудь начинало заливать водянкой. Всѣ ждали со дня на день его смерти, тѣмъ болѣе что наступила весна. Весь курсъ леченія, предпринятаго Ячевскимъ, совершился на нашихъ глазахъ и состоялъ, въ теченіе трехъ-четырехъ дней, въ приемѣ по нѣсколько разъ полученной отъ него воды. Замѣчательно, что самъ Ячевскій пунктуально предсказывалъ всѣ имѣющія послѣдовать улучшенія въ состояніи больного въ промежуткѣ отъ одного его визита до другаго. «Къ вечеру у васъ опухоль въ ногахъ опадеть. Завтра вы можете замѣнить валеные сапоги кожаными. Къ вечеру пройдетесь по комнатѣ». И все это такъ именно и совершалось до тѣхъ поръ, пока больному, согласно его предсказанію, стало возможнымъ выѣзжать изъ дому и дѣлать небольшія прогулки даже пѣшкомъ. Но справедливость требуетъ добавить и то, что на слѣдующую осень, когда его пациентъ сталъ чувствовать себя снова нехорошо, Ячевскій уже не сумѣлъ помочь, и водянка-таки взяла свое.

Что сказать о Мѣщанской богадѣльнѣ? Развѣ то, что ея археологическое населеніе мужественно и благополучно переноситъ и антигигиеничныя условія своей обстановки, и голодные харчи, тогда какъ выборные мѣщане ежегодно ассигнуютъ на закуски и выпивки въ ея стѣнахъ, по случаю различныхъ торжествъ, 3.000 рублей? Или то, что со времени водворенія пресловутаго И. И. Шестеркина старшиною общества богадѣльня стала ареной для всевозможныхъ пререканій между мѣщанскими общественниками, разнообразныхъ скандаловъ, насилій дѣйствию и т. п.? Но, увы, это лишь небольшая придаточная статья къ исторіи этого многострадальнаго учрежденія, ибо и вся его исторія блещетъ одною и тою же окраской—вѣчнаго голоданья призрѣваемыхъ дѣдовъ, пра-дѣдовъ и отцовъ современнаго мѣщанства, питаемыхъ по великимъ праздникамъ бычачьими тухлыми хвостами, а по буднямъ гнилымъ картофелемъ, прогорклою мукой и капустой, затхлымъ и вонючимъ масломъ, сдохшейся крупой и протухлыми огурцами.

Печальная исторія игуменьи Митрофаніи всѣмъ извѣстна. Но какова бы ни была роль ея въ эпоху устроенія ею изъ Покровскаго дворца Елисаветы Петровны Покровской общины, какъ бы ни были неразборчивы средства, употреблявшіяся ею для достиженія этой цѣли, все же созданная ею община—учрежденіе прекрасное, симпатичное, истинно благотѣльное для окрестнаго люда,

и было бы чрезчуръ жестоко, любясь на ся грандіозное созданіе, бичевать ея память воспроизведеніемъ тѣхъ неблаголѣпныхъ фактовъ, за которые она уже расплатилась потерю не только всей карьеры, но и добраго имени и соціального положенія.

За Покровскою общиною остается одинъ только домъ до Яузы— естественной границы и древняго села Рубцова-Покровскаго, и нынѣшней Покровки. Домъ этотъ болѣе полувѣка во владѣніи одной купеческой семьи Алексѣевыхъ; впервые въ немъ поселился родной братъ Алексѣева-Строгановскаго, Иванъ Васильевичъ, дядя Семена, Ивана и Андрея Александровичей, о которыхъ мы имѣли случай упоминать подробно. Послѣ его смерти сыновья его наслѣдовали и этотъ домъ, и еще многое множество домовъ, фабрикъ и имѣній, и нѣсколько милліоновъ капитала, приумноженнаго покойнымъ, а не растраченнаго. Иванъ Васильевичъ славился своею расчетливостію, своимъ здравымъ смысломъ, своимъ равнодушіемъ къ комфорту и роскоши, своею справедливостію къ служащимъ и рабочимъ, въ извѣстной мѣрѣ своею внѣшнею грубостію и самодурствомъ, своею необъятною толщиною и, наконецъ, своими ежовыми рукавицами, въ которыхъ онъ крѣпко держалъ и все дѣло, и весь домъ, и всю семью, въ томъ числѣ и женатыхъ, семейныхъ сыновей, которые, быть можетъ, поэтому и не испытали судьбы своихъ Строгановскихъ кузеновъ и доселѣ считаются почтенными и видными представителями именитаго московскаго купечества.

Д. Покровскій.

ГРАФЪ МИНИХЪ И ЕГО ЗАПИСКИ.

(Посвящается памяти М. И. Семевскому).

НОКОИ́НЫЙ М. И. Семевскій такъ много потрудился для выясненія новой русской исторіи, преимущественно же для исторіи XVIII вѣка, такъ участливо относился ко всѣмъ работавшимъ на одномъ съ нимъ поприщѣ, что благодарное и теплое воспоминаніе о почившемъ со стороны пишущаго эти строки даетъ ему право посвятить настоящія замѣтки памяти редактора-издателя «Русской Старины». Право это обусловливается еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что печатаемыя замѣтки вызваны однимъ изъ послѣднихъ его изданій: «Россія и русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, записки и замѣчанія графа Эрнста Миниха», Спб., 1891 г. ¹⁾, и составлены еще при жизни М. И. Семевского, но по разнымъ обстоятельствамъ до сихъ поръ не были напечатаны. Пользуясь этимъ изданіемъ, мы намѣрены припомнить главнѣйшія черты изъ жизни и историческихъ сочиненій гр. Эрнста Миниха и генерала Манштейна.

¹⁾ Это изданіе заключаетъ въ себѣ: 1) собственно записки графа Эрнста Миниха, писанныя имъ въ Вологдѣ въ 1758 году и изданныя впервые въ русскомъ переводѣ въ 1817 году (это изданіе повторено здѣсь безъ измѣненія); 2) замѣчанія на записки Манштейна, приписываемыя графу Эрнсту Миниху и составленныя въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія; 3) историко-критическое изслѣдованіе А. Я. Юргенсона объ этихъ мемуарахъ; 4) очеркъ жизни гр. Э. Миниха, составленный В. В. Тимошукъ; 5) портретъ гр. Э. Миниха, изданный въ 1845 г. ошибкою за портретъ его отца, фельдмаршала Миниха, въ книгѣ Н. А. Полеваго: «Русскіе полководцы».

I.

Имя фельдмаршала графа Бурхарда-Христофора Миниха, одного изъ выдающихся русскихъ полководцевъ и политическихъ дѣятелей XVIII вѣка, извѣстно всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ; но сына его, графа Эрнста Миниха, русскаго дипломата и придворнаго того же XVIII вѣка и автора весьма интересныхъ записокъ о его времени, знаютъ только спеціалисты, изучающіе русскую исторію XVIII вѣка. Эти записки, плодъ долготѣвнихъ наблюденій гр. Миниха-сына надъ русскою придворною жизнію и русскими государственными дѣятелями первой половины XVIII вѣка, занимаютъ видное мѣсто среди немногочисленной группы сказаній современниковъ объ этомъ времени и давно уже обратили на себя должное вниманіе со стороны лицъ, изучающихъ новую русскую исторію.

Графъ Эрнстъ Минихъ родился 10-го января (н. ст.) 1708 г. въ Эттингенскомъ княжествѣ (въ настоящее время входящемъ въ составъ великаго герцогства Баденскаго), въ деревнѣ Гейнсфуртъ, близъ Эттингена, въ то время, когда его отецъ не былъ еще графомъ и занималъ скромную должность майора въ войскахъ великаго герцога Гессенъ-Кассельскаго. Въ 1721 году, Бурх. Христоф. Минихъ поступилъ на службу къ русскому императору Петру Великому для инженерныхъ работъ, а въ особенности для сооруженія Ладожскаго канала, и 13-ти-лѣтній Эрнстъ помѣщенъ былъ отцемъ для обученія въ пансіонъ при Рижской городской школѣ. Въ исходѣ 1724 г. отецъ послалъ его учиться въ Женеву, потому что молодой Минихъ выразилъ желаніе «быть ученымъ, а не военнымъ»; но ученье его въ Женевѣ шло плохо: онъ попалъ въ дурное общество молодыхъ англійскихъ богачей и предавался не серьезнымъ занятіямъ, а весьма легкомысленному образу жизни, что побудило отца послать его провѣтриться—поѣздить по Италіи, освѣжить его душу впечатлѣніями отъ этой классической страны изящнаго. Послѣ трехлѣтняго пребыванія за границей, въ августѣ 1727 г. Эрнстъ Минихъ прибылъ въ Россію, когда уже царствовалъ Петръ II, и Минихъ-отецъ былъ генераль-поручикомъ и занималъ вліятельныя должности—шефа инженернаго корпуса и главноначальствующаго въ Петербургѣ, и весьма естественно желалъ создать сыну придворно-служебную карьеру. Въ январѣ 1728 г. Эрнстъ Минихъ снова уѣхалъ за границу, но уже въ званіи дворянина посольства при графѣ Александрѣ Гавриловичѣ Головкинѣ, назначенномъ нашимъ уполномоченнымъ на Суассонскій конгрессъ во Франціи и посланникомъ при Версальскомъ дворѣ. Прошло четыре года. Отрокъ-императоръ Петръ II лежалъ въ могилѣ, и въ Россіи царствовала

императрица Анна Иоанновна. Послѣ уничтоженія «кондицій» Верховнаго Тайнаго Совѣта и провозглашенія ея самодержицей, началось фактическое правительство нѣмецкаго тріумвирата, въ которомъ Минихъ-отецъ почти первенствовалъ. Онъ былъ графомъ, генераль-аншефомъ и президентомъ военной коллегіи, и на Миниха сына посыпались почести Петербургскаго двора. Въ маѣ 1731 года графъ Эрнстъ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ и въ томъ же году, по назначеніи графа Головкина посломъ къ Нидерландскимъ генеральнымъ штатамъ, оставленъ вмѣсто него въ Парижѣ представителемъ русскаго правительства, въ званіи резидента. Но честолюбивый отецъ не удовлетворялся такимъ виднымъ постомъ своего 22-хъ-лѣтняго сына и вызвалъ его снова въ Петербургъ съ намѣреніемъ женить его на дѣвицѣ фонъ-Трейденъ, большой и некрасивой свояченицѣ начинавшаго все болѣе и болѣе входить въ силу оберъ-камергера Эрнста Иоганна фонъ-Бирона. Весной 1732 г. Минихъ-сынъ былъ уже въ Петербургѣ, но породниться съ Бирономъ ему не удалось: на дѣвицѣ фонъ-Трейденъ женился только что перешедшій въ русскую службу изъ прусской—генераль-майоръ фонъ-Бисмаркъ, одинъ изъ предковъ знаменитаго государственнаго челоуѣка нашего времени. Графъ Эрнстъ Минихъ остался при дворѣ Анны Иоанновны, исполнялъ второстепенныя дипломатическія порученія и упрочилъ свое положеніе бракомъ, если не столь блестящимъ, какъ желалъ отецъ, то, всетаки, выгоднымъ въ придворно-карьерномъ отношеніи: въ 1737 году онъ былъ помолвленъ съ фрейлиной баронессой фонъ-Менгденъ, а въ 1739 г. женился на ней.

При правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ обоимъ Минихамъ, и отцу и сыну, повезло еще больше. Минихъ-отецъ былъ въ то время не только фельдмаршаломъ, съ ореоломъ побѣдителя турокъ при Хотинѣ и Ставучанахъ, но явился рѣшителемъ судебъ русскаго престола: онъ низложилъ всесильнаго курляндскаго герцога и регента Россійской имперіи Бирона, который со всей семьей и родственниками былъ сосланъ въ Сибирь; въ числѣ послѣднихъ находились два брата регента и его своякъ фонъ-Бисмаркъ съ женой. Бурх. Христ. Минихъ первенствовалъ въ «Кабинетѣ» и мечталъ уже занять то же положеніе въ Русскомъ государствѣ, какое до него занималъ Биронъ, а Минихъ-сынъ состоялъ оберъ-гофмейстеромъ при младенцѣ императорѣ Иоаннѣ Антоновичѣ. Но стеклышки въ тогдашнемъ калейдоскопѣ Петербургской придворной жизни быстро мѣнялись. Черезъ два года съ небольшимъ по смерти императрицы Анны Иоанновны вступила на руссійскій престолъ Елисавета Петровна, и люди, достигшіе вершины почестей и власти при дочери царя Иоанна Алексѣевича, очутились въ самомъ «мизерномъ положеніи», какъ выражались у насъ въ XVIII вѣкѣ, при воцареніи «дщери Петровой». Фельдмаршалъ графъ Минихъ былъ сосланъ въ отдаленный Пелымъ, и его ни въ чемъ неповинный

сынъ долженъ былъ до нѣкоторой степени раздѣлить участь отца: опала постигла теперь графа Эрнста Миниха столь же незаслуженно, какъ незаслуженно сыпались на него почести десять лѣтъ тому назадъ, когда отецъ его прибрѣталъ все болѣе и болѣе значенія въ русскомъ государственномъ управленіи.

Съ 1743 по 1762 г., безъ малаго двадцать лѣтъ, втеченіе почти всего царствованія Елисаветы Петровны, графъ Эрнстъ Минихъ, лишенный чиновъ, орденовъ и имѣній, прожилъ въ глухомъ провинціальномъ городѣ—Вологдѣ, съ женой и все болѣе и болѣе увеличивавшимся семействомъ. Въ Вологдѣ похоронилъ графъ Эрнстъ Минихъ свою жену († 1 марта 1760 г.) и черезъ два года послѣ ея смерти былъ возвращенъ изъ ссылки Петромъ III и имѣлъ радость встрѣтиться съ престарѣлымъ отцемъ, вызваннымъ этимъ императоромъ изъ Сибири къ своему двору. Въ царствованіе Екатерины II графъ Минихъ-сынъ уже не игралъ никакой видной роли: пришло другое время, на придворную сцену выступили другіе лицедѣи. Ему, какъ человѣку «старыхъ годовъ», поручались важныя, но не видныя дѣла: онъ былъ главнымъ директоромъ таможенныхъ сборовъ и членомъ только что организованнаго тогда филантропическаго учрежденія — опекунскаго совѣта. Гр. Эрнстъ Минихъ пережилъ своего отца на одиннадцать лѣтъ и умеръ въ Петербургѣ, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, 24-го января 1788 года, на 81-мъ году жизни.

Ученымъ, какъ онъ мечталъ о томъ въ молодости, графъ Эрнстъ Минихъ не сдѣлался, но онъ до гробовой доски высоко чтить науку, много и съ пользой читалъ и усердно изучалъ математику, къ которой почувствовалъ склонность уже въ зрѣломъ возрастѣ, и любилъ общеніе и бесѣды съ учеными людьми. Цѣня такое отношеніе Эрнста Миниха къ знанію, Екатерина II хотѣла назначить его въ 1766 году президентомъ академіи наукъ, но...

Попали въ честь тогда Орловы!—

и президентомъ былъ назначенъ 23-хъ-лѣтній графъ Влад. Григ. Орловъ, младшій братъ фаворита, графа Григорія Григорьевича.

Современники цѣнили въ графѣ Эрнстѣ Минихѣ его умъ и характеръ и достоинства его историческихъ трудовъ, относясь къ послѣднимъ даже нѣсколько преувеличенно. Вотъ, напримѣръ, какъ отзывался о немъ весьма просвѣщенный русскій человѣкъ второй половины XVIII вѣка, графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ. «Я прочелъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ «Записки графа Миниха», сына фельдмаршала, — писалъ графъ Воронцовъ своему сыну, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ этихъ «Записокъ» въ 1817 году.—Я хорошо зналъ его (Миниха); онъ былъ очень друженъ съ моимъ братомъ, который любилъ и уважалъ его, какъ человѣка весьма образованнаго и честнаго, притомъ нрава кроткаго и обхо-

ительнаго. Эти «Записки» написаны съ такою простотою и чистосердечіемъ, которыя приковываютъ читателя. Такъ слѣдовало бы писать исторію своего времени, чтобы она служила источникомъ для будущихъ Юмовъ и Робертсоновъ. Однако, въ нихъ замѣтно явное пристрастіе съ его стороны по отношенію къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, и это можно извинить ему, ибо она была его благодѣтельница»¹⁾.

Но такой восторженный отзывъ о его «Запискахъ», понятный въ человѣкѣ, лично и хорошо знавшемъ графа Эрнста Миниха, не можетъ быть всецѣло принятъ при безпристрастномъ, ученомъ анализѣ мемуаровъ Миниха-сына.

Собственно «Записки» гр. Эрнста Миниха, впервые изданныя въ русскомъ переводѣ Ник. Мих. Лонгинова, секретаря императрицы Елисаветы Алексѣевны²⁾, въ 1817 году, написаны Минихомъ по нѣмецки, но лишь недавно въ одномъ частномъ архивѣ въ Германіи найдена подлинная нѣмецкая ихъ рукопись, которую г. Юргенсонъ намѣренъ издать. Почтенный ученый заявляетъ, что «нѣмецкій текстъ вполне тождественъ по содержанію съ изданнымъ г. Семевскимъ русскимъ текстомъ», а слѣдовательно и съ изданіемъ 1817 года³⁾. Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ это изданіе, потому что, при тождественности «по содержанію» съ русскимъ текстомъ, въ нѣмецкомъ подлинникѣ могутъ оказаться весьма интересныя частности и подробности.

Кромѣ этихъ «Записокъ», графу Эрнсту Миниху приписывается еще другое историческое сочиненіе: «Замѣчанія на записки Манштейна», впервые напечатанное анонимно въ весьма неполномъ и неправильномъ видѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ» П. П. Свиньина за 1825—1829 гг., а затѣмъ переизданное въ 1879 году въ «Русской Старинѣ» (т. XXVI) также анонимно по той же рукописи, которою, повидимому, пользовался Свиньинъ, но уже вполне, безъ пропусковъ. Долго не могли наши ученые опредѣлить автора этихъ «Замѣчаній», и хотя еще въ 1859 году П. К. Щебальскимъ было высказано предположеніе, что авторомъ ихъ былъ графъ Минихъ-сынъ, но черезъ двадцать лѣтъ, въ 1879 году, покойный П. Н. Петровъ на страницахъ «Русской Старины»⁴⁾ весьма на первый разъ убѣдительно опровергъ доводы г. Щебальскаго и призналъ, что авторомъ «замѣчаній» былъ графъ П. И. Панинъ. А. Я. Юргенсонъ, авторъ нѣсколькихъ очень цѣнныхъ, но, къ сожалѣнію, малоизвѣстныхъ русскимъ ученымъ изслѣдованій по изу-

¹⁾ «Россія и русскій дворъ», изд. «Русской Старины», очеркъ жизни графа Э. Миниха, стр. 301.

²⁾ Отцемъ М. Н. Лонгинова, извѣстнаго библіографа и впоследствии начальника главнаго управленія по дѣламъ печати.

³⁾ «Россія и русскій дворъ», стр. 226.

⁴⁾ Т. XXVI, стр. 616—626.

ченію источниковъ русской исторіи XVIII вѣка, приходитъ, на нашъ взглядъ, къ наиболѣе правильному предположенію, что авторомъ «Замѣчаній» скорѣе могъ быть графъ Эрнстъ Минихъ, чѣмъ графъ П. И. Панинъ. А потому до поры до времени, пока не будетъ заявлено въ печати серьезныхъ опроверженій доводовъ г. Юргенсона, слѣдуетъ признать «Замѣчанія на записки Манштейна» принадлежащими перу графа Эрнста Миниха.

II.

«Записки» составлены графомъ Минихомъ въ Вологдѣ въ 1758 г. и написаны не для публики, не для печати, а въ видѣ житейскаго наставленія для его дѣтей. Двѣ цѣли руководятъ отцемъ-авторомъ: во-первыхъ, предотвратить своихъ дѣтей отъ тѣхъ «ошибокъ молодости», въ которыя впадалъ онъ самъ, и, во-вторыхъ, представить имъ судьбу ихъ отца и дѣда въ связи съ происшествіями, въ которыхъ тѣ принимали участіе. Поэтому «Записки», весьма естественно, отличаются дидактизмомъ, и это обстоятельство непременно надо имѣть въ виду при ихъ оцѣнкѣ въ качествѣ историческаго источника.

«Записки» графа Эрнста Миниха, по характеру сообщаемыхъ ими свѣдѣній, наспадаются на двѣ, весьма неравныя по объему, части. Первая часть, начинаясь повѣствованіемъ о рожденіи автора, передаетъ факты изъ его личной жизни и русскія событія до конца турецкой войны 1737—1740 гг. Въ этой части Эрнстъ Минихъ, не будучи очевидцемъ важнѣйшихъ изъ описываемыхъ имъ происшествій, передаетъ ихъ на основаніи разныхъ источниковъ, главнѣйшими изъ которыхъ являются дневникъ его отца и записки Манштейна, во время составленія Минихомъ-сыномъ своей автобіографіи еще не изданныя. Въ этой части «Записокъ» центральной фигурой является личность отца автора—фельдмаршала Миниха, который здѣсь идеализированъ и представленъ образцомъ нравственныхъ и военныхъ доблестей. Первая часть «Записокъ», весьма важная для характеристики ихъ автора, не можетъ быть принята за достовѣрный первоисточникъ обще-русскихъ событій до 1740 г.

Во второй части «Записокъ», гдѣ графъ Минихъ-сынъ говоритъ какъ очевидецъ, передаются фактическія подробности о происходившемъ на его глазахъ въ Петербургѣ: о торжествахъ Бѣлградскаго мира, закончившаго турецкіе походы его отца, о предсмертной болѣзни Анны Иоанновны, о назначеніи регентомъ Бирона, о смерти императрицы, о регентствѣ Бирона и низложеніи его фельдмаршаломъ Минихомъ и о происшествіяхъ при дворѣ до половины 1741 года. Замѣчательно, что, передавая весьма подробно всѣ эти «дѣйства», графъ Минихъ-сынъ совсѣмъ умалчиваетъ о

процессъ и казни Волынскаго, чего онъ, разумѣется, не могъ не знать столь же подробно, какъ и все остальное, имъ описанное. Императрицу Анну Иоанновну графъ Эрнстъ Минихъ вообще стремится защитить отъ обвиненій потомства. Въ отзывѣхъ о лицахъ графъ Эрнстъ Минихъ лучше всего обличаетъ свои собственныя качества: его честность не позволяетъ ему скрыть истины, иногда не въ пользу изображаемаго имъ лица, а свойственныя ему сердечная доброта и благодушіе заставляютъ его выдвигать на первый планъ хорошія стороны людей и, говоря даже о врагахъ своихъ, онъ старается выставить все, что возможно, въ ихъ пользу.

Анну Иоанновну графъ Эрнстъ Минихъ считаетъ «одной изъ величайшихъ государынь, на російскомъ престолѣ царствовавшихъ», и распространяется о ея личныхъ достоинствахъ, преимущественно же о ея умѣ и о любви къ ней ея подданныхъ (?), что не мѣшаетъ ему, однако, отмѣтить нѣсколько несимпатичныхъ сторонъ ея личнаго характера, изъ которыхъ господствующею было отсутствіе въ императрицѣ воли или, лучше сказать, всецѣлое ея подчиненіе Бирону. «Даже ничто не помрачало бы сіянія сей императрицы, — говоритъ графъ Эрнстъ Минихъ, — кромѣ что она больше собственному прогнѣвленію, нежели законамъ и справедливости послѣдовала» (стр. 92). Такая характеристика находится въ явномъ противорѣчій съ опредѣленіемъ Анны Иоанновны, какъ одной изъ величайшихъ русскихъ государынь. «Въ приватномъ обхожденіи была она ласкова, весела, говорлива и шутлива. Сердце ея наполнено было великодушіемъ, щедротою и соболѣзнованіемъ; но ея воля почти всегда зависѣла больше отъ другихъ, нежели отъ ея самой. Верховную власть надъ оною сохранялъ герцогъ Курляндскій даже до кончины ея неослабно, и въ угожденіе ему сильнѣйшая монархія въ христіанскихъ земляхъ лишила себя вольности своей до того, что не токмо всѣ поступки свои по его мыслямъ наиточнѣйше распоряжала, но такъ же ни единого мгновенія безъ него обойтись не могла, и рѣдко другаго кого къ себѣ принимала, когда его не было. Хотя недовѣрчивое свойство герцога Курляндскаго не малой требовало привязанности, однако, наконецъ, принужденіе, въ которомъ онъ самъ чрезъ то находился, сдѣлалось ему почти несносно. Весьма часто многіе слышали, какъ онъ жаловался, что для своего увеселенія ни одной четверти часа опредѣлить не можетъ. Я самъ чрезъ цѣлыя восемь лѣтъ не могу припамятовать, чтобъ видѣлъ его гдѣ либо въ городѣ, въ бесѣдахъ или на пиршествахъ; но дабы и другихъ людей примѣръ не возбудилъ въ немъ къ тому охоты, императрица не токмо худо принимала, есть ли у кого изъ приватныхъ особъ веселости происходили, но, называя оныя распутствомъ, выговаривала весьма колкими рѣчьми. Герцогъ съ своей стороны всѣми мѣрами отвращалъ и не допускалъ другихъ вольно съ императрицею обходиться, и буде не самъ, то чрезъ жену и

дѣтей своихъ всегда окружалъ ее такъ, что она ни слова сказать, ниже шага ступить не могла, чтобы онъ тѣмъ же часомъ не былъ о томъ увѣдомленъ» (стр. 92—93).

А вотъ какъ характеризуетъ графъ Эрнстъ Минихъ Бирона: «Сей любимецъ счастія былъ человѣкъ благопріятнаго по наружности вида, съ здравымъ разсудкомъ и съ острымъ проицаніемъ. Хотя онъ ни одного языка по правиламъ говорить не умѣлъ, однако по природному краснорѣчію своему въ состояніи былъ мысли свои ясно изображать и, какое бы ни случилось положеніе—защищать. Онъ былъ щедръ и любилъ великолѣпіе, но при всемъ томъ разумный домоводецъ и врагъ расточенія. Въ обхожденіи своемъ могъ онъ, когда желалъ, принимать весьма ласковый и учтивый видъ; но большею частью казался по внѣшности величавъ и гордъ. Честолюбіе его не имѣло никакихъ предѣловъ; то недовѣрчивость, то легковѣріе причиняли ему нерѣдко многое напрасное безпокойство. Онъ былъ чрезмѣрно вспыльчивъ и часто обижалъ изъ предускоренія; естли случалось иногда, что онъ погрѣшность свою усматривалъ, то хотя и старался опять примириться, однакоже никогда не доводилъ до изустнаго изъясненія, но довольствовался тѣмъ, что обиженному доставлялъ стороною какую нибудь пріязнь или выгоду. Естли-жъ кто, напротивъ того, сдѣлалъ предъ нимъ однажды проступокъ, тотъ не могъ уже надѣяться на его великодушіе, ниже при искреннѣйшемъ принесенномъ своемъ раскаяніи. Малѣйшее покушеніе вредить ему у императрицы было непростительное преступленіе, и его мщеніе простиралось даже до жестокости» (стр. 27).

III.

«Замѣчанія на записки Манштейна» составлены вскорѣ послѣ появленія въ печати французскаго подлинника записокъ послѣдняго въ 1771 году и изданныхъ въ томъ же году двухъ нѣмецкихъ ихъ переводовъ. «Записки» Манштейна, обнимающія собою время съ 1727 по 1745 гг. и очень долго служившія у насъ чуть ли не единственнымъ источникомъ для изложенія событій за этотъ періодъ, были написаны Манштейномъ въ Потсдамѣ, между 1746—1756 гг., когда авторъ оставилъ русскую службу. Важное значеніе въ качествѣ историческаго источника какъ «Записокъ» Манштейна, такъ и «Замѣчаній» на нихъ побуждаетъ насъ остановиться нѣсколько подробнѣе на личности Манштейна.

Христ. Герм. Манштейнъ родился въ Петербургѣ 1-го сентября 1711 года, но воспитывался въ Берлинѣ и по своимъ національнымъ и культурнымъ симпатіямъ тяготѣлъ болѣе къ Пруссіи, чѣмъ къ Россіи. Но такъ какъ отецъ его былъ генераломъ русской службы и владѣлъ помѣстьями въ Лифляндіи, то и сынъ, закончивъ обра-

звание въ берлинскомъ кадетскомъ корпусѣ и находясь уже въ чинѣ поручика прусской арміи, перешелъ въ 1736 году въ ряды русскихъ войскъ, подъ начальство фельдмаршала Миниха. Онъ храбро сражался въ его турецкихъ походахъ и подъ конецъ ихъ въ чинѣ подполковника назначенъ былъ генеральсь-адъютантомъ фельдмаршала. Будучи въ этой должности, онъ, по порученію Миниха, арестовалъ въ исходѣ 1741 года регента—герцога Бирона, для чего храбрости нужно было имѣть несравненно больше, чѣмъ для открытаго боя съ турками. Получивъ въ награду за такой подвигъ чинъ полковника и помѣстья въ С.-Петербургской губерніи, онъ снова отличился на войнѣ съ Швеціей уже въ качествѣ полкового командира Астраханскаго пѣхотнаго полка. Только отсутствіе Манштейна изъ Петербурга въ день воцаренія Елисаветы Петровны спасло его отъ участи Миниховъ, Остермана и Головкина. Не безъ труда удалось пріятелямъ Манштейна выхлопотать ему командованіе другимъ армейскимъ полкомъ, расположеннымъ въ Лифляндіи. Въ 1744 г. Манштейнъ эмигрировалъ въ Пруссію и перешелъ на службу Фридриха II. Правительство императрицы Елисаветы тщетно хлопотало о выдачѣ его, какъ военнаго дезертира: Фридрихъ II, у котораго уже начинались нелады съ русскимъ правительствомъ, не выдалъ Манштейна, и императрица Елисавета поневолѣ должна была удовольствоваться только «аппробаціей» приговора военной коллегіи о томъ, что «когда онъ (Манштейнъ) пойманъ будетъ, безъ всякой милости и процессу (его) повѣсить, дабы впредь никто, противу своей присяжной должности, таковыхъ продрозостей чинить не отважился. Имя его, Манштейна, публиковать, прибить къ висѣлицѣ». У Фридриха II Манштейнъ служилъ удачно: онъ былъ генераль-адъютантомъ короля, затѣмъ потетдамскимъ комендантомъ и генераль-майоромъ, принималъ участіе въ силезскихъ войнахъ Фридриха и былъ убитъ въ іюлѣ 1757 года, передъ самымъ началомъ участія Россіи въ Семилѣтней войнѣ.

При изложенныхъ условіяхъ жизни Манштейна было бы весьма естественно встрѣтить въ его «Запискахъ» несправедливыя нареканія на Россію вообще и императрицу Елисавету Петровну въ особенности; но на дѣлѣ мы встрѣчаемся съ совершенно противоположными чертами: «Записки» Манштейна отличаются если не всегда точнымъ изложеніемъ русскихъ событій, то постоянно правильнымъ ихъ пониманіемъ и справедливымъ отношеніемъ къ русскимъ людямъ и вѣрной оцѣнкой какъ нашего національнаго характера, такъ и роли служивыхъ иноземцевъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. Эти черты, очень рѣдкія и драгоцѣнныя въ иностранцѣ-мемуаристѣ вообще, должны быть въ особенности отмѣчены въ такомъ иностранцѣ, имя котораго въ Россіи было прибито къ висѣлицѣ, и рекомендуютъ безпристрастіе Манштейна.

Въ планъ настоящей статьи не входитъ подробное разсмотрѣ-

ніе «Записокъ» Манштейна. Матеріалы для такого разсмотрѣнія находятся въ послѣднемъ изданіи ихъ М. И. Семевскаго (Спб., 1875 г., in-8^о)¹⁾ и въ монографіяхъ г. Юргенсона о Манштейнѣ, помѣщенныхъ въ «Russische Revue» 1886 и 1887 гг.²⁾; мы же отмѣтимъ только два обстоятельства, касающіяся этихъ «Записокъ».

Во-первыхъ, до 1736 года, т. е. до поступленія на русскую службу, Манштейнъ писалъ по слухамъ, а не въ качествѣ очевидца; а потому большая часть сообщеній Манштейна, относящихся къ 1727—1736 гг., не отличается точностью; мы сказали, «большая часть», потому что все, что касается за эти годы организациіи военныхъ силъ въ Россіи и польской войны 1733—1734 гг., основано у Манштейна, какъ специально-образованнаго военнаго офицера и человѣка близкаго къ фельдмаршалу Миниху, на весьма вѣскихъ данныхъ и авторитетныхъ источникахъ. Съ 1736 г. Манштейнъ является участникомъ турецкой войны и очевидцемъ многихъ происшествій въ Петербургѣ въ 1740—1741 гг., а затѣмъ снова подвизается на бранномъ полѣ въ шведской войнѣ 1741 года. О воцареніи Елисаветы Петровны онъ могъ имѣть достовѣрныя свѣдѣнія, и рассказъ его объ этомъ событіи отличается безпристрастіемъ. Онъ, пользовавшійся благоволеніемъ правительницы Анны Леопольдовны и впавшій въ немилость при Елисаветѣ Петровнѣ, характеризуетъ первую въ весьма несимпатичныхъ чертахъ, а объ Елисаветѣ Петровнѣ рассуждаетъ безъ горечи и злобы и отмѣчаетъ проявленія ея милосердія и доброты.

Во-вторыхъ, къ «Запискамъ» Манштейна приложены имъ же составленныя весьма интересныя и мало у насъ извѣстныя «Дополненія», въ которыхъ онъ болѣе всего высказываетъ свое безпристрастіе, какъ историкъ и наблюдатель современной ему жизни. Дополненія состоятъ въ *resumé* историко-политическихъ наблюденій Манштейна надъ Россіей, представляя интересныя данныя для исторіи государственнаго, военнаго, экономическаго и культурнаго состоянія Россіи въ первой половинѣ XVIII вѣка и составлены главнымъ образомъ на основаніи мемуара столь же, какъ и Манштейнъ, замѣчательнаго вѣмца, его современника, I. Г. Фоккеродта, секретаря прусскаго посольства при нашемъ дворѣ³⁾. Чтобы объяснить политическое положеніе Россіи въ это время, Манштейнъ касается кратко ея исторіи. Дѣлая большія фактическія ошибки

¹⁾ См. предисл. къ этому изданію и приложенія, стр. 329—360.

²⁾ Mansteins Memoiren und seine Quellen für die Belagerung Danzigs und den Türkenkrieg: «Russische Revue», 1886, IV, 438—491. Algarotti und Manstein: *ibid.*, 1887, II, 184—204.

³⁾ Мемуаръ Фоккеродта, озаглавленный: «Россія при Петрѣ Великомъ», написанъ въ 1737 г. и изданъ въ Марбургѣ въ 1872 г. извѣстнымъ ученымъ исследователемъ русской исторіи XVIII в., проф. Германомъ. Русскій переводъ А. Н. Шемякина въ Чт. Моск. общ. ист. и древ. Росс., 1874 г., кн. II, отд. IV, стр. 1—120.

въ древней русской исторіи, подъ которой онъ разумѣеть исключительно лишь исторію Московскаго государства, Манштейнъ, вслѣдъ за Фоккеродтомъ, подробно останавливается на событіяхъ смутнаго времени и сообщаютъ о немъ весьма важныя свѣдѣнія.

Слѣдуетъ замѣтить, что со смерти Петра Великаго и въ особенности въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка событія смутнаго времени вообще и въ особенности факты избранія за это время московскихъ государей на предложенныхъ имъ «кондиціяхъ» привлекали вниманіе тогдашнихъ образованныхъ людей въ Россіи, какъ природныхъ русскихъ, такъ и иностранцевъ, а потому избраніе Анны Іоанновны съ подобными же «кондиціями» далеко не было случайнымъ дѣломъ какого-то скопа тщеславныхъ олигарховъ, какъ то думали еще не очень давно и что любятъ доказывать даже въ настоящее время очень многіе изъ русскихъ историковъ. Чтобы убѣдиться въ сказанномъ, достаточно припомнить политическую записку Татищева, составленную имъ во время избранія Анны Іоанновны, и свѣдѣнія объ избраніи земскимъ соборомъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова съ «записью», находящіяся у Страленберга, Фоккеродта и Шмидтъ-Физельдека.

Изъ всѣхъ названныхъ трактатовъ видно, что писавшіе ихъ очень хорошо знали подробности объ избраніи въ цари князя Василія Ивановича Шуйскаго, польскаго королевича Владислава, шведскаго принца Карла-Филиппа и Михаила Ѳеодоровича Романова; а эти подробности были еще свѣжи среди московскихъ боярскихъ кружковъ половины XVIII вѣка. Въ то время словесные рассказы отцовъ и дѣдовъ сохранялись въ нашемъ высшемъ обществѣ болѣе бережливо, чѣмъ теперь, потому что смѣна идей и воззрѣній, не смотря на крутую ломку въ русской жизни, произведенную реформой Петра Великаго, происходила менѣе быстро, чѣмъ въ наши дни. Со времени воцаренія Михаила Ѳеодоровича Романова до 1730 года прошло всего сто семнадцать лѣтъ, въ которыя смѣнилось три-четыре поколѣнія, въ которыхъ преимущественно передавались рассказы о событіяхъ смутнаго времени отъ участниковъ ихъ ¹⁾.

¹⁾ См. весьма тщательный анализъ историческихъ свидѣтельствъ объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова въ статьѣ А. И. Маркевича, «Ж. М. Н. Пров.», 1891 г., октябрь, стр. 369—403. Въ приложеніи къ этой статьѣ помѣщенъ впервые полный текстъ русскаго перевода мѣстъ, относящихся до избранія Михаила Ѳеодоровича Романова изъ книги Страленберга «Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia», вышедшей въ Стокгольмѣ въ 1730 г. См. *ibid.*, стр. 404—407. Весьма жаль, что въ этой интересной статьѣ проф. Маркевичъ случайно допускаетъ неточность: «Замѣчанія» на «Записки» Манштейна онъ отождествляетъ съ «Дополненіями» къ нимъ, приписывая послѣднія графу Эрнсту Миниху. (См. *ibid.*, стр. 378). Въ данномъ случаѣ почтенный авторъ былъ введенъ въ заблужденіе неточностью выраженія проф. А. Г. Брикнера, на котораго ссылается. (См. «Ист. Вѣстн.», 1886 г., № 7, стр. 22, примѣч.).

Самымъ замѣчательнымъ мѣстомъ «Дополненій» къ «Запискамъ» Манштейна является окончательный выводъ, къ которому приходитъ Фоккеродтъ, а за нимъ Манштейнъ,—это заключеніе о характерѣ русскаго народа и о его положеніи до реформы Петра Великаго. Выписываемъ цѣликомъ это мѣсто. «Чтобы закончить эти «Записки», я прибавлю нѣсколько словъ объ общемъ духѣ націи; нѣкоторые писатели утверждали, что до царствованія Петра I всѣ русскіе вообще и каждый изъ нихъ въ частности были совершенно глупы и тупы, но это въ полной мѣрѣ ложно, и противное тому весьма легко доказать. Тѣмъ, которые составили себѣ подобное понятіе, стоитъ только прочесть русскую исторію XVII столѣтія, за то время, когда честолюбіе Годунова и происки поляковъ раздѣлили націю на нѣсколько партій и поставили царство на край гибели. Шведы владѣли Новгородомъ, а поляки столицею Москвою; не смотря на эти бѣдствія, русскіе своими разумными дѣйствіями сумѣли избавиться отъ владычества двухъ столь могучихъ въ то время враговъ, каковы были Швеція и Польша. Менѣе чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ они завоевали снова всѣ земли, отнятыя у нихъ во время этихъ смутъ, а между тѣмъ при этомъ у нихъ не было ни одного министра, ни одного генерала изъ иностранцевъ. Размышляя объ этихъ событіяхъ, не трудно сознаться, что столь важныя предпріятія не могутъ быть задуманы и выполнены глупцами. Вообще у русскихъ нѣтъ недостатка въ умѣ. Заботы Петра I объ образованіи народа не простирались никогда на мѣщанъ и на крестьянъ; однако стоитъ только поговорить съ человѣкомъ этого сословія, чтобы найти въ немъ здравый смыслъ и разсудительность сколько нужно, но только въ такихъ вещахъ, которыя не касаются вкоренившихся въ него съ дѣтства предразсудковъ относительно его родины и религіи; онъ весьма способенъ понимать все, что ему ни предлагаютъ, легко умѣетъ находить средства для достиженія своей цѣли и пользуется представляющимися случайностями съ большою смѣтливостью. Наконецъ, можно съ увѣренностью сказать, что русскіе мѣщане или крестьяне выкажутъ во всѣхъ обстоятельствахъ болѣе смысленности, чѣмъ сколько она обыкновенно встрѣчается у людей того же сословія въ прочихъ странахъ Европы. Но подобныя изслѣдованія невозможно дѣлать, не зная языка страны, и не многіе иностранцы приняли на себя трудъ изучать его; отъ этого и возникли столь неосновательные рассказы объ этомъ народѣ, который, съ своей стороны, много способствовалъ распространенію ихъ, оказывая въ разныхъ случаяхъ свое презрѣніе къ иностранцамъ и ко всему, что походило на моду или обычай чужихъ краевъ; къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что въ началѣ текущаго столѣтія обычаи и нравы русскихъ были совершенно иные, чѣмъ у всѣхъ прочихъ европейскихъ націй, и въ этомъ народѣ вовсе не знали ни правилъ благо-

пристойности, ни даже общаго права людей и иностранныхъ министровъ, которыя соблюдаются при прочихъ дворахъ Европы» (стр. 327—328).

Такъ рассуждалъ образованный нѣмецъ-дипломатъ и повторилъ его рассужденія офицеръ русской арміи, прослужившій десять лѣтъ въ Россіи, сражавшійся за ея интересы и приговоренный къ висѣлицѣ правительствомъ Елисаветы Петровны, которой обыкновенно приписываютъ торжество національныхъ русскихъ началъ во внутренней и внѣшней политикѣ Россіи.

«Записки» Манштейна писаны имъ пофранцузски, но въ печати появился прежде всего ихъ англійскій переводъ, въ 1770 году. Въ слѣдующемъ 1771 году изданы: дважды французскій текстъ, но съ большими измѣненіями противъ подлинника, и два нѣмецкихъ, изъ коихъ лучшее изданіе—Лейпцигское. Это-то изданіе и вызвало «Замѣчанія», приписываемыя г. Юргенсономъ графу Эрнсту Миниху.

«Замѣчанія» написаны совершенно въ иномъ тонѣ, чѣмъ «Записки». Слѣдя шагъ за шагомъ за рассказомъ Манштейна, авторъ «Замѣчаній» задается полемическою цѣлю, главнымъ образомъ исправить Манштейна въ двухъ категоріяхъ его повѣствованій: 1) въ тѣхъ невѣрностяхъ, которыя имъ допущены относительно лицъ и событій до 1736 года, то-есть того времени, очевидцемъ котораго Манштейнъ не былъ, и 2) въ изображеніи личнаго характера и политической роли фельдмаршала Миниха. Относительно сообщеній первой категоріи въ «Замѣчаніяхъ» встрѣчается очень много весьма важныхъ поправокъ, относительно второй—также, но здѣсь авторъ «Замѣчаній» нерѣдко является еще болѣе субъективнымъ, чѣмъ въ своихъ «Запискахъ». Не скрывая недостатковъ фельдмаршала, онъ не только желаетъ отгнать его достоинства, но даже доходитъ до отрицанія нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ фактовъ въ его дѣятельности, находящихъ себѣ подтвержденіе, помимо Манштейна, въ другихъ источникахъ (напримѣръ, участіе Миниха-отца въ убійствѣ шведскаго майора Синклера, его честолюбивыя мечты о титулѣ украинскаго герцога и нѣкоторыя другія).

Поправляя Манштейна въ его отзывахъ о фельдмаршалѣ Минихѣ, авторъ «Замѣчаній» не могъ не коснуться почти всѣхъ событій царствованія Анны Иоанновны, регентства Бирона и Анны Леопольдовны и воцаренія Елисаветы Петровны и не представить характеристикъ, какъ императрицы Анны, такъ и другихъ важнѣйшихъ лицъ того времени. Эти замѣчанія распадаются на двѣ группы: во-первыхъ, цѣликомъ заимствованныя изъ «Записокъ» Миниха-сына и, во-вторыхъ, новыя, тамъ опущенныя или измѣненныя сравнительно съ текстомъ «Записокъ». Обѣ эти группы подробно указаны г. Юргенсономъ¹⁾, и мы остановимся лишь на

¹⁾ См. «Россія и русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII вѣка», стр. 281—282.

важнѣйшихъ замѣчаніяхъ изъ второй группы, какъ на имѣющихъ болѣе общій интересъ.

Графъ Эрнстъ Минихъ ничего не говоритъ о процессѣ и казни Волынскаго въ своихъ «Запискахъ», въ «Замѣчаніяхъ» же посвящено этому печальному эпизоду въ царствованіе Анны Іоанновны около двухъ печатныхъ страницъ. Добавляя рассказъ Манштейна о дѣлѣ Волынскаго нѣкоторыми подробностями, авторъ «Замѣчаній», какъ всѣ современники Бирона, приписываетъ его гибель исключительно влюбѣ Курляндскаго герцога и заканчиваетъ описаніе казни кабинетъ-министра и его «конфидентовъ» такимъ восклицаніемъ: «На столь безчеловѣчные приговоры склонялася Анна, постыднымъ образомъ управляемая иноплеменнымъ извергомъ»¹⁾. Уже въ этомъ заключеніи звучать совершенно инныя, болѣе рѣзкія, ноты въ характеристикѣ Анны Іоанновны, чѣмъ приведенныя выше изъ «Записокъ», но если мы прочтемъ общую характеристику царствованья этой государыни въ «Замѣчаніяхъ» и сопоставимъ ее съ таковой же, приведенной выше изъ «Записокъ», то ноты эти еще усилятся на нѣсколько тоновъ.

Вотъ что говорится въ «Замѣчаніяхъ»:

«Въ заключеніе скажемъ, что царствованіе императрицы Анны Іоанновны представляетъ разительное смѣшеніе добра и зла народнаго. Съ одной стороны, удивляемся громкимъ побѣдамъ воинства благоустроеннаго, твердой системѣ правительства, полезнымъ преобразованіямъ, учрежденіямъ, заводимымъ для блага государства, видимъ императрицу Анну уважаемую сѣверными державами, поддерживающею корону на главѣ польскаго короля, ласкаемою сильнѣйшимъ европейскимъ монархомъ Карломъ VI. Видимъ въ сіе время людей необыкновенныхъ и въ войскѣ, и въ службѣ гражданской. (Слѣдуетъ перечисленіе фамилій генераловъ, министровъ и администраторовъ). Съ другой стороны, съ трепетомъ поражаемся народнымъ бѣдствіемъ. Непрерывныя брани, алчное и ничѣмъ необузданное лихоимство Бироново, неурожай хлѣбные въ большей части Россіи, привели народъ въ крайнюю нищету. Для понужденія къ платежу недоимокъ употребляли ужаснѣйшія безчеловѣчія, приводящія въ содроганіе и помышляющихъ объ оныхъ; уныніе, стонъ, слезы, вопль распространились во всей имперіи. Съ ужасомъ усматриваемъ жестокія гоненія, заточенія въ темницы, пытки, ссылки и самую смерть, коимъ преданы были многія полезныя, заслуженныя и знаменитыя особы, всѣ почти по одному подозрѣнію, либо по личной ненависти и мщенію, что и обнаруживаетъ явное неправосудіе—главный порокъ вѣщеносцевъ. На послѣдокъ, съ горестію должно сказать, что монархія обширнѣйшаго въ свѣтѣ и славнаго государства, надѣленная отъ природы многими добродѣ-

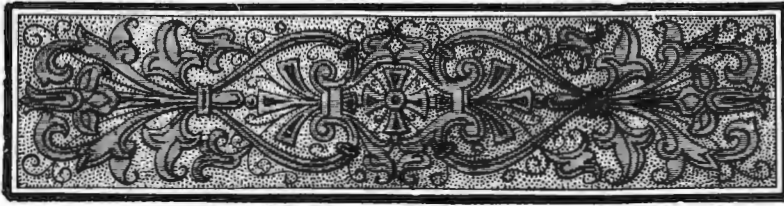
¹⁾ Ibid., стр. 156.

телями, чрезъ непомѣрное снисхожденіе и даже, можно сказать, подобострастіе, своенравному, злобному и кровожадному наперснику, помрачила все сіяніе правленія своего. Современники въ глубинѣ сердца порицали страсть Анны Іоанновны къ злодѣю; но, благоговѣя къ предержавшей власти, не смѣли роптать явно, все съ терпѣніемъ переносили. Потомство, безъ лицепріятія разсматривая дѣянія всѣхъ, судить и владыкъ земныхъ: оно не перестанетъ обвинять Анну Іоанновну за то, что допустила именемъ своимъ совершать насилія, жестокости, злодѣянія. Тотъ, кто, имѣя власть въ рукахъ своихъ, не останавливаетъ бѣдствія народнаго, содѣлывается врагомъ народа, и имя его неизбѣжно предается безславію и справедливому порицанію потомства» (стр. 173—174).

Такое несоотвѣтствіе «Записокъ» графа Эрнста Миниха съ «Замѣчаніями на записки Манштейна» наводитъ насъ на предположеніе, что не сынъ фельдмаршала былъ авторомъ послѣднихъ, а неизвѣстное доселѣ лицо. Это лицо пользовалось въ рукописи записками графа Эрнста Миниха и, тщательно скрывая свою личность, желало во многихъ мѣстахъ замаскироваться авторитетомъ Миниха-сына. Весьма возможно, что авторомъ «Замѣчаній» былъ ученый историкъ XVIII вѣка, человѣкъ весьма близкій къ графу Эрнсту Миниху—докторъ Шмидтъ-Физельдекъ. Наши соображенія по этому вопросу мы рѣшимся обнародовать лишь тогда, когда провѣримъ окончательно всѣ про и contra. Мы увѣрены, что А. Я. Юргенсонъ не посѣтуетъ на насъ за то, что его доводы, хотя и весьма основательные и доказательные, не вполне убѣдили насъ въ авторствѣ «Замѣчаній» графа Эрнста Миниха.

Д. Корсаковъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II ВЪ ВОЛОГДѢ ВЪ 1858 ГОДУ.

(Изъ воспоминаній вологжанина).

Въ 1858 году, въ Вологдѣ была получена вѣсть о предполагавшемся проѣздѣ чрезъ городъ государя императора Александра Николаевича, и жители начали готовиться къ встрѣчѣ его величества. Главныя улицы города: Петербургская, Дворянская, Пятницкая, между гостинными рядами, берегъ рѣки Вологды, Московская, Архангельская и другія, по которымъ предполагался высочайшій проѣздъ, были заново перемощены, прочія немощеныя отремонтированы, деревянные мостки (панели) вдоль улицъ исправлены. Церкви, зданія казенныя, общественныя и частныя, снаружи подновлены, подкрашены, вообще все видимое приняло, на сколько позволяли средства каждаго, возможно приличный чистый видъ.

Настало ожидаемое 15-е число іюня. Съ восхода солнца массы народа, какъ мѣстныхъ жителей такъ и пріѣхавшихъ изъ другихъ уѣздовъ, наполнили улицы города. Тысячи человѣкъ, въ томъ числѣ и пишущій эти строки, вышли за Петербургскую заставу и шпалерами, по обѣимъ сторонамъ Петербургской почтовой дороги, растянулись на версту въ направленіи, откуда, съ Нестеровской почтовой станціи, ожидался пріѣздъ его величества.

Часовъ около 6 утра вдали изъ поднявшейся пыли показался экипажъ. Мгновенно раздалось «ура», но скоро смолкло: оказалось, что промчался вѣстникъ о скоромъ прибытіи государя.

Проходятъ минуты нетерпѣливаго ожиданія.

Черезъ нѣсколько времени промчался другой экипажъ, а затѣмъ черезъ минуту въ громаднхъ столбахъ поднявшейся съ дороги пыли показался и царскій поѣздъ. Раздалось оглушительное «ура». Въ воздухѣ надъ головами тысячной массы людей полетѣли шапки. Что-то особенно радостное и трудно передаваемое чувствовалось на сердцѣ каждаго изъ присутствовавшихъ; отъ избытка чувствъ у многихъ явились слезы на глазахъ. Все вниманіе, всѣ помыслы, были обращены въ одну точку, и это былъ ожидаемый монархъ необъятной Россіи.

Государь Александръ Николаевичъ изволилъ ѣхать въ шинели и форменной фуражкѣ, въ открытомъ экипажѣ. Онъ держалъ руку у козырька фуражки, раскланиваясь привѣтливо и милостиво на обѣ стороны народу. Съ государемъ сидѣлъ генераль-адъютантъ графъ Адлербергъ 2-й.

За царскимъ экипажемъ слѣдовало нѣсколько экипажей со свитою, въ составѣ которой, между прочимъ, были: принцъ Виртембергскій, генераль-адъютанты графы Владиміръ Оедоровичъ и Александръ Владиміровичъ Адлерберги (1-й и 2-й), князь В. А. Долгоруковъ, лейбъ-медикъ Енохинъ и др.

Весь встрѣчавшій народъ поспѣшилъ вслѣдъ за поѣздомъ въ городъ. Государь императоръ и свита прослѣдовали черезъ нарочно тогда устроенную триумфальную арку къ дому губернатора, на набережной рѣки Вологды, гдѣ государь и всѣ прибывшіе были встрѣчены почетнымъ карауломъ во главѣ съ начальникомъ округа корпуса внутренней стражи, генераль-маіоромъ Кобелевымъ, а при входѣ въ домъ губернаторомъ Ф. Сем. Стоинскимъ, губернскимъ предводителемъ дворянства Баграновымъ и начальникомъ выдѣла корабельныхъ роцъ генераломъ Паренсовымъ. Государь поднялся въ приготовленное для него помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ дома. Въ нижнемъ помѣстился графъ Адлербергъ 2-й. Графъ Адлербергъ 1-й проѣхалъ въ домъ клуба, принцъ Виртембергскій— въ домъ купца Витушешникова, гдѣ въ 1824 году изволилъ останавливаться императоръ Александръ I; князь Долгоруковъ и Енохинъ остановились каждый въ отдѣльно приготовленныхъ для нихъ особыхъ домахъ.

Часовъ около 10 утра государь императоръ принималъ губернскаго предводителя вологодскаго дворянства Багранова, которому привѣтливо сказалъ: «я исполнилъ свое обѣщаніе быть у васъ». Послѣ словъ предводителя: «мы давно ожидали счастливаго времени видѣть въ Вологдѣ ваше величество», государь изволилъ высказать: «вологодское дворянство отличалось своею преданностію престолу, а потому я увѣренъ, что въ настоящее время и въ общемъ дѣлѣ оно будетъ споспѣшествовать исполненію моихъ предначертаній». Предводитель отвѣтилъ готовностію исполнить благія предначертанія его величества и завѣрилъ, что дворянство не

останется послѣднимъ въ этомъ великомъ дѣлѣ. Затѣмъ государю имѣли счастье представляться дворянство, купечество и разныя начальствующія лица. Его величество удостоилъ нѣсколькихъ чело-вѣкъ дворянъ разговоромъ и всѣмъ имъ сказалъ: «Господа, я надѣюсь, что вы сочувствуете моимъ желаніямъ и будете способствовать общей пользѣ по крестьянскому дѣлу и затѣмъ улучшите бытъ крестьянъ вашихъ, нераздѣльно съ общою выгодною». Удостоивъ затѣмъ вниманіемъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, государь изволилъ принять отъ купечества хлѣбъ-соль. При этомъ купцомъ Витушешниковымъ его величеству была поднесена «рученка», или буракъ съ мѣстнымъ вареньемъ изъ поляники. Рученка серебряная была приготовлена для поднесенія въ 1837 году, когда въ Вологдѣ ожидали государя наслѣдника. Тогда предполагалось поднести въ этой «рученкѣ» рыжики.

Представителямъ министерства народнаго просвѣщенія, послѣ милостиваго обращенія къ нимъ съ вопросомъ объ учащихъ и на отвѣтъ, что учениковъ—186, его величество сказалъ: «Я у васъ буду».

Затѣмъ, въ 11-мъ часу, отпустивъ всѣхъ, императоръ со свитою поѣхалъ въ Успенскій кафедральный соборъ¹⁾, въ которомъ, по встрѣчѣ епископомъ Христофоромъ (Эммаусскій) съ крестомъ и св. водою, слушалъ Божественную литургію и краткій молебенъ, за которымъ протодіакономъ произнесено многолѣтіе государю императору и всему царствующему дому, пропѣтое полнымъ хоромъ славившихся въ то время голосами архіерейскихъ пѣвчихъ. Церемоніаль церковной службы въ присутствіи государя изданъ былъ архіереемъ заблаговременно. Государь стоялъ, окруженный блестящею свитою и мѣстными властями. Изъ собора его величество со свитою въ сопровожденіи начальствующихъ лицъ и массы народа проѣхалъ на плацъ-парадъ, гдѣ былъ произведенъ смотръ мѣстному баталіону внутренней стражи. На смотрѣ командовалъ окружный генералъ Кобелевъ. Командиръ баталіона маіоръ Мольскій, раненный герой Крымской кампаніи, обращалъ на себя особенное вниманіе, находясь на смотрѣ не въ каскѣ, а въ легкой фуражкѣ съ козырькомъ. Государь остался доволенъ смотромъ, благодарилъ генерала Кобелева, удостоилъ милостивымъ привѣтствіемъ маіора Мольскаго и всѣхъ офицеровъ, а нижнимъ чинамъ приказалъ отпустить по 50 коп. на чело-вѣка. Люди, составлявшіе почетный караулъ, получили по 1 рублю.

Не найду словъ выразить то, что произошло послѣ смотра: надобно было видѣть искренній восторгъ народа, который буквально

¹⁾ Соборъ этотъ построенъ по повелѣнію царя Іоанна Васильевича Грознаго, по образцу московскаго Большаго Успенскаго собора, и представляетъ величественное зданіе, расположенное особнякомъ.

придвинулся, окружилъ государя; каждый старался быть ближе къ особѣ его величества, чтобы видѣть и осязать, прикасаясь къ одеждѣ любимаго монарха. Значительное разстояніе стосаженнаго въ діаметрѣ плацъ-параднаго мѣста государь изволилъ идти пѣшкомъ, окруженный народомъ, при несмолкаемыхъ крикахъ «ура».

Высокій ростъ, величественная фигура, привѣтливо-милостивый взоръ государя, ласково смотрѣвшаго на окружавшей его народъ, запечатлѣлись въ памяти вологжанъ навѣки.

Государь шель быстро. Свитскіе генералы и мѣстное начальство остались далеко назади. Монархъ былъ одинъ среди народа. Ближайшіе къ нему, болѣе счастливые, цѣловали его мундиръ, хватали руку и такъ провожали вплоть до губернаторскаго дома, находившагося противъ плацъ-параднаго мѣста.

Конные жандармы и тогдашніе полиціанты-будочники оказались безсильными остановить натискъ огромной массы народа, проявлявшаго искренній восторгъ и преданность своему царю.

Послѣ небольшого отдыха государь со свитою вышелъ изъ своего помѣщенія на набережную рѣки Вологды и по набережной прослѣдовалъ въ зданіе духовной семинаріи, рядомъ съ домомъ губернатора. Въ семинарской залѣ собрано было до 500 воспитанниковъ семинаріи, во главѣ съ семинарскимъ начальствомъ. Встрѣченный пѣніемъ «Царю небесный», государь послѣ этой церковной пѣсни изволилъ привѣтствовать учениковъ словами: «Здравствуйте, дѣти!», на что послѣдніе отвѣтили молча, скромно поклонившись. По представленіи ректоромъ преподавателей, императоръ спросилъ, въ какой академіи они воспитывались. Затѣмъ спрашивалъ о количествѣ всѣхъ учащихся и оканчивающихъ курсъ. Послѣ этого государь осмотрѣлъ семинарскую бібліотеку, классы, помѣщеніе для казеннокоштныхъ, больницу, столовую и все помѣщеніе ректора и выражалъ свое одобреніе словами: «хорошо» и «пріятно», а при выходѣ, обращаясь къ ректору и архіерею, сказалъ: «очень хорошо устроена семинарія».

Изъ семинаріи его величество направился по другому выходу въ сторону плацъ-параднаго мѣста.

Едва показался императоръ съ семинарскаго двора, ожидавшій народъ буквально хлынулъ въ сторону государя и съ одинаковымъ, какъ и ранѣе, восторгомъ кричалъ «ура», стѣной двигался за государемъ, рискуя попасть подъ лошадей и поглотивъ собою полицейскихъ служителей, чиновъ и жандармовъ, бывшихъ тутъ для наблюденія за порядкомъ. Государь слѣдовалъ съ народомъ, въ средѣ его, до зданія гимназіи чрезъ плацъ-парадное мѣсто. Въ залѣ гимназіи были собраны всѣ воспитанники и учителя, которые стояли отдѣльно отъ воспитанниковъ. Государь спросилъ: «это преподаватели?», и, получивъ отвѣтъ директора Латышева (впослѣдствіи директора Ларинской гимназіи въ С.-Петербургѣ),

привѣтствовалъ воспитанниковъ: «здравствуйте, дѣти!». Они отвѣтили громко: «здравія желаемъ, ваше императорское величество!». Посѣтивъ физическій кабинетъ, классы, гимназическую церковь и помѣщеніе пансіонеровъ¹⁾, причемъ удостоивалъ директора нѣкоторыми вопросами о числѣ учащихся и помѣстительности, а также о поведеніи учениковъ и успѣхахъ, его величество, послѣ утвердительныхъ на вопросы отвѣтовъ, прослѣдовавъ обратно въ залу и обратившись къ ученикамъ, изволилъ сказать: «Учитесь, дѣти. Я надѣюсь, что вы будете полезны отечеству, слышите ли?» Воспитанники дружно отвѣтили: «рады стараться». Затѣмъ, поклонившись, государь оставилъ залу и, осматрѣвъ въ нижнемъ этажѣ спальни воспитанниковъ, прослѣдовалъ къ выходу на парадное крыльцо, отъ котораго, въ ожидавшемъ его открытомъ экипажѣ, проѣхалъ въ церковь Всемиловитоваго Спаса.

Церковь эта въ Вологдѣ называется Всеградская, Спаса Обыденнаго. Замѣчательна и особенно мѣстно уважаема она потому, что сооружена по обѣту въ одну ночь²⁾ во времена бѣдствія моровой язвы, которая, по исполненіи священнаго обѣта вологжанъ, въ ночь съ 18-го на 19-е октября стала ослабѣвать и вскорѣ прекратилась.

Здѣсь его величество былъ встрѣченъ епископомъ Христофоромъ, который благословилъ его образомъ Спасителя. Государь, осматрѣвъ храмъ, отбылъ въ городскую больницу, обошелъ всѣ палаты, посѣтилъ богадѣльный домъ, гдѣ милостиво говорилъ съ нѣкоторыми инвалидами, спрашивая о мѣстѣ службы и хорошо ли имъ здѣсь, на чтѣ они отвѣтили: хорошо. Отсюда, черезъ дорогу, его величество прослѣдовалъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ удостоилъ разговоромъ одного больнаго чиновника Титаренко. Это былъ смиренный чловѣкъ, до помѣщенія въ домъ ходившій безвредно по городу всегда съ мѣшкомъ за плечами. Послѣ осмотра этихъ богоугодныхъ заведеній, государь проѣхалъ по Московской улицѣ, чрезъ рынокъ, во вновь открытую наканунѣ пріѣзда его величества женскую школу въ зданіи дѣтскаго пріюта, который переведенъ въ другой домъ, рядомъ.

Въ помѣщеніи школы, по встрѣчѣ директоромъ и попечительницею, дочерью губернатора, въ залѣ государь принялъ рапортъ попечительницы по пріюту и удостоилъ вниманія дѣтей пріюта, которыя были здѣсь собраны. Въ другой залѣ стояли ученицы школы, всѣ 30, сколько поступило за помянутый день. Милостиво разспросивъ попечительницу о пріютѣ и помѣщеніи, его величество

¹⁾ Пансіонеровъ въ 1850 годахъ въ вологодской гимназій было 60—70 чловѣкъ.

²⁾ Въ то время, какъ извѣстно изъ имѣющихся данныхъ, церковь была построена деревянная, мадаго размѣра. Нынѣ это—каменный и обширный храмъ.

въ другой залъ былъ встрѣченъ начальницею школы Генріетой Корниловой Дозе, до сего назначенія содержавшей свой пансіонъ, гдѣ издавна воспитывались дочери вологодской знати. Здѣсь государь также спрашивалъ о положеніи школы и числѣ ученицъ и милостиво привѣтствовалъ малолѣтнихъ ученицъ.

Послѣ посѣщенія женской школы его величество посѣтилъ богадѣльню вологодскихъ купцовъ Скулябина и Витушешникова, а затѣмъ выставку въ зданіи, которое было тогда предназначено для помѣщенія баталіона внутренней стражи. Былъ третій часъ дня, когда государь императоръ со свитою прибылъ на выставку, гдѣ встрѣченъ распорядителемъ выставки г. Кенъ, управлявшимъ тогда учебною фермою министерства государственныхъ имуществъ, находившеюся въ 52 верстахъ отъ Вологды вверхъ по рѣкѣ Вологдѣ.

790 предметовъ разныхъ произведеній сельскаго хозяйства и мѣстныхъ фабрикантовъ было предложено вниманію государя. На выставкѣ были: образцы минералловъ и выдѣланнаго на заводахъ губерніи желѣза, точильный камень, машины и др. земледѣльческія орудія, пожарныя трубы отъ г. Вараксина, владѣльца механическаго завода; много кустарныхъ произведеній, напримѣръ, устюжскія шкатулки съ секретными замками, топоры и пр. Вещи изъ серебра устюжскихъ мастеровъ; издѣлія изъ дерева, даже были деготь и смола; хлѣбныя произведенія въ зернѣ; ленъ и издѣлія, приготовляемыя изъ него; кожи, свѣчи и др. произведенія скотоводства; медь, много образцовъ женскихъ рукодѣлій: кружева, вышивки, ковры.

Мѣстнымъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ Логановымъ выставлены были часы съ будильникомъ, репетиціею и боемъ, которые его величество изволилъ тутъ же пріобрѣсти покупкою въ собственность. Государь обратилъ вниманіе и разсматривалъ старинныя золотыя и серебряныя монеты, найденныя въ Вологдѣ при раскопкѣ фундамента подъ зданіе новыхъ присутственныхъ мѣсть, на берегу рѣки Вологды, близъ соборовъ. Экипажи мѣстнаго мастера Девяткова, коляска и кабріолетъ, также удостоились вниманія государя, какъ и земледѣльческія орудія и машины Вараксина и Даводчикова, равно и скоть улучшенной породы, изъ котораго особенно замѣчательны были два быка, одинъ 3-хъ лѣтъ, вѣсомъ 37 пудовъ, а другой, голландской породы, 9 лѣтъ, вѣсомъ до 50 пудовъ.

При осмотрѣ выставки его величество изволилъ благодарить распорядителей и г. Даводчикова въ особенности; даже когда при отъѣздѣ сѣдился въ коляску, удостоилъ сказать ему: «очень, очень вамъ благодаренъ».

Съ выставки государь со свитою прямо проѣхалъ въ свое помѣщеніе, въ губернаторскій домъ. Здѣсь въ 4^{1/2} часа былъ обѣдъ,

къ которому были приглашены всѣ лица, составлявшія свиту его величества, мѣстный архіерей, гражданскій губернаторъ Стоинскій, вице-губернаторъ Пейкеръ (и. д.), генераль-лейтенантъ Паренсовъ, генераль-маіоръ Кобелевъ, жандармскій полковникъ Либгардтъ.

Вечеромъ, около 9 часовъ, его величество посѣтилъ домъ дворянскаго собранія, гдѣ дворянство и купечество давали балъ. Государь, по встрѣчѣ хозяевами на лѣстницѣ, прослѣдовалъ въ первую залу. Здѣсь первый польскій изволилъ пройти съ г-жею Паренсовою, затѣмъ съ супругою генераль-маіора Кобелева, супругою губернскаго предводителя Багранова и княгинею Волковскою, также дочерью начальника губерніи. Въ собраніи его величество подошелъ къ портрету императора Александра I и обратилъ вниманіе на надпись, вырѣзанную на доскѣ въ память посѣщенія Вологды Благословеннымъ въ 1824 году, которая сохраняетъ въ памяти вологжанъ незабвенныя слова державнаго посѣтителя: «Все, видѣнное мною въ Вологдѣ, далеко превзошло мои ожиданія».

Государь оставался на балу около часу времени и удостоилъ многихъ разговоромъ и вниманіемъ. По выходѣ изъ собранія государя провожало все находившееся здѣсь общество, причемъ на принесенную его величеству благодарность за счастье, какимъ онъ удостоилъ всѣхъ своимъ посѣщеніемъ, императоръ милостиво изволилъ выразить слѣдующее: «равно благодарю и васъ; я надѣюсь еще быть у васъ». Послѣ отъѣзда его величества балъ продолжался почти до утра.

Изъ собранія государь проѣхалъ въ свою квартиру по иллюминированнымъ улицамъ, среди народа, воодушевленно кричавшаго «ура».

Здѣсь его величество изволилъ высказать губернскому предводителю: «благодарю все дворянство въ лицѣ вашемъ, равно прошу передать мою признательность хозяйкамъ бала; мнѣ ничего не остается болѣе, какъ повторить слова моего дяди».

Слова эти приведены выше.

Быль 12-й часъ ночи. Къ парадному крыльцу губернаторскаго дома стали подъѣзжать дорожные экипажи, и въ половинѣ 12-го его величество со свитою выѣхалъ чрезъ Красный мостъ по Архангельской улицѣ для слѣдованія по тракту на Кадниковъ, Вельскъ, въ Архангельскъ, сопровождаемый массою народа, восторженно кричавшаго «ура».

Дальнѣйшее путешествіе его величества въ предѣлахъ Вологодской губерніи описывалось въ то время слѣдующимъ образомъ. По полуночи въ 3-мъ часу, 16-го іюня, государь изволилъ прибыть въ Кадниковъ, въ 42 верстахъ отъ Вологды. При остановкѣ для перемѣны лошадей, его величество изъ среды массы встрѣчавшаго народа изволилъ позвать къ экипажу мѣстнаго городничаго Омичева и спросилъ его, въ которомъ полку онъ служилъ, какъ фамилія, давно ли въ отставкѣ.

На отвѣтъ о фамиліи его величество изволилъ сказать: «стало быть, мы съ вами...», но дальнѣйшихъ словъ, при неумолкаемомъ крикѣ восторженнаго народа, городничій не разслышалъ.

Тутъ же кадниковскій городской голова удостоился поднести государю хлѣбъ-соль. Обращаясь при отъѣздѣ къ окружающему народу, императоръ изволилъ сказать: «не попадите подъ колесо!».

На Плосковской станціи, въ 65 верстахъ, его величество въ почтовомъ домѣ пилъ чай и кофе, за которые пожаловалъ хозяйкѣ 25 рублей. Отпускнымъ и отставнымъ нижнимъ чинамъ государь выслалъ съ камеръ-лакеемъ по 1 рублю на каждого.

При перемѣнѣ лошадей на Докукинской станціи къ открытой коляскѣ его величества подошелъ старикъ крестьянинъ и спросилъ какъ бы ему увидѣть царя.

Государь изволилъ сказать: «ты говоришь съ царемъ, я и есть».

Старикъ со слезами поклонился въ ноги государю и, поднявшись, сказалъ:

— Позволь мнѣ, батюшка государь, закричать «ура».

Государь императоръ улыбнулся и сказалъ:

— Кричи!

На Васильевской станціи его величество приказалъ народу подойти къ его экипажу и спрашивалъ:

— Чье это селеніе и какихъ именно помѣщиковъ?

Здѣсь къ его величеству подошла съ прошеніемъ солдатка. Государь спросилъ ее:

— О чемъ ты просишь?

— Не знаю, батюшка,—отвѣчала солдатка.

Тогда его величество снова спросилъ:

— Что у тебя тутъ написано?

— Я, батюшка, человѣкъ темный,—отвѣчала она:—ничего не знаю.

Государь императоръ еще разъ спросилъ:

— Чего же тебѣ надобно?

Тогда солдатка объяснила, что будто бы мужъ ея отданъ въ солдаты неправильно, безъ очереди, и потому она просить возвратить его.

Въ первомъ часу дня его величество благополучно прибылъ на Курьяновскую станцію Вельскаго уѣзда, гдѣ былъ встрѣченъ радостными криками множества народа. Удостоивъ разговоромъ собравшихся отпускныхъ солдатъ и ратниковъ объ ихъ жизни на родинѣ, пожаловалъ унтеръ-офицерамъ по 1 рублю, солдатамъ и ратникамъ по 50 коп., а одному престарѣлому понамарю 5 рублей.

Прибывъ на Никифоровскую станцію, государь остановился въ домѣ Верховскаго приказа, гдѣ обѣдалъ и пробылъ болѣе двухъ часовъ. Здѣсь его величество пожаловалъ солдатамъ и ратникамъ по 50 коп. на человѣка, а прислугѣ, служившей за обѣдомъ, 50 рублей.

Въ седьмомъ часу по полудни государь отправился въ дальнѣйшій путь.

При спускѣ на мостъ чрезъ рѣку Вагу, не доѣзжая 6 верстъ до Вельска, государь замѣтилъ тѣло скоропостижно умершаго, въ кругу народа, за 10 минутъ до пріѣзда его величества, матроса, мать котораго держала въ рукахъ его шинель съ Георгіевскимъ крестомъ. Остановившись, государь изволилъ разспрашивать, кто этотъ умершій, отчего умеръ, кто его семейство, и не желаетъ ли оно получить помощь на погребеніе.

Семейные умершаго отъ денежной помощи отказались, а братъ умершаго просилъ государя оказать милость — приказать предать землѣ тѣло умершаго безъ суда. На это его величество изволилъ сказать: — Объ этомъ нужно донести мѣстному начальству.

Такъ какъ крестьянинъ продолжалъ просить, то государь приказалъ ему обратиться къ слѣдовавшему позади графу Адлербергу 1-му, но и графъ приказалъ крестьянину донести о смерти брата мѣстному начальству. Послѣ, на вопросъ вельскаго исправника, крестьянинъ этотъ отвѣчалъ, что онъ осмѣлился своею просьбою утруждать государя изъ страха, что если будетъ о смерти донесено суду, то тѣло умершаго будетъ рѣзать докторъ.

Въ половинѣ 11-го часа по полудни его величество благополучно прибылъ въ г. Вельскъ (267 верстъ отъ Вологды). Здѣсь государь на нѣсколько минутъ остановился на почтовой станціи, въ домѣ удѣльнаго крестьянина Дьяконова. Голова Кузнецовскаго отдѣла Кузнецовъ имѣлъ счастье поднести хлѣбъ-соль отъ удѣльныхъ крестьянъ Усть-Вельскаго приказа и удостоился царскаго «спасибо»; государь удостоилъ голову вопросомъ, давно ли онъ служитъ головой, на что послѣдній отвѣтилъ: двадцать третій годъ. Его величество сказалъ: «можетъ ли быть!» — на это голова отвѣтилъ: «точно такъ, ваше императорское величество». Государь сказалъ: «спасибо!». При выходѣ государя изъ комнаты голова поклонившись сказалъ: «благополучнаго царствованія желаю вашему императорскому величеству». На это государь императоръ изволилъ еще разъ высказать «спасибо» и, пожаловавъ 25 рублей хозяину дома Дьяконову, отбылъ среди провожавшаго народа въ дальнѣйшій путь и въ четвертомъ часу по полуночи 17-го іюня вѣхалъ въ районъ Архангельской губерніи.

Повсюду при подъемахъ и спускахъ экипажи государя и свиты были поддерживаемы народомъ, съ восторгомъ встрѣчавшимъ и провожавшимъ монарха во всѣхъ деревняхъ, чрезъ которыя слѣдовалъ его величество въ предѣлахъ обширной сѣверной окраины родной Россіи.

В. Р. Чевскій.

ОБСКІЕ ПИРАТЫ ПРОШЛАГО ВѢКА.

МНОГОВОДНАЯ, величественная Обь, съ своимъ огромнымъ притокомъ Иртышемъ, была и сейчасъ является важнѣйшею, жизненною артеріей всей Западной Сибири. По Оби и ея притокамъ шло заселеніе края русскими, по ней же и теперь тысячи переселенцевъ передвигаются въ погонѣ за пресловутыми «кисельными берегами сибирскихъ медовыхъ рѣкъ». На этомъ пути, измѣряемомъ тысячами верстъ, все глухо и пустынно; рѣдкія поселенія, разбросанныя иногда на сотни верстъ другъ отъ друга, немного, конечно, способствуютъ оживленію мѣстности. А между тѣмъ, этотъ путь единственный, исконный торговый путь, соединяющій восточную Россію съ центральною Сибирью. Съ распространеніемъ въ XVII вѣкѣ русскаго заселенія на востокъ, рѣкою Обью стали пользоваться для доставленія во вновь созданные города и остроги всякой государевой казны, хлѣба и другихъ жизненныхъ продуктовъ. За государевыми судами съ казной и служилыми людьми вскорѣ потянулись и купеческія суда съ товарами. Конечно, подобныя путешествія предпріимчивыхъ торговцевъ по краю, номинально лишь признававшему въ то время русское владычество, были не безопасны; сильно рисковали они, но вѣдь и было чѣмъ рисковать: барыши, получаемые ими отъ торговли, съ избыткомъ покрывали издержки и рискъ предпріятія. По мѣрѣ замиренія прибрежныхъ татаръ, остяковъ, самоѣдовъ и соотвѣтственнаго укрѣпленія правительственной власти въ краѣ, великій обскій водяной путь становится безопаснѣе для торговцевъ; имъ приходилось считаться лишь съ препятствіями природными, да развѣ еще удовлетворять грабительскимъ

наклонностямъ неразборчивыхъ въ средствахъ воеводъ и служилыхъ людей, зачастую бравшихъ съ нихъ пошлину не только «на государя», но и прямо за свой счетъ. Такой сравнительно благоприятный періодъ продолжался не особенно долго; уже въ началѣ XVIII вѣка правительство организовало правильную ссылку преступниковъ въ Сибирь, и, конечно, при этомъ не могло не воспользоваться обскимъ путемъ. Потянулись караваны колодниковъ, людей отчаянныхъ, которымъ терять было нечего. Условія препровожденія ихъ, къ несчастью, не могли не оставлять желать лучшаго. Отдаленная Сибирь никогда не отличалась многочисленностью мѣстныхъ военныхъ силъ, да и тѣ, которыя тамъ были, сосредоточивались въ XVIII вѣкѣ преимущественно на югѣ, составляя кордонъ, ограждавшій Сибирь отъ набѣговъ немирныхъ кочевниковъ. На Оби и по ея притокамъ, не смотря на то, что административный центръ страны—Тобольскъ, помѣщался именно въ этомъ районѣ, войскъ было немного, а свободныхъ, которыми можно было бы воспользоваться для конвоированія арестантовъ, и совѣмъ мало. Неудивительно, поэтому, что конвойныя команды значительно уступали, по численности своей, сопровождаемымъ ими колодникамъ, и благополучная доставка арестантской партіи на мѣсто зависѣла главнымъ образомъ отъ находчивости, ловкости и смѣливости начальниковъ конвоя, устроивавшихъ такъ, что небольшая горсть вооруженныхъ людей оказывалась въ состояніи сдерживать превосходящую ее въ нѣсколько разъ толпу отчаянныхъ головорѣзовъ и разбойниковъ.

Безлюдность края и отдаленность другъ отъ друга прибрежныхъ селеній не могли благоприятствовать побѣгамъ въ одиночку; всякій, рѣшившійся на такой побѣгъ, долженъ былъ погибнуть неминуемо. Возможны были лишь побѣги массой, когда бѣжавшіе, сильные своею численностью и непреклоннымъ, ничѣмъ не сдерживаемымъ стремленіемъ къ свободѣ, являлись, такъ сказать, хозяевами побережья. Силою отбирая у прибрежныхъ жителей лодки, оружіе, съѣстные припасы, скрываясь отъ преслѣдованія въ безчисленныхъ протокахъ и заливахъ обскихъ, они грозной тучей проходили побережье, пробираясь затѣмъ изъ Оби въ Сосву, гдѣ, оставляя рѣку, направляли свой путь черезъ Ураль въ Россію. Партіи такихъ колодниковъ, настоящихъ обскихъ пиратовъ, наводили ужасъ на мѣстное населеніе; не только беззащитныя деревни, но и укрѣпленные города далеко не всегда могли считать себя въ безопасности отъ возможнаго нападенія этихъ разбойничьихъ шаекъ. Горе было купеческому судну встрѣтиться съ флотиліей бѣжавшихъ колодниковъ. Большою частью вполнѣ беззащитное, такое судно представлялось легкою и заманчивою добычею, тѣмъ болѣе желательною, что овладѣніе имъ являлось для бѣжавшихъ вопросомъ жизни и смерти. Въдѣ если малонаселенность обскаго побережья

благопріятствовала вообще массовымъ побѣгамъ колодниковъ, то та же самая причина была для нихъ и гибельна. На сотни версть нѣтъ жилища, нѣтъ слѣдовательно и хлѣба; мало было одолѣть конвой и бѣжать, слѣдовало еще раздобыть необходимые съѣстныя припасы, вотъ почему встрѣча съ «купцомъ», богатымъ не столько деньгами и товарами, сколько припасами и оружіемъ, составляла обстоятельство первой важности, являлась счастливою случайностью, много способствующей удачѣ предпріятія. Нѣтъ сомнѣнія, что при бѣдности мѣстнаго населенія и крайней скудости хлѣбныхъ запасовъ, которыми правительство по необходимости снабжало поселниковъ этихъ непріютныхъ странъ, гдѣ и хлѣбъ не родится, колодники, въ своихъ набѣгахъ на прибрежныя селенія, не многимъ могли поживиться и слѣдовательно этимъ путемъ лишь въ весьма незначительной степени обезпечивали свое дальнѣйшее существованіе. Встрѣча съ купеческимъ судномъ и удачный захватъ его въ извѣстной мѣрѣ гарантировали имъ возможность благополучнаго исхода побѣга, возможность такъ или иначе выбраться изъ него-степрїимной пустыни и вернуться въ тотъ завѣтный край, откуда они изгнаны были навсегда.

Сохранившіеся архивные документы описываютъ нѣсколько характерныхъ случаевъ подобныхъ побѣговъ, съ которыми мы и позволяемъ себѣ ознакомить читателя.

I.

5-го іюня 1745 года мирные обыватели Сургута, маленькаго, глухаго городка на Оби, были встревожены лихою вѣстью: прошелъ слухъ, что около города появилась шайка бѣглыхъ каторжниковъ; передавали даже, что ихъ видѣли въ самомъ городѣ, что они успѣли уже кое-кого пограбить, что добираются даже до самого воеводы и думаютъ сжечь городъ. Конечно, народная молва зашла по обыкновенію далеко впередъ, но фактъ появленія колодниковъ близъ города оказался вѣренъ. Всѣ видѣли, какъ воевода Еропкинъ, озабоченный и угрюмый, спѣшно прошелъ изъ своего дома въ воеводскую канцелярію, гдѣ долгое время тайно бесѣдовалъ съ какимъ-то поручикомъ, прибывшимъ въ ночь передъ тѣмъ изъ Тобольска. Не прошло незамѣченнымъ и то обстоятельство, что воевода распорядился тотчасъ же послать за козацкимъ сотникомъ Торопчаниновымъ и строго-на-строго ему что-то наказывать, топалъ ногами, сердился... Возбужденное до крайности народное любопытство нашло, наконецъ, себѣ удовлетвореніе. На воротахъ дома, гдѣ помѣщалась воеводская канцелярія, появилось объявленіе, и каждый грамотный могъ прочесть слѣдующее:

«Сего 745 году, июня 5 дня, въ Сургуцкую воевоцкую канцелярію, слѣдующій изъ Тобольска на дощаникѣ порутчикъ Бѣлянинъ вѣдѣніемъ объявилъ: изъ посланныхъ де съ нимъ арестантовъ бѣжало 14 человекъ. И по тому его, порутчика Бѣянина, вѣдѣнію, о сыску тѣхъ арестантовъ въ городѣ Сургутѣ, во всенародное извѣстіе публиковать и въ пристойномъ мѣстѣ выставить публичный указъ, въ которомъ объявить: ежели гдѣ оныя бѣглецы явятся, таковыхъ ловить и объявлять въ Сургуцкую воевоцкую канцелярію безъ замедленія; также и въ войсковую контору и сотнику Торопчанинову съ товарищи послать указъ же, по которому предписанныхъ бѣглецовъ сыскивать всякими сыски накрѣпко и для того сыску командировать имъ на каждую ночь, вокругъ города ходить, съ ружьемъ, изъ Сургуцкихъ служилыхъ людей человекъ по 10 и болѣе, а буде по сыску явятся, то, ихъ имая, объявлять въ Сургуцкую воевоцкую канцелярію немедленно».

Нельзя сказать, чтобы это распоряженіе вполнѣ успокоило встревоженныхъ обывателей; всѣ хорошо понимали, что требованіе начальства о сыскѣ бѣжавшихъ каторжниковъ было пустымъ звукомъ, что привести въ исполненіе упомянутое распоряженіе невозможно, за малочисленностью служилыхъ сургутскихъ людей, и что начальство, въ сущности, болѣе заботилось объ охранѣ самого города отъ внезапнаго нападенія, чѣмъ о поимкѣ бѣглецовъ. Да и было чего тревожиться: кому неизвѣстно, на что способна толпа голодныхъ храпъ-маіоровъ ¹⁾, въ бѣшенной жаждѣ свободы готовая на все, и для которой ничего не значило спалить городъ, чтобы, воспользовавшись пожаромъ, поживиться на счетъ обывателей.

Воеводу Еропкина озабочивало, однако, не это; по опыту онъ зналъ, что 14 человекъ, хоть бы и отчаянныхъ головъ, не рискнуть дѣйствовать открытой силой противъ города, гдѣ, всетаки, было кое-какое войско; мучило воеводу другое: отъ поручика Бѣянина онъ узналъ нѣчто такое, что дѣйствительно могло представлять серьезную опасность. Дѣло въ томъ, что изъ Тобольска отправлено было въ Енисейскъ два дощаника съ каторжниками, одинъ подъ командой поручика Бѣянина, а другой подъ начальствомъ капитана Хрушкова. На двухъ дощаникахъ каторжниковъ было болѣе 120 человекъ, и народъ попался все отчаянный. Дорогой пошли не лады, арестанты шумѣли, не слушались и, не стѣсняясь, высказывались, что воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы завладѣть дощаниками, избить конвой и бѣжать. Подъ самымъ Сургутомъ съ дощаника Бѣянина бѣжало 14 человекъ; въ виду возбужденнаго настроенія арестантовъ Бѣянинъ не рѣшился послать за ними погоню, справедливо полагая, что оставшіеся только и

¹⁾ Такъ въ Сибири называли каторжниковъ, которымъ, какъ извѣстно, въ тѣ времена владѣли ноздри.

ждутъ уменьшенія числа конвойныхъ, чтобы напасть на конвой, побросать его въ рѣку и затѣмъ завладѣть судномъ. Нужно было ожидать дальнѣйшихъ попытокъ къ побѣгу со стороны каторжниковъ, и если, чего Боже сохрани, предпріятіе ихъ увѣнчалось бы успѣхомъ, появленіе подъ Сургутомъ толпы свыше 100 человѣкъ вооруженныхъ и озлобленныхъ разбойниковъ, конечно, представляло крайнюю опасность. Вотъ почему Еропкинъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы ни на лишній часъ не задержать столь неприятныхъ гостей. Съ лихорадочной поспѣшностью доставлялось на дощаники все, что требовалось по распisanію; сами суда стали на якорь вдали отъ города и тамъ выжидали окончанія на-грузки.

Наконецъ Еропкинъ вздохнулъ свободнѣе; нагрузка окончилась, и опасные дощаники отправились далѣе, вверхъ по Оби. Тѣмъ временемъ стали приходить извѣстія и о бѣжавшихъ колодникахъ. 9-го іюня казацкій пятидесятникъ Илья Кайдаловъ донесъ, что посланные имъ въ обходъ «казаки Петръ Кушниковъ и Иванъ Кляпиковъ съ товарищи, всего 5 человѣкъ», шли на утренней зарѣ по пожнѣ вокругъ города и увидѣли, что «идеть де изъ города, отъ скоцкаго пригону сургуцкаго казака Якова Тверитинова, незнаемый человѣкъ въ лѣсъ, за которымъ де они и побѣжали и, сбѣжавши въ лѣсъ, увидѣли-жь и другихъ, болѣе 10 человѣкъ, которые де отъ нихъ и побѣжали въ лѣсъ же и уронили сдѣланное изъ дерева копье, обожженное огнемъ, да березовую дубину и худые портки; и за тѣми де людьми гнались они боромъ, токмо достичь не могли».

Получивъ это донесеніе, Еропкинъ собралъ всѣхъ служилыхъ и отставныхъ казаковъ и, вмѣстѣ съ случившимся о ту пору въ Сургутѣ капитаномъ Булатовымъ, отправился на розыски бѣглецовъ. Поиски не увѣнчались, однако, успѣхомъ; каторжники скрылись и зажгли въ пяти верстахъ отъ Сургута лѣсъ, что окончательно должно было остановить преслѣдованіе. Вскорѣ по возвращеніи Еропкина въ городъ, туда прибылъ ясачный остякъ Никита Елчинъ и заявилъ, что дорогой онъ встрѣтилъ сдѣланный изъ бревенъ плотъ, плывшій протокой въ 10 верстахъ ниже Сургута; на плоту было болѣе 10 человѣкъ «незнаемыхъ людей».

Извѣстіе это весьма обрадовало воеводу; каторжники видимо рѣшились оставить окрестности города и поплыли внизъ, по направленію къ Березову. Еропкинъ, правда, послалъ за ними погоню на лодкахъ, но сдѣлалъ это, очевидно, лишь для очистки совѣсти; трудно вѣдь повѣрить, чтобы дѣйствительно нельзя было въ лодкахъ нагнать утлый, неуклюжій плотъ, а пятидесятникъ Кайдаловъ, посланный въ погоню, руководствуясь, вѣроятно, правиломъ «отъ грѣха подальше», такъ и не нагналъ бѣглецовъ, проплывъ цѣлыхъ 30 верстъ.

Так или иначе, но каторжники оказались далеко, и обыватели Сургута стали мало-по-малу забывать страхи пережитых дней. Не предчувствовалъ и Еропкинь, какое испытаніе ему предстояло...

II.

Оставимъ на время Сургутъ съ его страхами и тревогами и послѣдуемъ за отплывшими вверхъ по Оби дощаниками съ арестантами. Медленно двигались они впередъ, все время борясь съ противными вѣтрами; приходилось тащить суда бечевою, что возбуждало ропотъ и неудовольствіе среди колодниковъ, на обязанности которыхъ лежала эта тяжелая работа. Въ ночь на 15-е іюня, когда они ушли отъ Сургута болѣе чѣмъ за сто верстъ, внезапно разразилась буря. Какъ разъ въ это время дощаники выходили изъ узкой протоки въ коренную Обь, въ этомъ мѣстѣ шириною болѣе двухъ верстъ. Поднявшимся вѣтромъ дощаники разбросало въ разныя стороны, и за темнотою они очень скоро потеряли другъ друга изъ виду. Положеніе стало критическимъ; немногаго нужно было, чтобы разбить въ щепы тяжелыя и старыя суда. Послѣ неимовѣрныхъ усилій дощаникъ, бывшій подъ командой капитана Хрушкова, удалось таки направить къ берегу. Мѣсто, однако, было таково, что нечего было и думать становиться на якорь. Открытое со всѣхъ сторонъ, оно не представляло никакой защиты судну отъ набѣгавшихъ огромныхъ валовъ, грозившихъ выбросить послѣднее на берегъ. Въ виду этого рѣшено было идти дальше бечевою. Спустили на берегъ арестантовъ и съ ними конвой. Этого момента только и дожидались каторжники; пользуясь темнотою и неизбежной въ такихъ случаяхъ сумятицей, они бросились на часовыхъ и, отнявъ у нихъ оружіе, побросали ихъ самихъ въ воду. Крики о помощи утопающихъ караульныхъ за вѣтромъ не доходили до дощаника, и тамъ ничего не знали, что дѣлается на берегу. Опасаясь, чтобы сброшенные въ воду казаки какъ нибудь не доплыли до судна и не подняли бы тамъ тревоги, разбойники вытащили ихъ на берегъ и затѣмъ, притянувъ бечевою дощаникъ, атаковали его. Опѣшившіе и не ожидавшіе нападенія казаки сдались почти безъ сопротивленія. Перевязавъ всю команду и жестоко избивъ капитана, каторжники перерубили всѣ снасти и, забравъ большую лодку, въ числѣ 50 человекъ успѣли удалиться отъ мѣста побоища. Все бывшее на дощаникѣ оружіе, порохъ, свинець, съѣстные припасы, обувь и одежду они увезли съ собой, оставивъ Хрушкова и его команду буквально въ однѣхъ рубашкахъ.

Можно себѣ представить, какую ужасную ночь провели эти несчастные, полуголые, избитые, связанные. Подъ утро вѣтеръ сталъ стихать, и съ дощаника поручика Бѣлянина замѣтили, что съ суд-

номъ Хрушкова что-то не ладно. Вскорѣ обнаружилась печальная истина; рѣшено было тотчасъ же послать нарочнаго въ Сургутъ съ просьбою о помощи и съ предупрежденіемъ о возможности набѣга каторжниковъ на городъ.

Тѣмъ временемъ разбойники быстро подвигались по теченію, внизъ по Оби. Вскорѣ показался Богоявленскій погостъ, отстоящій отъ мѣста происшествія въ 15-ти верстахъ. Единственная, отбитая ими лодка оказалась тѣсною, почему и предположено было высадиться въ Богоявленскомъ и захватить все имѣвшіяся тамъ на лицо лодки. Своевольная толпа не ограничилась, однако, этимъ; погостъ былъ «разбитъ и разграбленъ безъ остатку», причемъ расходившіеся каторжники грозились тоже сдѣлать и съ Сургутомъ, говоря: «мы де и не эдаки города разбивали».

Покончивъ съ погостомъ и захвативъ оказавшіяся тамъ четыре лодки, бѣглецы, уже цѣлой флотиліей, отправились дальше. Не прошли они и десяти верстъ, какъ показалось на рѣкѣ какое-то судно, шедшее вверхъ, имъ навстрѣчу. Подойдя къ нему поближе, разбойники убѣдились, что имѣютъ дѣло съ купеческимъ дощаникомъ, почему, не долго думая, рѣшились воспользоваться случаемъ и попытать счастья. Окруживъ со всехъ сторонъ дощаникъ, они произвели залпъ изъ ружей и луковъ, ранивъ при этомъ тюменскаго купца Петра Зубарева и убивъ наповалъ одного изъ работниковъ, жителя города Яранска, Матвѣя Елушакова. Воспользовавшись замѣшательствомъ застигнутыхъ врасплохъ купцовъ, разбойники кинулись на abordажъ и очень быстро овладѣли судномъ. Расправа была коротка: избивъ и перевязавъ всехъ находившихся тамъ, они отобрали наличныя деньги въ количествѣ болѣе 5.000 рублей, взяли товару тысячи на три, 6 ружей, порохъ, свинець, платье, словомъ все цѣнное, и, бросивъ на произволъ судьбы ограбленныхъ, двинулись далѣе, къ Сургуту.

Странное и оригинальное зрѣлище представляла изъ себя флотилія обскихъ пиратовъ. Захвативъ на дощаникъ много суконныхъ товаровъ, разбойники немедленно воспользовались попавшимся подъ руку матеріаломъ и понадѣлали себѣ красныхъ плащей, устроили перевязи изъ шелковой парчи разныхъ цвѣтовъ, словомъ разукрасились на славу. На переднихъ двухъ лодкахъ гордо развѣвались «флаги выбойчаты» самыхъ яркихъ и пестрыхъ цвѣтовъ. Можно себѣ представить, какой эффектъ производила эта толпа демоновъ, съ обезображенными, звѣрскими лицами, въ ярко-красныхъ одѣяніяхъ, лихо распѣвавшая разбойничьи, волжскія пѣсни...

«Шайтаны, шайтаны на Оби!» — испуганно повторяли встрѣчавшіеся съ ними остяки, пугливо прячась по протокамъ и заливамъ и горячо молясь своимъ богамъ объ избавленіи отъ неожиданнаго дьявольскаго наважденія. Мольбы эти были излишни: бѣдныя чумы инородцевъ не могли привлечь сытыхъ и въ волю пьяныхъ

разбойниковъ, да и другія мысли занимали ихъ. Предстояло пройти мимо Сургута, этого единственнаго мѣста, гдѣ можно было ожидать непріятной встрѣчи съ служилыми людьми,—встрѣчи, исходъ которой, во всякомъ случаѣ, былъ неизвѣстенъ. Не зная въ точности численности сургутскаго гарнизона, разбойники естественно должны были опасаться возможности быть захваченными, а одна мысль объ ожидавшемъ ихъ въ этомъ случаѣ возмездіи должна была приводить въ ужасъ. Но и тутъ, какъ увидимъ ниже, случай выручилъ ихъ.

III.

Воевода Еропкинь, ничего не зная о случившемся у погоста Богоявленскаго и совершенно успокоившись насчетъ возможности появленія каторжниковъ въ Сургутѣ, снова зажилъ мирною сургутскою жизнью, со страстью предаваясь любимой своей забавѣ—охотѣ и рыбной ловлѣ. 17-го іюня, рано утромъ, онъ съ денщиками отправился вверхъ по Оби, на островъ, съ цѣлью закинуть нѣсколько неводовъ, да кстати пострѣлять, если что попадетса подъ руку. Все шло прекрасно, «рыбалка» удалась на славу, и Еропкинь уже сталъ подумывать о возвращеніи домой, какъ вдругъ замѣтилъ на рѣкѣ что-то необычайное, странное, поразившее его до крайности... Къ острову приближалось нѣсколько лодокъ, наполненныхъ людьми, богато и пестро одѣтыми. Не успѣлъ воевода придти въ себя и сообразить, въ чемъ дѣло, какъ съ лодокъ раздался залпъ, сидѣвшіе въ нихъ люди повскакали съ мѣстъ и съ дикими криками бросились высаживаться на берегъ. Въ мигъ Еропкинь съ своими денщиками былъ отрѣзанъ отъ лодокъ и очутился во власти «незнаемыхъ людей», о званіи которыхъ, впрочемъ, не трудно было догадаться по отсутствію ноздрей и звѣрскимъ, обезображеннымъ клеймами, лицамъ...

Началась расправа. «Ты-то де намъ и надобенъ, намъ де про васъ сказывали въ верху рыбаки, что де ты здѣсь на острову»,—говорили разбойники, связывая дрожавшаго отъ страха Еропкина. Съ ужасомъ смотрѣлъ онъ на свою свиту, жестоко избитую и лежавшую въ безпомощномъ состояніи на землѣ, мысленно прощался со своими близкими, зная, что пощады ему отъ разбойниковъ не будетъ. Послѣ краткаго совѣщанія рѣшено было разстрѣлять воеводу; его подняли съ земли, посадили и нѣсколько человекъ съ ружьями выступили впередъ. Но тутъ произошло событіе, разрѣшившее судьбу несчастнаго Еропкина совершенно иначе.

Въ числѣ пятидесяти бѣжавшихъ колодниковъ была женщина, единственная представительница прекраснаго пола среди пиратовъ. Архивные документы сохранили намъ ея имя. Это была молодая, шустрая бабенка Дарья Хардина, ссылавшаяся въ каторгу за отра-

вленіе нелюбимаго мужа. Разбитная, веселая, никогда не унывающая, Хардина пользовалась сильнымъ вліяніемъ среди озвѣрѣвшихъ каторжниковъ, ловко устраняя страстные исканія своихъ многочисленныхъ поклонниковъ. Вліяніе это сказалось и въ дѣлѣ Еропкина; тронулась ли она жалкимъ видомъ избитаго и измученнаго старика, вспомнила ли, быть можетъ, своего престарѣлаго отца, или просто захотѣлось покапризничать избалованной ухаживаніями женщинѣ, такъ или иначе, но Хардина горячо заступилась за воеводу.

— Бога вы не боитесь, изверги! за что губите неповиннаго старика? иль мало народу сгубили, ненасытные?!...

Эта страстная и неожиданная рѣчь произвела должное; нѣсколько человекъ поддержали Хардину, и «много было у нихъ прени, а прочіе говорили: за то де его убить надо, что де онъ нашу братію, бѣглыхъ колодниковъ, сыскиваетъ и посылаетъ въ партіи, въ погони и высылки». Часа три спорили разбойники, нѣсколько разъ Еропкинъ считалъ себя погибшимъ, но судьба, наконецъ, сжалилась надъ нимъ. Болѣе благоразумные одержали верхъ, и воеводѣ дарована была жизнь. Ограбивъ его дочиста, не пощадивъ и золотого тѣльнаго креста, колодники еще и наглумились надъ бѣднымъ старикомъ. Отъѣзжая, они снесли на берегъ изъ награбленныхъ купеческихъ пожитковъ аршинъ пять зеленого сукна, аршинъ десять «свабшскаго» полотна, чайникъ зеленой мѣди, серебряный крестъ на цѣпочкѣ и, бросивъ все это Еропкину, заявили: «вотъ де тебѣ за терпѣнье». И «такъ-жъ сметали съ лодокъ мелочь нѣсколько и сказали-жъ: вотъ де людямъ твоимъ за терпѣнье»,— добавляетъ Еропкинъ въ своемъ донесеніи о происшествіи.

Радость избавленія отъ неминуемой смерти не долго утѣшала, однако, Еропкина; съ ужасомъ думалъ онъ о томъ, что происходить теперь въ городѣ, въ его отсутствіе. Вѣдь никто лучше его не зналъ, что во всемъ Сургутѣ не найдется и полуфунта пороху, нѣтъ и десяти исправныхъ ружей; не прогорѣлыми, никуда негодными затинными пищалями, наслѣдіемъ прошлаго вѣка, испугаешь многолюдную, хорошо вооруженную шайку головорѣзовъ! А тутъ еще мысль о возможности побѣга колодниковъ изъ партіи поручика Бѣянина,— недаромъ же что-то объ этомъ между собой болтали наѣхавшіе молодцы...

Наскоро собравшись, Еропкинъ рѣшился, наконецъ, вернуться въ городъ. Къ его счастью, злодѣи не догадались или забыли захватить его лодки. По возвращеніи со столь печально окончившейся рыбалки воевода узналъ, что разбойники не посмѣли напасть на городъ и проплыли мимо, видимо, не желая рисковать стычкой съ служилыми людьми. Оставшійся въ городѣ капитанъ Булатовъ

наскоро собралъ команду и бросился было въ догонку за ними, но, проплывъ версть 15-ть, вернулся, конечно, не успѣвъ ихъ нагнать...

Такъ пронеслась гроза, разразившаяся было надъ Сургутомъ.

IV.

Спѣшно писалъ Еропкинъ въ Tobольскъ свое донесеніе о случившемся. Ни минуты лишней не задержалъ онъ гонца, приказавъ ему всячески торопиться съ донесеніемъ, нигдѣ не задерживаясь, и по дорогѣ собирать свѣдѣнія о дальнѣйшихъ походахъ бѣжавшихъ каторжниковъ.

Какъ оказалось, 25-го іюня наши пираты были уже въ Бѣлогорской волости, верстахъ въ четырехъ стахъ отъ Сургута, пробираясь на шести лодкахъ, по направленію къ Березову. По словамъ ясачныхъ остяковъ этой волости, ихъ было уже 66 человѣкъ, изъ чего можно заключить, что они розыскали и подобрали и тѣхъ 14 человѣкъ, что ранѣе бѣжали съ дощаника поручика Бѣлянина.

По полученіи донесенія Еропкина, сибирскій губернаторъ Сухарева немедленно же распорядился послать въ Обь секундъ-маіора сибирскаго гарнизона Томилова съ командой, приказавъ ему взять изъ цейхгауза «пять пушечекъ малыхъ, разнокалиберныхъ, чугунныхъ на станкахъ, съ порохомъ и ядрами». Экспедиція снабжена была въ достаточномъ количествѣ патронами, аммуниціей и съѣстными припасами. Въ наказѣ, данномъ Томилову, предписывалось спуститься на лодкахъ по Иртышу до Самаровскаго яма ¹⁾, «а прибывъ въ тотъ ямъ, взять отъ управителя Суздальцева, за его рукою, письменное извѣстіе, и чрезъ обывателей накрѣпко навѣдываться, гдѣ вышеявленные воры и разбойники, и по которымъ рѣкамъ имѣются, около ли города Сургута, или подлинно проѣхали къ Березову, и, навѣдавса о томъ подлинно и достовѣрно, слѣдовать за тѣми ворами и разбойниками со всею командой своею въ тѣ мѣста того же числа и всякими мѣрами стараться накрѣпко и навѣдываться о тѣхъ ворахъ и разбойникахъ, и чинить за ними поиски и, какъ возможно, всѣхъ переловить, а въ случаѣ противленія ихъ стрѣлять по нимъ изъ ружья».

Но Томилову не пришлось ни стрѣлять изъ ружей, ни переловить бѣжавшихъ колодниковъ. Пока собиралась экспедиція, пока она медленно и не спѣша плыла внизъ по Иртышу и Оби, разбойники не дремали и все далѣе и далѣе забирались на сѣверъ. Попрежнему они не давали пощады прибрежнымъ жителямъ и грабили все мало-мальски цѣнное, попадавшееся имъ подъ руку.

¹⁾ Расположенъ въ 25 верстахъ отъ впаденія Иртыша въ Обь.

Не щадились церкви, пострадалъ и Кондинскій монастырь. Направляя свой путь къ рѣкѣ Сосвѣ, которой они думали подняться до Ляпина и оттуда черезъ Уралъ перебраться въ Архангельскую губернію, наши пираты нуждались въ знающемъ мѣстность проводникѣ. Таковымъ оказался проживавшій въ Кондинскѣ зырянинъ Михаилъ. Не долго думая, они силой его захватили и заставили сопровождать ихъ въ дальнѣйшемъ пути.

Страшныя насилія и грабежи этой шайки паническимъ образомъ дѣйствовали на населеніе: всѣ, кто могъ только, разбѣгались при видѣ появляющейся на горизонтѣ пиратской флотиліи. Въ селѣ Чемашевскомъ¹⁾ не успѣвшій скрыться священникъ отецъ Вологодскій встрѣтилъ разбойниковъ на паперти церкви съ колокольнымъ звономъ, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ. Пригласивъ затѣмъ ихъ къ себѣ, онъ угостилъ чѣмъ могъ, а матушка-попадья истопила имъ баню. По удостовѣренію «Лѣтописи Кондинскаго монастыря»²⁾, откуда мы заимствуемъ эти подробности, разбойники были тронуты пріемомъ чемашевскаго священника и, отъѣзжая, горячо благодарили его и матушку за радушіе и доказали свою благодарность на дѣлѣ, не разоривъ села, жители котораго отъ страха всѣ разбѣжались.

Чѣмъ окончилась рассказанная нами разбойничья эпопея, изъ архивныхъ источниковъ не видно; полагаемъ, однако, что можно безошибочно утверждать, что предпріятіе не удалось, и обскіе пираты сложили свои буйныя головушки въ непроходимыхъ урманахъ сѣверной пустыни. Среди мѣстныхъ остяковъ до сихъ поръ существуетъ преданіе объ этомъ походѣ новыхъ аргонавтовъ черезъ негостепріимный Сосвинскій край. Рассказываютъ, что упоминаемый выше проводникъ, зырянинъ Михаилъ, пользуясь тѣмъ, что колодники не знали остяцкаго языка, не скрывалъ отъ встрѣчавшихся имъ инородцевъ истинное происхожденіе идущихъ съ нимъ людей и, по совѣту нѣкоторыхъ остяковъ, повелъ свою команду урманскими огородами³⁾, гдѣ на каждомъ шагу насторожены были ружья и луки со стрѣлами, поставленные на медвѣдей и лосей. Множество разбойниковъ погубило въ этихъ ловушкахъ, а остальные разбѣжались и, конечно, тоже должны были погибнуть отъ голода и наступившихъ холодовъ. Не вернулся домой и проводникъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, убитый за свою измѣну.

1) Въ 700 верстахъ отъ Сургута, внизъ по Оби.

2) Рукопись, принадлежащая бібліотекѣ Тобольской духовной семинаріи.

3) Такъ называются глухія, непроходимыя лѣсныя чащи, въ которыхъ мѣстные инородцы ставятъ звѣриныя ловушки.

V.

Массовые побѣги каторжниковъ, въ родѣ только что описаннаго, къ счастью, случались не часто, зато не проходило году, чтобы не бѣжали малыми партіями, человекъ по пяти, десяти. Конечно, эти небольшія партіи представляли для населенія значительно меньшую опасность, но, тѣмъ не менѣе, ихъ боялись и бѣгали всячески. И не только остяки, по самой природѣ своей трусливые, но и русскіе старались не задѣвать проѣзжавшихъ и по возможности удовлетворять ихъ требованіямъ, избѣгая открытаго столкновенія. Появленіе на низовьяхъ Оби упомянутыхъ разбойничьихъ шаякъ стало, наконецъ, такимъ заураднымъ явленіемъ, что мѣстныя власти не на шутку задумались надъ способомъ противодѣйствовать этому злу. Настоятель Кондинскаго монастыря, игумень Маркіанъ, 7-го октября 1768 года «благопочтительнѣйше» доносилъ сибирской губернской канцеляріи, что если не принять своевременно мѣръ къ охраненію края, то, въ виду природной робости живущихъ по берегамъ остяковъ, появляющіяся шайки бѣжавшихъ колодниковъ очень скоро обратятся въ «многовредительныхъ разбойниковъ, на подобіе волжскихъ». Ближайшимъ поводомъ къ такому донесенію послужило столкновеніе разбойниковъ съ монастырскими людьми въ сентябрѣ того же 1768 года, любопытныя подробности о которомъ мы заимствуемъ изъ архива Кондинскаго монастыря.

Въ сентябрѣ 1768 года самаровская управительская канцелярія дала знать настоятелю Кондинскаго монастыря, что нѣсколько бѣжавшихъ съ дороги колодниковъ направились внизъ по Оби, съ очевидною цѣлью пробраться рѣкою Сосвой къ Уралу и оттуда въ Европейскую Россію.

20-го сентября разбойники были уже въ селѣ Троицкомъ, отстоящемъ въ 55 верстахъ внизъ по рѣкѣ отъ Самарова. Ихъ было всего шесть человекъ на одной лодкѣ. Малочисленность шайки, вѣроятно, служила причиною тому, что бѣглецы вели себя сравнительно скромно. Трое изъ нихъ остались караулить лодку, а трое пошли по селу. Зайдя къ дьячку, а потомъ къ священнику, они просили хлѣба и предлагали за него деньги, но какъ дьячекъ, такъ и священникъ, признавъ въ нихъ лихихъ людей, хотя и дали нѣсколько хлѣбовъ, но отъ денегъ отказались. Ясашный остякъ, Музыргановъ, услышавъ о появленіи въ селѣ бѣглыхъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, оба вооруженные луками, пошли было имъ на встрѣчу, но въ рѣшительную минуту струсили и взмолились о пощадѣ. Въ наказаніе разбойники сняли съ Музырганова шубу, тутъ же, впрочемъ, отдавъ за нее рубль десять копеекъ.

21-го числа шайка посѣтила Сухоруковскій погостъ, отстоящій отъ Самарова въ 90 верстахъ. Тамъ ямщикъ Корепановъ встрѣтилъ

ихъ на улицѣ съ хлѣбомъ-солью и поднесъ три утки, два гуся, масла и кринку молока. Такая предупредительность не избавила его отъ обязанности выдать разбойникамъ свой зипунъ, за который ему заплатили 1 рубль 20 копеекъ. Дьячекъ и понамарь Сухоруковскаго погоста не только встрѣтили грозныхъ гостей съ почетомъ, но и пригласили отобѣдать съ собой. Послѣ обѣда гостепріимные хозяева истопили баню, и разбойники поочередно парились, оставляя на караулѣ по человѣку съ ружьемъ.

Игуменъ Маркіанъ, настоятель Кондинскаго монастыря, получивъ увѣдомленіе изъ самаровской канцеляріи о побѣгѣ колодниковъ, сильно встревожился, невольно вспоминая разграбленіе монастыря въ 1745 году. Нужно замѣтить, что монастырь дѣйствительно былъ вполнѣ беззащитенъ отъ нападенія лихихъ людей; монастырской ограды не существовало вовсе, если не считать за такую обыкновеннаго плетня, которымъ были окружены убогія монастырскія постройки. Монашествующая братія,—все больше старики,—конечно, не могла оказать какого либо сопротивленія, а такъ называемое «заоградное» населеніе, живущее при монастырѣ, боялось разбойниковъ не менѣе своихъ сосѣдей-остяковъ и при первомъ извѣстїи о появленїи лодокъ съ бѣглыми обыкновенно укрывалось въ сосѣднемъ лѣсу. Правда, въ монастырѣ находился еще военный караулъ, подъ командою сержанта Ковалева, спеціально назначенный для окарауливанія содержавшихся въ монастырѣ колодниковъ, но состоялъ онъ всего изъ двухъ отставныхъ увѣчныхъ солдатъ, едва ли способныхъ къ ратному дѣлу...

23-го сентября, часу въ четвертомъ по полудни, игуменъ Маркіанъ изъ окна своей кельи увидѣлъ двѣ лодки, шедшія сверху. Одна бѣжала подъ парусомъ, а другую тащили бечевой по берегу. Встревоженный, онъ тотчасъ же послалъ своего келейника на берегъ узнать, что это за люди и куда они ѣдутъ. Прошло полчаса; келейникъ не возвращается; не понимая, чтѣ такое могло его задержать, игуменъ посылаетъ другаго служителя и отъ него узнаетъ, что «у прибывшихъ людей ноздри у нѣкоторыхъ пороты, на каждомъ изъ нихъ натруски съ порохомъ, и нѣсколько ружей видны въ лодкѣ; слышно, что собираются въ монастырь якобы для покупки хлѣба, обуви, холста, и идутъ уже въ монастырь». Не оставалось сомнѣнія, что это были бѣглые каторжники, о которыхъ писалъ самаровскій управитель. «Хотя я,—пишетъ въ своемъ донесенїи игуменъ,—и пришелъ нѣсколько въ робость, однакожь приказалъ находящемуся тогда при мнѣ одному только церковнику какъ можно скорѣе собрать служителей монастырскихъ и потомъ ударить въ колоколъ трезвонъ, а самъ, не обождавъ людей, оставя келїю безъ защищенія, пошелъ на берегъ, имѣя въ рукахъ ружье, заряженное пулею и картечами»...

Тревожно забилъ набатный колоколъ, призывая населеніе на

помощь монастырю. Нѣсколько человѣкъ похрабрѣй прибѣжали на берегъ, гдѣ, увидѣвъ настоятеля съ ружьемъ въ рукахъ, немного пріободрились; тѣмъ временемъ разбойники, высадившись съ лодокъ, уже стали подыматься въ гору; завидѣвъ, однако, собравшихся около игумена людей, остановились и стали бросать въ нихъ камнями. Вслѣдъ за камнями послѣдовали и выстрѣлы. Монастырскіе защитники не остались въ долгу и тоже оборонялись камнями и стрѣляли изъ ружей. Встрѣтивъ неожиданное сопротивленіе, разбойники поспѣшно удалились къ лодкамъ и отвалили отъ берега. Тщетно игумень уговаривалъ собравшихся людей сѣсть въ лодки и догнать колодниковъ,—никто не рѣшался на такой рискованный подвигъ.

На слѣдующій день, 24-го сентября, послѣ долгихъ уговоровъ и настояній игумена, сержантъ Ковалевъ съ двумя монастырскими солдатами, братомъ своимъ Аѳанасіемъ Ковалевымъ и Данилою Черкашинымъ, пригласивъ съ собой 12 человѣкъ охотниковъ изъ мѣстныхъ обывателей, пустились въ погоню за разбойниками. Вернувшись обратно 25-го сентября, сержантъ донесъ настоятелю, что онъ нагналъ колодниковъ въ пятидесяти верстахъ отъ монастыря, на привалѣ. Послѣ жаркаго боя, въ которомъ солдатъ Данило Черкашинъ былъ убитъ, а разбойники всѣ переранены, послѣдніе, отбитые отъ лодокъ, бѣжали въ лѣсъ. Такова была реляція храбраго сержанта, но не такъ происходило сраженіе на дѣлѣ. Когда экспедиція нагнала разбойниковъ, расположившихся на берегу для отдыха, сержантъ издали выстрѣлилъ въ нихъ изъ ружья, но дальше не пошелъ даже и тогда, когда разбойники отѣснили оробѣвшихъ обывателей и бросились на солдата Данилу Черкашина, оставшагося такимъ образомъ въ одиночествѣ. Покончивъ съ Данилой, разбойники вернулись къ лодкамъ и благополучно поплыли дальше, оставивъ Ковалева съ его людьми вѣдаться, какъ они знаютъ, съ убитымъ солдатомъ. Жертва служебнаго долга, Черкашинъ въ тотъ же день былъ привезенъ въ монастырь и погребенъ въ оградѣ около церкви.

Не далеко, впрочемъ, ушли разбойники; въ Чемашевскомъ погостѣ, въ 90 верстахъ отъ монастыря, мѣстный дьячекъ, предупрежденный о появленіи бѣглыхъ, собралъ нѣсколько человѣкъ своихъ сосѣдей, весьма удачно переловилъ всѣхъ шестерыхъ колодниковъ и доставилъ ихъ въ Березовъ. Такимъ образомъ честь избавленія края отъ разбойниковъ, коварно ускользнувшая отъ храбраго сержанта, досталась скромному дьячку...

К. Газенвинкель.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ЯПОНІИ ¹⁾.

ХVIII.

По японскимъ желѣзнымъ дорогамъ.

ОТЧАСЪ послѣ реставраціи 1868 года новое японское правительство обратило серьезное вниманіе на вопросъ объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ въ странѣ, причемъ соединеніе желѣзнымъ путемъ обѣихъ столицъ, Токио и Кіото, выступило, конечно, на первый планъ. Починъ въ этомъ направленіи былъ положенъ постройкой участка въ 25 верстъ между Иокогамой и Токио. Работы, подъ руководствомъ англійскихъ инженеровъ, были начаты здѣсь въ 1870 году, и линія открылась для движенія въ 1872 году при весьма торжественной обстановкѣ: въ присутствіи императора, высшихъ сановниковъ государства, духовенства, депутаціи отъ Ликейскихъ острововъ, старшинъ айновъ, иностранныхъ посланниковъ, резидентовъ и массы народа. Пять лѣтъ спустя было отпраздновано открытіе линіи Кобе-Осака-Кіото. Затѣмъ окончены были еще нѣкоторые маленькіе участки. Но постройка главной вѣтви Токио-Кіото сильно затянулась. Дѣло въ томъ, что сначала предполагали вести Токио-Кіотскую линію вдоль Накасендо, т. е. старинной государственной горной дороги, пролегающей внутри страны. Здѣсь играли роль извѣстныя стратегическія соображенія: желаніе изо-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 202.

лировать во время войны главный рельсовый путь отъ нападенія со стороны моря; но идея эта была оставлена, въ виду непреодолимыхъ техническихъ трудностей, зависящихъ отъ условій мѣстности. Тогда рѣшено было вести главную часть линіи вдоль Токаидо, великой дороги, проложенной по приказу Іеязу, по которой нѣкогда феодалыные князья восточныхъ областей Японіи ходили со своими многочисленными свитами на поклонъ къ шогунамъ. Эта дорога идетъ вдоль узкаго участка низменной мѣстности, лежащей между подножіемъ горъ южной части острова Хондо и Тихимъ океаномъ. Лѣтомъ 1889 года Токио-Киотская, или Токаидская желѣзно-дорожная линія была, наконецъ, открыта для движенія.

Желѣзныя дороги Японіи не всѣ въ рукахъ правительства: здѣсь есть много частныхъ желѣзно-дорожныхъ компаній, дѣйствующихъ цѣликомъ на свой страхъ и рискъ, безъ всякой гарантіи со стороны правительства, но подъ его надзоромъ.

Большимъ тормазомъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Японіи является отсутствіе обязательныхъ постановленій объ отчужденіи частной земельной собственности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этого требуютъ общественные интересы: все предоставлено добровольному взаимному соглашенію. Поэтому, напримѣръ, постройка частными компаніями линій вдоль внутренняго моря сильно задерживается, такъ какъ капиталисты не въ состояніи купить нужную имъ землю, за которую владѣльцы требуютъ громадныя суммы.

Не смотря на дороговизну участковъ и на чрезвычайныя естественныя препятствія, представляемая природой страны, японскія правительственныя дороги построены очень дешево, вслѣдствіе дешевизны рабочихъ рукъ и отсутствія казнокрадства; въ настоящее время онѣ приносятъ уже казнѣ болѣе 6% чистой прибыли.

Что касается размѣровъ движенія на правительственныхъ линіяхъ, то послѣдній отчетный годъ (закончившійся 31-го марта 1890 года) даетъ слѣдующія цифры: пассажировъ перевезено 11.365.937 человекъ, грузовъ 33.800.000 пудовъ. Доходъ съ пассажировъ составлялъ болѣе трехъ четвертей всей выручки, съ товаровъ—только около одной пятой. Такая поразительно-ничтожная пропорція дохода съ товарныхъ грузовъ легко объясняется физическимъ устройствомъ данной страны: чрезвычайно развитая береговая линія ея и высокіе горные хребты, пересекающіе большую часть поверхности, составляютъ такія условія, которыя заставляютъ предпочитать здѣсь всегда перевозку водой перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ.

Послѣ этого общаго очерка перейду къ моему путешествію по самой длинной желѣзно-дорожной линіи Японіи, именно по той, которая соединяетъ оба важнѣйшіе приморскіе города страны: Иокогаму и Кобе.

Раннимъ утромъ 12-го декабря 1890 года я простилась съ моимъ милымъ Токогамскимъ отелемъ. Унылый видъ представлялъ городъ въ 6 часовъ утра: послѣ ночнаго ливня, дома глядѣли мрачно; жизнь еще не проснулась; и только немногіе спѣшщіе на вокзалъ курумы нарушали изрѣдка окрестную тишину. На вокзалѣ было мало народу. Мы съ сыномъ оказались единственными европейскими пассажирами.

По представленіи паспорта въ кассу, мнѣ сейчасъ же выдали билеты. До отхода поѣзда оставалось еще минутъ двадцать. Въ каминѣ залы I, II-го класса привѣтливо трещалъ огонекъ. Нѣсколько японцевъ съ заспанными лицами жались по угламъ или пересматривали туземныя газеты, заваливавшія большой столъ, стоящій посреди залы. Наконецъ, подали поѣздъ. Не дожидаясь звонковъ, я усѣлась въ вагонъ 2-го класса. На дебаркадерѣ застучали гетá (деревянные сандалии); въ мой вагонъ вошло нѣсколько японскихъ дамъ и не безъ удивленія посмотрѣли на меня. Европейцы также рѣдко ѣздятъ здѣсь во 2-мъ классѣ, какъ японцы въ первомъ. Разница между классами сравнительно ничтожная; но въ первомъ я рисковала просидѣть весь путь одна-одинешенька; а здѣсь я во всякомъ случаѣ видѣла живыхъ людей.

Пока мои сосѣди усаживались, раздался послѣдній свистокъ, и поѣздъ тихо-тихо вышелъ изъ-подъ навѣса.

Воздухъ сырой и теплый. Мороситъ мелкій дождь. Свинцовыя тучи покрыли небо и тяжело повисли надъ самымъ городомъ; а тамъ далеко на горизонтѣ онѣ совершенно слились съ полосой моря: совсѣмъ не разобрать, гдѣ вода, гдѣ небо. Сѣрыя черепичныя крыши кажутся еще темнѣе отъ дождя, и только зелень садовъ и окрестныхъ холмовъ нѣсколько смягчаетъ общій мрачный колоритъ.

Часовъ около 9-ти мы пріѣхали на станцію Офуна, отъ которой отходить боковая вѣтвь къ Токоско (это японскій Кронштадтъ). Поднялся сильный вѣтеръ. Свинцовыя тучи разорвались и огромными клочьями понеслись въ разныя стороны. Море, вдоль котораго мы ѣдемъ, и рветъ, и мечетъ, посылая гигантскіе валы къ берегу. Бѣда теперь въ морѣ!...

Отъ станціи Офуна начинаются мѣста, которыхъ я еще не видѣла. Мы ѣдемъ по долинѣ между двухъ цѣпей холмовъ. Путь очень извилистъ; поѣздъ то приближается къ морю, то удаляется отъ него. Мѣстность лѣсистая; лѣсъ преимущественно сосновый. Но вотъ мы начинаемъ подыматься въ горы. Отъ станціи Ямакита мѣстность становится необыкновенно живописной. Скалы, бурливыя горныя рѣки, извивающіяся, какъ звенья колоссальной змѣи, сосновыя рощи, миниатюрныя полянки свѣжей зелени, пріютившіяся на склонахъ холмовъ, крошечныя деревушки, отдѣльныя хижины, какъ бы висящія въ воздухѣ на скалистыхъ усту-

пахъ,—все это быстро проносится передъ глазами, будто калейдоскопъ, полный очаровательныхъ картинъ. Я насчитала уже шесть туннелей. Мнѣ вспоминается Сен-Готардская дорога; но только къ дикой красотѣ Итальянской Швейцаріи надо прибавить ту поэтическую мягкость, какую даетъ свѣтло-зеленая лужайка свѣжаго посѣва на склонѣ холма, храмикъ, брошенный на уступѣ, меланхолическая широколѣтвиная японская сосна, повисшая надъ пропастью, гдѣ реветъ потокъ,—тѣ черточки японскаго пейзажа, которыя способны смягчить самую угрюмую картину природы. Поѣздъ прибылъ на станцію Ойяма. Пользуюсь пятиминутной остановкой, чтобы заглянуть въ путеводитель: оказывается, что между двумя послѣдними станціями находится семь туннелей, изъ которыхъ самый большой имѣетъ 270 сажень, а всѣ вмѣстѣ занимаютъ слишкомъ двѣ версты; далѣе, между этими же станціями черезъ рѣку Саккаву переброшены 4 желѣзныхъ моста, а черезъ рѣку Аизу— 7 такихъ мостовъ.

За Ойямой потянулась опять ровная мѣстность, покрытая засѣянными полями. Пріѣзжаемъ въ Готембо, у подножія священной Фузи-ямы, красивый конусъ которой ярко сверкаетъ теперь своимъ бѣлоснѣжнымъ покровомъ. Какая чудная гора, въ самомъ дѣлѣ!..

Отъ Готембо начинаемъ спускаться къ морю. Вотъ мы и въ Шидзуокѣ, на берегу залива Суруга. Шидзуока—главный городъ провинціи того же имени, которая славится своимъ чаемъ. Здѣсь нѣкогда жилъ на покоѣ Іеязу, удалившійся на склонѣ дней своихъ отъ власти. Здѣсь же доживаетъ свой вѣкъ, какъ частный человекъ, низверженный послѣдній шогунъ Токугавской династіи.

Опять горы, поля, туннели, сельскіе пейзажи и снова море. Оно тутъ образовало большой заливъ Хамана. Направо, параллельно съ желѣзно-дорожнымъ полотномъ тянется старая государственная дорога—Токаидо. Путь этотъ, то приближающійся къ полотну, то удаляющійся отъ него, обозначенъ рядами высокихъ, старыхъ, тѣнистыхъ сосенъ и кедровъ. Дома селеній окружены здѣсь вездѣ высокими оградами изъ зелени; въ оградахъ прорублены отверстія, на подобіе дверей и оконъ; а внутренности двора и самаго дома совсѣмъ не видать снаружи.

Отъ станціи Мейзаки поѣздъ проходитъ по цѣлой системѣ насыпей и мостовъ, непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ; кажется, будто поѣздъ идетъ прямо по морю: направо отъ насъ—полукруглый, огромный заливъ Хамана, съ его прозрачными, тихими водами; налѣво—грозное, бурное, пѣнистое внутреннее море. Снова пошелъ дождь съ сильнымъ вѣтромъ. Для согрѣванія вагоновъ вносятся длинные цинковые ящики, наполненные горячей водой: ихъ ставятъ на полъ подъ ноги пассажировъ. Точно такой же способъ согрѣванія вагоновъ въ Западной Европѣ, на французскихъ, швей-

царскихъ и итальянскихъ дорогахъ. Ящички эти грѣютъ, понятно, только ноги, причемъ они дѣйствительны лишь первые полчаса, а затѣмъ остываютъ, и такъ какъ ихъ мѣняютъ не болѣе 4—5 разъ въ сутки, то не трудно себѣ представить, сколько отъ нихъ толку. Не надо быть, далѣе, специалистомъ, чтобы понять, какой это, кромѣ того, прекрасный способъ для развитія ревматизма и другихъ простудныхъ формъ заболѣваній. Мои японскіе попутчики не нуждаются, впрочемъ, въ такихъ ящичкахъ: какъ только японецъ вошелъ въ вагонъ и кое-какъ размѣстилъ свои вещи (а ихъ у него всегда очень немного), онъ немедленно сбрасываетъ обувь и усаживается на скамейку пояпонски, то-есть поджавъ подъ себя ноги; въ такомъ положеніи онъ остается все время, весьма экономно расходуя свое собственное тепло. Особенность японскихъ желѣзныхъ дорогъ составляетъ, между прочимъ, отсутствіе буфетовъ: разносчики подносятъ къ поѣзду апельсины, различныя японскія лакомства, иногда чай (зеленый, разумѣется), и все это предлагается по очень дешевымъ цѣнамъ. Поэтому, отправляясь въ Японію путешествовать по желѣзнымъ дорогамъ, нужно запастись всѣмъ необходимымъ по части ѣды, что, впрочемъ, не особенно трудно, такъ какъ этотъ путь, напримѣръ, самый длинный въ странѣ, продолжается какихъ нибудь 16—17 часовъ.

За Гойю опять приближаемся къ морю, пролетаемъ туннель, и предъ нами чудный видъ на море, съ зеленѣющими островками, на противоположный морской берегъ, покрытый высокими холмами, и на безчисленныя поля, то залитыя водой, то засѣяныя хлѣбомъ. Направо — широкой просторъ, явленіе рѣдкое въ этой гористой странѣ.

Начинаетъ темнѣть. Холодъ очень чувствителенъ, и я съ радостью вижу наконецъ станцію Ацуда, находящуюся собственно въ предмѣстьѣ города Нагойя, до котораго осталось теперь только нѣсколько верстъ. Въ вагонахъ зажжены лампы, дождь пересталъ; но вѣтеръ еще усилился, и холодъ становится невыносимъ.

Изъ моихъ спутниковъ остался только одинъ, владѣющій весьма скуднымъ запасомъ англійскихъ словъ. Я спрашиваю его: далеко ли отъ станціи до отеля Шинау (единственная гостинница, устроенная на полуевропейскій ладъ); но онъ не понимаетъ; я вынимаю адресъ ея, написанный на всякій случай пояпонски; мой сосѣдъ оживаетъ и говоритъ, что это очень близко, что онъ идетъ туда же, и предлагаетъ проводить меня. Поѣздъ останавливается; на станціи довольно много народу; всѣ жмутся отъ холода, да это и не мудрено; при ихъ легкихъ платьяхъ; на мнѣ толстое драповое пальто, но я чувствую, что мѣховая шуба болѣе соответствовала бы погодѣ. Выхожу. Багажа, кромѣ легкой сумки, у меня нѣтъ, такъ какъ весь онъ отправленъ изъ Йокогамскаго отеля на пароходѣ прямо до Кобе. Мой спутникъ-японецъ ждетъ уже меня. Онъ мнѣ

объясняетъ, что коляски не нужно, такъ какъ отель въ двухъ шагахъ. Отель дѣйствительно оказался очень близко; но, Боже мой, что это за отель! Обыкновенный японскій чайный домъ средней руки, съ раздвинутыми на улицу стѣнами, мрачно освѣщенный тусклой лампочкой. Куча мусмэ¹⁾ окружила насъ и что-то говорить; но я ничего не могу понять; наконецъ, я догадываюсь, что онѣ предлагаютъ мнѣ пойти на верхъ; лучъ надежды блеснулъ у меня: авось тамъ я найду теплую комнату и чтонибудь поѣсть, тѣмъ болѣе, что я не одна: мой семилѣтній сынъ еще болѣе, чѣмъ я, нуждается въ теплѣ и отдыхѣ. Верхній этажъ оказался, однако, не лучше нижняго, и я съ ужасомъ подумала о томъ, что намъ придется провести здѣсь всю ночь. Тутъ у меня впервые пришла на умъ мысль: да туда ли я попала? Японецъ, мой попутчикъ, исчезъ, и я снова стала произносить названіе той гостинницы, адресъ которой у меня былъ записанъ. Хозяйка отрицательно качаетъ головой и говоритъ: аримасенъ, то-есть нѣтъ. Я поняла, что мой спутникъ захотѣлъ просто оказать услугу своимъ знакомымъ, приведя имъ лишняго постояльца. Положеніе было довольно печальное: вокругъ насъ собралась порядочная толпа зѣвакъ, другъ друга мы не понимаемъ, вѣтеръ уныло воетъ, на улицахъ грязь и лужи воды, 9 часовъ вечера, и холодъ, холодъ, отъ котораго мы совѣмъ заоченьнѣли, да и голодъ даетъ себя знать. Въ это время, какъ *deus ex machina*, является ангель-спаситель въ лицѣ полицейскаго. Я заговорила съ нимъ поанглійски, но по недоумѣвающей улыбкѣ его поняла, что въ такой глуши англійскій языкъ не смогъ еще приобрести себѣ права гражданства (впрочемъ, даже въ открытыхъ портахъ рѣдко попадаютъ полисмены, понимающіе этотъ всесвѣтнй языкъ). Тогда я достала свой талисманъ—японскій адресъ гостинницы. Полисменъ сразу просвѣтлѣлъ, и по его рѣшительному виду я поняла, что спасеніе близко. Въ моемъ воображеніи промелькнулъ пылающій каминъ, горячій чай, и, какъ вѣнецъ всего, вкусный ужинъ и теплая постель... Дѣйствительно, очень быстро выросла откуда-то дженерикча; полисменъ, какъ истый дженгельменъ, помогъ намъ усѣсться въ нее, а самъ пошелъ рядомъ; за нимъ шелъ другой полицейскій; по дорогѣ мы встрѣтили еще одну колясочку, которую я предложила моему спасителю, и мы покатали. Знаменитый отель, куда меня завелъ мой бывшій спутникъ по вагону, оказался въ городскомъ предмѣстьѣ. Миновавъ полутемные закоулки этого предмѣстья, мы очутились на самой красивой улицѣ города—Хончо Дѳри, представляющей широкій, усаженный великолѣпными деревьями проспектъ, со множествомъ магазиновъ, ресторановъ и театровъ. Всѣ эти зданія были освѣщены тысячами огней, въ видѣ керосиновыхъ лампъ, свѣтъ и

¹⁾ Мусме—японская дѣвушка прислужница.

фонарей. Небо совсѣмъ очистилось отъ тучъ, и полная луна холодно освѣтила городъ; вѣтеръ пронзительно завывалъ; но японцы, не обращая вниманія на холодъ, преспокойно сидѣли вокругъ хибачей въ открытыхъ настѣжъ магазинахъ, или кейфовали въ полуоткрытыхъ чайныхъ домахъ и ресторанахъ. Оставивъ Хончо, мы долго колесили по разнымъ переулкамъ, наконецъ, остановились у какого-то дома: пріѣхали. Передъ нами темныя японскія постройки, дымящіяся керосиновыя лампочки, все открыто на улицу, и холодъ, невыносимый холодъ. Полисмень съ торжествующимъ видомъ ведетъ меня на верхъ. Останавливаемся въ узкомъ, низкомъ, полуосвѣщенномъ корридорѣ. Является японецъ, очевидно, хозяинъ. Я произношу слово: «Шиначю-отель», хозяинъ утвердительно качаетъ головой. Но гдѣ же европейская или полуполуевропейская комната? Гдѣ каминъ, тепло? Гдѣ можно отогрѣться? Говоритъ ли, наконецъ, ктонибудь на какомънибудь европейскомъ нарѣчій? Никто. Мой запасъ японскихъ фразъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы помочь горю. Но въ это время хозяинъ произноситъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ я заключаю, что у него здѣсь живетъ *one europe gentleman*, говорящій по-японски. Я прошу позвать его; джентльменъ является и объясняетъ, что это, дѣйствительно, тотъ самый отель, въ которомъ останавливаются европейцы, попавшіе въ Нагойю, но что меня привели вмѣсто европейской на японскую половину гостиницы. Въ концѣ всѣхъ этихъ мытарствъ мнѣ отвели комнату, въ которой стояла гигантская кровать съ чистымъ бѣльемъ, столикъ и умывальникъ; раздвижныя стѣны ея были открыты, и внѣшній холодъ свободно врвался въ нее черезъ корридоръ. Мечты о каминѣ остались мечтами; пришлось удовольствоваться хибачемъ. Черезъ полчаса меня позвали ужинать. Въ столовой былъ настоящій столъ, стулья, чистое столовое бѣлье, европейскіе приборы, и, представьте мое изумленіе, электрическое освѣщеніе: надъ столомъ висѣли три Эдиссоновскія лампочки въ хорошихъ абажурахъ и освѣщали насъ своимъ мягкимъ свѣтомъ. Конечно, электрическій свѣтъ—вещь прекрасная; но я бы предпочла въ данную минуту пылающій каминъ, или, еще лучше, простую русскую печь при самой простой заурядной лампѣ. Ужинъ былъ сносный и, главное, горячій. Мой новый знакомый, котораго я сначала было приняла за какую-то подозрительную личность, оказался профессоромъ нѣмецкой литературы въ Токійскомъ университетѣ. Профессоръ очень обрадовался, когда на свой вопросъ: говорю ли я по-нѣмецки («такъ какъ русскія дамы говорятъ на всѣхъ языкахъ»), получилъ утвердительный отвѣтъ. Англійскій языкъ былъ тотчасъ оставленъ, и въ японской столовой, освѣщенной американскими лампочками, полилась нѣмецкая рѣчь; согрѣтые теплымъ ужиномъ, мы долго толковали о дѣлахъ Японіи, о жизни европейцевъ въ

ея столицѣ, о ихъ кружкахъ, и проч. Профессоръ воспользовался двухъ-недѣльнымъ отпускомъ по поводу Рождественскихъ праздниковъ и поѣхалъ посмотрѣть югъ острова Ниппона съ его замѣчательными храмами. Много интереснаго рассказалъ мнѣ этотъ случайный знакомый о Токио, о Новой Японіи, о характерѣ учащейся молодежи страны, о мѣстномъ ученомъ нѣмецкомъ фереинѣ, въ которомъ имѣется больше 30-ти членовъ, и въ которомъ развѣ въ мѣсяцъ читаются рефераты по различнымъ вопросамъ японской исторіи, культуры, искусства, и проч. Но самое интересное для меня лично было то, что мой собесѣдникъ прекрасно говорилъ по-японски и предложилъ мнѣ совместно осмотрѣть городъ съ его достопримѣчательностями. Какъ чудно, однако, спится въ холодной комнатѣ! Да и усталость, вѣрно, сдѣлала свое дѣло. На другой день я осмотрѣла гостинницу, которая оказалась такимъ же учрежденіемъ, какъ и всѣ подобнаго сорта заведенія въ другихъ японскихъ городахъ: рядъ пустыхъ номеровъ, довольно сносно обставленныхъ, большая столовая и гостинная, съ круглымъ столомъ и альбомами; словомъ, все, что, по понятіямъ хозяина, было нужно его европейскимъ посѣтителямъ. Лѣтомъ здѣсь, вѣроятно, очень недурно; но теперь во всемъ домѣ царствовалъ страшный холодъ, а при холодѣ даже самая уютная обстановка теряетъ свою прелесть. Тотчасъ послѣ легкаго завтрака мы отправились осматривать Нагойю. Въ настоящее время Нагойя представляетъ только главный городъ провинціи Аичи и имѣетъ около 132 тысячъ жителей. При Токугавахъ же это была резиденція князей Оварійскихъ, составлявшихъ одну изъ трехъ главныхъ княжескихъ фамилій, родственныхъ правившей династіи. Нагойя расположилась на плоской равнинѣ, раскинувшейся вдоль залива Овари. Горы ушли далеко, и кругомъ города—необозримый просторъ. Главныя улицы—широкія и прямыя. Повсюду—поразительная чистота. Хотя Нагойя, по числу жителей, принадлежитъ къ значительнымъ японскимъ городамъ, но движеніе на улицахъ небольшое, и вообще все производитъ впечатлѣніе тихаго провинціального уголка. Самая выдающаяся достопримѣчательность Нагойи—ея замокъ. Онъ уцѣлѣлъ въ томъ видѣ, въ какомъ былъ выстроенъ въ 1610 году шогуномъ Іеязу для его сына, сдѣлавшагося родоначальникомъ князей Оварійскихъ.

Наши курумы, сами, не дожидаясь приказанія, покатили по направленію къ замку; но, чтобы добраться туда, пришлось исколесить значительную часть города, такъ какъ замокъ лежитъ на самой окраинѣ сѣверной части Нагойи. Разрѣшеніе на осмотръ замка получается въ канцеляріи мѣстнаго губернатора. Поэтому нужно было прежде всего заѣхать въ эту канцелярію, гдѣ по предъявленіи паспортовъ и получаютъ дозволительныя свидѣтельства, вручаемыя потомъ коменданту крѣпости. Нужно отдать справедли-

вость японскимъ чиновникамъ: насъ задержали не долго. Паспорты наши они оставили у себя, а намъ вынесли нѣчто въ родѣ визитныхъ карточекъ, на которыхъ было написано (поанглійски и пофранцузски), что эти карточки даютъ право на осмотръ замка, но что потомъ онѣ должны быть возвращены обратно, а взаменъ ихъ податель получаетъ свой паспортъ. Замокъ представляетъ солидную крѣпость, построенную по типу Осакской и Токійской твердынь. Цитадель сохранилась здѣсь въ ея первоначальномъ видѣ. Огромные рвы, наполненные водой, гигантскіе каменные валы съ бѣлыми башнями по угламъ, и въ центрѣ всѣхъ этихъ рововъ и каменныхъ валовъ—пятиэтажная пагодообразная цитадель, выкрашенная въ бѣлый цвѣтъ, съ десятками прибавочныхъ крышъ къ пяти главнымъ крышамъ, крытымъ черной черепицей. На вершинѣ башни — два золотыхъ дельфина подъ желѣзными сѣтками. Говорятъ, что они стоили 180 тысячъ іенъ. Одинъ изъ нихъ былъ отправленъ въ 1873 году на Вѣнскую выставку, но на обратномъ пути утонулъ при крушеніи парохода «Nil», принадлежавшаго компаниі «Messageries Maritimes». Японцамъ стоило большихъ трудовъ достать со дна морскаго свое сокровище и водворить его на прежнее мѣсто.

Съ вершины замка открывается широкій видъ на городъ, на заливъ Овари, на безконечныя окрестныя поля и селенія. Вдали рисуются цѣпи горъ, среди которыхъ выступаетъ Ибуки-яма, вся покрытая теперь снѣгомъ. У подножія этой горы произошла нѣкогда рѣшительная битва, положившая начало славы и могуществу Токугавскаго рода. Въ этихъ же горахъ проходитъ Накасендо, или горная государственная дорога изъ Токио въ Кіото (Токаидо идетъ между тѣми же городами, но вдоль морскаго берега). Внутри замокъ представляетъ рядъ пустыхъ, полутемныхъ (отъ задвинутыхъ оконъ) залъ, раздѣленныхъ сотнями деревянныхъ колоннъ. Цѣлая армія могла бы свободно размѣститься въ этихъ залахъ. Я начала было считать въ одномъ этажѣ количество комнатъ, но вскорѣ совершенно потерялась въ этомъ деревянномъ лабиринтѣ. Становилось какъ-то жутко среди этихъ гигантскихъ, пустыхъ, полутемныхъ залъ, гдѣ еще такъ недавно кипѣла своеобразная жизнь и гдѣ теперь изо всѣхъ угловъ, казалось, смотрѣли тоскливыя тѣни прошлаго. Въ нижнемъ или первомъ этажѣ жилъ самъ князь. Здѣсь же останавливался нынѣшній микадо, въ бытность свою въ Нагойѣ. И въ первомъ этажѣ такой же рядъ пустынныхъ залъ. Вотъ княжеская пріемная. Потолокъ рѣзной, работы знаменитаго хидари Джингоро; стѣны росписывалъ не менѣе знаменитый Кано. Все это различные зимніе пейзажи, которые такъ оригинальны въ Японіи своими неожиданными контрастами. Въ слѣдующей залѣ изображены въ натуральную величину цвѣтушіе абрикосы, вишни и сливы. Деревья

какъ хороши, такъ живы, что, кажется, только аромата не достаётъ имъ для полной реальности. Вотъ еще комната: на блѣдно-золотистомъ фонѣ стѣнъ—рядъ пейзажей, а на потолкѣ нарисованы павлины въ натуральную величину, окрашенные въ естественные цвѣта, и т. д., и т. д. Передъ вами развертывается цѣлая картинная галерея. Но какъ пустынно и холодно въ этомъ замкѣ! Какъ здѣсь неуютно зимою въ такой холодный день, какъ сегодняшній!

Кругомъ замка находится рядъ довольно красивыхъ домовъ. Это—различныя мѣстныя официальные учрежденія: мужская гимназія, женское училище, почта и телеграфъ. Тутъ же помѣщаются: губернаторскій домъ, присутственныя мѣста и бѣлыя зданія солдатскихъ казармъ. Изъ замка мы отправились осматривать храмы, которыхъ въ Нагойѣ много множество. Между ними наиболѣе замѣчательный Хигаши Хонгванжи, въ южной части города. Ворота его покрыты великолѣпной горельефной рѣзьбой, бронзовыми украшеніями и чрезвычайно величественны. И внутри этотъ храмъ очень красивъ, хотя, кромѣ своей значительной величины, онъ не представляетъ никакихъ особенныхъ достопримѣчательностей. Въ другомъ храмѣ Эй-Коку-джи, находящемся по сосѣдству съ первымъ, намъ показали каменный памятникъ, лежащій на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ были преданы смертной казни 1.000 японскихъ христіанъ во времена гоненій XVII вѣка. Тутъ же на одномъ камнѣ виднѣется отпечатокъ ступни Будды огромныхъ размѣровъ.

Осмотръ храмовъ и нѣкоторыхъ производствъ, которыми славится Нагойя (cloisonné и фарфоръ), наполнилъ добрую половину дня. Позавтракавъ и простившись съ моимъ случайнымъ компаньономъ, я въ тотъ же день отправилась дальше по направленію къ Кіото. Ѣдемъ обширными, залитыми водой полями. Долго еще виднѣется Нагойя, высокія крыши его храмовъ, 5-ти-этажная пагода и гордо выступающій надъ всѣмъ бѣлый замокъ съ его золотыми дельфинами. Проѣзжаемъ по огромному желѣзному мосту черезъ Кизагаву. Мостъ очень красивъ. Мѣстность однообразная, ровная, скучная. Возлѣ станціи Джифу, справа отъ пути, показались горы. Проѣзжаемъ совсѣмъ близко отъ горы Ибуки-ямы, представляющей въ настоящее время потухшій вулканъ. Здѣсь, въ этой горѣ, по японскимъ представленіямъ, находится входъ въ адъ. Станція Огаки—красивый бѣлый домикъ съ хорошенькими деревянными колоннами; кругомъ цвѣтники и густой сосновый лѣсъ; со всѣхъ сторонъ—высокія горы. Какъ хорошо должно быть здѣсь лѣтомъ! Все время вплоть до станціи Таруй тянется лѣсъ. До свѣжой Ибуки-ямы, кажется, рукой подать. Нельзя оторвать глазъ отъ окна вагона. Высокія горы—справа и слѣва. Склоны ихъ покрыты чайными плантаціями вперемежку съ фруктовыми садами.

Впереди виднѣется широкая долина. Прибыли на станцію Секигахара. Здѣсь, на окрестной равнинѣ, 290 лѣтъ тому назадъ произошло знаменитое сраженіе, отдавшее Японію во власть Іеязу. Отъ этой станціи мѣстность такъ чудно хороша, что не поддается описанію. Поѣздъ мчится по долинѣ среди чайныхъ плантацій и рисовыхъ полей. Горныя цѣпи, окружающія насъ, то приближаются къ полотну, то удаляются отъ него. Здѣсь, во время постройки желѣзной дороги, при земляныхъ работахъ было найдено множество предметовъ, свидѣтельствующихъ о бывшемъ нѣкогда побоищѣ: поломанныя пики, сабли, забрала, шлемы, и т. д. Ыдемъ все той же долиной. Лѣса смѣняются полями, перемѣшиваясь съ ними въ живописномъ безпорядкѣ. Съ обѣихъ сторонъ горы и холмы, прекрасно воздѣланные, съ чайными плантаціями и огромными фруктовыми садами. Начинаемъ спускаться и опускаемся до станціи Нагаока, а отсюда плавно поднимаемся по узкой долинѣ между двумя цѣпями горъ до станціи Майбара. Горы мѣстами покрыты снѣгомъ, изъ-подъ котораго выглядываетъ густая, темная зелень сосенъ, кипарисовъ, камелій. Мѣстность вплоть до Отзу—возвышенная. Поѣздъ летитъ среди хлѣбныхъ и чайныхъ полей, окруженныхъ рядами плодовыхъ деревьевъ. Мѣстами виднѣются водохранилища, отъ которыхъ зеркальными лентами расходятся узкіе каналы, теряющіеся вдаль. Вотъ показалась узкая полоса воды: это—клочекъ озера Бива; онъ становится все шире и шире. Вотъ мы и въ Отзу.

Изъ Отзу до Кубе черезъ Кіото и Осаку какихъ нибудь 2—2½ часа ѣзды. Наступила ночь, и полная луна ярко освѣщала знакомыя мнѣ картины (въ 7-й разъ я проѣзжала этотъ участокъ дороги). Въ вагонѣ набралось много новыхъ пассажировъ, мужчинъ и дамъ, весело болтавшихъ между собою. Особенно оживлена одна группа изъ двухъ молодыхъ женщинъ и нѣсколькихъ молодыхъ людей. Они все время смѣются и шутятъ и какъ будто не замѣчаютъ холода, хотя костюмы на нихъ очень легкіе. Изъ Нагойи въ одинъ вагонъ со мною усѣлся какой-то японскій джентльменъ среднихъ лѣтъ. Онъ былъ одѣтъ поевропейски, говорилъ недурно поанглійски и оказался очень интереснымъ собесѣдникомъ, большимъ сторонникомъ европейской цивилизаціи, новыхъ идей и порядковъ въ Японіи. Двѣ дочери его учатся въ Кубе въ миссіонерскихъ школахъ, и онъ съ гордостью сообщилъ мнѣ, что у одной, по увѣренію учительницъ-миссіонерокъ, оказался большой музыкальный талантъ. Самъ онъ чрезвычайно жалѣлъ, что не можетъ лично посмотреть ту Европу, предъ которой онъ былъ исполненъ какого-то благоговѣйнаго восторга. Когда мнѣ, между прочимъ, пришлось сказать, что я провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ во время послѣдней всемірной выставки, то мой собесѣдникъ буквально закидалъ меня вопросами.

И тутъ же этотъ просвѣщенный джентльменъ выкинулъ такую штуку, которая на мой взглядъ показалась очень странной, но, по его понятію, очевидно, была вполне простой и естественной вещью. Дѣло было послѣ Отзу, именно послѣ появленія въ нашемъ вагонѣ той группы молодежи, о которой я говорила выше и дамы которой оказались нашими ближайшими сосѣдками. Не помню, по какому поводу, я спросила моего собесѣдника: правда ли, что японскія женщины, даже самыя элегантныя, чешутся не каждый день? «Каждый день?»—переспросилъ онъ меня.—Нѣтъ! Японскія леди чешутся въ 5 дней одинъ только разъ; женщины же изъ народа — одинъ разъ въ недѣлю; рѣдко встрѣтите франтиху, которая чесалась бы разъ въ 3—4 дня; 5 дней это норма». Я указала ему на сосѣдку, хорошенькую японку, лѣтъ 22, изящно одѣтую въ сѣрый, шелковый кимоно, въ прелестной прическѣ по кіотской модѣ. Свѣжесть ея прически не подлежала на мой взглядъ сомнѣнію; но опытный глазъ моего собесѣдника увидалъ не то. Мы заспорили. «Хотите, я спрошу у нея, когда она чесалась?».—«Да развѣ вы знакомы?»—удивилась я, такъ какъ видѣла, что никто изъ вновь прибывшихъ не поздоровался съ нимъ при входѣ.—«Я ихъ вижу въ первый разъ, но сейчасъ могу вамъ сказать, что вся эта группа принадлежитъ къ хорошему, достойному уваженія обществу». И тутъ же, не долго думая, онъ, обратившись къ группѣ молодежи, передалъ японски нашъ разговоръ о прическахъ. Это неожиданное вмѣшательство посторонняго, незнакомаго человѣка было встрѣчено молодыми людьми очень просто. Они всѣ заговорили съ нимъ весело и непринужденно, какъ со старымъ знакомымъ, причемъ моя сосѣдка сообщила, что чесалась ровно 4 дня тому назадъ. Да, нравы! Попробовалъ бы у насъ незнакомый господинъ обратиться къ незнакомой дамѣ съ вопросомъ: сударыня, а когда вы изволили чесаться въ послѣдній разъ? Да и отвѣтъ, что дама чесалась 4 дня тому назадъ, тоже не лишень оригинальности. Но все въ жизни относительно, и эти понятія странны только для насъ, конечно.

Ни одна изъ японскихъ женщинъ, даже самая простая, не можетъ причесаться сама; это дѣло особыхъ спеціалистокъ, которыя за извѣстную плату ходятъ изъ дома въ домъ, или принимаютъ у себя, въ своихъ парикмахерскихъ, посѣтительницъ, желающихъ быть причесанными. Плата за такое удовольствіе довольно высокая для туземныхъ цѣнъ: отъ 5 до 8 копеекъ за каждую прическу. Такимъ образомъ, экономическія соображенія играютъ далеко не послѣднюю роль въ томъ, что японскія женщины такъ рѣдко чешутъ свои волосы. Послѣ вопроса о прическѣ у насъ завязалась общая бесѣда, причемъ мой новый знакомый служилъ переводчикомъ.

Нѣкоторыя японскія слова или фразы, вставляемые мною въ разговоръ, вызывали общій восторгъ.

Около 11 часовъ вечера мы прибыли въ Кобе. Простившись очень дружески съ моими дорожными знакомыми, я отправилась на пароходъ, гдѣ меня ждала теплая каюта и всѣ прочія прелести европейскаго комфорта.

Еще разъ мнѣ пришлось проѣхать по чудному Японскому Средиземному морю. Переходъ былъ тихъ и спокоенъ. Дни напоминали глубокую осень на югѣ Россіи; но свѣжая зелень полей и лѣсовъ говорила о веснѣ, а красные апельсины, желтые лимоны и пампельмусы, висѣвшіе на деревьяхъ, окончательно спутывали русскія понятія о временахъ года.

Только передъ Нагасаки насъ немного покачало, и 16-го декабря 1890 года мы бросили якорь на Нагасакскомъ рейдѣ.

XIX.

Отъѣздъ изъ Японіи.

Наступилъ, наконецъ, день, когда мнѣ пришлось разстаться съ страной солнца, цвѣтовъ и тепла, съ этимъ славнымъ народомъ, среди котораго я прожила больше года и который оставилъ во мнѣ самыя хорошія воспоминанія. Раннимъ утромъ, 22 апрѣля 1891 года, простившись съ моимъ милымъ, уютнымъ домомъ, садомъ, любимыми цвѣтами и со всѣмъ, что было дорогаго въ этой тихой, беззаботной жизни, я, со сжавшимся отъ тоски сердцемъ, перебралась на пароходъ добровольнаго флота «Владивостокъ», всего только недѣлю тому назадъ вернувшійся сюда послѣ плаванія по Янтсекиангу, гдѣ онъ служилъ рѣчной яхтой наслѣднику цесаревичу и былъ, поэтому, отдѣланъ совершенно заново. Мелкія заботы по устройству на новомъ мѣстѣ нисколько не заглушали моего грустнаго настроенія, и даже то обстоятельство, что мнѣ пришлось жить въ бывшемъ помѣщеніи принца Георга, не служило утѣшеніемъ. Въ этотъ же самый день, въ 10 часовъ утра, назначенъ былъ первый офиціальный съѣздъ цесаревича на японскую почву. Эскадра наслѣдника прибыла на Нагасакскій рейдъ 15-го апрѣля 1891 года. Эту недѣлю великій князь говѣлъ, и потому-то офиціальный съѣздъ его высочества былъ отложенъ до втораго дня нашей Пасхи, то-есть до 22-го апрѣля.

Городъ имѣлъ праздничный видъ. Сотни флаговъ, японскихъ и русскихъ, украшали дома, офиціальныя зданія и суда, стоявшія на рейдѣ; гирлянды зелени и цвѣтовъ, перемѣшанныя съ красивыми японскими фонарями, покрывали нѣсколько арокъ, устроенныхъ на главныхъ пристаняхъ; на одной изъ этихъ арокъ было порусски написано: «Добро пожаловать». Бухта представляла тоже чрезвычайно живописную и праздничную картину. «Купцы»,

«угольщики» и вообще рабочія суда были отодвинуты далеко къ выходу, а на главной части рейда стояли только военные корабли; здѣсь были: изящный фрегатъ «Память Азова», подъ штандартѣмъ наслѣдника цесаревича, «Красавецъ» и «Владиміръ Мономахъ» — подъ флагомъ контръ-адмирала Басаргина, за нимъ поражающій своей мощью и величіемъ грозный «Адмиралъ Нахимовъ»; дальше стройными рядами растяннулись клипера и лодки: «Джигитъ», «Кореецъ», «Бобръ» и «Манчжуръ». Пароходъ «Владивостокъ», на которомъ тоже красовался военный флагъ, стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ линіи боевыхъ судовъ. За русскими кораблями виднѣлся строй японской военной эскадры, пришедшей на встрѣчу наслѣднику цесаревичу въ количествѣ 6 или 7 судовъ. Японскія военные суда были всѣ выкрашены въ бѣлый цвѣтъ и роскошно убраны флагами. Здѣсь же находились еще: американскій фрегатъ «Омага» и какое-то небольшое французское судно, оба тоже красиво декорированные.

День былъ пасмурный; густыя, черныя тучи покрывали небо; окружающія рейдъ горы и скалы, съ ихъ густой, темной зеленью, казались еще темнѣе отъ этого сѣраго освѣщенія. Но вотъ скоро и 10 часовъ. Массы народа заняли всю набережную. Свинцовыя тучи еще болѣе сгустились. Въ воздухѣ настала глубокая тишина. Вдругъ на рейдѣ блеснули десятки огней, грянулъ громъ пушечной пальбы, реи унизались матросами, и, будто по сигналу, раскрылись небеса, и хлынулъ проливной дождь. Подъ этимъ ливнемъ прошелъ мимо насъ къ «Памяти Азова» катеръ съ принцемъ Арисугава, ѣхавшимъ въ обществѣ блестящей свиты въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ привѣтствовать нашего великаго князя. Бѣдные золотые мундиры! Съ густыхъ эполетъ и шитья ихъ вода катилась ручьями, такъ какъ на катерѣ не было даже тента. Пушечная пальба не прекращалась, и такъ какъ вѣтра не было, то вскорѣ весь рейдъ затянуло сѣрой пеленой дыма, составлявшей какъ бы продолженіе свинцово-сѣраго неба. Немного погодя, когда дождь поутихъ, отъ «Памяти Азова» отвалилъ катеръ подъ штандартѣмъ наслѣдника цесаревича. Снова по реямъ судовъ разсыпались матросы, по рейду пронеслось громкое «ура», и пушечные выстрѣлы со всѣхъ военныхъ судовъ опять огласили своимъ громомъ мирныя долины и горы Нагасакской бухты.

Нѣсколько времени спустя послѣ сѣзда великаго князя на берегъ, пароходъ «Владивостокъ» снялся съ якоря и пошелъ въ море. Я стояла на палубѣ, любуясь въ послѣдній, можетъ быть, разъ красотой Нагасакской бухты, посылая послѣднее «прости» всѣмъ мѣстамъ, которыя были такъ дороги мнѣ по воспоминаніямъ, по тѣмъ чуднымъ минутамъ, какія пришлось пережить здѣсь. Тихо прошли мы мимо нашей эскадры. Холмы Иноса-дакѣ и Ивайя-дакѣ остались позади. Вотъ Венеринъ холмъ, Сарута-яма, Кавара-яма,

какъ мнѣ знакома каждая изъ этихъ горныхъ вершинъ! Проходимъ мимо историческаго Паппенберга. Лѣвѣе отъ насъ виднѣются клубы дыма, несущагося съ Токасимскихъ копей; показался на минуту и самъ островъ Токасима и снова исчезъ въ туманѣ.

Еще разъ прости, милая Японія! Прости, чудная страна!

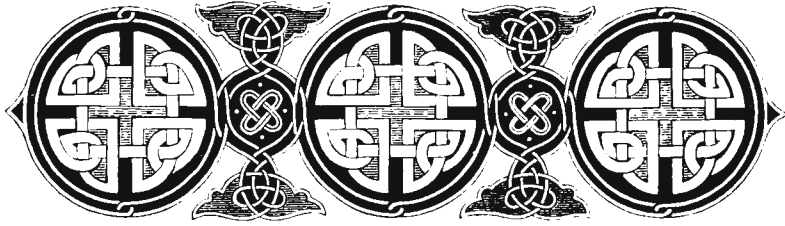
Вѣтеръ усилился; засвѣжѣло, какъ говорятъ моряки. Пароходъ нашъ стало валить съ борта на бортъ; волей-неволей пришлось скрыться въ каюту.

Не стану описывать нашъ переходъ изъ Нагасаки во Владивостокъ: онъ былъ унылъ и скученъ, какъ скучно это холодное сѣрое небо и тоскливое тяжелое море, подбрасывавшее насъ, какъ резиновый мячъ. 26-го апрѣля 1891 года мы бросили, наконецъ, якорь на холодномъ, туманномъ рейдѣ Владивостока.

Отсюда мнѣ предстоялъ длинный путь черезъ всю Сибирь въ Россію.

Женщина-врачъ А. А. Черевкова.

ДЕПУТАТЫ-РАБОЧИЕ ВЪ АНГЛИИ.

ДНУ изъ наиболѣе характеристичныхъ и знаменательныхъ чертъ настоящей англійской палаты общинъ составляетъ существованіе въ ней особой рабочей партіи, члены которой—настоящіе рабочие, избранные рабочими и получающіе отъ нихъ содержаніе, благодаря чему они могутъ жертвовать своей работой на общее благо. Съ давнихъ поръ бывали въ Вестминстерѣ депутаты изъ рабочихъ, но уже достигшіе высшаго общественнаго положенія, какъ, напримѣръ, знаменитый радикаль Вильямъ Коббетъ, организаторъ лиги противъ хлѣбныхъ законовъ Кобденъ, народный агитаторъ Брадло и теперешній министръ торговли Мунделла, начавшіе жизнь — первый пекаремъ, второй свинопасомъ, третій рассыльнымъ, четвертый ученикомъ на чулочной фабрикѣ, но, вступивъ въ парламентъ, они были, строго говоря, уже не представителями рабочаго класса, а живыми образцами самопомощи. Только въ 1874 году, послѣ введенія избирательной реформы, предоставившей рабочимъ право голоса на парламентскихъ выборахъ, впервые явились въ нижней палатѣ настоящіе депутаты-рабочіе, въ лицѣ двухъ рудокоповъ — Бурта и Магдональда; послѣдній оставался въ парламентѣ не долго и не заявилъ себя ничѣмъ особеннымъ, но первый непрерывно засѣдаетъ двадцатый годъ въ залѣ св. Стефана, пользуется общимъ уваженіемъ всѣхъ партій и назначенъ Гладстономъ при составленіи имъ своего четвертаго кабинета товарищемъ министра торговли. Долго онъ представлялъ собою всю рабочую партію въ палатѣ, но мало-по-малу вокругъ него стали

группироваться другіе депутаты-рабочіе, и въ послѣднюю сессію прошедшаго парламента ихъ уже было семь человѣкъ, среди которыхъ особенно выдвинулся Бродгурстъ, каменщикъ и видный дѣятель рабочихъ союзовъ. Онъ двѣнадцать лѣтъ былъ представителемъ различныхъ избирательныхъ округовъ и въ кратковременное третье министерство Гладстона занималъ постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, но на послѣднихъ общихъ выборахъ и на недавнихъ частныхъ выборахъ въ Гримзби онъ забаллотированъ, благодаря интригамъ либеральныхъ отщепенцевъ, что однако, не мѣшаетъ ему играть значительную роль въ виѣспарламентской дѣятельности либеральной партіи и занимать должность провинціального мирового судьи, которымъ такъ же, какъ товарищемъ министра, впервые сдѣлался въ его лицѣ англійскій рабочий. На прошлогоднихъ общихъ выборахъ рабочая партія выставила тридцать семь кандидатовъ, но большинство ихъ дѣйствовало независимо и даже иногда враждебно либераламъ, которые открыто поддерживали только тринадцать изъ нихъ; хотя избранными оказалось лишь двѣнадцать человѣкъ, но при теперешнихъ обстоятельствахъ и это число составляетъ значительный успѣхъ для новой, идущей въ разрѣзъ со всѣми старыми преданіями парламентской группы. Не смотря

Джонъ Борнсъ.

на ея сравнительную малочисленность, она съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе, особенно въ виду социальныхъ реформъ, уже внесенныхъ на разсмотрѣніе палаты и подготовляемыхъ Гладстономъ. Дѣйствительно, кто можетъ выяснитъ мѣры сокращенія рабочихъ часовъ авторитетнѣе Бурта, рудокопа-депутата? Кто въ состояніи выработать всѣ подробности билля объ ответственности хозяевъ за несчастія съ рабочими практичнѣе механика-депутата Борнса? Кто сумѣетъ привести въ полное соотвѣтствіе съ потребностями поселянъ билль о сельскихъ приходскихъ совѣтахъ лучше Арча, поселянина-депутата? Наконецъ кто во всемъ, что касается урегулированія стачекъ и установленія третейскихъ судовъ для разрѣшенія распрей между капи-

талистами и рабочими, компетентнѣе тѣхъ же Бурта, Борнса и Кера Гарди, депутата-углекопа, которые всѣ трое играли въ послѣдніе годы самую видную роль во всѣхъ рабочихъ стачкахъ и въ примирительномъ ихъ окончаніи? Эти четыре человѣка находятся во главѣ своей партіи, которая въ сущности распадается на двѣ группы: на независимыхъ социалистовъ и на радикаловъ, входящихъ въ составъ Гладстоновскихъ либераловъ; первыхъ всего двое: Керъ Гарди и Гавликъ Вильсонъ, а послѣднихъ десять человѣкъ подъ руководствомъ Борнса. Такимъ образомъ, познакомившись съ этими главными представителями депутатовъ-рабочихъ: независимымъ социалистомъ Керъ Гарди, крайнимъ радикаломъ Борнсомъ, умѣреннымъ радикаламъ Буртомъ и поселяниномъ-депутатомъ Арчемъ, мы будемъ имѣть полное, разностороннее понятіе о любопытной и служащей харак-

Джозефъ Арчъ.

теристическимъ знаменіемъ времени рабочей партіи въ англійской палатѣ общинъ. Поэтому, основываясь на свѣдѣніяхъ, ежедневно сообщаемыхъ газетами, и журнальныхъ статьяхъ, въ особенности на очеркахъ жизни и общественной дѣятельности Бурта въ «Revue Nouvelle»¹⁾, Борнса въ «Idler»²⁾, Кера Гарди въ «Our Day»³⁾ и Арча въ интересной книгѣ Давидсона о современныхъ радикалахъ⁴⁾, мы постараемся набросать характеристики этихъ четырехъ выдаю-

щихся англійскихъ общественныхъ дѣятелей, которымъ безспорно будущее готовить самую блестящую роль. Уже теперь всѣ говорятъ о Буртѣ, какъ о министрѣ труда, созданіе котораго составляетъ

¹⁾ Un député ouvrier anglais, par M. Gibbert-Boucher (Англійскій депутатъ-рабочій)—Revue Nouvelle, 1892, 15 juin, 1 et 15 juillet.

²⁾ Lions in their Dens: 1) John Burns in Battersea, by V. Blathway («Львы въ своихъ берлогахъ: 1) Джонъ Борнсъ въ Батерсе».—Idler, 1893, january,

³⁾ The Quartet of English Labour Leaders: John Burns, Keir Hardie, Tom Mann and Ben Tillet, by Miss Willard (Квартетъ англійскихъ рабочихъ вожаковъ: Джонъ Борнсъ, Керъ Гарди, Томъ Маннъ и Бенъ Тиллетъ) — «Our Day», 1893, april.

⁴⁾ Eminent Radicals in and out of parliament by M., Davidson (Выдающіеся радикалы въ парламентѣ и внѣ его), London, 1880.

только вопросъ времени, а Борнса многіе прочать въ лондонскіе синдикіи при образованіи общаго лондонскаго муниципалитета, и съ теченіемъ времени въ демократическіе премьеры Великобританіи.

I.

Томасъ Буртъ родился въ маленькомъ селеніи Муртонъ-Ро въ 1837 году и принадлежитъ къ здоровенной расѣ нортумберландскихъ углекоповъ, которые, благодаря вліянію методизма, всегда отличались бѣльшимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ, чѣмъ остальные англійскіе рудокопы. Его отецъ былъ выдающимся мѣстнымъ проповѣдникомъ и, не смотря на тяжелую подземную работу, отличался литературными вкусами, конечно, съ строго богословской подкладкой; мать, также женщина недюжинная, приучила его съ дѣтства къ исполненію своего долга и поклоненію нравственнымъ идеаламъ. Но въ практическомъ отношеніи жизнь юнаго Томаса была обставлена самыми тяжелыми условіями. Когда ему былъ только одинъ годъ, родители его были принуждены перебраться въ другую мѣстность, такъ какъ въ угольной копи, гдѣ работалъ отецъ, произошелъ взрывъ, но и на новомъ мѣстѣ они оставались не долго, потому что отецъ принялъ участіе въ рабочей стачкѣ, и хозяева копи изгнали его со всей семьей изъ занимаемаго имъ скромнаго жилища. Опасаясь дальнѣйшихъ преслѣдованій за свое смѣлое отстаиваніе рабочихъ правъ, онъ покинулъ родину и перебрался въ Дургамъ, гдѣ, въ Гасвельской угольной копи, десятилѣтній Томасъ началъ учиться не наукамъ, а тяжелой подземной работѣ. Мало-по-малу онъ прошелъ въ безотрадномъ мракѣ и уныломъ одиночествѣ всѣ классы рудокопной школы; отъ обязанности отворять подземныя дверки, за чтѣ платилось 10 пенсовъ въ день, состоявшій изъ двѣнадцати рабочихъ часовъ, онъ перешелъ къ должности погонщика осла, потомъ возницы, управляющаго лошадей, и, наконецъ, миновавъ дальнѣйшія ступени, достигъ, восемнадцати лѣтъ, до высшаго званія углекопа, приносящаго отъ 4 до 5 шиллинговъ въ день. Этого повышенія онъ добился уже въ Ситонъ-Делавальской угольной копи въ Нортумберландѣ, куда его родители вмѣстѣ съ нимъ вернулись въ 1851 году. Но рядомъ съ этимъ тяжелымъ трудомъ шли въ свободные часы у живаго, понятливаго, способнаго мальчика умственныя занятія. Научившись грамотѣ у родителей и во время отрывочныхъ посѣщеній сельской школы до поступленія въ угольную копи, онъ энергично развивалъ свой умъ чтеніемъ всѣхъ книгъ, которыя только могъ достать. Главнымъ источникомъ его самообученія было извѣстное періодическое изданіе Каселя подъ заглавіемъ «Популярный самоучитель», въ которомъ помѣщались всевозможные популярныя курсы: лите-

ратуры, математики, исторіи и даже языковъ французскаго и латинскаго. Юный Томасъ жадно изучалъ всѣ эти предметы и, купивъ себѣ грифельную доску, упражнялся на ней мѣломъ въ разрѣшеніи всѣхъ задачъ и повтореніи всѣхъ примѣровъ, встрѣчавшихся въ его любимомъ руководствѣ. Но вскорѣ оно оказалось ему недостаточнымъ, и онъ купилъ на отложенныя съ трудомъ деньги латинскій словарь и нѣсколько учебниковъ. Затѣмъ онъ постепенно сталъ распространять кругъ своихъ чтеній и основательно познакомился съ сочиненіями Чанинга, Эмерсона и Карлайля; Шекспира, Мильтона, Теннисона, Лонгфелло, Вордсворта, Шелли и Борнса; Борка, Гратана и Курана; Маколея, Гибона и Юма; Вальтеръ-Скотта, Теккерея, Диккенса и Джорджа Эліота; Адама Смита, Джона Стюарта Миля, Бастья, Фосета и Торнтона. Онъ такъ неустанно предавался своимъ умственнымъ занятіямъ въ то время, когда остальные члены его семьи и товарищи отца спали, или спорили между собою о религіозныхъ вопросахъ, что его не разъ спрашивали: «Къ чему ты все сидишь за книгами, Томасъ, если ты не хочешь ни проповѣдывать, ни обсуждать религіозныхъ вопросовъ?». На это онъ всегда отвѣчалъ: «Я учусь изъ любви къ ученію». Но когда умъ его достаточно развился и запасъ его знаній оказался значительнымъ, тогда онъ понялъ, что и то и другое слѣдуетъ примѣнять къ общей пользѣ, а потому сдѣлался учителемъ воскресной школы и общественнымъ проповѣдникомъ по вопросамъ не религіознымъ, а социальнымъ и политическимъ. Въ особенности онъ съ пламеннымъ жаромъ отстаивалъ распространеніе между рабочими трезвости, такъ какъ онъ самъ еще юношей далъ зарокъ не пить вина и постоянно видѣлъ, какъ пагубно дѣйствуетъ пьянство на рабочій классъ. Перебравшись вмѣстѣ съ родителями на жительство въ Чопингтонъ, онъ женился на дочери рабочаго Томаса Ветерборна и вскорѣ сдѣлался столь популярнымъ среди своихъ новыхъ товарищей, что его выбрали въ секретари мѣстнаго общества трезвости и въ администраторы сельской школы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ работать, какъ простой углекошъ, до 1865 года, когда образовавшійся при его дѣятельномъ содѣйствіи «Рабочій союзъ нортумберландскихъ углекоповъ» выбралъ его своимъ секретаремъ, а эта должность требуетъ такого постояннаго труда, что она одна во всѣхъ рабочихъ союзахъ оплачивается, и занимающій ее рабочій не можетъ продолжать своей работы, тогда какъ предсѣдатель, казначей, члены совѣта и делегаты союза посвящаютъ только свободное время на исполненіе своихъ обязанностей. Томасъ Буртъ неохотно бросилъ свой тяжелый, но обезпечивавшій его независимость трудъ и отдался всецѣло новому дѣлу только изъ сознанія долга къ своимъ товарищамъ рабочимъ. Ему претила мысль о постоянной борьбѣ, которая была неизбѣжна для руководителя рабочимъ союзомъ въ тѣ времена, когда еще эти учрежденія не пользовались покровитель-

ствомъ закона и къ нимъ враждебно относились правительственные и высшіе классы. При его врожденной скромности и простыхъ вкусахъ, онъ вполне мирился съ своей смиренной долей, а если когда нибудь и мечталъ о лучшемъ для себя занятіи, чѣмъ добывать уголь въ нѣдрахъ земли, то его стремленія обращались скорѣе къ литературѣ, чѣмъ къ административной или политической дѣятельности. Но судьбѣ было угодно, чтобъ онъ пожертвовалъ собою для блага своихъ товарищей рабочихъ, и онъ не колеблясь вступилъ на новый для него путь, который въ девять лѣтъ привелъ его изъ угольной копи въ англійскій парламентъ.

Рабочій союзъ, душой котораго сдѣлался Томасъ Буртъ на тридцатомъ году своей жизни и послѣ восемнадцати лѣтъ, проведенныхъ имъ въ постоянной подземной работѣ, былъ основанъ три года передъ тѣмъ углекопами Нортумберланда и Дургамы, послѣ продолжительной стачки, кончившейся полууспѣхомъ для рабочихъ, но появленіе въ средѣ 100.000 рудокоповъ этихъ двухъ графствъ перваго рабочаго союза было такимъ результатомъ, въ сравненіи съ которымъ ступевывались всѣ принесенныя жертвы. Вѣками изолированныя углекопы, наконецъ, почувствовали, что единеніе придастъ имъ силу для борьбы съ хозяевами, тѣмъ болѣе, что послѣдніе также соединялись въ синдикаты для успѣшнаго эксплуатированія труда; естественно, что подобное единеніе, принесшее такіе удивительные плоды для рабочихъ другихъ отраслей промышленности, должно было также благотворно отразиться и на углекопяхъ. Среди основателей этого союза находился Томасъ Буртъ, которому еще съ дѣтства твердилъ отецъ о необходимости ассоціацій для рабочаго класса, хотя всѣ попытки старика осуществить эту идею не увѣнчались успѣхомъ. Сначала и предпріятію, въ которомъ принялъ самое живое участіе сынъ, не повезло; внутренняя организація союза была неудовлетворительна, число членовъ очень медленно увеличивалось, денегъ было мало, а главное возникали постоянныя недоразумѣнія между руководителями дѣла. Чтобъ устранить послѣднее неудобство, Буртъ посовѣтывалъ своимъ товарищамъ отдѣлиться отъ дургамцевъ, и такимъ образомъ возникъ новый союзъ, получившій названіе «Нортумберландской взаимной углекопной ассоціаціи», секретаремъ которой онъ и былъ избранъ. Взявшись за новое, трудное дѣло, которое оплачивалось не болѣе углекопнаго труда, онъ очутился въ самомъ безысходномъ положеніи. Въ кассѣ союза было всего 23 фунта стерлинговъ, а на рукахъ у него была Крамлинтонская стачка, оставившая безъ куска хлѣба семьсотъ рабочихъ съ ихъ семьями. Будучи не въ силахъ доставить торжество справедливымъ требованіямъ углекоповъ и потерпѣвъ неудачу во всѣхъ своихъ стараніяхъ мирно покончить распрю, онъ, однако, сумѣлъ, благодаря необыкновенной энергіи и дѣятельности, повести дѣло такъ, что по окончаніи стачки въ кассѣ оказа-

лось 700 фунтовъ стерлинговъ, а всѣ стачники худо или хорошо пережили тяжелую годину. Этотъ блестящій результатъ доставилъ Бурту громадную популярность среди всѣхъ рудокоповъ Нортумберланда и возбудилъ къ нему такое общее довѣріе, что онъ могъ уже приступить смѣло къ дальнѣйшему развитію порученнаго ему дѣла. Прежде всего онъ не раздѣлил оставшагося отъ стачки капитала, какъ дѣлалось до тѣхъ поръ, между членами союза, а зачислилъ его въ запасный фондъ, потомъ онъ обратилъ добровольный взносъ членовъ въ обязательный и принялся за неутомимую вербовку новыхъ членовъ среди углекоповъ всего графства, причемъ онъ никогда не проповѣдывалъ невозможныхъ утопій и не подстрекалъ политическихъ страстей, а, пробуждая въ рабочихъ сознаніе ихъ правъ и силы, училъ ихъ въ то же время уважать законъ и свято исполнять принятыя на себя обязательства. Результатомъ дѣятельности этого импровизованнаго администратора, который выказалъ необыкновенныя организаторскія способности, было то, что черезъ шесть лѣтъ въ рабочемъ союзѣ состояло 18.600 членовъ изъ всѣхъ угольныхъ копей Нортумберланда, ежегодный доходъ достигъ до 7.000 фунтовъ стерлинговъ, а запасный капиталъ равнялся 16.000 фунтовъ стерлинговъ. Вмѣстѣ съ этимъ союзъ, обезпечивавшій рабочимъ помощь на случай прекращенія работы, отысканія новаго труда, несчастья, смерти или болѣзни, былъ признанъ синдикатомъ рудокопныхъ компаній и образованъ третейскій совѣтъ изъ делегатовъ хозяевъ и рабочихъ для миролюбиваго разрѣшенія распрей между трудомъ и капиталомъ. Этотъ послѣдній результатъ, имѣющій болѣе важное значеніе, чѣмъ матеріальный успѣхъ дѣла, достигнутъ исключительно безпристрастіемъ, благоразуміемъ и умѣренностью Томаса Бурта, которому отдавали одинаковую справедливость какъ рабочіе, такъ и хозяева. Однако, такого справедливаго отношенія къ своимъ заслугамъ онъ добился только послѣ многихъ непріятныхъ столкновеній. Долго хозяева проклинали осыпая Бурта, его въ своихъ газетахъ оскорбленіями и клеветами; называли его купленнымъ рабочими демагогомъ и упрекали въ томъ, что ради получаемаго имъ жалованья онъ волнуетъ народъ, поддерживая невыгодную для обѣихъ сторонъ агитацію. Буртъ спокойно отвѣчалъ также въ газетахъ на всѣ эти недостойныя выходки, что онъ былъ простымъ работникомъ и довольствовался своей скромной долей, когда товарищи поручили ему вести дѣло о признаніи ихъ человѣческихъ правъ, что онъ не искалъ этой должности и всегда готовъ вернуться въ угольную копь, но, конечно, къ хорошему хозяину, такъ какъ на тирановъ онъ не намѣренъ работать, но пока товарищи считаютъ его услуги полезными, онъ будетъ попрежнему исполнять свой долгъ и получать за это вознагражденіе, въ которомъ нѣтъ ничего унижительнаго. Въ концѣ концовъ хозяева признали не только, что онъ правъ, но что онъ оказывалъ имъ гро-

мадные услуги своимъ миролюбнымъ посредничествомъ между ними и рабочими, созданнымъ имъ третейскимъ судомъ и главное строго справедливымъ отношеніемъ какъ къ законнымъ требованіямъ труда, такъ и къ законнымъ интересамъ капитала; извѣстный органъ англійской высшей буржуазіи, «Spectator», прямо выразилъ, что «еслибъ собственникамъ Нортумберландскихъ копей пришлось высказать свое мнѣніе на счетъ Бурта, то они единогласно признали бы, что обязаны его союзу гораздо большимъ, чѣмъ своему синдикату». Съ другой стороны и среди рабочихъ слышались голоса, упрекавшіе Бурта въ слишкомъ большой умѣренности, въ чрезмѣрныхъ уступкахъ хозяевамъ и въ диктаторствѣ; на это у него былъ одинъ отвѣтъ: «Если я вамъ не любъ, то отпустите меня, но пока я служу вамъ, то буду служить, какъ я умѣю и какъ я хочу; или я вашъ уважаемый глава, которому всѣ повинуются, или ищите себѣ другаго». Конечно, изъ всѣхъ этихъ столкновеній онъ выходилъ побѣдителемъ, и его популярность все росла болѣе и болѣе. Апогея своего вліянія и могущества этотъ мирный представитель труда достигъ въ 1874 году, когда мѣстечко Морпетъ, почти исключительно населенное рудокопами, выставило его кандидатуру въ депутаты.

Естественно, что нортумберландскіе углекопы, сознавая себя соединенными, организованными, и если не богатыми, то обеспеченными отъ нищеты, начали обнаруживать политическое самолюбіе. Недавняя избирательная реформа предоставила имъ право голоса, и они рѣшили избрать своего собственнаго депутата въ Морпетъ, представителемъ котораго въ продолженіе долгаго времени былъ сэръ Джорджъ Грей, извѣстный либераль и министр. Они собрали необходимую сумму для избирательныхъ расходовъ и выставили кандидатомъ Томаса Бурта. Этотъ первый рабочій кандидатъ повелъ дѣло съ своимъ обычнымъ благоразуміемъ и умѣренностью. Онъ воздержался отъ всякой пламенной агитаціи, даже защищалъ своего соперника сэра Джорджа Грея отъ несправедливыхъ нападокъ, а когда послѣдній, предчувствуя свое пораженіе, отказался отъ кандидатуры и его единственнымъ противникомъ остался консерваторъ, капитанъ Дунканъ, то онъ велъ себя относительно его такимъ безупречнымъ джентльментомъ, что капитанъ, разбитый на голову, первый поздравилъ Бурта съ побѣдой и послалъ ему свою фотографическую карточку съ надписью: «Въ память сраженія, которое я проигралъ, и дружбы, которую, надѣюсь, я пріобрѣлъ». Но если Буртъ былъ любезенъ съ своими соперниками, то онъ обнаружилъ смѣлость и откровенность относительно своихъ избирателей. Онъ прямо объявилъ имъ, что не имѣетъ ни малѣйшаго политическаго самолюбія и если поставилъ свою кандидатуру, то лишь въ виду ихъ общаго желанія, что онъ готовъ служить своимъ товарищамъ рабочимъ въ парламентѣ также, какъ

онъ служилъ въ союзѣ, но одинаково самостоятельно и независимо, и что, наконецъ, лучше готовъ отказаться отъ кандидатуры, чѣмъ перемѣнить свои убѣжденія. Его программа была общая либеральная и только отличалась отъ тогдашняго избирательнаго манифеста Гладстона нѣкоторыми радикальными требованіями, именно введенія общей подачи голосовъ, уничтоженія законовъ, допускающихъ неравноправность рабочихъ и хозяевъ, установленія обязательнаго дароваго элементарнаго обученія и назначенія платы депутатамъ, такъ какъ иначе всѣ классы народа не могутъ имѣть своихъ представителей въ палатѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прямо возставалъ противъ такъ называемаго государственнаго социализма и доказывалъ, что законодательство беспомощно для улучшенія быта рабочихъ; конечно, въ этомъ отношеніи онъ расходился со многими своими избирателями, также какъ въ своей рѣшимости добиться отъ парламента закона, дозволяющаго мѣстнымъ жителямъ запрещать открытіе кабаковъ, но это не мѣшало ему честно высказать свои мнѣнія. Нартумберландскіе рудокопы оказались на высотѣ своего призванія, какъ избиратели перваго депутата-работчаго, и за него подано было 3,332 голоса противъ 585. Такимъ образомъ Томасъ Буртъ явился въ англійскій парламентъ вполне независимымъ, самостоятельнымъ депутатомъ, хотя и получающимъ 500 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго содержанія, которое ему назначилъ рабочій союзъ, такъ какъ онъ сохранилъ свою должность секретаря и безъ этой денежной помощи не могъ принять на себя депутатскаго уполномочія. Не смотря на лестное привѣтствіе Дизраэлли, который встрѣтилъ вступленіе въ нижнюю палату Бурта и еще другаго депутата-работчаго Магдональда похвалой мудрости избирателей, «оказавшихъ предпочтеніе передъ пустыми обманщиками двумъ благороднымъ, прямодушнымъ людямъ, дѣлавшимъ честь своему классу среди членовъ палаты»,—положеніе простаго скромнаго углекопа, неожиданно попавшаго въ «первый изъ Лондонскихъ клубовъ», какъ принято называть палату депутатовъ, было аномальное и затруднительное. Самъ рабочій, не только безъ вышаго, но и безъ средняго образованія, и представитель избирателей рабочихъ, платившихъ ему за то, что онъ былъ ихъ депутатомъ, Буртъ нарушалъ всѣ старыя рутинныя понятія объ англійскомъ депутатѣ, который долженъ былъ принадлежать къ аристократіи, или высшей буржуазіи, отличаться университетскимъ воспитаніемъ и платить громадные деньги за свое избраніе. Поэтому на него сначала всѣ косились, ожидая съ затаенной злобой, что онъ какимъ нибудь неосторожнымъ шагомъ, или слишкомъ рѣзкими выраженіями, произведетъ скандалъ. Но прошло три года, и всѣ предрассудки относительно его стусhevались. Онъ заслужилъ общее уваженіе своими замѣчательными способностями и возвышеннымъ характеромъ; онъ оказался джентльменомъ въ полномъ смыслѣ

этого слова и однимъ изъ самыхъ достойныхъ, хотя самыхъ скромныхъ членовъ палаты. Многіе авторитетные голоса противоположныхъ политическихъ убѣжденій громко свидѣтельствовали, что не только онъ дѣлалъ честь парламенту, но было бы желательно, чтобъ побольше депутатовъ, даже самаго аристократическаго происхожденія и самаго утонченнаго образованія, походили на него. Искренній, твердый либераль, одинаково преданный интересамъ рабочаго класса и всего англійскаго народа, убѣдительный, дѣловой ораторъ, онъ мало-по-малу сдѣлался любимцемъ всѣхъ партій, благодаря своимъ умѣреннымъ, но твердымъ убѣжденіямъ, честному отношенію ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ, основательному изученію всѣхъ предметовъ, подлежащихъ обсужденію, простотѣ и скромности его обращенія, безграничной добротѣ, справедливости ко всѣмъ, даже противникамъ, и строгому исполненію своего общественнаго долга. Поэтому, когда въ 1877 году распространился слухъ, что онъ вынужденъ отказаться отъ своихъ парламентскихъ полномочій, такъ какъ рабочій союзъ въ виду уменьшенія заработной платы рудокоповъ не могъ уплачивать ему прежняго содержанія, отовсюду раздались выраженія искреннаго сожалѣнія, и краснорѣчивѣ всего высказалась консервативная газета «Standart», которая, заявивъ, что она вообще не сочувствуетъ депутатамъ-рабочимъ и политическимъ мнѣніямъ Бурта, признала, что потеря его, какъ одного изъ лучшихъ членовъ палаты общинъ, глубоко почитаемаго даже противниками за скромность, умъ, непристрастіе и личныя достоинства, будетъ очень чувствительна и не замѣнима; опроверженіе же этихъ слуховъ возбудило общее удовольствіе.

Томасъ Буртъ.

Но по самому своему существу положеніе Бурта въ парламентѣ было шаткое и зависѣло не только отъ избирателей, но и отъ тѣхъ товарищей-рудокоповъ, которые платили ему ежегодное содержаніе. При его самостоятельныхъ взглядахъ онъ часто расходился въ мнѣніяхъ съ нѣкоторыми изъ товарищей, въ особенности по двумъ кореннымъ вопросамъ: о представительствѣ рабочихъ въ парламентѣ и о правительственной регламентаціи труда. Въ первомъ отноше-

ніи онъ считалъ, что депутатъ-рабочій долженъ ничѣмъ не отличаться отъ всѣхъ другихъ депутатовъ и примкнуть къ той или другой политической партіи, а изолированное положеніе такого депутата, или образованіе особой рабочей партіи, нарушало въ его глазахъ настоящіе интересы какъ рабочихъ, такъ и всего народа, потому что нелѣпо и невозможно ограничивать дѣятельность депутатовъ-рабочихъ однимъ рабочимъ вопросомъ, возбраня имъ всякое участіе въ разрѣшеніи другихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ. «Нѣкоторые полагаютъ,—говорилъ онъ въ письмѣ, обращенномъ къ членамъ своего рабочаго союза,—что депутатъ-рабочій долженъ оставаться равнодушнымъ къ великимъ вопросамъ, волнующимъ парламентъ, подѣ тѣмъ предлогомъ, что они имѣютъ не социальный, а политическій характеръ, но такая точка зрѣнія унижательна и бессмысленна. Это значило бы сознаться, что рабочій не достоинъ пользоваться правами гражданина, что онъ нѣчто меньшее, чѣмъ человекъ, именно машина, исключительно предназначенная для добыванія средствъ къ обогащенію; это значило бы поставить рабочихъ внѣ предѣловъ человечества. Но результатъ парламентскихъ преній, которыя будто бы бесплодны, какъ только не касаются прямо рабочаго вопроса, могутъ имѣть громадное вліяніе на судьбу рабочихъ и даже на заработную плату, потому что всѣ различныя вѣтви народной дѣятельности тѣсно связаны между собой, и безумье — этого не признавать. Образованіемъ особой рабочей группы въ парламентъ не была бы уничтожена въ немъ политика, а просто создалась бы новая партія, что принесло бы очевидное зло, какъ всякое расчлененіе общаго организма. Наша цѣль должна состоять въ единеніи людей, а не въ ихъ раздѣленіи, въ уничтоженіи классовыхъ различій, а не въ ихъ усиленіи». Въ животрепещущемъ вопросѣ о регламентаціи труда Буртъ являлся принципиальнымъ противникомъ правительственнаго вмѣшательства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, полагая, что воспитаніе, ассоціаціи и кооперація лучше разрѣшаютъ рабочій вопросъ; впрочемъ, высказываясь противъ установленія законодательнымъ путемъ восьми-часоваго рабочаго дня, что можетъ быть достигнуто полнѣе и скорѣе дружными усиліями самихъ рабочихъ, онъ въ то же время отстаивалъ законодательныя мѣры на счетъ упорядоченія работы женщинъ и дѣтей, ответственности хозяевъ за несчастные случаи съ рабочими, гигиеническаго состоянія мастерскихъ, улучшенія жилищъ рабочихъ и тому подобныхъ вопросовъ. Прямое, честное отстаиваніе этихъ взглядовъ въ парламентѣ, въ своемъ рабочемъ союзѣ и на конгрессахъ рабочихъ союзовъ, на которыхъ онъ не разъ предсѣдательствовалъ, естественно приводило его въ столкновенія съ Нортумберландскими товарищами, отъ которыхъ онъ матеріально зависѣлъ. Иногда дѣло доходило до того, что или они ставили вопросъ о прекращеніи ему

содержанія, или онъ грозилъ подать въ отставку, но постоянно недоразумѣнія улаживались, такъ какъ рудокопы понимали, что имъ не найти лучшаго представителя, чѣмъ Буртъ, который, держась своей парламентской самостоятельности и дѣйствуя за одно съ либеральной партіей въ политическихъ вопросахъ, стойко защищалъ рабочіе интересы въ палатѣ, проводя полезныя для нихъ мѣропріятія и въ самомъ Нортумберландѣ, куда онъ являлся, при малѣйшей надобности, энергично содѣйствуя миролюбивому разрѣшенію распрей рабочихъ съ хозяевами. Впрочемъ онъ не ограничивалъ своей благотворной дѣятельности на пользу рабочихъ своей родиной, и недавно делегаты рабочихъ союзовъ Йоркскаго графства, собравшись въ Мидльсбургѣ, говорили ему: «Вы одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые, происходя изъ рабочаго класса, не отдѣлились отъ него, благодаря своему возвышенію; достигнувъ значительнаго общественнаго положенія, вы сохранили самыя близкія узы съ нами, и мы по справедливости гордимся тѣмъ, что вы, все-таки, одинъ изъ нашихъ». Сохраненіе этой связи съ товарищами рабочими онъ всегда считалъ необходимымъ условіемъ своего вліянія въ парламентѣ и, не смотря на всѣ затрудненія, обусловленныя его положеніемъ, какъ депутата, получающаго содержаніе отъ своихъ избирателей, онъ постоянно отказывался отъ неоднократныхъ предложеній правительственной должности съ хорошимъ жалованіемъ, что было очень соблазнительно для человѣка съ женой и восемью дѣтьми. Онъ дорожилъ болѣе всего на свѣтѣ скромнымъ содержаніемъ, получаемымъ отъ рудокоповъ, и которое, удерживая его въ рядахъ рабочихъ, позволяло ему быть настоящимъ представителемъ труда не только въ Англіи, но и на континентѣ, гдѣ онъ игралъ значительную роль, какъ англійскій делегатъ въ знаменитомъ Берлинскомъ конгрессѣ, созванномъ для обсужденія рабочаго вопроса Вильгельмомъ II въ 1891 году. Только при образованіи настоящаго министерства Гладстона и въ виду предложенія ему поста товарища министра торговли, Буртъ нашелъ невозможнымъ болѣе отказываться отъ правительственной должности; онъ принялъ это лестное для него предложеніе, конечно, не изъ самолюбія, а изъ чувства долга, такъ какъ министерство торговли совмѣщаетъ въ себѣ завѣдываніе всѣми заводами, фабриками, копиями и т. д., что даетъ ему возможность принести еще большую пользу своимъ товарищамъ рабочимъ, чѣмъ прежде въ качествѣ независимаго депутата. Онъ тѣмъ скорѣе рѣшился на этотъ шагъ, что министромъ торговли былъ назначенъ его другъ Мунделла, также начавшій жизнь простымъ рабочимъ, и, что, министерство Гладстона обѣщало странѣ длинный рядъ соціальныхъ реформъ, въ томъ числѣ и по рабочему вопросу, при обработкѣ которыхъ онъ могъ оказать большія услуги. Быть можетъ, имъ руководила при этомъ и мысль сдержать на сколько возможно вліяніе

на эти реформы несочувственнаго ему государственнаго социализма, который въ послѣднее время очень распространенъ въ Англии и приобретаетъ все большее и большее значеніе въ рабочихъ союзахъ, на общихъ конгрессахъ которыхъ Буртъ съ трудомъ успѣвалъ до сихъ поръ поддержать за рѣдкими исключеніями преобладаніе старой политики рабочихъ союзовъ, основанной на умѣренныхъ, миролюбивыхъ, кооперативныхъ стремленіяхъ, враждебныхъ всякому насилию и крайнимъ социалистическимъ взглядамъ.

Такимъ образомъ рабочій депутатъ сдѣлался рабочимъ товарищемъ министра, всетаки, не нарушая своей тѣсной связи съ рабочими, что доказывается лучше всего его участіемъ въ примирительномъ окончаніи недавней громадной стачки рабочихъ въ докахъ города Гуля и въ апрѣльскихъ засѣданіяхъ междунаrodnаго конгресса рудокоповъ въ Брюсселѣ, на которомъ онъ былъ делегатомъ Англии. Что касается до его министерской дѣятельности, то о ней еще нельзя сказать ничего положительнаго, такъ какъ она продолжается лишь нѣсколько мѣсяцевъ, но уже очевидно, что онъ взялся за дѣло самымъ энергичнымъ образомъ и былъ способнымъ дѣятельнымъ помощникомъ Мунделлы въ подготовленіи биллей о сокращеніи чрезмѣрной работы служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, объ отвѣтственности хозяевъ за несчастные случаи съ рабочими, о третейскомъ судѣ для разбирательства распрей между рабочими и хозяевами. Эти важныя мѣры уже разсматриваются парламентомъ и будутъ, конечно, приняты въ настоящей сессіи, а за ними послѣдуютъ другія, не менѣе благотворныя мѣропріятія, проекты которыхъ теперь составляютъ при живомъ содѣйствіи Бурта. Въ административномъ отношеніи его вступленіе въ министерство торговли ознаменовалось преобразованиемъ на новыхъ началахъ «Вѣдомства труда» (Labour Department) и изданіемъ «Рабочей газеты» (The Labour Gazette), которая, появляясь ежемѣсячно и стоя только одинъ пенсъ, сообщаетъ не только всѣ статистическія данныя о рабочемъ вопросѣ, но и необходимыя для рабочихъ свѣдѣнія о заработной платѣ, состояніи рабочаго рынка, о цѣнахъ на необходимыя для рабочихъ предметы и т. д. Первый номеръ этого въ высшей степени полезнаго изданія разошелся въ 20.000 экземплярахъ, и рѣшено разсылать его даромъ во всѣ рабочіе союзы, рабочіе клубы, бесплатныя народныя бібліотеки и т. д.

II.

Депутатъ-поселянинъ Джозефъ Арчъ имѣетъ много общаго съ депутатомъ-рудокопомъ Томасомъ Буртомъ. Онъ такой же скромный, серьезный, добросовѣстный, общественный дѣятель, также отличается умѣренными радикальными взглядами, одинаково при-

надлежить къ основателямъ рабочихъ союзовъ старой школы и, явившись въ парламентъ, занялъ мѣсто въ либеральной партіи. Хотя годами онъ старше Бурта (ему шестьдесятъ семь лѣтъ, а Бурту пятьдесятъ шесть), но онъ только въ 1872 году выступилъ на общественную арену, а представителемъ земледѣльческой Англійи въ парламентѣ состоитъ лишь съ прошлогоднихъ выборовъ. Это обстоятельство легко объясняется тѣмъ долгимъ, длиннымъ путемъ, который пришлось пройти простому поселянину отъ сохи до залы св. Стефана. Англійскіе земледѣльцы вѣками оставались въ самомъ грубомъ, первобытномъ положеніи всѣми забытыхъ, невѣжественныхъ, умирающихъ съ голода, наслѣдственныхъ илотовъ веселой Англійи; они были рабами фермеровъ, которые въ свою очередь состояли въ рабской зависимости отъ землевладѣльцевъ. Политическія и общественныя реформы настоящаго столѣтія проходили надъ ихъ головами, нимало не измѣняя ихъ несчастной доли, которая становилась все хуже и хуже. Неожиданно въ 1872 году англійскіе поселяне подняли голову и заявили себя равноправными гражданами; это знаменательное событіе произошло въ Лемингтонѣ, гдѣ основанъ первый земледѣльческій рабочій союзъ, и съ тѣхъ поръ хотя очень медленно и постепенно, какъ всѣ великія реформы въ Англійи, возрожденіе Годжа, какъ называется англичанами землѣделецъ-рабочій, пошло твердыми шагами впередъ. Основателемъ и главнымъ дѣятелемъ въ столь важномъ для будущности всей страны общественномъ движеніи былъ Джозефъ Арчъ. Онъ родился въ ноябрѣ 1826 года въ Барфордѣ, живописномъ селеніи близъ историческаго города Варвика, среди зеленыхъ луговъ и вѣковыхъ деревьевъ, составляющихъ красу Шекспировскаго Авона, на берегахъ котораго возвышаются величественныя замки богатыхъ аристократовъ. Въ поэтической обстановкѣ этой мѣстности, справедливо считающейся сердцемъ Англійи, жили дѣдъ и отецъ Арча; безмолвно, смиренно пахали они землю и рубили деревья, платили мѣстные налоги и тяжелымъ, неустаннымъ трудомъ едва обеспечивали себя отъ голодной смерти. Не смотря на все свое миролюбіе, послѣдній изъ нихъ отказался подписать свое имя подъ петиціей въ пользу сохраненія хлѣбныхъ законовъ, и съ тѣхъ поръ сильные міра стали смотрѣть на него, какъ на подозрительнаго человѣка. Пятьдесятъ лѣтъ работалъ онъ въ потѣ лица своего и тридцать лѣтъ исправно платилъ мѣстные налоги, но когда наконецъ силы ему измѣнили, и онъ занемогъ, то оказалось, что всю жизнь онъ отложилъ 4 шиллинга и 6 пенсовъ, а мѣстныя власти послѣ долгихъ хлопотъ жены и дѣтей выдавали ему впродолженіе двухъ мѣсяцевъ до его смерти по 18 пенсовъ и одному хлѣбу въ недѣлю. Несчастливая судьба старика Арча не имѣла исключительнаго характера, и его сынъ съ дѣтства привыкъ видѣть вокругъ себя подобныя примѣры. Отъ отца онъ могъ наслѣдовать

только стойкую преданность труду, а нравственнымъ своимъ развитіемъ онъ былъ обязанъ матери, которая отличалась необыкновенной въ ея средѣ культурой и, благодаря вліянію методистскихъ проповѣдниковъ, радикальными взглядами. Она умѣла читать и писать, а потому научила грамотѣ маленькаго Джозефа, когда ему не было еще шести лѣтъ. Потомъ два года онъ ходилъ въ сельскую школу, а восьми лѣтъ уже началъ самъ добывать себѣ кусокъ хлѣба, служа живымъ чучелой на поляхъ и получая за это по 4 пенса въ день. Когда онъ подросъ, то его допустили до отвѣтственной должности пахаря, и мало-по-малу онъ достигъ высшей заработной платы земледѣльческаго рабочаго, именно 11 шиллинговъ въ недѣлю. На двадцать второмъ году жизни онъ женился на дочери мастерового, которая также добывала себѣ кусокъ хлѣба трудомъ, но когда у нихъ явилось двое дѣтей, то, не имѣя чѣмъ содержать своей семьи, Арчъ отправился искать работы въ другихъ уголкахъ Англіи. Но грустнымъ опытомъ онъ убѣдился, что въ иныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Герфордширѣ, положеніе поселянъ было еще хуже, чѣмъ на его родинѣ, и работающій круглый день поселянинъ за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ имѣлъ одно и то же блюдо—корку черстваго хлѣба. Въ отчаяніи онъ вернулся въ Барфордъ и тамъ въ продолженіе двадцати лѣтъ мужественно боролся съ тяготившей его нуждой. Это, однако, не мѣшало ему въ свободныя минуты умственно развиваться чтеніемъ книгъ преимущественно религіознаго содержанія и даже сдѣлаться извѣстнымъ во всемъ околдкѣ методическимъ проповѣдникомъ.

5-е іюля 1872 года было знаменательнымъ днемъ для земледѣльческаго населенія Англіи. «Въ этотъ день, — рассказываетъ самъ Джозефъ Арчъ:—ко мнѣ въ Барфордъ пришли два работника съ одной изъ фермъ въ Велесбурнѣ: Генри Перксъ и Джонъ Девисъ. Я по счастью былъ дома, и они, войдя въ мое жилище, прямо заявили: «Мы пришли къ вамъ, чтобъ поговорить объ учрежденіи рабочаго союза между нами. Мы уже сходились и разсуждали объ этомъ, но необходимо, чтобъ кто нибудь научилъ насъ, какъ взяться за дѣло. Вотъ мы явились къ вамъ съ просьбой о помощи».—Но,—спросилъ я:—намѣрены ли вы дружно дѣйствовать и твердо стоять за предпринимаемое дѣло?—«Да»,—отвѣчали они въ одинъ голосъ.—Хорошо,—сказалъ я:—собирайте всѣхъ лучшихъ людей въ Велесбурнѣ, въ среду, въ семь часовъ вечера, и я приду къ вамъ, но помните, что васъ ожидаетъ тяжелая борьба, такъ какъ фермеры примутъ всѣ мѣры, чтобы помѣшать осуществленію вашего предпріятія.—«Ничего, только приходите,—отвѣчали мнѣ:—наше положеніе не можетъ сдѣлаться хуже теперешняго». Быстро распространилась повсюду вѣсть о земледѣльческой сходкѣ въ среду вечеромъ, и въ назначенное время собралось подъ большимъ каштановымъ деревомъ въ Велесбурнѣ около тысячи поселянъ. Арчъ

явился согласно своему обѣщанію и произнесъ рѣчь, въ которой изложилъ программу новаго рабочаго союза. Затѣмъ слѣдовали одинъ за другимъ многочисленныя митинги, и наконецъ былъ формально открытъ въ Лемингтонѣ «Національный союзъ земледѣльческихъ рабочихъ»; Арчъ былъ выбранъ секретаремъ, а въ помощь ему образованы распорядительный комитетъ изъ двѣнадцати поселянъ и совѣщательный совѣтъ изъ выдающихся друзей рабочихъ: профессора Бизли, литератора Дженкинса, автора «Джинксова младенца», депутата Колинкса и т. д. Не смотря на то, что заявленные новымъ союзомъ требованія были очень умеренныя, онъ встрѣтилъ горячій отпоръ землевладѣльцевъ, фермеровъ и пасторовъ, которые не совѣстились даже притягивать къ суду своихъ возмущившихся рабовъ, но мало-по-малу дѣло росло и утверждалось, благодаря въ особенности счастливому окончанію Фарингдонскаго процесса, на которомъ знаменитый англійскій криминалистъ Джемсъ Фицджермъ Стивенъ защищалъ союзъ, и судъ призналъ за поселянами право на созванье митинговъ. Прошло восемь лѣтъ, и союзъ уже считалъ въ своихъ рядахъ 25.000 человекъ съ платой по 2¼ пенса въ недѣлю; заработная плата увеличилась въ Варвикширѣ на 15% и 20%, именно дошла до 15 шиллинговъ въ недѣлю и, благодаря помощи союза, около 700.000 поселянъ эмигрировало изъ деревень въ города и за море. Душой всего дѣла былъ Арчъ, и его энергичная дѣятельность приняла самыя широкіе размѣры; онъ не только неутомимо работалъ съ цѣлью расширенія союза на своей родинѣ, но избѣдилъ всѣ главные земледѣльческіе округа Англій, распространяя всюду начатое имъ движеніе, и посѣтилъ Канаду, а также Американскіе Соединенные Штаты, для принятія дѣйствительныхъ мѣръ къ обезпеченію судьбы эмигрантовъ. Въ настоящее время онъ состоитъ попрежнему секретаремъ союза, имѣющаго до 7.600 фунтовъ стерлинговъ запаснаго капитала и 7.400 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода, а его появленіе на политической аренѣ не мѣшаетъ ему продолжать свою благотворную дѣятельность на пользу товарищей поселянъ. Относительно рабочихъ союзовъ Арчъ придерживается старой миролюбивой политики ихъ основателей и вмѣстѣ съ Буртомъ всегда проповѣдуетъ, что рабочіе могутъ рассчитывать на признаніе своихъ правъ путемъ мирной, законной дѣятельности, а не угрозами и насиліемъ, которыя только могутъ окончательно погубить ихъ дѣло.

Вмѣстѣ съ развитіемъ земледѣльческаго союза развивался умственно и политически его основатель; вступивъ въ близкія отношенія съ выдающимися членами либеральной партіи, преимущественно радикалами, Джозефъ Арчъ принималъ въ послѣдніе годы энергичное участіе въ непарламентской дѣятельности сторонниковъ Гладстона въ пользу ирландскаго самоуправленія и другихъ реформъ великаго старика. Поэтому никто не удивился, когда въ

новомъ парламентѣ, избранномъ для осуществленія Гладстоновской политики, появился этотъ первый, настоящій депутатъ-поселянинъ. Конечно, его дѣвственная рѣчь была произнесена по поводу перваго чтенія новаго билля о приходскихъ совѣтахъ, который подъ скромной, законной формой совершить радикальную революцію въ земледѣльческой Англїи и положить конецъ преобладанію землевладѣльцевъ и пасторовъ въ деревняхъ, твердо установивъ тамъ полное самоуправленіе. На столько уже созрѣла эта необходимая реформа, и земледѣльческій классъ приобрѣлъ такое вліяніе на выборы депутатовъ, что не только либералы, но и консерваторы съ одинаковымъ сочувствіемъ относятся къ важной мѣрѣ, которая, доставивъ поселянамъ политическія и общественныя права, обезпечить имъ не только матеріальное, но нравственное и умственное развитіе. Занимая наравнѣ съ землевладѣльцами, фермерами и пасторами мѣста въ новыхъ совѣтахъ, которые будутъ существовать въ каждомъ приходѣ и округѣ, поселяне получаютъ возможность завѣдовать общественнымъ хозяйствомъ, школами, народными бібліотеками и мѣрами для помощи бѣднымъ, а также для содѣйствія немущимъ къ пріобрѣтенію участковъ земли, слѣдовательно сдѣлаются равноправными гражданами, и Англїя наконецъ освободится отъ вѣками тяготѣвшихъ надъ нею остатковъ феодальнаго рабства. Поддерживая въ палатѣ и внѣ ея этотъ билль и вообще интересы земледѣльцевъ, Джозефъ Арчъ является такимъ же пламеннымъ защитникомъ другихъ реформъ Гладстона. Такъ, надняхъ онъ находился въ числѣ наиболѣе популярныхъ ораторовъ на громадномъ народномъ митингѣ въ лондонскомъ Гайдъ-Паркѣ въ пользу принятія билля объ ирландскомъ самоуправленіи и на банкетѣ ирландской національной лиги въ Великобританіи.

III.

Совершенно иного закала, чѣмъ умѣренные радикалы Буртъ и Арчъ, другіе два вожака рабочей партіи: крайній радикалъ Джонъ Борнсъ и социалистъ Керъ Гарди. Въ сущности, по справедливому замѣчанію Бурта, въ каждомъ депутатѣ-рабочемъ совмѣщаются три направленія: умѣренный радикализмъ, крайній радикализмъ и социализмъ, смотря по тому политическому и социальному вопросу, о которомъ идетъ въ данную минуту дѣло, и если можно каждому изъ нихъ придать опредѣленный эпитетъ, то лишь въ виду преобладанія въ немъ той или другой точки зрѣнія. На этомъ основаніи, Джонъ Борнсъ, умѣренный радикалъ съ Буртомъ въ поддержкѣ Гладстоновскихъ реформъ и въ признаніи необходимости вступленія депутатовъ-рабочихъ въ ряды либеральной партіи, а социалистъ съ Керъ Гарди во всѣхъ

соціальныхъ вопросахъ, начиная съ восьмичасоваго рабочаго дня, по общей сложности его политическихъ убѣжденій долженъ быть признанъ крайнимъ радикаломъ, а не социалистомъ, такъ какъ изъ практическихъ соображеній онъ останавливается передъ утопіями социализма. Вообще Борнсъ считается всѣми англійскими партіями

Борнсъ за письменнымъ столомъ.

за самаго выдающагося представителя новаго молодого поколѣнія политическихъ дѣятелей, за чловѣка будущаго. Многие просто считаютъ его гениемъ, а нѣкоторые консерваторы ядовито называютъ его первымъ президентомъ англійской республики, но всѣ согласны въ томъ, что это восходящая политическая звѣзда. Дѣйствительно

въ настоящее время этотъ тридцатипяти-лѣтній рабочій, обожаемый предводитель народныхъ массъ, пламенный ораторъ на публичныхъ сходкахъ, руководитель громадныхъ стачекъ, энергичный дѣятель въ муниципальномъ лондонскомъ совѣтѣ, представитель въ парламентѣ одного изъ лондонскихъ кварталовъ Батерси, въ которомъ онъ родился, и талантливый авторъ многихъ журнальныхъ статей по социальнымъ вопросамъ, составляетъ одну изъ самыхъ любопытныхъ и блестящихъ фигуръ современной Англїи. Маленькаго роста, коренастый, съ загорѣлымъ лицомъ, рѣзкими, выразительными чертами, дышащими жизнерадостной силой, съ густыми черными волосами и бородой, въ которыхъ уже показывается сѣдина, не смотря на его молодость, большими, глубокими, сверкающими огнемъ глазами и нависшими, громадными бровями, новый англійскій трибунъ шотландскаго происхожденія, и его горячіе сторонники приписываютъ ему родственную связь съ знаменитымъ поэтомъ-поселяниномъ Робертомъ Борнсомъ, хотя онъ самъ это отвергаетъ. Такъ какъ его родители были простые лондонскіе рабочіе, и онъ не получилъ никакого воспитанія, то лишь этой шотландской кровью можно объяснить его живую, воспримчивую и на все отзывчивую натуру. «Онъ вездѣ и во всякой средѣ ведетъ себя, какъ дома, — рассказываетъ авторъ любопытной о немъ статьи Реймондъ Блатвейтъ: — я встрѣчалъ его во дворцѣ англоримскаго кардинала Маннинга и въ студіяхъ молодыхъ лондонскихъ художниковъ; съ первымъ онъ говорилъ, какъ съ равнымъ себѣ, спорилъ съ нимъ, слушалъ его совѣты и самъ сообщалъ ему практическія свѣдѣнія, а послѣднимъ онъ съ пламеннымъ энтузіазмомъ рассказывалъ о великихъ сокровищахъ европейскихъ художественныхъ галлерей. Я видалъ его на имперіалѣ дилижанса въ дружескомъ разговорѣ съ возницей и въ лондонскомъ муниципальномъ совѣтѣ, гдѣ онъ всѣхъ убѣждаетъ своимъ яснымъ, логичнымъ краснорѣчіемъ. Я слѣдилъ за его ловкой, искусной игрой въ крикетъ и лонъ-тенисъ, слушалъ съ удовольствіемъ его пѣніе комическихъ куплетовъ и смотрѣлъ съ удивленіемъ на талантливое исполненіе имъ роли верховнаго палача въ опереткѣ «Микадо» на любительскомъ спектаклѣ въ пользу товарищей рабочихъ. И во всѣхъ этихъ разнообразныхъ проявленіяхъ своей личности, онъ невольно очаровываетъ всякаго, даже не сочувствующаго его политическимъ мнѣніямъ, какъ, напримѣръ, меня, старомоднаго консерватора, который, однако, не можетъ не признать его блестящихъ способностей и того факта, что онъ рожденъ для роли руководителя людей».

Жизнь Джона Борнса представляетъ безконечную, упорную борьбу прежде съ обычной горькой долей бѣдняка, а потомъ съ враждебными матеріальному и умственному развитію рабочаго класса элементами; сначала онъ боролся за свое собственное суще-

ствованіе, какъ герой самопомощи, а впоследствии за права и интересы народныхъ массъ, какъ трибунъ. Онъ родился въ ноябрѣ 1858 года въ Баттерси, взросъ, по его собственнымъ словамъ, какъ спартанскій солдатъ и ходилъ ребенкомъ въ мѣстную школу, но съ десяти лѣтъ онъ началъ добывать себѣ кусокъ хлѣба, былъ грумомъ у одного джентльмена въ Гампстэдѣ и мальчикомъ въ сосѣдней тавернѣ, а съ годами поступилъ рабочимъ на механической заводъ, гдѣ впервые познакомился съ социалистическими теоріями, благодаря дружбѣ съ однимъ французскимъ работникомъ, бѣжавшимъ изъ Парижа. Въ свободные часы онъ жадно читалъ всѣ книги, какія могъ только достать, и шестнадцати лѣтъ напечаталъ въ газетахъ свою первую статью о рабочемъ вопросѣ. Мало-по-малу онъ сталъ принимать участіе въ общественныхъ сходкахъ и приносить на нихъ рѣчи, но это не понравилось его хозяевамъ и полиціи; первые отказали ему отъ работы, а послѣдняя привлекла его къ отвѣтственности, но онъ былъ по суду оправданъ. Оставшись безъ всякаго дѣла, онъ отправился въ качествѣ механика на западный берегъ Африки, и тамъ работалъ два года подъ палящимъ тропическимъ солнцемъ. Замѣчательно, что на песчаномъ берегу Нигера онъ нашель старый, полинявшій экземпляръ знаменитаго сочиненія Адама Смита «Богатство націй», и чтеніе этой книги было новымъ для него откровеніемъ. Онъ самъ говоритъ, что Адамъ Смитъ и его однофамилецъ поэтъ Робертъ Борнсъ, сказавшій, между прочимъ, что: «Нѣтъ грустнѣе зрѣлища на свѣтѣ, какъ честнаго человѣка, желающаго трудиться и не находящаго труда», возбудили въ немъ рѣшимость посвятить свою жизнь на пользу товарищей рабочихъ. Но прежде, чѣмъ онъ вернулся въ Англію и выступилъ на политическую арену народнымъ трибуномъ, онъ на отложенныя деньги во время своей африканской экспедиціи путешествовалъ полгода по Европѣ, изучая ея художественныя сокровища, что, по его мнѣнію, необходимо для всякаго, въ особенности для самоучки. Очувшись снова въ Лондонѣ, онъ продолжалъ работать, какъ механикъ на заводахъ, а иногда былъ вынужденъ не брезгать поденной работой при ломкѣ старыхъ домовъ, но въ то же время онъ занялъ выдающееся мѣсто въ рабочемъ союзѣ соединенныхъ механиковъ и сдѣлался любимымъ ораторомъ на публичныхъ митингахъ. На общихъ парламентскихъ выборахъ въ 1885 году онъ выступилъ социалистическимъ кандидатомъ въ Ноттингамъ, но потерпѣлъ поражение. Въ слѣдующіе два года онъ игралъ главную роль въ движеніи лондонскихъ рабочихъ, оставшихся безъ работы, и за участіе въ мужественномъ отстаиваніи права лондонскихъ гражданъ собирать митинги на Трафальгарской площади былъ снова преданъ суду, который на этотъ разъ приговорилъ его къ шестинедѣльному тюремному заключенію. Но это нисколько не уменьшило его энергіи, и онъ руководилъ

колоссальной стачкой рабочихъ въ лондонскихъ докахъ въ 1890 году, которая миролюбиво окончилась, благодаря усиліямъ какъ его, такъ и кардинала Манинга. Съ тѣхъ поръ онъ занимаетъ первое мѣсто среди руководителей народныхъ массъ и является создателемъ новой системы рабочихъ союзовъ. Въ этомъ отношеніи онъ ярый противникъ Бурта и на послѣднихъ конгрессахъ рабочихъ союзовъ старался придать новый соціалистическій характеръ этимъ учрежденіямъ, которыя, всетаки, еще сохраняютъ свой прежній строй, основанный на индивидуализмѣ и коопераціи. Впрочемъ, относительно установленія законодательной властью восьмичасоваго рабочаго дня, онъ одержалъ верхъ, и этотъ принципъ уже вошелъ въ основу только что принятыхъ парламентомъ биллей о регламентаціи работы служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ и рудокоповъ. Въ особенности онъ настаиваетъ на необходимости этой реформы потому, что считаетъ ее лучшимъ средствомъ для обезпеченія работы для тѣхъ, которые ея не имѣютъ, а, начавъ свою агитаторскую дѣятельность съ движенія въ пользу рабочихъ, не имѣющихъ работы, онъ до сихъ поръ считаетъ себя апостоломъ этого движенія. Въ недавно напечатанной имъ блестящей статьѣ въ «Nineteenth Century» по этому вопросу онъ прямо говоритъ, что найти работу для неимѣющихъ ея составляетъ основную цѣль всей его жизни, съ той минуты, какъ одинъ изъ участниковъ вмѣстѣ съ нимъ въ трафальгарскихъ беспорядкахъ шепнулъ ему во время ихъ общей работы въ пентонвильской тюрьмѣ: «Стой всегда за рабочихъ, не имѣющихъ работы, Джонъ; вся наша надежда сосредоточена на работѣ». Но не надо предполагать, чтобъ новый народный трибунъ видѣлъ спасеніе для рабочихъ въ крайнихъ соціалистическихъ мѣрахъ, напротивъ, онъ, какъ всякій англійскій реформаторъ, чрезвычайно практиченъ и предлагаетъ только, кромѣ установленія восьмичасоваго рабочаго дня, введеніе муниципальныхъ работъ и учрежденіе мѣстныхъ вѣдомствъ для оказанія помощи рабочимъ, не имѣющимъ работы.

Избранный своимъ кварталомъ Батерси въ члены сначала лондонскаго муниципальнаго совѣта, а потомъ нижней палаты, Джонъ Борнсъ оказался на высотѣ своего призванія. Онъ такъ быстро обнаружилъ въ муниципальномъ совѣтѣ замѣчательную способность къ полезной практической дѣятельности, что только его скромность помѣшала избранію его въ вице-предсѣдателя, а его статьи о нуждахъ и потребностяхъ лондонскаго самоуправления обращаютъ на себя общее вниманіе. Въ парламентѣ онъ находится еще очень недавно, но уже успѣлъ проявить себя краснорѣчивымъ ораторомъ, преимущественно по поводу недавней стачки въ Гулѣ, примирительному окончанію которой онъ немало содѣйствовалъ. Относительно своей парламентской программы онъ надняхъ сказалъ газетному репортеру: «Моя работа въ парламентѣ будетъ та же,

что въ лондонскомъ совѣтѣ, только на бѣльшей ногѣ; я стою за всеобщую децентрализацію, за управленіе страной мѣстными совѣтами, за самоуправленіе вездѣ и всюду, за уничтоженіе правительственной бюрократіи во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ. Я имѣю въ виду полнѣйшую демократизацію Англій при развитіи національнаго образованія, которое до сихъ поръ было монополіей высшихъ классовъ. Въ прошедшемъ аристократія создала военное и государственное величіе Англій; виги и либералы создали ея коммерческое могущество, но ни то, ни другое не синонимъ съ счастьемъ народа. Прошедшее величіе страны только увеличивало богатство и привилегіи немногихъ, но умножало бремя, тягѣющее на многихъ. Въ будущемъ предстоитъ заботиться о счастьѣ

Борись за работой.

всего народа». Хотя теоретически онъ сочувствуетъ республиканской формѣ правленія, но практически онъ готовъ примириться съ существующей на его родинѣ системой, если только она будетъ содѣйствовать общему благу наибольшаго числа. Что касается до его личныхъ стремленій, то они очень скромны. «Я не имѣю ни малѣйшаго желанія достигнуть оффиціальной власти,—сказалъ онъ въ разговорѣ съ Блатвейтомъ:— мы, рабочіе, должны довольствоваться тѣмъ, что будемъ руководить на общую пользу административными способностями высшихъ и среднихъ классовъ. Для людей, подобныхъ мнѣ, болѣе всего подходитъ старинная роль синдика, или эдила. Точно также меня нисколько не соблазняютъ деньги, и въ послѣднее время я возвратилъ болѣе 5.000 фунтовъ стерлинговъ, которые мнѣ присылали съ разныхъ сторонъ для неблаговидныхъ

цѣлей. Одна страховая компанія предложила мнѣ мѣсто съ крупнымъ жалованьемъ, только чтобъ воспользоваться популярностью моего имени для привлеченія рабочихъ страховать свою жизнь въ этой компаніи. Нѣтъ, мнѣ ничего не надо, и я горжусь болѣе титуломъ генеральнаго адвоката бѣдныхъ, которымъ меня удостоили рабочіе, чѣмъ постомъ перваго министра». Дѣйствительно «честный Джонъ», какъ называютъ его весь рабочій Лондонъ, пользуется общимъ довѣріемъ товарищей, и Блатвейтъ рассказываетъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ имъ въ скромномъ жилищѣ народнаго трибуна въ Батерси, гдѣ онъ живетъ съ своей красивой молодой женой, дочерью корабельнаго строителя, Джона Гэля, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ одна старуха принесла Джону всѣ свои сбереженія, именно 86 фунтовъ стерлинговъ, съ просьбой сдѣлать съ ними, что ему угодно на общую пользу, какъ извѣстный богачъ Пасморъ Едуардъ прислалъ ему чекъ въ 13.000 фунтовъ стерлинговъ на устройство зимняго сада для рабочихъ въ Батерси, и какъ быстро смѣнялись длинные ряды работниковъ и работницъ, приходившихъ за всевозможными совѣтами къ своему генеральному адвокату, который въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, уставленномъ полками съ его любимыми книгами по социальнымъ вопросамъ, терпѣливо разспрашивалъ всѣхъ и сочувственно, основательно совѣтовалъ, какъ лучше поступить въ томъ или другомъ случаѣ.

IV.

Керъ Гарди представляетъ въ парламентѣ не только вестгамскій избирательный округъ, но и англійскій социализмъ; его маленькая фигурка съ остроконечной головой, густыми русыми волосами и бородой, блѣднымъ лицомъ, блестящими пронизательными глазами, громкимъ внятнымъ голосомъ, въ обычной одеждѣ англійскихъ рабочихъ и въ желтой фуражкѣ, нѣчто новое и оригинальное въ залѣ св. Стефана. По происхожденію простой рабочій, годами еще молодой (ему 37 лѣтъ) и безъ всякаго воспитанія, кромѣ саморазвитія чтеніемъ книгъ, онъ всегда отличался силой воли и упорствомъ въ трудѣ; такъ, рассказываютъ, что, будучи рудокопомъ, онъ научился стенографіи подъ землею, покрывая копотью отъ своего фонаря бѣлыя каменные стѣны шахты и выводя по нимъ остроконечной палкой стенографическіе знаки. Вмѣстѣ съ Джономъ Борнсомъ и еще не попавшимъ въ депутаты вожакомъ рабочихъ, алдерманомъ лондонскаго муниципальнаго совѣта, Бэномъ Тиллетомъ, онъ былъ дѣятельнымъ руководителемъ движенія въ пользу придавія рабочимъ союзамъ социалистическаго характера и продолжаетъ трудиться въ этомъ направленіи. Въ нижней палатѣ онъ вдвоемъ съ другимъ депутатомъ-рабочимъ Гавелокомъ Вильсономъ

пламенно отстаиваетъ независимость рабочей партіи, доказывая, что членамъ этой партіи слѣдуетъ держаться въ сторонѣ отъ либераловъ и консерваторовъ, такъ какъ имъ нѣтъ дѣла до политики, а ихъ единственный интересъ польза рабочаго класса. Подобную точку зрѣнія, очевидно, заимствованную у Парнелля, который, держась такой политики, придавъ громадное значеніе въ парламентѣ небольшой группѣ ирландскихъ депутатовъ, Гарди примѣняетъ и къ выборамъ, совѣтуя рабочимъ подавать голоса за торіевъ, если либеральные кандидаты не согласны поддерживать всѣхъ требований рабочей программы. Его программа хотя и основана на той социалистической теоріи, которая извѣстна подъ названіемъ коллективизма, но, строго говоря, его нельзя назвать коллективистомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, потому что въ практическомъ осуществленіи рабочихъ реформъ онъ является настоящимъ посибилизмомъ и, откладывая въ сторону основной вопросъ о націонализациі рудниковъ и копей, выставляетъ впередъ вопросъ о пріисканіи для труда рабочихъ, не имѣющихъ работы. Въ этомъ отношеніи онъ безсознательно слѣдуетъ по пути всѣхъ англійскихъ реформаторовъ и предпочитаетъ практическую пользу абсолютной вѣрности теоретическимъ идеаламъ. По его

Керъ Гарди.

словамъ, въ Англіи находится до восьми милліоновъ рабочихъ безъ работы, и пока ихъ судьба не будетъ улучшена, не возможно и думать о коренномъ преобразованіи положенія англійскихъ рабочихъ. Къ тому же лучшее разрѣшеніе этого животрепещущаго вопроса онъ видитъ въ образованіи большихъ колоній рабочихъ на англійской почвѣ, причемъ могли бы быть съ успѣхомъ примѣнены на практикѣ коллективистскіе принципы. Его нисколько не пугаетъ мысль, что этотъ проектъ имѣетъ сходство съ планомъ, который приводитъ въ исполненіе съ прошедшаго года предводитель арміи спасенія, знаменитый генералъ Бутъ, и онъ указываетъ, что подобныя попытки нанести ударъ современной организаціи собственности уже имѣли значительный успѣхъ въ Ньюкастлѣ въ Англіи, въ помѣстьѣ мистера Крега въ Ирландіи, въ Онеидской колоніи въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ колоніи вищихъ, основанной Ванъ-денъ-Бошемъ въ Голландіи.

Что касается до парламентской дѣятельности Керъ Гарди, то онъ, строго придерживаясь своей системы рабочей партіи, принимаетъ участіе только въ преніяхъ по тѣмъ предметамъ, которые интересуютъ рабочихъ, и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ выдвигаетъ впередъ рабочей вопросъ. Такъ въ прошедшемъ году при созваніи новаго парламента и въ самый разгаръ министерскаго кризиса, окончившагося образованіемъ кабинета Гладстона, онъ предложилъ созвать особую осеннюю сессію для обсужденія положенія рабочаго класса, и въ нынѣшнемъ году, какъ только собрался парламентъ, онъ по случаю преній объ адресѣ на королевскую рѣчь предложилъ поправку, враждебную Гладстону и поддержанную торіями, насчетъ неодобренія парламентомъ того, что правительство не обращаетъ должнаго вниманія на печальное положеніе рабочихъ.

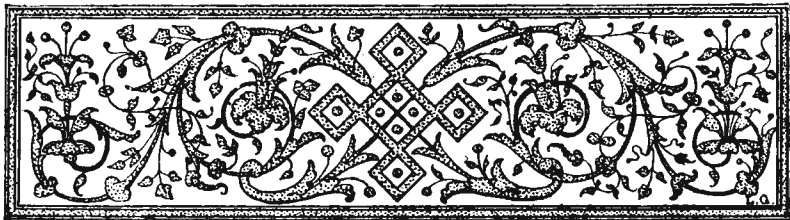
Кромѣ четырехъ вожakovъ рабочей партіи въ англійскомъ парламентѣ, характеристику которыхъ мы набросали, остальные ея члены еще не проявили себѣ ничѣмъ особеннымъ, и можно только сказать, что товарищъ Керъ Гарди, социалистъ Гавелокъ Вильсонъ, секретарь рабочаго союза кочегаровъ, принималъ горячее участіе въ Гульской стачкѣ и въ парламентскихъ преніяхъ по этому вопросу, а Фенвикъ, Джонъ Вильсонъ и Абрагамъ—приверженцы старой системы рабочихъ союзовъ, слѣдовательно противники государственнаго социализма, тогда какъ Вудъ и Пикардъ—горячіе сторонники новыхъ идей, въ особенности восьмичасоваго рабочаго дня. Что же касается до общаго характера и значенія рабочей партіи въ англійскомъ парламентѣ, то недавно лучший авторитетъ въ этомъ вопросѣ, Гладстонъ, отозвался о депутатахъ-рабочихъ въ самыхъ лестныхъ и сочувственныхъ выраженіяхъ. Открывая 22-го мая въ Гаварденѣ новое зданіе института для умственнаго и физическаго развитія рабочаго класса, великій старикъ въ краснорѣчивой рѣчи распространился о взаимной пользѣ общенія всѣхъ классовъ и, между прочимъ, сказалъ: «Не правда, чтобъ Господь отдѣлилъ людей, приобретающихъ ручнымъ трудомъ кусокъ хлѣба, отъ другихъ членовъ общества широкой, непроходимой бездной. Мы много пострадали отъ того, что слишкомъ долго оставляли ихъ внѣ предѣловъ того круга, въ которомъ мы возвращаемся. Я лично испыталъ это на себѣ, какъ общественный дѣятель, потому что только за послѣднія двадцать лѣтъ мы видимъ,—и я вполне этому радуюсь,—постоянно увеличивающееся появленіе въ парламентѣ рабочихъ. Но они не только стали проникать въ палату, а имъ начали поручать важные правительственные посты и судебныя должности; это движеніе возникло еще недавно, но я не сомнѣваюсь, что оно будетъ быстро развиваться во всѣхъ частяхъ страны. Конечно, я болѣе и ближе всего могъ слѣдить за дѣятельностью рабочихъ въ парламентѣ и долженъ засвидѣтельствовать, что невозможно себѣ представить болѣе удовлетворительнаго положенія, чѣмъ то, кото-

рое рабочіе, проникнувъ въ парламентъ, заняли относительно богатѣйшихъ, образованнѣйшихъ, извѣстнѣйшихъ и наиболѣе аристократическихъ его членовъ. Ихъ встрѣтили не только съ сочувствіемъ, но съ энтузіазмомъ, а обнаруженная ими замѣчательная способность къ принятію участія въ парламентскихъ преніяхъ и къ оказанію благотворнаго содѣйствія для достиженія важныхъ результатовъ превзошла всѣ ожиданія. Нѣтъ болѣе вѣрнаго мѣрила способностей и характера рабочаго класса, какъ избранные его представители; еслибъ этотъ классъ не отличался трезвымъ разумомъ, то онъ обратилъ бы свой выборъ на недостойныхъ льстецовъ и людей, которые заискивали бы его довѣрія грубой лестью и пустыми обѣщаніями, не заботясь о томъ, возможно ли ихъ осуществленіе. Но не было ни одного подобнаго примѣра, и рабочіе исключительно выбираютъ своими представителями людей, отличающихся высокимъ разумомъ, полной благонадежностью и безупречною нравственностію».

Слова Гладстона, что рабочіе не только стали проникать въ парламентъ, но и занимать другія общественныя должности въ палатѣ, подтверждаются отчетомъ секретаря недавно собиравшагося въ Ноттингамѣ конгресса, по инициативѣ ассоціаціи для выбора рабочихъ представителей, и согласно этимъ цифровымъ даннымъ въ настоящее время подобныхъ рабочихъ общественныхъ дѣятелей 1.200, въ томъ числѣ: 1 товарищъ министра, 12 депутатовъ, 60 мировыхъ судей, 40 членовъ муниципальных совѣтовъ и 200 членовъ совѣтовъ о помощи бѣднымъ. Все вниманіе конгресса обращено было, какъ видно изъ его резолюцій, на принятіе энергичныхъ мѣръ къ расширенію этой новой разносторонней общественной дѣятельности рабочихъ, въ особенности къ увеличенію числа депутатовъ-рабочихъ, такъ какъ, по словамъ Борнса, «время стачекъ прошло, стачки—опасное, дорогое и невѣрное орудіе борьбы съ тѣхъ поръ, какъ стали образовываться синдикаты капиталистовъ, а теперъ надо идти въ парламентъ и тамъ добиваться обезпеченія счастливой доли не только двухъ милліоновъ рабочихъ, состоящихъ членами союзовъ, но и восьми милліоновъ человѣкъ, не принадлежащихъ къ союзамъ».

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Е. Еленевъ. Ученіе о Финляндскомъ государствѣ. Спб. 1893.

ИЗВАННОЕ СОЧИНЕНІЕ—полемическаго характера, чѣмъ и объясняется тотъ страстный тонъ, какой ему присущъ и какого желательно было бы избѣгать въ подобныхъ работахъ. Г. Еленевъ подробно анализируетъ такъ называемое ученіе о Финляндскомъ государствѣ, связанномъ съ Россіей только реальной уніей, разработанное въ трудахъ финляндскихъ ученыхъ (гг. Даниельсона, Германсона, Мехелина и др.). Нужно отдать справедливость г. Еленеву: аргументація его, направленная къ доказательству ложности подобнаго ученія, въ высшей степени убѣдительна, такъ какъ построена исключительно на анализѣ содержанія юридическихъ памятниковъ, опредѣляющихъ государственное правовое положеніе Финляндіи, начиная съ 1808 года. Всякій безпристрастный читатель, слѣдя за доводами г. Еленева, долженъ будетъ согласиться, что мнѣніе финляндскихъ ученыхъ объ отдѣльномъ государственномъ бытіи Финляндіи ни на чемъ не основано и не выдерживаетъ серьезной критики, опирающейся на историческіе и юридическіе факты.

Однимъ изъ главныхъ доводовъ финляндскихъ ученыхъ въ пользу независимости Финляндіи отъ Россіи служитъ фактъ якобы заключенія договора между Александромъ I и представителями финляндскаго народа, «добровольно вступившаго въ подданство русскаго императора» на Боргоскомъ сеймѣ 1809 года. Г. Еленевъ, приводя всѣ историческія свидѣтельства той эпохи, а также законодательные памятники, изданные Александромъ I въ 1808 и 1809 гг., вполне основательно доказываетъ, что никакого договора въ Борго никогда не было заключено и ни о какомъ добровольномъ

подчиненіи финляндцевъ Россіи не могло быть и рѣчи. Напротивъ, Финляндія была завоевана русскимъ оружіемъ, а на сеймѣ въ Борго финляндскія сословія были созваны только для того, чтобы «узнать желанія и мысли народа насчетъ истинныхъ его интересовъ» (подлинныя слова государя изъ его рѣчи, произнесенной на сеймѣ). И, дѣйствительно, сословія ходатайствовали предъ государемъ о своихъ нуждахъ, которыя онъ обѣщалъ «принять въ соображеніе» при устройствѣ управленія краемъ, «навсегда присоединеннымъ въ собственность и державное обладаніе имперіи Россійской», какъ гласила ст. 4. Фридрихсгамскаго мирнаго договора 1809 г., по которому Швеція уступила финляндскія «губерніи» Россіи. Правда, на Боргоскомъ сеймѣ императоръ Александръ обѣщалъ (подобное обѣщаніе было дано и раньше манифестами 5-го іюня 1808 г. и 15-го марта 1809 г.) сохраненіе религіи, коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ финляндцевъ, но это являлось одностороннимъ актомъ, имѣвшимъ мѣсто, «по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго соизволенія» государя (ст. 6 Фридрихсгамскаго трактата). Резюмируя сказанное, г. Еленевъ, конечно, правъ, говоря, что «какъ въ приведенныхъ документахъ, такъ и во всѣхъ другихъ рѣчахъ и актахъ того времени не было ни слова о какихъ либо обязательствахъ русскаго правительства или соглашенія двухъ сторонъ, какъ равной съ русною, а вездѣ говорилось лишь о милости, добровольно даруемой самодержавнымъ монархомъ завоеванному народу, о желаніи его знать, при посредствѣ сейма, нужды страны и принять ихъ въ соображеніе при начертаніи для нея законовъ» (стр. 7). Впрочемъ, даже одинъ изъ финляндскихъ ученыхъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Русской Старинѣ» (№ 1, 1883 г.), вынужденъ былъ признать, что «договоръ» между Александромъ I и финляндскими сословіями «не представляетъ собою юридически формулированнаго трактата между двумя самостоятельными государствами», но имѣетъ только нравственно обязательную силу (спрашивается, какой же въ такомъ случаѣ это договоръ?).

Затѣмъ финляндскіе публицисты доказываютъ, что уже съ 1808 и 1809 гг. Финляндія являлась конституціоннымъ государствомъ (а не съ изданія сеймоваго устава 1869 г.), такъ какъ Александръ I якобы утвердилъ шведскіе основныя законы, дѣйствовавшіе въ Финляндіи, а именно: форму правленія 1772 г. и актъ соединенія и безопасности 1789 г. Однако, г. Еленевъ, опять таки путемъ анализа содержанія актовъ того времени, вполне основательно опровергаетъ это мнѣніе и, въ свою очередь, доказываетъ, что императоръ Александръ утвердилъ только шведское уложеніе 1734 г., содержащее въ себѣ законы гражданскіе, уголовныя, полицейскіе, процессуальныя, торговые и касающіеся хозяйственнаго благоустройства, а также церковный уставъ 1686 г.; вышеназванныя же законодательныя акты никогда не получали законодательной санкціи со стороны государя и, какъ доказываетъ самая политика Александра I и Николая I относительно Финляндіи, никогда не признавались дѣйствующими въ краѣ. Дѣло въ томъ, что по этимъ актамъ государь не могъ издавать новыхъ и отмѣнять старыхъ законовъ, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ; точно также, безъ согласія сейма, государь не имѣлъ права вводить новые налоги и подати, начинать войну, заключать миръ и союзы съ другими государствами и т. п.; наконецъ, по этимъ же законамъ, государь, вступая на престолъ, долженъ былъ приносить слѣдующую присягу: «мы наисильвѣйшимъ обра-

зомъ симъ увѣряемъ, что имѣемъ намѣреніе управлять государствомъ по принятому нынѣ основному закону и отвергая навсегда ненавистное королевское самовластіе и такъ называемое самодержавіе». Очевидно, что рускіе государи, начиная съ Александра I, никогда не признавали этихъ законовъ, такъ какъ втеченіе 60-ти лѣтъ (до сеймоваго устава 1869 года) управляли Финляндіей, какъ абсолютные государи, безъ всякаго содѣйствія сейма, причеиъ многіе законы, изданные ими, имѣютъ еще до сихъ поръ обязательное значеніе. Къ послѣднимъ относятся слѣдующіе законодательные акты: законы объ императорскомъ финляндскомъ сенатѣ, о генераль-губернаторѣ, о статсъ-секретаріатѣ, учрежденія различныхъ главныхъ управленій, новыхъ гофгерихтовъ и прочихъ судебныхъ мѣстъ, уставы межевой (1848 г.), лѣсной (1851 г.), вексельный (1858 г.) и цѣлый рядъ законовъ гражданскихъ, уголовныхъ, процессуальныхъ и административныхъ. Этими законами было во многихъ своихъ частяхъ измѣнено уложеніе 1734 г., такъ что новѣйшія его изданія испещрены ссылками на нихъ. Затѣмъ высочайшими манифестами 1809, 1840 и 1860 гг. три раза была преобразована вся денежная система великаго княжества, а манифестомъ 1860 г. введены были марки, вѣсъ и проба которыхъ опредѣлены были, также безъ участія сейма, уставомъ финляндскаго монетнаго двора 1865 г. Безъ вѣдома же сейма высочайшимъ повелѣніемъ 1864 г. была присоединена къ Петербургской губерніи часть Выборгской. Регламентомъ правительственнаго совѣта, высочайшимъ манифестомъ 1826 г. и инструкціей статсъ-секретаріату былъ опредѣленъ порядокъ составленія росписи доходовъ и расходовъ въ великомъ княжествѣ. Цѣлымъ рядомъ высочайшихъ указовъ опредѣлялись мангальныя, подушныя и поземельныя налоги, а также разныя другіе сборы и подати (такихъ указовъ можно насчитать до 30 въ сборникѣ постановленій великаго княжества Финляндскаго) и т. п. Всѣ эти узаконенія первостепенной важности (замѣчаетъ г. Еленевъ) не могли бы быть изданы безъ согласія сейма, если бы въ сказанный 60-лѣтній періодъ рускіе государи признавали для себя обязательными шведскіе конституціонные законы 1772 и 1789 гг. (стр. 55).

Г. Еленевъ полемизируетъ главнымъ образомъ съ гг. Даніельсономъ и Мехеленомъ, стараясь опровергнуть ихъ доводы въ пользу ученія о Финляндскомъ государствѣ, и дѣлаетъ это въ большинствѣ случаевъ очень удачно. Приведемъ примѣры. Такъ, г. Даніельсонъ утверждаетъ, что Александръ I путемъ принятія титула «великій князь Финляндскій» имѣлъ въ виду подтвержденіе политическихъ правъ финскаго народа, основанныхъ на шведскихъ законахъ 1772 и 1789 гг. На это г. Еленевъ возражаетъ, что въ титулѣ русскаго государя онъ именуется также: «великій князь смоленскій, литовскій, волынскій, подольскій» и затѣмъ уже «финляндскій», причеиъ въ сокращенномъ титулѣ именованіе: «великій князь Финляндскій», поставлено въ самомъ концѣ, послѣ титуловъ: «царь сибирскій, царь Херсонеса Таврическаго, царь грузинскій». Слѣдовательно выводить изъ императорскаго титула обособленность Финляндіи въ смыслѣ реальной уніи (говоритъ г. Еленевъ) или признаніе за ней шведскихъ законовъ 1772 и 1789 гг. столь же основательно, какъ если бы кто, на основаніи того же титула, сталъ доказывать, что Крымъ и Грузія составляютъ самостоятельныя области, состоящія въ реальной уніи съ Россіей, и что за ними сохранены прежніе законы татарскихъ хановъ и грузинскихъ царей (стр. 22). Затѣмъ

г. Мехелинъ въ своемъ сочиненіи «La question finlandaise», желая ослабить значеніе статей 4-ой и 6-ой Фридрихсгамскаго трактата, совершенно опровергающихъ теорію о самостоятельности Финляндіи, въ особенности упираетъ на то, что трактатъ этотъ былъ уже заключенъ послѣ Боргоскаго сейма, когда состоялся «актъ соглашенія» между Александромъ I и сословіями Финляндіи. Однако, г. Еленевъ, въ отвѣтъ на это, приводитъ одно свидѣтельство, изъ котораго видно, что еще до заключенія мира со Швеціей и, слѣдовательно, до начертанія статей 4-ой и 6-ой Фридрихсгамскаго трактата Александръ I признавалъ Финляндію русской провинціей, включенной въ составъ Россіи. Такъ, въ письмѣ къ Наполеону, написанномъ весною 1808 г., Александръ прямо выражается: «J'ai déclaré la Finlande province russe; comme Votre Majesté l'a très bien jugé, la sûreté de ma capitale l'exigeait». Въ книгѣ г. Еленева приведено еще много доказательствъ въ опроверженіе теоріи финляндскихъ публицистовъ, причемъ каждое доказательство всегда основано на историческомъ или юридическомъ документѣ, въ силу чего и убѣдительно.

Сочиненіе заканчивается характеристикой отношенія финляндской интеллигенціи и народа къ Россіи и къ русскимъ. Факты, иллюстрирующіе это отношеніе, собраны г. Еленевымъ въ огромномъ количествѣ. Къ сожалѣнію, намъ неоднократно приходилось встрѣчаться съ ними еще прежде въ разныхъ газетныхъ корреспонденціяхъ изъ Финляндіи и, если они не являются плодомъ досужей фантазіи корреспондентовъ, то ставовится просто непонятнымъ, какъ они могли имѣть мѣсто въ краѣ, принадлежащемъ Россіи. Ни Англія въ Ирландіи, ни Германія въ Эльзасъ-Лотарингіи и Познани, ни Австрія въ Босніи и Герцеговинѣ никогда бы не потерпѣли ничего подобнаго.

В. Латкинъ.

Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Составилъ А. Степовичъ. Кіевъ. 1893.

Авторъ этой брошюры—приватъ-доцентъ славяновѣдѣнія въ Кіевскомъ университетѣ и получилъ это званіе за диссертацию: «Главнѣйшія направленія въ новой чешской словесности». Еще прежде издалъ онъ двѣ книги о той же литературѣ: «Этюды» и «Очеркъ исторіи чешской литературы», получивъ за послѣднее сочиненіе половинную премію Д. А. Толстого. Онъ переводилъ также чешскихъ писателей, книгу Гебауэра «о славянскихъ нарѣчіяхъ», издалъ три тома «Славянскія бесѣды», сборникъ статей о славянствѣ, и другой сборникъ «Къ пятидесятилѣтней годовщинѣ смерти Пушкина». Появившаяся теперь брошюра его въ 111 страницъ составляетъ продолженіе его прежнихъ славянскихъ этюдовъ и заключаетъ въ себѣ литературную опѣнку двухъ чешскихъ писателей: Маха и Верхлицкаго и двухъ сербскихъ Рельковича и Радичевича. Имена эти очень мало говорятъ русскимъ читателямъ и, можетъ быть, нѣсколько ближе знакомы членамъ нашего славянскаго общества. Если мы мало обращаемъ вниманія на славянскія литературы, то потому, что онѣ далеко не достигаютъ того уровня, до какого поднялись произведенія народовъ Западной Европы, а вотъ почему наши братья по происхожденію плохо изучаютъ нашихъ писателей, которые гораздо выше всѣхъ этихъ Радичевичей и Рельковичей и опѣнены теперь всѣми цивилизованными націями,—на это всѣ чехи и ляхи врядъ ли да-

дутъ прямой и правдивый отвѣтъ. Всѣ они, конечно, считаютъ своихъ Маховъ и Рельковичей образцами гениальности, и это извинительно для народнаго увлеченія и самообольщенія, но намъ кажется, что русскому человѣку, хотя бы и приватъ-доценту, не слѣдовало бы поддерживать этого литературнаго шовинизма. Что, напримѣръ, сдѣлалъ поэтъ Карлъ Маха, умершій въ 1836 году, 26-ти лѣтъ въ Прагѣ? Онъ оставилъ лирико-эпическую поэмю «Май», которую восхищается г. Степовичъ и которая, всетаки, очень скучна, очень риторична, хотя и отличается мрачнымъ пессимизмомъ. Въ другомъ направленіи и нельзя было писать, находясь подъ пріятнымъ австрійскимъ владычествомъ, и еще въ Метерниховскую эпоху, но это, всетаки, не причина восторгаться слабымъ юношескимъ произведеніемъ съ романтическимъ, но совершенно пустымъ содержаніемъ. Вильгельмъ влюбленъ въ красавицу Ярмилу, но ее соблазняетъ его отецъ. Вильгельмъ убиваетъ отца и дѣлается атаманомъ разбойниковъ; его ловятъ, сажаютъ въ «ужасную» темницу, гдѣ онъ, впадая въ «ужасное» отчаяніе, читаетъ ужасные монологи, потомъ палачъ отрубаетъ ему голову. Ярмилъ сообщаетъ эти «ужасныя» извѣстія, и она топится въ озерѣ. Всѣ эти «ужасныя» эпитеты принадлежатъ г. Степовичу, который, послѣ Н. Берга, переводитъ начало поэмы «ближе къ подлиннику», но на самомъ дѣлѣ гораздо дальше и хуже, плохими стихами, въ которыхъ «боръ шумитъ, какъ Божій рай», о чемъ и помину нѣтъ въ подлинникѣ. Г. Степовичъ говоритъ, что поэма Махи «проникнута любовью къ родинѣ, такъ сказать, сквозящею между строками», но ничего подобнаго не сквозитъ въ этихъ тяжелыхъ ребяческихъ стихахъ, а намъ кажется совершенно произвольнымъ утвержденіе автора, что «сокровенныя мысли и возрѣнія поэта ему пришлось прикрыть, для защиты отъ придирокъ мѣстной цензуры, сѣтью хитросплетеній крайне романтическаго сюжета». Никакихъ сокровенныхъ мыслей этотъ дикій сюжетъ вовсе не заключаетъ и «не очень умнаго цензора Цимермана» вовсе не зачѣмъ было «обходить заявленіемъ, что поэма имѣетъ цѣлью показать, какого наказанія достойны душегубцы». Сваливать даже на австрійскую цензуру нелѣпность «крайне романтическаго сюжета» не слѣдуетъ, особенно если вспомнить, для сравненія, при какихъ «не очень умныхъ цензорахъ» писали у насъ въ тридцатыхъ годахъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и др.

Еще менѣе основательны восхваленія автора сборника стихотвореній Ярослава Верхлицкаго «Духъ и свѣтъ», хотя г. Степовичъ собирается «разумно обосновать» появленіе въ свѣтъ своего критическаго очерка и въ то же время принужденъ сознаться, что Верхлицкій «не связанъ кровью со своимъ народомъ, его живѣйшими нуждами, потребностями, идеалами, не живетъ съ нимъ одною духовною жизнью, а устремился въ превыспреннія паренія философствующей поэзіи, которая претитъ иной разъ своей крайней трансцендентальностью и космополитическою безпочвенностью». И это, всетаки, не мѣшаетъ критику признавать Верхлицкаго «даровитѣйшимъ представителемъ современной чешской поэзіи». Для чеховъ, конечно, новы и любопытны всѣ эти попытки передѣлыванія Фауста въ пана Твардовскаго, но насъ это нисколько не можетъ интересовать. Верхлицкій передѣлываетъ и «Легенды вѣковъ» Виктора Гюго, и въ этомъ родѣ у него есть нѣсколько удачныхъ пьесъ, какъ, напримѣръ, «Колосья бѣдныхъ», гдѣ Сидъ, возвращаясь съ побѣдой по нивѣ бѣдняка, старается не затоптать ни одного колоса и говоритъ своему легкомысленному властителю: «вѣрнѣе мнѣ, ко-

роль,—и свидѣтели у меня всѣ святы,—одинъ сломанный колосъ бѣдняка болѣе стоитъ, нежели десять королей». Но въ общемъ Верхлицкому еще далеко до того, чтобы быть представителемъ чешской поэзіи, хотя онъ очень горячо воспѣваетъ «бой о быти», то-есть борьбу за существованіе.

Изъ сербскихъ писателей, разобранныхъ критикомъ въ своихъ очеркахъ, выбраны далеко не первоклассные, хотя онъ хвалитъ ихъ также усердно. Нельзя также причислять къ дѣятелямъ новой сербской словесности Рельковича, умершаго чуть не сто лѣтъ назадъ—въ 1798 году. Поэма этого австрійскаго офицера, «Сатиръ», появившаяся въ свѣтъ болѣе 130-ти лѣтъ тому назадъ, принадлежитъ уже къ чисто архаическимъ произведеніямъ, можетъ занять мѣсто въ исторіи литературы, но серьезно разбирать ее въ наше время совершенно бесполезно. Критикъ обижается, что А. Н. Пыпинъ въ своей «Исторіи славянскихъ литературъ» говоритъ о «Сатирѣ» только десятокъ, хотя и симпатичныхъ строкъ. Но больше Рельковичъ никакъ и не заслуживаетъ. Если онъ пользовался въ свое время уваженіемъ у своего народа, то больше не за своего «Сатира», напечатаннаго и кириллицею, но какъ усердный литературный дѣятель, переводчикъ Езоповыхъ басенъ, издавшій иллирійскій словарь, грамматику, и много книгъ для народа, даже «Панчатантру» Пильпая, индійскаго «мудрознатца»—съ французской перекладки. Другой сербъ Радачевичъ, критически разобранный г. Степовичемъ, заслуживаетъ больше вниманія, хотя онъ умеръ уже сорокъ лѣтъ назадъ, не доживъ до 30-ти лѣтъ. Въ стихахъ его есть чувство и фантазія, они отличаются легкой, музыкальной формой и хорошимъ языкомъ; направленіе его вполнѣ народное. Гербель въ своей «поэзіи славянъ» перевелъ очень не дурную пьесу его «Дѣвушка у колодца». Въ 1847 году этотъ сербъ перевелъ «Вильгельма Телля» Шиллера и издалъ первый томъ своихъ стихотвореній. Онъ былъ сыномъ австрійскаго чиновника, родился въ славонскомъ городѣ Бродѣ, учился въ нѣмецкой гимназіи и писалъ сначала нѣмецкія пѣсни, потомъ переселился въ Вѣну, четыре года изучалъ юридическія науки, но бросилъ ихъ, началъ заниматься медициной и умеръ студентомъ, превратившись предварительно въ серба до того рьянаго, что переимѣнилъ даже свое имя Алексѣй на имя Бранко. Изъ него могъ бы выработаться выдающійся поэтъ, но онъ оставилъ всего 47 поэмъ, изъ которыхъ только 8 были значительнаго объема. Напрасно г. Степовичъ находитъ какое-то «внутреннее взаимодействіе» между Рельковичемъ и Радачевичемъ и восхищается его посланіемъ «Дружеская разлука» (Дьячки расстанакъ), сравнивая его даже съ Пушкинскими стихотвореніями на 19-ое октября. Что же касается до его сатирической пьесы «Путешествіе», также расхваливаемой критикомъ, то вся она съ ея дикою аллегоріей и выходками противъ новаго сербскаго правописанія, вводившаго въ азбуку—іоту и другія буквы и уничтожившаго знакъ ъ,—чисто ребяческое, пустое и скучное произведеніе, которое можетъ «дивить только свой муравейникъ».

Вл. З.

В. Г. Щегловъ. Государственный совѣтъ въ Россіи, въ особенности въ царствованіе Александра I. Томъ I. Ярославль. 1892.

Обширный трудъ профессора Щеглова (1.000 слишкомъ страницъ) посвященъ исторіи государственнаго совѣта въ Россіи сравнительно съ исторіей государственныхъ совѣтовъ всѣхъ остальныхъ государствъ. Свое изложеніе

авторъ начинаетъ съ исторіи древняго Востока (Египта, Филикіи, Персіи и т. д.), а, переходя къ исторіи Россіи, начинаетъ ее излагать съ призванія Рюрика. Такимъ образомъ задачи, поставленныя себѣ авторомъ, крайне широки, но выполнилъ ли онъ ихъ, это—другой вопросъ.

Въ введеніи авторъ подробно излагаетъ существо сравнительнаго метода и, на основаніи трудовъ какъ западно-европейскихъ, такъ и русскихъ ученыхъ, устанавливаетъ цѣль и задачи сравнительно-историческаго изученія правовыхъ институтровъ. Однако, въ самомъ изслѣдованіи онъ обо всемъ этомъ совершенно забываетъ, и сравнительный методъ превращается у него просто въ сопоставительный, благодаря которому читателю дается рядъ очерковъ по исторіи государственныхъ совѣтовъ разныхъ государствъ въ связи съ исторіей этихъ послѣднихъ. Къ тому же очерки такъ написаны, что не даютъ никакихъ матеріаловъ для сравненія, если бы таковое пожелалъ сдѣлать самъ читатель. Дѣло въ томъ, что въ названныхъ очеркахъ почти ничего не говорится о государственныхъ совѣтахъ, но вкратцѣ излагаются общеизвѣстныя историческія свѣдѣнія, касающіяся какъ политической исторіи, такъ и исторіи права разныхъ государствъ. Такъ, Венгріи посвящено семь страницъ, но венгерскому государственному совѣту уделено всего нѣсколько строкъ, а именно: «изъ среды магнатовъ венгерскіе короли избирали свой совѣтъ или сенатъ; члены совѣта безотлучно находились при королѣ и сопровождали его въ путешествіяхъ, помогая ему въ разрѣшеніи всѣхъ дѣлъ управленія» (стр. 222), и только! Испаніи посвящено около четырехъ страницъ, но испанскому совѣту только слѣдующія строки: «органомъ власти королей былъ королевскій совѣтъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ главныя функціи управленія, какъ это видно изъ названій разныхъ секцій совѣта» (стр. 234). Чехіи посвящено 15 страницъ, по чешскому совѣту нѣсколько отрывочныхъ фразъ, встрѣчающихся въ разныхъ мѣстахъ, въ родѣ: «высшій слой чешской аристократіи—старые, мудрые и знатнѣйшіе мужи были извѣстны въ VII—XI ст. подъ именемъ кметовъ, которые въ числѣ 12 составляли при князѣ постоянный сенатъ или совѣтъ, гдѣ сосредоточивалось высшее управленіе государствомъ». Сербіи посвящено 7 страницъ, а сербскому совѣту нѣсколько строкъ, а именно: «при кралѣ властели составляли постоянное учрежденіе—совѣтъ, куда вмѣстѣ съ членами высшаго духовенства были приглашаемы постоянно кородемъ для совѣщаній о государственныхъ дѣлахъ» (стр. 276) и т. д. Такими варіаціями на одну и ту же тему наполнены многіе очерки г. Щеглова, посвященные исторіи государственнаго совѣта на Западѣ. Само собою разумѣется, что они не могутъ играть роли матеріаловъ для сравнительно-историческаго изученія названнаго учрежденія.

Было уже сказано, что часть изслѣдованія г. Щеглова, посвященная Россіи, начинается съ призванія Рюрика. На восьмистахъ страницахъ авторъ весьма подробно излагаетъ всю политическую исторію Россіи и всю исторію русскаго государственнаго права. Первая излагается главнымъ образомъ на основаніи трудовъ Соловьева, Костомарова, Бестужева-Рюмина, Забѣлина и др. Вторая—на основаніи трудовъ Бѣляева, Сергѣевича, Романовича-Славягинскаго, Владимірскаго-Буданова и т. д. Спрашивается, какое все это имѣютъ отношеніе къ исторіи государственнаго совѣта. Насъ могутъ обвинить въ преувеличенія, между тѣмъ наши слова вполне соотвѣтствуютъ истинѣ, въ чемъ каждый легко можетъ убѣдиться. Среди этого ог-

ромнаго вороха исторических фактовъ, нагроможденныхъ одинъ на другой безъ всякой пользы для уясненія интересующаго автора вопроса, мелькаютъ то тутъ, то тамъ извѣстія, касающіяся темы изслѣдованія, а именно историческія свѣдѣнія о княжеской думѣ удѣльнаго періода, боярской думѣ Московскаго государства и совѣтовъ при особѣ государя XVIII столѣтія. При изложеніи исторіи послѣднихъ, а также и государственнаго совѣта при Александрѣ I, г. Щегловъ пользуется и нѣкоторыми архивными данными, хотя, къ сожалѣнію, далеко не исчерпываетъ ихъ, обѣщая обратиться къ нимъ во второмъ томѣ своего труда.

Собственныя воззрѣнія автора крайне туманны, сбивчивы и неопредѣленны, на каждомъ шагѣ встрѣчаются противорѣчія. Послѣднія объясняются тѣмъ, что авторъ совсѣмъ не согласуетъ данныхъ своихъ источниковъ: соглашаясь въ одномъ мѣстѣ съ однимъ ученымъ, онъ въ другомъ мѣстѣ присоединяется къ мнѣнію другаго ученаго, не согласнаго съ первымъ. Такимъ образомъ получается противорѣчіе, совершенно не примиряемое авторомъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ примѣры. Такъ, на стр. 168 г. Щегловъ утверждаетъ, что при Тюдорахъ въ Англіи «королевскія рѣшенія въ совѣтѣ получаютъ силу законовъ, равную съ актами парламента», а на стр. 171 мы уже читаемъ, что «при Тюдорахъ окончательно установился принципъ англійскаго государственнаго права», по которому «обязательную силу для сословій имѣютъ лишь такія постановленія, въ изданіи которыхъ они сами участвовали; безъ согласія же сословій одинъ король не могъ произвести какихъ либо измѣненій въ законахъ страны, въ особенности въ области гражданскаго, уголовнаго и общаго права». На стр. 362 авторъ говоритъ, что одною изъ причинъ развитія въ Новгородѣ демократической формы политическаго быта было «слабое развитіе здѣсь княжеской власти», на стр. же 364 оказывается, что до XIV столѣтія «власть новгородскаго князя была значительна». На стр. 369 (наверху) авторъ говоритъ, что псковскіе и новгородскіе бояре «руководили вѣчемъ» и «прямо заставляли его подчиняться своей волѣ». То же утверждаетъ и немного ниже, а именно, что въ Псковѣ не было «сильной демократической партіи, которая могла бы соперничать съ могущественнымъ вліяніемъ бояръ». Внизу той же страницы авторъ, забывая только что сказанное, уже утверждаетъ, что въ Новгородѣ и Псковѣ «дѣятельность бояръ ограничивалась вѣчемъ, особенное политическое значеніе котораго развилось въ обоихъ городахъ съ наибольшею силою!» Разгадка этихъ поразительныхъ, взаимно-исключающихъ другъ друга положеній очень проста: два первыхъ положенія заимствованы г. Щегловымъ изъ сочиненій Ключевскаго и Никитскаго, послѣднее же изъ сочиненій Владимірскаго Будапова; авторъ позабылъ только одно: согласить ихъ одно съ другимъ. На стр. 394 г. Щегловъ говоритъ, что «бояре, какъ главные землевладѣльцы, должны были нести на себѣ весь вредъ непрерывныхъ переходовъ крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому», а на стр. 436 оказывается, что воспрещеніе подобныхъ переходовъ также отзывалось весьма невыгодно на боярахъ-землевладѣльцахъ, несшихъ на себѣ всю отвѣтственность за уплату податей крестьянами. Итакъ, какъ ни кинь—все клинъ: и переходъ вреденъ, и отсутствіе перехода вредно, спрашивается, что же невредно? Крайне неопредѣленная точка зрѣнія автора на значеніе боярской думы и на ея отношенія къ государю. Съ одной стороны, она пользуется «правомъ рѣшенія дѣлъ правле-

нія», не отрицаемымъ за ней самимъ Грознымъ (послѣдній «признаетъ политическое значеніе бояръ, какъ правительственнаго класса»); съ другой стороны, Грозный «вооружается противъ боярскихъ политическихъ правъ» (которыя онъ только что признавалъ) и стремится лишить бояръ преобладанія въ государствѣ и низвести ихъ на степень своихъ слугъ (стр. 422, 431, 432 и 433). Затѣмъ, признавъ за думою «право рѣшенія дѣлъ правленія», а также установивъ положеніе, что высшее управленіе государствомъ и «руководство почти всей Русской землей» сосредоточивается въ рукахъ думы, рѣшающей многія дѣла исполнѣ самостоятельно, безъ доклада царю (стр. 431), г. Щегловъ вдругъ приходитъ къ такому, совершенно неожиданному выводу, что дума при самодержавномъ царѣ имѣла характеръ только совѣщательнаго учрежденія (стр. 484). Поразительное противорѣчіе встрѣчается у г. Щеглова въ той части его труда, гдѣ онъ говоритъ о попыткѣ со стороны верховниковъ ограничить власть императрицы Анны Ивановны. Такъ, на стр. 583 мы читаемъ: «проекты шляхетства показываютъ, что все русское дворянство, въ рядахъ котораго были и представители знатныхъ родовитыхъ фамилій, раздѣляло политическіе взгляды членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта; все шляхетство, подобно верховникамъ, желало устроить правленіе государствомъ на аристократическихъ началахъ». «Шляхетство было солидарно съ верховниками во взглядахъ на общія основанія будущаго политическаго устройства». И вдругъ оказывается черезъ нѣсколько страницъ (на стр. 586), что въ 1730 г. «сказалась ровня и взаимная вражда между высшимъ и низшимъ слоями дворянства» (куда же дѣлалась солидарность?), и что «большинство изъ мелкихъ дворянъ не сочувствовало плану Голицына» (стр. 597). Точно также на стр. 657 г. Щегловъ старается доказать, что Панинъ придалъ проектированному имъ совѣту «строго монархическій, законсовѣщательный характеръ», а на стр. 665 говоритъ, что Екатерина II не утвердила Панинскаго проекта, такъ какъ совѣтъ его ограничивалъ ея власть, а императрица «не хотѣла отказываться отъ самодержавной власти, въ необходимости которой для блага Россіи она была искренно убѣждена». Наконецъ, на стр. 938 г. Щегловъ высказываетъ слѣдующее положеніе, относящееся къ совѣтамъ всѣхъ государствъ: «совѣты сохраняютъ свой политическій авторитетъ вмѣстѣ съ продолжающимся преобладаніемъ аристократіи въ обществѣ и теряютъ его, какъ скоро государство становится исключительно монархическимъ». И, однако, не смотря на это, онъ утверждаетъ, что «въ теченіе всего XVIII вѣка въ Англіи господствовала аристократія, наполнявшая парламентъ и тайный совѣтъ короля; оба же послѣдніе пользуются теперь только номинальною властью въ государственномъ управленіи» (стр. 944). Мы могли бы еще продолжить подобныя выписки, но думаемъ, что и сказаннаго довольно.

Другой весьма существенный недостатокъ разсматриваемой книги—это фактическія неправильности, встрѣчающіяся въ ней. Такъ, авторъ утверждаетъ, что въ XIV столѣтіи во Франціи, во время извѣстной революціи Стефана Марселя, реформа, произведенная генеральными штатами, почти не коснулась королевскаго совѣта, сохранившаго свой обычнѣй монархическій характеръ (стр. 94). Между тѣмъ это учрежденіе на самомъ дѣлѣ было совершенно преобразовано, такъ какъ стало органомъ не короля, но генеральныхъ штатовъ, избравшихъ въ составъ его 36 членовъ. Совѣтъ исполнѣ ограничивалъ власть короля, такъ какъ послѣдній не могъ предпринять ни

одной мѣры безъ согласія перваго, причемъ члены совѣта коптрассигновали всѣ королевскіе указы и являлись такимъ образомъ отвѣтственными передъ штатами. Если бы эта реформа удержалась, то Франція уже съ XIV столѣтія сдѣлалась бы конституціоннымъ государствомъ (Picot, Histoire des états généraux, t. I, p. 90—103; Debacq, Libéraux et démagogues au moyen âge, p. 78—96; Perrens, La démocratie en France au moyen âge, p. 171—199). На стр. 133 г. Щегловъ говоритъ, что при Наполеонѣ I государственный совѣтъ пользовался политическими правами и значеніемъ, которыхъ лишился послѣ паденія имперіи. Между тѣмъ извѣстно, что Наполеонъ I de facto управлялъ государствомъ вполне абсолютно, и даже законодательный корпусъ при немъ не имѣлъ никакого значенія. Впрочемъ, въ концѣ книги (стр. 979) г. Щегловъ самъ признаетъ это и уже говоритъ, что во Франціи при Наполеонѣ I «существовала неограниченная власть, органомъ которой былъ государственный совѣтъ». На стр. 288 и 309 г. Щегловъ упоминаетъ о земскихъ боярахъ, понимая подъ ними «городскихъ старѣйшинъ», являвшихся «богатыми поземельными владѣльцами» и «составлявшихъ военную дружину у славянъ до призванія Рюрика». Высказываясь столь категорически по одному изъ крайне спорныхъ вопросовъ древней русской исторіи, г. Щегловъ, однако, ничѣмъ не мотивируетъ своего мнѣнія. На стр. 350 онъ говоритъ, что «только бояре имѣли независимое право собственности, право владѣть вотчинами съ обязательствомъ отправлять службу государеву», что, конечно, совершенно не вѣрно, такъ какъ этимъ правомъ пользовались всѣ разряды служилыхъ людей и даже до 1666 г. гости. Говоря о составѣ боярскаго думы, г. Щегловъ утверждаетъ, что изъ духовенства входили въ нее только митрополиты (стр. 352), что опять таки не вѣрно, такъ какъ въ думу призывались и другіе высшіе духовные чины, а иногда и весь освященный соборъ. Точно также не вѣрно утвержденіе, будто боярская дума имѣла опредѣленную функцію, чего совершенно не было, такъ какъ наша древность вообще чуждалась всякой юридической опредѣленности. Перечисляя составъ новгородскаго правительственнаго совѣта, г. Щегловъ забываетъ упомянуть о сотскихъ, входившихъ въ него и стоявшихъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, во главѣ сотенъ, на которыя дѣлились нѣкоторыя новгородскія сословія. На стр. 419 авторъ утверждаетъ, что царскій Судебникъ (1550 г.) объявляетъ законъ единственнымъ источникомъ права. Сомнѣваемся, чтобы онъ могъ это доказать на основаніи текста Судебника, въ особенности, если вспомнимъ о томъ огромномъ значеніи, какое придавали обычаю наши предки. На стр. 466 авторъ, перечисляя земскіе соборы послѣ 1619 г., забываетъ упомянуть о соборѣ 1651 г. по малороссійскимъ дѣламъ и затѣмъ относитъ соборъ 1698 г. къ совѣщаніямъ царя съ отдѣльными сословіями, что совершенно неправильно. Эти ошибки еще тѣмъ страннѣе, что авторъ тутъ же ссылается на мое изслѣдованіе о земскихъ соборахъ (Спб. 1885 г.). На стр. 478 авторъ повторяетъ старое заблужденіе, отвергнутое еще Соловьевымъ и др., будто думные дворяне и дьяки впервые появляются въ думѣ при Иванѣ IV (извѣстно, что еще при Васильѣ III появляются «дѣти боярскія, которыя живутъ, т. е. засѣдаютъ въ думѣ», чѣмъ въ свою очередь опровергается теорія объ искусственной демократизаціи думы Иваномъ IV въ цѣляхъ борьбы съ боярствомъ, повторяемая и г. Щегловымъ). На стр. 488 читаемъ, будто боярская дума не имѣла самостоятельной инициативы въ дѣлахъ, что также не вѣрно, какъ это и доказано

профессоромъ Ключевскимъ (правда, думѣ рѣдко приходилось проявлять свою инициативу, но во всякомъ случаѣ она ее имѣла). На стр. 522 г. Щегловъ говоритъ, что Петръ «заимствовалъ отчасти характеръ сената изъ Швеціи». Между тѣмъ это положеніе теперь вполне опровергнуто, такъ какъ выяснено, что сенатъ развился изъ консиліи министровъ, собиравшейся въ ближней канцеляріи, которая, въ свою очередь, была не чѣмъ инымъ, какъ модифицированной старой думой. На основаніи того факта, что отношенія коллегіи къ сенату зиждились на принципѣ законодѣрнато повиновенія, г. Щегловъ утверждаетъ (стр. 526), будто «коллегіи не только могли дополнять и разъяснять существующіе законы, но и контролировать дѣятельность самого сената, который такимъ образомъ оказывался подчиненнымъ каждой коллегіи»—выводъ, поразительный по своей невѣрности. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги (стр. 512, 636 и 645) г. Щегловъ заявляетъ, что въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны учрежденная ею конференція при высочайшемъ дворѣ «становится надъ всѣми учрежденіями имперіи» и подчиняетъ себѣ сенатъ. Однако, многіе факты противорѣчатъ подобному заявленію. Такъ, во-первыхъ, конференція сносится съ сенатомъ экстрактами изъ протоколовъ засѣданій, т. е. какъ равная съ равнымъ, а не указами и рапортами, какъ главное мѣсто съ подчиненнымъ; во-вторыхъ, за два года до смерти Елисаветы Петровны былъ изданъ указъ на имя сената, гдѣ онъ назывался «первымъ государственнымъ мѣстомъ по своей должности и по данной ему власти» и, въ-третьихъ, когда въ 1759 г. конференція потребовала, чтобы сенатъ занялся однимъ дѣломъ и ватѣмъ докесь ей о немъ, то сенатъ отвѣтилъ, что онъ, какъ «первое государственное мѣсто, кромѣ ея императорскаго величества, не обязанъ никому свои мнѣнія подавать».

Въ заключеніе нельзя не пожалѣть, что г. Щегловъ, проявившій такое большое трудолюбіе и обладающій немалой эрудиціей, такъ непроизводительно воспользовался ими.

В. Латкинъ.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго (1847—1890). Изданіе седьмое, посмертное, въ девяти томахъ, съ біографією и портретомъ автора. Спб. 1893.

Предпринятое наследниками посмертное изданіе сочиненій Г. П. Данилевскаго по своимъ размѣрамъ и полнотѣ значительно превосходитъ всѣ предыдущія: въ немъ впервые появились многія вещи талантливаго автора «Мировича», которыя при жизни его почему-то оставались въ забвеніи на страницахъ журналовъ и газетъ 1850-хъ, 1860-хъ и 1870-хъ годовъ; въ немъ помѣщены также произведенія, появившіяся въ печати послѣ смерти автора, какъ, напримѣръ, неоконченный романъ «Царевичъ Алексѣй», разсказъ «Шарикъ», воспоминанія о московскомъ дворянскомъ институтѣ. Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ семи, образовалось девять томовъ. Послѣдній томъ, за исключеніемъ немногихъ стихотвореній, сплошь составленъ изъ произведеній, не перепечатававшихся при жизни Данилевскаго. Сюда, между прочимъ, вошли сцены изъ римской жизни въ стихахъ: «Пиръ у поэта Катулла», единственный драматическій опытъ покойнаго писателя, съ успѣхомъ, поставленный на сценѣ Александринскаго театра, въ ноябрѣ 1852 года, въ бенефисъ Мартынова, при участіи Каратыгина 1-го и извѣст-

ной пѣвицы Леоновой; здѣсь же читатель найдетъ довольно большую повѣсть «Не выгнанцовалось», рассказы: «Дѣвочка», «Пасѣчники», «Святые вечера», путевыя замѣтки, разныя мелкія статьи историческаго характера и, наконецъ, семнадцать писемъ изъ-за границы, писанныхъ Данилевскимъ главнымъ образомъ во время путешествія въ 1860 году по Германіи, Франціи, Италіи и Англии. Среди рассказовъ, помѣщенныхъ въ девятый томъ, нельзя не отмѣтить «Живни черезъ сто лѣтъ», въ которомъ Данилевскій рисуетъ положеніе Европы въ 1968 году. Если фантастична и маловѣроятна картина Европы, завоеванной въ 1930 году Китаемъ, то очень возможна, наоборотъ, Франція подъ мѣстнымъ верховнымъ владычествомъ президентовъ-евреевъ изъ банкирскаго дома Ротшильдовъ. Весьма вѣроятно, что въ 1968 году еврей-адмиралы будутъ командовать французскимъ флотомъ въ океанахъ, еврей-фельдмаршалы охранять французскія границы, а еврей-министры, съ президентомъ въ пейзажъ и ермолокѣ, встрѣчать правящаго Европой богдыхана Цао-дзы или какогонибудь другаго правителя.

Малоизвѣстныя произведенія для читателя прежнихъ собраній сочиненій Данилевскаго встрѣчаются также въ темахъ седьмомъ и восьмомъ новаго изданія. Такъ, въ седьмомъ томѣ вошли написанныя въ пятидесятихъ годахъ рассказы: «Пенсильванцы и каролинны», «Былое и новое» и «Вечеръ въ черешняхъ», а въ восьмомъ томѣ помѣщены нѣсколько рассказовъ, объединенныхъ заглавіемъ «Слобожане». Поцъ такимъ заглавіемъ въ 1854 году появился первый сборникъ беллетристическихъ опытовъ Данилевскаго, часть которыхъ впоследствии была переработана авторомъ. «Слобожане» при своемъ появленіи въ свѣтъ имѣли успѣхъ и окончательно опредѣлили беллетристическую будущность покойнаго писателя. Не смотря на стараніе подражать Гоголю, въ «Слобожанахъ» сказался уже и самостоятельный талантъ, не особенно глубокій, но симпатичный. Многія сцены и картины въ этомъ сборникѣ проникнуты неподдѣльнымъ юморомъ и тонкою наблюдательностью.

Къ первому тому приложена обширная, болѣе пяти печатныхъ листовъ, біографія Данилевскаго, написанная С. Трубачевымъ. Біографъ пользовался, между прочимъ, письмами покойнаго писателя къ матери съ 1840 по 1857 годъ. Къ сожалѣнію, въ рукахъ г. Трубачева не было всей литературной переписки Данилевскаго, которая довольно обширна и любопытна. Это не могло не отразиться на полнотѣ біографіи и на пропорціональности ея частей: до 1857 года она полна новыми интересными подробностями, а далѣе основывается почти исключительно на печатномъ матеріалѣ и на свѣдѣніяхъ формулярныхъ. Впрочемъ, это не вина біографа, а наследниковъ Данилевскаго, которые, очевидно, не позаботились снабдить г. Трубачева литературной перепиской автора «Мировича». Не ограничиваясь жизнью Данилевскаго, біографъ касается и его литературной дѣятельности, причемъ характеризуетъ ее въ наиболѣе выдающихся проявленіяхъ. Въ общемъ, біографія составлена умѣло, интересно и живо, хотя замѣтно нѣкоторое пристрастіе къ покойному писателю, сказавшееся въ умолчаніи объ отрицательныхъ сторонахъ характера и дѣятельности Данилевскаго. Р. Б.

Исторія русской словесности для средних учебныхъ заведеній. Сочиненіе А. И. Незеленова. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1893.

Учебникъ г. Незеленова является далеко не лишнимъ, потому что, при гнетущемъ изобиліи учебниковъ по всѣмъ отраслямъ знаній, по исторіи русской литературы попытокъ въ этомъ родѣ очень мало, а вполне удовлетворительнаго руководства и совѣтъ нѣтъ. Лучшимъ и до сей поры наиболѣе распространеннымъ является учебникъ покойнаго Галахова, и онъ не безъ достоинствъ; даже и при появленіи новаго указаннаго выше руководства онъ едва ли потеряетъ свою цѣну. Важно то, что учебникъ Галахова лишень тенденціозности, совершенно неумѣстной въ школьной книжкѣ, а также цѣнно и то, что онъ даетъ довольно значительный запасъ знаній. Книга г. Незеленова, напротивъ, уже приворожена къ пониженнымъ требованіямъ, къ курсу облегченному, скорѣе, можетъ быть, усвояемому, но и не дающему тѣхъ результатовъ, какіе особенно важно было бы получить при изученіи исторіи родной литературы.

Галаховъ почти не даетъ общихъ характеристикъ литературныхъ эпохъ; этотъ недостатокъ выполненъ въ учебникѣ г. Незеленова. Но такъ какъ общія характеристики, общія опредѣленія, требуютъ наибольшей твердости и наибольшей безспорности, то съ встрѣчающимися въ новомъ учебникѣ очень часто приходится не согласиться. Уже самое опредѣленіе словесности г. Незеленовымъ никоимъ образомъ нельзя признать удовлетворительнымъ. «Словесность въ обширномъ смыслѣ есть все то, что выражено словами... Такое вербальное объясненіе ничего не говоритъ и вмѣстѣ съ тѣмъ звучитъ парадоксомъ; ограниченіе же, что «наука словесности занимается лишь тѣми произведеніями слова, которыя удовлетворяютъ стремленіямъ къ истинѣ, благу и красотѣ», совершенно невѣрно: куда же въ такомъ случаѣ отнести трагаты Макіавелли? Народной словесности въ учебникѣ удѣлено очень скромное мѣсто, чѣмъ, конечно, и объясняется недоговоренность, неясность многихъ сторонъ народной поэзіи. Народное творчество разсматривается, какъ нѣчто застывшее, окаменѣвшее, принявшее разъ навсегда опредѣленныя формы, тогда какъ къ лирической поэзіи это вовсе не примѣнимо. Обрядовая и бытовая пѣсня, дающая притомъ историческій матеріалъ для изученія народной жизни, обнимаетъ незначительную часть народной лирики, которая вся цѣликомъ никакъ не уляжется въ эти узкія рамки. Значеніе героическаго эпоса, особенно характеры его героевъ, очень мало выяснены у г. Незеленова; онъ ограничивается въ сущности передачею содержанія былинъ. Съ полнотою и обстоятельностью излагается исторія древней книжной литературы, хотя и здѣсь главное вниманіе обращено на содержаніе памятниковъ, а не на ихъ историческое значеніе. Этотъ недостатокъ, не столь замѣтный въ изложеніи древняго періода, ярче выступаетъ въ исторіи литературы съ XVIII вѣка. Намъ кажется совершенно излишнимъ обиліе цитатъ такихъ произведеній, съ которыми ученики должны быть знакомы если не по собраніямъ сочиненій классиковъ, то, по крайней мѣрѣ, по хрестоматіямъ. Особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи Жуковскому и Пушкину: передается даже содержаніе «Пѣсни о вѣнцѣхъ Олегѣ», которую знаютъ наизусть и ученики перваго класса.

Учебникъ составленъ, конечно, по школьнымъ программамъ, и потому, вполне понятно, «снасъ возвышающій обманъ» преобладаетъ надъ «низкими

истинами». Но, помимо уступок этого рода, мы встречаемся в книгѣ г. Незеленова съ положеніями, которыхъ, повидимому, тенденціозно придерживается самъ авторъ, стараясь сдѣлать ихъ ходячими. Отмѣтимъ здѣсь только толкованіе Пушкинской поэзіи на основаніи стиховъ, принадлежащихъ Жуковскому («И долго буду тѣмъ народу я любезенъ» и т. д.). Теперь уже возстановленъ настоящій текстъ этого стихотворенія, и любознательный ученикъ будетъ крайне удивленъ, не найдя въ собраніи сочиненій Пушкина цитаты г. Незеленова (если у него не будетъ подъ рукой старыхъ изданій поэта).

Достоинства учебника г. Незеленова уже выяснены и признаны авторитетнымъ путемъ, и остается лишь пожелать его сочиненію полного успѣха.

М. М.

Царь-работникъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ Фридриха Дукмейера. Берлинъ. 1892. (Der Arbeiter-Kaiser. Trauerspiel in 5 Akten. Von Fr. Dukmeyer).

Трудно себѣ представить что нибудь въ такой же степени нелѣпое и бессмысленное, какъ эта якобы историческая драма г. Фридриха Дукмейера! Много нужно нѣмецкаго, классическаго нахальства и дерзкаго пренебреженія къ нашей отечественной исторіи, чтобы рѣшиться связать священное для насъ, русскихъ, имя Петра Великаго съ тѣмъ ужаснымъ сумбуромъ, которому авторъ придалъ форму исторической драмы, подъ громкимъ и эффектнымъ названіемъ Царь-работникъ. Именно только «форму исторической драмы», то-есть рядъ лицъ, носящихъ историческія имена, раздѣленіе на пять актовъ, разговоры, въ которыхъ упоминается о разныхъ историческихъ событіяхъ и бытовыхъ чертахъ, и при этомъ ни малѣйшей тѣни исторической истины, ни одного сколько нибудь вѣрнаго историческаго характера. Такъ, напримѣръ, представьте себѣ Петра Великаго мечтательнымъ и сентиментальнымъ фразѣромъ; Евдокію Лопухину—преданнѣйшею супругою, являющейся къ Петру, чтобы предупредить его о заговорѣ, затѣянномъ противъ него; дѣвку Евфросинью—прелестнымъ существомъ, самоотверженно преданнымъ царевичу Алексѣю (она даже погибаетъ, пытаясь освободить царевича изъ крѣпости!); императрицу Екатерину, угощающую Меншикова нафлями въ то время, когда онъ явился къ ней для тайныхъ переговоровъ, касающихся возведенія ея на престолъ послѣ Петра и притомъ при жизни Петра!.. Представьте себѣ, что Соковнинскій заговоръ смѣшанъ съ какимъ-то вымышленнымъ заговоромъ сторонниковъ Алексѣя Петровича, котораго самъ Петръ также арестуетъ, какъ и сообщниковъ Соковнина и Циглера; царевичъ Алексѣй, измученный пытками, умираетъ на диванѣ въ комнатѣ своего отца; Василій Владиміровичъ Долгорукій, помилованный Петромъ, умираетъ на плахѣ, наговоривъ царю на прощаніе всякихъ жалкихъ словъ и неприятныхъ истинъ; самъ Петръ также умираетъ на сценѣ, послѣ спасенія погибавшихъ на Лахтѣ, передъ смертью самымъ сердечнымъ и милымъ образомъ примирившись съ Евдокіей и испросивъ у нея прощенія; Евдокія тоже умираетъ на сценѣ, съ горя по Петрѣ!..

И все это пересыпано грубыми и глупыми народными сценами, въ которыхъ русскіе люди являются совершенными идиотами, а какой-то бременскій тапперъ, который привезъ Екатерину въ гостинецъ «настоящаго бре-

менскаго гуса», выставленъ, въ сравненіи съ толпой русскихъ, чуть не гениемъ и притомъ блистаетъ прямою, честностью и всѣми добродѣтелями.

Читая весь этотъ странный и бессмысленный сумбуръ, невольно удивляешься тому, что ни одинъ изъ современныхъ нѣмецкихъ писателей до сихъ поръ еще не сумѣлъ воспользоваться для сцены такимъ превосходнымъ драматическимъ матеріаломъ, какъ страшныя, кровавыя, за душу хватающія страницы отношеній Петра къ несчастному царевичу Алексѣю!.. Но ужъ лучше не касаться ихъ, нежели касаться такъ невѣжественно и грубо, какъ коснулся ихъ г. Фридрихъ Дукмейеръ. П. П.

Русская историческая библиографія. Указатель книгъ и статей по русской и всеобщей исторіи и вспомогательнымъ наукамъ: за 1800—1854 включительно. Томы I и II. Составилъ В. И. Межовъ. Изданіе И. И. Сибирякова. Спб. 1892—1893.

Взвѣченіе двадцати двухъ лѣтъ В. И. Межовъ успѣлъ выпустить болѣе 30 библиографическихъ трудовъ, и этимъ оказалъ существенную и важную услугу всѣмъ лицамъ, занимающимся русской наукой. Съ появленіемъ въ свѣтъ настоящаго изданія русская исторія будетъ имѣть полные библиографическіе указатели всего печатнаго матеріала, заключающагося въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ съ 1702 года почти до послѣдняго времени. Именно, періодъ 1703—1802 гг. захваченъ трудомъ Неустроева, 1800—1854 гг. — издающимся теперь трудомъ В. И. Межова, 1855—1864 гг. — указателемъ братьевъ Ламбинныхъ, 1865—1876 гг. — опять указателемъ В. И. Межова. «Такимъ образомъ, историки будутъ наконецъ избавлены отъ скучной и утомительной и часто безполезной работы отыскиванія необходимыхъ для нихъ матеріаловъ и употребятъ это время для болѣе полезныхъ занятій». Эти строки, находящіяся въ предисловіи къ послѣднему труду В. И. Межова, совершенно справедливы: своей по истинѣ самоотверженной дѣятельностью почтенный библиографъ донельзя облегчилъ первоначальную черновую работу русскимъ историкамъ, которые всегда будутъ ему за это искренно благодарны.

По предположенію В. И. Межова, библиографія русской исторіи за первую половину настоящаго столѣтія будетъ состоять изъ 6 томовъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждый, и заключать въ себѣ отъ 80 до 100 тысячъ заглавій, расположенныхъ въ самой дробной системѣ съ азбучно-систематическимъ указателемъ въ концѣ. Матеріальная поддержка отъ правительства, выхлопотанная В. И. Межову гр. И. Д. Деляновымъ, позволяетъ надѣяться, что почтенный библиографъ будетъ имѣть возможность выполнить намѣченную имъ программу, а имя И. М. Сибирякова, взявшаго на себя изданіе этого труда, ручается за то, что онъ не останется подъ спудомъ, а появится въ свѣтъ на пользу русской исторической науки. Мы вполне присоединяемся къ благодарности, выраженной В. И. Межовымъ И. М. Сибирякову, на средства котораго, кромѣ настоящаго труда, всего годъ тому назадъ была издана «Сибирская библиографія», и искренно желаемъ почтенному В. И. еще долго трудиться на пользу русской исторической науки.

С. А—въ.

Былины. Русская классная библиотечка, издаваемая под редакціею А. Н. Чудинова. Выпускъ XIII. Спб. 1893.

Воспитательное значеніе пародной поэзіи въ настоящее время, кажется, достаточно понятно всякому, и оспаривать его врядъ ли кто рѣшится. Но для знакомства съ народной поэзіею нашему городскому ребенку представляется очень мало случаевъ. Главнѣйшій источникъ знаній его о природѣ—книга, здѣсь можетъ очень мало сообщить ему. Въ хрестоматіяхъ Буслаева и Галахова мы находимъ сравнительно ничтожное количество былинъ; ученые же собранія ученику средняго учебнаго заведенія почти недоступны. Поэтому нельзя не отнестись сочувственно къ изданію г. Чудинова, избѣгнувшаго краткости хрестоматій и изобилія ученыхъ сборниковъ, могущаго подавить своей массой ученика, не подготовленнаго и лишеннаго зачастую научнаго руководительства.

Настоящій выпускъ «Классной библиотечки» посвященъ произведеніямъ одного изъ наиболѣе богатыхъ отдѣловъ широкой области устнаго народнаго творчества—былинамъ, историческимъ пѣснямъ и духовнымъ стихамъ. Здѣсь же мы находимъ рядъ отрывковъ изъ трудовъ Э. Буслаева, Ор. Миллера и др. изслѣдователей народнаго эпоса, а также весьма любопытное предисловіе, изъ котораго читатель можетъ ознакомиться со взглядами г. Чудинова на задачи школьнаго изученія народной поэзіи и на современное положеніе науки. На этомъ предисловіи мы нѣсколько остановимся, такъ какъ оно объяснитъ намъ нѣкоторые недостатки книги.

Г. Чудиновъ вполне справедливо и безпристрастно констатируетъ тотъ фактъ, что старая Гриммовская миеологическая теорія потеряла въ значительной мѣрѣ кредитъ въ глазахъ новѣйшихъ изслѣдователей фольклора, что теорія международныхъ заимствованій, возникшая подъ вліяніемъ Бенфея и нашедшая у насъ дальнѣйшее развитіе въ трудахъ А. Веселовскаго и другихъ, «теперь уже обоснована положительнымъ образомъ». Но такое признаніе ничуть, какъ оказывается, не обязываетъ г. Чудинова быть послѣдовательнымъ. Далѣе, въ текстѣ, мы находимъ излюбленную миеологами классификацію, ихъ объясненія и т. п. Г. Чудиновъ, различая зачѣмъ-то богатырей старшихъ и младшихъ (не имѣя на то никакого научнаго основанія), оправдывается тѣмъ, что поступаетъ «согласно установившемуся въ педагогической практикѣ дѣленію»; но неужели эта «педагогическая практика» есть нѣчто невыблемое, міровой законъ, который всегда и вездѣ неизмѣнно долженъ повторяться? Если бы мы во всѣхъ случаяхъ вадумали ссылаться на «установившуюся практику», то возможно ли было бы хотя ничтожный прогрессъ? Къ сожалѣнію, наши педагоги отличаются изумительной неподвижностью и многія истины, сдѣлавшіяся достояніемъ положительной науки, ждутъ много времени, пока попадутъ въ учебники, въ эти послѣднія убѣжища отжившихъ взглядовъ, давно признанныхъ несостоятельными положительной наукой.

* Страннымъ кажется намъ и то обстоятельство, что г. Чудиновъ, «считая особенно важнымъ постепенно знакомить учениковъ старшихъ классовъ съ приемами научной критики, съ языкомъ и изложеніемъ, принятыми въ ученыхъ изслѣдованіяхъ», всетаки, «при всемъ желаніи не счелъ возможнымъ внести въ него (то-есть въ этотъ выпускъ) выводы сравнительно-историческаго анализа школы заимствованій,—выводы, пока не соотвѣт-

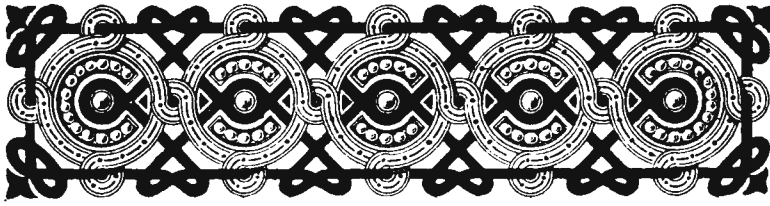
ствующіе условія и требованія средняго образованія», то-есть г. Чудиновъ постарался обойти молчаніемъ дѣйствительные выводы науки и предпочелъ имъ мечтанія и фантазіи миеологовъ. Признаемся, намъ вышеприведенное объясненіе г. Чудинова кажется весьма темнымъ и недоказательнымъ. Если бы г. Чудиновъ считалъ «выводы сравнительно историческаго анализа» невѣрными, если бы, по его убѣжденію, они не имѣли ни научнаго основанія, ни значенія, тогда вполне было бы понято ихъ игнорированіе; но, разъ соглашаясь съ ними, г. Чудиновъ былъ обязанъ внести ихъ въ свою книгу хотя бы на ряду съ краснорѣчивыми, поэтическими, но мало убѣдительными разсужденіями миеологовъ, къ которымъ, слѣдуетъ замѣтить, и самъ г. Чудиновъ относится съ сомнѣніемъ. Такая непоследовательность, такая неискренность кажутся намъ особенно неумѣстными въ педагогѣ.

Изъ приложенныхъ къ тексту былинь статей О. Буслаева, Ор. Миллера, Л. Майкова и Н. Порфирьева лишь первая—объ эпическомъ періодѣ народа, имѣетъ несомнѣнныя достоинства, чего нельзя сказать объ остальныхъ. Въ послѣднихъ ученикъ врядъ ли почерпнетъ что либо новое, такъ какъ въ нихъ, кромѣ фантазій авторовъ, найдеть лишь пересказъ извѣстнаго ему содержанія былинь. Впрочемъ, въ статьѣ, взятой изъ изслѣдованія Л. Майкова, ученикъ можетъ ознакомиться съ образцовой характеристикой нашего національнаго героя богатыря Ильи Муромца.

Намъ кажется, что не слѣдовало бы дѣлать богатырей на старшихъ и младшихъ, а ужъ если изъ педагогическихъ видовъ было бы необходимо ихъ разбить на группы, то они сами естественно дѣлятся на богатырей заимствованныхъ и явившихся на русской почвѣ, сообразно источникамъ сказаній и былинь. Далѣе не слѣдовало бы дѣлать такого рѣзкаго различія между былинами и историческими пѣснями, такъ какъ онѣ различаются лишь въ теоріи, на дѣлѣ же историческая пѣсня и былина слагаются изъ однихъ и тѣхъ же эпическихъ элементовъ. Наконецъ, полезно было бы указать на связь былинь и духовныхъ стиховъ съ древней апокрифической и житійной литературой, вмѣсто потерявшей научное значеніе статьи Ор. Миллера о «Книгѣ голубиной», тѣмъ болѣе, что о послѣдней мы имѣемъ изслѣдованіе г. Мочульскаго; также относительно стиха о Егоріи Храбромъ была бы полезнѣе хотя краткая компиляція изъ изслѣдованій А. Кирпичникова и А. Веселовскаго, нежели ничего не говорящая статья Н. Порфирьева.

Что касается текстовъ былинь, то въ общемъ они довольно исправны, кромѣ былины о Добрынь Никитичѣ (стр. 47), которая помѣщена въ вариантѣ съ пропусками, нарушающими гармонію стиха. Также отсутствуютъ указанія, откуда взяты напечатанные образцы былинь. Не мѣшало бы также снабдить книжку краткимъ обзорѣніемъ исторіи собранія былинь у насъ, въ Россіи, и указать наиболѣе замѣчательные сборники. Этимъ можно бы заинтересовать ученика и натолкнуть его на мысль ознакомиться поближе съ сокровищами нашей народной поэзіи.

Не смотря на указанные недостатки, книга г. Чудинова, безъ сомнѣній, окажетъ пользу въ средней школѣ, давая во всякомъ случаѣ гораздо больше, нежели имѣющіяся у насъ хрестоматіи. Книга издана изящно, и къ ней приложены—портретъ одного изъ олонецкихъ сказителей старшаго поколѣнія, нынѣ умершаго, Трофима Григорьевича Рябинина, и рисунокъ, изображающій различныхъ богатырей нашего эпоса. С. Т—скій.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

АВЪЯ ПОДРОБНОСТИ О ВЪЯТІИ БАСТИЛИИ. «Revue de Famille», въ книжкѣ отъ 15-го іюня, вышедшей на другой день послѣ національнаго французскаго праздника, который установленъ въ честь взятія Бастиліи 14-го іюня 1789 года, начинается печатанье отрывковъ изъ неизданныхъ до сихъ поръ «Мемуаровъ генерала Росиньоля» съ разсказа этого очевидца о томъ, что произошло передъ его глазами въ знаменательный день паденія грозной твердыни древней французской монархіи. Этотъ генераль Росиньоль, второстепенный и мало извѣстный дѣятель французской революціи, сынъ простаго разсмыльнаго, поступилъ пятнадцати лѣтъ въ солдаты, ее умѣя и не желая работать, а послѣ восьмилѣтней военной службы, во время которой онъ не разъ подвергался наказаніямъ за нарушеніе дисциплины и насильственныя дѣйствія противъ товарищей, а также начальниковъ, вышелъ въ отставку и явился въ Парижъ наканунѣ революціи, въ первыхъ эпизодахъ которой онъ принялъ живое участіе. Какъ одинъ изъ вожаковъ народныхъ возстаній въ Парижскихъ предмѣстьяхъ, онъ былъ назначенъ въ 1793 году полковникомъ и командиромъ отряда пѣшихъ жандармовъ въ береговой Ла-Рошельской арміи, подъ начальствомъ Бирона; вскорѣ онъ былъ арестованъ за допущеніе беспорядковъ въ своемъ отрядѣ, но сумѣлъ повернуть дѣло такъ, что Конвентъ не только оправдалъ его, но смѣстилъ его начальника и сдѣлалъ его самого главнокомандующимъ въ тридцать три года. Не обладая никакими способностями для достойнаго исполненія своихъ новыхъ обязанностей, Росиньоль былъ очень плохимъ полководцемъ и отличался только чрезвычайными жестокостями; такъ, онъ издалъ приказъ, что будетъ платять по десяти франковъ за каждую доставленную пару роялистскихъ ушей. Уволенный отъ своего высокаго поста послѣ паденія Робеспьера, онъ дѣятельно участвовалъ въ заговорѣ Бабѳа, а послѣ взрыва

адской машины въ 1800 году его арестовали и сослали въ Африку, гдѣ онъ умеръ сорока трехъ лѣтъ отъ губельнаго вліянія тамошняго климата. Эта, почти невѣдомая и мало интересная личность оставила послѣ себя любопытные мемуары, въ которыхъ просто, безхитростно и далеко не литературно, такъ какъ онъ никогда не учился ни въ какой школѣ, рассказываетъ мелочныя, но знаменательныя и часто до сихъ поръ неизвѣстныя подробности о великихъ событіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ личное участие. Такъ, его рассказъ о взятіи Бастиліи отличается живостью, графической рельефностью и тѣмъ большимъ историческимъ интересомъ, что, по его собственнымъ словамъ, за два дня передъ тѣмъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, что совершается революція, и даже, что такое революція, а его первое знакомство съ нею совершилось 12-го іюля вечеромъ, когда извѣстіе о томъ, что жгутъ городскія заставы, побудило его съ нѣсколькими товарищами покинуть маленькій уличный балъ въ Бельвилѣ, и при встрѣчѣ съ отрядами вооруженныхъ гражданъ, уничтожившихъ этотъ символъ старыхъ порядковъ, онъ былъ вынужденъ ими впервые кричать: «да здравствуетъ среднее сословіе», что онъ охотно исполнилъ, такъ какъ, по его объясненію своимъ товарищамъ, среднее сословіе значило рабочей классъ, къ которому они всѣ принадлежали. На слѣдующій день Росиньоль присутствовалъ на нѣсколькихъ народныхъ сходкахъ, имѣвшихъ цѣлью добыть оружіе для защиты города отъ королевскихъ швейцарцевъ, и на одной изъ нихъ сдѣлалъ предложеніе о томъ, чтобъ у дворянъ было отобрано все находящееся у нихъ оружіе и роздано народу, но такъ какъ на сходкѣ присутствовало много мѣстныхъ жителей изъ аристократовъ, маркизовъ, бароновъ, кавалеровъ ордена св. Людовика и т. д., то его подняли на смѣхъ и даже совѣтовали отправить его въ сумасшедшій домъ. Когда оказалось, что городская ратуша не исполнила своего обѣщанія и не выдала ружей добровольнымъ ея защитникамъ, то утромъ 14-го іюня громадныя толпы отправились добывать ихъ себѣ въ Домъ Инвалидовъ, гдѣ, по слухамъ, ихъ находилось около 40.000 штукъ; они были сложены въ подвалахъ, и давка произошла такая, что нѣсколько человекъ погибло. Все таки Росиньоль досталъ себѣ тамъ ружье, хотя его едва не задавили, и вернулся въ свой кварталъ св. Павла. Не доставало только зарядовъ, и ихъ приготовили изъ купленныхъ пуль и также пороха, имѣвшагося въ количествѣ двухъ фунтовъ у одного изъ его товарищей. «Послѣ полудня, рассказываетъ онъ, распространился слухъ, что убиваютъ нашихъ братьевъ у Бастиліи, и мы побѣжали туда въ количествѣ восьми человекъ; по дорогѣ мы услышали выстрѣлъ картечью изъ Бастиліи, и на большой улицѣ Сентъ-Антуанскаго квартала былъ убитъ почтальонъ; мы продолжали путь гуськомъ, пробираясь вдоль домовъ. Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что, кромя насъ, никто не спѣшилъ къ Бастиліи, что всѣ лавки и двери домовъ были закрыты такъ, что некуда было спастись, и наконецъ въ Геменейскомъ переулкѣ спокойно стояла рота національной гвардіи безъ офицеровъ и подъ начальствомъ однихъ сержантовъ. «Друзья мои,—сказалъ я, обращаясь къ нимъ,—нашихъ братьевъ убиваютъ у Бастилію, а вы тутъ стоите и ничего не дѣлаете; пойдемте на помощь къ нимъ». Они отвѣчали, что не могутъ покинуть назначеннаго имъ поста, и не смотря на всѣ мои увѣщанія, ни одинъ изъ нихъ не двинулся за нами. Вскорѣ мы вошли въ Бастилію чрезъ открытую рѣшетку и прежде всего отправились въ арсеналь, который уже

былъ взятъ народомъ и опустошенъ, хотя тамъ оказалось немного старыхъ ружей, сабель и събиръ. Находившаяся подъ арсеналомъ казарма инвалидовъ была покинута ими еще наканунѣ, и всѣ защитники Бастиліи сосредоточились въ самой крѣпости. Это обстоятельство мнѣ въ послѣдствіи подтвердили сами инвалиды и, по ихъ словамъ, въ одиннадцать часовъ съ половиной они дали залпъ по народу, а офицеръ швейцарцевъ сказалъ при нихъ коменданту Делонэ, что защитниковъ было совершенно достаточно для удержанія крѣпости до прибытія помощи. Первый огонь продолжался около часа, и Делонэ сказалъ гарнизону: «Если инвалиды не будутъ исполнять своего долга, то я приказываю вамъ, швейцарцамъ, разстрѣливать ихъ, на мѣстѣ». Это приказаніе было исполнено нѣкоторыми изъ швейцарцевъ, которые охраняли башни и постоянно стрѣляли изъ амбразуръ. Вооруженные граждане прикрывались стѣнами домовъ и трубами на крышахъ отъ этого огня, который прекратился только къ 2½ часамъ. Тогда одинъ изъ насъ, по имени Турнэ, по ремеслу телѣжникъ, но прежде находившійся на военной службѣ, рѣшилъ опустить первый подъемный мостъ; онъ взлѣзъ на плеча своихъ товарищей, схватилъ за одну изъ цѣпей моста, добрался до верха и, не смотря на сотню ружейныхъ выстрѣловъ, сломалъ ударами молота замки и засовы, удерживавшіе мостъ. Наконецъ мостъ опустился, и только тогда гарнизонъ прекратилъ свой огонь; гражданинъ Турнэ не погибъ, но восемь пуль пробили его шляпу, передникъ и одежду. Въ три часа прибыли изъ городской ратуши двѣ роты національной гвардіи и, войдя во дворъ арсенала, выстроились въ двѣ шеренги, причемъ тотчасъ начали стрѣлять. Вскорѣ явились и двѣ пушки; тогда всѣ граждане приняли участіе въ дѣлѣ, и даже женщины приносили порохъ въ передникахъ, а дѣти таскали на рукахъ ядра. Черезъ нѣсколько времени на одной изъ башенъ показался бѣлый платокъ, прикрѣпленный къ штыку; мы подумали, что крѣпость сдается, по это была только новая измѣна, и народъ, бросившійся къ второму подъемному мосту, былъ встрѣченъ залпомъ швейцарцевъ, которые положили на мѣстѣ всѣхъ, кто пошелъ впередъ. Тогда пустили въ ходъ пушку, и огонь ея направлялъ гражданинъ Эли, служившій офицеромъ въ бывшемъ полку королевы. Спустя нѣсколько минутъ, и другую пушку подвезли къ подъемному мосту, который еще былъ поднятъ. Не успѣли открыть пальбы изъ этого орудія, какъ мы увидели, что кто-то просовываетъ какую-то бумагу сквозь цѣпи моста. Немедленно была перекинута доска черезъ ровъ, и одинъ смѣльчакъ пустился по ней, но потерялъ равновѣсіе, упалъ въ ровъ и убится до смерти. Послѣдовавшій за нимъ гражданинъ былъ счастливѣе и привнесъ бумагу Эли, который прочелъ ее народу. Это была капитуляція. Мы были очень возбуждены, и многие не хотѣли слышать о капитуляціи, а требовали, чтобъ всѣ защитники крѣпости были истреблены за ихъ измѣну. Но, спустя четверть часа, опустили подъемный мостъ, который, по моему совѣту, былъ закрѣпленъ на случай новой измѣны, и мы вошли большой толпой въ Бастилію. Съ одной стороны стояли инвалиды, а съ другой швейцарцы съ сложенными передъ ними на землѣ оружіемъ. Я не видалъ, что произошло относительно коменданта, потому что прямо пошелъ на верхъ башенъ. По дорогѣ я видалъ дверь съ незапертымъ замкомъ; я снялъ засовъ и открылъ ее. Это была одна изъ темницъ, и въ ней находился молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, хорошо сложенный, но очень блѣдный. «Успокойтесь, мой другъ,—сказалъ я,—мы васъ освобождаемъ, уходите не боясь ничего». Я от-

правиль его внизъ съ двумя товарищами, а самъ поднялся на башню, гдѣ уже было трое гражданъ, которые повернули пушки въ другую сторону и навели такой страхъ на находившихся тамъ нѣсколькихъ швейцарцевъ, что они упали на колѣни и просили пощады, но двухъ изъ нихъ сбросили съ башни внизъ. Извнѣ все еще продолжался огонь, такъ какъ народъ не зналъ, что крѣпость была въ его рукахъ. Густой дымъ поднимался столбомъ отъ зажженной народомъ телѣги съ навозомъ. Я сказалъ одному изъ національныхъ гвардейцевъ, послѣдовавшихъ за мною: «взлѣзьте на пушку и помахайте народу своимъ киверомъ, надѣтымъ на штыкъ; я увѣренъ, что тогда огонь прекратится». Такъ дѣйствительно и случилось; отовсюду раздались крики радости. Но когда я хотѣлъ спуститься съ башни, то на лѣстницѣ толпа была такъ велика, что меня едва не задавили, и я былъ такъ помятъ, что едва добрался до жившей вблизи сестры, у которой и пролежалъ двѣ недѣли». Хотя изъ предосторожности Росиньоль просилъ своихъ родственниковъ никому не говорить, что онъ былъ при взятіи Бастиліи, но вскорѣ, по его словамъ, всѣ стали добиваться чести быть признанными въ числѣ героевъ этого событія, а когда учредительное собраніе установило особый знакъ отличія для этихъ патриотовъ, то множество никогда не участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ всячески старались, даже путемъ подкупа, добиться столь высокой чести. Росиньоль увѣряетъ, что дѣйствительно участвовало во взятіи Бастиліи не болѣе шести сотъ человекъ, а официально признано такихъ участниковъ восемьсотъ шестьдесятъ три, въ томъ числѣ не мало аристократовъ и богачей, тогда какъ въ сущности одержали тогда побѣду и жертвовали собою только бѣдняки.

— Столѣтняя годовщина убійства Марата Шарлотой Кордэ. Серія годовщинъ первой французской революціи въ нынѣшнемъ году имѣетъ кровавый характеръ: послѣ столѣтія смерти Людовика XVI, 21-го января, и въ ожиданіи такого же столѣтія казни Маріи-Антуанеты, 16-го октября, наступило наканунѣ національнаго праздника сто лѣтъ съ убійства Марата Шарлотой Кордэ. По случаю этихъ революціонныхъ годовщинъ парижская печать выпускаетъ особыя прибавленія съ иллюстраціями того времени и подробнымъ описаніемъ совершившагося историческаго событія со словъ очевидцевъ и на основаніи научныхъ трудовъ лучшихъ французскихъ историковъ. Въ этомъ отношеніи пальма первенства принадлежитъ «Figaro», и онъ уже издалъ такихъ три отдѣльныхъ иллюстрированныхъ номера подъ общимъ названіемъ: «Великіе революціонные дни»; первые два были посвящены взятію Бастиліи и казни Людовика XVI, а послѣдній озаглавленъ: «Шарлота Кордэ и Жанъ-Поль Маратъ, 13-го іюля 1793 года». Этотъ выпускъ, украшенный копіями портретовъ и картинъ, писанныхъ современниками, заключаетъ въ себѣ пространные біографическіе очерки «Ангела убійства», какъ поэтически называетъ Ламартинъ Шарлоту Кордэ, и «Демона патриотизма», какъ характеризуетъ Марата одинъ изъ современныхъ парижскихъ публицистовъ, Гебраръ. Авторъ очерковъ, молодой историкъ Поль Голо, обнаруживаетъ добросовѣстное изученіе историческихъ матеріаловъ и сравнительное безпристрастіе, хотя, конечно, какъ подобаетъ сотруднику «Figaro» онъ изображаетъ «ангела» въ поэтическихъ краскахъ, а «демона» представляетъ кровожаднымъ безумцемъ, предметомъ всеобщаго отвращенія, какъ только мѣновала эпоха кратковременнаго народнаго культа. «Любопытно,— говоритъ онъ въ концѣ своего труда,— что во имя родины и республики Ма-

ратъ требовалъ казней, а Шарлота убила его во имя той же республики и той же родины, которыя, конечно, не требовали ничего подобнаго». Въ своей характеристикѣ Марата, Голо признаетъ, что онъ соединялъ въ себѣ нѣсколько разныхъ личностей и, что кромѣ кровожаднаго, грубаго, циничнаго «демона», въ немъ совмѣщались еще пламенный, гуманный трибунъ, талантливый литераторъ, редакторъ «Друга Народа» и «Газеты Французской Республики», серьезный ученый, извѣстный многими работами по физикѣ, именно по изслѣдованію огня, свѣта и электричества, модный докторъ, имѣвшій громадную практику, и, что страннѣе всего, свѣтскій человекъ, любимецъ аристократокъ. Но всеѣмъ — наукой, литературой, докторской практикой, свѣтскимъ обществомъ, онъ пожертвовалъ любви къ народу. «Онъ всецѣло отдался революціонному движенію, — говоритъ Голо, — но совершенно понималъ его иначе, чѣмъ другіе. Пререканія между тремя сословіями казались ему мелочными и пустыми, а уничтоженіе дворянскихъ привилегій въ пользу средняго сословія онъ считалъ недостаточной уступкой. Въ его глазахъ общество состояло только изъ богатыхъ и бѣдныхъ, а потому смѣшно было давать свободу людямъ, умиравшимъ съ голода. Онъ сдѣлался защитникомъ всѣхъ несчастныхъ и обездоленныхъ, настоящимъ другомъ народа, какъ онъ самъ и какъ всеѣ его называли. И тѣ, которымъ онъ такъ горячо сочувствовалъ, платили ему пламенной любовью; отсюда его колоссальная популярность. Но въ разгарѣ борьбы онъ все болѣе и болѣе увлекался патріотическими крайностями; преграды приводили его въ ярость, противодѣйствія его бѣсили, преслѣдованія выводили его изъ себя, тяжелая болѣзнь кожи заставляла его переносить ужасныя страданія, и все это, наконецъ, превратило гуманнаго человека въ дикаго, лютаго звѣря». Трагическое убійство Марата довело до апогея его культъ, и никто во Франціи не удостоивался послѣ смерти такихъ почестей, какъ онъ: Конвентъ устроилъ ему торжественныя похороны, сердце его было помѣщено отдѣльно въ агатовой вазѣ, тѣло перенесено въ Пантеонъ, на Карусельской площади воздвигнуто ему громадный памятникъ, его бюстъ поставленъ во всѣхъ частяхъ Парижа, на всѣхъ театрахъ давались пьесы, предметомъ которыхъ была его смерть, и безчисленныя стихотворенія были посвящены трагическому событію. Но не прошло двухъ лѣтъ, какъ офиціальныи культъ Марата прекратился: его памятникъ разрушенъ, и его останки, вынесенныя изъ Пантеона, преданы землѣ на кладбищѣ св. Женевьевы. Хотя Голо увѣряетъ, что съ тѣхъ поръ исчезла и популярность имени Марата, а его память предается общему проклятію, но достаточно, на примѣръ, войти въ недавно устроенный рабочими въ Парижѣ «Народный Домъ», гдѣ на первомъ мѣстѣ стоятъ гигантскій бюстъ «Друга Народа», чтобъ убѣдиться въ противоположномъ. Естественно, что имя Шарлоты Кордѣ окружено въ исторіи и посвященной ей обширной литературѣ поэтическимъ ореоломъ славы, хотя если она была «ангеломъ», то чисто женскимъ. Странную улыбку вызываютъ, на примѣръ, достовѣрныя свѣдѣнія объ ея заботахъ послѣ совершеннаго убійства о томъ, чтобъ ея портретъ сохранился для потомства, но, конечно, она при этомъ немало рисовалась, а во всѣхъ ея крупныхъ и мелкихъ дѣйствіяхъ одинаково просвѣчиваетъ ея восторженная, увлекающаяся натура, вдохновленная геройскими идеалами Корнеля, внучкой котораго она могла быть, не смотря на увѣренія Голо, потому что приходилась правнучкой его сестрѣ. Это обстоятельство, однако, не помѣшало красивой, двадцати четырехъ-лѣтней дѣвушкѣ разыграть вполне искренно

и съ пламеннымъ энтузіазмомъ такую трагедію, подъ которой съ восторгомъ подписалъ бы свое имя ея прадѣдъ, и которую тщетно старался воспроизвести для сцены Понсаръ въ своей извѣстной драмѣ, переполненной громкими стихами, но нимало не вызывающей передъ зрителями поэтическаго образа «ангела убійства». Этотъ образъ гораздо рельефнѣе выступаетъ на столбцахъ подробнаго, чисто репортерскаго разсказа Голо о томъ, какъ Шарлота Кордэ подъ впечатлѣніемъ пламенныхъ рѣчей бѣжавшихъ изъ Парижа жирондистовъ задумала свое кровавое дѣло, какъ энергично и хладнокровно его исполнила, какъ спокойно предстала передъ революціоннымъ трибуналомъ, гордо признавая, что она убила одного человѣка для спасенія сотни тысячъ, какъ, наконецъ, съ удивительнымъ геройствомъ взошла на эшафотъ и положила свою красивую голову подъ остріе гильотины.

— День Наполеона въ Тюльери. Въ настоящемъ году начинается рядъ годовщинъ Наполеоновскихъ военныхъ подвиговъ, именно 17-го декабря минетъ сто лѣтъ взятію Тулона у англичанъ республиканскими войсками, въ которыхъ артиллеріей командовалъ молодой офицеръ Бонапартъ, провозведенный въ генералы за оказанныя имъ значительныя услуги въ этомъ дѣлѣ, положившемъ основу его удивительной карьеры. Эта первая Наполеоновская годовщина, такъ какъ распатавшаяся декабрьская имперія пропустила официальное празднованіе въ 1869 году столѣтій его рожденія, а французскому народу было тогда не до прославленія создателя первой имперіи,—совпадаетъ съ новымъ пробужденіемъ интереса ко всему, что касается до Наполеона и его эпохи: женщины воскресили моды имперіи, живописцы изображаютъ одинъ за другимъ не только знаменитые, но и мелкіе эпизоды Наполеоновской эпохи, издатели наперерывъ откапываютъ и печатаютъ мемуары Наполеоновскихъ сподвижниковъ, литераторы посвящаютъ безконечное число книгъ и статей различнымъ сторонамъ чудовищной дѣятельности этого необыкновеннаго человѣка. Къ числу наиболее оригинальныхъ и новыхъ вкладовъ въ богатую Наполеоновскую литературу надо отнести очеркъ, составленный по достовѣрнымъ источникамъ французскимъ историкомъ Фредерикомъ Масономъ, о томъ, какъ проводилъ Наполеонъ обыкновенно свой день въ Тюльери. Эта блестящая, историческая картинка помѣщена въ «Revue de Famille», который уже повнакомилъ своихъ читателей съ днемъ Людовика XIV въ Версалѣ. Но между днемъ перваго французскаго императора и славнѣйшаго французскаго короля было громадное различіе: послѣдній во всемъ, какъ въ внѣшней, такъ и въ внутренней своей жизни, строго придерживался придворному этикету и постоянно священнодѣйствовалъ во всемъ на глазахъ у всѣхъ, а первый рѣзко дѣлилъ свою жизнь на двѣ части: на парадную, въ которой онъ придерживался традицій Бурбонскаго этикета, и на частную, въ которой онъ жилъ свободно, самостоятельно, не признавая никакихъ постороннихъ правилъ и церемоній. Согласно этому подраздѣленію своей жизни и помѣщеніе, занимаемое имъ въ Тюльери имѣло парадныя и внутреннія апартаменты. Хотя Наполеонъ нигдѣ долго не жилъ, но, всетаки, онъ всего болѣе живалъ въ Тюльери и въ продолженіе одиннадцати лѣтъ проводилъ въ этомъ дворцѣ около трехъ мѣсяцевъ въ году. Поэтому въ Тюльери были образцовыя внутреннія апартаменты, и по ихъ примѣру устраивали такое же помѣщеніе въ многочисленныхъ дворцахъ тогдашней обширной Франціи и Италіи; даже во время его частыхъ похо-

довъ, какъ только онъ останавливался на нѣкоторое время въ какомъ нибудь замкѣ, тотчасъ устраивали ему рядъ комнатъ и разставляли въ нихъ мебель по образцу внутреннихъ апартаментовъ въ Тюльери. Эти историческіе покои находились въ нижнемъ этажѣ, рядомъ съ павильономъ Флоры, и сообщались съ парадными апартаментами, но Наполеонъ такъ любилъ уединеніе, что даже эти внутренніе покои еще дѣлились на большіе и малые, или секретные; первые состояли изъ передней, кабинета, маленькаго кабинета, топографической комнаты, спальни, туалетной, ванной и гардеробной, а послѣдніе находились надъ первыми въ антресолѣ и заключались въ передней, столовой, кабинетѣ, двухъ гостинныхъ, спальнѣ, будуарѣ и гардеробной. Всѣ эти комнаты были не большія, особенно наверху, и не отличались пышнымъ убранствомъ, кромѣ спальни внизу, но трудно сказать, была ли она, послѣ ея великолѣпной передѣлки въ 1805 году, только парадной, или дѣйствительно Наполеонъ проводилъ въ ней когда нибудь ночи. Гдѣ бы онъ, однако, ни спалъ, ежедневно между шестью и семью часами въ его спальню входилъ старшій камердинеръ, и Наполеонъ немедленно просыпался. Онъ отличался способностью спать не болѣе шести часовъ въ сутки, причемъ ему было все равно, былъ ли этотъ сонъ подъ рядъ или съ промежутками, и въ одну секунду переходить отъ глубокаго сна къ бодрствованію. Обыкновенно его первыми словами были: «Открой окна, дай подышать Божьимъ воздухомъ», такъ какъ онъ терпѣть не могъ спертаго воздуха и хотя любилъ теплыя комнаты, но всегда отворялъ окна. Пока камердинеръ, Констанъ Вери, оставившій послѣ себя любопытные, но не всегда достовѣрные мемуары, освѣжалъ комнату, Наполеонъ пробѣгалъ газеты, что было не трудно, такъ какъ въ то время газетъ было немного, небольшого формата, и онѣ наполнялись исключительно лично редактированными имъ статьями. вмѣстѣ съ тѣмъ другой лакей зажигалъ огонь въ каминѣ, и въ спальню входили дожидавшіеся въ первой гостиной оберъ-гофмаршалъ, начальникъ гардеробной части и докторъ Корвизаръ, или хирургъ Юрбенъ Иванъ, которые всюду сопровождали императора. Разговаривая съ ними и часто весело шутя, онъ вставалъ съ постели, выпивалъ чашку чая, или fleur d'orange, и переходилъ въ ванную комнату. Онъ страстно любилъ горячую ванну, часто сидѣлъ въ ней по часу и постоянно прибавлялъ горячую воду; если получались въ это время спѣшныя депеши, то секретарь читалъ ихъ вслухъ, стоя передъ ванной. Затѣмъ онъ надѣвалъ длинный сюртукъ, или халатъ изъ бѣлаго пика, или бѣлой фланели, и, не снимая шелковаго платка, которымъ на ночь повязывалъ себѣ голову, приступалъ къ своему туалету, а иногда въ случаѣ надобности принималъ въ этомъ костюмѣ и министровъ, въ маленькомъ кабинетѣ. Хотя ему помогали одѣваться нѣсколько камердинеровъ, и Констанъ замѣчаетъ, что онъ былъ «человѣкъ, любившій прислугу», Наполеонъ, однако, самъ брился, самъ стригъ себѣ ногти, причемъ ломалъ ножницы, если онѣ оказывались не довольно острыми, и самъ теръ себѣ руки и грудь щеткой. Покончивъ свой туалетъ и надѣвъ обыкновенно мундиръ гвардейскихъ конныхъ егерей, или пѣшихъ гренадеровъ, онъ бралъ свою маленькую историческую треуголку, золотую лорнетку, табакерку и бонбоньерку съ лепешками изъ лакрицы. Ровно въ девять часовъ Наполеонъ начиналъ свой officialный и рабочій день. Прежде всего происходилъ выходъ, на которомъ присутствовали всѣ высшія должностныя лица и придворныя чины; императоръ очень коротко говорилъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, и то

громко, такъ что его слова обращались въ сущности ко всѣмъ и заключались не въ привѣтствіяхъ, а въ краткихъ приказахъ. Послѣ этого наступала очередь отдѣльнымъ аудіенціямъ, на которыхъ онъ также кратко объяснялся съ своими собесѣдниками и, узнавъ отъ нихъ все, что ему было нужно, отпускалъ ихъ холоднымъ кивкомъ головы, такъ какъ онъ никому не протягивалъ руки. Все это продолжалось до одиннадцати часовъ, когда подавался завтракъ, состоявшій обыкновенно изъ супа, жаркого, зелени, десерта и кофе; въ особенности Наполеонъ любилъ цыплятъ подъ всѣми видами и соусами; ѣлъ же онъ немного и очень быстро, такъ что весь завтракъ продолжался не болѣе восьми минутъ. Онъ всегда завтракалъ одинъ, исключая короткаго времени между своей второй свадьбой и рожденіемъ римскаго короля, но всегда любилъ, чтобъ при этомъ присутствовали дѣти, племянники, сынъ и даже дѣти его слугъ, особенно извѣстнаго арапа Рустаана. Впрочемъ, онъ не только допускалъ къ своему завтраку дѣтей, которыхъ онъ вообще очень любилъ, но также ученыхъ и артистовъ, преимущественно актера Тальму, архитектора Фонтана, химика Бертоле и живописца Давида. Однако разговоры съ этими излюбленными посѣтителями продолжались не долго, и Наполеонъ вскорѣ удалялся въ свой кабинетъ, гдѣ начиналась серьезная работа съ его частнымъ секретаремъ, обязанности котораго сначала исполнялъ Бурьенъ, а потомъ Меневаль и Фанъ. Кромѣ того, у него были два такъ называемые кабинетные секретаря, но они подготавливали извнѣ матеріалы для его работы, два бібліотекаря и начальникъ топографическаго отдѣла, который ежедневно отмѣчалъ на картахъ движенія многочисленныхъ французскихъ армій. На карты и на книги императоръ ничего не жалѣлъ, но послѣднія отличались своей многочисленностью, а не переплетами, которые были очень простые, кожаные, съ императорскимъ гербомъ. Онъ читалъ все, что только выходило въ свѣтъ, но романы и брошюры обыкновенно пробѣгалъ въ каретѣ во время своихъ путешествій и тотчасъ же выбрасывалъ ихъ въ открытое окно, но всѣ полевныя книги онъ строго сохранялъ и зналъ, гдѣ, въ какой дворцовой бібліотекѣ и даже въ какомъ шкапу находится та, или другая изъ нихъ. Относительно документовъ и бумагъ онъ соблюдалъ тотъ же порядокъ, ту же аккуратность: они сохранялись въ особыхъ портфеляхъ, отъ которыхъ ключъ находился у него, и въ отдѣльныхъ коробкахъ, которыя онъ самъ классифицировалъ. «Только благодаря строгой системѣ въ распредѣленіи труда и его матеріаловъ,—замѣчаетъ Массонъ,—Наполеонъ могъ совершать ежедневно непостижимо громадную массу труда, которая обнимала не только общіе вопросы, но и всевозможныя мелочи; только благодаря этому, онъ могъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ думать одинъ за восемь-десять милліоновъ человѣкъ». Возвратясь въ свой кабинетъ, Наполеонъ принимался за работу, которая длилась безъ перерыва до обѣда, назначеннаго въ шесть часовъ, но часто происходившаго въ восемь и даже одиннадцать. Работа эта была самая разнообразная и обнимала всевозможные предметы: Наполеонъ то, ходя по комнатѣ, диктовалъ своему секретарю письма и депеши; то читалъ бумаги, представленныя различными министрами, и лично помѣчалъ на нихъ свои резолюціи; то обсуждалъ текущіе вопросы съ министрами и начальниками отдѣльныхъ частей, такъ какъ министерскіе совѣты онъ собиралъ очень рѣдко; то принималъ курьеровъ съ депешами изъ армій и иностранныхъ государствъ; то слушалъ переводы выдающихся загранич-

ныхъ брошюръ, или журнальныхъ статей и тотчасъ диктоваль краснорѣчивый отвѣтъ, появлявшійся въ «Монитерѣ»; то разбираль лично, или черезъ секретарей жалобы и просьбы всевозможныхъ лицъ, допускаемыхъ ежедневно во дворецъ въ продолженіе двухъ часовъ, и немедленно разрѣшаль ихъ; то входилъ въ обсужденіе частныхъ и семейныхъ дѣлъ выдающихся личностей, причѣмъ имѣль особое пристрастіе къ сватовству, щедро награждая молодыхъ въ случаѣ сочувственнаго ему брака; то, наконецъ, переходилъ изъ кабинета въ залу государственнаго совѣта, помѣщавшагося во дворцѣ подлѣ парадныхъ апартаментовъ, и тамъ часами предѣлательствовалъ, принимая личное участіе въ преніяхъ по различнымъ законодательнымъ и административнымъ вопросамъ. Во время консульства, онъ ежедневно бываль въ государственномъ совѣтѣ, а во время имперіи, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю и, по его собственному выраженію, государственный совѣтъ былъ «обсужденіемъ его мысли», тогда какъ министры представляли «исполненіе его мысли». Всю эту колоссальную ежедневную работу, онъ велъ спокойно, методично, безъ малѣйшаго утомленія, или ослабленія умственныхъ силъ. «Я рожденъ для труда и не знаю границъ моей способности къ труду,—говорилъ онъ:—для каждаго дѣла у меня особый ящикъ въ головѣ и, когда я кончаю одно дѣло, то закрываю соответственный ящикъ и открываю другой, причѣмъ всѣ эти ящики никогда не перепутываются». Когда вся назначенная на данный день работа была окончена, все равно въ какомъ часу, онъ отправлялся обѣдать въ назначенную имъ заранѣе комнату въ парадныхъ апартаментахъ, такъ какъ опредѣленной столовой у него никогда не было. Обѣдалъ онъ всегда вдвоѣмъ съ женою и посвящаль ѣдѣ не болѣе четверти часа, самъ накладывая себѣ на тарелку кушанья съ блюды, поставленныхъ разомъ на столъ, причѣмъ часто ѣль сладкое прежде жаркого. Сравнительно съ тогдашними пышными банкетами, его ежедневный обѣдъ, состоявшій изъ одиннадцати различныхъ блюдовъ представлялся очень скромнымъ, и то онъ никогда не ѣль каждаго кушанья, а довольствовался очень немногими, запивая ихъ Шамбертономъ, часто разбавленнымъ водою, къ которой онъ питаль особое пристрастіе. Даже во время обѣда Наполеонъ продолжалъ работать, принимая курьеровъ и бесѣдуя съ своимъ бібліотекаремъ. Выпивъ чашку кофе, въ которую клала сахаръ и которую лично подавала ему императрица, Наполеонъ шель въ ея апартаменты, гдѣ происходилъ вечерній выходъ. Поговоривъ немного съ мужчинами и женщинами, въ обществѣ которыхъ онъ всегда чувствовалъ себя неловко, этотъ неутомимый работникъ возвращался къ своему труду, а въ десять часовъ обыкновенно ложился спать. Иногда, но очень рѣдко онъ посѣщаль театры, въ которыхъ оставался не долѣе второго акта, балы у высшихъ сановниковъ и концерты, устраиваемые въ Тюльерійскомъ дворцѣ, но всего чаще онъ пропускаль назначенный часъ для сна не ради забавы, а ради работы, занимаясь иногда съ министрами до двухъ, или трехъ часовъ утра. Даже когда онъ ложился въ постель, то рѣдко спалъ болѣе трехъ часовъ къ ряду, а, проснувшись среди глубокой ночи, вставаль и, потребовавъ секретаря, начиналь ему диктовать, или самъ изучаль на картахъ положеніе своихъ разбросанныхъ повсей Европѣ войскъ. Среди этой работы онъ часто требоваль чашку шоколада или мороженаго, до котораго онъ былъ большой охотникъ, а иногда, кромѣ того, бралъ ванну, которая была всегда для него готова. «Такимъ обра-

вомъ, — замѣчаетъ Массонъ, — изъ двадцати четырехъ часовъ, Наполеонъ посвящалъ только шесть на сонъ и три на представительство, ѣду и удовольствія, а пятнадцать на работу, хотя Редереръ, знавшій его близко, увѣрялъ, что онъ работалъ въ сутки восемнадцать часовъ, такъ какъ онъ никогда не прекращалъ своего умственного труда, за исключеніемъ того времени, когда спалъ».

— Наполеонъ послѣ смерти. Остроумный французскій писатель и академикъ, Эрнестъ Легуве представляетъ на столбцахъ «Revue Bleue» оригинальный опытъ біографіи Наполеона послѣ его смерти. Какъ ни парадоксальна идея разсказать жизнь мертвеца, но Легуве ясно и фактически доказываетъ, что посмертное участіе Наполеона въ событіяхъ современной французской исторіи имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ его дѣйствія при жизни. Преслѣдуемый проклятіями, какъ нестерпимый деспотъ, въ послѣдніе годы своей жизни, онъ послѣ смерти неожиданно приобретаетъ такую славу, которой не имѣлъ даже во времена своего могущества. Странно сказать, но онъ умеръ живымъ, а мертвымъ сталъ жить и творить чудеса. Св. Елена занимаетъ мѣсто въ его исторіи наравнѣ съ Маренго и Аустерлицемъ. Его мученическая смерть, вослѣдствіемъ величайшими поэтами всѣхъ странъ, и появленіе его «Меморіала» произвели настоящую революцію во Франціи. Онъ сдѣлался главой партіи и, что удивительнѣе всего, либеральной партіи, такъ что не парадоксъ извѣстное выраженіе о присутствіи Наполеона въ рядахъ іюньскихъ героевъ. Принявъ участіе въ борьбѣ, этотъ живой мертвецъ получилъ и долю добычи. Луи-Филиппъ сдѣлался королемъ, а Наполеонъ вернулся во Францію съ такимъ торжествомъ, что «весь свѣтъ, — по выраженію Гейне, — вздрогнулъ при одной мысли, что гигантъ св. Елены возсталъ изъ своей гробницы и направляется къ Франціи, съ цѣлью снова овладѣть ею». Это было повтореніемъ возвращенія съ острова Эльбы, но успѣхъ теперь былъ продолжительнѣе; ему много помогло появленіе знаменитой «Исторіи консульства и имперіи» Тьера, а революція 1848 года послужила предлогомъ къ личному появленію Наполеона на политической сценѣ. Онъ, онъ одинъ возвратилъ изъ изгнанія своего племянника и сдѣлалъ его прежде депутатомъ, потомъ президентомъ и, наконецъ, императоромъ. «Втеченіе восемнадцати лѣтъ, — говоритъ Легуве, — этотъ призракъ испровергнулъ королевскій тропъ, уничтожилъ республику и возстановилъ имперію. Что оставалось ему еще сдѣлать? Подниматься выше было некуда, но онъ могъ пойти внизъ. Такъ и случилось, и эта вторая фаза посмертнаго существованія Наполеона, быть можетъ, еще удивительнѣе первой. Кровь, пролитая 2-го декабря, обрызгала 18-е брюмера, которое было въ сущности безкровнымъ государственнымъ переворотомъ, и новыя поколѣнія стали проклипать эти два историческія событія съ одинаковой ненавистью. Благодаря враждебнымъ чувствамъ къ второй имперіи, подвергли пересмотру всю дѣятельность Наполеона I и его значеніе стали умалывать съ такой же страстью, съ какой прежде его возвышали». Въ этомъ униженіи Наполеоновской славы приняли главное участіе Ланфрэй, который въ своей «Исторіи Наполеона» старался лишить его ореола, какъ законодателя и администратора, полковникъ Шара, обвинявшій его въ военныхъ ошибкахъ, графъ Осонвиль, обличившій его въ недостойномъ обращеніи съ папой Піемъ VII, и г-жа Ремюза, мемуары которой подкопали бы окончательно его престижъ, еслибъ подобная честь не была предназначена судьбой событіямъ 1870 года. Седанъ

былъ для Наполеона вторымъ Ватерлоо, и въ этотъ роковой день онъ умеръ вторично. Окончательная это смерть, или онъ воскреснетъ снова?—спрашиваетъ Легуве и вполне справедливо отвѣчаетъ: «Никогда никакое человѣческое существо не дѣйствовало такъ сильно на человѣческое воображеніе, какъ Наполеонъ. Даже теперь его чарующая сила не исчезла, и его престижъ, повидимому, воскресаетъ. Но этотъ престижъ чисто индивидуальный и его не слѣдуетъ ни отрицать, ни опасаться. Подождемъ суда исторіи. Какое мѣсто онъ займетъ въ ней теперь, еще никто не можетъ сказать. Но мы, люди настоящаго времени, мы, для которыхъ родина все, и которые страдаемъ ея страданіями, ея горемъ, мы не можемъ думать объ этомъ удивительномъ человѣкѣ безъ горькаго сожалѣнія и невольно говоримъ: «ахъ, еслибъ при всемъ его гени, въ немъ текла хоть одна капля крови Вашингтона, какою бы онъ создалъ Францію!».

— Неизданный разсказъ Вашингтона объ его первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ индѣйцевъ и французовъ. Американскій журналъ «Scribner Magasin» преподнесъ своимъ читателямъ невѣдомый еще доселѣ, подлинный разсказъ Вашингтона объ его участіи въ войнѣ Англій съ индѣйцами и французами, когда онъ еще былъ молодымъ человѣкомъ. Эта любопытная рукопись подъ заглавіемъ «Браддокская кампанія» («The Braddock Campaign») была написана по просьбѣ полковника Гумфреза, который служилъ въ главномъ штабѣ Вашингтона, пользовался его расположеніемъ и собиралъ документы для составленія исторіи своего великаго начальника. Послѣ смерти Гумфреза она перешла въ руки его душеприказчика Пикеринга и теперь впервые обнародована внукомъ послѣдняго. На десяти страницахъ большого формата, разгонистымъ почеркомъ, съ многочисленными поправками и замѣной вездѣ слова «я» буквами Д. В., Вашингтонъ разсказываетъ очень просто, сжато, правдиво и безъ малѣйшаго хвастовства свои первые экспедиціи, служившія прекрасной школой для его послѣдующихъ славныхъ подвиговъ. Началомъ этихъ экспедицій было движеніе маленькаго отряда подъ начальствомъ двадцати трехлѣтняго Вашингтона къ форту Дюкена, на рѣкѣ Алигани, но, благодаря дождямъ и непроходимымъ дорогамъ, французы его предупредили, заняли фортъ, и онъ долженъ былъ вернуться на свою позицію въ Большихъ Лугахъ, гдѣ на него сдѣлали нападеніе французы вмѣстѣ съ своими союзниками индѣйцами. Въ первой стычкѣ онъ остался побѣдителемъ, и тутъ онъ впервые слышалъ свистъ непріятельскихъ пуль. Хотя онъ ничего не говоритъ объ этомъ въ своемъ краткомъ, скромномъ разсказѣ, но къ этой стычкѣ относятся извѣстныя его слова въ письмѣ къ брату: «Я слышалъ свистъ пули, и вѣрн мнѣ, въ этихъ звукахъ есть что-то очаровательное». Эти слова знаменитый Горасъ Вольполъ называетъ пустымъ фанфаронствомъ и увѣряетъ, что, узнавъ о нихъ, король Георгъ II сухо замѣтилъ: «Онъ такъ не говорилъ бы, еслибъ слышалъ побольше этого свиста». Американскій романистъ В. Ирвингъ въ своей биографіи Вашингтона говоритъ, что на вопросъ, предложенный самому герою въ послѣдующіе годы, дѣйствительно ли онъ говорилъ эти надѣлавшія столько шума слова, онъ просто отвѣчалъ: «Если я скавалъ ихъ, то когда былъ очень молодъ». Дѣйствительно, онъ не сказалъ ихъ, а написалъ юношей своему брату и послѣ своего крещенія огнемъ, оказавшагося хотя мелкой, но, всетаки, побѣдой. Однако, ему пришлось дорого заплатить за нее; французы быстро стянули свои силы, около 1.500 человѣкъ,

и, окруживъ маленькій отрядъ Вашингтона въ 300 человекъ, отрѣзанный отъ всякой помощи, вынудили его сдаться на капитуляцію. Вотъ какъ искренно и просто описываетъ онъ эту катастрофу: «Испугавшись многочисленности враговъ, наши союзники индѣйцы удалились, и 3-го іюля въ 10 часовъ утра непріятель съ дикими криками со стороны индѣйцевъ повелъ атаку; ему отвѣчали такимъ горячимъ, энергичнымъ и постояннымъ огнемъ, что онъ отказался отъ намѣренія взять приступомъ укрѣпленіе, но открылъ по немъ огонь со всѣхъ окружающихъ его каменьевъ, холмовъ и деревьевъ. Мы также стрѣляли на сколько могли до вечера, когда пошелъ такой сильный дождь, что наши рентрашменты наполнились водой, а патроны не только намокли въ ружьяхъ и патронташахъ, но даже въ устроенномъ среди нашей укрѣпленной позиціи, названной Фортомъ Необходимости, временномъ арсеналѣ. Въ такомъ положеніи и безъ всякой надежды на улучшеніе его мы получили отъ французовъ предложеніе о капитуляціи, на что мы должны были тѣмъ охотнѣе согласиться съ нѣкоторыми измѣненіями въ условіяхъ, что у насъ не было вовсе солонины, а свѣжее мясо портилось отъ жары, и около трети нашихъ офицеровъ и солдатъ было уже убито или ранено. На слѣдующее утро мы выступили съ военными почестями, но вскорѣ, не смотря на условія капитуляціи, индѣйцы напали на насъ и отбили часть багажа». Вторая экспедиція Вашингтона была столь же несчастлива, но онъ уже не командовалъ ею, а подавъ въ отставку въ виду постановленія англійскаго правительства, что колоніальные офицеры будутъ подчинены королевскимъ, сопровождалъ отрядъ въ качествѣ волонтера; впрочемъ новый начальникъ, генераль Брэддокъ, взялъ его къ себѣ въ адъютанты и произвелъ въ капитаны. По словамъ Вашингтона, это былъ человекъ, въ которомъ добрыя и дурныя качества странно смѣшивались; онъ отличался пристрастіями и антипатіями, которыхъ немало не скрывалъ, и всегда дѣйствовалъ прямо, благородно и безкорыстно, но грубо и рѣво; а главное, не смотря на всю свою храбрость, годился только для регулярной войны «въ странахъ, изобилующихъ шампанскимъ», по мѣткому выраженію американскаго героя; о партизанской же борьбѣ среди горъ и лѣсовъ съ индѣйцами онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и не хотѣлъ слушаться совѣтовъ Вашингтона. Онъ разбилъ свою маленькую армію на вшелоны и повелъ дѣло регулярно, по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Французы съ разу поймали его въ западню и положили на мѣстѣ около 900 человекъ изъ всѣхъ бывшихъ у него 1.300 солдатъ. Самъ Брэддокъ былъ смертельно раненъ и умеръ на слѣдующій день, а Вашингтонъ долженъ былъ спасать остатки отряда быстрымъ отступленіемъ, что онъ и совершилъ съ успѣхомъ, не смотря на свою болѣзнь и затруднительность положенія. «Невозможно описать, — говорятъ онъ, — всѣхъ ужасовъ этого ночнаго похода; стоны умирающихъ и вопли раненныхъ терзали самое мужественное сердце, а зрѣлище лежавшихъ грудями труповъ невольно заставляло содрогаться. Кромѣ этого, мы двигались во мракѣ среди густаго лѣса, и наши проводники принуждены были руками ощупывать землю, чтобъ убѣдиться, не сбились ли они съ пути. По счастью мы оставили на мѣстѣ битвы много добычи для индѣйцевъ, которые и занялись ея расхищеніемъ, а то въ случаѣ преслѣдованія ими мы погибли бы всѣ до послѣдняго человека». Результатомъ этой катастрофы была перемѣна тактики въ послѣдующихъ эпизодахъ войны съ французами и индѣйцами;

Вашингтону было дано начальство надъ всѣми войсками Виргинской колоніи, но такъ какъ ихъ было немного, то ему пришлось только размѣстить ихъ по границѣ въ укрѣпленныхъ постахъ, которые онъ постоянно инспектировалъ; во время одного изъ этихъ осмотровъ онъ подвергся большой опасности отъ толпы индѣйцевъ, противъ которыхъ онъ не могъ защититься, такъ какъ патроны у него и немногихъ сопровождавшихъ его солдатъ намокли отъ дождя. Наконецъ, въ 1758 году была послана значительная экспедиція подъ начальствомъ генерала Форбеса противъ форта Дюкена, и Вашингтонъ командовалъ его авангардомъ. Французы заранѣе покинули фортъ, отчаяваясь его защищать, и тѣмъ кончилась экспедиція, послѣдняя, въ которой участвовалъ Вашингтонъ. Онъ по болѣзни былъ вынужденъ выйти въ отставку и трогательно простился съ любившими его солдатами, обѣщая снова явиться въ ихъ среду при первой необходимости, что, какъ извѣстно, и исполнено имъ, къ неувядаемой его славѣ, но уже въ борьбѣ не съ индѣйцами, а съ англичанами за свободу и независимость своей родины.

— Мать Вашингтона. Не смотря на обширность литературы объ основателѣ Сѣверо-Американской республики, до сихъ поръ имѣлось очень мало свѣдѣній объ его матери, и потому возбуждаетъ живѣйшій интересъ, напечатанная недавно въ «Century Magazine» ея правнучкой Эллой Бассетъ, статья объ этой замѣчательной женщинѣ, которая была вполне достойной, чисто классической матерью одного изъ величайшихъ людей въ исторіи человѣчества. Ее звали Мэри Болдъ, и она родилась въ 1706 году въ Виргиніи въ помѣстьѣ отца, англійскаго полковника, семья котораго переселилась въ Америку за полвѣка передъ тѣмъ. Стариннаго, благороднаго происхожденія, очень хорошенькая, но получившая плохое воспитаніе, такъ какъ въ то время въ Виргиніи не было общественныхъ школъ, она 24 лѣтъ вышла замужъ за сорокалѣтняго Огустана Вашингтона, «джентльмена», какъ онъ именуется во всѣхъ документахъ, и поселилась въ его помѣстьѣ въ Вестморлендскомъ графствѣ ея роднаго штата, на рѣкѣ Потомакѣ. Тамъ, въ маленькомъ домикѣ, выстроенномъ во времена первыхъ пионеровъ, 11 февраля 1771 года въ 10 часовъ утра родился Джорджъ Вашингтонъ, какъ собственноручно записано его матерью, въ старинной сохранившейся доселѣ библии, но спустя три года эта колыбель «отца отечества» сгорѣла, и только недавно найденъ фундаментъ стараго дома, на мѣстѣ котораго будетъ воздвигнутъ памятникъ на вотированные конгресомъ для этой цѣли 30.000 долларовъ. Послѣ пожара Вашингтоны переехали въ новое жилище, Ферійскую ферму на берегу Рапаханака, гдѣ сначала мать будущаго президента жила счастливо и родила еще пятерыхъ дѣтей, а потомъ со смерти мужа печально проводила свое вдовство, посвятивъ себя всецѣло воспитанію дѣтей и управленію ихъ значительными помѣстьями. Эту трудную, особенно въ то время, для женщины задачу она исполнила по свидѣтельству современниковъ съ полнымъ успѣхомъ, благородной преданностью и замѣчательной практичностью. Когда ея старшему сыну минуло четырнадцать лѣтъ, то она согласилась на его поступленіе въ англійскую морскую службу, но въ послѣднюю минуту, когда уже мальчикъ былъ совершенно снаряженъ и его вещи отправлены на военное судно, стоявшее на Потомакѣ, страхъ за его судьбу овладѣлъ сердцемъ любящей матери, она взяла назадъ свое слово, и Джорджъ остался въ Америкѣ, къ своей и ея славѣ. Но вскорѣ ей пришлось отпустить его на войну съ французами и индѣйцами, уступая представленному имъ муже-

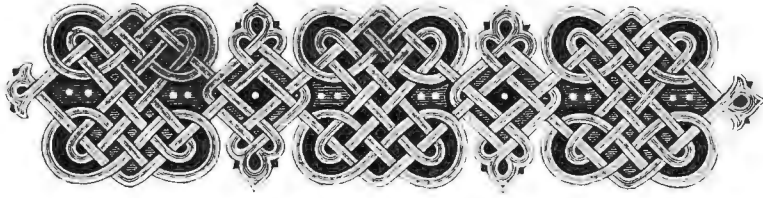
ственно религіозному доводу. «Вы отдали меня подъ охрану Господа Бога,—сказалъ онъ,—когда я вступилъ на болѣе опасный путь, на путь жизни, и неужели вы теперь не надѣетесь на его святую охрану?». Она покорилась своей судьбѣ и уже во всю остальную жизнь не мѣшала ему подвергаться тысячѣ опасностей на благо его родины. При началѣ борьбы за независимость онъ перевезъ мать изъ ихъ уединеннаго помѣстья въ городъ Фредриксбургъ, къ ея замужной дочерѣ, и тамъ она спокойно жила, продолжая заниматься дѣлами. Съ спокойнымъ мужествомъ одинаково встрѣчала она извѣстія объ успѣхахъ и пораженіяхъ, а когда ея дочь приходила въ излишнее волненіе изъ страха за брата, то она говорила съ классическимъ достоинствомъ: «Сестра главнокомандующаго должна служить примѣромъ твердости и вѣры». Послѣ Трентонской побѣды, наполнившей радостью всю страну, фредриксбургскія власти торжественно явились съ поздравленіями и пламенными выраженіями благодарности къ матери національнаго героя, но она спокойно и съ нѣжной улыбкой сказала: «Джорджъ, повидимому, исполнилъ свой долгъ, но право, господа, вы слишкомъ ему льстите, и я надѣюсь, что онъ, помня мои уроки, не забудется среди всѣхъ этихъ похвалъ». Затѣмъ снова потянулись тяжелые годы, въ продолженіе которыхъ она съ одной стороны всецѣло была поглощена великими событіями борьбы за независимость своей родины, а съ другой, не смотря на старость, попрежнему занималась хозяйствомъ на фермѣ, и посылала своимъ сыновьямъ для раздачи солдатамъ груды всевозможныхъ припасовъ. Весною 1781 года англійскія военныя суда появились на Потомакѣ, угрожая Фредриксбургу, и Вашингтонъ съ безпокойствомъ писалъ сестрѣ о томъ, чтобъ были приняты все мѣры о безопасности матери. «Мой добрый сынъ,—говорила она въ то время:—напрасно такъ тревожится обо мнѣ. Онъ постоянно находится въ опасности ради нашего отечества; я здѣсь довольно безопасна и боюсь не за себя, а за него». Въ концѣ того же года, однако, наступили радостные дни для семидесяти-пятилѣтней старухи. Самъ Вашингтонъ увѣдомилъ ее письменно о Юрктаунскомъ торжествѣ, и она, прочитавъ его глубоко прочувствованныя строки, воскликнула: «Слава Богу, война кончена, и мы будемъ впередъ пользоваться миромъ, благоденствіемъ и независимостью потому, что наконецъ наша страна свободна». Послѣ сдачи Корнваллиса, Вашингтонъ отправился съ блестящей свитой американскихъ и французскихъ офицеровъ въ Филадельфію, а по дорогѣ заѣхалъ въ Фредриксбургъ. Уже семь лѣтъ онъ не видалъ своей матери, и она ждала теперь съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, не героя, увѣнчанныя лаврами, а своего любимаго первенца. 11-го ноября 1781 года городъ Фредриксбургъ устраивалъ торжественную встрѣчу «отцу отечества», но, отдѣлавшись отъ всѣхъ шумныхъ демонстрацій, онъ одинъ и пѣшкомъ пошелъ, по словамъ одного изъ современниковъ, «отдать долгъ сыновней любви виновницѣ его существованія». Послѣ долгихъ, вѣжныхъ поцѣлуевъ, старуха внимательно осмотрѣла его съ головы до ногъ и, качая головой, сказала: «Ты очень старѣешь, Джорджъ; съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой не видались, на твоемъ лицѣ показалось много морщинъ отъ трудовъ и заботъ». Потомъ она стала разспрашивать объ его здоровьѣ и много говорила о старыхъ временахъ, о старыхъ пріятеляхъ, но ни слова не упомянула объ его побѣдахъ, объ его славѣ. Въ тотъ же день вечеромъ фредриксбургскіе граждане устроили балъ въ честь національнаго героя, и первое приглашеніе было передано матери Вашингтона. Она любезно приняла его, хотя замѣ-

тила посланному къ ней представителю города, что она будетъ на балѣ только ради сына и горожанъ Фредриксбурга, такъ какъ для нея прошло время танцевъ. Когда она появилась на балу въ простомъ черномъ шелковомъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ, опираясь на руку своего сына, всѣ присутствующіе преклонили передъ ней головы, и она съ большимъ достоинствомъ прошла на маленькую эстраду, гдѣ были устроены мѣста для почетныхъ гостей. Въ особенности французы были поражены ея простымъ, но величественнымъ обращеніемъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ съ восторгомъ: «Если таковы всѣ американскія матроны, то эта страна можетъ гордиться многими знаменитыми сынами». Нимало не взволнованная расточаемой передъ нею лестью, она спокойно встала съ кресла въ десять часовъ и, сказавъ, что «старикамъ пора спать», удалилась, опираясь попрежнему на руку своего сына. Присутствовалъ ли на этомъ балѣ Лафайетъ, не сохранилось свѣдѣній, но извѣстно, что прежде своего возвращенія во Францію онъ заѣхалъ въ Фредриксбургъ, чтобъ проститься съ матерью своего друга. Онъ засталъ ее въ саду, и старуха встрѣтила его любовными словами: «Я очень рада вамъ, маркизъ, но вы видите, какая я стала ветхая; войдите въ домъ, я приму васъ запросто, не перемѣняя туалета». Французъ сталъ распространяться о своей любви къ великому американскому герою и о глубокомъ уваженіи къ его матери. Хладнокровно выслушавъ горячіе дифирамбы въ честь сына, она просто отвѣтила: «Я не удивляюсь всему, что сдѣлалъ Джорджъ, потому что онъ всегда былъ добрымъ мальчикомъ». Объяснивъ свой скорый отъѣздъ изъ Америки, Лафайетъ выразилъ желаніе, чтобъ почтенная старуха благословила его. Она положила руку на его голову и, поднявъ глаза къ небу, набожно произнесла: «Да благословитъ васъ Господь и даруетъ вамъ счастье, безопасность, миръ и благоденствіе». Впечатлительный французъ былъ тронутъ до слезъ и въ послѣдствіи не разъ говорилъ, что въ лицѣ матери Вашингтона онъ видѣлъ единственную, жившую въ его время римскую матрону. Послѣдніе года ея жизни были очень тягостны, такъ какъ у нея сдѣлался отъ случайнаго ушиба ракъ въ груди. Послѣдними счастливыми ея минутами были избраніе ея сына въ президенты и свиданіе съ нимъ передъ вступленіемъ его въ новую должность. Это было въ апрѣлѣ 1789 года. Когда Вашингтонъ выразилъ свое сожалѣніе, что онъ долженъ покинуть мать для исполненія своего высокаго долга, и прибавилъ, что какъ только устроить новое правительство, то найдетъ время, чтобъ вернуться къ ней, она перебила его словами. «Нѣтъ, мы болѣе не увидимся, моя старость и болѣзнь не позволяютъ мнѣ долѣе жить. Но я вѣрю въ Бога и въ лучшую жизнь. Уѣзжай, Джорджъ, спокойно и выполни то высокое призваніе, къ которому ты, повидимому, предопредѣленъ Небомъ. Иди своей дорогой, сынъ мой, и да будетъ на тебѣ вѣчно благословеніе Божіе и твоей матери». Со слезами Вашингтонъ обнялъ старуху и, прощаясь съ ней, сунулъ ей въ руку кошелекъ съ золотыми монетами, но она ни за что не хотѣла его взять, говоря: «Мнѣ ничего не нужно; мои потребности не большія, и на меня всегда хватить». «Предоставьте мнѣ объ этомъ судить,—отвѣчалъ Вашингтонъ:—и если вамъ деньги не нужны, то, всетаки, возьмите ихъ ради меня». Старуха молча взяла кошелекъ и бросила на столъ. Ея предчувствія вполнѣ оправдались, и спустя нѣсколько мѣсяцевъ, именно въ августѣ, она умерла на восемьдесятъ первомъ году жизни. Фредриксбургъ устроилъ ей торжественныя похороны, но ея любимый сынъ, занятый государственными

дѣлами, не могъ на нихъ присутствовать. Въ 1833 году тогдашній президентъ Андрю Джексонъ торжественно положилъ первый камень великолѣпнаго мраморнаго монумента на ея могилѣ, но къ стыду Соединенныхъ Штатовъ этотъ монументъ оставался неоконченнымъ до послѣдняго времени, когда образовался комитетъ изъ выдающихся американскихъ женщинъ, и приступлено къ достойному увѣковѣченію памяти матери Вашингтона.

— Потонувшіе англійскіе адмиралы. Подъ этия заглавіемъ капитанъ Робинсонъ помѣстилъ въ «Graphic» историческую справку о катастрофахъ, которымъ подвергся англійскій флотъ въ продолженіе послѣднихъ двухъсотъ лѣтъ, и которыя напоминаютъ недавнюю гибель адмирала Трайона и броненосца «Викторія». Оказывается, что подобныхъ случаевъ въ XVIII столѣтіи было четыре, а въ XIX—два, кромѣ настоящаго, но причиной ихъ всѣхъ, за исключеніемъ одного, была буря, а потому, собственно говоря, къ плачевной исторіи адмирала Трайона подходитъ только судьба адмирала Кемпенфельта, который пошелъ ко дну съ своимъ линейнымъ кораблемъ «Король Георгъ» въ Спитгедѣ въ 1782 году. Этотъ адмиралъ славился не только своей храбростію въ бою, но и значительными научными познаніями въ морскомъ дѣлѣ, что было рѣдкостію въ то время, но это не помѣшало ему слѣгать громадную оплошность, жертвой которой онъ сдѣлался самъ и около девяти сотъ человѣкъ обоаго пола. «Король Георгъ» только что вернулся изъ продолжительнаго плаванія, и въ виду открывшейся въ немъ значительной течи было приступлено къ его исправленію, для чего перенесены были всѣ орудія на одну сторону, но при этомъ не были приняты необходимыя предосторожности, не заткнуты всѣ отверстія и, вода стала такъ быстро прибывать, что когда адмиралъ понялъ опасность, то было поздно, и судно потонуло, прежде чѣмъ успѣли подать сигналъ объ опасности. Эта морская катастрофа была послѣдняя въ прошедшемъ столѣтіи, а прежнія три состояли въ томъ, что контръ-адмиралъ Бьюмонтъ на «Маріи», адмиралъ Клодесслей на «Ассоціаціи» и адмиралъ Бальхенъ на «Викторіи» погибли во время страшныхъ бурь, не въ далекомъ отъ англійскаго берега. Въ 1805 году адмиралъ сэръ Томасъ Траубриджъ, котораго Нельсонъ называлъ «Баяромъ флота», вышелъ въ море на старомъ линейномъ кораблѣ «Вленгеймъ» и направился къ Мысу Доброй Надежды, но по дорогѣ его застала сильная буря, и слѣдовавшее за нимъ другое судно потеряло изъ вида адмиральскій корабль, о дальнѣйшей судьбѣ котораго нѣтъ никакихъ свѣдѣній, но, конечно, онъ погибъ вмѣстѣ съ адмираломъ и всѣмъ экипажемъ. Четыре года спустя другой англійскій адмиралъ Ренольдсъ на «Св. Георгѣ» въ мрачную непогоду набѣжалъ на мель на Ютландскомъ берегу; судно было разбито волнами, и спасено очень мало людей экипажа, а адмиралъ и капитанъ раздѣлили судьбу погибшихъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Англійская переводчица Пушкина.—Жизнь и письма г-жи Круднеръ.—Поповны во французскомъ романѣ.—Персія и Закаспійская область.—Замѣтки охотника о Россіи.—Гдѣ встрѣчаются три имперіи.—Мемуары Шантала о Наполеонѣ.—Первый томъ записокъ Паскье.

АНГЛИЧАНЕ продолжаютъ переводить русскихъ писателей. Вслѣдъ за «Ревизоромъ» явилась «Пиковая дама» и другія повѣсти Пушкина (*The queen of spades and other stories by Alexander Sergueiewitch Pushkin*). Переводчица мистрисъ Сотерландъ Эдуардсъ присоединила къ своему труду біографію поэта, издатель — весьма недурныя иллюстраціи. Англійская критика отзывается объ авторѣ и переводѣ съ похвалою, но въ ея сужденіяхъ видно, какъ во всѣхъ сужденіяхъ о Россіи, плохое знакомство съ нею и непониманіе особенностей русскаго духа. Критикъ «Атенеума», цитируя конецъ «Цыганъ», говорить, что поэту особенно удавалось изображеніе народныхъ характеровъ, какъ будто Алеко и цыгане русскіе люди. Приведа монологъ стараго цыгана («Оставь насъ, гордый человѣкъ»), критикъ говорить: «это настоящій русскій духъ, создавшій нигилизмъ и сумѣвшій умирать за него. Юморъ Пушкина не легальный, но національный. Хотя его рассказы полны романтизма, но отличаются меланхоліею и горькою мудростью, свойственною народной русскою литературѣ». Желая показаться знатокомъ этой литературы, критикъ дѣлаетъ большіе промахи. Такъ, замѣтивъ справедливо, что Пушкинъ представилъ въ привлекательномъ видѣ низшіе слои русскаго общества и заимствуя отъ запада форму своихъ поэмъ, облекалъ въ нихъ чисто русскія идеи, критикъ прибавляетъ, что въ «Евгеніи Онѣгинѣ» поэтъ передалъ байроновскій пессимизмъ развѣромъ Буало, тогда какъ сатиры француза написаны александрійскими стихами, то-есть шестистопнымъ ямбомъ, а русская поэма четырехстопнымъ.

— Кларенсъ Фордъ издалъ «Жизнь и письма госпожи Круднеръ» (*The life and letters of madame de Krudener*). Къ сожалѣнію, письма те-

ряютъ значительную долю своей цѣнности, потому что помѣщены въ отрывкахъ. Писаны они плохимъ французскимъ языкомъ, но въ біографіи эта Эгерія Александра I представлена если и не вполне такою, какою она была въ дѣйствительности, то, по крайней мѣрѣ, безъ всякаго чудодѣйственнаго и неаемаго ореола, какимъ ее окружили мистическіе поклонники. Авторъ старается представить свою героиню въ настоящемъ свѣтѣ и опровергаетъ ходившіе объ ней нелѣпыя слухи. Эта даровитая, но истерическая особа во многомъ напоминаетъ современныхъ предводительницъ «арміи спасенія». Она говорила сама, что успѣхъ ея проповѣдей зависитъ отъ того, что она прежде была грѣшница, и раскаяніе придавало особенную силу ея рѣчамъ. Въ письмахъ своихъ она повторяетъ, что только грѣшники могутъ быть хорошими проповѣдниками и могутъ обратить на путь истинный другихъ раскаявшихся грѣшниковъ. Ея вліяніе на Александра было велико, но вовсе не такъ продолжительно, какъ обыкновенно говорятъ. Но авторъ увѣряетъ, что она втайнѣ была католичкой, и доказываетъ это тѣмъ, что она требовала непремѣннаго колѣнопреклоненія во время молитвы, чего не требуютъ другія церкви, кромѣ римской. Въ общемъ книга Форда не много прибавляетъ данныхъ къ характеристикѣ этой мистической психопатки, задумавшей привязать къ себѣ во имя идей піетизма, смутно понимаемыхъ ею самою, повелителя обширной монархіи, благодушнаго, но подчинявшагося вліянію даже такихъ бездушныхъ солдатъ, какъ Аракчеевъ. Баронессѣ Криднеръ приписываютъ значительную роль въ осуществленіи «священнаго союза», но эта неудачная попытка сочетанія религіозныхъ принциповъ съ политическими принадлежатъ всецѣло духу реакціи, принявшей тенденцію абсолютизма послѣ паденія Наполеона, и Криднеръ была тутъ не причемъ.

— Какая-то Маргарита Парадовская написала романъ «Поповны, попы и попадья» [*Les filles du pape (papes et poradies)*]. Авторъ рассказываетъ отъ своего имени идилію, которой старается придать трогательный колоритъ. Нѣжная и цѣломудренная любовь преобладаетъ въ романѣ, изображающемъ, кромѣ того, сцены крестьянской жизни въ Галичинѣ, нерѣдко любопытныя и оригинальныя; характеры дѣйствующихъ лицъ также весьма своеобразны. Герои романа — кроткая Бивя, вторая дочь попа-лицемѣра, собирающагося принести ее въ жертву своимъ личнымъ интересамъ, и желающій жениться на ней молодой лѣсничій Іосифъ. Но, кромѣ того, выведено много вводныхъ лицъ, и главная интрига вертится на бракѣ старшей поповны, красавицы Софроніи. Встрѣчаются и комическія сцены, смягчающія общій колоритъ романа сентиментальный и некомическій, хотя вообще комизмъ ихъ довольно мраченъ. Рѣзкихъ картинъ въ книгѣ нѣтъ, и читается она съ интересомъ.

— Изъ книгъ по отдѣлу путешествій вышли три сочиненія, касающіяся отчасти и Россіи: Биддульфа «Четыре мѣсяца въ Персіи и посѣщеніе Закаспійской области» (*Four months in Persia and a visit to Trans-Caspia*). Авторъ высказываетъ много наблюдательности и вѣрныхъ замѣчаній, хотя со многими изъ его взглядовъ, особенно политическихъ, не всегда можно соглашаться, да и пробывъ въ странѣ только четыре мѣсяца, трудно дѣлать общіе выводы о ея положеніи. Биддульфъ приводитъ свѣдѣнія, сообщенныя ему однимъ чиновникомъ телеграфнаго вѣдомства при посольствѣ, «очень свѣдущимъ человѣкомъ», какъ онъ говоритъ, но это тоже не авторитетъ. Онъ приводитъ и карту Россіи, составленную другимъ чиновникомъ,

но достоинство ея также весьма относительно. Описанія автора коротки и сжаты, и весьма сухое изложеніе поневодѣ заставляетъ вспомнить картины Персіи, мастерски переданныя Кёрзаномъ въ его книгѣ объ этой странѣ, вышедшей въ прошломъ году. Ничего особенно интереснаго не сообщаетъ авторъ и о Закаспійской области, которую онъ видѣлъ мелькомъ.

— Вишау издалъ книгу «Со двора царской земли» (*Out of the doors in Tsarland*). Авторъ называетъ себя въ заголовкѣ книги «путешественникомъ по Россіи». Онъ также, кажется, не много путешествовалъ, и даже изъ его книги явствуется, что онъ видѣлъ только очень небольшой клочокъ земли царей. Но у него и не было цѣли изслѣдовать Россію: онъ охотникъ, и мѣста, гдѣ можно пострѣлять на свободѣ, описаны имъ довольно живо и занимательно. Встрѣчаются также замѣтки, относящіяся къ естественной исторіи страны; книга не лишена также и литературнаго интереса. Авторъ не выдаетъ себя за искуснаго стрѣлка и самъ рассказываетъ, какъ охотившіеся съ нимъ товарищи не разъ говорили ему, видя его неудачные подвиги: «ну, сегодня Богъ очень милостивъ къ бѣднымъ птицамъ».

— Найтъ написалъ сочиненіе: «Гдѣ встрѣчаются три имперіи» (*Where three empires meet*). На этомъ любопытномъ пунктѣ, возбуждающемъ теперь дипломатическіе переговоры между Россіей, Англіей и Китаемъ, авторъ провелъ годъ отъ весны 1891 г. до весны 1892 года. Отъ двора кашмирскаго магараджи изъ Фанагора Найтъ отправился въ Лехъ съ капитаномъ Боуеромъ, только что вернувшимся изъ Тибета. Они скоро достигли Гильгита, потомъ Памира. Описаніе пройденныхъ ими мѣстностей очень любопытно, такъ же какъ войны съ возмущившимся раджей Гунза-Нагибъ и дѣятельности англичанъ въ Кашмирѣ, гдѣ они, вѣсело, положили конецъ деспотизму раджи и ввели какой нибудь порядокъ въ управленіе страны, избавивъ жителей отъ непомѣрныхъ поборовъ и грабительства туземныхъ властей. Не мало сдѣлали въ странѣ и англійскіе инженеры, проложивъ дороги по неприступнымъ мѣстамъ къ Леху, столицѣ Ладака, провинціи Тибета, куда допускаются европейцы, потерявшіе надежду проникнуть въ Лассу. Найтъ подробно описываетъ большой буддійскій монастырь Гемисъ, въ двухъ переходахъ отъ Леха, въ долинѣ Инда. Авторъ присутствовалъ на большомъ праздникѣ въ монастырѣ и видѣлъ священную пляску ламъ. Гуркасы, бывшіе въ отрядѣ Найта, говорили, что такія же пляски существуютъ и въ Непалѣ, какъ древній буддійскій обрядъ. Ламы очень похожи на католическихъ епископовъ съ ихъ бритыми подбородками, митрами, посохами, процесіями, кадилами, свѣчами, гимнами, колокольчиками, четками, опусканіемъ пальцевъ въ сосуды со святой водой. Тибетскіе монахи очень похожи на своихъ римскихъ братьевъ, также постоянно бормочатъ молитвы, смотря въ землю, присѣдаютъ, складываютъ руки на груди. Овладевъ постепенно мелкими, независимыми владѣніями Средней Азіи, англичане прочно укрѣпились въ Кашмирѣ и, въ виду огражденія своихъ индійскихъ границъ, хотятъ захватить часть Памира и возбуждаютъ противъ насъ Китай, не поддающийся пока ихъ интригамъ.

— Мемуары Шапталя изданы его внукомъ (*Mes souvenirs sur Napoléon*), но они давно извѣстны въ рукописи и могли бы гораздо раньше явиться въ печати. Еще Тэнъ пользовался ими въ своемъ сочиненіи: «*Les origines de la France*». Онъ говоритъ, что воспоминанія бывшаго министра

вѣрно рисуютъ моральный портретъ, «психологію» императора. Шапталъ самъ началъ писать свою автобіографію, но довелъ ее только до своего министерства. Внуку продолжаетъ ее, не скрывая слабыхъ сторонъ своего дѣда. вмѣстѣ съ Порталисомъ и Лебреномъ Шапталъ обнаружилъ свои способности еще при старомъ режимѣ. Въ молодости его учили медицинѣ, такъ какъ въ его семьѣ были извѣстные доктора, но ни терапія, ни хирургія не пришились ему по вкусу; онъ сдѣлался профессоромъ химіи въ Монпелье и скоро достигъ извѣстности, основавъ промышленную практическую химію. Своими открытіями въ наукѣ онъ приобрѣлъ независимое состояніе. Наканунѣ революціи Людовикъ XVI далъ ему дворянство, Лангедокъ относился къ нему съ уваженіемъ. Комитетъ общественнаго спасенія заперъ его въ тюрьму, но ученый былъ нуженъ, потому что зналъ секретъ быстрого приготовленія хорошаго пороха, и Шапталъ не гильотинировали, какъ Лавуазье, а заказали ему поставку пороха въ армію. Найдя способъ рафинировать селитру, онъ блистательно исполнилъ поставку; его сдѣлали профессоромъ политехнической школы, а при консульствѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ былъ прекраснымъ администраторомъ и въ своихъ отчетахъ по министерству выводилъ такую правду, что Наполеонъ запретилъ печатать ихъ. Не смотря на это, министръ приказывалъ префектамъ посылать ему самыя вѣрныя и подробныя статистическія свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ управленія и составилъ такимъ образомъ драгоценный матеріалъ для потомства. Въ Парижѣ онъ сдѣлалъ много улучшеній и организовалъ больницы. Но когда Наполеонъ сдѣлался императоромъ, Шапталъ отказался служить имперіи, хотя и не отказывалъ ей въ сообщеніи техническихъ свѣдѣній, когда она обращалась за совѣтомъ къ его знаніямъ и опытности. Въ 1817 году, перейдя уже за 60 лѣтъ, онъ началъ писать свои воспоминанія, отличающіяся особенно простотою изложенія, что составляетъ большую рѣдкость при господствовавшей тогда страсти къ риторикѣ. Авторъ не рассказываетъ исторію Наполеона, а приводитъ черты его характера. Только о казни герцога Энгиенскаго онъ сообщаетъ подробности и увѣряетъ, что Наполеонъ думалъ четыре дня, прежде чѣмъ подписалъ смертный приговоръ. Коленкуръ, Саваря и Реаль были противъ казни, но Шапталъ не говоритъ, кто же главный виновникъ: Талейранъ, Фуше, Камбасересъ или Мерленъ. О министрахъ имперіи Шапталъ отзывался съ невыгодной стороны, но мнѣнія его нельзя принимать безъ провѣрки. Такъ, онъ увѣряетъ, что Наполеонъ готовъ былъ сдѣлаться вѣрующимъ, если бы не поссорился съ папою изъ-за богословскихъ вопросовъ. Но гордость и эгоизмъ императора не позволяли ему быть христіаниномъ, и, возстановляя религію для большинства населенія, онъ лично относился къ ней совершенно индифферентно. Марія-Луиза высказала однажды нантскому епископу и кардиналу Фешу, что мужъ заставляетъ ее ѣсть скоромное по пятницамъ. Епископъ замѣтилъ, что у императора есть, конечно, на это разрѣшеніе; Фешъ совѣтовалъ ей, напротивъ, бросить тарелкой въ лицо мужу. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ назвалъ дядю дуракомъ, а епископа человѣкомъ умнымъ и правильно рассуждающимъ. Нѣкоторыя событія молодости императора Шапталъ передаетъ невѣрно, но въ этомъ виноватъ не самъ онъ, а его собесѣдникъ, часто представившій эти событія въ искаженномъ видѣ. Такъ, кратковременный арестъ его въ 1794 году Наполеонъ приписывалъ доносу марсельскихъ демагоговъ, тогда какъ онъ былъ задержанъ потому, что ему по-

кровительствоваши братья Робеспьеры. Шапталъ приводитъ много военныхъ афоризмовъ Наполеона и его мнѣній о разныхъ военныхъ дѣятеляхъ и событіяхъ, но во всемъ этомъ видно только его самолюбіе и безсердечіе. Такъ, онъ хвалитъ Лувуа за опустошеніе Палатината, хотъ противъ этого возстаеъ французская сентиментальность. «Хотъ я и великій полководецъ,—говоритъ онъ,— но предоставляю моимъ генераламъ вести войну въ Испаніи, какъ они найдутъ лучшимъ». И между тѣмъ лучшіе планы ихъ поминутно останавливались вслѣдствіе предписаній изъ Тюльери. О частной жизни императора авторъ сообщаетъ много любопытнаго: онъ плохо зналъ французскій языкъ и смѣшивалъ даже такія слова, какъ section и session, amnistie и armistice. Консулъ и писатель Лебрень сказалъ однажды Наполеону, критиковавшему его произведенія: «прежде чѣмъ разсуждать о французскомъ языкѣ, вы бы лучше сдѣлали, если бы выучились ему». Но самолюбивый деспотъ считалъ себя умнѣе всѣхъ и не хотѣлъ слушать ничьихъ совѣтовъ. «Дворъ его, по словамъ Шапталя, былъ настоящею галерою, на которой всѣ гребли, какъ каторжники, по приказанію». Съ женщинами онъ былъ тривиаленъ, съ мужчинами грубъ, дѣтей не любилъ и хвасталъ тѣмъ, что у него «сердце въ головѣ». Обходя однажды поле сраженія, онъ поворачивалъ ногою трупы и говорилъ своимъ генераламъ: «ну, это все мелкота» (la petite espèce). Награды онъ раздавалъ съ какою-то оскорбительною миною, точно милостыню. Якобинцевъ онъ ненавидѣлъ, либераловъ называлъ идеологами, приверженцевъ старой монархіи—идиотами. О революціи онъ вовсе запрещалъ говорить, свой деспотизмъ оправдывалъ тѣмъ, что ему надо укрѣпить свою династію, Людовика XI онъ считалъ выше Генриха IV. Въ финансовыхъ, экономическихъ, промышленныхъ вопросахъ онъ былъ совершеннымъ невѣждой. О купцахъ онъ говорилъ, что у нихъ нѣтъ ни чести, ни отечества. Психологическій портретъ Наполеона нарисованъ Шапталемъ рельефно и эффектно, но во всемъ ли онъ вѣренъ съ оригиналомъ, это врядъ ли можно сказать утвердительно.

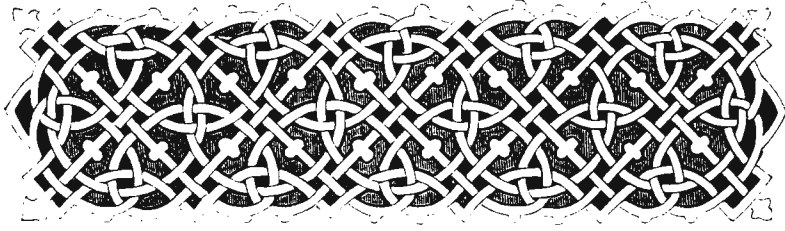
— Тѣмъ въ своей книгѣ о Франціи пользовался и мемуарами Паскье, не называя, однако, ихъ автора, что дало поводъ принцу Наполеону опровергать въ своей брошюрѣ всѣ невыгодныя для императора показанія канцлера. Между тѣмъ, правдивость автора составляетъ главное достоинство его мемуаровъ. Теперь вышелъ первый томъ (до 500 страницъ), изданный родственникомъ его, академикомъ Одифре Паскье: Histoire de mon temps. Mémoires du chancelier Pasquier. На обложкѣ неправильно выставлены годы 1789—1810, такъ какъ рассказъ начинается съ января 1787 года и продолжается до весны 1812 года. Тѣмъ не напрасно называетъ канцлера болѣе свѣдущимъ и разсудительнымъ (le plus judicieux) свидѣтелемъ событийъ первой половины нынѣшняго столѣтія. Книга его гораздо интереснѣе мемуаровъ Талейрана, Шатобриана, Вьель-Кастеля, Баранта и др., хотя написана нѣсколько тяжелымъ языкомъ, такъ какъ авторъ былъ юристъ, а не литераторъ. Жаль, что издатель не приложилъ комментарий и примѣчаній, необходимыхъ для полноты оцѣнки многихъ лицъ, о которыхъ Паскье говоритъ очень коротко и сжато. Этьенъ-Денисъ Паскье принадлежалъ къ старинному судейскому роду; его мать, какъ большинство женщинъ, соединяла вѣрные взгляды съ нелогичными понятіями. Она сильно упрекала епископа Манса въ распутной жизни и запрещала привить оспу своему сыну, такъ какъ это значило «препятствовать святотатственно на-

мѣреніямъ провидѣнія». И въ то же время она была поклонницей Ж. Ж. Руссо, приходила къ нему тайкомъ проникаться его теоріями и посылала своего мальчика-сына въ Тюльери безъ шапки и съ голыми икрами въ холодную зиму. И мальчикъ дожилъ, всетаки, до 95-ти лѣтъ, чувствуя только всю жизнь непреодолимое отвращеніе отъ сквозного воздуха и открытыхъ оконъ. Образованіе онъ получилъ довольно поверхностное въ школѣ ораторіанцевъ. Какъ сынъ и внукъ совѣтника въ парламентѣ, онъ получилъ такое же мѣсто 20-ти лѣтъ и говоритъ, что этотъ обычай имѣнила революція, установившая экзамены для занятія всѣхъ должностей. «А врядь ли бы и Вобанъ выдержалъ экзаменъ въ политехническую школу», пишетъ Паскье въ 1825 году. Магистратура того времени не отличалась, однако, чистотою нравовъ, и авторъ мемуаровъ говоритъ, что 19-ти лѣтъ его представляли сначала женамъ его родственниковъ, а потомъ ихъ любовницамъ, и самые почтенные сановники проводили одинъ вечеръ въ законныхъ семьяхъ своихъ товарищей, а на слѣдующій день отправлялись къ ихъ любовницамъ. Революція не увлекла молодого парламентскаго совѣтника, и онъ увѣряетъ, что Парижъ съ 1783 года по 1789 наслаждался больше спокойствіемъ, блескомъ промышленности и всеобщаго довольства, чѣмъ во время имперіи и реставраціи. Онъ былъ свидѣтелемъ взятія Бастиліи и утверждаетъ, что она защищалась только для проформы, и ее окружало гораздо больше праздныхъ зрителей, чѣмъ нападающихъ. Къ первымъ принадлежала и актриса французской комедіи Конта, которую Паскье проводилъ до Королевской площади, гдѣ она оставила свою карету. Онъ не согласился эмигрировать и осуждалъ это массовое бѣгство. Онъ хотѣлъ поступить въ число защитниковъ Тюльери, но получилъ разрѣшеніе отъ команданта его уже послѣ 10-го августа. Во время процесса короля Паскье замѣтилъ усердіе своего бывшего президента парламента Лепельтье де Сен-Фаржо къ собиравію голосовъ, осуждавшихъ на смерть Людовика XVI. Цареубійцѣ не удалось, однако, увидѣть эту смерть, такъ какъ его самого убилъ одинъ гвардеецъ; зато Паскье былъ 21-го января у гильотины, куда, по его словамъ, былъ противъ воли увлеченъ толпою. Онъ говоритъ, что послѣ казни на всѣхъ лицахъ выражались стыдъ и отупѣніе, площадь вся очистилась въ одно мгновеніе, и весь городъ сохранялъ траурный видъ. Во время террора онъ скрывался въ Пикардіи, потомъ въ Шампаньѣ, въ окрестностяхъ Парижа. Въ это же время онъ женился и собирался бѣжать въ Голандію, но былъ схваченъ въ Аміенѣ и посаженъ въ тюрьму въ Парижѣ. 9-е термидора спасло его, но имѣніе его было конфисковано, и онъ поселился съ женою въ деревнѣ Круассѣ, близъ Буживаля. Сосѣдкой его была вдова гильотинированнаго генерала Богарне; ее иногда посѣщала Баррасъ, и во время этихъ визитовъ будущая императрица занимала у жены Паскье домашнюю посуду, чтобы угостить посѣтителя. Въ Парижъ они вернулись въ одно время съ Бонапарте, возвращавшимся изъ Египта. Побѣдителя встрѣчали безъ особеннаго восторга, да и нечему было радоваться послѣ абукирской катастрофы и отступленія отъ Сен-Жан-д'Акра. Въ генералѣ Бонапарте видѣли скорѣе авантюриста, чѣмъ великаго полководца. Съ 18-го брюмера мемуары становятся занимательнѣе. Они осуждаютъ процессъ Моро и казнь герцога Энгіенскаго. Паскье вѣритъ въ самоубійство Пишегрю и говоритъ, что Бонапарте могъ бы оказать великодушіе побѣжденному врагу, но «у него никогда не было сердца». Въ смерти герцога Энгіен-

скаго авторъ обвиняетъ прямо Талейрана, что не совсѣмъ вѣроятно: бывшему отенскому епископу смерть эта не могла принести никакой пользы и только возстановила противъ него всѣхъ умѣренныхъ. Просто дипломатъ, видя твердое желаніе своего повелителя, не имѣлъ достаточно мужества, чтобы противорѣчить ему. Паскъе началъ служить имперіи послѣ Аустерлица и коронаціи, онъ широкими чертами рисуетъ характеристики главныхъ дѣятелей эпохи: Камбасереса, Лебрена, Фуше, «до того лживаго и безсердечнаго, что онъ готовъ былъ сегодня продать того, кого вчера называлъ своимъ другомъ». О Талейранѣ онъ выражается еще рѣзче, называя его «вмѣстилищемъ всѣхъ революціонныхъ мерзостей». Своею лестью и потворствомъ онъ болѣе другихъ заставлялъ императора дѣлать безумства, погубившія его. Это, конечно, крайнее мнѣніе, но оно правдоподобнѣе высказываемаго историкомъ Альбертомъ Сорелемъ, увѣряющимъ, что Талейранъ любилъ Францію. Онъ скорѣе всего любилъ Австрію, платившую ему больше другихъ державъ. Паскъе скоро достигнулъ высшихъ званій въ имперіи: генераль-прокурора, барона, государственнаго совѣтника. Онъ настаивалъ, хотя Наполеонъ противился этому, на утвержденіи за евреями гражданскихъ правъ и назначеніи раввинамъ содержанія отъ правительства. Онъ описываетъ сцену, когда императоръ обрушился на Талейрана со словами: «вы воръ, мерзавецъ (*lâche*), человѣкъ безъ чести, вы проладите вашего отца», и послѣдній вечеръ у Жозефины послѣ ея развода. Онъ посмѣивается надъ королемъ Голандіи Людовикомъ, которому «его королевство и его жена принесли гораздо больше непріятностей, чѣмъ удовольствія». Тѣмъ заимствовалъ изъ этого мѣста мемуаровъ не весьма скромныя подробности о похищеніяхъ королевы Гортензін. Въ августѣ 1810 года Паскъе ждалъ мѣста президента совѣта, но его сдѣлали префектомъ полиціи. Наполеонъ прогналъ Фуше, сдѣлалъ министромъ полиціи Савари, отдѣливъ отъ этого вѣдомства политическую полицію и придумалъ поставить въ главѣ управленія Парижемъ сановника честнаго и уважаемаго городомъ. «Трудно было отказаться послѣ такихъ причинъ, высказанныхъ такому человѣкомъ»,—говоритъ Паскъе. Наполеонъ, впрочемъ, сдержалъ слово, и всѣ аресты съ политической цѣлью производились помимо Паскъе. Министръ долго не благоволилъ къ нему, опасаясь, что онъ мѣтитъ на его мѣсто, но, убѣдившись, что префектъ и не думаетъ объ этомъ, сталъ относиться къ нему довѣрчиво. На своемъ посту Паскъе дѣлалъ, однако, не много открытій. Однажды онъ получилъ доносъ, что въ Монружѣ работаетъ тайная типографія. Ее окружили ночью и проникли въ нее не безъ сопротивленія. Оказалось, что она печатала фальшивыя русскія асигнаціи, приготовляемыя для уплаты за провіантъ, который французская армія надѣялась получить при вступленіи въ Россію. Паскъе съ негодованіемъ сообщилъ объ этомъ министру Савари, но тотъ отвѣчалъ, что онъ давно знаетъ объ этомъ, но получилъ на этотъ счетъ приказанія свыше, которыхъ не смѣетъ не исполнять. Префектъ полиціи занимался больше технической частью своего управленія, очистилъ служебный персоналъ, закрылъ тайныя игорныя дома, улучшилъ состояніе тюремъ. Въ Сен-Лазарѣ, тюремщикъ, водившій его по кельямъ сказалъ ему: «Господинъ префектъ не узнаетъ меня, а въ 1794 году я имѣлъ честь запереть его въ этотъ номеръ». Въ Висетрѣ онъ облегчилъ, сколько могъ, положеніе шуана Гризеля, съ которымъ Наполеонъ приказалъ обращаться съ величайшею строгостью.

Префектъ рѣшился вступить за своего родственника Порталиса и въ болѣе важномъ случаѣ. Папа прислалъ во Францію протестъ противъ какой-то мѣры императора, и Порталисъ, завѣдывавшій внѣшними сношеніями, скрылъ этотъ документъ, боясь возбудить гнѣвъ Наполеона, но тотъ собралъ государственный совѣтъ и, выбравъ рѣзкими словами Порталиса, сказалъ, что изгоняетъ его изъ совѣта и изъ Франціи. При всеобщемъ молчаніи членовъ Паскье замѣтилъ, что онъ также заслуживаетъ выговора, такъ какъ знаетъ о присылкѣ бумаги. Пораженный такою смѣлостью Наполеонъ молчалъ съ минуту, потомъ отвѣтилъ, что относится къ префекту снисходительно (*avec indulgence*). Этотъ томъ оканчивается разговоромъ автора мемуаровъ съ императоромъ передъ его отъѣздомъ въ Россію.

СМѢСЬ.

ЮБИЛЕЙ профессора Фойницкаго. Наши юристы праздновали 1-го юня двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности профессора Петербургскаго университета по кафедрѣ уголовного права Ивана Яковлевича Фойницкаго. Имя юбиляра пользуется извѣстностью, какъ одного изъ выдающихся криминалистовъ. «Нѣтъ преступленій, есть преступники», таковъ основной взглядъ И. Я., почему изученіе личности наказуемаго онъ и выдвинулъ на первый планъ. Особенно подробно и обстоятельно изслѣдовалъ юбиляръ ученіе о наказаніи, тюремнѣдѣніи и ссылке. Въ наказаніи онъ главное мѣсто отводитъ мѣрамъ индивидуальнымъ, примѣненіе которыхъ должно быть направлено на социальное перевоспитаніе наказуемаго, на то, чтобы изъ негоднаго члена сдѣлать члена полезнаго для общества. Профессоръ Фойницкій принадлежитъ къ ученымъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ международной разработкѣ юридической науки. Онъ былъ энергичнымъ участникомъ въ 1872 г.—лондонскаго, въ 1885 г.—римскаго, въ 1890 г.—петербургскаго международныхъ пенитенціарныхъ конгрессовъ, и въ 1890 г.—брюссельскаго, въ 1891 г.—бернскаго сѣздовъ международнаго союза уголовного права. Въ качествѣ члена *Société générale des prisons*, онъ въ настоящее время устроилъ парижскій сѣздъ международнаго союза въ Парижѣ. По его инициативѣ при Петербургскомъ университетѣ учрежденъ кабинетъ уголовного права, представляющій единственное въ мірѣ учебно-вспомогательное заведеніе. Родился И. Я. въ 1847 г., образованіе получалъ въ черниговской и могилевской гимназіяхъ. Затѣмъ кончилъ курсъ (въ 1863 г.) въ Петербургскомъ университетѣ съ золотой медалью за сочиненіе «О мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способа уклоняться отъ слѣдствія и суда», и тогда же, по предложенію профессора Чебышева-Дмитріева, остался при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію. Послѣ удачной защиты магистерской диссертации онъ занялъ въ 1871 г. кафедру уголовного права и въ настоящее время имѣетъ ученую степень доктора уголовного права.

Съ 1876 г. профессоръ Фойницкій состоитъ товарищемъ оберъ-прокурора уголовного касационнаго департамента сената и съ 1888 года—членомъ редакціонной комисіи по составленію проекта новаго уголовного уложенія. Ему принадлежатъ масса научно-литературныхъ работъ, изъ которыхъ пользуются общою извѣстностью «Курсъ уголовного судопроизводства» и «Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремновѣдѣніемъ».

Юбилей Н. А. Скальковскаго. 4-го іюня исполнилось 30-ть лѣтъ служебной дѣятельности Константина Аполлоновича Скальковскаго, по вѣдомству государственныхъ имуществъ, 35 лѣтъ со времени его перваго литературнаго труда въ періодическихъ изданіяхъ 1858 г. и 25 лѣтъ его публицистической дѣятельности. Юбиларъ является замѣчательной личностью среди нашихъ журналистовъ. Благодаря эрудиціи и природному таланту, передовыя статьи писателя по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, критическіе этюды и статьи по хореографіи читались съ большимъ интересомъ. Трудно перечислить предметы, о которыхъ писалъ К. А., начиная отъ спеціальныхъ горныхъ и финансовыхъ статей и кончая женскими модами. Всѣ его произведенія составили бы не одинъ объемистый томъ. К. А. Скальковскій занимался также и преподавательскою дѣятельностью, читая политическую экономію въ Горномъ институтѣ. Въ 1869 году, по порученію министерства финансовъ онъ ѣздилъ въ Египетъ на открытіе Суэзскаго канала, въ 1871 г. въ Ост-Индію, съ цѣлью обсужденія возможности установить съ этой страной срочныя пароходныя сообщенія, въ 1880 г. въ Китай, Япошію, Калифорнію и Пріамурскую область Восточной Сибири—для выясненія вопроса о будущности тамъ русской торговли. Ни одна всемірная выставка не обошлась безъ дѣятельнаго участія юбиляра. Впечатлѣнія свои, какъ туриста, во время своихъ постоянныхъ поѣздокъ, онъ изложилъ въ многочисленныхъ фельетонахъ и корреспонденціяхъ. Онъ издалъ также нѣсколько сочиненій подъ псевдонимами, какъ «Балетъ, танцы и ихъ мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ» подъ псевдонимомъ «Балетоманъ», также «О женщинахъ» подъ псевдонимомъ вопросительнаго знака. Последняя книга, благодаря остроумію и бойкости пера, имѣла рѣдкій въ нашей литературѣ успѣхъ, выдержавъ въ сравнительно короткое время восемь изданій. Въ 1891 г. юбиляръ, вслѣдствіе назначенія его директоромъ горнаго департамента, почти прекратилъ свою публицистическую дѣятельность.

Юбилей П. І. Бобровскаго. 2-го іюля исполнилось 30-ти-лѣтіе военно-педагогической службы и учено-литературной дѣятельности начальника военно-юридической академіи генераль-лейтенанта Павла Іосифовича Бобровскаго. Сынъ доктора философіи и магистра правъ, П. І. происходилъ изъ дворянъ Гродненской губерніи и родился 21-го марта 1832 года. Первоначально воспитывался въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ въ Дворянскомъ полку. Высшее научное образованіе получилъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, послѣ чего былъ назначенъ адъютантомъ въ штабѣ 1-го армейскаго корпуса, затѣмъ оберъ-квартирмейстромъ 4-го армейскаго корпуса. Въ 1863 году назначенъ командиромъ батальона во 2-мъ Константиновскомъ училищѣ; въ 1875 г. начальникомъ военно-юридической академіи. Многочисленный рядъ учено-литературныхъ работъ генерала начался съ изданія его «Статистическаго описанія Гродненской губерніи». Этотъ трудъ съ подробными экскурсіями въ исторію и съ массою данныхъ, извлеченныхъ не только изъ официальныхъ архивовъ, спеціальной литературы, но и изъ сообщеній мѣстныхъ жителей и знатоковъ Сѣверо-Западнаго края, въ 1863 г. былъ награжденъ орденомъ и золотой медалью Русскаго Географическаго Общества. За свою же историко-юридическую монографію «Артикулы воинскій Петра Великаго» (три части) П. І. получилъ отъ академіи наукъ большую золотую медаль Д. А. Толстого. Въ теченіе минувшихъ 30-ти лѣтъ П. І. сотрудничалъ въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ, а въ послѣд-

ніе три года неутомимо работаетъ надъ изданіемъ «Исторіи 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго полка за 250 лѣтъ» (1642—1892); три части этого изданія, уже рекомендованнаго академикомъ Н. О. Дубровиннымъ особому вниманію академіи наукъ, появились въ свѣтъ ко дню полкового юбилея (двѣ части въ 1892 г. и третья въ маѣ). Юбиляръ пользуется всеобщемою симпатіею и уваженіемъ.

Преміи Петра Великаго. Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія объявляетъ, что на соисканіе учрежденныхъ при министерствѣ премій императора Петра Великаго за лучшія руководства и пособія по группѣ: «русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностію и логика», въ нынѣшнемъ году представлено пять сочиненій въ рукописяхъ, изъ коихъ одно уже появилось въ печати. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій, при ученномъ комитетѣ была образована, подъ предсѣдательствомъ члена комитета И. П. Хрущова, особая комісія, въ составъ которой входили члены ученаго комитета: Н. Н. Страховъ, А. А. Слѣпцовъ, профессоръ петербургской духовной академіи М. И. Каринскій и преподаватель петербургской 2-й гимназіи А. И. Орловъ. Комісія, разсмотрѣвъ переданныя ей конкурсныя сочиненія, представила о нихъ въ комитетъ свое заключеніе, съ подробнымъ разборомъ ихъ. Ученый комитетъ, по обсужденіи доклада комісії, соглашаясь съ ея заключеніемъ, опредѣлялъ: 1) в. д. экстраординарнаго профессора въ петербургскомъ университетѣ А. И. Незеленову за сочиненіе: «Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній» (въ двухъ частяхъ)—присудить малую премію (въ 500 рублей); 2) прочія сочиненія, представленные для соисканія премій, отъ присужденія премій устранить; 3) въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателя комісії И. П. Хрущова и членовъ: Н. Н. Страхова, А. А. Слѣпцова, М. И. Каринскаго и А. И. Орлова, занимавшихся разсмотрѣніемъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій, выдать имъ учрежденные на этотъ предметъ золотыя медали.

Общество любителей древней письменности. Е. М. Гаршинъ сдѣлалъ докладъ объ иллюстраціи Космы Индикоплава. Выяснивъ вопросъ о родинѣ этого путешественника VI столѣтія и о его заслугахъ въ области топографіи, докладчикъ остановился на основномъ греческомъ иллюстрированномъ его трудѣ и указалъ, что реальная композиція его рисунковъ носитъ всѣ признаки самобытности творчества и отвѣчаетъ представленію его времени, ибо, напримѣръ, библейскіе цари являются здѣсь со всѣми признаками византійскихъ императоровъ. Переходя къ славянскому переводу «Христіанской топографіи», референтъ констатировалъ нѣкоторыя особенности въ передачѣ греческаго рисунка, свидѣтельствующія о самостоятельной переработкѣ византійскихъ художественныхъ традицій. По поводу доклада сдѣлали замѣчанія А. О. Бычковъ и И. В. Помяловскій, указавшіе на соотношеніе ватиканскаго и лаврентіанскаго кодексовъ книги Космы Индикоплава и затѣмъ на отношеніе между собою самыхъ славянскихъ списковъ топографіи. Вслѣдъ затѣмъ Н. А. Шляпкинъ сдѣлалъ докладъ о рукописяхъ вологодской семинаріи, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: Евангеліе XIII-го вѣка, Уставъ XIV-го вѣка, Стихирарь, Апостоль и Указецъ 1584 г., любопытный по своей записи, изъ коей мы узнаемъ о новомъ игуменѣ Шрлудскаго монастыря, Сергіѣ, и о монастырскомъ бібліотечарѣ Арсеніи, описатель книгъ, котораго референтъ называетъ отнынѣ первымъ нашимъ бібліографомъ. За симъ секретарь общества сдѣлалъ сообщеніе о двухъ житіяхъ греческихъ святыхъ Евдокима Праведнаго и Федора Едесскаго, изъ коихъ первое погречески еще не издано. Древне-славянскій переводъ ихъ, одианъ неточный, другой рабски исполненный, встрѣчается во множествѣ списковъ. Житіе Евдокима представляетъ мало историческихъ и біографическихъ данныхъ и уступаетъ въ этомъ отношеніи житію Федора Едесскаго. Референтъ путемъ изученія такъ называемаго *Epistola ad Theophilum* и особенно древ-

вѣйшихъ ея славянскихъ списковъ опредѣлили совершенно точно день, мѣсяць и годъ вступленія св. Ѳеодора на епископскую кафедру, а при посредствѣ другихъ изысканій опредѣлили приблизительно и время хожденія и кончины святителя. Наконецъ, А. П. Барсуковъ сдѣлалъ докладъ о графѣ А. Бобринскомъ (при императорѣ Павлѣ) и о его гербѣ, а также прочелъ неизданное письмо Державина, въ которомъ поэтъ хлопочетъ о присвоеніи своему племяннику дворянскаго званія. Секретарь общества доложилъ о пожертвованіи Н. П. Барсуковымъ его собственноручныхъ рукописей, уже напечатанныхъ, и о поступленіи въ бібліотеку общества писемъ, рукописей и книгъ, принадлежавшихъ Ѳ. Н. Глинкѣ. Здѣсь оказывается много, большею частью неапечатанныхъ, писемъ нашихъ поэтовъ: Пушкина, Жуковскаго, Кольцова, Державина, кн. Вяземскаго и проч. Н. П. Лихачевъ сдѣлалъ сообщеніе: «Царская бібліотека въ XVI столѣтіи». Изложивъ гипотезу проф. страсбургскаго университета Тремера о томъ, что бібліотека царя Ивана Грознаго можетъ быть и до сихъ поръ хранится въ цѣлости въ подземныхъ тайникахъ кремлевскаго теремнаго дворца, референтъ подвергъ строгой критикѣ весь рядъ извѣстій о книжномъ собраніи великихъ князей московскихъ. Разсказъ пастора Веттермана, которому въ 1565—1566 годахъ были показаны въ одномъ изъ дворцовыхъ помѣщеній какія-то иноязычныя книги, Н. П. Лихачевъ призналъ достовѣрнымъ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ пасторъ является очевидцемъ, но отвергъ помѣщенное въ разныхъ спискахъ извѣстіе о взламываніи сводовъ бібліотечнаго помѣщенія. Констатировавъ странную забывчивость открывшаго извѣстіе о спискѣ рукописей царской бібліотеки такъ называемаго анонима профессора Дабелова и отмѣтивъ въ спискѣ рядъ сомнительныхъ совпаденій, докладчикъ счелъ возможнымъ игнорировать въпредъ до нахожденія Дабеловской связки «Collectanea Pernaviensia». Сопоставивъ сказанія о Максимѣ Философѣ съ документальными и летописными данными, Н. П. Лихачевъ указывалъ на недостовѣрность его подробностей, на то, что самъ Максимъ Грекъ ссылается только на Толковую псалтырь «книгохранительницы» и умалчиваетъ относительно другихъ рукописей бібліотеки, о которыхъ онъ, по извѣстію сказанія, такъ восторженно отозвался. Выяснивъ затѣмъ широкое значеніе слова «казна» въ языкѣ московскаго періода и приведя документальныя цитаты о «книгахъ постельной казны», о «книгохранительной казнѣ» и т. д., референтъ отмѣтилъ возможность отождествлять понятія о казнѣ съ понятіемъ о бібліотекѣ или архивѣ. Памятники XVI вѣка сообщаютъ, что докончательныя грамоты сохраняются въ казнѣ государевой, что списокъ съ духовной кн. Волоцкаго былъ выданъ изъ казны государя, что Судебнику и уставной грамотѣ надлежало «въ казнѣ быти», и что по просьбѣ князя ногайскаго Тинехмата восточная рукопись «Азя-нбу-имахъ Лукать» («Чудеса природы» Кавкази?) сыскивалась въ царскихъ казнахъ. Н. П. Лихачевъ всѣ упомянутые документы и ящики «татарскихъ книгъ» указалъ въ «описи царскаго архива», отмѣтилъ совпаденіе понятій казны и архива, выяснилъ значеніе этого архива, какъ государственно-политическаго, и доказывалъ, что при каждомъ приказѣ была своя казна-архивъ. Въ виду отсутствія въ указанной описи важнѣйшихъ документовъ разряднаго приказа и писцовыхъ книгъ, референтъ призналъ самостоятельное существованіе архивовъ разряднаго и помѣстнаго, причемъ слѣды существованія послѣдняго изъ нихъ нашелъ въ актѣ исхода XV-го столѣтія. Исслѣдуя составъ «описи», Н. П. Лихачевъ пришелъ къ выводу, что такъ называемый «Царскій архивъ» находился при посольскомъ приказѣ. Вопреки мнѣнію В. О. Ключевскаго докладчикъ доказывалъ древность посольскаго приказа и его архива, цитируя указанія на дяковъ, живущихъ при посольскомъ дѣлѣ, и на архивные ящики въ документахъ эпохи великаго князя Ивана III и Василія Ивановича. Въ заключеніе референтъ утрату части царской бібліотеки связывалъ съ пожарами постельной палаты и

постельныхъ хоромъ, случившимися до составленія «описи» «казны» — архива, а книги, видѣнныя Веттерманомъ, отождествилъ съ книгами латинскими, помянутыми въ описи царскаго архива, почему судьбу этой части царскаго книжнаго собранія и связывалъ съ судьбой всего архива, остатки котораго находятся теперь въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Продолжительный докладъ вызвалъ оживленныя пренія и сильныя возраженія со стороны В. Г. Васильевскаго, Д. Θ. Кобеко и П. А. Сырку, которые находили невѣроятнымъ отождествленіе царскаго архива съ царскою бібліотекою, полагая, что книги «казны» представляли изъ себя дѣла дипломатическія на разныхъ языкахъ. Д. Θ. Кобеко высказалъ мысль, что царская бібліотека скорѣе находилась бы въ рукахъ духовнаго лица, а не дяковъ. В. Г. Васильевскій въ «латинскихъ книгахъ» архива видѣлъ переплетенные сборники документовъ на латинскомъ языкѣ.

П. А. Сырку сдѣлалъ сообщеніе о житіи юго-славянскаго святаго Ромила, ученика Григорія Синаита, XIV вѣка. Въ литературѣ аскетической оно занимаетъ видное мѣсто по простотѣ изложенія и довольно любопытнымъ бытовымъ даннымъ. Авторъ его — Григорій, который, по мнѣнію докладчика, не можетъ быть отождествляемъ съ Григоріемъ Цамблакомъ, какъ это нѣкоторые допускали. Секретарь Общества прочиталъ рефератъ о книгѣ извѣстнаго византиниста Крумбахера, посвященной разбору св. Θεодосія киноіарха, и указалъ на достоинства и недостатки его работы; рефератъ вызвалъ замѣчанія. Доложено о выходѣ въ свѣтъ новыхъ трудовъ Общества — изданія «Житія св. Прокопія Устюжскаго» и памятника «Слова о святомъ патріархѣ Θεостириктѣ (къ вопросу о 29-мъ февраля въ древней письменности).

7-го мая состоялось торжественное годовое собраніе подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Изъ отчета секретаря выяснилось, что Общество продолжаетъ свою дѣятельность все въ томъ же направленіи, привлекаетъ въ свои ряды лицъ, интересующихся древне-русскою литературою, выпускаетъ въ свѣтъ изданія и памятники древней письменности, обогащается пополненіемъ своей бібліотеки и составленіемъ неприкосновеннаго капитала. Почетный членъ Общества Т. И. Филипповъ прочелъ двѣ записки объ Арсеніи Мацѣевичѣ, изъ которыхъ обнаружилось, что личность ростовскаго святителя уже въ XVIII вѣкѣ вызвала различныя чудесныя сказанія. Секретарь Общества сообщилъ нѣсколько соображеній по поводу менологія имп. Василія, указавъ на его литературную исторію и на связь его съ мнѣйнымъ житіемъ и нашимъ прологомъ.

Кладъ. Въ Чимкентскомъ уѣздѣ, Сыръ-Дарьинской области, на крестьянскомъ полевомъ надѣлѣ села Мамаевки отысканъ кладъ. На лѣвомъ берегу рѣки Арысь, верстъ на 25 выше развалинъ древняго Отрара, лежащаго по правую сторону той же рѣки, имѣются слѣды какого-то загадочнаго сооруженія. Здѣсь высятся два насыпные кургана. Отъ одного изъ нихъ, подъ острымъ угломъ, расходятся двѣ прямыя линіи маленькихъ кургановъ, обозначающихъ слѣды древней стѣны. Линія кургановъ, идущихъ параллельно Арысь, тянется версты на три, затѣмъ расположено множество маленькихъ кургановъ, занявшихъ огромное пространство предъ другимъ большимъ курганомъ, высота котораго достигаетъ сажень пятнадцати. Послѣдній окруженъ огромнымъ валомъ или, быть можетъ, это слѣды магистральнаго арыка. Во время межевыхъ работъ землемѣръ, устанавливая межевой знакъ на первомъ курганѣ, приказалъ рабочимъ рыть яму. Послѣ нѣсколькихъ взмаховъ, работавшіе услышали звукъ разбиваемаго глинянаго сосуда. Работу повели осторожниѣ и вскорѣ отрыли глиняный горшокъ покрытый металлическимъ кружкомъ. Въ сосудѣ оказалось: 1.800 серебряныхъ и болѣе 4.000 мѣдныхъ монетъ, нѣсколько зеренъ жемчуга, куски сердолика, двѣ или три маленькія проткнутыя морскія раковины, бронзовое

стремя, два серебряные браслета и много разныхъ мелкихъ украшеній. На другомъ курганѣ найдены большой круглый столъ изъ обожженной глины, а подъ нимъ ручная мельница. Столъ—на низенькихъ ножкахъ, на немъ видны слѣды украшеній; въкоторыя изъ нихъ имѣютъ крестообразную форму. Находка, судя по увѣренію киргиза, прочитавшаго надпись на монетѣ, относится къ эпохѣ султана Бабура, изъ династіи Тимуридовъ.

Морская находка въ Либавѣ. Недавно въ Либавѣ, при производствѣ работъ въ новомъ коммерческомъ портѣ, обнаруженъ въ грунтѣ остовъ засыпаннаго пескомъ корабля. При этомъ оказалось, что глубина остова, отъ верхней части шпангоута до киля—двѣ сажени. Такъ какъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ найденъ корпусъ, было передъ работами 5—6 футовъ песка выше уровня моря, то не трудно вычислить, что въ то время, когда корабль затонулъ, глубина въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь берегъ, была не менѣе 18—19 футовъ. Весьма возможно, что погибшій корабль былъ выброшенъ волнами на берегъ, но, для того, чтобы его затянуть пескомъ и образовать надъ нимъ холмъ въ 5—6 футовъ, море должно было долго и много работать. Возникаетъ весьма любопытный вопросъ, какой найденъ корабль и когда отъ него погибъ у береговъ Ливавы. Около поломаннаго корпуса найдены: человѣческія кости, часть палаша съ уцѣлѣвшими кожаными ножами и бронзовая пушка. На верхней, казенной части пушки имѣется гербъ надъ императорскою короною и слѣдующія двѣ отлитыя надписи славянскою вязью: «1704 годъ» и «Мастеръ Мартынъ Осиповъ». Пушка и все остальное принадлежитъ, очевидно, русскому кораблю, погибшему послѣ 1704 года. Предполагаютъ, что найдены остатки корабля «Москва», погибшаго у либавскихъ береговъ въ 1758 году.

Портфель Наполеона. «Кіевское Слово» описываетъ портфель Наполеона I, принадлежащій въ настоящее время кіевлянину г. Лотоцкому и отнятый, какъ свидѣтельствуютъ документы, казаками при переходѣ французовъ черезъ Березину. Портфель этотъ желалъ приобрести въ пятидесятыхъ годахъ Наполеонъ III, но тогдашній владѣлецъ его, графъ Дунинъ, не захотѣлъ съ нимъ расстаться. По внѣшности портфель бархатный красный, сильно выцвѣтшій, лицевая и задняя стороны украшены серебрянымъ шитьемъ, изображающимъ лавровый вѣнокъ, среди вѣтвей котораго блещатъ звѣзды и пчелы. По угламъ вышиты буквы I. N. На внутренней сторонѣ портфеля напись: «Despilli, M-n de rapiers au Coin de la rue des Maturins, rue du Mont Blanc». Портфель запертъ серебрянымъ замкомъ, на которомъ опять красуются лавровые листья, пчелы и звѣзды. Принадлежность портфеля Наполеону I удостовѣряютъ: инициалы I. N. (Imperator Napoleon), наполеоновскія пчелы и актъ за подписью винницкаго нотариуса Алексѣя Чагина.

† 12-го іюня въ Павловскѣ сенаторъ Михаилъ Павловичъ Веселовскій. Онъ происходилъ изъ дворянъ Нижегородской губерніи и родился въ 1828 г.; по окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ, поступилъ въ управленіе нижегородскаго военнаго губернатора, потомъ перешелъ на службу въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Обширныя свѣдѣнія его по экономическимъ вопросамъ обратили вниманіе министра финансовъ Рейтерна. М. П. Веселовскому было поручено завѣдываніе податной комиссіей. Занимая эту должность около пяти лѣтъ, покойный много потрудился надъ разработкой проектовъ различныхъ преобразованій въ системѣ податей и сборовъ. Особенно выдается въ этой сферѣ его обширный трудъ, изданный отдѣльной книгой: «О подоходномъ налогѣ». Работы его послужили основаніемъ къ приглашенію его на должность статсъ-секретаря департамента государственной экономіи государственнаго совѣта. Въ теченіе пятнадцатилѣтняго пребыванія его въ этой должности (1867—1882), при его участіи получили окончательную разработку множество проектовъ по финансовой и экономической части. Въ 1882 г. Веселовскій назначенъ

сенаторомъ. Кромѣ труда о подоходномъ налогѣ, онъ написалъ не мало сочиненій и статей по политической экономіи: изслѣдованія о теоріи поземельной ренты въ примѣненіи къ нашему землевладѣнію и земледѣлію, изслѣдованія по рабочему вопросу и пр. Онъ принималъ участіе во всѣхъ вопросахъ, касающихся государственной и общественной жизни Россіи, и слѣдилъ за развитіемъ литературы и искусства какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ. Своими нравственными качествами М. П. Веселовскій привлекалъ всѣхъ его знавшихъ. Его мягкій характеръ, твердыя убѣжденія и строгіе принципы вселяли къ нему общее уваженіе. Послѣ покойнаго осталась значительная бібліотека, которую онъ завѣщалъ Публичной бібліотекѣ.

† Въ своей усадьбѣ, Тихвинскаго уѣзда, Новгородской губерніи, генералъ-лейтенантъ Винторъ Даниловичъ Кренке. Онъ родился въ 1816 г., кончилъ курсъ въ Константиновскомъ училищѣ и произведенъ въ офицеры въ 1834 г. въ инженерный корпусъ, въ которомъ служилъ 30 лѣтъ, обративъ на себя вниманіе исполнителностью и педантичной точностью въ исправленіи обязанностей. Не получивъ блестящаго образованія, онъ съ молодыхъ лѣтъ старался его пополнить. Средствъ у него было такъ мало, что онъ не имѣлъ возможности приобретать книги и дѣлалъ выписки изъ нихъ. Эти выписки навлекли на молодого офицера непріятности. На него послѣдовалъ доносъ, что онъ дѣлаетъ выписки изъ недозволенныхъ изданій. В. Д. арестовали. Произведено было слѣдствіе, которое выяснило, что выписки сдѣланы изъ научныхъ книгъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ началъ разспрашивать офицера, для чего онъ дѣлаетъ такъ много выписокъ (ихъ было около девяти томовъ). В. Д. отвѣтилъ, что у него нѣтъ средствъ на покупку книгъ и что для него это единственный способъ приобретенія знаній. Великій князь подарилъ ему 200 рублей на книги; доносчикъ былъ строго наказанъ. Благодаря громадной памяти, всѣ эти выписки запоминались молодымъ офицеромъ, и образованіе его съ каждымъ днемъ пополнялось. В. Д. хорошо понималъ, что и для солдата важно образованіе, и во всей своей дѣятельности создавалъ солдатскіе учебники, желая научить солдатъ не только чтенію и письму, но стараясь развить его сообразительность и по возможности сдѣлать изъ него хорошаго ремесленника. Во время крымской кампаніи В. Д. завѣдывалъ работами по оборонѣ Балтійскаго побережья, затѣмъ командовалъ сапернымъ батальономъ и во время польскаго возстанія былъ командиромъ саперной бригады въ Кіевѣ. Въ 1864 г. былъ петербургскимъ окружнымъ интендантомъ, по приглашенію военнаго министра Милютина. Но въ интендантскомъ вѣдомствѣ покойный прослужилъ всего два года. Дѣятельность эта была не по немъ, и въ 1866 г. его назначили начальникомъ 26-й пѣхотной дивизіи. Формально относиться къ своимъ обязанностямъ В. Д. не умѣлъ, и его дивизія сдѣлалась скорѣе образцовой. Но усиленная работа пошатнула здоровье генерала Кренке и въ 1869 г. онъ, по болѣзни, былъ зачисленъ въ запасъ. Свободное отъ службы время онъ посвящалъ сельскому хозяйству, а по увольненіи въ запасъ занялся имъ почти исключительно. Свое небольшое имѣніе въ Тихвинскомъ уѣздѣ онъ сдѣлалъ образцовымъ. Къ этому же времени относятся и теоретическія работы покойнаго по сельскому хозяйству, послѣдствіями которыхъ былъ обстоятельный трудъ «О сельскомъ хозяйствѣ», выдержавшій три изданія. Когда началась русско-турецкая война, В. Д. снова вступилъ въ ряды арміи и былъ прикомандированъ къ главной квартирѣ. Въ концѣ іюля 1877 г. В. Д. поручили устройство сообщеній чрезъ Шибку отъ Габрова. Стойкость и мужественный характеръ В. Д. оказали значительное вліяніе на рѣшимость строевыхъ начальниковъ оборонять Шибку до крайности. За Шибку онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія. По заключеніи мира В. Д. немедленно выѣхалъ въ Россію, въ свое имѣніе, но назначенный главнокомандующимъ Тотлебенъ вызвалъ Кренке въ Болгарію и опредѣ-

лил его начальникомъ военныхъ сообщений. Опытность, хладнокровіе и педантическая точность Кренке поборола всѣ затрудненія, и сообщенія были устроены прекрасно. По заключеніи берлинскаго трактата Кренке уѣхалъ опять въ Россію и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ улучшалъ свое имѣніе и довелъ дѣло до того, что сосѣдніе крестьяне стали у него учиться, отказавшись отъ рутинны. На ряду съ сельскимъ хозяйствомъ онъ занимался печатаніемъ своихъ воспоминаній, которыя читались съ большимъ интересомъ. Кромѣ того, у него было еще одно любимое дѣло—составленіе библіотеки. Онъ началъ составлять ее еще молодымъ офицеромъ. Послѣ женитьбы, въ имѣніи своемъ онъ построилъ для библіотеки отдѣльный домъ, и къ концу жизни домъ этотъ былъ заполненъ сочиненіями не только по военнымъ наукамъ, но и по всѣмъ отраслямъ званія и искусства. Въ частной жизни В. Д. былъ добрымъ, отзывчивымъ человекомъ. Всѣ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло, помнятъ высокую фигуру строгаго старика, съ твердыми убѣжденіями, не способнаго ни на какой компромисъ, требовательнаго на службѣ, снисходительнаго и добродушнаго въ частныхъ отношеніяхъ. Не смотря на то, что В. Д. занималъ весьма солидныя мѣста, онъ не оставилъ состоянія.

† Въ Ростовѣ-на-Дону, 31-го мая, писательница Анна Пазловна Барыкова. Она родилась 22-го декабря 1839 г. въ Петербургѣ, въ литературной семьѣ Каменскихъ. Ея отецъ, П. П. Каменскій, былъ авторомъ многихъ повѣстей и романовъ во вкусѣ Марлинскаго, мать—здравствующая и помыѣ, Марья Ѳедоровна, рожденная графиня Толстая, также извѣстная романистка. Воспитаніе А. П. получила сперва дома, затѣмъ въ Екатерининскомъ институтѣ, курсъ въ которомъ окончила съ серебряной медалью въ 1856 г. Спустя годъ она вышла замужъ за артилерійскаго офицера Карлинскаго, а въ 1862 г. вступила во второй бракъ съ С. Л. Барыковымъ, роднымъ братомъ покойнаго сенатора. Стихотворенія А. П. разбѣяны по разнымъ изданіямъ. Они печатались въ «Словѣ», «Дѣлѣ», «Сѣверн. Вѣстникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ». «Русскомъ Богатствѣ», «Русской Мысли», «Родникѣ», «Недѣлѣ» и другихъ журналахъ преимущественно либеральнаго направленія. Сборникъ ея стихотвореній вышелъ въ 1878 г. въ Пятигорскѣ. А. П. отлично владѣла стихомъ; у нея есть образы, краски, но мало чувства и, кромѣ того, главный недостатокъ ея стиховъ—крайняя тенденціозность. Вліяніе Ришпена и французскихъ декадентовъ сильно чувствуется въ ея стихахъ. А. П. Барыкова писала также и прозой подъ псевдонимами. Подъ ея собственной фамиліей помѣщена только повѣсть «Доброе дѣло» въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1889 г. Ея довольно удачная передѣлка изъ Теннисона, повѣсть въ стихахъ «Спасенный», вышла отдѣльно въ 1889 г.

† Въ Швейцаріи Иванъ Петровичъ Зазулинъ, хорошо извѣстный въ артистическихъ и литературныхъ кружкахъ Петербурга. Онъ умеръ въ Монтрѣ и тамъ же похороненъ. Въ послѣдніе годы жизни И. П. сдѣлался театральнымъ антрепренеромъ. Сначала онъ держалъ театръ въ Орапѣнбаумѣ, затѣмъ арендовалъ Панаевскій театръ. Въ обоихъ театрахъ его антреприва имѣла матеріальный успѣхъ, но, благодаря крайней добросовѣстности своей по отношенію къ артистамъ, покойный только сводилъ концы съ концами. Эта добросовѣстность обуславливалась тѣмъ, что И. П. самъ прошелъ тяжелую школу труда. Съ юношескихъ лѣтъ питая страсть къ театру, онъ на девятнадцатомъ году уже сдѣлался актеромъ и началъ странствовать по Россіи, играя небольшія роли на провинціальныхъ сценахъ. Периодически возвращаясь въ Петербургъ, И. П. игралъ на клубныхъ сценахъ и хотя не пользовался репутаціею выдающагося артиста, но былъ актеромъ толковымъ и страстно преданнымъ театру. Желаніе руководить драматической сценой всегда было мечтою покойнаго, и публика видѣла его послѣдовательно сначала распорядителемъ спектаклей на клубныхъ сценахъ, а

затѣмъ и въ такихъ сравнительно хорошо поставленныхъ театрахъ, какъ Ораніенбаумскій. Потомъ, когда Зазулинъ приобрѣлъ уже хорошую репутацію дѣльнаго администратора и режисера, онъ самъ взялъ за антрепризу. Ему хотѣлось основать въ Петербургѣ частный драматическій и оперный театръ, и работалъ онъ въ этомъ направленіи много и усорно. Драматическая труппа играла у него нѣсколько сезоновъ, а въ прошломъ году въ Панаевскомъ театрѣ появилась русская опера. Эта попытка Зазулина явилась тѣмъ болѣе кстати, что Маринскій театръ уже въ теченіе нѣсколькихъ сезоновъ къ ряду не могъ удовлетворять всѣхъ желающихъ слушать русскую оперу; Зазулинъ понялъ, что данная минута благопріятна для его начинанія, и не щадилъ усилій, чтобы поставить дѣло на твердую почву. Онъ разнообразилъ и репертуаръ, и составъ оперной труппы; на частной оперной сценѣ стали появляться новинки, обошедшія оперныя сцены Европы, но еще не пробравшіяся на нашу маринскую сцену. Оперу «Паяцы» Леонкавалло русская публика впервые услышала въ Панаевскомъ театрѣ. Тамъ же появился «L'amico Fritz» и поставлена была впервые двухъ-актная опера Юферова «Голанда»; тамъ же услышали почти впервые «Кроатку», произведеніе Дютша, безвременно скончавшагося русскаго композитора, совсѣмъ забытаго казенной сценой. Починъ и старанія Зазулина оставить слѣдъ и не пропадутъ даромъ. Онъ постоянно работалъ и на литературномъ поприщѣ, написалъ нѣсколько небольшихъ пьесъ, изъ которыхъ «Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жветъ» и «Семейная революція» до сихъ поръ держатся на сценѣ. Кроме того, онъ напечаталъ въ равныхъ газетахъ, преимущественно въ «Петербургскомъ Листкѣ» и «Петербургской Газетѣ», много разсказовъ, сенокъ и пр. Лучшіе изъ нихъ «Дебютантъ» и «Черная Кощка». Сборникъ его «Около женщинъ» выдержалъ два изданія. Болѣзнь подкосила его еще въ молодости; онъ умеръ 35 лѣтъ. Онъ происходилъ изъ крестьянъ Черниговской губерніи, и настоящая фамилія его была «Зозуля».

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу стихотворенія Т. Г. Шевченка.

Не откажитесь дать мѣсто въ нашемъ почтенномъ изданіи слѣдующимъ строкамъ, имѣющимъ отношеніе къ вопросу, уже два раза затронутому на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и все еще не окончательно рѣшенному.

Нигдѣ, можетъ быть, не нужна точность въ такой степени, какъ нужна она въ «поправкѣ», на которую каждый привыкъ смотрѣть съ особеннымъ довѣріемъ, предполагая, что вносить поправки рѣшится только человекъ, дѣйствительно освѣдомленный по извѣстному вопросу, знающій его въ деталяхъ. «Поправка», заключающая въ себѣ новыя ошибки, еще вреднѣе, чѣмъ полное отсутствіе поправокъ.

Неточностями страдаетъ и сообщеніе г. Вилинскаго «По поводу одного стихотворенія Т. Г. Шевченка» («Историч. Вѣстн.», іюнь, 1893 г.).

Стихотвореніе «Нащо мені черны брови», написанное въ 1847 году, печаталось въ «Кобзарѣ» и въ послѣднихъ его изданіяхъ (книгопродавца Ф. А. Гогансона) помѣщено среди цѣлой серіи «думокъ», полныхъ той же задушевности, той же глубины и искренности настроенія, какою проникнуто и занимающее насъ стихотвореніе.

На слова «Нащо мені чорны брови» украинскій композиторъ Лысенко написалъ прелестную музыку, такъ что съ печатнымъ текстомъ этого стихотворенія мы встрѣчаемся еще разъ въ сборникѣ «Музыка до Кобзаря Т. Г. Шевченко. Спорудывъ Лысенко».

По обоимъ печатнымъ источникамъ текстъ стихотворенія нѣсколько разнится отъ текста, воспроизведеннаго г. Вилинскимъ, которому память въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣнила. Для тѣхъ, у кого не имѣется подъ рукою «Кобзаря» или сборника Лысенка, сообщу, что въ редакціи г. Вилинскаго должны быть сдѣланы слѣдующія измѣненія.

Въ третьей строфѣ первая строка въ «Кобзарѣ» напечатана такъ: «тяжко мени сыротою», а не сыротыні. Въ той же строфѣ послѣдняя строка по Кобзарю: «ни с кымъ говорыты». Предпослѣдняя строфа оканчивается:

«Голоснійше, жалібнійше (плачьте очи),
Щобъ витры почувы».

Послѣ пятой строфы (по тексту г. Вилинскаго) слѣдуютъ еще горько-проническія строки: «Чого сердце, якъ голубка, день и ничъ воркуе, никто его не пытае, не знае не чуе. Чужи люде не спытають, тай на що пытаты? Нехай плаче сыротына, нехай літа тратыть!».

Наконецъ, въ послѣдней строфѣ вмѣсто эпитета «вродливому», употребленнаго г. Вилинскимъ, слѣдуетъ читать «зрадливому», то-есть измѣняющему. Этотъ эпитетъ имѣетъ громадное значеніе, мотивируя элегическій характеръ всей пьесы и пожеланіе «лютого горя» чернявому козаку, который бросилъ милую и, можетъ быть, является героемъ другой думки, написанной въ томъ же году. Вотъ отрывокъ изъ нея:

«Пишовъ козакъ свить за очи;
Грае сыне море,
Грае сердце козацькее,
«А думка говорить:
«Куды идешъ, не спытавшись?
«На кого покинувъ
«Батька, неньку старенькую,
«Молоду дівчину!».

Эти двѣ «думки» вмѣстѣ съ третьей, пачинающейя словами:

«Вітре буйный, вітре буйный!
«Ты зъ моремъ говорышь»,—

образуютъ нѣчто вполне законченное. Воображенію читателя чудится глубокая драма двухъ простыхъ не сложно, но сильно чувствующихъ сердець. Погнало бездолье козака «шукать доли» за синимъ моремъ, не удержали ласки милой. «Доли не мае»... «на чужині не ты люде—тяжко зъ ними жыты!»... «спыталося горе»... «шляхи быты зарослы тернами»... Сидитъ козакъ, плачетъ, слѣдя глазами за вереницами свободныхъ журавлей, улетающихъ на родную Украину. А дівчина, колеблясь между горькой досадой на судьбу и на зродливаго черняваго и беззавѣтной, не умирающей любовью къ нему, вся цѣликомъ выливается въ двухъ думкахъ: «Вітре буйный» и «нащо мені чорны брови».

Теплое, чуткое сердце Тараса Григорьевича не задавало вопроса, «кто виноватъ», а кровью плакало съ обѣими жертвами бездолья. И не разъ, вѣроятно, эти слезы сверкали и въ глазахъ читателя.

Алексѣй Лашкевичъ.

ГРАФЪ ИВАНЪ АНТОНОВИЧЪ КАПОДИСТРИА.

Съ гравированнаго портрета Милова, 1822 г.

дозв. ценз. спъ., 26 юля 1893 г.

слушать. Мнѣ даже какъ-то страшно. Вдругъ это дойдетъ до *principe de la Paz!*

— Но такъ какъ мы не ожидаемъ отъ него прихода или какихъ нибудь другихъ выгодъ...

— До свиданья, отпустите меня, донья Амброзія, я тороплюсь,— въ смущеніи проговорилъ аббатъ. — Я выбралъ вотъ эту зеленую ленту, а голубая не годится, мнѣ неудобно будетъ показаться въ ней въ домѣ графини.

Она торопливо завернула ему выбранную имъ ленту и также торопливо дала мнѣ шелкъ, чѣмъ я вовсе не былъ доволенъ, потому что охотно бы еще послушалъ разговоръ о политикѣ. Я направился домой, но дорогою встрѣтилъ монаха Хозе Салмона, который нерѣдко ходилъ къ донѣ Домингвитѣ, бабушкѣ моей госпожи, и лечилъ ее отъ всевозможныхъ недуговъ. Салмонъ, въ фамиліи котораго не доставало только одного о для того, чтобы напоминать премудраго царя Соломона, считалъ себя человѣкомъ образованнымъ и необыкновенно умнымъ.

— Какъ здоровье доньи Домингвиты? — остановилъ онъ меня вопросомъ. — Хорошо ли на нее подѣйствовала сушеная малина, которую я ей принесъ въ послѣдній разъ?

— О, превосходно!—отвѣтилъ я, хотя не имѣлъ равно никакого понятія о ея дѣйстви.

— Вотъ сегодня вечеромъ я принесу ей порошечки, послѣ которыхъ она совсѣмъ помолодѣетъ, или я не буду отецъ Салмонъ! Но какія у тебя прекрасныя груши! — прибавилъ онъ, запуская руку въ мою корзинку.—Ты мастеръ покупать!

И, взявъ пару грушъ, онъ сначала понюхалъ ихъ, затѣмъ опустилъ въ широкій рукавъ своей длинной одежды, безъ всякаго позволенія съ моей стороны, и прибавилъ:

— Передай ей, что сегодня вечеромъ я зайду къ ней поразсказать о важныхъ политическихъ новостяхъ.

— Вотъ вы все знаете, отецъ Хозе,—произнесъ я, сторая любопытствомъ,—не можете ли вы объяснить мнѣ, зачѣмъ приближаются французскія войска?

— Если бы ты хоть на половину былъ такъ уменъ, какъ я, то ты понялъ бы, въ чемъ дѣло, — отвѣтилъ онъ. — Развѣ ты не знаешь, что Наполеонъ возвысилъ Францію послѣ всякихъ интригъ и революцій? Развѣ ты не знаешь также, что у насъ есть человѣкъ, подкапывающійся подъ святыя основы церкви? Зная все это, трудно не понять, что французскія войска идутъ только для того, чтобы наказать этого нераскаяннаго грѣшника и заклятаго врага духовныхъ началъ.

— Неужели же сеньоръ Годой не только свѣтскій интриганъ, но и врагъ духовенства? — спросилъ я, удивленный такимъ скопленіемъ отрицательныхъ качествъ у фаворита.

— Безъ сомнѣнія,—отвѣтилъ монахъ.—А если бы нѣтъ, то по какой же причинѣ онъ сталъ бы вводить реформы въ монашескихъ орденахъ, отрывать монаховъ отъ монастырской жизни и посылать ихъ дежурить въ городскія больницы? Онъ готовитъ также проектъ, въ силу котораго у насъ будутъ отняты земли и отданы въ пользу народныхъ школъ земледѣлія. О, еслибъ все, что говорятъ, была правда,—продолжалъ онъ, снова запустивъ руку въ мою корзинку,—то было бы очень хорошо. Но мы ждемъ только Наполеона, въ надеждѣ, что этотъ несравненный полководецъ избавитъ насъ отъ тираніи и отдастъ испанскій престолъ принцу Астурійскому Фердинанду, на благоразуміе и опытность котораго мы всѣ надѣемся.

Сказавъ это, онъ взялъ изъ корзинки вторую пару грушъ и горсть кизилію и вновь опустилъ въ свой широкій рукавъ. Я рѣшился поскорѣе разстаться съ этимъ образованнымъ человѣкомъ, разговоры котораго стоили мнѣ такъ дорого.

Конечно, я узналъ не особенно много, но понялъ, однако, что почти всѣ относятся съ презрѣніемъ къ Годю, считаютъ его интриганомъ, грабителемъ, безнравственнымъ человѣкомъ и даже врагомъ церкви. Кромѣ того, я ясно видѣлъ, что Фердинандъ, принцъ Астурійскій, пользуется всеобщей любовью, что на него возлагаютъ самыя радужныя надежды и многого ждутъ отъ его дружбы съ Бонапартомъ, войска котораго уже вступили въ Испанію, чтобы идти на Португалію.

Я снова зашелъ на рынокъ, чтобы пополнить опустошеніе, сдѣланное монахомъ въ моей корзинкѣ, и отправился домой.

IX.

Но домой я попалъ не скоро, потому что по дорогѣ заглянулъ къ моему другу точильщику Пакорро Чинитасъ, имѣвшему точильную мастерскую въ нашемъ окологѣ. Я какъ сейчасъ вижу передъ собой точильный станокъ, быстро вертящееся колесо и мелкія искры, разлетающіяся при работѣ.

Чинитасъ былъ человѣкъ на видъ гораздо старше своихъ лѣтъ, благодаря неприятностямъ, доставляемымъ ему его женою. Это была женщина невозможная въ полномъ смыслѣ слова; она дралась съ мужемъ чуть не ежедневно и ругалась на весь кварталъ. Чинитасъ долго терпѣлъ, но, наконецъ, принужденъ былъ просить разводъ, рѣшившись не имѣть иной подруги жизни, кромѣ своей точильни.

Когда я его узналъ, онъ уже развелся съ женою. Это былъ человѣкъ сдержанный и молчаливый, но когда дѣло касалось воспоминаній семейной жизни, онъ говорилъ безъ умолку. Я всегда лю-

билъ бесѣду съ нимъ и находилъ его далеко не глупымъ и разсудительнымъ. Впослѣдствіи, когда политическія событія сами говорили за себя, я оцѣнилъ по достоинству спокойствіе и дальновидность моего пріятеля.

— Какъ поживаете, Чинитасъ?—произнесъ я, входя въ его мастерскую.—Что это всё толкуютъ? Неужели французы пришли въ Испанію?

— Говорятъ,—отвѣтилъ онъ.—И народъ доволенъ.

— Они, кажется, идутъ завладѣть Португаліей?

— Говорятъ...

— Это очень вѣроятно. Къ чему существовать Португаліи?

— Видишь ли, Габріэлильо,—сказалъ онъ и на минуту отнялъ ножницы отъ точильнаго камня, вслѣдствіе чего прекратился шумъ:—мы съ тобою дураки и ничего не понимаемъ въ этихъ вещахъ. Но мнѣ кажется, что всё эти сеньоры, которые радуются приходу французовъ, понимаютъ еще менѣе насъ съ тобой и скоро увидятъ свою ошибку. Что ты объ этомъ думаешь?

— Что же я могу думать? Такъ какъ Годой такой негодяй, то очень можетъ быть, что Наполеонъ свергнетъ его, а на престолъ посадитъ принца Астурійскаго, который, какъ ожидаютъ, будетъ превосходно управлять странюю.

Чинитасъ снова приложилъ ножницы къ камню, натянулъ ремень, привелъ въ движеніе ставокъ ногою, выразительно плюнулъ въ сторону и сказалъ:

— Я говорилъ и говорю, что всё эти сеньоры глупцы. Мы не умѣемъ ни читать, ни писать, а подчасъ понимаемъ больше ихъ; они тамъ, вверху, ослѣплены властью, а намъ снизу все видно. Подумай самъ, Габріэль, вѣдь нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что Наполеонъ говоритъ не то, что думаетъ. Этотъ человѣкъ перевернулъ весь міръ; не одного короля онъ свергъ съ престола, чтобы отдать этотъ престолъ которому нибудь изъ своихъ братьевъ. Говорятъ, что онъ хочетъ свергнуть выскочку и посадить на престолъ принца Астурійскаго, а я смѣюсь надъ этимъ. Смотри, какъ бы онъ вмѣстѣ съ Годоемъ не устроилъ какой нибудь штуки. Наполеону нѣтъ ровно никакого дѣла до того, будетъ ли царствовать Фердинандъ, или управлять Годой. Онъ хочетъ завладѣть Португаліей для того, чтобы одну часть ея отдать нашему министру, а другую какой-то инфантъ Трурїи, или Этрурїи, ужъ я тамъ не знаю...

— Какое же намъ дѣло до того, завоюютъ ли ее, или раздѣлятъ?—спросилъ я не безъ жестокости по отношенію къ нашимъ сосѣдямъ португальцамъ.—Лишь бы свергли этого человѣка...

— Если сегодня завоюютъ Португалію, потому что это маленькое королевство, то завтра завоюютъ Испанію, потому что она большое. Я выхожу изъ себя, когда вижу радость всѣхъ этихъ

сеньоровъ! Они ликують, видя на своей землѣ войска Наполеона, и увѣряють, что онъ идетъ на Португалію, между тѣмъ какъ ясно, что онъ точитъ зубы на Испанію.

— Но вѣдь говорятъ, что нѣтъ грѣха, котораго не совершилъ бы этотъ выскочка...

— Видишь ли, милый мой,—спокойно началъ Чинитасъ, поводя пальцемъ по острію ножницъ,—мнѣ всегда смѣшны эти слухи. Правда, что это человѣкъ честолюбивый, заносчивый, думающій только о собственной наживѣ, но если онъ достигъ того, что его сдѣлали и герцогомъ, и генераломъ, и принцемъ, и министромъ, то кто же виноватъ въ этомъ, какъ не тотъ, который далъ ему все это не по заслугамъ? Если завтра тебѣ скажутъ: «Габріэль, ты будешь тѣмъ-то и тѣмъ-то, потому что я этого желаю, не смотря на то, что ты необразованный человѣкъ»,—что ты отвѣтишь? Ты отвѣтишь: «я согласенъ».

— Безъ всякаго сомнѣнія!

— И хотя этотъ человѣкъ сдѣлалъ много дурнаго, но половина того, что ему приписываютъ,—клевета. Ты самъ видишь, что теперь его бранятъ даже тѣ, которые прежде хвалили; всѣ чувствуютъ его паденіе, ну, и клеветуютъ. А мнѣ сдается, что мы увидимъ скоро немало серьезныхъ дѣлъ... Я говорилъ и говорю, что произойдетъ то, чего никто не ожидаетъ, и что тѣ, которые теперь потираютъ себѣ руки отъ удовольствія, быть можетъ, скоро будутъ плакать горькими слезами. Вотъ вспомнишь мои слова!

Эти разсужденія, показавшіяся мнѣ основательными, заставили меня призадуматься. Я тутъ же рѣшилъ, что этотъ умный точильщикъ будетъ моей правой рукой, когда я достигну званія государственнаго секретаря, министра, словомъ, тѣхъ высокихъ ступеней, на которыя я подымусь съ помощью сеньоры Амаранты.

— Во всякомъ случаѣ хорошо бы, если бы поскорѣй все это началось. Не правда ли?—сказалъ я.

— Видишь ли, Габріэль,—отвѣтилъ Чинитасъ пророческимъ тономъ.—Мнѣ кажется, что нашъ наслѣдникъ не представляетъ изъ себя ровно ничего выдающагося... Я говорю тебѣ это съ глазу на глазъ, потому что если насъ услышатъ, то сейчасъ же арестуютъ. При жизни покойной принцессы Астурійской,—царствіе ей небесное!— всѣ говорили, что Фердинандъ врагъ французовъ и Наполеона, потому что Наполеонъ помогаль Годю, а теперь французы для него первые друзья и Наполеонъ гениальный человѣкъ, и все потому, что онъ принялъ сторону принца Астурійскаго. Это не называется быть положительнымъ человѣкомъ, Габріэлильо. Мнѣ сдается, что инфантъ съ большимъ удовольствіемъ сѣлъ бы на испанскій престолъ при жизни своего отца. Къ этому его побуждаетъ и архіепископъ Толедскій¹⁾, и многіе другіе каноники, желающіе за-

¹⁾ Антонио Паскуаль, младшій братъ Карла IV.

владѣть выгодными мѣстами. Эти высокопоставленные люди очень честолюбивы и, толкуя о благѣ отечества, думаютъ о высокихъ должностяхъ,—имѣй это въ виду. Я не учился ни читать, ни писать, а у меня есть своя грамматика, по которой я умѣю распознавать людей не хуже другаго ученаго. Мы, темные люди, часто ясно видимъ будущее. Поэтому я и говорю тебѣ, что скоро мы услышимъ о серьезныхъ дѣлахъ... Вотъ вспомнишь мои слова!

Когда я простился съ Чинитасъ и пошелъ, наконецъ, домой, я припоминалъ все слышанное мною сегодня. Каждый судилъ о политическихъ дѣлахъ и лицахъ такъ, какъ ему это было удобно. Только одинъ Чинитасъ былъ безпристрастенъ. Я лично находилъ, что превосходно, если великій завоеватель завладѣетъ маленькой, ничтожной на мой взглядъ, Португаліей. Мнѣ казалось, что Годоя, конечно, надо свергнуть и ждать вступленія на престолъ наследника. Приближаясь къ дому, я рѣшилъ, что Чинитасъ будетъ мнѣ незамѣвимымъ помощникомъ и совѣтникомъ въ будущемъ.

X.

Все слышанное мною наканунѣ и въ этотъ день глубоко засѣло въ моей памяти. Мнѣ казалось, что я сразу поумнѣлъ, и что теперь больше, чѣмъ когда либо, достоинъ вниманія сеньоры Амаранты.

Я съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ вечера, что не могъ ничѣмъ спокойно заняться. Мнѣ не удалось въ этотъ день навѣстить Инезилью. Какъ только я исполнилъ всѣ мои домашнія обязанности, я отпросился со двора. Я надѣлъ свое лучшее платье и долго глядѣлся въ тусклый обломокъ зеркала, отражавшій мое молодое, взволнованное лицо. Мнѣ казалось, что я очень недурень собою, жаль только, что мое платье не шито у лучшаго портного и изъ тонкаго сукна. Но недостатки костюма я постарался сгладить артистической прической. Обдумувъ всѣ фразы, которыя я скажу моей богинѣ, и окончивъ всѣ приготовленія къ свиданю, я вышелъ, наконецъ, изъ дому, никому не сказавъ, куда я отправляюсь.

Придя въ улицу Коньисаресъ, я вошелъ въ домъ, куда вчера провожалъ гостей моей госпожи, и спросилъ горничную Карменъ. Она скоро появилась и, не говоря ни слова, повела меня по какимъ-то широкимъ и темнымъ корридорамъ. Наконецъ, мы вошли въ изящно отдѣланную комнату, гдѣ она и велѣла мнѣ подождать. Пока я стоялъ здѣсь, изъ сосѣдней комнаты до меня долеталъ смѣхъ и разговоръ, среди котораго я различалъ старческій голосъ дипломата. Сеньора Амаранта не заставила себя долго ждать. Когда я услышалъ звукъ отворяемой двери, когда я увидѣлъ, какъ вошла эта красавица и съ доброй улыбкой приближалась ко мнѣ, я замеръ отъ волненія.

— Ты очень аккуратенъ,—сказала она мнѣ.— Не желалъ ли бы ты поступить ко мнѣ въ услуженье?

— Сеньора,—отвѣтилъ я, чувствуя, что всѣ приготовленныя фразы сразу выскочили изъ моей головы,—я очень радъ былъ бы служить вамъ и дѣлать все, что вы прикажете.

— Или я ошибаюсь,—произнесла она, садясь недалеко отъ меня,—или ты сынъ благородныхъ родителей и по какой-то случайности занимаешь не соотвѣтствующее твоему происхожденію положеніе.

— Мой отецъ былъ кадикскимъ рыбакомъ,—отвѣтилъ я, внутренно въ первый разъ въ жизни жалѣя о моемъ низкомъ происхожденіи.

— Какая жалость!—воскликнула Амаранта,—но это, конечно, ничего не значить. Пепа сказала мнѣ, что ты очень добросовѣстно исполняешь свои обязанности и, главное, что ты сдержанъ; она передавала мнѣ также, что ты очень способенъ и обладаешь пылкимъ воображеніемъ и что въ иной обстановкѣ ты могъ бы далеко пойти.

— Моя госпожа слишкомъ добра ко мнѣ,—произнесъ я, необыкновенно польщенный ея словами.

— Прекрасно,—продолжала она.—Ты понимаешь, что я не могла бы взять тебя къ себѣ въ услуженье безъ личной рекомендаціи. Но мнѣ и самой кажется, что ты созданъ для иной жизни... думаю, что судьба будетъ тебѣ благоприятствовать. Кто знаетъ, чѣмъ ты можешь быть со временемъ?...

— О, да, сеньора, кто знаетъ!—воскликнулъ я, будучи не въ силахъ удержаться отъ энтузіазма.

Какъ я уже сказалъ, она сидѣла противъ меня; ея правая рука играла большимъ золотымъ медальономъ, висѣвшимъ на ея шеѣ, и брилліанты котораго ослѣпляли мнѣ глаза. Я былъ до такой степени благодаренъ ей и восхищенъ ею, что не понимаю, какъ тутъ же не упалъ къ ея ногамъ.

— На первое время я требую отъ тебя только безусловной преданности. Я привыкла щедро вознаграждать тѣхъ, которые мнѣ вѣрно служатъ, а для тебя сдѣлаю больше, чѣмъ для кого либо, потому что меня трогаетъ твое сиротство, скромность и преданность дѣлу.

— Сеньора, чѣмъ я отплачу вамъ за всѣ благодѣянія!—вскричалъ я въ порывѣ благодарности.

— Твоей преданностью мнѣ и буквальнымъ исполненіемъ того, что я тебѣ прикажу.

— Я буду вѣренъ вамъ до самой смерти, сеньора!

— Какъ видишь, я требую немногого. А я могу сдѣлать для тебя, Габріэль, то, что тебѣ и во снѣ никогда не снилось. Другіе, менѣе достойные, чѣмъ ты, поднялись на недосыгаемую высоту.

Тебѣ никогда не приходила въ голову мысль, что и ты также можешь подняться очень высоко, благодаря какой нибудь могущественной рукѣ?

— Да, сеньора. Это не разъ приходило мнѣ въ голову, и я съ ума готовъ былъ сойти отъ этой мысли. Когда я замѣтилъ, что вы остановили на мнѣ вашу благосклонный взглядъ, то я подумалъ, что, вѣрно, Господь сжалился надо мною и черезъ васъ дастъ мнѣ все то, чего мнѣ не доставало въ жизни.

— Ты не дурно думалъ,—улыбнувшись, сказала Амаранта.— Твоя преданность мнѣ и повиновеніе доставятъ тебѣ то, что ты желаешь. Теперь, слушай. Завтра я ѣду въ Эскуриаль, и ты долженъ ѣхать со мною. Ничего не говори твоей госпожѣ; я беру на себя переговорить съ нею и все уладить. Не говори также никому, что ты со мной разговаривалъ,—понялъ? Послѣзавтра ты придешь ко мнѣ домой и вмѣстѣ съ экипажемъ поѣдешь въ Эскуриаль. Тамъ мы пробудемъ только нѣсколько дней и затѣмъ вернемся сюда, чтобы присутствовать на спектаклѣ, который будетъ данъ въ этомъ домѣ. Послѣ этого ты вернешься опять на время къ Пепѣ.

— Какъ, опять туда!—удивился я.

— Да; ты потомъ узнаешь, для чего это нужно. Теперь ты можешь идти; жду тебя завтра.

Я обѣщалъ быть аккуратнымъ и простился съ нею. Она протянула мнѣ руку для поцѣлуя; прикоснувшись губами къ тонкой, бѣлой кожѣ, я почувствовалъ, что меня точно пронзила электрическая искра. Ни ея взгляды, ни ея слова не напоминали собою мнѣ, что она госпожа, а я слуга; она держала себя такъ, какъ будто мы были одного съ нею общества.

Я вышелъ на улицу. Съ кѣмъ было мнѣ подѣлиться моей радостью? Тутъ я вспомнилъ, что Инезилья живетъ въ этомъ же домѣ, и торопливо поднялся по лѣстницѣ. Инезилью я нашелъ очень грустной; ея мать, донья Хуана, прихварывавшая эти дни, совсѣмъ занемогла.

— Инесъ! Инезилья!—воскликнулъ я, заставъ ее одну въ комнатѣ.—Мнѣ надо поговорить съ тобой. Знаешь, я уѣзжаю!

— Куда?—съ живостью спросила она меня.

— Во дворецъ, ко двору, дѣлать карьеру! А теперь ты не будешь смѣяться надо мною, теперь ты видишь, что это правда.

— Что такое правда?

— Что счастье улыбнулось мнѣ. Помнишь, о чемъ мы говорили съ тобой надняхъ? Я тебѣ говорилъ, что будетъ такъ, а ты не хотѣла мнѣ вѣрить, помнишь?

— Да что такое? Скажи толкомъ!

— Я говорилъ тебѣ, что одна личность возвысилась, потому что высокопоставленная особа захотѣла ей оказать протекцію, ну, вотъ почти то же самое случилось и со мной.

— Ну, теперь я понимаю; предупреди, пожалуйста, когда ты взлетишь кверху. Завтра же, вѣроятно, мы увидимъ тебя генераломъ или, по крайней мѣрѣ, министромъ.

— Напрасно ты шутишь. Завтра этого, конечно, не случится, но со временемъ, кто знаетъ?...

Инезилья засмѣялась, а я смутился.

— Да пойми, дуручка,—съ напускной серьезностью произнесъ я,—что вѣдь тотъ былъ простымъ гвардейскимъ офицеромъ и въ одно прекрасное утро онъ...

— А, вотъ оно что!—воскликнула Инезилья съ еще болѣе жестокой насмѣшкой. — Какъ вы стали скрытны, сеньоръ донъ Габриэль! Можно узнать имя той сеньоры, которая влюбилась въ васъ?

— Пока еще никто не влюбился, но видишь ли... я молодъ, и у каждого свой вкусъ... и я встрѣтилъ сеньору, которой я понравился.

Инезилья все смѣялась, но я замѣтилъ, что при моихъ послѣднихъ словахъ смѣхъ ея звучалъ не искренно, она, очевидно, старалась быть веселой. Скоро она перестала смѣяться, сдѣлалась очень серьезна и сказала любезнымъ тономъ:

— Прекрасно, ваша свѣтлость, теперь мы будемъ знать, какъ держать себя съ вами.

— Тутъ нечего сердиться, — сказалъ я, — если нашлась особа, которая желаетъ мнѣ покровительствовать, то не буду же я отворачиваться отъ нея. Еслибъ ты знала ее, Инезилья! Еслибъ ты видѣла эту сеньору!... Все, что я тебѣ говорю, не можетъ передать ея прелести и очарованія!

— И эта сеньора влюбилась въ тебя?

— Поди ты со своей любовью! Совсѣмъ нѣтъ; я просто поступаю къ ней въ услуженіе. Конечно, со временемъ, кто знаетъ... Еслибъ ты видѣла, какъ она со мной обращается... совсѣмъ, какъ съ равнымъ... и такъ интересуется мною... Она очень богата и живетъ въ большомъ домѣ, похожемъ на дворецъ, недалеко отсюда, и держитъ много слугъ, и на шеѣ у нея медальонъ, а на немъ брилліанты величиною съ яйцо... и когда она глядитъ на тебя, то можно забыть все на свѣтѣ... а какъ она красива! При дворѣ она такъ же могущественна, какъ самъ король, и ее зовутъ...

Тутъ я вдругъ вспомнилъ, что Амаранта велѣла мнѣ никому не рассказывать о моемъ свиданіи съ ней, и замолчалъ.

— Прекрасно,—сказала Инезилья.—Я по всему вижу, что ты скоро будешь ходить въ блестящемъ, залитомъ золотомъ мундирѣ, будешь свысока разговаривать съ людьми и будешь имѣть удовольствіе слышать, что тебя называютъ грандомъ и гордецомъ.

— Вотъ что значитъ не понимать ничего! — сказалъ я ей не безъ раздраженія. — Откуда ты взяла, что всѣ знаменитые люди гранды и гордецы? Нѣтъ-съ, между ними есть очень хорошіе.

Представь себѣ, что я сдѣлаюсь, напрімѣръ... не смѣйся, пожалуйста, мы всѣ дѣти Адама, и Наполеонъ Бонапартъ сотворенъ такъ же по образу и подобию Божію, какъ и я. Представь себѣ, напрімѣръ... не смѣйся, если ты будешь смѣяться, я замолчу...

— Я вовсе не смѣюсь,—отвѣтила она, становясь вновь серьезной.— Ты вполне правъ. Остается только согласиться съ тобой. Что стоитъ сдѣлаться генералиссимусомъ, министромъ, принцемъ или герцогомъ? Ровно ничего! Къ чему портить себѣ глаза за книжками въ университетахъ, къ чему быть образованнымъ человѣкомъ, когда стоитъ только обратить на себя вниманіе какойнибудь придворной дамы и тебя сразу сдѣлають посланникомъ?

— Это совсѣмъ не то; ты меня положительно не понимаешь,—сказала я, не зная, какъ говорить, чтобъ заставить ее понять меня.— Учиться и умѣть управлять государствомъ и все прочее—это дается не сразу. Конечно, надо быть образованнымъ и ученымъ человѣкомъ до нѣкоторой степени, но нынче, милая, ты видишь, что нужно совсѣмъ не то. Не одинъ Годой, а сотни людей занимають высокія положенія, благодаря простой случайности. Я знаю, что говорю.

— Послушай, Габріель,—сказала Инезилья, оставляя свою работу.— На свѣтѣ все дѣлается по заведенному порядку. Сама судьба велитъ повелѣвать тѣмъ, кто повелѣваетъ... такъ ужъ установлено, и короли родятся королями... Если какойнибудь человѣкъ не царской крови управляетъ странюю, то это потому, что Богъ сдѣлалъ его талантливѣе остальныхъ. Мы видимъ примѣръ въ Наполеонѣ: онъ властвуетъ чуть ли не надъ цѣлымъ міромъ, онъ собралъ себѣ нѣсколько милліоновъ войска, потому что онъ учился съ раннихъ лѣтъ и одаренъ такой геніальностью, что превзошелъ всѣхъ своихъ учителей... А тотъ, кто возвышается не по заслугамъ, а случайно, изъ-за своей хитрости, или потому, что онъ понравился королю, что онъ дѣлаетъ для того, чтобы удержаться на своемъ мѣстѣ? Онъ обманываетъ народъ, онъ притѣсняетъ бѣдныхъ, старается обогатиться, продаетъ должности и т. д. Но онъ бываетъ наказанъ за это, потому что всѣ его ненавидятъ и стараются свергнуть. Ахъ, милый мой! Удивляюсь, какъ ты этого не понимаешь, вѣдь, это ясно, какъ вода!

Хоть это и было такъ ясно, какъ вода, но я этого не понималъ. Наоборотъ, я даже видѣлъ зависть въ этихъ разумныхъ словахъ Инезильи; мнѣ казалось, что она просто хочетъ меня унижить; я уже чувствовалъ себя важной птицей и отвѣтилъ ей довольно высокомерно:

— Инезилья, будемъ говорить прямо. Я вижу, что ты сама многого не понимаешь... Ты очень добра, я люблю тебя и уважаю. Не сомнѣвайся, что въ будущемъ я сдѣлаю для тебя все, что въ моихъ силахъ. Ты очень добра, но надо признаться, что ты не

умна. Ты женщина; въ сущности всѣ женщины умѣютъ только пить, варить супъ, а въ серьезныхъ дѣлахъ ровно ничего не понимаютъ... Эти разговоры не твоего ума дѣло! Мы, мужчины, можемъ объ этомъ разсуждать, потому что гораздо умнѣ васъ... Я не удивляюсь тому, что ты сейчасъ говорила, потому что... что ты понимаешь въ этомъ? Но ты очень хорошая дѣвушка; я тебя люблю, очень люблю, не сердись. Ты можешь быть покойна, что я никогда не забуду о тебѣ.

Съ этими словами я всталъ, находя, что долженъ искать болѣе серьезнаго собесѣдника. Инезилья не сказала мнѣ ни слова, и я, привлеченный веселыми звуками флейты дона Челестино, отправился къ нему въ комнату. Заложивъ руки за спину и поднявъ голову, я обратился къ нему съ покровительственнымъ тономъ:

— Ну, какъ идутъ ваши дѣла, сеньоръ?

— О, божественно!—отвѣтилъ онъ со своей обычной довѣрчивостью. — Наконецъ-то, я узналъ уже навѣрное, что на будущей недѣлѣ я получу приходъ!

— Мнѣ кажется, вамъ не дурно было бы получить этакъ... небольшую ренту... Я говорю это потому, что знаю личность, которая могла бы вамъ ее опредѣлить...

— Кто же, милый мой, кто же можетъ это сдѣлать, какъ не мой землякъ и другъ Мануэль Годой, *principale de la Paz*?

— «Заяцъ выскакиваетъ оттуда, откуда его менѣ всего ожидаютъ»¹⁾... Увидимъ, увидимъ...—сказалъ я, дѣлая всевозможныя усилія, чтобы казаться таинственнымъ и серьезнымъ.

Пустьвъ ему пылъ въ глаза этими словами, я вернулся къ Инезильѣ, такъ какъ не хотѣлъ разставаться въ дурныхъ отношеніяхъ съ нею. Къ моему великому удивленію, молодая дѣвушка нисколько не сердилась на меня и заговорила со мной со свойственнымъ ей спокойствіемъ, всегда плѣнявшимъ меня. Прощаясь, я вновь обѣщаль никогда не забыть ее, и она была такъ ласкова, какъ будто между нами ничего не случилось.

Черезъ день моя госпожа сказала мнѣ, что она согласилась на просьбу Амаранты отпустить меня къ ней. Я взялъ мои жалкіе пожитки и отправился въ домъ моей новой госпожи. Тамъ меня облекли въ ливрею и, посадивъ въ карету для прислуги, которая должна была слѣдовать за каретой, гдѣ сидѣлъ старый дипломатъ со своей сестрой, отправился въ Эскуриаль, куда мы и прибыли къ вечеру.

¹⁾ Испанская поговорка: «En donde menos se piensa salta la liebre».

XI.

Такъ какъ, прибывъ въ Эскуриаль, мы были удивлены большою новостью, то не лишнее будетъ, если я передамъ пророческія слова мажордома маркизы, ѣхавшаго въ одномъ экипажѣ со мною.

— Мнѣ сдается, что во дворцѣ что-то неладно, — сказалъ онъ мнѣ. — Нынче утромъ въ городѣ ходили разные слухи... Но мы все скоро узнаемъ, такъ какъ часа черезъ три будемъ на мѣстѣ.

— А какіе слухи ходили въ Мадридѣ?

— Здѣсь всѣ любятъ принца Фердинанда и ненавидятъ старыхъ короля и королеву и, какъ мнѣ кажется, ихъ величества хотятъ избавиться отъ сына, удаливъ его отъ себя... Я самъ видѣлъ принца, у него такое лицо, что просто жалко смотрѣть... Всѣ знаютъ, что отецъ и мать его не любятъ, а въ этомъ мало хорошаго. Вѣдь, старый король ни разу не возьметъ его съ собою на охоту, ни разу не посадитъ его за одинъ столъ съ собою и никогда не приласкаетъ, какъ всякій отецъ.

— Можетъ быть, принцъ Фердинандъ замѣшанъ въ какіе нибудь заговоры? — спросилъ я.

— Очень можетъ быть. На прошлой недѣлѣ я былъ во дворцѣ и слышалъ, что принцъ держитъ себя очень странно... онъ запирается одинъ въ своей комнатѣ, ни съ кѣмъ не говоритъ и не спитъ цѣлыя ночи напролетъ. Дворъ очень взволнованъ этимъ и, кажется, хотятъ даже приставить къ принцу воспитателя, который бы слѣдилъ за нимъ.

— Я теперь припоминаю, что мнѣ говорили, что принцъ очень любитъ литературныя занятія и цѣлыя ночи просиживаетъ за переводами съ французскаго или латинскаго.

— Да, въ Эскуриаль такъ думаютъ, но Господь знаетъ... Есть люди, увѣряющіе, что принцъ занятъ совсѣмъ другимъ, и что войска Наполеона пришли въ Испанію вовсе не для того, чтобы завоевать Португалію, а чтобы усилить партію принца.

— Мнѣ кажется, это просто сплетни; вѣроятно, бѣдный Фердинандъ не думаетъ ни о чемъ другомъ, кромѣ какъ о своихъ переводахъ съ французскаго.

— А я знаю навѣрное, что родители не очень-то ему довѣряютъ, потому что ходятъ слухи о какомъ-то заговорѣ...

Когда мы пріѣхали въ Эскуриаль, старый дипломатъ съ сестрою вышелъ изъ своей кареты, а мы изъ своей. Амаранта прибыла накануне, и мажордомъ повелъ насъ въ ея апартаменты цѣлымъ рядомъ корридоровъ, внутреннихъ дворишковъ и залъ. Сразу видно было, что произошло что-то необыкновенное, потому что люди въ безпорядкѣ сновали взадъ и впередъ по заламъ. Старая маркиза

спросила, что такое случилось, но ей отвѣтили какъ-то туманно, неопредѣленно.

Въ апартаментахъ моей новой госпожи я занимался раскладкой чемодановъ, когда она вошла въ комнату въ такомъ сильномъ волненіи, что должна была успокоиться прежде, чѣмъ начать говорить.

— О! — воскликнула она на разспросы дяди и тетки.— Происходить вѣчто ужасное! Заговоръ, революція! Когда вы выѣзжали изъ Мадрида, вы не замѣтили тамъ ничего особеннаго?

— Ничего; все было спокойно.

— А здѣсь... это ужасно... нельзя поручиться, что мы доживемъ до завтрашняго дня!

— Но, милая, скажи же намъ яснѣе!

— Кажется, открыть заговоръ на жизнь короля и королевы! При дворѣ все было приготовлено къ возстанію...

— О, какой ужасъ!—воскликнулъ дипломатъ:—не даромъ я говорилъ, что подъ личиною вѣрныхъ слугъ короля скрывается много якобинцевъ!

— Здѣсь дѣло вовсе не въ якобинцахъ, — продолжала моя госпожа.—Самое ужасное это то, что главный заговорщикъ это принцъ Астурійскій, сынъ короля!..

— Не можетъ быть! — воскликнула маркиза, очень преданная принцу.—Его высочество не способенъ на такую подлость. Я всегда говорила, что если его враги не могли погубить никакимъ другимъ манеромъ, то они погубятъ его клеветой.

— Приготовлявшаяся революція, какъ утверждаютъ, должна была быть ужаснѣе французской, — продолжала Амаранта.—Проникли въ комнату принца и тамъ нашли бумаги, которыя... Говорятъ, что замѣшаны въ заговоръ каноникъ Хуанъ де-Эскоиквисъ, герцогъ дель Инфантадо, графъ Оргасъ и Педро Кольядо, бывший водовозъ фонтана Берро, а теперь слуга принца.

— Я думаю, племянница, — произнесъ старый дипломатъ, оскорбленный тѣмъ, что она знаетъ эти новости раньше его, — я думаю, что это просто плоды твоего пылкаго воображенія. Все, что теперь происходитъ, не представляетъ никакой важности, я давно это зналъ, но не считалъ нужнымъ говорить объ этомъ.

— Я передамъ такъ, какъ мнѣ передавали. Съ нѣкотораго времени стали замѣчать, что принцъ проводитъ цѣлые вечера, запершись у себя въ кабинетѣ одинъ. Король думалъ сначала, что онъ занимается какимъ-то французскимъ переводомъ. Но вчера его величество нашель у себя въ комнатѣ письмо, на конвертѣ котораго было написано: «Немедленно, немедленно, немедленно». Король распечаталъ конвертъ и прочель: «Берегитесь; готовится заговоръ во дворцѣ. Трону грозитъ опасность; королева Марія-Луиза будетъ отравлена». Подписи не было.

— Jesus, Maria y Jose! — воскликнула маркиза, которая, какъ

женщина нервная, готова была упасть въ обморокъ. — Но что за злой демонъ проникъ во дворецъ?

— Можете себѣ представить положеніе короля, когда онъ прочиталъ этотъ анонимъ!.. Подозрѣніе тотчасъ же пало на принца-сына, и рѣшено было отобрать его бумаги. Долго не рѣшались, какъ къ этому приступить, наконецъ король рѣшился лично сдѣлать обыскъ въ комнатѣ своего сына. Онъ отправился къ нему подъ предлогомъ подарить ему томъ стихотвореній, и говорятъ, Фердинандъ такъ смутился при его появленіи, что бросалъ безпокойные взгляды на то мѣсто, гдѣ были спрятаны бумаги. Король забралъ все, что нашель, и между нимъ и сыномъ произошла бурная сцена, послѣ которой король ушелъ и приказалъ ему оставаться въ своей комнатѣ и не смѣть никого принимать. Это было вчера, вскорѣ приѣхалъ министръ Кабальеро и вмѣстѣ съ королемъ и королевой разсмотрѣлъ бумаги. Неизвѣстно, какого рода была эта конференція, но королева ушла въ свои комнаты взволнованная и вся въ слезахъ. Затѣмъ ужъ стали говорить, что бумаги, отобранныя у принца, содержали въ себѣ ужасные, кровавые заговоры, вслѣдствіе чего Кабальеро вмѣстѣ съ королемъ и королевой рѣшили, что принцъ Фердинандъ долженъ быть присужденъ къ смертной казни...

— Къ смертной казни!—воскликнула маркиза.—Да они съ ума сошли! Осудить на смертную казнь принца Астурийскаго!

— Нечего огорчаться раньше времени,—сказалъ дипломатъ съ своимъ обычнымъ таинственнымъ видомъ,—намъ должны дать эти бумаги на разсмотрѣніе, мы ихъ внимательно прочтемъ и рѣшимъ, какъ и что дѣлать.

— Но развѣ неизвѣстно содержаніе этихъ бумагъ?—спросила маркиза свою племянницу.

— Объ нихъ такъ много говорятъ во дворцѣ, что невозможно узнать истину. Королева намъ ничего не объяснила; она проплакала всю ночь горькими слезами и только жаловалась на неблагодарность сына. Она говорила также, что не позволяетъ начать преслѣдованіе противъ него, потому что виноватъ не онъ, а тѣ властолюбивые негодяи, которые окружаютъ его.

— Эти дѣла должны выясниться сами собою, —сказалъ маркизъ.— Я все разузнаю и допытаюсь, заговоръ ли это враговъ принца, или самъ принцъ въ этомъ замѣшанъ. Но только когда я все узнаю, то остерегайтесь спрашивать меня, такъ какъ вамъ извѣстны мои правила.

— Кажется, что уже рѣшили узнать соучастниковъ,—сказала Амаранта,—и сегодня вечеромъ принцу будетъ сдѣланъ допросъ.

Въ это время я уже окончилъ разборку вещей, и мнѣ больше нечего было дѣлать въ этой комнатѣ. Такъ какъ я сгоралъ отъ любопытства ознакомиться съ дворцомъ, то вышелъ въ корридоръ, спустился съ лѣстницы и очутился въ большой устланной коврами

комнатѣ, за которой слѣдовала цѣлая амфилада. Нѣсколько придворныхъ шли куда-то впередъ, и я незамѣтно пошелъ за ними, прислушиваясь къ ихъ взволнованному шепоту.

Я очень гордился сознаниемъ, что я во дворцѣ, и воображалъ, что, если я ступаю по бархатнымъ коврамъ, то я уже немаловажная персона. Человѣкъ, въ жилахъ котораго течетъ настоящая испанская кровь, всегда одаренъ извѣстной долей тщеславія и гордости. Мнѣ теперь очень хотѣлось встрѣтить кого нибудь изъ моихъ мадридскихъ или кадикскихъ друзей, чтобы манерами или словами доказать имъ мою важность. Къ счастью, здѣсь меня действительно никто не зналъ, и я былъ лишень случая выставить себя въ смѣшномъ видѣ.

Очутившись въ этихъ роскошныхъ залахъ, устланныхъ дорогими коврами, я обошелъ кругомъ почти весь дворецъ. Я слѣдовалъ за другими, не имѣя никакого понятія о томъ, имѣю ли я право ходить по этимъ комнатамъ; но такъ какъ меня никто не остановилъ, то я и продолжалъ мой путь, со свойственной мнѣ развязностью. Залы были слабо освѣщены, и съ ихъ стѣнъ смотрѣли на меня мрачныя картины въ золоченыхъ рамахъ. Это величественное зданіе, построенное королемъ Филиппомъ, очень интересовало меня. Я остановился передъ одной изъ миеологическихъ картинъ, когда мое вниманіе было отвлечено странной процессіей.

Принцъ Астурийскій возвращался изъ королевской залы совѣта, гдѣ только что былъ произведенъ допросъ. Никогда я не забуду ни малѣйшей подробности этого грустнаго шествія, которое не давало мнѣ спать всю ночь. Впереди шелъ какой-то сеньоръ съ канделябромъ въ рукахъ; онъ держалъ его почти въ уровень съ головою, вѣроятно, для того, чтобы освѣщать путь, но слабый свѣтъ падалъ только на его камергерскій мундиръ. За нимъ слѣдовало нѣсколько жандармовъ, вслѣдъ за которыми шелъ молодой человѣкъ, въ которомъ я сразу, не знаю почему, узналъ наслѣднаго принца. Это былъ высокій брюнетъ, по виду сангвиническаго темперамента, съ густыми черными бровями, красивымъ, правильнымъ носомъ и нѣсколько хитрымъ ртомъ. Въ общемъ онъ не былъ симпатиченъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось. Онъ шелъ, опустивъ глаза, и на лицѣ его ясно выражалось волненіе. Рядомъ съ нимъ шелъ старикъ лѣтъ шестидесяти. Тогда я не догадался, что это былъ король Карлъ IV, такъ какъ почему-то воображалъ его маленькимъ, чуть не карликомъ. Это былъ человѣкъ средняго роста, полный, съ небольшимъ выразительнымъ лицомъ, въ чертахъ котораго, однако, я не замѣтилъ ровно ничего королевскаго, величественнаго; его можно было принять за простаго придворнаго.

Я обратилъ гораздо больше вниманія на слѣдовавшихъ за нимъ министровъ и предсѣдателя государственнаго совѣта (какъ я узналъ

впослѣдствіи), чѣмъ на Карла IV. Шествіе замыкалось *zaguanete*¹⁾. Гробовое молчаніе царило вокругъ. Пройдя всю амфиладу комнатъ, процессія остановилась у покоевъ его высочества. Когда всѣ вошли въ кабинетъ принца, то толпа придворныхъ, слѣдовавшая за шествіемъ, снова начала перешептываться.

Я увидалъ Амаранту. Она вышла искать меня и разговаривала съ какимъ-то кабальеро въ мундирѣ.

— Кажется, что во время допроса его высочество относился не совсѣмъ уважительно къ королю,—сказалъ кабальеро.

— Такъ что его арестуютъ?—съ любопытствомъ спросила Амаранта своего собесѣдника.

— Да, сеньора. Теперь къ нему приставятъ стражу. Вотъ всѣ уже выходятъ... У него, вѣроятно, отобрали шпагу...

Шествіе снова прошло мимо насъ, но уже безъ принца, и снова камергеръ шелъ впереди и освѣщалъ путь. Когда король и министры удалились, придворные также разошлись по своимъ комнатамъ, и долго слышался только шумъ затворяемыхъ дверей. Освѣщеніе въ обширныхъ залахъ было потушено, и мрачныя картины въ золоченыхъ рамахъ скрылись въ темнотѣ, какъ привидѣнія съ первымъ крикомъ пѣтуха.

Моя госпожа отправилась къ себѣ въ комнату, и я за нею. Такъ какъ дѣла никакого не было, то я высунулся въ одно изъ оконъ, чтобъ ознакомиться съ мѣстностью. Уже совсѣмъ стемнѣло, и я различалъ передъ собою только высокія крыши, куполы, башни, трубы. Этотъ непривлекательный видъ, въ связи съ тѣмъ, что я только что видѣлъ, заставилъ меня призадуматься. Но мнѣ не удалось надолго сосредоточить мои мысли на грустныхъ предметахъ, такъ какъ я разслышалъ позади себя шелестъ платья и мое имя, произнесенное кѣмъ-то.

Я тотчасъ же повернулъ голову, и глаза мои, привыкшіе къ темнотѣ, въ первую минуту были ослѣплены фигурой Амаранты и ея небесной улыбкой. Кругомъ была полнѣйшая тишина; маркизъ дипломатъ и его сестра уже удалились къ себѣ. Амаранта уже перемѣнила свое придворное платье на свободный домашній костюмъ, который дѣлалъ ее еще прекраснѣе, если только она могла быть прекраснѣе. Когда она позвала меня, ея горничная еще была въ комнатѣ, но вскорѣ она ее отпустила и, сама заперевъ за ней дверь, сдѣлала мнѣ знакъ приблизиться.

¹⁾ Пѣшій конвой лицъ царствующаго дома.

XII.

— Ты долженъ помнить, въ чемъ ты мнѣ клялся, — сказала она. — Я довѣряю твоей честности и скромности. Я тебѣ сказала, что ты кажешься мнѣ способнымъ человѣкомъ, и скоро тебѣ представится случай доказать мнѣ это.

Не помню выраженій, въ которыхъ я вновь сталъ клясться ей въ моей вѣрности, но только, вѣроятно, они были очень краснорѣчивы и даже сопровождались выразительными жестами, потому что Амаранта разсмѣялась и посоветовала мнѣ быть сдержаннѣе. Затѣмъ она продолжала:

— И ты бы не желалъ вернуться къ сеньорѣ Гонзалесъ?

— Ни къ сеньорѣ Гонзалесъ, ни къ какимъ либо коронованнымъ лицамъ, потому что, пока я живъ, я не хочу разставаться съ моей обожаемой госпожею! — отвѣтилъ я.

Мнѣ помнится, что я упалъ на колѣни передъ стуломъ, на которомъ спокойно сидѣла Амаранта, но она приказала мнѣ встать, говоря, что мнѣ, всетаки, придется на время вернуться къ моей прежней госпожѣ, не измѣняя новой. Это показалось мнѣ таинственнымъ и непонятнымъ, но я не настаивалъ на разъясненіи, чтобы она не сочла меня дерзкимъ.

— Дѣлая то, что я тебѣ прикажу, — продолжала она, — ты можешь быть увѣренъ, что далеко пойдешь. Кто знаетъ, Габріель, можетъ быть, современемъ ты будешь могущественъ и богатъ? Другіе менѣе способные, чѣмъ ты, въ одно прекрасное утро просыпались герцогами.

— Это внѣ всякаго сомнѣнія, сеньора. Но такъ какъ я не высокаго рода и круглый сирота, то я учился только читать, да и то съ грѣхомъ пополамъ; я еще могу прочесть, когда очень крупно напечатано, но не всякую книгу, а писать умѣю только однѣ цифры да свое имя.

— Въ такомъ случаѣ необходимо подумать о твоёмъ образованіи, мужчина долженъ быть образованъ. Я беру это на себя. Но я сдѣлаю это только при условіи, чтобы ты мнѣ вѣрно служилъ, уже не въ первый разъ повторяю тебѣ это.

— Что касается моей преданности вамъ, сеньора, то въ ней не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но я попрошу васъ объяснить мнѣ, въ чемъ собственно будутъ состоять мои обязанности, — сказалъ я, все еще не понимая хорошенько рода моей службы.

— Я тебѣ сейчасъ скажу. Это вещь довольно трудная и тонкая, но я надѣюсь на твою сообразительность.

— Я вполнѣ къ вашимъ услугамъ для исполненія трудныхъ и тонкихъ порученій! — отвѣтилъ я съ пыломъ, свойственнымъ

моей горячей натурѣ.—Я буду не слугой, а преданнымъ рабомъ, готовымъ пожертвовать для васъ моей жизнью.

— Совсѣмъ не нужно жертвовать жизнью,—сказала она и засмѣялась.—Довольно и одного старанія; ты долженъ быть безусловно преданъ мнѣ, исполнять мое малѣйшее желаніе и всегда быть готовымъ подчиниться мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ я сгораю отъ нетерпѣнія вступить поскорѣе въ исполненіе моихъ обязанностей!

— Все придетъ въ свое время. Сегодня ночью мнѣ надо написать нѣсколько писемъ. А пока я ограничусь нѣсколькими вопросами, на которые ты долженъ откровенно отвѣтить мнѣ, такъ какъ это необходимо для моей переписки. Скажи мнѣ: Долоресъ бывала безъ меня у Пепы Гонзалесъ?

Я былъ крайне удивленъ этимъ вопросомъ, который казался мнѣ такъ же далекъ отъ исполненія моей обязанности, какъ небо отъ земли. Но, припомнивъ, я отвѣтилъ:

— Да, иногда, хотя не часто...

— И ты встрѣчалъ ее иногда въ уборной въ королевскомъ театрѣ?

— Вотъ этого я хорошенько не помню и не могъ бы поклясться, встрѣчалъ я ее, или нѣтъ.

— Ничего нѣтъ удивительнаго, если ты и встрѣчалъ ее, потому что Долоресъ не постѣсняется ходить въ подобныя мѣста,—сказала Амаранта съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

Затѣмъ, помолчавъ немного и какъ бы что-то соображая, она продолжала:

— Она ничѣмъ не брезгаетъ и всюду готова принимать поклоненія своей красотѣ... хотя, откровенно говоря, ея красота не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго.

— Ничего особеннаго, ровно ничего! — воскликнулъ я, желая унижить соперницу моей госпожи.

— Прекрасно,—сказала она,—ты будешь отвѣчать мнѣ на подобные вопросы, которые мнѣ необходимо знать. Но помни, Габриель, что ты долженъ быть сдержанъ съ другими; это первое и самое важное. Надѣюсь, что я буду довольна тобой, а ты мной, не правда ли?

— Чѣмъ я заплачу вамъ, сеньора, за ваши благодѣянія?—воскликнулъ я съ горячностью. — Мнѣ кажется, что я готовъ съ ума сойти, и это навѣрное такъ и будетъ. Я не умѣю вамъ выразить тѣхъ чувствъ, которыя наполнили мое сердце съ той минуты, какъ вы обратили на меня ваше благосклонное вниманіе. А теперь, когда вы общаете вывести меня на дорогу и заняться моимъ образованіемъ, мнѣ кажется, что цѣлой жизни мало на то, чтобы доказать вамъ мою благодарность, сеньора. Мнѣ такъ хочется сдѣлать порядочнымъ человѣкомъ! Быть можетъ, это и возможно?

Ахъ, когда родишься бѣднымъ, когда не имѣешь богатыхъ родственниковъ, когда выростъ чуть ли не въ нищетѣ, то только и можно выбиться въ люди при помощи такой благодѣтельницы, какъ вы, сенбора. Если я достигну всего того, о чемъ мечтаю, то вѣдь я буду не первымъ и не послѣднимъ. Вѣдь, есть же люди, которые обязаны своимъ возвышеніемъ какой нибудь могущественной женщиной, протянувшей имъ руку помощи.

— Ого, я вижу, ты честолюбивъ, Габріель! — добродушно воскликнула Амаранта.—Твои послѣднія слова справедливы. Очень возможно, что и ты неожиданно встрѣтишь покровительницу. Чтобы ты не терялъ надежды, я расскажу тебѣ одинъ примѣръ. Въ давнопрошедшія времена и въ далекихъ земляхъ было огромное царство, которымъ управлялъ безталанный владыка; но онъ былъ такъ добръ, что его вассалы считали себя счастливыми и очень любили его. Жена его, султанша, была женщина пылкая и съ живымъ воображеніемъ; словомъ, обладала качествами, совсѣмъ противоположными качествамъ ея мужа, вслѣдствіе чего этотъ бракъ и не былъ особенно счастливымъ. Когда султанъ вступилъ въ управленіе страной, ему было пятьдесятъ лѣтъ, а султаншѣ тридцать четыре. Въ это время къ нимъ въ янычары поступилъ молодой человѣкъ приблизительно твоихъ лѣтъ и, хотя и былъ образованнѣе тебя, но бѣденъ, и потому не могъ надѣяться на блестящую карьеру. Но скоро при дворѣ разнесся слухъ, что онъ понравился султаншѣ, и вскорѣ это подтвердилось, такъ какъ, когда молодому человѣку исполнилось двадцать пять лѣтъ, то онъ былъ осыпанъ всѣми повышеніями и наградами, какихъ только можетъ желать простой смертный. Султанъ, далекій отъ всякой подозрительной мысли, относился съ любовію къ молодому фавориту, сдѣлалъ его великимъ визиремъ и женилъ его на принцессѣ царской крови. Всѣ подданные султана были этимъ очень недовольны, ненавидѣли молодаго человѣка и султаншу. Будучи великимъ визиремъ, фаворитъ сдѣлалъ для народа кое-что и хорошее, но народъ былъ возмущенъ массою его дурныхъ поступковъ, вслѣдствіе которыхъ въ этомъ спокойномъ царствѣ произошло много смуть. Султанъ все продолжалъ не видѣть, какъ страдалъ народъ, а султанша хотъ и видѣла, но до такой степени увлеклась визиремъ, что уже не могла остановиться. Не только народъ, придворные, но даже всѣ члены семьи султана горячо ненавидѣли выскочку. Но, что самое странное, такъ это — то, что этотъ молодой человѣкъ выказалъ черную неблагодарность по отношенію къ женщинѣ, осыпавшей его незаслуженными милостями; онъ даже не былъ ей вѣренъ и увлекался другими женщинами. Придворныя дамы рассказывали, что не разъ заставляли султаншу всю въ слезахъ и даже замѣчали на ея тѣлѣ слѣды побоевъ.

— Какая неблагодарность! — съ негодованіемъ воскликнулъ я. —

И Господь не наказалъ этого человѣка, и не далъ спокойствія бѣдной странѣ, и не открылъ глаза доброму султану?

— Этого я не знаю, — отвѣтила Амаранта, прикусивъ зубами кончикъ гусиного пера, которымъ собиралась писать. — Я читала эту исторію въ одной очень старой книгѣ и еще не дошла до ея развязки.

— Какіе дурные люди есть на свѣтѣ!

Она улыбнулась и сказала:

— Если ты когда нибудь достигнешь такого же высокаго положенія и по тѣмъ же причинамъ, то ты не будешь такимъ; ты сдѣлаешь все возможное для того, чтобы твоими хорошими поступками загладить твое невысокое происхожденіе.

— Если я достигну того, чего хочу, то я буду поступать такъ, какъ вы говорите. Я буду управлять страной и въ то же время никогда не перестану быть добрымъ, разумнымъ и великодушнымъ человѣкомъ!

Эти слова заставили ее снова разсмѣяться. Она обѣщала мнѣ на слѣдующій же день поручить мое образованіе патеру и сказала, чтобы теперь я оставилъ ее одну, такъ какъ ей надо писать письма.

Горничная пришла и отвела меня въ мою комнату. Я легъ спать, но голова моя была полна самыхъ разнообразныхъ мыслей. Когда я, наконецъ, уснулъ, то мнѣ снилось, что мнѣ мучительно давятъ грудь всѣ эти куполы, башни и крыши огромнаго Эскуриала.

XIII.

На слѣдующій день у Амаранты обѣдали донья Долоресь, старый дипломатъ и его сестра. Здѣсь не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ объ этой сеньорѣ. Это была особа пожилая, гордая, державшая себя съ достоинствомъ и испанка съ головы до ногъ. Ея слабой стороною была вѣра въ умъ ея брата. Она очень любила всякія празднества и особенно драматическія представленія. Ея домашній театръ былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ въ Мадридѣ, и для предполагавшейся постановки «Отелло» она затратила не мало денегъ. Она протезировала актерамъ, но всегда издала.

На этотъ обѣдъ былъ приглашенъ также Хуанъ де-Маньяра; но когда я пошелъ къ нему передать приглашеніе, то онъ отвѣтилъ, что благодарить, но никакъ не можетъ воспользоваться имъ, потому что тотчасъ же долженъ идти на дежурство.

Въ это утро какъ разъ я встрѣтилъ его вмѣстѣ съ доньей Долоресь; они возвращались съ прогулки и были, очевидно, очень довольны другъ другомъ. А вечеромъ въ тотъ же день я снова встрѣтилъ его въ большемъ дворцовомъ саду; онъ шелъ съ низко опущенной головою и, замѣтивъ меня, попросилъ передать письмо

доньѣ Долоресъ. Я отказался, а онъ, повидимому, былъ чѣмъ-то взволнованъ.

Амаранта была недовольна отказомъ Хуана де-Маньяра придти обѣдать. Когда я передавалъ ей это, она разговаривала въ своей комнатѣ съ однимъ изъ сеньоровъ, которыхъ я видѣлъ вчера во время шествія. Конференція эта длилась часа полтора, и гость показался мнѣ въ высшей степени антипатичнымъ. Какъ я впоследствии узналъ, это былъ маркизъ Кабальеро, министръ юстиціи.

На видъ ему можно было дать лѣтъ пятьдесятъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста и съ однимъ глазомъ, другой былъ закрытъ навѣки. Вообще по наружному виду онъ производилъ впечатлѣніе крайне непріятное, и надо было предположить, что въ немъ кроются какія нибудь необыкновенныя нравственныя достоинства, въ силу которыхъ, при своей физической невзрачности, онъ достигъ такого высокаго поста. Но, къ несчастію, маркизъ Кабальеро былъ человѣкъ вполнѣ ничтожный, даже необразованный, хитрый и страшный интриганъ.

Онъ ненавидѣлъ министра Годоя, но сумѣлъ обойти короля, дѣйствуя на его религіозную сторону. Онъ прикидывался горячимъ защитникомъ интересовъ церкви, рисовалъ Карлосу воображаемая опасности и скоро сдѣлался необходимымъ человѣкомъ при дворѣ. Самъ Годой не могъ подкопаться подъ этого хитреца, свергнувшаго многихъ знаменитыхъ людей своего времени, посадившаго въ тюрьму бывшаго министра Уовельяноса и погубившаго наконецъ *príncipe de la Paz* въ мартѣ 1808 года.

Когда министръ юстиціи удалился, всѣ сѣли обѣдать. Я служилъ за столомъ.

— Я знаю,—сказала Амаранта съ цѣлью кольнуть Долоресъ,— я знаю содержаніе бумагъ, отобранныхъ у принца Фердинанда. Кабальеро сказалъ мнѣ объ этомъ, прося хранить въ тайнѣ, но такъ какъ вскорѣ всѣ это узнаютъ...

— Да, да, скажи намъ! Мы никому не передадимъ этого,—сказала старая маркиза.

— А я стою за то, чтобы ты не говорила,—произнесъ дипломатъ, не любившій, чтобы разоблачали тайны, которыхъ онъ не знаетъ.

— Между бумагами принца, — продолжала Амаранта, — нашли докладъ королю, который считаютъ дѣломъ Хуана Эскоиквиса ¹⁾, хоть онъ писанъ почеркомъ Фердинанда. Какъ кажется, въ немъ описаны всѣ недостойныя поступки Годоя и въ довольно смѣлыхъ выраженіяхъ. Тамъ упоминается о его двухъ женахъ и о томъ, какъ онъ раздастъ должности, пенсіи, ордена...

¹⁾ Воспитатель принца Фердинанда.

— И это совершенно вѣрно!—воскликнула маркиза.—Я знаю одного сеньора, которому министръ Годой...

Тутъ она умолкла, замѣтивъ, что я нахожусь въ комнатѣ. Но мнѣ достаточно было слышать нѣсколько словъ, чтобы понять всю суть дѣла.

— Далѣе въ этихъ бумагахъ говорится, — продолжала Амаранта, — что бѣдную королеву надо засадить въ крѣпость, а *principe de la Paz* лишить титуловъ и всѣхъ правъ состоянія и сослать; тогда молодой Фердинандъ будетъ помогать отцу въ управленіи страной.

— Все это вполнѣ основательно, — подтвердила маркиза, въ тайнѣ удивляясь, что эти мѣры вполнѣ сходятся съ ея собственнымъ взглядомъ на положеніе вещей:—все это вполнѣ основательно, но я никогда не рѣшусь повторить это за стѣнами твоей комнаты, племянница.

— Но здѣсь я не боюсь говорить объ этомъ, — отвѣтила Амаранта. — Кабальеро не умѣетъ хранить секретовъ, и я знаю, что онъ уже многимъ разказалъ его. Но нашли еще интересныя бумаги, писанныя діалогами, какъ театральныя пьесы. Здѣсь всѣ дѣйствующія лица названы иными именами; такъ, Фердинандъ называется донъ Августинъ, королева—донья Филиппа, король—донъ Діего, Годой—донъ Нуньо, а принцесса, на которой предполагали женить нашего наслѣдника,—донья Петра.

— Какой же сюжетъ этой пьесы?

— Главное лице здѣсь королева, и передъ ней одинъ за другимъ разоблачаютъ всѣ дурныя поступки *principe'a de la Paz* и указываютъ на его вѣроломство. Есть намеки и еще на кое-кого изъ придворныхъ. Оканчивается тѣмъ, что наслѣдный принцъ донъ Августинъ отказывается отъ женитьбы на доньѣ Петрѣ, невѣсткѣ Годоя и сестрѣ кардинала.

— И это также хорошо придумано, — сказала маркиза, — и если бы эту пьесу давали на сценѣ, то я очень бы ей аплодировала. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати вздумали женить Фердинанда на невѣсткѣ министра? Не лучше ли было бы найти ему жену королевской крови? Въ такомъ случаѣ всякая горничная будетъ мѣтить въ принцессы.

— Какъ это у васъ хватаетъ смѣлости судить о такихъ серьезныхъ вещахъ?—съ неудовольствіемъ произнесъ дипломатъ.—Что же касается до поименованныхъ документовъ, то я удивляюсь, какъ такая скромная женщина, какъ моя племянница, можетъ съ такой неосторожностью обнаруживать ихъ!

— Какъ же это, дядюшка, раньше вы сомнѣвались въ ихъ существованіи, а теперь находите неудобнымъ говорить о нихъ? Значитъ, вы признаете ихъ достовѣрность?

— Да, признаю,—отвѣтилъ дипломатъ,—какъ и то, что другая личность разгласила ихъ, когда я рѣшился молчать...

Такъ какъ дипломатъ не въ состояніи былъ отрицать этихъ тайнъ, то притворился, что зналъ ихъ заранѣе.

— Такъ что ты уже зналъ все это?—спросила его сестра.—Я говорила, что ты не можешь не знать! Истина никогда не ускользнетъ отъ тебя, ты способенъ замѣтить мошку на горизонтѣ.

— Къ несчастію, да,—отвѣтилъ дипломатъ не безъ самодовольства.—Все достигаетъ моихъ ушей, хотя я и стараюсь всѣми силами быть подалеже отъ дѣлъ. Что будешь дѣлать! Терпѣнціе—это первая вещь!..

— Братъ, ты вѣрно знаешь больше, но молчишь,—сказала маркиза.— Скажи намъ, принималъ ли Наполеонъ какое нибудь участіе въ этомъ секретномъ дѣлѣ?

— Уже начались разспросы!—произнесъ маркизъ съ таинственной улыбкой.—Оставьте ихъ, пожалуйста, потому что, клянусь, вы не добьетесь отъ меня ни одного слова. Вамъ уже достаточно извѣстенъ мой сдержанный характеръ.

А Долоресъ, между тѣмъ, все время сидѣла молча.

— Но я сейчасъ кончу мой рассказъ,—сказала моя госпожа.— Я еще не сказала о содержаніи третьей бумаги, найденной у принца Фердинанда.

— И ты лучше сдѣлаешь, если умолчишь о ней, дорогая племянница,—вставилъ дипломатъ.

— Нѣтъ, говори, говори!—перебила его сестра.

— Нашли шифръ и ключъ къ тайной корреспонденціи, которую наследникъ велъ съ своимъ учителемъ дономъ Хуаномъ Эскоиквисомъ, и потомъ... это самое главное...

— Да, это самое главное, и поэтому ты должна молчать,—не унимался дипломатъ.

— Поэтому-то ты и должна говорить!

— Такъ вотъ—нашли письмо безъ подписи и числа, письмо, въ которомъ говорится очень ясно о революціи... Принцъ проситъ своихъ партизановъ поддержать его, заготовить прокламаціи и потомъ еще...

— О женщины, женщины! Когда же это онѣ научатся сдержанности!—перебилъ маркизъ.—Я только удивляюсь, племянница, какъ легко ты разсуждаешь о такихъ опасныхъ дѣлахъ!

— Въ этомъ письмѣ,—продолжала Амаранта, не обращая ровно никакого вниманія на удивленіе своего дядюшки,— королевская чета и Годой названы также вымышленными именами: Леовижильдо — это Карлъ IV, королева — Госвинда, Годой — Сисберто. Прекрасно; наследникъ, обращаясь къ своимъ единомышленникамъ, говоритъ, что буря должна разразиться надъ головами Сисберто и

Госвинды, а что Леовижильдо надо осыпать аплодисментами и виватами.

— И это все? — спросила маркиза. — Да вѣдь все это вполнѣ невинно.

— Но вѣдь ясно, что тутъ говорится о сверженіи Карла IV, — съ негодованіемъ отвѣтила Амаранта.

— Для меня это вовсе не ясно.

— Да какъ же, — продолжала графиня, — буря должна разразиться надъ головами Сисберто и Госвинды. Это значить, что наслѣдній принцъ не только хочетъ свергнуть Годоя, но и готовить что-то ужасное по отношенію къ своей матери-королевѣ. Быть можетъ, дѣло идетъ о гильотинѣ, на которой сложила свою голову кровавая Марія-Антуанета. Всѣмъ извѣстно, какъ король любитъ свою супругу. Самое ничтожное оскорбленіе ей онъ приметъ за личную обиду.

— А я, всетаки, скажу, что если что и случится, то они вполнѣ заслужили этого, — отвѣтила ей маркиза.

— А я утверждаю, — настаивала Амаранта, — что принцъ могъ устраивать заговоры относительно министра Годоя, но писать королю, подвергая подозрѣнію поведеніе своей матери и проектируя бурю надъ головами Сисберто и Госвинды, что равносильно покушенію на жизнь королевы, это поступокъ, недостойный испанскаго принца и христіанина... Во всякомъ случаѣ это его мать, и какковы бы ни были ея ошибки (хотя я увѣрена, что ей приписываютъ больше дурного, чѣмъ она того заслуживаетъ), сынъ не имѣетъ права выставлять ихъ на видъ, въ особенности для того, чтобы подкопаться подъ своего личнаго врага.

— Милая, мнѣ кажется, что ты судишь пристрастно, — сказала маркиза Амарантѣ. — Я думаю, что принцъ правъ, потому что ни для кого не тайна — положеніе дѣлъ при дворѣ. Братъ, ты все знаешь, скажи намъ твое мнѣніе.

— Мое мнѣніе! Неужели вы думаете, что легко высказать свое мнѣніе по этому поводу? И во всякомъ случаѣ тѣ заключенія, которыя я могъ бы сдѣлать, благодаря моей многолѣтней опытности, не мѣсто высказывать здѣсь въ присутствіи женщинъ, готовыхъ сію же минуту разболтать все первому встрѣчному.

— Да, отъ тебя трудно добиться слова. Если бы я знала хоть половину того, что ты знаешь, то я бы поторопилась подѣлиться со всѣми непосвященными.

— А не знаетъ ли кто нибудь изъ васъ, сеньоры, что думаетъ обо всемъ этомъ королева? — спросилъ дипломатъ.

— Когда въ залѣ совѣта было прочтено это письмо, — отвѣтила Амаранта, — то министръ Кабальеро сказалъ, что принца стѣбитъ за это разстрѣлять. Королева возмущилась такими словами и отвѣтила: «Развѣ вы забыли, что это мой сынъ? Я разорву приго-

воръ о его смерти; онъ самъ жертва обмана, его самого погубили». И, упавъ въ кресло, она горько зарыдала. Вы видите, какое великодушіе! Мнѣ лично принцъ Фердинандъ никогда не былъ симпатиченъ, но теперь, когда я узнала его заговоръ противъ родителей, то онъ возбуждаетъ во мнѣ чувство жалости.

— Какой вздоръ! — воскликнула маркиза. — Теперь начнутся слезы послѣ всякихъ ошибокъ. Ничего подобнаго не было бы, еслибъ не было предосудительныхъ поступковъ...

Долоресъ, молчавшая до сихъ поръ, отвѣтила что-то на послѣднія слова маркизы. Тогда Амаранта, обернувшись къ ней, произнесла съ презрѣніемъ:

— Очень легко осуждать чужіе поступки. Во всякомъ случаѣ королева не заслужила, чтобы о ея поведеніи говорили публично въ залѣ совѣта.

— Однако, какая вы горячая защитница! — отвѣтила Долоресъ, стараясь подъ улыбкой скрыть свое негодованіе. — Впрочемъ, я этого и ожидала, хотя не могу не сознаться, что нѣкоторая личность не скроетъ своихъ пороковъ, какъ бы она ни плакала и ни великодушничала.

— Это правда, — возразила Амаранта, — но на мой взглядъ худшій изъ всѣхъ пороковъ — это неблагодарность.

— Да, но это такой порокъ, который труднѣе всего доказать.

— О, нѣтъ; иногда это очень легко сдѣлать. Въ данномъ случаѣ принцъ выказалъ черную неблагодарность. Ты увидишь, что это повлечетъ за собой наказаніе.

— Надѣюсь, — дерзко произнесла Долоресъ, — что ты не намѣрена всѣхъ насъ посадить въ тюрьму?

— Я никого не собираюсь сажать въ тюрьму и думаю, что мы, сидящіе за этимъ столомъ, можемъ жить совершенно спокойно; но я не вполнѣ поручусь за одну личность, очень любимую кѣмъ-то изъ присутствующихъ здѣсь.

— Ахъ, да, — произнесъ дипломатъ не совсѣмъ тактично, — я слышалъ, что Маньяра также замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ.

— Думаю, что да, — жестоко отвѣтила Амаранта, — но онъ очень разсчитываетъ на поддержку со стороны высокопоставленныхъ лицъ. Однако обстоятельства усложняются, и я думаю, что многіе пострададутъ.

— Ты можешь думать все, что тебѣ угодно, — сказала Долоресъ, — но вѣдь подробности этого дѣла еще не выяснены, и можетъ случиться такъ, что обвиняемые окажутся вполнѣ невиновными.

— Да... это ты надѣешься на Бонапарта! — съ пренебреженіемъ воскликнула Амаранта.

— Тише, тише! — прошепталъ дипломатъ. — Ну, можно ли такъ громко говорить обо всемъ этомъ!

— Будеть произведено слѣдствіе, — продолжала Амаранта, — на которомъ многое выяснится. Напримѣръ, до сихъ поръ неизвѣстно, кто передавалъ письма принца его соучастникамъ. Думаютъ, что это кто нибудь изъ придворныхъ дамъ, и подозрѣніе даже падаетъ на одну интриганку... но пока нѣтъ еще достаточно доказательствъ.

Долоресъ не произнесла ни слова, она только улыбнулась, какъ бы желая доказать, что на нее ни въ какомъ случаѣ не могутъ пасть подозрѣнія. Затѣмъ, желая уколоть свою подругу и врага, она сказала съ ядовитой улыбкой:

— Разъ эта придворная дама интриганка, то она сумѣетъ спрятать концы въ воду и обойти своихъ преслѣдователей. А мнѣ очень хотѣлось бы знать, кто это такая. Не можешь ли ты назвать намъ ее?

— Пока еще нѣтъ, — отвѣтила моя госпожа, — но завтра, вѣроятно, да.

Долоресъ расхохоталась. Амаранта перевела разговоръ на другую тему. Маркиза вся разсыпалась въ сожалѣніяхъ надъ судьбой принца Фердинанда, а дипломатъ увѣрялъ, что онъ ни за что на свѣтѣ не рѣшился бы такъ свободно высказывать то, что знаетъ. По окончаніи обѣда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

XIV.

На слѣдующій день, 30 октября, во дворцѣ было такое же волненіе, какъ и наканунѣ. Съ самаго утра моя госпожа отпустила меня гулять и прибавила, что я могу зайти къ отцу Иеронимо, которому она поручила мое обученіе. Я былъ очень радъ и тому и другому, и тотчасъ же отправился осматривать Эскуриаль. Первымъ любопытнымъ зрѣлищемъ, которое я увидѣлъ, былъ выѣздъ короля Карла IV на охоту. Меня удивило, что его величество въ такое смутное время думаетъ о развлеченіи. Но, какъ я потомъ узналъ, нашъ добрый монархъ страстно любилъ охоту и не могъ отказать въ ней себѣ даже въ самыя трудныя минуты своей жизни. Охота была его главной, или, вѣрнѣе сказать, единственной страстью.

Я видѣлъ, какъ онъ вышелъ изъ сѣвернаго подъѣзда, въ сопровожденіи двухъ или трехъ придворныхъ, какъ онъ сѣлъ въ карету и отправился въ горы въ такимъ спокойнымъ видомъ, какъ будто во дворцѣ не случилось ровно ничего особеннаго. Очевидно, это былъ человѣкъ очень спокойнаго характера и съ чистой совѣстью. И, видя это наружное спокойствіе, я чувствовалъ къ этому маститому старику скорѣе сожалѣніе, чѣмъ зависть; сожалѣніе усилилось еще больше, когда я увидѣлъ, что народъ, собравшійся у дворца, не обращаетъ на своего короля ровно никакого вниманія. Мнѣ даже показалось, что вслѣдъ ему раздалось нѣсколько бранныхъ словъ.

Затѣмъ я прошелся по нижнимъ галереямъ дворца и по верхнимъ, видѣлъ многихъ членовъ королевской семьи и замѣтилъ, что характерной чертою лицъ Бурбоновъ были длинные носы.

Перваго я увидалъ Луиса Бурбона, кардинала de la Escala. Это не былъ старикъ, увѣнчанный сѣдинами, на лицѣ котораго видны слѣды трудной умственной работы. Я увидалъ передъ собою совсѣмъ молодаго человѣка, которому не было и тридцати лѣтъ. Въ эти годы наши духовныя свѣтила: Лоренцана, Альборнось, Мендоца Силичео,—еще не выходили изъ семинаріи.

Правда, что у насъ кардинальскую мантию даютъ младшимъ принцамъ царствующаго дома, не имѣющимъ надежды сдѣлаться королями, въ очень раннемъ возрастѣ. Донъ Луисъ Бурбонъ, какъ двоюродный братъ короля Карла IV, въ данномъ случаѣ былъ счастливѣе другихъ. У него не обсохло еще молоко на губахъ, когда ему была предоставлена митра Севильи, а двадцатитрехъ лѣтъ онъ былъ уже назначенъ кардиналомъ Толедо.

Противъ обычая страны ничего не подѣлаешь, и несправедливо было бы обвинять инфанта въ томъ, что онъ принялъ то, что ему дали. Его еминенція вышелъ изъ кареты у подѣзда дворца. Лицо его съ крупнымъ фамильнымъ носомъ не показалось мнѣ выразительнымъ и, если бы не кардинальская мантия молодаго человѣка, то никто не обратилъ бы на него никакого вниманія. Луисъ Бурбонъ торопливо поднялся по лѣстницѣ, и больше я его не видѣлъ.

Но въ этотъ день мнѣ, очевидно, свѣтила счастливая звѣзда, такъ какъ удалось увидѣть всѣхъ членовъ королевской семьи. Я увидалъ инфанта дона Карлоса, втораго сына короля. Этому молодому человѣку не было еще и двадцати лѣтъ, и его лицо мнѣ болѣе понравилось, чѣмъ лицо его старшаго брата, принца Фердинанда. Я внимательно смотрѣлъ на него, и въ моей памяти врѣзались его быстрые, живые глаза и веселое выраженіе лица. Съ годами онъ очень перемѣнился и характеромъ и лицомъ.

Въ этотъ же вечеръ я видѣлъ въ саду инфанта дона Франциско де-Пауло, совсѣмъ еще ребенка; онъ игралъ съ Амарантой и съ другими придворными дамами. Онъ весело скакалъ на палочкѣ верхомъ, и я, глядя на него, хохоталъ вопреки требованіямъ всякаго этикета.

Прежде чѣмъ спуститься въ садъ, мое вниманіе было привлечено сухими ударами молотка и нѣжными звуками итальянской волюнки. Когда я спросилъ, что это за звуки, то мнѣ отвѣтили, что они доносятся изъ мастерской дона Антоніо Паскуаль, младшаго брата Карла IV. Тутъ я узналъ, что этотъ инфантъ отличается большимъ трудолюбіемъ, занимается мелкой столярной работой, переплетомъ книгъ и игрой на волюнкѣ. Когда я выразилъ удивленіе по этому поводу, то мнѣ сказали, что это не первый случай трудолюбія въ королевской семьѣ, такъ какъ покойный ин-

фантъ донъ Габріель отличался еще большей любовью къ ремесламъ и искусствамъ.

Когда знаменитый столяръ и музыкантъ выходилъ изъ своей мастерской, я видѣлъ его, и лицо его показалось мнѣ необыкновенно добродушнымъ. У него была привычка раскланиваться со всѣми съ спокойной любезностью, и я также удостоился его поклона, къ моему великому счастью.

Всѣмъ извѣстно, что донъ Антоніо Паскуаль, прославившійся впоследствии изслѣдованіемъ долины Иосафата, казался олицетвореніемъ доброты. Въ то время онъ былъ далеко уже не молодымъ человѣкомъ, и черты его лица показались мнѣ выразительнѣе, чѣмъ у кого либо изъ членовъ королевскаго дома. Позднѣе я понялъ, какъ глубоко ошибался, довѣряя этой кажущейся добротѣ. Королева Марія-Луиза называла его жестокимъ и въ одномъ изъ своихъ писемъ говорила, что это заклятый врагъ королевской партіи.

Донъ Антоніо Паскуаль, равно какъ и его племянникъ инфантъ донъ Карлосъ, были сторонниками принца Фердинанда и глубоко ненавидѣли министра Годоя, хотя это послѣднее вполнѣ понятно, такъ какъ всѣ члены королевской семьи относились къ Годою съ ненавистью.

Но переходу къ описанію событій. Арестованный принцъ, узнавъ, что король выѣхалъ на охоту, отправилъ посланнаго къ королевѣ, умоляя ее прійти къ нему въ комнату и выслушать его важныя признанія. Мать отказалась, но послала министра Кабалеро, который и узналъ изъ устъ принца то, что я хочу здѣсь описать.

Не слѣдуетъ думать, что это положеніе дѣлъ было извѣстно всѣмъ въ Эскуріалѣ. Я лично узналъ многое отъ Амаранты, потому что она рассказывала все своему дядюшкѣ дипломату и старой маркизѣ. Они считали меня почти ребенкомъ и не находили нужнымъ скрывать отъ меня текуція событія.

Со словъ Амаранты всѣ лица королевской семьи были удивлены и взволнованы, такъ какъ въ послѣднихъ своихъ признаніяхъ принцъ Фердинандъ открылъ, что на сторонѣ заговорщиковъ былъ самъ Наполеонъ, войска котораго уже приближаются къ Мадриду, чтобы принять участіе въ возстаніи. Принцъ открылъ также своихъ соучастниковъ, называя ихъ «коварными подстрекателями»; онъ утверждалъ, что не задумывалъ никакого злоумышленія на жизнь самой королевы.

Всѣ эти подробности, разумѣется, я не могъ запомнить и узналъ ихъ позднѣе изъ историческихъ документовъ, относящихся къ тому смутному времени. Помню только, что Амаранта находила поведение принца Фердинанда недостойнымъ, потому что онъ открылъ своихъ соучастниковъ, а старая маркиза заступалась за него.

Еще не совсѣмъ стемнѣло, когда король вернулся съ охоты, а часа полтора спустя внизу раздался говоръ, и разнеслась вѣсть о

пріѣздѣ перваго министра. Я выбѣжалъ на главный дворъ, но уже не засталъ его, такъ какъ онъ, торопливо выйдя изъ кареты, быстро поднялся по лѣстницѣ. Я успѣлъ только разсмотрѣть его высокую фигуру, старательно закутанную плащомъ, но лица не видалъ.

— Это онъ,—сказалъ кто-то изъ слугъ, встрѣчавшихъ его.

— Кто?—съ любопытствомъ спросилъ я.

Тогда поваренокъ королевской кухни, съ которымъ я познакомился, потому что онъ отпускала мнѣ обѣдъ, наклонился къ моему уху и чуть слышно прошепталъ:

— Высочка!..

XV.

Продолжая разговоръ съ поваренкомъ, я старался вывѣдать у него, какъ смотрять слуги на все происшедшее. Къ счастью, наступало время ужина, и мы спустились съ нимъ въ кухни, помѣщавшіяся въ нижнемъ этажѣ дворца.

Трудно было встрѣтить такихъ горячихъ патріотовъ, какъ повара королевской кухни. Это были по большей части люди положительные, и въ ихъ рукахъ, или вѣрнѣе въ ихъ костюлахъ, находилось здоровье, если не жизнь, испанскихъ королей. Всѣ были до крайности заинтересованы судьбою бывшаго водовоза фонтана del Barro, сдѣлавшагося слугою и любимцемъ принца Фердинанда. Этотъ Педро Кольядо, заслужившій расположеніе наследника престола, былъ теперь внутреннимъ шпиономъ. Онъ постоянно все подслушивалъ и подглядывалъ; повара, поваренки и лакей стали очень его побаиваться и не смѣли ослушаться его приказаній.

Когда Педро Кольядо спускался въ людскую съ веселымъ лицомъ, то всѣ сразу расцвѣтали; когда же онъ спускался мрачный и пасмурный, всѣ притихали и ходили на цыпочкахъ. Когда ктонибудь впадалъ въ немилость бывшаго водовоза, то былъ увѣренъ, что немедленно получить расчетъ; если же кто либо правился ему и удостоивался служить предметомъ его шутокъ, тотъ могъ надѣяться на быстрое повышение.

Этотъ вечеръ былъ полонъ интереса для меня, потому что я присутствовалъ при арестѣ Педро Кольядо, противъ котораго оказалось не мало уликъ. Любимецъ принца рассказывалъ двумъ-тремъ слугамъ, къ которымъ онъ благоволилъ, о событіяхъ этого дня, когда пришелъ алгвазилъ съ нѣсколькими жандармами и арестовалъ его. Бывшій водовозъ не выказалъ никакого сопротивленія и, только слегка сдвинувъ брови, пошелъ за жандармами. Его посадили въ отдѣленіе королевской тюрьмы, такъ какъ, благодаря своему низкому происхожденію, онъ не могъ сидѣть въ главной тюрьмѣ, гдѣ уже посажены были инфантъ донъ Карлосъ и Антонио Паскуаль.

Арестъ Педро Кольядо произвелъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе; всѣ сразу примолкли. Но какъ на войнѣ солдаты пріободряются при возгласѣ полководца, такъ и въ кухнѣ всѣ встрепенулись, когда сверху крикнулъ голосъ:

— Ужинъ сеньора инфанта дона Антоніо Паскуаль!

Въ ту же минуту нѣсколько блюдъ со вкусными кушаньями были поданы слугамъ инфанта. Затѣмъ снова раздался возгласъ:

— Бульонъ и выпускную яичницу для сеньоры инфанты доньи Маріи-Жозефы!

Бульонъ и яичница тотчасъ же были поданы. А сверху раздался новый голосъ:

— Шоколадъ сеньора инфанта дона Франциско де Пауло!

Когда это приказаніе было исполнено, старшій поваръ торжественно произнесъ:

— А готовъ жареный цыпленокъ для его эминенціи сеньора кардинала?

И цыпленокъ былъ переданъ слугѣ архіепископа. Наконецъ, распорядитель королевскаго стола въ мундирѣ, обшитомъ блестящими галунами, показался въ дверяхъ кухни и крикнулъ рѣзкимъ голосомъ:

— Ужинъ его величества короля!

Интересно было видѣть всю эту массу блюдъ, ежедневно подаваемыхъ Карлу IV, аппетитъ котораго особенно обострялся отъ движеній во время охоты. Я не могъ оторвать глазъ отъ всѣхъ этихъ вкусныхъ кушаній; ихъ ароматъ раздражалъ мой аппетитъ. Тогда мой другъ, поваренокъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Подожди, Габріелильо, мы попробуемъ эти блюда! Король любить, чтобы весь столъ былъ заставленъ кушаньями, но онъ ѣстъ отъ каждаго понемножку. Нѣкоторыя блюда такъ и возвращаются нетронутыми. Я сейчасъ приготовлю мороженое.

— Кто же это довольствуется мороженымъ?

— Король, — отвѣтилъ онъ мнѣ, — послѣ ужина каждый разъ требуетъ мороженое; онъ беретъ ломтикъ хлѣба, обрѣзаетъ корочку, мокаетъ мякишъ въ мороженое и такъ кушаетъ. Это его единственное пирожное.

Довольно долго спустя послѣ ужина короля, спросили ужинъ королевы. Мнѣ показалось это до того страннымъ, что я спросилъ моего друга, почему это король и королева ужинаютъ врозь со своими дѣтьми.

— Молчи, глупый, — отвѣтилъ онъ!.. Въ каждой семьѣ отцы и дѣти обѣдаютъ за однимъ столомъ, но здѣсь нѣтъ. Развѣ ты не понимаешь, что это было бы не согласно съ этикетомъ? Инфанты обѣдаютъ каждый въ своей комнатѣ, а его величество король въ своей, и ему служатъ гвардейцы. Только одна королева могла бы

обѣдать съ нимъ, но ты вѣдь знаешь, что она обѣдаетъ всегда одна, а почему—я не скажу.

— Нѣтъ, скажи мнѣ, пожалуйста! Не потому ли, что съ ней обѣдаетъ одна личность?

— Вовсе нѣтъ; она ни при комъ не ѣсть.

— Ни даже при придворныхъ дамахъ?

— Только камеристка, которая служить у ея стола, видитъ, какъ она ѣсть. Ну, такъ и быть, я ужъ открою тебѣ эту тайну,— прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.—Ты замѣтилъ, какіе у королевы красивые, бѣлые зубы, когда она смѣется? Ну, такъ вотъ: они фальшивые; когда она ѣсть, она вынимаетъ ихъ и не хочетъ, чтобъ другіе это видѣли.

— Вотъ такъ штука!

Слова поваренка были справедливы, какъ я потомъ узналъ. Въ то время еще не было такихъ искусныхъ дантистовъ, какъ теперь, и вставными зубами трудно было перетирать пищу.

— Видишь,—продолжалъ поваренокъ,—на сколько справедливы тѣ, которые порицаютъ королеву. Могутъ ли подданные любить своихъ королей, когда у нихъ даже зубы фальшивые?

Я, конечно, не могъ согласиться съ тѣмъ, что для хорошаго управленія страной необходимы здоровые и крѣпкіе зубы, но ничего не возразилъ моему товарищу.

Затѣмъ потребовали ужинъ для его свѣтлости *principe de la Paz* и членовъ государственнаго совѣта. Скоро должны были подать ужинъ моей госпожѣ, и я поднялся наверхъ, полный радостной надежды, что она позоветъ меня и будетъ продолжать свой интересный рассказъ. Но, къ моему великому сожалѣнію, Амаранта отложила его до слѣдующаго дня, сославшись на спѣшныя письма.

Не смотря на то, что мнѣ было очень хорошо во дворцѣ, но, лежа спать, я почувствовалъ грусть. Моя милая Инезилья припомнилась мнѣ, и ея скромное, милое личико нисколько не теряло въ сравненіи съ классической красотой Амаранты.

XVI.

На слѣдующій вечеръ моя госпожа позвала меня къ себѣ въ комнату. Она была въ томъ же свѣтломъ, свободномъ пеньюарѣ и, указавъ мнѣ на низенькій табуретъ у ея ногъ, велѣла сѣсть.

— Теперь я посмотрю, Габріель, — начала она, — могу ли я положиться на тебя. Посмотримъ, окажешься ли ты на высотѣ составленнаго мною о тебѣ мнѣнія.

— И вы могли сомнѣваться въ этомъ, сеньора!—изумился я.— Я никогда не забуду вашихъ словъ о томъ, что люди не болѣе

меня способные достигли высокихъ ступеней общественной лѣстницы...

— Ахъ, бѣдняжка!—произнесла она, смѣясь,—ты таки надѣлень порядочнымъ честолюбіемъ. Исторія, которую я тебѣ рассказывала въ тотъ вечеръ, не должна служить тебѣ примѣромъ, Габріель. Я еще немного прочла и теперь могу продолжать.

— Вы остановились на томъ, сеньора, какъ молодой янычаръ, котораго султанша сдѣлала великимъ визиремъ, отплатилъ черной неблагодарностью своей благодѣтельница.

— Ну, прекрасно; дальше я прочла, что султанша очень раскаялась въ своей слабости, и что молодаго янычара народъ ненавидѣлъ все больше и больше. Султанъ попрежнему ничего не замѣчалъ и не понималъ, почему это страдаютъ его подданные. Но она, какъ женщина далеко неглупая, видѣла, какъ надъ государствомъ надвигаются темныя тучи. Придворныя дамы не разъ заставали ее въ слезахъ. Съ одной изъ нихъ она была особенно близка и призналась ей въ сдѣланныхъ ошибкахъ. Но исправить ихъ уже не было никакой возможности; недовольство народа возросло съ каждымъ днемъ. Составился огромный заговоръ, во главѣ котораго былъ старшій сынъ султана. Было рѣшено, что, лишивъ жизни султана и султаншу, принцъ взойдетъ на престоль...

— А что же дѣлалъ въ это время великій визирь?

— Великій визирь, какъ человѣкъ непредусмотрительный, не зналъ, какой стороны ему держаться. Всѣ стали возлагать свои надежды на великаго Тамерлана, извѣстнаго неустрашимаго завоевателя, который послалъ свои войска завладѣть однимъ маленькимъ королевствомъ, лежавшимъ рядомъ съ большимъ государствомъ, о которомъ я тебѣ рассказываю. Въ Тамерланѣ видѣли своего спасителя и отецъ, и сынъ, и султанша, и великій визирь; но такъ какъ знаменитый полководецъ не могъ угодить имъ всѣмъ за разъ, то понятно, что кто нибудь изъ нихъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ.

— Кому же изъ нихъ помогъ Тамерланъ?

— Объ этомъ говорится въ концѣ разсказа, а я его еще не дочитала,—отвѣтила Амаранта.—Но думаю, что я скоро узнаю конецъ и расскажу тебѣ его.

— А я говорю и повторяю,—сказалъ я,—что еслибъ великій визирь хорошо управлялъ народомъ, какъ одна личность, которую я знаю, то ничего этого не случилось бы. Надо управлять странною по Божьему, наказывая дурныхъ и вознаграждая хорошихъ, тогда не было бы подобныхъ несчастій.

— Но пока это насъ не особенно касается, мы перейдемъ къ нашимъ дѣламъ,—возразила она.

— О, да, сеньора!— пылко отвѣтилъ я.—Какое намъ дѣло до всѣхъ государствъ міра! О, сеньора, еслибъ вы только знали, какъ

я преклоняюсь передъ вашимъ умомъ, передъ вашей красотой! Вы моя богиня, я обожаю васъ! Я не въ силахъ не признаться вамъ въ этомъ, хотя бы вы прогнали меня!..

Амаранта разсмѣялась надъ моимъ неожиданнымъ объясненіемъ въ любви и сказала:

— Хорошо, мнѣ нравится твоя откровенность. Вижу, что я могу рассчитывать на тебя. Недаромъ Пепа говорила мнѣ, что ты очень наблюдателенъ. Мнѣ кажется, что ты превосходно запоминаешь лица, предметы, фразы, особенно фразы, и если захочешь, то можешь дословно передать ихъ. Все это въ связи съ твоей скромностью очень хорошо. Если къ этому прибавить еще и то, что ты готовъ многимъ пожертвовать ради меня и что ты никому не разболтаешь о твоихъ обязанностяхъ у меня, то...

— Я, разболтать, сеньора!.. Да я не признаюсь въ этомъ моей собственной тѣни, ни моимъ роднымъ, еслибъ они у меня были, ни даже Богу...

— Къ тому же,—прибавила она, устремивъ на меня свои чудные глаза,—ты умѣешь быть скрытнымъ.

— Артистически,—похвалился я.

— И наблюдательнымъ, и можешь многое разузнать, не возбуждая подозрѣній.

— Совершенно вѣрно.

— Въ такомъ случаѣ первое, что ты долженъ сдѣлать, вернувшись въ Мадридъ,—это поступить опять къ твоей прежней госпожѣ.

— Какъ! Къ моей прежней госпожѣ?

— Глупый, я вовсе не хочу этимъ сказать, что ты перестанешь мнѣ служить. Наоборотъ, ты каждый вечеръ будешь приходить въ одинъ домъ на свиданье со мною. Ты будешь моимъ слугою, но такъ что этого никто не долженъ знать, и я тебя щедро вознагражу за это.

— Такъ что я буду служить у актрисы, чтобы...

— Чтобы отвлечь подозрѣнія.

— О, превосходно! Теперь я понимаю. Такимъ образомъ никто не можетъ доказать...

— Именно. А въ домѣ твоей госпожи ты съ большимъ вниманіемъ будешь слѣдить за тѣмъ, что происходитъ, кто бываетъ у нея днемъ и вечеромъ, словомъ за всѣмъ.

— А для чего это?—спросилъ я наивно, не понимая, къ чему ей понадобилось сдѣлать изъ меня шпиона.

— Это тебя не касается,—отвѣтила она.—А въ особенности, и это самое главное, ты будешь слѣдить въ театрѣ за Исидоро Манквесь. Если онъ попроситъ тебя передать любовную записочку твоей госпожѣ, то ты первымъ долгомъ принесешь ее мнѣ, и затѣмъ уже, узнавъ, въ чемъ дѣло, я тебѣ ее верну.

Эти слова изумили меня. Въ первую минуту я даже не понялъ ихъ таинственнаго смысла.

ОТЪ КОМИТЕТА ГРАМОТНОСТИ.

Въ общемъ собраніи С.-Петербургскаго Комитета Грамотности, 18-го мая сего года, избрана комиссія въ составѣ нижеподписавшихся для сбора пожертвованій на сооруженіе въ деревнѣ Батищево, Смоленской губ., гдѣ протекла значительная часть жизни и плодотворной дѣятельности Александра Николаевича Энгельгардта, образцовой народной школы его имени. Общественное значеніе покойнаго Александра Николаевича далеко не исчерпывается узкой сферой его специальности, которой преимущественно были посвящены послѣдніе годы его жизни: онъ вообще оставилъ глубокой слѣдъ въ умственной жизни русскаго общества. Сооруженіе общеобразовательной школы его имени на средства, почерпнутыя изъ среды самого же общества, нужно надѣяться, встрѣтитъ широкое сочувствіе, какъ наилучшій способъ увѣковѣчить память покойнаго.

Желая дать возможность многочисленнымъ почитателямъ А. Н. откликнуться на призывъ С.-Петербургскаго Комитета Грамотности, комиссія имѣетъ честь объявить, что пожертвованія могутъ быть доставляемы лично и по почтѣ на имя председателя комиссіи Николая Платоновича Карабчевскаго (С.-Петербургъ, Захарьевская, 13).

О поступившихъ пожертвованіяхъ будетъ своевременно данъ подробный отчетъ на страницахъ періодическихъ изданій.

Предсѣдатель комиссіи **Н. Карабчевскій.**
Члены комиссіи: **М. Никонова.**
А. Никонъ.
В. Федченко.

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ «Книжное дѣло въ Россіи въ 1892 г.» (июнь, стр. 899) вкралась слѣдующая неточность: число отпечатанныхъ въ гор. Варшавѣ экземпляровъ было 2.270.152, а не 2.309.682, какъ напечатано. Такимъ образомъ общій выводъ числа экземпляровъ книгъ, отпечатанныхъ въ 14-ти городахъ, означенныхъ въ перечнѣ, будетъ 30.611.202 экземпляра, а не 30.650.732.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЦЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯВРЬ, 1893 г.

	стр.
I. Пограничная крѣпость. (Посвящается Ив. Ал. Бедрягѣ). I—III. А. И. Лемана	561
II. Воспоминанія В. А. Полторацкаго. XVII. (Продолженіе)	583
III. Пугачевецъ. (Быль XVIII столѣтія). А. П. Смирнова	603
IV. Графъ Іоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи. IV—VI. (Окончаніе). В. А. Тенлова	626
Иллюстрація: Убіѣство графа Каподистрии.	
V. Воспоминанія В. И. Погожева. XVI—XVIII. (Продолженіе)	662
VI. Художникъ-литераторъ. Біографическій очеркъ. (По поводу полу-вѣкового юбилея Дмитрія Васильевича Григоровича). В. Р. Зотова	680
VII. Крѣпостные промышленники и головные тати. В. И. Снѣжневскаго	701
VIII. Игуменъ Спасекаго монастыря Авраамій. (Очеркъ монастырскаго быта конца XVII столѣтія). А. А. Прозоровскаго	716
IX. Императоръ Александръ I въ Пензѣ. М. И. Саццердотова	731
X. Неисполненный завѣтъ царя. (Историческій очеркъ). Е. П. Горбунова	750
Иллюстрація: Шведская могила близъ Полтавы.	
XI. Богословская деревянная церковь XVII вѣка въ Ярославской губерніи. А. А. Титова	758
Иллюстрація: Богословская деревянная церковь XVII вѣка въ Ярославской губерніи.	
XII. Театръ въ Турціи. С. И. Уманца	764
XIII. Критика и бібліографія	795
1) Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Труды юридическаго общества при Московскомъ университетѣ. Томъ I. Спб. 1893. Р. Сементновскаго. — 2) Ленора Бюргера и родственныя ей сюжеты въ народной поэзіи, европейской и русской. Изслѣдованіе И. Созоновича. Варшава. 1893. А. К—ова. — 3) Гр. И. И. Толстой. Древнѣйшія русскія монеты X—XI вѣка. Съ 2 табл. Спб. 1893. Н. Лихачева. — 4) В. Н. Александренко. Реляціи князя А. Д. Кантемира изъ Лондона (1732—1733 гг.). Томъ I. Москва. 1892. В. Латкина. — 5) Н. О. Осиповъ. Ритуаль сибирской свадьбы. Спб. 1893. Н. Т. — 6) Новгородскій музей древностей. Краткое описаніе Новгородскаго музея. Составлено В. Ласковскимъ и Н. Лашковымъ. Изданіе Новгородскаго губернскаго статистическаго комитета. Съ приложеніемъ 14 рисунковъ. Новгородъ. 1893. Е. З.—4) Матеріалы къ изученію Пермскаго края. Постройка Кизеловскаго завода И. Л. Лазарева. Н. Н. Новокрещенныхъ. Уфа. 1892. С. А—ва. — 8) С. А. Бершадскій. О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществвахъ по литовскому праву. Спб. 1892. В. Латкина. — 9) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1889 годъ. Спб. 1893. М. М. — 10) Хрестоматія по исторіи Западной Россіи. Составилъ Ар. Турцевичъ. Вильна. 1893. В. Б.—11) Матеріалы къ изученію Пермскаго края. Участіе Строгановыхъ въ поступательномъ движеніи Русскаго государства на Востокъ въ XVI столѣтіи. Н. Новокрещенныхъ. Пермь. 1892. С. А—ва. — 12) Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). Новое полное изданіе, съ примѣчаніями. Спб. 1893. В. Б.	

См. на слѣд. стр.

XIV, Историческія мелочи	СТР. 816
1) Были ли подвиги Орлеанской дѣвы чудомъ и доказательствомъ сверхъестественнаго элемента въ исторіи. — 2) Разсказъ очевидца о путешествіи Екатерины II въ Крымъ. — 3) Бракъ Маріи-Клементины Собѣской. — 4) Пропущенный Александромъ Дюма герой историческаго романа.—5) Дютекленъ и Кобденъ контрабандистовъ.—6) Памятникъ рыцарю безъ страха и упрека.—7) Нѣмецкіе шпіоны въ Россіи—8) Двѣ императрицы.	
XV. Заграничныя историческія новости	831
XVI. Смѣсь	839
1) Археологическое общество.—2) Памятникъ времени Петра I.—3) Замокъ Бирона.—4) Могила Пасхалова.—5) Некрологи: А. А. Марковъ; Е. В. Скроботова; И. Н. Ге; епископъ Амфилохій (Сергіевскій); Е. Г. Головина; С. М. Георгіевскій.	
XVII. Замѣтки и поправки	844
Вопиющее убожество. А. Соборнова.	
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Д. В. Григоровича. — 2) Дворъ Карла IV. (La corte de Carlos IV). Историческій романъ Переса Гальдоса. Переводъ съ испанскаго Е. И. Уманецъ. XVII—XXI.—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворова.	

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г. — Вѣдическій хирургъ.— Петръ Великій въ Дентфордъ.— Императорскій титулъ.— Первые балы въ Россіи.— Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.— Свадьба карликовъ.— Московскій маскарадъ 1722 года.— Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.— Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.— Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Бирона. — Убійство Синглера.— Холмогорская старина.— Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.— Русскій чудакъ XVIII столѣтія.— Графъ К. Г. Разумовскій.— Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.— Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.— Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Кирьяново, дача княгини Дашковой.— Александрова дача.— Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.— Пѣвица Габріелли.— Подпоручикъ Федосѣевъ.— Семейное преданіе.— Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.— Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.— Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу черезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій, 38), за пересылку ничего не платятъ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

(ЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1893 года).

	СТР.
Подъ неотразимой десницей. Историческій романъ. Часть третья. (Окончаніе). П. Н. Полеваго	5, 273
Воспоминанія В. А. Полторацкаго. XI—XVII. (Продолженіе).	31, 301, 583
Атаманъ Купчинскій. (Разсказъ изъ временъ Анны Ивановны). С. Н. Браиловскаго.	56
Воспоминанія В. Н. Погожева. VI—XVIII. (Продолженіе).	84, 363, 662
Очерки Москвы. IX—XVI. (Окончаніе). Д. А. Покровскаго.	112, 403
Первые опыты училищнаго дѣла въ Тамбовскомъ краѣ. И. И. Дубасова	142
Противникъ Петра Великаго. А. Н. Петрова.	168
Историческіе памятники въ г. Царскомъ Селѣ. Н. Л. Ширяева.	183
Буйный калмыкъ. Разсказъ изъ ростовской старины. А. А. Титова	193
Изъ воспоминаній о Японіи. XVII—XIX. (Окончаніе). Женщины-врача А. А. Черевковой.	202, 469
Иллюстраціи: 1) Священное озеро Чуэзенжи и гора Нантайзанъ.—2) Бронзовые фонари на одномъ изъ дворовъ храма шогуна Іеязу.—3) Могила Іеязу.	
Графъ Иоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи. В. А. Теплова.	323, 626
Иллюстрація: Убийство графа Каподистрії.	
Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 года. А. Г. Слезкинскаго	390
Графъ Минихъ и его записки. (Посвящается памяти М. И. Семевскаго). Д. А. Корсакова.	431

	СТР.
Императоръ Александръ II въ Вологдѣ въ 1858 году. (Изъ воспоминаній вологжанина. В. Р. Чевскаго.)	446
Обскіе пираты прошлаго вѣка. К. Б. Газенвинкеля.	455
Депутаты-работчіе въ Англии. В. Т.	484
Иллюстраціи: 1) Джонъ Борнсъ.—2) Джозефъ Арчъ.—3) Томасъ Буртъ.—4) Борнсъ за письменнымъ столомъ.—5) Борнсъ за работой.—6) Керъ Гарди.	
Пограничная крѣпость. (Посвящается Ив. Ал. Бедрягѣ). I—III. А. И. Лемана	561
Пугачевецъ. (Быль XVIII столѣтія). А. П. Смирнова.	603
Художникъ-литераторъ. Біографическій очеркъ. (По поводу полувѣкового юбилея Дмитрія Васильевича Григоровича). В. Р. Зотова.	680
Крѣпостные промышленники и головные тати. В. И. Снѣжневскаго.	701
Игумень Спасскаго монастыря Авраамій. (Очеркъ монастырскаго быта конца XVII столѣтія). А. А. Прозоровскаго.	716
Императоръ Александръ I въ Пензѣ. М. И. Сацердотова.	731
Неисполненный завѣтъ царя. (Историческій очеркъ). К. П. Горбунова.	750
Иллюстрація: Шведская могила близъ Полтавы.	
Богословская деревянная церковь XVII вѣка въ Ярославской губерніи. А. А. Титова.	758
Иллюстрація: Богословская деревянная церковь XVII вѣка въ Ярославской губерніи.	
Театръ въ Турціи. С. И. Уманца.	764

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

1) А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Томъ VI. Спб. 1892. Д. Корсакова.—2) В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Томъ второй. Власть. Спб. 1893. В. Латкина.—3) Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія. Критическое изслѣдованіе Михаила Корелина. Москва. 1892. I.—4) Очеркъ холерной эпидеміи 1892 года въ Нижегородской губерніи. Издавъ Нижегородской губернской санитарно-исполнительной комиссіей подъ редакціей доктора С. И. Зененка. Нижній Новгородъ. 1893. А. Л.—5) Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ Россійской имперіи съ бібліографическимъ указателемъ. Т. I и II. Составилъ и издалъ В. В. Звѣринскій. Спб. 1890—1892. В. Б.—6) Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее. Очеркъ Н. В. Латкина. Спб. 1892. А. О.—7) Переписка альманахамъ. Матеріалы для бібліографіи русскихъ литературныхъ альманаховъ и сборниковъ конца XVIII и первой половины XIX столѣтія. (Съ 1794 по 1850 г.). Составилъ въ селѣ Глѣбовѣ, Подольской губерніи, графъ Е. Путятинъ. Новая Ушица. 1893. Е. Г.—8) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга седьмая. Спб. 1893. Т. Р. Б.—9) Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать восьмая. Переписка князя М. С. Воронцова съ графами П. Д. Киселевымъ, С. С. Уваровымъ, съ С. В. Сафоновымъ и другими лицами. М. 1892. С. А—ва.—10) О. Еленевъ. Ученіе о Финляндскомъ государствѣ. Спб. 1893. В. Латкина.—11) Очерки изъ исторіи славянскихъ

литературь. Составилъ А. Степовичъ. Кіевъ. 1893. в. 3.—12) В. І. Щелковъ. Государственный совѣтъ въ Россіи, въ особенности въ царствованіе Александра І. Томъ І. Ярославль. 1892. В. Латнина.—13) Сочиненія Г. П. Данилевскаго (1847—1890). Изданіе седьмое, посмертное, въ девяти томахъ, съ біографіею и портретомъ автора. Спб. 1893. Р. Б.—14) Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Сочиненіе А. И. Незеленцова. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1893. М. М.—15) Царь-работникъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ Фридриха Дукмейера. Берлинъ. 1892. (Der Arbeiter-Kaiser Trauerspiel in 5 Akten. Von Fr. Dukmeyer) П. П.—16) Русская историческая бібліографія. Указатель книгъ и статей по русской и всеобщей исторіи и вспомогательнымъ наукамъ; за 1800—1854 г. влючительно. Томы І и ІІ. Составилъ В. И. Межовъ. Изданіе И. И. Сибирякова. Спб. 1892—1893. С. А—ва.—17) Былины. Русская классная бібліотека, издаваемая подъ редакціей А. Н. Чудинова. Выпускъ XIII. Спб. 1893. С. Т—саго.—18) Сборникъ правовѣднія и общественныхъ знаній. Труды юридическаго общества при Московскомъ университетѣ. Томъ І. Спб. 1893. Р. Сементновскаго.—19) Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи, европейской и русской. Исслѣдованіе И. Созоновича. Варшава. 1893. А. К—ова.—20) Гр. И. И. Толстой. Древнѣйшія русскія монеты X—XI вѣка. Съ 2 табл. Спб. 1893. Н. Лихачева.—21) В. Н. Александренко. Релідіи князя А. Д. Кантемира изъ Лондона (1732—1733 гг.). Томъ І. Москва. 1892. В. Латнина.—22) Н. О. Осиповъ. Ритуаль сибирской свадьбы. Спб. 1893. Н. Т.—23) Новгородскій музей древностей. Краткое описаніе Новгородскаго музея. Составлено В. Ласковскимъ и Н. Лашковымъ. Изданіе Новгородскаго губернскаго статистическаго комитета. Съ приложеніемъ 14 рисунковъ. Новгородъ. 1893. Е. 3.—24) Матеріалы къ изученію Пермскаго края. Постройка Кизеловскаго завода И. Л. Лазарева. Н. Н. Новокрещенныхъ. Уфа. 1892. С. А—ва. Уфа. 1892. С. А—ва.—25) С. А. Бершадскій. О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву. Спб. 1892. В. Латнина.—26) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1889 годъ. Спб. 1893. М. М.—27) Хрестоматія по исторіи Западной Россіи. Составилъ Ар. Турцевичъ. Вильна. 1893. В. Б.—28) Матеріалы къ изученію Пермскаго края. Участіе Строгановыхъ въ поступательномъ движеніи Русскаго государства на Востока въ XVI столѣтіи. Н. Новокрещенныхъ. Пермь. 1892. С. А—ва.—29) Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). Новое полное изданіе, съ примѣчаніями. Спб. 1893. В. Б. 223, 510, 795

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ:

1) Королевскія кости въ Луврѣ.—2) День Людовика XIV въ Версалѣ.—3) Дѣтство и юность Дантона.—4) Русская политика въ 1830 и 1848 гг.—5) Критическая минута на Шипкѣ.—6) Статуя перваго французскаго журналиста Ренодо.—7) Новыя подробности о взятіи Бастиліи.—8) Столѣтняя годовщина убійства Марата Шарлотой Кордъ.—9) День Наполеона въ Тюльери.—10) Наполеонъ послѣ смерти.—11) Неизданный рассказъ Вашингтона объ его первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ индѣйцевъ и французовъ.—12) Мать Вашингтона.—13) Потонувшіе англійскіе адмиралы.—14) Были ли подвиги Орлеанской дѣвы чудомъ и доказательствомъ сверхъестественнаго элемента въ исторіи.—15) Рассказъ очевидца о путешествіи Екатерины II въ Крымъ.—16) Бракъ Маріи-Клементины Собѣской.—17) Пропущенный Александромъ Дюма герой историческаго романа.—18) Дюгекленъ и Кобденъ контрабандистовъ.—19) Памятникъ рыцарю безъ страха и упрека.—20) Нѣмецкіе шпіоны въ Россіи.—21) Двѣ императрицы 240, 527, 816

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . 254, 543, 831

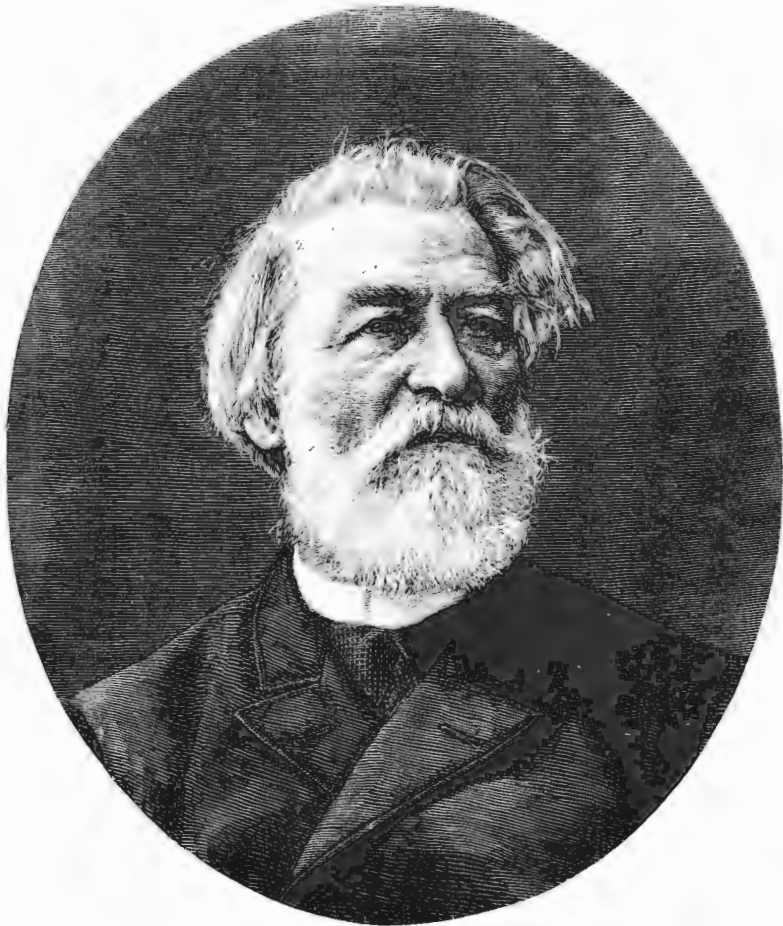
СМѢСЬ:

1) Двадцатипятилѣтіе славянскаго петербургскаго общества.— 2) Закладка памятника Александру II въ Кремль.— 3) Актъ въ археологическомъ институтѣ.— 4) Двадцатипятилѣтняя годовщина взятія Самарканда.— 5) Юбилей профессора Фойницкаго.— 6) Юбилей К. А. Скальковскаго.— 7) Юбилей П. I. Бобровскаго.— 8) Премія Петра Великаго.— 9) Общество любителей древней письменности.— 10) Кладъ.— 11) Морская находка въ Либавѣ.— 12) Портфель Наполеона.— 13) Археологическое общество.— 14) Памятникъ времени Петра I.— 15) Замокъ Бирона.— 16) Могила Пасхалова.— 17) Некрологи: Н. Н. Голицынъ; А. И. Предтеченскій; Я. М. Невѣровъ; Я. К. Гротъ; М. И. Городецкій; М. П. Веселовскій; В. Д. Кренке; А. П. Барыкова; И. П. Заулинъ; А. А. Марковъ; Е. В. Скrobotова; И. Н. Ге; епископъ Амфилохій (Сергіевскій); Е. Г. Головина; С. М. Георгіевскій 261, 551, 839

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

1) Письмо въ редакцію. С. Яковлева.— 2) Къ статьѣ г. Покровскаго. П. Ильина.— 3) По поводу стихотворенія Т. Г. Шевченка. А. Лашневича.— 4) Вопіющее убожество. А. Соборнова. 270, 559, 844

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты Карла XII, графа Іоанна Антоновича Каподистри и Д. В. Григоровича. 2) Дворъ Карла IV. (La corte de Carlos IV). Историческій романъ Переса Гальдоса. Переводъ съ испанскаго Е. I. Уманецъ. I—XXI. 3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ

Дозв. ценз. спб., 21 августа 1893 г.

ПОГРАНИЧНАЯ КРѢПОСТЬ.

(Посвящается Изв. Ал. Бедрягѣ).

I.

ИА БЕРЕГУ большой, широкой, полноводной отъ осеннихъ дождей польской рѣки сидѣлъ молодой офицеръ. Берегъ густо заросъ высокой осокой, но тамъ, гдѣ находился офицеръ, песчаная отмель далеко уходила впередъ, разрѣзая воду.

Дождь только что пересталъ. Тяжелыя сѣрыя тучи низко двигались надъ рѣкой. Уныло желтѣло жнивье, печально покачивали вѣтвями одинокія ветлы. Огромная рѣка быстро катила свои мутныя волны. На ней не было видно ни лодки, ни челнока. И берега ея были совершенно пустынные.

— Точно гдѣ нибудь въ Америкѣ, въ Пампасахъ,—думалъ офицеръ, задумчиво глядя на дымившуюся поверхность рѣки.

Рѣзкій крикъ привлекъ его вниманіе. На него летѣла стая бѣлыхъ гусей. Они тяжело размахивали крыльями и неслись безпорядочной кучей, не образуя классическаго треугольника. Однимъ взглядомъ онъ измѣрилъ высоту, на которой они пролетали, и быстро протянулъ руку къ лежавшему около него ружью, но тотчасъ одумался и проговорилъ:

— Домашніе. И какъ они здѣсь высоко летаютъ. Удивительно, какъ они не улетятъ совсѣмъ.

Гуси въ самомъ дѣлѣ находились на большой высотѣ, и безъ привычки ихъ никакъ нельзя было принять за домашнихъ, тѣмъ

болѣе, что въ облакахъ они казались почти сѣрыми. Они потянули къ деревнѣ, о существованіи которой можно было только догадываться, и спустились на пашню. Офицеръ за ними уже не слѣдилъ. Поднявшись съ мѣста, онъ накинулъ на плечи солдатскаго сукна шинель съ серебряными погонами, взялъ ружье и пошелъ по тропинкѣ, проложенной по берегу. Это былъ смуглый, хорошо сложенный юноша лѣтъ двадцати. Черные глаза его, приподнятые нѣсколько углами у висковъ, продолговатые и неподвижные, выдавали его восточное происхожденіе. Фамилія его была Султановъ, и онъ служилъ въ саперахъ, отправленныхъ зимовать въ маленькую пограничную крѣпость.

Онъ долго шелъ по безлюдному берегу. Впереди, на той сторонѣ, показались бастіоны крѣпости. Куртина, выходящая къ рѣкѣ, ничѣмъ не была прикрыта. Широкій, сажень въ десять, глубокой водяной ровъ окружалъ крѣпость, соединяясь съ рѣкой. Вода въ немъ удерживалась плюзами.

Издали и съ этого берега крѣпость не имѣла никакого виду. Теперь въ туманѣ она была даже едва замѣтна. Ровными прямыми линіями обозначались валы и насыпи. За ними виднѣлись казармы и другія постройки. Тускло блестѣлъ золотой крестъ крѣпостнаго собора.

Султановъ нашелъ въ осокѣ маленькій челнокъ, на которомъ онъ переѣхалъ черезъ рѣку, и, сѣвъ въ него, поплылъ на ту сторону. Грести было трудно. Легкую лодочку сносило внизъ, но Султановъ гребъ хорошо и благополучно причалилъ къ берегу. За нимъ слѣдилъ отсюда сухопарый рыжеволосый молодой еврей. Когда Султановъ выпрыгнулъ изъ челнока, еврей ухватился за веревку, привязанную къ желѣзному кольцу, ввинченному въ носъ лодочки, и вытащилъ ее далеко на песокъ.

— А вѣнцъ, панъ, ницъ не забилъ (а стало быть, ничего не убили)?—спросилъ онъ, пытливо оглядывая офицера.

— Ничего, даже стрѣлять не пришлось.

— Поцо стшеляцъ, кеды не можно ницъ забиць. Прохъ дрого коштуе. Птеціежъ мувилемъ пану: поцо ѣздиць, гды панъ не машъ пса. А зъ тамтей строны сонъ генси, качки и ружне штатство. Зачекай, пане, я заразъ повруценъ. Панъ штабсь-капитанъ Устиновъ пшыходилъ до пана. А я повѣдзялемъ му, же панъ поѣхалъ на полеваніе. Онъ казалъ отдать пану листъ ¹⁾.

Все это еврей проговорилъ скороговоркой, задыхаясь и размахивая руками.

¹⁾ Зачѣмъ стрѣлять, когда ничего нельзя убить. Порохъ дорого стоитъ. И вѣдь говорилъ, для чего ѣздить на охоту, когда нѣтъ собакъ. А на той сторонѣ и гуси, и утки, и всякая птица есть. Подождите, я сейчасъ вернусь. Штабсь-капитанъ Устиновъ приходилъ къ вамъ. А я сказалъ ему, что вы поѣхали на охоту. Онъ вамъ велѣлъ письмо отдать.

— Захвати-ка спичекъ, Давидка,—крикнулъ Султановъ убѣгавшему еврею, усаживаясь на челнокъ и собираясь покурить.

Давидка обернулся и пустился улепетывать еще шибе, точно кто гвался за нимъ по пятамъ. Полю длиннаго чернаго кафтана его, доходившія до земли, развѣвались по воздуху.

— Глупый жидокъ,—размышлялъ Султановъ:—ну, кто его гонить. Все равно больше двугривеннаго я ему не дамъ, и это онъ отлично знаетъ. Но нѣтъ, это у нихъ такая ужъ мерзкая манера юлить, суетиться, льстить. Терпѣть не могу жидовъ,—заклучилъ онъ.

Дорожка, по которой бѣжалъ Давидка, извивалась по косогору, поднимаясь къ верху. Впереди виднѣлось нѣсколько сѣрыхъ деревянныхъ домишекъ, съ гнилыми, покрытыми сизыми и зелеными грибами крышами. Плохо сколоченный заборъ окружалъ постройки, которыя находились по эту сторону водянаго рва, внѣ крѣпости. Султановъ зналъ, что тутъ помѣщается дровяной дворъ Хаима-Арона, отца Давидки. Онъ вспомнилъ, что этотъ еврей доставлялъ дрова и всякій лѣсной матеріалъ въ крѣпость, и ему это показалось теперь страннымъ.

— Почему бы въ самой крѣпости не завести такого двора. Все равно Хаимъ-Аронъ торгуетъ на казенныя деньги. Зачѣмъ ему платить лишнее. И если будетъ объявлена война, всѣ постройки вокругъ крѣпости должны быть снесены въ двадцать четыре часа. Не останется же послѣ того крѣпость безъ дровъ. А хорошо, еслибъ объявили войну. Во-первыхъ, не было бы такой ужасной, мертвящей скуки, во-вторыхъ...

Но тутъ передъ умственнымъ взоромъ Султанова мелькнуло все то, что навѣвало эту скуку, и онъ поморщился.

Ему представился вымощенный крѣпостной дворъ съ одиноко стоявшимъ посреди него соборомъ, мрачныя казармы съ длинными, сырыми корридорами, маленькіе казематы со сводами, каждый на двухъ холостыхъ оберъ-офицеровъ, со скудной мебелировкой, состоявшей изъ походной койки, бѣлаго деревяннаго стола солдатской работы и нѣсколькихъ колченогихъ стульевъ, купленныхъ по сходной цѣнѣ у еврея въ мѣстечкѣ. Потомъ въ его воображеніи явилось грязное, затхлое военное собраніе, куда сходились обѣдать и играть въ карты офицеры и чиновники, угрюмая гауптвахта, на которой такъ часто приходилось отбывать суточное тягостное дежурство.

— Боже мой,—думалъ съ тоской онъ:—какъ я могъ рѣшиться пріѣхать сюда? И когда мнѣ удастся перевестись куданибудь?

Потаривъ въ карманѣ, онъ нашель коробку съ уцѣлѣвшей спичкой. Онъ закурилъ папиросу, размышляя, почему такъ долго не возвращается Давидка.

На косогорѣ показались двѣ женскія фигуры. Султановъ издала своими зоркими глазами разглядѣлъ, что это старуха и молодая

дѣвушка, и что обѣ еврейки. Старуха жилистая, сутулая, въ темномъ ситцевомъ платьѣ, несла на коромыслѣ ведра. Ея большое, длинное лицо съ горбатымъ, костистымъ носомъ и тусклымъ взглядомъ не имѣло ничего интереснаго для Султанова, который немедленно обратилъ свое вниманіе на молодую.

Ей было лѣтъ пятнадцать. Гибкая, стройная, съ матово-янтарной кожей, знойными большими миндалевидными глазами, она вполнѣ олицетворяла тотъ чистый восточный типъ еврейской красоты, который встрѣчается все рѣже и рѣже. Нѣжныя блѣдно-смуглыя руки выступали изъ широкихъ рукавовъ ея свѣтлаго платья. Пышная тяжелая черная коса спускалась ниже ея тонкой талии, перехваченной широкимъ кожанымъ ремнемъ. Высокая грудь ея вздымалась отъ скорой ходьбы.

Султановъ заглядѣлся на красавицу. Сердце въ немъ замерло и сильно забилось.

Старуха наполнила ведра водой и, глухо кашлянувъ, понесла ихъ назадъ. Дѣвушка оглянулась и устрѣмила долгій пристальный мерцающій взглядъ на молодаго офицера. Казалось, она узнала его. Щеки ея облились яркимъ румянцемъ.

Султановъ не отрывалъ отъ нея глазъ. Докуренная папироса жгла его пальцы. Онъ не замѣчалъ этого.

Дѣвушка повернулась и ушла за старухой. Только тогда онъ очнулся.

— Какъ хороша, проклятая жидовка,—со вздохомъ подумалъ онъ, слѣдя разгорѣвшимся взоромъ за тонкой высокой фигурой, скользнувшей въ калитку дровянаго двора. Чудесное видѣніе исчезло. Султановъ всталъ и, бросивъ съ досадою причинившей ему боль окурокъ, направился къ крѣпостнымъ воротамъ, позабывъ о Давидкѣ.

— Пане поручнику, ото листъ для пана (господинъ поручикъ, вотъ письмо)!—кричалъ тотъ, догоняя его.

— Послушай-ка, кто эта еврейка, вотъ что приходила за водой? Лицо Давидки приняло хитрое и торжествующее выраженіе.

— А цо ладна хороша? Якъ панъ мыслишь?

Султановъ вдругъ разсердился.

— Убирайся къ чорту!

Давидка испуганно пролепеталъ:

— Выбачъ панъ (простите). То моя нажечона (невѣста), цурка (онъ хотѣлъ прибавить: ребе) Берахи зъ Свинарь.

— Твоя невѣста,—медленно и раздѣльно проговорилъ Султановъ:—ну, и женись на ней.

Онъ повернулся и пошелъ къ деревянному мосту, перекинутому черезъ водяной ровъ. Давидка былъ такъ пораженъ его тономъ, что молча въ полномъ недоумѣніи развелъ руками и неподвижно стоялъ, не сводя выпученныхъ глазъ съ удалявшагося поручика.

II.

Султановъ миноваль мостъ, прошелъ черезъ крѣпостныя ворота въ главномъ валу и вступилъ въ узкую, темную арку, замкнутую съ наружной и внутренней стороны массивными желѣзными створами. Эта арка, напоминавшая большой туннель, пересѣкала поперекъ казармы съ казематами, гдѣ жили солдаты и офицеры, и складывались военные и жизненные припасы. Эти казармы почти сплошнымъ кольцомъ окружали крѣпостной дворъ. Ихъ въ свою очередь окружалъ снаружи главный валъ, колоссальная насыпь съ гладкими обложенными дерномъ откосами и упомянутый водяной ровъ. Все это вмѣстѣ представляло крѣпость. Всю силу ея, какъ и каждаго другаго отдѣльнаго военнаго укрѣпленія, составляли ровъ и валъ. Во рву для увеличенія его оборонительнаго значенія были построены каменные сводчатые постройки, редюиты и капониры. Въ этихъ казематахъ тоже жили офицеры. Небольшой бульваръ пересѣкалъ дворъ, соединяя ворота на противоположныхъ концахъ крѣпости. Онъ былъ усаженъ маленькими красивыми пирамидальными тополями.

Султановъ ощупаль въ карманѣ письмо, поданное Давидкой, и, вынувъ его, разорвалъ конвертъ. Устиновъ писалъ кратко: «Любезный Магометъ, пришлите мнѣ второй томъ Гейне, который вы взяли на прошлой недѣлѣ».

— Схожу къ нему самъ,—подумаль Султановъ:—кстати я его давно не видалъ.

Въ сущности онъ хотѣлъ подумать не то, а именно: «кстати спрошу его, какого онъ мнѣнія о евреяхъ», но, устыдившись своей слабости (онъ сознавалъ, что «проклятая жидовка» овладѣла его воображеніемъ), поручикъ не хотѣлъ останавливаться на мысляхъ, которыя могли бы имѣть хоть косвенное отношеніе къ еврейкѣ.

Онъ свернулъ съ бульвара и, поднявшись по грязной скользкой лѣстницѣ, вошелъ въ мрачный корридоръ. Налѣво въ казематахъ, выходящихъ на дворъ и снабженныхъ огромными отъ полу до потолка окнами, закругленными наверху, помѣщались офицеры, а направо въ казематахъ, глядѣвшихъ узкими амбразурами (отверстіе для дула пушки) въ поле, жили денщики. Здѣсь же были офицерскія кухни.

Султановъ вошелъ въ свою комнату, не снимая фуражки, повѣсилъ ружье надъ кроватью, покрытой дешевымъ тигровымъ одѣяломъ, и взялъ съ бѣлой некрашеной полки на шнуркахъ книгу Гейне. Молодцеватый денщикъ его, услыжавъ шаги поручика, выглянулъ изъ-за двери.

— Орѣшкинъ,—обратился къ нему Султановъ:—я ухожу къ штабсъ-капитану Устинову и приду поздно. Если пришлютъ отъ полковника, ты добѣги.

— Слушаю-съ.

— Не смѣй никуда уходить. Смотри, не застапу тебя, завтра же подь ранецъ.

— Не извольте сумлѣваться, ваше благородіе, — отвѣтилъ не сморгнувъ Орѣшкинъ.

Султановъ вышелъ. Орѣшкинъ выждалъ, пока онъ скрылся въ воротахъ, наблюдая за поручикомъ изъ его каземата, и затѣмъ, ухарски нахлобучивъ свой блинъ, отправился съ веселымъ сердцемъ въ писарскую команду, гдѣ затѣвался вечеръ съ танцами по подпискѣ и съ обязательнымъ приглашеніемъ всѣхъ смазливыхъ горничныхъ и кухарокъ въ крѣпости.

До форта № 2, гдѣ жилъ Устиновъ, было около двухъ верстъ. Сначала путь шель по шоссе къ станціи желѣзной дороги, переѣхавшему гласисъ, второй небольшой широкой и плоской валъ, прикрывавшій ровъ; потомъ надо было свернуть въ сторону.

Вокругъ крѣпости было уже пять или шесть фортотъ и строились еще новые. Эти форты должны были составить первую преграду непріятелю. Безъ нихъ крѣпость при усовершенствованныхъ дальнотбойныхъ орудіяхъ была бы слишкомъ слаба. Каждый фортъ представлялъ въ своемъ родѣ крошечную отдѣльную крѣпость съ наружнымъ рвомъ, валомъ и казематированными постройками.

Въ полѣ было пусто и темно. Наступала теплая безлунная ночь. Ближайшее еврейское неугомонное мѣстечко лежало по другую сторону крѣпости, а тутъ тянулась огромная пустынная равнина, перерѣзанная молчаливой пустынной рѣкой. Глухая тишина стояла кругомъ. Сумракъ и безмолвіе навѣвали печаль.

Султановъ не разъ ходилъ къ Устинову и скоро добрался до форта. Часовой у воротъ безпрепятственно пропустилъ его, разглядѣвъ во тьмѣ офицерскіе погоны. Узкій дворъ былъ огражденъ съ одной стороны высокимъ валомъ, а съ другой казармой, сходящимися подь угломъ. Султановъ вошелъ въ корридоръ и поступался къ Устинову, который тотчасъ самъ отворилъ ему дверь.

Комната у штабсъ-капитана была большая, со сводомъ, казавшимся выше и глубже отъ свѣта лампы, прикрытой зеленымъ стекляннымъ колпакомъ. Въ ней не было почти никакой мебели, кромѣ дивана, на которомъ спалъ Устиновъ, письменнаго стола и нѣсколькихъ складныхъ кожаныхъ стульевъ. На стѣнахъ висѣли гравюры великихъ людей, ученыхъ по преимуществу.

Устиновъ слылъ среди своихъ товарищей артиллеристовъ за умнаго и дѣльнаго офицера, и на самомъ дѣлѣ на первый взглядъ производилъ такое впечатлѣніе. Онъ былъ очень высокаго роста, худъ и смуглъ. Давно нестриженные изсѣбарусые волосы космами окаймляли его длинное скуластое лицо съ рѣдкой рыжеватой бородкой. Темные очки скрывали его узкіе съ красноватыми вѣками желтоватозеленые глаза. Говорилъ онъ медленно, вслушивался и

взвѣшивалъ каждое слово собесѣдника. Замѣчанія его были обыкновенно кратки. Казалось, что онъ постоянно углубленъ въ себя, что въ немъ таится что-то, и собственно эта манера сдѣлала ему его репутацію.

Устиновъ сидѣлъ, свѣсивъ ноги, на окнѣ и разговаривалъ съ полудежавшимъ на диванѣ незнакомымъ Султанову господиномъ. Это былъ человекъ лѣтъ тридцати, крѣпкій, худошавый, съ быстрыми, живыми глазами. Узкое къ подбородку, блѣдное лицо его выражало умъ и энергію. Густые съ просѣдью темнорусые волосы были зачесаны назадъ и тамъ были острижены почти подъ гребенку. Широкой, синій мохнатой матеріи пиджакъ и сѣрые брюки дополняли его наружность.

— Вотъ, рекомендую,—сказалъ Устиновъ Султанову:—мой другъ и пріятель, Дмитрій Ивановичъ Якутовъ. Вмѣстѣ были въ гимназіи, а теперь привелось вновь встрѣтиться.

— Давно вы у насъ?—спрашивалъ Султановъ, съ удовольствіемъ глядя въ открытое лицо гостя.

— О, нѣтъ, я только вчера пріѣхалъ. Я работалъ въ Люблинѣ въ архивахъ и вотъ на пути въ Варшаву вспомнилъ, что въ этой богоспасаемой обители находится мой другъ Устиновъ, и завернулъ сюда. Насилу разыскалъ его.

— Вы надѣ чѣмъ собственно теперь работаете?—осторожно освѣдомился Султановъ.

— Я собираю матеріалы для исторіи евреевъ въ Польшѣ.

— Вы еще не знаете его, Магометъ,—подхватилъ Устиновъ,—это такой талмудистъ, или, какъ называется, талмудъ-хахамъ. Начнетъ говорить, слова не вставишь.

— Ну, ты преувеличиваешь,—скромно отозвался Якутовъ:—конечно, спеціальныя свѣдѣнія необходимы, безъ нихъ ничего не подѣлаешь, но до настоящаго знанія мнѣ далеко.

— Вотъ вашъ Гейне,—сказалъ Султановъ, кладя томикъ на столъ.

— Садитесь, благодарю васъ за книгу,—отвѣтилъ Устиновъ:—хотите чаю? Я велю.

— Велите.

Устиновъ повернулъ голову къ углу, противоположному отъ двери, и тихо, но отчетливо произнесъ:

— Перепелица, самоваръ.

Въ кухнѣ по другую сторону корридора послышалось движеніе. Денщикъ вошелъ въ корридоръ, полуотворилъ дверь въ комнату штабсъ-капитана, просунулъ голову, отвѣтилъ «слушаю-съ» и скрылся.

— Странныя акустическія свойства имѣютъ иной разъ эти казематы,—проговорилъ Устиновъ:—вы видите, отсюда до кухни порядочное разстояніе. Если просто позвать даже громкимъ голосомъ

Перепелицу, онъ не услышитъ. Но если звуки рѣчи направить въ этотъ уголь, они совершенно ясно отдадутся въ томъ казематѣ. Да смотрите сами.

Онъ обернулся къ двери и крикнулъ:

— Перепелица, болванъ, иди сюда сію минуту!

На кухнѣ никто не отозвался.

— Да, это интересно,—проговорилъ Султановъ.

— Перепелица, туфли, — тихо произнесъ Устиновъ, по направленію къ таинственному углу. Дверь тотчасъ отворилась, и въ казематъ вошелъ денщикъ съ туфлями.

На лицахъ слуги и барина лежалъ тонкій оттѣнокъ самодовольства.

— Ужъ не сговорились ли они? — подумалъ Султановъ. Ему стало скучно. Этотъ казематъ такъ походилъ на его собственный. Впрочемъ онъ имѣлъ еще болѣе унылый видъ, такъ какъ упирался окномъ въ откосъ вала, находившагося отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ.

— У капитана Воробьева, — продолжалъ Устиновъ, погруженный въ акустическія размышленія: — надо говорить въ потолокъ. Въ углы не дѣйствуетъ. Мы это испробовали на опытѣ. У поручика Тюрикова надо говорить подъ кровать (у него за печкой у лѣвой стѣны кровать). У капитана Ерша надо говорить, это крайне удивительно, какъ вы думаете, куда?

— Какого вы мнѣнія о евреяхъ? — неожиданно перебилъ Султановъ, обращаясь къ Якутову.

— То-есть, какъ это? — промолвилъ нѣсколько озадаченный этимъ вопросомъ Устиновъ.

— Это длинная матерія. Тутъ надо выбирать одно: или говорить, или не говорить,—произнесъ Якутовъ.

— Говорите, пожалуйста,—очень вѣжливо попросилъ Султановъ.

Устиновъ пожалъ плечами, какъ бы удивляясь такому обороту разговора и сожалья, что его гость не хочетъ знать, куда надо говорить у капитана Ерша. Помолчавъ, онъ сказалъ:

— Еврейскій вопросъ, по моему мнѣнію, одинъ изъ самыхъ трудныхъ социальныхъ вопросовъ.

Тутъ онъ остановился и, не будучи въ силахъ удержаться, прибавилъ:

— У капитана Ерша надобно выйти въ корридоръ.

— Въ корридоръ?—спросилъ озадаченный въ свою очередь Султановъ.

— Подумайте, какъ это неудобно. Тутъ лежишь, повернешь голову и готово, а тутъ извольте-ка вставать.

— Причемъ же тутъ сложный социальный вопросъ?—произнесъ Султановъ.

— Ахъ, вы все объ евреяхъ. Да, что это вамъ вздумалось?

— Я сегодня вечеромъ встрѣтилъ одну жидовку и влюбился. Изумительная жидовка!

— Ну! — недовѣрчиво протянулъ Устиновъ, поглядывая на гостя.

— «А что, чего добраго, ты и влюбился,—подумалъ онъ:—отъ тебя станеть. И женщины такихъ любятъ: некультурныхъ, прямыхъ, дѣйствующихъ и не думающихъ».

— Видите, Устиновъ, — продолжалъ поручикъ: — я вѣрю въ предчувствія. Сегодня я отправился на охоту. Усталъ, не убилъ ничего. Тоска меня одолѣла. Сѣлъ я на берегу, въ крѣпость идти не хочется, а тутъ эта жидовка — жгучая, огненная, глядитъ-пепелить.

— Ахъ, вы азіатъ,—ласково промолвилъ Устиновъ, нѣсколько успокоенный: ненавистникъ женщинъ, онъ втайнѣ обожалъ ихъ, но предпочиталъ нѣжныхъ блондинокъ. — И вкусы у васъ азіатскіе: жгучая, огненная.

— Давидка сказалъ мнѣ, что она его невѣста,—говорилъ, не слушая, Султановъ:—это чортъ знаетъ что такое!

— Что васъ возмущаетъ?—спросилъ Якутовъ.

— Онъ уродъ, она красавица.

— Это обыкновенная исторія. Но мнѣ странно, почему именно теперь васъ заинтересовалъ еврейскій вопросъ?

— Да такъ, мнѣ просто хочется послушать о евреяхъ. Вы, говорятъ, знатокъ, изучаете, можетъ быть, каббалу, талмудъ, водитесь съ раввинами. А я вѣдь не имѣю никакого опредѣленнаго мнѣнія объ евреяхъ. Я только не люблю ихъ за грязь, торгашество и лицемеріе.

— Это вы вѣрно замѣтили,—сказалъ Якутовъ.

— Ну, скажите, напримѣръ, мнѣ, что такое талмудъ. Представьте, вѣдь я и этого не знаю. Жидовское это евангеліе, или чтонибудь въ этомъ родѣ? Я никогда ничего объ этомъ не слыхалъ.

— Извольте я вамъ скажу. Если мы къ библіи присоединили бы полный сводъ законовъ Россійской имперіи, всѣ записанные обряды и обычаи русскаго народа, то это бы отчасти подходило къ талмуду, но далеко не исчерпывало бы его, потому что талмудъ по своему существу безконеченъ. Безконеченъ онъ вотъ въ какомъ смыслѣ. Основная идея талмуда развивать посредствомъ «знаковъ» новыя предписанія изъ старыхъ. Тутъ, голубчикъ, самъ чортъ ногу сломить.

— Но я еще не вполне понимаю, въ чемъ дѣло, — произнесъ Султановъ.

— Слушайте дальше. Талмудъ—*corpus juris* іудейства, талмудъ заключаетъ обрядовую сторону религіи, всѣ черты быта, сказанія, легенды, преданія, пѣсни, стихи. Въ извѣстномъ смыслѣ вся еврейская литература—это талмудъ.

— Опять я ничего не понимаю. Какъ можно жить и руководствоваться книгой, въ которой вся литература?—проговорилъ Султановъ.

— Кто вамъ сказалъ, что талмудъ книга? Въ вавилонскомъ талмудѣ двѣнадцать фоліантовъ, имѣющихъ 2.947 листовъ in folio.

— На какомъ языкѣ?

— На западно-арамейскомъ, халдейскомъ нарѣчіи. Но постойте, я сперва въ двухъ словахъ расскажу вамъ исторію талмуда. Начало его совпадаетъ съ возвращеніемъ евреевъ изъ плѣна вавилонскаго. Священнослужители, члены синедріона и всѣ, кто умѣлъ писать, записывали, что случалось: этотъ—легенду, этотъ—обрядъ, этотъ—законъ. Такъ мало-по-малу накопилось множество записей, не имѣющихъ никакой связи, кромѣ той, что онѣ такъ или иначе отражали еврейскую жизнь. Но еще болѣе передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе устныхъ преданій. Около Рождества Христова первый собралъ въ письмена весь матеріалъ талмуда еврейскій ученый Гилель I. Его огромное трудное дѣло продолжалъ Акиба, а кончилъ Іегуда-га-Нази святой (рабби) около 200 года послѣ Рождества Христова.

— Почему вы все говорите «около» да «около», не сообщая точныхъ цифръ?

— Точныя цифры въ дѣлахъ вѣры запрещены еврейскимъ закономъ. Еврей отецъ не имѣетъ права даже знать числа своихъ дѣтей.

— Что вы говорите, это невозможно?

— Законъ этого требуетъ. Оттого у насъ и выходитъ всегда путаница съ еврейскими метриками. Но не перебивайте меня. Іегуда собралъ все необходимое и только. Съ этихъ поръ мы можемъ различать болѣе явственно въ талмудѣ два элемента: законодательный и религіозно-поэтический. Первый—это Мишна, содержащая законы и обычаи, второй—Гемара, заключающая критику всего этого. Послѣ восьмисотлѣтняго существованія Мишны накопилось множество устнаго матеріала (вспомните основной принципъ талмуда въ самомъ широкомъ смыслѣ развивать новыя предписанія изъ старыхъ). Этотъ матеріалъ составилъ второй кодексъ, внѣшнюю Мишну (борайта). Сюда надо присоединить дополненія Тосефту, потомъ Галахи...

— Какой это странный органическій наростъ на наростѣ,—замѣтилъ Султановъ:—но продолжайте, пожалуйста.

— Когда Мишна обратилась въ кодексъ, на сцену явилась казуистика. Образовалась Гемара, или критика іерусалимская, лѣтъ черезъ четыреста послѣ Р. Х., на восточно-арамейскомъ и вавилонская приблизительно около этого же времени на западно-арамейскомъ нарѣчіи.

— Постойте. Вы раньше сказали, что въ талмудѣ двѣ главныя

части: Мишна — законы и Гемара — критика. Стало быть, пока Мишна въ обоихъ талмудахъ, вавилонскомъ и іерусалимскомъ, была одна, а Гемары разныя?

— Вы хорошо слѣдите. Да, почти такъ. Но іерусалимскій уже былъ гораздо короче. Затѣмъ разница начала все возрастать. Вавилонскій талмудъ сталъ въ четыре раза больше іерусалимскаго, и оба они изъ Палестины перешли съ евреями въ Европу. Затѣмъ попережнему талмудъ съ каждымъ годомъ все росъ. Безконечныя объясненія, трактаты, толкованія, комментаріи, такъ увеличили его, что теперь онъ въ десять разъ больше Мишны, въ ея первоначальной редакціи,—Мишны, написанной на чистомъ древне-еврейскомъ языкѣ.

— Скажите, какъ народъ принималъ и принимаетъ новыя предписанія, развиваемыя изъ старыхъ?—спросилъ Султановъ.

Якутовъ помолчалъ.

— Это не легкій вопросъ. Достоверно одно, что талмудъ никогда не былъ признанъ націей ни посредствомъ общаго, ни частнаго собора. Подумайте, о какой силѣ духовной власти говорить этотъ замѣчательный фактъ. Благодаря этой силѣ, благодаря тому огромному вліянію и уваженію, какимъ пользуется среди фанатической, темной, невѣжественной массы еврейскаго народа сословіе садиковъ, раввиновъ, когеновъ, они могутъ дѣлать, что хотятъ. Между собой же они постоянно находятся въ тѣсной связи.

— Послушайте, вы говорите слѣдующее: въ талмудѣ есть все. А если чего нѣтъ, то это сейчасъ можно извлечь посредствомъ новыхъ предписаній изъ старыхъ. Такъ ли это?

— Вполнѣ такъ. Но что васъ собственно поражаетъ? Основная идея всякаго закона—безконечное развитіе. Возьмите «Уложеніе Алексѣя Михайловича»; прослѣдите, какъ съ тѣхъ поръ мы далеко ушли впередъ. Тогда фальшивымъ монетчикамъ заливали горло растопленнымъ металломъ, а теперь ихъ преспокойно отправляютъ въ Сибирь.

— Ахъ, я не про то. Тайнства у насъ не измѣняются. А вѣдь по вашему выходитъ, всякому закону можно дать религіозную окраску. Это страшная сила.

— Представьте, такъ и есть.

— Слушайте, правда, евреи убиваютъ христіанскихъ дѣтей?

Якутовъ пожалъ плечами.

— Почему я знаю, въ талмудѣ этого нѣтъ.

— Нѣтъ, но... выразительно сказалъ поручикъ.

— Какой вы наивный, Султановъ, — вмѣшался Устиновъ:— вамъ вѣчно надо ставить точку надъ і. Поставьте хоть разъ сами. Впрочемъ, я не раздѣляю вашего предположенія.

— Ну, а правда ли, что евреямъ предписывается вредить гоямъ, лгать, обманывать, обирать ихъ? Правда ли, что талмудъ все разрѣшаетъ, когда это клонится къ выгодамъ израиля?

Якутовъ, помолчавъ, сказалъ:

— Вы—странный человекъ. Въ вашемъ коранѣ (Султановъ засмѣялся) все ясно: дѣлай столько-то омовеній въ день, не пей вина, умрешь съ мечемъ въ рукахъ, сражаясь за исламъ, прямо попадешь въ рай. Въ еврейскихъ священныхъ книгахъ нигдѣ ничего точно не сказано. Все одни намеки: и да, и нѣтъ.

— Отчего это?

— Съ одной стороны, отъ характера еврейской природы, а съ другой—изъ боязни, чтобъ писаніе не попало въ руки враговъ и не подверглось посмѣянію. Но, конечно, главнымъ образомъ это произошло отъ непреодолимой еврейской страсти къ словеснымъ вывертамъ и пустоцвѣтамъ краснорѣчія. Да вотъ, хотите имѣть понятіе?

Говоря это, Якутовъ вынулъ изъ чемодана еврейскую книгу и, пробѣгая глазами строчки справа налево, нѣсколько запинаясь и переводя текстъ прямо порусски, прочелъ:

«Что есть святой духъ? Десятью именами обозначенъ въ писаніи святой духъ: парабола, сравненіе, загадка, рѣчь, языкъ, отраженіе, вельнѣе, видѣнѣе, пророчество и представленіе». Не угодно ли теперь сказать, что такое святой духъ? Еврейскій школьникъ въ хедерѣ молчитъ, потѣетъ, ломаетъ голову и ждетъ толкованія меламеда, который самъ чрезвычайно любитъ діалектическую гимнастику. Вотъ онъ начинаетъ сводить къ одному знаменателю эти опредѣленія. Очевидно, рѣчь, языкъ, пророчество и вельнѣе—это вещи однородныя. Значитъ, духъ есть слово. Парабола, сравненіе, загадка—тоже вещи, близкія между собой. Отсюда—духъ есть тайна. Затѣмъ остаются: отраженіе, видѣнѣе, представленіе. Это уже понимается легко: духъ есть образъ, т. е. ему свойственно воплощеніе.

— Казуистика, — проговорилъ вяло Султановъ. Напряженіе, съ которымъ онъ вникалъ въ то, что объяснял Якутовъ, утихло его.

— На каждомъ шагу. Одинъ учитель говоритъ: выше всего стоитъ благочестіе сердца. Другой возражаетъ: нѣтъ, смиреніе выше всего, даже выше святаго духа. Все это написано у нихъ. Отъ этихъ словъ не можетъ отречься самый ярый талмудистъ. Но слушайте далѣе. Какъ рѣзко выступаетъ барышническая, гешефтная сторона ихъ характера въ талмудѣ, напимѣрь, смотрите:

«Неужели Господу пріятны кровь и мясо жертвоприношеній?—спрашиваетъ пророкъ.—Нѣтъ, они жертвовали прежде демонамъ и дьяволамъ, и Господь сказалъ: «принесите ваши жертвы лучше мнѣ. Тогда вы, по крайней мѣрѣ, будете жертвовать кому слѣдуетъ». Каковъ Господь?

Султановъ всталъ. Голова у него болѣла. Остывшій пустой самоваръ хмуρο стоялъ на столѣ.

— Пойдите, посидите еще, — говорилъ расходившійся Якутовъ:— вы мнѣ не дали еще ничего сказать.

— Повидно, мнѣ далеко идти.

— Пустяки, я доведу васъ, — сказала Устиновъ. — Эй, Перепелица!

Сонный денщикъ не замедлялъ явиться.

— Поди, скажи Смекалову, чтобъ заложилъ «Барабанщика». Я поѣду.

— Въ шарабанъ прикажете?

— Въ шарабанъ, и смотри— живо.

Перепелица исчезъ.

— Счастливые вы, артиллеристы. У васъ лошади есть, — сказалъ поручикъ:— а мы, саперы, должны ходить пѣшкомъ.

— Ну, на войнѣ вы ѣздите.

— Только офицеры. Да и какое это утѣшеніе. Вотъ вы захотѣли ѣхать, и лошадь къ вашимъ услугамъ. А я вотъ вздумалъ третьяго дня отправиться къ Селецкому и не могъ. Не пѣшкомъ же идти: до его фольварка пять верстъ.

— Погодите, договоримъ о евреяхъ, — промолвилъ задумчиво Якутовъ. — Вы меня спросили, убиваютъ ли они христіанскихъ дѣтей, и я сказалъ, что указанія на это нигдѣ въ талмудѣ нѣтъ. Но въ другихъ сочиненіяхъ есть. Въ еврейской книгѣ «Чинъ Пасхи» есть рисунокъ, изображающій царя съ короной на головѣ, стоящаго въ ваннѣ. Кругомъ него дѣти, изъ отворенныхъ жилъ которыхъ брызжетъ кровь. Вдали плачущія матери. Рисунокъ меня заинтересовалъ, и я сдѣлалъ съ него снимокъ (книга была не моя). Если хотите—покажу. Но, разумѣется, это фантазія художника.

Онъ порылся въ портфель и досталъ листъ бумаги. На немъ былъ воспроизведенъ рисунокъ древняго типа, безъ тѣней, съ одними контурами, сдѣланными ровными толстыми линиями. Виднѣвшіяся вдали женскія фигуры были изображены въ перспективѣ. Онѣ закрывали себѣ лица руками.

Султановъ съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ это изображеніе.

На дворѣ застучали колеса.

— Лошадь готова, ваше высокоблагородіе, — объявилъ Перепелица.

Офицеры надѣли шинели и вышли изъ каземата. Якутовъ остался дома. Онъ сказалъ, что усталъ и хочетъ спать.

III.

Ночь была сырая и теплая. Небо густо покрылось быстро несущимися тучами. Внизу было тихо, и среди царившей кругомъ тишины слышалось, какъ шумѣлъ наверху вѣтеръ.

— Будеть дождь, — сказаль Устиновъ: — а подумасшь, каково теперь въ Петербургѣ. Навѣрно тамъ морозъ, снѣгу на поль-аршина, вьюга.

Онъ влѣвъ въ казенный шарабанъ, которымъ пользовались всѣ офицеры крѣпостной артиллеріи, равно какъ и другими казенными экипажами. Султановъ помѣстился съ нимъ рядомъ. Часовой отворилъ ворота, и офицеры выѣхали въ поле. Навѣво на желѣзнодорожной линіи кое-гдѣ мелькали огни. Впереди ничего не было видно: глухо спавшая крѣпость сливалась со мракомъ.

Косясь и фыркая, лошадь осторожно шла по гладкой каменной дорогѣ, бѣловатой полосой выдѣлявшейся въ темнотѣ.

Султановъ молча смотрѣлъ по сторонамъ. Вонъ два красныхъ и одинъ зеленый фонарь. Это станція. Тутъ еще никто не спитъ.

Ему представилась большая грязная комната съ буфетомъ и длиннымъ, вѣчно накрытымъ накрахмаленной скатертью столомъ, уставленнымъ тарелками, гипсовыми вазами съ пыльными, яркими искусственными цвѣтами и бутылками якобы иностранныхъ винъ съ разноцвѣтными и золотыми ярлыками, фантастическими названіями и безумными цѣнами, неизмѣнно пребывающими въ ненарушимомъ покоѣ, потому что ихъ никто никогда не спрашиваль.

Онъ вспомнилъ, какъ въ первый разъ пріѣхаль сюда, какимъ живописнымъ показался ему чисто выбѣленный каменный домъ станціи, обвитый дикимъ виноградомъ, обсаженный высокими, стройными пирамидальными тополями, уединенно стоявшій среди громадной низменной равнины. Ему пришли на память и тѣ мелочи, которыми сопровождался пріѣздъ его: разспросы про крѣпость, наемъ «питуха»-еврея, владѣльца полуразвалившейся брички и полуоколѣвшей клячи, путешествіе въ крѣпость.

«Что такое крѣпость?» — тогда онъ спрашиваль себя. Онъ зналъ изъ фортификаціи, что такое крѣпость, французская съ бастіонами и куртинами, или нѣмецкая съ капонирами, но какова была эта и вообще какова бываетъ крѣпость не въ атласѣ и чертежахъ, а въ жизни, онъ совершенно не зналъ.

Теперь все это было ему извѣстно слишкомъ хорошо. Тягучая монотонная жизнь, обученіе солдатъ въ баталіонной школѣ, обученіе, въ которомъ играетъ активную роль не онъ, молодой ученый офицеръ, а старшій унтеръ-офицеръ, его помощникъ, потому что этотъ помощникъ послѣ четырехъ лѣтъ практическихъ работъ въ полѣ зналъ вдесятеро лучше дѣло, чѣмъ зубрившій теоретическіе вопросы въ высшемъ военномъ училищѣ офицеръ. И все это было ему противно особенно теперь, послѣ безцѣльно проведеннаго дня и гнетущаго сознанія, что впереди еще безконечно длинный рядъ такихъ дней.

— Не надо въ крѣпость, — сказаль вдругъ Султановъ: — поѣдемте на станцію. Тамъ, можетъ быть, кого нибудь встрѣтимъ.

— Я и самъ вамъ хотѣлъ предложить это,—отозвался Устиновъ и свернулъ на шоссе, пересѣкавшее гласисъ.

Теперь можно было ѣхать рысью. Около дороги показались неуклюжія деревянныя строенія: трактиръ и мелочныя лавки, выстроенныя изворотливыми евреями, присосѣдившимися къ станціи.

Тутъ виднѣлось нѣсколько телѣгъ съ поднятыми дышлами.

Проѣхали еще немного полей и скоро достигли станціи. Устиновъ привязалъ лошадь къ столбу, поручивъ присматривать за ней сторожу, и отправился съ Султановымъ въ буфетъ.

Ночной поѣздъ только что прошелъ. Лакеи съ измятыми сонливыми лицами убрали тарелки съ остатками кушанья и стаканы изъ-подъ чаю. Жирный, рослый буфетчикъ съ двойнымъ подбородкомъ и польскими усами въ видѣ нафабранныхъ косицъ переговаривался съ своей маленькой испитой постоянно беременной женой, которую едва было видно за огромнымъ самоваромъ.

Пассажиры, ожидавшіе встрѣчнаго поѣзда, спали по угламъ, облокотясь на столы и развалившись на диванахъ.

Въ пыльномъ воздухѣ чувствовался сладковатокислый запахъ пива, разлитой водки, торопливо проглоченной селедки. Еще пахло кожей, крѣпкимъ табакомъ и одеколономъ.

Въ общемъ впечатлѣніе станція теперь производила неблагоприятное: ужъ слишкомъ выставялась домашняя кухонно-трактирная сторона ея, и Султановъ сейчасъ же пожалѣлъ, что отправился сюда.

На платформѣ послышался звонъ шпоръ.

— Ба, это вы!—раздался громкій голосъ.

Въ дверяхъ показался маленькій усатый офицеръ съ краснымъ лицомъ, длинной эспаньолкой и надвинутой на бекрень фуражкой. На немъ былъ темнозеленый саперный скюртукъ съ бархатнымъ воротникомъ, сверху и снизу обшитый краснымъ кантомъ (нижній былъ «ученый», подавшій Тургеневу поводъ къ плохому каламбуру). На новомъ, почти бѣломъ ремнѣ, пропущенномъ подъ правый серебряный погонъ, висѣла на лѣвомъ бедрѣ легкая, похожая на игрушечную пашка. Офицеръ этотъ, поручикъ Игнатовичъ, былъ казначеемъ того баталіона, въ которомъ находился Султановъ. Игнатовичъ былъ полякъ и съ польскимъ гоноромъ носилъ свое военное платье: выпячивалъ грудь, украшенную чрезмѣрно широко разставленными на верху пуговицами и чрезмѣрно узко внизу—совѣмъ на гвардейскій манеръ, спускалъ пашку на португелъ чуть не до полу въ родѣ того, какъ носили сабли, а извѣстно, что волочить за собою по полу гремящую саблю всегда считалось большимъ шикомъ, заламывалъ фуражку, заказывалъ трехъ-вершковый воротникъ и исполнскія шпоры. Бумажникъ у него былъ всегда полонъ мелкими совершенно новенькими кредитками. Въ крѣпости онъ считался большимъ франтомъ и вид-

нымъ женихомъ. Увы, и тамъ было весьма достаточно добродѣтельныхъ дѣвицъ, чайвшихъ движенія воды.

— Вотъ встрѣча,—говорилъ онъ, протягивая Султанову и Устинову руку.—Я тутъ былъ по дѣлу и думаю: неужели придется возвращаться одному?

Возбужденіе, съ которымъ онъ говорилъ, и красное лицо достаточно ясно показывали одну сторону того дѣла, для котораго онъ сюда пріѣхалъ.

— Что-жъ, господа, закажемъ что нибудь?—предложилъ Игнатовичъ.

Устиновъ и Султановъ охотно согласились. Лакей подалъ имъ карточку, и они по офицерской привычкѣ долго копались въ ней, сличая цѣны и выбирая кушанья, не думая о томъ, что всѣ трактирныя карточки на одинъ ладъ, и что кушанья и цѣны въ нихъ неизмѣнны.

Заказавъ телячьи котлеты и мозги съ сухарями, офицеры потребовали водки и венгерскаго. Ужинъ скоро подали. Игнатовичъ ѣлъ и пилъ не хуже другихъ. Разговоръ пока не вязался.

— Какую жидовку я сейчасъ видѣлъ,—сказалъ казначей:—объяденъе. Уѣхала съ этимъ поѣздомъ: глаза большіе, пугливые, черные, носикъ точеный, губки какъ розанъ. И сама такая стройная, гибкая. Прелесть дѣвочка. А съ ней вѣдьма была. Знаете сами, каковы эти жидовскія старухи: носъ крючкомъ, пальцы—когти, глаза, какъ угли, свѣтятся. Ну, вѣдьма, да и все тутъ. Хаимъ-Аронъ ихъ провожалъ. Должно быть, родственники.

У Султанова забилось сердце.

— Это невѣста Давидки,—проговорилъ онъ измѣнившимся голосомъ.

Устиновъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Съ какой стати она пріѣзжала?—сказалъ онъ, не обращаясь ни къ кому:—да врядъ ли она невѣста Давидки. У евреевъ не принято, чтобы молодые люди, вступающіе въ бракъ, знали другъ друга въ лицо. Имъ предоставляется знакомиться лишь въ спальнѣ у брачной постели.

— Ну, когда это бываетъ! Прошли эти времена,—возразилъ Игнатовичъ, въ качествѣ старожилы, относившагося скептически къ свѣдѣніямъ Устинова.

Споръ на этомъ прекратился. Султановъ, которому не удалось разсѣять своего настроенія, предложилъ товарищамъ отправиться въ мѣстечко.

— Не поздно ли будетъ?—замѣтилъ Устиновъ.

— Чѣмъ позже, тѣмъ лучше,—подхватилъ со смѣхомъ Игнатовичъ. — Да въ крайнемъ случаѣ мы можемъ поторопиться. Эй, человѣкъ, счетъ!

Счетъ подали, каждый офицеръ уплатилъ самъ за себя. Буфетчикъ вышелъ изъ-за стойки, провожая желанныхъ гостей.

Игнатовичъ прѣхалъ съ солдатомъ-конюхомъ въ бричкѣ. Устиновъ съ Султановымъ сѣли въ шарабанъ и отправились впередъ.

Было уже за полночь. Небо очистилось отъ облаковъ. Крупныя звѣзды усыпали небесный сводъ. Ихъ было такъ много, и онѣ блестяли такъ сильно, что тонкіе серебристыя лучи ихъ, сливаясь вмѣстѣ, производили нѣжное прозрачное освѣщеніе, имѣвшее въ себѣ что-то фантастическое.

Теперь вся равнина открывалась взору. Вдали темной громадой чернѣла крѣпость, окруженная съ этой стороны деревьями, выросшими на гласисѣ и образовавшими тутъ длинную сосновую рощу. Далеко на горизонтѣ виднѣлись ряды высокихъ тополей, вытянувшихся въ прямыя линіи. Эти линіи то сходились въ треугольникъ, то, пересѣкаясь, воспроизводили другія геометрическія фигуры. Тополями этими были усажены мощеныя дороги, соединявшія панскіе фольварки съ крѣпостью.

Устиновъ вѣхалъ въ одну изъ такихъ узкихъ, высокихъ и теперь ночью при трепетномъ звѣздномъ свѣтѣ особенно красивыхъ аллей. О далекомъ прошломъ говорили эти зеленые великаны, бывшіе безмолвными свидѣтелями столькихъ историческихъ событій. Они говорили о безвозвратно минувшемъ величіи Польши, о безграничномъ владычествѣ пановъ, о презрѣніи ихъ къ бидлу, жалкія лачуги котораго лежали всегда въ сторонѣ отъ этихъ аллей, чтобы своимъ видомъ не оскорбить ясновельможнаго взора. Не разъ, быть можетъ, тутъ проѣзжалъ на прогулкѣ королевскій сынъ безъ имени и короны со своимъ сподвижникомъ, Гришкой Отрепьевымъ, прелестной Маріей Мнишекъ и честолюбивымъ отцемъ ея, помѣстья котораго находились не подалеку. Нѣмые свидѣтели сѣдой старины видѣли и остатки коронныхъ польскихъ войскъ, бѣжавшихъ изъ Варшавы, взятой приступомъ кавказскимъ орломъ, и жалкія банды повстанцевъ, пировавшія въ лѣсахъ на помѣщичій счетъ и разсѣивавшіяся отъ перваго выстрѣла русскаго новобранца.

Странное прошлое, скорбное прошлое...

— Капитанъ, направо, направо!—кричалъ сзади Игнатовичъ.

И, не дожидаясь Устинова, который проѣхалъ мимо мостика на проселочную дорогу, казначей свернулъ въ сторону и поѣхалъ по чистому полю.

Штабсъ-капитанъ остановилъ лошадь и, сообразивъ свою ошибку, пустился догонять Игнатовича по проселку.

Мерцающее сіяніе густо высыпающихъ на небѣ звѣздъ разливалось по полю нѣжнымъ бѣлесоватымъ свѣтомъ, который явственно освѣщаль дорогу, не затемненную деревьями. Воздухъ былъ чистъ и прозраченъ. Синева небесъ свѣтлѣла. Чувствовалось, что

самая темная и глухая пора ночи миновала, и время близится къ разсвѣту. На сосѣдней мызѣ закричали пѣтухи. Скоро показалось мѣстечко. Оно раскинулось въ безпорядкѣ по берегу небольшой извилистой рѣчки. Жалкія мазанки съ выбѣленными стѣнами, не имѣя дворовъ и заборовъ, стояли одиноко то тутъ, то тамъ. Непривычно и странно было видѣть брошенные телѣги прямо на улицѣ, изъ которыхъ недавно были выпряжены загнанныя въ хлѣвъ лошади. Предъ каждымъ домомъ валялись кости, черепки, картофельная шелуха и разные отбросы, иногда покрытые желто-бурой зловонной жидкостью. Полное отсутствіе хозяйскаго глаза сказывалось всюду. Почти на всѣхъ дверяхъ виднѣлось подобіе вывѣсокъ съ перечисленіемъ предметовъ торговли, а также лоскуты кожи, кумача и ситцу—образцы товара. Теперь ночью, когда мѣстечко было погружено въ сонъ, оно производило гнетущее впечатлѣніе. Точно это спалье покрытый рубищемъ нищій, обнажившій свои раны и язвы и продающій яркія безсмысленныя картинки.

— Каковы жиды,—говорилъ Устиновъ Султанову:—глядите, вѣдь ѣсть нечего, и, всетаки, ни одинъ изъ нихъ палець о палець не ударить. Всякій норовить торговлей заняться. Ну, какая тутъ торговля? Кто поѣдетъ въ эту глушь и по такой дорогѣ? А между тѣмъ смотрите: ни у одной лачуги двора простаго нѣтъ, а въ каждой магазинъ для коммерціи.

Лошади быстро бѣжали по пустынной дорогѣ. Одна за другой бѣлыя хатки оставались позади. Онѣ, какъ скирды сѣна послѣ сѣнокоса, далеко виднѣлись и по сторонамъ, вызывая недоумѣніе у непривычнаго путника: невольно являлось предположеніе, что весь уѣздъ покрытъ такими безконечно выростающими изъ земли по мѣрѣ приближенія къ нимъ лачугами.

Но вотъ показался и центръ мѣстечка. Это была большая круглая площадь, залитая жидкой грязью. Ее окаймляли покосившіеся сѣрые дома, выстроенные изъ тесу. Всѣ они сплошь были украшены вывѣсками и лоскутами матерій. Въ торговые дни тутъ, по уши утопая въ грязи, лазили между ногъ понурыхъ лошадей гладкія тяжелыя свиньи. Оборванные крестьяне, подпоясанные веревкой, испуганно сторонились отъ яростно кричащихъ евреевъ съ пейсами въ ермолкахъ, плисовыхъ картузахъ, долгополыхъ кафтанкахъ и, выпучивъ глаза, въ остолбенѣніи брали рваныя засаленныя рублевыя бумажки, отдавая взамѣнъ нихъ возы дровъ, сѣна, соломы, муки и крупы. Все покупали евреи.

Толстый красноносый ребе Мардохай, равнинъ мѣстечка, самодовольно взиралъ на этотъ торгъ съ своего высокаго крыльца, на которомъ его всегда можно было видѣть въ свободное отъ молитвъ время. Но теперь площадь была мрачна и безлюдна. Только дышла телѣгъ, тонувшихъ въ грязи, поднятыя въ верху, какъ бы отчаянно зывали о помощи свыше.

Вотъ площадь осталась позади. Опять пошли одинокія лачужки. Ихъ окружали тутъ вишни и ветлы. Кое-гдѣ попадались яблони и груши. Лоскутовъ на дверяхъ было меньше.

Въ одномъ изъ домовъ виднѣлся огонь. Тутъ слышался громкій разговоръ и шумный смѣхъ.

Игнатовичъ остановилъ лошадь и сказалъ конюху:

— Поди, посмотри, кто тамъ.

Конюхъ скрылся. Подъѣхавшій сзади Устиновъ вылѣзъ изъ шарабана и привязалъ лошадь къ бричкѣ «Барабанщика».

Султановъ лѣнливо и безучастно глядѣлъ на крошечныя съ забитыми ставнями окна. Сквозъ широкія щели видны были мелькающія тѣни.

— Пожалуйте, ваше благородіе,—раздался отчетливый голосъ сапернаго ефрейтора:—тамъ капитанъ Ершъ съ двумя офицерами и однимъ цивильнымъ (штатскимъ) въ карты играютъ.

Хозяйка, толстая кривая еврейка въ желтомъ платьѣ, показала на крыльцѣ и окинула пріѣзжихъ озабоченнымъ взглядомъ, но тотчасъ лицо ея прояснилось. Офицеры вошли въ домъ. Въ немъ было нѣсколько комнатъ. Дверь изъ сѣней открывалась въ помещеніе, представлявшее днемъ мелочную лавку. Тутъ висѣла сушеная рыба, сбурая, связки грибовъ. На полкахъ стояли банки съ вареньемъ, сахарнымъ пескомъ, съ ваксой и помадой. Въ шкапахъ со стеклянными дверцами виднѣлся красный товаръ.

— Мое ушенованіе, Инда,—говорилъ Игнатовичъ, слѣдуя за еврейкой, заглянувшей мимоходомъ въ свою лавочку и заперевшей въ нее дверь на ключъ.

— Бардзо прошень,—отвѣчала любезно Инда:—тыле часу не видзяламъ сановнего пана. Для чего панъ такъ давно не былъ у насъ¹⁾.

— Эй, бабцію Индо, вѣшь польске пшисловіе: чловѣкъ стпеля, а Панъ Бугъ кули носи (человѣкъ стрѣляетъ, а Богъ пули носитъ²⁾).

Султановъ вошелъ въ домъ за другими, брезгливо посматривая по сторонамъ. У Инды было нѣчто въ родѣ деревенскаго трактира, который облюбовали обитатели крѣпости. У нея во всякое время можно было достать вина, закусокъ, здѣсь шныряли жидки факторы, которые всегда были готовы устроить какое угодно дѣло, а главное тутъ удобно было сходитьса военнымъ со штатскими, офицерамъ изъ крѣпости съ управляющими сосѣднихъ имѣній и съ мелкими владѣльцами ближайшихъ фольварковъ.

Въ самой большой комнатѣ за низенькимъ квадратнымъ столомъ съ зеленымъ сукномъ, прибитымъ по краямъ молочно-бѣлыми

¹⁾ Милости просимъ. Я такъ давно не видѣла васъ. Почему вы столько времени не были у насъ?

²⁾ Смыслъ пословицы: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

похожими на пуговики звездами, сидѣли игроки. Они играли въ штосъ, о чемъ прибывшіе догадались съ перваго взгляда: цивильный, красивый бѣлокурый полякъ съ большими усами и наглыми сѣрыми глазами, металъ банкъ направо и налево, держа колоду крапомъ книзу. Понтеры, выложивъ свои ставки, внимательно слѣдили за выходящими картами. Играли по маленькой: по четвертаку очко, по рублю, по два на карту. Въ банкѣ было всего восемь рублей, которые вскорѣ сорвалъ низенькій сѣдой капитанъ, съ живыми блестящими огромными глазами, опущенными огромными сѣдыми бровями. Это былъ капитанъ Ершъ.

— Что, Селецкій, не везеть? — сказала Султановъ банкомету, уступившему свое мѣсто высокому широкоплечему, обросшему черной бородой капитану. Борода его была такъ густа, что покрывала всѣ щеки, и на лицѣ были видны только глаза и кончикъ носа. На капитанѣ былъ надѣтъ очень длинный, съ иголки, военный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы. Бѣлыя выколенные руки его были унизаны брилліантовыми перстнями. Фамилія его была Панкратовъ. Его хорошо знали не только среди военныхъ, но и далеко за предѣлами крѣпости. Онъ игралъ во всѣ игры, начиная отъ винта и кончая шахматами, и никогда не проигрывалъ. Онъ былъ большой охотникъ выпить и поухаживать за дамами.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ прапорщикъ резервнаго батальона, скромный, простоватый юноша, съ большой выстриженной головой и рябоватымъ добродушнымъ лицомъ. Прапорщикъ, видимо, находился въ непривычной обстановкѣ. Онъ былъ возбужденъ, и съ перваго взгляда его можно было принять за пьянаго.

Пріѣзжіе знали всѣхъ игроковъ. Капитанъ Ершъ предложилъ имъ принять участіе въ штосъ. Игнатовичъ потребовалъ вина, и кривоглазая Инда не замедлила принести нѣсколько бутылокъ. Султановъ игралъ вяло, безъ всякаго увлеченія. Селецкій шепотомъ попросилъ у него десять рублей займа, онъ далъ ему ихъ. Когда эти деньги ушли, и Селецкій попросилъ еще, Султановъ отказалъ ему, такъ какъ у него не было больше съ собой. Оба они перешли въ другую комнату, уставленную потертой мягкой мебелью и пропитанную насквозь прянымъ запахомъ корицы и дешевыхъ духовъ.

Султановъ ослабѣлъ отъ выпитаго вина. Ему хотѣлось говорить, и въ душѣ онъ былъ очень радъ, что лишенъ возможности играть.

— Ахъ, — сказалъ онъ, — какъ мнѣ надоѣла эта крѣпость. Сегодня нѣтъ занятій, и весь день я шатался, не зная, куда дѣваться. И хуже всего то, что неизвѣстно, когда отсюда вырвешься.

Онъ замолчалъ и прибавилъ:

— Мнѣ бы хотѣлось влюбиться.

— Зачѣмъ же дѣло стало? — со смѣхомъ сказалъ Селецкій.

Султановъ продолжалъ грустно:

— Нѣтъ, я говорю серьезно. Любовь—это великое чувство, которое перерождаетъ или обновляетъ человѣка. Я никогда не любилъ.

Селецкому опять захотѣлось пошутить, но искренній тонъ Султанова заставилъ его удержаться.

— Я веду такую жизнь,—говорилъ поручикъ:—какой никогда не могъ себѣ представить. Мой предокъ былъ владѣтельный князь, а я только сынъ генерала и живу, какъ всѣ мелкіе офицеры.

— Кажется, у васъ есть средства? — осторожно замѣтилъ Селецкій.

— Что-жъ изъ этого? Да какія у меня средства? Такія, какъ у васъ. Нѣсколько десятковъ тысячъ. У васъ есть фолваркъ, у меня банковый вкладной билетъ. Да я не о томъ говорю. Мнѣ хотѣлось бы испытать свободную привольную жизнь. Ахъ, только теперь я понимаю, что выше всего цѣню свободу. Это говорить во мнѣ степная татарская кровь.

Онъ замолчалъ. Изъ сосѣдней компаніи доносились восклицанія игроковъ и чоканье стакановъ.

— Какую я сегодня жидовку встрѣтилъ,—сказалъ Султановъ:— удивительная красавица! Только жалко, далеко живетъ, кажется, въ Свиныхъ. Я даже не знаю, гдѣ это.

— Что можетъ быть хорошаго въ жидовкѣ!—возразилъ презрительно Селецкій, предпочитавшій всему на свѣтѣ варшавянокъ:— впрочемъ, на безрыбѣ и ракъ рыба. Знаете, что? Пріѣзжайте завтра ко мнѣ и поѣдемте въ Свины. Кстати, мнѣ нужно побывать тамъ.

Это предложеніе чрезвычайно обрадовало Султанова.

— Въ самомъ дѣлѣ это превосходно,—съ оживленіемъ сказалъ онъ:—я непременно поѣду. Только какъ же это устроить? Утромъ у насъ занятія, раньше двѣнадцати мнѣ не выбраться.

— Послѣ двѣнадцати и поѣдемъ. Такъ я васъ буду ждать.

Въ комнату вошелъ прапорщикъ. Лицо его было блѣдно и открыто каплями пота. На губахъ блуждала слабая виноватая улыбка. Онъ глядѣлъ такъ, какъ будто хотѣлъ спросить: «можно мнѣ къ вамъ». Руки его дрожали, и по всему было видно, что онъ сильно утомленъ.

— Какъ дѣла, Ремешковъ?—спросилъ Султановъ:—выиграли? Ремешковъ махнулъ рукой.

— Проигрался. Хоть немного, а всетаки жалко.

Вслѣдъ за нимъ вошелъ Игнатовичъ.

— Не пора ли намъ ѣхать?—сказалъ онъ Султанову.

По его недовольному виду легко можно было догадаться, что онъ тоже не въ выигрышѣ.

— Давно пора,—произнесъ вставая Султановъ.

Они перешли въ слѣдующую комнату. Капитанъ Панкратовъ

собиралъ деньги и неторопливо засовывалъ ихъ въ бумажникъ. Устиновъ и Ершъ допивали свои стаканы. Видно было, что они тоже находятся въ дурномъ расположеніи духа.

Офицеры вышли изъ лавки. На дворѣ разсвѣтало. Желтыя и розовыя полосы тянулись по небу. Наскучившія стоятъ лошади переминались на мѣстѣ. Султановъ сѣлъ въ бричку къ Игнатовичу, и они поѣхали въ крѣпость.

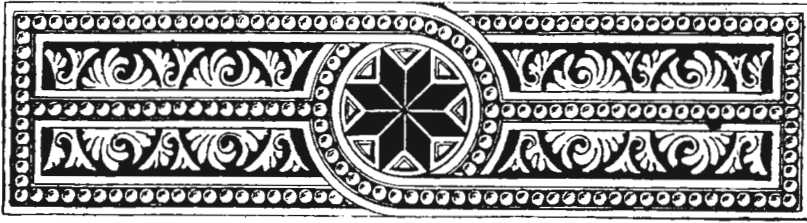
Мѣстечко еще не просыпалось. Не смотря на утреннюю зарю, въ немъ не было слышно ни блеяніи овецъ, ни мычанія коровъ. Безпокойные, рьяные и жадные жидки, весь день бѣгавшіе за гешефтами и устраивавшіе бесполезныя, никому ненужныя дѣла, отъ которыхъ имъ перепадало нѣсколько грошей, забылись крѣпкимъ, тяжелымъ сномъ. И, казалось, этотъ сонъ, воплощенный въ полосѣ тумана, тянувшагося отъ рѣки и медленно плывшаго надъ лачугами, виталъ надъ мѣстечкомъ.

Бричка быстро прокатила по тополевой аллеѣ, миновала мостъ. Часовой распахнулъ тяжелыя ворота. Офицеры приѣхали въ крѣпость. Султановъ вошелъ въ свой казематъ и, лѣниво раздѣвшись, бросился на кровать.

Анатолій Леманъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

XVII.

Страданія отъ ранъ.—Графъ Сологубъ.—Генераль Грекуловъ.—Отправленіе въ Кутансъ.—Вниманіе князя Гагарина.—Турманидзе и его петязанія.—Павія семейства Чавчавадзе.—Высочайшее пособіе.—Побѣда при Кюрукъ-Дара.—Улучшеніе здоровья.—Неожиданная болѣзнь Бреверна.—Отъѣздъ въ Тифлисъ.—Исключеніе меня изъ списка представленныхъ къ Георгіевскому кресту.—Непріятное объясненіе съ княземъ Бяратинскимъ.—Благородство Майдеи.—Отъѣздъ изъ Тифлиса.—Флигель-адъютантъ Александровскій.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Графъ П. Д. Киселевъ.—Князь и княгиня Воронцовы и ихъ дружеское участіе.—Д. А. Милютинъ.—Великая княгиня Марія Николаевна.—Военный министръ князь В. А. Долгоруковъ.—Генераль Катенинъ.

ТАКЪ КОНЧИЛСЯ достопамятный въ моей жизни день 4-го іюня 1854 года, и наступила страшно мучительная и длинная ночь на 5-е іюня, въ теченіе которой въ нашей кельѣ стоялъ общій и непрерывный стонъ. Нетерпѣливо дожидался каждый изъ насъ утра, но оно принесло новыя страданія. Въ девять часовъ, на площади, противъ самой гауптвахты нашей, выстроились все войска для молебствія и парада, причемъ было сдѣлано 101 выстрѣловъ артиллерійскихъ. Отъ нихъ застонала земля, зазвенѣли стекла и заплясали наши кровати, но какъ подѣйствовали они на нашу нервную

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 301.

систему, сказать трудно. Каждый ударь орудія, потрясая организмъ, вызывалъ такія невыносимыя боли въ разбитыхъ членахъ, что послѣ десятаго выстрѣла ни одинъ изъ насъ уже не могъ воздержаться отъ рыданій и отчаянныхъ стоновъ; и такъ продолжалось до самого окончанія побѣднаго торжества на площади. Въ тотъ день рѣшено было, послѣ дневки въ Озургетахъ, отправить всѣхъ раненыхъ въ Кутаисъ, для чего и приступлено было къ изготовленію носилокъ, но прибѣжалъ Боринька и въ отчаяніи сообщилъ о назначенномъ на тотъ же день инспекторскомъ смотрѣ Грекулова, послѣ солдатскаго обѣда. Въ подобное суетливое время могли ли идти на умъ парады и смотры? Врядъ ли когда нибудь инспекторскій смотръ былъ болѣе не кстати, какъ на другой день послѣ сраженія, вырвавшего почти всѣхъ офицеровъ и половину наличныхъ людей изъ строя? Въ теченіе дня насъ посѣтила масса знакомыхъ. Пришелъ побалагурить и графъ Владиміръ Сологубъ. Этотъ гость невольно заставилъ на нѣсколько минутъ забыть физическія страданія и вызвалъ улыбки на запекшихся губахъ нашихъ... Безъ умолку, но игриво и забавно, рассказывалъ онъ намъ разный вздоръ въ прозѣ и стихахъ. Повѣствуя намъ о паникѣ, произведенной среди народонаселенія Тифлиса тревожнымъ извѣстіемъ о прорывѣ черезъ границу и наступленіи на городъ громаднхъ полчищъ курдовъ, онъ будто бы на армянскомъ базарѣ успокоилъ волнующіяся толпы жителей импровизированными стихами, которыхъ, къ сожалѣнію, помню лишь окончаніе:

«Если курды и придуть,—
Не бойся, Грузія народъ!
Тебя навѣрное спасутъ
Реуть, Реуть и Роттъ!»

По поводу своего пріѣзда въ Грузію графъ Сологубъ ожесточенно относился къ враждебнымъ передрягамъ, которыя засталъ между штабами Андронникова и Гагарина. Краснорѣчиво и, конечно, логично выставилъ онъ всѣ невыгодныя послѣдствія этого междоусобія для пользы общаго успѣха на театрѣ войны и тутъ же разсмѣшилъ насъ своимъ экспромптомъ:

«За чьи же прегрѣшенія
Попалъ я въ Кутаисъ,
Гдѣ штабы, до сраженія,
Для пробы подрались?»

Графа Сологуба смѣнилъ вбѣжавшій къ намъ Боринька. Съ веселой, только ему свойственной, улыбкой пустился онъ рассказывать о состоявшемся сейчасъ смотрѣ строгаго педанта Грекулова. Его превосходительство, съ подобающею его чину важною, изволилъ прибыть на площадь къ выстроеннымъ Куринскимъ батальонамъ. Обойдя фронтъ 1-го батальона, гдѣ у каждой роты спросилъ претензіи, генераль пѣтухомъ подошелъ къ 3-му баталіону

и началъ съ строгаго замѣчанія завѣдующему батальономъ, капитану Руденку, что онъ не такъ и не тамъ, какъ слѣдуетъ, встрѣтилъ по уставу инспектора съ рапортомъ. Рудой, никогда не боявшійся встрѣчать непріятеля, всегда труситъ передъ начальствомъ, — растерялся, сконфузился... Генераль сердито обобель 3-ю карабинерную роту и отрывисто скомаандоваль: «справа и слѣва заходи, марш!» — строгимъ голосомъ опросилъ людей и съ суровымъ видомъ направилъ шаги къ слѣдующей ротѣ, но, увидѣвъ выстроенный десятокъ людей, при одномъ унтеръ-офицерѣ, его превосходительство грозно налетѣлъ на нихъ и свирѣпо спросилъ: «это что за команда?» «Это не команда, ваше превосходительство, а 7-я егерская рота, штабсъ-капитана Полторацкаго, которая вчера первую на штурмъ ходила!» — громко отрапортоваль молодчина Чечневъ. «Генераль осѣкся, и, какъ вы думаете, господа? — спросилъ Боринька: — что сдѣлалъ его превосходительство?» Взялъ подъ козырекъ и, сказавъ: «громкія вамъ честь и слава, ребята», — крикнулъ самъ «ура», взбросивъ папаху на воздухъ... Я, я, извините меня, господа, — смущенно оправдывался неподражаемый Боринька, — но я съ этой минуты всѣ прежнія причуды простилъ генералу Грекулову!» Вообще, повидимому, по случаю торжества побѣды всепрощеніе сдѣлалось общимъ. Наканунѣ, въ день Чолокской битвы, по отряду ходила молва о преданіи Дембинскаго-Шьеро военному суду, а на другой день онъ помилованъ, вѣроятно, впрочемъ, съ оговоркой, что «это уже въ послѣдній разъ».

Вторую ночь я провелъ хуже первой. Началась лихорадка съ жаромъ, ознобомъ, бредомъ и такимъ ужаснымъ можженіемъ въ раздробленныхъ костяхъ, что я думалъ не дожить до утра и сталъ даже молить о смерти, какъ прекращеніи всѣхъ этихъ истязаній, но не она, а цѣлая куча мучителей докторовъ явилась утромъ въ нашу мрачную обитель, и началась систематическая перевязка, вызвавшая свѣжіе потоки крови. Я опять лишился чувствъ и, не смотря на нюхательные спирты и втиранія, очнулся уже за чертою города, на 3-й верстѣ Кутаисской дороги.

Описывать семидневное странствованіе отъ Озургеть до Кутаиса я не стану. Большею частью во время тяжкаго похода этого я находился въ забытій, но безъ минуты настоящаго сна, безъ пищи и питья, за исключеніемъ микстуръ по рецептамъ. За пять верстъ до Кутаиса выѣхалъ къ намъ полковникъ Бартоломей, состоявшій по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ, и сообщилъ намъ, что квартира въ городѣ намъ приготовлена въ домѣ военнаго губернатора, очень любезно предложенномъ намъ милѣйшимъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Гагаринымъ. У вѣзда въ городъ насъ встрѣтила значительная толпа мѣстныхъ жителей. При приближеніи нашихъ носилокъ они засуетились, сняли шапки и, крикнувъ «ура», окружили насъ, требуя отъ солдатъ передачи насъ

на ихъ руки. Народъ настаивалъ въ своихъ требованіяхъ и, наконецъ, при вмѣшательствѣ Бартоломея, завладѣлъ нами и на рукахъ понесъ по главной улицѣ Кутаиса. «Стой, стой!»—раздался голосъ сверху. Выглянувъ изъ-подъ навѣса, я увидѣлъ Майделя, который выскочилъ на балконъ занятаго имъ двухъ-этажнаго дома. Съ искреннимъ участіемъ распросивъ меня и Бреверна о состояніи нашихъ ранъ, онъ сообщилъ понѣмецки, что представленіе къ георгіевскимъ крестамъ давно уже послано въ Тифлисъ, и что утромъ сегодня присланъ громкій приказъ по отдѣльному кавказскому корпусу о славномъ сраженіи на Чолокѣ. Насъ понесли далѣе; на дорогѣ адъютантъ князя Гагарина передалъ намъ приглашеніе его занять помѣщеніе въ казенномъ домѣ, куда онъ и проводилъ насъ, окруженныхъ толпою любопытныхъ. У подъѣзда, поблагодаривъ нашихъ почетныхъ носильщиковъ за оказанную намъ великую честь, мы были внесены въ прекрасную, свѣтлую, а главное прохладную комнату, гдѣ стояли двѣ кровати и до послѣдней мелочи все было предусмотрѣнно заботливостью гостепріимной и въ высшей степени любезной княгиней Тассо Гагариной. Самъ дорогой нашъ хозяинъ, князь А. И. Гагаринъ, встрѣтилъ насъ съ лѣвой рукой на перевязи, и мы, къ великому удивленію, только здѣсь узнали, что и онъ раненъ пулею, но, къ счастью, безъ перелома костей.

Рядомъ съ нашимъ помѣщеніемъ, за стѣною, отведена была комната родственнику хозяйки дома, князю Нико Чавчавадзе, всаднику дворянской конной дружины, тяжело раненому въ плечо. О близкомъ сосѣдствѣ его мы узнали только на третій день по внезапно долетѣвшему до насъ его крику. Причина этому явленію не замедлила обнаружиться. Чавчавадзе обратился за помощію къ мѣстному знахарю, который и совершалъ ему операцію вырѣзыванія изъ спины пули. Говорятъ, князь Нико долго крѣпился и терпѣлъ страшную боль безъ малѣйшей жалобы, и только въ послѣднюю минуту испустилъ вопль, но на другой же день этотъ атлетъ, какъ встрепанный, сѣлъ, съ сквозною ранюю, на коня и верхомъ пустился догонять свою дружину. Про комплекцію этого уроженца благословенной Грузіи дальнѣйшихъ коментарій приводить не надо, но и про исцѣлителя его ходить здѣсь громкая слава. Мѣстный житель, имеретинецъ Турманидзе, приобрѣлъ медицинскія свѣдѣнія, которые съ необыкновеннымъ успѣхомъ съ давнихъ поръ онъ уже примѣняетъ, и отбиваетъ практику у нашего медицинскаго персонала. Мы тоже по совѣту друзей отдали себя въ руки туземнаго варвара. Брапніевскій, любимый ученикъ Пирогова, конечно, надулся и пересталъ посѣщать насъ, громко порицая за малодушіе примѣнять цивилизованное леченіе на бессмысленное шарлатанство. Все это насъ не мало раздражало, и хотя мы съ Бреверномъ крѣпились, но въ душѣ и онъ, и я уже сознавали, что слишкомъ опрочметливо отдались леченію Турманидзе.

Въ первыхъ числахъ іюля разнесся слухъ, подтвердившійся на другой же день изустнымъ разказомъ Кулебякина, о страшномъ происшествіи, случившемся на Лезгинской линіи. Партія горцевъ, подъ предводительствомъ сына Шамиля, спустилась съ горъ и въ то время, какъ одна часть ея показалась на плоскости около Алазани и тамъ произвела переполохъ, стянувъ туда всѣ наличныя силы, другая бросилась на Цинондалы, имѣніе князя Давида Чавчавадзе, гдѣ, предавъ все огню и мечу, захватила въ плѣнъ все семейство его и князя Илико Орбеліани и безнаказанно увлекла въ горы. Оплошность непростительная со стороны главы дома, князя Давида, такъ какъ слухи о намѣреніяхъ горцевъ ходили въ краѣ давно, и появленіе чеченцевъ по сую сторону горъ предвидѣлось и даже ожидалось въ прошломъ еще году, когда баронъ Врангель присылалъ меня же курьеромъ съ извѣщеніемъ о сборахъ партій, а впослѣдствіи эти свѣдѣнія, повторившіяся снова, и были причиной странствованія нашего 3-го батальона до Каха. Какъ бы то ни было, но положеніе несчастнаго князя Давида ужасно. Его жена и трое дѣтей, вдова Илико Орбеліани съ сыномъ, княжна Баратова, французженка гувернантка, нянька съ груднымъ ребенкомъ, всѣ въ плѣну, и объ участи ихъ ничего не извѣстно. Когда на Алазани произошла тревога, и самъ князь Давидъ ускакалъ по тому направленію, къ подѣзду дома въ Цинондалѣ уже поданы были экипажи для бѣгства дамъ съ дѣтьми въ Закаталы, но хищные джигиты влетѣли на дворъ и распорядились иначе. Взбросивъ княгиню и всѣхъ дѣтей на сѣдла, они увлекли ихъ въ горы съ такою быстротой, что вернувшіеся съ тревоги Алазанской всадники не могли уже и помышлять о возможности нагнать ихъ. Говорятъ, что князь Давидъ отъ отчаянія близокъ къ сумасшествію.

Надняхъ пріѣзжалъ въ Кутаисъ Гриша Чертковъ съ порученіемъ раздачи денегъ отъ Высочайшаго имени всѣмъ раненымъ, офицерамъ по 150 рублей тяжелымъ и по 100 легкимъ. Познакомивъ Черткова съ Бреверномъ, я вступилъ съ нимъ въ пренія о суммѣ, которую онъ, согласно предписанію, ему данному, обязанъ былъ выдать мнѣ, и Гриша пришелъ къ убѣжденію, что я имѣлъ справедливыя права на пособіе по тремъ ранамъ. Такимъ образомъ, совершенно неожиданно я получилъ 450 рублей, и леченіе знаменитости, какъ Турманидзе, обошлось мнѣ даромъ въ матеріальномъ отношеніи, но не въ физическомъ. Боже, какія страданія вынесъ я по его милости!

Въ послѣднихъ числахъ іюля получена была радостная вѣсть о славной побѣдѣ александропольскаго отряда подъ Кюрукъ-Дара. Турки разбиты на голову и потеряли всю артиллерію, лагерь, обозъ и бездну плѣнныхъ. Непритель былъ въ три раза сильнѣе нашихъ войскъ и началъ съ того, что, вытянувъ длинную, боевую

линію, сталъ обходить наши фланги. Кн. Бебутовъ, находясь въ третьей линіи, очутился около наступающей на тылъ нашъ непріятельской колонны и, какъ говорятъ злые языки, нѣсколько растерялся. Тогда начальникъ штаба его, кн. Бяратинскій, рѣшился, во что бы то ни стало, прорвать центръ турецкой боевой линіи, для чего и пригласилъ ему въ томъ содѣйствовать начальника артиллеріи, генерала Брюммера, и начальника кавалеріи, Багговута, одновременно съ нимъ атакою. Брюммеръ стянулъ къ избранному ими пункту три батареи и повелъ 24 орудія развернутымъ фронтомъ прямо на турецкую армію. Въ поддержку артиллеріи кн. Бяратинскій лично направилъ кавказскую гренадерскую бригаду, а Багговуть на обоихъ флангахъ подготовилъ къ атакѣ кавалерійскія свои части.

Самые восторженные отзывы ходятъ о Брюммерѣ, который въ эту торжественную минуту, когда рѣшался вопросъ: быть или не быть, съ необычайнымъ хладнокровіемъ, впереди наступающей артиллеріи своей, какъ на парадѣ выровненной въ нитку, шагомъ гарцовалъ на великолѣпномъ конѣ; подведя батареи на полтора сажень отъ надвигающейся на насъ турецкой силы, съ барабаннымъ боемъ, въ атаку, онъ остановилъ ихъ, курць-галопомъ отъѣхалъ къ правому флангу и сталъ равнять свои орудія. «Шестое орудіе накати впередъ, одиннадцатое осадн навадъ! Дальнюю картечь! Выровнятся, смирно!»—звонко командовалъ генералъ, не смотря на лѣзущаго непріятели, котораго торжествующія лица уже легко можно было разглядѣть простымъ глазомъ. «Батарея!»—съ выдержкой и протяжно пропѣлъ Брюммеръ:—«пли!» и тотчасъ же: «жай!». Второе «пли» послѣдовало за первымъ и отстранило необходимость въ дальнѣйшемъ дѣйствіи артиллеріи. Два залпа ея изъ массивныхъ полевыхъ 24 орудій, картечью, не только уничтожили стройность первой непріятельской линіи, но поразили вторую и третью, произведя повсюду страшное опустошеніе. Этимъ моментомъ воспользовался князь Бяратинскій. Онъ повелъ гренадерскую бригаду, построенную колоннами, въ штыки и, опрокинувъ непріятели, обратилъ его въ полное разстройство. Пораженіе довершила кавалерія лихими атаками Нижегородцевъ и линейныхъ казаковъ. Турки, разбитые въ центрѣ, не устояли нигдѣ, и съ этой минуты побѣда наша была рѣшена окончательно. Громкіе трофеи, однако, не достались намъ безъ очень чувствительныхъ потерь. Въ числѣ многихъ раненыхъ, Дондуковъ, командовавшій драгунскимъ дивизиономъ, тоже тяжело раненъ. Съ донесеніемъ о славной побѣдѣ подъ Кюрукъ-Дара поскакалъ въ Петербургъ адъютантъ кн. Бебутова, Александровскій, родной братъ Василія, бывшаго походнаго казначея князя Воронцова.

Въ первыхъ числахъ августа знакомый офицеръ Ивановъ писалъ изъ Тифлиса о кавалерской думѣ (состоящей изъ георгіев-

скихъ кавалеровъ), вторично собранной по распоряженію командующаго корпусомъ Реада съ цѣлью сокращенія лицъ, представленныхъ отъ насъ къ Георгіевскому кресту. Въ первое засѣданіе дума судила и рядила и вынесла опредѣленіе сократить 18 чело-вѣкъ на 14; въ число сокращенныхъ вошелъ и нашъ Пелепейко. Второй же разъ кавалерская дума отказала еще двумъ (и помоему совершенно справедливо) князьямъ милиціонерамъ.

Между тѣмъ, срокъ, обѣщанный Турманидзе для совершеннаго излеченія Бреверна, давно истекъ, а онъ не только не былъ здоровъ, но не могъ двинуться съ постели. Что касается моей руки, то одинъ видъ ея приводилъ всѣхъ въ содроганіе. Тиранъ-знахарь оторвалъ до 20 осколковъ костей, но за всѣмъ тѣмъ рана не думала заживать; отдѣленіе матеріи было еще обильнѣе, чѣмъ прежде, а опухоль всей руки отъ пальцевъ до локтя достигла необычайнаго размѣра. Немало стоило намъ дипломатическихъ хлопотъ, чтобы залучить къ себѣ Брашнѣвскаго, который, увидѣвъ состояніе ранъ нашихъ, всплеснулъ руками. Турманидзе мы заплатили половину условленнаго вознагражденія и распростились съ нимъ, поступивъ снова въ распоряженіе Брашнѣвскаго. На другой день онъ пришелъ къ намъ съ двумя ассистентами и приступилъ къ операциіи моей руки, сдѣлавъ сквозной прорѣзъ до ладони. Боль была мучительная, особенно при разрѣзѣ наружныхъ покрововъ, но по совершеніи операциіи, когда вытекла оттуда вода въ размѣрѣ полоскательной чашки, опухоль моментально спала, и общій объемъ руки принялъ болѣе нормальный видъ. Прошло нѣсколько дней леченія, а положеніе не улучшалось. Въ Брашнѣвскомъ я сталъ подмѣчать сначала недоумѣніе, а затѣмъ какую-то рѣшимость предпринять что-то энергичное. Предчувствіе у меня явилось, и я связалъ Бреверна честнымъ словомъ, что какой бы оборотъ ни принялъ курсъ новаго леченія, но онъ ни въ какомъ случаѣ не допуститъ ампутировать моей руки. Мѣра эта оказалась съ моей стороны вполне благоразумной, такъ какъ на другой же день эскулапы явились къ намъ и совершенно скрытно отъ меня пустили въ ходъ ухищренія меня нахлороформировать и отнять руку. Когда я, часъ спустя, пришелъ въ себя и не увидѣлъ подозрительныхъ личностей, Бревернъ рассказалъ мнѣ, что онъ стойко защитилъ меня отъ насилія, грозившаго мнѣ со стороны Брашнѣвскаго, хотѣвшаго уже воспользоваться забытѣемъ моимъ, чтобы пустить въ ходъ припасенные инструменты. Не встрѣтъ онъ протеста моего сожителя, руки бы у меня теперь уже не было. Трудно объяснить причины, по которымъ съ этой минуты состояніе руки стало замѣтно измѣняться къ лучшему, и не далѣе, какъ черезъ недѣлю, когда улучшеніе ея стало очевиднымъ, Брашнѣвскій самъ покаялся мнѣ въ своихъ коварныхъ замыслахъ. Наконецъ, я впервые вышелъ въ садъ. Воздухъ живительно на меня подѣйствовалъ,

и я въ тотъ день не только съ аппетитомъ съѣлъ тарелку супу, но, что того важнѣе, ночью въ постелѣ, а уже не въ креслѣ, часа четыре спалъ крѣпкимъ сномъ.

Вскорѣ высланы были Бреверну изъ отряднаго штаба знаки военнаго отличія, въ размѣрѣ, лично опредѣленномъ исправляющимъ должность главнокомандующаго, а именно: въ 7-ю роту 24, въ 8-ю—18, въ 3-ю карабинерную и 9-ю—по 12 крестовъ на роту.

Такъ какъ съ 4-го іюня возвратилось въ строй очень небольшое количество людей, бывшихъ легко ранеными, то въ гурійскомъ отрядѣ 3-й батальонъ числился пока въ составѣ полубатальона, а 7-я рота—въ составѣ одного взвода, да и то не сильнѣе, какъ въ 40 человекъ, составляющихъ какъ бы кадръ роты. Гораздо большее число людей моихъ лежало въ Кутаисскомъ госпиталѣ, куда я и выѣхалъ въ первый разъ съ предназначенными крестами. Солдаты, оставшіеся въ живыхъ, очень обрадовались, увидя меня на ногахъ. Многіе изъ раненыхъ 4-го іюня сошли уже въ могилу, остальные поправлялись и частью выйдутъ въ неспособные, а частью вернутся подъ знамена. Съ истиннымъ удовольствіемъ встрѣтилъ я въ госпиталѣ героя Костина, очень измѣнившагося, но также подающаго надежды на выздоровленіе. Послѣ ампутаціи на полѣ сраженія, ему ее повторили здѣсь, гораздо выше локтя, но когда гангрена показалаь и здѣсь, то несчастному вылучили руку въ плечѣ. Онъ изстрадался, худой и желтый, но духомъ также богатырски бодръ. Очень счастливъ былъ я видѣть неподдѣльную радость этого истиннаго молодца, когда я на госпитальный халатъ его прицѣпилъ Егорія. Послѣ этой поѣздки позволилъ я себѣ быть въ кутаисскомъ городскомъ саду, гдѣ множество публики окружило меня съ большимъ любопытствомъ; здѣсь встрѣтилъ Евгенія Понсетъ, брата Nathalie Милютиной, и съ нимъ, а также Кулебякинымъ, по прозванію немирнымъ, посѣтилъ вскорѣ городской балъ, гдѣ, каюсь, къ ужасу докторовъ, проявилъ много слабыхъ характера и молодечества по части спиртныхъ напитковъ. На другой день въ 8 часовъ назначенъ былъ отъѣздъ нашъ съ Бреверномъ. На дворѣ стоялъ тарантасъ совершенно уложенный, въ комнатѣ у насъ все прибрано и увязано, оставалось запрячь лошадей, сѣсть и ѣхать. Но вышло совсѣмъ не то.

Я легъ въ постель и послѣ безсонной ночи, проведенной мною наканунѣ въ шумной компаніи, не былъ расположенъ поддерживать разговоръ съ Бреверномъ, бывшимъ въ тотъ вечеръ особенно оживленнымъ. Подъ шумокъ его рѣчей я невольно закрылъ глаза и скоро заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Около 7 часовъ утра открываю глаза и вижу Бреверна въ постелѣ, обернувшагося лицомъ къ стѣнѣ. Полагая, что люди наши проспали, я громко зову Александра Христофоровича и сообщаю ему, что уже восьмой часъ. Бревернъ не откликается и лежитъ не

шевелился. Вбѣгаетъ Іоганнъ и осторожно, шепотомъ сообщаетъ мнѣ, что ночью съ его бариномъ случилась бѣда, что онъ очень занемогъ, были доктора, возились около него болѣе двухъ часовъ и уходя приказали его не тревожить. Не понимая, что именно случилось во время непробуднаго сна моего, я вскочилъ съ постели и началъ одѣваться, когда на ципочкахъ вошелъ Брашнѣвскій и таинственными знаками пригласилъ меня выйти за нимъ въ смежную комнату.

— Дѣло плохо съ сожителемъ вашимъ, у него тетаносъ,—объявилъ мнѣ докторъ незнакомое выраженіе.

— Что такое тетаносъ? Я васъ не понимаю.

— Ударъ на мозгъ,—объяснилъ Брашнѣвскій.— Обѣ отправленіи его въ Тифлисъ теперь, да, вѣроятно, и надолго, нечего и думать. Поѣзжайте одни, его вы не дождетесь, да и врядъ ли ему, бѣднягѣ, предстоитъ полное выздоровленіе. Собирайтесь въ путь и съ Богомъ, а Бреверну предоставьте полный покой, ему теперь необходимый.

Съ этими словами мы тихонько вернулись въ свою комнату, и я издали увидаль улыбающуюся физиономію Александра Христофоровича, но когда подошелъ къ нему ближе и пристальнѣе взглянулъ на него, пришелъ въ ужасъ. Скривленное на одну сторону лицо, бессмысленная улыбка и оловянные, съ идиотскимъ выраженіемъ, глаза внушали глубокое сожалѣніе и вмѣстѣ страхъ, а когда онъ зашевелилъ губами и, желая что-то сказать, испустилъ непонятные звуки и вслѣдъ затѣмъ безумно и громко захохоталъ, дрожь пробѣжала по моему тѣлу, и я самъ выскочилъ отъ него, какъ сумасшедшій. Забѣжавъ къ немирному, я передалъ ему всѣ подробности о случившемся несчастьѣ, причемъ Брашнѣвскій и Кулебякину повторилъ свое требованіе о немедленномъ отправленіи меня въ Тифлисъ, доказывая, что при настоящемъ положеніи Бреверна мое присутствіе, кромѣ вреда, ничего не можетъ принести ему. Скрѣпя сердце и даже не простившись съ моимъ добрымъ пріятелемъ, никого не узнававшимъ, я въ полдень послалъ за почтовыми лошадьми и съ тяжелой думой о горькой участи моего товарища по боевой жизни выѣхалъ изъ Кутаиса.

Путешествіе мое совершалось медленно, маленькой рысцой, со всѣми мѣрами избѣгать толчковъ на ухабахъ. Не желая останавливаться на ночлегъ въ станціонныхъ домахъ, лишенныхъ всякихъ удобствъ для успокоенія больного, я рѣшился хотя тихонько, но двигаться впередъ и за это едва не поплатился грустною развязкой. Темнѣйшая ночь застала насъ какъ разъ на перевалѣ Сурамскаго хребта. Зги Божьей не было видно, и самъ ямщикъ, пріостановивъ коней, признался намъ, что ѣхать далѣе онъ опасается, такъ какъ дорога здѣсь идетъ вдоль обрывовъ, отъ которыхъ и днемъ не всегда Богъ убергаетъ. Ночевать подъ открытымъ не-

бомъ, въ ожиданіи разсвѣта, было немыслимо, и я рѣшился вылѣзти изъ тарантаса и, поддерживаемый Вавилой, слѣдовать шагъ за шагомъ пѣшкомъ за Сидоромъ, который несъ впереди фонарь. Около четырехъ верстѣ главнаго и самаго опаснаго пути на перевалѣ, съ непрерывными отдыхами и остановками, мы прошли не менѣе, какъ въ три часа времени, и, усѣвшись наконецъ въ тарантасѣ, но все еще шагомъ, добрались до станціи, когда на востокѣ стала показываться свѣтлая полоса приближающагося разсвѣта. Благополучно, около полудня, миновавъ городъ Гори, верстахъ въ десяти, я встрѣтилъ значительную команду. Подѣзжаю ближе, и кого же вижу? Шидловскаго съ нашими куринцами. Стой, конечно. Шидловскій ведетъ изъ Воздвиженскаго до 600 человекъ людей при пяти офицерахъ для укомплектованія нашихъ батальоновъ въ Озургеты. Шидловскій сообщил очень мало, больше спрашивалъ меня о томъ, что ожидаетъ его самого въ Озургетахъ, гдѣ онъ приметъ одну изъ вакантныхъ ротъ. Тамъ теперь лафа, вездѣ просторъ, и ему недалеко и до батальона.

Въ Тифлисѣ, прямо въ гостинницу Крылова, пріѣхалъ я въ полдень 22-го августа. Номеръ, отведенный мнѣ, былъ большой и съ балкономъ, куда я и вошелъ, какъ только пообедалъ. Смотрю, идетъ офицеръ съ костылемъ въ рукахъ, слегка прихрамывая. Кто такой? Ба, да это милѣйшій Ивановъ! Кричу ему, онъ останавливается, оглядывается и, радостно вскрикнувъ, бѣжитъ, не смотря на подстрѣленную ногу, ко мнѣ по лѣстницѣ, на верхъ. Послѣ взаимнаго обмѣна привѣтствіями Ивановъ замаялся въ разговорѣ и замѣтно смущеннымъ тономъ сталъ спрашивать меня объ общихъ знакомыхъ, избѣгая при этомъ прямо отвѣтить мнѣ на вопросъ, отправлено ли представленіе наше въ Петербургъ. Прошло еще нѣсколько минутъ томленія и, наконецъ, полагая, что онъ достаточно меня подготовилъ къ роковой вѣсти, Ивановъ бухнулъ мнѣ, что представленіе въ Петербургъ отправлено вчера, но меня въ немъ нѣтъ... Когда Ивановъ выговорилъ эти ужасныя слова: «но васъ въ немъ нѣтъ», я сначала разсмѣялся въ полной увѣренности, что онъ шутитъ, но когда онъ съ грустнымъ выраженіемъ повторилъ ихъ и затѣмъ скрѣпилъ честнымъ словомъ, я представилъ себѣ, что брежу, такъ далека была отъ мысли допустить слышанное, какъ фактъ совершившійся. Вотъ какъ это передалъ мнѣ Ивановъ. Рядъ, получивъ при донесеніи кавалерской думы вторичное сокращеніе представленія, съ 18 на 12 человекъ, вернулъ опять его при замѣчаніи, что подобнаго количества георгіевскихъ крестовъ не было пожаловано даже за Бородинское сраженіе, а потому предписываетъ еще сократить ихъ съ 12 на 8 и при этомъ руководиться старшинствомъ представленныхъ, а вовсе не порядкомъ, помѣченными въ спискахъ, гдѣ оберъ-офицеры стоятъ выше штабъ-офицеровъ, безъ всякаго при этомъ

объясненія... Кавалерская дума, не долго думая, во исполненіе приказанія начальства, переписала весь списокъ представленныхъ къ Георгію, придерживаясь одного старшинства въ чинахъ, а вовсе не условнаго порядка по заслугамъ, а затѣмъ и вычеркнула четырехъ младшихъ, въ число которыхъ попали, конечно, Кутлеръ и я.

Такъ вотъ чѣмъ ограничились всѣ восторженные похвалы и громкія удивленія подвигу, равному Щеголеву. Но къ чему ведетъ статутъ Георгіевскаго креста, когда офицеру, заслужившему его по тремъ параграфамъ, отказываютъ въ немъ только по капризу начальства? Если нашли возможность не представить меня, имѣвшаго случай на глазахъ цѣлаго отряда взойти первымъ на штурмъ, съ боя взять два непріятельскихъ орудія и опрокинуть прикрытіе батарей, то мудрено ли отказать въ Георгіевскомъ крестѣ всякому, подвигъ котораго менѣе опредѣлительно выставляется на судъ общественный и той же пресловутой кавалерской думы? Ивановъ ушелъ отъ меня, обѣщая вернуться вечеромъ. Я упалъ духомъ, не зная, на что рѣшиться. Вскорѣ пришелъ опять добрякъ Ивановъ съ предупрежденіемъ, что князь Иванъ Малхазовичъ Андронниковъ сегодня же вечеромъ пріѣдетъ навѣстить меня, а затѣмъ рассказалъ только что слышанное имъ про У. И. Карганова. Наканунѣ у него былъ вечеръ, на которомъ зашла рѣчь о рѣшеніи думы и исключеніи меня изъ представленія. Услышавъ эту новость, хозяинъ дома при всемъ многолюдномъ обществѣ сорвалъ съ петлицы крестъ свой и объявилъ во всеуслышаніе: «Клянусь честью, не надѣну его на себя, пока не дадутъ Полторацкому». Не менѣе горячо принялъ къ сердцу это и почтенный князь Иванъ Малхазовичъ; его искреннее сочувствіе выразилось не пустыми фразами утѣшенія, а предложеніемъ на другой же день везти меня къ начальству, къ князю Барятинскому, а отъ него къ генералу Реаду. Поэтому князь Андронниковъ уговорился со мной явиться къ нему въ 9 часовъ утра и вмѣстѣ отправиться по предложеннымъ мытарствамъ. Вскочивъ очень рано, я былъ совершенно готовъ до 8 часовъ утра и вздумалъ до поѣздки къ князю Андронникову съѣздить сначала явиться коменданту, генералу Рсту. Подѣхавъ къ его дому, я встрѣтилъ его на подѣздѣ провожающаго отъ себя князя Барятинскаго. Представившись коменданту, я раскланялся съ княземъ Александромъ Ивановичемъ, очень любезно пригласившимъ меня пройти по Головинскому проспекту. Князь взялъ меня подъ руку, и мы пошли подъ гору великими друзьями. Онъ началъ съ разспросовъ о состояніи моихъ ранъ, о моихъ планахъ и проч., на что я отвѣтилъ ему, что сейчасъ отправлялся къ князю Андронникову съ тѣмъ, чтобы ѣхать съ нимъ къ нему, князю Барятинскому, и генералу Реаду. На вопросъ его, по какому дѣлу я хотѣлъ ему представиться, *sous le patronage d'Andronnikoff*, я объяснилъ князю, что, имѣвъ случай заслужить Георгіев-

скій крестъ, я пріѣхалъ въ Тифлисъ наканунѣ, узналъ, что изъ представленія вычеркнуть, а потому князь Иванъ Малхазовичъ, признавая за мною неоспоримыя права на получение этого ордена по статуту, намѣренъ ходатайствовать о дополнительномъ представленіи. Князь Барятинскій остановился на тротуарѣ и горячо сказалъ: «*Mon cher ami, laissez cette affaire et n'y pensez plus! Quant à moi je vous donne ma parole d'honneur de vous donner la croix de St.-George à la première occasion, car je vous connais pour un officier de la trempe qui mérite la décoration tant désirée pour chaque affaire avec l'ennemi*»¹⁾. Эти слова до такой степени раздражили меня, что я вѣ себя возразилъ: «*Mon prince, je ne suis pas un enfant nouveau né pour donner valeur à de telles promesses, et d'ailleurs je tiens à porter la croix de St.-George pour le combat, ou je l'avais mérité, et non grâce à la protection bienveillante de qui que ce fut*»²⁾. Отвѣтъ былъ, если не дерзкій, то во всякомъ случаѣ рѣзкій, но его сіятельство благосклонно его выслушалъ и какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ замѣтилъ мнѣ, что и ему самому нѣсколько разъ отказывали въ Георгіи 3-й степени и дали его наконецъ теперь за Кюрукъ-Дара, «*quand certe j'ai mérité bien plus que ça*». Какъ бы то ни было, но Барятинскій наотрѣзъ отказался содѣйствовать мнѣ. Передавая пять минутъ спустя это грустное сообщеніе князю Ивану Малхазовичу, я отъ волненія едва вочлачалъ языкомъ. Спустя два дня, лаконической запиской Андронниковъ пригласилъ меня къ себѣ. «Уже, вотъ и отвѣтъ генерала Майделя; уже, сейчасъ получилъ на мою эстафету», — встрѣтилъ онъ меня, вручая письмо, только что ему доставленное. Официальный протестъ бывшаго начальника штурмовыхъ колоннъ, на имя князя Ивана Малхазовича, начинался съ глубокаго удивленія полученному извѣстію, затѣмъ перечисленіемъ всѣхъ подвиговъ моихъ и Кутлера, причемъ не мало выставлено доблести въ томъ, что я, не взирая на обѣ раны, оставался на полѣ сраженія до полученія третьей, и кончалось самымъ горячимъ требованіемъ о ходатайствѣ его сіятельства георгіевскихъ крестовъ обоимъ, и мнѣ въ особенности. Послѣдняя же фраза письма Майделя была слѣдующая: «Твердо увѣренный, что ваше сіятельство не допустите подобною гнусною несправедливостью помрачить славу Чолокской побѣды». Съ этимъ новымъ документомъ князь Андронниковъ былъ

¹⁾ Любезный другъ, оставьте это дѣло и не думайте о немъ больше! Что касается меня, то даю честное слово дать вамъ Георгіевскій крестъ при первомъ случаѣ, потому что знаю васъ за офицера такого закала, который заслуживаетъ этого желасмаго ордена за всякое дѣло съ неприятелемъ.

²⁾ Князь! я не младенецъ, чтобы придавать цѣну такимъ обѣщаніямъ, и притомъ я стою на томъ, чтобы носить Георгіевскій крестъ за то сраженіе, въ которомъ я его заслужилъ, а не по благосклонной протекціи кого бы то ни было.

у временно исправляющаго должность главнокомандующаго генерала Реада, велъ усиленную атаку, но снова безуспѣшно. Князь сталъ меня утѣшать, что, заручившись свидѣтельствами отъ подлежащихъ властей въ оказанныхъ мною отличіяхъ, я могу подать прошеніе на высочайшее имя о награжденіи меня орденомъ св. Георгія. Это мнѣніе князя Андронникова раздѣлялось всѣми доброжелателями моими. Дѣлать нечего, надо ѣхать сперва домой, а затѣмъ въ Питеръ. Въ портфель у меня скопилось не мало удостовѣреній, кажется, довольно вѣскихъ, а именно: экземпляръ печатнаго приказа по отдѣльному кавказскому корпусу отъ 8-го іюня, въ которомъ сказано, что штабсъ-капитанъ Полторацкій, егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, первымъ вскочилъ на штурмъ батареи и, съ боя овладѣвъ двумя орудіями, штыками опрокинулъ прикрывающій непріятельскую артиллерію низамъ; экземпляръ «Сѣверной Пчелы», въ которомъ перепечатано все донесеніе о Чолокскомъ сраженіи и гдѣ въ тѣхъ же выраженіяхъ говорится о мнѣ; свидѣтельство ахалцыхскаго и гурийскаго отрядовъ, за подписью и приложеніемъ печати князя Андронникова, гдѣ сказано, что штабсъ-капитанъ Полторацкій явилъ своимъ подвигомъ блистательный примѣръ военной доблести и самоотверженія и тѣмъ заслужилъ награжденія орденомъ св. Георгія, къ которому и представленъ первымъ въ списокъ испрашиваемыхъ наградъ по статуту.

Я подалъ въ отпускъ за ранами и получилъ разрѣшеніе отправиться въ Тверскую губернію съ подорожной по казенной надобности и прогонеми отъ казны впредь на 11 мѣсяцевъ съ сохраненіемъ содержанія, какъ бы на дѣйствительной службѣ.

Всѣ тузы, участвовавшіе въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара, уже получили награды и очень крупныя: главный начальникъ, князь В. О. Бебутовъ—Андрея Первозваннаго, а Барятинскій, Брюмеръ и Багговуть—Георгія 3-й степени. Вѣстникъ же о громкой побѣдѣ, адъютантъ князя Бебутова, штабсъ-капитанъ Александровскій назначенъ флигель-адъютантомъ. Надняхъ ждуть изъ Александрополя Дондукова-Корсакова. Онъ раненъ не легко, пулею въ локоть лѣвой руки съ раздробленіемъ костей. Георгіевскій крестъ и ему подъ сомнѣніемъ, потому что дума придралась къ тому, что онъ съ своимъ дивизиономъ хотя и вырвалъ изъ рукъ непріятеля два орудія, но не турецкихъ, а за нѣсколько часовъ до того отбитыхъ турками, у насъ, русскихъ. Мораль изъ этого поучительная: при атакѣ на непріятельскую батарею прежде размотри подробно, гдѣ были вылиты орудія, а потомъ уже бери ихъ.

Получивъ отпускной билетъ, казенную подорожную и деньги, я поѣхалъ откланяться князю Барятинскому, который спросилъ меня, правда ли, что я намѣренъ жаловаться государю императору на несправедливость.

— Не жаловаться, ваше сіятельство, а просить намѣрень я его величество, — отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ позвольте пожелать вамъ всякаго успѣха, — не безъ саркастической улыбки, но крѣпко пожимая мнѣ руку, вставилъ его сіятельство.

Въ тотъ же день, въ два часа, добился я, наконецъ, почтовыхъ лошадей. Провожали меня Александръ Трубецкой (Копчикъ), Коньяръ, Богдановъ, Ивановъ и неизмѣнный Вастень. У духана распили три тунги вина и обсудили животрепещущую новость, только что долетѣвшую до Тифлиса о катастрофѣ съ новымъ флигель-адъютантомъ Александровскимъ, за два дня до моего отъѣзда прикатившимъ изъ Петербурга. Щегольнувъ мимолетомъ своими вензелями, которые по истинѣ ему мало пристали, онъ пустился въ Александропольскій отрядъ въ сопровожденіи камердинера, привезеннаго имъ, какъ подобаеть сановному лицу, изъ Петербурга. На шестой отъ Тифлиса станціи курьеръ повелительно обратился къ слугѣ своему насчетъ скорѣйшей запряжки лошадей. Важный столичный лакей, вѣроятно, слишкомъ утомленный непривычной скачкой по неосираваннымъ дорогамъ на Кавказъ, вяло отнесся къ полученному приказанію и что-то пробормоталъ грубое своему барину, который энергически его выругалъ. Лакей оскорбился и, моментально развернувшись, влѣпилъ флигель-адъютанту полновѣсную пощечину. Что же сдѣлалъ Александровскій? Вскочивъ одинъ въ перекладную, онъ помчался на слѣдующую станцію и, проскакавъ 22 версты, вошелъ въ комнату для пріѣзжихъ и, пока станціонный смотритель вписывалъ его подорожную, онъ разможилъ себѣ черепъ пулею изъ пистолета. Стоило ли для этого такъ безбожно гнать отличную тройку! Я не зналъ Александровскаго, но трагическая смерть его поразила меня. Каковъ промыслъ Божій! Немного дней назадъ сколько было завистниковъ его блестящему положенію и открывающейся передъ нимъ карьерѣ, и вдругъ... конецъ неожиданный и на столько пошлый.

6-го октября пріѣхалъ я въ Петербургъ. Но, чтобы очутиться здѣсь, надо было одолѣть дистанцію громаднаго размѣра и по пути отъ Ставрополя побывать во многихъ городахъ и селеніяхъ обширнаго отечества, а не сразу перескочить сюда, на Большую Милліонную, въ домъ графа Зубова. Въ Москвѣ остановился я у стараго знакома Яра, на Петровкѣ; поручилъ Вавилѣ, во что бы то ни стало, продать тарантасъ и, сдѣлавъ распоряженіе, чтобъ онъ съ вещами былъ на вокзалѣ къ отходу 11-ти-часоваго почтоваго поѣзда, самъ въ 9 часовъ успѣлъ до отъѣзда заѣхать на полчаса къ теткѣ Александрѣ Дмитріевнѣ Неѣловой, на Спиридоновку. За эти послѣдніе четыре года не мало перемѣнъ и утратъ произошло въ семействѣ нашемъ. Въ могилу сошли дядя Сергѣй Дмитріевичъ Киселевъ и дядя Сергѣй Алексѣевичъ Неѣловъ. Семейства Кисе-

левыхъ я не засталъ въ Москвѣ, устарѣлая же тетка Александра Дмитріевна въ траурѣ и горѣ. Заѣзжалъ и въ Грузины къ милѣйшему дядѣ Константину Марковичу Полторацкому, который непремѣнно потребовалъ, чтобы я не смѣлъ нигдѣ въ Петербургѣ останавливаться иначе, какъ въ его помѣщеніи въ домѣ графа Зубова, о чемъ онъ въ ту же ночь письмомъ предупредилъ тетку Софью Борисовну. Въ Завражѣ, куда мы вмѣстѣ съ дядей отправились, застали мать и сестру Ольгу, вышедшую замужъ за Вертейля. Ольга сіяла счастьемъ и благополучіемъ, Вертейль же сразу выказалъ совершенно родственную, братскую предупредительность и дружбу. Разспросамъ и сообщеніямъ не было конца. Мать постарѣла, очень посѣдѣла, но казалась счастливой и совершенно довольной, и хотя принималась поминутно плакать, но объясняла слезы свои, какъ слѣдствіе неожиданной радости нашего свиданія. Мать недовѣрчиво, впрочемъ, отнеслась къ моимъ претензіямъ на полученіе креста, но тутъ же возлагала великое вѣрованіе на медицинскую въ столицѣ помощь моимъ ранамъ. Прогостивъ у своихъ всего нѣсколько дней, я на Шитаревской тройкѣ съ Вавилой покатилъ на Осташковскую станцію, гдѣ безъ всякой суеты удобно усѣлся въ вагонъ 1-го класса и большую часть дороги до Петербурга проспалъ безмятежнымъ сномъ. Въ Петербургѣ явился я въ 10 часовъ утра, когда тетушка Софья Борисовна уже возсталла отъ сна и, очень любезно принявъ меня, водворила въ апартаментахъ Константина Марковича. Первый день я провелъ въ Петербургѣ en famille, то-есть въ обществѣ grande-dame тетушки и ея обычныхъ посѣтителей. Какъ ей, такъ и гостямъ ея вечеромъ я вынужденъ былъ повторяться разказами о дѣлахъ съ неприятеlemъ въ Азіатской Турціи и затѣмъ дѣлать собственныя, вполнѣ голословныя, заключенія, на непрерывные допросы Софьи Борисовны: «Et comment pensez-vous, mon cher, finiront nos exploits en Crimée?».

Слѣдующій день я посвятилъ на явку въ комендантское управленіе и въ главный штабъ, а затѣмъ направился въ домъ министерства государственныхъ имуществъ къ дядѣ-пѣдесталу, родному брату моей матери. Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ изволилъ принять меня милостиво въ своемъ частномъ кабинетѣ, но съ первыхъ же словъ разговора, замѣтивъ мою руку на черной атласной перевязи и какъ будто припомнивъ слышанное, сказалъ: «Ахъ, да! Вѣдь ты легко раненъ!». Возразивъ ему, на сколько можно считать человѣка легко раненымъ, когда три пули пронизуютъ его насквозь, разбивъ всѣ кости, я думалъ воспользоваться случаемъ и добавилъ, что, впрочемъ, доктора петербургскіе опредѣляютъ, на сколько важны мои раны, такъ какъ цѣль посоветоваться съ ними составляетъ одну изъ двухъ причинъ моего сюда пріѣзда. — «А какая же другая?» — спросилъ дядя, на что я объяснилъ ему, что,

имѣя въ Чолокскомъ сраженіи счастливый случай заслужить орденъ св. Георгія по статуту, я вполне воспользовался имъ, но вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній былъ вычеркнутъ изъ представленія, и привезъ печатныя и письменныя свидѣтельства на мои права, чтобы здѣсь ходатайствовать о строгой справедливости. Въ ту минуту, когда я кончилъ изложеніе всей сути дѣла, надѣясь на вмѣшательство всеильнаго дядюшки, онъ разсѣянно меня слушалъ, а камердинеръ его доложилъ о пріѣздѣ товарища министра Гамалеи, и Павелъ Дмитріевичъ поспѣшно всталъ и, пригласивъ меня слѣдовать за нимъ по витой лѣсенкѣ внизъ, приостановился и внушительно пропѣлъ: «любезный другъ, знай, что въ Россіи существуетъ правило: что съ воза упало, то пропало! До свиданья!»—и, пославъ мнѣ воздушный поцѣлуй вмѣстѣ съ приглашеніемъ къ нему послѣзавтра обѣдать, исчезъ за драпировкой въ министерскій кабинетъ свой. Очутившись на подъѣздѣ, я растерянно хваталъ себя за голову, сердце усиленно билось, а мысли на столько перепутались, что я не зналъ, на что надѣяться. Если родной дядя такъ равнодушно относится къ моему горю и вмѣсто помощи цитируетъ поговорку, если и справедливую въ жизненной практикѣ, то во всякомъ случаѣ возмутительную въ принципѣ, то кто же изъ постороннихъ захочетъ хлопотать о возстановленіи правъ моихъ? Отсюда я поѣхалъ на Малую Морскую въ домъ князя Семена Михайловича Воронцова и къ счастью засталъ и мужа и жену дома. Князь Семень Михайловичъ, командовавшій тогда резервнымъ Преображенскимъ полкомъ, безвыѣздно жилъ въ Петербургѣ. Онъ чрезвычайно радушно встрѣтилъ меня въ своей уборной, и такъ какъ княгиня Марья Васильевна еще не выходила изъ своей спальни, то онъ, слушая мои разказы, безцеремонно совершалъ при мнѣ всѣ туалетныя потребности. Когда дошло дѣло до Чолокскаго сраженія и вопроса о Георгіевскомъ крестѣ, князь Simon полюбопытствовалъ взглянуть на привезенные мною документы. Внимательно пробѣжавъ ихъ, князь смиренно сознался, что онъ самъ не сумѣетъ повести это дѣло, но что княгиня Марья Васильевна безъ малѣйшаго сомнѣнія устроитъ мнѣ все въ наилучшемъ видѣ, и вслѣдъ затѣмъ его свѣтлость, высунувшись въ халатѣ въ коридоръ, сталъ изъ всей мочи, точно при пожарѣ, кричать на весь домъ: «Муся, Муся, Муся!». Въ отвѣтъ на изступленный крикъ хозяина послышалось отдаленное «сейчасъ», и, полминуты спустя, шорохъ платья возвѣстилъ появленіе княгини Марьи Васильевны.

— Муся,—перебилъ мои первыя привѣтствія князь Simon,—Муся, прочти эти бумаги и сообрази, какъ поступить. Это дѣло вопіющее, и во что бы ни стало надо настоять на справедливомъ удовлетвореніи нашего стараго друга.

Княгиня подала мнѣ руку и повела меня къ себѣ въ будуаръ,

гдѣ, усадивъ рядомъ съ собою на диванъ, втеченіе десяти минутъ внимательно выслушала весь докладъ мой.

— Можете ли вы мнѣ оставить эти бумаги, конечно, на честное слово, что я верну ихъ вамъ въ цѣлости?

— Конечно, княгиня.

— Ну, и прекрасно, мы будемъ часто видѣться, et je vous tiendrais au courant de la marche de l'affaire en question. Вы, конечно, у насъ будете обѣдать всегда въ 6 часовъ; гдѣ вы остановились? Прекрасно, я знаю домъ и у тетки вашей бываю, а во всякомъ случаѣ черезъ Татьяну Борисовну (Потемкину) всегда можно васъ отыскать. Итакъ, au revoir, à six heures précises je rentre et suis à vous,—быстро скороговоркой отчеканила Марья Васильевна, на ходу надѣвая шляпу и нетерпѣливо требуя карету.

Провожая ее до передней, я не могъ не замѣтить, что тщательно завернутыя въ трубку всѣ бумаги мои поѣхали вмѣстѣ съ ней, но куда? Вернувшись на половину его свѣтлости я обреченъ былъ втеченіе не менѣе двухъ часовъ выслушивать всѣ его военныя соображенія относительно главнаго вопроса дня — вторженія союзныхъ войскъ на Крымскій полуостровъ и предстоящей осады Севастополя. Кто-то позвонилъ въ швейцарской, и я бѣжалъ домой съ тѣмъ, чтобы вернуться къ обѣду. На поль-дорогѣ къ Большой Милліонной я вспомнилъ, что Дмитрій Милютинъ живетъ теперь въ Галерной, и направилъ кучера къ нему. Его я не засталъ, а Nathalie, очень родственно меня принявшая, уговаривала остаться у нихъ обѣдать, на что я смѣясь ей отвѣчалъ, «que je suis très hurré à l'heure qu'il est», и что ни сегодня, ни завтра и даже послѣзавтра не могу воспользоваться ея любезнымъ приглашеніемъ, но надняхъ буду у нихъ опять, безъ всякаго зова.

За обѣдомъ у Воронцовыхъ княгиня мнѣ сказала только, «que vos papiers sont entre de bonnes mains», не разспрашивая настойчиво я не счелъ себя вправѣ и въ десятомъ часу отъ нихъ испарился. Ночь провелъ я превосходно, но съ тѣхъ поръ не выѣзжалъ три дня къ ряду. Нарывъ у выхода раны, предвѣстникъ отдѣлявшейся косточки, жестоко меня измучилъ и приковалъ къ постелѣ, такъ что я былъ вынужденъ отказаться отъ обѣда у графа Павла Дмитріевича, о чемъ нѣсколькими словами въ запискѣ любезно увѣдомила его тетушка.

Впрочемъ, я былъ очень доволенъ, что вслѣдствіе законныхъ причинъ избавился отъ церемоннаго принятія пици у этого важнаго себьялюбца. Вотъ, если помимо его да выгоритъ мое дѣло, тогда удобно сѣздить поблагодарить пьедестала за указанную имъ послову.

Поправившись, я поѣхалъ къ Дмитрію Милютину и на этотъ разъ засталъ всю семью въ сборѣ. Дмитрій Алексѣевичъ, нынѣ генераль-маіоръ и состоящій при особѣ военнаго министра, князя

Василія Андреевича Долгорукова, очень мило меня встрѣтил и за обѣдомъ разспрашивалъ съ большимъ участіемъ о моихъ военныхъ подвигахъ, а когда, вставъ изъ-за стола, я ему въ кабинетѣ рассказалъ о всѣхъ кавказскихъ интригахъ и объ участіи, выказанномъ здѣсь какъ графомъ Киселевымъ, такъ обратно и Воронцовыми, онъ далъ мнѣ добрый совѣтъ не пренебрегать также хodataйствомъ по начальству. Дмитрій очень логично пояснилъ мнѣ, что всегда лучше избѣгать враждебныхъ къ себѣ отношеній сильныхъ міра сего, а потому и въ настоящемъ случаѣ, надѣясь на помощь княгини Воронцовой, благоразуміе требуетъ, чтобы я явился къ военному министру съ изложеніемъ моей просьбы, о чемъ онъ, Милютинъ, познакомившись съ моими бумагами, беретъ предупредить князя Долгорукова въ мою пользу. Отъ души поблагодаривъ кузена за предложенныя имъ услуги, мы условились, что я на другой же день привезу ему документы.

Совершенно ободренный, вернулся я домой, гдѣ на письменномъ столѣ засталъ щегольской конвертъ съ адресомъ на мое имя, знакомаго мнѣ женскаго почерка: «*Cher ami, arrivez demain, jeudi, chez moi à 1 heure précise pour une affaire très grave. A vous pour toujours, Marie Woronzoff*»,—гласила записка. Въ назначенный часъ слѣдующаго дня входилъ я въ домъ Воронцовыхъ.

— Гдѣ княгиня?—спрашиваю у камердинера.

— Пожалуйте сюда,—указывая на антресоль, отвѣтилъ онъ. Въ изящной комнатѣ, въ родѣ фантастическаго будуара, сидѣла Марья Васильевна, а рядомъ съ нею Клавдій Ермоловъ, только что пріѣхавшій изъ Дрездена, гдѣ тогда находился больной князь Михайлъ Семеновичъ. Завязался общій разговоръ, но о моемъ собственно дѣлѣ ни слова. Что за чортъ,—думалъ я. Потребовали меня вѣдь не для того, чтобы переливать изъ пустаго въ порожнее. А *une heure précise*, а скоро два часа, и мистификація продолжается. Въ эту минуту раздались изъ швейцарской два оглушительныхъ звонка, непосредственно одинъ за другимъ.

— *Ah, la voilà*,—вскрикнула княгиня и, обращаясь ко мнѣ, добавила:—*suivez moi!*

Оставивъ Ермолова въ изящной клѣткѣ, я вслѣдъ за хозяйкой спустился въ залу, гдѣ княгиня встрѣтила быстро входящую великую княгиню Марію Николаевну. У ея высочества въ рукѣ были знакомыя мнѣ бумаги, свернутыя въ трубку и перевязанныя голубой лентой.

— *Permettez de vous présenter, m-r Poltoratsky*,—проговорила княгиня Марія Васильевна напускнымъ тономъ официальности. Ея высочество пріятливо кивнула мнѣ своею изящною головкой и, передавъ мнѣ свертокъ бумагъ, съ очаровательной улыбкой сказала:

— *J'aime à croire que nous aurons du succès* (мнѣ хочется вѣрить, что мы будемъ имѣть успѣхъ).—А затѣмъ, давъ мнѣ прило-

ложиться къ ея точеной ручкѣ, порхнула въ гостинную, мы же съ Клавдіемъ скрылись на половину князя Семена Михайловича.

Передъ вечеромъ, въ назначенный часъ, я былъ у Дмитрія Милютина, котораго по экстренному вызову военнаго министра не засталъ дома, но кузина Наталья Михайловна передала мнѣ, по его порученію, чтобы я, оставивъ у него мои бумаги, самъ приѣхалъ сегодня въ Гатчину и, явившись въ императорскій дворецъ, отыскалъ бы его въ приѣмномъ залѣ, гдѣ, по окончаніи доклада военнаго министра его величеству, онъ меня представитъ князю Долгорукову. Съ десятичасовымъ поѣздомъ я выѣхалъ по желѣзной дорогѣ и, прибывъ въ Гатчину, отправился во дворецъ, согласно условію съ Милютинымъ, котораго и розыскалъ въ какой-то галлерей, примыкавшей къ собственнымъ его величества покоямъ. Дмитрій Алексѣевичъ успѣшилъ сообщить мнѣ, что онъ внимательно прочелъ всѣ мои документы (которые тутъ же изъ своего портфеля досталъ и передалъ мнѣ) и находитъ ихъ вполнѣ и безспорно достаточными для полученія не одного, а трехъ Георгіевскихъ крестовъ, и что онъ, ѣдучи въ одномъ вагонѣ съ княземъ Долгорукимъ, уже успѣлъ все дѣло мое объяснить его сіятельству. Съ своей стороны я рассказалъ Дмитрію о вчерашней встрѣчѣ и сказанныхъ мнѣ словахъ великою княгиней Маріей Николаевной, на что онъ замѣтилъ: «одно другому не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе, что военнаго министра миновать этотъ вопросъ не можетъ».

Тѣмъ временемъ докладъ у государя императора еще не кончался, и Милютинъ, уже съ безпокойствомъ опоздать къ поѣзду, раза два взглядывалъ на часы свои, недоумѣвая о причинѣ затянувшейся аудіенціи. Вдругъ дверь распахнулась, и князь Долгоруковъ буквально выбѣжалъ въ галлерей съ портфелемъ въ рукахъ.

— Ваше сіятельство, имѣю честь представить...—заговорилъ Милютинъ:

— А, Полторацкій, очень радъ, извините, опоздаемъ!—на бѣгу протягивая мнѣ руку, но не останавливаясь, проговорилъ князь, бросаясь къ экипажу.

Я вскочилъ на извозчика и вслѣдъ за ними прискакалъ къ вокзалу, гдѣ уже раздавался второй звонокъ; минуту спустя запыхѣла машина, и поѣздъ тронулся, увозя въ одномъ углу вагона 1-го класса князя Долгорукова съ Милютинымъ, а въ другомъ меня, мысленно обсуждавшаго, что вся эта тревожная ѣзда и представление по краткости и суетливости своей не стоили хлопотъ.

Во время переѣзда до Петербурга оба они, министръ и генералъ, о чемъ-то разговаривали и, какъ мнѣ показалось, была рѣчь и обо мнѣ, такъ какъ князь не разъ выразительно на меня взглядывалъ. Только что остановился поѣздъ въ Петербургѣ, и я

успѣлъ выдти изъ вагона ранѣе военнаго министра, онъ на платформѣ подошелъ ко мнѣ и, снова протягивая мнѣ руку, очень любезно пригласилъ сейчасъ же ѣхать въ инспекторскій департаментъ и явиться дежурному генералу Катенину, «который все для васъ сдѣлаетъ». Я отвѣсилъ почтительный поклонъ и покатилъ къ зданію главнаго штаба. Былъ первый часъ по полудни, когда я вошелъ въ залу инспекторскаго департамента. Общій пріемъ давно уже кончился, и я засталъ тамъ одного лишь дежурнаго адъютанта, къ удивленію моему, стараго пріятели и однокашника, Илью Ростовцева. Обмѣнявшись обычными привѣтствіями послѣ долгой разлуки, я спросилъ, могу ли я представиться его генералу, на что онъ отвѣтилъ, что пріемъ сегодня уже конченъ, но когда я объяснилъ ему, что являюсь по приказанію, только что полученному лично отъ военнаго министра, Ростовцевъ пошелъ въ кабинетъ дежурнаго генерала и, черезъ нѣсколько минутъ вернувшись, сообщилъ, что его превосходительство сейчасъ ко мнѣ выйдетъ, а самъ поспѣшилъ въ другую дверь съ какимъ-то порученіемъ. Я остался одинъ на стулѣ, около окна. Послышались шаги, и въ залу вошелъ видный, краснощекій генераль-адъютантъ. Я поспѣшилъ встать и поклониться. Генераль Катенинъ, нахмутивъ брови и не отдавая мнѣ поклона, подошелъ ко мнѣ и, пристально взглянувъ на мой армейскій мундиръ, полупрезрительно, полунадменно проговорилъ.

— А что тебѣ, мой милый, нужно?

У меня кровь хлынула къ лицу, и самъ не понимаю, какъ вырвался у меня отвѣтъ: «ничего, милѣйшій, мнѣ не нужно!».

Я опомнился лишь, когда внизу швейцаръ мнѣ подаль шинель и захлопнулъ за мною дверцы кареты. Всю дорогу отъ главнаго штаба до Большой Милліонной я не переставалъ ругаться въ душѣ, но дома засталъ у себя Петра Сергѣевича Львова, полковника лейбъ-Егерскаго полка, который изощрялся въ краснорѣчивыхъ увѣреніяхъ, что генераль Катенинъ пользуется у нихъ во всемъ гвардейскомъ корпусѣ репутаціей и славой перваго джентельмена и извѣстенъ всѣмъ и каждому въ Петербургѣ своимъ изящнымъ и учтивымъ обращеніемъ со всѣми подчиненными безъ исключенія.

Какъ же согласовать и чѣмъ объяснить непростительную грубость его превосходительства со мной? Неужели Куринскій мундиръ, какъ менѣе блестящій, чѣмъ гвардейскій, даетъ право на подобное обращеніе съ тѣмъ, который честно его носитъ? Понятъ не умѣю...

В. А. Полторацкій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПУГАЧЕВЕЦЪ.

(Быль XVIII столѣтія).

I.

А УЛИЦЪ бушевала буря; вѣтеръ выль и стоналъ, вздымая снѣгъ цѣлымъ облакомъ; порою выглядывала луна и опять пряталась за густыми черными тучами; ни одной звѣздочки не виднѣлось на небѣ... Давнымъ давно погасли ужъ огоньки въ домахъ маленькаго городка на Уралѣ, и только въ одномъ зданіи, на самомъ концѣ города, коегдѣ брезжился свѣтъ. Это зданіе было большое и мрачное, со всѣхъ сторонъ окруженное частоколомъ, съ крѣпкими дубовыми воротами, запертыми громаднымъ замкомъ. Передъ воротами прохаживался взадъ и впередъ человекъ, въ шубѣ и высокой казацкой шапкѣ, съ винтовкою на плечѣ.

Мрачно, угрюмо выглядывало это зданіе ночью, но такъ же мрачно глядѣло оно и днемъ. Крѣпко и прочно построенное, на вѣкъ, что называется, обшито тесомъ, съ узенькими оконцами, задѣланными рѣшетками, оно наводило какой-то суевѣрный страхъ на мирныхъ обитателей городка. Порою, въ извѣстные часы дня, у воротъ этого зданія толпился народъ: старики и старухи, молодые женщины, съ грудными дѣтьми на рукахъ. Они топтались на одномъ мѣстѣ, подували на посинѣвшія отъ стужи руки и съ не-

терпѣніемъ ожидали, когда отворять, наконецъ, ворота... Когда ктонибудь ужъ слишкомъ близко подходилъ къ этимъ воротамъ, ходившій взадъ и впередъ человѣкъ въ шубѣ отгонялъ его.

— Куда лѣзешь! — сурово говорилъ онъ и опять продолжалъ ходить взадъ и впередъ, точно маятникъ.

— Кормилецъ ты мой, да скоро ли?—говорила отогнанная бабенка, и въ голосѣ ея звучали слезы.—Скоро ли отопруть-то? Вся перемерзла, страсть!..

— Не сдохнешь!.. — сурово отрѣзывалъ человѣкъ въ шубѣ и опять ходилъ и ходилъ.

Бабенка начинала слегка всхлипывать.

— Тебѣ кого тамъ?—спрашивалъ ее часовой.

— Мужа, мужа, кормилецъ...

— Давно онъ здѣсь?

— Да вотъ ужъ никакъ другой мѣсяць... И, Богъ знаетъ, за что онъ попалъ сюда!.. И я то не знаю, и онъ не знаетъ...

— Разсказывай!—ухмылялся въ бороду часовой.—Такъ, поди, безъ вины попалъ?

— Истинно безъ вины, кормилецъ!.. Жили мы тихо, мирно...

Я дома все, по хозяйству, извѣстно; онъ на рыбной ватагѣ, у Парамона Степаныча, у купца, работалъ... И вдругъ пришли это, прикрутили ему руки къ лопаткамъ и посадили сюда... За что, Господь вѣдаетъ!..

— Да, видно, не за хорошее дѣло... Ни за что-то, вѣдь, не посадятъ...

Но тутъ звенѣлъ ключъ въ замкѣ, и ворота широко отворились, скрипя на заржавѣвшихъ петляхъ. Толпа порывисто устремлялась во дворъ, и на улицѣ оставался только одинъ часовой, все ходившій взадъ и впередъ, какъ маятникъ.

Проходилъ часъ; часовой все ходилъ, слегка пожимаясь и покахтывая отъ мороза. Ворота опять отворились, и народъ выходилъ на улицу. У многихъ глаза были заплаканы; иные отирали слезы.

А буря разыгрывалась не на шутку. Порывы вѣтра были такъ сильны, что все крѣпкое и прочное зданіе тюрьмы потрясалось до основанія. Снѣгъ валилъ густыми, крупными хлопьями и, наконецъ, превратился въ какую-то сплошную бѣлую пелену, сквозь которую ничего не было видно... Часовой усиленно напрягалъ зрѣніе, вглядываясь въ густой мракъ, и все прислушивался, прислушивался... Но ничего не видѣлъ онъ въ этомъ мракѣ, и ничего не слышалъ, кромѣ рева и завываній вѣтра; да развѣ порой доносился еще откуда-то рѣзкій, визгливый скрипъ флюгеровъ...

Въ низенькой, тѣсной, сырой каморкѣ лежалъ на кучѣ соломы скованный по рукамъ и ногамъ человѣкъ... Сквозь узенькое окно,

задѣланное желѣзной рѣшеткой, не пробивалось ни искры свѣта... Но вотъ луна на минуту выглянула изъ-за тучъ и освѣтила и каморку, и арестанта... Это былъ высокій, ражій дѣтина, лѣтъ 30, мощный, широкоплечій, съ рыжеватой, растрепанной бородою и голубыми глазами. Въ лицѣ его не было ничего звѣрскаго. Это было простое, мужичье лицо, съ рѣзко обрисованными чертами, слегка выдавшимися скулами и широкимъ носомъ, смуглое, загорѣлое...

Звякнули кандалы. Арестантъ протянулъ руку и сталъ что-то искать въ темнотѣ. Вотъ, наконецъ, нашель. Это кружка съ водою. Онъ выпилъ пять-шесть глотковъ, опять поставилъ ее на мѣсто, протянулся на соломѣ во весь ростъ, или, вѣрнѣе, на сколько ему это позволяли цѣпи, и закрылъ глаза...

Буря выла и бушевала на улицѣ, но арестантъ не обращалъ на нее никакого вниманія, онъ точно совсѣмъ не слыжалъ ея... Ему не до бури было... Мысли роємъ толпились въ его головѣ и давили ее, точно тисками... Многое что припомнилось: мало хорошаго, худаго много... Во-первыхъ, за что онъ попалъ сюда, и что его здѣсь ожидаетъ? За что онъ попалъ, исторія длинная; а что ожидаетъ,—висьлица, что же больше!.. И онъ ужъ такъ свыкъся съ мыслью о смерти, что она нисколько не пугаетъ его... Онъ покори́лся вполнѣ судьбѣ: что будетъ, то будетъ!..

И вотъ припомнилась ему деревушка его, верстахъ въ двадцати отсюда, деревушка маленькая и бѣдная, съ дымными, курными избами... Только одинъ барскій домъ, съ густымъ, полузапущеннымъ садомъ, представлялъ рѣзкій контрастъ среди этой грязи, бѣдности, нищеты... Припомнился ему и баринъ-помѣщикъ... Вотъ, какъ живой, стоитъ онъ предъ нимъ, высокій и сухощавый, съ сѣдыми, взъерошенными усами и давно небритою бородой... И арестантъ тяжело поворачивается на соломѣ и сжимаетъ вдругъ кулаки...

Да, много онъ вынесъ отъ этого суроваго, злого барина; много вынесла отъ него вся деревня... Жадный, скупой, онъ не зналъ ни Бога, ни совѣсти. Всѣ ненавидѣли его, всѣ боялись, точно огня... Господа, и тѣ даже не хотѣли вести съ нимъ знакомства. Только порой заѣзжалъ къ нему изъ сосѣдней усадьбы такой же жадный, скупой старикъ, какъ и онъ, да еще тамъ человекъ пять-шесть, и только...

И вотъ у такого-то «аспида» была дочь, которую вся деревня называла своимъ ангеломъ-хранителемъ, благодѣтельница, заступницей, за которую вся деревня пошла бы въ огонь и въ воду... Она помогала имъ всѣмъ, чѣмъ могла: хлѣбомъ, деньгами (хотя послѣднія у нея рѣдко когда бывали); помогала добрымъ совѣтомъ; она лечила больныхъ, ласкала и нянчила ребятишекъ... И много же доставалось ей отъ отца за эту любовь къ голытьбѣ горемычной,

но она все сносила, терпѣла... Святая дѣвушка!.. Благослови и помилуй ее Господы!.. Жива ли она теперь, Богъ знаетъ!.. Тогда, пять лѣтъ назадъ, она выглядѣла далеко не красиво...

И арестантъ опять тяжело заворочался на соломѣ, и передъ нимъ, какъ живая, предстала эта святая дѣвушка, съ тихимъ и задушевымъ голосомъ (онъ и теперь, вотъ, кажется, словно звучитъ у него въ ухахъ), съ блѣднымъ, худымъ лицомъ, съ румянцемъ пятнами на щекахъ и сухимъ, удушливымъ кашлемъ...

— Нѣтъ, померла, поди! — думаетъ арестантъ и вдругъ чувствуетъ, что у него что-то точно застряло въ горлѣ и начинаетъ душить его, а глаза становятся какъ-то влажныѣ.

— Померла, бѣдная! Больно плоха была! А померла, такъ царство небесное, вѣчный покой пошли ей, Господи!.. Да, не въ отца она уродилась, не въ барина!.. Охъ, этотъ баринъ, баринъ!..

И арестанту припоминается, какъ много зла сдѣлалъ ему этотъ жадный, скупой старикъ, какъ много онъ ему причинилъ горя... Но всѣхъ больнѣй была одна рана. Она и теперь болитъ и ноетъ еще, и только тогда перестанетъ болѣть, когда онъ умретъ на висѣлицѣ...

Да, много горя, печали было въ жизни бѣднаго Плескуна (такъ прозвали еще въ деревнѣ нашего арестанта); много было нужды, заботъ и лишеній... Но выпадали въ ней и отрадные и счастливыя минутки; но, увы, не много ихъ было и не долго продолжались онѣ... Помнить Плескунъ дѣвушку. Онъ ужъ давно горячо любилъ ее. Баринъ позволилъ ему жениться. И вотъ они повѣнчались. Плескунъ былъ счастливъ. Жена заставляла его забывать заботы, нужду, нерѣдко стучавшуюся въ окно ихъ ветхой, дымной избушки... Дуняша была веселая, живая бабенка. Она по цѣлымъ днямъ пѣла за прялкой, и ся звонкій, серебристый голосъ разносился не только по всей избѣ, а чуть не по всей деревнѣ... И точно камень откатывался отъ сердца у Плескуна отъ звуковъ этого голоса. Онъ забывалъ все горе, заботы, и ему становилось легче, отраднѣе...

И вдругъ эту самую Дуню, за то, что она приглянулась старому барину и не поддалась его мимолетной прихоти, отняли у него и продали другому помѣщику, версты за 400 отъ ихъ деревни... Плескунъ чуть съ ума не сошелъ. Злоба, отчаяніе вдругъ охватили его, и первая мысль, явившаяся у него въ головѣ, это было поджечь барскую усадьбу. Но онъ вспомнилъ о дочкѣ барина, объ этой доброй, святой дѣвушкѣ, и отогналъ отъ себя эту мысль... Плескунъ чуть не по цѣлымъ часамъ валялся въ ногахъ у барина и все умолялъ, чтобъ онъ продалъ его туда же, куда и его жену. Но баринъ не согласился: Плескунъ былъ очень хорошій плотникъ.

Исчезали счастье и радость, опять смѣнились несчастьемъ и горемъ, и Плескунъ, какъ тѣнь, бродилъ по своей опустѣлой хатѣ.

Въ одну недѣлю онъ страшно осунулся, похудѣлъ, постарѣлъ на цѣлый десятокъ лѣтъ и далеко запшырнулъ куда-то топоръ, которымъ, бывало, онъ такъ усердно, старательно тесалъ доски на барскомъ дворѣ... Старый баринъ принялъ было крутыя мѣры, но никакія наказанія не могли заставить Плескуна приняться опять за работу, и на него, наконецъ, махнули рукой.

Но вотъ до него дошелъ слухъ, что жена его умерла въ горячкѣ. Слухъ оказался вѣрнымъ, и Плескунъ опять чуть не сошелъ съ ума. Онъ самъ забодѣлъ и едва оправился. Всталъ онъ съ постели худой, точно скелетъ, съ какими-то дикими, блуждающими глазами... И эти глаза пугали встрѣчающихся прохожихъ; пугали они даже стараго барина...

А жизнь въ деревнѣ шла все такъ же скверно; все такъ же плакали и жаловались мужики на обиды и притѣсненія стараго барина. Но вотъ вдругъ въ воздухѣ повѣяло чѣмъ-то новымъ, еще небывалымъ... Дошли до ихъ деревушки слухи какіе-то, и лица у мужиковъ прояснились. Точно гора вдругъ свалилась съ ихъ плечъ, и они вздохнули свободнѣе...

— Теперь ужъ недолго терпѣть намъ, — слышался на деревнѣ шепотъ. — Скоро и мы заживемъ, какъ люди живутъ... Погоди, баринъ, не долго тебѣ надъ нами орудовать. Скоро тебя позовутъ къ отвѣту, и заплатишься ты за все...

Плескунъ, какъ тѣнь, бродилъ по своей избѣ; какъ тѣнь, бродилъ по деревнѣ и не обращалъ на эти слухи, на этотъ шепотъ никакого вниманія. До нихъ ли было ему!.. Но шепотъ становился все громче и громче и, наконецъ, превратился въ говоръ... Старый баринъ чутко насторожилъ уши и вдругъ испугался страшно...

Но въ чемъ же дѣло? Что это были за слухи такіе, что такъ взволновали деревню и превратили забитыхъ и апатичныхъ крестьянъ въ бойкихъ и оживленныхъ говоруновъ. А состояли они вотъ въ чемъ: государыня-матушка Екатерина II неправильно царствуетъ. Супругъ ея, Петръ III, не умеръ, онъ живъ. Подъ видомъ его похоронили какого-то офицера, а самъ онъ благополучно спасся, бѣжалъ и появился теперь у нихъ на Уралѣ. Онъ собираетъ народъ со всѣхъ концовъ Русской земли, составляетъ большое войско и хочетъ идти съ этимъ войскомъ на Питеръ и на Москву, чтобъ завладѣть опять неправильно отнятымъ у него престоломъ и дать народу и волю, и землю...

Да, волю и землю! О, это были волшебныя, магическія слова и, какъ искра, брошенная въ бочку съ порохомъ, воспламенили они порабощенныхъ и безземельныхъ крестьянъ...

— Всѣ мы за батюшкой-государемъ! Всѣ до одинаго!..—раздавалось уже по всей деревнѣ.— Живъ онъ, кормилецъ, родной нашъ, а намъ сказали, что померъ...

— Опомнитесь! Что вы, съ ума сошли!..—вдругъ прерывалъ ихъ

слегка дрожащій, но громкій голосъ стараго барина. Онъ выходилъ къ народу и старался успокоить его и урезонить.

— Какой тамъ батюшка-государь? Откуда вы взяли?.. Васъ просто, вѣдь, обмануть хотятъ!.. Государь умеръ. Я самъ видѣлъ его въ гробу и удостоился поцѣловать его мертвую руку... А тотъ, кого вамъ хотятъ выдать за государя, — просто разбойникъ и воръ! Его зовутъ Пугачевымъ, Емелькой; онъ бѣглый донской казакъ...

Но толпа не обращала никакого вниманія на слова барина и продолжала галдѣть все громче и громче.

— Бунтовщики!.. Злодѣи!.. Молчать!.. — возвышалъ голосъ баринъ.

— Ты, баринъ, попридержи языкъ-то! — раздавался вдругъ изъ толпы совѣтъ. — Не мы бунтовщики, а ты!.. Ты самъ говоришь бунтовскія рѣчи: говоришь, что батюшка-государь померъ, когда онъ живъ-живехонекъ... Онъ волю дастъ намъ, землю...

— Онъ воръ и разбойникъ, а не государь!..

— Ты самъ разбойникъ и воръ!.. грозно раздавалось въ толпѣ. — Грабитель ты, кровопивецъ!.. Вотъ погоди ужю, заставитъ тебя батюшка-государь плясать на веревкѣ!.. Пошелъ отсюда, пока цѣлъ, а то, вѣдь, не ровень часъ, мы и государя не будемъ ждать, сами съ тобой расправимся!..

И баринъ, еле живой отъ страха, уходилъ домой. Онъ запиралъ на замки всѣ двери, запиралъ ставни и всю ночь трясся, какъ въ лихорадкѣ...

И вотъ одинъ за другимъ крестьяне стали уходить изъ деревни къ «батюшкѣ-государю». Старый баринъ и рвалъ и металъ, но ничего не могъ сдѣлать. Онъ самъ боялся «батюшки-государя» пуще огня... Зловѣщіе слухи распространялись все больше и больше. Поговаривали, что «государь» строго караетъ «ослушниковъ»; что онъ мирволитъ всячески голытьбѣ и вѣшаетъ сплосъ да рядомъ помѣщиковъ. — «Такъ вамъ и надо, чортовымъ дѣтямъ! — говаривалъ, будто, онъ. — Собакѣ собачья и смерть!»...

И баринъ смотрѣлъ, какъ уходили изъ его деревни одинъ за другимъ крестьяне, злился, скрипѣлъ зубами, порою рвалъ на себѣ волосы, но сдѣлать ничего не могъ. Деревня пустѣла все больше и больше. Оставались дряхлые старики и старухи, да ребятишки...

Но это общественное движеніе не коснулось нашего Плескуна. Онъ не хотѣлъ идти за другими къ «батюшкѣ-государю», который обѣщалъ дать имъ всѣмъ волю и землю... Да и куда ему было съ волей, безъ его Дуни? На что земля?..

— Вѣдь сажень-то, чтобъ вырыть яму, дадутъ мнѣ и тутъ, — думалъ Плескунъ. — Ну, а еще земли мнѣ не надо!..

Однако по настояніямъ старухи-матери, свято вѣрившей въ самозванца и считавшей его за истиннаго государя, пошелъ и онъ вслѣдъ за прочими. Онъ крѣпко любилъ мать и всегда былъ послушнымъ, покорнымъ сыномъ.

Шелъ онъ долго, проселочными путями, съ палкой въ рукѣ, съ котомкою за плечами, въ оборванномъ кафтанишкѣ, и, наконецъ, очутился въ лагерѣ «батюшки-государя», предсталъ предъ его «свѣтлыя очи»...

На полянѣ пылали ярко костры; вокругъ нихъ суетилась тамъ и сямъ многочисленная толпа. Тутъ былъ всевозможный сбродъ: бѣглые крѣпостные, дезертиры, казаки, башкиры, киргизы, всѣ, большею частью, въ оборванныхъ кафтанахъ и зипунахъ, порою обрызганныхъ кровью... Вооруженіе было самое разнокалиберное и далеко не блестящее. У кого виднѣлась за плечами винтовка, или пика; у кого торчалъ за поясомъ пистолеть, сабля, ножъ или топоръ; у большинства же были просто обыкновенныя косы или простые деревянные колья, заостренные и обугленные на концѣ. Нѣсколько пушекъ глядѣли своими мрачными, темными жерлами... Слышалось ржаніе лошадей; брань, споры, ругань... (Предъ «государемъ-батюшкой» не стѣснялись, и подъ самымъ носомъ его ругались елико возможно, и порусски, и побашкирски, и покиргизски, а порою задавали другъ другу и потасовку).

Пугачевъ сидѣлъ на простомъ деревянномъ стулѣ, возлѣ полотнонаго шатра. Онъ былъ въ красномъ суконномъ кафтанѣ и высокой казацкой шапкѣ. У пояса его висѣла сабля, съ вызолоченнымъ эфесомъ, и два пистолета.

Плескунъ робко подошелъ къ самозванцу и поклонился въ землю.

— Встань, молодецъ!—послышался ласковый, слегка хриплый голосъ.

Плескунъ поднялъ голову. Предъ нимъ сидѣлъ чловѣкъ, средняго роста, широкоплечій и худощавый, съ черною съ просѣдью бородою.

— «Такъ вотъ онъ, государь-батюшка!—думалъ Плескунъ, съ любопытствомъ вглядываясь въ самозванца.—Государь ли только?.. Вонъ, говорятъ, не государь, а казакъ бѣглый, Емелька... Оно, пожалуй, и похоже на правду: лицо-то у него словно бы и не царское, а наше мужичье... Впрочемъ, какъ знать? Можетъ, и вправду онъ государь»...

— Ну, что, молодецъ?—спрашивалъ Пугачевъ.—Ко мнѣ пришелъ, служить хочешь?

— Хочу, государь!

— Добре! Такъ признаешь меня своимъ государемъ?

— Признаю, ботюшка.

— Ну, ладно, служи мнѣ вѣрой и правдой, а я ужъ не забуду тебя своей царской милостью...—и онъ протянулъ Плескуну жилистую, смуглую руку. Тотъ приложилъ къ ней губы.

— Изъ какихъ будешь?—спрашивалъ Пугачевъ.

— Бѣглый холопъ, государь.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1893 г., т. лш.

— А какого барина?

Плескунъ назвалъ.

— Добрый онъ, или злой?

— Злой, батюшка-государь, куды злой! Другаго такого аспида и не сыскать, поди!..

— Ну, такъ я шкуру съ него спущу!—мрачно проговорилъ Пугачевъ.—Повѣшу при первомъ случаѣ...

Подъ рукою оказался священникъ, блѣдный, дрожащій, захваченный силою въ сосѣднемъ селѣ. Онъ протянулъ Плескуну крестъ. Тотъ набожно перекрестился и приложился къ нему губами. Присяга была принята, и Плескунъ поступилъ на службу къ «батюшкѣ-государю».

Въ тотъ же вечеръ узналъ Плескунъ отъ какого-то старика казака, какимъ образомъ «государь» воскресъ изъ мертвыхъ. Оказалось, что слухи о его смерти были ложны, и что онъ и не думалъ никогда умирать... Онъ убѣжалъ въ Кіевъ, гдѣ и скрывался около года. Потомъ онъ пробрался въ Царьградъ, и тамъ тайно участвовалъ въ русскомъ войскѣ, во время послѣдней войны съ турками...—Да, какъ простой солдатъ, дрался батюшка!—съ умиленіемъ говорилъ казакъ.—А никто и не зналъ, что это онъ: никому и въ голову не приходило признать въ немъ русскаго государя...

Потомъ онъ пробрался на Донъ, и вдругъ былъ схваченъ измѣнниками въ Царицынѣ. Но вѣрные казаки освободили его.

— Казаки всегда были вѣрными слугами своему законному государю,—не безъ гордости замѣтилъ казакъ и покрутилъ сѣдьющіе усы.

Потомъ попалъ «батюшка» на Иргизъ. Въ яицкомъ городкѣ его снова схватили измѣнники и отвезли было въ Казань, но тамъ какой-то купецъ подкупилъ часового за семьсотъ рублей, и тотъ выпустилъ «государя».

— Такъ вотъ сколько вынесъ онъ, батюшка, отъ злыхъ воровъ!—такъ закончилъ казакъ свою повѣсть.—Вотъ сколько онъ вытерпѣлъ!.. Смотри же, парень, служи ему вѣрой и правдой, а ужъ онъ не забудетъ и не оставитъ тебя своими милостями... Какъ за Богомъ молитва, такъ за царемъ служба не пропадаетъ...

— Да, буду, дядюшка!—съ чувствомъ проговорилъ Плескунъ.— Буду служить ему вѣрой и правдой... А коль понадобится, то и голову сложу за него...

Плескунъ повѣрилъ всѣмъ этимъ нелѣпымъ выдумкамъ, и ему стало отъ души жаль «батюшку-государя». Да, въ самомъ дѣлѣ, сколько онъ вынесъ и вытерпѣлъ!.. А за что?—Да за то, что хочетъ онъ опять завладѣть неправильно отнятымъ у него престоломъ и дать народу крестьянскому, православному и волю, и землю...

— Буду служить, дядюшка! — опять съ чувствомъ повторилъ онъ.

— Молодецъ, молодецъ, парень! — и старикъ потрепалъ его ласково по плечу.

II.

Много тяжелыхъ и безобразныхъ сценъ доводилось видѣть Плескуну на «государевой службѣ»... Во многихъ онъ былъ только свидѣтелемъ, въ другихъ самъ принималъ участіе. Но вотъ разъ какъ-то екатерининскія войска разбили этотъ плохо вооруженный сбродъ. Было много убитыхъ и раненыхъ; многихъ забрали въ плѣнъ. Попалъ въ числѣ этихъ послѣднихъ и нашъ Плескунъ. Ему надѣли на руки и на ноги кандалы и крѣпко заперли вотъ въ этой самой каморкѣ, на кучѣ полугнилой, вонючей соломы... Въ дальнѣйшей своей участи онъ ни капли не сомнѣвался и, какъ мы уже говорили, нисколько не беспокоился...

— Ну, что-жъ, и пускай повѣсятъ! — думалъ Плескунъ. — По крайней мѣрѣ, скоро увижусь съ Дуней...

Онъ никогда не переставалъ думать о ней, даже тогда, когда разорялъ усадьбы и громилъ крѣпости. Она и теперь у него съ ума не идетъ... Охъ, Дуня, Дуня!..

Плескунъ тяжело заворочался на соломѣ... Кандалы звякнули... А на улицѣ все такъ же стонала и завывала буря...

Въ корридорѣ слышались чьи-то шаги. Плескунъ поднялъ голову... Въ маленькое окошко, прорѣзанное въ дверяхъ, пробивался свѣтъ... Да, идутъ, точно... Шаги все ближе и ближе. Ключъ зазвенѣлъ въ замкѣ, дверь повернулась на ржавыхъ петляхъ, и въ каморку вошелъ старикъ, съ рѣденькою сѣдою бородкой. Въ одной рукѣ держалъ онъ фонарь, въ другой охапку свѣжей соломы... Старикъ поставилъ на полъ фонарь и подошелъ къ арестанту. Тотъ приподнялся и сѣлъ.

— Соломку хочу, вотъ, перемѣнить тебѣ. Эта-то ужъ, чай, подопрѣла...

— Спасибо, дѣдушка!.. Да, подопрѣла больно, смердить...

— Вотъ то-то и есть! Давно ужъ я собирался, да все, знаешь, некогда: вѣдь у меня двадцать пять на рукахъ, такихъ же, вотъ, какъ и ты... Привстань-ка!..

Плескунъ всталъ, звеня кандалами, и выпрямился во весь свой высокій ростъ. Онъ былъ головы на двѣ выше своего сторожа.

Старикъ началъ перемѣнять солому, а Плескунъ все время приглядывался къ нему и старался припомнить, гдѣ онъ видалъ его: какъ будто лицо знакомое... Да, точно видалъ, но гдѣ и когда, не помнить...

Но вотъ старикъ кончилъ свою работу, захватилъ связку ста-

рой, гнилой соломы, такъ и кишѣвшей мокрицами и пауками, и опять взялъ фонарь.

— Постой-ка, дѣдушка!—остановилъ его арестантъ.

Тотъ вопросительно взглянулъ на него.

— Смотрю я, вотъ, на тебя: лицо, какъ будто, знакомое... Видѣль я гдѣ-то тебя, но гдѣ и когда, не помню...

Старикъ посмотрѣлъ на Плескуна и мотнулъ головою.

— Да и я, кажись, гдѣ-то тебя, молодецъ, видалъ... Ты изъ какихъ будешь?

Плескунъ сказалъ.

Сторожъ слегка присвистнулъ беззубымъ ртомъ.

— Эге-е!..—протянулъ онъ.—Да мы, братъ, земляки, значить: и я, вѣдь, тоже оттудова...

Онъ приперъ плотнѣе дверь, опять поставилъ на полъ фонарь и оперся о притолку, съ явнымъ намѣреніемъ продолжать бесѣду.

— А ты давно оттудова, дѣдушка?—спрашивалъ старика Плескунъ, усаживаясь на свѣжей соломѣ.

— Давно, парень, очень давно; лѣтъ двадцать, пожалуй, коли не больше...

— Ну, и выходитъ, что ты меня еще мальчишкой видалъ,—мнѣ тридцать первый пошелъ,—и я тебя видалъ тоже, да вотъ припомнить не могъ... А звать-то тебя какъ, дѣдушка?

— Яковомъ... Данилычемъ, по отцу-то...

— Такъ вотъ, Яковъ Данилычъ,—говорилъ Плескунъ:—земляки, значить...

Въ этой душной, сырой тюремѣ, быть можетъ, уже на порогѣ гроба, ему пріятно было встрѣтиться съ землякомъ.

— Ну, потолкуемъ, дѣдушка... Мать-то мою, вѣдь, ты зналъ, поди, Анну Егоровну?

— Анну Егоровну-то? Господи, царь небесный! Да какъ не знать, молодецъ! Зналъ, хорошо зналъ,—обрадовался старикъ.—И свадебничаль еще у нея,—вотъ какъ!—За дружку былъ... Такъ ты ее сынъ, выходитъ?

— Сынъ, дѣдушка.

Старикъ съ участіемъ посмотрѣлъ на него и покачалъ головою.

— Такъ вотъ оно какъ!..—задумчиво говорилъ онъ.—А ты за что же попалъ сюда, молодецъ, за какія провинности?

Плескунъ сдвинулъ брови, на лбу у него появилась складка. Онъ глубоко вздохнулъ.

— А попалъ я сюда не за худое, а за хорошее дѣло, дѣдушка,—проговорилъ онъ.

Старикъ взглянулъ на него недовѣрчиво.

— Да что-жь ты такое сдѣлалъ?

— Что сдѣлалъ? А только и сдѣлалъ всего, что служилъ я вѣрную службу законному государю... Сражался я за него, караль

измѣнниковъ... А его, видишь ли ты, не государемъ считаютъ, а воромъ, разбойникомъ, бѣглымъ казакомъ какимъ-то... А, каково, дѣдушка? Ну, а ты самъ-то... Ты за кого считаешь его? За государя, аль просто за Пугачева Емельку?— и онъ пылливо взглянулъ на старика.

Тотъ на цыпочкахъ подошелъ къ двери и заглянулъ въ полутемный, сырой корридоръ, но тамъ никого не было. Дымный ночникъ тускло горѣлъ на стѣнѣ, освѣщая сырыя потрескавшіяся плиты пола. Старикъ притворилъ дверь и вернулся опять къ арестанту.

— За государя считаю его, молодецъ, за истиннаго, законнаго государя, — тихо проговорилъ онъ: — Екатерина неправильно царствуетъ...

— Ой ли?—обрадовался Плескунъ.—Такъ ты, выходить, нашъ, дѣдушка?

Старикъ кивнулъ головою.

Наступило молчаніе. Буря все такъ же выла и бушевала на улицѣ... Плескунъ вздохнулъ.

— Тяжело, дѣдушка! — проговорилъ онъ.— Не будемъ мы толковать объ этомъ... Да и что толковать-то мнѣ: моя пѣсня спѣта. Вѣдь все равно, не сегодня—завтра повѣсятъ... Не такъ ли? Повѣсятъ вѣдь?

Старикъ съ грустью взглянулъ на него.

— Да, надо полагать, повѣсятъ...—прошепталъ онъ.

— Ну, и пуцай! — чуть не весело говорилъ Плескунъ.— Я не боюсь смерти. Отъ нея, вѣдь, не убѣжишь, все равно; рано ли, поздно ли—помирать надобно... Вотъ только матушку жаль мнѣ больно...

И Плескунъ тяжело вздохнулъ.

Старикъ поднялъ голову. Онъ что-то вспомнилъ.

— Фу, Господи, Боже мой! — съ какимъ-то почти отчаяніемъ заговорилъ онъ.— Совсѣмъ изъ ума вонъ!.. Вчера пріѣзжалъ, тамъ, человекъ одинъ изъ нашей деревни... Ну, то, сѣ рассказывалъ... Баринъ, говорить, заперся у себя въ комнатѣ и носа никуда не показываетъ: боится страшно, все ждетъ батюшку-государя... Дочка его померла, въ прошломъ году еще...

— Царство небесное! — набожно перекрестился Плескунъ.— Да, такъ и зналъ я!..

И онъ смахнулъ рукавомъ наворачнувшіяся на глазахъ слезы.

— Потомъ, говорилъ, Анна Егоровна...

Но тутъ старикъ вдругъ умолкъ.

Плескунъ вздрогнулъ.

— Ну, что-жъ Анна Егоровна?.. Померла тоже?.. — глухо проговорилъ онъ.— Ты говори, дѣдушка!

— Оно не то, чтобы померла, а такъ... какъ бы тебѣ сказать... больно плохо ужъ... при смерти...

Плескунъ поблѣднѣлъ и низко понурилъ голову. Мать умираетъ, а онъ здѣсь, въ тюрьмѣ, скованный по рукамъ и ногамъ... И не можетъ онъ съ ней проститься, взглянуть на нее въ послѣдній разъ, принять ея родительское благословеніе!.. Сердце у Плескуна сжалось, заняло...

— Тебя вспоминала все,—продолжалъ старикъ.—Только бы мнѣ Андрейку, говорить, увидеть, спокойно бы померла тогда... Живъ ли только онъ, горемычный?..

Эти слова были искрой, брошенной въ порохъ, масломъ, политымъ на огонь... Плескунъ вдругъ вскопился, звеня кандалами. Старикъ отступилъ въ испугѣ.

— Что ты, Господь съ тобою?.. Что ты?—говорилъ онъ.

— Дѣдушка! Есть ли у тебя на вороту крестъ?—съ какимъ-то страстнымъ порывомъ говорилъ Плескунъ.—Вѣришь ли ты въ Господа Бога?

— Да что ты съ ума сошелъ, что ли, парень!.. Что говоришь ты! Татаринъ я, или жидъ, что ли?..

— Такъ вотъ что... вотъ что, дѣдушка... Сними ты съ меня кандалы эти...—и онъ опять звякнулъ ими,—и отпусти ты меня проститься съ матерью... Ради Господа Бога!.. Ради всего святаго, дѣдушка!.. Я только прошусь съ нею и опять вернусь сюда... Вернусь завтра къ вечеру... Даю тебѣ въ этомъ честное слово, дѣдушка... Клянусь тебѣ всѣми святыми!..

Старикъ съ неописаннымъ изумленіемъ, чуть не съ ужасомъ смотрѣлъ на него. Теперь онъ почти былъ увѣренъ, что арестантъ «спятилъ».

— Ты шутишь, парень!—робко пробормоталъ онъ.

— Дѣдушка, да до шутокъ ли тутъ... до шутокъ ли!..—съ отчаяніемъ говорилъ Плескунъ.

И вдругъ онъ упалъ на колѣни, протянулъ къ старику руки...

— Ради Христа, отпусти!.. Отпусти, дѣдушка!—стонать онъ.—Честное слово даю тебѣ... клянусь, что вернусь завтра къ вечеру!.. Я не обманщикъ, дѣдушка, не душегубецъ!.. Я никого еще никогда не обманулъ въ жизни!.. Такъ неужели же я тебя обману? Господи, Боже мой!.. Да накажи меня Царица Небесная!.. Развѣ не знаю я, что если я не вернусь, такъ тебя самого повѣсятъ!.. Что-жъ, я твою голову въ петлю суну? Да вѣдь такого злодѣйства я и представить себѣ не могу!.. Дѣдушка, отпусти!.. Отпусти, Христа ради!..

Плескунъ весь трясся, какъ въ лихорадкѣ; слезы ручьемъ текли по его щекамъ.

Нѣтъ, онъ не «спятилъ»,—въ своемъ умѣ... Онъ плачетъ, клянется такъ... Можно развѣ ему не вѣрить?.. Но отпустить... отпустить на ночь, проститься съ матерью... Нѣтъ, старику ничего по-

добнаго и во снѣ не снилось!.. Ему было жаль бѣднаго Плескуна, глубоко жаль... Онъ, глядя на него, самъ чуть не плакалъ... Но отпустить?..

— Не могу, парень!—почти простоналъ онъ.—Что ты, Христосъ съ тобой! Я не о двухъ головахъ!.. Да и какъ я тебя пушу?..

— Какъ? Да вотъ какъ, дѣдушка!.. Сперва сними ты съ меня кандалы эти... Потомъ дай ты мнѣ твое платье, шубу, тамъ, что ли, я и выйду, будто какъ ты... А завтра къ вечеру я вернусь... Честное слово, дѣдушка!..

— Чудакъ ты! Да какъ же ты въ моей шубѣ выйдешь? Вѣдь я, видишь, какой короткій да сгорбленный, а ты, поди, головы на двѣ выше меня.

— Все это ничего, родимый... Я какъ нибудь, тамъ, согнусь, сгорблюсь... Только пусти... пусти, дѣдушка!..

— Нѣтъ, нельзя, парень!—старикъ тяжело вздохнулъ.—И думать ты не моги объ этомъ!..

Но сердце не камень. Плескунъ такъ горько и безутѣшно плакалъ, такъ умолялъ старика, такъ клялся, божился, что тотъ не могъ устоять и рѣшился на безумный, сумасшедшій поступокъ.

— Ну, ладно, я отпущу тебя,—говорилъ онъ.—Но только смотри... смотри, парень, не забывай, что у меня восьмеро на рукахъ!

— Да накажи меня Царица Небесная!..

— Постою, погоди немного!

Старикъ взялъ фонарь и ушелъ. Минуть черезъ пять онъ вернулся съ какимъ-то ключемъ въ одной рукѣ и волчьей шубой въ другой. Онъ всталъ на колѣни предъ арестантомъ и отомкнулъ ключемъ кандалы. Они со звономъ упали. Плескунъ съ наслажденіемъ расправилъ изломанные, наболѣвшіе члены.

— Какъ хорошо, дѣдушка!—прошепталъ онъ:—точно гора съ плечъ свалилась!..

И вдругъ онъ припалъ губами къ сухой и костлявой рукѣ старика.

— Благослови тебя Богъ, дѣдушка!.. Благослови тебя Богъ!..

— Ну, на, вотъ шуба, ступай! Ты постучись у воротъ, часовой отворить... Спросить тебя: куда?—Скажи, что въ приказъ, молъ, смотритель послалъ съ бумагой... Да только, смотри, парень, ты не забудь...

— Дѣдушка!..

— Ну, ладно, ступай съ Богомъ! Вѣрю! Ну, а назадъ пойдешь, скажи часовому, что ты къ сторожу Якову, назовись племянникомъ...

Страшный порывъ вѣтра чуть не сбиль съ ногъ Плескуна, когда тотъ вышелъ на улицу. Тьма была—зги не видать! Вѣтеръ вылъ и стоналъ; снѣгъ валилъ цѣлой тучею... Плескунъ сгорбился, на сколько возможно, и постучалъ въ калитку.

— Кто тамъ?—послышался голосъ съ улицы.

— Сторожъ Яковъ Даниловъ,—прохрипѣлъ Плескунъ, стараясь поддѣлаться подъ голосъ стараго сторожа.

Ключъ зазвенѣлъ въ замкѣ, и калитка вдругъ распахнулась. Полусонный казакъ пропустилъ мнимаго сторожа, не обративъ на него почти никакого вниманія.

Плескунъ былъ на свободѣ...

III.

Яковъ Данилычъ остановился, точно окаменѣлый, среди опустѣвшей камеры. Возлѣ него на полу лежала связка гнилой соломы, стоялъ фонарь...

— Что я надѣлалъ!.. Господи, что я надѣлалъ!—бормоталъ старикъ.—Ушелъ... убѣжалъ онъ...

И первая мысль, явившаяся у него въ головѣ, это было—поднять тревогу... Ему стоитъ только крикнуть: бѣжалъ!—и вся тюрьма моментально поднимется на ноги, и тотчасъ же снарядятъ погоню за бѣглецомъ. Его настигнуть,—онъ не могъ далеко уйти,—и опять притащатъ въ тюрьму... Ну, а потомъ что будетъ?..

— И я его отпустилъ... дуракъ, бревно старое!.. Повѣрилъ ему, какъ малый ребенокъ... Вернусь, говорить, завтра къ вечеру... Да, какъ же, вернется, жди его!.. Что я надѣлалъ!.. Господи, что я надѣлалъ!..

И онъ ломалъ свои худыя, костлявыя руки.

Отвѣтственность, точно, была громадная. Ежеминутно смотритель тюрьмы могъ вздумать обойти камеры арестантовъ. Онъ ихъ найдетъ всѣхъ на своихъ мѣстахъ. Но вотъ онъ отворить дверь камеры Плескуна. Она пуста. Гдѣ-жъ арестантъ? Ну, что скажетъ ему Данилычъ? Онъ скажетъ, что отпустилъ арестанта на честное слово до завтра, проститься съ его умирающей матерью... Такъ, что ли? Да это, вѣдь, курамъ на смѣхъ!.. Кто же повѣритъ ему? А если бы и повѣрили, такъ развѣ онъ имѣлъ право? И что-жъ тогда будетъ съ Данилычемъ?..

Старика прохватила дрожь; его зубы застучали, какъ въ лихорадкѣ... Вѣдь его ждетъ висѣлица, или, по меньшей ужъ мѣрѣ, кнутъ... Кнутъ!.. Да развѣ онъ его можетъ выдержать? Онъ умретъ подъ ударами палача... Ну, а семья... та что же?..

— Да нѣтъ, быть не можетъ!—опять ему приходило въ голову.—Онъ не обманетъ!.. Онъ такъ божился, такъ клялся... плакалъ... Нѣтъ, онъ не «комедь» ломалъ... Все это онъ говорилъ отъ души, отъ сердца... Вернется онъ, какъ обѣщалъ, завтра же къ вечеру, и все обойдется благополучно!..

Данилычъ задулъ догорѣвшую почти до свѣтильни свѣчу въ фонарѣ, поднялся по какой-то лѣсенкѣ и очутился въ маленькихъ сѣнцахъ. Тамъ отыскалъ онъ ощупью дверь и отворилъ ее.

Въ крошечной, жарко натопленной, душевной комнаткѣ во всѣхъ углахъ раздавался храпъ... Во всѣхъ углахъ виднѣлись бѣлокурыя и свѣтлорусыя растрепанныя головки... Старикъ посмотрѣлъ на нихъ, и сердце у него вдругъ сжалось...

— Данилычъ, ты?—послышался слабый голосъ, и съ печки выглянуло сморщенное, исхудалое лицо старухи.

— Да, я, Матвѣвна...

— Что поздно такъ? Никакъ ужъ вторые пѣтухи пропѣли... Ужинать-то ты будешь? Щи тамъ въ печкѣ стоятъ, да, поди, простыли.

— Не буду, Матвѣвна, не хочу я...

— Ну, какъ знаешь!—и лицо опять скрылось.

Данилычъ раздѣлся и легъ... Вѣтеръ вылъ и стоналъ въ трубѣ; снѣгъ колотилъ въ окно... Прощель часъ... два прошло, три... На улицѣ слегка забрезжилъ разсвѣтъ, а старикъ и не думалъ спать. Онъ все ворочался съ боку на бокъ и тяжело вздыхалъ...

Въ двѣнадцать часовъ дня Данилычъ, какъ и всегда, взялъ изъ тюремной кухни мисочку съ гороховою похлебкой, толстый ломоть хлѣба, ложку и понесъ все это въ камеру Плескуна. Черезъ часъ онъ опять вошелъ въ эту камеру и возвратился оттуда уже съ пустою миской: онъ вылилъ горохъ на полъ и прикрылъ соломой; подъ соломой же спряталъ и хлѣбъ. Затѣмъ заперъ дверь на замокъ.

Весь день старикъ ходилъ, точно въ чаду какомъ-то. Онъ натыкался порою на стѣны и на скамьи, какъ пьяный; отвѣчалъ невпопадъ на предлагаемые вопросы... Вообще велъ себя очень странно...

— Только бы смотрителю не вздумалось заглянуть въ камеру!—съ тревогою думалъ онъ, прохаживаясь взадъ и впередъ по корридору.

А день уже близился къ вечеру. Смеркалось. На небѣ кое-гдѣ загорѣлись звѣздочки. Въ корридорѣ зажгли вонючій, дымный ночникъ... Плескуна все не было...

— Вернется!—думалъ старикъ:—сдержитъ слово, не сгубитъ меня и безвинныхъ дѣтушекъ...

IV.

Плескунъ вздохнулъ полной грудью, очутившись на улицѣ, вздохнулъ съ истиннымъ наслажденіемъ... Два мѣсяца, проведенные въ сырой и душевной тюрьмѣ, совсѣмъ изломали его, обезсилили...

Порывы вѣтра чуть не сшибали его съ ногъ; цѣлой тучею валилъ снѣгъ на землю, наметая вездѣ огромнѣйшіе сугробы, черезъ которые ни прохода, кажется, не было, ни проѣзда... Но Плескуну

не было до этого никакого дѣла... Онъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ; чувствовалъ, какъ съ этимъ рѣзкимъ, холоднымъ воздухомъ вливаются къ нему въ грудь какія-то новыя силы... Онъ на минуту забылъ все: и мать, умиравшую тамъ въ деревнѣ, и старика Данилыча, и тюрьму, и ожидавшую его участь... Онъ наслаждался только и наслаждался...

Тьма была—зги не видно! Въ городкѣ и понятія не имѣли объ уличныхъ фонаряхъ. И вотъ Плескунъ шель наугадъ и то и дѣло вязнулъ въ глубокихъ снѣжныхъ сугробахъ... Наконецъ, онъ вышелъ изъ городка, и передъ нимъ открылась небольшая, занесенная снѣгомъ, полянка... А тамъ, за полянкою, вдали, чернѣло что-то. Это былъ лѣсъ. И Плескунъ зашагалъ къ нему... Вотъ онъ дошелъ до его опушки, остановился, подумалъ немного и потомъ, истово перекрестившись, вступилъ въ самую его чащу...

Вѣтеръ шумѣлъ и гудѣлъ между деревьями, раскачивая ихъ покрытыя снѣгомъ вѣтви... По лѣсу стоялъ скрипъ, стонъ какой-то... Плескунъ стиснулъ зубы и подвигался все впередъ и впередъ. Колючія вѣтки порой задѣвали его по лицу и больно его царапали, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія...

Но вотъ лѣсъ, наконецъ, кончился, и Плескунъ свободнѣй вздохнулъ. Теперь онъ стоялъ на берегу узенькой, но, онъ зналъ, очень глубокой и быстрой рѣчки. Онъ помнилъ, что эта рѣчка была верстахъ въ восьми отъ ихъ деревушки. Въ дѣтствѣ онъ часто плавалъ по ней въ лодочкѣ, ловилъ окуней... Значить, двѣнадцать верстъ пройдено; оставалось еще восемь... Теперь стоило перейти по льду, выйти на другой берегъ и идти вдоль него, все прямо и прямо... Тамъ будетъ крестъ: могила какого-то умершаго на дорогѣ странника. А отъ креста оставалось до деревни версты три, не больше...

Плескунъ быстро спустился съ берега и пошелъ по льду. Ему оставалось всего какихъ нибудь шаговъ двадцать. И вдругъ онъ вскрикнулъ и исчезъ подъ водой... Плескунъ попалъ въ полынью. Онъ не замѣтилъ ея въ темнотѣ. Да и при свѣтѣ ее нельзя было совсѣмъ замѣтить: ее подернуло тонкимъ ледкомъ и занесло снѣгомъ...

Черезъ минуту Плескунъ вынырнулъ, фыркая, отдуваясь и дрожа отъ страшнаго холода. Съ трудомъ онъ выползъ на ледъ, весь мокрый, прошелъ еще немного и вылѣзъ на противоположный берегъ... Вода ручьями стекала у него съ шубы и превращалась въ ледяныя сосульки. Смерзлись въ какіе-то ледяные комки и волосы на головѣ, и густая, растрепанная борода... Плескуна била страшная лихорадка,—у него зубъ на зубъ не попадалъ... Чтобы немножко согрѣться, онъ пустился бѣгомъ по берегу...

А, вотъ и крестъ, слава Богу! Плескунъ добѣжалъ до него и вдругъ остановился, какъ вкопанный... У него потемнѣло въ гла-

захъ, голова закружилась, и онъ опустился, упалъ на могилу безвѣстнаго странника...

Минуть черезъ пять онъ очнулся и оглядѣлся кругомъ. Одинъ только свѣгъ бѣлѣлъ передъ нимъ во мракѣ; вѣтеръ кружилъ и крутилъ его въ воздухѣ...

— Фу, что это со мною сдѣлалось?—говорилъ Плескунъ, проводя рукой по лбу.—Ослабѣлъ, видно? Да, слабѣлъ...

Онъ всталъ и сильно пошатнулся... Но до деревни оставалось всего три версты. Надежда застать еще мать въ живыхъ и получить отъ нея благословеніе придала ему силы, и онъ довольно быстро зашагалъ впередъ, дрожа и трясясь отъ холода... Этотъ холодъ пронизывалъ его насквозь, доходилъ до самыхъ костей, кажется, и онѣ у него ныли, болѣли...

А, вотъ, наконецъ, слава Богу! Дорога кончилась, и предъ нимъ мелькнули дымныя, занесенныя теперь свѣгомъ хатки его родной деревушки... Вонъ и господскій домъ, съ запущеннымъ фруктовымъ садомъ... А вонъ и ихъ хатка.. Въ оконцѣ огонекъ свѣтится...

— Да, мать жива еще, слава Богу!.. Не опоздалъ я!—и Плескунъ перекрестился.

Дрожащей рукою онъ отворилъ дверь и вошелъ въ дымную, закоптѣлую хату. Тускло, дымясь, горѣла лучина и освѣщала покосившіяся на бокъ стѣны, земляной полъ, пошатнувшійся столъ и скамьи... Старый, сѣдой котъ дремалъ, растянувшись у печки... На скамьѣ у окна лежала подъ ситцевымъ, стеганымъ одѣяломъ старуха, худая, блѣдная, съ глубоко ввалившимися глазами. Дѣвочка, лѣтъ 10, сидѣла возлѣ больной и, слегка поклевывая носомъ, вязала чулокъ, поминутно спуская петли... При входѣ неожиданнаго гостя она вскочила и не то съ изумленіемъ, не то съ испугомъ уставилась на него...

— Ты что тамъ, Дуня?—спросила тихо больная.

— Да вонъ, бабушка, пришелъ кто-то... Такой... такой страшный!.. Больная съ трудомъ повернула голову и взглянула.

— Кто ты такой?.. Что надо?..—тоже почти съ испугомъ спросила она.

Плескунъ слегка пошатнулся, шагнулъ впередъ.

— Матушка! Да ты развѣ не узнаешь меня?..—заговорилъ онъ.—Развѣ ужъ я такъ измѣнился, родная?..

И онъ опустился на колѣни передъ больной, протянулъ къ ней руки, посинѣвшія теперь отъ стужи и сильно натертыя у кистей кандалами.

Больная вздрогнула и еще болѣе поблѣднѣла. И вдругъ ея исхудалое, измученное лицо освѣтилось радостью; въ потухшихъ глазахъ блеснула огонекъ...

— Андрейко... Андрейко ты мой!.. Дитятко мое рожоное!..—

шептала она, покрывая страстными поцѣлуями взъерошенную, обледенѣлую голову Плескуна, а слезы ручьемъ лились по ея морщинистымъ и исхудалымъ щекамъ и стекали на эту голову...

— Господи, Царь Небесный!.. Да ты ли это... ты ли, Андрейко?.. Откуда ты?..

— Изъ города, матушка,—отвѣчалъ онъ.—Узналъ я, что ты больна, и пришелъ съ тобой повидаться...

— Да въ городъ ты какъ попалъ? Ты тамъ, вѣдь, былъ... у батюшки-государя?

Плескунъ рассказалъ, какъ онъ попалъ въ тюрьму. Голосъ его дрожалъ, прерывался... Она любовно глядѣла на сына, и слезы текли по ея щекамъ...

— Спасибо тебѣ, Андрейко... спасибо!.. Я знала, что ты добрый, хорошій сынъ!.. Да что съ тобою?—Она только теперь замѣтила, въ какомъ состояніи былъ Плескунъ.—Ты мокрый весь!..

— Да, вотъ въ полынью попалъ, матушка, провалился я... Но это все пустяки!..

— Какіе же тутъ пустяки!.. Вѣдь ты промокъ весь, до нитки... Этакъ, вѣдь, и горячку схватить легко!.. Скорѣй скидывай платье, да надѣвай мой тулупъ!..

Плескунъ молча повиновался. Онъ сбросилъ съ себя промокшую насквозь шубу, рубаху и закутался въ сухой и теплый тулупъ. Но его, всетаки, пробирала дрожь... Онъ чувствовалъ внутри себя какой-то страшный, почти нестерпимый холодъ. Но онъ крѣпился...

— Такъ какъ же, сыночекъ мой?—спрашивала его больная.— Ты убѣжалъ изъ тюрьмы, значить?

— Нѣтъ, матушка, не убѣжалъ я... Сторожъ меня отпустилъ, съ тобой повидаться... Землякъ онъ нашъ, изъ нашей деревни... Я ему честное слово далъ, что вернусь завтра къ вечеру... Впрочемъ, сегодня ужъ, а не завтра... Свѣтаеть!

И, точно, въ окнѣ слегка брезжилъ разсвѣтъ.

— И ты вернешься, Андрейко?—и она какъ-то пытливо взглянула вдругъ на него.

— Да какъ же не вернусь, матушка! Вѣдь честное слово далъ... Не вернусь я, такъ его повѣсятъ!.. А у него восьмеро на рукахъ... Неужели же я его голову въ петлю суну!..

— Такъ... такъ, сыночекъ!..—задумчиво говорила она, и вдругъ взглянула на сына съ такой любовью, съ такой горячей любовью...—Ты долженъ вернуться... долженъ!.. Ну, а потомъ что?—спросила она, и въ голосѣ ея вдругъ зазвучала безпокойная нотка.

Плескунъ поднялъ глаза.

— Что, матушка?

— Я спрашиваю: ну, а потомъ что?.. Что будетъ съ тобою, Андрейко? а?

Плескунъ молчалъ.

— Накажутъ тебя, вѣдь? Да?

— Накажутъ, матушка.

— Какъ же тебя накажутъ?

— Повѣсятъ!..—прошенталь онъ.

— Что-о?!.. Что ты сказалъ?..

— Повѣсятъ!..—повторилъ Плескунъ.

Смертная блѣдность вдругъ разлилась по лицу больной.

— Но этого быть не можетъ, Андрейко!.. Не можетъ быть!.. вскричала она.—Вѣдь есть же у нихъ на вороту крестъ!.. За что же имъ вѣшать тебя?..

— За то, что я бунтовалъ, матушка... Такихъ, какъ я, бунтовщиками они называютъ!..—и горькая усмѣшка пробѣжала у него по губамъ.

— Да, вѣдь, ты шелъ за своего государя!..

— Они считаютъ его бѣглымъ казакомъ Емелькой, не государемъ, матушка!.. Э, да что толковать объ этомъ!..—И онъ махнулъ вдругъ рукой.—Вѣдь двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать. Не такъ ли?.. И я не боюсь, нисколько не боюсь смерти!.. Вѣдь умру я не за худое дѣло!.. Я крестъ цѣловалъ ему... Я былъ долженъ...

— Да, такъ... такъ, сыночекъ!..—говорила она, вся блѣдная, какъ полотно.—Ты правду говоришь, правду!..

— Не такъ ли, матушка? Ну, значить и долженъ я за него сложить голову, и сложу!.. О чемъ же и толковать тутъ!.. Вотъ только благослови ты меня, родимая, и прости, коли я въ чемъ согрубилъ тебѣ!..

Она, молча, обняла его, перекрестила.

— Господь съ тобою, сынокъ!.. Пускай и Онъ, Творецъ Всемогущій, благословить тебя такъ же, какъ и я вотъ благословляю!.. Да, двумъ смертямъ не бывать, Андрейко, а одной не миновать намъ!.. Мнѣ тоже не долго ужъ остается жить... И скоро, быть можетъ, увидимся мы, Андрейко... увидимся!..

— Увидимся, матушка!..—прошепталъ онъ и вдругъ пошатнулся.

— Что съ тобою?

— Да, такъ, голова закружилась что-то...—И онъ провелъ рукой по лбу.—Усталъ я, родная, да, видно, и простудился маленько, когда въ полынь-то выкупался... Давеча меня все въ ознобъ кидало, а теперь точно горитъ внутри...

— А ты, Андрейко, прилягъ, усни, легче будетъ!.. Утро еще теперь... Успѣешь вернуться къ вечеру...

— Да, я прилягу...

И онъ, какъ пласть, повалился въ уголъ, у печки. Съ нимъ начинался бредъ... Очнулся онъ только въ полдень. Въ оконце,

занесенное снѣгомъ съ улицы, пробивались солнечные лучи... Мать попрежнему лежала подъ одѣяломъ на лавкѣ и не сводила съ него своихъ потухавшихъ глазъ. Дѣвочки не было...

Плескунъ всталъ, потянулся. Ему было, какъ будто, немного легче: сонъ подкрѣпилъ его. Но голова у него все такъ же болѣла, кружилась; въ тѣлѣ чувствовался сильный жаръ.

— Ну, что, какъ тебѣ?—спрашивала больная.

— Легче, матушка.

— Бредилъ ты все, Андрейко... Ужъ не горячка ли?

— Должно полагать, что такъ... Ну, да ладно!.. Пора ужъ мнѣ, матушка, отправляться, а то не постѣю къ вечеру...

Онъ подошелъ къ больной и опустился передъ ней на колѣни.

— Благослови же меня, родимая, еще разъ... Обними!..

— Господь да благословить тебя!..—Она долго, долго крестила его... Потомъ крѣпко поцѣловала. И это былъ послѣдній, можетъ быть, поцѣлуй на этомъ свѣтѣ... И вдругъ она охватила его шею руками и зарыдала... Плескунъ зарыдалъ тоже... Черезъ минуту онъ вырвался изъ объятій матери и, не оглядываясь, выбѣжалъ изъ избы...

V.

Былъ тихій морозный вечеръ, когда Плескунъ подходилъ къ городку. Онъ еле-еле передвигалъ ноги... На улицахъ, не смотря на раннюю пору, почти никого не было. Только собаки бѣгали тамъ и сямъ и встрѣтили нашего путника неистовымъ, громкимъ лаемъ. Но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Вотъ и тюрьма... Часовой взадъ и впередъ ходитъ у воротъ. Плескунъ подошелъ къ нему.

— Кто ты? Чего тебѣ надо?

— Мнѣ надо туда, дядюшка... Сторожа повидать надо... Данилыча... Ты, можетъ, знаешь его?

— Какъ не знать, знаю! Да ты кто такой?

— А буду я, дядюшка, его племянникъ... Сейчасъ изъ деревни пришелъ я только. Да вотъ простудился что-то въ дорогѣ-то...— Онъ пошатнулся.— Горячку, видно, схватилъ...

Часовой окинулъ его съ головы до ногъ пристальнымъ взглядомъ. Но онъ, должно быть, не нашелъ ничего подозрительнаго. Предъ нимъ стоялъ чловѣкъ, блѣдный, усталый и, очевидно, больной. Черезъ минуту ключъ зазвенѣлъ въ замкѣ; калитка отворилась и опять захлопнулась. Плескунъ былъ на тюремномъ дворѣ... Вотъ онъ прошелъ его... Крыльцо... корридоръ... Въ корридорѣ тускло горитъ ночникъ...

— А, вотъ и ты, наконецъ, слава Богу!..—бросился вдругъ къ нему старый Данилычъ, блѣдный и какой-то осунувшійся.— Спасибо, парень, спасибо тебѣ!.. А я ужъ думалъ, ты не вернешься!..

— Какъ не вернуться, дѣдушка!... Да развѣ я не давалъ тебѣ честнаго слова?... Развѣ я...

Но тутъ Плескунъ чувствуетъ, что у него темнѣетъ въ глазахъ, голова кружится, и онъ безъ чувствъ падаетъ къ ногамъ перепуганнаго Данилыча...

Черезъ часъ Плескунъ лежалъ ужъ на койкѣ въ тюремной больницѣ. Старикъ докторъ, нѣмецъ, съ длинными бакенбардами и золотыми очками на горбатомъ носу, мелькомъ взглянулъ на него, пощупалъ пульсъ.

— Turphus petechialis!...—пробормоталъ онъ и отошелъ прочь.

Съ недѣлю лежалъ Плескунъ между жизнью и смертью. Но крѣпкая, здоровая натура его справилась съ болѣзью. И онъ сталъ медленно поправляться. Вдругъ до него дошелъ слухъ, и этотъ слухъ такъ потрясъ его, и безъ того сильно потрясенные, нервы, что Плескунъ опять чуть не заболѣлъ горячкой, но на этотъ разъ уже нервной. Сосѣдъ по койкѣ, такой же пугачевецъ, какъ онъ, сообщилъ, что «батюшка государь» схваченъ своими же казаками; любимецъ его, казакъ Твороговъ, скрутилъ ему руки, и «батюшку» отвезли въ Яицкій городокъ, гдѣ и представили на допросъ къ капитанъ-поручику гвардіи Маврину, закованнымъ уже въ лодки...

Плескунъ былъ пораженъ... Блѣдный, взволнованный въ высшей степени, слушалъ онъ своего сосѣда. Онъ просто ушамъ не вѣрилъ...

— Ты лжешь, собака!...—вдругъ закричалъ онъ, и глаза у него загорѣлись. — Не Пугачевъ онъ, а истинный, законный нашъ государь, а ты... ты бунтовщикъ и измѣнникъ!...

Сосѣдъ засмѣялся.

— А, вотъ погоди, увидишь скоро, какой государь онъ!... И я тоже считалъ его за государя... А то я бы, нешто, пошелъ къ нему? Измѣнилъ бы я матушкѣ-государынѣ?... А, вѣдь, я крестъ цѣловалъ ей... Да!...

Плескунъ не вѣрилъ. Но страшный слухъ подтвердился вскорѣ. «Батюшка-государь» оказался, дѣйствительно, не государемъ, а бѣглымъ донскимъ казакомъ Емелькой, и не сегодня-завтра его казнятъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ его сподвижниками...

— Такъ вотъ кому я служилъ, за кого я кровь проливалъ!...— въ отчаяніи говорилъ Плескунъ и чуть не рвалъ на себѣ волосы. — Вора, разбойника за государя принялъ!... Ахъ, матушка, матушка!... Ты, вѣдь, это, родная, ошиблась, такъ и меня только въ грѣхъ ввела!... По твоему, вѣдь, я приказанію пошелъ къ этому каторжнику... Вотъ тебѣ и послужилъ я ему вѣрою и правдою!... И что выслужилъ? Висѣлицу... смерть позорную!... О, будь онъ проклятъ, анаема!.. — Плескунъ скрежеталъ зубами въ бессильной ярости

и до крови кусаль себѣ губы... Теперь ужъ онъ не хотѣлъ умирать... Нѣтъ, жить ему, жить страстно хотѣлось!...

Наконецъ, онъ всталъ съ койки, поправился. Его опять перевели въ тюрьму и заковали... Въ одно прекрасное утро зашелъ къ нему старый Данилычъ, тоже грустный, печальный, и еще болѣе посѣдѣвшій и похудѣвшій. Плескунъ давно не видалъ его. Старикъ былъ боленъ, и его замѣнялъ съ недѣлю какой-то грубый, сердитый парень, не говорившій съ Плескуномъ ни слова. Онъ приходилъ только въ извѣстные часы съ кушаньемъ, швырялъ его арестанту, точно собакѣ, и тотчасъ же уходилъ, хлопнувъ дверь. Плескунъ обрадовался старику.

— А я за дѣломъ къ тебѣ, молодецъ,— говорилъ Данилычъ.

— Что, дѣдушка?

— Да вотъ слыхалъ я: смотритель сказывалъ, что завтра тебя въ Москву повезутъ судить...

Плескунъ поблѣднѣлъ.

— Ты больно-то не пужайся, никто, какъ Богъ!.. Надѣйся на милосердіе матушки-государыни!...

— Повѣсятъ, дѣдушка!... За вора, разбойника окаяннаго!...

— А, можетъ, и не повѣсятъ! Никто, какъ Богъ, говорю... Не унывай только! Вѣдь ты не обманщикъ, не воръ! Не ради корысти присталъ ты къ нему, а ради того, что вѣрилъ въ него, какъ въ истиннаго, законнаго государя... Какая же тутъ вина, парень? По моему, такъ тебя совсѣмъ оправдаютъ, помилуютъ...

— Твоими бы устами, дѣдушка, да медъ пить!...—И въ сердцѣ Плескуна загорѣлась искра надежды...

Назначенъ былъ день суда. Плескунъ горько плакалъ, раскаивался... Онъ говорилъ, что, какъ въ Бога, вѣрилъ въ этого самозванца, считалъ его истиннымъ государемъ Петромъ III и вѣрой и правдой служилъ ему... Искренность и глубокая задушевность его рѣчей—онъ душу свою выложилъ передъ судьями, исповѣдывался предъ ними, какъ предъ священникомъ,—наконецъ, его горькія слезы, раскаянія, все это было принято во вниманіе, взвѣшено и оцѣнено... И Плескунъ былъ оправданъ. Ему вмѣнили въ наказаніе его тюрьму и отпустили на волю, на всѣ четыре стороны. Сперва онъ одурѣлъ даже. Ему не вѣрилось... Но онъ, дѣйствительно, былъ свободенъ и могъ идти куда и когда хотѣлъ...

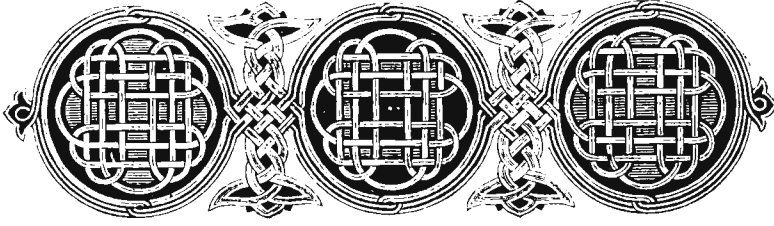
И вотъ, попрощавшись съ старымъ Данилычемъ, крѣпко обнявъ и расцѣловавъ его, отправился онъ въ свою родную деревню... Мать умерла уже. Онъ былъ на ея могилкѣ, молился долго и плакалъ и собственными руками вытесалъ и поставилъ на ней соновый крестъ... Умеръ и старый баринъ, и его схоронили на томъ же кладбищѣ, но только поставили на его могилѣ богатый мрамор-

ный памятникъ, съ золоченымъ крестомъ на верху... Отыскалъ Плескунъ, при помощи сторожа, и могилку этой доброй и святой дѣвушки, такъ горячо любившей несчастную голытьбу, и тоже долго на ней молился и плакалъ...

Послѣ смерти стараго барина имѣніе досталось его племяннику, доброму, гуманному человѣку. И крестьяне вздохнули свободнѣе подъ его управленіемъ. Плескунъ опять взялся за топоръ и сталъ плотничать, наживая себѣ порядочную копейку. Онъ не женился въ другой разъ: все еще не могъ забыть своей Дуни... Рѣдко когда веселый и разговорчивый, а больше задумчивый и печальный, онъ работалъ, не покладая рукъ, и никогда, ни однимъ словомъ, не вспоминалъ о миновшихъ, тяжелыхъ временахъ пугачевщины и о томъ, какъ служилъ онъ бѣглому донскому казаку Емелькѣ, всей душой признавая въ немъ истиннаго, законнаго государя...

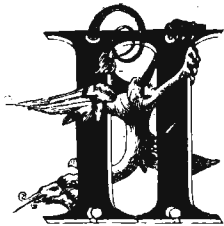
А. П. Смирновъ.

ГРАФЪ ІОАННЪ КАПОДИСТРІЯ, ПРЕЗИДЕНТЪ ГРЕЦІИ ¹⁾.

IV.

ПРИ ВСТУПЛЕНІИ графа Каподистріи въ управленіе государствомъ, населеніе Греціи было раздѣлено на четыре главныя партіи: 1) партія народная, смотрѣвшая на президента, какъ на человѣка, предназначеннаго самимъ Провидѣніемъ для спасенія отечества, 2) партія старшинъ (коджа-баши), которая, составивъ при турецкомъ владычествѣ враждебную народу олигархію, стремилась къ раздробленію Греціи на мелкія владѣнія федеральнаго союза и, слѣдовательно, должна была смотрѣть враждебно на учрежденіе въ странѣ сильной центральной власти, 3) партія полуобразованныхъ политикановъ, считавшихъ себя государственнымъ дѣятелями и смотрѣвшихъ съ завистью на президента, и 4) партія фанаріотская, стремившаяся къ учрежденію греческаго княжества по образцу Молдавіи или Валахіи, которое было бы отдано кому нибудь изъ фанаріотскихъ выходцевъ изъ Константинополя.

Іюльская революція 1830 года разбудила по всей Греціи революціонныя страсти и дала просторъ своекорыстнымъ надеждамъ агитаторовъ и вообще всѣхъ политическихъ противниковъ президента. Особый журналъ «Аполлонъ» сдѣлался главнымъ органомъ недовольныхъ. Нападки на президента облеклись въ систематическую форму, самая клевета была возведена въ правильную систему; не находили достаточно словъ, чтобы заклеить честолюбіе и деспо-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 323.

тизмъ графа Каподистрія. Мѣстные политическіе враги президента соединились съ разными иностранными проходимцами въ надеждѣ, что подъ шумокъ новыхъ внутреннихъ неурядицъ и волненій имъ удастся снова захватить власть въ свои руки. Опасаясь, какъ бы графъ Каподистрія не справился постепенно съ бурными элементами, они возбудили открытое возстаніе въ Майнѣ, юго-восточной гористой части Пелопонеза, населенной народомъ невѣжественнымъ и дикимъ, не признававшимъ никакой власти, никакихъ законовъ.

Страна эта представляла свои особенности. Въ то время, какъ всѣ прочіе греки выносили на себѣ всю тяжесть турецкаго гнета, майноты сумѣли сохранить большую независимость. Обитатели дикой, бесплодной страны, они сохранили воинственный духъ. Они не пускали къ себѣ турецкихъ чиновниковъ, но признавали за Портою право утверждать избираемыхъ ими самими старѣйшинъ, или беевъ. Съ нѣкотораго времени званіе бея сдѣлалось наследственнымъ въ родѣ Мавромихали.

Быть майнотовъ былъ вполнѣ своеобразенъ. Тяжелыя домашнія работы были возложены на женщинъ, которыя также засѣвали поля и убирали хлѣбъ. Воздержность майнотовъ была поистинѣ изумительна, пищу ихъ составляли въ небольшомъ количествѣ ячменная мука, лукъ, чеснокъ, маслина, молоко, сыръ, мясо соленыхъ куропатокъ,—во время перелета этихъ птицъ майноты запасались ими въ огромномъ количествѣ. Жили они въ башенкахъ, отдѣльныхъ одна отъ другой, но расположенныхъ въ неслишкомъ большомъ между собою разстояніи. Верхнее жильё занимали женщины, нижнее—мужчина. Онъ цѣлые дни просиживалъ тамъ съ ружьемъ и смотрѣлъ въ продѣланное въ стѣнѣ отверстіе, подстерегая своего врага, т. е. приверженца противной стороны, который немедленно убивался, если неосторожно подходилъ на ружейный выстрѣлъ. Графъ Андрей Метакса, посланный президентомъ въ 1830 году для осмотра Майны, говорилъ, что нашелъ тамъ одного майнота, который за всю свою жизнь никогда не переступилъ за порогъ своего дома, днемъ и ночью подстерегая и убивая враждебныхъ ему людей.

Естественно, что аристократія майнотская, привыкшая за время турецкаго владычества къ неограниченной ничѣмъ свободѣ и самоуправству и видѣвшая, что цѣлью графа Каподистрія было уривненіе правъ всѣхъ гражданъ, не могла охотно подчиниться новому порядку. Глава ея, хитрый, пронырливый жадный до почестей, а еще болѣе до денегъ, Петръ, или Петро-бей Мавромихали, долгое время былъ горячимъ сторонникомъ графа Каподистрія, который неоднократно помогалъ ему и вліяніемъ своимъ и деньгами,—со времени прибытія графа и до 1830 года онъ получилъ до 200,000 піастровъ. Но когда, наконецъ, президентъ увидѣлъ, что просьбы о денежномъ пособіи не только не прекращаются, но еще все болѣе и болѣе увеличиваются, то рѣшилъ самъ прекратить

всякія выдачи бывшему майнотскому бею. Это было главною причиною ненависти, которую съ тѣхъ поръ сталъ питать къ президенту Мавромихали.

Одно постороннее обстоятельство ускорило взрывъ вражды майнотовъ.

Старшая и младшая линіи Мавромихали издавна враждовали между собою; кровавая месть, вендетта, шла у нихъ непрерывно. Не смотря на измѣнившійся строй жизни, братъ Петро-бей, Константинъ, и сынъ бей, Георгій, напали на одного Мавромихали изъ младшей линіи и изранили его. Семья послѣдняго искала покровительства законовъ. Графъ Каподистрія потребовалъ тогда виновныхъ къ отвѣту. Надо вникнуть въ силу тамошнихъ предразсудковъ, чтобы представить себѣ, какое дѣйствіе произвелъ на дикарей вызовъ къ отвѣту сына Петро-бей въ судъ, гдѣ засѣдали ненавистные имъ чужеземцы—корфіоты. Старый бей пришелъ въ ярость, а всѣ недовольные дѣйствіями президента порѣшили воспользоваться имъ, какъ орудіемъ. Время это именно совпало съ іюльскою революціею во Франціи и съ послѣдовавшими затѣмъ волненіями въ Западной Европѣ, и вотъ противники графа Каподистрія стали проповѣдывать въ народѣ, что и для Греціи настало время введенія конституціонныхъ формъ правленія и что нынѣшній правитель—тиранъ, стѣсняющій народную свободу. Слово «свобода» было слишкомъ магическое для майнота, чтобы онъ не отнесся сочувственно къ людямъ, ратовавшимъ за достиженіе большей свободы, въ умѣ его сливавшейся съ понятіемъ о своеволіи, разнузданности, а такъ какъ ему говорили, что средствомъ къ тому должна была служить конституція, объ истинномъ значеніи которой, по всей вѣроятности, онъ и не имѣлъ никакого понятія, то не мудрено, что подстрекаемая, вдобавокъ, своимъ старымъ беемъ Майна поднялась противъ правительства, требуя дарованія Греціи конституціи.

Ничего не имѣя противъ участія всѣхъ классовъ народа въ управленіи страной и законодательствѣ, графъ Каподистрія не упускалъ, однако, изъ виду тогдашняго печальнаго положенія Греціи и невѣжества, въ которомъ находилось большинство ея народонаселенія. Считаая это невѣжество главною помѣхой для немедленнаго введенія въ законодательство страны конституціонныхъ учреждений, графъ Каподистрія намѣревался подготовить къ этому образу правленія страну въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Онъ былъ слишкомъ опытенъ, чтобы не видѣть, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ конституція была бы пустою, ничего не выражающею фразою. Выборное начало не могло имѣть значенія при населеніи, состоявшемъ въ большинствѣ изъ пролетаріевъ, находившихся подъ вліяніемъ нѣсколькихъ старѣйшинъ. Необходимо было прежде организовать самый народъ, а потомъ уже давать ему представительный образъ правленія.

Впрочемъ, не надо было особой прозорливости, чтобы понять, что невозможно народу, находившемуся въ четырехсотлѣтнемъ рабствѣ и въ полнѣйшемъ безправіи, народу, политически не воспитанному, навязывать послѣднія слова науки и системы, которыя впору лишь націямъ высоко культурнымъ, медленно и постепенно, самимъ ходомъ своей исторіи, выработывавшимъ нужную имъ форму правленія, и что преждевременное введеніе парламентарной системы у такого не созрѣвшаго еще народа, нуждавшагося прежде всего въ сильной центральной власти, приведетъ лишь къ борьбѣ политическихъ партій на подкладкѣ личныхъ вождельній, къ борьбѣ, которая истощитъ страну и послужитъ причиной къ трудно поправимой неурядицѣ. Будущее Греціи дѣйствительно показало, къ какимъ результатамъ приводитъ несоотвѣтствіе формъ правленія съ истинными нуждами страны; поэтому тѣмъ болѣе слѣдуетъ сожалѣть, что та же самая ошибка была повторена уже на нашихъ глазахъ по отношенію къ другой единовѣрной намъ странѣ, гдѣ послѣдствія злосчастной Тырновской конституціи ясны для всѣхъ.

Возстаніе майнотовъ вскорѣ было подавлено, самъ Мавромихали спасся было бѣгствомъ, причемъ путь къ тому болѣе всего облегчилъ ему англійскій капитанъ Гордонъ, взявшій его на свое судно. Буря заставила его, однако, укрыться въ Каламитскомъ заливѣ, гдѣ мѣстныя власти задержали его и отвезли въ Навплию, а тамъ онъ былъ посаженъ въ замокъ Ичь-кале.

Положеніе графа Каподистріи было еще тѣмъ тяжелѣе, что ему приходилось дѣйствовать при явномъ нерасположеніи къ нему западныхъ державъ, отстаивать самыя завѣтныя права народа, ввѣрившаго ему свою судьбу, и вмѣстѣ съ тѣмъ стараться не вооружить противъ Греціи могущественныхъ ея покровительницъ.

Склонность относиться къ греческому правительству съ намѣренной неуважительностью проявилась со стороны западно-европейскихъ дѣятелей въ Греціи уже издавна.

Тотчасъ же послѣ Наваринскаго сраженія, командиръ французскаго фрегата «Юнона», Лебланъ, обратился къ греческому правительству съ требованіями, изложенными въ крайне неприличной формѣ, такъ что русскому посланнику, графу Рибопьеру, пришлось обратить вниманіе своихъ англійскаго и французскаго коллегъ на тѣ затрудненія, которыя могутъ произойти, если младшіе начальники союзнаго флота будутъ столь неприлично обращаться съ греческими правительственными лицами именно въ то время, когда всѣ усилія союзныхъ державъ должны быть направлены къ тому, чтобы утвердить и возвысить греческое правительтво въ глазахъ грековъ и турокъ. Но не только младшіе начальники, а и самъ командующій французскою эскадрою, контръ-адмиралъ де Риньи, мало сочувствовалъ грекамъ.

Что касается до личности самого графа Каподистріи, то Англія всегда чувствовала къ нему сильнѣйшее нерасположеніе, основанное, во-первыхъ, на томъ, что онъ былъ избранъ вопреки стараніямъ партіи грековъ, стремившихся поставить свое отечество подъ непосредственный протекторатъ Великобританіи, а, во-вторыхъ, лондонскій кабинетъ опасался, что графъ Каподистрія, связанный съ Россіею столькими узами, будетъ стремиться основать свою политику на тѣсномъ единеніи съ великою сѣвѣрною державою, которую просвѣщенные мореплаватели упорно хотятъ считать своею противницею и которой постоянно склонны приписывать самые злокозненные замыслы. Англійское правительство не постѣснилось выразить свои чувства къ избраннику греческаго народа въ самомъ началѣ его новой политической роли.

Въ исторіи Трикупи находимъ рассказъ, служащій лучшимъ доказательствомъ сильнаго нерасположенія, которое президентъ Греціи встрѣтилъ въ Англіи при самомъ вступленіи въ управленіе странюю, когда еще было преждевременно или даже просто невозможно предугадывать, какимъ образомъ и въ какомъ направленіи поведетъ онъ свою политику.

Немедленно по своемъ избраніи графъ Каподистрія, какъ сказано выше, отправился по дворамъ державъ-покровительницъ. По прибытіи своемъ въ Лондонъ онъ испросилъ позволеніе представиться королю Георгу IV и словесно выразить ему признательность Греціи за покровительство, которое Англія оказывала греческому народу. На другой же день графъ получилъ официальное извѣщеніе, что король назначилъ ему аудіенцію въ Виндзорскомъ дворцѣ. Прибывъ туда въ назначенное время, президентъ Греціи былъ введенъ въ дворцовую картинную галерею. Послѣ болѣе чѣмъ часоваго ожиданія открылась дверь, и въ залъ вошелъ Георгъ IV въ простомъ партикулярномъ платьѣ. Войдя въ галерею, англійскій король притворилъ дверь и, не обращая никакого вниманія на стоявшаго въ концѣ зала графа Каподистрію, сталъ обходить картины, останавливаясь по нѣскольку минутъ предъ каждою изъ нихъ. Черезъ полчаса король подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ графъ Каподистрія, и, показавъ видъ, что только теперь замѣтилъ его, сказалъ:

— Ah! vous êtes ici, monsieur le comte! Je suis bien aise de vous voir.—Сказавъ это и не дожидаясь отвѣта, король поклонился графу и потихоньку удалился, продолжая разсматривать остальные картины и выйдя наконецъ въ ту же дверь, въ которую вошелъ. По уходѣ короля, камергеръ проводилъ графа Каподистрію до подъѣзда, гдѣ ждала его карета. Тѣмъ и закончилась его аудіенція у короля.

И въ послѣдствіи Англія постоянно давала понять, что она едва ли согласится на какой бы то ни было планъ устройства грече-

скаго правленія, если, при этомъ, кормило останется въ рукахъ графа Каподистріа, такъ какъ связи его съ Іоническими островами способны были нарушить спокойствіе этихъ англійскихъ владѣній ¹⁾).

Труднѣе понять причины ненависти къ графу Каподистріа Франціи, забывшей всѣ тѣ великодушныя услуги, которыя онъ оказалъ ей въ тяжелую годину, будучи еще въ русской службѣ, какъ о томъ сказано выше. Единственнымъ объясненіемъ такого настроенія можетъ быть, что Франція сама желала играть преобладающую роль въ юномъ королевствѣ, а іюльская католическая монархія была враждебна къ президенту, считавшему нужнымъ поддерживать дружественныя связи съ державою-покровительницею и защитницею православія.

Французскіе публицисты, не задумываясь, обвиняли президента Греціи въ томъ, что де изъ тщеславія онъ относился къ державамъ, какъ равный къ равному, и не хотѣлъ вѣрнуться французскому экспедиціонному корпусу и умолять его о помощи, что онъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы французскія войска не вмѣшивались ни въ дѣло возстановленія порядка внутри страны, ни для того, чтобы помогать приведенію въ исполненіе различныхъ правительственныхъ мѣръ. Онъ де съ трудомъ выносилъ присутствіе французскихъ солдатъ на греческой территоріи, такъ какъ онъ будто бы опасался, какъ бы болѣе частыя сношенія этихъ солдатъ съ населеніемъ не отвлекли къ этимъ послѣднимъ народныя симпатіи, которыя онъ старался направить въ сторону Россіи. Какъ говорили помянутые публицисты, слѣдствіемъ такого «дурнаго» направленія политики графа Каподистріа было то, что интересъ, питаемый къ Греціи западными державами, не замедлил остыть, и Англія и Франція утомились поддерживать неблагодарный народъ и давать ему субсидіи, и все это лишь для того, чтобы президентъ принесъ грековъ въ жертву Россіи ²⁾).

Такимъ образомъ иностранныя державы не перебарывали мысли, что графъ Каподистріа, будучи президентомъ Греціи, оставался приверженцемъ Россіи. Между тѣмъ причина тому была крайне проста: дѣйствія и помыслы государственнаго дѣятеля должны быть основаны на государственной пользѣ, а потому президентъ и сохранялъ свои симпатіи къ тому именно правительству, которое наиболѣе сочувствовало и поддерживало интересы греческаго народа. При одномъ случаѣ графъ выразился совершенно вѣрно по поводу замѣчаній, что онъ не скрываетъ своего сочувствія къ приверженцамъ русской партіи, и что онъ передался Россіи: въ разговорѣ съ австрійскимъ посланникомъ Прокешомъ, онъ самъ далъ

¹⁾ Делеша Татищева изъ Вѣны 4-го ноября 1829 г., № 125.

²⁾ Voyage en Orient, par Fontanier, 19—20.

вѣрную ноту своей программы: «подозрѣваютъ, будто бы я передался Россіи, а почему же—нѣтъ? но, во всякомъ случаѣ, я останусь прежде всего грекомъ».

Въ дѣйствительности Россія и не стремилась играть въ Греціи роль большую, чѣмъ это слѣдовало по естественному порядку вещей: она довольствовалась тѣмъ неотъемлемымъ вліяніемъ, которое всегда будетъ принадлежать ей въ средѣ единовѣрнаго народа, имѣющаго благородство помнить все то, чѣмъ онъ ей обязанъ. Россія никогда не гналась ни въ Греціи, ни въ другихъ странахъ къ навязыванію во всемъ своего преобладающаго вліянія, она вполнѣ безкорыстно исполняла свою великую историческую миссію на христіанскомъ Востокѣ, освобождая единовѣрныхъ ей народности и предоставляя имъ самимъ развиваться впослѣдствіи, соотвѣтственно ихъ собственнымъ стремленіямъ, ихъ собственнымъ историческимъ задачамъ. Такого образа мыслей русскіе представители держались и по отношенію къ правительству графа Каподистріи съ самаго начала. Въ этомъ смыслѣ не лишено значенія то обстоятельство, что, принимая нѣкоего Анагностопуло, присланнаго депутатомъ отъ военачальниковъ, отдѣлившихся отъ правительства и рѣшившихся домогаться вмѣшательства русскаго двора въ пользу Греціи, нашъ посланникъ въ Константинополь, графъ Рибоьеръ, сказалъ, что: «ничто никогда не сможетъ расторгнуть узъ религіи и старинныхъ сношеній, которыя связываютъ Россію съ Греціей, и что вслѣдствіе этого онъ вполнѣ одобряетъ попытку, которая была ему поручена, но, что, однако, въ настоящее время греки не должны держаться ни русской, ни французской, ни англійской партій, а составить одну только греческую партію подъ управленіемъ графа Каподистріи»¹⁾.

Враждебность иностранныхъ представителей къ графу Каподистріи особенно ярко выразилась во время гидріотскаго возстанія, вспыхнувшаго вслѣдъ за подавленіемъ майнотскаго.

Поддаваясь наущеніямъ политическихъ противниковъ президента Греціи, жители острововъ Спеціи, Гидры и Псары потребовали у правительства немедленной уплаты пятнадцати милліоновъ франковъ, которые оно задолжало имъ за суммы, ссуженныя во время войны за независимость. Не имѣя тогда денегъ, правительство вынуждено было имъ отказать. Тогда гидріотскіе старшины объявили, что, считая себя обиженными президентомъ, они не намѣрены впредь признавать надъ собою его власть. Это было исходною точкою начавшагося мятежа. Отсюда главные зачинщики стали распространять въ народѣ самыя возмутительныя противоправительственныя воззванія и оказывать сопротивленіе всѣмъ распоряженіямъ президента.

¹⁾ Письмо графа Рибоьера къ графу Гейдену 4-го октября 1827 года.

Такое положеніе дѣль не могло продолжаться, и графъ Каподистрія обратился къ резидентамъ союзныхъ дворовъ и просилъ ихъ содѣйствія къ прекращенію смуты.

Вмѣсто того, чтобы отнестись къ предводителямъ гидріотской смуты—Міаулису, Кундуріотти, Маврокордато, какъ къ мятежникамъ, французскій и англійскій резиденты открыли съ ними переговоры и тѣмъ еще усилили ихъ упрямство. Сочтя открытіе переговоровъ за признакъ своей силы, бунтовщики стали еще болѣе требовательны къ правительству. Желая вмѣстѣ съ тѣмъ перенести мятежъ на другіе пункты государства, гидріоты употребили всѣ усилія, чтобы переманить на свою сторону жителей Пороса, дабы съ помощью ихъ овладѣть тамошнимъ арсеналомъ и стоявшими въ Поросской гавани военными судами.

Свѣдавъ о замыслахъ гидріотовъ, графъ Каподистрія обратился къ начальнику русской эскадры въ греческихъ водахъ, контръ-адмиралу Рикорду, съ просьбою отправить одно русское военное судно въ Порось для предотвращенія могущихъ тамъ произойти безпорядковъ.

Не желая, однако, обращаться къ содѣйствію однихъ русскихъ представителей, дабы избѣгнуть обвиненія въ пристрастіи, графъ Каподистрія сдѣлалъ одновременно съ тѣмъ такое же предложеніе начальникамъ французской и англійской эскадръ.

Рикордъ лично отправился въ Порось, гдѣ тѣмъ временемъ арсеналъ и суда были уже захвачены бунтовщиками, и изъ донесеній, доставленныхъ имъ нашему резиденту, барону Рикману, было видно, что гидріоты были твердо убѣждены, что ни французская, ни англійская эскадры не воспротивятся исполненію ихъ плановъ. Міаулисъ объявилъ, что онъ удалится немедленно изъ Пороса съ своими сторонниками, когда ему то прикажутъ командиры союзныхъ эскадръ. Рикорду онъ самъ сказалъ, что дѣло окончилось бы немедленно, и фрегатъ «Элласъ» былъ бы отданъ правительству, если бы вмѣстѣ съ русскимъ судномъ находилось по одному англійскому и французскому судну.

По полученіи извѣстія о захватѣ гидріотами стоявшихъ въ Поросскомъ портѣ военныхъ судовъ, англійскій, французскій и русскій резиденты поспѣшили составить декларацію, осуждавшую мятежныя дѣйствія Міаулиса и убѣждавшую покориться установленному правительству. Вмѣстѣ съ тѣмъ они дали инструкціи командирамъ союзныхъ эскадръ отправиться въ Порось и добиться возвращенія захваченныхъ судовъ правительству. Изъ дальнѣйшихъ дѣйствій англійской и французской эскадръ можно заключить, что командующіе ими, кромѣ инструкцій официальныхъ, получили еще и другія, шедшія въ разрѣзъ съ этими послѣдними.

Рикордъ между тѣмъ объявилъ Порось въ блокадѣ и расположился въ боевомъ порядкѣ при входѣ въ гавань.

Командиры французской и английской эскадръ хотѣли вступить въ непосредственные переговоры съ Міаулисомъ и его клеветами. Полагая, что такія мѣры могутъ лишь подтвердить распускаемые самимъ Міаулисомъ слухи, что союзныя державы его одного признаютъ за представителя законнаго греческаго правительства, адмиралъ Рикордъ воспротивился этому. Тогда Лаландъ и Майонсъ, не предупредивъ русскаго адмирала ни однимъ словомъ, удалились изъ Пороса. Не смотря на то, Рикордъ продолжалъ отстаивать права законнаго правительства, требовавшаго выдачи гидріотами фрегата «Элласъ». Желая выиграть время, гидріоты объявили, что никакъ не могутъ выдать это судно одному русскому адмиралу и станутъ ждать начальниковъ английской и французской эскадръ.

Видя, наконецъ, невозможность сопротивляться долѣе Рикорду, Міаулисъ сжегъ «Элласъ», чтобы только этотъ единственный греческій фрегатъ не достался законному правительству.

Въ то время, какъ русская эскадра заботилась о возстановленіи на островахъ порядка и законности, западные агитаторы не переставали волновать народъ, надѣясь возбудить смуты въ самой столицѣ тогдашней Греціи, Навплии, и произвести тамъ революцію съ помощью войскъ для низверженія правительства графа Каподистріи. Интриги эти не только были терпимы иностранными миссіями, но нѣкоторыя изъ нихъ оказывали даже явное покровительство злоумышленникамъ противъ президента.

Графу Каподистріи все это было извѣстно, и онъ писалъ лорду Пальмерстону: «Не скрою отъ васъ, что мое положеніе сдѣлалось болѣе труднымъ и критическимъ не по причинѣ неблагодарности или безпокойнаго духа грековъ, но, откровенно говоря, вслѣдствіе поддержки, которую находятъ у иностранныхъ агентовъ лица, интригующія противъ правительства. Иностранные агенты, не знаю почему, считаютъ себя обязанными принимать интригановъ и оказывать имъ всякое покровительство. Смирнская газета и революціонный листокъ, издающійся въ Гидрѣ, получаютъ означенными агентствами, чиновники которыхъ распространяютъ эти изданія въ народѣ»¹⁾.

Особенное негодованіе графа Каподистріи вызывали французы, и въ письмѣ къ М. Сутцо онъ высказываетъ, между прочимъ: «кромѣ революціонныхъ предпріятій гидріотовъ противъ правительства, мнѣ приходится ежедневно бороться противъ козней старшихъ французскихъ офицеровъ, состоящихъ на службѣ моего правительства. Одинъ изъ нихъ, начальникъ артиллеріи и директоръ центральнаго военнаго училища, Пелліонъ, французскій капитанъ и подполковникъ греческой службы, не перестаетъ, въ особенности предъ подчиненными, высказывать свою ненависть и презрѣніе

¹⁾ Графъ Каподистріа къ лорду Пальмерстону 9-го іюля 1831 года.

ко всѣмъ дѣйствіямъ греческаго правительства... прискорбныя событія въ Гидрѣ и Поросѣ возбудили его сочувствіе до того, что онъ открыто сталъ высказывать свою ненависть къ правительству... вслѣдствіе всего этого я долженъ былъ уволить его отъ службы, которую онъ исполнялъ такимъ недостойнымъ для офицера образомъ»¹⁾).

Командиръ французскаго корвета «Львица» прямо заявлялъ, что требованія гидріотовъ справедливы, и говорилъ грекамъ: «Соединитесь съ ними, не слѣдуйте слѣпо совѣтамъ президента, а то вы потомъ раскаетесь. Откройте лучше глаза и будьте увѣрены, что Франція и Англія не принимаютъ участія въ проектахъ, составленныхъ президентомъ вмѣстѣ съ Россіею. Впрочемъ, президенту не долго остается быть въ Греціи. Суда, которыя онъ считаетъ своими, будутъ скоро въ нашихъ рукахъ»²⁾).

Не лучше держалъ себя командиръ англійскаго судна, капитанъ Пимъ, бывшій въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ мятежниками и объявившій, что онъ силою воспротивится не только судамъ президента, но и русскимъ судамъ, если только они вздумаютъ принять какія либо враждебныя по отношенію къ гидріотамъ мѣры»³⁾).

Съ пріѣздомъ англійскаго посланника въ Константинополь Гордона, открыты были въ Навплии общія конференціи, въ которыхъ принимали участіе какъ самъ графъ Каподистрія, такъ и начальники эскадръ и резиденты союзныхъ державъ. Англичане и французы нашли, что мѣры, принятыя президентомъ противъ бунтовщиковъ, были слишкомъ строги. Конференція поэтому рѣшила вызвать депутатовъ съ острова Гидры съ тѣмъ, чтобы убѣжденіями склонить ихъ къ признанію законнаго правительства и разсмотрѣть условія, на которыхъ они согласились бы покориться.

Вслѣдствіе такого рѣшенія конференціи въ Гидру былъ посланъ французскій бригъ за депутатами. Послѣдующій ходъ переговоровъ былъ крайне неудаченъ. Какъ графъ Каподистрія писалъ Сутцо, «послѣ долгихъ бесполезныхъ переговоровъ, г. Лаландъ составилъ такія условія для окончательнаго устройства Гидріотскихъ дѣлъ, что мы съ Гордономъ нашли невозможнымъ привести ихъ въ исполненіе, дабы не уронить достоинства правительства и не разстроить еще болѣе спокойствія государства»⁴⁾).

Вообще интриги англо-французскихъ эмиссаровъ въ Греціи приняты въ 1830—1831 годахъ такіе размѣры, и недоброжелательство западныхъ державъ къ тогдашнему греческому правительству было такъ явно, что графъ Каподистрія, видя, что главнымъ препят-

¹⁾ Онъ же къ М. Сутцо 13-го августа 1831 года.

²⁾ Изъ письма, писаннаго въ Саламинѣ 20-го августа 1831 года.

³⁾ Деша князя Ливена изъ Лондона 16 октября 1831 г., № 318.

⁴⁾ Письмо графа Каподистрія къ Сутцо 14-го сентября 1831 г.

ствіемъ къ водворенію въ Греціи порядка была медленность въ постановленіи лондонскою конференцію своихъ рѣшеній и неисправное доставленіе обѣщанныхъ западными державами субсидій, предполагалъ самъ отправиться въ Лондонъ, чтобы личнымъ присутствіемъ на конференціяхъ способствовать скорѣйшему рѣшенію греческаго вопроса. Совѣты резидентовъ трехъ союзныхъ дворовъ и Поросская катастрофа воспрепятствовали графу Каподистріи привести намѣреніе свое въ исполненіе, тѣмъ не менѣе онъ счелъ необходимымъ ясно выразить свой образъ мыслей относительно движенія зачинщиковъ смуть, пославъ о томъ особую депешу къ представителямъ Россіи, Англіи и Франціи на лондонской конференціи. Вотъ нѣкоторыя мѣста этой депеши: «...для большаго успѣха они (гидріоты и вообще виновники революціи) учредили тайное общество, называемое обществомъ силы, подъ покровительствомъ Геркулеса. Корифеи общества, обѣщая дать государству конституціонный порядокъ, въ то же время обѣщаютъ своимъ приверженцамъ мѣста, должности, чины... мы не можемъ болѣе отвѣчать за будущность страны, если резиденты союзныхъ дворовъ и командующіе эскадрами не получаютъ общихъ инструкцій, которыя дали бы имъ возможность говорить и дѣйствовать заодно... Чтобы Греція могла пользоваться представительнымъ правительствомъ, какое существуетъ въ Европѣ, необходимо прежде всего, чтобы собственность гражданъ приняла правильный видъ. Необходимо, чтобы земледѣлецъ получилъ кусокъ земли въ полную собственность, а теперь $\frac{9}{10}$ земледѣльцевъ — пролетаріи. Необходимо, чтобы народъ могъ имѣть не только чувство своей свободы, но и прочный государственный порядокъ, который далъ бы ему возможность оцѣнить ее и котораго онъ не имѣетъ. Наконецъ, необходимо, чтобы вся нація постепенно путемъ опыта привыкла къ судебнымъ формамъ и къ законности дѣйствій, которыя гарантировали бы интересы торговли, мореплаванія и составили бы основаніе внутренняго благосостоянія страны. Къ этимъ великимъ результатамъ стремились всѣ усилія настоящаго правительства, и оно, безъ сомнѣнія, достигло бы ихъ ко благу народа, если бы тѣ же люди, которые теперь находятся во главѣ революціоннаго движенія, не затрудняли и не препятствовали постоянно исполненію мѣръ, которыя оно принимало съ этою цѣлью. Нація желаетъ своего возстановленія, основанія своего политическаго существованія на прочномъ фундаментѣ. Безъ сомнѣнія, она желаетъ также конституціоннаго правленія, но она имѣетъ слишкомъ много здраваго смысла, чтобы не понимать, что эта форма правленія должна быть не началомъ, но послѣдствіемъ ея возстановленія» ¹⁾).

¹⁾ Депеша графа Каподистріи съ представителямъ Россіи, Англіи и Франціи на лондонской конференціи по дѣламъ Греціи 24 августа 1831 г.

V¹⁾.

Убѣдившись, что открытою силою невозможно сломить власть президента, политическіе противники графа Каподистрія рѣшили отдѣлаться отъ него другимъ образомъ, а именно путемъ убійства. Имъ нужно было во что бы то ни стало избавиться отъ него—слишкомъ многимъ заслонялъ онъ дорогу къ наживѣ и къ видному положенію, слишкомъ многимъ мѣшала въ осуществленіи разныхъ затаенныхъ плановъ, и вотъ они стали стараться воспламенить пылкое воображеніе грековъ. Безъ малѣйшаго стѣсненія, открыто говорилось, что тотъ, кто убьетъ президента, этого пирата, стремящагося де собственными руками задуть эллинскую свободу, тотъ будетъ истиннымъ героемъ и пріобрѣтетъ право на вѣчную признательность отечества. Наиболѣе благодарную почву подобныя внушенія нашли въ сердцахъ майнотовъ, родственниковъ Петро-бея Мавромихали, который со времени послѣднихъ беспорядковъ, въ ожиданіи суда, сидѣлъ въ крѣпости, что также не замедлили назвать тиранствомъ. Враги графа Каподистрія воспользовались его медлительностью, происшедшею оттого, что онъ колебался предать всей строгости законовъ человѣка, хотя и виновнаго въ открытомъ бунтѣ, но, тѣмъ не менѣе, убѣленнаго сѣдинами и потерявшаго двухъ сыновей на полѣ брани за независимость. Эти колебанія, эта нерѣшительность были важною ошибкою, потому что въ политикѣ не можетъ быть середины между наказаніемъ и прощеніемъ.

Сынъ и братъ Петро-бея Мавромихали, Георгій и Константинъ, не были столь виновны въ послѣднихъ майнотскихъ волненіяхъ, какъ самъ старый бей, а потому графъ Каподистрія не захотѣлъ засаживать ихъ въ крѣпость и удовольствовался лишь тѣмъ, что они обязаны были жить въ Навплии подъ надзоромъ полиціи. Раздраженные продолжительнымъ заключеніемъ Петро-бея, которое съ ихъ точки зрѣнія представлялось совершенно несправедливымъ, они съ тѣмъ болѣею охотою прислушивались къ подстрекательствамъ иностранныхъ эмиссаровъ и наконецъ рѣшились, по обычаю своей страны, отдѣлаться отъ обидчика убійствомъ. Рѣшеніе ихъ съ восторгомъ привѣтствовалось всѣми тѣми, кто былъ заинтересованъ въ устра-

1) Матеріалами для разсказа о послѣднихъ минутахъ графа Каподистрія и о слѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ послужили: 1) Записка объ убіеніи Каподистрія, составленная Райкомъ («Русскій Архивъ», 1869 г., стр. 881—919); 2) *Exposé des évènements de la journée du 27 septembre 1831 à Nauplie, par le colonel Almeida, commandant supérieur de Nauplie et de ses forts*; 3) донесенія нашего президента, барона Рякмана, и 4) *Notice biographique sur le comte J. Capodistrias, par A. Stourdza.*

нені ненавистнаго президента, и они приложили всѣ усилія не только, чтобы укрѣпить обоихъ Мавромихали въ ихъ намѣреніи, но и чтобы по мѣрѣ возможности облегчить имъ приведеніе задуманнаго ими плана въ исполненіе: такъ они подкупили приставленныхъ къ Мавромихали полицейскихъ, благодаря чему злоумышленники могли купить себѣ пистолеты и кинжалъ. Начиная съ августа мѣсяца, они подстерегали президента въ узкихъ улицахъ Навплии, но все что-то мѣшало заговорщикамъ.

Около того времени австрійскій вице-консулъ въ Занте увѣдомилъ свое правительство, что до тридцати майнотовъ составили заговоръ, съ цѣлью убить графа Каподистрію. Князь Меттернихъ, повидимому, забывшій всю прежнюю свою ненависть къ апокалипсическому Іоанну, написалъ о томъ президенту ¹⁾, но предупрежденіе его какъ нарочно запоздало и получилось уже послѣ катастрофы.

Настало воскресенье 27-го сентября (9-го октября) 1831 года.

По праздникамъ графъ Каподистрія имѣлъ обыкновеніе ходить въ церковь св. Спиридонія Тримиоунтскаго, не смотря на то, что она очень мрачнаго вида и стоитъ въ тѣсномъ мѣстѣ. Входная въ нее дверь обращена къ переулку, поднимающемуся въ верхнюю часть города. Самый храмъ напоминаетъ собою скорѣе прямоугольный сарай, входная дверь въ который, пробитая сбоку, не шире двери въ домъ какого нибудь частнаго человѣка. Къ церковной стѣнѣ были прислонены дома.

Предъ отправленіемъ въ тотъ день въ церковь, графъ Каподистрія былъ веселѣе обыкновеннаго: онъ получилъ хорошія вѣсти изъ Лондона и, кромѣ того, глава гидріотовъ, Кундуріотти, прислалъ ему письмо съ изъявленіемъ готовности покориться.

Во избѣжаніе столкновеній съ турками, греки старались въ прежнее время совершать божественную службу ранѣе, чѣмъ тѣ поднимутся на ноги. Обычай этотъ—служить обѣдню чуть не на зарѣ, сохранился и послѣ избавленія Греціи отъ турецкаго владычества.

И въ то утро, о которомъ идетъ рѣчь, когда городскіе часы пробили шесть часовъ, въ церкви св. Спиридонія было уже довольно много народу—никто не обратилъ особеннаго вниманія на то, что оба Мавромихали, предъ началомъ литургіи, подошли къ образу, поставили свѣчи, усердно помолились и, выйдя изъ церкви, помѣстились на паперти: Константинъ по правую, а Георгій по лѣвую сторону отъ входа.

Вскорѣ на улицѣ показался графъ Каподистрія, одѣтый, по обыкновенію, въ темно-синій сюртукъ. Его сопровождали двое кавасовъ—

¹⁾ Делеша Татищева изъ Вѣны 23-го октября 1831 г., № 226.

одинъ албанецъ, а другой—кандіотъ, по имени Георгій Кокони, имѣвшій лишь одну руку,—другую онъ потерялъ въ сраженіи подъ Навариномъ. Народъ почтительно разступался предъ президентомъ, шедшимъ чрезъ толпу довольно быстрымъ шагомъ. Онъ получилъ уже нѣсколько доносовъ о готовящемся на него покушеніи, но онъ не хотѣлъ имъ вѣрять: онъ слишкомъ любилъ свой родной край, свой народъ, чтобы подозрѣвать, что найдется негодяй, готовый покушиться на жизнь, всю отданную на благо отчизны. Благородное сердце его не допускало подобнаго предположенія. Но когда онъ увидѣлъ обоихъ Мавромихали, закутанныхъ въ плащи, стоящихъ по обѣимъ сторонамъ входа,—тѣхъ самыхъ Мавромихали, на которыхъ именно указывалъ полученный наканунѣ доносъ, онъ невольно нѣсколько замедлилъ шагъ, но колебаніе это, почти незамѣченное присутствующими, продолжалось не болѣе секунды, а затѣмъ онъ съ полнымъ спокойствіемъ продолжалъ свой путь.

Подойдя къ Мавромихали, графъ Каподистрія, снявъ шляпу, отвѣтилъ имъ на ихъ привѣтствіе. Одною рукою тѣ сняли свои шапки, а другою распахнули свои плащи; въ ту же минуту съ правой стороны президента раздался выстрѣлъ, и надъ головой его просвистала пуля, пущенная Константиномъ Мавромихали. Услыша выстрѣлъ, графъ, сохраняя полное самообладаніе, обернулся къ убійцѣ; въ это самое время воспользовавшійся тѣмъ Георгій Мавромихали выстрѣлилъ въ него сзади почти въ упоръ въ голову, а Константинъ одновременно съ тѣмъ вонзилъ ему въ нижнюю часть живота свой ножъ по самую рукоятку. Послѣ этого, пользуясь происшедшимъ смятеніемъ, убійцы пустились бѣжать, а одинъ изъ ихъ соучастниковъ-полицейскихъ выстрѣлилъ въ третій разъ для того, чтобы, устрашивъ народъ и заставивъ его разступиться, облегчить убійцамъ побѣгъ.

Смертельно раненый президентъ, падая, былъ поддержанъ однорукимъ кандіотомъ Георгіемъ и чрезъ двѣ-три минуты испустилъ духъ, не произнеся ни одного слова. Перестало биться сердце, горѣвшее такою пламенною любовью къ своей отчизнѣ! Погасъ свѣтильникъ, который еще долгое время могъ бы освѣщать Грецію, облегчая ей грядущій путь, предохраняя отъ грядущихъ опасностей...

Вскрытіе тѣла убитаго президента показало, что обѣ полученные имъ раны были безусловно смертельны: голова его была пронизана пулей, составленной, собственно говоря, изъ двухъ пуль, соединенныхъ проволокою.

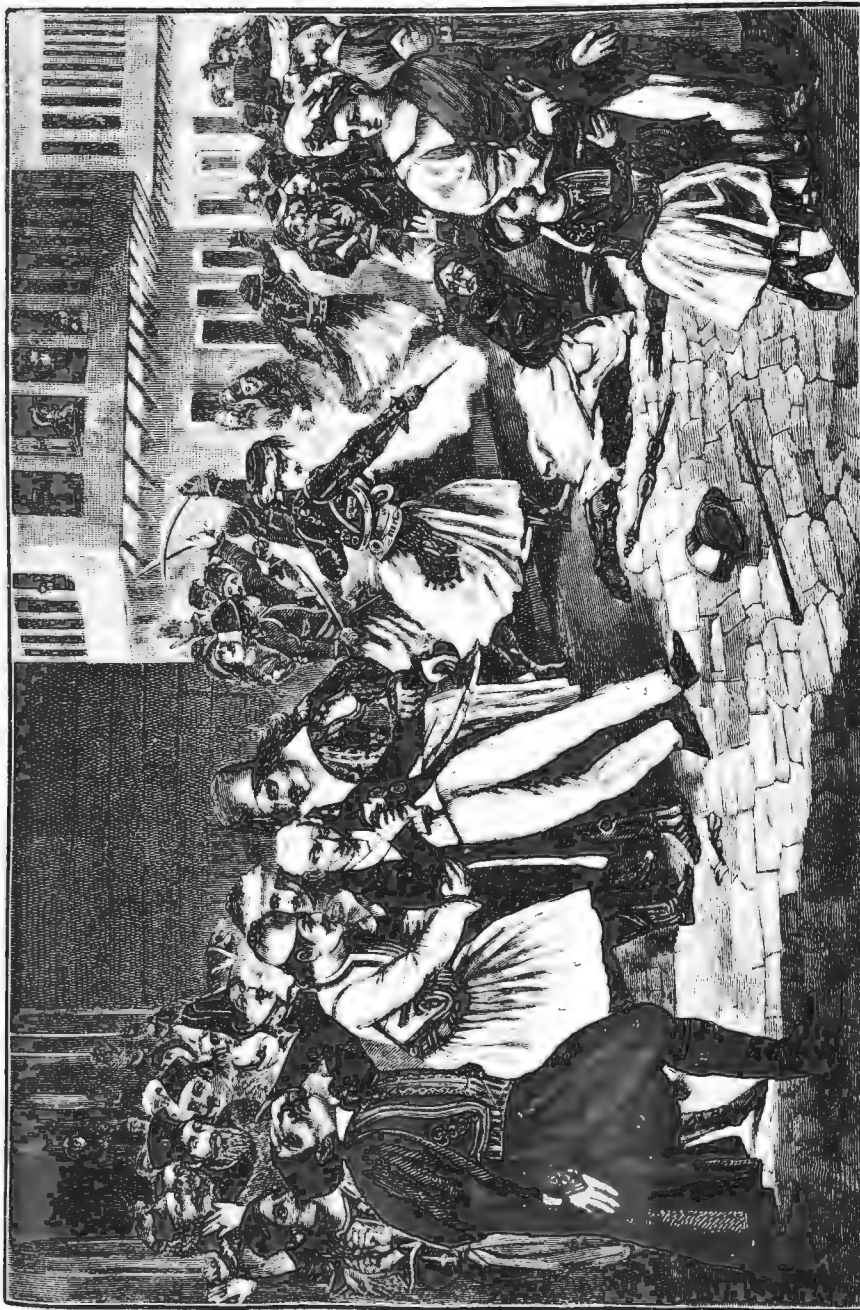
Перепуганный выстрѣлами народъ, въ предчувствіи какого-то несчастія, бросился вонъ изъ церкви. На самой площади разносился рыданія женщинъ и вопли толпившихся вокругъ бездыханнаго уже тѣла президента, окруженнаго лужею крови. Крики ужаса, проклятія злодѣямъ, топотъ бѣгущихъ отовсюду къ мѣсту

преступленія солдатъ и горожанъ раздавались въ ту минуту на тѣсной площади: никто не хотѣлъ вѣрить, что свершилось столь гнусное преступленіе, и что этотъ ласковый, доступный для всякаго простолюдина президентъ, исполненный неисчерпаемой доброты, сраженъ злодѣйскою рукою. Горько, невыразимо горько было народу видѣть своего благодѣтеля, своего отца, очи котораго закрылись навѣки.

Все совершилось такъ быстро, такъ неожиданно для присутствующихъ, что въ первый моментъ послѣ выстрѣла всѣ растерялись. Сопровождавшій президента албанецъ подъ влияніемъ ужаса стоялъ, какъ окаменѣлый. Первымъ нашелся безрукій кандіотъ: уложивъ свою драгоценную ношу на землю, онъ выстрѣлилъ въ убѣгавшаго Константина Мавромихали, но пистолетъ его далъ осѣчку, тогда онъ выхватываетъ изъ-за пояса второй пистолетъ и, преслѣдуя бѣгомъ убійцу, новымъ выстрѣломъ успѣваетъ его ранить въ ноги.

Стѣна объ стѣну съ церковью св. Спиридонія находилась кофейня, извѣстная подъ именемъ Алексѣевой. Въ то время, когда артиллерійскіе солдаты, пришедшіе на площадь для развода, который долженъ былъ быть послѣ обѣдни, составили ружья въ козлы и сами разбрелись по близости, ихъ офицеры зашли въ эту кофейню и явственно услышали въ 6 часовъ 35 минутъ утра звукъ трехъ пистолетныхъ выстрѣловъ, послѣдовательно одинъ за другимъ. Минуту спустя, они увидали стремительно бѣгущаго чело-вѣка, кричавшаго изъ всѣхъ силъ, что президентъ убитъ; его тотчасъ же перехватили, не повѣривъ сначала его крику. Онъ оказался однимъ изъ пѣвчихъ церкви св. Спиридонія, однимъ изъ очевидцевъ убійства. Солдаты ринулись тогда къ церкви, куда подоспѣли, лишь когда тѣло покойнаго графа Каподистрії народъ клалъ на носилки, чтобы перенести его въ домъ. На площади по-прежнему было общее смятеніе; вдругъ раздался голосъ: «убійца спасается по направленію къ Ичь-кале» (крѣпость внутри Навплии). Одинъ изъ артиллерійскихъ офицеровъ съ нѣсколькими солдатами бросился по указанному направленію.

Раненый кандіотомъ Константинъ Мавромихали, бѣжавшій сначала съ необычайною быстротою, пошелъ, взбираясь на гору, медленнымъ и колеблющимся шагомъ. Истекая кровью и теряя силы, онъ оглянулся назадъ и, видя приближающихся къ нему артиллеристовъ, вскричалъ въ испугѣ, падая на землю: «не убивайте меня! не мы причиною смерти президента!». Начальникъ отряда напрасно хотѣлъ удержать разсвирѣпѣвшихъ солдатъ, которые начали бить злодѣя прикладами; иступленная чернь тоже присоединилась къ нимъ и истерзала тѣло Мавромихали самымъ ужаснымъ образомъ. Тѣмъ временемъ, кандіотъ Кокони, не успѣвъ напасть на слѣдъ Георгія Мавромихали, воротился назадъ и, услы-

Убийство графа Каподистрин.
Съ литографин Камилла де-Фалько 1832 года.

шавъ крикъ и проклятія толпы, бросился къ тому мѣсту, гдѣ чернь чинила свою кровавую расправу, растолкавъ толпу и выстрѣлилъ въ Константина Мавромихали вторично, причемъ пуля раздробила ему правое плечо. Безъ сомнѣнія, народъ въ своей ярости разорвалъ бы убійцу въ клочки, если бы его не отбила полиція. Тогда изувѣченнаго Константина Мавромихали, еле прикрытаго лохмотьями изорванной рубашки, отволокли подъ арку у воротъ казармы, что на площади подь Яворомъ. Здѣсь онъ катался нѣсколько времени въ страшныхъ судорогахъ; смерть его наступила минутъ черезъ двадцать. Трупъ его чернь протащила по городскимъ улицамъ и при всеобщихъ проклятіяхъ бросила со скалы въ море.

Отобраннй отъ Константина Мавромихали офицеромъ Монферрато, начальникомъ отряда, окровавленный ножъ въ черныхъ ножнахъ, которымъ былъ убитъ несчастный графъ Каподистрія, былъ переданъ коменданту города, полковнику Альмейдѣ.

Что касается до Георгія Мавромихали, то вмѣсто того, чтобы искать спасенія за городскими стѣнами, находившимися очень близко отъ церкви св. Спиридонія, и выскочить за которыя ему было бы очень легко, онъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ къ дому французскаго резидента по улицѣ, поднимавшейся къ форту Ичкале, причемъ ему пришлось проскочить мимо отряда солдатъ, спускавшагося съ форта для принятія участія въ парадѣ на площади.

Счастливо избѣгнувъ преслѣдованія, Георгій Мавромихали вмѣстѣ съ своими сообщниками, двумя полицейскими, вбѣжалъ въ домъ Вальяно, сосѣдній съ французскою миссіею и имѣвшій съ нею внутреннее сообщеніе. Оттуда они перешли въ садъ миссіи, причемъ, какъ говорятъ, они кричали: «мы убили тирана!».

Считая себя въ безопасности, убійца поднесъ къ устамъ пистолетъ, которымъ совершенно было преступленіе, передалъ его подполковнику Пелліону и объявилъ, что онъ ставитъ себя подь покровительство французскаго резидента, барона Руана.

Вѣсть объ убійствѣ распространилась по всему городу съ быстротою молніи, дома и лавки стали запираяться повсюду. Пораженные ужасомъ горожане ожидали дальнѣйшихъ убійствъ и всевозможныхъ сценъ насилія, такъ какъ только что происшедшее событіе довело взаимное раздраженіе политическихъ партій до крайнихъ предѣловъ. За криками и рыданіями первыхъ минутъ наступила зловѣщая тишина, подобная тому временному затишью, которое обыкновенно предшествуетъ грозѣ: внутри себя всякій опасался за свою жизнь, со страхомъ помышляя о случайностяхъ того неизвѣстнаго будущаго, которое такъ внезапно раскрылось предъ мирными обитателями Навплии, подь управленіемъ графа Каподистрії отвыкшими уже опасаться за завтрашній день.

Все, однако, обошлось благополучно; безпорядковъ, на которые очевидно рассчитывали всѣ враги Греціи и ея тогдашняго правительства, не было, благодаря попреимуществу искуснымъ распоряженіемъ двухъ лицъ: коменданта полковника Альмейды, португальца родомъ, и полковника Райко, весьма образованнаго русскаго офицера, явившагося въ Грецію, по его собственнымъ словамъ, изъ-за національнаго самолюбія, чтобы никто не могъ упрекнуть Россію въ томъ, что ни одинъ изъ ея сыновъ не принималъ прямого участія въ освобожденіи эллиновъ ¹⁾).

Лишь только не осталось сомнѣнія въ смерти президента, какъ была пробита по войскамъ тревога, городскія ворота всѣ были заперты, солдатамъ роздали боевые патроны, и отряды заняли свои мѣста, согласно дислокаціи, выработанной комендантомъ заблаговременно на случай какой либо тревоги.

Единственная вспышка народнаго негодованія произошла по отношенію къ завѣдомому врагу покойнаго президента, князю Караджѣ. Человѣкъ этотъ все допытывался въ тотъ день, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, плохо скрывавшимъ его внутреннее довольство, правда ли, что президентъ убитъ, прибавляя: «неужели уже нѣтъ болѣе надежды? неужели онъ не подаетъ уже признаковъ жизни?». Люди, знавшіе истинныя чувства князя Караджи, не могли вынести подобнаго лицемѣрія и съ презрѣніемъ отворачивались отъ него, посовѣтовавъ лишь ему поскорѣе убираться подобру-поздорову. Онъ послѣдовалъ этому совѣту, но вмѣсто того, чтобы идти домой, направился въ французскую миссію. Вслѣдъ ему слышались крики: «держите его, держите, смерть злодѣю!». На этотъ крикъ сбѣжалась цѣлая толпа, начавшая колотить Караджу, съ него сбили шапку, изъ которой вывалились кинжалъ и пистолетъ. Въ мгновеніе ока, осыпаемый проклятіями Караджа увидѣлъ, какъ на него замахнулось нѣсколько ятагановъ, къ груди его былъ уже приставленъ пистолетъ, когда архіепископъ, подъ окнами котораго происходила эта сцена, сталъ кричать: «дѣти мои, именемъ Бога заклинаю васъ, не совершайте убійства, а предайте виновнаго въ руки полиціи!». Князя отвели вслѣдствіе того въ тюрьму, изъ которой онъ, впрочемъ, чрезъ полчаса былъ выпущенъ по требованію барона Руана, приславшаго для принятія плѣнника подполковника Пелліона.

Смятеніе, воцарившееся въ городѣ, было столь велико, что лишь къ 11 часамъ утра удалось собрать сенатъ, назначившій особую комиссію изъ трехъ членовъ: графа Августина Каподистрія, Колокотрони и Колетти, которая должна была управлять государствомъ впредь до созыва народнаго собранія. По поводу учрежде-

¹⁾ Биографія Николая Алексѣевича Райко, написанная Марквичемъ, помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ», 1868 г., стр. 297.

ніа этой комиссіи прокламація сената 27-го сентября 1831 года говоритъ: «дабы выразить признательность, которую народъ питаетъ къ своему блаженной памяти главѣ, братъ его графъ Августинъ Каподистрія назначается председателемъ помянутой комиссіи». Въ томъ же засѣданіи сената сдѣлано было постановленіе о созданіи городской стражи, составленной изъ наиболѣе именитыхъ гражданъ-домовладѣльцевъ, которая должна была охранять общественный порядокъ.

Временное правительство очень хорошо понимало, какъ важно было сохранить въ Навплии полный порядокъ, чтобы не дать столь желаемого нѣкоторыми лицами повода ввести въ городъ иностранныя войска. И дѣйствительно всѣ подобныя желанія обнаружались въ очень скоромъ времени. Едва артиллерійскіе солдаты успѣли отнести въ домъ бранные останки президента Греціи, причемъ бѣлые брюки солдатъ были почти у всѣхъ залиты кровью несчастной жертвы, какъ въ домъ русскаго резидента, барона Рикмана, гдѣ собрались резиденты англійскій и французскій, явился начальникъ штаба строевыхъ войскъ, подполковникъ Пелліонъ, и сдѣлалъ отъ имени генерала Жерара, командира французскаго экспедиціоннаго корпуса, слѣдующее сообщеніе: «такъ какъ съ кончиною президента въ странѣ нѣтъ болѣе правительства, то онъ, Жераръ, полагаетъ, что отнынѣ Греція поступила подъ защиту державъ-покровительницъ, резиденты коихъ въ виду настоящихъ критическихъ обстоятельствъ, конечно, примутъ на себя управленіе ею отъ имени своихъ государей. Поэтому онъ обращается за приказаніями къ нимъ, резидентамъ, какъ къ единственной признаваемой имъ въ эти минуты власти, и проситъ ихъ облечь его званіемъ главнокомандующаго войсками, такъ какъ иначе, какъ онъ предвидитъ, будутъ пролиты потоки крови. Въ то же время онъ, Жераръ, долгомъ считаетъ увѣрить резидентовъ въ своей искренней преданности эллинскому дѣлу». Въ первую минуту мнѣнія резидентовъ раздѣлились, но по зрѣломъ размысленіи и въ особенности въ виду рѣшительнаго противоудѣйствія барона Рикмана они отвѣтили, что нисколько не намѣрены вмѣшиваться въ внутреннее управленіе странюю. Такъ что не будь энергическаго сопротивленія русскаго резидента, попытка Жерара захватить въ свои руки исполнительную власть навѣрное увѣнчалась бы успѣхомъ.

Не довольствуясь этимъ, самъ генералъ Жераръ, окруженный своимъ главнымъ штабомъ, появился верхомъ на конѣ на городской площади и сталъ говорить рѣчь къ народу въ томъ же смыслѣ, какъ и его сообщеніе иностраннымъ резидентамъ. Передъ тѣмъ, генералъ разослалъ приказаніе всѣмъ начальникамъ частей, предлагая имъ, съ подчиненными имъ офицерами, явиться по дѣламъ службы къ четыремъ часамъ на площадь подъ Яворомъ, но всѣ ему отвѣтили, что не могутъ исполнить его желанія до тѣхъ

поръ, пока не получаютъ приказаній отъ высшаго начальства. Такъ что, за неимѣніемъ офицеровъ, начальникъ экспедиціоннаго корпуса вынужденъ былъ держать рѣчь просто къ толпѣ, собравшейся на площади. Чѣмъ дальше говорилъ онъ, тѣмъ болѣе возрастала ропоть слушавашаго его народа и солдатъ. Общее недовольство разразилось, когда генералъ нѣсколько разъ воскликнулъ, что онъ беретъ Грецію подъ свое покровительство. Со всѣхъ сторонъ слышались крики: «убейте этого предателя!». Изступленіе толпы было возбуждено еще тѣмъ, что адъютантъ Жерара, Каламождарти, разговаривая съ своимъ начальникомъ, сказалъ ему, указывая на кандіота Кокони, стоявшаго у одного изъ оконъ дома, гдѣ помѣщались присутственныя мѣста: «вотъ тотъ дуракъ, который убилъ Константина Мавромихали». Кандіотъ замѣтилъ презрительный жестъ, сопровождавшій эти слова, и въ бѣшенствѣ, схвативъ ружье, прицѣлился въ адъютанта, который успѣлъ, однако, моментально скрыться въ зданіе сената. Самъ генералъ также отправился въ сенатъ, гдѣ въ то время находился лишь одинъ изъ членовъ верховной комиссіи, Колетти, и произнесъ такого рода рѣчь: «посланный его величествомъ королемъ Франціи, дабы совместно съ правительствомъ, которое онъ удостоивалъ своимъ покровительствомъ, содѣйствовать возстановленію порядка и благоденствія Греціи, я считаю свою миссію оконченною съ той минуты, какъ помянутаго правительства не существуетъ болѣе. Тѣмъ не менѣе, если новое правительство, избранное сенатомъ, давшимъ доказательство своей мудрости тѣмъ, что онъ назначилъ г. Колетти въ число членовъ комиссіи, — если, говорю я, это правительство рѣшитъ ввѣрить всѣ вооруженныя силы государства какому нибудь лицу, предоставивъ ему власть, приличествующую главнокомандующему, то я позволю предложить себя на эту должность, но вмѣстѣ съ тѣмъ я прошу, чтобы мои обязанности были точно опредѣлены, согласно проекту, который я буду имѣть честь представить, иначе я не отвѣчаю за спокойствіе и безопасность столицы, и даже, наоборотъ, опасаюсь нѣкоторыхъ прискорбныхъ случайностей, такъ какъ далеко не одобряю многихъ изъ мѣръ, принятыхъ втеченіе нынѣшняго дня, въ особенности же одну мѣру, и предвижу большія бѣдствія. Продолжать мою службу я могу лишь на вышеприведенныхъ условіяхъ».

Колетти ему отвѣтилъ, что правительственная комиссія такъ поглощена въ данный моментъ всевозможными важными заботами, что лишена пока возможности заняться составленіемъ новыхъ инструкцій, чтобы удовлетворить желаніямъ генерала, и потому именемъ комиссіи онъ проситъ его продолжать исполнять свои обязанности попрежнему.

Такимъ образомъ и эта попытка генерала Жерара захватить власть была также неудачна, какъ предыдущая, и всѣ хитроумные его расчеты пошли прахомъ.

Мѣрою, на которую намекалъ въ своей рѣчи генераль Жераръ, было распоряженіе, сдѣланное полковникомъ Альмейдою, относительно прекращенія сообщенія съ иностранными военными судами, стоявшими въ бухтѣ предъ Навиліей; мѣра эта была принята, съ цѣлью воспрепятствовать убійцамъ бѣжать подъ покровительство чужаго флага. Болѣе всего выходили изъ себя по этому поводу баронъ Руанъ и англійскій резидентъ Даукинсъ, которые пришли лично къ коменданту, требуя отмены его распоряженія. Тогда Альмейда назначилъ полковника Райко комендантомъ форта, носившаго названіе форта «Пяти братьевъ», гдѣ были ворота въ сторону моря, и чрезъ которыя резидентамъ можно было бы сообщаться съ своими судами. Обратясь къ резидентамъ, Райко просилъ ихъ для своихъ сообщеній пользоваться гребцами лишь изъ числа служащихъ въ миссіяхъ, а не брать со стороны, такъ какъ иначе, пользуясь предоставляемою дипломатамъ привилегією, могли бы ускользнуть отъ правосудія и сами преступники. «А, вы желаете навязать намъ ваши условія,— возразили ему оба резидента,— такъ знайте же, что мы вовсе не расположены имъ подчиняться, и если вы будете на нихъ настаивать, то мы лучше сами сядемъ на суда и покинемъ вашу страну». Альмейда при этихъ словахъ вступился за своего подчиненнаго, замѣтивъ иностраннымъ дипломатамъ: «вы желали свободнаго сообщенія съ вашими судами — вамъ его предоставляютъ, но вы, въ свою очередь, не можете навязывать вашихъ условій, слишкомъ отяготительныхъ для офицера, на которомъ лежитъ столь великая отвѣтственность. Если, тѣмъ не менѣе, вы желаете въ этомъ найти предлогъ, чтобы удалиться изъ города, вы вольны дѣлать, что вамъ заблагоразсудится, и никто не посмѣетъ вамъ въ томъ противиться».

Когда полковникъ Райко прибылъ въ назначенный ему фортъ, до него дошли смутные, сначала, слухи о томъ, что убійцы скрываются либо въ домѣ Вальяно, либо въ французской миссіи. Онъ сообщилъ о томъ немедленно Альмейдѣ, который, испросивъ приказаній графа Августина Каподистріи, отправился самъ на батарею «Пяти братьевъ» и, не имѣя еще положительныхъ данныхъ, что преступники находятся въ домѣ барона Руана, приказалъ лишь разставить вокругъ дома часовыхъ и внимательно наблюдать за французской миссією, что было легко исполнить, благодаря тому, что зданіе это занимаетъ уединенное положеніе. Послѣдующія донесенія только подтвердили первоначальные слухи, и скоро весь городъ говорилъ о томъ, что убійцы нашли себѣ пристанище у французскаго резидента.

Около десяти часовъ утра баронъ Руанъ лично отправился къ гражданскому губернатору, Аксіотти, и заявилъ, что вслѣдствіе печально сложившихся роковыхъ случайностей обвиняемые въ убійствѣ графа Каподистріи были безъ вѣдома его приняты въ

домъ французской миссіи, что они и теперь тамъ находятся, и что онъ просить избавить его отъ ихъ присутствія.

Получивъ такое заявленіе, правительственная комиссія немедленно послала полковника Альмейду для арестованія преступниковъ. Комендантъ нашелъ барона Руана оживленно разговаривающимъ съ Лаландомъ; онъ былъ взволнованъ до крайности, почти не помнилъ, что говорилъ, и его, видимо, снова обуяла нерѣшительность. Онъ началъ съ того, что потребовалъ отъ Альмейды письменной просьбы о выдачѣ предполагаемыхъ преступниковъ; когда тотъ исполнилъ его желаніе, резидентъ взволновался еще болѣе; подъ предлогомъ, что онъ опасается де какой нибудь катастрофы въ его домѣ, онъ предложилъ коменданту самому переговорить съ Георгіемъ Мавромихали. Увидавъ Альмейду, этотъ послѣдній соскочилъ съ богато убраннаго дивана, у подножія котораго сидѣли два изъ его сообщниковъ по убійству, Яни Караяни и Андрей Патриносъ, полицейскіе, которымъ былъ порученъ правительствомъ надзоръ за нимъ, и вскричалъ, что онъ отдаетъ себя подъ мощное покровительство Франціи и что онъ умоляетъ барона Руана выдать его лишь народному собранію, клянясь, что до тѣхъ поръ онъ не покинетъ дома французской миссіи, гостепріимно его пріютившей, даже если бы его изрубили въ куски. «Слышите вы это?»—спросилъ баронъ Руанъ коменданта.—«Я беру на себя взять его,—отвѣтилъ ему тотъ:—такъ что ни одинъ волосъ не упадетъ съ его головы».—«Но въ такомъ случаѣ вамъ придется употребить насиліе... и это въ моемъ домѣ...».—«Зачѣмъ же вы призвали меня?»—спросилъ, наконецъ, Альмейда. Осторожный не въ мѣру резидентъ все еще колебался и прибавилъ: «во всякомъ случаѣ не ручаюсь за него... онъ можетъ убѣжать». Комендантъ указалъ, что въ окнахъ есть рѣшетки, и просилъ, по крайней мѣрѣ, дозволенія поставить къ окнамъ часовыхъ. «Нѣтъ, я не могу, я не могу этого допустить»,—заклучилъ баронъ.

Комендантъ собрался уходить и былъ уже въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома миссіи, какъ резидентъ снова позвалъ его, сказавъ: «если желаете, возьмите пока двухъ сообщниковъ Георгія Мавромихали». Альмейда не заставилъ себѣ повторять два раза такое разрѣшеніе и тотчасъ же арестовалъ и отправилъ въ фортъ Бурджи обоихъ соучастниковъ преступленія.

Пока все это происходило, начальники вновь сформированной городской стражи одинъ за другимъ являлись въ сенатъ съ донесеніями, что броженіе въ городѣ увеличивается, что народъ наполняетъ уже всѣ сосѣднія съ французскою миссіею улицы, и что если до вечера преступники не будутъ выданы, то они не отвѣчаютъ за сохраненіе въ городѣ порядка.

Тѣмъ временемъ въ сенатъ прибылъ полковникъ Альмейда и доложилъ о безуспѣшности своихъ переговоровъ съ барономъ Руа-

номъ. Тогда сенатъ послалъ этому послѣднему формальное, отъ имени сената и всей націи, требованіе выдачи, поручивъ гражданскому губернатору, при передачѣ этого документа, дать понять барону, что нынѣшній образъ его дѣйствій находится въ полномъ противорѣчій съ тѣмъ, что онъ самъ же заявилъ сегодня по утру.

И при новомъ объясненіи съ Аксіотти французскій резидентъ не находилъ возможнымъ исполнить требованій сената, какъ власти, имъ еще не признанной; кромѣ того, онъ не могъ дозволить, чтобы изъ его дома увели силою человѣка, не желающаго сдѣлать этого добровольно, и котораго онъ, резидентъ, считаетъ невиннымъ; вдобавокъ онъ опасался, что, выдавъ Мавромихали, онъ предастъ его въ жертву народной ярости и всякихъ насилій, послѣдствія которыхъ падутъ лично на него, какъ французскаго представителя. Аксіотти, истощивъ всѣ свои доводы, былъ вынужденъ въ концѣ концовъ объявить, что если Мавромихали не будетъ выданъ до солнечнаго заката, онъ не ручается за то, что можетъ произойти ночью, такъ какъ хотя по распоряженію правительства всѣ подступы къ французской миссіи и охраняются солдатами, тѣмъ не менѣе волненіе все усиливается, и отовсюду стекаются толпы, рѣшившіяся захватить убійцу силою, не взирая ни на какія препятствія. При этихъ словахъ баронъ позвалъ изъ сосѣдней комнаты Пелліона и спросилъ его, правда ли, что въ городѣ броженіе; тотъ отвѣтилъ, что все это однѣ басни. Какъ разъ въ это время Аксіотти вышелъ на балконъ, чтобы разсмотрѣть, что дѣлаетъ противъ дома какой-то вооруженный человѣкъ. Завидя губернатора, незнакомецъ крикнулъ ему: «ну, что же, отдають ли намъ его? или пора намъ начинать?». Обстоятельство это болѣе подѣйствовало на французскаго резидента, чѣмъ всѣ приведенные ему доводы, и онъ обѣщаль выдать убійцу.

Когда губернаторъ возвращался изъ миссіи, ему пришлось успокоивать поминутно подступавшихъ къ нему вооруженныхъ людей, бывшихъ въ состояніи крайняго возбужденія, говоря имъ: «идите по домамъ, даю вамъ слово, что до наступленія ночи преступникъ будетъ въ нашихъ рукахъ».

Освѣдомившись о результатѣ свиданія Аксіотти съ барономъ Руаномъ, сенатъ вторично отправилъ полковника Альмейду къ французскому резиденту. Разставивъ патрули по всѣмъ улицамъ, по которымъ онъ затѣмъ долженъ былъ вести преступника, дабы удалить съ нихъ весь народъ, комендантъ поступался въ двери миссіи, которыя и распахнулись настезь. Прошли двѣ, три минуты, никто не показывался. Потерявъ терпѣніе, Альмейда послалъ своего адъютанта, который, войдя въ домъ и отворивъ одну изъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ, нашель тамъ Георгія Мавромихали и потребовалъ, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ. Почти одновременно съ комендантскимъ адъютантомъ въ ту же комнату вошелъ Пел-

ліонъ, который съ большимъ трудомъ уговорилъ наконецъ Мавромихали переступить порогъ миссіи. Когда убійцу повели по улицамъ подъ конвоемъ, подполковникъ Пелліонъ велъ его все время подъ руку, стараясь успокоить его, говоря, что онъ скорѣе дастъ себя убить, чѣмъ позволить причинить Мавромихали малѣйшую обиду; конвойныхъ же солдатъ онъ не переставалъ увѣрять своею честью, что этотъ несчастный нисколько де не виновенъ. Уже поздною ночью убійца былъ перевезенъ въ фортъ Бурджи, согласно выраженному на то барономъ Руаномъ желанію.

Было большимъ счастіемъ для французскаго резидента, что онъ рѣшился выдать убійцъ, потому что слухъ объ умерщвленіи графа Каподистріа и о томъ, что убійцы нашли себѣ пріютъ и убѣжище у французовъ, распространился по всей окрестной странѣ, и сельскіе жители, также какъ и обыватели Аргоса, двинулись къ столицѣ, чтобы силою вырвать злодѣевъ изъ французской миссіи и самый домъ послѣдней разрушить до основанія.

На другой день подъ вечеръ правительство секретными путями освѣдомилось, что предполагается сдѣлать попытку освободить преступниковъ, сидѣвшихъ въ Бурджи, и перевезти ихъ за предѣлы Греціи. Немедленно были приняты мѣры, чтобы воспрепятствовать исполненію этого плана, тѣмъ болѣе легкаго, что фортъ Бурджи расположенъ на островкѣ при входѣ въ Навплійскій заливъ. Гарнизонъ былъ усиленъ, артиллеристы оставались всю ночь у своихъ орудій съ зажженными фитилями, а на зарѣ полковникъ Альмейда распорядился перевезти преступниковъ въ фортъ Паламеди, построенный на высокой горѣ, командующей надъ Навпліей.

Что сдѣланнымъ во время распоряженіемъ выстрѣлъ попалъ въ цѣль, доказывается тѣмъ, что лишь только баронъ Руанъ узналъ о состоявшемся переводѣ убійцъ въ Паламеди, онъ открыто протестовалъ противъ того и послалъ 29-го сентября (11-го октября) президенту сената, Замадосу, письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: «...городскіе толки передаютъ, что Мавромихали долженъ быть судимъ въ 24 часа... я выдалъ его въ искреннемъ убѣжденіи, что при разслѣдованіи этого дѣла будутъ соблюдены всѣ предписанныя закономъ юридическія формы. Если же съ нимъ будетъ поступлено иначе, то мнѣ придется очень горько сожалѣть о выказанномъ мною довѣріи, и я не колеблюсь объявить вамъ, г. президентъ, что я возлагаю на сенатъ отвѣтственность за кровь, которая можетъ быть пролита».

Въ то же время, взявъ съ собою Лаланда, французскій резидентъ отправился къ графу Августину Каподистріа, чтобы протестовать противъ того, чтобы Мавромихали былъ судимъ военнымъ судомъ, процедура котораго слишкомъ поспѣшна, и вмѣстѣ съ тѣмъ для того, чтобы, поручить обвиняемаго милосердію предсѣдателя правительственной комиссіи. Графъ Августинъ Каподистріа

отвѣтили этимъ господамъ, что онъ не можетъ прервать правильное теченіе процесса, но что онъ завѣряетъ самымъ положительнымъ образомъ, что всѣ формы, установленныя правосудіемъ строгимъ, но безпристрастнымъ, будутъ соблюдены, и лишь самъ судъ выскажется по вопросу о виновности обвиняемаго, безъ всякаго давленія на судъ со стороны администраціи.

Если образъ дѣйствій французскихъ представителей возбуждалъ въ народѣ чувства, которыя никоимъ образомъ нельзя было назвать дружелюбными, совсѣмъ иными были чувства простыхъ грековъ къ представителямъ русскимъ, въ особенности къ адмиралу Рикорду, такъ рѣшительно отстаивавшему во время бунта въ Гидрѣ права законнаго правительства.

Предполагая, что адмиралъ Рикордъ прибудетъ въ Навплию 30-го сентября, и зная мѣсто, гдѣ онъ имѣлъ обычай высаживаться на берегъ, свыше двухъ тысячъ человекъ собрались туда въ этотъ день, намѣреваясь высказать адмиралу свои жалобы на французовъ и просить его отомстить за смерть президента. Планъ, однако, не удался, такъ какъ Рикордъ, предупрежденный заранѣе, прибылъ въ Навплию 29-го сентября и высадился совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾.

Не смотря на то, что рѣшеніе судить Мавромихали, какъ принадлежащаго къ составу арміи, военнымъ судомъ было исполнѣ согласно съ буквою законовъ, оно не удостоилось быть одобреннымъ ни французскимъ, ни англійскимъ резидентами. А между тѣмъ правительство сдѣлало все, чтобы придать судилищу какъ можно болѣе торжественности. Судъ происходилъ подъ открытымъ небомъ, чтобы всякій безъ затрудненія могъ на немъ присутствовать. Защитѣ была предоставлена самая неограниченная свобода.

Хотя показанія массы допрошенныхъ свидѣтелей установили явную связь преступленія съ революціонными дѣятелями Майны, Гидры и Пороса, слѣдствіе, тѣмъ не менѣе, было произведено самое неполное, отчасти изъ боязни навлечь неудовольствіе тѣхъ, кого не хотѣли оскорбить изъ политическихъ видовъ. Нѣкоторые важные свидѣтели не были вовсе вызваны, такъ, на примѣръ, генералъ Жераръ запретилъ своему адъютанту явиться въ судъ для дачи показаній.

Защитникъ обвиняемаго, адвокатъ Массонъ, англичанинъ, шесть лѣтъ какъ поселившійся въ Навплии, предвидя, что онъ не можетъ уничтожить подавляющія доказательства, существовавшія противъ его кліента, ограничился тѣмъ, что доказывалъ некомпетентность суда. Пренія продолжались съ 10 часовъ утра до 7 вечера.

Основываясь на томъ, что народъ всегда считалъ покойнаго президента своимъ отцомъ и присвоилъ ему это названіе за всѣ

¹⁾ Дешеша барона Рикмана ^{8/10} октября 1831 года, № 58.

благодѣянія, оказанныя имъ отечеству, судъ призналъ Георгія Мавромихали виновнымъ въ отцеубійствѣ и приговорилъ его къ казни, опредѣляемой по закону отцеубійцамъ, то-есть къ отсѣченію правой ручной кисти и, затѣмъ, смертной казни. Предсѣдатель правительственной комиссіи смягчилъ, однако, наказаніе и присудилъ Георгія Мавромихали лишь къ смертной казни. Затѣмъ судъ приговорилъ: Яни Караяни, изобличеннаго въ преднамѣренномъ убіеніи графа Каподистріа, къ смертной казни, а Андрея Патриноса, изобличеннаго въ соучастіи убіенія, но не преднамѣренномъ,—къ десятилѣтней каторжной работѣ. Такъ какъ Караяни обѣщаль дать нѣкоторыя важныя дополнительныя показанія, то исполненіе надъ нимъ приговора было отсрочено, а впослѣдствіи онъ былъ и вовсе помилованъ.

Не взирая на тайное и явное противодѣйствіе западно-европейскихъ резидентовъ, правительство не испугалось ихъ угрозъ и рѣшило немедленно же привести приговоръ въ исполненіе.

На другой день послѣ того, какъ состоялся приговоръ, необозримая толпа собралась у скалъ Паламеди, въ ожиданіи казни. Ровно въ 10 часовъ на вершинѣ Паламеди показался Мавромихали. При немъ былъ священникъ и одинъ изъ стражей. Въ цѣпяхъ онъ медленно сходилъ по крутой лѣстницѣ. Идя на смерть, онъ держалъ себя бодро. Довольно высокаго роста, онъ былъ очень красивъ собою: блѣдность лица усиливала блескъ его глазъ. Подойдя ближе къ зрителямъ, онъ снялъ шапку, поклонился народу и попросилъ прощенія, но въ отвѣтъ ему раздался только глухой и грозный крикъ: «анаеема!.. анаеема тебѣ и всему твоему роду!»... Крикъ этотъ повторялся при каждомъ его поклонѣ, что не мѣшало приговоренному къ смерти заявить о своей невинности. Подойдя, наконецъ, къ самому мѣсту казни, Георгій Мавромихали снялъ съ себя и подарилъ священнику дорогую шаль, служившую ему поясомъ. Завязать себѣ глаза онъ не позволилъ, а, произнеся краткую рѣчь, раскрылъ свою грудь, распростеръ руки, и... залпъ мушкетовъ, сопровождаемый послѣднимъ, страшнымъ возгласомъ «анаеема», прекратилъ жизнь юноши, руки котораго были обгарены столь ужаснымъ злодѣяніемъ.

Преступленіе Георгія Мавромихали отразилось на всемъ его родѣ: первое же созданное народное собраніе наложило проклятіе на весь родъ Мавромихали до четырнадцатилѣтняго возраста ¹⁾. Замѣчательно, что рокъ какъ бы преслѣдуетъ членовъ этого семейства: вплоть до послѣдняго времени многіе изъ нихъ сошли съ ума, другіе были самоубійцами.

Одинъ старый Петро-бей ускользнулъ отъ заслуженнаго нака-

¹⁾ Рапортъ лейтенанта Лутковскаго, командира катера «Соловей», вице-адмиралу Рикорду отъ 28-го марта 1832 года, № 115.

занія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ убійства графа Каподистріи новое правительство, желая дать доказательство, какъ искренне желаетъ оно соблюдать объявленную уже амнистію за политическія преступленія, разрѣшило ему и еще другому Мавромихали, сидѣвшему въ Навплійской крѣпости, отправиться на свою родину, въ Майну¹⁾.

Набальзамированное тѣло бывшего президента было перенесено изъ дому въ церковь св. Георгія. Заупокойная обѣдня была отслужена съ большою торжественностью, въ присутствіи сената, иностранныхъ резидентовъ, начальниковъ союзныхъ эскадръ, представителей отъ войска, организованнаго покойнымъ, и учащейся молодежи изъ школъ, основанныхъ также благодаря неусыпнымъ стараніямъ умерщвленнаго графа.

Пламенна была молитва многихъ греческихъ патриотовъ объ упокоеніи души безвременно погибшаго великаго гражданина, искусно управлявшаго государственнымъ кормиломъ. Но не менѣе сильна была радость многихъ, ставящихъ на первый планъ свои личные интересы, когда они смотрѣли на бездыханное тѣло того, кто уже не въ состояніи былъ помѣшать ихъ кознямъ. Какъ сдерживала всѣхъ твердая рука графа Каподистріи, видно изъ того, что чрезъ три мѣсяца по его кончинѣ междоусобная война уже вспыхнула въ греческихъ предѣлахъ: всѣ происшедшія затѣмъ смуты возбуждены были мелкимъ соперничествомъ между различными областями Греціи, ненасытнымъ корыстолюбіемъ и жаждою власти политическихъ ея дѣятелей.

Шесть мѣсяцевъ спустя послѣ описаннаго событія, графъ Августинъ Каподистрія отказался отъ предсѣдательства надъ временнымъ греческимъ правительствомъ и на русскомъ бригѣ «Парисъ» отправился на родину, захвативъ съ собою и прахъ знаменитаго своего брата, который и былъ погребенъ въ Корфу, рядомъ съ могилою его отца, въ монастырѣ Платитеры, убѣжищѣ истиннаго мира, успокоенія и молитвы...

7-го мая 1832 года представители великихъ державъ, участвовавшіе въ лондонскихъ конференціяхъ, подписали, наконецъ, протоколъ, которымъ опредѣлялось окончательное политическое устройство Греціи на будущее время, а принцъ Фридрихъ-Оттонъ Баварскій избранъ былъ наслѣдственнымъ королемъ этой страны, куда и прибылъ 6-го февраля 1833 года.

Созванное послѣ революціи ³/₁₅ сентября 1843 года, закончившейся дарованіемъ Греціи конституціи, первое аеинское народное

¹⁾ Деша вице-адмирала Рикорда къ графу Нессельроде 7-го апрѣля 1832 года, № 549.

собраніе, прежде чѣмъ разойтись, издало 17-го марта 1844 года два слѣдующихъ декрета, вызвавшіе общій восторгъ: 1) «Проникнутое чувствомъ благодарности, питаемой народомъ къ тремъ великимъ союзнымъ державамъ за всѣ благодѣянія, которыми онѣ его осыпали, протянувъ ему во время войны руку помощи, оказывая ему при разныхъ обстоятельствахъ свое могущественное покровительство и обнаруживая къ нему постоянно живѣйшую заботливость, народное собраніе, возблагодаривъ Всевышняго, постановляетъ: вѣчная благодарность да сохранится тремъ державамъ, покровительницамъ Греціи, за всѣ ихъ великія благодѣянія по отношенію къ греческому народу».

2) «Во исполненіе священнаго долга и дабы увѣковѣчить глубочайшее благоговѣніе и особенную признательность, которыя народъ Греціи сохраняетъ къ памяти покойнаго Іоанна Каподистріи, бывшаго президента Греціи, народное собраніе постановляетъ: правительство озаботится поставить на площади «Трехъ адмираловъ» въ Навплии памятникъ Іоанну Каподистріи, какъ благодѣтелю отечества»¹⁾.

Къ стыду Греціи необходимо прибавить, что столь торжественное рѣшеніе воздвигнуть памятникъ великому греческому дѣятелю и до сихъ поръ не приведено въ исполненіе.

Одновременно съ приведенными выше декретами, въ вознагражденіе за пожертвованное семействомъ Каподистріи въ пользу отечества все почти свое достояніе, греческіе представители постановили выдавать на вѣчныя времена ежегодную пенсію въ 12.000 драхмъ старшему въ родѣ графовъ Каподистрія, которому притомъ былъ пожалованъ преемственно орденъ Спасителя большаго креста.

VI.

Когда сходитъ въ могилу видный политическій дѣятель, обыкновенно считаютъ умѣстнымъ дѣлать оцѣнку его качества. Относительно графа Каподистріи длинныя разсужденія, какъ кажется, были бы излишни; чтобы отдать себѣ отчетъ въ истинной величинѣ его, достаточно оглянуться на все, что имъ было сдѣлано въ кратковременное управленіе его Греціею: за него говорятъ дѣла, а не слова. Забудемъ страстные нападки его политическихъ противниковъ, обратимъ вниманіе лишь на результаты, достигнутые имъ втеченіе періода времени крайне короткаго, и мы съ уваженіемъ должны будемъ преклониться предъ этою высокою во всѣхъ отношеніяхъ личностью.

Принявъ страну въ послѣдней степени разоренія, съ населеніемъ, одичавшимъ вслѣдствіе тяжелой, продолжительной войны,

¹⁾ Делеша Персіани пзъ Афинъ 19-го марта 1844 г., № 39.

ознаменованной характеромъ жестокости, присущей всѣмъ религиознымъ войнамъ, графъ Каподистрія сумѣлъ изъ совершенно разрозненныхъ элементовъ создать государство со всѣми задатками будущаго развитія. Опытною рукою берется онъ прежде всего за устроение важнѣйшихъ частей государственнаго управленія—церкви, народнаго образованія, условій существованія сельскаго населенія, земледѣлія, арміи и флота, намѣчая для всего вѣрные пути и закладывая прочное основаніе для будущаго благосостоянія страны. Онъ не спѣшитъ, въ угоду Западу, гнаться за призракомъ представительнаго правленія, находя для того необходимымъ предварительное политическое воспитаніе народа, только что выбившагося на свободный путь послѣ нѣсколькихъ вѣковъ почти полнаго безправія. Онъ съ презрѣніемъ относится къ несправедливымъ нападкамъ, такъ какъ онъ работаетъ не только для сегодняшняго дня и не для пріобрѣтенія популярности, а трудится для будущаго, черпая въ самомъ себѣ силы для исполненія своего труднаго дѣла, отдаленные результаты котораго видны ясно лишь его умственнымъ очамъ, оставаясь пока недоступными пониманію большинства.

Искусно побѣдивъ многоразличныя трудности и устроивъ главныя части внутренняго управленія, поднявъ кредитъ и торговлю, организовавъ судебную часть, обезпечивъ условія общественной безопасности, президентъ не оставляетъ безъ вниманія и второстепенныхъ вопросовъ; кипучая дѣятельность его не знала усталости, и съ полнымъ безпристрастіемъ можно сказать, что онъ весь отдался служенію своей задачѣ, вложивъ въ нее всю свою душу, все свое умѣнье и всѣ Богомъ дарованные ему таланты. При этомъ не слѣдуетъ забывать еще одного важнаго обстоятельства. Графъ Каподистрія организовалъ всѣ отрасли государственнаго хозяйства, располагая лишь самыми малыми денежными средствами. При годовомъ бюджетѣ доходовъ, не достигавшихъ и семи миліоновъ франковъ въ годъ, онъ долженъ былъ, кромѣ общихъ расходовъ по управленію и устройству государства, вести еще войну съ турками въ продолженіе двадцати мѣсяцевъ, причемъ за все это время нужно было содержать двадцатитысячную армію и свыше сорока большихъ и малыхъ военныхъ судовъ. Затѣмъ, при вступленіи его въ управленіе, государство не владѣло никакими запасами оружія и пороха. Въ 1832 году въ арсеналахъ Греціи находилось четыре полныхъ полевыхъ баттарей, 12.000 ружей и слишкомъ 300.000 фунтовъ пороха ¹⁾.

Не будемъ говорить о личномъ безкорыстіи графа Каподистрія. Едва прибывъ въ Грецію, онъ пишетъ, между прочимъ, въ январѣ 1828 года адмиралу Кодрингтону, указывая на нищету Греціи и пустоту государственнаго казначейства: «я снабдилъ полномочіемъ

¹⁾ Correspondance du comte Capodistrias. I. Notice biographique.

г. Кондоставло, дабы онъ купилъ въ кредитъ въ Мальтѣ и прислалъ мнѣ какъ можно скорѣе два груза провіанта на сумму отъ 20 до 25 тысячъ талеровъ. Въ обезпеченіе этой суммы я его уполномочиваю дать въ залогъ все, что у меня лично еще осталось, а именно мое небольшое имѣніе на островѣ Корфу. Больше этого я ничего не могу сдѣлать»¹⁾. Втеченіе четырехъ лѣтъ графъ Каподистрія служилъ отчизнѣ на свой собственный счетъ: онъ самъ отказался отъ 150.000 франковъ, назначенныхъ ему аргосскимъ народнымъ собраніемъ, и самъ ссудилъ казнѣ изъ личныхъ своихъ средствъ 800.000 франковъ.

Вообще, какъ человѣкъ, графъ Каподистрія былъ выдѣленъ по образцу знаменитыхъ мужей древности: серьезный, величавый, строгій къ себѣ, свисходительный къ другимъ, идеально безкорыстный, жертвующій отечеству все, чѣмъ онъ владѣлъ, упорный въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли. Рѣдко можно было встрѣтить въ одномъ человѣкѣ соединеніе столькихъ прекрасныхъ качествъ: обширный, глубокообразованный умъ, удивительное трудолюбіе, простота нравовъ, отсутствіе всякой надменности и высокомерія,—все это соединенное съ искреннею религіозностью и вѣрою въ Провидѣніе.

Скромность графа Каподистрія была такъ велика, что онъ былъ, напримѣръ, крайне недоволенъ, когда правительство выставило его имя на только что отчеканенной новой серебряной и мѣдной монетѣ.

Конечно, покойный президентъ Греціи, какъ и всякій человѣкъ, иногда ошибался, и ему ставили въ упрекъ нѣкоторую склонность къ своимъ родичамъ и уроженцамъ Ионическихъ острововъ. Даже его панегиристы допускають, что онъ не всегда былъ счастливъ въ выборѣ себѣ помощниковъ, но въ оправданіе его необходимо замѣтить, что при настоятельной надобности все организовать заново президентъ вынужденъ бывалъ брать изъ толпы тѣ элементы, которые тамъ создались во время анархіи, а иногда выборъ ихъ зависѣлъ отъ соображеній внѣшней политики, и не мудрено, что изъ желанія болѣшей государственной пользы онъ прибѣгалъ чаще, чѣмъ быть можетъ это слѣдовало, къ услугамъ тѣхъ корфіотовъ, способности которыхъ были ему издавна извѣстны изъ личнаго опыта.

Чтобы завершить характеристику графа Каподистрія, достаточно, по моему мнѣнію, привести выписку изъ его письма, посланнаго наканунѣ его трагической кончины, 26-го сентября 1831 года, къ давнишнему его другу, швейцарцу Эйнару, банкиру, пожертвовавшему громадныя капиталы на борьбу Греціи за независимость,—письма, писаннаго президентомъ, очевидно, въ тяжелую

¹⁾ Correspondance, I, 409.

минуту, подѣ влияніемъ горькихъ разочарованій: «ни страхъ предѣ интригами или интриганами, ни боязнъ предѣ длинными столбцами нѣкоторыхъ журналовъ не могутъ меня отвратить отъ пути, которымъ я слѣдую. Пусть говорятъ и пишутъ, что имъ угодно, въ концѣ концовъ о людяхъ судятъ не по тому, что о нихъ говорятъ и пишутъ, но на основаніи свидѣтельства ихъ собственныхъ дѣяній. Сильный такимъ убѣжденіемъ, я прожилъ, согласно моимъ принципамъ, до самаго склона моей жизни и былъ тѣмъ доволенъ. Въ настоящее время мнѣ уже невозможно перемѣнить свой образъ дѣйствій: я буду поступать такъ, какъ я долженъ поступать, а тамъ пусть будетъ, что будетъ...»¹⁾).

Могъ ли несчастный президентъ предполагать, что въ ту минуту, когда рука его начертывала эти пророческія слова, дыханіе смерти уже носилось надъ нимъ, и лишь нѣсколько часовъ спустя онъ, какъ вѣрный Христовъ ратникъ, падетъ, обливаясь кровью, въ преддверіи Божьяго храма!...

Какимъ же образомъ человекъ съ такими, какъ мы видѣли, прекрасными свойствами души, которыя должны бы были вызывать лишь народную привязанность, могъ пасть жертвою убійства, и на кого падаетъ главнѣйшая часть отвѣтственности за подобное злодѣяніе?

Личность убійцъ, совершившихъ самое преступленіе, представляетъ лишь второстепенное значеніе: они были лишь орудіемъ, почти безсознательнымъ, разсѣкшимъ лишь сложный узелъ общаго положенія, подготовленнаго уже издавна; они лишь выступили открыто тамъ, гдѣ доселѣ во мракѣ роились истинные виновники всего случившагося.

Чтобы понять образъ дѣйствій Мавромихали, надо вникнуть въ міровоззрѣніе, въ сердце этихъ дикарей, которые привыкли считать безчестіемъ для всего своего рода стерпѣть нанесенную имъ, по ихъ мнѣнію, обиду. Мщеніемъ своимъ они какъ бы исполняютъ священный долгъ, и вотъ почему, идучи на свое страшное дѣло, они ставятъ свѣчу предѣ образомъ, крестятся, усердно молятся, вотъ почему также Георгій Мавромихали цѣлуетъ, согласно обычаю страны, послѣ совершенія убійства свой пистолетъ, какъ знакъ того, что со смертию обидчика честь восстановлена. Имъ представляется, что и народъ одобритъ мотивъ преступленія, отдастъ имъ справедливость. Лишь когда Константинъ Мавромихали съ удивленіемъ видитъ, что народъ, наоборотъ, хочетъ его растерзать, онъ оправдывается, ссылаясь на виновность другихъ, подкрѣпившихъ его рѣшеніе и предоставившихъ средства къ осуществленію этого

¹⁾ Le Moniteur Universel du jeudi 27 octobre 1831.

рѣшенія. Оба Мавромихали не что иное, какъ продуктъ стараго строя турецкой Элады, не смогшіе постичь совершившейся съ освобожденіемъ Греціи перемѣны въ воззрѣніяхъ народа и совершенно измѣнившихся условій существованія этого послѣдняго.

Но слѣдуетъ признать, что при всей жестокости и мстительности характера, свойственныхъ майнотамъ, они никогда не осмѣлились бы открыто покуситься на жизнь главы государства, если бы у нихъ предъ глазами не было примѣра безнаказанности и, даже болѣе, поддержки, встрѣченной со стороны западныхъ державъ преступною попыткою бунта гидріотовъ.

Современные графу Каподистрії греки не даромъ были потомками прежнихъ, въ нихъ оставалась старая закваска древнихъ эллиновъ, которые послали въ изгнаніе Аристиды только потому, что имъ надоѣло каждый день слышать о неподкупной честности этого человѣка.

Обстоятельства, наступившія за окончаніемъ турецкаго господства, когда внезапно открылась возможность взаимной борьбы партій, благопріятствовали быстрому росту той жилки политиканства, которая таится въ глубинѣ души каждаго грека.

На крошечной политической сценѣ каждый считаетъ себя призваннымъ и способнымъ играть политическую роль, и вотъ, если оставить даже всякія своекорыстныя, матеріальныя побужденія въ сторонѣ, вполне естественно, что, разъ занавѣсъ поднятъ, всѣ начинаютъ стремиться къ этой роли, всѣми силами протискиваясь чрезъ толпу, не брезгая никакими средствами, чтобы опередить, а, если нужно, то и свалить своего соперника и занять первенствующее мѣсто.

То же явленіе замѣчаемъ мы въ Греціи начала тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія.

Іюльская революція подлила масла въ огонь, что не ускользнуло отъ вниманія тогдашняго президента. Политиканы стали силиться «устроить въ Греціи пародію великой и безсмертной седмицы (парижской)... они желали возмутить народъ... не будучи въ состояніи устроить эту пародію съ помощью народа, они стараются достигнуть этого съ помощью бандитовъ и съ помощью дезорганизаціи правительства» ¹⁾.

Стремленія политическихъ противниковъ графа Каподистрії нашли себѣ нравственную и даже матеріальную поддержку въ англійскомъ и французскомъ правительствахъ, враждебно относившихся къ графу, какъ то изложено уже выше, главнымъ образомъ изъ-за его привязанности къ Россіи.

¹⁾ Письмо графа Каподистрії къ Стурдзѣ 5-го (17-го) мая 1831 г.
«истор. вѣстн.», сентябрь, 1893 г., т. лш.

Еще за полтора года до катастрофы нашъ посланникъ въ Константинополь предвидѣлъ возможность устраненія тогдашняго президента Греціи, когда писалъ: «что вызываетъ неудовольствіе Гильемино (французскаго посланника) и Гордона (англійскаго посланника), такъ это приверженность къ Россіи, которую они предполагаютъ въ графѣ Каподистріи. По всей вѣроятности, это—единственное и самое великое преступленіе президента, и мы не должны имѣть никакого сомнѣнія, что они отплатятъ ему за это, даже не останавливаясь предъ опасеніемъ свергнуть Грецію въ новыя революціи и отдать на жертву всевозможныхъ случайностей великіе европейскіе интересы. Нѣсколько словъ, вырвавшихся у Гордона, указываютъ на существованіе точно опредѣленнаго плана, какъ удалить графа Каподистрію отъ управленія Греціею»¹⁾. То же самое подтверждаетъ только позднѣе и нашъ посолъ въ Парижѣ, Поццо ди-Борго, говоря, что «Франція и Англія работали противъ несчастнаго президента, такъ какъ подозрѣвали его въ большемъ пристрастіи къ Россіи—обвиненіе несправедливое, по скольку это касается греческихъ дѣлъ, въ виду того, что графъ занимался исключительно этими послѣдними, и мѣриломъ его довѣрія была лишь степень встрѣчаемаго имъ въ интересахъ этихъ дѣлъ покровительства»²⁾.

Особенною откровенностью отличался образъ дѣйствія Франціи и ея представителей, внушенный слѣпою ненавистью правительства Реставраціи и Іюльской монархіи къ той именно державѣ, которая является единственною естественною союзницею Франціи. Сколько понадобилось прожить и лѣтъ, и политическихъ бурь, чтобы правящіе французскіе классы постигли, наконецъ, эту простую истину...

Черезъ нѣсколько дней послѣ гибели фрегата «Элласъ», сожженнаго Міаулисомъ, подгулявшіе офицеры съ французскаго военнаго судна расхаживали по наплійскимъ улицамъ и кричали почти подъ самыми окнами президента: «Gloire à Miaoulis, à bas les carottes!»—намекъ, оскорбительный по созвучію съ именемъ графа Каподистріи.

Противники президента отличались по отношенію къ французамъ особою откровенностью, какъ бы сознавая, что выраженія ненависти къ графу Каподистріи обязательно встрѣтятся сочувственный откликъ въ французскихъ сердцахъ.

Пользуясь проѣздомъ чрезъ имѣнія Мавромихали, въ Лимени, двухъ французскихъ инженеровъ, племянники и братья Петро-бея объявили имъ, что, подъ покровительствомъ Франціи, они намѣ-

¹⁾ Деша Рибопьера 11-го января 1830 г., № 7.

²⁾ Деша Поццо ди-Борго къ князю Ливену 22-го октября 1831 г.

рены ниспровергнуть настоящее правительство и установить на его мѣсто другое ¹⁾.

Затѣмъ, въ высшей степени темна и загадочна роль, разыгранная французскими представителями въ день убійства графа Каподистріа.

Не будемъ говорить о томъ, что въ ночь, предшествовавшую убійству, французскія суда подошли къ городскимъ укрѣпленіямъ, и генераль Жераръ, какъ утверждаютъ, взопелъ на батарею «Пяти братьевъ» и подалъ какой-то сигналъ. Хотя о фактѣ этомъ упоминаетъ очевидецъ ²⁾, тѣмъ не менѣе онъ представляется столь невѣроятнымъ, что, по моему мнѣнію, лучше вовсе его отбросить.

Но и помимо этого подверженнаго сомнѣнію факта имѣются и другіе производящіе, безспорно, впечатлѣніе по меньшей мѣрѣ странное.

Почему именно убійцы направились къ французской миссіи, не взирая даже на то, что дорога была имъ преграждена спускавшимся съ горы отрядомъ солдатъ? Какъ объяснить, что спасающійся преступникъ, видя предъ собою солдатъ, вмѣсто того, чтобы стремиться избѣгнуть опасности, самъ идетъ на нее, лишь бы только не измѣнить направленія, которымъ доселѣ слѣдовалъ? Это было бы безумно, если не допустить предположенія, что уже заранѣе было рѣшено бѣжать по такому-то направленію, чтобы достигнуть заранѣе опредѣленнаго мѣста, гдѣ имѣлось основаніе найти себѣ вѣрное убѣжище и безопасность.

Самыя колебанія барона Руана въ выдачѣ преступника наводятъ на мысль, что онъ какъ бы выжидалъ, не поднимется ли какого народнаго движенія въ пользу Мавромихали.

Уже послѣ выдачи Георгія Мавромихали городская стража, наблюдавшая за домомъ французской миссіи, видѣла, какъ между 12 и часомъ по полуночи оттуда вышли тайкомъ какіе-то 10 мужчинъ и 2 женщины ³⁾.

Наконецъ, почему французскій резидентъ такъ настаивалъ на заключеніи Георгія Мавромихали именно въ фортъ Бурджи, откуда онъ легче могъ бы быть увезенъ за границу, и что означаютъ его протесты противъ перевода преступника въ фортъ Паламеди?

Не говорю уже о роли подполковника Пелліона или генерала Жерара, который прямо вскрылъ свои карты.

Надо признать, что если все это было лишь несчастнымъ сдѣланиемъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, то, по истинѣ,

¹⁾ Письмо графа Каподистріа къ Суццо 16-го апрѣля 1831 г.

²⁾ Записка очевидца Гайко (Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 881—919).

³⁾ Notice d'Almeida.

надъ французами тяготѣлъ какой-то особо злой рокъ, постоянно извращавшій настоящія ихъ побужденія.

Изъ чувства справедливости слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что не одна Франція стремилась тогда захватить въ странѣ исполнительную власть въ свои руки. Ея за-ламаншская сесѣдка точно также старалась не пропустить удобнаго случая и распростереть свою широкую лапу надъ несчастною маленькою странюю, только что выбившеюся на свѣтъ Божій и мучившеюся въ междуусобныхъ судорогахъ.

Лордъ Гренвиль, немедленно вслѣдъ за умерщвленіемъ президента, предлагалъ послать въ Грецію верховнаго комиссара для исполненія рѣшеній лондонской конференціи, причемъ этотъ комиссаръ былъ бы облеченъ неограниченными полномочіями по отношенію къ распоряженію находящимися тамъ сухопутными и морскими силами. Такимъ комиссаромъ, по мнѣнію Гренвиля, могъ бы быть Стратфордъ-Каннингъ, либо бывшій посланникъ Гордонъ ¹⁾.

Предположеніе это не осуществилось, такъ какъ не въ интересахъ Россіи было содѣйствовать приведенію въ исполненіе проекта, конечною цѣлію котораго было поставить нашихъ агентовъ въ положеніе подчиненныхъ по отношенію къ иностранному начальнику и показать султану, что Россія совершенно отстранена Европой отъ греческихъ дѣлъ, монополія устройства которыхъ принадлежитъ де отнынѣ исключительно одной Англіи. Если бы даже сама Порта не поняла этого, то, безъ всякаго сомнѣнія, нашлись бы искусные комментаторы, которые разъяснили бы ей происшедшую въ Греціи перемѣну.

Самое извѣстіе о трагической смерти графа Каподистрії было принято англійскимъ и французскимъ правительствами крайне холодно; они не отдали справедливости тому значенію, которое для блага Греціи имѣло бы дальнѣйшее пребываніе у власти убитаго графа, и болѣе склонялись къ мысли, что умерщвленіе президента скорѣе облегчило и упростило окончательное устройство греческихъ дѣлъ, чѣмъ наоборотъ...

Изъ всего сказаннаго выше само собою вытекаетъ, кому было выгодно скорѣйшее устраненіе графа Каподистрії, и что искренно сожалѣлъ о преждевременной гибели его лишь простой греческій народъ, инстинктивно, чутьемъ понимавшій всю опасность тогдашняго положенія и видѣвшій, что для спасенія страны была необходима, прежде всего, твердая, сильная власть и прекращеніе партійныхъ неурядицъ и интригъ.

¹⁾ Делеша Поццо ди-Борго къ князю Ливену 22-го октября 1831 г.

И память о графѣ Каподистріа, какъ о лучшемъ дѣятелѣ возрожденной Эллады, не умерла не только въ самой Греціи, но и вездѣ, гдѣ цѣнятъ людей, отстаивающихъ національную самобытность своей страны. Пройдутъ года, но не исчезнетъ между сочувствующими православнымъ грекамъ воспоминаніе о томъ, кто вѣщимъ словомъ, неусыпною дѣятельностью и самопожертвованіемъ отстаивалъ права своего народа, защищалъ его святыни, сѣялъ въ его сердце здоровое зерно просвѣщенія, гражданского сознанія и истиннаго прогресса, и кто собственною кровью запечатлѣлъ свое служеніе родинѣ...

В. Тепловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ В. Н. ПОГОЖЕВА ¹⁾.

XVI.

Неожиданное горе.—Серенада съ факелами.—Подарокъ великой княгини.—Клевета на Сальери и его странности.—Съѣздъ германскихъ композиторовъ.—Побѣдка въ Дрезденъ.—Пріѣздъ Саксонскаго короля въ Лейпцигъ.—Концертъ въ музыкальной консерваторіи.—Удачный дебютъ моихъ дочерей.—Европейское значеніе Лейпцигской ярмарки.—Монотонность нѣмецкой жизни.

ВТОРАЯ МОЯ дочь Наталья заболѣла не на шутку. Я послалъ за докторомъ Кларусомъ, который объявилъ, что у нея воспаленіе въ боку. Но, благодареніе Всевышнему, она недѣли черезъ три выздоровѣла и принялась опять за уроки. Докторъ Кларусъ сказалъ, что у нея болѣзнь совсѣмъ прошла счастливымъ кризисомъ, и поздравилъ меня съ тѣмъ, что у дочери моей будетъ большой голосъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюня студенты здѣшняго университета давали одному изъ своихъ профессоровъ серенаду съ факелами, что здѣсь называется «Fakelzug», за то, что онъ отказался отъ предлагаемаго ему лучшаго мѣста въ другомъ университетѣ. Въ 9 часовъ вечера девятьсотъ студентовъ въ разнообразныхъ платьяхъ, съ зажженными факелами въ рукахъ, предводимые своими депутатами въ шарфахъ черезъ плечо и въ длинныхъ ботфортахъ со шпорами, съ военной музыкою, попарно прошли отъ университета до квартиры своего любимаго профессора. У оконъ его пропѣли хо-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 363.

ромъ благодарность и привѣтствіе, сочиненное однимъ изъ поэтовъ-студентовъ. Депутаты вошли въ домъ и отъ имени всѣхъ студентовъ сказали профессору благодарственную рѣчь. Потомъ весь кортежъ прошелъ по главнымъ улицамъ съ пѣніемъ и музыкою; въ 10 часовъ факелы были погашены, но студенты пировали въ ресторацияхъ до утра.

Мошелесъ, по возвращеніи изъ Лондона, остался доволенъ прилежаніемъ моихъ дочерей и сказалъ мнѣ, что съ этихъ поръ достаточно имъ брать по одному приватному уроку въ недѣлю, а раньше онѣ брали по два урока.

Вальсъ изъ русскихъ пѣсенъ, переложенный моими дочерьми для фортепіано на 4 руки, отпечатанъ, и я имѣлъ счастье поднести экземпляръ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ. Дочери мои удостоились получить отъ нея подарки: двѣсти рублей и по золотой съ камнями броши. Одинъ экземпляръ этого вальса великая княгиня соизволила принять для доставленія принцессѣ Альтенбургской, впослѣдствіи супругѣ великаго князя Константина Николаевича, ея императорскому высочеству великой княгинѣ Александрѣ Гіосифовнѣ.

Въ церкви св. Ѳомы была обѣдня съ оркестромъ музыки и хоромъ пѣвчихъ: исполняли гимнъ Сальери. Выходя изъ церкви, я встрѣтился съ Мошелесомъ, который былъ у обѣдни съ женою, двумя дочерьми и сыномъ. Я спросилъ его, справедливо ли, что Сальери изъ зависти отравилъ Моцарта. Почтенный Мошелесъ улыбнулся и сказалъ мнѣ:

— Неправда, я ученикъ Сальери, я находился при его смерти, и Сальери передъ своею кончиною мнѣ сказалъ: «Въ послѣднія минуты моей жизни меня огорчаетъ только то, что я о себѣ оставляю мнѣніе, будто я былъ врагомъ Моцарта, и я не могу эту клевету уничтожить».

Мошелесъ рассказалъ мнѣ нѣкоторыя черты изъ жизни Сальери: онъ былъ музыкантъ-философъ; имѣлъ свои странности, между прочимъ, не любилъ огня, а потому въ квартирѣ его во всю его жизнь не топилась печь или каминъ, и не зажигалось ни свѣчъ, ни лампъ. Заболѣвъ, онъ не хотѣлъ лечиться дома, но пожелалъ лечь въ больницу, гдѣ и умеръ.

Въ первыхъ числахъ августа, въ Лейпцигѣ впервые состоялось собраніе германскихъ композиторовъ, а на будущее время эти сѣзды будутъ происходить ежегодно. Цѣль этихъ собраній — разсуждать объ усовершенствованіи музыки, инструментовъ, печатаніи нотъ, разборѣ новыхъ сочиненій и опредѣленіи достоинства ихъ. Хорошо было бы, если бы и въ Россіи учредили подобное общество композиторовъ.

И ѣздилъ въ Дрезденъ и останавливался у соотечественника Ермолая Гайдукѣва, въ гостинницѣ его «Palais Haiducow». Онъ крѣ-

постной человекѣмъ; кажется, князя Голицина, остался по какому-то случаю за границую; какъ отличный поварь, сначала служилъ при разныхъ гостинницахъ, а потомъ, женившись, самъ завелъ свою гостинницу. Но дѣла его очень разстроены: долговъ накопилось столько, что ему придется оставить свое заведеніе.

Былъ я у нашего посланника г. Шредера; онъ принялъ меня радушно, отдалъ мнѣ визитъ и пригласилъ на другой день обѣдать. Вечеромъ я былъ въ театрѣ. Давали оперу Флотова «Александръ Страделла». Піеса шла очень хорошо; ансамбль превосходный. Тихачекъ — пѣвецъ весьма пріятный, но, кажется, спадалъ съ голоса. Жаль! Такихъ теноровъ мало на европейскихъ театрахъ. Оркестръ превосходный; въ немъ играли первую скрипку Липинскій и виолончелистъ Куммеръ.

Рано утромъ, 28-го августа, часовъ въ 8, пришелъ къ намъ Мошелесъ, весь впопыхахъ, и, объявивъ, что въ Лейпцигѣ ждутъ короля Саксонскаго, приказалъ дочерямъ моимъ приготовить къ концерту «Rondo» его сочиненія (a-dur), въ четыре руки. Въ половинѣ одиннадцатаго утра пушечные выстрѣлы и колокольный звонъ возвѣстили прибытіе въ Лейпцигъ короля изъ Дрездена по желѣзной дорогѣ на экстренномъ поѣздѣ. У станціи желѣзной дороги ожидали его военные и гражданскіе высшіе чины, а у подѣзда станціонной гостинницы стоялъ въ парадѣ эскадронъ народной гвардіи, отъ начала же бульвара до гостинницы «Hôtel Gross-Blumenberg» стояли батальоны народной гвардіи, а также депутаціи разныхъ цеховъ (сословій) съ ихъ знаменами, какъ-то: переплетчики, столяры и пр., предшествуемые своимъ маршаломъ или головою, рыбаки въ рыбацкихъ платьяхъ со значками, со множествомъ дѣтей, одѣтыхъ тоже порывацки. Его величество встрѣчаемъ былъ громогласными, единодушными восклицаніями, шелъ пѣшкомъ по бульвару, при громѣ пушекъ, звонѣ колоколовъ и музыкѣ. Едва только король вошелъ въ свои комнаты, какъ народъ нахлынулъ волною къ окну отеля. Его величество подошелъ къ окну, раскланивался народу и былъ привѣтствованъ громогласнымъ «ура». Вечеромъ онъ былъ въ театрѣ; по окончаніи представленія студенты съ факелами и музыкантами подошли къ окнамъ занимаемыхъ королемъ комнатъ и пѣли нарочно на случай пріѣзда его сочиненные стихи съ аккомпанементомъ оркестра музыки. Народъ съ самаго пріѣзда короля кишмя кишѣлъ до самой глубокой ночи у оконъ занимаемыхъ имъ комнатъ.

Въ 5 часовъ утра зорю играли музыканты народной гвардіи, ходя по улицамъ. Въ 12 часовъ назначенъ былъ концертъ въ музыкальной консерваторіи; я всталъ по утру въ пятомъ часу и отправился отыскивать парикмахера, чтобы завить моимъ дочерямъ волосы, но на домъ никто не шелъ потому, что по случаю праздника оставалось только по одному подмастерью, прочіе же всѣ ра-

зошлись. Наконецъ, я рѣшился отвести дочерей въ одинъ изъ парикмахерскихъ салоновъ, самъ же возвратился домой одѣваться. Въ 10^{1/2} часовъ пришли ко мнѣ наша петербургская пѣвица Леонова и сынъ одесскаго негодянта Розенфельдтъ, чтобы вмѣстѣ отправиться на концертъ. Но вотъ на часахъ городской ратуши пробило 11 часовъ, время начала концерта по программѣ, а дочери мои еще не возвращались отъ парикмахера.

Я былъ въ ужасномъ волненіи, боясь опоздать въ концертъ, безпрестанно подходилъ къ окнамъ, въ нѣмомъ отчаяніи ломая себѣ пальцы на рукахъ; голова моя горѣла, сердце сильно билось... Схвативъ шляпу, сбѣгаю съ лѣстницы, за воротами сажусь на извозчичы дрожки, приказываю себя везти къ парикмахеру и на углу улицы, ведущей въ консерваторію, встрѣчаюсь съ ѣхавшимъ королемъ. Волненіе мое увеличивается, но, не доѣзжая до парикмахера, встрѣчаю ѣдущихъ домой дочерей. Мы возвратились домой, и въ пять минутъ, при помощи ловкой артистки Леоновой, дочери мои были одѣты, и мы поѣхали. Короля еще не было; я его встрѣтилъ, когда онъ ѣхалъ въ католическую церковь. Однако-жъ, мѣста въ концертной залѣ были всѣ заняты, но добрый Мошелесъ самъ принесъ для дочерей моихъ два стула и поставилъ впереди. Тогда всѣ глаза, лорнеты и бинокли обратились на двухъ маленькихъ дѣвочекъ, русскихъ пианистокъ, ученицъ консерваторіи, одѣтыхъ въ бѣлыя платья.

Въ исходѣ двѣнадцатаго пріѣхалъ король вмѣстѣ съ молодымъ принцемъ Ольденбургскимъ, который здѣсь въ Лейпцигскомъ университетѣ слушалъ курсъ наукъ. Концертъ начался увертюрой изъ «Водовоза» (опера соч. Херубини); потомъ воспитанникъ Аменда изъ Курляндіи игралъ съ аккомпанементомъ оркестра концертъ Мендельсона (g—moll); дѣвица Ида Моръ изъ Амстердама пѣла *Arioso* съ женскимъ хоромъ, въ которомъ участвовали и мои дочери. Воспитанникъ Риціусъ исполнилъ на скрипкѣ концертъ г. Давида, послѣ чего профессоръ Мошелесъ самъ вывелъ моихъ дочерей, которыя, сдѣлавъ реверансъ, сѣли за рояль и начали играть. Публика слушала весьма внимательно, а король изъявлялъ свое удовольствіе качаніемъ головою такта и, по окончаніи пьесы, сказалъ: «браво, браво!».

Послѣ воспитанникъ Зайсъ игралъ на скрипкѣ варіацію, соч. Давида; дѣвица Генриетта Бастинельгеръ, Мина Леопольдъ, Клара Виламъ и Паулина Фридлейнъ пѣли двѣ ари, соч. Мендельсона, и, наконецъ, воспитанники де-Сантисъ, Ашеръ, Денклеръ и Винтербергеръ играли дуэтъ на двухъ рояляхъ въ восемь рукъ «*Jadis et aujourd'hui*», соч. Мошелеса. Король очень былъ доволенъ успѣхами консерваторіи и приказалъ представить себѣ профессоръ, затѣмъ подошелъ къ моимъ дочерямъ, сдѣлалъ имъ привѣтствіе, и когда меня ему представили, онъ сказалъ мнѣ пофранцузски:

— Vous avez une grande confiance en nous de venir ici, vos filles ont des charmants talens. (Вы имѣете большое довѣріе къ намъ, пріѣхавъ сюда; ваши дочери обладаютъ прелестными талантами).

Такъ удачно кончился этотъ дебютъ на музыкальномъ прищѣ моихъ дочерей. Всѣ профессора, директора консерваторіи, многіе артисты и любители музыки поздравляли меня съ успѣхомъ моихъ дочерей, говоря, что онѣ сыграли пьесу чисто и отчетливо. Самъ профессоръ Мопелесъ доволенъ былъ исполненіемъ его пьесы, сочиненной имъ 36 лѣтъ тому назадъ, но такъ еще свѣжей и пріятной мотивами, какъ будто это рондо написано недавно.

Въ началѣ сентября я былъ въ классѣ Фердинанда Давида. Онъ давалъ уроки съ аккомпанементомъ скрипки. Обѣ дочери мои играли съ нимъ, каждая порознь, дуэты. Вотъ что мнѣ сказалъ Давидъ:

— Vos filles ont des grandes dispositions pour la musique. Elles iront loin. Elles ont exécutées avec moi deux sonates de Bethowen très difficiles parfaitement. (Ваши дочери имѣютъ большія способности къ музыкѣ. Онѣ пойдутъ далеко. Онѣ исполнили со мной превосходно двѣ очень трудныя сонаты Бетховена).

Въ ожиданіи полугодоваго экзамена въ консерваторіи, дочери мои прилежно готовились, и старшая должна была декламировать на нѣмецкомъ языкѣ монологъ изъ трагедіи Шиллера «Іоанна д'Аркъ». Мнѣ странно, почему гг. преподаватели пѣнія въ консерваторіи, не объяснивъ правилъ пѣнія, заставляютъ моихъ дочерей пѣть въ хорѣ, даже въ концертахъ.

Когда принесли мнѣ изъ консерваторіи аттестаты моимъ дочерямъ, я возблагодарилъ святой промыслъ Всевышняго. Надежды мои начали сбываться, будущее веселило и радовало...

Въ Лейпцигѣ бывали три ярмарки въ году. Первая начиналась въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и была лучшей и богатѣйшей; она называлась Пасхальною. Вторая происходила въ сентябрѣ мѣсяцѣ и называлась Михайловскою, а третья на новый годъ, значительно менѣе другихъ и называлась Рождественскою; каждая продолжалась отъ 4 до 6 недѣль.

Лейпцигская ярмарка—это базаръ всей Европы. Сюда пріѣзжало купцовъ и негоціантовъ до 40 тысячъ человекъ. Множество лавокъ и лавочекъ на площадяхъ и дворахъ; богатые и блестящіе магазины, устроенные почти въ каждомъ домѣ на главныхъ улицахъ, лубочныя комедіи, болѣе 2 тысячъ странствующихъ музыкантовъ: все это множество народа, привлеченнаго сюда прибылью, представляло живую и занимательную картину, коей живописную часть составляли польскіе жидаы, съ длинными бородами, черными блестящими глазами, въ мѣховыхъ шапкахъ и

черныхъ сюртукахъ. Торговый оборотъ Лейпцигской ярмарки простирался до 20 милліоновъ рублей серебромъ, главнымъ образомъ по книжной торговлѣ.

Чѣмъ больше жилъ я за границей, тѣмъ становилось скучнѣе; я оживлялся только, когда дочери мои возвращались съ ученія. Старшая почти всегда была весела, рѣзва и смѣшила насъ до слезъ; вторая серьезна и рѣдко, рѣдко разгуливается.

Такъ день за днемъ прожили мы здѣсь восемь мѣсяцевъ.

XVII.

Иностранные слухи о Россіи. — Смерть Мендельсона-Бартольди. — Торжественныя похороны его. — Публичный экзаменъ въ консерваторіи. — Отзвывы иностранной печати объ игрѣ моихъ дочерей. — Новый годъ въ Лейпцигѣ. — Задача женскаго воспитанія. — Особенности лейпцигской жизни. — Знакомство съ виолончелистомъ Косманомъ.

Мендельсонъ заболѣлъ не на шутку. Долженъ былъ быть пятый абонементъ-концертъ; мы уже готовы были идти, какъ вдругъ наша горничная сообщила намъ, что, идя покупать свѣчи, видѣла на углу улицы прибитую афишу, что концертъ отложенъ. Это значить, что Мендельсонъ очень боленъ.

Дѣйствительно, 4-го ноября, въ 9 часовъ 20 минутъ, скончался знаменитый генераль-директоръ музыки Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди. Вся Лейпцигская музыкальная консерваторія, всѣ артисты и любители музыки, весь Лейпцигъ были въ горѣ и уныніи. Конечно, всѣ страны свѣта, гдѣ пѣли и разыгрывали сочиненія этого великаго маэстро, будутъ сожалѣть о ранней его кончинѣ. Ему было только 38 лѣтъ, и онъ такъ много сдѣлалъ для музыки. Онъ былъ хорошъ собою, съ черными, быстрыми и пламенными глазами, которые воодушевляли оркестръ, когда онъ имъ дирижировалъ. Любя страстно музыку не ради насущнаго хлѣба, потому что онъ былъ богатъ, а по призванію свыше, по душевному влеченію, Мендельсонъ былъ истинный поэтъ, съ пламеннымъ, восторженнымъ воображеніемъ. Онъ былъ истинный христіанинъ, и всѣ почти его сочиненія проникнуты религіозными идеями и чувствами.

Въ 3 часа по полудни назначенъ былъ выносъ и отпѣваніе тѣла Мендельсона-Бартольди въ Паулинъ-кирхѣ. Получивъ пригласительный билетъ, я отправился въ 2 часа въ домъ покойнаго, но гробъ уже былъ вынесенъ на дворъ и поставленъ на печальную колесницу. Гробъ былъ обитъ чернымъ бархатомъ, покровъ тоже черный бархатный, съ вышитыми серебромъ крестами и другими эмблемами христіанства. На крышѣ гроба распятіе Иисуса Христа, вылитое изъ чистаго серебра; по сторонамъ гробъ былъ украшенъ пальмовыми вѣтвями (листьями) и лавровымъ вѣнкомъ, сдѣлан-

ными на деньги, пожертвованныя учениками и ученицами консерваторіи.

Всѣ друзья и почитатели покойнаго собрались въ церкви св. Иоанна, откуда, по установленному церемоніалу, отправились къ дому усопшаго. Въ 3 часа началось погребальное шествіе въ слѣдующемъ порядкѣ:

- 1) Четыре полицейскихъ служителя.
- 2) Музыканты городскіе и двухъ егерскихъ баталіоновъ играли на духовыхъ инструментахъ маршъ, переложенный для оркестра Игнатіемъ Мошелесомъ изъ одной «Пѣсни безъ словъ» покойнаго.
- 3) Профессора и ученики консерваторіи, а сзади ихъ одинъ изъ учениковъ, де-Сансесъ, несъ серебряную корону, сдѣланную на деньги, пожертвованныя учениками и ученицами покойнаго.
- 4) Гробъ на печальной колесницѣ былъ везенъ четырьмя лошадьми въ черныхъ попонахъ; каждую лошадь вель подъ уздцы конюхъ въ траурѣ; по сторонамъ колесницы шли четыре ассистента въ глубокомъ траурѣ, профессора консерваторіи, Игнатій Мошелесъ, директоръ музыки Гауптманъ и Гаде, и концертмейстеръ Фердинандъ Давидъ тутъ же Робертъ Шуманъ и Карлъ Мейеръ.
- 5) За гробомъ или колесницею шель родной братъ покойнаго, извѣстный берлинскій банкиръ.
- 6) Суперъ-интендентъ и четыре пастора.
- 7) Комендантъ города съ офицерами, бюргермейстеръ, члены городской ратуши и разныхъ присутственныхъ мѣстъ.
- 8) Главное купечество, литераторы, журналисты, артисты, музыканты и депутаты разныхъ сословій.

Весь cortege состоялъ болѣе, нежели изъ двухъ тысячъ чело-вѣкъ. Улицы, бульвары, окна домовъ и крыши заполнены были зрителями, и можно сказать, что весь городъ былъ на погребеніи своего любимаго и обожаемаго генераль-директора музыки. Множество было пришедшихъ и пріѣхавшихъ изъ окрестныхъ селеній и ближайшихъ городовъ, какъ, на примѣръ, изъ Дрездена, Веймара, Готы, Альтенбурга и др. Народу была тьма тьмуца, но какъ все было тихо, мирно, смиренно: ни толкотни, ни шума, ни ссоръ, ни мошенничества и воровства, какъ бываетъ при подобныхъ стеченіяхъ народа въ большихъ городахъ. Въ этой толпѣ даже видны были няньки съ дѣтьми на рукахъ или въ колясочкахъ.

Погребальная процессія шла отъ дома покойнаго мимо бульвара черезъ Петровскія ворота по Петровской улицѣ до рынка и потомъ, дойдя до городской ратуши, повернула въ Гримаше-штрассе и достигла до Паулинь-кирха, когда уже было 4 часа. При внесеніи гроба въ церковь, органъ игралъ прелюдію, и хоръ пѣлъ хораль «Ergenne mich, mein Hüher». Потомъ хоръ съ аккомпанементомъ оркестра пѣлъ хораль изъ ораторіи «Paulus» Мендельсона: «Dir, Herr, Dir will ich mich ergelen». Послѣ говорено было надгробное

слово суперъ-интендентомъ и, наконецъ, хоръ съ аккомпанементомъ оркестра пѣлъ изъ ораторіи «Paulus» «Sich, wir preisen selig», а затѣмъ хоръ Себастіана Баха. Весь хоръ состоялъ изъ 400 особъ, любителей, любительницъ, артистовъ, учениковъ и ученицъ консерваторіи.

Съ грустными лицами, съ поникшими головами возвращались всѣ по домамъ, но народъ волновался около церкви до 10 часовъ вечера, ожидая отправленія по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ тѣла покойнаго Мендельсона-Бартольди, которое должно быть предано землѣ въ усыпальницѣ его предковъ. Граждане не довольны были, что Мендельсона погребаютъ не въ Лейпцигѣ, и даже носились слухи, что не хотятъ допустить перевозку гроба въ Берлинъ, почему полиція и распорядилась, чтобы эта перевозка произведена была въ 12 часовъ ночи, когда въ городѣ всѣ лягутъ спать.

Лейпцигская музыкальная консерваторія должна много оплакивать почтеннаго своего основателя и покровителя, который любилъ и поощрялъ молодые таланты. Живо помню его радушный пріемъ, его лестный отзывъ о Россіи, о способностяхъ русскихъ къ музыкѣ, о русскихъ оригинальныхъ мелодіяхъ. Вѣроятно, и русскія пианистки, Вѣра и Наталья Погожевы, не забудутъ добраго вниманія безсмертнаго и гениальнаго своего наставника, который призналъ въ нихъ самостоятельные музыкальные таланты, намѣревался писать и рекомендовать ихъ друзьямъ своимъ въ Петербургѣ—къ графамъ Віельгорскимъ и Адольфу Гензелту.

Въ началѣ декабря въ консерваторіи происходилъ публичный экзаменъ, или концертъ, въ которомъ дочери мои сыграли на двухъ рояляхъ дуэты Мошелеса «Hommage à Haendel». Онѣ играли, по выраженію самого Мошелеса, спокойно, отчетливо. Лейпцигская музыкальная публика много имъ апплодировала; даже дамы во время игры встали съ своихъ мѣстъ и апплодировали.

Въ «Deutsche Allgemeine Zeitung» была напечатана статья объ экзаменѣ въ консерваторіи, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Достоинно похвалы исполненіе прекраснаго сочиненія Мошелеса «Hommage à Haendel», на двухъ фортепiano, дѣвицами Вѣрою и Натальею Погожевymi изъ Петербурга, которыя показали таланты замѣчательнѣйшіе, подающіе радостныя надежды». Спустя дня три въ газетѣ «Leipziger Tagesblatt» напечатано было слѣдующее привѣтствіе моимъ дочерямъ: «Поздравляемъ дѣвицъ Вѣру и Наталью Погожевыхъ! На экзаменѣ музыкальной консерваторіи вы передъ многими любителями музыки показали истинные ваши таланты, отъ которыхъ должно ожидать прекрасныхъ надеждъ. Если будете съ прилежаніемъ и любовью продолжать изучать это прекрасное искусство, то навѣрно современемъ достигнете еще лучшаго торжества».

Вообще, дочери мои счастливы были вниманіемъ лейпцигской музыкальной публики. Наканунѣ Рождества (по новому стилю) неизвѣстный мальчикъ позвонилъ у двери и подаль горничной нашей запечатанный пакетъ, а самъ скрылся. Въ этомъ пакетѣ оказались подарки моимъ дочерямъ: два благовонныхъ пакета съ мускусомъ (sachet для бѣлья), два бальныхъ флакона съ духами и по два бальныхъ вѣера съ сувениромъ для танцевъ. При пакетѣ оказалась записка на нѣмецкомъ языкѣ: «На память отъ двухъ почитателей вашихъ талантовъ, которыхъ вы на послѣднемъ экзаменѣ консерваторіи привели въ восхищеніе».

Далѣе, въ № 333 «Leipziger Zeitung», отъ 25-го декабря, былъ помѣщенъ не менѣ лестный отзывъ объ игрѣ моихъ дочерей, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ газетахъ.

Въ музыкальномъ журналѣ «Neue Zeitschr. für Musik», № 1, Вѣра и Наталья Погожевы названы «hübsche Moscoviterinen» (миленькія московки) и, между прочимъ, говорится, что «любопытно послушать игру этихъ кудрявыхъ головокъ, когда у нихъ начнутъ биться сердца».

Дочери мои порадовали меня въ день нашего новаго года и день моихъ именинъ дорогимъ для меня подаркомъ: поднесли мнѣ свое музыкальное сочиненіе, которое я и назвалъ: «Первая музыкальная мысль Вѣры и Натальи Погожевыхъ; посвящено родинѣ» (отечеству).

Постоянно слѣдя за характерами моихъ дочерей, я старался образовать ихъ кроткими, привѣтливими, снисходительными. Часто я повторялъ, что женщина рождена повиноваться и можетъ только «желать», а не «хотѣть»: желаю значить прошу ласково, кротко, а хочу означать приказъ, волю, рѣшительный приговоръ. Дѣвушка находится въ повиновеніи у родителей или попечителей, женщина у мужа. На это старшая моя дочь Вѣра мнѣ сказала, что она избереетъ себѣ мужа, который будетъ не умнѣе ея. Но она ошибается: съ умнымъ мужемъ лучше можно поладить и убѣдить его, а дуракъ—упрямъ и въ случаѣ противорѣчія прибѣгнетъ къ физической силѣ. Кротость, ласковость, привѣтливость, снисходительность—вотъ средства умной женщины жить согласно и дружно съ мужемъ. Разсердится ли онъ на что, умная жена старается приласкаться къ нему, соглашается съ нимъ во всемъ; беретъ его привѣтливо за руку и не отходитъ отъ него, пока онъ не примирится съ нею. Можетъ быть, онъ и ошибается, можетъ быть, она права; но къ чему послужить противорѣчіе? Дайте ему успокоиться, и тогда объясните сущность дѣла, и повѣрьте, что правда возьметъ верхъ. Вотъ въ чемъ состоитъ торжество ума. Нерѣдко приходила мнѣ на умъ мысль, какая цѣль глубокаго изученія музыки для дѣвушки? Достигнетъ она лѣтъ 18 или 20, выйдетъ замужъ и броситъ музыку для хозяйства и дѣтей. Одно лишь, если она вый-

детъ замужъ за артиста или композитора, тогда вдвоемъ они могутъ создать оперу или что нибудь другое..

Говорятъ, что Лейпцигъ центръ германскаго просвѣщенія. Но я не замѣчалъ ничего отличнаго: конституція шуточная, свобода мнимая.. Общества почти нѣтъ; мужчины вечеромъ за пивомъ занимаются болтовней, женщины дома хозяйничаютъ; прислуга ходить за водою и мыть посуду. Въ 10 часовъ всѣ ложатся спать, а въ 5 часовъ мужчины занимаются счетами и расчетами, женщины стряпаютъ, дѣвушки покоютъ лидеры (пѣсни), играютъ на фортепіано «Приглашеніе на вальсъ» Вебера, иногда вечеромъ идутъ съ маменьками въ концертъ и мечтаютъ о кухняхъ (широжное) и леденкахъ въ цвѣтныхъ бумажкахъ.

Женщины и дѣвушки здѣсь любятъ простоту въ платьяхъ, но украшаются разноцвѣтными лентами и бляхами въ родѣ браслетъ, фермуаровъ, брошекъ изъ каменьева, обдѣланныхъ во французское золото. Старухи неприхотливы, въ нарядахъ у нихъ два цвѣта любимые: платье черное и чепчикъ съ розовыми лентами. Всѣ, старья и молодья, носятъ теплую юбку съ полдюжиною юбокъ холодныхъ, накрахмаленныхъ и гладкихъ, у нѣкоторыхъ съ обручами на подолѣ, шерстяные чулки и теплые полусапожки. Лѣтомъ, на любимомъ публикою гуляньѣ въ Розенталѣ, въ саду кондитера Бонерана, гдѣ бывали часто оркестровые концерты, я видѣлъ нѣсколько молодыхъ дамъ въ бархатныхъ полусапожкахъ и готовъ былъ биться объ закладъ, что многія носили лѣтомъ ватныя юбки.

Въ музеумѣ я какъ-то познакомился съ виолончелистомъ Косманомъ; онъ учился музыкѣ въ Парижѣ. Говорятъ, что онъ скоро будетъ учить игрѣ на виолончелѣ въ консерваторіи. Косманъ былъ вечеромъ у меня, слушалъ игру моихъ дочерей и, когда играла младшая этюды Карла Майера, то онъ нѣсколько разъ повторилъ:

— «Point d'enfants! point d'enfants!» ¹⁾.

XVIII.

Политическія волненія.—Мои столкновенія съ нѣмцами въ спорахъ о политикѣ.— Народныя волненія въ Лейпцигѣ.—Робертъ Бюомъ.—Знакомство съ Листомъ.— Возвращеніе въ Россію черезъ Веймаръ.—Участіе Листа къ моимъ дочерямъ.— Загадочные незнакомцы.—Пріѣздъ въ Варшаву.

Политическія событія (Парижская революція) заставили насъ въ февралѣ 1848 года возвратиться въ Россію. Наша поѣздка въ Парижъ и Италію должна была отсрочиться на неопредѣленное

¹⁾ Нѣтъ уже дѣтей, нѣтъ уже дѣтей.

время. Но дочери въ музыкальномъ своемъ образованіи втеченіе 15-ти мѣсяцевъ пребыванія въ Лейпцигской музыкальной консерваторіи сдѣлали большіе успѣхи и, наконецъ, по выдержаніи публичнаго экзамена получили изъ консерваторіи дипломы и позволеніе своего знаменитаго профессора, Игнатія Мошелеса, называться его ученицами.

Весь городъ въ волненіи; листки газетъ въ видѣ прибавленій читались въ кофейняхъ, ресторанахъ, на улицахъ. Король Людвигъ-Филиппъ отрекся отъ престола, внукъ его, двѣнадцати-лѣтній принцъ Парижскій, провозглашенъ королемъ, и его мать правительницею. Одно время казалось, что все придетъ въ порядокъ. Однако мало надежды. Нѣсколько литераторовъ и журналистовъ изъ Лейпцига поѣхали въ Парижъ слѣдить за происшествіями. Кто-то изъ нихъ уже привезъ кусокъ разбитаго королевскаго трона и, конечно, нѣмцы стали бы брать за показъ этого куска по зильбергрошу.... Нѣмцы любятъ подражать французамъ; должно опасаться, чтобы и они не вздумали сдѣлать революцію. Въ Пруссіи и даже въ счастливой Саксоніи много недовольныхъ; либерализмъ, коммунизмъ и радикализмъ распространились повсюду. Въ музеумѣ и по улицамъ въ началѣ марта уже кричали: «Vivat respublica!».

Въ Лейпцигѣ волненіе съ каждымъ днемъ увеличивалось, но все еще было тихо, смирно, спокойно; ожидали газетъ, читали ихъ вслухъ; народъ собирался толпами и толковалъ о политикѣ; занятія были оставлены, торговля прекратилась. 4-го марта въ Schützenhaus (Стрѣлковый домъ, гдѣ помѣщался въ то время ресторанъ съ концертнымъ заломъ) было собраніе до 2-хъ тысячъ человѣкъ. Робертъ Влюмъ и нѣкоторые другіе говорили рѣчи. На слѣдующій день назначенъ былъ тамъ же банкетъ реформистовъ, или либераловъ. Я едва не поссорился въ музеумѣ съ либералами. Право, прискорбно было слышать ихъ сужденія, особенно нелѣпыя выходы противъ Россіи...

Трудно было бы рѣшить, состоится ли въ Лейпцигѣ ярмарка. Купцы, приказчики, ремесленники, артисты—всѣ и все вооружалось. Зачѣмъ и противъ кого? Боялись Россіи, ждали казаковъ, говорили, что 300 тысячъ русскаго войска на границахъ, ожидали войны... Я старался избѣгать всякаго рода споровъ и сужденій о политикѣ, хотя меня на это часто вызывали. Напримѣръ, когда я проходилъ по одной изъ залъ музеума, гдѣ вокругъ длиннаго стола сидѣли нѣсколько человѣкъ, которые по обыкновенію толковали о политикѣ и Россіи, нѣкто г. Беренсъ, купецъ, торгующій шелковыми товарами, бывшій нѣкогда въ Россіи, остановилъ меня и сказалъ:

— Пойдите, г. полковникъ. Куда это вы спѣшите? Мы говоримъ теперь о Россіи.

— Это старая пѣсня,—отвѣчалъ я и хотѣлъ пройти далѣе, но Беренсъ сказалъ:

— А! Вы боитесь шпионовъ, которые донесутъ на васъ русскому правительству?

Не успѣлъ я отвѣтить на это, какъ услышалъ, что кто-то изъ сидящихъ за столомъ сказалъ:

— Многие русскіе сами ѣздятъ за границу для шпионства.

Я возразилъ, возвыся голосъ, что русскіе не могутъ быть шпионами, потому что аристократъ и богатый человѣкъ на это не рѣшится, онъ дѣйствуетъ прямо, открыто, среднее сословіе наше не знаетъ языка, который вообще у насъ не принять въ общезитіи и есть языкъ ремесленниковъ и ученыхъ. Но если бы правительству русскому понадобились шпионы и если предположить, что Россія имѣетъ за границею шпионовъ, то это вѣрно не русскіе, а нѣмцы и евреи.

Нѣсколько человѣкъ оскорбились этимъ моимъ выраженіемъ, но тотъ же Беренсъ призналъ справедливость моихъ словъ, и я, ожидая непріятностей, приобрѣлъ общее уваженіе. Вотъ и еще случай. Въ томъ же музеумѣ для чтенія одинъ изъ профессоровъ университета разсуждалъ о кампаніи 1812 года и, между прочимъ, сдѣлалъ рѣшительный приговоръ, что Россія обязана успѣхами своими сильнымъ морозамъ. Я не утерпѣлъ, чтобы не возразить на это:

— Позвольте васъ спросить, г. профессоръ, какъ же сами русскіе могли переносить такой сильный морозъ?

— У русскихъ солдатъ,—отвѣчалъ профессоръ,—были шубы.

На это я замѣтилъ, что у русскихъ солдатъ нѣтъ шубъ, или, какъ у насъ называютъ, полушубковъ: они одѣты въ мундиры и шинели, какъ солдатъ французскій, прусскій или саксонскій. Допустимъ даже, что русскіе имѣли шубы, но, если французы и ихъ союзники были сильнѣе русскихъ, то почему же не отняли этихъ шубъ и не надѣли на себя? Почему Наполеонъ не сказалъ: «Товарищи, вамъ холодно, позволяю вамъ снять съ русскихъ шубы и надѣть на себя!».

— Нѣтъ, господа,—продолжалъ я,—иностранцы не боятся русскихъ морозовъ. Это доказать можно тѣмъ, что многіе живущіе въ Петербургѣ иностранцы не имѣютъ шубъ, а въ 30 градусовъ мороза въ пальто или въ сюртукѣ, укутавъ только себѣ платкомъ носъ и бороду, ходятъ по улицамъ.

Мои возраженія остались безъ отвѣта.

— О, нѣтъ,—продолжалъ я,—патріотизмъ русскихъ не уступить никакой націи въ мірѣ. При всемъ разнообразіи племенъ, нарѣчій, образа воспитанія и степени образованія, мы, русскіе, любимъ свое отечество... Этою-то привязанностью и любовью къ родинѣ, твердымъ исполненіемъ обрядовъ религіи, Россія самостоятельна и горда.

Слухи и газетныя статьи о Россіи были нелѣпы до невѣроятности. Кто ихъ выдумывалъ, Богъ вѣсть: зависть и злоба враговъ

нашихъ разливали свою желчь, или это была биржевая спекуляція для пониженія или возвышенія денежнаго курса. Думаю—то и другое. Русскіе полуимперіалы, то-есть червонцы, повысились въ цѣнѣ; французскія ассигнаціи потеряли всю цѣну, такъ что на одной станціи желѣзной дороги, именно въ Дрезденѣ, предлагали мнѣ ассигнацію въ пятьсотъ франковъ за пять талеровъ. Но я не имѣлъ лишнихъ денегъ, да и боялся, не фальшивая ли это бумажка, и будутъ ли во Французской республикѣ признаны ассигнаціи бывшаго королевства.

Чудныя, непонятныя дѣла происходили тогда въ Европѣ. Чѣмъ все это должно было кончиться, никто не могъ сказать... Но я заговорился о политикѣ, а у насъ, русскихъ, есть превосходное народное изреченіе: «не наше дѣло, про то старшіе знаютъ»...

Говорили не задолго до нашего отъѣзда изъ Лейпцига, что закроютъ университетъ и распустиатъ студентовъ. Волненіе, говоръ усиливались. Въ одной изъ комнатъ музеума бородатый нѣмецъ, или еврей, всталъ на столъ и читалъ газеты, картава и шепелявя; въ другой комнатѣ читали бельгійскій журналъ. Неблагонамѣренные люди, коммунисты, то-есть политическіе разбойники, распускали нелѣпыя, ложные слухи; но добрые саксонцы оставались спокойны, дѣла шли своимъ порядкомъ. Однако же, недавно еще было собраніе, или банкетъ, реформистовъ; собралось до 300 умныхъ головъ, говорены были рѣчи, съ полчаса говорилъ Робертъ Блюмъ... Все было, однако, еще спокойно, частные люди занимались своими дѣлами; либералы возмущали молодежь. Утромъ 6-го марта получена была прокламація изъ Франкфурта отъ Германскаго союза, приглашавшая Германію къ единодушному союзу. Патріотизмъ былъ возбужденъ, Германія вся представляла одно цѣлое. Радуясь такому успѣху германскаго единства, я сказалъ въ музеумѣ, что, вѣроятно, Германія будетъ въ союзѣ съ Россіею. Но какой-то старикъ, еще одинъ профессоръ исторіи въ университетѣ и нѣсколько другихъ профессоровъ и молодыхъ людей единогласно воскликнули:

— Нѣтъ, намъ не надо союза съ Россіею; мы сильны одни и непобѣдимы одни: насъ сорокъ милліоновъ.

Я расхохотался и счелъ благоразумнымъ не спорить, не прекословить, переливая изъ пустого въ порожнее, хотя нѣсколько голосовъ и старались явно и умышленно вызвать меня на ссору и споръ, крича:

— Намъ не надобно казаковъ! Мы не будемъ въ союзѣ съ Россіею, пока русскіе не перемѣнятъ образа правленія и не освободятся изъ рабства.

Ошибся я въ расположеніи Германіи къ Россіи...

Недѣли за двѣ до нашего отъѣзда изъ Лейпцига былъ у насъ Мошелесъ. Я пригласилъ нѣкоторыхъ любителей музыки, но мно-

гіе не были по причинѣ того, что въ это самое время получились газеты, и потому было не до музыки; политика всѣхъ занимала. Старшая моя дочь играла третій концертъ Бетховена с—molle, а Мошелесъ партіи оркестра на другомъ роялѣ. Потомъ она же и Мошелесъ играли въ четыре руки симфоническую сонату, соч. Мошелеса; затѣмъ Мошелесъ сыгралъ нѣсколько своихъ этюдовъ и импровизировалъ; наконецъ, Вѣра играла его фантазію на оперу «Донъ Пасквале», его же этюдъ «Дѣтская сказка» и «Nocturne» своего сочиненія.

Въ 9 часовъ ожидали послѣдняго поѣзда желѣзной дороги изъ Дрездена съ депутаціею, которая вчера отправилась къ королю съ просьбою жителей Лейпцига о свободѣ книгопечатанія. Я поѣхалъ на станцію желѣзной дороги, любопытствуя видѣть картину встрѣчи депутатовъ, какъ приметъ народъ отвѣтъ короля, и какой будетъ отвѣтъ. Но, перейдя площадь, я былъ встрѣченъ и увлеченъ толпою народа до Ратгауза. Въ одну минуту площадь и боковыя улицы наполнились народомъ, всѣ окна домовъ были заняты дамами. Народъ тѣснился, толпился; лавочки, поставленныя для базара, были сломаны. Шумъ и говоръ гудѣлъ, какъ вѣтеръ, какъ волны морскія въ бурю. Почти часъ дожидались объявленія отвѣта короля. Народъ кричалъ: «отвѣтъ, отвѣтъ!»—съ другой стороны кричали: «тише, тише!». Членъ правленія вышелъ на балконъ и сказалъ, что поѣздъ желѣзной дороги еще не прибылъ, и потому, какъ скоро придетъ, тогда отвѣтъ короля будетъ сообщенъ печатно. Народъ кричалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Неправда! Поѣздъ прибылъ; намъ нуженъ отвѣтъ короля!

Бургомистръ, директоръ полиціи и прочіе члены правленія вынуждены были выйти на балконъ ратуши, перила котораго освѣтились плашками, и началось чтеніе отвѣта короля при свѣтѣ факеловъ, кои держали служители ратгауза. Но народъ предчувствовалъ, что отвѣтъ неблагопріятенъ; смятеніе членовъ правленія и медлительность ихъ объявить этотъ отвѣтъ явно показывали, что они были въ затрудненіи. Народъ не давалъ прочитать этой бумаги, часто прерывая криками:

— Нѣтъ, нѣтъ! Пусть читаетъ Блюмъ!

Блюмъ вышелъ на балконъ и едва показался, какъ привѣтствованъ былъ криками:

— Bravo, bravo, Блюмъ!

Онъ, безъ галстука, съ сигарою въ зубахъ, взялъ бумагу съ отвѣтомъ короля, сталъ читать, но часто былъ прерываемъ возгласами толпы. Однако же, едва только начиналъ онъ махать руками, какъ тишина водворялась. Онъ снова читалъ и опять былъ прерываемъ. Наконецъ, онъ сказалъ каламбуръ, вѣроятно, экспромтомъ:

— Господа, здѣсь (показывая на бумагу) такъ темно, что трудно читать; завтра лучше разберемъ.

Когда же крики не унимались, ропоть на короля усиливался, то Блюмъ сказалъ:

— Господа! Король не виноватъ, у насъ правленіе конституціонное; виноваты министры. Долой министровъ! Мы ихъ замѣнимъ другими!

Народъ кричалъ:

— Браво, браво! Прочь министровъ! Браво, Блюмъ!

Этотъ демагогъ, образецъ непостижимой народной любви и привязанности, сказалъ:

— Идите спать! Доброй ночи! Завтра въ 10 часовъ сдѣлаемъ народное совѣщаніе!

И всѣ разошлись мирно, кротко, спокойно.

Оказалось, однако, что народъ не разошелся по домамъ. Толпа окружила домъ книгопродавца и издателя газеты «*Allgemeine Leipziger Zeitung*», Брокгауза, разбила окна и разошлась. За что этотъ знакъ недоброежелательства? За то, что онъ не хотѣлъ подписать адреса депутаціи къ королю. Вотъ вамъ и свобода! Парижъ успокоился. Въ Лейпцигскомъ народномъ собраніи рѣшено было смѣнить министровъ. Посланъ другой адресъ къ королю. Король отвѣчалъ самостоятельно и твердо; посланъ былъ третій адресъ королю. Министръ внутреннихъ дѣлъ Фалькенштейнъ подалъ въ отставку и уволенъ. Свобода книгопечатанія разрѣшена; все спокойно, но по вечерамъ народъ волновался на улицахъ, особенно студенты. Патрули народной гвардіи ходили по улицамъ, однако же большого шума не было, только пѣли. Нѣмцы рады были случаю попѣть. О Россіи печатались небылицы. Ожесточеніе нѣмцевъ противъ русскихъ было непостижимо. Французовъ здѣсь не любили, но русскихъ ненавидѣли. Въ адресѣ Лейпцига къ королю два раза было упомянуто, что саксонцы не желаютъ союза съ Россіей. Во Франкфуртской газетѣ говорилось, что въ Мюнхенѣ студенты подали адресъ королю, что они готовы вооружиться противъ внѣшнихъ враговъ, то-есть, Россіи и Франціи, но охотнѣе пойдутъ противъ Россіи.

Все было тихо: въ музеумѣ, въ ресторанахъ, на улицахъ собирались кучками и толковали. Многіе носили трехцвѣтныя кокарды, и у каждого должна была быть таковая при себѣ, потому что черезъ три дня здѣсь ожидалась революція. Эта кокарда была паролемъ, или лозунгомъ патріотовъ свободы и единства Германіи. Студенты и граждане вооружились, образовалась уже рота волонтеровъ изъ 47 человекъ. Наканунѣ, въ какомъ-то собраніи нѣсколько студентовъ, саксонскихъ дворянъ, пили за здоровье Россіи, провозглашая: «*Vivat Russland!*». Эти господа, кажется, смекнули дѣло. Частныя письма изъ Вѣны извѣщали, что министръ Меттернихъ подалъ въ

отставку. Признаюсь, въ настоящихъ обстоятельствахъ это былъ сильный ударъ для Австріи. Говорили, что Австрія была близка къ банкротству; биржевые фонды понизились.

Въ Лейпцигъ изъ Дрездена пріѣхалъ скрипачъ Липинскій и изъ Веймара піанистъ Листъ. Я былъ у нихъ, и первому передалъ поклонъ отъ Виктора Кажинскаго, а второму отдалъ письмо отъ Фольвейера.

Отправляясь въ Россію, мы заѣхали въ Веймаръ, чтобы отдать визитъ знаменитому Листу, а главное — откланяться великой княгинѣ Маріи Павловнѣ и всему ея семейству. Я имѣлъ честь быть приглашеннымъ къ обѣденному столу во дворецъ. Великая княгиня приняла меня пріятливо, одобрила, что я возвращаюсь въ Россію, и совѣтовала служить. Великій герцогъ посадилъ меня за обѣдомъ возлѣ себя и много со мною говорилъ о разныхъ предметахъ. Въ тотъ же день въ 5 часовъ мы были у Листа. Онъ внимательно слушалъ игру моихъ дочерей, изъявлялъ свое удовольствіе и аплодировалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми бывшими у него посѣтителями, приглашенными послушать русскихъ піанистокъ. Потомъ Листъ самъ сыгралъ двѣ піесы, вновь сочиненныя имъ. Онъ былъ такъ добръ и внимателенъ, что предлагалъ моимъ дочерямъ дать въ Веймарѣ концертъ, обѣщаясь самъ дирижировать оркестромъ. Но вдругъ все пришло въ волненіе: молодые люди спѣшили въ Берлинъ; граждане вооружались для защиты домовъ и имущества отъ неблагонамѣренныхъ людей... Листъ, желая написать что нибудь въ музыкальный альбомъ моихъ дочерей, едва успѣлъ вписать свое имя; въ 6 часовъ мы уже были на желѣзной дорогѣ. Я былъ въ раздумьи, какъ ѣхать: черезъ Берлинъ или черезъ Варшаву. . . .

Ну, слава Богу! Въ Благовѣщенье мы почти дома. Доѣхавъ до Галле, узнали мы, что въ Берлинѣ волненіе усиливалось, и даже въ Галле народъ и студенты кричали и бушевали. Въ самомъ Берлинѣ не было проѣзда, потому что всѣ экипажи были останавливаемы и употребляемы для баррикадъ. Нѣсколько французовъ и поляковъ пріѣхали изъ Парижа учить, какъ устраивать баррикады. Многіе изъ нихъ, переодѣтые въ женское платье, раздавали народу деньги и оружіе, возбуждая храбрость и содѣйствуя твердому сопротивленію войскамъ, которыя вѣрно стояли за короля и мужественно выдерживали натискъ народа.

Мятежники отправили къ королю депутацію, прося для прекращенія кровопролитія вывести войско изъ города, обѣщая, что народъ тогда усмирится. Добрый король исполнилъ ихъ желаніе, и войска съ развернутыми знаменами печально, неохотно, многіе со слезами на глазахъ, прошли мимо дворца и очистили улицы. Казалось, по обѣщанію народныхъ депутатовъ, все должно было бы успокоиться, но смятеніе продолжалось. Народъ освободилъ поль-

скихъ преступниковъ изъ тюрьмы и съ торжествомъ вынесъ ихъ на рукахъ. Нѣсколько тѣлъ убитыхъ изъ народа, украшенныя лавровыми вѣнками, принесены были въ тронную залу дворца. Но король для блага отечества и для возстановленія спокойствія готовъ былъ всеѣмъ пожертвовать.

Мы ѣхали по желѣзной дорогѣ спокойно, хотя на каждой станціи и были встрѣчаемы вооруженными людьми, и на каждой станціи какіе-то подозрительнаго вида люди читали вслухъ прокламаціи и возмутительныя объявленія. Не доѣзжая пяти станцій до Бреслава, мы должны были дожидаться нѣсколько часовъ соединительнаго отъ Берлина и Вѣны поѣзда. Двое проѣзжающихъ завели со мною разговоръ и, узнавъ, что я русскій, хорошо отзывались о Россіи; наконецъ, приглашали меня идти съ ними гулять и осмотрѣть какую-то фабрику. Я отказался, не смотря на ихъ убѣдительныя и неотступныя просьбы. Богъ спасъ меня ради моихъ дочерей! Не прошло получаса, какъ въ гостинницѣ желѣзной дороги сдѣлался шумъ, и поднялось смятеніе. Нѣсколько военныхъ при входѣ въ залъ слышали восклицанія одного изъ моихъ новыхъ знакомцевъ, приглашавшаго меня гулять:

— Не надобно здѣсь войска! Нѣтъ болѣе короля!

Немедленно донесено было майору, начальнику команды, который началъ допрашивать мятежника, зачѣмъ онъ кричалъ, и кто ему сказалъ, что нѣтъ короля. Впрочемъ, благоразуміе стараго прусскаго майора одержало верхъ надъ патріотическою преданностью королю: онъ предвидѣлъ, что въ случаѣ казни этого нарушителя общественнаго спокойствія произойдетъ народное возстаніе, а потому, лишь постращавъ, отпустилъ его.

Вскорѣ мы поѣхали далѣе, и другой товарищъ этого бунтовщика сѣлъ съ нами вмѣстѣ въ вагонъ, но прежде, чѣмъ двинулся поѣздъ, онъ заговорилъ со мною поанглійски.

Я отвѣчалъ, что не говорю на этомъ языкѣ; потомъ заговорилъ онъ со мною пофранцузски, и когда я ему, между прочимъ, сказалъ, что, судя по произношенію, онъ долженъ быть полякъ, этотъ господинъ немедленно выскочилъ изъ вагона и скрылся. Тогда одна дама, сидѣвшая съ нами въ одномъ вагонѣ, сказала намъ, что эти господа дѣйствительно поляки, и что она сама слышала ихъ разговоръ, какъ они намѣревались завлечь русскаго проѣзжающаго на прогулку, ограбить и убить.

Подѣзжая къ Бреславу, мы встрѣчены были вооруженными гражданами и съ трудомъ отыскали наемную карету, чтобы доѣхать до городской гостинницы. Намъ на встрѣчу безпрестанно попадались вооруженныя толпы съ ружьями, топорами, ломами и т. п. Одна толпа насъ остановила, многія звѣрскія лица начали насъ допрашивать, откуда и куда мы ѣдемъ. Но съ другой стороны моста партія благонамѣренныхъ гражданъ, вооруженныхъ для

защиты своихъ домовъ отъ грабежей, насъ пропустила. Мнѣ смѣшны показались всѣ эти вооруженія добрыхъ, кроткихъ нѣмцевъ; я отъ души хохоталъ, но старшая моя дочь Вѣра сказала мнѣ:

— Ахъ, папенька, ну, если замѣтятъ, что вы надъ ними смѣетесь, васъ и насъ повѣсятъ.

На это вторая моя дочь Наталья возразила:

— Ну, что-жъ за бѣда? Пусть повѣсятъ; вѣдь надобно когда нибудь умирать, а эта смерть сдѣлаетъ насъ извѣстными.

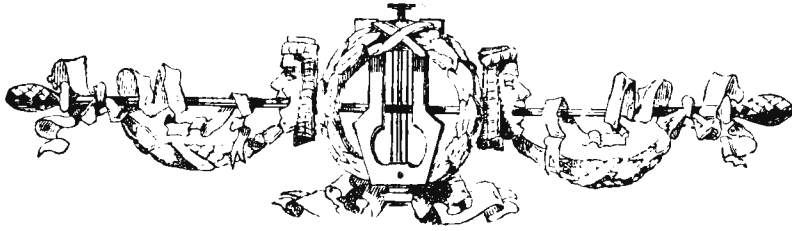
Въ Варшавѣ мы прожили пять сутокъ, ожидая присылки нашихъ нотъ и учебныхъ книгъ изъ пограничной таможни. Здѣсь все было тихо; оружіе у гражданъ отобрано; на площади и у главной гауптвахты стояли заряженные орудія и каждую ночь баталіонъ войска съ заряженными ружьями. Намѣстникъ, свѣтлѣйшій князь Варшавскій, издалъ прокламацію, чтобы позже десятого часа вечера никто не ходилъ по улицамъ безъ фонаря съ зажженною свѣчею.

Въ Ковно я купилъ бричку чуть-чуть не жидовскую; но все въ ней покойнѣе ѣхать, нежели на перекладной почтовой телѣгѣ. Съ нами ѣхала въ Россію горничная моихъ дочерей, прусская подданная, Паулина Линдемуть. Эта добрая, скромная, кроткая дѣвушка полюбила моихъ дочерей и привыкла къ нимъ. Она говорила, что любить моихъ дочерей за ихъ любовь къ музыкѣ. Это—чистая, платоническая любовь къ Апполону.

В. Н. Погожевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

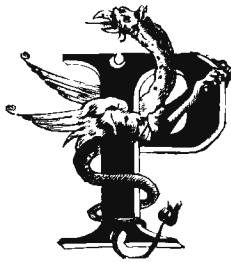

ХУДОЖНИКЪ-ЛИТЕРАТОРЪ.

Биографическій очеркъ.

(По поводу полулѣтковаго юбилея Дмитрія Васильевича Григоровича).

РУССКАЯ литература готовится чествовать полулѣтковую дѣятельность одного изъ представителей движенія сороковыхъ годовъ, оставившихъ въ исторіи нашего культурнаго развитія такую тяжелую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такую отрадную память; тяжелую—вслѣдствіе гнета, наложеннаго на нихъ цензурою, отрадную потому, что въ это время развились наши лучшія умственные силы. Законы природы, одинаковые для физическаго и интеллектуальнаго міра, учатъ насъ, что тамъ, гдѣ происходитъ давленіе, возникаетъ и сопротивленіе. Не легко было въ ту эпоху писателямъ, но именно потому отчасти и примыкали къ нимъ новые дѣятели, изъ которыхъ теперь, по прошествіи полустолѣтія, осталось уже очень немного лицъ. Между ними послѣднимъ справляетъ свой юбилей Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, жизнь котораго имѣетъ полное право назваться служеніемъ искусству, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова; онъ оставилъ видный слѣдъ между своими современниками и добрую память въ потомствѣ. Онъ былъ и литераторомъ, и художникомъ, и беллетристомъ: литераторомъ—потому что, горячо любя русское слово, обращался съ нимъ честно, не мѣняя убѣжденій своихъ молодыхъ годовъ, не тратилъ своего дарованія на поддержку личныхъ или чужихъ корыстныхъ интересовъ. Художникомъ онъ былъ не по-

тому только, что самъ занимался живописью и основательно изучилъ искусство во всѣхъ его видахъ, но тщательно, со всѣми приемами тонкаго знатока отдѣлывалъ многіе изъ своихъ разсказовъ. Наконецъ, беллетристомъ онъ былъ потому, что брался почти за всѣ роды произведеній: драму, публицистику и критику, и нерѣдко работалъ спѣшно, оставляя свои произведенія безъ необходимой, художественной отдѣлки. За эту небрежность, свойственную многимъ, даже великимъ талантамъ, критика наша нерѣдко относилась слишкомъ строго и несправедливо къ Дмитрію Васильевичу Григоровичу, забывая, что на писателя прежде всего слѣдуетъ смотрѣть, сообразуясь съ положеніемъ его времени. Нельзя отъ 1843 года требовать тѣхъ взглядовъ, какіе господствуютъ въ 1893 году. Въ потомство переходятъ далеко не всѣ творенія выдающихся авторовъ. Надо оцѣнить, сдѣлалъ ли въ свое время писатель все, что могъ, въ сферѣ своего дарованія, и только такая оцѣнка будетъ вѣрна и справедлива.

А сдѣлалъ Дмитрій Васильевичъ въ сороковыхъ годахъ не мало. Не надо забывать, что повѣсть «Деревня», гдѣ русскій мужикъ едва ли не первый разъ вторгнулся въ салонную литературу въ своемъ настоящемъ видѣ, явилась въ печати раньше «Записокъ охотника». «Хорю и Калинычу» Некрасовъ отвелъ очень скромное мѣсто въ «Смѣси» первой книжки «Современника», явившагося въ обновленномъ видѣ въ 1847 году. «Деревня» была написана для этого же журнала, но редакторъ его, не отличавшійся ни критическимъ, ни эстетическимъ чувствомъ, даже поссорился съ Бѣлинскимъ, горячо отстаивавшимъ эту повѣсть, и отказалъ въ ея помѣщеніи. Она явилась въ «Отечественныхъ Запискахъ», и люди сороковыхъ годовъ помнятъ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ этотъ безхитростный, достаточно сентиментальный, но искренно прочувствованный разсказъ. Въ слѣдующемъ же году появились гораздо болѣе отдѣланные разсказы «Бобыль» и «Антонъ Горемыка». «Деревню» прежде другихъ критиковъ оцѣнилъ Бѣлинскій. Онъ началъ съ перечисленія недостатковъ повѣсти: безцвѣтность героини, вычурность нѣкоторыхъ описаній природы, но кончилъ слѣдующими словами: «что касается до очерковъ крестьянскаго быта, это блестящая сторона произведенія г. Григоровича. Онъ обнаружилъ тутъ много наблюдательности и знанія дѣла и умѣлъ высказать то и другое въ образахъ простыхъ, истинныхъ, вѣрныхъ, съ замѣчательнымъ талантомъ». Еще черезъ два года, тотъ же «Современникъ», который не помѣстилъ «Деревни» на своихъ страницахъ, называлъ новый романъ г. Григоровича «превосходнымъ» и говорилъ по поводу его слѣдующее: «Созданія, въ основаніи которыхъ лежатъ жизнь и обычаи простаго народа, замѣтно расплодилось у насъ и начали составлять яркую и утѣшительную черту современной литературы... Слышно біеніе оригинальной мысли, и вы ясно

видите, что авторомъ завладѣлъ міръ, которому онъ отдался со страстью открывателя или, по крайней мѣрѣ, перваго изыскателя. Яркая самостоятельность романа нисколько не насильственная. Это не снисходительная идиллія, за которой отдыхаетъ авторъ, это такъ же не *tour de force* писателя, которому надоѣли обыкновенные литературные приемы. Въ такихъ произведеніяхъ видно изученіе предмета, любовь къ нему, живая потребность высказать его полнѣе и прямѣе. Они сжатѣе, сосредоточеннѣе, потому и дѣйствуютъ сильнѣе; они не имѣютъ причинъ заниматься анализомъ тонкихъ душевныхъ ощущеній и потому здоровѣе и проще въ изобрѣтательности завязки, которая не можетъ быть сложна по существу самаго дѣла». Первымъ изыскателемъ на этой вполне народной почвѣ явился Дмитрій Васильевичъ, за нимъ по той же дорогѣ пошли и другіе таланты, крупнѣе и ярче. Но честь перваго почина остается, всетаки, за нимъ, это его главная заслуга въ литературѣ, и этого не слѣдуетъ забывать нашему, слишкомъ скоро все забывающему времени.

Но прежде, чѣмъ говорить о произведеніяхъ писателя, проработавшаго честно полвѣка на тяжеломъ литературномъ поприщѣ, любопытно ближе познакомиться съ его личностью, далеко не заурядною, а выдающеюся оригинальностью и разносторонностью своихъ занятій и знаній. Въ кругу своихъ собратій по перу и въ свѣтскомъ обществѣ онъ былъ всегда желаннымъ собесѣдникомъ, вносившимъ въ разговоры оживленіе, веселый смѣхъ, отъ котораго, однако, иному отсутствующему приходилось подчасъ сильно морщиться, такъ какъ живой характеръ писателя увлекалъ его нерѣдко за предѣлы осужденій ближняго, допускаемые кодексомъ салоннаго злословія. А талантливый и бойкій наблюдатель постоянно вращался въ литературномъ и художественномъ мірѣ, въ высшихъ свѣтскихъ кружкахъ, дававшихъ такую обильную пищу всякаго рода анекдотамъ, насмѣшкамъ, остротамъ. Поэтому, когда г. Григоровичъ издалъ къ пятидесятилѣтнему юбилею свои воспоминанія, отъ нихъ ожидали любопытныхъ и пикантныхъ разоблаченій объ извѣстныхъ всѣмъ лицахъ, но этимъ ожиданіямъ, какъ и многимъ другимъ, не пришлось сбыться. Никогда не запиравшійся въ раковину литературнаго величія, отличавшійся всегда откровенностью, Дмитрій Васильевичъ сообщаетъ о себѣ весьма мало свѣдѣній, даже и такихъ, которыя извѣстны уже въ печати по болтовнѣ репортеровъ мелкой прессы. Большихъ біографій его нѣтъ; онъ не вошелъ ни въ «Портретную галерею» русскихъ дѣятелей Мюнстера, ни въ сборникъ Гербея, посвященный русскимъ поэтамъ, гдѣ помѣщены однако—Островскій, Ѳ. А. Кони, П. А. Каратыгинъ и другія лица. Свои «Воспоминанія» Дмитрій Васильевичъ начинаетъ замѣчаніемъ, что ни одному изъ русскихъ писателей не привелось встрѣтить столько неблагоприятныхъ условій не только для

занятій литературою, но даже для знакомства съ русской грамотой. Въ дѣтствѣ его много схожаго съ дѣтствомъ Лермонтова: и тотъ и другой воспитывались бабушкой въ деревнѣ, только у г. Григоровича она была французскою. О ней, какъ и о своей матери, онъ говоритъ очень немного, тогда какъ обѣ были замѣчательными женщинами. Передадимъ о нихъ, что намъ извѣстно по нашимъ свѣдѣніямъ.

Дмитрій Васильевичъ родился 19-го марта 1822 года въ Симбирскѣ, въ имѣніи графа Сологуба. Объ отцѣ своемъ онъ говоритъ только, что онъ малороссіянинъ. Мы можемъ прибавить, что онъ былъ полтавскій помѣщикъ и отставной гусаръ изюмскаго полка, умершій, когда сыну было пять лѣтъ; мать была французженка. Ея отецъ де-Вармонъ погибъ на гильотинѣ во время революціи; вдова его, умная и высокообразованная пріятельница г-жи Таллиенъ, эмигрировала въ Голандію гдѣ вышла вторично за банкира Ледантю. Но и этотъ бракъ не былъ счастливъ. Ледантю вскорѣ разорился и умеръ. Жена его съ дѣтьми переѣхала въ Петербургъ. Отъ всего прежняго богатства у нея осталась только цѣнная картинная галлерей.

Пришлось распродать ее по частямъ, и однимъ изъ главныхъ приобретателей цѣнныхъ художественныхъ произведеній былъ графъ Строгановъ, составившій свою собственную галлерей, извѣстную всему Петербургу. Вдова Ледантю сошлась здѣсь съ семействомъ Ивашевыхъ, пригласившихъ ее съ дѣтьми погостить въ Симбирское имѣніе. Тамъ дочь ея отъ перваго брака познакомилась съ бывшимъ гусаромъ и вышла за него замужъ. Онъ купилъ имѣніе въ Каширскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, и перевезъ туда молодую жену, а затѣмъ и все семейство Ледантю. Дюма-отецъ въ своемъ романѣ «Maitre d'armes» рассказываетъ много любопытныхъ подробностей объ этой семьѣ. Дмитрій Васильевичъ былъ ребенкомъ, когда умеръ его отецъ. Дѣтство писателя прошло въ сельцѣ Дулебино, на Окѣ. Воспитывали его мать и бабушка, дѣятельная, энергичная, не смотря на свои 60 лѣтъ, поклонница Вольтера, пропитанная идеями революціи. Старуха цѣлый день работала въ саду и по дому и строго обращалась со своею дочерью, занимавшеюся хозяйствомъ и леченіемъ больныхъ. Жили онѣ очень скромно, рѣдко кого принимали, еще рѣже ѣздили въ гости, и Дм. Вас. описываетъ одно изъ такихъ посѣщеній какого-то помѣщика-крѣпостника, у котораго, уже въ царствованіе Николая I, за обѣдомъ сидѣли шутъ и шутиха въ желтыхъ колпакахъ съ красными нашивками. Бабушка усадила пятилѣтняго внука за французскую азбуку, и онъ скоро ознакомился съ не роднымъ языкомъ. До восьми лѣтъ у мальчика не было въ рукахъ ни одной русской книги; русскому языку выучился онъ у дворовыхъ и крестьянъ. Въ 1830 году бабушка рѣшила, что внуку пора и серьезно учиться,

и для подготовки отдала его въ московскую гимназію, гдѣ онъ пробылъ, впрочемъ, всего два мѣсяца и перешелъ въ пансіонъ Монигетти. Въ Москву пріѣзжала часто мать будущаго писателя. Русскихъ воспитанниковъ въ этомъ пансіонѣ было всего двое, и воспитаніе продолжалось во французскомъ духѣ. Но въ мальчикѣ пробудилась еще въ дѣтскомъ возрастѣ страсть къ искусству. Отъ прежнихъ художественныхъ сокровищъ Ледантю въ семьѣ сохранился небольшой портфель рисунковъ, и мальчикъ, роясь въ немъ, получилъ охоту къ копированію пейзажей и орнаментовъ. Дѣтей два раза въ недѣлю водили такъ же изъ пансіона въ Строгановское училище рисованія, и г. Григоровичъ говоритъ: «если бы тогда развили во мнѣ склонность къ художеству и дали ей должное направленіе, изъ меня, можетъ быть, вышелъ бы порядочный художникъ». Но судьба сдѣлала изъ него писателя, хотя и съ значительною дозою художественнаго элемента.

Мальчику было уже одиннадцать лѣтъ, но, по его собственнымъ словамъ, умственные способности его не двинулись ни на одинъ градусъ: онъ не былъ въ состояніи написать простого дѣтскаго письма. Черезъ три года пребыванія его въ пансіонѣ, его мать отправилась въ Петербургъ, чтобы записать сына въ кадетскій корпусъ, но случайное знакомство съ московской барыней, расхвалившей инженерное училище, заставило мать хлопотать о помѣщеніи мальчика къ капитану Костомарову, приготовлявшему воспитанниковъ въ это заведеніе. Два года Дм. Вас. пробылъ у Костомарова и 13-ти лѣтъ поступилъ въ инженерное училище, отличившись на вступительномъ экзаменѣ знаніемъ французскаго языка и умѣньемъ рисовать. Первый годъ пребыванія въ училищѣ былъ для него «сплошнымъ терзаніемъ», и не столько отъ трудности уроковъ, ружистики, маршировокъ, строгости дисциплины, какъ отъ невыносимаго обращенія воспитанниковъ съ новичками. Этотъ отвратительный обычай дѣлать изъ вновь поступившихъ учениковъ предметъ оскорбленій, издѣвательствъ, побоевъ, доставляющихъ канибальское удовольствіе палачамъ-старокурсникамъ, не исчезъ еще, къ стыду педагогики, и въ наше время; можно представить себѣ, каковъ онъ былъ вначалѣ тридцатыхъ годовъ, и писатель совершенно правъ, говоря, что и теперь, черезъ полстолѣтіе, не можетъ безъ тягостнаго чувства вспомнить о возмутительныхъ поступкахъ, возможныхъ только среди самаго дикаго общества, но допускаемыхъ начальствомъ военноучебнаго заведенія, заботившимся только, чтобы все было исправно по внѣшности, и чтобы высшая власть оставалась имъ довольна. И между тѣмъ, это же начальство за разстегнутую пуговицу отправляло въ карцеръ или ставило на часы съ ранцемъ на спинѣ и не позволяло опускать ружье на полъ. Авторъ вообще рисуетъ весьма неутѣшительную картину порядковъ инженернаго училища, гдѣ товарищами его

были: Радецкій, Достоевскій, Кауфманъ, Паукеръ, Тотлебенъ. Къ сожалѣнію, онъ сообщаетъ очень мало подробностей объ этихъ лицахъ и распространяется только о Достоевскомъ, «вліяніе котораго было благотворно въ высшей степени». Будущій мистикъ познакомилъ его съ русской литературой; Дм. Вас. бросилъ рисованіе и съ радостью сталъ читать все, что попадалось подъ руку: Вальтеръ-Скотта, Купера, Гофмана, Матюрена, Шиллера. Вдохновленный «Разбойниками», онъ попробовалъ вскорѣ написать разбойничью драму, но попытка оказалась неудачною. Въ то же время, получивъ отъ Достоевскаго книжку стиховъ «Мечты и звуки», онъ познакомился съ Некрасовымъ, но писать стихи не научился, хотя съ нихъ начинали всѣ наши беллетристы. Учился онъ вообще плохо, какъ и Достоевскій и, послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ училищѣ, пришелъ къ сознанію, что дальше идти нѣтъ возможности: логарифмы сокрушили его окончательно, а впереди еще были дифференціалы и интегралы. Онъ рѣшился упросить мать взять его изъ училища; врядъ ли бы она согласилась на это, но помогъ случай. Однажды вечеромъ на Морской онъ встрѣтилъ великаго князя Михаила Павловича и не сдѣлалъ ему фронта. Князь подозвалъ его, но Григоровичъ, испугавшись, бросился въ картинный магазинъ и, пробѣжавъ его, вылетѣлъ на Мойку, надѣясь, что строгій начальникъ въ темнотѣ не разсмотритъ кондукторскаго мундира. Но въ ту же ночь въ училище дано знать, чтобы виновный, не отдавшій чести великому князю, утромъ же былъ доставленъ въ Михайловскій дворецъ. Виновный сознался, и его приказано было посадить подъ арестъ. Его перевели въ лазаретъ, потому что у него заболѣло горло; мать пришла навѣстить его, и онъ убѣдилъ ее, что здѣсь его вгонять въ чахотку, что онъ не способенъ быть инженеромъ, что призваніе его быть художникомъ. Мать подала прошеніе, и будущій писатель поступилъ въ академію художествъ.

Такъ говорить онъ о своемъ оставленіи инженернаго училища, и рассказъ его разрушаетъ легенду, будто онъ былъ уволенъ за шалость, свойственную его живому характеру: училище посѣтила высокопоставленная особа, и когда она проходила по заламъ, молодой кондукторъ, слѣдившій за нею, вздумалъ копировать ея походку и жесты, конечно, въ смѣшномъ видѣ. Особа замѣтила это, и смѣлый шутникъ былъ уволенъ. Этотъ анекдотъ ходилъ въ обществѣ и въ училищѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ, но онъ мало вѣроятенъ, такъ какъ подобная продѣлка повлекла бы за собою болѣе строгое наказаніе.

Нанявъ сыну комнату въ академіи и снабдивъ его всѣмъ необходимымъ, мать уѣхала въ деревню, гдѣ оставалась старая бабушка. Въ академіи бывшій инженеръ усердно занимался рисованіемъ, копировалъ «Дѣвушку съ тамбуриномъ», вздумалъ пере-

водить Мольеровскаго «Станареля», но также неудачно, «не умѣя свободно управлять бѣглою русской рѣчью». Онъ восторгался Брюловымъ, сошелся съ ученикомъ его, Шевченкомъ. Академическій бытъ того времени онъ описалъ потомъ въ своей повѣсти «Неудавшаяся жизнь», но говорить, что это еще лучше сдѣлала М. Ѳ. Каменская, дочь бывшаго президента академіи графа Толстого. Но вечера у академиста были свободныя, онъ сталъ посѣщать Большой театръ и пристрастился къ нему; захотѣлось ему, конечно, попасть и за кулисы. Онъ сдѣлалъ это подъ предлогомъ изученія декорационной живописи, и Роллеръ разрѣшилъ ему работать по этой части. За кулисами 19-ти-лѣтній художникъ познакомился съ театральной воспитанницей, влюбился и, чтобы чаще видѣться съ предметомъ своей страсти, отправился къ управляющему театральнымъ училищемъ, прося дать ему дебютъ на сценѣ училища, такъ какъ онъ желаетъ поступить въ актеры. Ему дали роль графа Шале, въ драмѣ «Дуэль при кардиналѣ Ришелье». «Я игралъ ниже всякаго описанія, — говоритъ онъ, — и мнѣ было отказано въ слѣдующемъ дебютѣ за отсутствіемъ всякой способности къ сценѣ». Совершенно основательно замѣчаетъ онъ, что живость характера, способность выразительно читать и рассказывать не дѣлаютъ еще хорошаго актера. «Я старательно разучивалъ роль, — прибавляетъ онъ, — но игралъ всякій разъ отвратительно; мною овладѣвала какая-то нервная суетливость».

Когда двери театральнаго училища закрылись передъ неудачнымъ актеромъ, онъ рѣшился жениться на своей возлюбленной и написалъ объ этомъ матери. Та, конечно, отвѣчала, что самая мысль о такомъ бракѣ — безуміе, и перестала высылать ему ежемѣсячное содержаніе. По счастью, знакомый его Бахметьевъ пригласилъ его на лѣто въ свою саратовскую деревню, гдѣ хозяинъ охотился за дрофами и стрепетами, а гость скучалъ, не любя охоты, и прочелъ только нѣсколько старыхъ книгъ, въ томъ числѣ Вольтера. Черезъ два мѣсяца Бахметьевъ предложилъ гостю отвезти его обратно въ Петербургъ. По дорогѣ онъ случайно въ московской гостинницѣ познакомился съ директоромъ театровъ Геденовымъ, и тотъ пригласилъ его служить въ канцеляріи. Дм. Вас., страсть котораго въ это время значительно остыла, написалъ матери о своемъ поступленіи на службу. Та возобновила присылку содержанія. Объ академіи и живописи не было уже больше помина. Бывшій французъ-помѣщикъ, инженеръ, выкидывавшій ружейныя приемы, рисовальщикъ-академистъ, выписывавшій орнаменты, декораторъ, актеръ, бравшійся за все и ни въ чемъ не успѣвавшій, сдѣлался канцелярскимъ чиновникомъ и, вслѣдъ затѣмъ, переводчикомъ и писателемъ. Врядъ ли кто изъ нашихъ литераторовъ въ своей молодости прошелъ такую разнообразную карьеру, и подробный рассказъ объ ней былъ бы весьма любопытенъ и поучителенъ,

если бы почтенный юбиляръ не былъ такъ скуенъ на описаніе этого періода своей жизни. Объ управленіи театральной дирекціею въ началѣ сороковыхъ годовъ можно бы сообщить много интереснаго, но авторъ «воспоминаній» только вскользь набрасываетъ хотя и вѣрныя, но далеко не полныя характеристики Геденова, начальника репертуара Неваховича и его брата-карикатуриста, секретаря директора Семенова, управляющаго конторою Кирѣева. Авторъ обращаетъ вниманіе на строгій видъ и образованность послѣдняго, тогда какъ разсказъ о его продѣлкахъ по конторѣ былъ бы гораздо поучительнѣе. Онъ не говоритъ ничего и о похожденияхъ тогдашнихъ театраловъ, и только называетъ П. А. Шувалова, С. А. Грейга, Д. А. Щербатова, пропуская Гр. Строганова, А. Потемкина, К. Огарева, Сем. Мих. Храповицкаго, Мещеринова и др. Одного М. Лонгинова обрисовываетъ онъ нѣсколько подробнѣе, да и то по поводу происшедшей съ нимъ перемѣны. Этотъ «глава театраловъ, обладавшій изумительной смѣлостью и подвижностью, воспріимчивый и несокрушимый весельчакъ-душа общества», встрѣтился съ авторомъ черезъ 35 лѣтъ, послѣ того, какъ онъ оставилъ тульское губернаторство и былъ назначенъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. «Я едва узналъ его,—говоритъ Дм. Вас.:—обрюзглый, съ бурой желтизною въ лицѣ, мрачный, раздраженный, озлобленный противъ всѣхъ, ненавидящій все, что сколько нибудь прикасалось къ печати. И это былъ тотъ самый неумолкаемый весельчакъ и добрый малый Лонгиновъ, считавшій когда-то за счастье встрѣтиться съ литераторомъ, добивавшійся чести попасть въ литературный кружокъ, съ упоеніемъ помѣщавшій въ журналы свои библиографическія замѣтки, сочинявшій нецензурные стихи и цѣлыя поэмы и читавшій ихъ, захлебываясь отъ счастья при малѣйшемъ одобреніи слушателей. Чтò было поводомъ къ такому превращенію, не знаю, но, глядя на него, приходило желаніе не встрѣчаться съ нимъ больше». Портретъ этотъ совершенно схожій, хотя и не дорисованный, заставляетъ сожалѣть, что авторъ «воспоминаній» поспешилъ на характеристики другихъ лицъ, съ которыми сталкивался въ жизни.

Нѣсколько подробнѣе говоритъ Д. В. о В. Зотовѣ и его семьѣ, о Ѳ. А. Кони, Каратыгиныхъ, Мартыновѣ. Позволяю себѣ цитировать нѣсколько строкъ изъ «воспоминаній» — pro domo sua. Какъ театральный чиновникъ, Дм. Вас. не могъ не работать для театра и перевелъ для бенефиса Валберховой драму Сулье «Eulalie Ron-tois». «Войдя во вкусъ (говоритъ онъ), я принялся для другого бенефиса за переводъ водевиля «Шампанское и опиумъ». Но водевиль былъ пересыпанъ куплетами, а такъ какъ я, со дня рожденія не могъ написать стиха, пришлось обратиться къ сотруднику. Въ канцеляріи я имѣлъ нѣсколько разъ случай встрѣчаться съ В. Р. Зотовымъ, уже тогда много писавшимъ для театра. Онъ приходилъ

справляться у Неваховича, принята ли его историческая драма «Новгородцы». В. Р. Зотовъ былъ первый настоящій литераторъ, съ которымъ мнѣ пришлось встрѣтиться (а Некрасовъ и Шевченко?); онъ охотно согласился на мое предложеніе, не смотря на то, что работа эта отнимала у него время и не приносила ему ровно никакой выгоды (за новыя пьесы, игранныя въ бенефисъ, дирекція ничего не платила авторамъ). Въ моемъ сотрудничѣ я нашелъ самаго привѣтливаго человѣка и вскорѣ познакомился съ его семействомъ. Онъ занималъ небольшую квартиру на каналѣ подлѣ Большого театра, въ домѣ, гдѣ этажемъ выше жилъ И. И. Сосницкій. Бывая у Зотовыхъ, я никогда не видѣлъ, чтобы въ этомъ многочисленномъ семействѣ сидѣлъ кто нибудь сложа руки; начиная отъ отца, тогда уже преклоннаго старца (Д. В. ошибается—Р. М. Зотову въ это время не было 50-ти лѣтъ), и кончая младшею дочерью, всѣ работали». Встрѣчая въ нашихъ свѣтскихъ салонахъ повсемѣстную праздность и пустую болтовню, Д. В. могъ обратить вниманіе на семью тружениковъ, хотя не занимавшихся, какъ ему казалось, исключительно литературой, которой посвятили себя только отецъ, сынъ и старшая дочь. «Полное согласіе (говорить онъ дальше) и самыя искреннія дружескія отношенія связывали всѣхъ членовъ этого почтеннаго семейства; посторонніе встрѣчали въ немъ радушіе и гостепріимство; всѣ были, какъ и всегда, въ ровномъ хорошемъ настроеніи духа. Р. М. Зотовъ былъ начальникомъ репертуара (до 1836 года); дѣти его, имѣвшія случай бывать въ театрѣ, сохранили къ нему любовь съ первыхъ дней до зрѣлаго возраста. Не проходило зимы, чтобы у Зотовыхъ по нѣскольку разъ не устраивались домашніе спектакли. Малые размѣры залы не позволяли ставить сцену, ее отдѣляла отъ зрителей одна рампа. Это не мѣшало, однако, давать сложныя для постановки пьесы: Горе отъ ума (безъ пропусковъ), Свою семью, Ревизора, Женитьбу. Главнымъ распорядителемъ-режисеромъ и актеромъ былъ всегда В. Р. Зотовъ. Послѣ спектакля на сценѣ и въ сосѣднихъ комнатахъ накрывались столы, и угощеніе продолжалось до позней ночи». Прибавимъ, что Дм. Вас. вовсе не дурно игралъ въ «Женитьбѣ» — Жевакина, въ «Игрокахъ», и Молчалина въ «Горе отъ ума».

Далѣе Дмитрій Васильевичъ описываетъ свое знакомство съ Ѳ. А. Кони, которому его рекомендовалъ В. Зотовъ, принимавшій участіе въ изданіи «Пантеона», гдѣ былъ напечатанъ первый литературно-драматическій трудъ автора «Деревни» — пьеса «Наслѣдство». Онъ жалѣетъ, что теперь забыты такіе крупныя дѣятели, какъ Полевой, Вельтманъ, Кони, что критика наша была не справедлива къ В. А. Каратыгину, настроенная Бѣлинскимъ, находившимъ, что одинъ Мочаловъ играетъ съ одушевленіемъ, тогда какъ это одушевленіе проявлялось у московскаго трагика рѣдкими по-

рываами, по какому-то капризу, а минутъ вдохновенія,—прибавимъ мы,—можно было ожидать, только когда трагикъ находился въ подпитіи. Между тѣмъ, Каратыгинъ, никогда не прибѣгавшій къ внѣшнимъ приемамъ самоподогрѣванія, давалъ всегда ровное и полное впечатлѣніе изображаемаго имъ лица. Съ особеннымъ сочувствіемъ Дмитрій Васильевичъ отзывался о Мартыновѣ.

Втянувшись въ литературную работу, Дмитрій Васильевичъ попалъ въ руки литературныхъ промышленниковъ. Первый началъ его эксплуатировать Плюшаръ, когда-то издатель энциклопедическаго лексикона, а потомъ «Сто одной повѣсти и сорока сороковъ анекдотовъ». Эти сорокъ сороковъ переводилъ ему Григоровичъ, конечно, даромъ. Затѣмъ явились Алексѣй Грець, издатель «Петербурга въ карманѣ», поручившій молодому писателю перевести нелѣпѣйшую повѣсть «Эрленбургскій священникъ», и—увы!-- Некрасовъ, занимавшійся тогда изданіемъ мелкихъ брошюръ и заставившій Григоровича написать «Польку въ Петербургѣ» и пригласившій его участвовать въ предпринятомъ имъ юмористическомъ сборникѣ «Зубоскаль». Дмитрій Васильевичъ написалъ предисловіе къ сборнику, но онъ былъ запрещенъ еще до появленія перваго выпуска за одну фразу, сказанную въ объявленіи: «Зубоскаль будетъ смѣяться надъ всѣмъ, что достойно смѣха». Это выраженіе показалось непозволительнымъ тогдашней цензурѣ. Но Некрасовъ былъ упрямъ: онъ перекрестилъ «Зубоскала» въ «Первое апрѣля», для котораго Дмитрій Васильевичъ написалъ повѣсть «Штука полотна». Еще прежде онъ написалъ двѣ оригинальныя повѣсти: «Собачка» и «Театральная карета», очень слабыя, по его собственному признанію, хотя и напечатанныя въ литературныхъ прибавленіяхъ къ «Русскому Инвалиду». Вообще, по его словамъ, въ эту пору «русская грамота давалась мнѣ все еще съ большимъ трудомъ, но его мало-по-малу побѣждала практика и главнымъ образомъ мое юношеское неутомимое усердіе; работа была мнѣ по душѣ и увлекала меня». Своею первою серьезною литературною работою Дм. В. считаетъ «Шарманщика», помѣщеннаго въ «Физиологіи Петербурга» Некрасова. Потомъ онъ составилъ, по заказу того же поэта, брошюру о Крыловѣ, которая, однако, какъ онъ самъ говоритъ, вышла не лучше «Польки въ Петербургѣ». Некрасовъ сбылъ ее книгопродавцу Полякову, котораго Дм. Вас. называетъ «плутомъ не послѣдняго сорта». О другихъ подобныхъ книжникахъ, какъ Ольхинъ и Песоцкій, отзывы гораздо мягче. Весьма рельефно и комично описаніе свадебнаго бала Песоцкаго, гдѣ Плюшаръ очищалъ среди гостей дорогу «генералу» Грецу; Булгаринъ, явившійся въ кунтушѣ, пѣлъ пѣсню: «Ой, ерши, ерши, ерши»; какого-то офицера выводили изъ-за стола за то, что онъ посмѣялся надъ Полевымъ, читавшимъ панегирикъ Михайловскому-Данилевскому, дочь котораго, хорошенъ-

кая 17-тилѣтняя блондинка, играла главную роль въ танцахъ, а самого новобрачнаго вынесли на рукахъ въ другую комнату уже совершенно не въ своемъ видѣ.

Въ канцеляріи директора театровъ Дм. Вас. удержался также недолго и занялся исключительно литературой, поселившись вмѣстѣ съ Достоевскимъ, который въ это время перевелъ «Евгенію Гранде» Бальзака, напечатанную въ «Библіотекѣ для Чтенія». Некрасовъ привезъ Григоровича къ Бѣлинскому, но критикъ разразился противъ Бальзака жесточайшею бранью, назвалъ его мѣщанскимъ писателемъ, а романъ его пошлымъ. Посѣтитель такъ растерялся, что ушелъ, не возразивъ ни слова. Успѣхъ «Бѣдныхъ людей» и неумѣренно восторженные похвалы имъ Бѣлинскаго вредно отразились на Достоевскомъ, но черезъ нѣсколько времени тотъ же совершенно искренній, но не въ мѣру увлекавшійся критикъ писалъ Анненкову о новомъ свѣтилѣ литературы: «Достоевскій написалъ повѣсть «Хозяйка»—ерунда страшная! Каждое его новое произведеніе—новое паденіе. Попались же мы съ гениемъ—Достоевскимъ». Самолюбіе Достоевскаго было сильно оскорблено, и онъ прервалъ сношенія съ кружкомъ Бѣлинскаго и Тургенева. Григоровичъ находитъ, однако, что авторъ «Бѣдныхъ людей» подражалъ Гоголю, и доказываетъ это цитатами. Авторъ «Шарманщика» не ужился и съ Достоевскимъ и разошелся съ нимъ, хотя безъ ссоры; но онъ скоро созналъ незначительность и незрѣлость своихъ произведеній, отсталость своего умственного развитія и 24-хъ лѣтъ рѣшился оставить праздную жизнь въ Петербургѣ. Онъ уѣхалъ въ деревню къ своей матери и бабушкѣ. Тамъ онъ написалъ свою первую, вполне литературную повѣсть, «стоявшую ему немовѣрнаго труда». Чтобы ознакомиться съ простонароднымъ русскимъ языкомъ, онъ проводилъ цѣлые часы въ бесѣдахъ съ крестьянами, записывалъ ихъ выраженія, передѣлывая и переписывая каждую главу «Деревни» по нѣскольку разъ. Сюжетъ онъ взялъ изъ разсказа одной крестьянки о своей невеселой жизни. Черезъ четыре мѣсяца онъ отвезъ повѣсть Некрасову, тотъ продержалъ ее два мѣсяца и возвратилъ, сказавъ, что она неудобна для «Современника». Григоровичъ прочелъ ее въ кругу своихъ знакомыхъ, Бекетовыхъ, гдѣ былъ и Валерьянъ Майковъ, работавшій въ «Отечественныхъ Запискахъ». Онъ обѣщалъ помѣстить повѣсть въ этомъ журналѣ, гдѣ она появилась въ декабрьской книжкѣ 1846 года. Получилъ онъ за нее по 36-ти рублей за печатный листъ. За разсказъ «Лотерейный балъ» Некрасовъ далъ ему сто рублей, а за «Крылова» пятьдесятъ, но тогда считали на ассигнаціи, и плата, выданная Краевскимъ, была выше обычной. Бѣлинскій въ печатномъ отзывѣ о «Деревнѣ» сказалъ, что авторъ не имѣетъ никакой способности къ повѣстямъ, но обладаетъ дарованіемъ для физиологическихъ очерковъ. Въ обхожденіи критика

съ авторомъ замѣтна была холодность. Это не мѣшаетъ, однако, автору относиться къ критику съ особеннымъ уваженіемъ, признавая только его слабость къ увлеченіямъ. Это доказывается и тѣмъ, что онъ восторгался пустымъ фразеромъ Анненковымъ и называлъ его необыкновеннымъ рассказчикомъ, когда тотъ написалъ двѣ плохія повѣсти.

Вторая повѣсть «Антонъ Горемыка», явившаяся въ слѣдующемъ году и также написанная лѣтомъ въ деревнѣ, была, и по сознанию автора, гораздо лучше первой, но стоила ему не меньше труда, если еще не больше. По поводу ея авторъ высказалъ свою теорію о творчествѣ. По его мнѣнію, только тѣ произведенія переживаютъ вѣка, авторы которыхъ возводятъ ихъ въ перлъ созданія... Это достигается не только силою таланта, но также неимовернымъ трудомъ. Доказываютъ это—Гоголь, Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ; рукописи ихъ исцѣплены безчисленными поправками. Гете выбросилъ изъ «Геца Берлихингена» нѣсколько превосходныхъ сценъ, потому что художникъ обнаруживаетъ себя въ ограниченіи, то-есть въ отбросѣ лишняго и возможномъ сокращеніи, въ пользу силы не только выраженій, но и самого произведенія. Бальзакъ, Мериме, Флоберъ также писали очень медленно и по нѣскольку разъ передѣлывали написанное. Такая литература проникаетъ въ глубь силою своего внутренняго содержанія; литература, созданная А. Дюма, быстрая, мѣстами блестящая, скользитъ по поверхности. «Люди сороковыхъ годовъ имѣли, впрочемъ, полную возможность писать неторопливо, холить свою работу; распространяющаяся дѣятельность печати вызвала потребность въ спѣшной работѣ, иногда необходимой для удовлетворенія суровымъ требованіямъ семейной жизни». Съ этимъ можно согласиться, хотя слѣдуетъ замѣтить, что поправки въ сочиненіяхъ нашихъ и иностранныхъ авторовъ относятся къ формѣ, языку, выраженіямъ ихъ произведенія, а не къ его идеѣ, концепціи; борзописанія же не оправдываютъ никакія семейныя потребности. Въ «Антонѣ Горемыкѣ» цензура запретила послѣднюю главу, хотѣла запретить и всю повѣсть, но ее отстоялъ А. В. Никитенко, сочинившій, вмѣсто сожженія разбойника-управителя, сцену покаянія передъ міромъ возмущившихся крестьянъ, отправляемыхъ на поселеніе.

Съ расширеніемъ литературной извѣстности автора увеличился и кругъ его знакомства. Онъ сошелся съ Далемъ, Гребенкою, кн. Одоевскимъ, гр. Сологубомъ, Вельгорскимъ, Майковыми, В. Боткинымъ, Гончаровымъ, Огаревымъ, Н. Павловымъ, Фетомъ. Характеристики ихъ, не смотря на мѣткую оцѣнку лицъ, коротки и сжаты; даже свѣтлая личность Одоевскаго остается въ тѣни. Рельефно очерчена только фигура Гончарова, завидующаго успѣхамъ Тургенева, проникнутаго лицемѣріемъ и боязнью смѣло вы-

сказать свое мѣніе, слышавшаго всю жизнь только однѣ похвалы себѣ, въ то время, когда осыпали бранью Пушкина и Гоголя. О Краевскомъ авторъ говоритъ нѣсколько правдивыхъ словъ, защищая его отъ обвиненія въ эксплуатаціи и угнетеніи Бѣлинскаго, который получалъ, однако, шесть тысячъ въ годъ, когда журналъ былъ обремененъ долгами. «Въ обращеніи Краевскаго было мало привлекательнаго, онъ не любилъ правдныхъ словъ, но у него было очень доброе сердце. Его прославили кремнемъ, жаднымъ къ деньгамъ, но развѣ тѣ, которые ставили ему это въ вину, сами когда нибудь отказывались отъ денегъ? Какъ всѣ люди, достигшіе благосостоянія своимъ трудомъ, онъ зналъ цѣну деньгамъ и не бросалъ ихъ, но отъ этого далеко еще до жадности и скаредничества. Я знаю за нимъ не мало добрыхъ дѣлъ, знаю лицъ, распускавшихъ про него самыя гнусныя клеветы и въ то же время не стыдившихся прибѣгать къ нему». Все это совершенно справедливо.

Послѣ «Бобыля», по словамъ Дм. Вас., онъ не написалъ ни одной страницы въ Петербургѣ. Для работы ему нужны были деревня, тишина, уединеніе. Въ деревнѣ больше года писалъ онъ свой первый большой романъ «Проселочныя дороги». Цензура остановила его послѣ напечатанія первой части, подъ предлогомъ, что дворянство выставлялось въ немъ въ слишкомъ карикатурномъ видѣ, а этого нельзя было допустить. При Екатеринѣ Фонвизинѣ могъ смѣло выводить на сцену Простаковыхъ и Скотининыхъ, но черезъ 75 лѣтъ, при Николаѣ I, Скотинины были невысказаны среди благородныхъ россійскихъ душевладѣльцевъ. Мусинъ-Пушкинъ согласился позволить печатаніе романа съ тѣмъ, чтобы въ него авторъ вставилъ страницу, въ которой было бы сказано, что всѣ лица романа принадлежатъ исключительно поэтическому вымыслу и представляютъ преувеличенную карикатуру противъ существующей дѣйствительности. Страница была приложена къ тексту, но этимъ не кончились мытарства романа. Цензоръ Фрейгангъ, преслѣдовавшій все, что сколько нибудь дышало жизнью, одушевляло описываемое лицо, даже картины природы, беспощадно вычеркивалъ все, что выходило изъ уровня общихъ мѣстъ. Напрасно авторъ ѣздилъ къ нему торговаться на его дачу въ Екатерингофъ. Неумолимый урѣзвитель—не мысли, потому что какая мысль можетъ проскользнуть между лапъ господъ Фрейганговъ,—а всякой бойкой фразы, говорилъ автору тономъ добродушнаго весельчака: «Солнце, склоняясь къ западу, ярко освѣщало купола церквей. Гм! ярко... зачѣмъ тутъ ярко? Слово это ничего не прибавляетъ. Или вотъ еще: у него носъ былъ похожъ на перезрѣлую сливу. Фи! Неужели вамъ самимъ это не противно? Я не могу этого пропустить; замѣните это чѣмъ нибудь другимъ. У васъ также одинъ господинъ названъ Солонѣ-

вымъ: это невозможно. Я самъ знакомъ съ двумя Солонѣвыми; они могутъ принять на свой счетъ, оскорбиться. Придумайте другую фамилію. Но оставимъ это: сейчасъ два часа. Смотрите отсюда съ балкона на взморье: сію минуту Дюръ выйдетъ на берегъ купаться... Это настоящая Фрина. Возьмите со стола бинокль». И это навывалось цензурою въ сороковые года! да и въ сороковые ли только? «Фрейгангъ,—прибавляетъ Григоровичъ,—думая умаслить авторовъ своимъ веселымъ видомъ, своими шуточками и паясничествомъ, достигалъ всегда обратнаго результата: его мелочная, бессмысленная и безапелляціонная придирчивость дѣйствовала раздражительно, чѣмъ суровые приговоры другихъ цензоровъ». Были, однако, между ними и расположенные къ литературѣ лица: Дм. Вас. называетъ Бекетова и не называетъ Никитенка. Но смѣлость перваго объяснялась отчасти его близкимъ родствомъ съ Мусинымъ-Пушкинымъ, тогда какъ у Никитенка она была отличительною стороною его характера.

По выходѣ въ свѣтъ «Проселочныхъ дорогъ» распространилась литературная сплетня, что авторъ самымъ безцеремоннымъ образомъ описалъ въ романѣ помѣщиковъ своего уѣзда въ благодарность за ихъ хлѣбъ-соль. Авторъ подтверждаетъ, что онъ не списывалъ ни одного лица цѣликомъ съ натуры. «Портреты, взятые прямо съ живыхъ лицъ, никогда не удаются въ литературѣ; существующее лицо можетъ дать намекъ на характеръ, но только намекъ, вполне жизненные типы получаются отъ сліянiя намека съ однородными ему чертами, встрѣчаемыми у разныхъ лицъ». Едва ли это объясненіе вѣрно. Развѣ не встрѣчаются въ жизни характеры болѣе твердые и опредѣленные, чѣмъ выводимые въ романахъ? Жизненный типъ не составляется, какъ платье арлекина, изъ обрывковъ разныхъ характеровъ. Но сплетня о злоязычiи Дмитрія Васильевича не разъ поднималась во время его журнальныхъ работъ; ея распространенію, кромѣ общаго почти всѣмъ писателямъ нерасположенiя къ собратьямъ, не мало способствовали живой его темпераментъ, бойкій языкъ, не выбиравшій фразъ, не щадившій товарищей по перу. Въ одномъ органѣ мелкой прессы онъ самъ говорилъ репортеру: «У насъ часто нападаютъ на литератора, если онъ подмѣтитъ какую нибудь характерную черту хотя бы у прiятеля и воспользуется ею; но нападаютъ тѣ, у кого нѣтъ этой способности. Часто является потребность дать форму наблюдательности, высказать эту форму и, какъ говорится, для краснаго словца не жалѣють и отца. Другое дѣло, если литераторъ беретъ цѣликомъ личность; я, конечно, противъ этого». И надо сознаться, что не разъ увлекавшійся въ своей жизни Дмитрій Васильевичъ этимъ краснымъ словцомъ нажилъ себѣ не мало враговъ.

«Проселочныя дороги» успѣха не имѣли; въ нихъ много претензiй на юморъ и остроуміе, а Дмитрій Васильевичъ никогда не

былъ ни юмористомъ, ни острякомъ, и какъ только выходилъ изъ романовъ крестьянскаго и простонароднаго быта, то становился въ разрядъ второстепенныхъ беллетристовъ. Большой успѣхъ слѣдующаго выдающагося романа «Рыбаки» заставилъ забыть неудачу «Проселочныхъ дорогъ». Третій романъ и еще нѣсколько повѣстей окончательно установили его литературную извѣстность. Странно, что въ публикѣ и даже между писателями были лица, не признававшія въ Григоровичѣ народнаго писателя. Писемскій, послѣ напечатанія своей «Плотничьей артели», сказалъ автору «Рыбаковъ»: «Оставили бы, право, писать о мужикахъ, гдѣ вамъ, джентльменамъ, заниматься этимъ? Предоставьте это намъ, это наше дѣло. Я самъ мужикъ». «Въ послѣднемъ своемъ заключеніи, — говоритъ Дмитрій Васильевичъ, — онъ показался мнѣ совершенно правымъ, и я не возражалъ ему». Во всякомъ случаѣ, Писемскій былъ мужикъ очень умный, колкій, даровитый, хорошо знавшій русскій народъ, но обладавшій, къ сожалѣнію, и многими свойственными ему недостатками, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаютъ цинизмъ и страсть къ чарочкѣ. Но, всетаки, Дмитрій Васильевичъ относится къ нему не довольно снисходительно, какъ и ко всѣмъ лицамъ кружка Островскаго. Нельзя говорить, что эти лица ничѣмъ не заявили себя въ литературѣ, когда между ними были также Аполлонъ Григорьевъ, Алмазовъ, Эдельсонъ. Они приняли въ Москвѣ со сдержанною привѣтливостью «петербургскаго франта въ клѣтчатыхъ панталонахъ, со штиблетами, прикрывавшими лакированные башмаки, неумѣренная живость котораго истолковывалась недостаткомъ разумнаго спокойствія». Самомнѣніе и восхваленіе другъ друга въ этомъ кружкѣ были дѣйствительно смѣшны, такъ же какъ и неумѣренное поклоненіе Островскому. Но если Аполлонъ Григорьевъ говорилъ, что Шекспиръ, какъ геній, можетъ стать по плечу Островскому, у котораго самое молчаніе — Цицероновское, а, сравнивая его пьесы съ «Горе отъ ума», нельзя назвать эту пьесу комедіей, — это только возбуждаетъ улыбку, какъ совѣты Эдельсона Садовскому и Бурдину «играть нутромъ, то-есть сообщить плоть и кровь духовно-конкретному созданію драматической поэзіи», что не мѣшало, однако, Садовскому быть изъ рукъ вонъ плохимъ Лиромъ, а Бурдину никогда не подняться выше обыденной посредственности. Легкомысліе Григоровича, по мнѣнію кружка Островскаго, было естественнымъ явленіемъ, такъ какъ его мать была французенка. Аполлонъ Григорьевъ, разбирая «Рыбаковъ», доказывалъ, что въ этомъ романѣ и не можетъ ничего быть русскаго, и авторъ, по самой крови своей, находится въ невозможности постигнуть духъ русскаго народа. Это, конечно, парадоксъ, кровь тутъ не причемъ, но что писатель долженъ былъ усиленнымъ трудомъ уже въ юношескомъ возрастѣ исправлять недостатки своего исключительно французскаго воспитанія, въ этомъ онъ и самъ сознается.

Авторъ выводитъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» еще нѣсколько типовъ деревенскихъ сосѣдей, но всѣ они мало занимательны, особенно какой-то графъ N. со своими римскими похожденіями. Интересенъ разсказъ о жизни Тургенева въ Лутовиновѣ и о домашнемъ спектаклѣ, устроенномъ гостившими въ деревнѣ пріятелями. Мы сомнѣваемся только, чтобы плохіе и неправильные по размѣру стихи, цитируемые Григоровичемъ, какъ пародія на «Эдипа въ Афинахъ», могли быть написаны Тургеневымъ. Изъ другихъ литературныхъ пріятелей авторъ слишкомъ снисходительно относится къ Боткину, сухому и черствому эгоисту, и слишкомъ распространяется о Дружининѣ, циникѣ въ жизни, съ небольшимъ литературнымъ дарованіемъ, но огромными претензіями. Но онъ слишкомъ мало говоритъ о Л. Н. Толстомъ. Въ предпоследней главѣ «Воспоминаній» разсказывается исторія разрыва Тургенева съ Некрасовымъ. «Современникъ» объяснял ее исключительно разногласіемъ идей и убѣжденій. Что причиною размолвки не могли быть денежные расчеты, доказывается извѣстнымъ безкорыстіемъ Тургенева, котораго обирали всѣ, кто только могъ, и жена его брата, и родственники, и г. Маляревскій, и Некрасовъ, купившій за тысячу рублей изданіе «Записокъ охотника» и перепродавшій его за двѣ съ половиной— дѣло коммерческое! Никто также не могъ упрекнуть Тургенева въ двуличіи и фальшивости, и вина того, что онъ прекратилъ сношенія съ «Современникомъ», должна была лежать, конечно, не на немъ, но Дмитрій Васильевичъ не объясняетъ ея. О приглашеніи его морскимъ вѣдомствомъ въ кругосвѣтное плаваніе въ 1858 году авторъ говоритъ не много. вмѣсто отдаленныхъ странъ ему пришлось, однако, побывать только въ Испаніи, Италіи и Греціи, и корабль «Ретвизанъ», описанный имъ, далеко не такъ интересенъ, какъ фрегатъ «Паллада». Странно, что авторъ, оставившій такія прекрасныя картины русской природы, остался совершенно равнодушенъ къ красотамъ природы южной и изображаетъ Испанію безъ всякаго одушевленія. Разсказываетъ онъ еще, въ заключеніе, о безалаберной жизни на дачѣ Кушелева-Безбородки, гдѣ вокругъ хозяина, добродушнаго эпилептика, собиралось литературное общество, поклонявшееся болѣе Бахусу, чѣмъ Аполлону, въ родѣ Мея, Кроля, Григорьева, Моллера, или состоявшее изъ пройдохъ-фокусниковъ, въ родѣ спирита Юма. «Вчужѣ было больно видѣть,— говоритъ Дмитрій Васильевичъ,— какъ безпутно проматывалось огромное состояніе, доставшееся въ наслѣдство графу Кушелеву». Последній литературный меценатъ приглашалъ на свою роскошную дачу и Дюма-отца, пріѣзжавшаго тогда въ Россію, и по этому поводу Григоровичъ съ негодованіемъ опровергаетъ сплетню, сочиненную тогда, будто онъ повезъ французскаго романиста къ Панаеву и Некрасову, жившимъ близъ Ораніенбаума, и познакомилъ съ Дюма, не предувѣдомивъ объ этомъ русскихъ журналистовъ. Сплетня эта

такъ пуста и ничтожна, что объ ней вовсе не стоило и вспоминать.

Разстройство маленькаго имѣнія Григоровича, цопавшагося послѣ освобожденія крестьянъ въ лапы мошенника арендатора, съ которымъ, однако, не могли ничего подѣлать зарѣйскія, каширскія и коломенскія власти, заставило Дмитрія Васильевича искать службы, такъ какъ рассчитывать на одинъ литературный гонораръ было рискованно, да и писалъ онъ очень медленно. «Когда Тургеневу, Гончарову и мнѣ,—говоритъ Дмитрій Васильевичъ,—назначена была въ «Современникѣ» плата по шестидесяти рублей съ листа, въ другихъ редакціяхъ стали говорить, что при такой безумной платѣ нѣтъ возможности издавать журналъ». Ему было предложено мѣсто секретаря въ Эрмитажѣ, но для этого онъ долженъ былъ сдѣлать описаніе всѣхъ отдѣленій этого музея, такъ чтобы оно могло служить руководствомъ для посѣтителей. Осень и зиму Григоровичъ провелъ за работой, и когда напечаталъ «Прогулку по Эрмитажу», обѣщанное ему мѣсто было отдано дальнему родственнику министра. Къ счастью, общество поощренія художниковъ предложило ему мѣсто своего секретаря, и онъ принялъ его тѣмъ охотнѣе, что новая обязанность приблизила его къ художественной сферѣ, близкой его вкусамъ. Онъ думалъ при этомъ найти время продолжать и свои литературныя занятія, но ошибся: чѣмъ больше входилъ онъ въ порученное ему дѣло, тѣмъ больше оно увлекало его. И почти тридцать лѣтъ Дмитрій Васильевичъ не писалъ ничего, кромѣ бумагъ по обществу. Но для этого общества онъ сдѣлалъ очень много, и его можно смѣло назвать устройтелемъ этого процвѣтающаго теперь учрежденія. Основанное въ 1820 году П. А. Кикинымъ, оно совершенно преобразовалось при Григоровичѣ. Прежде оно имѣло пенсіонеровъ-художниковъ, давало имъ квартиру и содержаніе, посылало за границу, поддерживало недостаточныхъ заказами, пособиями и т. п. Александръ и Карлъ Брюловы, Чернецовы, А. Ивановъ, баронъ Клодтъ, Лагоріо, Флавицкій, Шевченко, К. Маковский были его пенсіонерами. Ему обязана Россія устройствомъ литографическаго и ксилографическаго дѣла, образцовыми художественными изданіями видовъ Петербурга, профилей и фасадовъ его зданій, сценъ изъ народнаго быта, костюмовъ инородцевъ, живущихъ въ Россіи, и пр. Дмитрій Васильевичъ съ рвеніемъ истиннаго любителя, съ знаніемъ настоящаго знатока искусства, принялся расширять кругъ дѣятельности общества, ввелъ въ него новые элементы, придавъ ему болѣе практическое направленіе. При обществѣ была школа рисованія подъ вѣдѣніемъ министерства финансовъ. Министерство положило закрыть ее, но она была сохранена и, перейдя въ завѣдываніе общества, пополнена новыми классами композиціи, орнамента, лѣпной работы, рѣзьбы на деревѣ, эмальировки и др. Ей придано художественное техническое направленіе. Вотъ что говоритъ самъ

Григоровичъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ о полученныхъ результатахъ.

«Успѣхъ учениковъ школы подтверждаютъ состоятельность новаго направленія, даннаго этому заведенію, посѣщаемому преимущественно лицами ремесленнаго званія. Прежде лица эти, пройдя классы общаго рисованія, не видѣли для себя другого пути, какъ поступленіе въ академію; но часто, не имѣя врожденнаго призванія, они только умножали число бесполезныхъ неприводящихъ ничего тружениковъ и ставили себя въ тяжелое, безвыходное положеніе. Теперь съ самыхъ элементарныхъ классовъ рисунки преподаются въ тѣсной связи съ практическимъ примѣненіемъ и тою пользою, какую ремесленникъ можетъ извлечь при усовершенствованіи себя въ рисованіи. Художественная сторона въ ремеслѣ, которой онъ прежде не подозрѣвалъ, постепенно открывается его внутреннему чувству, дѣйствуетъ на него притягательно. Число такихъ учениковъ, постепенно увеличиваясь, даетъ въ результатѣ лицъ, которыя постепенно будутъ содѣйствовать художественному возвышенію ремесла въ Россіи».

И число этихъ учениковъ въ послѣднее время завѣдованія общества Григоровичемъ доходило до 800 человекъ. Онъ ввелъ въ школу новый, рациональный методъ преподаванія. Кромѣ классовъ рисованія съ эстамповъ и гипсовыхъ фигуръ, учреждены классы: натурный, композиціи, гравюры на деревѣ, скульптуры, рѣзбы изъ дерева, живописи на фарфорѣ, стеклѣ и эмали, перспективы, основныхъ началъ архитектуры, исторіи искусства и различныхъ ремеселъ, нѣкоторыхъ отдѣловъ строительнаго искусства, химіи въ ея примѣненіи къ составамъ эмали и минеральныхъ красокъ. Устройство школы въ домѣ общества, подаренномъ государемъ, образцовое. Классныя модели особенно разнообразны. Библиотека составлена лишь изъ цѣнныхъ изданій. Кромѣ того, устроенъ музей по всѣмъ отраслямъ искусства въ его примѣненіи къ промышленному производству. Музей этотъ служитъ къ наглядному ознакомленію учениковъ съ лучшими образцами и къ развитію въ нихъ воображенія и вкуса; въ немъ есть замѣчательнѣйшіе образцы ювелирныхъ произведеній, рѣзбы изъ дерева и кости, живописи по фарфору, изъ севра, маіолики, финифти, изразцовъ, старинныхъ кружевъ и вышивокъ, различныхъ тканей и т. п., болѣе 8.000 нумеровъ, систематически разложенныхъ, съ печатнымъ объясненіемъ при каждомъ предметѣ. И все это—школа, музей, библиотека, мастерскія, обязано своимъ устройствомъ исключительно одному Григоровичу, и обо всемъ этомъ онъ ни слова не говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», тогда какъ картина этого послѣдняго фазиса его художественной дѣятельности весьма интересна и поучительна. Правда, онъ назвалъ свои мемуары «литературными воспоминаніями» и говоритъ въ нихъ преимущественно, хоть и не исключительно, о ли-

тературѣ и почти ничего о художествѣ. Онъ даже забываетъ сказать, когда и почему оставилъ академію, и, назвавъ только одного своего учителя рисованія Тамаринскаго, вовсе не упоминаетъ о преподавателѣ Зацѣпинѣ, обратившемъ на него вниманіе въ инженерномъ училищѣ и все время пребыванія его въ училищѣ слѣдившемъ за художественными занятіями мальчика и развивавшемъ его техническія познанія. Да и о многомъ еще умалчиваетъ Дмитрій Васильевичъ: о дальнѣйшей судьбѣ своей бабушки, матери, о своей семьѣ и дочери, о своей виллѣ въ Австріи, гдѣ, судя по репортерскимъ сплетнямъ, у него такой же музей рѣдкихъ и цѣнныхъ вещей, какой онъ устроилъ въ обществѣ поощренія художествъ. Онъ даже не перечисляетъ всѣхъ своихъ произведеній, а между тѣмъ полное собраніе ихъ выдержало шесть изданій, изъ которыхъ три принадлежатъ Н. Г. Мартынову, гдѣ рассказы его помѣщены не въ хронологическомъ порядкѣ. Мы приведемъ годы только главныхъ изъ нихъ: 1846—Деревня, 1847—Бобыль, 1848—Антонъ Горемыка, Четыре времени года, 1849—Похожденія Накатова, 1851—Свѣтлое воскресенье, Мать и дочь, 1852—Рыбаки, Смедовская долина, 1855—Переселенцы, 1856—Пахарь, 1858—Очерки современныхъ нравовъ, 1860—Пахотникъ и бархатникъ, Парижскія впечатлѣнія, 1861—Два генерала. Этимъ годомъ и кончилась собственно литературная дѣятельность Григоровича. Возобновивъ ее въ восьмидесятыхъ годахъ, когда онъ оставилъ общество художествъ, получивъ чины, кресты и полторы тысячи пенсіи, онъ написалъ нѣсколько мелкихъ не особенно выдающихся рассказовъ. Въ его «Гутаперчевомъ мальчикѣ» много дѣланной сентиментальности, а «Акробаты благотворительности» заслуживали не такой мягкой сатиры на розовой водѣ. Что же касается до его комедіи «Замшевые люди», это совершенно неудачная вещь, написанная, сверхъ того, какимъ-то замшевымъ, вовсе не сценическимъ языкомъ. Онъ справедливо говоритъ, однако, въ концѣ своихъ «Воспоминаній», помѣщенныхъ въ малочитаемомъ журналѣ и рассмотрѣнныхъ нами подробно: «если послѣднія мои произведенія слабѣе предыдущихъ, виною въ этомъ моя отсталость, утрата привычки писать; лѣта тутъ непричемъ. Мнѣ казалось всегда, что если чловѣку дана извѣстная способность, она не подвергается вмѣстѣ съ нимъ дѣйствию лѣтъ, потери силъ и зубовъ, надо только этому вѣрить и стараться самому не падать духомъ». Называя даже литературу своимъ ангеломъ хранителемъ, онъ прибавляетъ: «она приучила меня къ труду, часто служила мнѣ лучше разсудка, предохраняя отъ опасныхъ увлеченій; ей одной, наконецъ, обязанъ я долей истиннаго счастья, испытаннаго мною въ жизни». Эти искреннія слова, высказанныя съ теплымъ чувствомъ, не совсѣмъ основательно сопровождаются «глубочайшей благодарностью судьбѣ, направившей меня съ юности къ литературнымъ занятіямъ». Вѣдь

сначала Д. В. обратился къ художеству, и только послѣ долгихъ бросаній въ разныя стороны сдѣлался литераторомъ...

Но какъ бы то ни было, а онъ сдѣлалъ свое дѣло и какъ литераторъ и какъ художникъ.

Въ послѣднемъ выпускѣ Ефронскаго «энциклопедическаго словаря», возродившагося изъ Брокгаузскаго, искаженнаго профессоромъ Андреевскимъ, теперь издающагося вполне удовлетворительно, помѣщена сжатая, но обстоятельная біографія Григоровича съ оцѣнкою его значенія. Съ нѣкоторыми изъ положеній критика, г. Венгерова, нельзя, однако, согласиться. Въ литературной дѣятельности романиста критикъ видитъ «удивительно-яркую иллюстрацію того почти стихійнаго вліянія, которое оказываютъ на всякаго писателя основныя эпохи теченія его формироваія его духовно-нравственнаго существа». Эта достаточно запутанная и вычурная мысль доказывается тѣмъ, что «трудно было бы придумать чело-вѣка, менѣе подходящаго къ тому, чтобы стать отцомъ русской мужицкой беллетристики». Критикъ доказываетъ это и французскимъ воспитаніемъ автора, и страшнымъ трудомъ его на 24-мъ году жизни подбирать слова и выраженія для описанія деревни, которую онъ и зналъ весьма мало. Что Григоровичъ получилъ весьма плохое образованіе и воспиталъ самъ себя, что онъ всю жизнь былъ эстетикомъ и поклонникомъ чистой красоты, что онъ не увлекался, какъ большинство его сверстниковъ, ни Гегелемъ, ни Фурье, ни французскимъ движеніемъ, подготовлявшимъ 1848 годъ, никакими теоріями и «весьма мало подходилъ для роли выразителя той пламенной заботы о благѣ народа, какъ она характеризуется міросозерцаніемъ эпохи Бѣлинскаго», — все это справедливо, но нельзя утверждать, что Григоровичъ написалъ «Деревню» и «Антоня Горемыку» потому, что въ кружкѣ братьевъ Бекетовыхъ ему стало больно за свою отсталость, за то, что онъ не занимался общественными вопросами. Изъ «Воспоминаній» не видно, что этотъ кружокъ оказывалъ на него сильное вліяніе, и появленіе народныхъ рассказовъ Григоровича нельзя приписывать «неотразимому дѣйствию идей, составляющихъ сущность эпохи, какъ бы носящихся въ воздухѣ и впитывающихся молодою душою почти инстинктивно». Вѣдь если эти идеи носились въ воздухѣ, и ими была заражена вся молодежь, отчего же только одинъ Григоровичъ написалъ «Горемыку», эту картину, полную страстной симпатіи къ герою разсказа, жертвѣ безчеловѣчнаго и безправнаго крѣпостничества? Вѣдь для этого нужно было имѣть талантъ, и талантъ недюжинный, и напрасно г. Венгеровъ говоритъ, что «это талантъ по своимъ художественнымъ достоинствамъ второстепенный». Напротивъ, художественное достоинство повѣсти преобладаетъ надъ литературнымъ, какъ и въ другихъ произведеніяхъ автора, котораго потому и можно назвать преимущественно художникомъ-беллетристомъ. «По прочтеніи

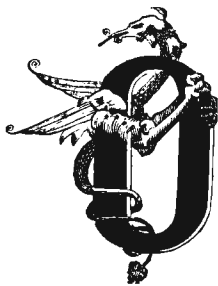
этой трогательной повѣсти,—говорить Бѣлинскій,—въ голову читателя поневолѣ тѣснятся мысли грустныя и важныя». Критикъ по тогдашнимъ условіямъ не могъ высказаться яснѣе, да и въ «Горемыкѣ», нѣтъ прямого протеста противъ крѣпостничества, но въдь самъ же г. Венгеровъ говоритъ, что «историческое значеніе «Антоня Горемыки» вообще не меньше «Записокъ охотника». Не странно ли поэтому утвержденіе, что «Григоровичъ только потому создалъ двѣ перворазрядныя вещи, что въ нихъ ему удалось уловить моментъ и заставить биться, согласно съ собственнымъ сердцемъ, сердцѣ всего, что было въ русскомъ обществѣ хорошаго и честнаго». Въдь какъ ни лови моментъ, если нѣтъ дарованія, ничего не поймашь. Г. Венгеровъ говоритъ, что «когда этотъ моментъ прошелъ, вступивъ въ дальнѣйшій фазисъ поступательнаго движенія, Григоровичъ, не утративъ свойствъ своего первоначальнаго дарованія, уже не могъ идти въ первыхъ рядахъ». Но моментъ этотъ никогда не проходилъ въ русской литературѣ, ожидавшей своего 19-го февраля, также какъ народъ ждалъ своего освобожденія отъ помѣщичьяго гнета, и если послѣдующія произведенія автора слабѣе его двухъ первыхъ рассказовъ, онъ, всетаки, внесъ ими цѣнный вкладъ въ исторію литературы, въ исторію развитія нашего общественнаго сознанія. Добрымъ словомъ упомянуть Дмитрія Васильевича Григоровича не только современники, справлявшіе его юбилей, но и наши потомки.

Вл. Зотовъ.

КРѢПОСТНЫЕ ПРОМЫШЛЕННИКИ И ГОЛОВНЫЕ ТАТИ.

ОДИНЪ родъ тайной промышленности, объектомъ которой была крѣпостная человѣческая душа, читающему люду хорошо извѣстенъ по безсмертному творенію Гоголя. Чичиковъ, взятый хотя бы только какъ скупщикъ мертвыхъ душъ, не исключительная и единичная личность, подмѣченная Гоголемъ между своими современниками, а довольно распространенный типъ крѣпостной эпохи, имѣвшій и своихъ предшественниковъ, и своихъ послѣдователей. Архивныя дѣла нашихъ старыхъ дореформенныхъ судовъ даютъ обширный и богатый матеріалъ для знакомства съ тайной, а иногда и совершенно явной, но противозаконной торговлей человѣческими душами. Продавалась, покупалась, закрѣпощалась не фиктивная, мертвая душа, а подлинная, живая, человѣческая, душа свободного человѣка. То было время, когда человѣка можно было похитить, и при томъ гораздо легче, чѣмъ современному вору кошелекъ изъ кармана оплошного обывателя, и при извѣстной нехитрой сноровкѣ избѣжать за всякой отвѣтственности. Крѣпостное право создало особый родъ такихъ промышленниковъ, которые по смѣлости своихъ торговыхъ операций съ человѣческою душою далеко оставляли за собою свой литературный прототипъ Чичикова. Съ ними мы и хотимъ познакомиться читатели въ этой статьѣ.

Подъ вечеръ, ранней весною 1791 года, по улицамъ города Арзамаса пробирался молодой еще человѣкъ, судя по платью, крестьянинъ. Его можно было принять за пьянаго: шелъ онъ неровной

поступью, тяжело дыша, и произносилъ по временамъ какія-то безсвязныя слова. Мутные глаза его блуждали по сторонамъ, голова горѣла. Шапку свою онъ держалъ въ рукахъ. Впереди, въ начинавшихъ уже сгущаться сумеркахъ, за темнымъ высокимъ бревенчатымъ частоколомъ показался неясный силуэтъ тюрьмы. Мрачныя стѣны тюремнаго зданія какъ будто манили къ себѣ парня, и онъ той же неровной поступью, но рѣшительнѣе зашагалъ къ тюремному частоколу. Здѣсь, у воротъ, онъ грузно опустился на лавку. Голова низко упала на грудь, и шапка, которую онъ только что передъ тѣмъ надѣлъ на голову, свалилась къ ногамъ.

Замѣтивъ посторонняго человѣка, изъ воротъ тюрьмы къ нему вышелъ старый солдатъ-инвалидъ.

— Э-эхъ, грибокъ, упился, сердешный, — участливо обратился онъ къ пришедшему. — Одначе вставай, другъ, здѣсь не мѣсто тебѣ прохладяться, — мѣняя добродушный тонъ, заговорилъ солдатъ и принялся тормошить человѣка за плечо; но тотъ не вставалъ и только торопливо и отрывисто заговорилъ какую-то чушь.

Старый инвалидъ понялъ, что передъ нимъ не пьяный, а очень больной человѣкъ, въ бреду. Онъ поднялъ съ земли шапку, чтобы надѣть ее на голову больнаго. Изъ шапки что-то выпало.

— Оказія, — прошептала солдатъ, разсматривая въ темнотѣ странный предметъ и узнавая въ немъ парикъ. Наклонившись къ больному, онъ разглядѣлъ, что голова у него была гладко выбрита.

— Оказія, — еще съ большимъ недоумѣніемъ и нѣсколько громче промолвилъ солдатъ.

— Эй, съ кѣмъ ты тутъ болтаешь? — послышался изъ темноты отъ воротъ окрикъ сержанта.

— Да вотъ, ваше благородіе, человѣкъ тутъ...

— Слышу... Да что ему здѣсь надо? Укажи ему дорогу.

— Да онъ тово... боленъ дужо... бредитъ, вишь... Да и сумнителенъ, — послѣ нѣкоторой паузы, какъ бы въ раздумьи, проговорилъ солдатъ.

— Гм... А вѣдь это, смотри, бѣглый, — замѣтилъ, разглядывая больнаго, подошедшій сержантъ. — Надо его въ полицейскую должность.

Больнаго отвели въ полицію.

Только черезъ девять дней, 31-го марта, больной пришелъ въ память, и тогда же былъ допрошенъ.

За десять мѣсяцевъ передъ тѣмъ, 21-го іюня 1790 года, проѣздомъ изъ Нижняго Новгорода въ Курскъ, остановился въ Арзамасѣ у знакомаго купца Василя Борисовича Аллилуіева канцеляристъ изъ дворянъ Александръ Гавриловичъ Поповъ.

Аллилуіевъ занимался, между прочимъ, перепродажею помѣщичьихъ крестьянъ. Эта торговля была довольно распространен-

ною между купцами. Не имѣя по закону права ни покупать, ни продавать крѣпостныхъ, они заключали съ владѣльцами душъ, въ обходъ закона, такъ называемыя вѣрющія письма, довѣренности, по которымъ получали право продавать людей; до тѣхъ же поръ, пока купецъ не найдетъ покупателя, онъ пользовался надъ крѣпостными почти всѣми правами, какія предоставлялись закономъ помѣщику. Такимъ образомъ, купцы не только свободно торговали крѣпостными, но и свободно ими владѣли.

Гость и хозяинъ разговорились о торговлѣ крѣпостными. Аллилуѣева интересовалъ этотъ вопросъ, какъ практика, а Попову было что поразсказать, какъ человѣку, на глазахъ котораго совершилось не мало всякихъ хитросплетенныхъ крѣпостныхъ сдѣлокъ въ обходъ закона. Подогрѣтый виномъ, онъ рисовалъ пріятелю, мѣшая были съ небылицами, соблазнительныя картины легкой наживы отъ темныхъ дѣлъ съ крѣпостными душами. А практическій купецъ, подъ болтовню пріятеля, уже обдумывалъ планъ утилизаціи богатаго запаса его наблюдений и знаній въ этой области. Купецъ направилъ разговоръ на практическую почву. Канцеляристъ былъ сговорчивъ, и они на другой день уже разсчитали и обдумали планъ своей кампаніи, а черезъ трое сутокъ ѣхали вмѣстѣ въ городъ Темниковъ къ знакомой Аллилуѣеву помѣщицѣ Корольковой.

У Корольковой, какъ пріятелямъ нашимъ извѣстно было, много крѣпостныхъ числилось въ бѣгахъ. Цѣль поѣздки заключалась въ томъ, чтобы купить у нея крѣпостную бѣглую душу. Съ помѣщицей они сторговались скоро. Покупка имъ стоила дешево, такъ какъ бѣглый для помѣщика составлялъ чистый убытокъ (за него до новой ревизіи надо было платить подати), а надежда на его возвращеніе или поимку была слабая. Душа была приобрѣтена по вѣрющему письму. Оставалось ее продать, въ чемъ и заключался весь смыслъ предпріятія; но такъ какъ душа-то была безплотная, искать же ея владѣльца не входило въ расчеты покупателей, то Поповъ, по сдѣланному заранѣе съ Аллилуѣевымъ уговору, воплотилъ ее на извѣстное время въ себя и съ этого времени называется именемъ купленнаго бѣглаго. Аллилуѣевъ везетъ его въ Тамбовъ.

Подходилъ рекрутскій наборъ. Крѣпостной человѣкъ былъ въ спросѣ, и цѣна на него стояла высокая; время, слѣдовательно, было самое благопріятное для нашихъ промышленниковъ. И дѣйствительно, Аллилуѣевъ скоро нашелъ на Попова покупателя и продалъ его за 580 рублей помѣщику Бѣгичеву. Попова заковали въ цѣпи и отдали до сдачи въ солдаты подъ присмотръ земскаго старосты. Такъ поступали тогда изъ предосторожности со всѣми рекрутами. Лицъ, стоявшихъ на рекрутской очереди, обыкновенно еще задолго до набора подвергали аресту изъ боязни, чтобы они не разбѣжа-

лись. Едва ли въ старину татарскій внезапный набѣгъ сильнѣе пугалъ народъ, чѣмъ пугали его рекрутскіе наборы. Вотъ для примѣра одинъ случай, бывшій въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія въ Арзамасѣ, о которомъ сообщалъ нижегородскому губернатору арзамасскій помѣщикъ графъ Салтыковъ.

Въ базарный день мѣщанскій староста съ отрядомъ сотскихъ отправился «ловить» стоявшихъ на рекрутской очереди мѣщанъ. Кого-то изъ нихъ поймали на базарѣ. Въ народѣ произошла паника. Мужики бросились къ своимъ лошадямъ и, какъ обезумѣвшіе, съ крикомъ «рекрутскій наборъ», погнались изъ города. Спѣшно запряженные лошади распрягались, сдѣлалась давка и невообразимый шумъ; женщины и дѣти подняли вой. Приведенный на продажу домашній скотъ, перепуганный необычнымъ шумомъ и суматохой, метался изъ стороны въ сторону и еще больше увеличивалъ смятеніе. Крикъ, трескъ, плачь, вой, блеяніе, ржаніе слились въ одинъ дикій, страшный вой; будто ураганъ проносился надъ городомъ, и скоро обширная базарная площадь совершенно обезлюдѣла. вмѣстѣ съ крестьянами изъ города много бѣжало дворовыхъ людей отъ жившихъ тамъ помѣщиковъ.

Немудрено, слѣдовательно, что только скованныхъ цѣпями можно было сдавать тогда въ солдаты. Такъ былъ сданъ и Поповъ купившимъ его помѣщикомъ.

Въ солдатахъ онъ пробылъ недолго. Прямая цѣль его была подыскать между рекрутами подходящаго человѣка и пустить его въ оборотъ. Втеченіе мѣсяца, проведеннаго въ полку, Поповъ присмотрѣлся къ товарищамъ по службѣ, намѣтилъ наиболѣе надежнаго изъ нихъ, молодого солдата Архипа Потапова, и сталъ склонять его къ побѣгу. Суровая обстановка казарменной жизни и жестокое обращеніе съ новобранцами помогли Попову; Потаповъ недолго колебался и скоро согласился на его предложеніе, къ тому же Поповъ обѣщалъ ему и денегъ, и паспортъ, съ которымъ можно прожить гдѣ угодно. вмѣстѣ съ нимъ, при содѣйствіи Аллилуева, въ одну ночь они бѣжали. Аллилуевъ заранѣе приготовилъ лошадей и въ ту же ночь съ бѣглецами уѣхалъ въ Пензу.

Аллилуевъ и Поповъ посвятили новаго компаніона въ свои планы и уговорились продать его въ Пензѣ опять же въ рекруты.

Не хотѣлось парню отдавать себя въ новую, хотя и временную, кабалу. Онъ думалъ, что страшное солдатство совсѣмъ осталось позади его, а тутъ опять приходилось идти подъ постоянный страхъ и трепетаніе передъ начальствомъ, отъ котораго онъ и теперь еще не успѣлъ успокоиться. Да и придется ли еще такъ счастливо бѣжать опять? Но дѣлать было нечего, впереди все зависѣло отъ его новыхъ покровителей, а позади стояло преступленіе. Надо было повиноваться.

Покупатель на Потапова скоро былъ найденъ и въ Пензѣ. По тому же вѣрющему письму онъ былъ проданъ за 700 рублей крѣпостному крестьянину генерала Загрядскаго и обыкновеннымъ порядкомъ данъ за его семейство въ солдаты.

Новый побѣгъ стараніями Аллилуіева и Попова былъ также успѣшно приведенъ въ исполненіе. Но Потапову эти мытарства не прошли даромъ: онъ сталъ крайне боязливъ и пугался всякихъ пустяковъ; нашимъ пріятелямъ приходилось съ нимъ нянчиться. Аллилуіевъ купилъ ему для безопасности на голову парикъ. Впрочемъ онъ рассчитывалъ, что парень освоится съ своей ролью, и не думалъ его бросить. Потаповъ былъ смиренъ, не требовалъ почти никакихъ расходовъ и довольствовался маленькими суммами изъ общихъ барышей; Аллилуіеву было это на руку, и онъ мирился съ его недостатками. При томъ же рекрутскіе наборы оканчивались, слѣдовательно было время и отдохнуть, а тамъ и обдумать дальнѣйшія свои дѣйствія.

Рѣшено было на этотъ разъ всѣмъ троимъ ѣхать въ Арзамасъ; но здѣсь, черезъ нѣкоторое время по приѣздѣ, Архипъ Потаповъ заболѣлъ горячкою, и это имѣло роковое значеніе для всей компаніи. 23-го марта подъ вечеръ, никѣмъ не замѣченный, въ безсознательномъ состояніи, онъ вышелъ со двора Аллилуіева.

Сознаніе ли своей вины, тяжесть ли нелегальнаго положенія и потребность выйти изъ него оставили въ мозгу больнаго глубокой слѣдъ и привели его къ воротамъ тюрьмы,—неизвѣстно; только Архипъ Потаповъ, какъ уже мы сказали, былъ здѣсь арестованъ.

Аллилуіевъ въ тотъ же вечеръ узналъ объ его арестѣ и, не ожидая отъ этого ничего хорошаго, забравъ съ собою кое-какое имущество, спѣшно выѣхалъ изъ города, сказавъ своимъ роднымъ, что ѣдетъ на богомолье въ Саровскую пустыню. Въ Арзамасъ онъ болѣе не возвращался. Поповъ же продолжалъ жить въ Арзамасѣ и безопасно кутилъ на выданную ему Аллилуіевымъ незначительную сумму денегъ. Послѣ допроса сознавашагося во всемъ Архипа Потапова, онъ безъ труда былъ разысканъ полиціею и арестованъ.

Практика рекрутскихъ наборовъ въ прежніе годы давала большой просторъ алчнымъ побужденіямъ своекорыстныхъ людей. Если и въ настоящее время не рѣдко приходится слышать о лихоимствѣ при приѣмѣ рекрутъ, то при тогдашнемъ состояніи нравовъ общества это было явленіемъ зауряднымъ; брали взятки и совершали подлоги даже люди, стоявшіе на высшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы.

Въ 1796 году изъ города Макарьева Нижегородской губерніи пропалъ мѣщанинъ Фроловъ.

Но прежде нѣсколько словъ о горожанахъ вообще. Было бы ошибочно думать, что крѣпостное населеніе Россіи, въ широкомъ смыслѣ слова, составляли одни только помѣщичьи крестьяне. Го-

рода наши были также закрѣпощены только не помѣщикамъ, а государству. Кромѣ обыкновенныхъ денежныхъ и многочисленныхъ натуральныхъ повинностей, горожане (купцы и мѣщане) несли еще множество государственныхъ службъ бесплатно. На обязанности ихъ лежала продажа казенной соли, вина, пороха, уксуса, служба въ магистратахъ, словесныхъ судахъ, полиціи, казначействахъ и нѣкоторыя другія. Службы эти занимали массу людей городского населенія, такъ что, на примѣръ, уже въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, когда тягости горожанъ значительно были облегчены сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, въ Нижегородской губерніи были города, гдѣ каждый тяглый горожанинъ изъ трехъ лѣтъ только два года пользовался свободою отъ государственной службы; были и такіе города, гдѣ по малолѣдству (Курмышь) службу несли мальчики 14—17 лѣтъ; даже въ губернскомъ наиболѣе многолюдномъ городѣ горожанинъ изъ шести лѣтъ одинъ состоялъ на службѣ. Все это, взятое вмѣстѣ съ другими повинностями, дѣлало жизнь горожанъ очень тяжелою. Побѣги среди нихъ были такимъ же хроническимъ явленіемъ, какъ и между помѣщичьими крестьянами. Понятно, сами горожане не могли равнодушно относиться къ побѣгамъ, такъ какъ тягло бѣглыхъ ложилось на оставшееся населеніе.

Не осталась не замѣченною жителями города Макарьева и пропажа мѣщанина Фролова. Они какъ-то узнали, что Фроловъ взятъ въ солдаты за крестьянъ села Итманова, Арзамасскаго уѣзда, подъ видомъ крестьянина того села, и подали на итмановцевъ жалобу губернатору. Началось дѣло. Изъ справокъ по документамъ арзамасскаго рекрутскаго присутствія оказалось, что за село поступилъ по общественному приговору крестьянинъ Фроловъ, приписавшійся въ крестьянство изъ мѣщанъ города Макарьева. Въ солдаты его сдалъ уполномоченный отъ общества крестьянъ Ѳедоровъ. Допрошены ли были по этому дѣлу Ѳедоровъ и крестьяне села Итманова, — неизвѣстно; только Ѳедоровъ за отдачу въ солдаты мѣщанина Фролова былъ приговоренъ уѣзднымъ судомъ къ наказанію кнутомъ. Но дѣло это, посланное на ревизію въ нижегородскую палату уголовного суда, признано было тамъ рѣшеннымъ безъ достаточныхъ основаній и было дослѣдовано. Слѣдствіе открыло совершенно новыя обстоятельства дѣла. Изъ допросовъ, сдѣланныхъ Фролову черезъ военное начальство, оказалось, что онъ ничего не зналъ о крестьянахъ села Итманова; онъ продалъ себя тайно отъ своего общества князю Василию Ивановичу Долгорукову, члену арзамасскаго рекрутскаго присутствія, для сдачи въ солдаты. Князь зналъ, что онъ макарьевскій мѣщанинъ. Крестьяне села Итманова тоже, оказалось, никакого Фролова не знали. Повѣренный ихъ Ѳедоровъ показалъ на судѣ, что когда онъ пріѣхалъ въ городъ сдавать въ рекруты своего односельца, то князь Долгоруковъ предло-

жилъ купить ему взаѣнъ своего крестьянина его крѣпостнаго; получивъ согласіе крестьянъ своего общества, Ѳedorовъ заключилъ съ Долгоруковымъ условіе, по которому князь обязался поставить рекрута за 1.040 рублей и вести дѣло по сдачѣ его «на своемъ отчетѣ». Сочинивъ подложный приговоръ отъ имени крестьянъ села Итманова, Долгоруковъ принялъ Фролова въ солдаты, какъ крестьянина села Итманова. За этотъ подлогъ князь возвратилъ только по приговору суда крестьянамъ села Итманова полученные съ нихъ деньги, а съ нихъ былъ взятъ другой рекрутъ.

А вотъ другой экземпляръ промышленника, въ иномъ родѣ и пониже рангомъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія жилъ въ г. Арзамасѣ нѣкто Хрисанеъ Ивановичъ Семеновъ, штабсъ-капитанъ инвалидной команды. По своей должности онъ часто сталкивался съ бѣглыми помѣщичьими крестьянами. Раньше, особенно въ царствованіе императрицы Екатерины II, правительствомъ принимались разныя мѣры къ возвращенію бѣглецовъ; издано было нѣсколько манифестовъ, приглашавшихъ бѣглыхъ возвратиться изъ-за границъ государства, съ правомъ селиться на свободныхъ земляхъ, съ нѣкоторыми льготами въ платежѣ податей, и приписываться къ дворцовымъ волостямъ и городамъ. Этими манифестами и дарованными по нимъ правами пользовались бѣглецы, скрывавшіеся въ предѣлахъ государства: убѣжить крестьянинъ отъ помѣщика, прійдетъ въ городъ и объявить, что онъ—бѣглый, выходецъ изъ-за границы. Купить снисходительность чиновниковъ стоило не дорого, и такой бѣглый безъ особенныхъ формальностей приписывался къ мѣщанамъ города. Но время дѣйствія манифестовъ кончилось, между тѣмъ желающіе перемѣнить жизнь въ бѣгахъ на жизнь законную, осѣдлую были. Спросъ создавалъ предложеніе: являлись люди, которые пристраивали этихъ бездомныхъ скитальцевъ, но ужъ, конечно, не изъ состраданія. Такимъ былъ и Семеновъ. Въ средѣ бѣглыхъ онъ пользовался извѣстностью и популярностью, и къ нему шли они безбоязненно. Семеновъ назначалъ цѣну, бѣглые торговались, а по окончаніи сдѣлки онъ выдавалъ имъ отпускныя письма: отпускалъ на волю, какъ своихъ крѣпостныхъ. Долгое время все шло благополучно; но вотъ, въ одно время, въ 1823 году, въ арзамасскомъ городническомъ правленіи полученъ былъ изъ костромской удѣльной конторы запросъ, въ которомъ говорилось, что двое холостыхъ крестьянъ обратились въ удѣльную контору съ просьбою приписать ихъ въ удѣльное вѣдомство, причемъ представили отпускныя письма, данныя имъ г. Семеновымъ. Въ отпускныхъ сказано, что эти крестьяне «дошли» Семенову по купчей отъ штабсъ-капитана астраханскаго гренадерскаго полка Ефремова, а ему—по купчей же отъ капитанши Вѣры Козловой, за которою и писаны по 7 ревизіи при ея домѣ

въ Москвѣ, Прѣсененской части, № 420. По сношенію съ московской казенной палатой оказалось, что эти собственные имена купчей вымышлены. Удѣльная контора просила поэтому отобрать справку объ отпущенныхъ Семеновымъ крестьянахъ отъ него самого. Семеновъ этимъ требованіемъ былъ захваченъ врасплохъ и отвѣтилъ, что такихъ людей, о которыхъ спрашиваютъ, у него никогда не было, и не только имъ, но и никому вообще никогда никакихъ отпускныхъ онъ не давалъ. Ему представлены были подлинныя отпускныя, не признать которыхъ было нельзя, и онъ слѣдующимъ наивнымъ образомъ объясняетъ первый свой отвѣтъ: «Ошибки свойственны каждому человѣку, имѣющему необширную память; а потому и могъ я неумышленно запомнить тѣ обстоятельства, о которыхъ былъ спрашиванъ, за долгопрошедшимъ временемъ (3 года), и написалъ совершенно противное тому, какъ есть въ настоящемъ событіи». Но объясненій «событію» Семеновъ, всетаки, никакихъ не далъ. Вслѣдъ за первымъ изъ разныхъ учреждений стали поступать новые запросы по поводу лицъ, отпущенныхъ Семеновымъ на волю. Надъ штабсъ-капитаномъ собиралась гроза, но... тучи какимъ-то волшебствомъ разсѣялись: дѣло о Семеновѣ было прекращено безъ всякихъ объясненій и сдано въ архивъ.

Перейдемъ теперь къ похитителямъ душъ.

Въ 1783 году въ нижегородское мѣщанское общество приписался, на основаніи манифеста, бѣглый дворовый человѣкъ ярославской помѣщицы, Андрей Васильевъ. Въ Нижнемъ онъ женился, и у него родились два сына—Михаилъ и Петръ.

Если не легко жилось въ городахъ и кореннымъ горожанамъ, имѣвшимъ свое хозяйство и промыслы, то еще тяжелѣе этимъ пришельцамъ, по большей части, не имѣвшимъ никакой собственности. Они были подъ строгимъ надзоромъ общества; имъ не выдавались паспорта для отлучекъ на заработки, изъ боязни, чтобы они не разбѣжались; между тѣмъ на нихъ полностью налагались всѣ тягости горожанъ. Немногіе были въ силахъ нести ихъ и снова бѣжали, разочарованные въ своихъ надеждахъ отдохнуть отъ бездомнаго скитанья.

Въ 1787 году бѣжалъ и Андрей Васильевъ. Дѣтей своихъ онъ отдалъ крестьянину подгородной деревни Монастырки Улитину, крѣпостному барона А. Н. Строганова, заключивъ съ нимъ условіе, чтобы дѣти, по достиженіи совершеннолѣтія, могли безпрепятственно оставить, если захотятъ, домъ Улитина, а до этого времени жили бы или у него, или въ услуженіи у кого либо изъ городскихъ жителей, какихъ Улитинъ найдетъ имъ. Жена Андрея Васильева умерла въ 1789 году.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Осенью 1799 года нижегородскому городскому головѣ Костромину случилось быть въ г. Балахнѣ.

Приходитъ къ нему въ это время молодой, лѣтъ 20, парень въ изодранномъ кафтанѣ и съ обвязанными тряпичей руками; пришелъ онъ къ Костромину съ слезной просьбой защитить его отъ нѣкоего секундъ-маіора Евграфа Алексѣевича Лебедева. Парень зналъ, что Костроминъ человекъ сильный и даже лично извѣстенъ самой императрицѣ, а потому къ нему именно и пришелъ съ своей просьбой, узнавъ, что онъ въ Балахнѣ. Онъ рассказалъ ему, что отецъ его Андрей Васильевъ—нижегородскій посадскій; что самъ онъ жилъ съ малолѣтства въ услуженіи у разныхъ людей, но какимъ-то образомъ имъ завладѣлъ Лебедевъ и держитъ въ оковахъ на своемъ стеклянномъ заводѣ близъ Балахны; что отъ оковъ его освободили только надняхъ, и то потому, что во время работъ на заводѣ онъ обварилъ себѣ руку и пришелъ въ Балахну, чтобы взять у лекаря пластыря, а здѣсь случайно узналъ о пребываніи нижегородскаго городского головы и пришелъ къ нему искать защиты, какъ «принадлежащій человекъ магистрату нижегородскому».

По совѣту Костромина, Михаилъ Андреевъ,—такъ звали парня,—изъ Балахны прямо пошелъ въ Нижній и обратился съ своей просьбой въ магистратъ. Здѣсь онъ рассказалъ длинную и печальную повѣсть о томъ, какъ онъ жилъ у разныхъ людей въ батракахъ, будучи передаваемъ хозяиномъ своимъ Улитинымъ отъ одного къ другому. Сначала онъ жилъ у разныхъ купцовъ въ Нижнемъ, потомъ попалъ въ вожатые къ слѣпому нищему, отъ него переданъ въ пастухи и служилъ по лѣтамъ въ разныхъ деревняхъ, а по зимамъ у Улитина, который посылалъ его съ сумой по міру; наконецъ, Улитинъ отдалъ его нижегородскому мѣщанину Кузнецову, у котораго онъ и прожилъ лѣтъ девять. Но вотъ, въ одно время, пріѣзжаетъ къ Кузнецову г. Лебедевъ, и парню объявляютъ, что онъ—его крѣпостной. Михаилъ Андреевъ зналъ о своемъ происхожденіи, слыхалъ о своемъ отцѣ; у него живъ еще былъ крестный отецъ, отставной солдатъ, и понятно, онъ не хотѣлъ признать себя крѣпостнымъ какого-то неизвѣстнаго барина. Парня заковали по рукамъ и по ногамъ въ цѣпи и отправили на стеклянный заводъ.

Вызваны были въ судъ: солдатъ Брюзгинъ, крестный отецъ Михаила Андреева, Улитинъ и Кузнецовъ. Брюзгинъ и Улитинъ подтвердили сказанное на судѣ Михаиломъ Андреевымъ; Улитинъ представилъ условіе съ отцомъ своего воспитанника и заявилъ при этомъ, что Кузнецову онъ отдалъ его съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующую ревизію записать Михаила Андреева въ нижегородскіе мѣщане.

Казалось, положеніе Кузнецова въ начавшемся процессѣ становилось критическимъ, но не такъ думалъ самъ онъ и, кажется, имѣлъ на то свои основанія.

— Никогда и никакого человекъ отъ Улитина я не получалъ,—сказалъ онъ на допросѣ,—«но только оный Михайла препоручень

былъ мнѣ г. майоромъ Евграфомъ Алексѣевичемъ Лебедевымъ для услугъ; но по невоздержной его жизни реченный господинъ приказалъ его послать на свой стеклянный заводъ для работъ».

Вслѣдъ за этимъ, переходя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, Кузнецовъ подаетъ въ нижегородскую полицію явочное челобитье, въ которомъ пишетъ, что г. Лебедевъ 21-го февраля 1800 г. прислалъ къ нему довѣренность на продажу своего крѣпостнаго человѣка Михаила Андреева; а какъ ему извѣстно, что человѣкъ этотъ въ бѣгахъ и въ настоящее время живетъ въ Нижнемъ, то и проситъ арестовать его. По уходѣ изъ Балахны, Михаилъ Андреевъ все время жилъ въ Нижнемъ и здѣсь определенъ былъ городскимъ головою, какъ человѣкъ грамотный, въ писчики городской думы. По челобитью Кузнецова, его заключили подъ стражу, какъ бѣглаго крѣпостнаго. При своемъ челобитьи Кузнецовъ представилъ копію съ довѣренности, данной ему Лебедевымъ, и съ купчей крѣпости, заключенной Лебедевымъ съ извѣстнымъ богатымъ нижегородскимъ помѣщикомъ княземъ Георгіемъ Александровичемъ Грузинскимъ. Въ этой купчей сказано, что Грузинскій продалъ Лебедеву своего крѣпостнаго крестьянина изъ села Лыскова Михаила Андреева, записаннаго за нимъ по пятой ревизіи, на свозъ, безъ земли, за 25 рублей.

Началась медленная переписка между присутственными мѣстами и справки по сказкамъ 5-й ревизіи. Отецъ Михаила Андреева по этой ревизіи оказался записаннымъ по Нижнему Новгороду въ безвѣстно пропавшихъ. Въ сказкахъ, поданныхъ отъ Грузинскаго, оказалось нѣсколько человѣкъ, называвшихся Михаилами Андреевыми, болѣе или менѣе подходившими по своимъ лѣтамъ къ возрасту спорнаго человѣка. Судь почему-то все свое вниманіе обратилъ на эти сказки и, искренно или нѣтъ, остановился предъ ними въ недоумѣніи. Дѣло затягивалось и грозило надолго попасть въ разрядъ нерѣшенныхъ; но въ судьбѣ Михаила Андреева принялъ участіе голова Костроминъ, который просилъ также оказать свое давленіе на судъ нижегородскаго губернатора. Губернаторъ нѣсколько разъ побуждалъ магистратъ къ скорѣйшему рѣшенію дѣла, но оно, всетаки, не двигалось; наконецъ, въ февралѣ 1802 года, онъ категорически потребовалъ, чтобы дѣло рѣшено было безъ малѣйшаго промедленія, причемъ предлагалъ не обращать вниманія на сказки 5 ревизіи, такъ какъ свидѣтельскими показаніями совершенно удостовѣрено, что Михаилъ Андреевъ—сынъ нижегородскаго мѣщанина.

Незадолго передъ полученіемъ послѣдняго предписанія губернатора, магистратъ обратился къ князю Грузинскому съ просьбою доставить свѣдѣніе, который именно изъ крестьянъ его, названныхъ въ сказкахъ Михаилами Андреевыми, проданъ имъ г. Лебедеву, и кто его родители. Но князь, имѣя свои основанія скры-

вать отъ такихъ изслѣдователей родословіе крѣпостныхъ своей вотчины, на половину населенной темными людьми ¹⁾, не далъ, конечно, этихъ свѣдѣній; а такъ какъ, дѣло, всетаки, требовало рѣшенія, то онъ и пожертвовалъ великодушно для этой цѣли нѣсколькими рублями и весьма просто разрѣшилъ суду его задачу: князь Грузинскій купилъ у Лебедева Михаила Андреева и выдалъ ему 30-го сентября 1803 г. отпускную.

Злосчастнаго мѣщанина, все время, пока тянулось дѣло о немъ, содержавшагося въ тюрьмѣ, выпустили наконецъ на свободу и причислили къ нижегородскому мѣщанству, какъ отпущеннаго на волю крѣпостнаго крестьянина князя Грузинскаго. Братъ же его Петръ, записанный уже по 5 ревизіи въ семьѣ крестьянина Улитина за барономъ Строгановымъ, также былъ изъятъ изъ крѣпостнаго состоянія и записанъ въ мѣщанство, но какъ сынъ нижегородскаго мѣщанина.

Такъ легко можно было въ то печальной памяти время свободному человѣку сдѣлаться рабомъ и попасть на цѣпь. Помогъ случай, заступились сильные люди—выпустили; но не часто для искавшихъ похищенную свободу такъ благопріятно складывались обстоятельства и находились покровители, и еще рѣже тать получалъ за свои дѣянія должную кару. Даже и тогда, когда фактъ преступнаго закрѣпощенія бывалъ точно констатированъ судомъ, виновный не преслѣдовался имъ или, самое большее, подвергался только денежному взысканію.

Нѣкто подпоручикъ П. В. Алексѣевъ въ концѣ прошлаго столѣтія увезъ изъ г. Гродно въ Москву лѣтъ 10-ти мальчика Антона Мухаревскаго, жившаго тамъ въ ученикахъ у сапожника. Въ Москвѣ онъ продалъ его прапорщику Зыбину, а Зыбинъ отослалъ въ свое помѣстье, въ Васильскій уѣздъ Нижегородской губерніи. Проживъ здѣсь лѣтъ девять, Мухаревскій, хотя и смутно, но помнившій еще свое дѣтство и своего отца мѣщанина, вздумалъ искать освобожденія изъ владѣнія Зыбина и въ 1804 году подалъ въ васильскій уѣздный судъ прошеніе въ этомъ смыслѣ. На требованіе уѣзднаго суда доставить документы на владѣніе Мухаревскимъ, Зыбинъ представилъ купчую крѣпость, заключенную имъ на Мухаревскаго съ Алексѣевымъ. Въ купчей крѣпости сказано, что Мухаревскій купленъ Алексѣевымъ у помѣщицы Приклонской, изъ села Корелова, Серединскаго уѣзда, Могилевской округи. По справкамъ въ Могилевской губерніи не оказалось ни села Корелова, ни уѣзда Серединскаго, ни самой помѣщицы Приклонской. «По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, — заключаетъ уѣздный судъ, — оный

¹⁾ Въ с. Лысковѣ и теперь есть много крестьянъ, имѣющихъ по двѣ, по три и даже по четыре фамиліи. Все это потомки бѣглыхъ, которыхъ приютить князь Грузинскій въ своихъ владѣніяхъ.

Мухаревскій въ помѣщичьемъ владѣніи находится ни мало не долженъ, а слѣдуетъ ему принадлежать къ числу казенныхъ поселенъ». Зыбину же предоставлено право взыскать съ Алексѣева деньги, уплаченные имъ за Мухаревскаго. И только.

Незаконному насильному закрѣпощенію особенно часто подвергались женщины. Головные тати съ ними церемонились еще меньше и даже не всегда дѣйствія свои прикрывали подложными документами.

Въ 1751 году нижегородскій помѣщикъ Н. Толстой, состоя въ военной службѣ, сманилъ и увезъ съ собою жену однодворца изъ села Карачанъ, Воронежской губерніи, Поваляеву. Около года Поваляева жила съ Толстымъ и кочевала вмѣстѣ съ нимъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, наконецъ, очевидно надоѣла ему, при томъ же забеременѣла, и онъ привезъ ее въ свое помѣстье. Здѣсь Толстой сдалъ Поваляеву на руки старостѣ и велѣлъ ее выдать замужъ за своего крѣпостнаго, а самъ возвратился на службу. Мужъ Поваляевой, крѣпостной Толстаго, умеръ, оставивъ двухъ дочерей и одного сына. Будучи вдовою, она родила еще сына. Двухъ дочерей ея и старшаго сына, рожденнаго до замужества съ крѣпостнымъ, Толстой продалъ, а вслѣдъ за тѣмъ продалъ и Поваляеву сосѣднему помѣщику за 11 рублей и четверть пшеницы. Новый помѣщикъ также выдалъ Поваляеву замужъ за своего крестьянина. Жить здѣсь стало ей тяжело. Плохо жилось и проданнымъ дѣтямъ ея. Было у Поваляевой нѣсколько денегъ, которыя она скопила, живя у Толстаго, и на нихъ она выкупила на волю одну изъ своихъ дочерей; потомъ, въ 1780 году, и сама подала прошеніе губернатору объ освобожденіи изъ рабства съ остальными дѣтьми. Дѣло протянулось четыре года. Первый мужъ Поваляевой, однодворецъ, оказался еще живымъ. И вотъ въ княгининскомъ уѣздномъ судѣ состоялось по этому дѣлу такое рѣшеніе: «означенную женку, для отсылки въ воронежское намѣстничество къ бытію въ замужествѣ за однодворцемъ Кузьмою Ѳедоровымъ Поваляевымъ, отослать въ нижегородское намѣстническое правленіе». Дѣти ея, за исключеніемъ старшаго, признаннаго рожденнымъ Поваляевою отъ перваго ея мужа однодворца, оставлены были въ крѣпостномъ состояніи.

Для характеристики судопроизводства особенно интересенъ слѣдующій случай «отысканія воли».

Вдова Анна Иванова, крестьянка экономического вѣдомства, въ 1785 году вступила въ незаконное сожитіе съ крестьяниномъ выморочной деревни Шатовки Родіономъ Григорьевымъ. Прожила она съ нимъ лѣтъ 17. Въ это время деревня Шатовка поступила во владѣніе помѣщика Ѳ. Я. Авдѣева, оказавшагося наслѣдникомъ бывшихъ ея владѣльцевъ. Родіонъ Григорьевъ умеръ, и вотъ Анна Иванова жалуется арзамасскому уѣздному суду:

«Неожиданно открылось къ великому моему прискорбію, что нынѣ владѣющій деревнею Шатовкою г. Авдѣевъ, увидя, что я ему не прочна и не крѣпка, дѣлаеть мнѣ великое гоненіе, и, ощущая себѣ таковое, жить болѣе у него не намѣрена»; а такъ какъ г. Авдѣевъ добровольно ея не отпускаеть, то она и просить судъ освободить ее вмѣстѣ съ сыномъ. Началось обыкновеннымъ порядкомъ слѣдствіе. Авдѣевъ заявилъ суду, что Анну Иванову онъ считаетъ своею крѣпостною и женою Григорьева, потому что она показана его женою въ ревизскихъ сказкахъ; кѣмъ же она вѣнчана, не знаетъ, а знать объ этомъ долженъ приходскій священникъ села Хохлова. По справкѣ въ духовномъ правленіи съ метрическими записками села Хохлова оказалось, что «хотя бракъ Родіона Григорьева со вдовою Анною Ивановою 1785 года въ книгу всѣхъ брачующихся и записанъ, но ни мѣсяца, ни числа, въ которое обвѣнчаны они, не показано; да и таковое написаніе сего брака въ концѣ прочихъ, по примѣчанію, сдѣлано послѣ, другими чернилами и другою рукою. При всемъ же томъ и самый метрическій списокъ никакимъ и ничьимъ подписаніемъ не утвержденъ, написанъ неисправно, на одномъ полулистѣ и безъ третьей о смерти части, и затѣмъ вѣроятности не заслуживаетъ». Священникъ села Хохлова Алексѣевъ на судѣ показалъ, что въ метрическомъ черновомъ спискѣ «въ концѣ всѣхъ брачующихся приписанъ бракъ Григорьева съ Ивановою назадъ тому другой годъ, безъ означенія мѣсяца и числа, послѣ подачи за тотъ годъ подлинной метрической книги, потому единственно, что какъ оный бракъ вѣнчанъ былъ не имъ, а священникомъ Ардатовской округи, села Ыздакова, Михаиломъ Ивановымъ, уже умершимъ, о чемъ онъ отъ того священника и слышалъ»; извѣстно также ему, что при бракѣ были дружка, которому имени онъ не знаетъ, и сваха, по прозванію Дробова, оба изъ села Орѣховца. По наведеннымъ справкамъ въ Орѣховцѣ прозванія Дробовой никто не слышалъ.

Вотъ и всѣ данныя, добытыя слѣдствіемъ по этому дѣлу. И не смотря на то, что на основаніи этихъ данныхъ бракъ Ивановой съ Родіономъ Григорьевымъ представляется болѣе чѣмъ сомнительнымъ, нижегородскимъ губернскимъ правленіемъ и консисторіею онъ признанъ совершеннымъ. Признаніе брака было обосновано, между прочимъ, и на томъ, что Анна Иванова не могла доказать «небытія онаго».

Не менѣе любопытно какъ само по себѣ, такъ и въ смыслѣ характеристики судебныхъ нравовъ и приводимое ниже дѣло объ «усильномъ укрѣпленіи», производившееся въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Къ нижегородскому губернатору обратилась солдатка Анна Потапова, бывшая крѣпостная московской помѣщицы Философовой, съ просьбою освободить ее отъ генераль-маіора Баженова, которому

она была насильно продана, вмѣстѣ съ своими дѣтьми, арзамасскимъ помѣщикомъ Аркадіемъ Бабушкинымъ, когда жила у него по найму въ работницахъ. Просьба Потаповой была передана губернаторомъ въ арзамасскій уѣздный судъ. На предложеніе суда доставить объясненіе по поводу жалобы Потаповой, Бабушкинъ увѣдомилъ судъ, что Потапова никогда у него въ работницахъ не жила, а жила въ его деревнѣ Коноплянкѣ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, а его крѣпостнымъ дворовымъ человѣкомъ Нефедомъ Зиновьевымъ, и какъ крѣпостная—въ полномъ повиновеніи; что вмѣстѣ съ ихъ дочерью они куплены были имъ въ 1805 году у полковника Наумова, а въ 1809 году проданы г. Баженову. При этомъ объясненіи представлена была Бабушкинымъ и копія съ купчей крѣпости, заключенной съ Наумовымъ. Затребовано было черезъ нижегородское губернское правленіе объясненіе по этому дѣлу отъ полковника Наумова, жившаго въ Москвѣ; но это требованіе постигла странная участь; цѣлыхъ девять лѣтъ прошло, не одинъ десятокъ повтореній былъ написанъ, а отвѣта никакого не получалось изъ Москвы; наконецъ, на десятый годъ московское губернское правленіе пишетъ, что по справкамъ изъ документовъ правленія никакого запроса о Наумовѣ тамъ не оказалось, и что полковникъ Наумовъ изъ Москвы выѣхалъ.

Послѣ этого о Наумовѣ больше не спрашивали и его уже не искали. Между тѣмъ вотъ что показала на судѣ Нефедъ Зиновьевъ: «Я холостъ; прежде былъ дворовымъ г. Наумова и жилъ изъ оброка въ Москвѣ; въ это время у меня была въ работницахъ солдатка Анна Потапова, но потомъ отъ меня ушла, и я остался ей за работу долженъ. Въ 1805 г. я былъ г. Наумовымъ проданъ Бабушкину; узнавъ объ этомъ, Анна Потапова пришла къ нему на квартиру и требовала съ меня долгъ; г. Бабушкинъ далъ мнѣ на расплату съ ней денегъ и, между тѣмъ, уговорилъ ее ѣхать къ нему въ работницы; она согласилась и перешла къ нему на квартиру; а послѣ отъ него, обще со мною, за законную жену мою, продана г. майору Баженову, но женать я, Зиновьевъ, на ней, солдаткѣ, никогда не былъ».

По этому несложному дѣлу 15-го мая 1820 года состоялось слѣдующее опредѣленіе уѣзднаго суда.

«Изъ обстоятельствъ онаго дѣла видно, что проданная г. Наумовымъ... Бабушкину, а имъ... г. Баженову съ дворовымъ человѣкомъ Нефедомъ Зиновьевымъ женка Анна Потапова есть дѣйствительно солдатка..., что явствуетъ изъ показаній оной Потаповой, Зиновьева и помѣщицы Философовой..., а сіе и открываетъ, что г. Наумовъ, при продажѣ г. Бабушкину двороваго человѣка Нефедъ Зиновьева, женку Анну Потапову назвалъ его женою въ купчей несправедливо и продалъ ее Бабушкину, ему, Наумову, не принадлежащую. Что же касается до дѣтей ея—сына Александра и до-

чери Пелагеи, изъ коихъ первый и рожденъ ею во время проживанія у г. Бабушкина, слѣдовательно оба сіи дѣти... воспитались коштомъ и иждивеніемъ его, г. Бабушкина, къ тому же и по ревизіи они написанными значились за нимъ, а по послѣдней, седьмой, за г. Баженовымъ, а по симъ обстоятельствамъ судъ сей и постановляетъ: женкѣ Аннѣ Потаповой, какъ солдаткѣ, предоставить свободу, а дѣтей, рожденныхъ ею, будучи солдаткою..., оставить въ настоящемъ ихъ владѣніи, гдѣ кто по ревизіи записанъ и, прекратя всякую о нихъ переписку, оставить за г. Бабушкинымъ, а по продажѣ ихъ за г. Баженовымъ.

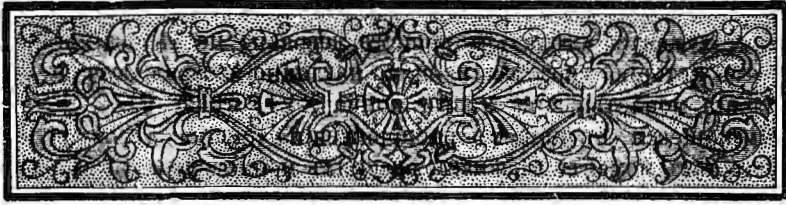
Это постановленіе суда было утверждено губернскимъ прокуроромъ.

Любопытно, что судъ, основывая свое заключеніе о солдаткѣ Аннѣ Потаповой главнымъ образомъ на показаніи Нефёда Зиновьева, что она ему не жена, въ то же время совершенно игнорируетъ ту часть его показаній, гдѣ онъ говоритъ, что Бабушкинъ взялъ ее къ себѣ въ работницы, какъ свободную, а не купилъ вмѣстѣ съ нимъ у Наумова, поэтому и не могъ, конечно, считать ее женою Зиновьева, и, стало быть, продавъ ее за такую Баженову, совершилъ подлогъ. Дальнѣйшее постановленіе суда основано уже только на купчей крѣпости, подлинность которой является по слѣдствію весьма сомнительной (не даромъ же судъ съ такимъ непонятнымъ равнодушіемъ относился къ вопросу о разысканіи Наумова). Интересно также, что, признавъ Анну Потапову насильно закрѣпощенною, уѣздный судъ дѣтей ея оставилъ въ крѣпостномъ состояніи.

Почти во всѣхъ приведенныхъ нами случаяхъ незаконныхъ дѣяній надъ человѣческой душою особенно бросается въ глаза одна черта—это крайняя беззащитность и замѣчательная простота, съ какими они совершались. И уже это одно позволяетъ сдѣлать заключеніе, не громоздя одинъ на другой подобные факты, какіе въ изобиліи дасть намъ каждый провіціальный архивъ, что указанныя печальныя исторіи были явленіемъ совершенно обычнымъ въ жизни и длинной вереницей тянулись черезъ крѣпостную эпоху. А законъ дремалъ или равнодушно смотрѣлъ на эти печальныя жертвы, часто бессильный защитить ихъ: вѣдь и онъ находился въ крѣпостномъ состояніи у помѣщиковъ.

В. Снѣжневскій.

ИГУМЕНЪ СПАССКАГО МОНАСТЫРЯ АВРААМІЙ.

(Очеркъ монастырскаго быта конца XVII столѣтія).

ВЪ НАШЕЙ литературѣ слишкомъ мало разработана исторія внутренней жизни русскаго монашества второй половины XVII вѣка, которая, по нашему мнѣнію, можетъ быть освѣщена до желательной степени только путемъ широкаго и совершенно свободнаго извлеченія на свѣтъ относящихся сюда разнаго рода документовъ. «Считать исторію монашества, по словамъ профессора Н. Я. Аристова («Древняя и Новая Россія» за 1878 годъ, № 5), неприкосновенной для изслѣдованія и для обнародованія можетъ только ханжа-монахъ, которому неприятна повѣсть о нравственномъ униженіи человѣка, а, пожалуй, и невѣжда, не имѣющій понятія о широкомъ и откровенномъ отзывѣ нашихъ предковъ насчетъ злоупотребленія людей ангельскимъ образомъ; впрочемъ, можетъ соединиться то и другое вмѣстѣ».

Предлагаемый очеркъ составленъ нами на основаніи производимаго въ 1696—1698 годахъ, въ казенномъ приказѣ митрополита сарскаго и подонскаго, «суднаго дѣла о разнаго рода безчинствахъ и неистовствахъ Воротынскаго Спасскаго монастыря игумена Авраамія»¹⁾. Сохранившіеся, хотя далеко и не въ полномъ

¹⁾ Изъ коллекціи рукописей И. Д. Бѣляева, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ за № 1037 по общему каталогу, или за № 110/1 по описанію рукописей Бѣляева (А. Викторовъ, Москва, 1881 г., стр. 98).

видѣ, документы «дѣла» въ общемъ довольно послѣдовательно передаютъ исторію Авраамія и очень наглядно изображаютъ порядки и условія монастырской жизни конца XVII вѣка.

Имѣющееся въ нашемъ распоряженіи «судное дѣло» характеризуетъ тотъ моментъ въ жизни русскихъ монастырей, когда идеалы древне-русскаго монашества постепенно становились достояніемъ исторіи, и когда на смѣну ихъ все болѣе и болѣе стали пробиваться въ жизни другіе «идеалы»... Дѣло въ томъ, что въ то время многіе шли въ монастырь не по влеченію къ уединеннымъ подвигамъ ради исканія «царствія Божія», а зачастую поступали туда по нуждѣ, вслѣдствіе какихъ либо стѣснительныхъ обстоятельствъ. Само собою понятно, что такія лица, чуждые чисто духовно-нравственныхъ цѣлей, и въ монастырѣ направляли свою жизнь по теченію мірской волны. Отсюда, монашеская жизнь конца XVII вѣка далеко отклонилась отъ тѣхъ строгихъ правилъ духовнаго міросозерцанія и суроваго византійскаго аскетизма, которыя завѣщаны были благочестивыми подвижниками египетскихъ и палестинскихъ пустынь: мысль монашествующаго брата о Богѣ затерялась и исчезла въ суетныхъ поискахъ за мірскими благами, удобствами и удовольствіями; молитвенный вопль кающейся души замиралъ и гложь среди мірскихъ страстей; о строгой аскетической жизни, о неусыпной молитвѣ, о «постоянномъ дѣланіи» на спасеніе своей души, о смиреніи тогда и помину не стало. Не даромъ Петръ Великій въ дополненіи къ «Духовному регламенту»¹⁾ такъ отзывался о современномъ ему монашествѣ: «Чинъ, наипаче монашескій, который въ древнія времена былъ всему христіанству, яко зеркало и образъ покаянія и исправленія, во времена сія во многая безчинія развратися». И это обвиненіе монашества далеко не голословное: подтвержденіе ему давала сама жизнь. Собирая доходы съ своихъ вотчинъ, а потомъ и со всѣхъ православныхъ христіанъ способами, разсчитанными на ихъ вѣру и любовь къ той или другой святынѣ, монастырская корпорація конца XVII вѣка явно стремилась къ роскоши и довольству, и потому устроила свою жизнь такъ, что постепенно устранила свою братію отъ всякаго труда, кромѣ официально показной молитвы. Все это и породило извѣстное «благолѣпіе» монашескаго житія въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ. Праздность, которою такъ богаты были тогда почти всѣ русскіе монастыри, и довольство до избытка всѣми предметами насущныхъ потребностей способствовали уклоненію монашествующей братіи съ праваго пути: братъ о Христѣ Исусѣ при всякомъ удобномъ случаѣ рвался изъ-за монастырскихъ стѣнъ въ міръ «для гулянья». Разгулъ братіи, какъ это и всегда бываетъ, выражался пьянствомъ, буйствомъ и даже смертоубійствомъ, такъ что для мо-

¹⁾ Полн. Собр. Законовъ, т. VI, стр. 708, № 4022, отъ 31 мая 1722 г.

настырей явилась необходимость обзавестись нѣкоторыми «мѣрами кротости и воздержанія» въ видѣ «тюремныхъ избъ», цѣпей и плетей, чтобы при дѣятельномъ участіи этихъ пособниковъ поворотить заблудшую братію отъ растлѣннаго во грѣхахъ міра къ Богу и заставить ее исполнять свои обѣты. Впрочемъ, мѣры «пристрастія» не достигали своей цѣли: не заставишь насильно молиться того, въ комъ нѣтъ и желанія, и внутренняго содержанія для молитвы, и «умнаго дѣланія», и къ кому давно уже, подъ хмельную руку, стали понавѣдываться «бѣсы» во образѣ полногрудыхъ «прелестницъ». Необходимо имѣть еще въ виду и то обстоятельство, что самыя власти монастырскія, на обязанности которыхъ лежало словомъ и дѣломъ руководить братію на пути монашескихъ добродѣтелей, сами профанировали эти добродѣтели: «аще будутъ въ духовномъ чину люди неученые, въ писаніи неискусные и вѣры христіанской всесовершеннаго основанія невѣдущіе и воли Божіей не разумѣющіе, къ тому же аще будутъ пьяницы и инаго всякаго безумія и безчинства наполнены, то благочестивая вѣра вся исказится и весьма испразднится»¹⁾.

I.

Спасскій монастырь (въ настоящее время церковь села Спаса, что на устьѣ рѣки Угры, при слияніи послѣдней съ рѣкою Окою, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Калуги) основанъ въ десятихъ годахъ XVI столѣтія княземъ Дмитріемъ Ѳеодоровичемъ Воротынскимъ, который въ 1493 году перешелъ изъ Литвы въ подданство великаго князя московскаго²⁾. Отъ древней обители остались два храма (во имя Преображенія Господня и во имя Введенія Пресвятыя Богородицы), архитектура³⁾ которыхъ замѣчательна своимъ яснымъ отпечаткомъ старины, особенно способомъ кладки стѣнъ и столпообразной формой одного изъ храмовъ. 15-го іюля 1665 года Спасскій монастырь былъ приписанъ къ Крутицкому архіерейскому дому; съ 1725 года запустѣлъ, хотя еще и числился домовою вотчиной крутицкихъ владыкъ до третьей четверти XVIII вѣка, а въ 1764 году, въ силу новыхъ духовныхъ штатовъ, былъ упраздненъ.

Настоятельство въ Спасскомъ монастырѣ было игуменское⁴⁾. Предшественникомъ нашего Авраамія былъ о. Кирилль. Самъ игу-

¹⁾ И. Посошковъ, Книга о скудости и богатствѣ, гл. I, стр. 10.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ нашемъ изслѣдованіи о Воротынскомъ Спасскомъ монастырѣ, напечатанномъ въ № 8 «Калужск. Епарх. Вѣдомостей» за 1891 г.

³⁾ Довольно подробно она описана покойнымъ арх. Леонидомъ. См. Чтенія въ обществѣ исторіи и древн. Россійскихъ, 1863 г., кн. I, стр. 97—101.

⁴⁾ Имена игуменовъ см. у П. М. Строева въ его «Спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей», Спб., 1877 г., стр. 587, № 19.

менъ Авраамій, какъ видно изъ «суднаго дѣла», былъ сначала въ Спасскомъ монастырѣ казначеемъ и на должность игумена попалъ не безъ происковъ: бывшій староста, крестьянинъ «Артошка» Мироновъ, показывалъ въ митрополичьемъ казенномъ приказѣ, что «игуменъ Авраамей, что прежь сего бывалъ казначеемъ, просилъ у него заручной челобитной, чтобъ ему быть въ монастырѣ игуменомъ, и давалъ денегъ 20 рублей да хлѣба 10 четвертей». Происхождение Авраамія нельзя опредѣлить съ точностію. Впрочемъ, въ «судномъ дѣлѣ» есть нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ можно сказать, что Авраамій былъ сначала бѣлымъ попомъ и поступилъ въ монашество только по смерти своей жены; такъ, изъ «дѣла» видно, что у игумена Авраамія былъ зять Ѳеодоръ, «вдовой попъ села Озерска (Перемышльскаго уѣзда), который пріѣзжалъ въ село Борку Подспасскую, къ дьяконицѣ, ко вдовѣ Ѳеодосѣ, а у того попа Ѳеодора жила игумена Авраамія дочь». Родиною и мѣстомъ первоначальной службы Авраамія была, кажется, Калуга, гдѣ онъ нѣкоторое время «бывалъ въ дѣвичьемъ¹⁾ монастырѣ для исповѣди старицъ». У него былъ родной братъ Аристъ Ѳеодотовъ, который состоялъ подьячимъ въ Калугѣ и частенько проживалъ въ Спасскомъ монастырѣ на «святительскомъ корму». Одни изъ сродичей игумена Авраамія проживали въ Калугѣ, а другіе по близости Спасскаго монастыря, въ Воротынской и Перемышльскаго округахъ.

Въ «судномъ дѣлѣ» упоминаются книги игумена Авраамія, изъ которыхъ намъ извѣстно только: 1) «старонарѣчная» слѣдованная Псалтирь и 2) «Николино житіе». Не мѣшаетъ замѣтить еще, что Авраамій, въ бытность свою казначеемъ, въ 1693 году «построилъ» синодикъ, переписавъ его слово въ слово съ древняго монастырскаго синодика²⁾. Можно сдѣлать болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе, что Авраамій для своего времени и мѣста былъ чело-вѣкомъ образованнымъ. Изъ всего хода «суднаго дѣла» видно, что нашъ игуменъ обладалъ сильнымъ характеромъ. Очевидно, честолюбіе сдерживало въ началѣ тѣ порочныя наклонности его мятежнаго духа, какія сказались въ немъ по достиженіи виднаго и, сравнительно, очень независимаго положенія въ санѣ игумена. Будучи простымъ монахомъ, а потомъ и казначеемъ, о. Авраамій старался сдерживать себя и являлся всегда «смирненнымъ инокомъ». Понятно, что такая личность не могла безслѣдно затеряться среди полупьяной и большею частію «скудной разумомъ» монашескую братію, и вотъ почему о. Авраамія выставили кандидатомъ на игуменскую должность по смерти о. Кирилла. Но, получивъ санъ и

¹⁾ Калужскій Казанскій дѣвичій монастырь существуетъ и по сіе время.

²⁾ Синодикъ руки Авраамія и по сіе время хранится въ вышеупомянутой Спасской церкви и любопытецъ по фамильнымъ записямъ князей Воротыцкихъ

титло «преподобнаго», о. Авраамій не одолѣлъ или, вѣрнѣе, не считалъ нужнымъ сдерживать свои дурныя наклонности, которыя привели его на скамью подсудимыхъ въ «хоромномъ строеніи» митрополичьяго казеннаго приказа: «старостишка Сафрошка Андреевъ со крестьяны» били челомъ преосвященному Тихону о разнаго рода «безчинствахъ и неистовствахъ» игумена Авраамія, отъ которыхъ крестьяне въ скоромъ времени могли «разоритца въ конецъ».

II.

...Прошли святки, когда поневолѣ забывалось и, кстати, забывалось всякое горе-злосчастіе, всякая обида врага кровнаго... Пора приниматься всѣмъ за обычныя работы, а инымъ «настоить нужда горькая» добиться правды и чѣмъ спасти до времени свои «животы со дворишками».

Стоять лютые «крещенскіе» морозы, которые всѣхъ и каждого загоняютъ въ теплую избу... Въ слуховое окно доносится протяжный и рѣдкій звонъ небольшого колокола, потому къ вечеру поднялась мятель и вьюга злющая, чѣмъ такъ любить потѣшаться, избавь Господи, нечисть всякая... Путь-дороженьку занесло, поди, всю...

Но нужда не знаетъ времени. И вотъ въ такую-то пору, въ половинѣ января 1696 г., по Калужской дорогѣ быстро ѣхали двѣ пары саней съ «мірскими челобитчиками». То были «жилые» люди изъ принадлежавшихъ Спасскому монастырю деревень: «старостишка Сафрошка Андреевъ да крестьянишки Оска Елистратовъ, Артюшка Мироновъ, Ивашка Прокофьевъ, Евстратка Терентьевъ да Моска Ивановъ». Это—«выборные люди», посланные на Москву по «великому дѣлу»: «бить челомъ» преосвященному Тихону, митрополиту сарскому и подонскому, на «безчинства» и «неистовства» игумена Авраамія, отъ которыхъ стало «жить невозможно» и предстоить возможность «разоритца въ конецъ». Напрасно выборные боялись скорой погони за собою и ожидавшей ихъ расправы отъ буйнаго и гнѣвнаго игумена: послѣдній только на другой день узналъ объ уходѣ «людишекъ» и, оставивъ мысль о погонѣ, рѣшилъ дѣйствовать противъ нихъ другими «спасительными» средствами.

По приѣздѣ въ Москву наши челобитчики направились въ казенный приказъ Сарской и Подонской митрополіи, въ составъ которой входилъ тогда, между прочимъ, городъ Воротыньскъ съ уѣздомъ. Приказомъ завѣдывали: митрополией казначей, іеродіаконъ Георгій Зубинъ да дьякъ Иванъ Зиновьевъ, поступившіе на мѣсто казначея старца Евѳимія и дьяка Алексѣя Земцова. Митрополитомъ въ это время съ 1695 г. былъ «на Крутицахъ» Тихонъ, извѣ-

стный за архипастыря благочестиваго и заботливаго о благѣ ввѣренной ему паствы ¹⁾).

На какія же «безчинства» и «неистовства» игумена Авраамія жаловались челобитчики?

III.

«Государю преосвященному Тихону, митрополиту сарскому и подонскому, жалоба намъ, сиротамъ твоимъ (писали челобитчики), на игумена Авраамія: во всякихъ, государь, нашихъ, сиротъ твоихъ, дѣлехъ онъ, игуменъ Аврамей, за насъ не платитъ и въ городъ не ѣздитъ, выдаетъ насъ головою, напившись бьетъ насъ и жонъ нашихъ и дѣтей безвинно своими руками смертнымъ боемъ и до крови». И это были не пустыя слова: челобитчики представили преосвященному Тихону «роспись игуменову неистовству», съ точнымъ и подробнымъ указаніемъ совершенныхъ о. Аврааміемъ «безчинствъ» и «неистовствъ». Въ 1694 г., на праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, «учинилось у игумена въ монастырѣ, у хлѣбной избы, смертное убивство». Обстоятельства этого дѣла «старостишка Сафрошка со крестьяны» представили въ слѣдующемъ видѣ. «Въ Введеневъ день послѣ обѣда пришелъ въ Спасской монастырь гулящей человѣкъ, и въ кельѣ у игумена сталъ просить, чтобы его напоили и накормили. И онъ, игуменъ Аврамей, напоилъ того человѣка виномъ и будто за невѣжество его на чепъ посадилъ, и велѣлъ его бить шелепомъ на чеши хлѣбнику Игнашкѣ да старостѣ Гришкѣ Акимову, чтобы тотъ гулящей человѣкъ далъ ему, игумну, полтину. И онъ не стерпѣлъ боя: ухватя ножъ, зарѣзалъ до смерти старосту Гришку въ хлѣбнѣ. А игуменъ вдарилъ сполохъ въ колоколь; сбѣжались мужики монастырскіе и того человѣка связали. Онъ же, игуменъ, велѣлъ того вора убить до смерти. И съ тѣмъ убитымъ тѣломъ гулячего человѣка игуменъ послалъ насъ (челобитчиковъ) 20 человѣкъ въ Воротынескъ, а насъ держали въ городѣ 3 недѣли, и оттого намъ учинилися многіе убытки и градскія волокиты. Да онъ же, игуменъ, взялъ съ насъ 10 рублей въ почестъ воеводѣ и подъячимъ, и хотѣлъ то дѣло изъ приказныя избы вынять, и не вынялъ и по се число; и нынѣ воевода Воротынской и подъячіе то дѣло вчиняють и къ намъ въ домишки посельщиковъ присылають, и оттого намъ чинятся убытки великіе: тѣмъ посельщикамъ игуменъ велѣлъ у насъ дома разорить и животы пограбить».

¹⁾ Хиротонисанъ въ 1695 г. изъ архимандритовъ новопасскихъ; 25 марта 1699 г. переведенъ въ Казань и по 25-лѣтнемъ управленіи сею епархіею скончался 28 марта 1724 г. О немъ подробнѣе см. у архимандрита Макарія въ «Исторіи Нижегородской іерархіи», стр. 23.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1893 г., т. LIII.

Уже изъ этого одного сообщенія мірскихъ людей можно отчасти заключить, что за личность былъ игумень Авраамій: послѣдній забылъ обѣты монашескіе и являлъ собою «добрый» примѣръ для братіи. По своей страсти ко всевозможному «стяжанію» игумень требуетъ «полтину» за обѣдъ съ «гулячего человѣка» (тотъ же нищій), обманомъ вытягиваетъ у крестьянъ 10 рублей, взявъ посулу 3 рубли да 2 подотна и безъ архіерейскаго указа хоронитъ убитую скотникомъ жену. Въ «судномъ дѣлѣ» указаны и другіе примѣры игуменскаго «нестяжанія». Такъ, староста Сафроска доносилъ преосвященному Тихону на о. Авраамія, что послѣдній держитъ въ монастырѣ «своихъ коней—трое лошадей, а кормитъ монастырскимъ овсомъ и сѣномъ, да онъ же, игумень, взялъ мѣшокъ соли въ 22 пуда, продалъ архіерейскаго быка да продалъ же 2 говяжьи кожи за 16 алтынъ; да онъ же, игумень, продалъ монастырскую свѣтлицу, которую далъ вкладомъ Ѳедотъ Тургеневъ, а взялъ денегъ 15 рублей, и хотѣлъ на тѣ деньги построить себѣ келью, и нынѣ построилъ себѣ келью на мірскія деньги, взявъ съ крестьянъ 13 рублей 20 алтынъ, а лѣса и всякіе припасы готовили крестьяне». Владѣя всѣми земными благами, игумень Авраамій, какъ видно, стремился устроить свою жизнь побарски и сдѣлать ее безпечальною. Трудомъ своихъ крѣпостныхъ «крестьяншекъ» онъ создалъ «каменные построенія» и хорошія кельи для себя: все это было тогда въ порядкѣ вещей. Кстати, нестяжательность о. Авраамія простиралась и на другія доходныя статьи. Изъ челобитной извѣстно, что нашъ игумень «подчищалъ воскъ въ крестьянскихъ ульяхъ и бралъ себѣ», сверхъ оброка всякими способами вымогалъ деньги у перевозчиковъ и продавалъ крестьянскихъ вдовъ и дѣвокъ на сторону.

IV.

Во второй половинѣ своей челобитной «старостиска со крестьяны» переходятъ къ подробному исчисленію другихъ «безчинствъ» и «неистовствъ» игумена Авраамія.

Давно уже, впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ, на Руси повторялась мысль о «хмельномъ упиваніи», какъ о «сатанинскомъ ухищреніи, и все понапрасну. «Видимъ,—писалъ одинъ владыка въ своемъ окружномъ посланіи ¹⁾,—что въ простыхъ людяхъ, особенно же въ духовныхъ чинахъ, укоренилась злоба сатанинская безмѣрнаго хмельнаго упиванія, а такое сатанинское ухищреніе многихъ людей отлучаетъ отъ Бога». По монастырямъ «отъ пьянства бывала многая вражда и мятежи ²⁾; иные священники, клирошане и

¹⁾ Акты историческіе, т. IV, № 62.

²⁾ Акты Археограф. Экспед., т. IV, № 322.

простая братія въ томъ обычаѣ законѣли». Цари разсылали строгія грамоты съ предписаніемъ не держать по монастырямъ хмельнаго питія, потому что усиленіе пьянства грозило иноческому чину совершеннымъ разрушеніемъ ¹⁾. Впрочемъ, указы оставались безъ надлежащаго дѣйствія: «игумена, черные и бѣлые попы на монастырскихъ погребахъ и по кельямъ у себя (продолжали) держать хмельное питіе — вино, пиво и медъ, и отъ того хмельнаго питія церкви Божіи (зачастую) стояли безъ пѣнія» ²⁾, и «всякое безчиніе во всякихъ людяхъ чинилось». Такимъ образомъ, безъ преувеличенія можно сказать, что пьянство было почти общимъ порокомъ русскаго духовенства (бѣлаго и чернаго) XVII вѣка.

«Везмѣрное пьянство» игумена Авраамія было однимъ изъ главныхъ его недостатковъ, послѣдствіями котораго являются уже и другія его «безчинства». Подъ своею келліею о. Авраамій построилъ себѣ «погребъ», гдѣ и хранилъ «питіе и всякой харчъ». «Питіе» это было не покупное: игуменъ «для своего расхода гналъ вино изъ монастырскаго хлѣба, и того хлѣба въ расходныхъ книгахъ не писалъ, чтò въ винѣ пожогу, а ставилъ расходъ братскій; того хлѣба поожжено въ винѣ 32 четверти». Авраамій умѣлъ покутить: по словамъ челобитчиковъ, онъ «безпрестанно пьетъ и бражничаетъ», а, напившись пьянъ, любитъ въ своей келліи «поскакать и поплясать, и бѣсовскихъ пѣсенъ поцѣть» вмѣстѣ съ постоянными почти собутыльниками его — крестьянами подспасской слободки «Ивашкой Никитинымъ да Емелькой Ермаковымъ», которымъ не разъ приходилось и ночевать у игумена въ кельѣ.

Челобитые говорятъ, что о. Авраамій «всегда пьетъ, въ день и въ ночь», какъ у себя въ келліи, такъ и при разъѣздѣ по «гостямъ». Въ домахъ послѣднихъ онъ, впрочемъ, велъ себя довольно прилично, но на монастырѣ игуменъ нисколько уже не церемонился: здѣсь онъ, жалуются челобитчики, въ пьяномъ видѣ «бьетъ насъ и женъ нашихъ и дѣтей безвинно своими руками смертнымъ боемъ и до крови». Случалось, что хмельной игуменъ билъ подвернувшихся ему подъ руку «четвертнымъ полѣномъ» и творилъ надъ ними «многія неистовыя дѣла»; бывали случаи, что о. Авраамій при постороннихъ свидѣтеляхъ бивалъ на перевозѣ крестьянъ «лошадинымъ ременнымъ кнутомъ безъ милости своими руками»; практиковалъ игуменъ и битые «ивовою палкою», отчего одинъ «трудникъ скончался смертью»; случалось и такъ, что о. Авраамій «билъ плетями перевозчиковъ, поскидавъ ихъ платья и загнувъ рубаху на плеча». Не лучше пьяный игуменъ обращался и съ монастырскою братіею, которую онъ частенько «безвинно бивалъ». Такъ, игуменъ Авраамій «дьячка Антипку Васильева билъ смерт-

¹⁾ См., напримѣръ, Акты Археогр. Экспед., т. IV, №№ 37 и 325.

²⁾ Ibid., № 328.

нымъ боемъ до крови: еслибъ не отняли и не ушелъ, убилъ бы до смерти»; наканунѣ Введенъева дня «избилъ до полусмерти дьякона», а разъ похвалялся даже такими словами, «что де мнѣ не станеть, а убью я попа до смерти».

Когда вернется игумень пьянымъ изъ гостей, или напьется у себя въ келли и выйдетъ на монастырскій дворъ, встрѣчные старались укрываться отъ него, а кому это не удалось, тотъ ужъ непременно попробуетъ сладость настоятельской руки или, въ лучшемъ случаѣ, выслушаетъ массу ругательствъ изъ его преподобныхъ устъ. Челобитчики приводятъ любопытные образчики игуменскаго сквернословія, которые «не мощно здѣ глаголати». «Бранить игумень меня,—доносилъ преосвященному помѣщикъ Григорій Сокоревъ,—всякими неподобными словами въ очи и за очи напрасно», а монастырскую братію о. настоятель «ругалъ постоянно неподобными словами всячески»: казначея Самуила называлъ «воромъ и коноваломъ» и, обвиняя его въ любодѣйствѣ съ женою помѣщика Сокорева, величалъ даже «гнилымъ», словомъ «б.....а». Подчасъ игумену Авраамію за свою ругань приходилось даже разсчитываться своими преподобными «тѣлесами». Такъ, въ 1696 году, на другой день Покрова Пресвятыя Богородицы, нашъ игумень ѣздилъ въ гости къ г. Муромцову, у котораго пропустилъ, по обычаю, не малую толику «хмельнаго питія». На обратномъ пути съ полушьянымъ о. Аврааміемъ встрѣтился г. Бурдуковъ съ женою, которую «игумень сталъ ругать всячески непотребно, за чтѣ Бурдуковъ съ своимъ работникомъ билъ его, игумена, смертнымъ боемъ, и бороду его, волоса и лице ободралъ». Надо думать, что разсказанный сей-часъ случай далеко не единственный въ жизни «молитвенника» о. Авраамія.

Нашъ игумень потѣшался не одной только дракой и руганью: онъ не рѣдко безъ всякихъ основаній подвергалъ того или другаго и болѣе чувствительному наказанію—сажалъ «на смиреніе, въ чепъ». Надоѣсть ли пьяному о. Авраамію чинить драку съ своими чадами, придерется ли онъ къ кому и въ трезвомъ состояніи, дѣло почти всегда оканчивалось тѣмъ, что попавшій въ передѣлку игумена очутится «на смиреніи», то-есть въ особомъ помѣщеніи, гдѣ мнимо провинившагося сажали «на цѣпъ». Изъ челобитья извѣстно, что игумень Авраамій посадилъ «на чепъ гулячего человѣка»; старостина брата «посадилъ въ цѣпъ безвинно и билъ его четвертнымъ полѣномъ на смерть»; старостину жену, скованную «въ цѣпи, держалъ многое время за карауломъ въ скотскомъ дворѣ»... Случалось и такъ, что о. Авраамій и въ церкви «чинилъ мятежь»: съ своего настоятельскойкаго мѣста святой отецъ нерѣдко «кричалъ и бранилъ» братію, привязываясь къ каждому дѣйствию и возгласу священнодѣйствующихъ и къ каждому движенію предстоящихъ иноковъ, останавливалъ и поправлялъ провинившихся на его оту-

маненный взглядъ, приправляя свои замѣчанія отборною руганью— «всякими неподобными словами». Вывало и такъ, что игуменъ подойдетъ къ какому либо старцу, привяжется къ нему и станетъ прежде всего браниться, а потомъ схватитъ его за волосы и «учнетъ бить», какъ однажды подъ веселую руку избилъ дьячка «Ларьку Петрова на клиросѣ до крови»...

Такія-то безчинія о. Авраамія, представленныя въ «росписи игунову неистовству», побудили монастырскихъ крестьянъ обратиться къ митрополиту Тихону съ челобитной, которую они заканчивали слезнымъ моленіемъ: «не вели, государь, отъ него, игумна Авраамія, намъ разоритца въ конецъ».

V.

Какой-то «угодникъ» изъ братіи Спасскаго монастыря между дѣлъ повѣдалъ о. настоятелю о цѣли поѣздки на Москву старосты Сафрошки Андреева и подручныхъ ему крестьянъ—мірскихъ челобитчиковъ. И вотъ о. Авраамій, не желая оставаться въ долгу предъ своими «людишками», шлетъ на нихъ доносъ митрополиту сарскому и подонскому въ видѣ слѣдующей челобитной. «Государю преосвященному Тихону, митрополиту сарскому и подонскому, Воротынскаго уѣзду домоваго твоего прописнаго Спасскаго монастыря богомолецъ твой государевъ, игуменъ Аврамей, прося твоего святаго архіерейскаго благословенія и Бога моля, челомъ бьетъ. Въ прошломъ, государь, въ 204 (1696) г. по твоему архіерейскому указу велѣно мнѣ, богомольцу твоему, въ Спасскомъ монастырѣ келья строить, и я старосту Сафрошку Андреева призвалъ къ себѣ со крестьяны и учелъ имъ я говорить: «будетъ ли вамъ съ такое дѣло, что самимъ келья строить?». И онъ, староста, со крестьяны сказалъ мнѣ: «у насъ де съ такое дѣло не станетъ, мы де найдемъ въ плотники стороннихъ людей и плотниковъ приговоримъ, и по договору отъ того строенія келій дать 7 рублевъ съ полтиною да 2 четверти муки». И такъ келья противъ договору состроены, и какъ тѣ плотники стали прошать рабочихъ денегъ, и онъ, староста, со крестьяны учелъ бить челомъ: «нынѣ де намъ въ рабочую пору денегъ взять негдѣ». И я, богомолецъ твой, видючи отъ него, старосты, и отъ крестьянъ нужду ихъ, выдалъ твоихъ архіерейскихъ казенныхъ денегъ 6 рублевъ съ полтиною. И учелъ я имъ про тѣ деньги говорить, и онъ, староста, со крестьяны мнѣ сказалъ такія слова: «хотя бы де намъ тѣхъ келій и не было». Да въ нынѣшнемъ, государь, 205 (1697) году присланъ твой архіерейской указъ за приписью дьяка Ивана Зиновьева—велѣно мнѣ прислать къ Москвѣ ржи 107 четвертей да овса 150 четв. и иного всякаго хлѣба. И я старостѣ со крестьяны твой архіерейскій указъ вычелъ и велѣлъ имъ тотъ хлѣбъ

къ Москвѣ свезти къ тебѣ, государю, и они, крестьяне, твоему архіерейскому указу учинились непослушны, и учели меня бранить всячески и слугъ монастырскихъ хотѣли бить... Вѣдомо мнѣ также учинилось, что староста Сафрошка послѣ сырной недѣли варилъ вина три браги—половину въ монастырскомъ хлѣбѣ, а другую—въ мірскомъ хлѣбѣ, да онъ же, староста, выгребъ 4 улья пчель; а въ прошломъ 204 (1696) г. умеръ старецъ Сергій, послѣ котораго.осталось: шуба барановая новая, трои сапоги, 2 подушки, войлукъ овецій, и ту рухледь забралъ къ себѣ староста Сафрошка... Смилуйся, государь: вели перемѣнить старосту».

Какой же приговоръ учинила высшая инстанція тогдашняго духовнаго суда по «мірскому челобитью» и по доносу игумена Авраамія?

VI.

19-го февраля 205 (1697) г. митрополитъ Тихонъ «того дѣла слушалъ и указалъ: сыскать про игумена Авраамія противъ челобитья старосты Сафрошки и всѣхъ крестьянъ, а потомъ старосту со крестьяны наказать, а игумена Авраамія взять, доставить на Крутицы и учинить имъ очную ставку». Такимъ образомъ, митрополитъ повѣрилъ той и другой сторонѣ и, наказавъ однихъ, надъ другимъ велѣлъ учинить «розыскъ», то-есть слѣдствіе о «безчинствахъ» и «неистовствахъ» игумена Авраамія.

На допросѣ послѣднему удалось выпутаться почти отъ всѣхъ взведенныхъ на него обвиненій. Такъ по вопросу объ убійствѣ «гулячего человѣка» о. Авраамій «правду сказалъ—имянно: тотъ воръ въ Воротынскѣ на постояломъ дворѣ внезапною смертию умре, и то дѣло вершено». По поводу затерянной конской сбруи игумень Авраамій на слѣдствіи показалъ: «ѣхалъ онъ, игумень, отъ Семена Муромцова, а съ нимъ были—староста поповской да старецъ Юсафъ да служки монастырскіе, и на дорогѣ встрѣтился съ ними Пароеней Бардуховъ съ людьми своими, и учинилася у нихъ межъ собою ссора и драка, и въ той дракѣ его, игумена, и старосту поповскаго и служекъ люди Пароеньевы били и 2 сѣдла съ войлоки и съ уздами отняли».

По указу преосвященнаго, «игумену Авраамію и старостѣ со крестьяны даны очныя ставки въ казенномъ приказѣ предъ казначаемъ, іеродіакономъ Георгіемъ Зубинымъ да передъ дьякомъ Иваномъ Зиновьевымъ». О. Авраамій «противъ челобитья старосты съ товарищи» сказалъ, что онъ, игумень, «для монастырскихъ дѣлъ въ города ѣздить... за монастырскихъ крестьянъ стоитъ и въ обиду ихъ никому не даетъ, а будетъ на крестьянахъ вина какая явится, и онъ игумень, смотря по винѣ, поученье даетъ». Родственники «къ нему игумену ѣздить въ монастырь Богу помолитца, а не гостить, и то какъ прилучитца дорога... Въ кельѣ

у него никто не почуветь, пьянъ онъ игуменъ никогда не бываетъ, и никого смертнымъ боемъ не биваль». Съ своей стороны староста и крестьяне снова подтвердили справедливость своихъ донесеній относительно разнаго рода «безчинствъ» и «неистовствъ» игумена Авраамія.

«Владычный судъ» оказался лицепрятнымъ: главные заправили казеннаго приказа, какъ видно, были не чисты на руку и, кромѣ того, въ своей дѣятельности руководились извѣстной пословицей, въ силу которой по необходимости «рука руку моетъ». И вотъ состоялся слѣдующій приговоръ по дѣлу: «старосту Сафрошку и 5 человекъ заводчиковъ передъ всѣми бить плетью нещадно, на нихъ же велѣно доправить казенныхъ денегъ 6 рублей съ полтиною да взыскать 5 рублей и отдать ихъ игумену Авраамію за то, что они огласили его напрасно и били челомъ ложно», а съ игумена Авраамія велѣно только взыскать въ домовую архіерейскую казну 6 рублей 13 алт. 2 деньги за 16 четвертей ржи, потраченной въ «винномъ куреніи». Кромѣ того, владыка указалъ «старосту Сафрошку посадить на цѣпь, скована сослать его въ Перемышльской Николаевской монастырь и держать въ желѣзахъ до указа, а жену его и лошадей и всякіе животы взять въ Спасской монастырь, и жену его держать на скотцкомъ дворѣ за карауломъ».

Митрополичій указъ, конечно, приведенъ былъ въ исполненіе съ точностію, хотя и не совсѣмъ: староста съ 3 крестьянами бѣжалъ изъ монастыря. Дѣло о «безчинствахъ» и «неистовствахъ» игумена Авраамія, казалось, было вполне улажено. Но... вскорѣ явились другіе обвинители о. Авраамія, которому на этотъ разъ пришлось опозорить свой «игуменскій чинъ».

VII.

Прихожанинъ Спасскаго монастыря, помѣщикъ Григорій Сокоревъ, выступилъ первымъ послѣ крестьянъ, хотя и не вполне удачнымъ обвинителемъ игумена Авраамія. Въ поданной преосвященному Тихону челобитной Сокоревъ писалъ: «игуменъ Авраамей, незнаемо за что, людшекъ его и крестьянишекъ отъ церкви отлучаетъ и умершихъ у церкви хоронитъ не велѣлъ безъ указа; за то на меня игуменъ сердце держитъ, что я сану его не потакаю, а онъ, игуменъ, безпрестанно пьетъ и бражничаетъ и въ монастырѣ всѣхъ безвинно бьетъ... и всякими неподобными словами въ очи и за очи меня бранитъ напрасно».

Въ февралѣ 206 (1696) г., по указу митрополита Тихона, учиненъ былъ «розыскъ и допросъ противъ челобитья» г. Сокорева. Слѣдователемъ былъ назначенъ архимандритъ Лихвинскаго Добраго монастыря Іоасафъ, который и постарался направить все

дѣло въ пользу своего собрата о Христѣ Иисусѣ, хотя почти всѣ свидѣтельскія показанія были противъ игумена Авраамія. Согласно митрополичьему указу архимандритъ Іоасафъ учинилъ въ Спасскомъ монастырѣ «повальный допросъ» монастырской братии, слугъ, служебниковъ и монастырскихъ крестьянъ. Въ разпросѣ бѣлый попъ Иванъ скавалъ «по св. евангельской заповѣди, еже есть: ей-ей», что игумень Авраамій хотѣлъ отлучить Сокорева отъ церкви «на словахъ», а «неистовства за нимъ онъ не вѣдаетъ». Приказный сынъ боярскій, черный дьяконъ Іоасафъ, скотникъ Ивашка, служки Сенька, Ларька и Никитка да дьячекъ Ларька Петровъ согласились съ первой половиной показанія попа Ивана, но съ своей стороны добавили, что игумень Авраамій «бьетъ дьячковъ и дьякона до крови» и зачастую «пьетъ да бражничаеть». Такимъ образомъ, въ общемъ свидѣтели показали не въ пользу о. Авраамія. Впрочемъ, послѣдній не падалъ духомъ: онъ задумалъ «оговорить» самихъ свидѣтелей. Дѣйствительно, нашъ игумень подалъ о. слѣдователю челобитную, въ которой писалъ, что «бѣлый попъ Иванъ съ чернымъ дьякономъ Іоасафомъ да съ дьячкомъ Антипою, согласясь межъ собою незнаемо какими умысла, стѣзжали денно и ночью къ Григорію Сокореву и научали его, какъ бы меня изогнать изъ монастыря, а Григорій Сокоревъ называлъ меня, игумена, смертнымъ убійцей». Какъ видно, извѣтъ о. Авраамія испугалъ свидѣтелей, которые на дополнительномъ разпросѣ отказались отъ своихъ прежнихъ показаній и подтвердили слова о. игумена, что Сокоревъ называлъ его, игумена, «смертнымъ убійцей».

По дружбѣ къ своему собрату, слѣдователь-архимандритъ Доброга монастыря Іоасафъ занесъ въ протоколъ одно только второе показаніе свидѣтелей, и въ такомъ искаженномъ видѣ отослалъ «разпросныя рѣчи» на Москву, въ казенный приказъ, на благо-разсмотрѣніе митрополита. Послѣдній положилъ свою милостивую резолюцію, въ силу которой велѣно было «Григорія Сокорева, жену его и дѣтей въ церковь не пускать и требъ ему не отправлять за то, что онъ называлъ игумена Авраамія смертнымъ убійцей». Такимъ образомъ, пострадавшимъ оказался только Сокоревъ съ своею семьей, а игумень Авраамій и на этотъ разъ вышелъ изъ суда обѣленнымъ и оправданнымъ по «владычней» резолюціи.

Замѣтимъ кстати, что Сокоревъ въ скоромъ времени подалъ пресвященному челобитную о своемъ «безвинномъ страданіи по проискамъ игумена Авраамія» и просилъ дозволить ему съ семьей «въ церкву ходить, службы Божіи слушать». Изъ «суднаго дѣла» не видно, чтобы пастырь словесныхъ овецъ впустилъ въ ограду церковную напрасно и безвинно прогнанныхъ оттуда «раба Григорія со всѣми чады и домочадцы».

VIII.

Игуменъ Авраамій не поладилъ со вновь назначеннымъ въ Спасскій монастырь казначеемъ, іеромонахомъ Самуиломъ. Последнему велѣно было въ монастырѣ «вѣдать церковь и ризницу, и монастырскую казну и монастырскія житницы, и книги и ризы и всю церковную утварь, и все переписавъ имянно, учинить двой книги описныя, и однѣ за рукою игумена Авраамія и за рукою казначея прислать на Крутицы, а другія книги оставить въ монастырѣ». Какъ видно, новый казначей добросовѣстно отнесся къ своей обязанности, что пришлось не по сердцу игумену Авраамію, порастратившему казенныя деньги, и потому игуменъ всячески сталъ парализовать дѣйствія и распоряженія о. Самуила. Последний, впрочемъ, не покладалъ рукъ, и потому счелъ нужнымъ отправитъ на Москву челобитную, въ которой писалъ, что «когда онъ, казначей, пріѣхалъ съ Москвы въ домовую Спасской монастырь и пришелъ къ игумену Авраамію въ келью и велѣлъ указъ архіерейской при братіи, при приказчикѣ, монастырскихъ служкахъ и при крестьянахъ вычестъ, и онъ, игуменъ, казначея бранилъ всячески неподобными словами, и указъ ни во что ставилъ и называлъ воровскимъ, и казначея называлъ воромъ и коноваломъ», а чрезъ нѣсколько времени (добавлялъ о. Самуиль) игуменъ «сталъ меня бить» и уличать въ любодѣйствѣ съ женою Сокорева.

Не дремалъ и о. Авраамій... «Видя онъ, игуменъ, ихъ, казначея и приказчика, къ себѣ всякую нелюбовь и ругательство и слыша, что они на него съ старцемъ Іоилемъ послали невѣдомо какую отписку, и убоясь отъ клеветанія, для оправданія пошелъ къ Москвѣ пѣшъ и шелъ до Колуги, а изъ Колуги до Москвы нанялъ извозчика». Послѣ разнаго рода мытарствъ и слезныхъ моленій игумену Авраамію удалось выхлопотать въ свою пользу указъ на имя казначея, іеромонаха Самуила, да сына боярскаго Максима Гаврилова. «По нашему указу,— значилось въ митрополичьей отпискѣ,—игуменъ Авраамій отпущенъ съ Крутиць и велѣно ему быть въ Спасскомъ монастырѣ игуменомъ, и братью и слугъ и крестьянъ вѣдать съ вами по совѣту. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бы жили въ монастырѣ съ нимъ, игуменомъ Аврааміемъ, въ совѣтѣ и развращенія межъ собою и ропота никакого не чинили, и о всякихъ монастырскихъ дѣлахъ радѣли неоплошно обще, и ему, игумену, воздавали подобающую честь, яко же достоинъ».

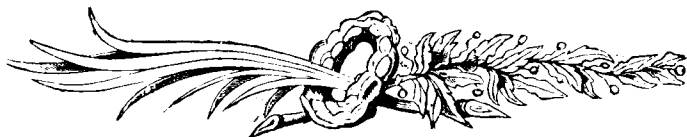
Повидимому, дѣло опять окончилось въ пользу игумена Авраамія. Впрочемъ, когда казначей Самуиль донесъ митрополиту, что игуменъ Авраамій 1) произвелъ большія растраты монастырской казны и 2) что онъ «бѣжалъ въ полдни невѣдомо для какого

умыслу», то преосвященный Тихонъ, какъ надо думать, потерялъ всякое терпѣніе и поэтому, даже не дожидаясь разслѣдованія дѣла, указомъ отъ 13-го февраля 1698 г. приказалъ «игумена Авраамія сослать въ Перемышльскій Лютиковъ монастырь на смиреніе». Цѣлыхъ два года нашъ о. Авраамій сидѣлъ въ «заточеніи», а послѣ того съ 1700 г. по 1702 г. снова состоялъ игуменомъ Воротынскаго Спасскаго монастыря.

Умеръ ли о. Авраамій въ 1702 г., или съ нимъ приключилось какое либо новое «судное дѣло», мы ничего не знаемъ... Впрочемъ, и представленнаго, кажется, вполне достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о томъ, какіе «крины произрастала» въ оны времена російская «не плодящая церковь».

А. Прозоровскій.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I ВЪ ПЕНЗѢ.

ВЪ НАЧАЛѢ 1824 года до Пензы дошелъ слухъ, что императоръ Александръ Павловичъ втеченіе лѣта прибудетъ въ Пензу, съ цѣлію осмотра войскъ (въ то время въ Пензенской губерніи находился второй пѣхотный корпусъ). Слухъ этотъ оказался вполне справедливымъ, и въ августѣ 1824 года пензенскій гражданскій губернаторъ Федоръ Петровичъ Лубяновскій ¹⁾ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ официальное извѣщеніе о предстоящемъ прибытіи императора въ Пензу.

Пенза въ первой четверти настоящаго столѣтія была небольшимъ городкомъ, недавно еще возвысившимся на степень губернскаго ²⁾. Такъ, въ 1817 году въ Пензѣ считалось всего до 8 тысячъ жителей всякаго званія, 52 дома каменныхъ, изъ которыхъ 8 было казенныхъ, и 1.892 дома деревянныхъ ³⁾. Къ 1824 году, въ кото-

¹⁾ Лубяновскій состоялъ пензенскимъ губернаторомъ съ 1816 по 1831 годъ.

²⁾ Надобно замѣтить, что Пенза дважды возводима была на степень губернскаго города. Въ первый разъ Пенза сдѣлана была губернскимъ городомъ въ 1780 году, въ царствованіе Екатерины II, но оставалась пмъ только до 1797 года. Отъ 5 марта 1797 г. послѣдовалъ указъ императора Павла Петровича такого содержанія: «въ разсужденіи лучшей удобности повелѣваемъ: уѣздному городу Саратову быть губернскимъ городомъ, куда и перевести все губернское управленіе изъ города Пензы, оставляя его уѣзднымъ; губерніи же именоваться Саратовскою». Въ 1801 году Пензенская губернія возстановлена, и Пенза снова сдѣлалась губернскимъ городомъ.

³⁾ Такое количество жителей и домовъ показано въ «Исторической запискѣ о городѣ Пензѣ», составленной въ 1817 году по распоряженію и даже, можетъ быть, при собственномъ участіи пензенскаго губернатора М. М. Сперанскаго и найденной г. Селивановымъ въ архивѣ пензенскаго губернскаго правленія.

ромъ ожидалось прибытіе въ Пензенскую губернію Александра I, Пенза мало возросла.

На долю небольшого, да притомъ захолустнаго и удаленнаго отъ правительственнаго центра, городка Пензы до 1824 года не выпадало такого случая, какъ пріѣздъ императора. Поэтому неудивительно, что пензяки на ожидавшееся въ 1824 году прибытіе Александра I въ ихъ городъ смотрѣли, какъ на «необычайное событіе» и «чрезвычайный случай».

Въ виду пріѣзда императора зашевелились и засуетились пензенскія губернскія власти. Губернатору Лубяновскому, не любившему въ обычное время утруждать себя служебными дѣлами, на этотъ разъ пришлось обратить вниманіе и на столбовыя пензенскія дороги, составлявшія по временамъ для проѣзжихъ истинное мученіе, и на мосты, сдѣланные, по русскому обычаю, кое-какъ да кое изъ чего. Весною и лѣтомъ 1824 года массы народа работали на дорогахъ, особенно на тѣхъ, по которымъ, по предположенію гражданскаго начальства, долженъ былъ прослѣдовать «высокій путешественникъ». Самъ губернаторъ не разъ выѣзжалъ изъ Пензы «для личнаго осмотра путей».

Предъ прибытіемъ императора Лубяновскій нашелъ нужнымъ также заняться «благоустройствомъ» Пензы. Тяжеленько тогда пришлось нѣкоторымъ пензенскимъ домовладѣльцамъ. Случалось, что гражданское начальство обязывало ихъ исправлять дома, «не пріемля во вниманіе никакихъ отговорокъ», то-есть прибѣгало и къ принудительнымъ мѣрамъ.

Какъ горячо гражданское начальство взялось за «благоустройство» Пензы, можно, между прочимъ, видѣть изъ переписки, возникшей между гражданскимъ начальствомъ и пензенскимъ епархіальнымъ архіереемъ Амвросіемъ Орнатскимъ ¹⁾ по поводу ветхости «зданій духовнаго вѣдомства», въ особенности же по поводу ветхости архіерейскаго дома. 13-го іюня 1824 года, пензенскій полицеймейстеръ Демьянъ Петровичъ Путята представилъ губернатору слѣдующій рапортъ: «не взирая на всѣ мои и письменныя и словесныя настоянія и просьбы о исправленіи ветхостей и неопрятностей на дворѣ дома архіерейскаго, ограды онаго, въ строеніи, консисторіею занимаемомъ, забора около сада архіерейскаго, у Тамбовской заставы, съ духовной стороны никакого распоряженія не дѣлается и приступу къ тому ни малаго не видно. Ваше превосходительство сами изволите видѣть, что изъ оконъ дома, гдѣ будетъ высочайшее пребываніе (для пребыванія госу-

¹⁾ Амвросій Орнатскій, иначе Амвросій первый (въ Пензѣ былъ епископомъ и другой Амвросій, посившій фамилію Морева), управлялъ Пензенско-Саратовскою епархіею съ 9-го ноября 1819 года по 4-е сентября 1825 года. Въ ученое мѣръ онъ извѣстенъ, какъ составитель многотомной «Исторіи Россійской іерархіи».

даря предназначался губернаторскій домъ, обращенный своей лицевой стороною къ дому архіерейскому), нельзя выглянуть, чтобы не встрѣтить стѣны обваливающейся (вдѣсь разумѣется стѣна, которою быдъ обнесень архіерейскій дворъ), съ коею совѣмъ сошла побѣлка, а крыша по ней частію спала и вся почернѣла и мхомъ поросла, — крыши сарая съ такою же неопрятностью, — заднихъ воротъ, покачнувшихся и блиакихъ къ паденію, такъ что по улицѣ ѣздить опасно, — конюшенъ съ такою же крышею, задняго крыльца консисторіи, совершенно безобразнаго, сараевъ... А высокими острыми крышами, — кухни, которая какъ внутри двора, такъ и снаружи, гдѣ выходитъ на площадь, представляетъ безобразную и нечистую массу камня... Какъ домъ, гдѣ будетъ высочайшее пребываніе, стоитъ выше противъ дома архіерейскаго, то весь дворъ сего послѣдняго, со всею оного неопрятностью и безобразіемъ, долженъ будетъ каждую минуту глазамъ представляться. Такое же безобразіе имѣетъ и ограда сада архіерейскаго, такъ что первый предметъ, при въѣздѣ въ городъ, встрѣчается крестьянскій плетень, и тотъ неопрятный, съ такими же крестьянскими пряслами. Какъ все сіе неустройство содержится въ явное и очевидное нарушеніе высочайшихъ правилъ о устройствѣ городовъ, собственною его императорскаго величества рукою начертанныхъ, и какъ все сіе должно быть непремѣнно къ высочайшему прибытію исправлено, тѣмъ болѣе, что столь явное неисполненіе воли монаршей падеть на мою прежде всѣхъ отвѣтственность, по примѣру нѣкоторыхъ полицеймейстеровъ, за неопрятность въ городахъ отрѣшенныхъ; то я, отнесясь еще въ консисторію и въ домовое правленіе архіерейскаго дома о всѣхъ вышеозначенныхъ исправленіяхъ, обязанностью считаю представить о томъ еще и вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою о побужденіи, кого слѣдуетъ, къ точному съ духовной стороны исполненію высочайшихъ правилъ о устройствѣ городовъ, — тѣмъ болѣе, что, при столь вожделѣнномъ случаѣ, таковой примѣръ запущенія и неопрятности отъ духовной стороны въ мѣстѣ, которое будетъ всегда находиться подъ глазами государя императора, въ нарушеніе оныхъ правилъ, производитъ и въ обывателяхъ вредное дѣйствіе, охлаждая рвеніе ихъ къ надлежащему всего устройству. При семъ я за долгъ себѣ поставляю донести вашему превосходительству, что если и въ нынѣшнемъ іюнѣ не будетъ съ духовной стороны приступлено ко всѣмъ вышеупомянутымъ исправленіямъ нетерпимыхъ неопрятностей, то... ничего болѣе мнѣ не останется, какъ только или оставить подъ глазами сей очевидный примѣръ нарушенія означенныхъ правилъ, собственною его императорскаго величества рукою начертанныхъ, и подвергнуться справедливому за неисполненіе оныхъ негодованію, или же исправить всѣ сіи ветхости и безобразія отъ полиціи, насчетъ дома архіерей-

скаго и консисторіи, и о возвращеніи употребить долженствующей на то издержки просить святѣйшій правительствующій синодъ, который, безъ сомнѣнія, не одобритъ такового запущенія при столь важномъ и вождедѣнномъ случаѣ. Испрашиваю на все сіе рѣшительнаго предписанія вашего превосходительства».

Губернаторъ препроводилъ копію съ этого широковъщательнаго и написаннаго въ угрожающемъ тонѣ рапорта къ епархіальному архіерею ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, губернаторъ и отъ себя обратился къ преосвященному съ отношеніемъ. Въ своемъ отношеніи, отъ 13-го іюня 1824 года, Лубяновскій также ссылался на высочайшія правила объ устройствѣ городовъ и, во имя исполненія «воли монаршей», настоятельно требовалъ отъ Амвросія исправленія означенныхъ въ рапортѣ полицеймейстера ветхостей. Между прочимъ, губернаторъ писалъ Амвросію: «ваше преосвященство сами изволите знать, что видъ изъ оконъ казеннаго дома (разумѣется губернаторскій домъ), гдѣ на время прибытія сюда государя императора будетъ высочайшее пребываніе его величества, на ограду и на дворъ дома, вами занимаемаго, чрезмѣрно неприятенъ по всѣмъ полицеймейстеромъ означеннымъ ветхостямъ. И какъ видъ сей не можетъ остаться въ настоящемъ его положеніи и, согласно съ высочайшими правилами, въ исполненіе воли монаршей, долженъ быть исправленъ, то я, покорнѣйше прося ваше преосвященство сдѣлать о томъ распоряженіе, вмѣстѣ покорнѣйше прошу васъ дать мнѣ знать о образѣ какъ, что снаружи передѣлать вы предположите» ²⁾... И это отношеніе было не первымъ; губернаторъ еще раньше посылалъ къ Амвросію отношеніе такого же содержанія.

Мудрено было Амвросію справляться съ такою задачею, какъ ремонтъ разрушающагося, похорожаго, по выраженію одного изъ пензенскихъ преосвященныхъ (Иннокентія Смирнова, состоявшаго епископомъ пензенскимъ и саратовскимъ въ 1819 году), «на худой трактиръ», архіерейскаго дома. Главное затрудненіе заключалось въ недостаткѣ средствъ. Надобно замѣтить, что незадолго до 1824 года учрежденная пензенско-саратовская архіерейская каеэдра ³⁾

¹⁾ Такъ какъ между губернаторомъ и архіереемъ существовали натянутыя отношенія, то полицеймейстеръ и не считалъ нужнымъ много церемониться съ архіереемъ и держаться по отношенію къ послѣднему слишкомъ почтительнаго тона.

²⁾ Какъ приведенный рапортъ полицеймейстера, такъ и отношеніе губернатора къ Амвросію найдены нами въ архивѣ пензенской духовной консисторіи, въ документахъ за 1824 годъ.

³⁾ Самостоятельная Пензенская епархія учреждена въ 1799 году. Впрочемъ, сначала она называлась Саратовской, а первый ея епископъ, Гайъ Такаовъ, именовался саратовскимъ и пензенскимъ; но въ 1803 году послѣдовало измѣненіе: епархія стала именоваться Пензенской, а епископы ея — пензенскими и саратовскими.

была одною изъ бѣднѣйшихъ: при ней не было ни приписнаго монастыря, ни доходныхъ земельныхъ угодій. Что же касается до такъ называемаго «штатнаго жалованья» архіерейскаго, то оно не удовлетворяло даже самымъ скромнымъ требованіямъ¹⁾, тѣмъ болѣе, что епископамъ приходилось удѣлять часть своего жалованья на пѣвчихъ и свиту. На ремонтъ архіерейскихъ домовъ ассигновалась тоже самая жалкая сумма²⁾. Не даромъ пензенскіе архіереи жаловались на «скудоденежныя» и сѣтовали на штаты, учрежденные по духовному вѣдомству. Одинъ изъ пензенскихъ епископовъ, а именно Аѳанасій Корчановъ, происходившій изъ дворянъ и плохо мирившійся съ духовнымъ «скудоденежьемъ», по словамъ пензенскихъ священнослужителей-старцевъ, частенько изливалъ жалобы на «штаты» и говорилъ: «посадила насъ матушка-Екатерина на штатные оклады, а какъ на нихъ жить архіерею? Хуже всего то, что и скудость-то нашу намъ не велятъ проявлять: чрезъ это де умаленіе сана епископскаго происходитъ и нѣкій укоръ Россійскому государству... Охъ, эти штаты, штаты!»—въ заключеніе говорилъ Аѳанасій. Считая невозможнымъ обойтись штатнымъ жалованьемъ и въ то же время будучи озабоченъ улучшеніемъ матеріальнаго положенія пензенскихъ епископовъ³⁾, Аѳанасій прибѣгнулъ къ налогу на ставленниковъ⁴⁾. Преемникъ Аѳанасія по управленію Пензенской епархіей, преосвященный Иннокентій Смирновъ, былъ врагомъ всякихъ поборовъ съ духовенства и отмѣнилъ этотъ налогъ, но оказался въ самомъ непріятномъ положеніи. «Все,—писалъ Иннокентій въ Петербургъ,—ползетъ врозь. Пѣвчіе говорятъ: одѣться не во что, прислужники изъ свиты просятся прочь. А самъ архіерей (здѣсь Иннокентій говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ) рѣшается лучше ѣсть хлѣбъ съ водой, чѣмъ держаться такого побора. Устоитъ ли?» Преосвященный воздалъ хвалу Богу,

¹⁾ Какъ извѣстно, до самаго 1867 года архіереи, за исключеніемъ немногихъ, получали отъ 745 рублей до 914 рублей. Но и этотъ окладъ былъ еще возвышенъ по сравненію съ тѣмъ, какой назначенъ былъ епархіальнымъ архіереямъ въ 1764 году, по отобраніи имѣній отъ каедръ и монастырей. Притомъ, при Екатеринѣ II запрещено было просить изъ казны денегъ на поправку архіерейскихъ домовъ.

²⁾ Да и нынѣ на этотъ предметъ отпускается только отъ 100 до 175 рублей.

³⁾ Въ видахъ увеличенія средствъ пензенскихъ архіереевъ, Аѳанасій считалъ нужнымъ приобрести для архіерейскаго дома хуторъ и собиралъ на этотъ предметъ деньги со ставленниковъ. Такимъ путемъ Аѳанасію удалось, втеченіе его осмилѣтняго управленія (съ 1811 г. по 1819 г.) епархіей, скопить 3.000 рублей, считая на серебро. При удаленіи на покой Аѳанасій сдалъ эти деньги консисторіи.

⁴⁾ Священники, при полученіи ставленной грамоты, обязаны были вносить въ архіерейскую кассу 26 рублей, діаконъ—13, дьячки и понамари—6 рублей 50 копеекъ. Часть этого сбора поступала на содержаніе пѣвчихъ, крестовыхъ іеромонаховъ, іеродіаконовъ и вообще лицъ, принадлежащихъ къ архіерейской свитѣ.

когда въ пензенской паствѣ нашлись добрые люди, пожертвовавшіе ему, преосвященному, нѣсколько четвертей зерноваго хлѣба ¹⁾). Преосвященный Амвросій, съ именемъ котораго читатель уже встрѣчался въ настоящей статьѣ, часто доходилъ до того, что оставался безъ копейки, тѣмъ болѣе, что этотъ владыка былъ очень сострадателенъ къ меньшей братіи и благотворительность почиталъ даже обязанностью епископа. Замѣчательно, что Амвросій, уволившись въ 1825 году на покой, выѣхалъ изъ Пензы въ нагольномъ тулупѣ и только со связкою книгъ. Такимъ образомъ, неудивительно, что домъ епархіальнаго архіерея походилъ на «худой трактиръ», и что пензенскіе епископы не въ состояніи были поддерживать своего дома въ исправности.

Вѣроятно, и въ 1824 году, не смотря на настоянія и даже угрозы со стороны гражданскаго начальства, архіерейскій домъ не былъ бы отремонтированъ, если бы предусмотрительный владыка Аонасій не скопилъ, посредствомъ сбора со ставленниковъ, деньжонокъ и не сдалъ ихъ консисторіи. Хотя эти деньги собирались на приобрѣтеніе хутора для архіерейскаго дома, но теперь, въ виду требованій гражданскаго начальства касательно исправленія архіерейскаго дома и консисторскаго корпуса, приходилось дать деньгамъ другое назначеніе. Очевидно, Амвросій не желалъ, чтобы его считали «явнымъ нарушителемъ воли монаршей», почему и положилъ на губернаторскомъ отношеніи, отъ 13-го іюня 1824 г., резолюцію: «сдается въ консисторію для зависящаго и неукоснительнаго исполненія». Въстѣ съ тѣмъ, Амвросій послалъ губернатору увѣдомленіе, что какъ архіерейскій домъ, такъ и консисторскій корпусъ будутъ исправлены.

Такъ какъ Амвросій неохотно согласился ремонтировать свой домъ и не вдругъ рѣшился приступить къ ремонту, то это подало поводъ Лубяновскому обвинять преосвященнаго въ томъ, что онъ уклоняется отъ приготовленій къ приѣзду и встрѣчѣ государя. Но на самомъ дѣлѣ Амвросій, кажется, не менѣе гражданскаго начальства озабоченъ былъ ожидаемымъ прибытіемъ императора. Отъ 30-го іюля 1824 г. преосвященный разослалъ по своей обширной епархіи ²⁾ указъ, въ которомъ давалъ подчиненному духовенству подробныя наставленія касательно «достоющаго срътенія всеавгустѣйшаго посѣтителя въ церквахъ». Указъ гласилъ: 1) «во всѣхъ церквахъ, при сохраненіи особенной чистоты и опрятности, святыи престоли и жертвенники облачить въ лучшія одежды за нѣсколько дней до того времени (то-есть до времени проѣзда государя); 2) всѣчески навѣдывались бы священно-церковнослужители, чрезъ на-

¹⁾ См. «Христіанское Чтеніе» за ноябрь—декабрь 1885 г., стр. 599—600.

²⁾ Въ составъ этой епархіи, кромѣ Пензенской и Саратовской губерній, входила и часть настоящей Самарской губерніи.

чальниковъ градской и земской полиціи, о времени проѣзда его императорскаго величества чрезъ ихъ мѣста, и когда тотъ послѣдуетъ, тогда бы предупредительный на колокольный производимъ былъ благовѣсть, при вѣздѣ же въ жителство—звонъ во вся колокола; въ то же время зажжены были-бъ какъ въ алтарѣ, такъ и на паникадилахъ и во всѣхъ предъ мѣстными образами лампадахъ большія свѣщи; 3) священники, діаконы и причетники за-благовременно предъ симъ облачатся въ первыя лучшія ризы и стихари, имѣя распущенные волосы, и изъ старшихъ священниковъ одинъ, по отвертіи царскихъ вратъ, не на блюдо полагая, а взявъ въ руки св. крестъ, діаконъ же кадило, причетники под-свѣчники..., выходятъ изъ церкви и стануть у схода паперти, а буде церковь отъ пути въ нѣкоторомъ значительномъ разстояніи, то станоятся при пути... чиннымъ порядкомъ, ожидая проѣзда его императорскаго величества. И когда ему будетъ благоугодно облобызать крестъ, тогда священникъ предложитъ оный, и діаконъ покадитъ его три раза по трижды. Если же государь императоръ изволитъ посѣтить церковь, тогда священникъ съ крестомъ и все духовенство идетъ такимъ же порядкомъ въ церковь, какъ выходили изъ оной...; 4) ежели государь императоръ изволитъ приклады-ваться къ св. иконамъ, тогда діаконы отлагаютъ лампады со всевозможною осторожностію, дабы не облить воскомъ или масломъ; 5) ежели случится, что его императорскому величеству угодно будетъ отслушать литургію, тогда... діаконъ говоритъ эктенію по странѣ царскихъ вратъ, къ лѣвой странѣ или на амвонѣ, но чтобы не стоятъ спиною къ великому посѣтителю; 6) когда же его императорское величество не останавливаясь прямо изволитъ проѣхать мимо церкви, то все предстоящее духовенство дѣлаетъ ему поклонъ, и священникъ, имѣющій въ рукахъ крестъ, осѣняетъ онымъ троекратно, а діаконъ покадитъ его такъ же. Звонъ же колокольный продолжается дотолѣ, пока государь императоръ изволитъ выѣхать изъ селенія; 7) при говореніи его императорскому величеству рѣчей, не должны отнюдь, въ согласность указа св. синода 1817 года октября 24-го, помѣщать въ оныхъ похвалы, приличествующія единому токмо Богу...; 8) если же государю императору благоугодно будетъ потребовать отъ какого священника благословеніе, то преподавать оное чинно, неспѣшно, благообразно... Дозволяется и старшимъ священникамъ просить у его величества десницы для облобызанія, и когда дано будетъ соизволеніе, то цѣловать оную благоговѣйно, діаконамъ же и причетникамъ отнюдь сего не просить и не приступать къ его величеству ни подъ какимъ предлогомъ, и всѣмъ вообще просьбъ въ руки его величеству не подавать, по запрещенію того указомъ св. синода 7-го августа 1802 года».

Въ августѣ сдѣлался извѣстнымъ въ Пензѣ маршрутъ путешествія императора. Въ маршрутѣ значилось, что 29-го августа госу-

дарь прїѣдетъ въ Чембарь, гдѣ и будетъ имѣть ночлеги, а 30-го состоится прибытіе Александра Павловича въ Пензу.

Чембарь въ 1824 году былъ однимъ изъ самыхъ молодыхъ ¹⁾ и плохихъ городовъ Пензенской губерніа; въ немъ считалось до 290 обывательскихъ домовъ, крытыхъ, по большей части, соломой, и имѣлась одна приходская церковь, носившая, впрочемъ, громкое названіе собора ²⁾.

Но такъ какъ въ Чембарь имѣлъ прибыть императоръ, то названный городъ и для гражданскаго, и для духовнаго начальства сдѣлался предметомъ особеннаго вниманія. Губернаторъ, какъ только ему сталъ извѣстенъ маршрутъ путешествія государя, немедленно явился въ Чембарь. Первымъ дѣломъ губернатора было найти квартиру для ожидавшагося высокаго гостя. Но это дѣло оказалось не особенно легкимъ: Лубяновскій осмотрѣлъ всѣ лучшіе обывательскіе дома и не нашелъ между ними ни одного сколько нибудь годнаго для пріема государя. Къ счастью, въ центрѣ города, на Соборной площади, было каменное двухъэтажное зданіе, занимаемое присутственными мѣстами. Лубяновскій пришелъ къ мысли приспособить для пріема государя верхній этажъ этого зданія. Чембарскій уѣздный предводитель дворянства Мосоловъ принялъ на себя обязанность отремонтировать помѣщеніе, предназначавшееся подъ квартиру императора; а мебель для будущей квартиры государя предположено было взять на время изъ помѣщичьихъ домовъ.

Касательно квартиры дѣло уладилось, но губернаторъ недоволенъ былъ тѣмъ, что изъ оконъ ея городъ представлялся въ непривлекательномъ видѣ: вездѣ виднѣлись убогенькіе домишки, солома, плетни... Такъ и казалось, что Чембарь напрасно носилъ званіе города. Не говоря уже объ окраинахъ Чембара, даже въ центрѣ его, на Соборной площади, стояли жалкіе домики. Напримѣръ, противъ самыхъ оконъ будущей императорской квартиры находился ветхій и невзрачный домикъ старшаго священника города Чембара Василія Трифонова.

Опасаясь, что Чембарь своею внѣшностью произведетъ на императора неблагопріятное впечатлѣніе, губернаторъ распорядился, чтобы обыватели, особенно живущіе въ центральной части города, нимало не медля, приступили къ исправленію своихъ домовъ. По своему обыкновенію, Лубяновскій выдавалъ это распоряженіе за «волю монаршыю». Тѣмъ не менѣе, вѣкоторые изъ чембарцевъ не прочь были отдѣлаться отъ этого экстреннаго ремонта. Упоминавшійся выше священникъ Трифоновъ входилъ даже съ письмен-

¹⁾ Чембарь сдѣланъ былъ уѣзднымъ городомъ въ 1801 году, по возстановленіи Пензенской губерніи. Впрочемъ, и раньше названнаго года Чембару выпала честь быть уѣзднымъ городомъ, но не надолго.

²⁾ Кроме приходской церкви, тамъ была еще кладбищенская.

нымъ заявленіемъ, что онъ по краткости времени, остающагося до высочайшаго прибытія (ремонтъ требовалось произвести непременно къ этому времени), «а наипаче по бѣдности своей», не можетъ приступить къ поправкѣ дома. Но заявленіе о. Трифонова не достигло своей цѣли: онъ, всетаки, принужденъ былъ заново отдѣлать свой домъ.

Едва выѣхалъ изъ Чембара губернаторъ, какъ туда же заявилось другое начальство, въ лицѣ епархіальнаго архіерея. Амвросій, предполагая, что 30-го августа императоръ, по случаю своего тезоименитства, будетъ слушать въ чембарской церкви обѣдню, подвергъ эту церковь самому тщательному осмотру. Результатъ осмотра былъ неблагопріятенъ для чембарской церкви: она оказалась «скудна» и по внѣшнему своему виду, и по внутреннему. На стѣнахъ, внутри храма, Амвросій усмотрѣлъ какія-то «нелѣпости», возбуждающія даже чувство «омерзѣнія» (такъ прописано въ «путевомъ журналѣ», который Амвросій велъ во время этой поѣдки по епархіи).

Предъ пріѣздомъ государя Амвросій былъ въ мрачномъ настроеніи и все опасался «непріятностей». Въ резолюціяхъ преосвященнаго не разъ встрѣчалось намъ выраженіе: «въ отвращеніе всякихъ могущихъ произойти непріятностей, при имѣющемъ быть чрезвычайномъ случаѣ» (то-есть при посѣщеніи императоромъ Пензенской губерніи),—выраженіе, показывающее, что на душѣ у преосвященнаго было неспокойно ¹⁾. Амвросій полагалъ, что даже и бѣдность церковей можетъ быть поставлена ему въ вину. Поэтому онъ очень сильно заботился, чтобы чембарская церковь къ пріѣзду государя приняла «благоприличный видъ», и неоднократно «привнушалъ» священнослужителямъ и прихожанамъ приложить все свое «попеченіе» къ этому дѣлу. Въ видахъ «вящаго побужденія» къ поновленію церкви, Амвросій запретилъ въ ней богослуженіе и обѣщался разрѣшить отправленіе богослуженія лишь тогда, когда церковь будетъ поновлена. Такимъ образомъ, пріѣздъ епархіальнаго архіерея принесъ чембарцамъ новую заботу.

Запрещеніе ли богослуженія, «привнушенія» ли преосвященнаго подѣйствовали на чембарцевъ, но только послѣдніе очень энергично взялись за поновленіе своего храма. 10-го августа Амвро-

¹⁾ Опасеніе «непріятностей», на сколько мы можемъ догадываться, вызывалось тѣмъ, что предъ пріѣздомъ государя отношенія между Амвросіемъ и губернаторомъ Лубяновскимъ до крайности обострились, и что губернаторъ искалъ случая очернить преосвященнаго предъ государемъ. Непріязненные отношенія между губернаторомъ и архіереемъ, какъ намъ приходилось уже говорить (см. въ 15 № «Пенз. Епарх. Вѣд.», за 1890 г., статью: «Амвросій (Орнатскій), епископъ пензенскій и саратовскій»), установились вслѣдствіе того, что первый былъ слишкомъ властолюбивъ, а второй неподатливъ и неуступчивъ. Лубяновскій хотѣлъ, чтобы все покорялось его власти, и чтобы даже епархіальный архіерей чувствовалъ зависимость отъ него, а Амвросій любилъ постоять за себя и за свои права. И вышло: «коса нашла на камень».

сій былъ въ Чембарѣ, а уже 25-го числа того же мѣсяца старшій чембарскій священникъ Василій Трифоновъ явился въ Пензенскую духовную консисторію съ «покорнѣйшимъ рапортомъ» слѣдующаго содержанія: «Его преосвященство, Амвросій, епископъ пензенскій и саратовскій и кавалеръ, сего года августа 10-го числа, изволивъ быть въ нашемъ городѣ для обозрѣнія церквей, между прочимъ, замѣтилъ, что въ Николаевской церкви, внутри, на стѣнахъ, росписаніе иконами и красками полиняло, что показывало много нелѣпности, ограда около оной церкви также не была благоустройствомъ dokonчена, почему, запрета въ оной отправлять богослуженіе, приказаль всевозможными мѣрами все исправить. Нынѣ оная церковь снаружи покрыта вся желѣзомъ и выкрашена зеленою краской, стѣны выбѣлены, ограда вся около оной принятыми мѣрами исправлена, внутри оной стѣны выкрашены палевою краскою, и однимъ словомъ, вся приведена въ хорошій видъ и благообразіе. А какъ извѣстно, что его императорское величество изволить пожаловать въ городъ Чембаръ, проѣздомъ, 29-го числа сего августа и, можетъ быть, изволить слушать въ чембарской церкви литургію, преосвященный же находится въ отсутствіи ¹⁾, и дней остается до того числа мало, то, рапортуя почтеннѣйше о исправленіи и устройствѣ благолѣпіемъ означенной церкви, прошу покорнѣйше оную разрѣшить для отправленія богослуженія».

Трифоновъ явился въ консисторію съ своимъ «покорнѣйшимъ рапортомъ» весьма кстати, потому что секретарь консисторіи Максимовъ, 24-го августа, въ 10 часовъ вечера, получилъ отъ губернатора Лубяновскаго отношеніе такого содержанія: «Милостивый государь мой, Александръ Димитріевичъ! Увѣдомивъ въ свое время пензенскаго епархіальнаго архіерея о высочайшемъ путешествіи по здѣшней губерніи, а 15-го числа сего мѣсяца извѣстивъ его, что, по маршруту, назначенъ въ Чембарѣ ночлегъ 29-го числа ²⁾, я вмѣстѣ сообщалъ преосвященному, что государь императоръ 30-го числа, въ день высочайшаго своего тезоименитства, по всѣмъ вѣроятностямъ, соизволить слушать въ Чембарѣ обѣдню. Вслѣдствіе сего я просилъ его сдѣлать по сему случаю распоряженіе съ духовной стороны и о томъ дать мнѣ знать. Не имѣя на то никакого отвѣта, между тѣмъ на сихъ дняхъ, бывъ въ Чембарѣ, я освѣдомился, что преосвященный Амвросій, въ бытность свою въ томъ городѣ недѣли за двѣ передъ симъ, запретилъ, по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ, служеніе въ тамошней церкви, которая одна тамъ и есть, кромѣ кладбищенской. Возвратясь въ Пензу, я тотчасъ рас-

¹⁾ Амвросій въ то время обозрѣвалъ церкви Городищенскаго уѣзда.

²⁾ Надобно замѣтить, что извѣщеніе, о которомъ рѣчь ведетъ губернаторъ, очень опоздало: Амвросій гораздо раньше узналъ о томъ, что государь 29-го августа будетъ въ Чембарѣ.

полагался объяснить о семъ съ преосвященнымъ, но не нашель его въ городѣ и не могъ узнать, когда онъ обратно сюда прїѣдетъ. Въ такомъ недоумѣніи и не имѣя отъ преосвященнаго Амвросія никакого на отношеніе мое извѣстія ¹⁾, по краткости остающагося къ высочайшему прибытію въ Чембаръ времени, я долженъ бы былъ обратиться съ просьбою къ г. командиру 2-го пѣхотнаго корпуса о приказаніи отправить въ Чембаръ полковую церковь съ священнослужителями и пѣвчими; но, останавливаясь еще исполненіемъ сего предположенія, я не излишнимъ счелъ напередъ покорнѣйше просить васъ, милостивый государь мой, предложить сіе важное обстоятельство на уваженіе пензенской духовной консисторіи съ тѣмъ, чтобы завтрашній же день, непременно втеченіе утра, вы извѣстили меня официально о положеніи, какое въ консисторіи по сему моему къ вамъ отношенію будетъ сдѣлано, дабы я, въ случаѣ, если не будетъ разрѣшено богослуженіе въ соборѣ чембарскомъ, завтра же могъ отнестись къ военному начальству объ отправленіи туда полковой церкви».

Хотя консисторія и не въ правѣ была разрѣшить отправленіе богослуженія, не получивъ на это полномочія отъ архіерея, тѣмъ не менѣе, въ виду приведеннаго губернаторскаго отношенія, она рѣшилась превысить свои права и, заслушавъ рапортъ Трифонова, опредѣлила: «Рапортъ пріобщить къ дѣлу. А какъ изъ онаго видно, что въ церкви города Чембара усмотрѣнныя его преосвященствомъ неисправности приведены въ надлежащее возобновленіе (sic), то исправленіе богослуженія, какъ воспреценнаго токмо до того возобновленія, по предварительномъ водоосвященіи и окропленіи всего храма, дозволить, о чемъ и предписать мѣстному благочинному указомъ..., а затѣмъ и предоставить г. секретарю о семъ распоряженіи г. губернатора увѣдомить». Консисторія тѣмъ болѣе нашла необходимымъ разрѣшить отправленіе богослуженія въ чембарской церкви, что по Пензѣ распространился слухъ (конечно, не безъ участія губернатора), будто Амвросій не желаетъ допустить государя въ названную церковь, и будто съ этою цѣлью приказалъ ее запереть.

Къ 27-му августа Амвросій возвратился въ Пензу и утвердилъ распоряженіе консисторіи касательно чембарской церкви. При этомъ преосвященный нашель нужнымъ сдѣлать, съ своей стороны, такое распоряженіе: «Поелику... священно и церковнослужители (г. Чембара) усмотрѣны нами въ уставѣ церковномъ малосвѣдущи и службу отправляютъ очень спѣшно и безъ надлежащаго вниманія; то, въ отвращеніе всякихъ могущихъ произойти непріятностей при имѣю-

¹⁾ Вѣроятно, Амвросій на упоминаемое губернаторомъ отношеніе смотрѣлъ, какъ на непрошенное вмѣшательство въ чужія дѣла, а потому и оставилъ это отношеніе безъ отвѣта.

щемъ быть чрезвычайномъ случаѣ, признали мы за нужное отправить туда (въ Чембарь), для срѣтенія всемилостивѣйшаго государя нашего императора и для отправленія священнослуженія..., одного изъ членовъ консисторіи, и именно протоіерея Павла, коему нынѣ же (27-го августа) туда и отправиться на переменныхъ подводахъ... Надобенъ туда и діаконъ благонадежный, для чего и отправитъ съ нимъ же, протоіереемъ, изъ здѣшнихъ, градскихъ, Сопественскаго, которымъ обоимъ явиться къ намъ для принятія нужныхъ словесныхъ наставленій»¹⁾.

Амвросій, предъ пріѣздомъ государя, не только обревизоваль чембарскую церковь, но и сельскія церкви, стоящія на чембарскомъ трактѣ. Если чембарская церковь оказалась «скудна», то многія сельскія церкви и совсѣмъ поражали своимъ убожествомъ. Въ «путевомъ журналѣ» преосвященнаго встрѣчаются, на примѣръ, такія замѣтки: «въ церкви (здѣсь рѣчь идетъ о церкви села Кевды Мельситовой) опрятности нѣтъ... потолокъ подгнилъ отъ течи». Въ томъ же «путевомъ журналѣ» записано: «Августа 10-го дня, Чембарской округи въ селѣ Ершовѣ слушано поутру всенощное бдѣніе. Священникъ приходскій и діаконъ отправляли оное, по немѣнью приличной ризницы, въ ризахъ и стихарѣ разодранныхъ... Просфоры приготовлены изъ муки черной, негодной, почему запрещено отправлять литургію, и одна изъ нихъ (просфоръ), для видимости, взята съ собою». Въ селѣ Шириевѣ оказались сосуды оловянные и антиминсъ холстинный. Нѣкоторыя изъ осмотрѣнныхъ преосвященнымъ церквей были на столько бѣдны, что церковной суммы не доставало даже на покупку пшеничной муки для просфоръ и церковнаго вина²⁾. Тѣмъ не менѣе, Амвросій «привнушалъ» и духовенству, и прихожанамъ сельскихъ церквей «попещись» и даже, въ виду имѣющаго быть пріѣзда государя, «особенно попещись» о приведеніи въ исправность какъ храмовъ, такъ и церковныхъ принадлежностей.

Не довольствуясь собственнымъ «привнушеніемъ», преосвященный, по возвращеніи въ Пензу, поручилъ и консисторіи позаботиться объ устраненіи замѣченныхъ въ церквахъ неисправностей. Но, при вопіющей бѣдности сельскихъ церквей и прихожанъ, не-

¹⁾ Приведенное распоряженіе Амвросій сдѣлалъ на рапортѣ благочиннаго Леонтьева объ исправленіи чембарской церкви.

²⁾ На бѣдность церквей сѣтовалъ и предшественникъ Амвросія по управленію Пензенской епархіей, преосвященный Иннокентій Смирновъ. Отъ 10-го августа 1819 года, Иннокентій писалъ изъ города Петровска въ Петербургъ: «Скудость (въ церквахъ) достойная сожалѣнія... Неудивительно, что многія церкви не имѣютъ библіи, онѣ не имѣютъ даже и тѣхъ книгъ, которыя составляютъ кругъ церковно-богослужебный... Причиною поставляется бѣдность; почти всѣ такъ и отвѣчали на мои вопросы. Ризы всего трои или четверы: изъ нихъ одні шелковыя, прочія ситцевыя и выбойчатыя или холщевыя. Украшенія почти нѣтъ никакого» («Христ. Чт.», за ноябрь—декабрь, 1885 г., стр. 599).

мыслимо было устранить всѣ эти неисправности, тѣмъ болѣе, что до прибытія государя оставалось очень немного времени. Поэтому консисторія пришлось, главнымъ образомъ, ограничиться наставленіями касательно опрятности въ церквахъ и «благоповеденія» священно-церковнослужителей. Указъ консисторіи, отъ 20-го августа 1824 г., гласилъ: «1) церкви (стоящія на Чембарскомъ трактѣ) какъ внутри, такъ и снаружи, сколько успѣть можно по краткости времени (до пріѣзда государя), привести въ лучшее благоустройство и опрятность, и чтобы не только внутри оныхъ было выметено, но и около церквей на нарочитое разстояніе по дорогѣ вымести и усыпать пескомъ; 2) буде въ которой изъ сихъ церквей не имѣется лучшей ризницы, то снабдить оною на время проѣзда его императорскаго величества изъ другихъ, сосѣдственныхъ, церквей, равно и заготовить для печенія просфоръ лучшею мукою; 3) иконы размѣстить по приличію...; 4) церковные кадила, лампы и подсвѣчники были бы въ наилучшей чистотѣ; 5) священно и церковнослужители, наблюдая чистоту и опрятность въ своихъ церквахъ, потщились бы явить и себя достойными служителями оныхъ, удаляясь всемѣрно пьянства и другихъ неприличныхъ поступковъ и храня благообразіе въ одѣянніи своемъ, исправляли бы неотложно священнослуженіе и отнюдь изъ домовъ своихъ не отлучались»...

Наконецъ, наступило 29-е августа, день прибытія императора въ Чембарь. Къ этому дню въ Чембарь съѣхалось уѣздное дворянство и собрались массы простаго народа изъ окрестныхъ сель и деревень, такъ что Чембарь превратился въ шумный и оживленный городокъ.

Въ 5 часовъ вечера Александръ Павловичъ съ небольшою свитою въѣхалъ въ Чембарь и, сопровождаемый привѣтствіями народа, стоявшаго сплошною стѣною по обѣимъ сторонамъ городскихъ улицъ, прослѣдовалъ въ приготовленную квартиру. Около императорской квартиры находился почетный караулъ, состоявшій изъ мѣстной инвалидной команды. Эта команда произвела на императора пріятное впечатлѣніе. Государь, обратившись къ генералъ-лейтенанту барону Дибичу (начальнику главнаго штаба, прибывшему съ императоромъ въ Чембарь), сказалъ: «первую команду вижу такъ ловко одѣтою». Начальнику команды объявлена была благодарность, а солдатамъ государь пожаловалъ по рублю на каждаго.

30-го августа, въ день своего тезоименитства, въ 7 часовъ утра, Александръ Павловичъ принималъ чиновниковъ города Чембара, уѣзднаго предводителя Мосолова съ дворянствомъ и представителями отъ чембарскаго городского общества. Государь милостиво разговаривалъ съ представлявшимися лицами и, между прочимъ, высказалъ, что давно имѣлъ въ виду посѣтить «благословенную» Пен-

зенскую губернію. Затѣмъ Александръ Павловичъ слушалъ обѣдню въ чембарской церкви. Обѣдню служилъ командированный въ Чембарь членъ консисторіи соборне съ мѣстнымъ духовенствомъ. Вскорѣ послѣ обѣдни государь выѣхалъ изъ Чембара по пензенскому тракту ¹⁾).

Того же 30-го августа, въ восьмомъ часу вечера, императоръ прибылъ въ Пензу. Переодѣвшись у городской заставы, называемой Тамбовскою, государь прежде всего направился въ кафедральный соборъ. Выслушавъ привѣтственную рѣчь преосвященнаго Амвросія и приложившись къ иконамъ, Александръ Павловичъ отправился въ приготовленную для него въ губернаторскомъ домѣ квартиру. У воротъ губернаторскаго дома ожидало государя высшее военное начальство: главнокомандующій арміей графъ (а впоследствии князь) Сакенъ, пріѣхавшій въ Пензу за недѣлю до прибытія императора, командиръ 2-го пѣхотнаго корпуса, начальникъ артиллеріи и другіе. У подъѣзда императоръ встрѣченъ былъ начальникомъ губерніи, который при этомъ отрапортовалъ о состояніи ея.

По прибытіи императора въ квартиру, ему представлялось военное начальство, а также губернаторъ; представленіе же прочихъ лицъ назначено было на слѣдующій день. Пенза, по случаю двойнаго торжества — прибытія государя и дня его тезоименитства, была иллюминирована и убрана флагами; равнымъ образомъ, и въ остальные дни пребыванія государя въ Пензѣ (это пребываніе продолжалось до 4-го сентября) городъ имѣлъ праздничный видъ.

Во время своего пребыванія въ Пензѣ Александръ Павловичъ велъ дѣятельный образъ жизни: вставалъ рано, по большей части въ 5 часовъ, и немедленно принимался за дѣла; иногда и по вечерамъ, до поздней ночи, государь занимался дѣлами съ графомъ Нессельроде, прибывшимъ въ Пензу по особому высочайшему повелѣнію. Изъ архивныхъ документовъ видно, что втеченіе своего пятидневнаго пребыванія въ Пензѣ государь производилъ смотръ войскамъ, присутствовалъ на маневрахъ, осматривалъ городъ, посѣтилъ заведенія приказа общественнаго призрѣнія, тюремный замокъ и больницю тюремнаго замка ²⁾).

Состояніемъ войскъ Александръ Павловичъ остался доволенъ и, по окончаніи маневровъ, благодарилъ какъ генераловъ, такъ и полковыхъ командировъ. Уѣзжая, по окончаніи маневровъ, въ городъ, государь сказалъ корпусному командиру: «желалъ бы долѣе

¹⁾ Свѣдѣнія о томъ, какъ Александръ I проводилъ время въ бытность свою въ Чембарѣ, а также и Пензѣ, заимствованы нами частью изъ архивныхъ документовъ, частью изъ разныхъ печатныхъ источниковъ и частью изъ воспоминаній пензенскихъ старожилловъ.

²⁾ Смотръ войскамъ произведенъ былъ 31-го августа, а маневры происходили 1-го и 3-го сентября. Осмотру Пензы императоръ посвятилъ 2-е сентября.

оставаться съ этими войсками, но, къ сожалѣнію, долженъ ѣхать дальше» (императоръ держалъ путь изъ Пензы въ Оренбургъ).

Пенза, обладающая счастливымъ мѣстоположеніемъ, окруженная съ двухъ сторонъ, восточной и западной, лѣсомъ, изобилующая садами, также произвела на государя выгодное впечатлѣніе и заслужила отъ него названіе «цвѣтка» ¹⁾, да и вообще императоръ былъ доволенъ состояніемъ Пензенской губерніи. Къ губернатору государь былъ очень милостивъ и говорилъ ему: «здѣсь (въ Пензенской губерніи) я переѣзжаю изъ одного пріятнаго въ другое пріятнѣйшее мѣсто».

Но далеко не такъ милостивъ и любезенъ былъ государь по отношенію къ епархіальному архіерею. Причиною было то, что Амвросій произвелъ на императора невыгодное впечатлѣніе. Прежде всего на государя произвелъ непріятное впечатлѣніе слѣдующій случай. На другой день по прибытіи императора въ Пензу, именно 31-го августа, назначено было представленіе государю разныхъ лицъ, а въ томъ числѣ и епархіальнаго архіерея съ духовенствомъ. Амвросій распорядился, чтобы духовенство предварительно собралось въ кафедральный соборъ, и прибылъ туда самъ. Облечившись въ соборѣ и приказавъ то же сдѣлать городскому духовенству, преосвященный, съ крестомъ въ рукахъ, при колокольномъ звонѣ, направился къ императорской квартирѣ для представленія государю. Несомнѣнно, поступая такъ, Амвросій хотѣлъ выразить особенное почтеніе къ особѣ императора (такъ объясняли поступокъ Амвросія и пензенскіе священнослужители старцы, съ которыми приходилось намъ бесѣдовать объ этомъ обстоятельстве²⁾); но государь нашелъ поступокъ Амвросія весьма нетактичнымъ и выслалъ сказать преосвященному, чтобы онъ вернулся въ соборъ. Сначала Амвросій усомнился въ томъ, что государь приказываетъ ему вернуться, и продолжалъ свое шествіе, но потомъ, всетаки, заблагоразсудилъ возвратиться вспять ²⁾. Вслѣдствіе этого, Амвросію пришлось просить государя о назначеніи другаго времени для представленія. Хотя императоръ въ тотъ же день принялъ преосвященнаго, но обошелся съ нимъ весьма сухо, тогда какъ съ прочими представлявшимися лицами былъ очень любезенъ.

Къ этому присоединился еще слѣдующій случай. 1-го сентября государь возвращался съ маневровъ въ свою квартиру. Путь ле-

¹⁾ Свое пребываніе въ Пензѣ Александръ I ознаменовалъ пожертвованіемъ этому городу 15.000 рублей на устройство водопровода.

²⁾ Въ «Воспоминаніяхъ Д. К. Тарасова» говорится, что генераль Соломка, высланный объявить Амвросію приказаніе государя, прибѣгнувъ къ хитрости, чтобы заставить преосвященнаго вернуться въ соборъ, а именно: генераль сказалъ, что преосвященный, по желанію государя, долженъ представиться въ соборѣ, и что для этого государь самъ прибудетъ туда. (См. «Русск. Ст.» за 1872 г., стр. 356 и 357).

жалъ ему мимо каедральнаго собора. Когда императоръ сталъ подъѣзжать къ собору, Амвросій съ соборнымъ духовенствомъ вышелъ на встрѣчу ему въ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ. По рассказамъ, государь вышелъ изъ экипажа и приложился къ кресту. Тѣмъ не менѣе, эта неожиданная, торжественная встрѣча въ высшей степени не понравилась Александру Павловичу. Опасаясь повторенія подобныхъ церемоній, государь въ послѣдующее время избѣгалъ даже проѣзжать мимо собора.

Недоброжелателямъ Амвросія, конечно, было на руку, что преосвященный возбудилъ въ государѣ неудовольствіе. А надобно замѣтить, что предъ пріѣздомъ государя вспыльчивый и неуступчивый Амвросій нажилъ себѣ новыхъ враговъ даже изъ лицъ, близкихъ къ государю. Однимъ изъ такихъ враговъ Амвросія былъ главнокомандующій арміей Сакенъ¹⁾. Воспользовавшись тѣмъ, что государь былъ недоволенъ Амвросіемъ, Сакенъ, Лубяновскій и другія лица, враждебно относившіяся къ преосвященному, постарались

¹⁾ Поводомъ къ столкновенію между Амвросіемъ и главнокомандующимъ, какъ мы и имѣли уже случай говорить въ статьѣ нашей: «Преосвященный Амвросій (Орнатскій), епископъ пензенскій и саратовскій» («Пензенск. Епарх. Вѣд.» за 1890 г., № 16), послужилъ такой случай. При ремонтѣ архіерейскаго дома, около этого дома накопилось не мало мусора. Еще ремонтъ дома не былъ оконченъ, а губернаторъ сталъ требовать, чтобы мусоръ былъ убранъ. Хотя естественно все было бы съ подобнымъ требованіемъ обратиться къ архіерейскому эконому или къ домовому правленію, но губернаторъ, задавшійся цѣлью донять Амвросія, по пословицѣ, «не мытьемъ, такъ катаньемъ», нарочно адресовался по этому поводу къ самому архіерею. Амвросій отвѣтилъ, что заниматься мусоромъ не архіерейское дѣло, давая тѣмъ понять, что по такимъ дѣламъ не слѣдуетъ тревожить архіерея. Губернаторъ, по своему обыкновенію, поднялъ цѣдную бурю: онъ вездѣ началъ разглашать, что архіерей къ пріѣзду государя даже не хочетъ очистить мусора около своего двора. Въ то же время Лубяновскій обратился къ главнокомандующему съ просьбою побудить архіерея къ очисткѣ площади отъ мусора. Главнокомандующій послалъ къ Амвросію, вмѣстѣ съ полиціеимейстеромъ, своего адъютанта. По рассказамъ, послѣдній, явившись къ Амвросію, повелительнымъ тономъ сказалъ: «главнокомандующій проситъ васъ очистить площадь отъ мусора». Естественно, что Амвросій возмутился и далъ такой отвѣтъ: «вашъ генераль нѣмецъ, а потому и не знаетъ, что русскіе архіереи не занимаются чисткой улицъ и площадей; ихъ дѣло очищать души». Вскорѣ между главнокомандующимъ и архіереемъ произошло новое столкновеніе. Предъ пріѣздомъ государя скоростийно скончался одинъ изъ генераловъ 2 корпуса, по фамиліи Леонтьевъ. Сакенъ распорядился, чтобы отпѣваніе умершаго происходило въ каедральномъ соборѣ, но при этомъ и не подумалъ снестись съ хозяиномъ собора—архіереемъ. Чувство оскорбленнаго достоинства заговорило въ Амвросіи, и онъ запретилъ отпѣвать Леонтьева въ соборѣ. Сакенъ, опираясь на права главнокомандующаго, настаивалъ на своемъ; но преосвященный остался непреклоннымъ и сказалъ адъютантамъ Сакена: «скажите вашему начальнику, что онъ главнокомандующій надъ войсками, а я главнокомандующій въ моихъ церквахъ». Запретивъ отпѣвать Леонтьева въ соборѣ, Амвросій вооружилъ противъ себя не только главнокомандующаго, но и многихъ другихъ лицъ изъ военнаго начальства.

и совѣмъ уронить послѣдняго во мнѣніи императора: они изображали Амвросія человекомъ грубымъ, склоннымъ къ ссорамъ, неживчивымъ. Вслѣдствіе этого, нерасположеніе государя къ Амвросію усилилось и на столько было замѣтно, что по Пензѣ шель говоръ: «не одобровать нашему владыкѣ». Многіе и изъ духовныхъ лицъ были того мнѣнія, что Амвросій «не удержится на епархіи»; но это не оправдалось ¹⁾: государь ограничился только тѣмъ, что обходилъ преосвященнаго своимъ вниманіемъ и милостями, напри- мѣръ, губернаторъ Лубяновскій и многія изъ военныхъ лицъ получили, въ бытность императора въ Пензѣ, ордена или повышение въ чинахъ, но Амвросій былъ обойденъ (къ слову сказать, Амвросій такъ и скончался только кавалеромъ ордена Анны 2-й степени. Къ счастью, по рассказамъ, этотъ преосвященный не былъ привязанъ къ мірскимъ почестямъ).

4-го сентября, въ 7 часовъ утра, императоръ Александръ Павловичъ выѣхалъ изъ Пензы по симбирскому тракту, а въ 5 часовъ вечера былъ уже за предѣлами Пензенской губерніи.

Губернаторъ Лубяновскій, обласканный государемъ и поощренный наградою, былъ на верху блаженства, тѣмъ болѣе, что ему, губернатору, удалось одержать побѣду и одолѣніе надъ своимъ противникомъ Амвросіемъ. Въ какомъ восторженномъ состояніи находился Лубяновскій, можно отчасти заключить изъ слѣдующихъ его словъ, высказанныхъ по поводу посѣщенія Пензенской губерніи Александромъ Павловичемъ: «Навѣки незабвеннымъ пребудетъ въ Пензѣ высочайшее въ семь городѣ пребываніе его императорскаго величества. Съ такими же слезами радости, съ каковыми всѣ и каждый стремились зрѣть лице всемилостивѣйшаго и великодушнѣйшаго изъ вѣнценосцевъ, отцы будутъ рассказывать о семъ неописанномъ своемъ счастіи позднимъ потомкамъ» ²⁾.

Но Лубяновскій замѣтно совѣмъ не былъ расположенъ подражать въ великодушіи «великодушнѣйшему изъ вѣнценосцевъ». Принявъ въ соображеніе, что государь вынесъ изъ Пензы нелестное мнѣніе объ Амвросіи, и что этому послѣднему теперь трудно разсчитывать на покровительство свыше, Лубяновскій сталъ по отношенію къ преосвященному до крайности придиричивъ, никакого случая не упускалъ къ тому, чтобы учинить преосвященному неприятность, вмѣшивался въ дѣла, совѣмъ не касающіяся граждан-

¹⁾ Въ «Воспоминаніяхъ Д. К. Тарасова» говорится, что императоръ Александръ Павловичъ, по прибытіи своемъ въ Петербургъ, повелѣлъ синоду удалить Амвросія на покой («Русск. Стар.» за мартъ 1872 г., стр. 357); но это не вѣрно: Амвросій, послѣ посѣщенія Александромъ I Пензы, цѣлый годъ управлялъ Пензенской епархіей и уволенъ былъ на покой по собственной настоятельной просьбѣ.

²⁾ См. въ 4 № «Пенз. Епарх. Вѣд.» за 1878 г.: «Воспоминанія объ императорѣ Александрѣ Павловичѣ».

скаго начальства и подлежащія вѣдѣнію епархіальнаго начальства ¹⁾). Амвросій какъ ни любилъ постоять за себя и за свои права, всетаки сталъ утомляться отъ этой непрерывной борьбы, отъ этихъ постоянныхъ неприятностей, тѣмъ болѣе, что и здоровье стало измѣнять ему. Желая уклониться отъ зла, Амвросій иногда на цѣлые мѣсяцы уѣзжалъ изъ Пензы и подолгу проживалъ въ Саратовѣ. Наконецъ, желая, вѣроятно, совсѣмъ отдѣлаться отъ неприятной Пензы, Амвросій 11-го января 1825 года обратился къ синоду съ просьбою уволить его временно, впредь до окончанія его ученаго труда «Исторіи Россійской іерархіи», на покой. Такъ какъ эта просьба не была уважена, то Амвросій сталъ проситься на покой «по болѣзненному состоянію». На этотъ разъ синодъ уважилъ просьбу преосвященнаго.

Далеко невеликодушно губернаторъ отнесся и къ лицамъ, подавшимъ государю, во время его пребыванія въ Пензенской губерніи, просьбы (а надо замѣтить, что хотя отъ губернатора данъ былъ городской и земской полиціи наказъ слѣдить, чтобы никто не утруждалъ государя жалобами и не подавалъ въ руки императора просьбъ, всетаки безъ просьбъ не обошлось: были просьбы и отъ крестьянъ, и отъ какого-то солдата Данилова). Такъ какъ эти просьбы замѣтно нисколько не повредили Лубяновскому, то, кажется, можно бы и рукой махнуть на лицъ, подававшихъ ихъ; но губернаторъ, проводивъ государя, немедленно принялся за расправу, и расправился не кое-какъ, а по-надлежащему. Жутко пришлось и коллежскому регистратору Разумовскому, писавшему просьбы на имя государя: бѣдный коллежскій регистраторъ, дабы ему «неповадно было» сочинять просьбы на начальство, посаженъ былъ подъ арестъ и высидѣлъ двѣ недѣли на хлѣбѣ и водѣ. По прошествіи двухнедѣльнаго срока Разумовскій выпущенъ былъ на свободу, съ условіемъ впредь не чинить каверзъ.

Пензенская духовная консисторія тоже принялась за расправу и подняла дѣло о священно-церковнослужителяхъ, «допустившихъ въ своихъ церквахъ неисправности при бывшемъ чрезвычайномъ случаѣ». Хотя эти неисправности зависѣли, по большей части, не отъ нерачителности духовенства, а отъ бѣдности церковей (поневоля, на примѣръ, приходилось служить обѣдно на просфорахъ изъ ржаной муки, когда въ церквахъ не было денегъ на покупку пшеничной), но опредѣленіе консисторіи по названному дѣлу было таково: ершовскаго священника Матвія и діакона того же села општрафовать, въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія, 25-ю рублями, ширяевскаго и пентяпинскаго священниковъ 20-ю рублями, діа-

¹⁾ Намъ извѣстно, что и при другихъ пензенскихъ архіереяхъ властолюбивый Лубяновскій позволялъ себѣ вмѣшиваться въ дѣла, подлежащія вѣдѣнію духовнаго начальства.

кона и причетниковъ села Кевды 10-ю рублями; изъ священниковъ села Поима одного, а именно Михаила, оштрафовать 5-ю рублями, а другого, Александра, вытребовать въ консисторію и представить на усмотрѣніе его преосвященства. Не ускользнулъ отъ штрафа и священникъ Василій Трифоновъ, много предъ пріѣздомъ государя потрудившійся надъ благоустройствомъ чембарскаго храма: названный священникъ, «вкупѣ съ прочею духовною братіею» города Чембара, присужденъ былъ къ двадцатирублевому штрафу (а, вѣроятно, еще чаялъ себѣ награды за благоустройство храма, при-мѣрно, скуфьи).

Трифоновъ сдѣлалъ было попытку отдѣлаться отъ штрафа и въ 1825 году чрезъ своего благочиннаго Василія Леонтьева обратился въ консисторію съ слѣдующимъ объясненіемъ: «Выслушавъ я указы... относительно взысканія съ насъ, чембарскихъ священно-церковнослужителей, штрафныхъ двадцати рублей денегъ, симъ объяснить честь имѣю, что, повинуюсь власти, причитающіяся съ меня штрафныя деньги, наложенныя на насъ въ прошломъ 1824 году, вкупѣ съ прочею братіею готовъ бы заплатить вседушно въ пользу вдовъ и сиротъ, ежели бы я въ показанномъ 1824 году, для пріѣзда государя императора, не былъ принужденъ гражданскою властію опрaвлять свой домъ, стоящій на парадной площади, близъ собора, противъ каменныхъ казенныхъ зданій, въ коихъ государь императоръ изволилъ имѣть ночлегъ и квартиру, то-есть показанный мой домъ нарубить выше, обить и покрыть тесомъ и выкрасить кровлю и стѣны приличными красками, за что мы платили тогда, для сего случая, въ три дороговизны, чего не претерпѣлъ ни одинъ изъ моихъ собратій, и коего дома опрaвка стоитъ мнѣ пятьсотъ рублей, на что самое я деньги занималъ, и нынѣ еще плачу долги. А хотя доходъ иногда и получаю, то единственно на уплату сказанныхъ долговъ, которыхъ мнѣ уплачивать будетъ еще года на два, и на содержаніе моего семейства, изъ десяти душъ состоящаго. Почему прошу высшаго начальства войти въ сожалѣніе и отъ наложеннаго на меня штрафа избавить». Но гласъ Трифонова, равно и прочихъ чембарскихъ священно-церковнослужителей, тоже выразившихъ пожеланіе отдѣлаться отъ штрафа, не былъ услышанъ. Опредѣленіе консисторіи было таково: «взыскать съ нихъ (чембарскихъ священно-церковнослужителей) штрафныя деньги, не пріемля отъ нихъ никакихъ отговорокъ, съ привнушеніемъ таковымъ, что ежели и за симъ не внесутъ оныхъ, то неминуемо отдалены быть имѣютъ отъ должности». Конечно, послѣ «таковаго привнушенія» чембарскому духовенству ничего не оставалось дѣлать, какъ внести штрафныя деньги (и внесены).

М. Сацердотовъ.

НЕИСПОЛНЕННЫЙ ЗАВѢТЪ ЦАРЯ.

(Историческій очеркъ).

ИСТОРИЯ русскаго народа слишкомъ богата блестящими моментами, въ которыхъ вылилась вся мощь народная, все невѣроятное напряженіе силъ его, — моментами, которые рѣзко раздѣляютъ на главы тысячелѣтнюю исторію народа. Однимъ изъ такихъ моментовъ, и при томъ самымъ блестящимъ изъ всѣхъ, безспорно является памятное для Россіи 27-е іюня 1709 года, когда на берегахъ Ворсклы въ украинскихъ степяхъ разыгрался послѣдній актъ борьбы между сѣверными гигантами, когда для Россіи разрѣшился наконецъ давно назрѣвшій вопросъ — быть или не быть.

И дѣйствительно, какую страницу нашей исторіи можно сравнить съ той, гдѣ неизгладимо начертанъ день 27-го іюня? Какой другой моментъ народной жизни по его значенію можно поставить на ряду съ Полтавскимъ боемъ, безповоротно рѣшившимъ судьбу Россіи, какъ европейской державы? Развѣ не на берегахъ Ворсклы совершилось окончательное освобожденіе Россіи отъ татарскаго ига, формально давно уже сброшеннаго, но въ дѣйствительности постоянно жившаго въ развращенномъ имъ народѣ, который въ массѣ не могъ, и, что всего важнѣе, не хотѣлъ стряхнуть съ себя разлагавшее его организмъ дикое наслѣдіе татарщины. Съ этого момента Россія рѣзко повернула на западъ, съ честью вошла въ семью европейскихъ державъ, и только побѣдный гулъ полтавскихъ пушекъ закрѣпилъ и освятилъ это обновленіе: крещеніе

огнемъ и мечемъ непосредственно привело къ крещенію духомъ.

Таковъ смыслъ этой достопамятной страницы нашей исторіи, таково значеніе ея во всей жизни народной.

Едва ли кто рѣшится оспоривать это; едва ли теперь кто нибудь станетъ умалять заслуги Петра въ дѣлѣ, которымъ даже онъ самъ откровенно гордился, чему есть самыя неопровержимыя доказательства. Да, онъ гордился этой «преславной викторіей», какъ не гордился ни однимъ изъ своихъ великихъ дѣлъ ни до, ни послѣ этого. Въ своей справедливой гордости онъ далъ завѣтъ народу русскому, чтобы на поляхъ полтавскихъ, на мѣстѣ славнаго боя, была поставлена его статуя на конѣ во весь ростъ... Но это, кажется, единственное желаніе царя, которое до сихъ поръ не исполнилось,—царя, который больше, чѣмъ кто либо, умѣлъ исполнять, что разъ задумано. Можетъ быть, потому оно и не исполнилось, что касалось не исключительно блага Россіи, для котораго онъ не остановился бы ни передъ чѣмъ, а лично его самого... Но тѣмъ болѣе странно, что объ этомъ не позаботились и его потомки. Какъ бы то ни было, но единственное личное желаніе великаго преобразователя, все, чего онъ хотѣлъ отъ народа русскаго лично для себя, осталось неисполненнымъ.

Значеніе этого неисполненнаго завѣта царя обнаружится съ особенной ясностью, если напомнимъ его отношеніе къ предстоящему бою и тѣ надежды, которыя онъ возлагалъ на него. Для этого потребуется лишь очень короткая историческая справка, которую мы и позволимъ себѣ привести здѣсь въ возможно сжатомъ видѣ.

Карль XII, забравшись въ Малороссію, не нашелъ того, на что рассчитывалъ, и что обѣщалъ ему Мазепа. Его приняли недружелюбно, и на серьезную поддержку казаковъ рассчитывать оказалось невозможнымъ. Кромѣ того, русскія войска преградили всѣ пути вспомогательнымъ отрядамъ, которые могли придти къ нему изъ Швеціи и Польши. Карль понялъ, что при такихъ условіяхъ вести борьбу было невозможно, и рѣшился вызвать Петра на рѣшительный бой. Съ этой цѣлью онъ осадилъ Полтаву, гдѣ надѣялся, кромѣ того, найти богатые запасы провіанта, отъ недостатка котораго его войско уже стало замѣтно страдать. Въ городѣ въ то время было 4.000 регулярнаго войска и 2.500 гражданъ, способныхъ носить оружіе, подъ командой Келлина. Шведское войско растянулось по правому берегу рѣки Ворсклы отъ мѣстечка Опшні (Зѣньковскаго уѣзда) до Переволочны (Кобелякскаго уѣзда). 3-го апрѣля 1709 года начались первыя осадныя работы шведовъ съ той стороны Полтавы, гдѣ теперь находится предмѣстье, подъ названіемъ «Кулики». Въ ночь на 5-е апрѣля былъ первый приступъ, но окончился неудачей для шведовъ. Послѣ этого начался цѣлый рядъ подкоповъ и приступовъ со стороны

шведовъ и болѣе или менѣе удачныхъ вылазокъ со стороны осажденныхъ. Городъ держался.

Въ это время самъ Петръ былъ сначала въ Воронежѣ, а потомъ въ Азовѣ. Шереметевъ, стоявшій съ войсками около Голтвы¹⁾, въ маѣ мѣсяцѣ двинулся на соединеніе съ Меншиковымъ. Войска сошлись при селѣ Крутомъ Берегѣ, на лѣвой сторонѣ Ворсклы, верстахъ въ пяти отъ Полтавы, но безъ Петра ничего не предпринимали и оставались въ бездѣйствіи.

Между тѣмъ схватки подъ городомъ съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе ожесточенными. 1-го іюня шведы атаковали осажденныхъ и успѣли уже забраться на городскіе валы, но послѣ двухчасоваго боя были отброшены. На другой и на третій день послѣ этого осажденными были сдѣланы удачныя вылазки. 4-го прибылъ Петръ изъ Азова. Онъ понималъ, что Карлу не столько нужна сама Полтава, сколько необходимо было вызвать Петра на генеральное сраженіе, и принялъ вызовъ. Онъ и тогда уже вѣрилъ въ свою побѣду и, чтобы сдѣлать ее полной, прежде всего позаботился отрѣзать Карлу отступленіе въ Польшу. Эту задачу выполнилъ гетманъ Скоропадскій со своими казаками, князь Долгорукій и генераль Гольцъ. 20-го іюня русскія войска переправились съ лѣваго берега Варсклы на правый, шведскій, и стали лагеремъ у нынѣшней Семеновки, въ семи верстахъ отъ Полтавы къ сѣверу, на высококомъ берегу Ворсклы. Преданіе говоритъ, что своимъ названіемъ деревня эта обязана семеновцамъ, которые первыми расположились здѣсь послѣ переправы.

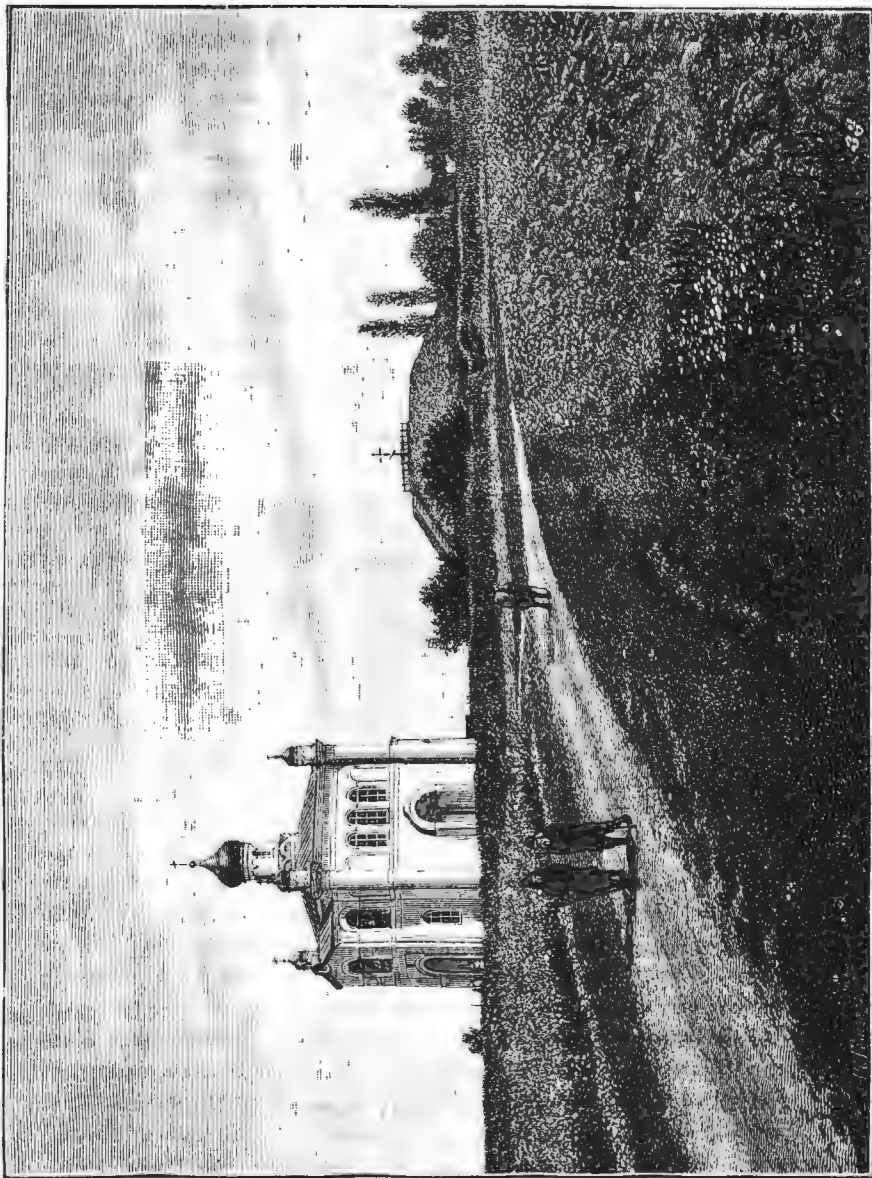
Полтава упорно продолжала держаться, что очень раздражало Карла. Онъ отдалъ приказъ взять городъ, во что бы то ни стало. Но и это не помогло. 22-го іюня на разсвѣтѣ начался послѣдній приступъ. Битва продолжалась цѣлыя сутки, до утра слѣдующаго дня; однако городъ устоялъ и на этотъ разъ. Въ городѣ, не смотря на страшныя потери и изнуреніе, никто не думалъ сдаваться. Всѣ были страшно возбуждены противъ шведовъ. Преданіе говоритъ, что послѣ рѣзни 22-го іюня кто-то изъ гражданъ, усомнившись въ возможности дальнѣйшаго сопротивленія, предложилъ сдаться. Его ввели въ соборъ, приобщили св. Тайнъ, затѣмъ вывели изъ церкви и тутъ же на площади побили камнями²⁾.

25-го іюня Петръ перенесъ свой лагерь ближе къ Полтавѣ и укрѣпился въ полуверстѣ къ сѣверу отъ села Яковцовъ³⁾, въ четырехъ верстахъ отъ города. Въ тылу лагеря приходился крутой обрывъ въ долину рѣки Ворсклы, слѣва до самой Полтавы лѣсъ, а впереди ровная площадь версты на двѣ, а за ней опять

¹⁾ Мѣстечко въ Кобелякекомъ уѣздѣ на рѣкѣ Пселѣ.

²⁾ Мѣсто это находится около тепершняго собора.

³⁾ Нынѣ имѣніе проф. Склифасовскаго.

Шведская могила близъ Полтавы.

лѣсъ и село Малыя Будищи, гдѣ стоялъ Скоропадскій со своими казаками. Не считая казаковъ, у Петра было въ это время 55.000 войска при 72 артиллерійскихъ орудіяхъ. Петръ зналъ, что его ждетъ побѣда,—побѣда не случайная, а подготовленная имъ же самимъ, его многолѣтними трудами и заботами, и назначилъ битву на 29-е іюня, день своего ангела. Но Карлъ не дождался и на разсвѣтъ 27-го іюня двинулся къ русскому лагерю. Послѣ первыхъ стычекъ всѣ шведскія силы стянулись къ лѣсу, что было передъ русскимъ лагеремъ, такъ что двѣ непріятельскихъ арміи раздѣлялись между собою лишь небольшою двухверстной равниной, на которой и разыгрался бой, начавшійся въ 9 часовъ утра...

Описаній собственно Полтавскаго боя такъ много и притомъ такихъ детальныхъ, что трудно разсчитывать прибавить къ нимъ хотя бы одинъ только штрихъ... Черезъ два часа все уже было кончено. Шведы оставили на полѣ битвы 9.000 убитыми и ранеными и 3.000 плѣнныхъ; у русскихъ убито 1.345 человекъ и ранено 3.290.

На другой день были похоронены павшіе въ бою русскіе воины. По преданію, Петръ велѣлъ вырыть могилы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ онъ самъ въ ту минуту, когда замѣтилъ общее пораженіе шведовъ по всей линіи. По его приказанію было вырыто двѣ могилы: одна для офицеровъ, другая для солдатъ, куда и были положены всѣ 1.345 труповъ. Надъ открытыми могилами была отслужена панихида, и подъ громъ пушекъ въ честь павшихъ героевъ надъ могилами ихъ возросъ одинъ общій холмъ. По преданію, Петръ самъ водрузилъ крестъ надъ этой братской могилой съ надписью, имъ же самимъ продиктованной: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, іюня 27 дня».

Этотъ холмъ стоитъ и понынѣ и слыветъ въ народѣ подъ именемъ «Шведской могилы», хотя шведовъ подъ нимъ не лежитъ ни одного. Около могилы стоитъ небольшая церковь во имя преподобнаго Самсона Страннопріимца и домики причта. Высокій валъ отдѣляетъ церковную землю отъ окружающихъ полей; вишневые садики за валомъ рѣзко выдѣляются среди однообразной площади хлѣбныхъ посѣвовъ, со всѣхъ сторонъ опоясывающихъ этотъ тихій уголокъ; стройные пирамидальные тополи стоятъ, какъ часовые, и сторожатъ вѣчный непробудный сонъ павшихъ на этомъ мѣстѣ защитниковъ земли Русской. Здѣсь всегда тихо, малоллюдно. Только наканунѣ годовщины и въ самый этотъ день ежегодно стекаются сюда толпы народа, собираются городскія власти и духовенство, чтобы присутствовать на общей панихидѣ по воинамъ, на полѣ брани убиеннымъ...

Церковь построена только въ 1856 году, а до того времени одинъ только холмъ свидѣтельствовалъ о славѣ русскаго оружія на поляхъ полтавскихъ...

Но того ли хотѣлъ Петръ, главный герой этой побѣды, которой онъ такъ открыто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ справедливо гордился? Это мѣсто было дорого ему, и онъ не такъ хотѣлъ украсить его. Вотъ что онъ писалъ въ именномъ высочайшемъ указѣ, данномъ Монастырскому Приказу, подт живыми впечатлѣніемъ всего пережитаго имъ и всей русской арміей вскорѣ послѣ боя въ іюнѣ 1709 года: «Великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ по именному своему великаго государя указу, во благодареніе всемогущему Богу за полученную надъ неприятелемъ Карломъ XII, королемъ шведскимъ, побѣду, юже его Всемогущаго помощію въ 27 день прошедшаго іюня мѣсяца на бою его царское величество подъ управленіемъ собственною своею высокою особою войсками съ пораженіемъ всего неприятельскаго войска одержалъ. И въ знакъ и вѣчное напоминаніе той преславной викторіи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ тотъ бой былъ, а именно неподалеку отъ Полтавы, построить монастырь мужескій и въ немъ церковь каменную во имя святыхъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, да нижнюю преподобнаго Сампсона Страннопримца, на котораго память та преславная викторія получена; а предъ церковь сдѣлать пирамиду каменную съ изображеніемъ на ней персоны его государевы въ совершенномъ возрастѣ на конѣ, вылитую изъ мѣди желтой и подъ нею бой самымъ добрымъ художествомъ, а по сторонамъ той пирамиды на доскахъ мѣдныхъ же учинить надпись съ объявленіемъ всѣхъ дѣйствъ отъ вступленія въ Украину того короля шведскаго и съ полученіемъ сей баталіи. И быть въ томъ монастырѣ архимандриту съ шапкою, и келіи и ограду построить. И для поспѣшенія въ томъ строеніи имать хоромныя строенія и иныя всякія потребныя вещи и работниковъ изъ деревень и дворовъ измѣнничьихъ, а именно бывшаго полтавскаго полковника Герцика; а въ награжденіе къ тому же монастырю дать изъ измѣнничьихъ деревень и мельницъ, доложя его великаго государя; а все то сдѣлать изъ монастырскаго приказа»¹⁾.

На сколько дорого было это дѣло Петру, видно изъ того уже, съ какими подробностями говоритъ онъ о немъ въ своемъ указѣ. Онъ самъ далъ и проектъ и средства для его выполненія указалъ—«изъ деревень и дворовъ измѣнничьихъ»... «Пирамиду каменную съ изображеніемъ на ней персоны его государевы въ совершенномъ возрастѣ на конѣ, вылитую изъ мѣди желтой»... Въ устахъ другаго человѣка это могло бы показаться тщеславіемъ, но личность Петра слишкомъ крупна, слишкомъ величественна для такихъ подозрѣній. Остается одно,—онъ слишкомъ высоко цѣнилъ свою побѣду, слишкомъ ясно сознавалъ, чего она стоила ему и

¹⁾ «Полное собраніе законовъ Россійской имперіи», т. IV, ст. 2236.

Россіи, и залогомъ чего она была для всего народа русскаго. И эта-то воля царя, такъ ясно, такъ подробно выраженная въ историческомъ документѣ, всетаки осталась неисполненной. При жизни ему были уже представлены проекты этой пирамиды «съ изображеніемъ на ней персоны его государевы», но онъ остался недоволенъ ими, а затѣмъ его отвлекли другія дѣла. А потомки?.. Потомки, конечно, не забыли славной страницы своей исторіи, гдѣ записанъ Полтавскій бой, но, всетаки, и до настоящаго дня не исполнили завѣта полтавскаго побѣдителя...

Заговоривъ объ этомъ памятникѣ, котораго такъ желалъ самъ полтавскій побѣдитель, нельзя не упомянуть о существующихъ памятникахъ, такъ или иначе свидѣтельствующихъ о славной побѣдѣ 27-го іюня 1709 года. Ихъ немного. Кромѣ братской могилы на мѣстѣ битвы, приходится отмѣтить только три.

Въ одной изъ полтавскихъ церквей, а именно въ Воскресенской, хранится мѣдная доска въ два квадратныхъ аршина съ изображеніемъ на ней Полтавскаго боя и надписью въ стихахъ, гласящей, что «Руденко, гражданинъ усерднѣйшій Полтавы,... поставилъ образъ сей». Эта доска раньше была вдѣлана въ каменный столбъ, который стоялъ среди города, но съ теченіемъ времени столбъ развалился, и доска была взята въ церковь Воскресенія и вдѣлана въ стѣну, гдѣ и теперь находится. Памятникъ этотъ относится къ 1778 году.

Въ 1809 году, въ столѣтнюю годовщину славной побѣды, былъ открытъ памятникъ Полтавскаго боя на мѣстѣ встрѣчи Петра при его торжественномъ вѣздѣ въ Полтаву. Памятникъ этотъ стоитъ теперь въ корпусномъ скверѣ, который занимаетъ круглую площадь передъ кадетскимъ корпусомъ и губернаторскимъ домомъ. Памятникъ представляетъ собою чугунную колонну на гранитномъ пьедесталѣ; высота пьедестала 6 аршинъ, колонны 15 аршинъ. Въ пьедесталѣ вдѣланы 18 шведскихъ пушекъ, отбитыхъ въ бою 27-го іюня. Надпись крайне лаконична, но многозначительна: «Іюня 27 дня 1709 года».

Наконецъ, третій памятникъ стоитъ теперь на мѣстѣ бывшей квартиры полтавскаго коменданта Келлина, гдѣ послѣ торжественнаго вѣзда въ Полтаву Петръ торжественно праздновалъ свою побѣду надъ Карломъ. Памятникъ имѣетъ видъ прямоугольной пирамиды около 11 аршинъ высоты. Надпись на памятникѣ гласитъ: «Петръ I покоился здѣсь послѣ подвиговъ своихъ 27 іюня», и вѣсколько ниже: «Воздвигнуть въ царствованіе императора Николая I».

Этимъ ограничиваются, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Полтавской губерніи, всѣ, такъ сказать, официальные памятники шведской войны. Въ народѣ же существуютъ, кромѣ того, свои, неофициальные, памятники. Такъ «шведскихъ могилъ» въ губерніи нѣ-

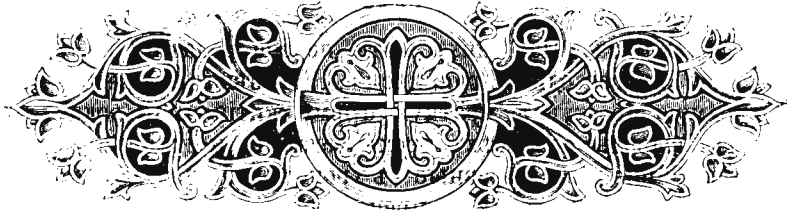
сколько, кромѣ той, которая возвышается на мѣстѣ Полтавскаго боя и за которой это названіе признано официально. Такъ, на правомъ высокомъ берегу рѣки Сулы, около деревни Сурмачевки (Роменскаго уѣзда) есть своя «шведская могила». Курганъ этотъ по своему положенію господствуетъ надъ всей окружающей мѣстностью. Урочище, гдѣ находится эта «шведская могила», извѣстно подъ именемъ Мѣстица, что ставится въ связь съ переходомъ шведскихъ войскъ черезъ рѣку Сулу именно въ этомъ мѣстѣ.

Воспоминанія о времени пребыванія въ предѣлахъ губерніи царя-побѣдителя и короля-побѣжденнаго до сихъ поръ живы въ народѣ. Почти въ каждой мѣстности непремѣнно есть «дубъ Петра Великаго» или «дубъ Карла, короля шведскаго». Достаточно дубу имѣть возрастъ лѣтъ 200—250, чтобы получить одно изъ этихъ названій. А такіе дубы встрѣчаются здѣсь не рѣдко. Почти про каждый изъ нихъ говорится: «здѣсь отдыхалъ Петръ Великій», или «здѣсь былъ Карлъ XII»; даже знаки на деревѣ покажутъ, имъ однимъ понятные, но, по мнѣнію рассказчиковъ, несомнѣнно свидѣтельствующіе о пребываніи здѣсь того или другаго изъ противниковъ. Само собою разумѣется, что если сосчитать всѣ дубы, подъ которыми преданіе народное помѣщаетъ на отдыхъ Петра Великаго или Карла XII, то придется допустить, что имъ рѣшительно нечего было дѣлать, какъ только отдыхать подъ дубами полтавскими, да и то, пожалуй, не пришлось бы больше часа на каждый дубъ.

Да, такихъ памятниковъ много, но того, котораго желалъ самъ великій полтавскій побѣдитель, все нѣтъ, какъ нѣтъ...

К. Горбуновъ.

БОГОСЛОВСКАЯ ДЕРЕВЯННАЯ ЦЕРКОВЬ XVII ВѢКА ВЪ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

СЕЛО Богословъ, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, въ 3-хъ верстахъ отъ города, красиво расположилось у береговъ когда-то довольно быстрой рѣчки Ишни и теперь совершенно уже высохшей рѣчки Гороховки.

Въ селѣ не болѣе 20 домовъ и около 100 жителей обоюго пола. Въ XIII вѣкѣ это мѣсто называлось «Усрѣтенской переводъ» по стоявшей тогда на концѣ города, по дорогѣ къ селу, Срѣтенской церкви или монастыря въ «Усрѣтенской сторонѣ».

Вся эта мѣстность связана съ воспоминаніями просвѣтительной дѣятельности ростовскихъ угодниковъ и въ особенности Авраамія Ростовскаго, скончавшагося въ началѣ XII вѣка.

Здѣсь, на мѣстѣ церкви, этотъ преподобный удостоился видѣть Іоанна Богослова, вручившаго ему жезлъ, увѣнчанный крестомъ, для сокрушенія идола Велеса. Велесъ, скотскій богъ, какъ говорятъ ростовскія лѣтописи, еще долго послѣ введенія христіанства Владиміромъ, служилъ предметомъ поклоненія ростовцевъ, не смотря на всю энергію миссіонеровъ-епископовъ Θεодора и Иларіона, грековъ, очевидно плохо знавшихъ языкъ аборигеновъ и удалившихся «паки въ Грецію», а затѣмъ ужъ русскихъ Леонтія и Исаіи, изъ коихъ первый мученической смертію завершилъ свой апостольскій подвигъ. Кто былъ преподобный Авраамій, откуда происходилъ, въ которомъ году родился, достовѣрно неизвѣстно. Рукописныя житія преп. Авраамія дошли до насъ въ

трехъ редакціяхъ. Изъ нихъ житіе первой редакціи нами напечатано по превосходной рукописи XVII вѣка и представляетъ собою самую простую и краткую форму житій этого рода¹⁾.

Дѣлая выводы изъ всѣхъ трехъ редакцій и откинувъ нѣкоторые позднѣйшіе и несообразные съ хронологіей эпизоды изъ жизни угодника, мы получимъ житіе преподобнаго въ слѣдующемъ видѣ.

Родился преподобный Авраамій въ послѣдней четверти XI вѣка; прибылъ въ Ростовъ и поселился въ убогой хижинѣ на берегу озера Неро. Здѣсь онъ всецѣло посвятилъ себя иноческимъ подвигамъ и борьбѣ съ язычествомъ. При помощи Божіей онъ обратилъ ко Христу многихъ язычниковъ, сокрушилъ извѣстнымъ образомъ идола Велеса, стоявшаго на Чудскомъ концѣ города, и на этомъ мѣстѣ устроилъ малую иноческую обитель во имя Богоявленія Господня, которая скоро наполнилась иноками. Сдѣлавшись начальникомъ иноковъ, преподобный еще болѣе усилилъ свою просвѣтительную и подвижническую дѣятельность, твердо противостоя извѣтамъ духа злобы, причемъ дважды посрамилъ козни бѣса.

Князь Владиміръ (Мономахъ) даровалъ монастырю угодыя, а преподобный расширилъ и благоукрасилъ свою обитель. Въ самомъ началѣ XII вѣка преподобный Авраамій былъ поставленъ архимандритомъ и вскорѣ (приблизительно около 1107—1110 гг.) скончался въ глубокой старости и былъ похороненъ близъ монастыря. Мощи его обрѣтены 29-го октября 1210 г. при великомъ князѣ Всеволодѣ Юрьевичѣ (1176—1212 гг.), внука Мономаха, сына Юрія Долгорукаго. Нынѣ мощи преподобнаго Авраамія открыто почитаютъ въ главномъ храмѣ ростовскаго Аврааміева Богоявленскаго монастыря, въ особомъ придѣлѣ, въ серебряной рацѣ, устроенной въ 1862 г.

Сказаніе о явленіи преподобному св. Іоанна Богослова въ житіи первой редакціи изложено весьма характерно: «И пріиде Авраамій Ишню рѣку и срѣте чловѣка страшна, благоговѣйна образомъ, плѣшива, возлыса, брадою круглою великою и красна суща зѣло, имѣюща въ руцѣ трость; паде же подъ ногама ему блаженный и поклонися ему; глагола ему сей страшный мужъ, гдѣ старче грядеши; глагола ему блаженный все по ряду, коея ради вины грядеше на возысканіе Іоанна дому богослова. Глагола ему страшный мужъ: иди, старче, возьми сію мою трость и возвратись и приступи ко идолу великому и избоди его тростію сею во имя Іоанна Богослова и будетъ ти въ прахъ окаянный, и абіе невидимъ бысть. И позна блаженный Богослова Іоанна и, страхомъ и радостію одержимъ, возвратися вспять и пріиде ко идолу безъ возбраненія и избоде его тростію во имя Іоанна Богослова, и

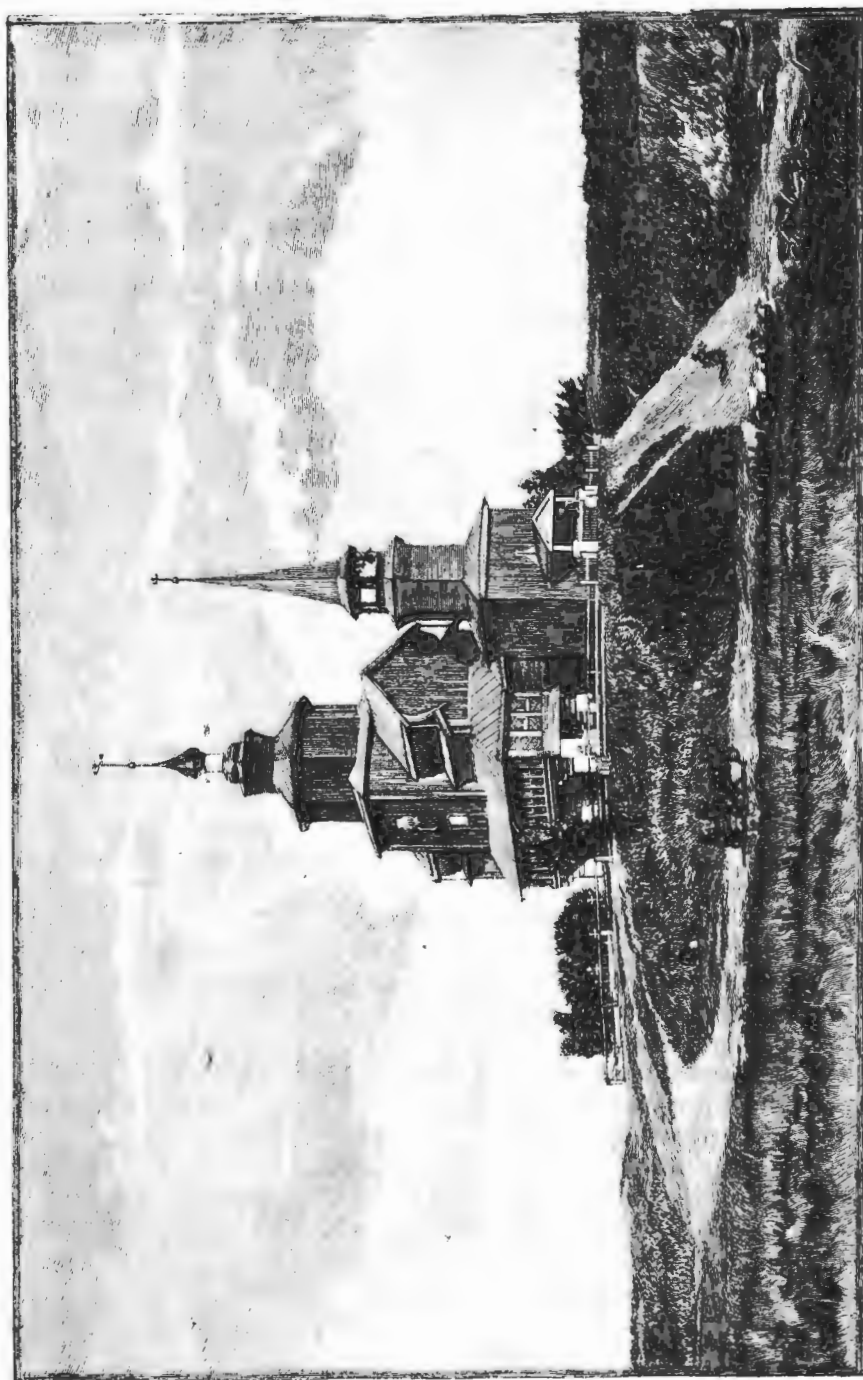
¹⁾ Ярославль, 1892 г.

абіе идолю Велесъ во прахъ бысть. И абіе на томъ мѣстѣ, идѣже срѣте Иоанна Богослова, постави блаженный церковь во имя Иоанна Богослова, иже суть и до сего дни»...

Въ настоящее время тутъ стоитъ храмъ, единственный деревянный въ Ростовскомъ уѣздѣ, построенный въ XVII вѣкѣ и доселѣ сохранившійся почти во всей своей неприкосновенности. Иконостасъ, св. иконы, тѣ же, что были при первоначальной постройкѣ, бывшей въ 1687 г. при архимандритѣ Богоявленскаго монастыря Герасимѣ. Ранѣе здѣсь также существовала деревянная церковь, что видно изъ надписи на древней иконѣ св. Иоанна Богослова: «Лѣта 7186 (1678), въ которомъ написана сія святая икона Иоаннъ Богословъ, в домъ его въ церковь на Ишнѣ рѣкѣ по своему общанію поставилъ Анатолій, Андреевъ сынъ». Но самое лучшее украшеніе этого храма есть, безспорно, знаменитыя рѣзные царскія врата съ надписью. «Лѣта 7070 (1562) мѣсяца августа 29 день, на память усѣкновенія честныя главы Иоанна Предтечи, совершены двери сія въ домѣ Богоявленія Христа Бога и чудотворца Авраамія въ Ростовѣ, при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Иоаннѣ Васильевичѣ всеа Русіи, при архіепископѣ ростовскомъ Никандрѣ, при архимандритѣ Богоявленскомъ Іонѣ. Инокъ Исаія». Врата эти, украшавшія нѣкогда главный храмъ Богоявленскаго монастыря въ Ростовѣ, были еще въ XVII в., по замѣнѣ ихъ другими, перенесены въ деревянную Богословскую церковь.

Орнаментация и художественное исполненіе на столько хороши, что извѣстный авторъ древнерусскаго искусства Виоле-ле-дюкъ упомянулъ о нихъ въ своей книгѣ и приложилъ съ нихъ снимокъ. Въ 1884 г., реставрируя церковь Григорьевскаго монастыря затвора въ Ростовскомъ кремлѣ, я сдѣлалъ съ этихъ вратъ точную копию; рисунокъ съ нихъ помѣщенъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1885 г. (т. XXII, стр. 99). Село Богословъ издревле принадлежало Богоявленскому Аврааміеву монастырю, имѣвшему до 1764 г. 1.413 душъ крестьянъ и множество вотчинъ. Въ уцѣлѣвшей писцовой книгѣ XVII вѣка и хранящейся въ монастырской библіотекѣ значится: «В сотемскомъ же стану, в вотчине Богоявленскаго монастыря село Богословское на реке на Ишнѣ і на речкѣ на Городовкѣ; а въ селѣ церковь Іованна Богослова деревянъ, клѣтци, а церковь і в церкви образы і свѣчи, і книги, і ризы, і сосуды церковные і всякое церковное строеніе монастырское; у церкви дворъ поповъ пустъ; пашни церковные средние земли три четверти в пол, а дву по тому; сѣна тридцать копенъ». «Тогожъ Богоявленскаго села выставка—слободка Богословская у реки Ишни, у перевозу, а въ ней живутъ монастырскіе служебники для перевозу».

Церковь Богословская не только была построена на монастыр-

Богословская деревянная церковь XVII вѣка въ Ярославской губерніи.

скія средства, но отъ монастыря отправлялось и ежедневное богослуженіе. Тутъ жилъ іеромонахъ съ потребнымъ числомъ служителей; онъ же и былъ управителемъ этой мѣстности по сбору оброчныхъ статей, взимаемыхъ съ крестьянъ въ пользу монастыря и для перевозу черезъ р. Ишню.

Съ учрежденіемъ штатовъ, въ 1764 году, село Богословъ было отобрано отъ монастыря въ казенное вѣдомство, а деревянная церковь приписана къ Песоцкой церкви (въ 2-хъ верстахъ), и съ той поры богослуженіе стало совершаться очень рѣдко, по большимъ храмовымъ праздникамъ, что, можетъ быть, и сохранило церковь отъ усердія благоукрасителей, столь много (ради медалей) попортившихъ въ послѣднее время древнихъ памятниковъ.

Въ XIII—XIV вв. эта мѣстность съ частію села Порѣчья принадлежала ростовскому князю Константину Васильевичу († 1365 г.)¹⁾, а затѣмъ его сыну Глѣбѣ Константиновичу, умершему бездѣтнымъ. Относительно этого послѣдняго князя существуетъ народная легенда самаго романтическаго характера: «Старъ женился князь Глѣбъ Константиновичъ на княжнѣ молодой—пригожавицѣ, а по имени звали по изотчеству Окулина Русановна Щепина; а у этой княжны былъ полюбви другой и жила она съ нимъ, какъ листъ съ травой; и былъ то князь Александръ Ивановичъ Хохолковъ. Вышла замужъ Окулина и то и дѣло немоглой прикидывалась: то съ ней родимецъ, то призоры нашли, то не доброе съ ей сдѣялось; однажды скажетъ мужу: волхва позови, а въ другой разъ—знахаря съищи, а то за кореньемъ сходи; а сама позоветъ любовника и тѣшится съ нимъ—не натѣшится. Мужъ отыщетъ волхва или знахаря, а къ женѣ идетъ переодѣтый ейный потѣшникъ. И такъ шло долго ли, коротко ли; мужъ ничего не зналъ и все ходилъ за своей княгиней, какъ слуга покорный. Но ужъ такъ изстари ведется: баба мѣры не знаетъ. Захотѣлось княгинѣ Окулинѣ подалше отправить своего мужа; вотъ и говоритъ она: съѣзди, говорить, за лекарствомъ въ Кіевъ, тамъ есть масло, что снимаетъ ейную немочь, а у самой на умѣ другое: какъ бы безъ мужа подольше потѣхой своей напотѣшиться. Жилъ рядомъ съ ними сосѣдъ—князь Иванъ Темка Яновъ; распознай онъ всѣ проказы Окулины и Расскажи ейному мужу—Глѣбу Константиновичу: не добромъ, говорить, княгиня твоя живетъ, не по Божьему, надъ тобой она издѣвается, а сама потѣхой своей потѣшается. И посовѣтоваль ему не ѣздить въ Кіевъ, а спрятаться въ снопъ соломы. Такъ онъ и сдѣлалъ. Темка принесъ этотъ снопъ въ теремъ Окулины. Та на радости, что справила мужа къ широкому Днѣпру, и скачетъ, и пляшетъ, и сама припѣваетъ: по-

¹⁾ Князь Константинъ Васильевичъ въ XV столѣтіи отъ Рюрика былъ женатъ на дочери великаго князя Иоанна Калиты—Маріи Иоанновнѣ.

ѣхаль мой старъ мужъ во Кіевъ царство, по Кіево масло, а мнѣ молодой воля, воля! Тутъ-то Глѣбъ князь выскочилъ изъ снопа и перехвостной ременной плеткой давай учить ее уму-разуму. Послѣ этого, говорятъ, Окулина перестала шалить и стала ему вѣрной, примѣрной женой».

Вообще, нужно сказать, что въ Ростовскомъ краѣ отъ XIII вѣка сохранилось не мало легендъ и преданій, по словамъ Е. В. Барсова, съ несомнѣнными признаками великокняжескихъ былинъ дружинной Руси. Большая часть этихъ сказаній помѣщена въ выдержкахъ, въ моемъ изслѣдованіи о Ростовскомъ уѣздѣ¹⁾, удостоенномъ большой серебряной медали императорскаго русскаго археологическаго общества.

Ростовскихъ князей Рюриковичей въ XIV—XV в. было такъ много, что если вѣрить рукописямъ, даже существовала пословица: «у семи князей—одинъ воинъ». Много ихъ поубавилъ Іоаннъ Грозный. Одинъ изъ числа такихъ ростовскихъ князей, отдавая свой удѣлъ московскому князю Іоанну III, между прочимъ, выговаривалъ право, что когда онъ будетъ пріѣзжать въ Ростовъ, то чтобы ему были воздаваемы княжескія почести: «Архіерей бы выходилъ на встрѣчу съ крестомъ и въ колокола бы звонили». Его потомокъ, занимавшій немаловажную должность въ царствованіе Павла I, отыскалъ эту грамоту и подалъ прошеніе императору о восстановленіи этихъ правъ. Павелъ сдѣлалъ резолюцію: «согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы князю N подъ страхомъ смертной казни ни самому, ни его наслѣдникамъ не вѣзжать въ Ростовъ».

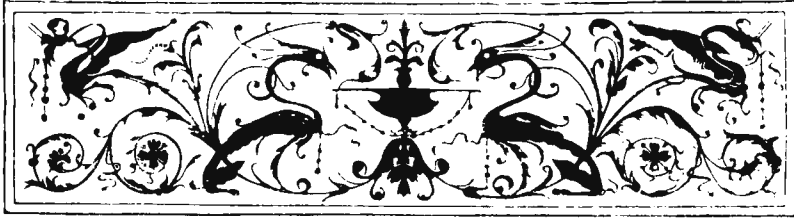
Теперь удѣлѣно не много родовъ съ титуломъ князей ростовскихъ, но мѣста ихъ родовыхъ вотчинъ еще сохранились, такъ какъ не малое число подростовныхъ селеній образовалось изъ княжескихъ и боярскихъ дачъ и называется по фамиліямъ своихъ основателей.

Современные интеллигенты, очевидно, мало дорожатъ своимъ прошлымъ, иначе ради принципа могли бы пріобрѣсти хотя бы частичку той земли, гдѣ была ихъ родовая отчина или стоялъ «пріузорчатый теремъ» ихъ предка, ростовскаго владѣтельнаго князя, котораго въ былыя времена самъ архіерей встрѣчалъ съ колокольнымъ звономъ.

А. Титовъ.

¹⁾ Ростовскій уѣздъ, Ярославской губерніи. Историко-археологическое и статистическое описаніе. Москва, Синод. типогр., 1888 г.

ТЕАТРЪ ВЪ ТУРЦІИ.

ВЪ НАШЕМЪ обществѣ знакомство съ Востокомъ до сихъ поръ, какъ и встарь, ограничивается обыкновенно чтеніемъ отрывковъ изъ путешествій по мусульманскимъ странамъ да газетными свѣдѣніями о тѣхъ или другихъ политическихъ событіяхъ на Востокѣ. Между тѣмъ его внутренняя жизнь остается для большинства почти неизвѣстною, а литература, весьма богатая и своеобразная, находясь въ полномъ загонѣ, является лишь достояніемъ ориенталистовъ, тогда какъ на Западѣ давно переведено и прокомментировано большинство выдающихся произведеній восточной прозы и поэзіи.

Но если у насъ, особенно въ послѣднее время, появляются иногда въ періодическихъ изданіяхъ переводы изъ извѣстныхъ восточныхъ авторовъ и замѣчается интересъ къ изученію быта мусульманъ нашихъ южныхъ окраинъ и Средней Азіи, то мы уже совершенно ничего до сихъ поръ не знаемъ о такой интересной сторонѣ жизни народовъ мусульманскаго Востока, какъ ихъ національный театръ съ его репертуаромъ, обстановкой и актерами.

А между тѣмъ театръ на Востокѣ существуетъ изстари, репертуаръ его очень характеренъ, актеры своеобразны, а вся обстановка въ высшей степени самобытна, оригинальна и достойна изученія. Въ театрѣ, и по преимуществу въ народномъ, какимъ онъ существуетъ на Востокѣ, особенно ярко проявляется духъ и, такъ сказать, нравственная фізіономія той или иной націи, и уже съ этой, между прочимъ, стороны знакомство съ восточнымъ театромъ въ высшей степени любопытно.

Національный, строго религіознаго характера, театр въ Персіи рисуетъ намъ эту страну и ея народность совсѣмъ, конечно, не въ томъ свѣтѣ, какъ изображаетъ намъ турокъ ихъ циничный и грубый театръ маріонетокъ.

Цивилизація, однако, неуклонно идя впередъ, заглянула и на полусонный Востокъ, что отразилось, между прочимъ, и на его театрѣ. И въ Турціи, и въ Персіи, и въ Египтѣ замѣчается сильное стремленіе подражать Западу и въ постановкѣ пьесъ, и въ ихъ компановкѣ.

Особенно въ этомъ отношеніи пошла впередъ Турція, хотя и менѣе образованная и развитая, чѣмъ своеобразная Персія, съ ея философскимъ сектантствомъ и религіозно-соціальными движеніями, но болѣе близкая къ Западу, имѣющая болѣе съ нимъ соприкосновенія и менѣе углубленная въ самое себя, чѣмъ мудрая родина Саади и Хафиза.

Въ Турціи, помимо переводовъ пьесъ европейскихъ авторовъ, существуютъ уже пьесы вполне западнаго типа, съ интересной завязкой и вытекающей изъ сути пьесы развязкой, раздѣленіемъ на акты и сцены или явленія, перечнемъ дѣйствующихъ лицъ, — словомъ, со всѣми принадлежностями любой европейской сцены.

Съ этими-то интересными произведеніями современной турецкой драматургіи мы и хотимъ познакомить читателей, и не подозревающихъ, по всей вѣроятности, о существованіи чего нибудь подобнаго на полудикомъ Востокѣ.

Но ранѣе, чѣмъ говорить объ упомянутыхъ пьесахъ, являющихся продуктомъ уже послѣдняго времени, мы считаемъ необходимымъ дать предварительно читателямъ краткій очеркъ мусульманскаго театра вообще и театра въ Турціи въ частности.

I.

Въ Турціи, кромѣ большею частью довольно посредственныхъ переводовъ французскихъ комедій Мольера¹⁾, Сарду и Дюма, да жалкихъ, безталанныхъ подражаній европейскимъ комедіямъ и драмамъ, печатающихся обыкновенно въ фельетонахъ константинопольскихъ изданій, вы не встрѣтите ни одной оригинальной, народной пьесы, мало-мальски литературнаго характера.

Толпа забавляется карагѣз'омъ (слово въ слово «черный глазъ»), уличнымъ полишинелемъ, встрѣчающимся и въ Персіи, да грубыми фарсами и буффонадами.

¹⁾ Переводъ многихъ пьесъ Мольера сдѣланъ еще при бывшемъ великомъ визирѣ Ахмедѣ-Вефикъ-пашѣ. Переводъ отличается близостью къ подлиннику и литературными достоинствами.

Въ странахъ, гдѣ процвѣтаетъ арабскій языкъ, дѣло поставлено не лучше. Низшіе классы дѣтшаются все тѣмъ же карагѣз'омъ, а египетская аристократія ходитъ слушать итальянскую оперу въ Александрію.

Театръ въ Персіи имѣетъ совсѣмъ иной видъ. Тамъ, какъ мы уже упомянули, царитъ, напротивъ, національная драма, но строго религіознаго типа, съ дѣтски-наивной обстановкой и характеромъ средневѣковыхъ мистерій, и она посвящена прославленію памяти высокочтимыхъ въ Иранѣ святыхъ Али, зятя Мухаммеда, и его сыновей Хасана и Хусейна, погибшихъ въ борьбѣ съ ихъ врагами омейядами.

Здѣсь не время и не мѣсто говорить подробно объ этихъ оригинальныхъ театральныхъ представленіяхъ, носящихъ у персіянъ названіе теазіѳ. Интересующихся этимъ мы отсылаемъ къ почтенному труду А. Ходзько (Chodzko)—*Théâtre persan*, гдѣ читатели могутъ найти подробный очеркъ исторіи персидскихъ мистерій и нѣсколько наиболѣе характерныхъ теазіѳ, въ прекрасномъ французскомъ переводѣ съ комментаріями.

Переходя отъ серьезной драмы къ веселой комедіи, къ сожалѣнію, приходится замѣтить, что она почти вполнѣ отсутствуетъ и въ Персіи, и въ Турціи, и вообще на мусульманскомъ Востокѣ.

Если еще и есть что нибудь похожее на европейскій водевиль, такъ это въ Персіи, болѣе либеральной и независимой, по характеру націи, чѣмъ узко-набожная, строго ортодоксальная Турція. Причина этому заключается, главнымъ образомъ, въ религіи мусульманъ, исламѣ, запрещающемъ подобныя развлечения.

Вотъ почему на Востокѣ, гдѣ повсюду въ послѣднее время замѣчается стремленіе къ западной цивилизаціи, благодаря интересу, возбужденному среди европейцевъ самимъ Востокомъ, въ мусульманскихъ странахъ до сихъ поръ довольствуются, кромѣ вышеупомянутаго карагѣза, грубыми фарсами и маріонетками.

Маріонетки существовали съ глубокой древности почти у всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ, только въ старину онѣ должны были исполнять серьезные роли, являясь непремѣнной принадлежностью религіозныхъ праздниковъ и торжествъ. Позднѣе, въ Аѳинахъ, маріонетки служили для представленія цѣлыхъ серьезныхъ драмъ. Послѣ упадка греческой трагедіи онѣ удостоились чести быть принадлежностью вакхическихъ представленій. Только мало-по-малу освободились онѣ отъ свойственнаго имъ прежде религіознаго характера, чтобы сдѣлаться, наконецъ, веселой забавой, какой онѣ являются теперь повсюду, какъ будто только въ этомъ и было ихъ всегдашнее назначеніе.

Что касается мусульманъ, то у нихъ маріонетки никогда не были не чѣмъ инымъ, кромѣ незатѣйливаго развлечения для дѣтей и взрослыхъ. Въ исламѣ, конечно, онѣ не могли бы играть когда бы

то ни было никакой серьезной роли, такъ какъ священный для мусульманъ Коранъ строго запрещаетъ какія бы то ни было представленія челоѣкообразныхъ фигуръ, и остается, между прочимъ, только удивляться, какъ восточный пульчинелло-карагёзъ издавна процвѣталъ и процвѣтаетъ среди магометанъ, не смотря на вышеупомянутое категорическое запрещеніе.

Можетъ быть, впрочемъ, въ карагёзѣ не слѣдуетъ видѣть вполнѣ національнаго продукта. Говорятъ, карагёзъ—кариатура на одного изъ визирей Саладина. Являясь такимъ образомъ національной выдумкой, онъ въ то же время представляется и чѣмъ-то случайнымъ, наноснымъ, такъ какъ нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы подобныхъ карикатуръ не было и до Саладина, и при томъ въ разнообразныхъ типахъ.

Справедливо замѣчено, что маріонетки отражаютъ въ себѣ національные пороки и добрыя и дурныя качества. Всѣ эти деревянные герои, болѣе или менѣе, циники, фанфароны, хвастуны, трусы; каждый изъ нихъ имѣетъ, однако, свои особыя, присущіе ему именно, достоинства и недостатки. Карагёзъ весьма похожъ на полишинеля, у котораго онъ позаимствовалъ не мало цинизма, нахальства и насмѣшливости: онъ смѣется надъ муллами и кадями, какъ тотъ издѣвается надъ судьями и жандармами,—черта общая всѣмъ маріонеткамъ въ мірѣ, особенно у народовъ, подчиненныхъ деспотическому режиму¹⁾. Ихъ деревяннымъ актерамъ предоставляется относительная свобода, и цензура умышленно закрываетъ глаза на разные политическіе намеки, которые они себѣ позволяютъ; имъ дается безконтрольное право говорить то, что каждый изъ зрителей смѣетъ только думать про себя.

Театръ маріонетокъ является такимъ образомъ выразителемъ затаенныхъ мыслей и сужденій народа и тѣмъ болѣе возбуждаетъ интересъ и сочувствіе толпы, чѣмъ болѣе она угнетена и принижена. Но черта, свойственная именно карагёзу,—это удивительная грубость и невоздержность въ выраженіяхъ и откровенный цинизмъ въ дѣйствіяхъ. Нельзя передать даже приблизительно полную разнузданность рѣчи и отталкивающую непристойность поступковъ, которые онъ себѣ позволяетъ, за чтѣ награждается оглушительными рукоплесканіями и знаками одобренія зрителей, среди которыхъ обыкновенно бываютъ въ большомъ количествѣ женщины и дѣти.

¹⁾ Интересныя подробности о карагёзѣ читатели найдутъ у Теофиля Готье, «Constantinople, Paris, 1856», стр. 175, и въ книгѣ «Voyage en Orient», par Gérard de Nerval, 8-ème édition, Paris, 1882, II, стр. 192 и слѣд. Карагёзъ—черный глазъ, принадлежность мусульманскаго полишинеля, какъ горбъ—пульчинелло Запада. Фигура карагёза всегда видна въ профиль, на которомъ обрисовывается большой, круглый, черный глазъ. По этому глазу публика всегда узнаетъ карагёза, какъ бы онъ ни переодѣвался.

Для европейца это кажется возмутительнымъ, но мусульмане смотрятъ на шутки карагёза совершенно иначе: ихъ нравы позволяютъ имъ восхищаться грязными выходками ихъ любимаго клоуна и показывать его циничныя кривлянья своимъ малолѣтнимъ дѣтямъ.

Карагезъ процвѣтаетъ собственно въ Турціи, у грубыхъ, не смотря на заимствованный европейскій лоскъ, неразвитыхъ и бѣдно одаренныхъ природою османлы; но онъ весьма распространенъ также и въ Египтѣ.

Въ Персіи карагезъ мѣняетъ наружность и манеру и уже является подъ видомъ кечель-пехлевана, лысаго молодца, такъ какъ лысина его отличительная внѣшняя черта.

Разница между карагезомъ и кечель-пехлеваномъ весьма значительная. На сколько одинъ грубъ и пошлъ, на столько другой тактиченъ, остроуменъ и находчивъ, хотя они оба—циники и пройдохи. Между ними, въ сущности, такая же разница, какая существуетъ между тяжеловѣснымъ, неподвижнымъ и узко мыслящимъ туркомъ и тонко развитымъ и либеральнымъ сыномъ Ирана ¹⁾.

Кромѣ маріонетокъ, въ Турціи существуетъ еще особый родъ народныхъ театральныхъ представленій, такъ называемые тамаша и теклидъ (оба слова арабскія: первое значитъ представленіе, второе—подражаніе). Это родъ короткихъ водевилей изъ 2—3 дѣйствующихъ лицъ, на подобіе французскихъ фарсовъ, и разыгрываются такія пьесы на большихъ ярмаркахъ.

Эти представленія ведутъ свое начало изстари и распространены по всему магометанскому Востоку. Въ послѣднее время, однако, они приняли нѣсколько иной характеръ, чѣмъ въ прежнее время. Есть основаніе думать, что прежде тамаша заключались главнѣйшимъ образомъ въ довольно свободныхъ танцахъ, пантомимахъ и пѣсняхъ любовнаго содержанія. Во время Chardin'a діалоговъ въ тамаша вовсе не было, и французскій путешественникъ говоритъ слѣдующее: «Музыканты и танцовщицы разыгрываютъ комедію на Востокѣ или, точнѣе сказать, оперу, такъ какъ во время представленій только распѣваютъ стихи, проза же не входитъ въ ихъ программу» ²⁾.

Тамаша въ томъ видѣ, въ какомъ мы знаемъ ее теперь, появилась уже гораздо позже, постепенно видоизмѣняясь и переходя изъ одного балета въ оперу-балетъ, пантомиму и, наконецъ, выродившись въ своеобразный, незатѣйливый водевиль.

Вотъ какъ описываетъ тамаша Chardin, который былъ ея внимательнымъ очевидцемъ.

¹⁾ См. о кечель-пехлеванѣ нашу статью «Театръ въ Персіи», «Историческій Вѣстникъ», 1892 г.

²⁾ Voyage du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient, Paris, 1811, т. II, стр. 207.

«Танцовщицы открываютъ представленіе выраженіемъ прелестей и очарованій любви, представляя затѣмъ взаимную страсть влюбленныхъ. Таково обыкновенно содержаніе перваго акта.

«Во второмъ труппа дѣлится на два хора: одинъ изображаетъ преслѣдованія страстно влюбленнаго, другой — кокетство, упрямство и отпоръ гордой красавицы.

«Третій актъ рисуеъ согласіе и миръ влюбленной парочки; здѣсь актрисы не жалѣютъ жестовъ и не скупятся на пѣніе, чтобы рельефнѣе изобразить счастье героини и героя. Пѣвцы и музыканты становятся въ страстные позы и, постепенно приближаясь къ танцовщицамъ, томно склоняются къ нимъ и выкрикиваютъ имъ подъ самыя уши слова любви, чтобы тѣмъ воодушевить этихъ послѣднихъ, отъ чего тѣ приходятъ постепенно въ восторженно страстное состояніе духа. Начинается пляска, сопровождаемая пѣніемъ, все болѣе и болѣе разнузданная и не скромная, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ балета зрителю, не потерявшему еще чувства благопристойности и приличія, невольно приходится опускать глаза отъ тѣлодвиженій танцовщицъ и циничныхъ словъ пѣсень, распѣваемыхъ подъ соотвѣтственно веселую музыку»¹⁾.

Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что танцовщицы, о которыхъ рассказываетъ Chardin, составляли тогда свою особую организацію и занимались, кромѣ пляски, главнымъ образомъ, гетеризмомъ. Танцы же были для нихъ второстепеннымъ ремесломъ и служили лишь для пріобрѣтенія поклонниковъ. Въ эпоху Chardin'a такихъ танцовщицъ-гетеръ было очень много по всему Востоку и въ одной, напримѣръ, Испагани, тогдашней столицѣ Персіи, ихъ считывалось до 14.000 душъ.

Тамаша не имѣетъ, конечно, никакой оригинальности. Это обыкновенно какой нибудь простой фарсъ, разыгрываемый странствующими съ мѣста на мѣсто, какъ это нѣкогда было и въ Западной Европѣ, актерами-паяцами, луті, какъ ихъ называютъ въ Востокѣ.

Тамаша, въ сущности, является импровизаціей самихъ актеровъ, и чѣмъ они находчивѣе, остроумнѣе и изобрѣтательнѣе, тѣмъ интереснѣе и забавнѣе пьеса. Такъ какъ публика здѣсь бываетъ обыкновенно простая, нетребовательная, то языкъ тамаша отличается простотой и наивностью и блещетъ незатѣйливыми каламбурами, посыпанными подчасъ нѣсколько излишне крупной, во всякомъ случаѣ не «аттической» солью. Фабула всегда довольно грубовата и не отличается скромностью, хотя комизма въ представленіи обыкновенно очень много, и при томъ самаго живаго, непосредственнаго. Чтобы еще болѣе насмѣшить зрителей, актеры

¹⁾ Chardin, op. cit., стр. 207 и слѣд.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1893 г., т. LIII.

густо вымазываютъ себѣ сдлошь да рядомъ лица мукой, на подобіе клоуновъ цирка.

Въ упомянутой уже нами интересной книгѣ А. Ходзько: «Théâtre persan», читатели могутъ найти нѣсколько сюжетовъ тамаша въ Персіи.

Въ Турціи, Египтѣ и другихъ мусульманскихъ странахъ тамаша мало чѣмъ разнообразится и, не блеща ни оригинальностью, ни особенностями стиля, она въ сущности интересна главнымъ образомъ тѣмъ, что всюду изображаетъ фізіономію націи, среди которой играется. Въ Египтѣ мы видимъ въ ней непремѣнно приращеннаго феллаха, измученнаго государственными поборами и кровопійцами-ростовщиками; въ консервативно неподвижной Турціи фарсъ грубѣе и веселѣе комизмъ, съ шутками и прибаутками во вкусѣ анекдотовъ и остротъ пресловутаго Насръ-Эддина-хаджи ¹⁾, столь популярнаго на Востокѣ. Персидская тамаша отличается большимъ изяществомъ и остроуміемъ и носитъ всегда отпечатокъ поэзіи, отличительной черты Ирана, гдѣ всѣ читаютъ и любятъ стихи и всѣ немножко поэты.

Не представляя изъ себя ничего особеннаго, тамаша имѣетъ, однако, несомнѣнные зачатки комедіи.

Тамаша недостойна, разумѣется, спеціального изученія, да въ ней не найдется и нужнаго для этого матеріала, но о ней слѣдуетъ и необходимо упомянуть, когда идетъ рѣчь о восточномъ театрѣ, такъ какъ она показываетъ, что комическія представленія никогда не были чужды народамъ Востока.

II.

Пьесы восточнаго произведенія, но европейскаго образца, о которыхъ мы говорили въ началѣ статьи, принадлежатъ перу автора, знакомаго съ западнымъ театромъ. Авторъ и не скрываетъ источника, изъ котораго онъ черпаетъ свое вдохновеніе, да было бы и совершенно излишне скрывать это, такъ какъ самое поверхностное знакомство съ его пьесами, несомнѣнно, тотчасъ же подскажетъ, что послужило ихъ прототипомъ.

Пьесы не блещутъ ни характерностью, ни особеннымъ талантомъ, хотя обличаютъ безспорный умъ и литературное дарованіе ихъ автора.

Фэтъ-Али-ахундъ-задэ ни удивить васъ, ни насмѣшить до упаду, ни растрогаетъ до слезъ, но ужъ одно то, что истый му-

¹⁾ Полулегендарный остроловь, которому приписывается въ Турціи масса шутокъ, каламбуровъ, смѣшныхъ выходокъ и т. п. См. «Plaisanteries de Nassr-Eddin-Hodja», tr. par M. Decourdemanche, Bruxelles, 1878.

сульманинъ, понявъ безнадежную наивность, бесконечную пустоту и циничную пошлость родного карагеца и тамаша, обратилъ вниманіе на сцену Запада, сталъ присматриваться къ ней и изучать ея репертуаръ, дѣлаетъ ему величайшую честь, обличая въ немъ человѣка недюжиннаго, и придаетъ его симпатичнымъ попыткамъ европеизировать турецкій театръ интересъ и значеніе.

Нельзя, однако, не замѣтить, что авторъ находится подъ сильнымъ обаяніемъ французской комедіи. Къ сожалѣнію, современный турецкій театръ, съ его наивными подражаніями европейской, особенно французской, сценѣ, весьма отъ этого страдаетъ, выводя на подмостки не турокъ, а космополитовъ-европейцевъ, бойко болтающихъ потурецки, и рисуя подчасъ не внутренній бытъ родной страны, а нравы чуждыхъ національностей, кое-какъ приноровленные къ мѣстнымъ обычаямъ.

Мирза Фэтъ-Али-ахундъ-задэ родился въ Караджа-Дагѣ (на югѣ отъ Діарбекира) и былъ, какъ показываетъ и его имя¹⁾, сыномъ духовнаго лица. Онъ поступилъ на русскую службу, достигъ чина капитана и жилъ въ пятидесятыхъ годахъ въ Тифлисѣ, гдѣ сошелся съ русскими и тамошней иностранной колоніей. Онъ часто посѣщалъ мѣстный театръ, построенный по инициативѣ тогдашняго кавказскаго намѣстника, князя С. М. Воронцова, гдѣ давались русскія, а иногда и французскія пьесы. Имѣя съ молодости склонность къ театру, Фэтъ-Али сталъ знакомиться съ европейской театральной литературой и попробовалъ подражать видѣннымъ имъ самимъ образцамъ, принаравливаясь къ турецкой жизни.

Пьесы Фэтъ-Али были напечатаны въ Тифлисѣ, въ 1853 году. Теперь онѣ составляютъ библиографическую рѣдкость, такъ какъ въ настоящее время ихъ всего 2—3 экземпляра въ цѣлой Европѣ.

Пьесы эти были переведены на персидскій языкъ и появлялись постепенно въ Тифлисѣ же между 1871 и 1874 гг.

Къ сожалѣнію, и персидскій ихъ текстъ также составляетъ большую рѣдкость, какъ и турецкій оригиналь.

Нашъ извѣстный поэтъ, Я. П. Полонскій, лично зналъ Фэтъ-Али въ пятидесятыхъ годахъ въ Тифлисѣ, служа съ нимъ вмѣстѣ въ канцеляріи князя Воронцова, гдѣ Фэтъ-Али былъ старшимъ переводчикомъ. По отзыву Я. П. Полонскаго, это былъ человѣкъ очень симпатичный, образованный гораздо болѣе, чѣмъ заурядный мусульманинъ, безспорно умный и интересный въ разговорѣ; онъ охотно былъ принимаемъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ въ Тифлисѣ, гдѣ держалъ себя свободно и съ большимъ

¹⁾ Ахундъ-задэ—рожденный отъ ахуна, сынъ ахуна. Ахундъ—почетное званіе, даваемое духовнымъ начальствомъ мусульманъ заслуженнымъ и особенно образованнымъ мулламъ.

тактомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ истинно восточной неподвижностью и флегмой, отличительной чертой мусульманина.

Двѣ пьесы изъ репертуара Фэтъ-Али, лучшія по сюжету и общей структурѣ, а именно «Визирь хана Ленкоранскаго» и «Судьи» (*Les Procureurs*), появились въ первый разъ въ прекрасномъ французскомъ переводѣ А. Силльера ¹⁾, съ необходимыми комментаріями, и составляютъ одинъ изъ послѣднихъ томиковъ извѣстнаго Эльзевировскаго изданія «Восточной Библіотеки» Э. Леру, въ Парижѣ.

Съ одной изъ этихъ восточныхъ пьесъ на европейскій ладъ турецкаго автора мы и познакомимъ теперь читателей, а именно съ «Визиремъ хана Ленкоранскаго».

Пьеса эта въ турецкомъ подлинникѣ называлась «Визирь серабскаго хана» и получила свое теперешнее заглавіе въ персидскомъ переводѣ. Причина перемѣны та, что Серабъ—незначительная и почти неизвѣстная деревенька, не лежащая при морѣ, что противоположно тексту пьесы, тогда какъ Ленкоранъ, на берегу Каспійскаго моря, на с.-з. отъ Решта, вполне соответствуетъ тексту фавулы ²⁾.

«Визирь хана Ленкоранскаго»—лучшая пьеса нашего драматурга. Дѣйствіе въ ней идетъ легко и свободно, интрига довольно интересна и лица характерны. Она рисуетъ восточный бытъ, съ его первобытнымъ судомъ и расправой, придворными обычаями, любовными интригами и гаремными сплетнями и наглядно знакомитъ насъ съ разными сторонами внутренней жизни Востока.

Вторая пьеса, «Судьи», нѣсколько слабѣ первой, но зато ея второй актъ такъ хорошъ и типиченъ, что изъ-за него одного ее стоило бы перевести всю.

III.

ВИЗИРЬ ХАНА ЛЕНКОРАНСКАГО ³⁾.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Соч. Мирзы-Фэтъ-Али ахундъ-зада.

Л И Ц А.

Мирза Хабибъ, визирь ленкоранскій.

Зибъ-ханумъ, его старая жена.

Шолъ-ханумъ, молодая жена визиря, его любимица, старшая сестра Нисъ-ханумъ.

¹⁾ Deux comédies turques par Mirza Feth-Ali-akhoud-zadé, tr. pour la première fois en français par Alphonse Cillière, Paris, 1890.

²⁾ Есть англійскій переводъ «Ленкоранскаго визиря», сдѣланный съ персидскаго текста Гаггардомъ и Гей-Странгомъ (*The vizir of Lankevan, a persian play, by W. H. D. Haggard and G. Strange, London, 1882*). Барбье де-Мейнаръ перевелъ три пьесы изъ сборника Фэтъ-Али, а именно «Медвѣдь-жандармъ», «Судьи» (переведенная А. Силльеромъ) и «Алхимикъ». Есть, наконецъ, и русскій, очень плохой подстрочный переводъ нѣкоторыхъ пьесъ Фэтъ-Али, изданный въ Тифлисѣ въ 1853 г., составляющій теперь не малую рѣдкость.

³⁾ Переводъ сдѣланъ съ французскаго и англійскаго перевода пьесы Гаггарда и Силльера, съ необходимыми сокращеніями текста.

Ниса-ханумъ, свояченица визиря.

Тимуръ-ага, племянникъ хана денкоракскаго влюбленный въ Ниса-ханумъ.

Ханъ, губернаторъ Ленкорана.

Пери-ханумъ, теща визиря, въ домѣ котораго она живеть съ незамужней дочерью Ниса-ханумъ.

Хаджи-Салихъ, купецъ.

Хейдеръ, слуга визиря.

Ага-Беширъ, управляющій визиря.

Керимъ, конюхъ визиря.

Ага-Масудъ, евнухъ.

Седимъ-бей, оберъ-церемоніймейстеръ хана.

Кадиръ-бей, церемоніймейстеръ, начальникъ дворцовой стражи.

Азизъ-ага, старшій надъ ханской прислугой.

Семеди-бей, начальникъ феррашей.

Риза, молочный братъ Тимуръ-аги.

Четыре просителя.

Дворцовые привратники, тѣлохранители, улемы (стражники), слуги.

Дѣйствіе въ Ленкоранѣ, 50 лѣтъ тому назадъ (пѣса написана въ пятидесятихъ годахъ текущаго столѣтія).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ визиря, пріемная, смежная съ гаремомъ. Визирь сидитъ на диванѣ. Передъ нимъ въ почтительной позѣ Хаджи-Салихъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Визирь, Хаджи-Салихъ.

Визирь. Хаджи-Салихъ, я слышалъ, ты ѣдешь въ Рештъ, правда ли это?

Хаджи-Салихъ. Да, господинъ мой, я туда ѣду.

Визирь. Я хочу дать тебѣ порученіе, за этимъ я и велѣлъ позвать тебя.

Хаджи-Салихъ. Приказывайте, господинъ мой, я готовъ исполнить ваши повелѣнія отъ всего моего сердца!

Визирь. Такъ вотъ, Хаджи Салихъ, ты долженъ будешь приказать тамъ сдѣлать голубую рубашку ¹⁾, расшитую золотомъ такъ, какъ еще не видывали у насъ въ Ленкорани. Когда она будетъ готова, закажи у ювелира восемьдесятъ четыре золотыхъ пуговицы и прикажи придѣлать ихъ къ вороту. Когда вернешься, привезешь съ собой и ее. Вотъ пятьдесятъ тумановъ ²⁾. (Вынимаетъ изъ-за пояса и даетъ ему свертокъ съ деньгами). Располагай ими! Чего не хватить, сочтемся потомъ. Ты скоро оттуда вернешься?

Хаджи-Салихъ. Черезъ мѣсяць. Мнѣ тамъ долго дѣлать нечего. Я куплю шелку и вернусь... Но, повелитель, если бы я имѣлъ мѣрку рубашки, было бы лучше... Она можетъ оказаться слишкомъ длинной или короткой, не то узкой или не въ мѣру широкой... Я боюсь, право, плохо исполнить порученіе вашей свѣтлости...

¹⁾ Въ переводѣ Силлъера «une tunique bleue». Латинское слово туника намъ казалось неудобнымъ въ пьесѣ турецкаго драматурга.

²⁾ Туманъ соответствуетъ 9 фр. 75 с.

Визирь. Ничего, если она будетъ немножко длинной или широко можно будетъ здѣсь поправить.

Хаджи-Салихъ. Не лучше ли будетъ, господинъ мой, если я куплю матерію въ Рештѣ и закажу тамъ пуговицы, а потомъ привезу все это сюда, и здѣсь уже сошьютъ рубашку по мѣрѣ особы, для которой она предназначена?..

Визирь. Охъ, ужъ вы мнѣ, усердные слуги! Вы имѣете привычку слишкомъ много болтать и показывать свою смѣтливость. Ты хочешь, конечно, чтобы я открылъ тебѣ секретъ! Но развѣ ты не понимаешь, какія неприятности произойдутъ для меня, если ты привезешь все это сюда!

Хаджи-Салихъ. Нѣтъ, господинъ мой, какъ же могу я знать?

Визирь. Тебѣ непременно хочется проникнуть въ мои планы, чтобы, выйдя на базаръ, говорить каждому встрѣчному-поперечному: «визирь мнѣ поручилъ то-то и то-то!». Ну, ужъ такъ и быть! Вотъ видишь ли, любезный, мнѣ хочется къ празднику ноуруза ¹⁾, до котораго остается только два мѣсяца, подарить Шолэ-ханумъ что нибудь особенное... Если рубашка будетъ вышиваться здѣсь, Зиба-ханумъ потребуетъ, конечно, и для себя такую же. Придется купить, и будетъ двойной расходъ, а Зиба-ханумъ не будетъ отъ нея красивѣе. А если я не куплю—начнутся слезы, жалобы, крики...

Хаджи-Салихъ. А если ваша свѣтлость подарите Шолэ-ханумъ совсѣмъ готовую рубашку, развѣ тогда Зиба-ханумъ не захочетъ такой же?

Визирь. Великій Алла! И зачѣмъ я все это тебѣ говорю! Въ какую я попался ловушку! Какое тебѣ дѣло до всего этого? Ступай и исполняй, что тебѣ говорятъ... Понимаешь ли ты, что когда я отдамъ подарокъ Шолэ-ханумъ, я скажу Зиба-ханумъ, что его прислала ей изъ Решта моя сестра, жена Хадайетъ-хана, она повѣритъ... Смотри, ты не разболтаешь? Не правда ли?

Хаджи-Салихъ. О, вѣтъ, господинъ мой! Чтобъ я открылъ секретъ вашей свѣтлости! Это было бы недостойно моей сѣдой бороды!

Визирь. Очень хорошо! Ступай!

Хаджи-Салихъ низко кланяется и уходитъ. Едва онъ уходитъ, какъ Зиба-ханумъ съ шумомъ открываетъ дверь и входитъ видимо раздраженная. Визирь быстро оборачивается).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Зиба-ханумъ, Визирь.

Зиба-ханумъ. А! Ты заказываешь для своей любимицы новую, шитую золотомъ рубашку! Какая щедрость! Bravo! А потомъ ты скажешь мнѣ, что это подарокъ твоей сестры, присланный для Шолэ-ханумъ... твоей сестры, которая такъ же скупа, какъ и испаганскіе купцы ²⁾, и такъ же, какъ они, кладетъ сыръ въ графинъ и третъ хлѣбъ о его стекло, чтобъ и сыромъ пахло и сыръ оставался на вѣки!.. И эта-то сестра присылаетъ вдругъ твоей женѣ подарокъ въ 50—60 тумановъ! И я повѣрю этой баснѣ!!

Визирь. Жена, ты меня пугаешь! О чемъ ты говоришь? Какой подарокъ? Какая рубашка? Ты, должно быть, сошла съ ума?

¹⁾ Новый годъ.

²⁾ Испаганскіе купцы издавна славятся на Востока скупостью, и существуетъ анекдотъ, что они трутъ хлѣбъ о стекло графина, въ которомъ положенъ сыръ.

Зйба-ханумъ. Не говори дерзостей и не болтай сдуру языкомъ! Я слышала весь разговоръ съ Хаджи-Салихомъ. Я сейчасъ же поняла, зачѣмъ ты послала за нимъ, и это меня поразило въ самое сердце! Я подошла тихонько къ двери и приложила ухо: мои соображенія насчетъ Хаджи-Салиха оправдались... Да благословить Алла эту роскошную рубашку, которую ты предлагаешь преподнести Шолѣ-ханумъ! Пусть Тимуръ-ага сіяетъ радостью: готовится новое украшеніе для его вазнобы, она будетъ въ немъ передъ нимъ красоваться!

Визирь. Злая женщина! Какъ не стыдно тебѣ клеветать на мою жену! Ты бросаешь на вѣтеръ мое имя!

Зйба-ханумъ. О, еслибъ я захотѣла, я давно бросила бы на вѣтеръ твою честь, я завела бы себѣ обожателя и затѣяла бы съ нимъ интригу! Но не я, а ваша любимая жена васъ безчеститъ, вѣщаясь на шею къ Тимуръ-агѣ! Моя служанка сплосъ да рядомъ видѣла ихъ вмѣстѣ.

Визирь (поблѣдивъ). Никогда не повѣрю я рабынѣ!

Зйба-ханумъ. Ужъ не тебѣ бы это говорить! Весь городъ объ этомъ знаетъ и думаетъ, что ты нарочно закрываешь глаза, какъ рябчикъ, который прячетъ голову подъ снѣгъ¹⁾. Ты прекрасно понимаешь, кто тебѣ полезень и кто вреденъ. Ты думаешь, никто ничего не видитъ?

Визирь. Что ты говоришь? Какъ Шолѣ-ханумъ узнала Тимуръ-агу? Гдѣ онъ ее видѣлъ?

Зйба-ханумъ. Да ты самъ ей его показалъ!

Визирь (горячась). Я? Я его ей показалъ?! Я?!

Зйба-ханумъ. Конечно! (Насмѣшливо). Или, можетъ быть, я ихъ познакомила?.. Развѣ не ты сказалъ, когда кончился пость, своей любимой женѣ, что за крѣпостью въ присутствіи хана будетъ состязаніе въ силѣ между сыновьями беевъ, и послалъ туда съ евнухомъ и рабыней ее и Ниса-ханумъ? На состязаніи красавецъ Тимуръ-ага положилъ на землю всѣхъ своихъ противниковъ. Шолѣ-ханумъ плѣнилась побѣдителемъ, и не проходитъ дня, чтобы она его такъ или иначе не увидѣла... Развѣ я не говорила, что въ твои годы нѣжности не по плечу,—ты не послушался, и подѣломъ тебѣ!

Визирь. Хорошо! Уйди! Скройся! Довольно! Оставь меня, у меня дѣла...

Зйба-ханумъ (уходя, сквозь зубы). Зачѣмъ мнѣ скрываться? Пусть лучше исчезнетъ любимая женщина съ ея возлюбленнымъ! О, вы хороши всѣ трое!

(Уходитъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Визирь (одинъ).

Визирь. Я отказываюсь всему этому вѣрить; но очень возможно, что Тимуръ-ага ей понравился, благодаря своей силѣ и ловкости. Она его похвалила, а Зйба-ханумъ изъ ревности нашла въ ея словахъ намекъ на любовь... Во всякомъ случаѣ нужно выбить изъ головы Шолѣ-ханумъ этотъ вздоръ и постараться втолковать ей, что Тимуръ вовсе ужъ не такъ силенъ и ловокъ, и что молодецъ, которыхъ онъ повалилъ на землю, всякій, кто посильнѣе, могъ бы легко опрокинуть однимъ щелчкомъ... Подъ влияніемъ этого она,

¹⁾ Персидская поговорка.

конечно, забудеть о Тимурь-агъ... Теперь отправлюсь къ хану, а затѣмъ пойду къ Шолэ-ханумъ и посмотрю, въ чемъ тутъ дѣло. (Хочеть уходить. Входитъ Зйба-ханумъ).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Зйба-ханумъ, Визирь.

Зйба-ханумъ. Моему господину пора распорядиться насчетъ того, что онъ будетъ кушать за обѣдомъ и завтракомъ...

Визирь (съ раздраженіемъ). Змѣя! Ты заставила меня вдоволь наглогаться дзекума ¹⁾, я сытъ на цѣлый мѣсяць. Съ меня довольно! (Идетъ къ двери и печально наступаетъ ногой на край лежащаго на полу сита, которое другимъ краемъ ударяетъ его по колѣну. Визирь съ гнѣвомъ къ Зйба-ханумъ). Зачѣмъ здѣсь подъ ногами валяется сито? Ехидна!

Зйба-ханумъ. А я почему знаю!.. Ты приходишь сюда, только чтобы ссориться... Роскошныя рубашки для другихъ, а для меня споры да крики!

Визирь. Эй, феррашъ! (Феррашъ Хейдеръ показывается изъ сѣней; онъ почтительно склоняется передъ визиремъ, приложивъ руку къ груди ²⁾). Зйба-ханумъ закрывается чадрой и отходитъ въ уголь).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Тѣ же и Хейдеръ.

Визирь (въ гнѣвѣ). Хейдеръ! Зачѣмъ здѣсь сито?

Хейдеръ. Ваша свѣтлость, сегодня утромъ, на зарѣ, когда я подметалъ комнаты, сюда приходилъ Керимъ съ ситомъ въ рукѣ; мы поговорили съ минутой, затѣмъ онъ ушелъ. Вѣроятно, уходя онъ позабылъ здѣсь сито!

Визирь. Позвать это животное!

(Хейдеръ уходитъ).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Тѣ же, безъ Хейдера.

Визирь. Зачѣмъ приходилъ сюда конюхъ?! Какъ попало сюда сито? Сегодня мнѣ отовсюду досадные сюрпризы! Всякій разъ, когда я здѣсь, я не выхожу отсюда безъ неприятностей!

Зйба-ханумъ. О, конечно, когда здѣсь нѣтъ Шолэ-ханумъ! Но, если это такъ, то зачѣмъ ты постоянно сюда приходишь? Ступай къ Шолэ-ханумъ!

(Уходитъ Хейдеръ и Керимъ входятъ).

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Визирь, Хейдеръ, Керимъ.

Визирь (раздражаясь при видѣ конюха). Ты зачѣмъ таскаешься въ барскіе покои, грязное животное? А? Твое мѣсто въ конюшнѣ,—какъ смѣешь ты переступать порогъ моихъ комнатъ, жервавецъ?!

¹⁾ Дерево, растущее, по повѣрью мусульманъ, въ аду; вершина этого дерева похожа на голову демона. (Коранъ, с. XXXVII, 60—65).

²⁾ Знакъ уваженія на востокѣ.

Керимъ. Ваша свѣтлость, я вошелъ на мѣнуту спросить у Хейдера, не изволите ли вы выѣхать сегодня верхомъ, и потомъ ушелъ отсюда...

Визирь. А зачѣмъ, уходя, ты бросилъ здѣсь сито?

Керимъ. У меня было въ рукѣ сито, такъ какъ я просѣивалъ ячмень лошадымъ... Я забылъ его здѣсь...

Визирь. Но почему ты не вернулся взять его?

Керимъ. Мнѣ не пришло въ голову, что оно здѣсь. Я искалъ его все время...

Визирь (Кериму). Гдѣ была у тебя голова, мѣрзавецъ? (Хейдеру). Позови ко мнѣ Бешира, управляющаго! Чтобъ онъ сейчасъ же пришелъ! Да принеси съ собою палокъ и захвати трехъ феррашей!

(Хейдеръ уходитъ).

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Тѣ же, безъ Хейдера.

Керимъ (дрожить и жалобно выкрикиваетъ). Повелитель да пощадить меня! Заклинаю головой хана!

Визирь. Молчи, собачій сынъ!

Керимъ (плачетъ). Сознаюсь въ своей винѣ и прошу пощады! Заклинаю головой отца моего повелителя! Молю прощенья! Клянусь, что никогда моей ноги не будетъ въ покояхъ вашей свѣтлости!

Визирь. Подавился, животное!

(Входятъ Ага-Беширъ, Хейдеръ съ пучкомъ палокъ и трое феррашей).

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Тѣ же, ага-Беширъ, Хейдеръ и ферраши.

Визирь. Повалите на землю Бешира! (Ферраши исполняютъ приказаніе). Палокъ!

(Ферраши бьютъ агу-Бешира по пяткамъ).

Ага-Беширъ. О, драгоцѣнный повелитель, чѣмъ заслужилъ я такое наказаніе?!

Визирь (съ гнѣвомъ указывая на сито). Зачѣмъ попало сюда сито?

Ага-Беширъ. Какое сито?

Визирь. А вотъ тебя посѣкутъ, такъ ты поймешь, о чемъ я говорю!

(Ферраши продолжаютъ бить по пяткамъ ага-Бешира).

Ага-Беширъ. Повелитель! Да будетъ мнѣ извѣстна моя вина и пусть потомъ повелитель, если захочетъ, бьетъ своего раба!

Визирь (феррашамъ). Остановитесь! (Ага-Беширу). Твоя вина въ томъ, что ты не заботишься о моихъ слугахъ. Твоя обязанность каждому указать его мѣсто! Конюхъ не долженъ входить въ мои комнаты, и въ нихъ не должно валяться сито! Сегодня утромъ Керимъ входилъ сюда и позабылъ здѣсь сито, на которое я наткнулся и такъ ушибъ ногу, что до сихъ поръ не могу разогнуться! (Величественно). Я — визирь обширнаго вилайета, несу на себѣ тяжесть государственныхъ дѣлъ, а ты, осель, не можешь управлять даже однимъ домомъ!

Ага-Беширъ (льстиво). Аллахъ наградила вашу свѣтлость умомъ и талантами! Гдѣ же мнѣ равняться съ моимъ повелителемъ!

Визирь (феррашамъ). Палки!

(Ферраши опять начинаютъ экзекуцію).

Ага-Беширъ. Прошу пощады у повелителя. Клянусь, что подобный проступокъ не повторится!

Визирь. Хорошо! (Феррашамъ). Онъ далъ слово, довольно! (Ферраши отходить въ сторону). На этотъ разъ, Беширъ, я тебя прощаю, но, если я опять найду здѣсь сито, ты мертвъ! Такъ и помни! Слышишь?

Ага-Беширъ (поднимаясь съ пола). О, повелитель, можешь быть покоенъ!

Визирь. Хорошо! Ступай!

Керимъ (въ сторону). Великій Алла! Благодарю тебя! (Хватаетъ сито и быстро уходитъ, остальные за нимъ).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната Шола-ханумъ. При поднятіи занавѣса Тимуръ-ага стоитъ передъ Ниса-ханумъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Тимуръ-ага, Ниса-ханумъ.

Тимуръ-ага. Ну, такъ скажи же мнѣ, что нужно дѣлать? Что это за идея, которая пришла въ голову визирю? Что-жь, я мертвецъ, что ли, что онъ отдастъ тебя за другаго?! Зачѣмъ нуженъ ему твой брачный союзъ съ ханомъ?

Ниса-ханумъ. Развѣ ты не понимаешь, чего онъ домогается? Власти, величія, значенія!

Тимуръ-ага. Развѣ еще мало ему власти и почета, оказываемаго ему ханомъ?

Ниса-ханумъ. Конечно, все это льстить его самолюбію, но у него нѣтъ престижа. Онъ старается укрѣпить свою власть и значеніе именно родственными узами съ ханомъ.

Тимуръ-ага. Вотъ дуракъ-то! Точно онъ не видитъ, какъ обращается ханъ съ своими родными? Однимъ словомъ, надо найти разъ навсегда способъ уладить все это, такъ какъ ты помѣшала мнѣ, и безъ всякой причины, объявить визирю о моихъ намѣреніяхъ. Завтра я пошлю къ нему кого нибудь и дамъ ему понять, что онъ долженъ отказаться отъ своего плана; если же онъ поступитъ иначе, то онъ, значить, не понимаетъ своего собственного блага!

Ниса-ханумъ. Во имя Аллаха, не дѣлай этого, дорогой мой ага! Никогда ты не заставишь визиря думать такъ, какъ ты хочешь! (Помолчавъ). Онъ намъ говорилъ, что ханъ давно уже ищетъ перваго удобнаго случая убить тебя, и я знаю навѣрное, что ханъ толковалъ объ этомъ съ визиремъ... Если визирь узнаетъ про нашу связь, онъ сейчасъ же, ради собственной выгоды, побѣжитъ рассказать хану, что на его невѣсту бросаютъ пескромные взоры... Къ тому же визирь очень раздраженъ противъ тебя.

Тимуръ-ага. Хану мало страны, которая принадлежала прежде моему отцу, онъ еще хочетъ избавиться отъ меня самого! Но этотъ замыселъ ему не удастся!

Ниса-ханумъ. Конечно, ты его стѣсняешь... Онъ боится, что ты потребуешь отъ него тронъ твоего отца... Я объ этомъ много слышала... Въ народѣ онъ оказываетъ тебѣ всегда расположеніе, но въ душѣ радъ былъ бы погубить тебя.

Тимуръ-ага. Онъ не можетъ лишить меня жизни. Большинство народа и беевъ мнѣ искренно преданы за то добро, которое оказывалъ имъ мой покойный отецъ. О, я не позволю поймать себя, какъ птицу въ сѣнокъ... Но скажи, однако, за что ненавидитъ меня визирь?

Ниса-ханумъ. Ты взялъ къ себѣ секретаремъ мирзу Селима, сына прежняго визиря. Мирза Хабибъ думаетъ, что, если ты достигнешь власти, то Селимъ займетъ при тебѣ мѣсто своего отца. Поэтому онъ хочетъ просить у хана позволенія выслать отсюда Селима.

Тимуръ-ага. Ну, это не очень-то отъ него зависитъ, высылать моего секретаря... При помощи Аллаха я разрушу всѣ его козни и добьюсь своего!.. Но ты права, не надо, чтобы визирь зналъ про нашу любовь... Гдѣ Шолэ-ханумъ? Мнѣ нужно сказать ей кое-что.

Ниса-ханумъ. Въ комнатѣ у матери.

Тимуръ-ага. Не позовешь ли ты ея сюда?

Ниса-ханумъ. Матери нѣтъ дома. Пойдемъ вмѣстѣ!

Тимуръ-ага. Отлично! Пойдемъ! (Оба уходятъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Зиба-ханумъ (быстро входитъ).

Зиба-ханумъ. А, мерзавка! Ты ужъ дошла до того, наконецъ, что позволяешь себѣ оскорблять моихъ служанокъ!.. Это все визирь сдѣлалъ тебя такой дерзкой! (Замѣчаетъ, что комната пуста, и оглядываетъ всѣ углы). Ахъ, она распутница! куда это она ушла! О, чтобъ этотъ проклятый домъ провалился, столько горя я здѣсь вижу! (Хочетъ вернуться, но, услышавъ за сценой голосъ мужчины, останавливается въ смущеніи). О, Боже! я слышу мужской незнакомый голосъ! О, горе, онъ приближается къ этой двери! Я не могу уйти! О, Боже, что мнѣ дѣлать?!

(Она бросается изъ стороны въ сторону и, наконецъ, прячется за оконную драпировку. Тимуръ-ага и Шолэ-ханумъ входятъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Тимуръ-ага, Шолэ-ханумъ, Зиба-ханумъ (за драпировкой).

Тимуръ-ага. Какъ скоро ваша матушка вернулась изъ хаммама ¹⁾, намъ не удалось поговорить въ ея комнатѣ! Здѣсь будетъ не такъ удобно! Мнѣ пужно много о чемъ сказать вамъ, а визирь можетъ войти каждую минуту...

Шолэ-ханумъ. Успокойтесь! Визирь не можетъ прийти сюда сегодня.

Тимуръ-ага. Почему?

¹⁾ Турецкая баня.

Шолэ-ханумъ. Онь у Зибэ-ханумъ ¹⁾. Въ такой день онъ не рѣшится прійти сюда изъ боязни ея жалобъ и крика.

Тимуръ-ага. Правда, но я никакъ не могу успокоиться. Надо всегда быть осторожнымъ, потому что онъ, всетаки, можетъ войти.

Шолэ-ханумъ. Успокойтесь! Я просила Ниса-ханумъ постоять въ коридорѣ и поскорѣй предупредить насъ, какъ только она завидитъ визиря. Вы все еще боитесь?

Тимуръ-ага. Кого и чего стану я бояться? Я не изъ трусливаго десятка! Но, по очень многимъ причинамъ, я не хочу, чтобы визирь засталъ меня здѣсь... Онъ скажетъ объ этомъ хану, а у меня есть нѣсколько плановъ, которые я ранѣе хотѣлъ бы привести въ исполненіе.

Шолэ-ханумъ. Да, не надо, чтобъ визирь зналъ о нашемъ дѣлѣ онъ тогда все передастъ хану... и тогда все пропало...

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тѣ же и Ниса-ханумъ.

Ниса-ханумъ (открываетъ дверь наполовину и кричитъ). Великій Боже! Визирь идетъ!

Шолэ-ханумъ (въ смущеніи подходитъ къ двери и заглядываетъ). Милосердый Аллахъ, визирь идетъ прямо сюда! Тимуръ-ага, вамъ нельзя спастись... и нельзя оставаться здѣсь!

Тимуръ-ага. Что же дѣлать?! Кто нибудь ему сказалъ, что я здѣсь!... Горе тому, кто это сдѣлалъ! Я не задумаюсь пронзить его этимъ кинжаломъ. (Хватается за кинжалъ).

Шолэ-ханумъ. Теперь совсѣмъ не время объ этомъ говорить! Прячьтесь скорѣй за эту драпировку, а я постараюсь, чтобъ онъ поскорѣй ушелъ отсюда...

(Тимуръ-ага прячется за драпировку, за которой стоитъ Зибэ-ханумъ).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Тѣ же и визирь.

Визирь (входитъ, прихрамывая). Какъ поживаешь, Шолэ-ханумъ? Какъ твое здоровье?

Шолэ-ханумъ. Слава Аллаху! Благодаря благосклонному вліянію вашей благословенной головы ²⁾, я всегда здорова. Какъ здоровье моего повелителя? Какъ удивительно, что онъ сдѣлалъ мнѣ честь посѣтить меня сегодня! Но почему вы хромаете? Зачѣмъ морщите брови? Да оградить васъ Аллахъ отъ всякой бѣды!

Визирь. Такъ, было одно непріятное дѣло... Не будемъ говорить объ этомъ!.. Никогда я не предполагалъ ничего подобнаго!

(Ага-Масудъ, евнухъ, входитъ, держа въ рукахъ подносъ съ чашкой кофе).

¹⁾ Мусульманянь, имѣющій много женъ, обязанъ, въ силу корана, бывать у своихъ женъ по очереди и строго соблюдать ее. (См. Queggy, Droit musulman, t. I, стр. 732, §§ 669 и 670).

²⁾ Форма вѣжливости, весьма распространенная на Востокахъ.

Визирь (обращаясь къ Масуду). А! Масудъ приготовилъ мнѣ кофе и несетъ его сюда!

(Евнухъ почтительно кланяется и уходитъ).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Тѣ же, безъ Масуда.

Шолѣ-ханумъ. Разскажите же, что съ вами случилось? Или лучше нѣтъ, это будетъ, вѣрно, очень долго и утомитъ васъ.

Визирь. Нѣтъ, не долго. Вотъ, видишь ли... Я былъ сегодня вмѣстѣ съ нѣсколькими вельможами у хана. Разговоръ зашелъ о силѣ Тимуръ-аги. Всѣ увѣряли, что въ цѣломъ городѣ нѣтъ сильнѣе его, и ханъ съ этимъ согласился. Я протестовалъ, сказавъ, что, если онъ недавно повалилъ сразу нѣсколько человѣкъ, то это ничего не значитъ, такъ какъ они сами не были силачами. Тимуръ-ага былъ тутъ же. Ханъ не соглашался со мной и сказалъ, что я не могу доказать справедливости моихъ словъ. Тогда я, въ порывѣ раздраженія, сказалъ, что, не смотря на мой санъ и пятьдесятъ лѣтъ за плечами, я потягаюсь съ Тимуръ-агой и повалю его на землю. Ханъ, который очень любитъ такія зрѣлища, весело закричалъ: «Вотъ и отлично! Непремѣнно поборитесь съ Тимуромъ!». Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ стать въ позицію, и мы вступили въ рукопашную. Кровь бросилась мнѣ въ голову и, ужъ не знаю какъ, я приподнял Тимуръ-агу, сбивъ его съ ногъ, и повалилъ на землю!.. Бѣдняжка растянулся во всю длину безъ чувствъ! Ударъ былъ такъ силенъ, вообрази себѣ, что онъ оправился только черезъ полчаса... Но во время схватки я такъ сильно наткнулся на кость отъ рукоятки пояса, что повредилъ ногу и до сихъ поръ не могу свободно ходить.

Шолѣ-ханумъ (смѣясь). Ахъ, дорогой мой, что вы надѣлали! Бѣдненькій сильно таки пострадалъ при паденіи! Если онъ умретъ, чтѣ будетъ съ его бѣдной матерью!

Визирь. Это правда. Я самъ жалѣю о случившемся. Но что дѣлать! Что было, то было...

Шолѣ-ханумъ. И этотъ несчастный остался на землѣ, когда вы пошли ко мнѣ, чтобъ раасказать о вашихъ подвигахъ?

Визирь (успокоительнымъ тономъ). О, нѣтъ, ферраши тотчасъ же подняли его и отвнесли къ матери.

(Тимуръ-ага, не будучи въ состояніи сдерживать смѣха, громко смѣется за драпировкой. Визирь, услышавъ это, подходитъ къ драпировкѣ и раздвигаетъ ее. При видѣ Тимуръ-аги и Зиб-ханумъ, онъ молча отступаетъ, пораженный. Шолѣ-ханумъ также въ смущеніи при видѣ Зиб-ханумъ).

СЦЕНА СЕДЬМАЯ,

Визирь, Тимуръ-ага, Зиб-ханумъ, Шолѣ-ханумъ.

Визирь (оправившись отъ удивленія). Что все это значитъ? (Тимуръ-агѣ). Вы здѣсь что дѣлаете, господня мой? (Тимуръ-ага опускаетъ голову). Да скажите же наконецъ, зачѣмъ вы здѣсь? Зачѣмъ вы здѣсь, говорю я вамъ?! Что вамъ здѣсь пужно? (Тимуръ-ага, не говоря ни слова, выходитъ изъ-за драпировки и хочетъ уйти. Визирь хватаетъ его за руку). Я не выпущу васъ отсюда, пока вы не скажете, что вы здѣсь дѣлала! Ну, отвѣчайте же!..

Тимуръ-ага (высвобождая руку). Пустите меня!

Визирь (сжимая ему руку еще сильнѣе). Ни за что! Я не пущу васъ, пока вы не отвѣтите на мой вопросъ.

(Тимуръ-ага, доведенный до крайности, хватается визира одной рукой за шею, а другой за ногу, приподнимаетъ какъ ребенка и бросаетъ на средину сцены, а самъ стремительно убѣгаетъ).

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Тѣ же, безъ Тимуръ-аги.

Визирь (съ трудомъ подымаясь, къ Зибѣ-ханумъ). Ну, дура, какую еще бѣду ты на меня накликала?!

Зибѣ-ханумъ. Почему же это непременно я?

Визирь (въ гнѣвъ). Молчи! Не вывертывайся! Все это твоиѣ рукъ дѣло! Я тебя знаю! Но съ помощью Аллаха я съ тобой справлюсь!

Зибѣ-ханумъ. Это за что же? Развѣ я нарушила законъ? Развѣ я совершила тяжкій проступокъ? Пошла я къ чужому мужчине? Украла я чтонибудь? Что-жъ я сдѣлала?

Визирь. Несчастливая, ты на все способна! А почему, скажи-ка, я нашелъ тебя за драпировкой рядомъ съ этимъ молодчикомъ?

Зибѣ-ханумъ. Спроси-ка лучше у твоей любимой жены Шолэ, зачѣмъ незнакомый мужчина очутился въ ея комнатѣ?

Визирь. Нѣтъ, отвѣтъ сначала ты, что ты дѣлала за драпировкой съ чужимъ мужчиной?

Зибѣ-ханумъ. Хорошо, я скажу, но пусть и она (указывая на Шолэ) послѣ меня откроетъ свои уста. Вотъ какъ было дѣло. Я пришла сюда, чтобы спросить Шолэ, какъ она смѣетъ оскорблять моихъ служанокъ и зачѣмъ ставить ноги на чужой коверъ ¹⁾. Я не нашла ея и хотѣла вернуться, но вдругъ увидѣла Шолэ-ханумъ, которая входила сюда съ какимъ-то мужчиной.. Я не успѣла уйти и спряталась за драпировку, чтобы послушать ихъ разговоръ и передать его тебѣ. Къ тому же я была безъ покрывала и не могла показаться такъ постороннему. Вдругъ вошелъ ты. Тотъ, скрываясь отъ тебя, спрятался за ту же драпировку, гдѣ была я.

Визирь. Если все это такъ, то почему ты не вышла тогда же, чтобы предупредить меня?

Зибѣ-ханумъ. О, еслибъ я могла, развѣ я этого не сдѣлала бы!.. Но онъ шепнулъ мнѣ: если ты шевельнешься, то я всажу въ тебя кинжалъ по самую рукоятку.

Визирь (помолчавъ, къ Шолэ-ханумъ). Шолэ! Скажи правду: этотъ человекъ приходилъ сюда къ тебѣ?

Шолэ-ханумъ. Эта женщина всегда рада наговорить на меня напридану! Я, я не видѣла этого человека и даже совѣтъ не знаю его.

Визирь. Какъ? Ты его не знаешь? Ты не видѣла Тимуръ-агу? Ты его прекрасно знаешь!

¹⁾ Т. е. вмѣшивается въ чужія дѣла,—пословица, которая равно встрѣчается въ турецкомъ, персидскомъ и арабскомъ языкахъ и перешла затѣмъ и въ испанскій языкъ.

Шолэ-ханумъ (съ притворнымъ удивленіемъ). Тимуръ-агу? Но вѣдь вы его только что повалили на землю и отправили полумертваго къ его матери?..

Визирь. Ну, ну, болтай побольше!.. Отвѣчай же, Тимуръ-ага приходилъ къ тебѣ?

Шолэ-ханумъ. Но позвольте! Если бы онъ приходилъ ко мнѣ, вы стали бы насъ вмѣстѣ... Зибэ-ханумъ, зная, что я уѣхала въ баню ¹⁾, и что въ моей комнатѣ никого нѣтъ, привела сюда своего возлюбленнаго... Случайно мы вернулись раньше, чѣмъ предполагали... Застигнутые врасплохъ, они спрятались за драпировку... Вотъ вамъ истина! Не позволяйте этой фурии обманывать себя и не подозрѣвайте меня безъ всякой причины!

Зибэ-ханумъ (шныя отъ злобы). О, притворица, хорошія же ты ему выдумываешь басни! Ты хочешь навязать мнѣ то, чѣмъ ты давно можешь похвалиться! О, я не переживу этого, я убью себя!

Шолэ-ханумъ. Это ты притворица, ты распутница! Ты хочешь убить себя—какой вздоръ! Твоя хитрость извѣстна всему городу! Однимъ крикомъ никого не заставишь считать тебя за безупречную женщину! У твоего мужа есть глаза: онъ видитъ твое поведеніе и мое!

Зибэ-ханумъ. Пощадите! Гдѣ же справедливость?! А ты, злосчастный, что же ты не разможжишь ей голову за клевету, которую она на меня взводитъ! Что ты на нее смотришь?

Шолэ-ханумъ. Не мнѣ нужно разбивать голову, а тебя слѣдуетъ разрѣзать на куски за то, что тебя застали съ чужимъ молодымъ человѣкомъ.

Визирь. Это правда! Я долженъ бы разрѣзать тебя на куски! Но дай срокъ, мнѣ надо сначала пойти къ хану и раздѣлаться съ твоимъ любовникомъ... А тѣмъ временемъ я обдумаю, какъ мнѣ съ тобой расправиться! Ты всю жизнь только и знала, что обманывала,—о, я тебя знаю!

Зибэ-ханумъ (въ бѣшенствѣ). Это я-то обманываю,— bravo, bravo! А вы вдвоемъ всегда говорите правду? Наслышалась я, нечего сказать, сейчасъ этой правды!

Визирь. Скройся съ моихъ глазъ, уходи! О, притворица!

(Зибэ-ханумъ ворча уходитъ).

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Тѣ же, безъ Зибэ-ханумъ.

Визирь. Шолэ, скажи мнѣ всю правду! Что ты знаешь обо всемъ этомъ?

Шолэ-ханумъ. Клянусь, я ни въ чемъ здѣсь не виновата!

(Входитъ свухъ и наливаетъ кофе въ чашку визиря, за его спиною, потомъ почтительно подаетъ кофе на подносѣ).

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Тѣ же и Масудъ.

Визирь (въ досадѣ толкаетъ подносъ, чашка опрокидывается, и кофе обливаешь свуха). Убирайся вонъ, болванъ! Я до сихъ поръ не могу прійти въ себя отъ всего этого, а ты пристаешь съ кофе! Теперь не до кофе!.. Я сейчасъ

¹⁾ Единственное почти развлеченіе гаремныхъ женщинъ—поѣздка въ баню и мечеть.

ѣду къ хану разсказать ему о случившемся. (Ага-Масудъ направляется къ двери, обтирая облитый халатъ). Эй, ты! бѣги сейчасъ же и исполни, что я прикажу! Пусть скорѣе осѣдлаютъ моего вороного коня, надѣнутъ на него черный чепракъ и подводятъ къ крыльцу! Ну, живѣй!

Ага-Масудъ. Все будетъ исполнено въ точности!

(Уходитъ; визирь вслѣдъ за нимъ).

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Шолэ-ханумъ, одна.

Шолэ-ханумъ. Аллахъ великій! вотъ исторія-то! Слава Милосердому, что я-то спасла свою голову!

(Входитъ Ниса-ханумъ; Шолэ бросается ей навстрѣчу).

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Шолэ-ханумъ, Ниса-ханумъ.

Шолэ-ханумъ. Что тутъ у насъ приключилось, Ниса! Ты ничего еще не знаешь? Визирь нашель Тимуръ-агу вонъ за этой драпировкой съ Зяба-ханумъ!

Ниса-ханумъ. Что ты говоришь? Неужели! Зяба-ханумъ за драпировкой! Что же она тамъ дѣлала?

Шолэ-ханумъ. Ужъ и не знаю, какъ она туда залѣзла, но только это спасло мнѣ жизнь. Я тебѣ потомъ все разскажу, какъ было. Но вотъ что главное: ханъ убьетъ теперь Тимуръ-агу! Я, право, не знаю, что бы придумать, чтобы спасти его!

Ниса-ханумъ. Не бойся, ханъ не посмѣетъ этого сдѣлать.. Но какъ жаль, какъ досадно, что все это случилось! Это затянетъ наше дѣло!.. Тебя зовутъ матушка, пойдемъ къ ней. Мы поставимъ Масуда у дверей дома: онъ намъ доложитъ, если что случится.

(Обѣ уходятъ).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Дѣйствіе происходитъ во дворцѣ хана, на берегу моря. Зала совѣта. Ханъ сидитъ на тронѣ, на возвышеніи. Селимъ-бей, съ жезломъ въ рукѣ, стоитъ передъ ханомъ. Ленкоранскіе вельможи расположены по обѣимъ сторонамъ зала. Семедъ-бей и Азизъ-ага стоятъ у главной двери вмѣстѣ съ тремя улемами. Поодаль, у подножья возвышенія, Кадръ-бей съ просителями, ожидающими очереди представиться хану. Вдали, у дверей, ферраши.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Ханъ. Сегодня прекрасная погода. Я имѣю намѣреніе послѣ засѣданія совѣта сдѣлать, для развлеченія, прогулку по морю. Азизъ-ага, распорядись, чтобы приготовили яхту.

Азизъ-ага. Приказаніе моего повелителя будетъ исполнено.

(Уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Тѣ же, безъ Азизъ аги,

Ханъ. Селимъ-бей, прикажи подвести просителей!

Селимъ-бей. Кадиръ-бей, подведи просителей по очереди.

(Кадиръ-бей подводитъ истца и отвѣтника и нязко кланяется хану).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Тѣ же и просители.

Истець. О, ханъ, да погибну я жертвой за тебя ¹⁾—у меня нижайшая просьба къ тебѣ.

Ханъ. Въ чемъ заключается твое дѣло?

Истець. Повелитель! Я вель сегодня лошадь къ рѣкѣ, чтобъ напоить ее; вдругъ она вырвалась изъ моихъ рукъ и убѣжала. Вотъ онъ (указывая на отвѣтника) шель навстрѣчу. «Во имя Аллаха, — крикнулъ я ему: — погони лошадь въ мою сторону!». Онъ нагнулся, поднялъ камень и пустилъ его въ животное. Камень попалъ лошади въ глазъ, и она окривѣла. Теперь она не имѣетъ никакой цѣны. Я требую отъ него стоимость лошади, но онъ ничего не даетъ мнѣ и говоритъ, что я не въ правѣ требовать отъ него вознагражденія.

Ханъ (къ отвѣтнику). Правда ли это?

Отвѣтникъ. Да, повелитель, — я бросилъ камень ненарочно.

Ханъ. Не говори вздора! Ты же зачѣмъ нибудь да поднялъ камень и бросилъ его. У тебя у самого есть лошадь?

Отвѣтникъ. Точно такъ, повелитель. Есть одна.

Ханъ (истцу). Ступай, выколи глазъ его лошади и сдѣлай ее кривой! Око за око, зубъ за зубъ, рана за рану! Это дѣло не трудное. Селимъ-бей, пошли съ этимъ человѣкомъ ферраши, чтобъ находился при немъ все время, пока возмездіе не будетъ исполнено.

(Селимъ-бей кланяется, отводитъ челобитниковъ отъ трона, приставляетъ къ нимъ феррашей и возвращается на свое мѣсто).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тѣ же, безъ первыхъ двухъ просителей.

Ханъ. Селимъ-бей, если есть еще кто нибудь, пусть подойдетъ! Только поскорѣй, потому что я хочу сегодня сдѣлать прогулку.

Селимъ-бей. Кадиръ-бей, если есть еще проситель, подведи!

(Кадиръ-бей подводитъ еще двухъ просителей).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Ханъ (патетически). О власть, есть ли въ мірѣ что нибудь тягостнѣе тебя! Всѣ думаютъ только о своемъ собственномъ спокойствіи, а я долженъ заботиться о тысячахъ моихъ подданныхъ и знать всѣ ихъ невзгоды! Со

¹⁾ Обычная форма обращенія низшаго къ высшему. Фраза эта, какъ условная вѣжливость, употребляется вообще въ разговорѣ у персіанъ.

дня моего вступленія на престолъ я не прогналъ отъ моего дворца ни одного просителя!

Селимъ-бей. За это Аллахъ вознаграждаетъ моего повелителя тѣмъ, что его подданные все равно, что его дѣти, а благоденствіе страны — послѣдствіе его справедливости!

(Просители подходятъ, низко кланаясь).

Истецъ. О повелитель! Мой братъ былъ боленъ; мнѣ указали вотъ на этого человѣка, какъ на доктора; я далъ ему три тумана и привелъ къ больному, ожидая помощи. Онъ пустилъ больному кровь, и тотъ умеръ. Я прошу у него деньги назадъ, а онъ говоритъ: еслибъ я не сдѣлалъ кровопусканія, было бы еще хуже, и самъ еще требуетъ съ меня денегъ! Повелитель, молю о защитѣ!

Ханъ. Докторъ, если бы ты не пустилъ крови больному, что же могло бы съ нимъ случиться еще хуже того, что уже случилось?

Отвѣтчикъ. Повелитель! Братъ этого человѣка страдалъ водянкой; все равно онъ умеръ бы, но не ранѣе шести мѣсяцевъ. Сдѣлавъ кровопусканіе, я сберегъ ему расходы на бесполезное леченіе.

Ханъ. Значить, по твоему, этотъ человѣкъ долженъ еще тебѣ заплатить?

Отвѣтчикъ. Да, повелитель, конечно, если онъ честенъ.

Ханъ (въ смущеніи, къ присутствующимъ). Клянусь Аллахомъ, право, я не знаю, какъ рѣшить это дѣло! Никогда еще я не встрѣчалъ болѣе труднаго процесса!

Одинъ изъ вельможъ. Повелитель, желанія врачей пужно исполнять, такъ какъ они полезны всему свѣту. Пусть повелитель прикажетъ этому человѣку исполнить требованіе доктора и подарить ему, кромѣ того, новый халатъ... Къ тому же я знаю его: это очень искусный врачъ.

Ханъ. Пусть будетъ такъ! (Истцу). Ступай, любезный, и подари халатъ доктору, чтобъ онъ былъ тобой доволенъ! Селимъ-бей, приставъ къ нимъ ферраша.

(Селимъ-бей исполняетъ приказаніе. Въ это время входитъ визирь, поспѣшно и запыхавшись; онъ ставитъ передъ ханомъ свой коломданъ ¹⁾).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Тѣ же и визирь.

Визирь. Повелитель, довольно съ меня быть визиремъ. Я достаточно получилъ щедротъ отъ вашего могущества за мою службу! Пусть мой владыка передастъ визирство кому нибудь другому, кого онъ считаетъ достойнымъ! Мнѣ же нужно бѣжать отсюда и вдали питаться милостыней, переходя отъ двери къ двери!

Ханъ (въ изумленіи). Что это значить? Что съ тобой? На что ты жалуешься?

¹⁾ Изначно разукрашенная коробка для каламовъ (тростниковыхъ палочекъ, которыми пишутъ на Востокѣ), тутъ же помѣщается и чернильница. Въ данномъ случаѣ это является знакомъ сана визиря, какъ портфель — признакомъ европейскаго министра.

Визирь (въ волненіи). Всѣмъ извѣстна справедливость и доброта вашего могущества. Боязнь вашего законнаго гнѣва удерживаетъ всѣхъ и каждаго отъ посягательства на чужое имущество и чужую жену. Но, видно, племянникъ моего повелителя, Тимуръ-ага, не боится владыки Ленкорана! Онъ входитъ въ мой домъ днемъ, чтобы опозорить честь моего добраго имени!

Ханъ (гнѣвно). Что ты говоришь визирь? Тимуръ-ага смѣетъ это дѣлать?

Визирь. Да буду я названъ неблагодарнымъ рабомъ, если я говорю неправду! Я его видѣлъ моими собственными глазами, я схватилъ его, чтобы привести къ моему повелителю, но онъ вырвался и убѣжалъ!

Ханъ. Селимъ-бей, иди и отыщи мнѣ Тимуръ-агу, но не говори ему ни слова изъ того, что ты здѣсь слышалъ.

(Селимъ-бей кланяется и уходитъ).

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Тѣ же, безъ Селимъ-бея.

Ханъ. Успокойся, визирь! Я его арестую, и это послужитъ всѣмъ наукой!

Визирь (вкрадчиво). О мой повелитель, когда дѣло касалось чести и справедливости, прежніе владыки не щадили ни родныхъ, ни собственныхъ дѣтей! Прежде бывшіе халифы жестоко наказывали своихъ сыновей за то, что тѣ бросали нескромные взоры на чужихъ женъ! За этотъ же поступокъ султанъ Махмудъ Газневидскій собственной рукой отрубилъ голову одному изъ своихъ любимцевъ... О, слава о ихъ справедливости переживетъ столѣтія.

Ханъ. Ты сейчасъ увидишь, что твой ханъ ни въ чемъ не уступитъ ни халифамъ, ни Махмуду Газневидскому!

(Входитъ Селимъ-бей, за нимъ Тимуръ-ага, оба низко кланяются).

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Тѣ же, Селимъ-бей и Тимуръ-ага.

Ханъ (Тимуръ). Развѣ я не запретилъ тебѣ являться ко мнѣ съ кинжаломъ?

Тимуръ-ага. Но... при мнѣ нѣтъ кинжала...

Ханъ. Мнѣ, значить, такъ показалось. Хорошо. (Помолчавъ). Скажи мнѣ, что тебѣ надо было въ гаремъ визиря? (Тимуръ-ага опускаетъ голову). Ты хочешь, чтобы я опозорилъ тебя на всю страву, какъ нечестивца и бродягу? (Горячасъ). Мнѣ не надо такого племянника! Ферраши, веревку!

(Нѣсколько феррашей подбѣгаютъ съ готовыми шаями въ рукахъ).

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Ханъ. Набросьте шаль на шею этого разбойника!

(Ферраши готовы исполнить приказаніе. Среди присутствующихъ волненіе, у многихъ на глазахъ слезы).

Селимъ-бей и нѣкоторые изъ приближенныхъ. О повелитель, онъ еще такъ молодъ, пощади юношу на этотъ разъ!

Ханъ. Клянусь тѣнью отца, я не помилюю его! (Феррашамъ). Набрасывайте шаль!

(Ферраши подвигаются еще ближе. Слышится ропотъ сожалѣнія всѣхъ присутствующихъ; почти всѣ prostираются на землю передъ ханомъ и просятъ пощады Тимуръ-агѣ).

Всѣ вмѣстѣ. О повелитель, пощади, будь великодушенъ, пожалѣй его мать, у которой онъ единственный сынъ.

Ханъ. Нѣтъ, это невозможно, да удержать меня Аллахъ отъ этого! (Въ гнѣвѣ къ феррашамъ). Развѣ я не приказалъ вамъ набросить шаль, собачьи дѣти?

(Ферраши подвигаются еще ближе. Тимуръ-ага вдругъ выхватываетъ пистолетъ изъ-за пояса и прицѣливается въ феррашей. Тѣ въ испугѣ разбѣгаются. Тимуръ-ага выбѣгаетъ вонъ изъ залы).

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Тѣ же, безъ Тимуръ-аги.

Ханъ (кричитъ). Остановите его! Удержите его!

(Всѣ дѣлаютъ движенія, но никто не бѣжитъ за Тимуръ-агой).

Ханъ (смотря съ гнѣвомъ на вельможъ). Вы не заслуживаете моихъ милостей! Какъ смѣли вы дать скраться Тимуру?!

(Молчаніе).

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Ханъ. Селимъ-бей, возьми пятьдесятъ уламовъ и, гдѣ бы онъ ни скрывался, схвати его и приведи ко мнѣ связаннымъ. Пока онъ не будетъ казненъ, страна не успокоится, и я не буду имѣть счастливаго дня!

Селимъ-бей. Я весь къ услугамъ моего повелителя!

(Уходитъ).

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Тѣ же, безъ Селимъ-бея.

Ханъ (собранію). Ступайте, вы свободны.

(Всѣ уходятъ, кромѣ визиря и Азизъ-аги).

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ.

Ханъ, Азизъ-ага, визирь.

Ханъ (поднимаясь съ трона). Азизъ-ага! (Тотъ почтительно приближается). Яхта готова?

Азизъ-ага. Готова, повелитель!

Ханъ (визирю). Ступай, визирь, и будь покоенъ! Не печалься,—ты будешь отмщенъ! Возьми это кольцо и передай его Ниса-ханумъ. Я его нарочно заказалъ для нея. Озаботься приготовленіемъ къ свадьбѣ. Я хочу, чтобъ она была черезъ недѣлю.

Визирь. Я исполню приказаніе моего повелителя.

(Кланяется и уходитъ. Ханъ, въ сопровожденіи Азизъ-аги, идетъ къ главной двери, изъ которой видно море и яхта).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната Шолѣ-ханумъ. При поднятїи завѣса Шолѣ-ханумъ и Ниса-ханумъ сидятъ рядомъ на тахтѣ (диванѣ), разговаривая въ волненїи и чего-то ожидая.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Шолѣ-ханумъ, Ниса-ханумъ.

Ниса-ханумъ. Я ничего не понимаю! Что съ нимъ случилось? Масудъ ничего не приходитъ скавать! У меня сердце такъ бьется, точно хочеть выскочить!

Шолѣ-ханумъ. Но, чего же ты боишься, если ты сама говоришь, что ханъ ничего не посмѣетъ сдѣлать съ Тимуромъ?

Ниса-ханумъ. Это правда, онъ не рѣшится сдѣлать съ нимъ ничего дурного, но я боюсь разлуки съ Тимуромъ! А эта разлука для меня страшнѣе смерти!

(Плачетъ. Входитъ ага-Масудъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Тѣ же и ага-Масудъ.

Шолѣ-ханумъ. А! Ага-Масудъ! Ну, что? Рассказывай?

Ага-Масудъ. Что? Да что-жъ вы хотите, чтобъ случилось? Визирь жаловался на Тимуръ-агу хану. Ханъ послалъ за нимъ и велѣлъ задушить, но тотъ выхватилъ пистолетъ, ферраши убѣжали, а онъ скрылся! Ханъ послалъ погоню и велѣлъ во что бы то ни стало разыскать его, чтобы казнить. Теперь солдаты рыщутъ по всему городу и обыскиваютъ всѣ дома...

(Ниса-ханумъ вскрикиваетъ нѣсколько разъ въ продолженіе разсказа и потомъ горько плачетъ. Въ это время на порогѣ появляется Тимуръ-ага).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Тѣ же и Тимуръ-ага.

Шолѣ-ханумъ. Аллахъ великій! Что вы дѣлаете? Зачѣмъ вы пришли сюда? Какъ вы вошли въ домъ? У васъ львиная храбрость! Неужели вы не боитесь за вашу жизнь?

Тимуръ-ага (смѣется). Чего же мнѣ бояться? Что такое случилось?

Шолѣ-ханумъ. Спросите лучше, чего только дурного не случилось! Точно вы не знаете: ханъ ищетъ васъ повсюду, чтобы скорѣе казнить... О, зачѣмъ вы пришли сюда?!.. Масудъ, заклинаю тебя именемъ Бога, иди и сторожи у двери, чтобъ никто не вошелъ сюда!

(Ага-Масудъ уходитъ).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тѣ же, безъ ага-Масуда.

Тимуръ-ага. И вы думаете, что изъ чувства страха я могъ не прійти сюда, чтобы, хоть на одно мгновенье, взглянуть на Ниса-ханумъ, за которую я съ радостью отдалъ бы мою жизнь!? Кромѣ того, я пришелъ съ умысломъ. Сегодня ночью я рѣшился похитить Ниса-ханумъ и увести ее далеко-далеко, такъ какъ я не могу оставлять ее долѣе здѣсь! Вашъ мужъ оскорбилъ меня, и я не хочу оставлять въ его домѣ мою невѣсту и переступать этотъ порогъ, какъ прежде!

Шолэ-ханумъ. Хорошо! Но какъ неосторожно было приходите сюда средь бѣла дня. Развѣ вы не знаете, что Зиб-ханумъ разставила повсюду шпионовъ, чтобы погубить васъ при первомъ удобномъ случаѣ и опозорить насъ съ сестрою?.. А теперь вамъ нужно поскорѣе и какъ нибудь незамѣтно уйти отсюда. Въ полночь будьте вблизи дома съ людьми и ковыми. Я выйду къ вамъ съ Ниса и берите ее съ Богомъ!

Тимуръ-ага. А ты, Ниса, согласна?

Ниса-ханумъ (въ сильномъ волненіи). Да... нѣтъ другаго средства...

(Ага-Масудъ появляется на порогѣ).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Тѣ же и ага-Масудъ.

Ага-Масудъ. Великій Боже, визирь идетъ! (Уходитъ).

Шолэ-ханумъ и Ниса-ханумъ (вмѣстѣ). Дорогой Тимуръ, умоляемъ васъ спрятаться за драпировку—ужь мы выпроводимъ злаго старикашку.

Тимуръ-ага (спокойно). Нѣтъ, я не буду больше прятаться за драпировки! Пусть войдетъ и увидитъ меня здѣсь!

Ниса-ханумъ, Шолэ-ханумъ (въ волненіи бросаются передъ нимъ на колѣни). Во имя милосердаго Аллаха, не идите на встрѣчу вѣрной гибели! Во имя памяти отца, спрячьтесь!

Тимуръ-ага. Никогда!

(Ага-Масудъ полукрываетъ дверь и просовываетъ голову внутрь комнаты).

Ага-Масудъ. Слушайте,—визирь идетъ! (Скрывается).

Шолэ-ханумъ. Сжальтесь надъ нами! Тимуръ! Если визирь застанетъ васъ второй разъ въ гаремѣ, мы погибли безвозвратно!..

Тимуръ-ага (прячется за драпировку). Если я это дѣлаю, то только для васъ обѣихъ...

(Въ это мгновеніе въ комнату входитъ визирь).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Тѣ же и визирь.

Визирь. Очень радъ, что застаю васъ вмѣстѣ! Мнѣ нужно поговорить съ вами. Будьте внимательны! Если мы выдадимъ твою сестру, Шолэ, замужъ за хана, то сообрази, на сколько возвысится наше съ тобой положеніе при дворѣ! Поэтому, конечно, Шолэ, тебѣ нужно подумать о своей

репутации, чтобы не быть ничѣмъ скомпрометированной.. Не надо, чтобы это нибудь могъ сказать, что свояченица хана заводитъ любовныя интриги...

Шолѣ-ханумъ (спокойно, медленно выговаривая слова). Скажите, если такъ, съ кѣмъ я завожу любовныя интриги?

Визирь. Съ Тимурь-агой, напредѣмъ, потому что я засталъ его въ твоей комнатѣ...

Шолѣ-ханумъ. Но виѣстѣ съ вашей женой Зибя-ханумъ, за драпировкой.

Визирь. Это правда! Я тебя не подозрѣваю. Конечно, можетъ быть, виновата Зибя-ханумъ. Я хотѣлъ только сказать тебѣ, чтобы ты старалась не допускать до хана никакихъ дурныхъ слуховъ на твой счетъ. Это можетъ его охладить относительно Ниса-ханумъ.. а онъ ею теперь вполне увлеченъ. Онъ велѣлъ мнѣ устроить свадьбу на будущей недѣлѣ, и вотъ кольцо, которое онъ посылаетъ ей въ подарокъ! Подойди сюда, Ниса, возьми кольцо и надѣнь на палецъ. (Отдаетъ кольцо Ниса-ханумъ).

Ниса-ханумъ. Дѣвушка, поведеніе сестры которой считается подозрительнымъ, не можетъ быть достойна хана! Когда вы найдете для него невѣсту вполне достойную, подарите ей это кольцо.

(Бросаетъ кольцо на полъ и быстро уходитъ).

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Тѣ же, безъ Ниса-ханумъ.

Визирь (кричитъ ей вслѣдъ). Послушай, развѣ я подозрѣваю твою сестру? Я ей далъ простой совѣтъ!

Шолѣ-ханумъ. Не лучше ли было дать его Зибя-ханумъ?

Визирь. Да... Завтра я поговорю съ ней посуровѣе.

Шолѣ-ханумъ. Зачѣмъ же дожидаться до завтра, можно къ ней пойти сейчасъ.

Визирь. Теперь въ этомъ нѣтъ надобности. Если предположимъ даже, что Тимурь-ага былъ ея любовникомъ, то вѣдь онъ потерпѣлъ кару! Или отыщутъ и казнятъ его, или онъ навсегда исчезнетъ съ нашихъ глазъ и будетъ жить вдали отсюда... такъ что объ этомъ не стоить опять говорить. Надо лучше заняться приготовленіями къ свадьбѣ Ниса-ханумъ...

Шолѣ-ханумъ. Хорошо, ступайте къ моей матери и переговорите съ нею, — меня это не касается.

Визирь. Пойдя, позови свою мать, попроси ее прійти сюда, мы поговоримъ здѣсь!

(Въ это время входятъ Пери-ханумъ и Ниса-ханумъ).

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Тѣ же, Пери-ханумъ, Ниса-ханумъ.

Визирь. А! Вы очень кстати пришли! Прошу садитьсяя.

Пери-ханумъ. Да падутъ ваши огорченія на мое сердце! Я могу и не садиться... Я ловлю каждое мгновенье, чтобы поговорить съ вами. Выслушайте меня, хоть теперь: вы вѣчно такъ заняты, Богъ мой, что васъ никогда нельзя видѣть!

Визирь. Это правда; особенно эти дни я не вмѣлъ ни минуты спокойствія! Такъ о чемъ же вы хотѣли сказать мнѣ?

Пери-ханумъ. О, ничего особеннаго! Я ходила къ знахарю за амулетомъ, чтобы Аллахъ послалъ вамъ сына отъ моей дочери Шолэ; знахарь далъ мнѣ амулетъ и сказалъ: «раздайте бѣднымъ блюдо зерна мѣрною въ три раза больше, чѣмъ голова визиря». Мнѣ нужно поэтому теперь же снять мѣрку съ вашей головы, чтобы не пропустить время обѣда.

Визирь. Что за странности вы говорите, милѣйшая! Какъ можно снять мѣрку съ моей головы, пока она у меня на плечахъ?

Пери-ханумъ. Да, да, я могу. О, это очень легко! Самъ знахарь научилъ меня, какъ это сдѣлать. Нужно надѣть на вашу голову большой горшокъ, и тотъ, который окажется вамъ совсѣмъ въ пору, будетъ мѣркой вашей головы. Ниса, принеси небольшую фарфоровую вазу изъ моей комнаты, она будетъ, кажется, какъ разъ!

(Ниса-ханумъ уходитъ и черезъ минуту возвращается съ небольшой бѣлой вазой въ рукахъ).

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Визирь (Пери-ханумъ осторожно снимаетъ съ его головы чалму). Хотя все это очень смѣшно, но нечего дѣлать: я подчиняюсь! Надо исполнить приказаніе знахаря! Да совершитъ Аллахъ желаніе Шолэ-ханумъ!

Пери-ханумъ. Благодарю васъ за такія слова! Ниса, надѣнь ему на голову вазу какъ можно осторожно!

(Ниса-ханумъ надѣваетъ вазу на голову визиря, но она доходитъ только до бровей; Ниса дѣлаетъ усиліе, чтобы спустить ее ниже; визирь хватается за голову).

Визирь. Тихе, тихе, что ты дѣлаешь, ты мнѣ давишь голову!

Пери-ханумъ (посиѣшно). Дочь моя, принеси вазу пошире!

(Ниса убѣгаетъ и тотчасъ же возвращается съ большой вазой).

Визирь. Но, моя добрѣйшая, нельзя ли все это продѣлать потомъ. Теперь мнѣ надо поговорить съ вами...

Пери-ханумъ. Нѣтъ, дорогой мой, невозможно! Благопріятное время уйдетъ, его не воротить! Не сердитесь: это дѣло одной минуты, и мы для васъ же стараемся! (Со слезами на глазахъ). Мнѣ ужъ немного осталось жить, и я умру, не увидѣвъ внучка. (Къ Ниса-ханумъ). Надѣвай, дочь моя, вазу, ее-то и надо было тебѣ принести сначала.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Ниса-ханумъ надѣваетъ вазу на голову визиря; ваза закрываетъ голову до самыхъ плечъ. Пери-ханумъ молча указываетъ Шолэ-ханумъ на драпировку, та тихонько подходитъ къ ней, выводитъ Тимуръ-агу и толкаетъ его въ двери. Тимуръ-ага быстро уходитъ. Ниса-ханумъ снимаетъ вазу съ головы визиря.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Визирь. Ну-съ, моя милая Пери-ханумъ, теперь садитесь и выслушайте меня, мнѣ надо переговорить съ вами!..

Пери-ханумъ. Говорите, сынъ мой!

(Она собирается сѣсть. Въ это время за сценой слышенъ шумъ. Минуту спустя въ комнату входитъ Тимуръ-ага съ пистолетомъ въ рукѣ. При видѣ его визирь приходитъ въ сильное смущеніе).

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Тѣ же и Тимуръ-ага.

Тимуръ-ага (визирю). И вы не краснѣете при воспоминаніи о благодѣяніяхъ, которыми осыпалъ васъ мой покойный отецъ? Съ недостойнымъ коварствомъ и безъ всякой причины вы ищете моей смерти!... Но меня не убьютъ раньше, чѣмъ я тебя не пристрѣлю, какъ собаку!

(Наводитъ пистолеть на визиря).

Визирь (бросается къ его ногамъ). Пощади! удержи твою руку отъ мщенія!
(Тимуръ-ага опускаетъ руку. Въ это время входитъ Семедъ-бей въ сопровожденіи солдатъ и останавливается на порогѣ).

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ.

Тѣ же и Семедъ-бей.

Тимуръ-ага. Зачѣмъ ты пришелъ, Семедъ-бей? Что тебѣ надо?

Семедъ-бей. Господинъ мой! Мы ваши слуги, какъ были рабами вашего отца; наше уваженіе къ вамъ безгранично, но какъ можемъ мы не повиноваться приказу хана? Мы должны арестовать васъ и отвести къ нему...

Тимуръ-ага. Живымъ вы меня къ нему не отведете! Вы хотите отнестъ къ нему мою голову? Но и голову мою не такъ-то легко получать. Ну, что-жь, попробуй ее взять!

Семедъ-бей. Положимъ, господинъ мой, вы убьете одного или двухъ,— но вѣдь въ моемъ распоряженіи пятьдесятъ солдатъ, которые за мной слѣдуютъ! Сопротивленіе бесполезно! Ханъ успокоился и не сдѣлаетъ вамъ ничего дурного, онъ далъ въ этомъ слово.

Тимуръ-ага. Я не довѣряю ни единому его слову! Такъ ли онъ держитъ свои обѣщанія, чтобы ему было можно вѣрить?... Повторяю: я не сдамся...

(За сценой слышится шумъ. Входятъ Селимъ-бей и Риза).

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Тѣ же, Селимъ-бей и Риза.

Селимъ-бей. Семедъ-бей, назадъ! Да здравствуетъ Тимуръ-ага! (Обращается къ нему). Ханъ, вашъ дядя поѣхалъ вчера кататься по морю; поднялась внезапно буря, яхта пошла ко дну, и ханъ утонулъ. Народъ собрался у дворца, чтобы привѣтствовать васъ, какъ своего повелителя.

Тимуръ-ага. Риза, правда это?

Риза. Да, это правда, господинъ мой! благоволите пойти вмѣстѣ съ нами!
(Въ это время визирь и Семедъ-бей выступаютъ впередъ и простираются передъ Тимуръ-агой).

Визирь и Семедъ-бей (вмѣстѣ). Повелитель, пощадите!

Тимуръ-ага. Встань, Семедъ, и отойди!

(Семедъ встаетъ и отходитъ въ уголокъ комнаты).

Тимуръ-ага (визирю). Теперь я долженъ объяснить, зачѣмъ я пришелъ къ тебѣ. Я люблю твою свояченицу, Ниса-ханумъ, и желаю взять ее въ жены, если Аллаху будетъ угодно, по закону, предписанному пророкомъ, и не противъ твоей воли. Но ради честолюбивыхъ замысловъ ты выѣлъ намѣреніе выдать ее замужъ за того проклятаго,—не хочу даже называть его!—и я не могъ сообщить тебѣ о моихъ намѣреніяхъ. Отсюда твои гнусныя подозрѣнія на мой счетъ и желаніе убить меня! Но Алла разрушаетъ человѣческіе планы! Теперь, когда его волею я призванъ управлять страпою, я, въ виду того зла, которое ты причинялъ странѣ и народу, не могу ни на минуту долѣе оставлять тебя визиремъ. Что касается прежнихъ твоихъ грѣховъ, я закрываю на нихъ глаза! Ты будешь получать изъ казны пожизненную пенсію и можешь продолжать жить въ твоемъ домѣ. Но до дѣлъ ты вѣкогда не будешь допущенъ!.. Правитель, желающій блага своему народу, долженъ строго избѣгать дѣлать своими министрами людей, подобныхъ тебѣ—неспособныхъ, жадныхъ до подачки, продажныхъ и честолюбивыхъ невѣждъ, не думающихъ о пользѣ дѣла и заботящихся лишь о собственныхъ интересахъ! Но довольно объ этомъ, надо скорѣй сыграть свадьбу! Приготовь все нужное для Ниса-ханумъ. Если угодно будетъ Аллаху, свадебная церемонія состоится на будущей недѣлѣ. Дорогія мои Пери-ханумъ и Шолѣ-ханумъ, займитесь, прошу васъ, и вы этимъ дѣломъ!

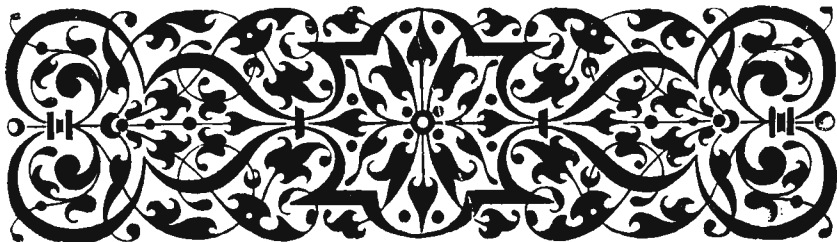
Пери-ханумъ и Шолѣ-ханумъ (вмѣстѣ). Да продлитъ Аллахъ дни вашего царствованія, повелитель! Да дастъ вамъ небо власти еще на сто лѣтъ! (Тимуръ-ага уходитъ съ присутствующими. Визирь остается въ сильномъ смущеніи. Женщины удаляются въ гаремъ.)

Солдаты (за сценой). Да здравствуетъ Тимуръ-ханъ!

В П А В Ъ С Ъ .

С. Уманецъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Труды юридическаго общества при Московскомъ университетѣ. Томъ I. Спб. 1893.

НАШИ ученыя общества подвергаются очень часто рѣзкимъ нападкамъ, и все болѣе устанавливается мнѣніе, будто бы они влачатъ жалкое существованіе, нисколько не удовлетворяя своей задачѣ. Нельзя сказать, что эти нападки совершенно неосновательны. Мы дѣйствительно видимъ, что члены нашихъ ученыхъ обществъ нерѣдко относятся къ нимъ равнодушно, что въ средѣ ихъ возникаютъ разныя нежелательныя интриги и распри, что дѣльные и интересные доклады составляютъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ явленіе какъ бы исключительное, что и на эти доклады собирается иногда такъ мало членовъ и слушателей, что ихъ приходится откладывать, и т. д. Но съ другой стороны мы видимъ и обратные примѣры очень энергической и полезной дѣятельности того или другого общества. Правда, надо сказать, что эти примѣры встрѣчаются чаще въ Москвѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. Общее вниманіе обращаетъ на себя за послѣднее время журналъ: «Вопросы философіи и психологіи», издаваемый при участіи Московскаго психологическаго общества и, какъ говорятъ, превращающійся съ будущаго года въ органъ этого общества. Это очень живой журналъ, редактируемый съ большою отзывчивостью къ вопросамъ, волнующимъ наше общество. Трезвость взгляда, знаніе дѣла, популярность изложенія даже самыхъ трудныхъ и сложныхъ умозрительныхъ вопросовъ составляютъ отличительныя черты большинства статей этого изданія, откликающагося съ большою отзывчивостью на всѣ вопросы, выдвигаемые жизнью въ сферѣ его компетенціи. Такимъ же ха-

ракторомъ отличаются и статьи, помѣщенныя въ первомъ томѣ указаннаго въ заголовкѣ сборника трудовъ юридическаго общества при Московскомъ университетѣ, и благодаря этому обстоятельству этотъ сборникъ читается съ несравненно большимъ интересомъ, чѣмъ многія книги нашихъ такъ называемыхъ толстыхъ журналовъ. Стоитъ только перечислить статьи, вошедшія въ него, чтобы убѣдиться, какъ разнообразно и интересно его содержаніе. Главными его статьями являются очеркъ г. М. Ковалевскаго о социальномъ законодательствѣ учредительнаго собранія первой французской революціи и статья г. В. Семевскаго, озаглавленная: «Изъ исторія крестьянскаго вопроса», но по содержанию своему мало отвѣчающая этому заглавію, а представляющая собою скорѣе весьма интересную попытку освѣтить политическое и социальное міросозерцаніе нашего покойнаго сатирика Салтыкова. На ряду съ этими основными статьями въ сборникѣ обсуждаются компетентными публицистами и учеными слѣдующіе вопросы: «Идея мира и милитаризмъ», «Энциклопедія права и общее образованіе», «Лавеле о правительствѣ въ демократіи», «Порядокъ пріема просителей и канцелярскіе порядки въ окружныхъ судахъ», «Сельскій ростовщическій кредитъ въ Россіи» и «Крестьянскія женщины передъ волостнымъ судомъ». Если мы прибавимъ ко всѣмъ этимъ интереснымъ статьямъ отчеты о засѣданіяхъ Московскаго юридическаго общества и его статистическаго отдѣленія съ изложеніемъ содержанія читанныхъ въ нихъ подчасъ весьма любопытныхъ докладовъ и возбужденныхъ ими преній, то читатели составятъ себѣ довольно ясное представленіе объ оживленной и плодотворной дѣятельности Московскаго юридическаго общества. Они, кромѣ того, вынесутъ убѣжденіе, что оно не ограничивается въ своей дѣятельности спеціально юридическими вопросами, а затрогиваетъ попреимуществу политическіе, экономическіе и, какъ видно уже изъ оглавленія сборника, общественные вопросы, понятно, на сколько они имѣютъ отношеніе къ предметамъ, преподаваемымъ на юридическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ. Такое расширеніе задачи представляется намъ крайне желательнымъ. Не даромъ по университетскому уставу 1863 г. юридическіе факультеты были раздѣлены на два отдѣленія: чисто-юридическое и административное. Этимъ дѣленіемъ достигалось удовлетвореніе чрезвычайно важной общественной потребности, именно распространенія въ нашемъ обществѣ, столь склонномъ къ обсужденію безъ надлежащей подготовки политическихъ, социальныхъ и экономическихъ вопросовъ, научныхъ, т. е. болѣе трезвыхъ и объективныхъ, знаній въ этихъ отрасляхъ человѣческой мысли. Административные разряды нашихъ юридическихъ факультетовъ, однако, владели довольно жалкое существованіе, но это, конечно, объясняется не недостаткомъ вниманія нашего общества къ государственно-общественнымъ вопросамъ, а склонностью, весьма прискорбною, самой учащейся молодежи пользоваться университетскимъ образованіемъ почти исключительно для проложенія себѣ карьеры въ жизни. Само же общество, какъ легко убѣдиться изъ статей, помѣщаемыхъ въ нашихъ журналахъ, живо интересуется государственно-общественными вопросами, но, какъ видно изъ тѣхъ же журнальныхъ статей, эта потребность удовлетворяется крайне тенденціозно лицами, по большей части мало склонными и не подготовленными къ дѣльному и трезвому обсужденію этихъ вопросовъ. Такимъ образомъ сборники, издаваемые при нашихъ юридическихъ обществахъ, могли бы сослужить весьма важную службу, найти себѣ многочисленныхъ читателей въ

самомъ обществѣ и содѣйствовать, къ несомнѣнной пользѣ нормальнаго развитія нашей общественной и государственной жизни, распространенію научныхъ, т. е. трезвыхъ и здравыхъ, взглядовъ.

Съ этой точки зрѣнія мы и отнесли къ сборнику трудовъ московскаго юридическаго общества, и насъ чрезвычайно порадовало, что и оно понимаетъ свою задачу отчасти въ указанномъ нами смыслѣ. Это, какъ мы видѣли, явствуетъ уже изъ содержанія помѣщенныхъ въ сборникѣ статей. Но, къ сожалѣнію, мы должны въ то же время отмѣтить, что авторы этихъ интересныхъ статей, всетаки, иногда приносятъ научную трезвость мысли въ жертву разнымъ тенденціямъ. За исключеніемъ двухъ, трехъ статей, сравнительно второстепенныхъ и вполнѣ объективныхъ, остальные, не смотря на свою солидность, проникнуты духомъ не вполнѣ научнымъ. Остановимся для поясненія нашей мысли на двухъ главныхъ статьяхъ сборника, посвященныхъ, какъ мы видѣли, социальному законодательству учредительнаго собранія первой французской революціи и общественно-политическому міросозерцанію Салтыкова. Авторъ первой изъ этихъ двухъ статей проводитъ ту мысль, что французская революція отстаивала интересы не столько народа, въ тѣсномъ значеніи этого слова, сколько буржуазіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ дискредитируетъ значеніе великаго переворота конца прошлаго вѣка. Не даромъ французы говорятъ, что крайности соприкасаются: консерваторы негодуютъ на французскую революцію за то, что она распатала государственную власть во Франціи, радикалы же за то, что она не приняла во вниманіе интересовъ народа. Очевидно обаяніе, которымъ былъ окруженъ великій переворотъ прошлаго вѣка въ глазахъ свободо-мыслящихъ людей, постепенно исчезаетъ и замѣняется недружелюбнымъ отношеніемъ: при ближайшемъ же изслѣдованіи оказывается, что французская революція вовсе не была такимъ передовымъ историческимъ событіемъ, какимъ она до сихъ поръ изображалась горячими сторонниками прогресса. Г. Ковалевскій намъ доказываетъ съ обильнымъ историческимъ матеріаломъ въ рукахъ, что на всемъ социальномъ законодательствѣ учредительнаго собранія, т. е. на податныхъ его реформахъ, въ отношеніи его къ собственности и труду «лежитъ печать покровительства владѣтельнымъ классамъ», что народъ возставалъ, совершалъ бунты, грабилъ, поджигалъ, насиловалъ женщинъ и дѣвушекъ, уничтожалъ замки и архивы, предавался всевозможнымъ безчинствамъ, потому что французскіе законодатели того времени не понимали его интересовъ и подчинялись своекорыстнымъ побужденіямъ. Онъ требовалъ хлѣба, освобожденія отъ обременительныхъ налоговъ, прибыльнаго и легкаго труда, а его потчевали свободою. Это несомнѣнно очень жестокій приговоръ надъ революціею, и притомъ приговоръ во многихъ отношеніяхъ крайне несправедливый. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ серьезно утверждать, что учредительное собраніе, разрушившее феодальный строй, т. е. такой строй, который всецѣло былъ основанъ на благополучіи весьма немногочисленнаго класса людей въ ущербъ всей трудящейся народной массѣ, дѣйствовало во вредъ этому трудящемуся люду, и что оно не было воодушевлено желаніемъ придти на помощь именно ему, т. е. всей закабаленной, закрѣпощенной, порабощенной народной массѣ. Подобный взглядъ на дѣло противорѣчитъ элементарнѣйшимъ свѣдѣніямъ о томъ, чѣмъ первоначально были одушевлены дѣятели французской революціи. Они могли придерживаться ложныхъ экономическихъ воззрѣній и даже подъ гнетомъ политиче-

скаго вліянія тѣхъ или другихъ элементовъ въ частностяхъ отступать отъ этихъ воззрѣній, но чистоту ихъ помысловъ никто серьезно не можетъ оспаривать. Задача же науки заключается въ томъ, чтобъ выяснить, на сколько эти воззрѣнія были правильны, отиѣтитъ, что въ концѣ прошлаго вѣка было весьма трудно обнять и должнымъ образомъ оцѣнить народныя интересы въ ихъ совокупности; но ни одинъ серьезный научный изслѣдователь не согласится съ парадоксальнымъ и ложнымъ взглядомъ, будто бы первоначальные дѣятели французской революціи были воодушевлены желаніемъ оградить карманъ сытыхъ буржуа, а не страстнымъ порывомъ придти на помощь обездоленной народной массѣ. Проводя такой взглядъ на дѣло, г. Ковалевскій горадо болѣе потворствуетъ радикальнымъ тенденціямъ, чѣмъ служитъ истиннѣ—единственной цѣли науки.

Почти въ томъ же мы должны упрекнуть и автора другой основной статьи сборника, г. Семевского, взяшагося разъяснить читателямъ государственно-общественное міросозерцаніе Салтыкова. И въ его изслѣдованіи истина и наука играютъ весьма слабую роль, а тенденціозныя толкованія преобладаютъ. Значеніе Салтыкова, какъ остроумнаго и необычайно даровитаго сатирика, на столько выяснено, что не вуждается въ доказательствахъ. Его, однако, упрекаютъ въ томъ, что у него не было опредѣленныхъ государственно-общественныхъ идеаловъ, которые могли быть примѣнены въ данной средѣ и въ данное время. Противъ этого обвиненія и ополчается г. Семевскій: онъ намъ разъясняетъ, что Салтыковъ въ молодости примыкалъ къ петрашевцамъ и былъ фурьеристомъ, что онъ всю свою жизнь боролся противъ крѣпостничества, что онъ признавалъ необходимость «полной свободы въ обсужденіи идеаловъ будущаго», наконецъ, что онъ придавалъ социальнымъ реформамъ первостепенное значеніе, хотя признавалъ и политическія реформы не безразличными для полнаго осуществленія социальныхъ. Больше мы изъ статьи г. Семевского о государственно-общественномъ міросозерцаніи Салтыкова ничего не узнали. Но, очевидно, признавать социальные и политическія реформы необходимыми, допускать свободу въ обсужденіи идеаловъ будущаго, быть въ молодости фурьеристомъ или петрашевцемъ не значить еще составить себѣ опредѣленное политическое міросозерцаніе, пригодное для осуществленія въ данное время и въ данной средѣ. Такое міросозерцаніе можетъ составить себѣ и любой гимназистъ. И что за охота искать у Салтыкова не то, въ чемъ заключается его сила, а то, чего онъ дать намъ не можетъ! Принадлежа къ цвѣту русской интеллигенціи, вышедшей главнымъ образомъ изъ нашего дворянскаго сословія, онъ умѣлъ замѣчательно тонко понять всѣ ея недостатки, всѣ ея внутреннія злобы, умственные и нравственные болѣзни и не только понять, но и дать имъ необыкновенно яркое литературное выраженіе; онъ, какъ никто до него, осмѣялъ и осудилъ всю нашу умственную и нравственную несостоятельность и дряблость, показалъ, какъ всюду нашъ братъ-дворянинъ оказывается несостоятельнымъ въ самыхъ жизненныхъ вопросахъ, и дошелъ въ этомъ осмѣяніи до того, что призналъ насъ даже неспособными ни къ практическому разрѣшенію ближайшихъ, подлежащихъ нашему вѣдѣнію, задачъ, ни къ осуществленію тѣхъ дальнѣйшихъ, которыя грезятся нашему уму, въ родѣ обновленія всего государственнаго строя. Зачѣмъ это скрывать? Да, Салтыковъ, вышедшій изъ дворянской среды, произнесъ неумолимый приговоръ надъ этою средою, но произнесъ его не голословно, а съ глубо-

кимъ знаніемъ этой ереды, и этимъ уяснилъ каждому изъ насъ, въ чемъ мы грѣшимъ, въ чемъ мы виноваты. Это большая заслуга Салтыкова, которою исчерпывается его дѣятельность, и намъ положительно нечего искать въ его произведеніяхъ общественно-политическаго міросозерцанія, которое можетъ быть плодомъ не одного лишь звучанія бытовыхъ сторонъ того или другого общественнаго класса, а всей совокупности практическихъ и теоретическихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью современныхъ цивилизованныхъ народовъ. Поэтому провозглашать Салтыкова руководителемъ нашего общества, воздевать той или другой политической партіи, значитъ совершать такую же ошибку, какъ приписать подобную же роль во Франціи Зола, въ Германіи Ауэрбаху или Шпильгагену, и намъ кажется, что сборнику съ чисто-научною задачею было бы приличнѣе выяснить именно это заблужденіе, чѣмъ поддерживать наше общество въ предразсудкѣ, будто бы представители изящной литературы могутъ въ то же время быть вождями политическихъ партій только потому, что они обладаютъ блестятельнымъ или художественнымъ талантомъ.

Но если устранить этого рода тенденціозность, безъ которой русскій чело-вѣкъ, кажется, обойтись никакъ не можетъ, то мы найдемъ какъ въ двухъ разобранныхъ нами статьяхъ, такъ и въ остальныхъ чрезвычайно богатый и интересный матеріалъ по разнымъ жизненнымъ вопросамъ, и во всякомъ случаѣ мы должны будемъ признать, что Московское юридическое общество не принадлежитъ къ числу тѣхъ изъ нашихъ обществъ, которыя можно было бы упрекнуть въ бездѣйствіи.

Р. Сементковскій.

Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи, европейской и русской. Изслѣдованіе И. Созоновича. Варшава. 1893.

Г. Созоновичъ (профессоръ Варшавскаго университета) намѣтилъ тему этой работы еще 9 лѣтъ назадъ и часть своихъ выводовъ опубликовалъ въ 1890 г. въ брошюрѣ: Пѣсни и сказки о женихѣ мертвецѣ, но только теперь достигъ «полной ясности представленія» (предисл., VI), когда входящія въ кругъ его темы памятники «подвергнуты были самому тщательному и подробному разсмотрѣнію не только со стороны содержанія, но также и со стороны литературной обработки».

Вотъ какъ авторъ формулируетъ выводы, къ которымъ пришелъ онъ.

«Благодаря такому детальному разбору каждаго изъ собранныхъ произведеній въ отдѣльности, мнѣ удалось, во-первыхъ, распредѣлить все содержаніе моей темы, представлявшееся прежнимъ изслѣдователямъ въ неясныхъ и общихъ очертаніяхъ, на двѣ группы сказаній, не связанныхъ между собою ни внѣшними, ни внутренними узлами генетической зависимости: на пѣсни и сказки о женихѣ мертвецѣ и на пѣсни о братѣ мертвецѣ.

«Во-вторыхъ, всю первую обширную группу сказаній представилось возможнымъ возвести къ ея классическому первоисточнику, къ разсказу о Протезилаѣ и Лаодаміи, который путемъ сложной литературной переработки проникъ въ средневѣковую западно-европейскую литературу, спустился изъ нея затѣмъ въ народную среду, гдѣ, опростившись и до известной степени одичавъ, сохранился до нашихъ дней въ устной передачѣ.

«Въ-третьихъ, мною указаны основанія, въ силу которыхъ вторую группу сказаній слѣдуетъ считать самостоятельнымъ и притомъ болѣе позднимъ проявленіемъ поэтическаго творчества, причемъ лишь общность воззрѣнія на мертвыхъ, допускавшаго возможность возврата послѣднихъ на землю, служить единственнымъ связующимъ звеномъ между первой и второй группой произведеній.

«Въ-четвертыхъ, приведенныя мною доказательства подтверждаютъ мысль, что произведенія второй группы должны были возникнуть гдѣ либо среди сербской народности при условіяхъ, не поддающихся ближайшему опредѣленію, и что они уже отъ сербовъ перешли къ болгарамъ, а затѣмъ къ албанцамъ и ново-грекамъ, слегка измѣнившимъ ихъ въ духѣ своей народной поэзіи».

Авторъ начинаетъ съ краткой литературной исторіи Бюргеровой Леноры (по книгѣ Эр. Шмидта); затѣмъ переходитъ (стр. 9) къ характеристикѣ работы по изученію народныхъ источниковъ баллады. Третья глава (стр. 17—67) носитъ названіе: «Вѣра въ возвращеніе мертвыхъ», но въ ней встрѣчаются факты и иныхъ сродныхъ категорій, также какъ и въ IV главѣ: «Слезы и неутѣшная скорбь тревожатъ мертвыхъ» (стр. 67—85). Только съ V-й главы «Пѣсни и сказки о женихѣ мертвецѣ» (стр. 85) авторъ приступаетъ къ своей темѣ. Эта глава распадается на 23 отдѣла по народностямъ, среди которыхъ встрѣчаются версіи этого сказанія, начиная съ древнихъ грековъ и кончая русскими. Послѣдняя VI глава «Пѣсни о братѣ-мертвецѣ» также распадается на отдѣлы по версіямъ народовъ: сербскаго, болгарскаго, албанскаго и новогреческаго.

Въ видѣ приложенія авторъ перепечаталъ изъ «Филологическаго Вѣстника» (за 1890 и 1892 гг.) 13 русскихъ вариантовъ сказанія о женихѣ (или мужѣ) мертвецѣ.

Книга г. Созоновича представляетъ интересъ, какъ систематическое собраніе матеріала по очень любопытному вопросу, открывающему нѣкоторые «общіе виды»; не лишены значенія и нѣкоторыя частныя соображенія въ этой книгѣ; но считать ее изслѣдованіемъ, разрѣшающимъ главный вопросъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ возможности. Изъ четырехъ тезисовъ автора, выписанныхъ нами выше, первый и третій вѣрны, но они по содержанію составляютъ одинъ тезисъ, да и тотъ высказанъ задолго до его книги ¹⁾. Второй тезисъ былъ чрезвычайно важенъ, еслибъ онъ былъ доказанъ хотя сколько нибудь удовлетворительно; но есть ли какая нибудь возможность убѣдиться доводами автора, когда онъ оказывается въ необходимости прибѣгнуть къ тому нехитрому приему, надъ которымъ такъ остроумно подсмѣивается Гоголь?

Изложивъ (на стр. 86—96) классическую сагу о Протезилаѣ и Лаодаміи и вслѣдъ за ней скандинавскую пѣснь о Гельги и Сигрунѣ, онъ считаетъ «весьма возможнымъ, что какая либо поздняя классическая версія разсказа о Протезилаѣ и Лаодаміи и послужила основой для саги о Гельги и Сигрунѣ» (стр. 96) ²⁾, а ниже, подводя итоги (на стр. 179), онъ считаетъ

¹⁾ Крумбахеръ еще въ 1887 г. (*Zeitschr. für vergl. Litteraturgesch.*, I, 218) говоритъ: Von grösser Wichtigkeit erscheint mir die Frage... ob nicht etwa beide Sagen völlig zu trennen und als selbständige Producte zu betrachten sind.

²⁾ На стр. 97 онъ говоритъ: съ «значительною вѣроятностью можно думать, что въ сагѣ мы имѣемъ отраженіе классическаго разсказа».

эту «возможность» и «вѣроятность» литературной связи гомеровскаго (почему именно гомеровскаго?) мифа и скандинавской саги вполне доказаннымъ фактомъ и строятъ на немъ все дальѣйшее.

Теорія литературнаго заимствованія — прекрасная теорія, ясная и плодотворная, но сколько разъ твердили, что опираться на нее можно только тогда, когда легко прослѣдить пути заимствованія, и когда между двумя народными сказаніями есть специальное и детальное сходство. Посмотримъ, въ чемъ сходство классическаго сказанія и скандинавской поэмы.

По Эврипиду Протезилай, покинувъ молодую жену, идетъ въ троянскій походъ и погибаетъ въ битвѣ. Лаодамія, узнавъ о его смерти, молитъ боговъ возвратить ей мужа хотя бы на время. Ея мольба исполнена, и Гермесъ приводитъ къ ней Протезилая изъ айда. Послѣ короткаго свиданія супруги должны разстаться, и тогда Лаодамія лишаетъ себя жизни.

Скандинавская Эдда обстоятельно рассказываетъ исторію брака Сигруны и Гельги; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ счастливой жизни Гельги убить роднымъ братомъ своей жены. Сигруна горько оплакиваетъ мужа и не можетъ утѣшиться. Въ одну ночь служанка Сигруны видитъ Гельги, подѣзжающаго со свитой къ своему могильному холму; извѣщенная ею Сигруна спѣшитъ обнять милаго, но ее поражаетъ, что волосы его покрыты инеемъ, руки холодны, какъ ледъ, и онъ весь залитъ кровью. На ея вопросъ о причинѣ этого Гельги обвиняетъ самоѣ Сигруну; она оплакиваетъ его, и эти слезы падаютъ на его грудь. На разсвѣтѣ Гельги уѣзжаетъ, и Сигруна снова остается въ одиночествѣ; но не долго прожила она: печаль свела ее въ могилу. Общее между двумя рассказами: выраженіе сильной супружеской любви, вѣра въ загробную жизнь и въ возможность временнаго возвращенія мертвеца; все это обще всемъ народамъ на извѣстной ступени развитія. Если скандинавскій поэтъ не нуждался въ греческомъ источникѣ при обработкѣ сложной исторіи Гельги, «убійцы Гундинга», и сумѣлъ самостоятельно обработать народное вѣрованіе въ горькія послѣдствія слишкомъ обильнаго оплакиванія умершихъ, почему онъ долженъ былъ обратиться къ этому источнику для изображенія сцены посмертнаго свиданія? И еслибъ онъ дѣйствительно черпалъ изъ него, почему онъ откинулъ такую эффектную черту, какъ самоубійство жены?

Г. Созиновичъ находить «полное совпаденіе схемъ»; но вѣдь схемы-то онъ составлялъ для извѣстной цѣли (стр. 91 и 96) и, опустивъ значеніе слезъ въ скандинавской повѣсти, убійство мужа братомъ, осторожно выравнившись о самоубійствѣ Лаодаміи и сведя оба разсказа къ тремъ моментамъ, онъ добился совпаденія. Но кто усомнится въ возможности добиться такими средствами совпаденія схемъ двухъ поэтическихъ произведеній, совершенно независимыхъ другъ отъ друга, напримѣръ, хоть «Вѣдной Лизы» Карамзина и извѣстной повѣсти Мюссе: «Фредерикъ и Бернеретта»¹⁾?

¹⁾ Между классическими сказаніями и средневѣковыми можно найти рядъ совпаденій, гораздо болѣе искусственныхъ, но поддаваться-то искушенію не слѣдуетъ. Особенно любопытныя версіи представляютъ византийскіе хронисты. Вотъ какъ, напр., Малала (VI вѣка; ed. Bonn, 162—163) пересказываетъ сагу о Дидонѣ и Сихей. Братъ Дидоны Пигмалионъ позавидовалъ богатству ея мужа Сихея; поѣхали они охотиться, и Пигмалионъ у источника пронзилъ Сихея копьемъ въ спину. Батюшки! — готовъ воскликнуть читатель, жаждущій открытія: — да вѣдь это богатство — Nibelungenhort; Сихей — Зигфридъ, убиваемый посай охоты

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1893 г., т. LIII.

«Пути заимствованія» несравненно короче и понятнѣе между скандинавской поэмой и многочисленными ново-европейскими балладами о женихѣ-мертвецѣ, въ особенности, если начать рядъ ихъ съ Швеціи и Даніи, какъ сдѣлалъ г. Созиновичъ; но здѣсь бѣда въ томъ, что тема совсѣмъ иная, такъ какъ мертвецъ не мужъ, а женихъ, и въ значительномъ большинствѣ случаевъ мертвецъ увозитъ свою невѣсту съ собою на конѣ, во время какой-нибудь поѣздки между ними происходитъ извѣстный разговоръ, роднящій всѣ эти баллады и рассказы съ Ленорой Бюргера. Различія не можетъ не видѣть изслѣдователь, и г. Созиновичъ объясняетъ его «запутанностью», «затемненностью» разбираемыхъ балладъ (стр. 98—99). «Поразительное сходство» съ пѣсней о Гельги отмѣчаетъ онъ въ венгеро-цыганской сказкѣ (101—102); сходство, дѣйствительно, есть; но какъ авторъ не замѣтилъ, что оно именно ограничивается тѣми двумя пунктами (смерть отъ руки брата и вредное дѣйствіе слезъ на мертвеца), которымъ онъ совсѣмъ не придалъ значенія, доказывая связь классическаго сказанія и пѣсни о Гельги?

На болѣе твердой почвѣ стоитъ авторъ, когда доказываетъ литературную связь вѣмецкихъ народныхъ сказаній и пѣсенъ съ Ленорой Бюргера, но онъ безъ достаточнаго основанія выказываетъ недовѣріе къ словамъ поэта относительно его непосредственнаго источника (114—115). Славянскіе варианты (стр. 124 и слѣд.) г. Созиновичъ собралъ очень старательно, но разобрался онъ въ нихъ плохо и напрасно не счелъ нужнымъ указать на тѣсную связь съ ними «Свѣтланы» Жуковскаго (битва мертвецовъ). Мы совершенно согласны съ г. Созиновичемъ въ томъ отношеніи, что пѣсня о братѣ-мертвецѣ принадлежитъ къ другой «группѣ сказаній» (или, какъ точнѣе выражается Крумбахеръ, что это совершенно самостоятельное произведеніе); но аргументацію его въ пользу сербскаго происхожденія пѣсни не можемъ признать вполнѣ убѣдительною; за ея греческое происхожденіе говорятъ и имена и большая ея осмысленность въ греческихъ вариантахъ (братъ потому и долженъ встать изъ могилы, что онъ общался живой, или мертвый, доставить сестру; дочь возвращается къ одинокой матери, чтобы закрыть ей глаза).

Русскіе варианты, приводимые въ приложеніи, очень любопытны, но ужели г. Созиновичъ не замѣтилъ въ № VIII непосредственнаго вліянія новѣйшаго литературнаго источника, а именно «Свѣтланы» Жуковскаго?

Съ вѣднѣйшей стороны книжка г. Созиновича имѣетъ чрезвычайно ученый видъ: не только словинскія и польскія цитаты (не говоря уже о вѣмецкихъ и англійскихъ) оставлены безъ перевода, но даже и голландскія (стр. 111—112). Тѣмъ болѣе непріятно поражаютъ въ ней многочисленные недосмотры и неточности: Клопштокъ оказывается представителемъ ложноклассическаго направленія (стр. 5), *Des Knaben Wunderhorn* — журналомъ (стр. 114), Лукьянъ (род. 120 г.) и Плиній Младшій (род. 62 г.) — современниками (стр. 28); *Thomas Cantimpratensis* (котораго г. Созиновичъ упрямо называетъ *Cantipratensis*, стр. 33 и 75) сумѣлъ написать такую книгу, что она въ средніе вѣка выдержала вѣсколько изданій и т. д. Слогъ тоже въ

копьемъ въ спину у источника; Пигмалионъ—Гунтеръ и Гагенъ вмѣстѣ; Дидона—Кримгильда; оттого послѣдняя при второмъ замужествѣ и погибаетъ такъ трагически!

Да, сходство есть, несомнѣнное; но попытайтесь доказать литературное заимствованіе!

нѣкоторыхъ мѣстахъ, что называется, оставляетъ желать лучшаго (напримѣръ, «вся жизнь его—Гердера—была проникнута идеаломъ и знаніемъ).

А. К—овъ.

Гр. И. И. Толстой. Древнѣйшія русскія монеты X—XI вѣка.
Съ 2 таблицами. Спб. 1893.

Въ 1882 году графъ И. И. Толстой издалъ въ свѣтъ огромную монографію «Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго». Съ одной стороны, необыкновенная тщательность изученія предмета, съ другой—фактъ, что авторъ лично обладаетъ, въ видѣ совершенно исключительно богатаго собранія монетъ, обширнымъ матеріаломъ для выясненія даннаго вопроса, придали книгѣ гр. Толстого чрезвычайное значеніе въ русской нумизматической литературѣ. Мнѣніе молодого автора стало авторитетнымъ въ наукѣ, и настоящая новая брошюра гр. Толстого имѣетъ большой интересъ, съ одной стороны, какъ дополненіе къ прежнему большому труду, съ другой—какъ компетентный разборъ новыхъ взглядовъ, высказанныхъ въ послѣднее время по поводу древнѣйшихъ русскихъ монетъ. Въ 1888 году въ «Вѣстникѣ археологіи и исторіи» (вып. VII) Н. П. Черневъ помѣстилъ статью «Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ»¹⁾, въ которой излагается крайне любопытная теорія относительно монетъ извѣстнаго Нѣжинскаго клада. Считаая, что Нѣжинскіе «сребренники» рѣзко отличаются отъ другихъ родовъ монетъ, приписываемыхъ великому княжеству Кіевскому, Н. П. Черневъ утверждаетъ, что въ нумизматическихъ памятникахъ этого клада мы имѣемъ монеты не кіевскихъ князей, а черниговскихъ XII столѣтія. На наиболѣе оригинальныхъ монетахъ этой находки, по мнѣнію гр. Толстого, относящихся къ Ярославу-Георгію Мудрому, авторъ «Замѣтокъ» видитъ ясно читаемое княжеское имя «ПЕТРОСЪ». Эта гипотеза о князѣ Петрѣ имѣла бы большую цѣнность, еслибы не была основана почти исключительно на томъ или другомъ чтеніи искаженныхъ надписей, которыя въ данномъ случаѣ являются основаніемъ весьма шаткимъ²⁾. Гр. И. И. Толстой, отгнѣвивъ тѣ вѣскіе доводы и соображенія, по которымъ ученые признали монеты Нѣжинскаго и Кіевскаго кладовъ относящимися къ эпохѣ св. Владиміра и его ближайшихъ преемниковъ (прототипы, преемство типовъ по перечекамкамъ, хронологическія опредѣленія кладовъ и т. д.), рѣзко указываетъ на произвольность толкованія надписей, допущенную Н. П. Черневымъ, и признаетъ совершенно необоснованными предположенія о князяхъ Унѣвскихъ-Черниговскихъ, якобы чеканившихъ тѣ «сребренники», которые найдены близъ Нѣжина.

Въ новомъ трудѣ гр. И. И. Толстого описано 19 экземпляровъ неизданныхъ еще монетъ Кіевскаго княжества, изъ которыхъ пятнадцать нахо-

¹⁾ Дополненія къ этой статьѣ см. въ замѣткахъ Н. И. Чернева же въ 3 и 4 выпускахъ «Сборника снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ» (Кіевъ, 1891).

²⁾ Въ замѣткѣ «О нѣжинскихъ сребренникахъ съ именемъ Петръ» Н. П. Черневъ доказываетъ, что изображеніе на этихъ монетахъ отнюдь не св. Георгія, а апостола Петра; Н. И. Петровъ на обратной сторонѣ сребренника читаетъ имя Дмитрія.

дятся въ собраніи автора. Весьма любопытны два новыхъ «златника» св. Владиміра. Нельзя, однако, не замѣтить, что центр тяжести брошюры гр. Толстого не въ описаніи монетъ и не въ полемикѣ съ г. Черневымъ, а въ предшествоющемъ имъ изслѣдованіи о византійскихъ прототипахъ нашихъ «златниковъ» и «сребренниковъ». Какъ извѣстно, византійскимъ монетамъ усердно подражали, и не только на Западѣ, но и на Востокѣ. Внимательное изслѣдованіе разнообразныхъ экземпляровъ подобныхъ подражаній позволяетъ сдѣлать весьма важный выводъ относительно стремленія подражателей къ нѣкоторой самостоятельности. Копія по большей части оказывается сдѣланной съ нѣсколькихъ оригиналовъ, причемъ въ основаніе вложенъ наиболѣе извѣстный рѣзчику типъ, а съ прочихъ заимствованъ рядъ характерныхъ особенностей. Иногда рабски скопированныя подробности прямо указываютъ на оригиналъ, не совсѣмъ схожій по типу, но содержащій въ себѣ эти частности, неизвѣстныя на другихъ монетахъ. Глубокая эрудиція, которую выказываетъ гр. И. И. Толстой въ сферѣ византійской и западной средневѣковой нумизматики, заставляютъ пожелать, чтобы онъ когда нибудь подарилъ русскую литературу большимъ изслѣдованіемъ о византійскомъ влияніи на монетные типы вообще. Очень жаль также, что гр. Толстой не подвергъ разбору новыхъ теорій, высказанныхъ въ объясненіе загадочныхъ изображеній на монетахъ Кіевского княжества, принимаемыхъ обыкновенно за варианты великокняжескаго родового герба (знамени). Профессоръ Московскаго университета П. Н. Миллюковъ видитъ въ данномъ случаѣ изображеніе опрокинутого норманнскаго шлема, а кіевскіе нумизматы, скрывшіе свои фамиліи подъ прозрачными буквами «В. и Ч.», въ брошюрѣ «Замѣтка о загадочной фигурѣ на монетахъ великаго княжества Кіевского» (Кіевъ, 1889, 8°, 10 стр.), предлагаютъ въ этихъ знакахъ видѣть постепенное искаженіе монограммы слова «βασιλεύς». Можетъ быть, обѣ эти теоріи и болѣе остроумны, чѣмъ научны, но во всякомъ случаѣ специалисту необходимо высказывать свое сужденіе о всѣхъ новыхъ взглядахъ по вопросамъ, его касающимся и имъ разобраннымъ. Н. Лихачевъ.

В. Н. Александренко. Реляціи князя А. Д. Кантемира изъ Лондона (1732—1733 гг.). Томъ I. Москва. 1892.

Какъ извѣстно, въ 1720 г. произошелъ разрывъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Англіей, имѣвшій въ результатъ выѣздъ изъ Лондона русскаго резидента Михаила Бестужева (англійскій резидентъ былъ отозванъ изъ Россіи еще въ 1719 г.). Разрывъ, однако, наносилъ ущербъ интересамъ обоихъ государствъ: торговымъ — Англіи и политическимъ — Россіи, и это поняла Франція, предложившая свое посредничество съ цѣлью примиренія Петра съ Георгіемъ I. Первый долго не соглашался на это, но въ концѣ концовъ рѣшилъ возобновить сношенія съ Англіей, при соблюденіи двухъ слѣдующихъ условій: 1) послышки англійскимъ королемъ въ Петербургъ министра съ засвидѣтельствованіемъ своего желанія «возвратить прежнюю дружбу» русскаго государя и 2) признанія за нимъ императорскаго титула. Послѣ смерти Петра переговоры продолжались попрежнему, и въ 1731 г. дипломатическія сношенія между обоими государствами были возстановлены: въ Россію резидентомъ былъ назначенъ Клаудій Ровдо, а въ Англію извѣстный сатирикъ Автіохъ Кантемиръ. Послѣдній прибылъ въ Лондонъ 30-го

марта 1732 г. и уже на слѣдующій день (31-го марта) отправилъ свою первую реляцію русскому правительству. Реляціи Кантемира обнимаютъ періодъ почти шестилѣтняго пребыванія его въ Лондонѣ (послѣдняя помѣчена 1-мъ сентябремъ 1738 г.) и подраздѣляются на три формы: ординарныя, секретныя и секретѣйшія. По своему содержанию онѣ касаются какъ событий дня, такъ и важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ того времени (польскаго и восточнаго), и потому представляютъ большой историческій интересъ. Во-первыхъ, онѣ важны для изученія личности Кантемира, такъ какъ на нихъ какъ бы отпечатались особенности его ума, характера и полученнаго имъ воспитанія (аббатъ Гваско въ своей біографіи Кантемира говоритъ, что реляціи являются лучшимъ его литературнымъ произведеніемъ, и что всѣ онѣ хорошо написаны). Во-вторыхъ, онѣ отличаются богатствомъ содержания и касаются политическихъ событий, имѣвшихъ общеевропейское значеніе въ то время, а именно: борьбы за польскій престолъ, войны Франціи съ Австріей и русско-турецкой войны. Затѣмъ, какъ ни случайны сообщенія Кантемира о внутренней жизни Англіи, они содержатъ драгоценныя указанія для изучающаго развитіе общественнаго строя этой страны: такъ, характеристика взаимнаго отношенія другъ къ другу партій и выдающихся политическихъ дѣятелей того времени отличается вѣрностью взгляда и безпристрастіемъ, которымъ далеко не всегда проникнуты даже лучшіе англійскіе историки того времени. Наконецъ, въ-третьихъ, реляціи имѣли воспитательное значеніе для русскихъ дипломатовъ, аккредитованныхъ въ Лондонѣ. Вотъ почему государственный канцлеръ графъ М. И. Воронцовъ считалъ полезнымъ дать своему племяннику Ал. Ром., назначенному полномочнымъ министромъ въ Лондонѣ, такой совѣтъ: «старыхъ временъ дѣла, находящіяся въ архивѣ, съ прилежаніемъ прочтете, а особливо реляціи князя Кантемира, которыя вамъ къ руководству дѣлъ много способствовать будутъ».

Въ виду всего сказаннаго, нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ намѣренію профессора Александренка издать реляціи Кантемира. Въ вышедшемъ первомъ томѣ напечатаны: 64 реляціи за 1732 г. и 128 реляцій за 1733 г. Кромѣ того, въ приложеніяхъ приведены кредитивная грамота и паспортъ, данные Кантемиру.

В. Латкинъ.

Н. О. Осиповъ. Ритуальъ сибирской свадьбы. Спб. 1893.

Подъ такимъ немножко громкимъ и не совсѣмъ точнымъ заглавіемъ г. Осиповъ издалъ брошюру (всего въ 19 страницъ), съ интереснымъ этнографическимъ содержаніемъ, являющуюся въ сущности отдѣльнымъ оттискомъ статьи автора, напечатанной раньше въ 1-мъ выпускѣ «Живой Старины» за 1893 годъ. Судя по названію брошюры, пожалуй, можно подумать, что описываемая г. Осиповымъ сибирская свадьба имѣетъ въ виду всѣ сословія, т. е. крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ, чиновниковъ и т. п., тогда какъ на самомъ дѣлѣ авторъ говоритъ только объ однихъ крестьянахъ, и то не всей Сибири, а только одной губерніи, именно Тобольской. Вѣрнѣе было бы озаглавить эту брошюру какъ нибудь иначе, напримѣръ: «Ритуальъ крестьянской свадьбы въ Тобольской губерніи», или «Ритуальъ крестьянской свадьбы въ одной изъ сибирскихъ губерній».

Г. Осиповъ уже достаточно заявилъ себя, какъ добросовѣстный изслѣдователь крестьянской жизни въ Сибири: ему, между прочимъ, принадлежитъ

работа, помещенная въ «Матеріалахъ для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Сибири». И въ разбираемой брошюрѣ авторъ выступаетъ точнымъ и опытнымъ наблюдателемъ. Занимаясь, по порученію министерства государственныхъ имуществъ, хозяйственно-экономическими изслѣдованіями въ Тобольской губерніи, г. Осиповъ успѣлъ въ то же время собрать наблюденія объ обычаяхъ крестьянской свадьбы. Обычаи этой свадьбы въ Тобольской губерніи представляютъ особый интересъ: они, во-первыхъ, носятъ нѣсколько азіатскій оттѣнокъ и, во-вторыхъ, могутъ считаться до нѣкоторой степени источникомъ обдѣлвнн крестьянъ. То, что называется азіатскимъ оттѣнкомъ, заключается въ обычай «запроса», который сами крестьяне называютъ татарскимъ словомъ «калымъ»: женихъ долженъ заплатить за невѣсту извѣстную сумму денегъ, чтобы она могла сдѣлаться его женой. Что касается до разорительности свадьбы (главнымъ образомъ для семьи жениха средняго достатка), то это можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ: 1) «запросъ», или калымъ невѣсты—80 рублей; 2) отцу невѣсты «за руку» (т. е. за согласіе) вина 4 ведра—24 рубля; 3) для гулянки въ домѣ жениха водки 6 ведеръ—36 рублей; 4) вѣнчаніе—10 рублей; 5) роднѣ невѣсты на подарки (пряниками и мыломъ) около 3 рублей; 6) рыбы для пироговъ не менѣе 2 пудовъ—4 рубля; 7) масла коровьяго одинъ пудъ—7 рублей; 8) мяса 2 пуда—3 рубля; 9) чаю 2 фунта—3 рубля; 10) сахару 10 фунтовъ—2 рубля; 11) орѣховъ, пряниковъ и карамели на 2 рубля; 12) муки пшеничной 4 пуда—2 рубля 80 копеекъ. Въ результатѣ свадьба для жениха будетъ стоить—176 рублей 80 копеекъ. Богатые крестьяне тратятъ вдвое и втрое болѣе этой цифры; одинъ «калымъ» доходить до 200—300 рублей и даже до 500 рублей. Свадьба обыкновенно продолжается 8 дней (1 день—дѣвшиникъ, 4 дня—пирушка у свекра и его родни, 3 дня—у тестя и его родни) и сопровождается множественнымъ церемоніямъ, которыми распоряжается «вѣжливецъ».

Мы не перечисляемъ и не указываемъ обычаевъ и обрядовъ, сопровождающихъ свадьбу. Советуемъ лицамъ любознательнымъ обратиться непосредственно къ интересной брошюрѣ г. Осипова. Мы только замѣтимъ, что крестьянская свадьба въ Тобольской губерніи сопровождается обильнымъ пьянствомъ. Чтобы судить о размѣрахъ свадебнаго пьянства, авторъ дѣлаетъ расчетъ, сколько водки приходится на каждого изъ пирующихъ. Всего участвующихъ на средней свадьбѣ бываетъ до 37 человекъ, кромѣ дѣвушекъ и сопровождающихъ ихъ парней; но парней вовсе не угощаютъ водкой, а дѣвушки сами пьютъ очень мало, такъ что ихъ можно вовсе не считать участниками въ попойкахъ. Если предположить, что женщины пьютъ на свадьбахъ вдвое меньше мужчинъ, то, по расчету автора, «пьющихъ единицъ» будетъ 28; водки выпивается въ теченіе свадьбы 22 ведра, или 440 бутылокъ, т. е. по $15\frac{5}{7}$ бутылокъ на единицу. Такъ какъ свадьба продолжается 8 дней, то въ день приходится на мужчину 2 бутылки, а на женщину—1 бутылка. Но авторъ полагаетъ, что для женщины за глаза довольно по полбутылкѣ въ день на каждую, чтобы быть въ хорошемъ «навеселѣ»; поэтому вѣрнѣе будетъ принять, что мужчины выпиваютъ каждый приблизительно по $2\frac{1}{2}$ бутылки въ день. Изъ этого очевидно, что на крестьянскихъ свадьбахъ въ Тобольской губерніи потребляется громадное количество водки, и расходъ на этотъ предметъ составляетъ почти 40% всѣхъ вообще свадебныхъ издержекъ.

Н. Т.

Новгородскій музей древностей. Краткое описаніе Новгородскаго музея. Составлено В. Ласковскимъ и Н. Лашковымъ. Изданіе Новгородскаго губернскаго статистическаго комитета. Съ приложеніемъ 14 рисунковъ. Новгородъ. 1893.

Развитію, укрѣпленію и усовершенствованію знаній по русской исторіи въ весьма немалой степени содѣйствуютъ музеи памятниковъ древностей, разумѣя подъ словомъ «древности» не только отдаленные отъ насъ періоды, но и близкіе къ нашей современности. Благодаря этимъ музеямъ, прошедшее является передъ нами живымъ и невольно наводитъ на вопросы, имѣющие важное значеніе, въ числѣ ихъ вопросъ о равнообразныхъ вліяніяхъ на русскую жизнь чужихъ народностей. Цивилизаціи съ юга, византійская, западно-европейская, восточная—всѣ оказывали вліяніе на Россію съ древнѣйшаго времени, и она должна быть причислена къ народностямъ наиболѣе культурнымъ.

Изученіе вопроса о культурныхъ вліяніяхъ вводитъ насъ въ связь со всемірною исторіею. Къ великому сожалѣнію, музеи историческіе въ губернскихъ городахъ составляютъ рѣдкость.

Вновь открытый въ 1893 г. музей въ Новгородѣ при Златоустовской башнѣ дѣтница (стр. 4) занимаетъ три зала: церковныхъ древностей, историческихъ предметовъ и памятниковъ быта и арсенальный; кромѣ того, имѣется еще запасная зала въ верхнемъ этажѣ и, наконецъ, можетъ послужить для этой же цѣли большая лѣстница во всѣ 3 этажа съ ея 4 площадками. На сколько обширно помѣщеніе Новгородскаго музея, можно судить изъ того, что всѣ его теперешнія коллекціи, состоящія болѣе чѣмъ изъ шести тысячъ предметовъ, далеко не наполняютъ занимаемыхъ ими залъ» (стр. 13—14). «Съ глубочайшею благодарностью, — говоритъ авторъ, — будетъ несомнѣнно вспоминаться и имя того лица, инициативѣ котораго Новгородскій музей обязанъ теперешнимъ своимъ помѣщеніемъ — предсѣдателя статистическаго комитета, г. новгородскаго губернатора Александра Николаевича Мосолова, которому должно быть присвоено званіе совдателя новаго зданія Новгородскаго музея. Его постоянная, неослабная энергія и забота по возведенію этого зданія и по сбору пожертвованій на постройку его, обсужденіе всѣхъ деталей постройки до мельчайшихъ подробностей, указанія, совѣты, а не рѣдко и личныя хлопоты довели дѣло до вождѣльнаго конца и дали Новгороду несомнѣнно одно изъ лучшихъ его зданій, а Новгородскій музей древностей обезпечили такимъ помѣщеніемъ, которому могутъ позавидовать многія и многія подобныя учрежденія въ губерніяхъ, не исключая и богатѣйшаго изъ мѣстныхъ музеевъ—Тверскаго» (стр. 10).

Отдѣламъ, на которые раздѣлено описаніе предметовъ, предшествуютъ общія замѣчанія, представляющія интересъ для читателей. Отдѣлу церковныхъ древностей предшествуетъ замѣчаніе о византійскомъ вліяніи на русское искусство. Россія приняла отъ грековъ вмѣстѣ съ христіанскою вѣрой греческую иконографію «во всѣхъ видахъ своихъ старинныхъ художественныхъ и ремесленныхъ произведеній церковнаго характера» (стр. 15).

Далѣе излагаются доказательства византійскаго вліянія, но они нисколько не колеблютъ вліянія западнаго на русское искусство въ періодъ удѣльно-вѣчевой.

«Новгородская губернія,—говоритъ авторъ,—обильна памятниками бронзоваго вѣка, находящимися въ курганахъ, разбросанныхъ по всей губерніи и оставшихся отъ населявшаго ее племени мери» (стр. 57).

О томъ, что жилища мери находились въ предѣлахъ Новгорода Великаго, по берегамъ о. Ильмена и р. Волхова, ничего неизвѣстно.

Укажемъ на слѣдующую неточность: годъ 1678 г. означена грамота царя Алексѣя Михайловича «за пожалованіе помѣстными землями новгородца Ивана Емельяповича Качалова въ Обонежской пятинѣ Новгородскаго уѣзда за его военную службу» (стр. 79) Если къ царствованію Алексѣя Михайловича относится эта грамота, то въ такомъ случаѣ годъ невѣренъ.

Е. З.

Матеріалы къ изученію Пермскаго края. Постройка Кизеловскаго завода И. Л. Лазарева. Н. Н. Новокрещенныхъ. Уфа. 1892.

И. Л. Лазаревъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ уральскихъ горнозаводчиковъ въ послѣдней четверти прошлаго вѣка. На его землѣ и былъ выстроенъ Кизеловскій заводъ его приказчикомъ изъ крѣпостныхъ Ипановымъ, самоучкой, совмѣщавшимъ въ себѣ необыкновенную энергію, громадныя практическія познанія и недюжинный природный умъ. Дѣятельности этого Ипанова и посвящена вся книга г. Новокрещенныхъ. Она сообщаетъ намъ массу любопытныхъ данныхъ изъ тогдашняго быта горнозаводчиковъ и горнозаводскихъ крестьянъ,—быта, еще плохо извѣстнаго въ нашей литературѣ. Бѣдственное положеніе уральскихъ крѣпостныхъ, самодурство владѣтелей и ихъ приказчиковъ, наплывъ иностранныхъ мастеровъ, часто очень мало смыслившихъ въ горномъ дѣлѣ, постоянныя распри и сутяжничество горнозаводчиковъ—вотъ мрачный фонъ, на которомъ рѣзко выдѣляется глубоко симпатичная личность Ипанова, своимъ мужицкимъ умомъ постигшаго всю неурядицу тогдашняго положенія вещей и всю свою жизнь положившаго на борьбу противъ этой неурядицы, руководствуясь хотя бы только выгодами своего барина, Лазарева. Хуже всего приходилось, конечно, крестьянамъ: то приказчикъ подбирается къ ихъ женамъ, и негдѣ искать управы на него, то цѣлыя села переселяютъ со старыхъ насиженныхъ мѣстъ въ пустыню, лежащую возлѣ завода, и доводятъ ихъ этимъ до нищеты, то лучшихъ работниковъ вырываютъ изъ семьи и сдаютъ въ рекрута, то наконецъ крестьяне, выведенные изъ терпѣнія самодурствами управляющихъ, учиняютъ открытый бунтъ,—тогда призываютъ войско и... продолженіе извѣстно. Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ. 27 августа 1787 года былъ объявленъ наборъ, а вслѣдъ за тѣмъ обнародованъ и другой указъ о наборѣ, такъ что пришлось брать по 10 человекъ съ 1.000 душъ. Дѣло необычное, всѣ завывли. Въ Яйвенскихъ деревняхъ намѣтили сдать въ рекруты крестьянина Ѳедора Лоскутова отъ отца и трехъ братьевъ. Староста и смотритель знали, что парня добромъ не взять, снарядили команду изъ двѣнадцати человекъ и ночью домъ оцѣпили. Въ домѣ рекрута не оказалось; кинулись искать, видятъ—заперта баня. Стали стучать.

— Отворяй, Ѳедюнька!

— Ни за что!

— Все равно не отвертись! Сдавайся добрымъ порядкомъ.

— Не подходи! ублю! У меня и коса, и рогатина. На, смотри...—и ты-

четь рогатиной въ окно. Кинулись на баню, раскрыли часть потолка: «выходи!». Парень не идетъ. Начали разбирать потолокъ, а рекрутъ вялеть, да и поджегъ его, кто-то успѣлъ схватить его на руку, но сейчасъ же и свалился: парень всадилъ ему въ бокъ рогатину. Едва брызнула кровь, дѣло приняло иной оборотъ. Команда съ остервенѣніемъ кинулась въ баню, рекрутъ закричалъ о помощи, отецъ и братья поспѣшили на выручку, кто съ вилами, кто съ топорами, и свалка вышла настоящая. Команда, однако, побѣдила, но, пока шла свалка, баня разгорѣлась совершенно. Тогда только рекрутъ опомнился и заявляетъ, что онъ былъ въ банѣ не одинъ. Кинулись туда, и изъ огня вытаскиваютъ угорѣлаго, обожженного парня, тоже подлежащаго сдачѣ. Кинулись за водой, давай отваживать, но парень въ страшныхъ мученіяхъ тутъ же умеръ. Когда сообщили уведеному рекруту, что его товарищъ умеръ, тотъ спрашиваетъ: «а остальные?» Снова давай растаскивать головы, разобрали все до основанія и въ угляхъ, къ общему ужасу, находятъ еще трупы двоихъ—родныхъ братьевъ!.. Да, люди предпочли сгорѣть, чѣмъ выдать себя хоть однимъ звукомъ или движеніемъ... «Суція бѣды»,—доносили объ этомъ Ипановъ.

А вотъ и еще любопытный эпизодъ. Однажды Лазаревъ приказалъ крестьянамъ въ страдное время рубить дрова, въ то самое время, когда крестьянину каждый день дорогъ, когда, наконецъ, комары и оводъ дѣлаютъ работу въ лѣсу невозможной. «Приказаніе ваше,—писалъ Лазареву Ипановъ,—я не исполнилъ: я не могъ не исполнить просьбы рабочихъ и крестьянъ объ отпускѣ ихъ домой. Слезы ихъ и мольбы невозможно безъ содроганія выслушивать. Оводъ, комары ихъ съѣли—не вѣрите мнѣ, спросите вашего посланнаго: онъ все это видѣлъ». Лазаревъ знаетъ ничего не хочетъ, требуетъ работы и работы, даетъ Высоцкому, управляющему Кизеловскаго завода, право наказывать рабочихъ своею властью. Высоцкій этимъ и воспользовался. Къ веснѣ 1792 года въ заводѣ не осталось ни одного мастера, всѣ отъ жестокаго обращенія сбѣжали. Самъ Высоцкій жилъ какъ бы въ крѣпости, окружая себя постоянно карауломъ изъ специально созданной имъ охранной стражи, которая по его приказаніямъ и чинила расправу надъ народомъ. Заводъ пришлось остановить. Чтобы не оставлять немногихъ оставшихся рабочихъ безъ дѣла, Высоцкій отдаетъ распоряженіе сжигать въ лѣсу хвою, которой тамъ скопилось масса, такъ какъ изъ этого лѣсу было взято много бревенъ для постройки завода. Жара и сухота были неизмѣрныя. Когда зажгли костры, вѣтеръ пораздулъ ихъ, зависло страшное облако дыму, и общій пожаръ запылалъ. Заводъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ пламенемъ. Рабочіе смекнули, чего они могутъ ожидать, кинулись къ домамъ, но отъ селенія уже не осталось и головы. Сотни домовъ уничтожены ради каприза барскаго управляющаго, и все имущество несчастныхъ сдѣлалось жертвой пожара. «Тяжело писать о такихъ ужасахъ!»—говоритъ г. Новокрещенныхъ,—но что чувствовалъ въ это время народъ подневольный, не смѣющій рта разинуть?!» Крестьяне подняли бунтъ противъ Высоцкаго, и, только благодаря ловкому вмѣшательству Ипанова, дѣло обошлось сравнительно тихо и безъ суда. Гораздо серьезнѣе былъ крестьянскій бунтъ во время неурожая 1796—1797 года. Взбунтовавшихся было болѣе 2.000 человекъ. Восстаніе было подавлено только регулярными войсками.

Недостатокъ мѣста заставляетъ насъ прекратить выписки, которыя можно было бы продолжать еще не на одну страницу. Изъ этого видно,

на сколько большой интерес представляет трудъ г. Новокрещенныхъ. Замятимъ ему только о двухъ неудобствахъ, представляемыхъ его книгой: во-первыхъ, онъ не говоритъ, откуда онъ заимствуетъ приводимые имъ факты, что очень важно для оцѣнки ихъ достовѣрности; во-вторыхъ, его языкъ могъ бы быть гораздо лучше и легче, если бы авторъ побольше обращалъ вниманія на подборъ выраженій и на построение фразъ. С. А.—въ.

С. А. Бершадскій. О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву. Спб. 1892.

Названная книга состоитъ изъ трехъ главъ. Первая посвящена исторіи составленія и очерку изданій Литовскаго Статута 1588 г. Вторая разрѣшаетъ вопросъ о пространствѣ дѣйствія въ Литвѣ конституцій, изданныхъ на генеральныхъ сеймахъ послѣ Люблинской уни 1569 г. Наконецъ, третья содержитъ въ себѣ изложеніе принциповъ наслѣдственного права вообще и наслѣдованія въ выморочныхъ имуществахъ въ частности по литовскому праву. Къ книгѣ приложено извлеченіе изъ статьи Даниловича «Библиографическое описаніе всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ, экземпляровъ Статута», напечатанной въ 1823 г. во второмъ томѣ «Виленскаго Дневника». Кромѣ того, въ изслѣдованіи помѣщено нѣсколько снимковъ съ рукописей и старопечатныхъ книгъ.

Въ первой главѣ профессоръ Бершадскій доказываетъ, что официальнымъ текстомъ Литовскаго Статута 1588 г. является русскій (Статутъ былъ напечатанъ въ Вильнѣ въ 1588 г. въ типографіи Мамоничей), и только уже въ 1614 г. появился переводъ на польскій языкъ. Что изданіе 1614 г. есть не что иное, какъ переводъ съ русскаго оригинала, видно, по мнѣнію профессора Бершадскаго, изъ обращенія къ «любезному читателю», помѣщеннаго на оборотѣ послѣдней страницы польскаго текста Статута. Переводчикъ, извиняясь за несовершенство работы, говоритъ, что это произошло отъ того обстоятельство, что, желая перевести (текстъ) съ русскаго на польскій слово въ слово, онъ не стремился за новымъ и изящнымъ польскимъ языкомъ, но заботился о вѣрномъ изложеніи и надлежащемъ переводѣ. «Кому же этотъ переводъ не правится, тому вольно обратиться къ старому русскому тексту» (стр. 10). Остальные польскія изданія Статута (всѣхъ изданій было восемь, причемъ послѣднее 1819 г.) также имѣли характеръ частныхъ изданій, единственнымъ же официальнымъ текстомъ всегда былъ русскій текстъ Мамонича, что признала и государственная власть Польско-Литовскаго королевства (стр. 15).

Во второй главѣ авторъ доказываетъ то положеніе, что въ Литвѣ имѣли обязательную силу только такія сеймовыя опредѣленія, т. е. конституціи, постановленныя на генеральныхъ сеймахъ Рѣчи Посполитой, въ которыхъ о томъ прямо упоминалось, напримѣръ, «а постановленіе это (рѣчь идетъ о конституціи 1593 г.) имѣть силу какъ въ земляхъ коронныхъ (т. е. въ Польшѣ), такъ и великаго княжества Литовскаго». Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ постановленія конституцій не имѣли никакой силы на литовской территоріи (страница 19). Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что съ 1611 года стали прибѣгать къ слѣдующему способу выдѣленія конституцій, имѣвшихъ обязательную силу въ Литвѣ: онѣ печатались рядомъ съ коронными подъ особымъ титуломъ «конституціи великаго княжества

Литовскаго». Окончательный вывод профессора Бершадскаго слѣдующій: «источникомъ права для обывателей великаго княжества Литовскаго въ теченіе всего времени отъ изданія Литовскаго Статута и до паденія Рѣчи Посполитой служилъ именно этотъ Статутъ, сеймовыя же конституціи имѣли силу въ Литвѣ лишь въ томъ случаѣ, когда онѣ не встрѣчались съ однородными по содержанию опредѣленіями Статута» (стр. 26).

Въ третьей главѣ авторъ выясняетъ основныя начала наслѣдственнаго права по Статуту, причемъ доказываетъ, что все имущество послѣ смерти отца обязательно переходило къ сыновьямъ, а при ихъ отсутствіи — къ дочерямъ; при неимѣнии же дѣтей и ихъ потомства, имущество переходило «къ родственникамъ, къ тому изъ нихъ, кто болѣе близокъ по родству». Выморочное же имущество поступало въ казну. Аргументація автора въ пользу этого положенія вполне убѣдительна, хотя ему приходится имѣть дѣло съ крайне неясно редактированными артикулами Статута.

В. Латкинъ.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1889 годъ. Спб. 1893.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1889 годъ составленъ съ обычною обстоятельностью. Эта обстоятельность, вѣроятно, и прелятствуетъ болѣе своевременному выходу отчетовъ. Впрочемъ, вина тому можетъ заключаться и въ непомерно скромномъ бюджетѣ библіотеки. По штату она получила въ 1889 г.—82.649 р., а вмѣстѣ съ другими случайными поступлениями—86.701 р. Изъ этой суммѣ на расходы по прямому назначенію библіотеки—на приобрѣтеніе рукописей, книгъ, на переплеты и т. д.—ассигнуется только 26.000 р.; остальное идетъ на жалованье служащимъ, которыхъ въ библіотекѣ болѣе чѣмъ недостаточно (а оклады низшихъ—ничтожны), и на ремонтъ зданія. Тѣмъ болѣе чести дѣлаетъ Библіотекѣ, что, не смотря на ничтожность ассигнуемыхъ суммъ, ей удается дѣлать весьма цѣнныя приобрѣтенія. Пользованіе Библіотекой постоянно прогрессируетъ. Благодаря обстоятельной статистикѣ, можно ознакомиться изъ цифръ со всю жизнью этого учрежденія. Въ отчетномъ году было выдано билетовъ для занятій 11.356, въ томъ числѣ женщинамъ 1.662. Эти читатели сдѣлали въ общей сложности 103.236 посѣщеній и вытребовали 182.930 томовъ книгъ и 48.821 нумеръ поврежденныхъ изданій. Въ сравненіи съ 1888 г. въ отчетномъ году число посѣщеній увеличилось, а число требованій уменьшилось. Изъ читателей большинство, какъ и слѣдуетъ ожидать, учащіеся и окончившіе курсъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, именно 3.574, а изъ нихъ больше всего университетскихъ студентовъ—1.343. Наиболѣе посѣщаемыя мѣсяцами оказываются мартъ, сентябрь, октябрь и ноябрь. Изъ числа вытребованныхъ изданій 129.236 томовъ приходится на библіотеку при читальной залѣ, причемъ изъ нихъ на русскомъ языкѣ 119.360 и на иностранныхъ—9.876. Изъ отдѣленій было вытребовано: старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ 133 тома, на русскомъ—37.415, на иностранныхъ—16.146. По содержанию требуются больше книги по историческимъ и юридическимъ наукамъ. Изъ періодическихъ изданій первое мѣсто занимаетъ по числу требованій «Вѣстникъ Европы»: за 1889—1.802 требованія, за прежніе годы—1.916. Изъ газетъ больше всего требовалось «Новое Время» (въ общемъ числѣ занимаетъ—третье мѣсто: второе послѣ «Вѣстника Европы») — «Русская Мысль»),

а именно за 1889 г.—1.101 разъ¹⁾. Въ теченіе 1889 г. было отказано въ библиотекѣ при читальной залѣ по 10.428 требованіямъ, что составляетъ 8% удовлетворенныхъ требованій. Что касается русскихъ изданій, то главная вина тутъ въ цензурныхъ учрежденіяхъ, которыя относятся къ своей обязанности доставлять установленные экземпляры въ Библиотеку очень поверхностно, такъ что многія газеты поступаютъ въ читальную залу черезъ 4 мѣсяца и позже по выходѣ ихъ въ свѣтъ. Въ отдѣленіяхъ было отказано по 10.485 требованіямъ, что составляетъ уже почти 20% удовлетворенныхъ требованій; а если распределить эту цифру порознь по каждому отдѣленію, то окажется самымъ неисправнымъ иностранное отдѣленіе, въ которомъ было 6.005 отказовъ, т. е. 37% числа удовлетворенныхъ требованій; въ послѣднемъ случаѣ главною причиною является неимѣніе требуемыхъ сочиненій въ Библиотекѣ.

Что касается приращенія библиотеки, то въ отчетномъ году оно выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ. Печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльных листовъ поступило 29.251 сочиненіе въ 33.382 томахъ; въ томъ числѣ изъ цензурнаго вѣдомства—13.917 соч. въ 14.943 тт., изъ разныхъ учреждений—4.003 соч. въ 4.083 тт., частныхъ приношеній—7.291 соч. въ 7.972 тт., приобрѣтено покупкою—4.010 соч. въ 6.384 тт. Рукописей поступило: по высочайшему повелѣнію—9, частныхъ приношеній—4.210, куплено—1882; всего—6.101. Эстамповъ и фотографій поступило 1.406, картъ и плановъ—285 и нотъ—1.000 экземпляровъ.

Качественное значеніе многихъ приобрѣтений Библиотеки весьма цѣнно. Изъ цѣлыхъ коллекцій, поступившихъ въ ея собственность, прежде всего выдѣляется собраніе рукописей и рѣдкихъ печатныхъ изданій графа А. Г. Строганова, переданное В. М. Флоринскимъ. Изъ 26 рукописей этого собранія 18, на латинскомъ, французскомъ и чешскомъ языкахъ, писаны на пергаментѣ и представляютъ особенную художественную цѣнность по богатой орнаментикѣ и превосходнымъ миниатюрамъ. Это—библія XI—XII вв., Новый Заветъ XIII—XIV вв., цѣлый рядъ латинскихъ часослововъ (Horeae) XIII—XV вв., «Liber de casu Troiae» Гвидона Колумны, «Le Herbiere» (травникъ)—рукопись XV в., исполненная для французскаго короля Карла VII, Widienyse swatee Brigitti—чешская рукопись 1491 г. и пр. Изъ печатныхъ книгъ этой коллекціи интересны экземпляръ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» А. Н. Радищева, принадлежавшій А. С. Пушкину, нѣсколько книгъ изъ библиотеки Людовика XVI и собраніе отпечатанныхъ на атласѣ гравюръ XVIII в. Томаса Уорлиджа, которыя извѣстны не болѣе какъ въ 6 экземплярахъ. Затѣмъ въ библиотеку поступила коллекція рукописей, собранныхъ въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ, — въ краѣ, до сихъ поръ богатомъ и книжною и устной стариною. Содержаніе ихъ большею частію представляютъ русскія повѣсти и исторіи. Собраніе рукописей Э. П. Аделунга, принесенное въ даръ Э. П. Кеппеномъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ копій рукописныхъ путешествій иностранцевъ по Россіи и произведеній самого археолога. Украшеніе всего отчета составляетъ описаніе бумагъ А. А. Краевскаго, переданныхъ послѣ его смерти В. А. Бильбасовымъ. Прежде всего тутъ заключаются въ

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» изъ общаго числа 536 періодическихъ изданій занимаетъ 11-е мѣсто и требовался за отчетный годъ 423 раза, за прошлые года—411.

громадномъ числѣ письма къ А. А. Краевскому, а именно 3.123 письма отъ 759 лицъ. Въ приложеніи къ отчету помѣщенъ алфавитный перечень этихъ лицъ, а также напечатаны цѣликомъ почти невѣстныя письма В. Г. Бѣлинскаго и В. П. Боткина. Это драгоцѣнный матеріалъ, какъ для исторіи русской литературы, такъ и вообще русской жизни, начиная съ 1830 хъ годовъ. Кромѣ переписки, въ бумагахъ находится немалое количество автографовъ, особенно произведеній, не пропущенныхъ тогдашнею цензурой. Тутъ есть автографы В. А. Жуковскаго, Н. М. Карамзина, В. К. Кюхельбекера, А. С. Пушкина, И. А. Крылова и массы другихъ лицъ. (Замѣтимъ при этомъ, что въ перечисленіи произведеній А. С. Хомякову приписаны стихотворенія В. Г. Бенедиктова). Масса документовъ служитъ къ исторіи «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду», «Отечественныхъ Записокъ», «Маяка», «Библіотеки для Читенія», «Сѣверной Пчелы», «Энциклопедическаго Словаря» и т. д. Наконецъ, въ этомъ собраніи есть и старинныя русскія рукописи. Большую цѣнность представляютъ купленные Библіотекой собранія бумагъ А. Т. и П. А. Болотовыхъ и семейства Дивовыхъ; въ послѣднемъ находится 14 писемъ французской писательницы Жанлисъ къ гр. Н. П. Румянцеву. Г-жа М. К. Цебрикова пожертвовала собраніе сочиненій и переводовъ дѣда ея Р. М. Цебрикова, выдающагося чловѣка прошлаго столѣтія. Н. К. Шильдеръ принесъ въ даръ собраніе бумагъ военнаго историка А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Библіотекаръ В. В. Стасовъ пожертвовалъ собраніе писемъ и музыкальныхъ произведеній А. П. Бородина и письма Н. И. Крамскаго. К. П. Побѣдовосцевъ принесъ въ даръ собраніе бумагъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ царствованія императора Александра II, причемъ онѣ не могутъ быть выдаемы въ настоящее время. Изъ отдѣльныхъ рукописныхъ приобрѣтеній Библіотеки заслуживаютъ вниманія слѣдующія: Записки адмирала И. А. Шестакова, Записки изъ бесѣдъ масона Р. С. Степанова († 1828), Записки генерала П. К. Менькова, Записки генерала С. А. Хрулева, «Свѣточъ» — литературный журналъ петербургскихъ студентовъ (1858 г.), автобіографія проф. В. В. Макушева, автографъ поэмы «Пошъ» И. С. Тургенева, автографы Н. Я. Данилевскаго, черновая тетрадь стихотвореній С. Я. Надсона, раскольническіе сборники и сочиненія безповца Ивана Алексѣева, Записки С. Б. Броневскаго (напечатаны отрывки изъ нихъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1889 г., № 12), Записки графа Генриха де-Ламберта (Journal de Henry), французскаго эмигранта въ Россіи, «Разныя записки» А. С. Шишкова и проч.

Не смотря на обстоятельность отчета, нельзя не отмѣтить весьма существеннаго недостатка: это — отсутствіе алфавитнаго указателя, который облегчилъ бы весьма пользованіе рукописными сокровищами библіотеки. Теперь же, чтобы найти бумаги какого нибудь лица, нужно тщателью пересмотрѣть всѣ отчеты, страницу за страницей, такъ какъ въ библіотекахъ особыхъ указателей не имѣется, а рукописи распредѣляются не по лицамъ, къ которымъ онѣ относятся, или по какимъ либо инымъ рубрикамъ, а остаются просто въ собраніяхъ такъ, какъ и поступили, безъ систематизаціи заключающагося въ нихъ матеріала.

М. М.

Хрестоматія по исторіи Западной Россіи. Составилъ Ар. Турцевичъ. Вильна. 1893.

Исторія Литвы гораздо болѣе разработана въ нѣмецкой и польской литературѣ, нежели въ русской. Русскіе историки сравнительно очень недавно начали интересоваться судьбами Литовскаго государства, не смотря на все значеніе этихъ судебъ, на ихъ роль въ исторіи Москвы. Карамзинъ, напримѣръ, почти ничего не говоритъ о Литвѣ, Соловьевъ тоже сравнительно мало. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Д. Иловайскій въ своихъ трудахъ общаго характера хотя и удѣляютъ исторіи Литвы довольно видное мѣсто, но, всетаки, не вполне достаточно для полнаго знакомства съ исторіей и жизнью государства. Очень цѣнныя монографіи В. Б. Антоновича, А. С. Бершадскаго, Н. П. Дашкевича и др. посвящены отдѣльнымъ вопросамъ этой исторіи. Однимъ словомъ, необходимость труда, въ которомъ заключалась бы исторія Литовскаго государства, въ настоящее время чувствуется все болѣе и болѣе. Одна изъ послѣднихъ попытокъ въ такомъ родѣ—это «Исторія Литовскаго государства» г. Брянцева, изданная года три тому назадъ, представляетъ собой не вполне удачную компиляцію, и потому пробѣль остается пробѣломъ и до настоящаго времени. Нельзя поэтому не признать удачной мысль г. Турцевича—дать хрестоматію, посвященную исторіи Западной Россіи. Авторъ, ознакомившись въ высшей степени добросовѣстно со всей литературой, со всѣми отдѣльными монографіями и статьями по исторіи Литвы, выбралъ изъ нихъ наиболѣе удачныя и расположилъ ихъ въ системѣ такимъ образомъ, чтобы хрестоматія давала полное представленіе объ исторіи Литовскаго государства, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая воссоединеніемъ западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью. Кромѣ того, для ознакомленія съ характеромъ первоначальныхъ источниковъ, каковы напримѣръ, Литовскій статутъ, судебникъ короля Казимира Ягайловича (1468 г.), г. Турцевичъ напечаталъ эти источники въ значительныхъ извлеченіяхъ, дающихъ довольно ясное представленіе о характерѣ цѣлаго памятника. Такимъ образомъ, хрестоматія является очень цѣннымъ пособіемъ для первоначальнаго ознакомленія съ исторіей Литовскаго государства, представляя собой какъ бы резюме всего, что выработала за послѣднее время по этому вопросу наука. В. Б.

Матеріалы къ изученію Пермскаго края. Участіе Строгановыхъ въ поступательномъ движеніи Русскаго государства на Востокъ въ XVI столѣтіи. Н. Новокрещенныхъ. Пермь. 1892.

Г. Новокрещенныхъ взялся за вопросъ, который давно уже поднятъ въ нашей исторической литературѣ и не можетъ остаться рѣшеннымъ и до сихъ поръ. Это вопросъ о Строгановскихъ поселеніяхъ въ Пермскомъ краѣ и объ участіи Строгановыхъ въ покореніи Сибири Ермакомъ. Разногласія ученыхъ въ этомъ пунктѣ обуславливаются противорѣчивостью самыхъ источниковъ, повѣствующихъ о завоеваніи Сибири. Такъ, отецъ сибирской исторіографіи, Герардъ-Фридрихъ Миллеръ, зная только одну Кунгурскую лѣтопись, на основаніи ея всю честь завоеванія приписываетъ Ермаку. Карамзинъ, ознакомившись съ другой лѣтописью, Строгановской, склонился на ея сторону и ставитъ на первый планъ Строгановыхъ. Небольшинъ въ концѣ сороковыхъ годовъ пересмотрѣлъ опять вопросъ и, опираясь на

третью лѣтопись, Есиповскую, опять отодвинуть Строгановыхъ на задній планъ. Наконецъ С. М. Соловьевъ тщательно разсмотрѣлъ всѣ источники, опровергъ Небольсина вѣскими доводами и снова выдвинулъ мнѣніе Карамзина. Всѣ другіе ученые, касавшіеся этого вопроса, слѣдовали Карамзину и Соловьеву (каковы Устряловъ, Волеговъ и др.). Итакъ, въ нашей исторической литературѣ вопросъ о покореніи Сибири въ настоящее время считается рѣшеннымъ въ томъ смыслѣ, что главными дѣятелями въ этомъ событіи являются Строгановы, а Ермакъ низведенъ на степень чуть не простаго ихъ наемника. Г. Новокрещенныхъ развѣнчиваетъ именитыхъ солеваровъ. Онъ утверждаетъ, что Строгановы и Пермскаго края не заселили, и въ покореніи Сибири не участвовали. Но, разъ проводится такое мнѣніе, идущее въ разрѣзъ съ авторитетами, за которыми осталось послѣднее слово въ полемикѣ, указанной нами выше, мы вправѣ ожидать, что авторъ опровергнетъ мнѣніе Карамзина и Соловьева. Къ нашему крайнему удивленію, мы не нашли въ трудѣ г. Новокрещенныхъ ни малѣйшаго намека на прежнюю разработку затрогиваемаго имъ вопроса: онъ какъ будто даже и не знаетъ про нее. Мало того, у него нѣтъ ни слова о сибирскихъ лѣтописяхъ, правильная оцѣнка которыхъ положительно необходима, разъ подымается разговоръ о Строгановыхъ. Г. Новокрещенныхъ основываетъ свою теорію исключительно на официальныхъ документахъ. Положимъ, что обыкновенно официальные документы достовѣрны въ всякихъ лѣтописей, но въ данномъ-то случаѣ это еще большой вопросъ — по крайней мѣрѣ, Соловьевъ, знавшій всѣ документы, извѣстные г. Новокрещенныхъ, но знавшій также и лѣтописи, игнорируемыя г. Новокрещенныхъ, пришелъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Какъ же это такъ? Отвѣта на такой вполне естественный вопросъ въ разбираемой книгѣ нѣтъ, слѣдовательно и основательность выводовъ, находящихся въ ней, сводится къ нулю. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что мнѣніе Соловьева справедливо, — нѣтъ, но работа, написанная безъ знанія не только литературы предмета, но даже и важнѣйшихъ источниковъ, никакъ не можетъ претендовать на научное значеніе.

С. А—въ.

Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). Новое полное изданіе, съ примѣчаніями. Спб. 1893.

Въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ нерѣдко помѣщаются разнаго рода историческіе и историко-литературные матеріалы. Пользоваться ими бываетъ неудобно и даже не всегда возможно, особенно если эти матеріалы были помѣщены въ журналахъ за старые годы. Къ числу такого рода изданій нужно отнести и напечатанныя теперь «Записки» Неплюева. Первоначально онѣ были напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина (1823 г.), а затѣмъ второй разъ переизданы въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1871 г. по рукописи, принадлежащей академіи наукъ, Л. Н. Майковымъ. Настоящее изданіе представляетъ собой точную перепечатку изъ «Русскаго Архива», за исключеніемъ нѣсколькихъ примѣчаній, которыя измѣнены. Записки, веденныя Ив. Ив. Неплюевымъ, начиная съ 1709 года и кончая 1773 г., представляютъ большой интересъ, и отдѣльное изданіе ихъ не можетъ не имѣть значенія. Въ концѣ къ «Запискамъ» приложены воспоминанія Голикова объ И. И. Неплюевѣ и завѣщаніе послѣдняго своему сыну.

В. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

БЫЛИ ЛИ ПОДВИГИ ОРЛЕАНСКОЙ ДѢВЫ чудомъ и доказательствомъ сверхъестественнаго элемента въ исторіи? Этотъ вопросъ задаетъ себѣ и утвердительно разрѣшаетъ извѣстный англійскій публицистъ, редакторъ-издатель «Review of Review's», Вильямъ Стэдъ, въ двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ іюльскомъ номерѣ его популярнаго журнала и въ первой, только что вышедшей книжкѣ новаго, основаннаго имъ четырехмѣсячнаго обзорѣнія, подъ заглавіемъ «На Рубежѣ». Послѣдній журналъ специально посвященъ изученію сверхъестественныхъ явленій, происходящихъ въ области, которая стоитъ на рубежѣ между наукой и суевѣріемъ; среди изслѣдователей этой невѣдомой области Стэдъ занялъ въ послѣднее время очень видное мѣсто и, не довольствуясь пропагандой сношеній человѣка съ невидимыми существами путемъ рождественскихъ номеровъ «Review of Review's», изъ которыхъ въ одномъ онъ собралъ цѣлый рядъ разсказовъ о привидѣніяхъ, ясновидѣніи, предчувствіяхъ и т. д., а въ другомъ, въ формѣ повѣсти, разсказалъ заранѣе путешествіе на выставку въ Чикаго, пересыпанное чудеснымъ спасеніемъ погибающихъ въ океанѣ, благодаря перепискѣ чудотворнымъ карандашемъ одного изъ нихъ съ пассажиромъ парохода, разговорами съ умершими и т. д., онъ теперь началъ издавать специальный органъ таинственной области чудеснаго и сталъ искать въ исторіи доказательствъ вліянія этой области на реальныя факты прошедшаго. Конечно, въ этомъ отношеніи наилучшій предметъ для изученія ему представила Орлеанская дѣва съ ея удивительными подвигами, совершенными, какъ она сама утверждала, по внушенію слышанныхъ ею таинственныхъ голосовъ и видѣнныхъ ею чудесныхъ явленій. Поэтому онъ лично отправился на родину Іоанны въ іюль настоящаго года, присутствовалъ при торжественныхъ празднованіяхъ ея памяти въ Орлеанѣ, по случаю четырехста-шестьдесятъ-четвертой годовщины ея казни, и подъ вліяніемъ всего, что онъ видѣлъ и слышалъ, а также читалъ въ многочисленныхъ

трудахъ по этому вопросу, подъ тѣнью древнихъ сводовъ Орлеанскаго собора и въ мирномъ уединеніи маленькой церкви въ Жаржо, гдѣ Иоанна одержала одну изъ своихъ славныхъ побѣдъ,—написала двѣ статьи, изъ которыхъ одна въ «Review of Review's», по одному своему заглавію «Чудо Орлеанской дѣвы, или доказательство сверхъестественнаго элемента въ исторіи», а вторая въ «Borderland», по своей формѣ библейскаго разсказа, съ раздѣленіемъ его на главы и стихи, о жизни Иоанны, ясно обнаруживаютъ точку зрѣнія автора. Относительно послѣдняго своего произведенія онъ прямо говоритъ, что началъ рядъ биографій знаменитыхъ психиковъ не съ Сведенборга, а съ Иоанны Д'Аркъ, по той причинѣ, что она несомнѣнно самая замѣчательная изъ ясновидящихъ и яснослышающихъ существъ въ послѣднюю тысячу лѣтъ, а прибѣгнувъ къ библейской формѣ повѣствованія потому, что большинство современныхъ англичанъ только въ этой формѣ будетъ читать безъ утомленія разсказъ о чудесахъ. Что касается до первой своей статьи, то Стэдъ объясняетъ, что она внушена ему тайственнымъ голосомъ прошедшаго, который ему какъ бы говорилъ въ маленькой церкви въ Жаржо. «Ну, что вы думаете теперь объ Орлеанской дѣвѣ? Можете ли вы объяснить наукой и психологіей чудо освобожденія Франціи отъ англійскаго ига безграмотной восемнадцатилѣтней пастушкой?» «На этотъ вопросъ,—заявляетъ Стэдъ,—я могу только отвѣтить, что нельзя не признать въ Иоаннѣ проявленія невидимыхъ силъ и совершенія ея чудеса духовными силами, измѣрить которыхъ не можетъ динамика матеріальныхъ наукъ». Этотъ взглядъ онъ поддерживаетъ длиннымъ рядомъ аргументовъ. Прежде всего онъ рисуетъ фактическую картину того, что сдѣлала Орлеанская дѣва. Въ 1429 году англичане находились во Франціи въ такомъ же положеніи, въ какомъ были германцы въ 1871 году. Толботъ считался такимъ же военнымъ авторитетомъ, какъ Мольтке, а англійскія побѣды при Пуатье и Аженкурѣ имѣли такое же рѣшительное значеніе, какъ Седапъ и Мецъ. Послѣ столѣтней борьбы, власть Англіи была признана во Франціи, и французская корона передана англійскому королю. Англійскіе гарнизоны занимали Парижъ, Руанъ и Бордо. У французовъ не было ни денегъ, ни солдатъ, ни короля. Ихъ поминальный король былъ неспособный, вѣчно колеблющійся юноша, а его совѣтники болѣе опасались успѣховъ, чѣмъ поражений. И, однако, явившись въ такую безнадежную, отчаянную эпоху, Иоанна д'Аркъ все измѣнила въ одинъ годъ: она освободила Орлеанъ, короновала въ Реймсѣ короля, уничтожила престижъ Англіи и, однимъ словомъ, воскресила, возсоздала Францію. При этомъ, простая, молодая поселанка указала замѣчательный военный талантъ, способность составлять планы военныхъ дѣйствій и даже техническое умѣнье управлять артиллерійскимъ огнемъ; въ этомъ отношеніи согласны все французскіе полководцы, сражавшіеся рядомъ съ ней, между прочимъ, герцогъ Алапсонскій прямо говоритъ, что «удивительно было видѣть, какъ эта простая дѣвушка обнаруживала искусство опытнаго, способнаго военачальника, прошедшаго двадцать или тридцать лѣтъ на полѣ брани, въ размѣщеніи арміи, въ составленіи плана битвы и въ особенности въ пользованіи артиллеріей». Кромѣ того, Иоанна безспорно отличалась даромъ предвидѣнья: еще ребенкомъ она предсказала, что освободитъ Францію, а потомъ цѣлымъ рядомъ ея предсказаній о французскихъ побѣдахъ и коронованіи короля въ Реймсѣ буквально исполнились, хотя ея пророчество о томъ, что она вступитъ въ Парижъ и

окончательно изгнать англичанъ изъ Франціи, не осуществилось, и послѣднее великое событіе совершилось только черезъ семь лѣтъ послѣ ея смерти. Все это, по словамъ Стада, составляетъ такой рядъ чудесъ, которыхъ нельзя объяснить естественнымъ, реальнымъ путемъ, а только единственная гипотеза, выясняющая подвиги Іоанны д'Аркъъ, составляетъ ея собственное заявленіе, что она дѣйствовала подъ вліяніемъ слышанныхъ ею таинственныхъ голосовъ и видѣнныхъ ею чудесныхъ видѣній. «Видъ этой гипотезы, что Орлеанская дѣва находилась подъ вліяніемъ духовныхъ силъ, существованіе которыхъ она постоянно сознавала и съ которыми она находилась въ постоянномъ общеніи, невозможно понять,—добавляетъ Стадъ,—какъ простая неграмотная поселница научилась военному искусству». Но, отрицая естественное рачіональное объясненіе того, что ему кажется чудомъ, онъ, однако, приводитъ характеристичную рѣчь Емиліа Кора на праздникѣ, устроенномъ въ Орлеанѣ въ честь Іоанны д'Аркъъ рачіоналистами, прославляющими эту національную героиню Франціи не менѣе вѣрующихъ католиковъ, церковь которыхъ сожгла дѣвственницу и въ продолженіе пяти вѣковъ не можетъ собраться признать ее святой, хотя проповѣдуетъ, что она дѣйствовала подъ небеснымъ ваятьемъ. «Іоанна,—сказалъ, между прочимъ, Кора, краснорѣчиво доказывавшій ея значеніе, какъ великой женщины и патриотки, черпавшей свои силы не въ сверхъестественныхъ источникахъ, а въ восторженной любви къ родицѣ,—была не грубой поселницей, дѣйствовавшей по наущенію таинственныхъ голосовъ, а женщиной съ великимъ умомъ и прекрасной душой, посвятившей себя всецѣло родицѣ, и которая имѣетъ право занимать въ исторіи Франціи мѣсто наравнѣ съ Людовикомъ XI, Генрихомъ IV, Ришелье, Дантономъ и Гамбеттой».

Этого же взгляда держится французскій романистъ и критикъ Анатоли Франсъ, задумавшій написать исторію Жанеты Роме, какъ онъ называетъ великую дѣвственницу, согласно ея собственному показанію на судѣ, въ формѣ не библейскаго повѣствованія, а простаго, живаго разсказа старинныхъ лѣтописцевъ. Маленькій отрывокъ изъ этого блестящаго историко-литературнаго труда напечатанъ въ «Revue Hebdomadaire», подъ заглавіемъ «Les Cordeliers de Neufchateau et le Grand Vendredi», и хотя въ немъ разсказываются только первые, такъ сказать, подготовительные шаги будущей героини на ея славномъ пути, именно неудачное посѣщеніе Жанетой коменданта города Вокулера, поднявшаго на смѣхъ ея предсказаніе, что она коронуется дофина въ Реймсѣ, и отдавшаго ее на потѣху своимъ солдатамъ, отъ грубаго насилія которыхъ она освободилась лишь благодаря своей мистической, наивной святости, заставившей отступить отъ нея самыхъ дерзкихъ смѣльчаковъ, пребываніе ея съ родителями въ сосѣднемъ городкѣ Нюшато, гдѣ они искали убѣжища отъ защитниковъ короля, которые, собираясь идти на англичанъ, предварительно грабили несчастныхъ поселанъ, и, наконецъ, ея вторичная экспедиція съ двоюроднымъ братомъ, Дюраномъ Ласуа, въ Вокулеръ, откуда она уже отправилась въ Шинонъ, гдѣ находился юный король, и гдѣ началась ея кратковременная геройская военная дѣятельность,—но и тутъ уже авторъ ясно, картинно, рисуетъ реальнѣй, хотя и повѣщескій образъ восторженной, мистической молодой дѣвушки, постоянно слышавшей, таинственные голоса св. Екатерины и св. Маргариты, или, по словамъ Франса, если назвать ихъ по настоящимъ именамъ, Вѣры и Сожалѣвія къ бѣдствіямъ народа, которыми была переполнена ея вели-

кая дѣвственная душа. Эти голоса повторяли ей все одно и то же: «Уходи изъ своего селенія и спаси Францію». «Не было ничего удивительнаго, — прибавляетъ Франсъ: — въ этомъ, повидимому, странномъ явленіи. Вѣдствія несчастной войны часто и въ значительномъ числѣ порождали нѣкогда въ набожныхъ мистикахъ военный энтузіазмъ и одаряли ихъ воображаемымъ предвидѣніемъ. Такъ въ этой самой Шампанѣ, семьдесятъ-пять лѣтъ до Жанеты одинъ вежлѣдлецъ, работавъ въ полѣ, также слышалъ таинственные голоса и получилъ отъ нихъ приказаніе предупредить короля Іоанна не вступать въ битву при Пуатье для блага своего народа». Предоставляя публицистамъ спорить о внутреннемъ значеніи подвиговъ Іоанны, вся Франція безъ отличія вѣровала и убѣжденій чтить въ ней свою освободительницу отъ иноземнаго ига, и никогда этотъ культъ не достигалъ такого апогея, какъ въ настоящее время, что, между прочимъ, доказывается открытіемъ въ Шивонѣ 1-го августа новой статуи Орлеанской дѣвственницы, верхомъ на конѣ, въ рыцарскихъ доспѣхахъ, работы скульптора Руло.

— Разсказъ очевидца о путешествіи Екатерины II въ Крымъ. Во второй іюльской книжкѣ «Revue des deux Mondes» помѣщенъ отрывокъ изъ готовящейся къ печати книги маркиза д'Арагана «Le prince de Nassau-Siegen, d'après sa correspondance inédite de 1784—1789» (Герцогъ Нассау-Зигенскій, на основаніи его неизданныхъ писемъ въ 1784—1789 г.), и приводимыя авторомъ подлинныя письма герцога Нассау-Зигенскаго къ своей жевѣ во время знаменитаго путешествія Екатерины II въ Крымъ, въ которомъ онъ принималъ участіе, хотя не сообщаютъ ничего новаго, но представляютъ любопытныя мелкія подробности, ярко иллюстрирующія торжественную поѣздку императрицы по фантастично населеннымъ степямъ въ только что присоединенной къ Россіи странѣ. Этотъ нѣмецкій принцъ принадлежалъ къ числу многочисленныхъ искателей приключеній XVIII вѣка, и его жизнь была переполнена самыми разнообразными эпизодами: германскій герцогъ, французъ по мѣсту рожденію, генералъ французской и испанской службы, адмиралъ русскаго флота, товарищъ Буженвиля въ его кругосвѣтномъ плаваніи, другъ польскаго короля Станислава-Августа, онъ пользовался покровительствомъ Екатерины и находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Потемкинымъ. Благодаря этимъ послѣднимъ обстоятельствамъ, онъ и сопровождалъ императрицу въ Крымъ, хотя, не считаясь еще тогда на русской службѣ, онъ не имѣлъ въ сущности никакого права быть въ ея блестящей свитѣ, въ составъ которой входилъ императоръ Іосифъ II, подъ именемъ графа Фалькенштейна, французскій, англійскій и австрійскій послы, а также самыя близкія къ ней особы. Какъ извѣстно, въ Кіевѣ Екатерина сѣла на золоченныя, богато украшенныя галеры и двинулась по Днѣпру къ Херсону; по словамъ герцога Нассаускаго, она была во все время пути чрезвычайно весела и, не смотря на окружавшій ее придворный блескъ, обнаруживала много добродушной простоты въ обращеніи съ лицами, которыхъ она удостоивала своимъ вниманіемъ: такъ, на второй же день вечеромъ, когда герцогъ, Кобевецель, Браницкій и Мамоновъ, послѣ ухода императрицы спать, играли въ карты въ маленькой гостиной на ея галерѣ, она неожиданно вошла къ нимъ въ *deshabillé* и, спросивъ: не помѣшаетъ ли имъ, усѣлась къ картежному столу. «Она извинилась, — прибавляетъ герцогъ: — что была не одѣта, хотя на ней былъ прекрасный

капотъ изъ шелковой тафты абрикосоваго цвѣта съ голубыми лентами, и я послѣднимъ сказалъ, что никогда не видалъ на ней туалета, который такъ шель бы къ ней, какъ этотъ *deshabillé*. Къ тому же отсутствіе искусственной прически придавало ей молодость и свѣжесть; она была чрезвычайно любезна и просидѣла съ нами болѣе часа». Вообще, по словамъ герцога, все это путешествіе было длиннымъ, нескончаемымъ праздникомъ, и ежедневно онъ не только обѣдалъ у императрицы, но и проводилъ у нея еще вечера отъ 6 до 9 часовъ. Къ сожалѣнію, въ его письмахъ находится значительный перерывъ, и такимъ образомъ мы не имѣемъ описанія встрѣчи Екатерины съ польскимъ королемъ и съ австрійскимъ императоромъ, а также рекогносцировки, произведенной герцогомъ Нассаускимъ турецкой флотилии, заградившей путь императорскимъ галлерамъ къ Кинбурну въ Днѣпровскомъ лиманѣ. Какъ это послѣднее обстоятельство не понравилось Екатеринѣ, можно судить по тому, что произошло, по разсказу герцога, въ Севастополѣ. «Въ полдень,—пишетъ онъ,—мы пріѣхали въ Инкерманъ, противъ котораго на Севастопольскомъ рейдѣ была выстроена русская эскадра изъ трехъ линейныхъ кораблей и тринадцати фрегатовъ, созданная почти магической силой; во время обѣда императрица, при пушечной пальбѣ, встала и предложила тостъ за здоровье императора, говоря: «Пью за моего лучшаго друга». Она была очень счастлива при видѣ своего могущества на морѣ. Послѣ обѣда я отъ всего сердца обнялъ Потемкина, такъ радовался я его успѣхамъ, а когда императрица подошла ко мнѣ, то я сказалъ, что подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго я поцѣловалъ бы ея руку, еслибъ смѣлъ. «Я обязана всѣмъ князю Потемкину, и его надо цѣловать»,—отвѣчала она. Еще за обѣдомъ она поручила Штапельбергу, сидѣвшему противъ меня, спросить, не тѣ ли это передъ нами суда, которыя я видѣлъ у Очакова на Днѣпровскомъ лиманѣ; я отвѣчалъ, что это не только не тѣ же суда, но что эти суда по одному слову императрицы могли заградить дорогу тѣмъ судамъ и забрать ихъ въ плѣнъ. Она засмѣялась. Теперь она возвратилась къ этому же вопросу и сказала. «Такъ вы думаете, что это не турецкіе корабли, которыя вы видѣли?» «Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—только прикажите, и они возьмутъ очаковскія суда». Она снова засмѣялась и прибавила: «И вы думаете, что я на это рѣшусь? Турки такіе страшные». Севастополь и русскій флотъ произвели громадное впечатлѣніе на Іосифа II, который, осматривая рейдъ съ герцогомъ Нассаускимъ, не переставалъ восхвалять энергію Потемкина и забрасывать вопросами своего собесѣдника, при чемъ постоянно повторялъ: «Вы вѣдь въ секретѣ». «Я со смѣхомъ отвѣчалъ на всѣ его вопросы,—замѣчаетъ герцогъ,—и на его замѣчаніе, что, вѣроятно, всѣ русскіе корабли, стоявшіе передъ нами, не были вооружены и снабжены всѣмъ необходимымъ для экспедиціи, я возразилъ, что они были готовы идти тотчасъ въ дѣло». «И все это достигнуто въ три года,—воскликнулъ императоръ:—я не повѣрилъ бы такому чуду, еслибъ самъ не видѣлъ его. Одного этого зрѣлища достаточно, чтобъ пріѣхать сюда изъ Вѣны». Екатерина была еще въ большемъ восторгѣ и постоянно повторяла: «Я всѣмъ этимъ обязана князю Потемкину, теперь, по крайней мѣрѣ, никто не скажетъ, что онъ лѣнтяй». Въ Вахчисарайскомъ дворцѣ крымскихъ хановъ императрица со смѣхомъ показала герцогу на восковые цвѣты и фрукты, которыми украсилъ одну изъ залъ Де-Тоттъ, во время его пребыванія при дворѣ Крымъ-Гирея, и сказала: «Странно, но все, что сдѣлалъ Де-Тоттъ, по-

падаетъ мнѣ въ руки; онъ доставилъ туркамъ двѣсти пушекъ, и онѣ все у меня; онъ украсилъ этотъ дворецъ цвѣтами, и они мои. Бываетъ же такая судьба». Въ эту минуту вошелъ въ залу графъ Сегюръ, и Екатерина замолчала, прибавивъ въ полголоса: «J'étais sur mon beau diable». Во время пребыванія императрицы въ Бахчисарафъ, герцогъ Нассаускій съѣздилъ въ свое помѣстье въ Судакъ, которое ему подарилъ Потемкинъ, вмѣстѣ съ другими шестью помѣстьями на югѣ Россіи, и съ восторгомъ говоритъ о восемнадцати тысячахъ бутылокъ вина, которыя онъ долженъ былъ получать ежегодно съ своихъ виноградниковъ. До сихъ поръ напечатанныя его письма оканчиваются описаніемъ отъѣзда императора Іосифа изъ Перекопа, причемъ Екатерина не дозволила ему на прощанье поцѣловать ея руку, а два раза обняла его; съ своей стороны, онъ горячо обнялъ Потемкина, поздравляя его со всеми чудесами, которыя онъ показалъ ему и императрицѣ.

— Бракъ Маріи-Клементины Собѣской. Въ «Nouvelle Revue» отъ 1-го іюля графъ А. Водзинскій рассказываетъ романтическую исторію брака внучки польскаго короля Яна Собѣскаго, спасающаго Вѣну отъ турокъ, съ претендентомъ на англійскій престолъ, принцемъ Іаковымъ, сыномъ послѣдняго англійскаго короля изъ рода Стюартовъ. Эта красивая молодая дѣвушка, отличавшаяся идеальными стремленіями и даже поэтическимъ талантомъ, жила въ уединенномъ замкѣ своего отца въ силезскомъ городѣ Олавѣ, когда англійскій принцъ съ благословенія папы Климента XI, крестнаго отца княжны, началъ ухаживать за нею путемъ восторженныхъ, пламенныхъ писемъ. Въ то время онъ пользовался во всей Европѣ громадной популярностью, и ему открыто покровительствовали папа и испанскій король, а тайно Франція; поэтому неудивительно, что Марія-Клементина, подкупленная его красотой, мученическимъ вѣнцемъ и несомнѣннымъ правомъ на англійскій престолъ, влюбилась въ него по уши, хотя заглавно, и согласилась отдать ему свою руку, какъ только онъ сдѣлалъ ей предложеніе. Родители ея не выказали ни малѣйшаго сопротивленія, потому что этотъ бракъ былъ устроенъ по инициативѣ папы, и такъ какъ женихъ не могъ пріѣхать въ Олавъ, то мать повезла невѣсту въ Болонію, гдѣ тогда жилъ англійскій принцъ, которому папа пожаловалъ княжество Урбино. Для бѣльшей безопасности путешественницы не поѣхали черезъ Вѣну и скрывали свои личности подъ вымышленными именами, но это ни къ чему не повело; англійскій король Георгъ I потребовалъ отъ своего союзника, австрійскаго императора, дяди невѣсты, чтобъ были приняты мѣры къ воспрепятствованію этому браку, и Леопольдъ приказалъ арестовать обѣихъ путешественницъ въ Инспрукѣ. Не смотря на всѣ усилія претендента и папы поколебать императора, онъ настаивалъ на своемъ отказѣ разрѣшить бракъ, столь нежелательный для его могущественнаго союзника, а молодая дѣвушка съ своей стороны упорствовала и не хотѣла нарушить даннаго слова. Въ подобныхъ переговорахъ прошло болѣе полугода, и подъ вліяніемъ пламенныхъ писемъ жениха, который клялся, что онъ желалъ бы скорѣе раздѣлить заточеніе своей невѣсты, чѣмъ царствовать безъ нея хоть одинъ день, а также увѣщеваній папы не подчиняться волѣ императора, Марія-Клементина, наконецъ, съ согласія родителей, рѣшилась на бѣгство изъ Инспрука. Но, прежде чѣмъ осуществился этотъ романтическій эпизодъ, ей суждено было перенести тяжелое разочарованіе: вмѣсто того, чтобъ ожидать свою невѣсту въ Болоніи, англійскій принцъ отправился въ Испанію,

чтобъ принять участіе въ походѣ новой Армады на Англію, а злые языки распространили слухъ, что это путешествіе въ Испанію скрывало сердечную измѣну жениха, который будто бы предпочелъ своей заглавной невѣстѣ находившуюся близъ него красавицу, итальянку, принадлежавшую къ знаменитому дому Капрары. Но все сомнѣнія и душевныя страданія молодой дѣвушки были уничтожены длиннымъ краснорѣчивымъ письмомъ принца, который въ самыхъ страстныхъ выраженіяхъ увѣрялъ ее въ своей вѣчной любви, объяснялъ свой неожиданный отъѣздъ желаніемъ приобрести корону не для себя, а для нея, и умолялъ ее тайно бѣжать въ Италію, гдѣ немедленно обвѣнчаться съ нимъ въ лицѣ его замѣстителя, преданнаго шотландца Муррея. Она повѣрила его словамъ и заявила согласіе на все. Бѣгство ея изъ Инспрука было уже давно подготовлено двумя преданными претенденту лицами: Воганомъ и майоромъ Гейденомъ, а въ осуществленіи его приняли участіе еще предприимчивый французъ Шатоду, служившій уже давно въ семействѣ Собѣскихъ, капитанъ Мисетъ съ своей женой и молодая фламандская служанка, по имени Жанна. Последняя не имѣла ни малѣйшаго понятія, кому она помогала въ бѣгствѣ, а ее увѣрили, что дѣло идетъ о спасеніи молодой сироты отъ тираніи опекуна и соединеніи ея съ любимымъ человѣкомъ; ея роль заключалась въ томъ, что она должна была занять мѣсто молодой дѣвушки и оставаться дня два запертой въ ея комнатѣ подъ предлогомъ болѣзни. Когда же въ послѣднюю минуту она узнала изъ словъ болтливаго француза, что ей придется замѣнить будущую королеву, то она со страхомъ отъ этого отказалась и только благодаря значительной суммѣ денегъ не погубила всей романтической исторіи, которую авторъ статьи въ «Revue Nouvelle» рассказываетъ на основаніи рукописи майора Гейдена, хранящейся въ Петербургской Публичной бібліотекѣ, подъ заглавіемъ «Письма и записки о бѣгствѣ княжны Клементины Собѣской, невѣсты англійскаго претендента въ 1719 году», и копію которой спялъ въ 1845 году князь Любомірскій. Конечно, драматическая сцена бѣгства произошла въ глухую ночь, среди непогоды, и молодая дѣвушка, простившись съ матерью во дворѣ замка, служившаго ей темницей, быстро удалилась подъ руку съ Воганомъ, скрытая подъ вѣшной одеждой фламандской служанки, оставшейся вмѣсто нея въ замкѣ. Дрожа отъ страха и вся мокрая отъ падающаго снѣга, она черезъ нѣсколько минутъ достигла скромной гостиницы, гдѣ ее ждали другіе заговорщики, а спустя два часа уже вѣхала въ закрытомъ экипажѣ по крутой горной дорогѣ черезъ Бренеръ. Сначала все шло хорошо, и хотя въ проѣзжаемыхъ деревняхъ можно было достать для будущей королевы только кусокъ хлѣба и крынку молока, молодая дѣвушка поражала всехъ своей веселостью и громко смѣялась надъ криками мистрисъ Мисетъ, когда экипажъ наклонялся надъ какой нибудь бездной, но не вдалекѣ отъ итальянской границы старая карета сломалась, и пришлось ночью продолжать путь пѣшкомъ. По счастью близокъ былъ конецъ всѣмъ тревоженіямъ, и на слѣдующее утро Марія-Клементина вступила на территорію Венеціанской республики, а слѣдовательно была свободна. Спустя два дня, она вѣхала въ Болонію съ большимъ блескомъ, при звонѣ колоколовъ, и ее торжественно встрѣтилъ кардиналъ Легатъ, но быстро послѣдовавшее за тѣмъ ея вѣнчаніе съ англійскимъ принцемъ въ лицѣ Муррея совершилось чрезвычайно скромно, хотя священнодѣйствовалъ тотъ же кардиналъ. Съ этой минуты папа называлъ ее не иначе, какъ

ваше величество, и приказалъ въ честь ея выбить медаль, на которой она изображалась богиней на древней колесницѣ, запряженной четырьмя конями и съ надписью: «*Causam fortunamque sequor*». Въ уединенномъ монастырѣ урсулянокъ эта королева безъ королевства дождалась своего мужа, но жизнь съ нимъ не принесла ей того счастья, котораго она такъ жаждала, хотя, по словамъ герцога Ормонда, автора извѣстныхъ мемуаровъ, претендентъ «безпредѣльно любилъ свою жену». Главной причиной ихъ семейныхъ распрій была чрезмѣрная набожность Маріи-Клементины, которую принцъ ревновалъ къ католической церкви, и воспитаніе въ католической вѣрѣ ихъ двухъ сыновей, будущаго претендента, принца Карла-Эдуарда, и герцога Йоркскаго, впоследствии сдѣлавшагося кардиналомъ. Эти распри дошли до того, что молодая женщина удалилась въ монастырь и умерла тамъ въ мрачной кельѣ на тридцать четвертомъ году своей печальной жизни, но по ироніи судьбы папа настоялъ, чтобъ ее похоронили съ царственными почестіями въ королевской мантии, съ короной на головѣ, и на ея могилѣ въ соборѣ св. Петра до сихъ поръ красуется гордая надпись: «*Clementina, Magnae Britanniae, Franciae et Hiberniae Regina*» (Клементина, королева Великобританіи, Франціи и Ирландіи).

— Пропущенный Александромъ Дюма герой историческаго романа. Въ англійскомъ историческомъ журналѣ «*English Historical Review*» Фредерикъ Диксонъ рассказываетъ жизнь и приключенія французскаго полковника Лалли, принимавшаго участіе въ драматической экспедиціи принца Карла-Эдуарда, сына злополучной княжны Собѣской, съ цѣлью возвратитъ династію Стюартовъ англійскій престолъ. Какъ извѣстно, этому молодому претенденту сначала повезло и, высадившись на шотландскій берегъ съ семью приверженцами, онъ въ три мѣсяца взялъ Эдинбургъ, разбилъ одного англійскаго военачальника, обманулъ другаго и, обойдя третьяго, направился на Лондонъ; въ этотъ моментъ выходитъ на сцену Лалли, который уже отличился въ битвѣ при Фонтенуа, и поспѣшивъ въ Парижъ, онъ составилъ съ маркизомъ д'Аржансономъ планъ вторженія въ Англію десяти-тысячнаго вспомогательнаго корпуса изъ шотландцевъ и ирландцевъ, находившихся на французской службѣ, а также и французовъ. Вольтеръ написалъ громкій манифестъ въ пользу принца Карла-Эдуарда, Ришелье былъ назначенъ главнокомандующимъ, а Лалли генералъ-квартирмейстеромъ. Цѣлая эскадра для перевозки войскъ была собрана въ Калѣ и Булонѣ, но сильный противный вѣтеръ долго не позволялъ судамъ выйти въ море, и наконецъ Ришелье надѣло ждате: онъ бросилъ свою армію и вернулся въ Парижъ къ прославившимъ его любовнымъ интригамъ. Тѣмъ дѣло и кончилось; задуманная Лалли экспедиція оказалась мертворожденной, но этотъ предприимчивый искатель приключеній не хотѣлъ признать себя побѣжденнымъ неприятыми вѣшними обстоятельствами и рѣшился одинъ на свой рискъ оказать помощь послѣднему изъ Стюартовъ. Чтò онъ дѣйствительно совершилъ въ качествѣ сподвижника молодаго претендента, подлежитъ спору: его сынъ, казненный во время революціи и написавшій довольно правдивые мемуары, увѣряетъ, что Лалли присоединился къ принцу и участвовалъ въ битвѣ при Фалькиркѣ, гдѣ, благодаря темнотѣ и дождю, обѣ арміи потеряли другъ друга, но Диксонъ въ своей статьѣ фактически доказываетъ, что этого не могло быть въ дѣйствительности, такъ какъ въ то время Лалли находился еще во Франціи и мобилизовалъ организованный имъ вспомогатель-

ный корпусъ, а, кромѣ того, ни въ одномъ шотландскомъ историческомъ документѣ, касающемся экспедиціи принца Карла-Эдуарда, не говорится ни слова о присутствіи въ его арміи полковника Лалли. Дѣйствительныя походы смѣлаго француза были совершенно иныя, и Диксонъ, восстанавливая историческую правду, рисуетъ любопытную эпопею приключеній Лалли среди англійскихъ контрабандистовъ на Сусекскомъ берегу. Эти контрабандисты составляли многочисленную шайку отважныхъ, на все готовыхъ людей, отличавшихся всегда своей преданностью Стюартамъ; они, подобно французскимъ контрабандистамъ подъ начальствомъ знаменитаго Мандрена, простирали свою дерзость до того, что накладывали свою руку на города, и, на примѣръ, ограбили таможену въ Брайтонѣ. Во время экспедиціи принца Карла-Эдуарда они оказывали ему всякую помощь, открыто носили его кокарду, называли себя его волонтерами и, по словамъ современниковъ, составляли отрядъ развѣдчиковъ его арміи. Въ среду этихъ-то людей явился полковникъ Лалли въ февралѣ 1746 года послѣ неудачи его плана вторженія въ Англію вспомогательнаго французскаго корпуса. Онъ намѣревался произвести съ помощью своихъ друзей контрабандистовъ возстаніе на югѣ и такимъ образомъ поставить англійскую армію Кумберланда между двухъ огней. Не смотря на то, что онъ явился въ Англію одинъ и перебрался туда въ лодкѣ контрабандиста, англичане исполошились: адмиралъ Вернонъ донесъ англійскому правительству объ этомъ фактѣ, какъ о важномъ событіи, прибавляя свое желаніе, чтобъ «дерзкій французъ встрѣтилъ въ Англіи достойную ему судьбу», а лондонскія газеты напечатали примѣты Лалли, что повело къ аресту нѣсколькихъ людей «небольшаго роста, съ круглымъ лицомъ и черной бородой». Но хотя Лалли избѣгъ сѣтей лондонской полиціи и нѣсколько времени пробылъ въ англійской столицѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Великобританіи, ему не удалось совершить ничего, что оставило бы слѣдъ въ исторіи, и, убѣдившись наконецъ въ неосуществимости своихъ плановъ, онъ вернулся во Францію съ помощью тѣхъ же контрабандистовъ, и если впоследствии сражался съ англичанами, то не на ихъ родинѣ, а въ Индіи. По справедливому замѣчанію Диксона, Александръ Дюма могъ бы сдѣлать этого смѣлаго искателя приключеній интереснымъ героемъ цѣлаго ряда романовъ въ родѣ серіи «Мушкетеровъ», и подъ его ловкимъ перомъ Лалли превратился бы въ втораго Артаньяна съ тѣмъ только различіемъ, что придуманныя романистомъ фантастическія его приключенія съ цѣлью восстанавливать на англійскомъ престолѣ послѣдняго Стюарта имѣли бы дѣйствительную историческую подкладку.

— Дюгекленъ и Кобденъ контрабандистовъ. Какъ ни странно сравненіе знаменитаго разбойника и предводителя контрабандистовъ Мандрена съ доблестнымъ конетаблемъ Франціи и апостоломъ свободной торговли въ Англіи, но въ дѣйствительности Луи Бланъ не останавливается передъ первымъ эпитетомъ, а авторъ «Le livre rouge: Histoire de l'échafaud en France, Paris, 1863» (Красная книга: Исторія эшафота во Франціи), прямо говоритъ, что Мандренъ въ виду его фритредерскихъ операцій былъ «Кобденомъ на конѣ». Приводя эти двѣ знаменательныя характеристики и прибавляя къ нимъ еще мнѣніе Вольтера, который вазывалъ Мандрена античнымъ героемъ, графъ Генри де-ла-Басетеръ въ «Revue de Famille» представляетъ сжатый разсказъ, основанный на архивныхъ документахъ, о жизни и приключеніяхъ исторической личности, о которой считаютъ воз-

можнымъ высказываться въ такомъ противоположномъ, но лестномъ духѣ писатели различныхъ эпохъ. Дѣйствительно, Мандренъ, пользующійся до сихъ поръ легендарной славой и фантастическія изображенія котораго въ грубыхъ литографіяхъ можно встрѣтить въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ сельской Франціи, былъ не простымъ разбойникомъ и грубымъ контрабандистомъ, а дѣйствуя въ половинѣ XVIII вѣка среди всевозможныхъ притѣсненій французскаго народа откупщиками и финансовыми чиновниками, гордо называлъ себя защитникомъ народныхъ правъ. Являясь съ своей шайкой въ какой нибудь провинціальный городокъ, преимущественно близъ швейцарской, или савойской границъ, онъ обращался къ испуганной толпѣ съ такой рѣчью: «Я Мандренъ, но не бойтесь, друзья, я не имѣю никакихъ злобныхъ намѣреній ни противъ васъ, ни противъ вашихъ женъ, ни противъ вашего скота. Я не врагъ народа, а его защитникъ; я мщу за него притѣсняющимъ его откупщикамъ. Я врагъ солянаго налога, табачнаго акциза, всѣхъ податей и сборовъ, всѣхъ приставенныхъ, чиновниковъ, сборщиковъ, инспекторовъ, смотрителей и т. д. Васъ угнетаютъ, васъ обворываютъ, васъ облагаютъ податями. Съ васъ берутъ за соль вдесятеро ея стоимости, и вы даже не смѣете отказываться отъ ея покупки. Если у кого либо изъ васъ найдутъ полфунта контрабандной соли, то его вѣшаютъ, или приговариваютъ къ каторгѣ, а откупщики, воруя золото боченками, окружены почестями, хотя ихъ богатство виждется на вашей бѣдности». Успокоенные горожане рукоплескали такимъ словамъ и указывали Мандрену дорогу къ табачному и соляному откупщикамъ, у которыхъ онъ забиралъ всѣ деньги изъ кассы, выдавая квитанціи и соответствующее количество контрабандныхъ табаку и соли. «Я не воръ,—говаривалъ онъ при этомъ:—я провозжу коммерческія сѣлки, хотя и нѣсколько насильственные, но вполне подходящія къ дѣйствіямъ правительственныхъ агентовъ съ бѣднымъ народомъ». Сопровождавшая его толпа продолжала громко высказывать ему сочувствіе; по выраженію автора статьи въ «Revue Nouvelle», ихъ простымъ глазамъ дѣйствія Мандрена казались олицетвореніемъ справедливости и правосуднаго возмездія. Хотя они сами не получали отъ этого никакой пользы, но видя, что ихъ враги подвергались такимъ же бѣдствіямъ, какъ они сами, бѣдняки чувствовали свое горе какъ бы облегченнымъ. Кромѣ того, они пользовались дешевыми контрабандными товарами, доставляемыми Мандреномъ, и щедрой его уплатой за гостепріимство; поэтому онъ имѣлъ громадную популярность, и не только лица низшаго класса оказывали ему прямое содѣйствіе, но даже люди состоятельные, патеры и аристократы, не отказывали ему въ помощи: такъ, онъ долго жилъ въ замкѣ перваго президента Гренобльскаго парламента въ Савойѣ, у самой французской границы, отдавалъ на храненіе свои деньги графу Сенъ-Северину и маркизу Шомову, постоянно нанималъ лошадей у патера Сесельскаго прихода, а всѣ трактирщики отъ Женевы до Гренобля были его друзьями и агентами. Сынъ лошадинаго барышника, уроженецъ одного изъ селеній близъ Гренобля, Мандренъ началъ жизнь съ дезертирства изъ милиціи и затѣмъ, скрываясь отъ преслѣдованія законныхъ властей, сдѣлался фальшивымъ монетчикомъ и контрабандистомъ; послѣднее ремесло онъ развилъ до громаднхъ размѣровъ и образовалъ большую, прекрасно вооруженную шайку конныхъ контрабандистовъ, въ продолженіе пятнадцати мѣсяцевъ паводилъ страхъ на половину Франціи и набралъ въ это время до 100.000 ливровъ преимущественно

у финансовыхъ агентовъ нравительства. Одинъ городъ за другимъ, Родевъ, Ментъ, Шатильонъ, Монбризонъ, Сюи, Боннъ и т. д. платили ему богатыя контрибуціи, а полиція и солдаты не могли ничего сдѣлать противъ страшнаго разбойника, за котораго стояло все населеніе, предупреждая его о всѣхъ дѣйствіяхъ властей. Ходили даже слухи, что эти власти и офицеры нарочно не выказывали необходимой энергии для его поимки. Такимъ образомъ до мая мѣсяца 1755 года этотъ тридцатилѣтній герой равбоа на экономической подкладкѣ безпрепятственно бралъ дань съ финансовыхъ притѣснителей народа, распространялъ дешевую контрабанду, освобождалъ изъ тюремъ занимаемыхъ имъ городовъ всѣхъ лицъ, заключенныхъ за нарушеніе фискальныхъ правилъ, и оставлялъ тамъ обыкновенныхъ преступниковъ, т. е. воровъ, убійцъ и т. д., весело проводилъ время среди шумныхъ пооекъ и вообще дѣлалъ что хотѣлъ, возбуждая всюду страхъ, но не ненависть, такъ какъ онъ не грабилъ частныхъ людей, а производимыя имъ насилія и даже убійства считались актами законной самообороны. Онъ уже мечталъ организовать отрядъ въ триста всадниковъ, проникнуть въ Дофина, схватить тамъ нѣсколько высокопоставленныхъ сановниковъ и потребовать въ видѣ выкупа за нихъ королевское помилованіе себѣ и всей своей шайкѣ, но насталъ конецъ его смѣлой карьерѣ, и его поимка была поручена министромъ д'Аржансономъ храброму офицеру волонтеровъ, прославившему себя въ войнѣ за наслѣдство австрійскаго престола, Морльеру, который, имѣя подъ своимъ начальствомъ пятьсотъ храбрецовъ, перешелъ Савойскую границу и схватилъ Мандрена въ его замкѣ. Впрочемъ и это нарушеніе международнаго права не увѣнчалось бы успѣхомъ, еслибъ его не выдала перепуганная любовница. Что касается до протестовъ савойскаго правительства, то его успокоили тѣмъ, что главный дѣятель экспедиціи былъ удаленъ въ свое помѣстье, а четыре агента откупщиковъ, находившіеся при немъ, были арестованы подъ предлогомъ, что они побудили его переступить границу. Мандренъ былъ отданъ подъ судъ въ городѣ Валенсѣ и послѣ двѣнадцати-дневнаго разбирательства казненъ четвертованіемъ, какъ «предводитель контрабандистовъ, убійца, воръ и нарушитель общественнаго спокойствія». Хотя передъ казнью онъ сказалъ народу: «Молодежь, смотрите, до чего можетъ довести мой примѣръ» и просилъ прощенія у чиновниковъ, которыхъ онъ такъ безмилосердно преслѣдовалъ, но его смерть только увеличила его легендарную славу во всей Франціи. Жители его родины, Гренобля, оплакивали его потерю, какъ общественное бѣдствіе, а его романическія похождения служатъ до сихъ поръ сюжетомъ многихъ сценическихъ представленій, даже внѣ Франціи. Такъ, въ нынѣшнее лѣто на открытой сценѣ одного изъ загородныхъ гуляній Петербурга давалась пантомима феерія, изображавшая подвиги разбойника Мандрена, неизвѣстно почему названнаго Модреномъ.

— Памятникъ рыцарю безъ страха и упрека. 30-го іюля, городъ Мезьеръ, близъ германской границы, торжественно открылъ статую знаменитому французскому полководцу Баяру, который мужественно защищалъ этотъ городъ въ 1521 году отъ двадцатитысячной арміи императора Карла V, подъ начальствомъ герцога Насаусскаго и Франца фонъ-Зикенгена. Не смотря на то, что онъ располагалъ только гарнизономъ въ двѣ тысячи человекъ, славный рыцарь заставилъ многочисленнаго врага снять осаду и удалиться съ позоромъ послѣ того, какъ на всѣ предложенія о капитуляціи

онъ гордо повторялъ свои историческія слова: «Вы скорѣе устанете осаждать городъ, чѣмъ я защищать его». Статуя Баяра именно изображаетъ его въ моментъ произнесенія этихъ словъ, высѣченныхъ на гранитномъ пьедесталѣ: въ желѣзной кирасѣ, съ длинными волосами и выбритымъ лицомъ, какъ на знаменитыхъ его портретахъ въ Версалѣ, онъ стоятъ, опершись лѣвой рукой на свой длинный мечъ, а правой энергичнымъ жестомъ поддерживаетъ свой отвѣтъ нѣмцамъ. При торжествѣ открытія памятника, вылитого изъ бронзы, присутствовалъ военный министръ, Луазильонъ, который произнесъ очень знаменательную рѣчь. «Когда правительство республики,—сказалъ онъ, между прочимъ:—поручило мнѣ быть своимъ представителемъ на этомъ торжествѣ, то я въ первую минуту почувствовалъ непріятное волненіе. Явиться сюда на восточную границу, чтобъ оказать честь одному изъ тѣхъ героевъ, которые всего болѣе возвысили славу французской арміи, и городу, который, слѣдуя его примѣру, сумѣлъ заставить врага удалиться отъ его стѣнъ послѣ неудачной осады, значило воскресить печальныя сравненія и тяжелья воспоминанія. Но мнѣ достаточно было взглянуть прямо въ лицо настоящему, чтобъ побороть всякое колебаніе, и я, съ полнымъ довѣріемъ въ будущее, поспѣшилъ на вашъ зовъ. Наша военная слава, въ чемъ служить залогомъ эта статуя, не можетъ быть омрачена; Баяръ остается доселѣ нашимъ образцемъ, и наши солдаты будутъ всегда подобно ему рыцарями безъ страха и упрека».

— Нѣмецкіе шпіоны въ Россіи. Товарищъ германскаго императора по Кассельской гимназій, американецъ Польшей Виджело, авторъ нѣсколькихъ дифирамбическихъ статей о Вильгельмѣ и современной Германіи, представляетъ въ июльской книжкѣ «Harper's Magazine» любопытныя и въ его устахъ невозбуждающія никакого сомнѣнія въ ихъ достоверности свѣдѣнія о шпіонствѣ нѣмецкихъ офицеровъ въ Россіи. Характеризуя въ своемъ новомъ очеркѣ, озаглавленномъ «Side Light on the German soldier», германскую армію съ различныхъ сторонъ, Виджело говоритъ, между прочимъ, что прусскій офицеръ удостоивается полнаго одобренія начальства, когда онъ проситъ отпуска съ цѣлью отправиться въ сосѣднюю страну, чтобъ осмотрѣть тамошнія укрѣпленія, ознакомиться съ пограничными мѣстностями, изучитъ языкъ сосѣдей, и т. д. Въ видѣ иллюстраціи этой системы шпіонства, американецъ, вообще очень сочувствующій нѣмцамъ, приводитъ два анекдота. «Когда я бываю въ Польшѣ,—разсказывалъ ему однажды его пріятель, капитанъ Цыновичъ:—то я снимаю мундиръ и выдаю себя за гражданскаго инженера, живущаго въ маленькомъ прусскомъ городкѣ, гдѣ у меня друзья, которые сумѣютъ сбить съ толку русскую полицію въ случаѣ ея розысковъ. Въ прошедшемъ году мнѣ было поручено добыть свѣдѣнія о проектированной въ Польшѣ желѣзной дорогѣ, и я отправился въ путь съ однимъ евреемъ, въ видѣ проводника. Мы проѣхали вмѣстѣ съ нимъ значительное разстояніе, какъ вдругъ онъ сказалъ мнѣ, что въ нашемъ поѣздѣ находятся два агента русской тайной полиціи, а потому отказался отъ дальнѣйшей поѣздки. Я остался одинъ и, выйдя изъ вагона на одной изъ слѣдующихъ станцій, направился въ сосѣдній лѣсъ, но не прошелъ я и нѣсколькихъ шаговъ, какъ дѣйствительно подошли ко мнѣ два полицейскихъ агента и спросили, что мнѣ надо и чѣмъ я занимаюсь. Я сочинилъ цѣлую сказку и объяснилъ, что намѣренъ осмотрѣть сосѣдніе лѣса съ цѣлью ихъ покупки на срубъ, но одинъ изъ агентовъ отвѣчалъ, что по со-

сѣдству вѣтъ продажныхъ лѣсовъ, и пригласилъ меня въ мѣстное полицейское управленіе. Я настаивалъ на томъ, что слышалъ о большихъ запасахъ срубленнаго строительнаго матеріала въ окрестностяхъ, и русскіе, наконецъ, къ моей великой радости, заявили, что подобныя лѣсныя заготовки дѣйствительно тутъ существовали, но что онѣ были предназначены для постройки той желѣзной дороги, о которой я долженъ былъ собрать справки. Однако мнѣ, всетаки, пришлось слѣдовать за ними въ полицейское управленіе, и по дорогѣ агенты провели меня черезъ внутренность форта, куда попасть я никогда даже не помышлялъ. Но стараясь замѣтить всѣ подробности того, что такъ неожиданно представилось моимъ глазамъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ былъ очень озабоченъ. При мнѣ находилась записка съ моими секретными замѣтками, и еслибъ она попала въ руки русской полиціи, то меня, конечно, повѣсили бы безъ всякихъ разговоровъ. Послѣ долгихъ размышленій я напалъ на счастливую мысль. Я вынулъ изъ кармана три сигары, предложилъ двѣ своимъ спутникамъ, которые молча взяли ихъ, а третью самъ закурилъ, но предварительно сложилъ какъ можно меньше свою секретную записку въ карманъ и незамѣтно зажегъ ее вмѣстѣ съ сигарой; конечно, надо было нѣсколько разъ продолжать эту операцію, подъ предлогомъ того, что гасла сигара, но въ концѣ концовъ я вздохнулъ свободно. Компрометирующий меня документъ былъ уничтоженъ. Вскорѣ оказалось, что меня вели не въ полицію, а къ коменданту форта; онъ приказалъ меня старательно обыскать и снять копию съ моего паспорта. Потомъ меня отпустили и хотѣли выпроводить изъ форта тѣмъ же путемъ, но я упрямился, чтобъ мнѣ дозволили отправиться въ сосѣдній городъ, и такимъ образомъ я осмотрѣлъ фортъ со всѣхъ сторонъ. По возвращеніи въ Германію я сдѣлалъ свой докладъ, но правительство выразило желаніе получить дополнителныя свѣдѣнія объ этомъ фортѣ, и я вскорѣ ихъ добуду». Распростившись съ этимъ офицеромъ, Биджело уже болѣе никогда не встрѣчался съ нимъ, но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, одинъ прусскій военный докторъ разсказалъ ему печальную исторію объ одномъ шпіонѣ, который могъ быть капитаномъ Цыновичемъ, или во всякомъ случаѣ былъ подобнымъ ему современнымъ нѣмецкимъ рыцаремъ, если безъ страха, то не безъ упрёка. «Я только что вернулся изъ Торна,—сказалъ докторъ американцу:— и тамъ я присутствовалъ при смерти человѣка, который едва дотацился съ русской границы до нашего лазарета. Онъ объяснилъ мнѣ, что служилъ офицеромъ въ прусской арміи и съ цѣлю осмотрѣть внутренность русскаго форта выдалъ себя за литовскаго поселянина, жилъ нѣсколько недѣль въ простой избѣ и исполнялъ самыя тяжелыя сельскія работы. Наконецъ, русскія власти наняли его носильщикомъ дровъ, и онъ имѣлъ возможность путемъ осторожныхъ разспросовъ и подробныхъ наблюденій составить полное описаніе форта. Но тяжелый физическій трудъ, постоянное умственное напряженіе и страхъ, чтобъ всякую минуту не открыли его тайну, разстроили его здоровье, онъ опасно занемогъ и, рѣшившись во что бы то ни стало умереть въ Германіи, добрался до границы. Послѣ этого онъ умеръ, но составленная имъ записка о русскомъ фортѣ доставлена военному министру».

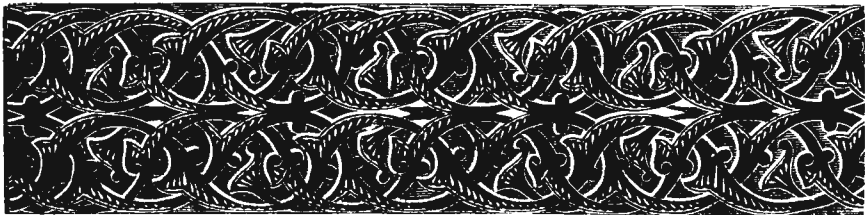
— Двѣ императрицы. Тотъ же американскій журналъ «Harper's Magazine» и лондонская еженедѣльная газета «Pall Mall Budget» сообщаютъ интересныя подробности о домашней жизни двухъ современныхъ нѣмецкихъ

императрицъ—австрійской и германской, которыя представляютъ столь разительный контрастъ между собою. Незвѣстная личность, скрывающаяся подь подписью «австрійской придворной дамы» и увѣряющая, что она долгое время находилась въ вѣтхимомъ кружкѣ австрійской императрицы, рисуетъ на столбцахъ перваго журнала рельефный портретъ перомъ самой романтичной и повѣстической, по ея словамъ, фигуры на европейскомъ тронѣ въ настоящее время. Императрица Елизавета—благородная жевщина въ полномъ смыслѣ этого слова, рѣшительная, мужественная, правдивая, великодушная, и если она не пользуется популярностью въ Австріи, особенно въ Вѣнѣ, которую она сама не любитъ, то это происходитъ благодаря ея достоинствамъ, а не недостаткамъ. Отличаясь замѣчательными умственными способностями и рѣдкимъ культурнымъ развитіемъ, она легко замѣчаетъ слабости окружающихъ ее людей и слишкомъ честна, чтобъ смотрѣть сквозь пальцы на такъ называемые свѣтскіе грѣшки; она открыто осуждаетъ всѣ притриги какого бы то ни было свойства и сама обнаруживаетъ непогрѣшимую нравственную чистоту среди всѣхъ соблазновъ, не допускаетъ въ этомъ отношеніи никакой слабости въ другихъ, а потому, глубоко страдая въ прежніе годы отъ легкомысленнаго поведенія мужа, она всегда обнаруживала пуританскіе взгляды, которые явно идутъ въ разрѣзъ съ веселымъ настроеніемъ вѣнцевъ. Не находя полнаго удовлетворенія въ своей брачной жизни и не считая достойнымъ себя всякую другую любовь, хотя при ея замѣчательной красотѣ многіе безумно влюблялись въ нее, она искала утѣшенія только въ религіи, а развлеченія въ страсти къ лошадямъ, къ путешествіямъ и къ куренію. Последняя страсть объясняется необходимостью чѣмъ нибудь успокоить ея нервную натуру, и она въ теченіе дня выкуривала до шестидесяти папирсъ, а по вечерамъ уничтожаетъ нѣсколько крѣпкихъ сигаръ. Вставая въ пять часовъ утра, она, послѣ чашки кофе, обыкновенно ѣздила верхомъ безъ устали, перемѣняя одну лошадь за другой до полудня; затѣмъ брала ванну, завтракала и въ четыре часа снова каталась верхомъ до обѣда. Удалялась она въ свои внутренніе апартаменты ежедневно въ девять или десять часовъ вечера и тамъ до трехъ часовъ утра болтала, читала и занималась музыкой съ своими придворными дамами. Авторша статьи въ «*Nargel's Magazine*» съ негодованіемъ опровергаетъ легенду о томъ, что императрица училась въ циркѣ у наѣздницъ тайнамъ ихъ искусства, и увѣряетъ, что, не довольствуясь своимъ умѣніемъ прекрасно ѣздить верхомъ, она только взяла нѣсколько уроковъ у извѣстнаго наѣздника, чтобъ, сидя на одной лошади, управлять другими четырьмя и восьмью на длинныхъ поводахъ. Прекрасно играя на цитрѣ и органѣ, а также имѣя замѣчательный талантъ къ живописи, императрица всегда отличалась любовью къ чтенію, въ особености къ поэзіи, и ея любимый поэтъ Гейне. Конечно, все, что рассказываетъ о ней австрійская придворная дама, относится къ прошедшему, но это прошедшее очень недавнее, и въ настоящее время императрица Елизавета, проводящая большую часть года для поправленія своего здоровья въ путешествіяхъ по южнымъ странамъ, всетаки, сохраняетъ прежнія черты своего характера и свои прежнія привычки. Такъ, она до сихъ поръ отличается щедростью къ бѣднымъ, относительно которой придворная дама рисуетъ симпатичную картинку. «Елизавета никогда не знала, что такое страхъ,—говоритъ она,—одна, безъ провожатыхъ, она постоянно посѣщала самыя трупобитныя кварталы, гдѣ умираютъ съ голода бѣдняки и гнѣздятся наводящіе на всѣхъ ужасъ

анархисты, но она была тамъ безопасна, такъ какъ никто не зналъ, кто она, а въ виду ея доброты, щедрости и красоты, всѣ ей тамъ поклонялись, какъ ангелу».

Совершенно иной типъ представляетъ германская императрица Августа-Викторія, характеристику которой мы находимъ въ анонимной статьѣ «Pall Mall Budget». Въ ней нѣтъ ничего идеальнаго, или поэтичнаго, но зато ни на одномъ престолѣ въ Европѣ нѣтъ такой образцовой хозяйки, которая сама заказываетъ обѣдъ, провѣряетъ всѣ счета и заботится съ акуратностью буржуазной нѣмки объ одеждѣ своихъ многочисленныхъ дѣтей. Какъ извѣстно, Вильгельмъ женился на ней не по любви, но лишь въ угоду Бисмарку и не смотря на то, что онъ былъ по уши влюбленъ въ принцессу Елизавету Гессенскую, внучку королевы Викторіи. Но у Бисмарка въ отношеніи сватовства рука оказалась легкой, и молодой императоръ мало-по-малу совершенно примирился съ своимъ бракомъ; теперь онъ очень счастливый мужъ и отецъ, высоко цѣнитъ свою жену, служащую типомъ истой нѣмки, и питаетъ къ ней глубокое уваженіе, которое разделяетъ съ нимъ и вся Германія, сначала издѣвавшаяся надъ искусствомъ императрицы стряпать сладкіе пирожки, что побуждало Бисмарка злобно говорить: «Лучше, чтобъ императрица умѣла стряпать пироги, чѣмъ обсуждать конституцію». Отличаясь строгой экономіей относительно своего собственнаго туалета, Августа-Викторія не жалѣетъ ничего, чтобъ слѣдовать послѣдней модѣ въ костюмахъ своихъ семерыхъ дѣтей, которыя постоянно ее окружаютъ, такъ что, по замѣчанію Вильгельма, «она никогда не можетъ надѣть трѣна, который былъ бы тотчасъ разорванъ четырьмя или пятью мальчуганами, вѣчно путающимися въ ея юбкахъ». Получивъ очень скромное воспитаніе, теперешняя представительница Гогенцоллерновъ никогда въ молодости не читала ни одного романа, и послѣ вступленія на престолъ она не считаетъ нужнымъ слѣдить за литературнымъ движеніемъ вѣка, хотя хорошо знаетъ, кромѣ нѣмецкаго, французскій и англійскій языки. Никакихъ художественныхъ талантовъ въ ней нѣтъ и помину, а въ свободное время она вышиваетъ знамена для германской арміи и подарки для членовъ своего семейства. Но, по странной ироніи судьбы, если императрица не обращаетъ никакого вниманія на литературу въ настоящее время, то она можетъ оказать ей, а во всякомъ случаѣ исторіи, большую услугу въ будущемъ. Она ведетъ дневникъ и тщательно сохраняетъ его тайну даже отъ своего мужа, запирая золотымъ ключикомъ книгу, въ которую записываютъ свои ежедневныя впечатлѣнія.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Европейская литература от іюня 1892 г. по іюнь 1893-го. — Причины застоя въ русской литературѣ, по мнѣнію русскаго профессора. — Публицистика и народныя силы. — Романисты и научныя сочиненія. — Польская литература: беллетристы и поэты, драматурги и ученые. — Чешская литература: юбилей, историки, нувелисты. — Литература Франціи: развитіе критики и романа, поэты, философскія и ученныя произведенія, мистики и социологи. — Итальянская литература: классическая и современная школа поэзіи и романа, историческія и критическія сочиненія.

АНГЛІЙСКІЙ журналъ «Атенеумъ» продолжаетъ аккуратно печатать ежегодные отчеты о положеніи литературы у главныхъ племенъ континентальной Европы. Только годъ начинается почему-то у журнала съ іюля и для одной Англійи съ января. Опѣнка умственной дѣятельности разныхъ націй составляется изъ года въ годъ одними и тѣми же критиками. О Россіи, уже нѣсколько лѣтъ сряду, пишетъ московскій ученый Милуковъ. У него все тотъ же достаточно пессимистическій взглядъ на русскую литературу. Онъ все толкуеть о застоѣ, начавшемся съ 1880 года, о людяхъ восьмидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, о томъ, что первые устроили какое-то возстаніе (a stir), на которое никто не обратилъ вниманія, а вторые ходили въ народъ, учреждая интеллигентныя колоніи между крестьянами, сдѣлавшіяся центрами распространенія социализма, потомъ нашли, что толстовское ученіе и самоусовершенствованіе ведетъ къ мистицизму и сектаторству. Но все это разсказывается такимъ запутаннымъ, кудреватымъ стилемъ, что добиться во всемъ этомъ толку очень мудрено. Мы поняли только, что русское общественное движеніе готовится къ какимъ-то свѣжимъ и возрастающимъ усиліямъ. Неужели г. Милуковъ думаетъ, что изъ этой абракадабры англійская публика составитъ себѣ ясное понятіе о движеніи русской литературы? Кому и къ чему нужны туманныя философствованія объ «археологическомъ демофильствѣ» XVIII вѣка и славянофильствѣ XIX-го? Гдѣ нашель критикъ въ на-

шей литературѣ упорную борьбу между приверженцами толстовскаго ученія и славянофиламъ, которую будто бы изслѣдуетъ и публицистъ Василій Воронцовъ, авторъ «Исторія капитализма» и «Сельской общины». Г. Милоковъ находитъ, что авторъ, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи «Прогрессивное направленіе въ крестьянскомъ земледѣліи», стоитъ на сторонѣ мелкаго хозяйства и находитъ, въ противоположность ученію Маркса, что Россія, благодаря своимъ мѣстнымъ условіямъ, можетъ перейти прямо отъ первоначальнаго коллективизма къ социализму, безъ посредствующихъ стадій капитализма и поглощенія мелкихъ предпріятій крупными. Этотъ переходъ могутъ совершить народныя массы, «въ которыхъ заключается единственная общественная и политическая сила». Гдѣ это г. Милоковъ нашель политическую силу въ народѣ, которому еще надо выучиться грамотѣ, чтобы сдѣлаться человекомъ? «Русское Богатство», по словамъ критика, толкуеть о необходимости для «друзей народа» образованъ массы. А. Н. Пыпинъ въ «Вѣстникѣ Европы» доказываетъ, что образованіе не составляетъ еще спеціальнаго и радикальнаго средства. Для чего-то къ этимъ мнѣніямъ прилагается мнѣніе «знаменитаго» (въ своемъ муравейникѣ) Владиміра Соловьева, стоящаго за крупныя имѣнія, гдѣ только и возможно интенсивное хозяйство. Тутъ же англичанамъ сообщается и такое «чрезвычайно важное извѣстіе», что въ «Русскомъ Богатствѣ» (очень бѣдномъ читателями) перемѣнилась редакція, и г. Михайловскій разсуждаетъ объ опредѣленіи демофильства. Г. Милоковъ увѣряеть, что споръ между либералами и радикалами болѣе всего привлекъ вниманіе публики и характеризуетъ настоящее время. Тутъ же сообщается, что втеченіе года избранная публика занималась преимущественно эстетическими вопросами отношеній искусства къ реальному. Нувелиста Боборыкинъ протестовалъ противъ преобладанія политическаго элемента надъ эстетическимъ въ нашей критикѣ. Князь С. Волконскій въ «Вѣстникѣ Европы» доказываетъ, что эстетическая точка зрѣнія не имѣеть ничего общаго съ моральною, и потому эстетическіе идеалы не могутъ быть ни правственными, ни безправственными. Какой-то Аврелинъ держится того же мнѣнія. И обо всемъ этомъ съ важностью сообщается Англии, вмѣсто извѣстія, какія книги появились у насъ и чѣмъ онѣ замѣчательны. Затѣмъ начинаются восхваленія очаровательныхъ (charming) разсказовъ Короленки, обратившагося впрочемъ отъ беллетристической дѣятельности къ публицистической, какъ и г. Эртель. Только два новыхъ тома очерковъ Потапенки не прибавили ничего къ его прежней репутаціи. Далѣе расхваливаются гг. Чеховъ, Боборыкинъ, Гаринъ, Ардовъ (г-жа Бларамбергъ), Дѣдловъ. О романѣ послѣдняго «Сашенька» говорится всего шесть строкъ, тогда какъ это, всетаки, лучшее произведеніе прошлаго года. Изъ научныхъ книгъ названы: сочиненіе А. Введенскаго, проповѣдника новокантовской философіи, собраніе сочиненій Кудрявцева, исторія современной Европы профессора Карѣева, Покровскаго разборъ Аѳинской конституціи Аристотеля, проф. Иконникова—обзоръ русской исторіографіи, первый томъ въ тысячу страницъ слишкомъ; изслѣдованія Собѣстіанскаго о древнихъ славянахъ, В. Васильевскаго—о византійскихъ хронографахъ, Сергѣевича «Вѣче и князь», Р. Зотова—о черниговскихъ князьяхъ, проф. Никитскаго—объ экономическихъ условіяхъ древняго Новгорода, пятый томъ сенатскихъ протоколовъ за 1715 годъ, третій томъ архива князя Куракина, второй—исторія женскаго образованія въ Россіи, г-жи Лихачевой, 82-й томъ Сборника историческаго общества съ документами, собран-

ными г. Трачевскимъ объ отношеніяхъ Франціи къ Россіи при Наполеонѣ. Г. Щегловъ издалъ изслѣдованіе учрежденія государственнаго совѣта при Александрѣ I, г. Колупановъ біографію Кошелева, г. Барсуковъ — седьмой томъ жизни Погодина, Шенрокъ — второй томъ матеріаловъ біографіи Голя; дневникъ Никитенки вышелъ въ трехъ томахъ. Всѣ эти замѣчательныя книги въ статьѣ только перечисляются, а не разбираются, также какъ исторія политической экономіи проф. Чупрова и книги статистическаго содержанія. Не много же узнаетъ Англія о русской литературѣ изъ статьи русскаго критика.

— Критикъ польскихъ произведеній, безъ всякихъ предисловіи и вступленийъ, начинается съ перечисленія, но не съ разбора, замѣчательнѣйшихъ явленій въ польской литературѣ прошлаго года: Оржешко написала небольшой рассказъ изъ эпохи древняго Рима «Весталка», Сенкевичъ «Lux in tenebris lucet» — исторію артистической жизни, проникнутую непроходимымъ мистицизмомъ, такъ же какъ и разсужденіе о распятіи Христа, подъ заглавіемъ: «Должны ли мы слѣдовать за нимъ?». Отъ этого писателя, совсѣмъ занутившагося въ теологическихъ дебряхъ, нельзя больше ждать ничего выдающагося. Прусь въ «Маленькой Анджеликѣ» попробовалъ, хоть не совсѣмъ удачно, соединить юморъ съ страшною драмой. Ёжъ передаетъ тяжелую участь одной крестьянской семьи въ рассказѣ «Въ потьмахъ», а Качковскій подобную же исторію польскаго современнаго дворянства. Запольская въ «Отрывкѣ изъ жизни» рассказываетъ печальную судьбу хорошей женщины, страдающей отъ негодяя мужа. Это все исторіи легальныя, а вотъ г-жа Змогасъ (псевдонимъ) рисуетъ нигилистовъ и ужасы, сопровождавшіеся жестокостями во время возстанія въ Литвѣ 1863 года, Августъ Солтекъ описываетъ безнравственность, продажность и отсутствіе патриотизма русской бюрократіи въ повѣсти «Земля царей». Два начинающіе автора заявили себя выдающимися произведеніями: Я. Домбровскій психопатологическимъ этюдомъ «Смерть» и г-жа Шебеко рассказомъ «Жизнь Сизифа», гдѣ передана борьба съ обстоятельствами талантливаго крестьянина механика. Такой же правдой, чувствомъ и поэзіей отличается рассказъ Севера «Въ тѣни и солнечномъ свѣтѣ». Колякевичъ описываетъ жизнь мелкихъ городовъ Галичины, но рассказы его и Коверской уже очень переслащены оптимизмомъ. Нѣсколько интересныхъ повѣстей написали поэтеса Конопницкая, сентиментальный идеалистъ Лентовскій, реалистъ Дыгасинскій, циникъ Недзвѣцкій. Живописецъ Лускина напечаталъ «Великій годъ», — исторію будущей войны, которая должна разыгратъся на равнинахъ Польши. Драматическими произведеніями былъ богатъ этотъ годъ, благодаря конкурсу на преміи, предложенныя въ Варшавѣ и Краковѣ. Премію получила драма графа Коцебродскаго, уже умершаго — «Наставникъ женщинъ», основанная впрочемъ на идеяхъ Дюма-сына. Большой успѣхъ имѣли также пьесы «Яковъ Варка» Зелинскаго, «Права сердца» Залевскаго, «Графъ Жоржъ» Грайбнера, «Флиртъ» Балуцкаго, написавшаго также историческую драму «Кельнскій», герой которой — башмачникъ, составившій сто лѣтъ назадъ заговоръ противъ русскаго владычества. Говалевичъ въ «Старыхъ долгахъ» затрогиваетъ вопросъ о незаконныхъ дѣтяхъ. Его же пьеса «Жемчугъ» взята изъ романтическаго эпизода въ жизни Леонарда да-Винчи. «Послѣдній актъ» Хомакаго рисуетъ паденіе благороднаго дома, вслѣдствіе слабости главы его. Неожиданная смерть Близинскаго, автора хорошей комедіи «Плевелы», составляетъ чувствитель-

ную потерю для польской сцены. Даровитый поэтъ Фелицианъ Фаленскій издалъ сборникъ эпиграмъ и небольшихъ сатиръ «Меандра» и «Переводы иностранныхъ поэтовъ», Янковскій и Левандовскій пишутъ въ эротическомъ родѣ. Дѣвица Щенская (Цыбульская) издала поэтическіе очерки изъ природы и жизни. Изъ историческихъ трудовъ замѣчательны «Молодость Сигизмунда старшаго» Павинскаго, «Возстаніе Свидригайла» Левицкаго, «Лѣтописи о западныхъ славянахъ» Богусевскаго, выдающееся, серьезное изслѣдованіе; «Жизнь Христофора Арцишевскаго» Краушара, составленная по новооткрытымъ источникамъ, о походахъ этого храбраго воина XVII вѣка, особенно во время голандской экспедиціи въ Бразилію. Спасовичъ собралъ въ шести томахъ свои сочиненія, въ которыхъ является глубокимъ мыслителемъ.

— Три литературныхъ юбилея отпраздновала въ послѣднее время Чехія: трехсотлѣтнюю годовщину рожденія Комепскаго и четверть вѣковую дѣятельности Святополка-чеха и Ярослава Врхлицкаго. Первый работалъ весь этотъ срокъ, только какъ журналистъ, но второй издалъ къ своему юбилею сборники «Мои сонеты» и «Парнасскій репейникъ»; послѣдній состоитъ изъ сатирическихъ замѣтокъ «Съ разныхъ сторонъ», «Изъ собственнаго сердца» и «Съ чешской почвы» и двухъ пьесъ «Пиетро Аретино», изъ исторіи итальянскаго гуманизма, и «Три поцѣлюя», мифическое преданіе изъ временъ Любуши. Онъ издалъ также свои критическіе опыты, подъ названіемъ: «Этюды и портреты» большею частью иностранныхъ писателей, и былъ избранъ профессоромъ исторіи литературы въ чешскомъ университетѣ. Въ чешскомъ обществѣ сильно обнаружилось въ послѣднее время стремленіе къ реализму и развитію народной жизни. Этому направленію противодѣйствуетъ, конечно, всѣми силами католическая печать, строго исполняющая римскіе догматы. Замѣтно также большое волненіе въ студенческомъ мірѣ. Много шуму на дѣлала «исторія чешской литературы» Ярослава Влчка, особенно по изученію догуситскихъ временъ, о которыхъ существуетъ только изслѣдованіе Домбровскаго, писанное на нѣмецкомъ языкѣ въ началѣ нынѣшняго вѣка. Влчекъ представилъ стройную картину древней чешской литературы, и нѣмцы стали, конечно, кричать, что книга его составлена въ славянскомъ духѣ. Пикъ издалъ «Археологическія изслѣдованія центральной Чехіи», Любаръ Нидерле «Человѣкъ въ доисторическія времена». Къ этому же разряду серьезныхъ научныхъ сочиненій относятся: «Картины чешскихъ городовъ» Винтера, «Исторія захвата Чехіи» (послѣ битвы при Бѣлой Горѣ) Вилека, «Исторія чешскихъ обычаевъ» Зибрта, «Руководство къ исторіи искусства» Мадля и «Исторія средневѣкового искусства» Брандля. Изъ романтическихъ разсказовъ лучшіе: «Современныя повѣсти» Шульца, «Морскіе романы» Селлера, «Черное озеро» и «Капитанъ Гамбурда» Вацлава Влчка, изъ реальныхъ—«Третьему и четвертому поколѣнію» Гердена, «Добрыя души» Мратека, «Изъ рая чешскихъ лѣсовъ» Клостермана, «Семейная хроника» Галса, сказки Копека и «Веселый народъ въ Прагѣ» Германа. Гелинекъ издалъ любопытные очерки «послѣдняго польскаго возстанія». Стиховъ очень много: Зейеръ напечаталъ четыре части «Лѣтописей любви», Сладекъ «Чешскія пѣсни», Мохаръ—сборникъ лирическихъ пьесъ и сонетовъ, Борецкій—символическія поэмы «Мистическая роза».

— Еврей Рейнахъ, обозрѣвая французскую литературу, находитъ, что всякій изслѣдователь былъ бы поставленъ въ затрудненіе рѣшеніемъ во-

проса: преобладаетъ ли въ ней матеріализмъ, спиритуализмъ или позитивизмъ, серьезна она или фривольна? Являются ли въ ней новыя дарованія, или перемываются въ ней только старыя, избитыя темы? Чѣмъ она больше увлекается: романомъ, поэзіей, критикою исторіей, философіей? Отчего бы не прибавить сюда еще социальнаго и еврейскаго вопроса? Руководители общественнаго мнѣнія въ настоящее время, серьезные, солидно образованные, критики Лависсъ, Брюнетьеръ, Фаге, ищутъ во всемъ вѣрныхъ, положительныхъ фактовъ и неспособны увлечься химерами. Они подводятъ одинаково подъ критическія требованія и творческія произведенія, и политическія дѣйствія. Жюль Леметръ и Анатоль Франсъ вводятъ въ эти темы принципы искусства. Они слѣдуютъ въ этомъ позитивистскимъ идеямъ Тэна и Ренана, тогда какъ Вогюэ и Дежарденъ ударились въ мистицизмъ. У Золя больше поклонниковъ, чѣмъ враговъ, и два послѣдніе романа его «Разгромъ» и «Докторъ Паскаль» читаются нарасхватъ, хотя въ послѣднемъ сильно не нравятся генеалогическія подробности семьи Руговъ-Маккаровъ и похождение 60-ти-лѣтняго ученаго селадона съ 25-ти-лѣтнею дѣвственницей. Психологическіе романы Поля Бурже, Маргерита, Прево, имѣютъ много поклонницъ. Стихи Хозе Гередія и Леконта де-Лиля читаются студентами. И между тѣмъ кризисъ, всетаки, существуетъ: продолжается борьба между наукой и метафизикою, критикою и вѣрой, реализмомъ и идеализмомъ. Шестьдесятъ лѣтъ назадъ была точно также эпоха борьбы, и тогда романтизмъ побѣдилъ классицизмъ, матеріализмъ—спиритуализмъ, либеральныя идеи—ремесленный абсолютизмъ. На чьей сторонѣ останется нынче побѣда, предсказать трудно. Можетъ быть, два враждебныя другъ другу направленія разовьются съ одинаковою силою. Во всякомъ случаѣ, большинство общества видитъ въ литературѣ не отдыхъ, забаву или развлеченіе, даже не утѣшительницу въ житейскихъ скорбяхъ, а руководительницу по тернистому пути жизни, въ борьбѣ за существованіе. Смерть такихъ двухъ столбовъ—науки скорѣе, чѣмъ литературы—Тэна и Ренана, конечно, оставила глубокіе слѣды въ обществѣ. Тэнъ былъ врагъ метафизики, но и врагъ революціи, Ренанъ—врагъ католическихъ догматовъ, но и врагъ ясныхъ, опредѣленныхъ выводовъ. Ренанъ вѣритъ въ божественное, но его вѣра, пропитанная нѣмецкими измышленіями, складывалась въ странныя формулы: совершенное, то есть, божественное, создалъ самъ человѣкъ, осуществивъ въ немъ идею высшаго гуманизма, и эта же вѣра ваставляла самого человѣка стремиться къ умственному и нравственному совершенствованію. Съ возрѣвіями древняго грека, Ренанъ былъ оптимистъ въ жизни и философіи, тогда какъ Тэнъ—упорный пессимистъ; Лависсъ—скорѣе педагогъ, чѣмъ историкъ, и книгу свою «Этюды о развитіи Пруссіи» онъ написалъ для того, чтобы ознакомить студентовъ съ ихъ побѣдителями. Его «Молодость Фридриха II» написана съ тою же цѣлью, и онъ даже послѣ Карлейля и Маколея высказалъ много новаго объ этомъ королѣ. Нолякъ въ своей біографіи Маріи-Антуанеты не скрываетъ ея недостатковъ: вѣтренности, легкомыслія, кокетства съ графомъ Ферзенемъ, но выставляетъ ее образцомъ супруги, матери и королевы, оставляя безъ объясненій ея заговоры съ иностранными державами противъ королевства. Для всесторонняго изученія революціи основано общество исторіи революціи, и учреждена отдѣльная кафедра изслѣдованія этой эпохи. Оларъ издалъ любопытное изысканіе «О культѣ разума и высшаго существа». Альбертъ Сорель, въ обширномъ трудѣ «L'Europe et la

révolution», разработалъ исторію французской революціи въ ея внѣшнихъ сношеніяхъ и въ вышедшемъ нынѣ четвертомъ томѣ говоритъ о границахъ республики. Книга Гуссе «1815 годъ» представляетъ картину политическаго общества во Франціи послѣ паденія Наполеона и его возвращенія съ Эльбы. Окончаніе огромнаго труда Тюрю д'Анжена о царствованіи Луи-Филиппа холодно встрѣчено публикой и критикой. Въ книгѣ много любопытныхъ документовъ, но въ общемъ—это такой же панегирикъ, какъ изслѣдованіе о томъ же королѣ, разобранное недавно въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Подобныя ретроградныя и партійныя сочиненія доказываютъ только ненависть авторовъ къ республикѣ, а не талантъ ихъ и не величіе представляемыхъ ими лицъ. Всѣ эти Луи-Филиппы, Гизо и другіе герои, прославляемые историкомъ, слишкомъ мелки, и увѣрять, какъ это дѣлаетъ Тюрю д'Анженъ, что іюльская монархія пала только отъ соперничества и интригъ Тьера и Гизо, значитъ намѣренно искажать смыслъ и значеніе историческихъ событій. Называть Бальзака—виновникомъ всѣхъ пороковъ современнаго общества, Гюго—атеистомъ и врагомъ королевской власти, Жоржъ-Зандъ—разрушительницей общественнаго строя могутъ только отчаянные орлеанисты и клерикалы. Книга Спюллера о Ламене относится къ исторіи, политикѣ и философіи: это серьезное критическое изслѣдованіе. Мистицизмомъ Ламене хотя болѣе искусственнымъ, чѣмъ искреннимъ заражены многіе французскіе политическіе и даже литературные дѣятели, и потому имъ не бесполезно узнать мнѣніе Спюллера объ этомъ неестественномъ и непонятномъ направленіи. Католичество, примирившись, по приказанію папы, съ республикой и демократіей, старается овладѣть умами и совѣстью выдающихся лицъ и, поддаваясь его вліяніямъ, они нерѣдко обнаруживаютъ склонность къ туманнымъ, давно опровергнутымъ ученіямъ. Непонятно, какъ могутъ дѣти Вольтера вѣрить внушеніямъ этихъ смутныхъ теорій, ихъ любви къ республикѣ. Служитель алтаря—въ то же время и поклонникъ трона. Демократы говорятъ не напрасно: нашъ врагъ—это клерикализмъ. Ламене пробовалъ примирить народъ съ Римомъ, но къ чему повело его ученіе? Объ этомъ же старается Леруа Вольте въ своемъ сочиненіи «Папство, церковь и демократія», но также безуспѣшно. Авторъ видитъ въ энцикликѣ Льва XIII «De conditione orificum» чисто республиканскія идеи; это вѣрно, но кто же помѣшаетъ его преемнику высказать совершенно противоположныя, ретроградныя мысли, какія проповѣдывалъ его предшественникъ, начавшій также съ полезныхъ реформъ, но убоявшійся вскорѣ же бездны либерализма и обратившійся вспять. Шарль Бенуа въ своей книгѣ «Церковь и государство» проводитъ мысль, что церковь должна быть примирительницей возникающихъ споровъ, посредницей въ международныхъ распряхъ. Но исторія говоритъ намъ, что католицизмъ и безъ того слишкомъ часто вмѣшивался въ дѣла государствъ и только путалъ ихъ, стараясь поставить власть папы выше власти монарховъ. Но быть суперарбитромъ между ними—не дѣло церкви: царство ея не отъ міра сего. Къ историческимъ книгамъ относится «Рона» Лаптерика, «исторія рѣки», какъ говорятъ заголовкъ. Въ книгѣ, однако, не меньше археологіи и изслѣдованія экономическихъ вопросовъ, чѣмъ географіи. Колоніальныя вопросы изслѣдуетъ Шалье Беръ въ «Колонизаціи Индо-Китаю» и Бурдо въ «Алжиріи 1891 года». Левассеръ въ книгѣ «Населеніе Франціи» разсматриваетъ социальныя и политическія отношенія страны къ ея жителямъ, вопросы

эмиграціи, переселенческіе и т. п. Дерваль издалъ замѣчательный этюдъ о философіи Кондильяка, этого представителя системы матеріализма въ XVIII вѣкѣ. Альфредъ Бине въ сочиненіи «Болѣзни личности», Алье въ «Ослабленіи воли въ наше время» изслѣдуютъ вопросы психіатріи, Тамень въ «Воспитаніи и позитивизмѣ» вводитъ эту философскую систему въ педагогику, но не можетъ отрѣшиться и отъ клерикальныхъ взглядовъ. Пережившій свою извѣстность Молинари въ книгѣ «Религія» старается доказать необходимость въ жизни этого фактора, а Бурдо въ книгѣ «Задача смерти» говорить о безсмертіи души, что также доказать очень трудно. Изъ романистовъ, послѣ исписавшагося и выдохшагося Бурже, даровитѣе Поль Маргеритъ, когда-то ревностный ученикъ Золя, перешедшій послѣ романа «Земля» отъ натурализма къ сентиментализму, потомъ къ психологизму. Его романъ «Въ врѣломъ возрастѣ»—исторія любви 44-хъ-лѣтняго, довольно простодушнаго господина къ 30-ти-лѣтней дѣвицѣ, напоминаетъ походяженію 60-ти-лѣтняго доктора Паскаля, но гораздо естественнѣе и происходитъ въ обыденной, домашней жизни. Выдвинулся впередъ Марсель Прево, талантливый реалистъ. Его романъ «Осень женщины» отличается тонкимъ чувствомъ. Большимъ успѣхомъ пользовались произведенія Анатоля Франсъ, Мориса Барреса («Врагъ законовъ»), Жюльа Леметра («Короли»). Въ области критики замѣчательны своею объективностью и логичностью этюды Брюнетъера о драмѣ и лирикѣ во Франціи. Въ «Часахъ исторіи» Вогюэ къ вѣрнымъ критическимъ взглядамъ примѣшивается вовсе не идущій къ дѣлу мистицизмъ.

— Въ Италіи новая школа поэтовъ, въ главѣ которыхъ стоялъ Олиндо Гверини, ярый послѣдователь Боделера и символистовъ, уступила мѣсто приверженцамъ классицизма, Горація, старинныхъ формъ. Сборникъ лирическихъ произведеній Кардуччи пользуется большимъ успѣхомъ, хотя старшій поэтъ пишетъ гекзаметрами и пентаметрами, употребляетъ даже размѣръ алкейскій и асклепиадскій. Послѣдователь его, Пандзакки, не обладаетъ ни силою, ни талантомъ учителя, также какъ и Габриель д'Анунціо. Въ его «Морскихъ одахъ» видны впрочемъ слѣды патріотическаго вдохновенія. Но на серебряную свадьбу короля не появлялось ни одного выдающагося стихотворенія. «Стихи и оды варваровъ» Наполеона Родветти написаны съ увлеченіемъ и чувствомъ. Еще больше дарованія выказала поэтеса Сильвія Альбертини. Первый итальянскій драматургъ Камилло Траверси, братъ его Джіокини также пользуются почетной извѣстностью. Изъ послѣднихъ пьесъ его «Съ утра» — бойкая сатира свѣтской жизни, а «Строгий законъ»—проповѣдь въ пользу развода. Драма итальянскаго журналиста Скалингера «Докторъ Мюллеръ» производитъ большой эффектъ. Мюллеръ узнаетъ, что больной, котораго онъ лечитъ отъ опасной болѣзни, былъ любовникомъ его жены. Въ докторѣ борется жажда мести и долгъ спасти ближняго; послѣдній беретъ верхъ, но Мюллеръ расходится съ невѣрной женою. Содержаніе драмы Бернардини «Слѣпой» схоже съ «Докторомъ Мюллеромъ» и взято изъ дѣйствительнаго событія, описаннаго въ печати. Слѣпой убѣждается въ измѣнѣ своей жены и убиваетъ обольстителя. Лучшій изъ вувелистовъ Марко Прага. Его разсказъ «Віондина» полонъ интереса, также какъ романъ Росси «Болѣзнь любви» и Мамбрини «На палубѣ». Романъ Паоло Ліон, философа и ученаго, «Духи мысли» отличается фантастичностью. Матильда Серао написала продолженіе своего романа «Прощай любовь», имѣвшаго большой успѣхъ, хотя въ этомъ произведеніи много таин-

ственного и неестественнаго. Изъ другихъ романистокъ замѣчательны пишущая подъ псевдонимомъ Бруно Скарини и Анна Радини (псевдонимъ Неэра). Бартини написалъ пѣлую серію разсказовъ изъ жизни Колумба и его эпохи. «Разрушеніе» Валькаревги написано въ духѣ вѣка. Изъ военныхъ разсказовъ лучшіе «Волонтеръ одного года» Требла и «Въ казармахъ» Сарагата. Выдаются также «Воспоминанія берсальера» Туллиоли. Авторъ участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ отъ 1848 до 1870 года и сражался за свободу Италіи. Катарина Пигорини Бери издала замѣчательное путешествіе по Калабріи. Модричъ написалъ книгу «Россія». Онъ славянинъ и проводникъ русской идеи, что доставило ему много враговъ въ Италіи. Изъ историческихъ трудовъ замѣчательны монографіи Пазолино: «Екатерина Сфорца», Карла Меркеля «Аделаида Савойская», Чентелли «Катарина Корнаро» и Скалеи «Сицилійскія женщины въ средніе вѣка». Професоръ Романо издалъ «Хронику пребыванія Карла V въ Италіи», Франческо Нятти «Левъ X и его политика». Варди обнарудовалъ 25 писемъ Витторіи Колонны, вмѣстѣ съ біографіей поэтессы. Кампори публиковалъ «Корреспонденцію Муратори съ Лейбницемъ». Умерли два историка: Амабиле, оставившій «Исторію инквизиціи въ Неаполѣ», и Бертолотти «Мученики за свободу и жертвы инквизиціи въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ». Артуръ Графъ издалъ «Сборникъ легендъ о суевѣріи въ средніе вѣка», Роске «Латинскую культуру въ Италіи» (книга увѣнчана академіей). Чезарео напечаталъ нѣсколько не обнаруженныхъ писемъ Сальватора Розы, съ его сочиненіями и біографіей живописца-поэта. Доменико Чямполи говоритъ о русской литературѣ въ своихъ «Saggi letterari», Робіати—о романѣ въ Италіи, Негри, Зунбини, Родригасъ—объ англійской литературѣ. Джуліо Монти издалъ «Поэзію печали», изслѣдованіе произведеній, вдохновенныхъ страданіемъ, какъ источникомъ мысли и чувства. Всѣ главнѣйшіе поэты, явившіе въ стихотвореніяхъ свою тоску, разобраны критикомъ, придающимъ, однако, слишкомъ много значенія произведеніямъ, явно дѣланымъ и искусственнымъ.

Обзоръ умственной дѣятельности остальныхъ національностей Европы окончимъ въ слѣдующей книжкѣ.

СМѢСЬ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ общество. Годовое общее собраніе археологическаго общества, подъ предѣдательствомъ великаго князя Константина Константиновича, открылъ А. Ѳ. Бычковъ рѣчью, посвященной памяти скончавшагося почетнаго члена общества князя Г. Г. Гагарина. По прочтеніи отчета о дѣятельности общества за истекшій 1892 годъ и ревизіонной комисіи, были произведены выборы секретаря общества. Избранъ вновь В. Г. Дружининъ. Затѣмъ собраніе выслушало докладъ В. В. Суслова «о первомъ съѣздѣ русскихъ зодчихъ». Какъ представитель археологическаго общества на этомъ съѣздѣ, г. Сусловъ представилъ обзоръ трудовъ съѣзда, относящихся къ археології, и, сведя въ одно цѣлое читанные на съѣздѣ рефераты такихъ изслѣдователей древняго искусства, какъ Гедике, Быковский, Котовъ, Павлиновъ, наглядно представилъ, какой глубокой слѣдъ оставилъ первый съѣздъ русскихъ зодчихъ въ русской художественной археології. Въ томъ же засѣданіи Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе о коллекціи средне-азиатскихъ древностей Г. И. Краузе, приславшаго изъ Ташкента эту коллекцію въ даръ археологическому обществу. Среди предметовъ, доставленныхъ г. Краузе, обращаютъ на себя вниманіе древнія бусы и золотая серьга съ просверленными драгоценными камнями, серебряныя именные печати, мѣдныя монеты XII и XIII вѣковъ нашей эры и большая глиняная фляга съ оригинальнымъ орнаментомъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи, подъ предѣдательствомъ графа А. А. Бобринскаго, прочтенъ докладъ А. А. Спицына «о мордовскихъ могильникахъ IX—XVII в.». Въ связи съ современными этнографическими данными и соответственными историческими фактами, послѣдовательно проведенными докладчикомъ, совместно съ профессоромъ Смирновымъ, раскопки въ бассейнѣ рѣкъ Мокши и Цны ясно устанавливаютъ различный характеръ культуры мордовскаго племени въ такія эпохи, какъ IX вѣкъ, потомъ XIV и, наконецъ, XVII в. Въ томъ же засѣданіи князь П. А. Шутятинъ сдѣлалъ сообщеніе «о пещерныхъ жителяхъ южной Европы». Докладчикъ ознакомилъ собраніе съ подробностями сдѣланнаго въ прошломъ году въ Ментонскихъ каменолом-

нихъ открытія пещеры съ тремя скелетами, съ несомнѣнными слѣдами древнѣйшаго ритуала погребенія. Каменные орудія, найденныя при костякахъ Ментонской пещеры, воспроизведенныя въ рисунокѣ, въ изслѣдованіяхъ французскихъ ученыхъ, докладчикъ демонстрировалъ на соответственныхъ экземплярахъ изъ собственной коллекціи каменныхъ орудій такихъ же точно типовъ, собранныхъ княземъ Путятинымъ въ его имѣніи Вологое (Тверской губ.). Въ классическомъ отдѣленіи общества И. В. Помяловскій сдѣлалъ сообщеніе—«О путешествіи въ Палестину св. Виллибальда (VIII в.)». Среди обширной литературы западныхъ, болѣе древнихъ, чѣмъ византійскія, путешествій въ святую землю, путешествіе св. Виллибальда, англійскаго монаха, а вполнѣдствіи епископа, побывавшаго въ Палестинѣ четыре раза, отличается точностью, непосредственностью впечатлѣній и отсутствіемъ легендарности. Въ томъ же засѣданіи А. М. Щукаревъ представилъ докладъ—«О греческихъ надписяхъ съ береговъ Пропонтиды». Это надписи, собранныя г. Лишинымъ и разобранныя докладчикомъ по порученію отдѣленія. Изъ 50-ти надписей только 9 уже изданы въ свое время различными изслѣдователями. Всѣ надписи надгробныя; одна изъ нихъ представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что на ней приведены численныя, а не именныя названія филъ города Периноя. В. Г. Васильевскій сдѣлалъ сообщеніе «о севастократориссѣ Иривѣ». Изслѣдованіе это направлено къ уясненію генеалогическихъ отношеній въ домѣ Комненовъ и связанныхъ съ даннымъ вопросомъ фактовъ политической и культурной истории Византіи XI—XII в. Въ томъ же засѣданіи В. Г. Бокъ прочиталъ рефератъ «о египетскихъ древностяхъ христіанскаго періода» и А. К. Марковъ поздравилъ собраніе съ новымъ русскимъ трудомъ по нумизматикѣ, представивъ разборъ сочиненія Р. И. Шерцля: «Римское монетное дѣло».

Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія баронъ В. Р. Розенъ доложилъ, что Н. О. Петровскій прислалъ изъ Кашгара коллекцію монетъ и новую серію санскритскихъ рукописныхъ отрывковъ. В. А. Жуковскій прочиталъ рефератъ «объ образцахъ персидскаго базарнаго творчества на современныя темы». Докладчикъ представилъ цѣлый рядъ пѣсень, слышанныхъ имъ на персидскихъ базарахъ. Пѣвцы такихъ пѣсень отзываются на всякаго рода злобы дня, каковы, напримѣръ, увлеченіе персовъ прибыльнымъ разведеніемъ опиума, ради котораго часто бросаются всѣ другія занятія. Дѣятельность градоначальника Тегерана, австрійскаго происхожденія, графа Монтефорте, также воспѣта въ этой поэзіи. Не мало пѣсень посвящено голодовкамъ, которыя въ Персіи бывають двухъ родовъ: отъ дѣйствительныхъ неурожаевъ и отъ искусственно создаваемой дороговизны при дѣйствующей въ Персіи откупной системѣ. Всѣ эти пѣсни въ Персіи распространяются только изустнымъ способомъ, а потому изданіе ихъ на русскомъ языкѣ закрѣпляетъ въ научной литературѣ богатый матеріалъ для характеристики быта современной Персіи и для уясненія мелкихъ подробностей ея новѣйшей исторіи.

Памятникъ времени Петра I. Въ 12 верстахъ отъ Шлиссельбурга, по большому тракту, на берегу Невы, существуетъ памятникъ у такъ называемыхъ «Красныхъ сосенъ», подъ которыми Петръ великій, задумавъ взять Шлиссельбургскую крѣпость, имѣлъ съ своими войсками послѣдній привалъ. Сооруженіе представляетъ пирамидальную колонну на постаментѣ, вокругъ котораго были на возвышеніи размѣщены шары съ желѣзными цѣпами; колонна закапчивалась чугуннымъ шаромъ, увѣнчаннымъ позолоченнымъ крестомъ. Памятникъ обнесенъ оградой изъ цоколя, поверхъ котораго находилась желѣзная рѣшетка, а къ водѣ вела каменная лѣстница съ перилами по бокамъ. Въ настоящее время памятникъ этотъ на половину разрушенъ за отсутствіемъ какого бы то ни было надзора за нимъ. Дѣло въ томъ, что, какъ видно изъ надписи на уцѣлѣвшей доскѣ памятника, онъ

былъ воздвигнуть братьями Сидоровыми и послѣ ихъ смерти остался совершенно безъ призора. Отъ лѣстницы къ водѣ буквально не осталось камня на камнѣ, и лишь одинъ песчаный подъемъ свидѣтельствуеть о ея прежнемъ существованіи. Шары, цѣпи, рѣшетки и перила—все растащено, не пощажень и позолоченный крестъ, вѣнчавшій колонну; масса цоколя тоже увесена, и во многихъ мѣстахъ ограды образовались бреши. Изъ пяти сосенъ три совершенно засохли, четвертая срублена, и кто-то разводилъ на ея мѣстѣ костеръ. Осталась одна лишь сосна, свидѣтельница прошлаго, но и ей грозитъ та же участь. Не мѣшало бы принять мѣры къ охраненію отъ окончательнаго разрушенія, иначе памятникъ этотъ, связанный съ воспоминаніями дѣявій императора Петра I, вскорѣ совершенно исчезнетъ съ лица земли.

Замокъ Бирона. Самое замѣчательное зданіе въ Митавѣ дворецъ Бирона, посящій названіе, вовсе ему не соответствующее,—«замка». Въ громадномъ зданіи, выстроенномъ по плану архитектора Растрелли, нѣтъ ничего, напоминающаго замокъ. Такое названіе сохранилось за нимъ потому, что дворецъ выстроенъ на мѣстѣ прежняго замка, срытаго по приказанію Бирона, задумавшаго воздвигнуть другое, болѣе достойное его жилище... Во дворцѣ около 300 комнатъ; въ немъ могла бы помѣститься съ удобствомъ вся Митава (29.000 жителей). Теперь здѣсь находятся: губернскаго присутственныя мѣста, окружной судъ, живутъ губернаторъ, чиновники, и есть царскіе покои на случай пріѣзда высочайшихъ особъ. Глядя на эту громадину, затѣянную Бирономъ, можно сказать, что у него были аппетиты не малые. Начатое въ 1736 г., когда былъ во всей силѣ временщикъ, зданіе осталось неоконченнымъ, такъ какъ въ 1740 г. Биронъ былъ сосланъ въ Сибирь и, по возвращеніи, прожилъ въ замкѣ лишь двадцать дней. Въ митавскомъ замкѣ два раза жилъ (съ 1798 по 1800 и въ 1805 г.) герцогъ Прованскій, впоследствии французскій король Людовикъ XVIII; въ этомъ же дворцѣ жилъ и умеръ абатъ Эджевортъ, провожавшій на эшафотъ Людовика XVI. На выставкѣ въ Митавѣ въ 1886 г. находились карманные золотые часы Людовика XVI, подаренные имъ предъ казнью своему духовнику. Въ царскихъ покояхъ и другихъ комнатахъ замка нѣтъ ничего отъ времени Бирона, за исключеніемъ шелковыхъ обоевъ въ одной комнатѣ, вышитыхъ женою Бирона во время пребыванія ихъ въ Сибири. Рисунокъ изображаетъ охоту за кабанами. Но если въ замкѣ нѣтъ вещей Бирона, зато онъ самъ, создатель позорной эпохи въ русской исторіи, извѣстной подъ именемъ «бионовщины», покоится здѣсь въ одной изъ комнатъ нижняго этажа, называемой «склепомъ», но ничего похожаго на «склепъ» не представляющей. Обыкновенная комната, безъ креста надъ входною дверью, выкрашена бѣлой краской. Здѣсь прямо на полу стоитъ рядъ вычурныхъ металлическихъ гробницъ, внутри коихъ деревянные гробы съ трупами митавскихъ владѣтелей. Всѣ гробы занумерованы. Двѣ гробницы изъ красной мѣди, подъ №№ 21 и 22, первыя у входной двери, вмѣщаютъ останки Эрста Бирона († 1772) и его жены Бенигны-Готтлибы († 1782). Гробница Бирона до 1884 г. открывалась для посѣтителей; теперь «Бирона уже за деньги не показываютъ». Показываніе набальзамированнаго Бирона публикѣ было причиною распространеннаго въ народѣ повѣрья, что «Бирона земля не принимаетъ»... Пора не только запахать гробъ Бирона, но похоронить всѣхъ этихъ покойниковъ, хотя «эти муміи» ничего вреднаго въ гигиеническомъ отношеніи не представляютъ. Но мы живемъ не въ Египтѣ; митавскій дворецъ—не пирамида, муміи курляндскихъ герцоговъ—не фараоны. Почему общій законъ, обязательный для королей: «земля еси и въ землю отыдеши»,—не писанъ для Бироновъ? Подлѣ гробницы Бирона въ ногахъ стоитъ большая фарфоровая ваза. Здѣсь хранится сердце Бирона; это жестокое сердце много надѣлало зла нашей родинѣ. Предъ этою «урною»

вспоминаются всё ужасы «Ледяного дома» Лажечникова и въ оградѣ Сампсоніевской церкви, на Выборгской сторонѣ, въ Петербургѣ, могила бѣднаго Артемія Волынского... Имя Бирона произносится въ Россіи рядомъ съ Отрепьевымъ и Мазепой. Сосланный въ Ярославль Биронъ жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ одно время жила Марина Мидшекъ, жена самовванца. Вблизи этого историческаго дома, въ которомъ теперь помѣщается училище, стѣна о стѣну—старинная церковь, такъ называемая «Надѣинская», съ колокольнымъ звономъ, мѣшавшаго ему и его семьѣ спать, и ходатайствовалъ предъ властями, чтобы въ Надѣинской церкви воспрещенъ былъ звонъ... Преданіе не говоритъ, была ли уважена просьба Бирона, какъ въ послѣдствіи уважались многія фантазіи равныхъ нѣмецкихъ бароновъ, жившихъ въ Россіи...

Могила Пасхалова. Въ Казани скончался 28-го февраля 1885 г. Викторъ Никандровичъ Пасхаловъ. Безформенная груда кирпичей, покрытая плѣсенью, да деревянный крестъ съ листомъ бѣлой жести, въ которомъ значатся имя покойнаго и день смерти,—вотъ все, чѣмъ почтили память одного изъ выдающихся талантовъ его почитатели и ученики. А было время, когда на страницахъ мѣстной прессы раздавались похвалы покойному, какъ писателю, музыканту и человѣку, покончившему расчеты съ жизнью самоубійствомъ только потому, «что онъ никому не нуженъ и ему никто», какъ самъ онъ написалъ въ предсмертномъ своемъ стихотвореніи. И дѣйствительно, при жизни не сумѣли его оцѣнить, какъ человѣка, вводя въ пренебрежимый порокъ его болѣзненную слабость, которая развилась подъ вліяніемъ дурно-сложившихся жизненныхъ условій. Пасхаловъ принадлежалъ популярнымъ романсамъ: «Что моя нѣжная», «Дитяtko, милость Господня съ тобою», отрывки изъ неоконченной оперы «Первый винокуръ» и «Пѣсня о рубашкѣ», которую самъ В. Н. называлъ своею лебединою пѣсней. Она была написана имъ въ Парижѣ во время голодовки (нуждался онъ почти постоянно). Въ бесѣдахъ съ друзьями, В. Н. не разъ высказывалъ, что на памятникѣ поэта Томаса Гуда только и значится: «онъ спѣлъ пѣсню о рубашкѣ». «Я былъ бы счастливъ,—говорилъ покойный,—еслибъ зналъ, что на моемъ памятникѣ будетъ написано: «Онъ сочинилъ музыку на «пѣсню о рубашкѣ». Но девятый годъ идетъ со дня его смерти, а о памятникѣ и помину нѣтъ.

† 14-го іюля предсѣдатель департамента варшавской судебной палаты Алексѣй Алексѣевичъ Марковъ. Онъ родился въ 1847 г. и воспитывался въ училищѣ Правовѣдѣнія, откуда вышелъ въ числѣ первыхъ въ 1866 г., поступивъ на службу въ судебное вѣдомство. Назначенный товарищемъ прокурора петербургскаго окружнаго суда, въ 1876 г., онъ былъ прокуроромъ калишскаго окружнаго суда, откуда переведенъ на такую же должность въ Варшаву. Возвратясь въ 1881 г. въ Петербургъ товарищемъ прокурора судебной палаты, А. А. назначенъ товарищемъ обер-прокурора уголовного касационнаго департамента сената. А. А. считался однимъ изъ лучшихъ представителей нашей прокуратуры; какъ членъ петербургскаго юридическаго общества, онъ принималъ дѣятельное участіе въ его трудахъ и писалъ много статей въ юридическихъ журналахъ. Обладая выдающимися способностями къ рисованію, А. А. въ концѣ 60-хъ годовъ прошелъ полный курсъ въ академіи художествъ и до послѣдняго времени всё свои досуги отдавалъ живописи. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Вѣстникѣ Европы» изрѣдка появлялись его стихотворенія.

† 10-го іюля въ Царскомъ Селѣ, одна изъ газетныхъ труженицъ, Егения Васильевна Сироботова. Она болѣе десяти лѣтъ непрерывно занималась переводами и веда отдѣлъ «Внутренняя почта» въ газетѣ «Петербургскій Листокъ». Получивъ прекрасное образованіе и зная иностранные языки, Е. В. считалась одной изъ лучшихъ переводчицъ. Среди товарищей своихъ

она пользовалась всеобщей любовью и уваженіемъ. Скончалась Е. В. въ цвѣтущемъ возрастѣ: ей не было еще 33-хъ лѣтъ.

† 30-го іюня въ Киевской губерніи, 52-хъ лѣтъ, Иванъ Николаевичъ Ге, извѣстный драматическій писатель. Одна изъ его пьесъ «На новыхъ началахъ», получившая премію Вучины, была равоблачена и оказалась переводомъ пьесы: «Статья 47»; другая его пьеса «Сажородокъ» едва не породила процесса между умершимъ драматургомъ и писателемъ А. Н. Саловымъ, изъ романа котораго («Степь») покойный выкроилъ свою драму. Сюжетъ для драмы «Карьеристъ» И. Н. Ге ввѣлъ изъ процесса Ландсберга. Вообще Ге часто передѣлывалъ въ драмы сенсаціонные процессы, какъ «Осколки минувшаго», но далеко не всѣ его пьесы появлялись на сценѣ. Иванъ Николаевичъ актерствовалъ, режисерствовалъ и училъ драматическому искусству, имѣя курсы въ Одессѣ. Въ частной жизни онъ былъ замѣчательно добрый человѣкъ. Онъ приходился роднымъ братомъ художнику Н. Н. Ге. Фамилія Ге французская, но предки покойнаго получили званіе потомственныхъ дворянъ Россійской имперіи. Ив. Ник., по окончаніи гимназіи, поступилъ въ военную службу, въ одинъ изъ армейскихъ кавалерійскихъ полковъ и дослужился до чина ротмистра, затѣмъ вышелъ въ отставку и поселился на югѣ Россіи, гдѣ владѣлъ небольшимъ клочкомъ земли въ Херсонской губерніи и занимался сельскимъ хозяйствомъ, но въ одинъ день все его движимое имущество сгорѣло, и онъ изъ деревни переселился въ Одессу, гдѣ занимался экспортомъ хлѣба за границу. Въ началѣ 70-хъ годовъ И. Н. посвятилъ себя литературѣ; онъ работалъ во многихъ журналахъ и газетахъ, писалъ повѣсти, рассказы, драмы, комедіи, водевили; въ газетѣ «Голосъ» писалъ театральныя рецензіи. Въ московскихъ изданіяхъ покойный участвовалъ въ журналѣ «Артистъ», въ газетахъ: «Русскія Вѣдомости», «Новости дня», и въ «Московской Газетѣ».

† Амфилохій, епископъ углицкій, викарій Ярославской епархіи. Онъ принадлежалъ къ немногочисленнымъ выдающимся своими учеными заслугами палеографамъ. Трудно перечислить всѣ его научныя работы, часть которыхъ напечатана въ немногихъ оттискахъ, составляющихъ библиографическую рѣдкость. Эти труды представляютъ богатый вкладъ въ археологию, филологию и исторію литературы. Многие изъ нихъ премированы. Такъ, Амфилохію въ 1863 г. за сочиненіе «Исслѣдованіе Пандекта Антіоха XI вѣка» присуждена академіей наукъ Демидовская премія, въ 1877 г. за «Описаніе рукописей Воскресенской Новоіерусалимской бібліотеки»—малая Уваровская премія, въ 1880 г. за «Кондакарій XII—XIII вѣка»—малая Уваровская премія и въ 1883 г., за труды по греческой палеографіи, по изученію псалтыря и евангелія—Ломоносовская. Археологическое общество отличило научныя заслуги покойнаго большою серебряною медалью. Большая часть трудовъ Амфилохія посвящена покойному И. И. Срезневскому—«первому изъ моихъ поощрителей къ серьезному изученію нашихъ славянскихъ древностей», какъ говорить покойный. Научной дѣятельностью онъ занимался со школьной скамьи, но особенное развитіе получилъ со дня назначенія настоятелемъ Воскресенскаго монастыря, когда онъ предпринялъ составленіе описи рукописей замѣчательной монастырской бібліотеки и сталъ дѣлать извлеченія изъ замѣчательныхъ древнихъ рукописей, сравнивать тексты древнихъ памятниковъ, готовить палеографическіе снимки и дѣлать выписки изъ памятниковъ для пополненія словаря Востокова. Когда покойный поселился въ Москвѣ, его трудолюбивой дѣятельности открылась синодальная бібліотека съ цѣнными греческими и древне-славянскими памятниками. Кромѣ нѣсколькихъ вкладовъ въ греческую палеографію, Амфилохій внесъ массу труда для сравненія многочисленныхъ памятниковъ церковно-славянскихъ и греческихъ. Послѣднее время онъ издавалъ сочиненія Дмитрія Ростовскаго. По его настоянію былъ перевезенъ въ Угличъ изъ Сибири историческій ко-

локоль, съ которымъ связаны воспоминанія о смерти царевича Дмитрія Ивановича. Амфилохій, въ мѣрѣ Павелъ Ивановичъ Сергіевскій, родился въ 1818 г. въ селѣ Любичахъ (Кадужской губ.), гдѣ отецъ его былъ дьячкомъ. Въ 1844 г. кончилъ курсъ въ московской духовной академіи со степенью кандидата. За два года до выпуска принялъ монашество. Назначенный въ 1845 г. смотрителемъ суздальскихъ духовныхъ училищъ, онъ изучалъ до 1852 г. греческій языкъ, нотное пѣніе и географію. Съ 1856 по 1870 г. былъ настоятелемъ Воскресенскаго, съ 1870 г. по 1888 г. московскаго Даниловскаго монастыря.

† 14-го іюля въ Петербургѣ 50-ти лѣтъ Елена Григорьевна Головина, вдова переводчика шведскихъ поетовъ, поэта-финномана, умершаго два года назадъ. Рожденная Полянская, сестра издательницы «Моднаго Магазина» Софьи Григорьевны Мей, покойная была усердной сотрудницей этого журнала, дѣльнаго и полезнаго, погибшаго вмѣстѣ съ «Вазой» отъ конкуренціи дешевыхъ жидовскихъ изданій. Она писала также мелкія статьи безъ подписи и подъ псевдонимами въ журналѣ Калиновскаго «Свѣточъ», подъ редакціей А. П. Милюкова, и въ «Иллюстраціи» В. Зотова. Она была больна уже нѣсколько лѣтъ и не выходила на улицу, не перенося холоднаго и сырого петербургскаго климата, но работала неутомимо надъ составленіемъ полной біографіи ея покойнаго мужа, съ перечисленіемъ всѣхъ его работъ.

† Въ Мецѣ профессоръ Петербургскаго университета Сергій Михайловичъ Георгіевскій, принадлежавшій къ числу извѣстныхъ русскихъ синологовъ. Онъ въ продолженіе послѣднихъ шести слишкомъ лѣтъ занималъ въ университетѣ кафедру китайской словесности. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата, С. М. поступилъ на службу въ костромское реальное училище преподавателемъ русскаго языка и исторіи, но эта служба не удовлетворяла желавшаго имѣть свободное время для изученія китайскаго языка, и Георгіевскій покинулъ службу, поступивъ въ Петербургскій университетъ на факультетъ восточныхъ языковъ. Здѣсь онъ кончилъ курсъ въ числѣ лучшихъ кандидатовъ. Отправившася на собственный счетъ путешествовать по Западной Европѣ, также въ Китай, Японію и Америку, онъ изучилъ памятники дальняго Востока и исторію китайско-манчжуро-монгольской литературы. Въ 1885 г. онъ блестяще защитилъ диссертацию «Первый періодъ китайской исторіи» на степень магистра китайской словесности; въ слѣдующемъ году былъ приглашенъ совѣтомъ университета въ качествѣ приватъ-доцента читать китайскую словесность и въ 1888 году закончилъ свой капитальный трудъ, изданный подъ заглавіемъ «Анализъ іероглифической письменности китайцевъ, какъ отражающей въ себѣ исторію жизни древне-китайскаго народа». Этотъ трудъ былъ избранъ имъ для блестящей защиты диссертации на степень доктора китайской словесности. Усиленные занятія растроили здоровье профессора Георгіевскаго, и онъ умеръ на 43 году. Покойный былъ сынъ священника Костромской губерніи.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Вопіющее убожество.

Въ коротенькомъ разсказѣ Н. О. Л—кова: «Двѣ рѣнины», помѣщенномъ въ июньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», повѣствуется, какъ одинъ изъ сельскихъ священниковъ Повѣнецкой Кореліи отъ Иванъ Вороновъ,

дождавшись осени, пошелъ по своему приходу собирать «осеньщину» ¹⁾ и, возвратившись со сборовъ, принесъ домой только двѣ рѣпы: въ этихъ двухъ рѣпахъ и выразилась вся осеньщина отца Ивана. Прочитавъ этотъ рассказъ, выносишь грустное, тяжелое впечатлѣніе. Этотъ рассказъ приводитъ мнѣ на память многое изъ видѣннаго и слышаннаго мною въ бытность мою въ Олонецкой Кореліи. Этими воспоминаніями я и хочу подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника». Случай, описанный въ упомянутомъ рассказѣ, не исключительный. Такихъ случаевъ въ Олонецкой Кореліи вообще и Повѣнецкой въ особенности наблюдаются масса, и они являютъ собою, можно сказать, заурядное, конечно, грустное явленіе, на которое, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не обращено должнаго вниманія.

Сельскій пастырь въ дикой, глухой, холодной и голодной Кореліи Олонецкаго края, исполняя свои высокія пастырскія обязанности въ средѣ полудикой, крайне неразвитой паствы, живущей въ многочисленныхъ, разбросанныхъ по болотамъ и лѣснымъ дебрямъ, въ значительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, погостахъ ²⁾, деревушкахъ и одинокихъ поселкахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ вести положительную борьбу за существованіе изъ-за куска хлѣба, и еще какого хлѣба!.. Хлѣба не чистаго, но содержащаго въ себѣ на $\frac{1}{2}$ и даже на $\frac{2}{3}$ постороннія примѣси... Для добыванія этого куска хлѣба сельскіе пастыри Кореліи должны сами нести трудъ крестьянина—корела: рубить лѣсъ, выжигать его, расчищать почву отъ камней, уваживать и пахать палины, ловить рыбу и т. д. Если сами корельскіе священники не будутъ нести крестьянскаго труда, то они и ихъ семьи умрутъ съ голоду, такъ какъ добротныя дѣянія бѣдныхъ полуголодныхъ корель не обезпечиваютъ жизни пастырей... Въ Олонецкой Кореліи сельскому священнику не мыслимо жить добротными даяніями паствы, которая такъ щедра во многихъ губерніяхъ Россіи и даютъ возможность сельскимъ священникамъ жить не только сытно и прилично ихъ званію, но даже роскошно. Священники Олонецкой и въ особенности Повѣнецкой Кореліи, за немногими исключеніями, живутъ впроголодь, жизнь ихъ почти не отличается отъ жизни труженика кореляка-крестьянина, жизнь эта полна вѣчнаго тяжелаго физическаго труда и всевозможныхъ лишеній.. Какъ ни тяжела жизнь корельскаго крестьянина, но жизнь корельскаго священника, этого свѣточа православія въ глухой, дикой и холодной сѣверной Кореліи, еще тяжелѣе... Корелякъ-крестьянинъ занятъ только добываніемъ средствъ, чтобы не умереть съ голоду, сельскій же священникъ Кореліи, помимо этого, несетъ еще и свои многотрудныя пастырскія обязанности. Исполненіе же послѣднихъ въ Олонецкой Кореліи несравненно тяжелѣе, чѣмъ въ сельскихъ приходахъ другихъ губерній Россіи, и именно потому, что паствы корельскихъ священниковъ обыкновенно не сконцентрированы въ одномъ пунктѣ, но разбросаны на цѣлыя десятки и даже сотни верстъ, пути же сообщенія въ Кореліи убійственны. По этимъ путямъ можно идти пѣшкомъ, ѣхать шагомъ вер-

¹⁾ Осенью, когда собираются съ полей и огородовъ хлѣбъ и овощи, сельское духовенство ходитъ по своимъ приходамъ для сбора съ своей паствы добротныхъ даяній хлѣбнымъ зерномъ, огородными овощами и т. п. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи эти даянія щедры, въ другихъ болѣе скудны, а въ иныхъ, какъ, напримѣръ, въ Олонецкой Кореліи, болѣе чѣмъ нищенскія. Авт.

²⁾ Погостами въ Олонецкой губерніи называются селенія, въ которыхъ имѣется храмъ и живетъ церковный причтъ.

хомъ, плыть на лодкѣ; во многіе поселки и деревушки, окруженные непроходимыми трясухими болотами, возможно добраться только въ зимнее время, и то на лыжахъ. Кто видѣлъ бытъ корельскаго священника, кто вникалъ серьезно въ тѣ страшныя тяготы, которыя онъ несетъ, тотъ, конечно, невольно поражался смиреннымъ, но великимъ, въ сущности, героизмомъ корельскихъ пастырей, тихо, безъ ропота, исполняющихъ свою многотрудную святую миссію...

Бѣдственная жизнь корельскаго сельскаго духовенства, повторяю, разительна. Она такъ сложилась давно, и въ настоящее время все такая же сѣренькая, бѣдственная, гнетущая, голодная жизнь...

Обстановка домашней жизни корельскаго священника по большей части почти не отличается отъ жизни кореляка-крестьянина. Корельскій священникъ по внѣшнему виду, когда онъ находится не при исполненіи священнхъ требъ, не отличается очень часто отъ крестьянина: онъ одѣтъ по крестьянски, ибо такъ работать: рубить лѣсъ, унаваживать и пахать бесплодную почву, ловить рыбу въ озерахъ, гораздо сподручнѣе, чѣмъ въ рясѣ; къ тому же рясѣ, зачастую единственную, необходимо поберечь для богослуженія и требъ. Чай, сахаръ, кофе, бѣлый хлѣбъ, даже чистый, безъ постороннихъ примѣсей, ржаной хлѣбъ, даже соль, молоко, масло, творогъ, для корельскаго священника и его семьи во многомъ числѣ случаевъ являются роскошью, обыденная же пища корельскаго священника и его семьи—это рѣдка, рѣпа, рыба (и то не всегда) да корельскій хлѣбъ, приготовляемый изъ ржаной муки, на половину и даже болѣе подмѣшанной лебедою и сосновою корою. Благодаря вопіющей бѣдности и, слѣдовательно, неимѣнію средствъ для покупки даже соли, корельскія священническія семьи очень часто лишены возможности заготовлять въ прокъ путемъ соленья тѣ продукты, которые даетъ скудная корельская природа, и если эти семьи заготовляютъ эти продукты (грибы, рыбу) при избыткѣ ихъ, то только засушивая ихъ (грибы, рыбу) или вывяливая (рыбу). Проводя жизнь, полную матеріальныхъ лишений, не выѣзжая цѣлыя годы, за дальностью разстояній, въ города изъ дикихъ, угрюмыхъ раіоновъ своихъ приходовъ, вращаясь среди полудикаго, невѣжественнаго, хотя и добраго корельскаго народа, будучи вѣчно заняты трудами, тягостными развѣздами для исполненія требъ и тяжелымъ трудомъ для добыванія куска насущнаго хлѣба, корельскіе священники лишены нерѣдко возможности заняться, улучивъ свободное время, чтеніемъ. Къ тому же для выписки книгъ, журналовъ, газетъ нужны деньги, а ихъ-то у священниковъ Корелии не хватаетъ даже зачастую на соль. Принявъ все это во вниманіе, можете себѣ представить, какую жизнь ведутъ корельскіе священники и ихъ семьи!.. Это не жизнь, — это печальное, гнетущее и духъ и тѣло прозябаніе... И поистинѣ нужно удивляться, какъ при такой жизни не глхнутъ у корельскихъ священниковъ духовныя силы, откуда у нихъ берутся эти силы для ихъ поистинѣ подвижнической страдальческой жизни?! А между тѣмъ корельскимъ священникамъ необходима мощь духа и обезпеченная матеріальная жизнь, ибо корельскому священнику нужно бороться съ страшнымъ невѣжествомъ, темнотою дикаго корельскаго народа, полного суевѣрій и языческихъ вѣрованій и усвоившаго до сихъ поръ только обрядовыя стороны православной религіи. Образчикомъ суевѣрныхъ языческихъ вѣрованій кореловъ можетъ служить слѣдующій обычай: въ храмовой праздникъ корелы идутъ въ церковь, и въ то время,

какъ въ храмѣ совершается литургія, корелы въ оградѣ церкви варятъ барана, котораго тутъ же и съѣдаютъ, бросая кости непременно чрезъ церковную ограду... Подобныхъ обычаевъ, суевѣрныхъ и чисто языческихъ вѣрованій и обрядовъ въ Корелии—бездѣла. Борются съ такими вѣрованіями и обычаями должны, конечно, прежде всего, священники; утверждать народъ въ истинной, очищенной отъ всего ложнаго, религіи—дѣло, конечно, священниковъ. Корельское сельское духовенство, на сколько позволяетъ возможность, борется съ народными суевѣріями и предрассудками.. Но борьба съ этими и дѣло укрѣпленія религиозныхъ началъ въ корельскомъ народѣ должны быть энергичны, энергичная же борьба возможна только при условіи, если сельскіе священники Корелии будутъ обезпечены болѣе или менѣе матеріально и избавлены отъ необходимости значительную часть своихъ силъ и времени употреблять на добываніе средствъ къ своему существованію. При такомъ условіи желательное дѣло утверженія корельскаго народа въ религіи и очищенія его отъ грубыхъ языческихъ вѣрованій пойдетъ успѣшно, тѣмъ болѣе, что этотъ хотя полудикій, неразвитый, но добрый народецъ чутокъ жъ дѣлу религіи, воспримчивъ и довѣрчивъ. Болѣе или менѣе энергичное воздѣйствіе въ православномъ отношеніи на корельскій народецъ тѣмъ болѣе необходимо, что Олонецкая губернія не свободна отъ раскола, и вліяніе мѣстныхъ расколуучителей, во вредъ православію въ Корелии, если не будетъ парализуемо, можетъ принести не желанные плоды...

Одновременно съ бѣдственнымъ матеріальнымъ положеніемъ духовенства въ Корелии обращаетъ на себя вниманіе бѣдственное состояніе Божіихъ храмовъ въ Корелии. Въ Олонецкой Корелии много замѣчательныхъ православныхъ храмовъ. Но эти храмы замѣчательны не богатствомъ украшеній иконостасовъ и образовъ золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями, не драгоценными церковными сосудами, не кованными серебряными ризами, не произведеніями даровитыхъ художниковъ, въ корельскихъ храмахъ всего этого нѣтъ, въ нихъ нѣтъ ни блеска, ни грандіозности, но, тѣмъ не менѣе, многіе изъ нихъ славны ветхою стариною, своею древнею архитектурою (напримѣръ, храмъ въ селѣ Кижяхъ, Петрозаводскаго уѣзда), древностью сохраняющихся въ ихъ ризницахъ и алтаряхъ предметовъ, имѣющихъ высокой интересъ для археологической науки. Корельскіе храмы замѣчательны не въ одномъ археологическомъ отношеніи,—они замѣчательны своею ветхостью, миниатюрностію, бѣдностію, отсутствіемъ украшеній изъ благородныхъ металловъ и драгоценныхъ камней, всѣ украшенія изъ дерева, образа стариннаго письма, ризницы многихъ храмовъ скудны, и священники совершаютъ богослуженіе въ полотняныхъ ризахъ, украшенныхъ лентами, крестами и цвѣтами изъ цвѣтнаго коленкора...

Корельскій добрый народецъ религиозенъ, не смотря на свои суевѣрія, онъ крѣпко приверженъ къ православію, къ храмамъ Божіимъ, онъ готовъ бы отдать для этихъ храмовъ много, но этого многого онъ не имѣетъ такъ какъ онъ бѣденъ.. Единственно, что корельскій народецъ даетъ на пользу храмовъ,—это свой физическій трудъ, необходимый для исправленій крышъ и стѣнъ въ обветшалыхъ деревянныхъ храмахъ, сооружаетъ деревянные часовни, водружаетъ многочисленные кресты при дорогахъ, лѣсныхъ тропахъ, колодцахъ, ручьяхъ, которыми такъ богата лѣсистая и многоводная Олонецкая Корелия.

Корельскій народецъ, не смотря на вкоренившіяся въ средѣ его многочисленныя грубыя суевѣрія и языческія вѣрованія, не смотря на то, что во многихъ поселкахъ и деревняхъ оны цѣлые года не видятъ священника и не имѣютъ возможности бывать въ храмахъ Божіихъ, крѣпко держится церкви, привержень къ ней. Къ сожалѣнію, дѣйствительно, что корелы въ иныхъ случаяхъ лишены возможности цѣлые годы видѣть храмъ Божій, присутствовать на божественной литургіи: какъ это ни невѣроятно, но это грустный фактъ. Происходитъ же это, разумѣется, не по винѣ корель, а по той простой причинѣ, что многіе корельскіе деревушки и поселки отстоятъ отъ погостовъ, т. е. селеній, въ которыхъ имѣется храмъ Божій и живетъ церковный причтъ,— на цѣлыя десятки и даже сотни верстъ, и что пройти или проѣхать это разстояніе по причинѣ топей, болотъ, не возможно ни въ какое другое время, кромѣ зимы, и то, по большей части, только на лыжахъ. Благодаря этому, въ Корелии нерѣдко наблюдаются слѣдующія явленія: люди умираютъ безъ напутствія священника, умершіе погребаются безъ священника, и обрядъ погребенія покойника совершается только спустя нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ, новорожденныхъ крестятъ только по достиженіи ими 12—14 лѣтнаго возраста, т. е. когда они бываютъ въ состояніи пробѣжать въ зимнее время на лыжахъ разстояніе, отдѣляющее ихъ деревушку или поселокъ отъ погоста.

А. Соборновъ.

— Теперь слушай хорошенько вотъ что,—продолжала она:— Долоресъ продолжаетъ свои отношенія съ Исидоро, хотя любить другаго, и я знаю, что по возвращеніи въ Мадридъ у нея назначено свиданіе съ нимъ въ домѣ Пепы Гонзалесъ. Ты будешь слѣдить за всѣмъ, что между ними происходитъ, и если тебѣ удастся заслужить ихъ довѣріе и передавать ихъ письма, то ты тотчасъ же скажешь мнѣ все это. Ты мнѣ окажешь этимъ большую услугу, въ которой не раскаешься.

— Но... но... право, я не знаю, сумѣю ли я...—произнесъ я въ сильномъ смущеніи.

— Это очень легко. Ты каждый вечеръ бываешь въ театрѣ. Постарайся быть предупредительнымъ съ герцогиней, послужи ей чѣмъ нибудь и дай понять Исидоро, что ты расположенъ къ нему и готовъ исполнять его порученія; тогда оба они выберутъ тебя своимъ повѣреннымъ. А разъ въ твоихъ рукахъ очутится любовное письмо, то ты принесешь его мнѣ, вотъ и все.

— Сеньора!—воскликнулъ я внѣ себя отъ удивленія.—То, что вы требуете отъ меня, очень трудно исполнить.

— Вотъ какъ! Мнѣ это нравится! А что же значать твои слова: «вы моя богиня, я обожаю васъ?». Да что съ тобой, наконецъ? Это далеко не все, чего я отъ тебя потребую. Дальше ты узнаешь объ остальномъ. Если ты не можешь повиноваться мнѣ въ такихъ пустякахъ, то какъ же ты хочешь, чтобъ я сдѣлала изъ тебя могущественнаго человѣка?

Я уже начиналъ думать послѣ этихъ словъ, что роль, данная мнѣ Амарантой, вовсе ужъ не такъ низка, какъ мнѣ сначала показалось; я попросилъ ее только дать мнѣ нѣкоторыя разъясненія по этому поводу, что она и исполнила съ удовольствіемъ. Въ сущности вѣдь я по собственной волѣ шелъ на все это, слѣдовательно, отступать теперь было бы неудобно и оставалось покоряться.

— Но развѣ вы не находите, сеньора,—спросилъ я ее:—что подобныя порученія могутъ унижить человѣка, котораго ждетъ въ будущемъ блестящее положеніе?

— Ты не понимаешь, что говоришь,—отвѣтила она, покачавъ головою.—Наоборотъ, то, чего я отъ тебя требую, научить тебя жизненному опыту. Шпіонство сдѣлаетъ тебя только болѣе ловкимъ и изворотливымъ. Подумаль ли ты о томъ, что невозможно достигнуть высокаго положенія, не принимая участія въ мелкихъ интригахъ и не изучая людей?

— Но, сеньора, это такая страшная школа.

— Но въ то же время очень полезная. Не говорилъ ли ты мнѣ, что ты очень честолюбивъ?

— Да, сеньора.

— Въ такомъ случаѣ, ты можешь попасть во дворецъ только той дорогой, какую я тебѣ указываю. Если ты хорошо исполнишь возложенное мною на тебя порученіе, то ты вернешься ко мнѣ, и я сдѣлаю тебя моимъ пажемъ. Я почти всегда живу во дворцѣ, и у тебя будетъ случай выказать себя. Паждъ вхождъ почти всюду; онъ долженъ быть любезенъ и съ фрейлинами, и съ придворными дамами, и съ камеристками, поэтому ему легко узнать много тайнъ. Паждъ, умѣющій наблюдать и молчать, немаловажное лицо при дворѣ, въ особенности если онъ обладаетъ привлекательной наружностью.

Эти доводы такъ смутили меня, что я не нашелся возразить. Она продолжала:

— Вѣдъ много людей, которыхъ ты видишь здѣсь, начали свою карьеру съ должности пажа. Пажемъ былъ маркиздъ Кабальеро, теперешній министръ юстиціи, и многіе другіе. Я постараюсь хлопотать тебѣ дворянскій паспортъ, чтобы ты могъ поступить въ число гвардейцевъ, состоящихъ при особѣ его величества. Паждъ можетъ за драпировкой подслушать интересный разговоръ, паждъ можетъ передавать важныя письма, паждъ можетъ отъ камеристки узнать серьезныя тайны, а придворный гвардеецъ можетъ сдѣлать гораздо больше, потому что онъ по положенію выше пажа. Изъ придворной жизни ты, конечно, извлечешь себѣ огромную пользу. Наши статсъ-дамы очень болтливы; подслушавъ разговоръ одной, ты можешь передать его другой, но въ той окраскѣ, какая тебѣ понравится. Король знаетъ только одинъ дворецъ, а ловкій придворный гвардеецъ знаетъ, кромѣ дворца, и городъ, и улицу; бывая всюду, онъ все видитъ, все слышитъ, все взвѣшиваетъ, и если это человекъ умный, то его вліяніе при дворѣ неограниченно.

— Сеньора!—воскликнулъ я.—Какъ все это далеко отъ того, что я представлялъ себѣ!

— Тебѣ, быть можетъ, все это покажется предосудительнымъ, но такъ ведется съ поконъ-вѣковъ, и всѣ къ этому привыкли,— отвѣтила съ улыбкой Амаранта.

— Ахъ, я долженъ признаться,—продолжалъ я,—что мое пыльное воображеніе рисовало мнѣ безумныя надежды, но виною этому, конечно, моя молодость. Я слышалъ такъ много толковъ о томъ, что въ жизни повезло далеко не умнымъ людямъ, что я сказалъ себѣ: «Вѣроятно, только глупые и счастливы на свѣтѣ». И въ то же время меня не покидала мысль, что если другіе могутъ добиться почестей и славы, то почему же я не могу это сдѣлать. Но я всегда мечталъ быть честнымъ министромъ, заботиться о благѣ народа. Мнѣ казалось, что если я полюблю какую нибудь придворную даму, то я затаю эту страсть въ глубинѣ моего сердца и готовъ буду верхомъ скакать отсюда въ Аранхуэсъ, чтобы привезти ей розу. Я мечталъ погубить враговъ короля и многое въ этомъ родѣ.

— О, эти времена прошли,—засмѣялась Амаранта.—Я вижу, что у тебя возвышенныя стремленія, но теперь они неумѣстны. Твоя щепетильность разсѣется, когда ты двѣ недѣли проживешь здѣсь. Кромѣ того, ты могъ бы сдѣлать много добра твоимъ близкимъ.

— Какимъ образомъ?

— О, очень легкимъ! Моя горничная на этой недѣлѣ устроила на выгодныхъ мѣстахъ двухъ канониковъ.

— Какъ?—спросилъ я съ необыкновеннымъ удивленіемъ.—Значить, слуги могутъ раздавать мѣста?

— Нѣтъ, глупенькій, ихъ раздаетъ министръ. Но какъ можетъ министръ не исполнить моей просьбы, и какъ я могу не исполнить просьбы горничной, которая меня такъ хорошо причесываетъ?

— Одинъ мой другъ вотъ уже четырнадцать лѣтъ ждетъ хоть какогонибудь жалкаго прихода и до сихъ поръ не можетъ дождаться,—сказалъ я.

— Скажи мнѣ его имя, и я докажу тебѣ, что ты и теперь уже вліятельный человекъ.

Я назвалъ Селестино дель-Мальваръ и объяснилъ, какого мѣста онъ добивается. Она записала и то и другое.

— Вотъ взгляни,—сказала она; показывая мнѣ цѣлую кучу писемъ.—Это все просьбы, которыя я должна исполнить. Вѣдь просители воображаютъ, что министры способны на чтонибудь дѣльное, а въ сущности они умѣютъ только брать жалованье. Они не болѣе какъ машины, или манекены, и для того, чтобъ заставить ихъ чтонибудь сдѣлать, надо умѣть управлять извѣстной, невидимой для публики пружиной.

— А развѣ *principe de la Raz* не могущественнѣе самого короля?

— Да, но не такъ могущественъ, какъ это воображаютъ. Всѣмъ тѣмъ, что Годой имѣеть, онъ обязанъ не своимъ личнымъ заслугамъ. Никогда не довѣрай наружному величію. Могущество Годоя держится на шелковыхъ вожжахъ, которыя легко могутъ перерѣзать ножницы женщины. Когда Говельяносъ хотѣлъ проникнуть во дворецъ, мы по всѣмъ угламъ напели такую искусную шелковую паутину, что онъ запутался и упалъ.

— Сеньора,—произнесъ я,—меня очень пугаетъ все высказанное вами, я боюсь споткнуться...

— Я знаю, что ты способенъ преодолѣть всѣ препятствія,—отвѣтила она мнѣ.—Упражняйся на томъ порученіи, которое я тебѣ дала; затѣмъ я дамъ новое. Ты постарайся войти въ милость къ другой статсъ-дамѣ; ты сдѣлаешь видъ, что тебѣ надоѣло служить у меня, поступишь къ ней, а я на твоемъ паспортѣ напишу, что увольняю тебя. Въ ея присутствіи ты будешь иногда дурно отзываться обо мнѣ, чтобъ отклонить всякія подозрѣнія, а

между тѣмъ будешь зорко слѣдить за всѣми ея поступками и обо всемъ доносить мнѣ, твоей настоящей госпожѣ и покровительницѣ.

Я не въ силахъ былъ долѣе выслушивать спокойно весь этотъ проектъ низкихъ интригъ, въ которыхъ, повидимому, такъ опытна была моя госпожа, чего я до сихъ поръ не могъ подозрѣвать. Какой-то тайный голосъ шепталъ мнѣ, что подобная служба отвратительна, унизительна. Кровь бросилась мнѣ въ лицо; я всталъ и дрожащимъ отъ волненія и негодованія голосомъ сказалъ графинѣ, что я положительно не считаю себя способнымъ на такія трудныя порученія. Она засмѣялась и сказала мнѣ:

— Сегодня вечеромъ, хотя ужъ и довольно поздно, въ этой комнатѣ произойдетъ свиданіе двухъ лицъ, недавно поссорившихся между собою, и которыхъ я хочу примирить. Они будутъ говорить наединѣ, и поэтому ты спрячешься за драпировку, отдѣляющую мой альковъ, и все подслушаешь, чтобы потомъ передать мнѣ.

— Сеньора,—сказалъ я:—у меня страшно разболѣлась голова, и я былъ бы вамъ очень признателенъ, еслибъ вы позволили мнѣ удалиться въ мою комнату.

— Нѣтъ,—отвѣтила она, взглянувъ на часы:—потому что мнѣ сейчасъ надо пойти по дѣлу, и ты долженъ ждать здѣсь. Я скоро вернусь.

Сказавъ это, она позвала свою горничную и велѣла ей принести мантилью; та принесла двѣ; онѣ обѣ одѣлись и торопливо ушли, оставивъ меня одного.

XVII.

Трудно описать мое тогдашнее состояніе. Внутренній холодъ оковалъ мои члены. Идеальный образъ Амаранты, такъ глубоко овладѣвшій моимъ воображеніемъ, началъ тускнѣть и блѣднѣть. Амаранта не только коварная интриганка, но это сама ходячая интрига, это какой-то злой геній дворца, это тотъ инструментъ или механизмъ, которымъ можно завести и министровъ, и королей, и войска, и народъ. И это при всей ея красотѣ! А она неоспоримо хороша, обворожительна, восхитительна!

При этой мысли что-то кольнуло меня въ сердце. Мнѣ больно было разочаровываться. Но именно эта красота теперь и пугала меня.

— Ни одного дня больше не останусь я здѣсь; меня душитъ эта атмосфера, и пугаютъ эти люди!—воскликнулъ я громко и сталъ въ волненія ходить по комнатѣ.

Въ эту минуту изъ-за дверей до моего слуха долетѣлъ шелестъ платья и шепотъ женскихъ голосовъ. Я подумалъ, что это вернулась моя госпожа. Дверь отворилась, и въ комнату вошла сеньора, но это не была Амаранта.

Эта женщина съ умнымъ и оживленнымъ лицомъ подошла ко мнѣ и съ удивленіемъ спросила:

— А Амаранта?

— Ея нѣтъ,—рѣзко отвѣтилъ я.

— Развѣ она не скоро вернется?—спросила она съ недоумѣніемъ, такъ какъ, очевидно, ожидала застать здѣсь мою госпожу.

— Этого я не могу вамъ сказать, хотя кажется... да теперь я припоминаю, она скоро вернется,—отвѣтилъ я въ крайне дурномъ расположеніи духа.

Сеньора сѣла, не говоря ни слова. Я также сѣлъ и опустил голову на руки. Моя нелюбезность не должна показаться странной читателю, потому что въ ту минуту я глубоко ненавидѣлъ всѣхъ придворныхъ и твердо рѣшился уйти отъ Амаранты.

Сеньора, дожидавъ нѣсколько времени, горделиво спросила меня:

— Ты знаешь, гдѣ Амаранта?

— Я уже сказалъ, что нѣтъ,—отвѣтилъ я съ необыкновенной развязностью.—Съ какой стати буду я вмѣшиваться въ то, что меня не касается?

— Ступай и найди ее,—сказала она, менѣе удивленная моимъ поведеніемъ, чѣмъ я этого ожидалъ.

— Я вовсе не желаю никого отыскивать. У меня только одно желаніе—уйти домой.

Я просто не помнилъ себя отъ негодованія и гнѣва, этимъ только и можно объяснить мои рѣзкіе отвѣты.

— Развѣ ты не слуга Амаранты?

— И да, и нѣтъ... потому что...

— Она обыкновенно не выходитъ въ эти часы. Найди ее и попроси немедленно прійти сюда,—съ безпокойствомъ произнесла она.

— Я уже сказалъ, что я не хочу идти и не пойду, потому что я не слуга графини,—отвѣтилъ я ей.—Я отправляюсь домой, въ Мадридъ. Вамъ надо поговорить съ моей госпожей? Ну, такъ поищите ее во дворцѣ. Вы думаете, я какойнибудь сыщикъ, что ли?

Сеньора, очевидно, была возмущена моей невѣжливостью. Она была такъ удивлена подобнымъ разговоромъ, что встала съ намѣреніемъ позвонить. Въ эту минуту я въ первый разъ взглянулъ на нее внимательно.

Она была скорѣе стара, чѣмъ молода; какъ я потомъ узналъ, ей было сорокъ восемь лѣтъ, но на видъ, благодаря изящной прическѣ и костюму, гораздо меньше. Средняго роста и худощавая, она имѣла величественную и въ то же время граціозную походку. Ея лицо не было особенно интересно, но оживлялось красивыми, быстрыми, черными глазами; углы рта уже опустились, какъ у

пожилыхъ женщинъ, но открывали два ряда бѣлыхъ, правильныхъ зубовъ. Красивѣе всего были бѣлыя, тонкія руки, удѣлѣвшія, какъ доказательство былой красоты. Въ одеждѣ не видно было особенной роскоши.

Какъ я уже сказалъ, она встала, чтобъ позвонить, но она не успѣла еще сдѣлать это, какъ дверь отворилась, и вошла моя госпожа. Гостыя радостно встрѣтила ее, и обо мнѣ вспомнили только для того, чтобъ выслать меня изъ комнаты. Я вышелъ въ слѣдующую комнату съ намѣреніемъ направиться въ мою, но шелестъ отодвигаемой мною драпировки напомнилъ мнѣ о приказаніи Амаранты подслушать разговоръ. Я остановился; тяжелая драпировка совсѣмъ закрыла меня, и я могъ слышать каждое слово.

Въ первую минуту мнѣ казалось недостойнымъ стоять здѣсь, и я хотѣлъ уйти, но любопытство пересилило. Въ человѣческой натурѣ есть такіе дурные инстинкты, съ которыми трудно бороться. Къ тому же я былъ такъ возбужденъ противъ моей госпожи, что я хотѣлъ раньше всего испробовать надъ ней самой тотъ способъ, который она рекомендовала мнѣ практиковать надъ другими.

— Вѣдь вы велѣли мнѣ подслушивать? Вотъ я и исполняю ваше приказаніе!—со злостью шепталъ я про себя, мысленно обращаясь къ моей госпожѣ.

Незнакомая мнѣ сенъора стала горько жаловаться на что-то, и мнѣ даже показалось, что она плакала. Затѣмъ, повысивъ голосъ, она произнесла:

— Но необходимо, чтобы Долоресъ не принимала въ этомъ никакого участія.

— Очень трудно будетъ избѣжать ея, потому что я убѣдилась, что это она передавала письма,—отвѣтила Амаранта.

— Но во всякомъ случаѣ этого необходимо избѣжать,—продолжала сенъора.—Долоресъ не должна ни въ чемъ фигурировать и не должна давать показаній. Я не рѣшаюсь сказать это Кабальеро, но ты могла бы тонко намекнуть ему.

— Долоресъ нашъ заклятый врагъ,—сказала Амаранта.—Весь этотъ процессъ принца былъ ей очень по душѣ, потому что она могла повредить намъ. На какую низость она способна! Она не задумается оклеветать свою благодѣтельницу и въ то же время очень хороша со мною, хотя и распускаетъ на мой счетъ ужасные слухи.

— Она болтаетъ о твоёмъ прошломъ. Ты сдѣлала большую ошибку, довѣривъ ей лѣтъ пятнадцать тому назадъ тайну, которой никто не зналъ.

— Это правда,—задумчиво произнесла Амаранта.

— Но нечего оторчаться, моя милая,—прибавила сенъора.—Намъ приписываютъ такую массу ошибокъ, и самыхъ ужасныхъ, что въ сравненіи съ ними наши дѣйствительныя ошибки просто ни-

чтожны, и мы должны успокоиваться этимъ сознаниемъ. Я опять повторю, что Долоресъ не должна фигурировать въ этомъ процессѣ. Предупреди Кабалъеро; завтра ее могутъ арестовать, и если ее будутъ допрашивать, то она можетъ показать противъ меня ужасныя вещи. Это меня просто приводитъ въ отчаяніе, я знаю ея коварство; она способна на многое дурное.

— Она знаетъ многія тайны, и даже, кажется, въ ея рукахъ имѣются нѣкоторыя компрометирующія письма.

— Да,—возбужденно отвѣтила сеньора.—Зачѣмъ ты напоминаешь мнѣ объ этомъ!

— Въ такомъ случаѣ, какъ мнѣ это ни непріятно, я скажу Кабалъеро, чтобъ онъ не впутывалъ ея въ процессъ. Она вчера вотъ въ этой самой комнатѣ хвалилась, что ея не арестуютъ.

— У насъ еще будетъ случай наказать ее... А пока пусть она будетъ свободна. Ахъ, какъ я наказана за мою непредусмотрительность! Какъ могла я довѣряться ей! Какъ я не разглядѣла подъ ея наружной любезностью ея коварства и непостоянства? Но она такъ охотно исполняла мое малѣйшее желаніе, что окончательно покорила мое сердце. Я помню, какъ разъ вечеромъ, пять лѣтъ тому назадъ, во время нашего кратковременнаго пребыванія въ Мадридѣ, мы втроемъ вышли изъ дворца. Впослѣдствіи я узнала, что она открыла одной личности, куда я хожу, и онъ видѣлъ меня тамъ... Мы ничего не подозрѣвали, мы не знали, что Долоресъ продала насъ. Мои глаза открылись гораздо позднѣе.

— Этотъ глупый и надменный Маньяра положительно свелъ ее съ ума,—сказала моя госпожа.

— Ахъ, ты не знаешь, вѣдь этотъ негодяй хвастался среди гвардейцевъ, что я влюблена въ него, но что онъ не отвѣчаетъ мнѣ на мое чувство? Какъ тебѣ это понравится? Я не только никогда не думала объ этомъ человѣкѣ, я, кажется, даже и не взглянула на него ни разу. Ахъ, Амаранта, ты еще молода и въ полномъ блескѣ красоты, пусть это тебѣ послужитъ урокомъ. За каждую ошибку, сдѣланную нами въ жизни, намъ оплачиваютъ тѣмъ, что приписываютъ намъ десятки ошибокъ, о которыхъ мы никогда и не помышляли. И мы не имѣемъ силъ бороться, потому что клевета всегда сильнѣе истины, особенно если она исходитъ изъ устъ нашихъ собственныхъ дѣтей.

По звукамъ ея дрожавшаго голоса мнѣ показалось, что она плакала. Послѣ непродолжительнаго молчанія Амаранта продолжала разговоръ:

— Этотъ глупый Маньяра, который можетъ говорить только о лошадяхъ да о боѣ быковъ, имѣлъ честь побѣдить сердце Долоресъ... Это онъ повліялъ на то, что она сдѣлалась сторонницей принца, и онъ при ея посредствѣ передавалъ тайную корреспонденцію.

— Но развѣ ты не говорила мнѣ, что Долоресъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Исидоро Маиквесъ?—съ живостью спросила незнакомая мнѣ сеньора.

— Да,—отвѣтила Амаранта,—но это была не любовь, а скорѣе увлеченіе, во время котораго Маньяра былъ ей попрежнему близокъ... Долоресъ просто для препровожденія времени играла съ Исидоро, а онъ сильно увлекся ей. Потѣшаться надъ бѣднымъ актеромъ доставляетъ ей большое удовольствіе.

— А не думаешь ли ты, что можно воспользоваться этой двойной игрой въ любовь?

— Да, конечно! Долоресъ и Исидоро видятся въ домѣ актрисы Гонзалесъ и въ театрѣ.

— Ты могла бы устроить такъ, чтобъ Маньяра ихъ открылъ, и такимъ образомъ...

— Нѣтъ, мой планъ еще лучше. Причемъ тутъ Маньяра? Я хочу добыть письмо Долоресъ къ тому или другому изъ ея возлюбленныхъ, чтобы передать его въ руки ея мужа, этого отсутствующаго сеньора, который не замедлитъ возстановить порядокъ въ своемъ домѣ.

— Несомнѣнно. Что же ты думаешь сдѣлать?

— А это смотря по обстоятельствамъ. Мы скоро вернемся въ Мадридъ, потому что въ домѣ маркизы назначенъ спектакль, на которомъ будетъ данъ Отелло. Долоресъ играетъ роль Дездемоны, а Исидоро ея мужа.

— Когда же назначенъ спектакль?

— Онъ отложенъ, потому что не находится желающаго играть одну неблагодарную роль, но я думаю, что этотъ актеръ найдется, и спектакль не замедлитъ состояться. Герцогъ, мужъ Долоресъ, обѣщаль непременно присутствовать. Разъ всѣ эти личности будутъ вмѣстѣ, то это значительно облегчитъ мнѣ мой планъ наказать Долоресъ по заслугамъ.

— О, да! сдѣлай это ради Бога! Ея неблагодарность не достойна прощенія. Ты знаешь ли, вѣдь это она обвинила меня въ томъ, что я покушалась на жизнь Іовельяноса?

— Да, я это знала.

— Видишь, какое коварство! — воскликнула сеньора дрожащимъ отъ волненія голосомъ. — Правда, что я ненавижу этого педанта, позволившаго себѣ давать наставленія тому, кто въ нихъ вовсе не нуждался, но вѣдь его посадили въ крѣпость Бельвю, и помоему этого совершенно достаточно; мысль о преступленіи никогда даже не приходила мнѣ въ голову.

— А Долоресъ такъ упорно настаивала на отравѣ, что всѣ этому вѣрили,—сказала Амаранта.—Ахъ, сеньора надо строго наказать эту женщину!

— Да, но не впутывая ея въ процессъ, такъ какъ это повредило бы мнѣ. Мануэль Годой предупредилъ меня сегодня вечеромъ объ этомъ, и необходимо сдѣлать такъ, какъ онъ говорить. Съ своей стороны Мануэль старается вредить ей, чѣмъ можетъ. Какъ только онъ узналъ о клеветахъ, распускаемыхъ ею на мой счетъ, онъ тотчасъ же отставилъ отъ должностей всѣхъ лицъ, рекомендованныхъ ею. Это выраженіе преданности съ его стороны меня тронуло.

— Недурно было бы, еслибъ и Маньяра почувствовалъ на себѣ желѣзную руку генералиссимуса.

— О, да! Мануэль обѣщалъ мнѣ найти случай, чтобы заставить его выйти изъ полка, какъ тѣхъ двухъ гвардейцевъ, которые узнали насъ, когда мы съ нимъ гуляли въ окрестностяхъ Сантъ-Яго. О, Мануэль неумолимъ! Съ тѣхъ поръ, какъ мы помирились при твоёмъ посредничествѣ, его нѣжность ко мнѣ безгранична. Нѣтъ, не существуетъ другаго человѣка, который такъ хорошо понималъ бы мой характеръ, какъ онъ; и, кромѣ того, онъ умѣетъ удивительно цѣнить людей и не податливъ на просьбы. Теперь какъ разъ мы ссоримся съ нимъ, потому что онъ не хочетъ дать мнѣ митру.

— Это по рекомендаціи капелана?

— Нѣтъ, это для дяди Грегорили, молочной сестры маленькаго ¹⁾. Видишь ли, она вбила себѣ въ голову, что ея дядя долженъ во что бы то ни стало сдѣлаться епископомъ, и я не вижу причинъ, почему бы ему и не быть имъ.

— А сеньоръ Годой не хочетъ?

— Да; онъ говорить, что дядя Грегорили былъ контрабандистомъ и что онъ человѣкъ необразованный. Конечно, онъ отчасти правъ, потому что мой кандидатъ вовсе не подготовленъ къ духовной карьерѣ, но, милая, развѣ мы не видимъ примѣровъ? Мой кузень ²⁾ не имѣетъ никакого понятія о латинскомъ языкѣ, а вѣдь его же сдѣлали кардиналомъ?

— Но эту должность ему можетъ дать Кабальеро, — сказала Амаранта. — Развѣ онъ отказывается?

— Кабальеро, нѣтъ, — засмѣялась сеньора: — ты вѣдь знаешь, что онъ дѣлаетъ только то, что мы ему прикажемъ, и готовъ утвердить членомъ государственнаго совѣта какого нибудь тореадора. Онъ прекрасный человѣкъ и очень послушный министръ.

— Въ такомъ случаѣ онъ именно и могъ бы дать митру дядѣ Грегорили.

— Нѣтъ, Мануэль не хочетъ этого. Но я нашла способъ заставить его сдаться. И знаешь — какой? На этихъ дняхъ въ Фонтенебло

¹⁾ Дона Франциско де Паула.

²⁾ Кардиналъ инфантъ донъ Луисъ Бурбонъ, впоследствии архіепископъ толедскій.

рѣшится тайный договоръ съ Наполеономъ. По этому договору Мануэль будетъ королемъ Альгарбскихъ провинцій, но мы еще не утвердили этого раздѣла Португаліи, и я сказала ему: «Если ты не сдѣлаешь епископомъ дядю Грегорилю, то ты не будешь королемъ Альгарбы». Онъ много смѣялся надъ этимъ ультиматумомъ, но въ концѣ концовъ ты увидишь, что онъ мнѣ уступитъ.

— О, тогда онъ сдѣлаетъ и еще больше! Но развѣ онъ не знаетъ, что партія принца съ каждымъ днемъ становится все сильнѣе и сильнѣе?

— Ахъ, Мануэль очень огорченъ этими слухами,—грустно произнесла сеньора, — онъ говоритъ, что это не кончится добромъ, и предвидитъ что-то ужасное. Не разъ онъ признавался мнѣ: «Я сдѣлалъ много ошибокъ, и приближается время расплаты». Но какъ онъ добръ! Повѣришь ли, онъ оправдываетъ моего сына и говоритъ, что онъ просто жертва наглаго обмана окружающихъ его честолюбцевъ. Мое материнское сердце обливается кровью, но я не могу отрицать виновности моего сына и должна сознаться, что онъ поступаетъ недостойно.

— А сеньоръ Годой надѣется преодолѣть всѣ эти препятствія?—спросила Амаранта.

— Не знаю,—грустно отвѣтила ея собесѣдница.— Какъ я уже тебѣ сказала, Мануэль очень огорченъ всѣмъ этимъ. Онъ намѣренъ жестоко наказывать соучастниковъ заговора, но такъ какъ у принца есть заступники...

— Бонапартъ, конечно...

— Нѣтъ, мнѣ кажется, что Бонапартъ на нашей сторонѣ, не смотря на то, что онъ выдаетъ себя за друга принца. Мануэль меня успокоилъ на этотъ счетъ. Если Бонапартъ поссорится съ нами, то мы пошлемъ двадцать или тридцать тысячъ войска и выгонимъ его изъ Испаніи, какъ его выгнали изъ Рима. Это очень легко, и никто объ этомъ не думаетъ. Намъ огорчаетъ не это, а то, что происходитъ въ самой Испаніи. Мануэль передавалъ мнѣ, что всѣ очень любятъ принца, считаютъ его человѣкомъ способнымъ, въ то время какъ насъ, бѣднаго Карлоса и меня, ненавидятъ. Съ другой стороны это кажется неправдоподобнымъ: что такое сдѣлали мы достойное ненависти? Откровенно говоря, я рѣшилась долго не показываться въ Мадридѣ; ненавижу я этотъ городъ.

— Я не раздѣляю этого страха, — сказала Амаранта, — и надѣюсь, что послѣ примѣрнаго наказанія заговорщиковъ всѣ смуты прекратятся.

— Мануэль работаетъ, не жалѣя силъ, по крайней мѣрѣ, онъ признался мнѣ въ этомъ. Но надо дѣйствовать очень осторожно, чтобы избѣжать скандала. Поэтому-то Мануэль и пріѣзжалъ ко мнѣ сегодня вечеромъ и умолялъ, чтобы я при твоёмъ содѣйствіи удалила отъ процесса Долоресъ, потому что она обладаетъ важными

документами и можетъ дать опасныя для насъ показанія. Ты вѣдь знаешь, что она способна никого не пощадить. Какъ только Мануэль сказалъ мнѣ это, то я не успокоилась, пока не увидала тебя. Ни онъ, ни я не можемъ говорить объ этомъ съ Кабальеро; поговори ты, со свойственнымъ тебѣ тактомъ. Ахъ, да, я и забыла. Кабальеро желаетъ имѣть орденъ Золотаго Руна, ты, конечно, дашь ему его; этотъ человѣкъ, разумѣется, не стоитъ такой высокой награды, но, дѣлать нечего, придется дать ему ее взамѣнъ его вѣрности и преданности. Такъ ты сдѣлаешь, о чемъ я тебя пропущу?

— Да, сеньора; вы можете быть совершенно увѣрены.

— Въ такомъ случаѣ я уйду спокойно. И на этотъ разъ, какъ всегда, довѣряю тебѣ,—сказала сеньора, вставая.

— Долоресъ не будетъ замѣшана въ процессѣ, но она не избѣжитъ наказанія по заслугамъ.

— Такъ прощай, дорогая Амаранта,—прибавила сеньора, цѣлуя мою госпожу.—Благодаря тебѣ, эту ночь я буду спать спокойно. При всемъ моемъ горѣ такъ пріятно сознавать, что имѣешь такого преданнаго друга, который готовъ облегчить страданья.

— До свиданья, сеньора.

— Уже очень поздно... Господи, какъ поздно!..

Онѣ обѣ направились къ двери, за которой незнакомую мнѣ сеньору ждали двѣ другія дамы. Она еще разъ поцѣловала мою госпожу и ушла. Оставшись одна, Амаранта вошла въ ту комнату, за драпировкой которой стоялъ я. Моей первой мыслью было бѣжать, но затѣмъ я рѣшилъ, что лучше этого не дѣлать. Когда она вошла и увидѣла меня, ея удивленью не было границъ.

— Какъ, Габріэль, ты здѣсь!—воскликнула она.

— Да, сеньора,—спокойно отвѣтилъ я.—Я приступилъ къ исполненію возложенныхъ вами на меня обязанностей...

— Какъ!—сказала она сердитымъ тономъ.—И ты осмѣлился?.. Ты слышалъ мой разговоръ съ королевой?..

— Да, сеньора,—отвѣтилъ я съ прежней невозмутимостью,—вы были правы, я обладаю тончайшимъ слухомъ. Не вы ли приказывали мнѣ внимательно подслушивать?

— Да!—сердилась она все больше и больше,—но не здѣсь... Понимаешь ты это? Вижу, что ты достаточно хитеръ, но такое ревностное исполненіе твоихъ обязанностей можетъ обойтись тебѣ довольно дорого.

— Сеньора, я только хотѣлъ начать какъ можно скорѣе мою службу вамъ,—самымъ невиннымъ тономъ сказалъ я.

— Хорошо,—произнесла она уже спокойнѣе.— Можешь идти. Но предупреждаю тебя, что если я умѣю щедро награждать за вѣрную службу мнѣ, то умѣю и наказывать измѣнниковъ. Больше я тебѣ ничего не скажу. Если ты будешь остороженъ, то не забудешь меня всю жизнь. Ступай.

XVIII.

Когда я проснулся на другой день, то первой моей мыслью было бѣжать изъ Эскуриала, и какъ можно скорѣе. Чтобы хорошенько все обдумать, я вышелъ въ корридоръ и сталъ ходить взадъ и впередъ.

Я вспомнилъ слова Амаранты, взвѣсилъ ихъ и остался очень доволенъ собою. Я мысленно рассуждалъ:

— Да, я человѣкъ честный, чувствующій отвращеніе ко всякому недостойному поступку, одна мысль о которомъ приводитъ меня въ бѣшенство. Несомнѣнно, я сдѣлаюсь выдающеюся личностью, потому что меня удовлетворяютъ только тѣ поступки, которые согласны съ голосомъ моей совѣсти. Пусть мнѣ аплодируютъ сотни глупцовъ, но если я собой не доволенъ, то ихъ одобреніе для меня ровно ничего не значить. Какое счастье, ложась вечеромъ въ кровать, сказать себѣ: «Сегодня ты не сдѣлалъ дурнаго ни противъ Бога, ни противъ людей».

И когда я такъ думалъ, мысль о моей Инезильѣ ни на минуту не покидала меня. Въ народѣ есть повѣрье, что прилетѣвшая бѣлая бабочка приноситъ съ собой непременно радостныя вѣсти, такъ и образъ Инезильи, вызванный моимъ воображеніемъ, приносилъ мнѣ успокоеніе и твердость духа.

Такъ размышлялъ я, когда я увидалъ, что на встрѣчу мнѣ идетъ въ полной формѣ Хуанъ де-Маньяра. Онъ знакомъ подозвалъ меня къ себѣ. Это уже не въ первый разъ, что онъ обращался ко мнѣ съ просьбой исполнить какую нибудь мелкую услугу.

— Габріэль,—сказалъ онъ мнѣ довѣрчивымъ тономъ и вынимая изъ кошелька золотую монету,—вотъ это для тебя, если ты исполнишь то, о чемъ я тебя попрошу.

— Сеньоръ,—отвѣтилъ я,—если честь моя отъ этого не пострадаетъ, то я готовъ...

— А, у тебя еще и честь есть?—насмѣшливо спросилъ онъ.

— Есть, внѣ всякаго сомнѣнія, сеньоръ офицеръ,—разсердился я:—и я желалъ бы доказать вамъ это.

— Тебѣ именно представляется случай доказать это, потому что—что же можетъ быть доблестнѣе, какъ оказать услугу кабальеро и сеньорѣ?

— Скажите же, чѣмъ я могу служить вамъ,—сказалъ я, нѣсколько смущенный яркимъ блескомъ золотой монеты.

— А вотъ чѣмъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, вынимая изъ кармана письмо:—передай эту записку сеньорѣ Долоресъ.

— Я не вижу въ этомъ ничего предосудительнаго,—произнесъ я, сообразивъ, что для меня, въ качествѣ слуги, нѣтъ ничего безчестнаго передать любовное письмо.—Позвольте мнѣ записку.

— Но имѣй въ виду,—прибавилъ онъ, отдавая мнѣ письмо,— что если ты дурно исполнишь мое порученіе, или если эта записка попадетъ въ чужія руки, то ты будешь помнить обо мнѣ всю жизнь, если только ты останешься въ живыхъ послѣ моей потасовки.

Сказавъ это, гвардеецъ сильно жаль мнѣ руку, какъ бы уже приступая къ обѣщанной экзекуціи. Я обѣщаль въ точности исполнить его приказаніе, и мы вышли на большой дворъ. Здѣсь я былъ удивленъ собравшеюся массою народа, среди котораго большинство было духовенство. Я замѣтилъ, что мой спутникъ поблѣднѣлъ, увидя эту толпу, и остановился у дверей, ведущихъ въ помѣщеніе придворныхъ гвардейцевъ. Мнѣ лично пугаться было нечего, и я, смѣло пройдя черезъ дворъ, поднялся по лѣстницѣ и направился къ комнатѣ сеньоры Долоресъ.

Я засталъ ее среди залы декламирующей:

«И, всетаки, ты страшенъ мнѣ, Отелло!
 «Ты гибеленъ, когда твои глаза
 «Такъ бѣгаютъ. Мнѣ нечего бояться:
 «Я за собой совѣмъ вины не знаю,
 «И все-жъ боюсь—я чувствую—боюсь».

Она разучивала свою роль. Когда я вошелъ, она перестала декламировать; я передалъ ей письмо изъ рукъ въ руки и подумалъ: «Кто могъ бы сказать, что съ такимъ ангельскимъ лицомъ ты способна на самые коварные, возмутительные поступки?».

Во время чтенія ея красивое лицо покрылось легкимъ румянцемъ, и улыбка озарила ея пунцовыя губы. Окончивъ, она нѣсколько смутила меня вопросомъ:

— Развѣ ты не служишь у Амаранты?

— Нѣтъ, сеньора,—отвѣтилъ я.—Со вчерашняго вечера я уже не служу у нея, и сегодня же возвращаюсь въ Мадридъ.

— Ахъ, въ такомъ случаѣ, прекрасно,—успокоившись, произнесла Долоресъ.

А я въ это время не переставалъ думать о томъ, какъ рада была бы Амаранта, еслибъ я имѣлъ низость передать ей это письмо. Какъ скоро представился мнѣ случай выказать себя передъ самимъ собою съ хорошей стороны! Долоресъ, желая унижить Амаранту, сказала:

— Амаранта слишкомъ много требуетъ отъ своихъ слугъ и слишкомъ жестока съ ними.

— О, нѣтъ, сеньора!—воскликнулъ я, снова выказывая себя съ рыцарской стороны по отношенію къ той, которая была добра ко мнѣ.—Сеньора графиня обращалась со мной очень хорошо, но я просто не хочу больше служить во дворцѣ.

— Такъ что ты отошелъ отъ Амаранты?

— Да, окончательно. Въ полдень я отправлюсь въ Мадридъ.

— А ты не хотѣлъ бы служить у меня?

— Я рѣшилъ заняться моимъ образованіемъ.

— Такъ что ты теперь свободенъ, ни отъ кого не зависишь и не вернешься больше къ твоей прежней госпожѣ?

— Я совсѣмъ отошелъ отъ графини и никогда не вернусь къ ней.

Второе было правдой, а первое нѣтъ.

Я сдѣлалъ низкій поклонъ, прощаясь съ герцогиней, но она остановила меня, сказавъ:

— Подожди, мнѣ надо отвѣтить на письмо, а такъ какъ ты теперь свободенъ и ни отъ кого не зависишь, то передашь отвѣтъ.

Эти слова дали мнѣ надежду увеличить мои капиталы новой золотой монетой, и я сталъ разсматривать узоры на потолокъ и картины. Она написала отвѣтъ и вручила мнѣ его.

Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, выйдя во дворъ, что сеньора де-Маньяра только что арестовали и увели куда-то два жандармскихъ солдата, незадолго до того служившихъ ему. Я задрожалъ, потому что боялся, что и со мной будетъ то же самое. Власти, желая выслужиться при дворѣ, старались арестовывать какъ можно большее количество лицъ.

Свойственное мнѣ любопытство чуть не погубило меня. Желая пронюхать, что такое творится, я протерся между жандармами, но тутъ одинъ сеньоръ съ длинными и тощими бакенбардами, всмотрѣвшись пристально въ мое лицо, сказалъ самымъ неприятнымъ голосомъ, какой я только слышалъ въ моей жини.

— Это тотъ самый слуга, которому арестованный вручилъ письмо незадолго до ареста.

Холодный потъ пробѣжалъ по моему тѣлу, когда я услышалъ эти слова. Я было бросился бѣжать со всѣхъ ногъ, но не успѣлъ я сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ желѣзная рука опустилась мнѣ на плечо. Никогда не забуду я этого отвратительнаго ощущенія, этихъ бакенбардъ и круглыхъ совиныхъ глазъ.

— Не торопитесь такъ, кабальерито, — сказалъ онъ мнѣ. — Вы здѣсь нужнѣе, чѣмъ гдѣ либо.

— Чѣмъ могу я быть вамъ полезенъ? — спросилъ я смѣло, сразу понявъ, что не слѣдуетъ выказывать страха.

— А это мы увидимъ, — отвѣтилъ онъ такимъ тономъ, что я только поручилъ себя Господу Богу.

Въ то время, какъ онъ въ полномъ смыслѣ слова «за шиворотъ» велъ меня въ отдѣльную комнату, я напрягалъ всѣ свои умственные силы, чтобы придумать, какъ мнѣ вывернуться изъ этого пренеприятнаго положенія. Съ быстротою молніи въ моей головѣ пронеслись эти мысли: «Габріэль (я всегда мысленно обращаюсь къ себѣ въ первомъ лицѣ звательнаго падежа), это — торжественная минута. Физической силой ты тутъ ничего не подѣлаешь. Если будешь пытаться бѣжать, то все испортишь. Помни, въ твоихъ

рукахъ честь одной сеньоры, которая Богъ знаетъ что написала въ этомъ письмѣ. Храбрись, Габріэль; не падай духомъ».

Къ счастью, Господь просвѣтилъ мои мысли въ ту минуту, когда этотъ ужасный сеньоръ сѣлъ на скамью и велѣлъ мнѣ отвѣчать на его вопросы. Тутъ я припомнилъ, что разъ видѣлъ этого человѣка униженно разговаривающимъ съ Амарантой, и это-то и помогло мнѣ.

— Такъ ты занимаешься передачей писемъ, негодяй,—сказалъ онъ, приготовляясь записывать мои показанія.—Посмотримъ, кому ты носилъ эти письма, и не былъ ли ты посредникомъ между арестованными и заговорщиками.

— Сеньоръ, — отвѣтилъ, я, набравшись храбрости, — вы меня не узнали и, вѣроятно, смѣшиваете съ тѣми, которые передаютъ письма арестованнымъ въ Noriciado¹⁾.

— Какъ!—радостно воскликнулъ онъ.—Ты увѣренъ въ томъ, что ты говоришь?

— Да, сеньоръ,—отвѣтилъ я, становясь все храбрѣе.—Еслибъ вы сію минуту вышли на маленькій дворъ, куда выходятъ окна больницы, то вы увидали бы, какъ изъ третьяго этажа на вѣткахъ спускаютъ письма.

— Что ты говоришь!

— То, что вы слышите, сеньоръ; и если вы желаете, то можете въ этомъ немедленно убѣдиться, потому что теперь какъ разъ назначенный часъ для переписки. Вы должны быть благодарны мнѣ за это извѣстіе, потому что, благодаря этому признанью, вы можете оказать большую услугу нашему дорогому королю.

— Но ты получилъ письмо отъ гвардейскаго офицера, и если прежде всего ты не отдашь его мнѣ, то я поступлю съ тобой по закону.

— Но развѣ милостивый сеньоръ не знаетъ, что я пажъ графини Амаранты, къ которой поступилъ недавно? Моя госпожа цѣнить меня, право, даже больше, чѣмъ я того стою. Тысячу разъ я слышалъ изъ ея устъ, что она не пощадитъ того, кто причинитъ мнѣ хоть малѣйшій вредъ.

Онъ пристально взглянулъ въ мое лицо и дѣйствительно припомнилъ, что видѣлъ меня вмѣстѣ съ графиней.

— Вѣдъ сеньору должно быть безъизвѣстнымъ,—продолжалъ я:—что графиня покровительствуетъ мнѣ и находитъ меня такимъ способнымъ, что обѣщаетъ вывести меня на хорошую дорогу. Я уже началъ учиться у патера Антолинесъ и затѣмъ поступлю въ пажескій корпусъ, потому что теперь открылось, что я хоть и бѣденъ, но сынъ благородныхъ родителей.

¹⁾ Отдѣленіе дворцовой тюрьмы.

Допрашивавшій меня сенъоръ задумался надъ моими словами, высказанными самымъ непринужденнымъ тономъ, а я продолжалъ:

— Я шель къ моей госпожѣ; она меня ждетъ и будетъ очень сердита, что меня задержали. Сенъора графиня нарочно посылаетъ меня ходить по корридорамъ и дворамъ дворца, чтобы подслушивать, что говорятъ приверженцы арестованныхъ, и затѣмъ записываетъ все въ большую книгу. Такимъ образомъ она открываетъ большія тайны, которыхъ безъ моей помощи она никогда не узнала бы. Напримѣръ, о письмахъ, спускаемыхъ изъ оконъ на вѣткахъ, никто еще не знаетъ, кромѣ меня, и вы должны быть благодарны, сенъоръ, что я сказалъ вамъ о томъ первому.

— Это правда,—сказалъ онъ,—что графиня покровительствуетъ тебѣ, потому что, какъ я помню, она о тебѣ упоминала, но я не могу допустить, чтобы она переписывалась съ офицеромъ.

— Меня самого удивило это,—продолжалъ я:—потому что моя госпожа не разъ говорила, что сенъоръ де-Маньяра первый достоинъ висѣлицы, но, видите ли, сенъоръ, въ этомъ письмѣ, которое я передалъ графинѣ, онъ, предчувствуя, что его скоро арестуютъ, писалъ ей, умоляя заступиться за него.

— Ахъ, сенъоръ де-Маньяра страшный хитрецъ!—воскликнулъ представитель обвинительной власти.—Онъ хотѣлъ ускользнуть изъ нашихъ рукъ и искать покровительства всемогущей при дворѣ сенъоры!

— Но онъ не ускользнулъ отъ вашихъ рукъ, милостивый сенъоръ, потому что моя госпожа съ презрѣньемъ разорвала письмо и послала меня передать ему на словахъ, что она ничего не можетъ для него сдѣлать.

— И ты за этимъ и шель?

— Именно. Я зналъ, что его просьба останется безъ послѣдствій, и ужасно радовался этому. Вѣдь эти негодяи хотѣли свергнуть съ престола нашего короля и покушались на жизнь королевы, такъ пусть и погибнуть всѣ на одной висѣлицѣ.

— Прекрасно,—сказалъ онъ, все еще не вполне довѣряя мнѣ.—Мы вмѣстѣ отправимся къ твоей госпожѣ, чтобы она подтвердила все, сказанное тобою.

— Хорошо, сенъоръ; только теперь графиня находится въ апартаментахъ *principe de la Paz*, котораго она проситъ опредѣлить меня въ пажескій корпусъ, и если сенъоръ отправится сейчасъ, то онъ пропуститъ время переписки арестованныхъ. Не лучше ли будетъ, если сенъоръ придетъ нѣсколько позднѣе, а я буду ждать его въ комнатѣ моей госпожи. Тѣмъ временемъ я предупрежу ее, и она встрѣтитъ васъ очень любезно, такъ какъ она васъ очень цѣнитъ и уважаетъ.

— Да? Развѣ она когда нибудь говорила обо мнѣ? — съ любопытствомъ спросилъ онъ.

— Когда нибудь! Да тысячу разъ, сеньоръ! Третьяго дня вечеромъ она больше двухъ часовъ говорила о васъ съ герцогомъ Годоемъ и маркизомъ Кабальеро.

— Серьезно? — спросилъ онъ, и широкая улыбка открыла его желтые зубы.—Что же она говорила?

— Что именно вамъ всѣ обязаны самыми важными открытіями въ этомъ заговорѣ и многое другое, чего я не рѣшусь сказать вамъ, сеньоръ...

— Говори, говори... Ты не глупый мальчикъ!

— Она разсыпалась въ похвалахъ вашему таланту и уму, сеньоръ, и затѣмъ прибавила, что не успокоится, пока васъ не судѣлаютъ прокуроромъ окружнаго суда.

— Она сказала это? О, я вижу, ты умный и скромный мальчикъ. Скажи же сеньорѣ графинѣ, что я черезъ нѣсколько минутъ приду сообщить ей важныя новости. Она увидитъ, какъ я ее цѣню и уважаю. А, сказать по правдѣ, я вѣдь думалъ, что ты несешь письмо отъ офицера къ герцогинѣ Долоресъ.

— Вотъ еще! Я никогда не хожу къ этой сеньорѣ, потому что она въ ссорѣ съ моей госпожею.

— А такъ какъ нынче арестуютъ и герцогиню,—продолжалъ онъ:—и ея мужа, потому что они оба замѣшаны...

— Какъ и сеньору Долоресъ арестуютъ! — не безъ удивленія воскликнулъ я.

— Да, я уже отдалъ приказаніе. Итакъ, юноша, ступай къ твоей госпожѣ и предупреди ее, что я скоро буду.

Мнѣ не нужно было повторять этого два раза; я вышелъ изъ комнаты внѣ себя отъ радости. Моимъ первымъ намѣреніемъ было бѣжать къ Долоресъ, не только для того, чтобы вернуть ей ея письмо, но и для того, чтобы предупредить ее объ опасности, грозящей ея свободѣ, но я тутъ же узналъ, что арестъ уже совершенъ. Необходимо было бѣжать изъ дворца, чтобы еще разъ не попасть въ руки этого ужаснаго сеньора, который послѣ разговора съ моей госпожей узнаеть, что я все навралъ. Я пробрался въ мою комнату, забралъ свое платье и, ни съ кѣмъ не простясь, вышелъ изъ дворца, съ твердымъ намѣреніемъ не останавливаться до самаго Мадрида.

По дорогѣ я зашелъ въ деревню, купилъ себѣ провизіи и пошелъ впередъ, поминутно оглядываясь, потому что мнѣ все казалось, что за мной гонятся. Только тогда, когда изъ моихъ глазъ окончательно скрылись куполы монастыря Эскуриала, я рѣшился свернуть съ дороги и подкрѣпить мои ослабѣвшія силы хлѣбомъ и виноградомъ. И долго еще я испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто на моемъ плечѣ лежитъ желѣзная рука представителя власти.

Во время отдыха я вспоминалъ все, что напуталъ во время допроса, и, право, совѣсть не упрекала меня. Я радовался моей наход-

чивости. Говорятъ, что въ критическую минуту жизни даже глупцы дѣлаются умными людьми.

Вскорѣ я встрѣтилъ пустой обозъ, возвращавшійся въ городъ; я уговорилъ, чтобъ извозчики за маленькую плату подвезли меня. Такимъ образомъ я къ вечеру былъ въ Мадридѣ.

XIX.

Такъ какъ было уже поздно, то я не рѣшился идти къ Инезильѣ и отправился въ домъ моей прежней госпожи Пепы Гонзалесъ. Она очень удивилась, увидя меня, и осыпала меня вопросами, не случилось ли чего съ сенъорой Амарантой. Она также очень заинтересовалась знаменитымъ заговоромъ, волновавшимъ весь Мадридъ.

Хоть я и очень усталъ, и мнѣ страшно хотѣлось спать, но я не удержался и разсказалъ ей о письмѣ и объ арестѣ герцогини. Донья Пепита была очень обрадована этимъ извѣстіемъ и просила меня показать ей письмо, но я отказался наотрѣзъ, увѣряя, что не успокоюсь, пока не передамъ его въ руки той, которая мнѣ его вручила. Она согласилась со мной и больше не настаивала. Затѣмъ я сказалъ ей, что оставилъ Амаранту потому, что хочу заняться моимъ образованіемъ, и пошелъ спать, радуясь въ душѣ, что завтра я увижу Инезилью.

Надо признаться, что я спалъ, какъ убитый, но проснулся на другое утро съ большимъ горемъ. Когда я сталъ одѣваться, то вспомнилъ о письмѣ Долоресъ, обшарилъ всѣ карманы, но письмо исчезло. Я перетрясъ всѣ мои платья, но ничего не нашелъ. Въ сильномъ безпокойствѣ, не попало ли это письмо въ чьи нибудь руки, я разсказалъ моей госпожѣ о случившемся и спросилъ, не подымала ли она его съ пола. Тогда донья Пепита громко разсмѣялась и съ необыкновенной наивностью сказала мнѣ:

— Я не подымала его, Габріэлильо, но вчера вечеромъ, когда ты заснулъ, я вошла на ципочкахъ въ твою комнату и вынула письмо изъ кармана твоей жакетки. Теперь оно у меня, я его прочла и ни за что на свѣтѣ не отдамъ его.

Это меня возмутило. Я сталъ просить ее вернуть мнѣ письмо, такъ какъ я долженъ его вручить доньѣ Долоресъ, и никто не имѣетъ права его читать, но она отвѣтила мнѣ, что я вовсе не долженъ возвращать его герцогинѣ, и что она не вернетъ мнѣ его, если бы ей даже дали столько золотыхъ, сколько буквъ въ письмѣ.

— И къ тому же въ немъ нѣтъ ничего особеннаго,— прибавила она.— Вотъ его содержаніе:

Она прочла мнѣ слѣдующее:

«Мой возлюбленный Хуанъ.

«Я прощаю тебѣ нанесенное мнѣ оскорбленіе, но если ты хочешь, чтобъ я искренно повѣрила въ твое раскаяніе, то приходи поужинать со мной сегодня вечеромъ, и я разсѣю въ прахъ твою неосновательную ревность. Вѣрь мнѣ, что я никогда не любила и не могу любить Исидоро, этого дикаря, посредственнаго актерешку, съ которымъ я и разговаривала-то всего одинъ разъ, и то для того, чтобъ позабавиться надъ его глупой страстью. Приходи же, если ты не хочешь разсердить твою

Долоресъ».

«P. S. Не бойся, что тебя арестуютъ. Перваго арестуютъ—короля».

Прочтя мнѣ письмо, Пепита бережно сложила его и спрятала на груди, еще разъ повторивъ, что ни за что на свѣтѣ не отдастъ мнѣ его. Всѣ мои мольбы были напрасны, и я вышелъ изъ дому очень разстроенный этимъ происшествіемъ, но въ надеждѣ, что моя Инезилья успокоитъ меня. Когда я подошелъ къ ея дому и взглянулъ на балконы, я подумалъ: «Какъ она далека отъ мысли, что я иду по тротуару! Она, вѣрно, сидитъ у окна, и ей стоитъ только высунуться немножко, чтобъ увидать меня, но она не увидитъ, пока я не войду въ комнату».

Наконецъ, я пришелъ, и какъ только отворилъ дверь, то тотчасъ же понялъ, что произошло что-то серьезное, потому что Инезилья не выбѣжала ко мнѣ навстрѣчу на мой громкій зовъ. Меня встрѣтилъ padre Челестино съ разстроеннымъ лицомъ.

— Дитя мое, ты приходишь къ намъ не въ добрый часъ,—сказалъ онъ мнѣ.—У насъ большое несчастіе. Моя сестра, бѣдная Хуана, умираетъ.

— А Инезилья?..

— Инезилья здорова; но ты подумай только, что станется съ нею черезъ нѣсколько дней! Она ни на минуту не отходитъ отъ матери, и если такъ еще продлится, то я боюсь, что и моя бѣдная племянница послѣдуетъ за Хуаной.

— Сколько разъ мы просили донью Хуану не работать такъ много!

— Что же будешь дѣлать, дитя мое!—сказалъ онъ.—Она содержала весь домъ, потому что, ты видишь, я до сихъ поръ не получилъ ни капеланства, ни прихода, ни школы, хотя я вполне увѣренъ, что получу на будущей недѣлѣ. Моя латинская поэма окончена, но ни одинъ издатель не беретъ ее напечатать. Ужъ не знаю, право, что съ нами будетъ, если умретъ сестра!

При этихъ словахъ лицо старика вытянулось въ гримасу; я понялъ, что, кромѣ горя, его мучаетъ еще и голодъ. Мнѣ стало его очень жаль. Въ то время у меня были деньги, и золотая монета

Маньяра лежала въ карманѣ. Я вынулъ ее и, подавая патеру, сказалъ:

— Padre Челестино, вѣдь вы на будущей недѣлѣ получите мѣсто, позвольте же мнѣ предложить вамъ въ долгъ.

— Мнѣ не нужно, не нужно,—сказалъ онъ со свойственной ему деликатностью:—береги для себя твои сбереженія, но если тебѣ хочется ѣсть, то купи что нибудь, и мы закусимъ съ тобою.

Я въ ту же минуту попросилъ сосѣдку купить мяса и разной провизіи, а самъ отправился искать Инезилью. Я нашелъ ее въ сосѣдней комнатѣ у постели крѣпко спящей матери.

— Инезилья, Инезилья, дорогая моя!—произнесъ я и, бросившись къ ней, сталъ ее цѣловать.

Но вмѣсто отвѣта Инезилья только указала мнѣ на больную, какъ бы умоляя не тревожить ея.

— Твоя мама выздоровѣетъ,—отвѣтилъ я ей шепотомъ.—Ахъ, Инезилья, какъ мнѣ хотѣлось тебя видѣть! Я пришелъ тебѣ сказать, что я глупецъ, а ты умнѣе самого Соломона.

Инезилья взглянула на меня съ такой спокойной улыбкой, какъ будто она прекрасно знала, что я приду къ ней съ такимъ признаньемъ. Я замѣтилъ, что она очень поблѣднѣла отъ бессонныхъ ночей и работы, но на сколько красивѣе Амаранты казалась она мнѣ! Все перемѣнилось, и я зналъ теперь, на чьей сторонѣ перевѣсъ.

— Видишь, Инезилья,—говорилъ я, цѣлуя ея руки:—всѣ твои предсказанія сбылись. Я раскаялся въ моихъ глупыхъ мечтахъ и разочаровался. Правду говорятъ, что молодежь безумна, но не всѣ же такъ умны, какъ ты, чтобы заранѣе предвидѣть.

— Такъ что мы не увидимъ тебя ни принцемъ, ни вице-королемъ?—пошутила она.

— Нѣтъ, милая, я не желаю возвращаться во дворецъ. Еслибъ ты знала, какъ онъ вблизи многое теряетъ! Чтобы добиться чего нибудь во дворцѣ, надо быть человѣкомъ низкимъ, льстивымъ, а я на это не способенъ. О, на сколько правъ твой дядюшка Челестино, когда говоритъ, что опытность это огонь, который освѣщая обжигаетъ! Я уже достатотно обжогся. Я тебѣ расскажу.

— И ты больше не вернешься туда?

— Нѣтъ, я останусь здѣсь, потому что у меня есть проектъ...

— Новый проектъ?

— Да, но онъ тебѣ понравится. Я поступлю въ ученье. Что тебѣ больше нравится—ювелирное мастерство, столярное или какое нибудь иное? Я выберу то, которое ты мнѣ укажешь, только ни за что на свѣтѣ не буду слугой.

— Это не дурно придумано.

— Да, но за этимъ проектомъ слѣдуетъ другой. Да-съ, моя милая, я хочу на васъ жениться!

Больная пошевелилась, и Инезилья, подойдя къ ней, не могла мнѣ отвѣтить на мое неожиданное предложеніе.

— Мнѣ семнадцать лѣтъ,—продолжалъ я шепотомъ:—а тебѣ пятнадцать, такъ что теперь намъ еще рано вступать въ бракъ. Я изучу какое нибудь ремесло, потомъ буду зарабатывать большія деньги, и ты будешь копить ихъ для нашей свадьбы. Ты увидишь, какъ это будетъ хорошо. Хочешь или нѣтъ?

— Габріэль,—отвѣтила она совсѣмъ тихо,—мы очень бѣдны. Если я останусь сиротою, то буду еще бѣднѣе. Дядѣ вѣрно никогда не дадутъ того, чего онъ ждетъ четырнадцать лѣтъ. Что же съ нами будетъ? Тебѣ еще прежде надо учиться, а потомъ ужъ зарабатывать, поэтому лучше не думать о такихъ глупостяхъ.

— Но, глупенькая, вѣдь черезъ четыре года я буду зарабатывать столько, что намъ всего и не прожить. А пока какъ нибудь устроимся. Для чего же нибудь Богъ далъ тебѣ эту умную головку. Теперь я понимаю, что безъ тебя я никуда не годенъ.

— А помнишь, какъ ты смѣялся надо мной, когда я говорила, что ты идешь по скользкому пути?

— Да, помню и стыжусь. Когда я уѣхалъ отсюда, мнѣ казалось, что я тебя вовсе не люблю: до такой степени эта сеньора затмила мой умъ своей красотою. Но нѣтъ, я любилъ тебя и люблю больше жизни, но только иногда словно какая-то паутина застилаетъ мнѣ глаза, и я перестаю понимать тебя. Я думалъ только о тебѣ одной, когда рѣшался бросить дворецъ.

Больная подозвала свою дочь, и нашъ разговоръ былъ прерванъ. Я вышелъ къ патеру Челестино и внутренно порадовался, видя, съ какимъ аппетитомъ онъ ѣстъ только что принесенныя покупки.

— Я недавно завтракалъ, Габріэль,—сказалъ онъ мнѣ:—но ѣмъ, чтобы доставить тебѣ удовольствіе...

За закуской я сталъ ему рассказывать о происшествіяхъ въ Эскуриалѣ, и поклонникъ Годоя сказалъ мнѣ:

— Какъ хорошо, что во время открыли заговоръ. Это такъ прискорбно, что подкапываются подъ могущество нашихъ дорогихъ королей и *principe de la Paz*, моего друга и земляка.

— Но общія симпатіи какъ здѣсь, такъ и въ Эскуриалѣ за принца Фердинанда, а Годоя всѣ обвиняютъ въ томъ, что онъ былъ подстрекателемъ принца въ этомъ дѣлѣ, чтобы погубить его.

— Ахъ, они негодяи!—гнѣвно воскликнулъ старикъ.—Что они понимаютъ во всемъ этомъ! Они дождутся, что я все расскажу *principe de la Paz*, когда отправлюсь благодарить его за приходъ, который, по словамъ секретаря, мнѣ дадутъ на будущей недѣлѣ. Ахъ, еслибъ ты зналъ каноника дона Хуана Эскоиквисъ, какъ я его знаю! Здѣсь всѣ его считаютъ чуть не ангеломъ, а на дѣлѣ это интриганъ, носящій сутану. Можетъ быть, это изъ-за него мнѣ и не даютъ такъ долго мѣста. Видишь ли, тридцать лѣтъ тому на-

задъ мы въ Сарагосѣ вмѣстѣ учились, намъ задано было сочиненіе на тему *Utrum helemosinam*, не помню, какъ дальше... Я написалъ гораздо лучше его, и вотъ онъ до сихъ поръ не можетъ мнѣ этого простить. Когда нибудь я расскажу тебѣ, Габріэль, какія подлости дѣлалъ онъ, чтобъ войти въ довѣріе къ своему ученику, принцу Фердинанду. О, я знаю, что этотъ заговоръ—дѣло его рукъ; онъ велъ переговоры съ французскимъ посланникомъ Богарне и обѣщаль отдать Наполеону половину Испаніи, если онъ сдѣлаеть королемъ нашего наслѣдника.

— А, однако, всѣ превозносятъ Хуана Эскоиквисъ и говорятъ чортъ знаетъ что о первомъ министрѣ.

— Зависть, милый мой, зависть, и только. Всѣ ждутъ отъ *principe de la Paz* мѣстъ, назначеній, пенсій, а такъ какъ онъ не можетъ удовлетворить всѣхъ, то вотъ и ропщутъ. А развѣ кто нибудь можетъ отрицать услуги, сдѣланныя Годоемъ странѣ? Онъ покровительствуетъ наукѣ, онъ учредилъ пажескій корпусъ и земледѣльческія школы, онъ запретилъ хоронить въ храмахъ, онъ заботится о процвѣтаніи промышленности, да всего и не перечтешь! Если теперь глупцы недовольны его нововведеніями, то впоследствии, конечно, они ихъ оцѣнятъ. Когда нибудь я тебѣ многое расскажу о немъ, и ты согласишься со мною. Я знаю, что еслибъ я высказывалъ вслухъ все это, то мадридяне были бы обо мнѣ самага ужаснаго мнѣнія, но, другъ мой, *super omnia veritas*.

— Поговоримъ о другомъ, *padre*,—сказалъ я.—Знаете ли, вѣдь я хлопоталъ, чтобъ вамъ дали приходъ?

— Ты? Ну, что ты можешь? Годой жадаеть услужить мнѣ, и онъ сдѣлаеть это безъ всякихъ рекомендацій. А сказать тебѣ откровенно, милый мой, вѣдь если умретъ Хуана, то намъ придется плохо, очень плохо.

— Но вѣдь у доньи Хуаны есть богатые родственники.

— Да, Мавро Реквехо и его сестра Реститута, богатые комерсанты въ улицѣ *Sal*. Но они оба страшно скупы. Они никогда ничего не сдѣлали для своихъ родныхъ; они не подарили бѣдной Инезильѣ ни разу ни одного платка изъ своего магазина.

— Какіе негодяи!

— Я узналъ этого Реквехо четырнадцать лѣтъ тому назадъ, когда въ первый разъ пріѣхалъ въ Мадридъ. Хуана въ то время ужъ овдовѣла, Инезилья была еще совсѣмъ крошка. Я отправился къ двоюродному брату Хуаны съ просьбою помочь сестрѣ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, а онъ мнѣ отвѣтилъ: «Я не могу ничего сдѣлать для нихъ, потому что Хуана отстранилась отъ всѣхъ родственниковъ, что же касается Инезильи, то я почти увѣренъ, что она не нашей крови. Мнѣ говорили, что это подкинутый ребенокъ, котораго Хуана воспитываетъ и выдаетъ за свою дочь». Конечно, это только предлогъ, чтобъ не давать ничего. Мнѣ такъ

и не удалось убѣдить этого варвара; съ тѣхъ поръ я его и не видѣлъ.

— Такъ что на его помощь нельзя рассчитывать?

— Никакимъ манеромъ.

Я призадумался надъ судьбою всѣхъ насъ троихъ. О, какъ желалъ я въ то время обладать всѣми сокровищами Креза, чтобы сложить ихъ у ногъ Инезилы! Уходя, я шепталъ:

— Ахъ, проклятыя, проклятыя деньги!..

XX.

Когда я входилъ въ квартиру Пепы Гонзалесъ, я услышалъ ея веселый голосъ, напѣвавшій какую-то шансонетку. Она вышла ко мнѣ навстрѣчу вся сіяющая и ликующая, какъ ребенокъ.

— Что случилось, сеньора?—спросилъ я.

— Я получила письмо отъ маркизы,—отвѣтила она:—завтра она пріѣзжаетъ въ Мадридъ, чтобы приготовить все для спектакля. Она поручила мнѣ режиссировать.

— Очень радъ. А что пишетъ она о сеньорѣ Долоресъ?

— Что ее взяли подъ арестъ, но освободили черезъ полчаса и Маньяра тоже; они оба свободны. Скоро они пріѣдутъ сюда, и мы будемъ играть «Отелло». Я буду режиссировать!

— Душевно радъ за васъ, сеньора.

— Но тутъ есть одна неприятность, Габріэль,—продолжала она.— Ты вѣдь знаешь, что никто изъ этихъ сеньоровъ не хочетъ играть роли Яго; всѣ находятъ ее неблагоприятной. Нашелся одинъ актеръ, который брался исполнить ее за тысячу реаловъ, но, представъ себѣ, онъ заболѣлъ воспаленіемъ въ легкихъ, и я не знаю, что дѣлать. Не можешь ли ты исполнить роль Яго?

— Я—играть на сценѣ!—въ ужасѣ воскликнулъ я.— Я вовсе не желаю быть актеромъ.

— Но вѣдь это только на одно представленіе, глупенькій! Многіе за счастье почли бы играть въ домѣ маркизы. Я буду режиссировать!

И она вновь отъ радости запѣла какую-то игривую пѣсенку.

— Такъ вотъ видишь,—продолжала актриса, обращаясь ко мнѣ:—ты разучишь эту роль; правда, ты молодъ для нея, но я тебя загримирую, наклею тебѣ усы и бороду, словомъ я буду тебѣ помогать. Не забудь также, что маркиза такъ огорчилась этой неудачей, что теперь уже предлагаетъ двѣ тысячи реаловъ за роль Яго. Актриса, играющая Эмилию, получить только тысячу. Такъ, что же, ты согласенъ, или нѣтъ?

Было бы слишкомъ глупо съ моей стороны отказаться отъ такихъ денегъ теперь, когда онѣ падали на меня, какъ манна съ

неба, и были такъ необходимы мнѣ, чтобы помочь Инезилѣ. Конечно, я чувствовалъ отвращеніе къ актерской дѣятельности, и, кромѣ того, мнѣ непріятно было вновь встрѣтиться съ людьми, съ которыми я желалъ бы не встрѣчаться никогда въ жизни. Признаюсь, что въ то же время меня слегка пріятно волновала мысль играть среди этого круга придворныхъ и въ домѣ, куда можетъ проникнуть не всякій смертный, но главнымъ образомъ, разумѣется, я польстился на презрѣнный металлъ.

— Само Провидѣніе посылаетъ мнѣ это богатство, — подумалъ я. — Вѣдь двѣ тысячи реаловъ это не какія нибудь десять дурро: это для меня цѣлое состояніе. Я былъ бы совѣтъ дуракомъ, еслибъ отказался отъ этихъ денегъ.

Я сейчасъ же побѣждалъ рассказать Инезилѣ о моей неожиданной удачѣ и обѣщалъ отдать ей все мое сокровище. Здѣсь я узналъ, что донѣ Хуанѣ все хуже и хуже. Выйдя на улицу, я увидалъ, что въ квартиру маркизы носятъ огромныя декораціи.

— Дня черезъ три-четыре назначено представленіе, — сказалъ мнѣ привратникъ.

Я дѣятельно принялся за изученіе моей роли. Самъ Исидоро Маиквесъ помогалъ мнѣ и заставлялъ меня по нѣскольку разъ повторять труднѣйшіе монологи. Тогда только я увидалъ воочию всю несдержанность и горячность характера знаменитаго актера. Когда я не могъ сразу затвердить какой нибудь фразы, онъ страшно кричалъ на меня, называлъ меня дуракомъ, идиотомъ, балбесомъ и другими еще болѣе звучными прозвищами. Я понялъ, какъ отлично должны были актеры королевскаго театра играть съ Маиквесомъ, но понялъ также и то, что они никогда не смѣли играть лучше его, потому что это также сердце его, какъ и дурная игра.

Черезъ два дня я уже зналъ мою роль, и на генеральной репетиціи, гдѣ участвовали всѣ, кромѣ Долоресъ, исполнилъ ее недурно. Наканунѣ спектакля донья Пепя сказала мнѣ, что Долоресъ вернулась изъ Эскуріала.

— Такъ что теперь всѣ въ сборѣ? — спросилъ я.

— Всѣ, — отвѣтила она въ радостномъ возбужденіи, — и я буду режиссировать!

Наконецъ, наступилъ давно ожидаемый день, и я съ ранняго утра бѣгалъ по городу за разными покупками для моей прежней госпожи. Ей понадобились и ленты, и помада, и духи, и перчатки, и шпильки, и многое множество самыхъ разнообразныхъ вещей. Я долженъ упомянуть, что донья Пепя въ трагедіи «Отелло» вовсе не играла, но она должна была въ одномъ изъ антрактовъ пѣть граціозныя куплеты и затѣмъ въ концѣ прочесть большое стихотвореніе. Бѣгая по городу за покупками, я твердилъ мою роль и, если забывалъ какой нибудь монологъ, то останавливался у воротъ перваго попавшагося дома, вынималъ изъ кармана тет-

радку и начиналъ громко читать, къ удивленію всѣхъ прохожихъ.

Какъ всецѣло ни былъ я погруженъ въ исполненіе данныхъ мнѣ порученій, я не могъ не замѣтить, что на улицахъ было необыкновенное оживленіе. Народъ собирался группами и о чемъ-то горячо толковалъ; кое-гдѣ читали вслухъ «Газету Мадрида». Войдя въ галантерейную лавочку доньи Амбровіи, я совершенно случайно засталъ тамъ патера Паниагва и доня Анатолію, хозяина магазина канцелярскихъ принадлежностей.

— Я ожидалъ этого коварства, — говорилъ онъ. — Какъ въ этомъ декретѣ видна рука выскочки!

— Да прочтите же намъ его, — сказала донья Амбровія, — хотя я увѣрена, что сенъоръ Годой сыгралъ съ нами новую штуку.

— Остается только предположить, — продолжалъ донъ Анатолію: — что они вошли въ тюрьму къ принцу и, приставивъ къ его груди пистолеть, принудили его подписать бумагу. Да, сенъоры, потому что нельзя допустить, чтобы такой благородный, такой достойный молодой человѣкъ, какъ сынъ нашего короля, унизились до того, что, какъ какой нибудь школьникъ, сталъ просить прощенья и выдалъ своихъ соучастниковъ.

— Да читайте же, донъ Анатолію, читайте!

Тогда донъ Анатолію, вытянувъ шею, сталъ читать тономъ педагога знаменитый декретъ 5-го ноября, который говоритъ:

«Голосъ природы опускаетъ руку мести, и когда неопытность проситъ милосердія, то въ немъ не можетъ отказать сыну любящій отецъ»...

Такъ начинался декретъ, въ которомъ объявлялось о раскаяніи принца-заговорщика, и печатались его два письма къ королю и королевѣ. Въ первомъ письмѣ принцъ Фердинандъ говорилъ такъ:

«Отецъ мой! Я измѣнилъ вашему величеству, какъ королю и отцу, но я раскаиваюсь и покорно склоняюсь къ стопамъ вашего величества. Я ничего не долженъ былъ предпринимать безъ вѣдома вашего величества, но я ослушался. Я выдалъ виновниковъ заговора и умоляю ваше величество простить мнѣ мою преднамѣренную ложь во время допроса и допустить пасть къ королевскимъ стопамъ вашего величества раскаившагося сына

«Фердинанда».

Второе письмо было слѣдующаго содержанія:

«Мать моя! Я раскаиваюсь въ преступленіи, замышлявшемся мною противъ моихъ родителей и королей, и униженно молю ваше величество походатайствовать о прощеніи мнѣ передъ отцомъ моимъ и позволить пасть къ его королевскимъ стопамъ раскаившемуся сыну

«Фердинанду».

По этимъ письмамъ принцъ Фердинандъ рисовался въ самомъ непривлекательномъ для него свѣтѣ. Эти выраженія «преднамѣренная ложь» и «я выдалъ виновниковъ заговора» звучали, какъ слова маленькаго шестилѣтняго мальчика, который просить прощенья у папы и мамы за то, что онъ стащилъ карамельку. Недовольные умы были въ то время такъ настроены, что во всемъ этомъ видѣли руку *principe de la Paz*. Кажется, еслибъ на морѣ разразилась страшная буря или землетрясеніе поколебало Пиринейскій полуостровъ, то и въ этомъ обвинили бы Годоя. Теперь всѣ думали, что первый министръ насильственно заставилъ наслѣдника сдѣлать эти признанія, и что онъ даже авторъ этихъ писемъ. Если этотъ декретъ былъ дѣйствительно дѣломъ двора, то цѣль не была достигнута, потому что народъ очень жалѣлъ арестованнаго принца и негодовалъ на его притѣснителей.

— Развѣ это не ясно?—сказалъ донъ Анатоліо, положивъ газету на прилавокъ.

— А мнѣ очень интересно было бы подслушать въ щелочку, что говорить объ этомъ Наполеонъ,—сказала донья Амброзія.

— Этого мы можемъ и не подслушивать,—возразилъ донъ-Анатоліо,—потому что всѣмъ ясно, что онъ хочетъ свергнуть стараго короля и отдать корону нашему дорогому принцу Фердинанду. Вотъ увидите, этого ужъ не долго ждать.

— Какой скандалъ!—застѣнчиво воскликнулъ патеръ Паніагва.—И это говорится громко, такъ громко, что это можетъ услышать какой нибудь сторонникъ стараго правленія!

— Вотъ еще!—возразилъ донъ-Анатоліо.—Тутъ нечего скрывать, *padre Паніагва*. Не пройдетъ и мѣсяца, какъ не останется ни выскочки, ни королей-родителей, ни скандаловъ, ни безчинствъ, ни всего того, о чемъ я стыжусь упоминать изъ уваженія къ націи.

— Ахъ, какъ вы хорошо говорите, сеньоръ донъ-Анатоліо!—сказала лавочница.—Дай Богъ, чтобъ только поскорѣе Наполеонъ устроилъ всѣ дѣла Испаніи.

Патеръ Паніагва поскорѣе ушелъ, чтобы не слушать такихъ ужасныхъ вещей; я вышелъ за нимъ, забравъ мои покупки, и комерсанты остались вдвоемъ рѣшать судьбу Испаніи.

Я не могъ удержаться, чтобъ не зайти на минутку къ моему приятелю Пакорро Чинитасъ, точившему ножи и ножницы.

— Здравствуйте, Чинитасъ!—сказалъ я.—Что за времена мы переживаемъ! Народъ очень взволнованъ.

— Да, нынче въ «Газетѣ Мадрида» напечатанъ какой-то декретъ. Я слышалъ, какъ читали въ сосѣдней лавочкѣ; всѣ кричать, что надо свергнуть выскочку во что бы то ни стало.

— И вы думаете, что это онъ все написалъ?

— Почему я знаю?—отвѣтилъ онъ, сдвинувъ брови.—Я только говорю, что всѣ они хороши! Говорятъ, что министръ самъ выду-

маль эти письма и заставилъ принца подписать. А зачѣмъ же онъ подписалъ? Что онъ маленькій ребенокъ, что ли? Вѣдь, слава Богу, ему двадцать три года. Человѣкъ въ двадцать три года долженъ понимать, что можно подписать, а что нельзя.

Я не могъ не согласиться съ доводами Чинитаса.

— Вотъ вы не умѣете ни читать ни писать,—сказаль я ему,— а мнѣ кажется, что вы умнѣе самого папы.

— Всѣ эти чиновники, монахи, патеры и лавочники оттого и возбуждены такъ, что воображаютъ, что Наполеонъ придетъ и отдастъ принцу корону. Какъ бы не такъ!

— А вы что думаете?

— Я думаю, что мы будемъ глупѣе дураковъ, если довѣримся Наполеону. Этотъ человѣкъ, покорившій чуть не всю Европу, конечно, точить зубы, какъ я мои ножницы, на красивѣйшую страну въ свѣтѣ—Испанію, тѣмъ болѣе, что наши принцы и короли ссорятся между собою, какъ деревенскіе парни. Наполеонъ думаетъ себѣ: «Мнѣ довольно и трехъ полковъ, чтобы завоевать такой народъ». Онъ уже послалъ въ Испанію двадцать тысячъ войска. Вотъ вспомнишь мои слова, Габріэлильо! Ты увидишь, чего мы дождемся. А такъ какъ намъ нечего ждать хорошаго отъ нашихъ королей, то мы должны быть ко всему готовы.

Какъ впоследствии оказалось, слова Чинитаса были вполне справедливы. Онъ одинъ сумѣлъ предвидѣть будущее.

XXI.

Вечеромъ въ домѣ маркизы все было готово къ предстоящему спектаклю. Когда я снесъ костюмы Пепы Гонзалесъ въ уборную, я спустился по черной лѣстницѣ къ Инезильѣ. Она была очень грустна, потому что донья Хуана совсѣмъ ослабѣвала. Я старался, какъ умѣлъ, успокоить Инезилью и ея дядю, но не могъ долго оставаться съ ними и огорченный вернулся въ квартиру маркизы.

Всѣ комнаты были декорированы съ необыкновенной роскошью и вкусомъ. Знаменитый декораторъ того времени Франциско Гойа, которому было поручено отдѣлать залы и сцену, положилъ на это не мало труда. Начиная съ передней, всѣ залы были обвиты гирляндами зелени, между которыми живописно были расположены лампы и люстры, придававшія всему какой-то фантастическій свѣтъ. По стѣнамъ висѣли дорогія картины старинныхъ мастеровъ. На огромномъ занавѣсѣ былъ изображенъ Аполлонъ съ лирой или гитарой въ рукахъ и вокругъ него девять музъ.

Нѣсколько комнатъ было превращено въ уборныя. Маиквесъ одѣвался въ отдѣльной, моя госпожа тоже, а всѣ остальные актеры театра и я въ ихъ числѣ въ одной общей уборной, гдѣ и муж-

чины и женщины одѣвались въ одно и то же время. Донья Долоресъ предназначена была спальня самой маркизы.

Я очень быстро превратился изъ веселаго Габріэлильо въ пасмурнаго Яго безсмертной трагедіи. Меня облекли въ какое-то странное платье одного изъ второстепенныхъ актеровъ. Еслибъ не наклеенная борода и усы, то меня можно было бы принять за опернаго пажа.

Пока одѣвались остальные, я вошелъ на сцену и сквозь щель занавѣса сталъ смотрѣть на толпу, наполнявшую зрительную залу. Прежде всего я увидѣлъ передъ собой Маньяра; онъ сидѣлъ въ первомъ ряду кресель около занавѣса. Затѣмъ я замѣтилъ, что мужчины и женщины обернулись къ главной входной двери, и многіе сторонились, чтобы дать дорогу вновь прибывшей личности, возбуждавшей шепотъ удивленія. Высокая, красивая женщина вошла въ залу и кивала направо и налево, отвѣчая на поклоны своихъ знакомыхъ. На ней было легкое бѣлое платье съ живыми розами на груди. Крупные брилліанты въ черныхъ волосахъ придавали еще болѣе блеска ея красотѣ. Нужно ли говорить, что это была Амаранта?

Когда я ее увидѣлъ, я замеръ отъ восторга. Я любовался ею, и всѣ непріятныя воспоминанія сразу были позабыты мною. Ея красота была до такой степени очаровательна, почти волшебна, ея взглядъ такъ повелителенъ, такъ благороденъ, что я невольно забылъ ту темную страницу ея характера, которую мнѣ недавно пришлось открыть. Я не сводилъ съ нея глазъ, я искалъ ея случайнаго взгляда, я ловилъ каждый поворотъ ея дивной головы, стараясь по движенію ея губъ догадаться о томъ, что она говоритъ; мнѣ хотѣлось проникнуть въ ея мысли, чтобы узнать, что она думаетъ. Скоро занавѣсъ подыметъ, скоро всѣ взоры будутъ устремлены на меня, и она будетъ судить о моей игрѣ. Мнѣ показалось, что это необыкновенное счастье играть при такой блестящей аудиторіи.

Оркестръ началъ играть увертюру. Сердце забилося во мнѣ съ новой силою. Сейчасъ начнется спектакль; суфлеръ уже сидѣлъ въ своей будкѣ; Исидоро вышелъ изъ своей уборной, Долоресъ также. Они были почти спокойны; взглянувъ на нихъ, я уже не чувствовалъ страха. Прошло еще нѣсколько минутъ, и занавѣсъ взвился.

Трагедія Шекспира «Отелло или венеціанской мавръ» была переведена съ англійскаго довольно плохо; всѣ дѣйствія были упрощены, сцена съ платкомъ совсѣмъ выпущена, и на ея мѣсто поставлена другая съ письмомъ и діадемой, которыя Родриго проситъ Яго передать Дездемонѣ, но тотъ передаетъ своему другу Отелло, съ цѣлью оклеветать его жену. Второй и третій акты были соединены въ одинъ, равно какъ третій и четвертый, такъ что трагедія вмѣсто пяти имѣла только три акта.

Во время перваго антракта я засталъ Исидоро и Долоресъ горячо разговаривающими въ коридорѣ. Хотя они и говорили почти шепотомъ, но мнѣ показалось, что актеръ въ чемъ-то упрекалъ Долоресъ, и что она стояла передъ нимъ въ смущеніи. Когда они разошлись, она, къ моему великому огорченію, увидала меня, остановила и сказала:

— Ахъ, Габріэль! Прекрасный случай поговорить съ тобой наединѣ. Ты, конечно, догадываешься—о чемъ. Я все время покоилась съ той минуты, какъ арестовали...

— Ахъ, вы говорите о письмѣ, сеньора,—произнесъ я и, чтобы придать себѣ храбрости, началъ крутить мои фальшивые усы.

— Я надѣюсь, что оно не попадетъ въ чужія руки,—продолжала она.—Надѣюсь, что ты сохранилъ его и принесъ сюда, чтобы вернуть мнѣ.

— Нѣтъ, сеньора, я его не принесъ, но я его поищу... то-есть...

— Какъ! — воскликнула она въ сильномъ безпокойствѣ. — Ты потерялъ письмо?!

— Нѣтъ, сеньора... я хочу сказать... оно у меня тамъ... только я право...—бормоталъ я.

— Надѣюсь на твою скромность и честность и жду письма,—произнесла она очень серьезно.

И, не говоря ни слова больше, она повернулась и ушла въ свою уборную. Я чувствовалъ себя очень неловко и принужденъ былъ снова обратиться къ Пепѣ Гонзалесъ съ просьбою вернуть мнѣ письмо, такъ какъ мое честное имя поставлено на карту. Слушая меня, она сдѣлала удивленные глаза, потомъ засмѣялась и отвѣтила:

— Я и забыла о твоёмъ письмѣ. Право, не знаю, гдѣ оно.

Начался второй актъ, въ которомъ у меня былъ только одинъ выходъ, что дало мнѣ возможность привести въ исполненіе мой смѣлый поступокъ. Я помню, что когда Гонзалесъ читала мнѣ письмо, похищенное ею у меня, то она положила его въ карманъ платья того самаго, въ которомъ она была сегодня до начала спектакля. Теперь оно висѣло на стѣнкѣ ея уборной рядомъ съ другими платьями, шальями и мантиліями. Необходимо обыскать это платье. Пепя теперь занята, она режиссируетъ спектаклемъ и не можетъ войти въ свою комнату раньше окончанія акта. Въ моемъ распоряженіи было достаточно времени, чтобы сдѣлать обыскъ и взять силою то, что у меня отняли.

Я торопливо принялся за дѣло, но ничего не могъ найти. Я уже потерялъ всякую надежду, когда вдругъ до моего слуха долетѣлъ звукъ приближавшихся шаговъ. Боясь, чтобы моя госпожа не застала меня за такимъ предосудительнымъ дѣломъ, я спрятался за вѣшалку съ платьями. Почти въ ту же минуту въ комнату вошли Долоресъ и Исидоро, заперли за собой дверь и сѣли.

Я отлично видѣлъ ихъ изъ моей засады. Маиквесь въ костюмѣ Отелло былъ похожъ на античную статую. Темный гримъ его лица еще болѣе увеличивалъ его большіе глаза, блескъ бѣлыхъ зубовъ и выразительность чертъ. На головѣ его былъ надѣтъ бѣлый мавританскій тюрбанъ съ красными полосами, усѣянный цвѣтными фальшивыми каменьями. Вся фигура его дышала благородствомъ и достоинствомъ.

Долоресъ была въ бѣлой серебристой туникѣ. Въ ея изящной прическѣ блестѣли брилліанты чистѣйшей воды. Она была идеально хороша. Мавръ, сжавъ въ своихъ темныхъ рукахъ бѣлыя ручки Дездемоны, сказалъ:

— Здѣсь мы можемъ поговорить спокойно.

— Да, Пепа сказала намъ, что мы можемъ пройти въ ея комнату,—отвѣтила она:—но это свиданіе должно быть очень непродолжительно, потому что маркиза меня ждетъ. Ты вѣдь знаешь, что мой мужъ здѣсь.

— Всетаки, нечего такъ торопиться. Почему ты не писала мнѣ изъ Эскуриала?

— Я не могла писать,—нетерпѣливо отвѣтила она,—когда будетъ больше времени, я объясню тебѣ—почему...

— Нѣтъ, ты сейчасъ же должна отвѣтить на мой вопросъ.

— Не будь такимъ нехорошимъ. Ты вѣдь обѣщалъ мнѣ не быть грубымъ, любопытнымъ и ревнивымъ,—кокетливо сказала она.

— Это все равно, что обѣщать тебѣ не любить тебя, а я тебя люблю, Долоресъ, люблю, къ несчастью, слишкомъ сильно.

— Такъ ты ревнуешь, Отелло?—спросила она и полушутя, полусерьезно продекламировала:

«...Ты смилуешься также,
«Я никогда тебя не оскорбляла;
«Родриго я любила только тою
«Любовію, какую Богъ велить
«Питать ко всѣмъ на свѣтѣ».

— Полно шутить! Я ревную, да, я не стану скрывать этого!—воскликнулъ Маиквесь.

— Къ кому?

— И ты меня спрашиваешь? Ты думаешь, я не вижу, что этотъ дуракъ Маньяра сидитъ въ первомъ ряду и не сводитъ съ тебя глазъ!

— И на этомъ ты основываешь твою ревность? И больше ты не имѣешь никакихъ подозрѣній?

— А если бы я имѣлъ инья, то развѣ ты могла бы сидѣть передо мною такъ спокойно?

— Успокойся, сеньоръ Отелло. Знаешь ли, ты мнѣ страшенъ?

— Въ Эскуриалѣ этотъ молодой человекъ хвалился передъ всѣми, что ты его любишь, — сказалъ Исидоро, устремивъ на нее такой

пристальный взглядъ, какъ будто хотѣлъ проникнуть въ самые тайники ея души.

— Если ты будешь такъ держать себя, то я уйду сію же минуту,—не безъ смущенія произнесла она.

— Я получилъ нѣсколько анонимныхъ писемъ. Въ одномъ изъ нихъ говорилось, что этотъ молодой человѣкъ написалъ тебѣ письмо въ день своего ареста, и что ты отвѣтила ему. Во всякомъ случаѣ, я знаю, что онъ за тобой очень ухаживаетъ и бываетъ у тебя въ Мадридѣ. Не желаешь ли ты дать мнѣ на этотъ счетъ объясненія?

— Ахъ, у меня есть страшный врагъ, который, вѣроятно, и есть авторъ этихъ анонимовъ.

— Кто это?

— Я уже тебѣ какъ-то объ этомъ говорила. Это Амаранта; за ея ненавистью скрывается къ тому же гнѣвъ другой, болѣе высокой сеньоры. Всѣмъ придворнымъ дамамъ слишкомъ надоѣло быть свидѣтельницами постоянныхъ скандаловъ и непріятностей при дворѣ, потому мы и отдалились отъ трона. Я тебѣ не говорила причины этой ссоры, но теперь скажу, и не сердись, если ты услышишь имя этого Маньяра, котораго ты такъ боишься. Маньяра, кажется, сыгралъ роль библейскаго Іосифа, отказавшись отъ милостей одной сеньоры, которая теперь мститъ ему за это. Въ то же время этотъ молодой человѣкъ сталъ ухаживать за мною, и оскорбленная женщина перенесла свою ненависть на меня, хотя я и не подозрѣвала, что Маньяра меня любитъ. Я никогда не обращала вниманія на этого человѣка. Противъ меня начали страшно интриговать, отставили отъ мѣстъ рекомендованныхъ мною лицъ и всѣми силами старались погубить меня. Видя такое незаслуженное преслѣдованіе, я перешла на сторону принца Астурийскаго, предложила ему мою помощь и горжусь этимъ. Тебѣ я могу признаться въ этомъ безъ всякаго страха: долгое время я была посредницей для передачи переписки между каноникомъ Эскоиквисъ и французскимъ посланникомъ; въ моемъ домѣ они и собирались для тайныхъ конференцій. Я одна знала всѣ тайны, которыя недавно выдалъ принцъ, я знала о его проектѣ жениться на одной изъ принцессъ королевской крови, я знала, что герцогъ дель-Инфантадо ждетъ только письменной резолюціи Фердинанда, чтобы свергнуть съ престола короля... словомъ, я знала все.

— То, что ты мнѣ говоришь, кажется мнѣ невѣроятнымъ,—сказалъ Исидоро.—Если это справедливо, то почему же тебя открыто не преслѣдуютъ, почему тебя освободили черезъ полчаса послѣ ареста?

— Я знала, что меня не тронуть. Я уже, кажется, рассказывала тебѣ, что когда короли примирились съ Годоемъ и вторично призвали его ко двору, то на меня были возложены всѣ переговоры. Я знаю такія тайны, обнаруженіе которыхъ страшно пу-

гаеть нѣкоторыхъ личностей. Въ моихъ рукахъ есть очень важные документы и письма, компрометирующіе кое-кого. Это было лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Амаранта уже годъ вдовѣла, когда я совершенно неожиданно узнала тайну ея молодости, которую рассказала мнѣ одна незнакомая женщина, жившая тогда въ окрестностяхъ Мансанареса. Я тебѣ рассказывала объ этомъ, да это ни для кого и не тайна. До выхода замужъ за графа, Амаранта была безумно влюблена въ одного молодого человѣка и имѣла отъ него дочь; я даже не знаю, жива ли она...

— Ты мнѣ никогда этого не рассказывала.

— Родители Амаранты постарались скрыть ея позоръ; ея возлюбленный принадлежалъ къ одной изъ знатныхъ фамилій Кастиліи. Онъ служилъ въ Мадридѣ и бѣжалъ во Францію, гдѣ и былъ убитъ во время революціи.

— Ты мнѣ рассказала интересную новеллу, — замѣтилъ Исидоро: — но ты слишкомъ отдалилась отъ нашего первоначальнаго разговора. Въ концѣ концовъ, ты призналась только въ томъ, что Маньяра ухаживалъ за тобою.

— Да, но я никогда не отвѣчала ему на его увлеченіе; онъ не существовалъ для меня. Твоя ревность сдѣлаетъ то, что теперь я обращу на него вниманіе.

— Ты меня не проведешь, нѣтъ; я имѣю доказательства, что ты любишь этого человѣка. О, если мои подозрѣнія оправдаются!.. Я вѣдь знаю, что ты превосходная актриса!

— Ты совершенно неосновательно не довѣряешь мнѣ.

— Нѣтъ, лучше не пытайся оправдываться и запутать меня. Ты увѣряешь, что не обращаешь на него никакого вниманія, а между тѣмъ, нѣсколько минутъ тому назадъ, я видѣлъ собственными глазами, что во время сцены въ сенатѣ ты глядѣла на него и даже сдѣлала ему какой-то знакъ.

— Я? Да ты съ ума сошелъ! Ахъ, ты ничего не знаешь! Мой мужъ пріѣхалъ сегодня, чтобы присутствовать на этомъ спектаклѣ, и коварная Амаранта сидитъ рядомъ съ нимъ и что-то нашептываетъ ему. Если ты замѣтилъ, что я гляжу на публику, то я дѣлаю это потому, что меня очень беспокоитъ разговоръ Амаранты съ моимъ мужемъ. Боюсь, что она и ему послала также какой-нибудь анонимъ. Его холодность и сдержанность говорятъ мнѣ, что онъ также что-то подозрѣваетъ.

— Вотъ видишь!.. И не безъ основанія.

— Да, потому что онъ ревнуетъ къ тебѣ.

— Нѣтъ... нѣтъ! — воскликнулъ Исидоро. — Не искажай фактовъ! Ты любишь Маньяра; при всей твоей изворотливости ты не выбьешь этой мысли изъ моей головы. А этотъ дуракъ радуется, когда тебя осыпаютъ аплодисментами, потому что его самолюбію льститъ, что его любитъ такая превосходная артистка. Нѣтъ, я не хочу,

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

